

A black and white photograph showing a vast formation of soldiers in a field, viewed from behind. They are wearing helmets and carrying gear, stretching far into the distance. In the background, the Reichstag building is visible under a clear sky.

АДАМ ТУЗ

ЦЕНА РАЗРУШЕНИЯ

Создание и гибель
нацистской экономики

ЦЕНА РАЗРУШЕНИЯ

Adam Tooze

The Wages of Destruction

The Making and Breaking of
the Nazi Economy

Адам Туз

Цена разрушения

Создание и гибель
нацистской экономики

Перевод с английского
Николая Эдельмана
под научной редакцией
Артема Космарского

Второе издание, исправленное

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНСТИТУТА ГАЙДАРА
МОСКВА • 2019

УДК 94(430).086
ББК 65.9(4Гем)
Т81

Туз, А.

Т81 Цена разрушения. Создание и гибель нацистской экономики/
пер с англ. Н. Эдельмана; под науч. ред. А. Космарского. — Второе изд.,
исправленное. — М.: Издательство Института Гайдара, 2019. — 864 с.

ISBN 978-5-93255-543-9

Ключевое место во всех описаниях Второй мировой войны занимало представление о нацистской Германии как о неукротимом монстре, опиравшемся на высоко индустриализованную экономику. Но что, если на самом деле все было совсем по-иному? Что, если корни европейской трагедии XX века скрывались не в силе Германии, а в ее слабости?

Из-под пера Адама Туза вышло первое за поколение радикально новое описание Второй мировой войны. Автор добился этого, уделив ключевое внимание экономике, наряду с расовыми отношениями и политикой. Принципиальную роль в мировоззрении Гитлера играло интуитивное понимание глобальных экономических реалий. Он догадывался, что относительная бедность Германии в 1933 г. была обусловлена не только Великой депрессией, но и ограниченностью территории и естественных ресурсов страны. Он предвидел становление нового, глобализованного мира, в котором Европа будет задавлена сокрушительной мощью Америки. Оставался последний шанс: европейское сверхгосударство во главе с Германией.

Однако глобальный баланс экономической и военной силы с самого начала складывался совершенно не в пользу Гитлера, и именно с целью предупредить эту угрозу с Запада он бросил свои недооснащенные армии на беспрецедентное и в конечном счете обернувшееся крахом завоевание Европы. Даже летом 1940 г., в момент величайших триумфов Германии, Гитлеру все равно не давала покоя нависающая над миром угроза англо-американского воздушного и морского господства, за которым, по его убеждению, стоял всемирный еврейский заговор. Как только вермахт вступил на территорию СССР, война быстро превратилась в битву на истощение, не оставлявшую Германии надежд на победу. Из-за нежелания Гитлера, Альберта Шпеера и прочих признать это, Третий рейх был уничтожен ценой десятков миллионов жизней.

В книге Адама Туза читатель найдет захватывающий и ужасающий рассказ о потрясающих событиях, который заставляет нас новыми глазами посмотреть на нацистскую Германию и Вторую мировую войну.

THE WAGES OF DESTRUCTION

Copyright © 2006, Adam Tooze

All rights reserved

© Издательство Института Гайдара, 2019

ISBN 978-5-93255-543-9

Содержание

Предисловие · 15

1. Введение · 25

ЧАСТЬ I. ВОССТАНОВЛЕНИЕ

2. «Каждому трудящемуся — по рабочему месту» · 71

3. В отрыв · 107

4. Партнеры: нацистский режим и немецкий бизнес · 145

5. Низкобюджетная Volksgemeinschaft · 192

6. Спасение крестьянства · 230

ЧАСТЬ II. ВОЙНА В ЕВРОПЕ

7. 1936: четыре года до войны · 273

8. На пути к катастрофе · 324

9. 1939: Ожидание ничего не даст · 375

10. Игра ва-банк: первая военная зима · 425

11. Победа на Западном фронте — Sieg im Westen · 476

12. Британия и Америка: стратегическая дилемма Гитлера · 510

ЧАСТЬ III. МИРОВАЯ ВОЙНА

13. Подготовка к двум войнам сразу · 551

14. Большая стратегия расовой войны · 590

15. Декабрь 1941 года: поворотный момент · 620

16. Труд, питание и геноцид · 653

17. Альберт Шпеер: «Чудотворец» · 699

18. Сомнениям нет места · 747

19. Распад · 790

20. Конец · 828

Приложение · 851

Графики и диаграммы

- Рис. 1. Безработица в Германии в границах до 1938 г. · 84
- Рис. 2. Снижение золотых и валютных резервов Рейхсбанка · 114
- Рис. 3. Торговый баланс под давлением: импорт и экспорт по месяцам · 115
- Рис. 4. Разрыв в конкурентоспособности: цена отказа от девальвации · 119
- Рис. 5. Однобокое восстановление экономики Третьего рейха: производство тканей и средств производства · 141
- Рис. 6. Норма прибыли в немецкой промышленности, 1925–1941 гг. · 159
- Рис. 7. 42 года развития немецкой экономики при взгляде из 1933 г. · 205
- Рис. 8. Промышленные и сельскохозяйственные цены в Германии и в мире, 1929–1938 гг. · 266
- Рис. 9. Инфляционный дисбаланс между потребностями в финансах и доступными средствами с точки зрения современников · 341
- Рис. 10. Производство боеприпасов, 1937–1939 гг. · 399
- Рис. 11. Прогнозы по производству боеприпасов в Германии, представленные Гитлеру в июле 1939 г. · 411
- Рис. 12. Ввоз промышленного сырья в Германию · 433
- Рис. 13. Reichsbahn: работа в условиях перегрузок · 447
- Рис. 14. Производство вооружений в Германии, сентябрь 1939 — декабрь 1941 г. · 453
- Рис. 15. «Тихое финансирование» в действии · 461
- Рис. 16. Связь между добычей угля и производством стали: Франция, 1910–1944 · 537
- Рис. 17. Численность рабочей силы и производство вооружений · 563
- Рис. 18. Инвестиционный бум военного времени: основной капитал немецкой промышленности · 567
- Рис. 19. Ежемесячные безвозвратные потери вермахта на Восточном фронте, июнь 1941 — декабрь 1944 г. · 655
- Рис. 20. Производство боеприпасов и объемы выделявшейся на это стали · 729
- Рис. 21. Освоение производства Bf-109 на заводе Messerschmitt в Регенсбурге · 739
- Рис. 22. Конец «оружейного чуда»: два года производства вооружений при Шпеере · 759

Таблицы

- Таблица 1. Зарубежные займы: обязательства Германии по внешним долгам на весну 1931 года · 33
- Таблица 2. Статистика экономического роста в нацистской Германии · 103
- Таблица 3. Положение Германии в мировой экономике в 1930-х годах · 194
- Таблица 4. Сельская рабочая сила и земля · 242
- Таблица 5. Четырехлетний план: предполагаемые объемы расходов · 302

- Таблица 6. Каучук и железная руда: два приоритета Четырехлетнего плана · 303
- Таблица 7. «Демократические океаны»: расходы на ВМФ ведущих держав мира · 333
- Таблица 8. Профессиональный состав рабочей силы Германии в 1933 и 1938 годах · 347
- Таблица 9. Новый мировой порядок? · 495
- Таблица 10. «Горе побежденным» · 507
- Таблица 11. Друзья познаются в беде: мобилизация внутренних и внешних ресурсов в Великобритании и Германии · 524
- Таблица 12. Хрупкий угольный баланс в «большом пространстве» · 535
- Таблица 13. Балансовая ведомость MONTAN GmbH, 1938–1943 годы: инвестиции германской армии в промышленность · 568
- Таблица 14. Предполагаемое распределение населения согласно *Generalplan Ost* · 601
- Таблица 15. Предполагаемые инвестиционные приоритеты согласно *Generalplan Ost* (в варианте, предложенном весной 1942 года) · 606
- Таблица 16. Экономика рабского труда · 679
- Таблица 17. Производство вооружений по отношению к экономическому потенциалу: союзники и страны Оси, 1942–1944 годы · 810
-
- Таблица А1. Текущий счет: зависимость Германии от иностранных ресурсов · 853
- Таблица А2. Производство важнейших видов сырья в пределах границ Германии до 1938 года · 854
- Таблица А3. Ежемесячная выплавка и распределение стали в Германии, 1937–1944 годы · 856
- Таблица А4. Оснащение вермахта вооружением · 858
- Таблица А5. Снабжение Германии зерном, 1932–1944 годы · 860
- Таблица А6. Индекс производства вооружений в министерстве Шпеера · 861

Часто используемые сокращения

AEG: Allgemeine Elektrizitäts Gesellschaft
BAL: Bundesarchiv Lichterfelde (федеральный архив в Лихтерфельде)
Brabag: Braunkohlenbenzin AG
DAF: Deutsche Arbeitsfront (Германский трудовой фронт)
DKE: Deutsche Kleinempfänger («Немецкий малый радиоприемник»)
GM: General Motors
IMT: International Military Tribunal (Международный военный трибунал)
KdF: Kraft durch Freude («Сила через радость»)
RKfF: Рейхскомиссар по охране германской расы (Reichskommissar für die Festigung deutschen Volkstums)
RVE: Стальная ассоциация Рейха (Reichsvereinigung Eisen)
RWE: Rheinisch-Westfälische Elektrizitätswerke (энергетическая компания «Электростанции Рейна-Вестфалии»)
VE: Volksempfänger («Народный радиоприемник»)
Vestag: Vereinigte Stahlwerke (промышленный конгломерат «Объединенные сталелитейные заводы»)
ИЗС: Имперское земельное сословие (Reichsnährstand)
НЛП: Национально-либеральная партия (DVP)
НННП: Немецкая националистическая народная партия (DNVP)
НСДАП: Национал-социалистическая немецкая рабочая партия (NSDAP)
ОКВ: Верховное главнокомандование вермахта (OKW)
ППС: Паритет покупательной способности
РМА: Рейхсминистерство авиации
РМФ: Рейхсминистерство финансов
РМЭ: Рейхсминистерство экономики
РСХА: Главное управление имперской безопасности (Reichssicherheitshauptamt)
СА: Штурмовые отряды (Sturmabteilungen)
СД: Служба безопасности (Sicherheitsdienst)

В примечаниях используются следующие сокращения для наиболее часто цитируемых вторичных работ:

Domarus: M. Domarus (ed.), Adolf Hitler: Reden und Proklamationen, 1931–1945 (Munich, 1965), 2 vols.
DRZW: Das deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg (Stuttgart, 1979–), 9 vols.
Eichholtz: D. Eichholtz, Geschichte der deutschen Kriegswirtschaft 1939–1945 (Berlin, 1969–96), 3 vols.
Weinberg, Foreign Policy I: G. L. Weinberg, The Foreign Policy of Hitler's Germany: Diplomatic Revolution in Europe, 1933–1936 (Chicago, 1970).
Weinberg, Foreign Policy II: G. L. Weinberg, The Foreign Policy of Hitler's Germany: Starting World War II, 1937–1939 (Chicago, 1980).

Важные собрания опубликованных документов обозначены следующими сокращениями:

ADAP: Akten zur deutschen auswärtigen Politik, ser. D. (Baden-Baden, 1950–57)
DGFP: Documents on German Foreign Policy, ser D. (London, 1962–4)
IMT: International Military Tribunal, Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal, Nuremberg 14 November 1945–1 October 1946 (Nuremberg, 1949), 42 vols
Meldungen: H. Boberach (ed.), Meldungen aus dem Reich 1938–1945: Die geheimen Lageberichte des Sicherheitsdienstes der SS (Herrsching, 1984), 17 vols

В ссылках на архивные источники используются следующие сокращения:

BAH: Bundesarchiv, филиал в Хоппегартене
BAL: Bundesarchiv, филиал в Лихтерфельде
BAMA: Bundesarchiv, Militärarchiv, Фрайбург
NA: National Archive, Вашингтон
PRO: Public Record Office (Национальный архив, Великобритания)
ЦГОО: Центральный государственный особый архив, Москва

Другие используемые сокращения:

GG: Geschichte und Gesellschaft
HWJ: History Workshop Journal
HZ: Historische Zeitschrift
IfK: Institut für Konjunkturforschung
IWM: Imperial War Museum
JbW: Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte
MGМ: Militärgeschichtliche Mitteilungen
vfz: Vierteljahresshefte für Zeitgeschichte
VWSG: Vierteljahresschrift für Wirtschafts- und Sozialgeschichte
VzK: Vierteljahresshefte zur Konjunkturforschung

Благодарности

Эта книга не была бы написана, если бы не четыре человека. Весной 2000 г. Ричард Овери сообщил мне о том, что в издательстве *Penguin* хотят, чтобы кто-нибудь занялся этим проектом. Саймон Уиндер нашел время для того, чтобы приехать в Кембридж и обсудить эту работу на ее ранних этапах. Джон Корнуэлл помог мне связаться с Клэр Александер и прочел один из первых черновиков заявки. Клэр выработала окончательные условия соглашения. Перед каждым из них я нахожусь в огромном долгу. Несмотря на то, что, в частности, Ричард может и не быть согласен со всеми выводами, к которым я прихожу в этой книге, тем не менее надеюсь, что предоставление издательству готовой рукописи в какой-то мере оправдывает их веру в меня.

Начиная с 1996 г. в моей жизни едва ли был хоть один день, когда бы я не ощущал, как мне повезло получить работу в Кембриджском университете и Колледже Иисуса. Это одно из последних мест в мире, в которых научная жизнь по-прежнему доставляет практически безоговорочное удовольствие. Мне бы хотелось поблагодарить сам университет, его библиотекарей, мой факультет, моих коллег по Колледжу Иисуса и его главу за создание столь замечательного места для работы и предоставление мне двух отпусков для написания данной книги. Если бы не благожелательное отношение со стороны коллег по факультету и колледжу, мои достижения были бы намного более скромными.

В 2002 г. мне крайне повезло получить Премию Левехьюма по современной истории. Я глубоко признателен руководству фонда Левехьюма за эту поддержку и все блага, которые ей сопутствуют. Мое имя в список соискателей внес Мартин Донтон, и я благодарен ему за это и вообще за его энергичную и дружескую поддержку.

Довольно неожиданно я провел большую часть 2004/2005 учебного года в Университете Иллинойса в сопровождении жены, получившей там стипендию. Должен признать, что мысль о таком переезде на критическом этапе работы над рукописью

этой книги вызывала у меня чувство, близкое к ужасу. К счастью, благодаря Бекки, отлично все организовавшей, эти страхи оказались совершенно беспочвенными. Трудно вообразить себе научную среду, которая бы сильнее способствовала расслабленному труду. Мне бы хотелось поблагодарить исторический факультет Университета Иллинойса и его замечательную библиотеку за их гостеприимство. Питер Фрицше в качестве декана факультета всячески облегчал мне жизнь и позаботился о том, чтобы у меня было место для работы. Марк Микале и Тамара Мэтесон любезно предоставили мне свои кабинеты. Также я благодарен Максу Эдельсону и Марку Леффу за дружбу и интеллектуальное поощрение моих трудов. Кэти Чебула оказала мне бесценное содействие в качестве редактора. Однако в первую очередь хочу поблагодарить наших несравненных друзей Крэйга Кослофски и Дэну Рабин и их чудесных детей Иону и Иви, без которых наше пребывание в Урбане было бы невозможным как в эмоциональном, так и в практическом плане.

Благодаря электронной почте наше продолжительное пребывание на Среднем Западе не привело к перерыву в дискуссиях с друзьями и коллегами из Великобритании, Франции и Германии. На протяжении последних лет я работал в тесном контакте с Бернардом Фульдой, который первым прочел готовую рукопись и являлся для меня источником бесценной поддержки и отзывов. Его помощь сыграла решающую роль в ходе эволюции моих идей в 2003–2004 гг. В начале 2005 г. мне чрезвычайно повезло получить в читатели Дэвида Рейнольдса. Его с полным правом можно назвать идеальным читателем — оперативным, внимательным, обладающим обширными познаниями и способным на конструктивную критику. Его замечания оказали большое влияние на облик данной книги. Третьим моим коллегой, прочитавшим всю рукопись, стал Мартин Иванов (Академия наук, София). Я чрезвычайно благодарен ему за проницательную критику и в высшей степени доволен нашим сотрудничеством в течение последних двух лет. Кроме того, мне хочется поблагодарить Мэтта Иннисса, при своей напряженной работе в Казначействе Ее Величества сумевшего выкроить время для того, чтобы прочесть рукопись, и организовавшего для меня восхитительные экскурсии в жизнь за пределами научных сфер.

В число других моих друзей и коллег, прочитавших значительные порции рукописи, входят Франческа Карневали, Крис Кларк, Дебора Коэн, Бекки Конекин, Джо Майоло, Ральф Рихтер, Кристиано Ристучча, Джонас Шемер и Зара Стейнер. Выражаю всем им громадную благодарность.

Одно из больших удовольствий, связанных с работой над данным проектом, заключалось в выпавшей мне возможности диалога с немецкими коллегами. За беседы, отклики и содействие в получении материалов из Германии я чрезвычайно благодарен Ральфу Банкену, Кнуту Борхардту, Кристофу Буххайму, Михаэлю Эби, Эмануэлю Гейзенбергу, Ульриху Хенслеру, Яну Отмару Гессе, Рольфу-Дитеру Мюллеру, Вернеру Плумпе, Альфреду Рекендреесу, Альбрехту Ритшлю, Михаэлю Шнайдеру, Марку Шпереру, Сибилле Штайнбахер и Йохену Штребу. О том, сколь многим я обязан этим исследователям, свидетельствуют десятки примечаний в тексте книги. Личные контакты во время конференций, а также с помощью бумажной переписки и электронной почты лишь увеличивают мой долг.

Особую благодарность я хочу выразить Деборе Коэн за ее содействие в получении абсолютно бесценных материалов из Библиотеки Конгресса в Вашингтоне.

На протяжении пяти последних лет различные элементы аргументации, приведенной в этой книге, терпеливо выслушивались и обсуждались аудиториями семинаров в Кембридже, Ковентри, Франкфурте, Манчестере, Мангейме, Мюнхене, Оксфорде, Париже, Филадельфии, Софии и Урбане-Шампейн. Я особенно благодарен за замечания Тео Болдерстона, Джефффри Фира, Питера Фрицше, Марка Харрисона, Крэйга Кослофски, Алана Майлуорда, Авнера Оффера, Дэна Раффа, Ника Старгардта и Джонатана Стейнберга.

Подобно всем, кто изучает историю Германии, я нахожусь в огромном долгу перед персоналом различных отделов немецкого Федерального архива. Кроме того, мне хотелось бы поблагодарить персонал Национального архива в Кью и Имперского военного музея, но в первую очередь — Стивена Уолтона, который в качестве архивиста является настоящей находкой для историка.

За гостеприимство, оказывавшееся мне во время моих архивных визитов, я хочу поблагодарить своего старого друга Якоба Фогеля и старых и новых друзей из пестрой толпы домоладцев Бригитты Фогель и Мартина Янотты. Из числа других старых берлинских друзей я крайне благодарен Даниэлю Хефлеру, обеспечившему мне внезапную и весьма неожиданную рекламу в рамках дискуссии между Али и Тузом в разделе рецензий газеты *Die Tageszeitung* (TAZ).

Саймон Уиндер неизменно оказывал мне редакторскую поддержку, подбадривая меня ровно тогда, когда это требовалось. Как и многие мои коллеги, я нахожусь перед ним в огромном долгу. Мне бы хотелось поблагодарить его и всех других сотруд-

ников издательства *Penguin* — в первую очередь Клоуи Кэмпбелл, — максимально сгладивших процесс издания настоящей книги. Кроме того, мне хочется высказать сердечную благодарность и в адрес Элизабет Стрэтфорд, моего дотошного и чрезвычайно терпеливого литературного редактора. При ответах на многочисленные вопросы и замечания Элизабет мне оказывала бесценное содействие Розанна Шарки, без чьей помощи, которую я получал как за компьютером, так и дома, мне было бы трудно пережить осенний триместр 2005 г.

Мне было бы невозможно представить себе жизнь без моей жены Бекки Конекин. Я в высшей степени благодарен ей за то, что она уже столько времени терпит мое общество. Мое чувство собственного «я» слишком тесно завязано на наши взаимоотношения и повседневное партнерство, чтобы я мог считать книгу — даже столь большую и значимую для меня лично, как эта, — чем-то большим, чем часть того единого целого, которое держится на Бекки. Я глубоко благодарен ей за это и рад, что эта книга не является чем-то отдельным, а находится в обрамлении многих других вещей в нашей жизни: первой книги Бекки и многих других ее начинаний, нашего нового дома и, в первую очередь, воспитания нашей дочери Эдит-Элизабет, света наших с женой очей. В качестве восхитительно самоуверенной дошкольницы Эди проявляет здоровый скепсис по отношению ко всем увлечениям своего папочки. Можно лишь надеяться на то, что ее поколение будет в меньшей мере ощущать на себе тяжесть тех ужасных событий, чем те, кто родился на протяжении нескольких коротких десятилетий после 1945 г. Однако мое призвание — оглядываться в прошлое, и эта книга посвящается моим бабушке и деду со стороны матери, Пегги Уинн и покойному Артуру Уинну, двум людям, прожившим буквально весь XX век, в поразительной степени проявляя устойчивое и страстное чувство сопричастности к его событиям. Их щедрость, гостеприимство, любопытство и энергичная интеллектуальная и практическая активность вдохновляли меня на протяжении всей моей жизни. Это посвящение — лишь скромный знак ощущаемого мной в их отношении восхищения и благодарности.

Предисловие

КАК ЭТО стало возможно? В 1938 г. Третий рейх вовлек Германию во вторую на протяжении менее чем одного поколения кампанию завоевания и разрушений. Поначалу гитлеровский вермахт, лучше подготовленный и более агрессивный, чем кайзеровские армии, казался неудержимым. Но по мере того как Гитлер шел от победы к победе, число его врагов множилось. Во второй раз за XX век попытка Германии покорить весь европейский континент встретила с непреодолимым сопротивлением. К декабрю 1941 г. Третий рейх воевал уже не только с Британской империей и Советским Союзом, но и с Соединенными Штатами. Война затянулась еще на три года и пять месяцев, но в конце концов Гитлер потерпел еще более катастрофическое поражение, чем то, что выпало на долю кайзера. Германия вместе с обширными пространствами в остальной части Восточной и Западной Европы лежала в руинах. Польша и западные территории Советского Союза были буквально выпотрошены. Франция и Италия находились в опасной близости от гражданской войны. Потрясения, которым подверглись колониальные империи — Великобритания, Франция и Нидерланды, — сделали невозможным их сохранение. Наконец, после того, как мир узнал о чудовищных актах геноцида, совершенных национал-социалистическим режимом, то превосходство, на которое уверенно претендовала европейская цивилизация, навсегда оказалось под вопросом. Как все это стало возможно?

Люди сами делают свою историю. В конечном счете отправной точкой для любого рассказа о нацистской Германии должна стать человеческая воля — как индивидуальная, так и коллективная. Если мы хотим разобраться в ужасных деяниях Третьего рейха, то должны понять мотивы тех, кто их совершил. Нам следует серьезно относиться к Адольфу Гитлеру и его сторонникам. Мы обязаны проникнуть в их сознание и проследить мрачные хитросплетения их идеологии. Недаром биографии — как отдельных лиц, так и целых коллективов — представляют собой один из самых поучительных способов изучения

Третьего рейха. Но если верно то, что «Люди сами делают свою историю», то верно и то, что, как выразился Карл Маркс, «они ее делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого»¹.

Каковы же эти обстоятельства? Тех, кто считает Маркса сторонником примитивного экономического детерминизма, может удивить, что он продолжил этот знаменитый афоризм не рассуждениями о способе производства, а словами о том, что «Традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых». И как раз в те моменты, когда исторические деятели «как будто только тем и заняты, что переделывают себя и окружающее», «они боязливо прибегают к заклинаниям, вызывая к себе на помощь духов прошлого, заимствуют у них имена, боевые лозунги, костюмы, чтобы в этом освященном древностью наряде <...> разыгрывать новую сцену всемирной истории». Гитлер и его подручные, несомненно, жили именно в таком придуманном ими самими мире. И потому неслучайно в последних работах о Третьем рейхе упор делается на политику и идеологию. Культурные кризисы, через которые прошла Европа в начале XX в., вакуум, оставленный секуляризационными тенденциями конца XIX в., неслыханные ужасы Первой мировой войны — всему этому должен уделить пристальное внимание любой, кто серьезно намерен осмыслить скрытые мотивы национал-социализма. Как иначе мы можем понять режим, сделавший своей главной задачей уничтожение европейского еврейства, — цель, явно лишенную каких-либо экономических оснований, проект, в суть которого, по-видимому, можно проникнуть в лучшем случае лишь с точки зрения кровавой теологии искупительного очищения?²

Поворот к культуре и идеологии в сфере изучения фашизма навсегда преобразил наши представления о Гитлере и его режиме. Сейчас это трудно себе представить, но еще не так давно историки сплошь и рядом отмахивались от *Mein Kampf* как от исторического источника и считали вполне оправданным видеть в Гитлере не более чем очередного действующего по обстоятельствам империалиста. Эти дни остались в прошлом. Благодаря усилиям двух поколений историков сейчас мы намного лучше понимаем, каким образом нацистская идеология обуславливала мысли и действия нацистского руководства и немецкого об-

1. Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. Т. 8. М.: Госполитиздат, 1957. С. 119.

2. M. Burleigh, *The Third Reich: A New History* (London, 2000).

щества в целом. Но в то время как мы старательно распутывали главную идеологическую и политическую нить гитлеровского режима, в относительном забвении пребывали другие важные «пряди» истории. Что самое главное, историки в большинстве своем не уделяли должного внимания экономике и даже игнорировали ее значение. В какой-то мере это делалось сознательно. Однако маргинализация экономической истории отчасти произошла по ее же вине. Статистическая терминология, представляющая собой язык многих работ по истории экономики, непонятна для читателей-гуманитариев, и при этом обе стороны предпринимали слишком мало усилий для того, чтобы преодолеть эту проблему. Но может быть, за неприязнью к социально-экономическому анализу в первую очередь стояло ощущение скуки, впечатление, что на эту тему просто больше нечего сказать и что ответ на все главные вопросы дали первые два поколения работавших после 1945 г. историков и обществоведов, осветивших такие темы, как нацистское восстановление народного хозяйства и история военной экономики.

В итоге мы имеем историографию, движущуюся на двух скоростях. В то время как наши представления о расовой политике режима и процессах, шедших в немецком обществе при национал-социализме, за последние двадцать лет претерпели трансформацию, экономическая история этого режима в основном топталась на месте. Цель настоящей книги — дать начало длительному и запоздалому процессу пересмотра устоявшихся концепций. Ради этого здесь произведена переоценка архивных и статистических фактов, многие из которых не подвергались сомнению на протяжении последних шестидесяти лет. Данные факты рассматриваются в свете новейших исследований, проделанных как историками Третьего рейха, так и экономическими историками, изучавшими динамику межвоенной экономики. Наконец, книга ставит вопрос о том, какой свет экономика проливает на некоторые ключевые проблемы истории гитлеровского режима. Как трещины в глобальной расстановке сил, созданные Великой депрессией 1929–1932 гг., позволили гитлеровскому правительству оказать такое серьезное влияние на мировую политику? Как были связаны друг с другом поразительные имперские амбиции Гитлера и его сторонников — и своеобразная ситуация, в которой находились немецкая экономика и общество в 1920-е и 1930-е гг.? Какой вклад внесли внутренние и международные экономические трения в стремление Гитлера к войне в 1939 г. и в его дальнейшие неустанные попытки расширить масштабы военных действий? Когда и как Третий рейх пришел к стратегии блицкрига, воспринимаемого

широкими кругами как ключ к его ярким успехам во Второй мировой войне? Каким образом после краха стратегии блицкрига под Москвой в декабре 1941 г. Третьему рейху почти три с половиной года удалось продолжать войну в условиях ошеломляющего материального перевеса противников? И как мы должны относиться к Альберту Шпееру? В последние годы этой личности уделялось исключительно много внимания, хотя — и это, несомненно, служит символом нашей эпохи — на первом плане находилась не важнейшая роль Шпеера как министра вооружений, а вопросы, связанные с его позицией архитектора Гитлера, личной причастностью Шпеера к холокосту и предпринимавшимися им после 1945 г. мучительными попытками как-то примириться с истиной. Настоящая книга представляет собой первое за 60 лет подлинно критическое описание состояния немецкой военной экономики при Шпеере и его предшественниках и проливает новый яркий свет на его роль в сохранении жизнеспособности Третьего рейха вплоть до кровавого финала. Ведь лишь путем дальнейшего изучения экономических основ Третьего рейха, рассмотрения земельного, продовольственного и трудового вопросов мы сможем в полной мере проникнуть в суть поразительного процесса кумулятивной радикализации режима, самым ошеломляющим проявлением которого служил холокост.

Соответственно, первая цель настоящей книги состоит в том, чтобы вернуть экономике ключевое место в наших представлениях о гитлеровском режиме. Это будет сделано с помощью экономического нарратива, который придаст смысл составленной на протяжении последнего поколения политической истории этого режима и послужит для нее основой. Однако не менее злободневна и необходимость привести наше понимание экономической истории Третьего рейха в соответствие с процессом скрытого, но глубокого пересмотра истории европейской экономики, идущим с конца 1980-х гг., но до сих пор по большей части никак не проявившимся в основном направлении германской историографии.

Едва ли будет преувеличением сказать, что исследователи немецкой истории XX в. делят по крайней мере одну общую отправную точку: представление об исключительной мощи немецкой экономики. Когда Гитлер пришел к власти, Германия, несомненно, находилась в тисках глубокого экономического кризиса. Но общим местом работ по европейской истории XX в. стала идея Германии как «спящей» экономической сверхдержавы, по своему потенциалу сопоставимой лишь с США. При всех спорах о том, была ли немецкая политическая культу-

ра отсталой или нет, идея о том, что немецкая экономика была чрезвычайно модернизированной, обычно не подвергается сомнению. Эта идея задает рамки большинства работ по социальной истории Германии, а также лежит в основе описаний германского империализма во внешнеполитической сфере. Более того, представление о германском экономическом превосходстве настолько авторитетно, что оно повлияло на изложение истории не только Германии, но и других стран. На протяжении большей части XX в. именно с Германией сопоставлялись Великобритания, Франция, Италия и даже США.

При взгляде из начала XXI в. становится ясно, что начинать нужно именно с пересмотра этой идеи. И то, что европейцы извели в своей жизни с начала 1990-х гг., и технические труды последнего поколения экономистов и историков экономики если не разрушили, то поколебали миф о необычайном превосходстве Германии в сфере народного хозяйства. Основным содержанием европейской экономической истории XX в. оказалось последовательное приближение к норме, которая на протяжении большей части данного периода задавалась не Германией, а Великобританией, уже к 1900 г. представлявшей собой первое в мире полностью индустриализованное и урбанизированное общество. Более того, до 1945 г. Великобритания была не просто европейской страной, а крупнейшей глобальной империей в мировой истории. В 1939 г., когда началась война, совокупный ВВП Британской и Французской империй превосходил общий ВВП Германии и Италии на 60%. Разумеется, идея о присущем Германии экономическом превосходстве была не просто плодом исторического воображения. В Германии еще с конца XIX в. существовал целый ряд передовых промышленных компаний. Такие марки, как *Krupp*, *Siemens* и *IG Farben*, наделяли содержанием миф об индустриальной непобедимости Германии. Однако в целом немецкая экономика слабо отличалась от средней по Европе: в 1930-х гг. национальный доход на душу населения был в Германии не особенно высоким; его можно сопоставить с национальным доходом в современном Иране или ЮАР. Стандарты потребления у большей части немецкого населения были скромными, и в этом плане Германия отставала от большинства своих западноевропейских соседей. При Гитлере Германия оставалась лишь частично модернизированным обществом, в котором более 15 млн человек зарабатывали на жизнь традиционными ремеслами или были заняты в крестьянском сельском хозяйстве.

В качестве ярчайшей черты экономической истории XX в. сегодня нас поражает не необычайное экономическое домини-

рование Германии или какой-либо иной европейской страны, а отступление «старого материка» в тень ряда новых экономических держав — в первую очередь США. В 1870 г., к моменту объединения германской нации, США и Германия имели примерно одинаковую численность населения, а совокупный объем производства американской экономики, несмотря на чрезвычайное изобилие земли и различных ресурсов, лишь на треть превышал немецкий. К началу Первой мировой войны американская экономика своими масштабами примерно вдвое превосходила экономику Германской империи. К 1943 г., перед тем как воздушные бомбардировки достигли полного размаха, объемы производства в США превышали соответствующие показатели Третьего рейха почти в четыре раза.

Таким образом, мы вступаем в XXI век с иным представлением об истории, нежели то, сквозь призму которого в течение почти всего последнего столетия обычно освещалась история Германии. С одной стороны, мы четче осознаем действительно исключительное положение США в современной глобальной экономике. С другой стороны, общеевропейский опыт «конвергенции» диктует нам однозначно более реалистичную оценку экономической истории Германии. Принципиальное и, возможно, наиболее радикальное утверждение настоящей книги сводится к тому, что эти не связанные друг с другом сдвиги в нашем восприятии истории требуют переосмысления истории Третьего рейха — переосмысления, которое несколько неприятным образом делает историю нацизма более внятной и едва ли не до жути близкой нам и в то же самое время еще рельефнее выявляет ее принципиальную идеологическую иррациональность. История экономики подает в новом свете как мотивы гитлеровской агрессии, так и причины ее краха — собственно говоря, причины ее неизбежного краха.

В обоих отношениях ключом к нашему пониманию Третьего рейха служит Америка. Пытаясь объяснить поспешность развязанной Гитлером агрессивной войны, историки недооценивали, насколько остро он осознавал ту угрозу для Германии и для всех прочих европейских держав, которую скрывало в себе становление США в качестве доминирующей глобальной сверхдержавы. Гитлер на основе текущих экономических тенденций уже в 1920-х гг. предсказывал, что у европейских держав осталось всего несколько лет для того, чтобы сплотиться ради противостояния этому неизбежному исходу. Более того, Гитлер осознавал уже ощущавшуюся европейцами непреодолимую привлекательность образа жизни богатых американских потребителей — привлекательность, чью силу мы в состоянии живо

себе представить, с учетом того, что мы более четко понимаем общий переходный статус европейских экономик в межвоенный период. Подобно населению многих нынешних полупериферийных экономик, жители Германии в 1930-е гг. уже целиком погрузились в потребительский мир Голливуда, но в то же время миллионы людей жили по три-четыре человека в комнате, не имея ни ванных комнат, ни электричества. Автомобили, радиоприемники и прочие атрибуты современной жизни — такие как бытовые электроприборы — были доступны лишь элите общества. Оригинальность национал-социализма заключалась в том, что Гитлер, вместо того чтобы смириться с местом, занимаемым Германией в глобальной экономической системе с ее доминированием богатых англоязычных стран, стремился мобилизовать накопившуюся у населения неудовлетворенность, чтобы бросить эпохальный вызов этой системе. Повторяя то, что европейцы творили по всему земному шару в течение трех предыдущих столетий, Германия собиралась построить свой собственный имперский хинтерланд; захват обширных земель на востоке дал бы ей как самодостаточную основу для накопления богатства, так и платформу, необходимую для победы в грядущем состязании сверхдержав с участием США.

Соответственно, агрессивность гитлеровского режима прочитывается как явная реакция на трения, порожденные неравномерным развитием глобального капитализма, — трения, которые, разумеется, сохраняются по сей день. Но в то же время понимание экономических основ способствует более обостренному осознанию глубокой иррациональности гитлеровских замыслов. Как будет показано в книге, гитлеровский режим после 1933 г. осуществил действительно выдающуюся кампанию экономической мобилизации. Выполнявшаяся Третьим рейхом программа перевооружения представляла собой самое масштабное перемещение ресурсов, когда-либо предпринимавшееся капиталистическим государством в мирное время. Тем не менее Гитлер оказался не в состоянии изменить сложившийся экономический и военный баланс. Экономика Германии оказалась просто недостаточно мощной для того, чтобы создать вооруженные силы, требовавшиеся для победы над всеми ее европейскими соседями, включая и Великобританию, и Советский Союз, не говоря уже о США. Хотя Гитлер в 1936 и 1938 гг. добился блестящих кратковременных успехов, дипломаты Третьего рейха не сумели сколотить антисоветский альянс, предлагавшийся в *Mein Kampf*. Перед лицом войны с Великобританией и Францией Гитлер в последний момент был вынужден пойти на оппортунистическое соглашение со Сталиным. Ошелом-

ляющая эффективность бронетанковых сил, этого *deus ex machina* на первых лет войны, до лета 1940 г., несомненно, не являлась основой стратегии — она стала сюрпризом даже для германского руководства. И при всей несомненной эффектности побед германской армии 1940 и 1941 гг. они не носили решающего характера. Таким образом, мы приходим к поистине умопомрачительному выводу о том, что Гитлер в сентябре 1939 г. начал войну, не имея сколько-нибудь внятного представления о том, как одержать верх над своим главным противником — Британской империей.

Почему Гитлер решился на такую сверхрискованную ставку? Это, несомненно, ключевой вопрос. Даже если завоевание жизненного пространства можно обосновать как акт империализма, даже если Третий рейх добился поразительных успехов в деле мобилизации своих ресурсов ради достижения победы, даже если немецкие солдаты блестяще сражались, Гитлер воевал настолько рискованно, что это не позволяет обосновать его действия с точки зрения прагматичных, корыстных интересов³. И этот вопрос возвращает нас к основным течениям историографии и к тому вниманию, которое они уделяют идеологии. Именно идеология служила для Гитлера объективом, сквозь который он рассматривал международный баланс сил и развитие борьбы, начавшейся в Европе летом 1936 г. вместе с гражданской войной в Испании и приобретающей все более глобальный размах. В глазах Гитлера угроза для Третьего рейха со стороны США не сводилась к традиционному соперничеству сверхдержав. Эта угроза носила экзистенциальный характер и была тесно связана с не оставлявшим его страхом перед всемирным еврейским заговором, проявления которого он видел в «еврействе Уолл-стрит» и в «еврейских СМИ» США. Именно эта фантастическая интерпретация реального баланса сил и служила причиной неожиданных, рискованных решений Гитлера. Германия просто не могла смириться с ролью богатого сателлита США, на которую, казалось, была в 1920-е гг. обречена Веймарская республика, поскольку это означало бы капитуляцию перед всемирным еврейским заговором и в конечном счете гибель германской расы. В условиях невозможности уберечься от еврейского влияния, выразившегося в нарастании международной напряженности в конце 1930-х гг., будущее процветание в рамках капиталистического партнерства с западными державами было просто невозможно. Война становилась неизбежно-

3. B. Wegner, «Hitler, der Zweite Weltkrieg und die Choreographic des Untergangs», *Geschichte und Gesellschaft*, 26 (2000), 493–518.

стью. И вопрос заключался не в том, будет ли она, а в том, когда она разразится.

Книга получилась длинной, а так как ее следует читать от начала к концу, мне бы не хотелось ослаблять напряжение, раскрывая ее главные секреты уже на первых страницах. Достаточно сказать, что хотя основные контуры истории Третьего рейха были четко обозначены благодаря десятилетиям кропотливых исследований, я излагаю эти события с совершенно новой точки зрения. Моя цель — дать читателю более широкое и глубокое понимание того, как Гитлер укрепил свою власть и мобилизовал немецкое общество на войну. Я по-новому описываю динамику процессов, втянувших Германию в войну, и объясняю, почему они способствовали успешному ведению военных действий до 1941 г., а затем достигли неизбежного предела в русских снегах. Помимо этого, в книге поднимается тема, интерпретация которой до сих пор представляет несомненную проблему для любого историка Третьего рейха, но в первую очередь, возможно, для историка экономики: причины холокоста. Опираясь как на архивные материалы, так и на итоги блестящей работы, проделанной целым поколением историков, я выделяю связь между войной с евреями и общими империалистическими замыслами режима, принудительным трудом и специально организованным голодом. По сути, нацистское руководство обосновывало для себя геноцид не одной, а целым рядом различных экономических причин. Наконец, на основе этих ключевых глав, посвященных 1939–1942 гг., я объясняю те исключительные меры принуждения, организованные в первую очередь Альбертом Шпеером, которые позволили Германии выдержать еще три года ожесточенных сражений.

Тем, кто уже сейчас с нетерпением ждет более конкретных выводов, я советую переходить сразу к главе 20, в которой содержится краткое резюме по крайней мере некоторых ключевых моментов. С целью немного сократить и без того немалый объем книги, я не привожу в ней всей собранной библиографии. Полные названия всех цитируемых работ приводятся при их первом упоминании в каждой главе. Полную библиографию, а также прочие ресурсы по экономической истории Третьего рейха можно найти на веб-странице автора по адресу: <http://campuspress.yale.edu/adamtooze/wages-of-destruction-bibliography/>. Под «тоннами» в книге понимаются метрические тонны.

1

Введение

ПРИ ВЗГЛЯДЕ на XX век трудно избежать вывода о том, что история Германии проходила под знаком двух тем. С одной стороны тяга к экономическому и техническому прогрессу, благодаря чему Германия в течение большей части века наряду с США, а впоследствии — Японией, Китаем и Индией, — являлась одной из крупнейших экономик мира. С другой стороны мы видим стремление к войнам невообразимого прежде размаха¹.

Германия несет основную ответственность за развязывание первой из двух опустошительных мировых войн XX века. И только она ответственна за вторую из них. Более того, в ходе Второй мировой Гитлер и его режим нарушили основные законы войны, организовав полномасштабную кампанию геноцида, беспрецедентного в своей интенсивности, размахе и целенаправленности. После второй катастрофы 1945 г. державы-победительницы приняли меры к тому, чтобы у Германии не осталось выбора между миром или войной. Хотя спорт, техника, наука и культура постепенно были вновь дозволены в качестве сфер национального и личного самовыражения и хотя германская политика с конца 1960-х гг. становилась все более многогранной, после 1945 г. в национальной жизни — по крайней мере, в жизни Западной Германии — доминировало деполитизированное стремление к материальному благосостоянию². Напротив, произошедшая в 1918 г. первая капитуляция Германии была намного менее полной, и выводы, сделанные из нее как немцами, так и их бывшими противниками, соответственно, оказались более двусмысленными. Одной из многих поразительных

1. См. рассуждения об этой поляризации в: M. Geyer, «The Stigma of Violence, Nationalism, and War in Twentieth-Century Germany», *German Studies Review*, 15 (1992), 75–110, и K. H. Jarausch and M. Geyer, *Shattered Past: Reconstructing German Histories* (Princeton, 2003).

2. H. James, *A German Identity 1770–1990* (London, 1989), 177–89.

особенностей немецкой политики после Первой мировой войны было то, что до самого конца Веймарской республики перед германским электоратом стоял выбор между политикой мирного движения к национальному процветанию и воинствующим национализмом, более или менее открыто требовавшим новой войны с Францией, Великобританией и США. Поскольку большая часть настоящей книги посвящена разбору того, как Гитлер подчинял себе германскую экономику в порядке подготовки ко второму из этих вариантов, представляется важным начать с четкого обозначения альтернативы, в противостоянии с которой формировалось его мировоззрение, и с рассказа о том, как эта альтернатива была задвинута в тень катастрофическими событиями, предшествовавшими захвату Гитлером власти.

Разумеется, было бы ошибкой отрицать преемственность, связывавшую всех участников стратегических дискуссий, которые велись в 1920-е и 1930-е гг. в Германии, с империалистическим наследием вильгельмовской эпохи³. Враждебность к французам и полякам и империалистические замыслы в отношении соседей Германии и на западе, и на востоке не представляли собой чего-то нового. Однако, делая чрезмерный упор на преемственность, мы рискуем недооценить глубокое влияние, оказанное на германскую политику поражением в ноябре 1918 г. и последующим мучительным кризисом. Агония достигла высшей точки в 1923 г., когда французы оккупировали Рур, промышленное сердце германской экономики. На протяжении следующих месяцев, в течение которых Берлин спонсировал массовую кампанию пассивного неповиновения, страна скатилась в масштабную гиперинфляцию и дошла до такого политического расстройтва, что осенью 1923 г. под вопросом оказалось выживание германского национального государства как такового⁴. Дискуссии по стратегическим вопросам в Германии навсегда изменили свой характер. С одной стороны, кризис 1918–1923 гг. породил ультранационализм — в лице радикального крыла ННП (Немецкой националистической народной партии) и гитлеровской Нацистской партии — более апокалипсический по своему накалу, чем что-либо существовавшее до 1914 г. С другой стороны, он дал начало подлинно новому течению в немецкой внешней и экономической политике. Эта альтернатива воинствующему

3. Резюме этих дискуссий см. в: P. Krüger, *Die Aussenpolitik der Republik von Weimar* (Darmstadt, 1985); G. Niedhart, *Die Aussenpolitik der Weimarer Republik* (Munich, 1999). Об идеологической преемственности см.: W. D. Smith, *The Ideological Origins of Nazi Imperialism* (Oxford, 1986).

4. G. Feldman, *The Great Disorder: Politics, Economics and Society in the German Inflation, 1914–1924* (Oxford, 1993).

национализму также имела своей целью пересмотр обременительных условий Версальского договора. Но при этом ставка делалась отнюдь не на военную силу. Вместо этого веймарская внешняя политика отдавала приоритет экономике как главной арене, на которой Германия еще могла оказывать влияние на мир. В первую очередь она стремилась обеспечить безопасность Германии и усилить ее роль путем установления финансовых связей с США и более тесной промышленной интеграции с Францией. В некоторых ключевых отношениях такой подход явно предвещал стратегию, осуществлявшуюся Западной Германией после 1945 г. Эту политику поддерживали все партии, входившие в Веймарскую коалицию, — социал-демократы, леволиберальная Немецкая демократическая партия (НДП) и католическая Партия центра. Но воплощение она нашла в лице Густава Штресемана, лидера национал-либералов (НЛП) и германского министра иностранных дел с 1923 по 1929 гг.⁵

После стабилизации 1924 г. весь немецкий электорат получил возможность дать свою оценку достижениям Веймарской республики и внешней политике Штресемана лишь через четыре года, на всеобщих выборах 20 мая 1928 г. Штресеман решил идти на эти выборы в Баварии. Разумеется, Мюнхен в то же время был одной из излюбленных вотчин НСДАП и вождя этой маргинальной партии. Гитлер надеялся привлечь к себе дополнительное внимание, скрестив мечи со Штресеманом. Таким образом, баварским избирателям предлагался драматический выбор между концепцией немецкого будущего по Штресеману, основывавшейся на четырех годах мирного «экономического ревизионизма», и решительным отрицанием основ веймарской внешней и экономической политики, за которым стоял Гитлер. И Гитлер, и Штресеман отнеслись к поединку серьезно. Хотя Штресеману было важно выставить Гитлера не более чем психом, он признавал, что нашел время прочесть по меньшей мере одну опубликованную речь Гитлера с тем, чтобы иметь представление о тех аргументах, с которыми он может столкнуться⁶. В свою очередь, Гитлер использовал диспут с Штресеманом для того, чтобы уточнить свои внешнеполитические и экономические идеи, впервые сформулированные им в *Mein Kampf* — его манифесте, сочиненном в 1924 г. в Ландсбергской тюрьме⁷.

5. Полезный обзор нынешнего состояния исследований, посвященных Штресеману, см. в: K. H. Pohl, «Gustav Stresemann: New Literature», *German Historical Institute London: Bulletin*, 26/1 (2004), 35–62.

6. J. Wright, *Gustav Stresemann* (Oxford, 2002), 420.

7. I. Kershaw, *Hitler, 1889–1936: Hubris* (London, 1998), 240–42.

В итоге на свет появилась рукопись, известная как «Вторая книга» Гитлера, завершенная летом 1928 г. и содержащая обширные фрагменты, заимствованные непосредственно из его предвыборных речей⁸.

I

Густав Штреземан впервые высказал свое мнение о том, что «политика <...> сегодня в первую очередь [является] политикой мировой экономики», в качестве активного молодого депутата от Национал-либеральной партии в вильгельмовском рейхстаге⁹. И это была не просто риторика — об этом говорил ему личный опыт¹⁰. Штреземан родился в 1878 г. в Берлине, в семье мелкого независимого производителя пшеничного пива (и сиропов к нему) — одного из излюбленных напитков столицы. Он видел, как бизнес отца трещит по швам из-за конкуренции с крупными заводами. Будучи единственным из семи отпрысков пивовара, учившимся в университете, он закончил свое обучение диссертацией по исторической экономике и в 1901 г. начал работать уполномоченным по ведению дел для саксонских компаний. Штреземан защищал интересы экспортоориентированных предприятий легкой промышленности от непомерных требований тяжелой индустрии и сельского хозяйства, защищенного протекционистскими барьерами. Как изучение истории экономики, так и практический опыт в сфере торговой политики убеждали Штреземана в том, что главными мировыми силами в XX в. станут три крупные индустриальные державы: Великобритания, Германия и США. Великие экономические державы, конечно, соперничали друг с другом. Но в то же время они были функционально взаимосвязаны, не могли развиваться друг без друга. Германия нуждалась в сырье и продовольствии с заморских рынков, чтобы обеспечить свое население работой и хлебом. Британская империя имела лучшее положение в отношении сырья, но нуждалась в Германии как в экспортном рынке. Более того, Штреземан очень рано проникся убеждением в том, что становление США как доминирующей силы в мировой экономике навсегда изменило характер конкуренции ме-

8. G. Weinberg (ed.), *Hitlers Zweites Buch: Ein Dokument aus dem Jahr 1928* (Stuttgart, 1961) (далее: *Zweites Buch*).

9. M. Berg, *Gustav Stresemann und die Vereinigten Staaten von Amerika: Weltwirtschaftliche Verflechtung und Revisionspolitik 1907–1929* (Baden-Baden, 1990), 19–21.

10. Wright, *Stresemann*, 8–58.

жду европейскими державами¹¹. Европейский баланс сил в XX в. должен был в значительной мере определяться связью конкурирующих в Европе интересов с США. Разумеется, Штресеман не недооценивал другие факторы силовой политики — военную мощь и волю народа. В том, что касалось «дредноутной гонки», Штресеман последовательно выступал за усиление Императорского флота, питая надежду на то, что когда-нибудь Германия станет соперником британцев в деле защиты своей заморской торговли военно-морскими силами. После 1914 г. он проявил себя в рейхстаге в качестве одного из самых агрессивных сторонников неограниченной подводной войны. Но даже в своих наиболее аннексионистских выступлениях Штресеман в первую очередь мотивировался экономической логикой, завязанной на Соединенные Штаты¹². Захват Германией Бельгии, французского побережья до Кале, Марокко и обширных территорий на востоке «требовался» для того, чтобы обеспечить Германии адекватную платформу для конкуренции с Америкой. Ни одна экономика, не имевшая гарантированного рынка не менее чем в 150 млн потребителей, не могла рассчитывать на успешную конкуренцию с системой удешевления производства за счет массовости, которую Штресеман лично наблюдал в индустриальном ядре США.

Нет сомнений в том, что неожиданная капитуляция Германии осенью 1918 г. глубоко потрясла Штресемана, едва не ввергнув его в физический и психологический коллапс. Она навсегда лишила его веры в вооруженные силы как в орудие силовой политики — по крайней мере в Германии. Более того, она посеяла в его уме более фундаментальные сомнения в отношении германской социальной и политической системы, оказавшейся менее устойчивой, чем соответствующие британская и французская. Однако это лишь укрепило его убеждение в том, что решающей силой является экономика. Мировая экономика была единственной сферой, в которой Германия оставалась поистине незаменимой. Штресеман уже в апреле 1919 г. заявлял, что с учетом военной слабости Германии основой ее внешней политики должна стать мощь ее крупных корпораций. «Сегодня мы нуждаемся в зарубежных кредитах. Рейх лишился кредитоспособности <...> но частные лица, индивидуальные крупные корпорации по-прежнему имеют доступ к кредиту. Они получают его

11. Об американизме в Германии начала XX в. см.: A. Lüdtke, I. Marssolek and A. von Saldern (eds.), *Amerikanisierung: Traum und Alptraum im Deutschland des 20. Jahrhunderts* (Stuttgart, 1996).

12. Berg, *Stresemann*, 43.

благодаря неизмеримому уважению мира к достижениям немецкой промышленности и немецкого торговца»¹³. Что самое главное, экономика была той сферой, через которую Германия могла наладить связи с Соединенными Штатами — единственной державой, с чьей помощью Германия была способна противостоять французской агрессии и британскому безразличию. Такая идея трансатлантического партнерства явно стояла за действиями Штресемана во время его короткого, но важного срока пребывания на посту канцлера республики в 1923 г. и министра иностранных дел в 1924–1929 гг. Утихомирив разъяренных националистов и покончив с пагубной кампанией пассивного сопротивления французской оккупации Рура, но в то же время сигнализируя о готовности Германии к выплате репараций, Штресеман проложил путь к установлению особых отношений с США.

Разумеется, за это пришлось платить. Впоследствии Штресеман навсегда стал мишенью для исходивших из правых кругов обвинений в том, что он был «французским ставленником»¹⁴. Более того, эти обвинения подкреплялись решением Штресемана прибегнуть к тактике кооперации, а не конфронтации, для того чтобы ускорить вывод французских войск, патрулировавших Рейнскую область¹⁵. Само собой, эти обвинения не имели под собой ни малейших оснований. Штресеман во всех отношениях был законченным германским националистом. Он никогда не отрекся от аннексионистских позиций, занимавшихся им во время Первой мировой войны, потому что не видел оснований для того, чтобы сожалеть о них. Кроме того, он никогда не желал смириться с германо-польской границей, проведенной в 1921 г. в соответствии с плебисцитом и решением Лиги Наций, как с долгосрочным решением. Его стратегия, опиравшаяся на манипулирование взаимно пересекавшимися интересами США, Великобритании и Франции, была просто сложнее конфронтационного подхода, которому отдавали предпочтение ультра националисты.

Первым достижением Штресемана стал комитет Дауэса, впервые собравшийся в 1924 г. в Париже с целью создать работоспособную систему, которая бы позволила Германии выплачивать репарации, не ставя под удар свою финансовую стабильность¹⁶. Во главе этого комитета стоял генерал Чарльз Г. Дауэс,

13. Berg, *Stresemann*, 98.

14. *Zweites Buch*, 23.

15. Wright, *Stresemann*, 373–83, 412–13.

16. S. A. Schuker, *The End of French Financial Predominance in Europe: The Financial Crisis of 1924 and the Adoption of the Dawes Plan* (Chapel Hill, NC, 1976), 180–86; F. Costigliola,

чикагский банкир и промышленник, руководивший снабжением американских и союзных войск во время Первой мировой войны. Но реальным творцом этой схемы был Оуэн Янг, председатель *General Electric*, в качестве такового являвшийся одним из лидеров американской индустрии¹⁷. Более того, концерн *General Electric* был тесно связан с *Allgemeine Elektrizitäts Gesellschaft* (AEG), вторым по величине немецким электротехническим конгломератом. Дауэс и Янг более чем оправдали надежды, возлагавшиеся Штресеманом на США. Текущие репарационные требования в Германии были существенно снижены, и ежегодные выплаты должны были достичь максимального объема в 2,5 млрд довоенных золотых марок лишь в 1928–1929 гг. Свой вклад внес и банк *J. P. Morgan*, организовав восторженное изъятие доверия со стороны Уолл-стрит, выразившееся в сильном превышении лимита подписки при выпуске первоначального займа на 100 млн долларов. Восстановление золотой рейхсмарки на условиях довоенного паритета с долларом покончило с нестабильностью германской валюты¹⁸. Помимо этого, интересы Германии защищал также так называемый агент по репарациям. Эту должность занимал Паркер Гилберт, молодая «звезда» Уолл-стрит, обладавший полномочиями для приостановки репарационных выплат, если они угрожали стабильности германской валюты. Таким образом, удовлетворение требований европейских «репарационных кредиторов» ставилось в зависимость от состояния германских финансов. Это не привело к немедленному наводнению Германии американским капиталом, как иногда утверждается¹⁹. Однако с учетом большой разницы между процентными ставками в США и Германии, где сбережения сгорели в огне гиперинфляции, условия для получения займов, несомненно, были благоприятными. С октября 1925 г. по конец 1928 г. приток зарубежного капитала был таким большим, что Германия могла производить репарационные выплаты, даже не имея торгового профицита. Это было удобно

Awkward Dominion: American Political, Economic and Cultural Relations with Europe, 1919–1933 (Ithaca, NY, 1984), n 1–27.

17. J. Y Case and E. N. Case, *Owen D. Young and American Enterprise* (Boston, 1982), 272–335.

18. G. Hardach, *Weltmarktorientierung und relative Stagnation* (Berlin, 1976), 34–5; H. O. Schötz, *Der Kampf um die Mark 1923/24* (Berlin, 1987). При курсе в 4,20 рейхсмарки за доллар рейхсмарка, как и фунт стерлингов после 1925 г., была существенно переоценена.

19. W. C. McNeil, *American Money and the Weimar Republic* (New York, 1986). Более точную хронологию событий см. в: M. Wala, *Weimar und Amerika: Botschafter Friedrich von Prittwitz und Gaffron* (Stuttgart, 2001), 110–122. См. также отлично иллюстрированную историю германских долговых обязательств: H.-G. Glasemann, *Deutschlands Auslandsanleihen 1924–1945* (Wiesbaden, 1993).

для британцев и французов, так как позволяло им требовать от немцев выплат, не открывая свои рынки для немецких товаров на сумму в миллиарды золотых марок. Одновременно Вашингтон мог требовать от Франции и Великобритании, чтобы те соблюдали свои долговые обязательства перед Америкой, накопленные ими в результате войны.

Эта карусель, сводившаяся к тому, что немцы брали займы у американцев, чтобы расплачиваться с британцами и французами, которые затем платили американцам, вызвала беспокойство у всех сторон²⁰. Однако она выполняла свою задачу. Конгресс США требовал максимально возможной выплаты всех кредитов, предоставленных Америкой союзникам²¹. Новые американские кредиторы Германии получали солидную прибыль. А Веймарская республика существовала в условиях значительно более высокого уровня жизни, чем был бы возможен в том случае, если бы ей приходилось выплачивать репарации за счет экспортной выручки. Ялмар Шахт, президент Рейхсбанка, назначенный на эту должность Штресеманом в ноябре 1923 г., выражал глубокую озабоченность нарастанием международного долгового бремени Германии²². Но в то же время он разделял стратегические замыслы Штресемана. По мере того как росла задолженность Германии перед Америкой, усиливалась и заинтересованность Вашингтона в том, чтобы чрезмерные репарационные требования Великобритании и Франции не ставили под угрозу американские инвестиции. Говоря попросту и наиболее цинично, стратегия Германии заключалась в том, чтобы, используя защиту, обеспечиваемую агентом по репарациям, набрать у Америки столько займов, чтобы обслуживание этого долга делало невозможным выплату репараций²³. Выражаясь более тонко, Штресеман и Шахт стремились превратить американские финансовые круги в главную силу, выступающую за пересмотр суммы германских репараций, что позволило бы Берлину нормализовать свои отношения с Лондоном и Парижем. И в конце 1920-х гг. эта стратегия как будто бы работала. В 1928 г. вовсе не немцы, а американцы, и в первую очередь председатель Федерального резерва США Бенджамин Стронг, выдвинули требование пересмотреть германские репарационные обязательства, пока еще размер годовых выплат не достиг максимума

20. Что отлично показано в: H. G. Moulton and L. Pasvolsky, *War Debts and World Prosperity* (New York, 1932).

21. W. G. Pullen, *World War Debts and United States Foreign Policy 1919–1929* (New York, 1987).

22. H. James, *The Reichsbank and Public Finance in Germany 1924–1933* (Frankfurt, 1985), 19–56.

23. A. Ritschl, *Deutschlands Krise und Konjunktur 1924–1934* (Berlin, 2002), 120–27.

ТАБЛИЦА 1. Зарубежные займы: обязательства Германии по внешним долгам на весну 1931 года, млн рейхсмарок

Кредитор	Долгосрочные займы	Краткосрочные займы	Всего
США	5 265	3 143	8 408
Великобритания	1 100	2 053	3 153
Нидерланды	1 174	2 069	3 243
Швейцария	512	1 878	2 390
Прочие страны	1 494	2 826	4 320
Итого	9545	11 969	21 514

Источник: C. R. S. Harris, *Germany's Foreign Indebtedness* (Oxford, 1935), 9, 95.

в соответствии с планом Дауэса²⁴. Стронг пошел на это не из-за каких-либо нежных чувств к Германии, а в интересах сохранения колоссальных средств, вложенных Америкой в германскую экономику. Полномасштабный кризис с легкостью привел бы к дестабилизации ряда крупнейших американских банков.

II

Если в случае Штреземана проблемы интерпретации происходят из того факта, что его политика обнаруживает поразительное сходство с теми мерами, на которых основывалась стабильность Германии после 1945 г., то сложности, связанные с осмыслением идей Гитлера, имеют ровно противоположную причину. Гитлер обитал в мире причудливых представлений, проникнутых духом осажденной крепости, который нам трудно понять или хотя бы воспринимать всерьез.

Заманчиво выводить радикальные различия между мировоззрениями Гитлера и Штреземана из резких различий между их биографиями. Долгий и мучительный поиск Гитлером своего места в мире слишком известен для того, чтобы имела нужда его пересказывать²⁵. Несомненно, он составляет яркий контраст с историей восхождения Штреземана по социальной лестнице. Поворотным пунктом для них обоих стала война. Но если хроническая болезнь Штреземана воспрепят-

24. W. Link, *Die amerikanische Stabilisierungspolitik in Deutschland 1921–1932* (Düsseldorf, 1970), 411–21; Costigliola, *Awkward Dominion*, 196–210.

25. См. недавнее резюме: Kershaw, *Hitler: Hubris*, 1–69.

ствовала его участию в боевых действиях во время Первой мировой, то Гитлер увидел войну из окопов. В свете этого обстоятельства едва ли удивительно, что Штреземан ухитрился сохранить присущий ему буржуазный оптимизм даже во время кошмара 1918–1923 гг., в то время как Гитлер видел окружающее в намного более мрачном свете. Тем не менее и Штреземан, и Гитлер были порождены одной и той же политической культурой. Оба они были сторонниками широко распространенного представления о том, что Первая мировая война являлась итогом состязания между империями²⁶. Говоря более конкретно, оба они считали, что войну развязала Великобритания в сознательной попытке нанести ущерб Германии — ее сопернику в торговле и строительстве военно-морского флота. Однако в случае Штреземана эта «популистская» модель глобальной военно-экономической конкуренции смягчалась свойственным ему пониманием взаимосвязанности мировой экономики и, в первую очередь, тем значением, которое он придавал США, видя в них противовес Великобритании и Франции. Напротив, мировоззрение Гитлера было намного более ожесточенным. Он считал либеральную идеологию прогресса, достижимого путем трудолюбия, упорства и свободной торговли, не более чем ложью, распространяемой еврейскими пропагандистами. По сути, любая попытка немецкого народа достичь избавления посредством трудолюбия и торговли в конце концов обрела бы его на противостояние с Великобританией. Германии снова пришлось бы столкнуться с раскладом августа 1914 г. — неодолимым континентальным альянсом, организованным и финансируемым еврейскими банкирами из Сити. И всемирный еврейский заговор, властвующий уже не только в Вашингтоне и в Лондоне, но и в стране большевистской диктатуры, снова одержал бы победу над Германией.

В глазах Гитлера решающими факторами в истории человечества были не работа и трудолюбие, а борьба за ограниченные средства существования²⁷. Великобритания могла жить за счет свободной торговли, но лишь благодаря тому, что она уже сколотила империю с помощью военной силы. Для поддержания достойного уровня жизни немецкому народу требовалось «жизненное пространство», *Lebensraum*, а приобрести его можно было лишь путем завоевания. Вильгельмовская Герма-

26. О значении этой идеи см.: A. Ritschl, «Die NS-Wirtschaftsideologie — Modernisierungsprogramm oder reaktionäre Utopie?», in M. Prinz and R. Zitelmann (eds.), *Nationalsozialismus und Modernisierung* (Darmstadt, 1991), 48–70.

27. *Zweites Buch*, 46–69.

ния с огромным энтузиазмом строила колониальную империю, но в результате драгоценная немецкая кровь распылялась по всему миру. Гитлер вместо этого отдавал предпочтение захвату единого «жизненного пространства» на востоке. В этом отношении можно снова подметить сходство с идеями аннекционистов времен войны. После Брестского мира Штресеман тоже мечтал о германском *Grossraum* на востоке. Но, как мы видели, основная цель Штресемана состояла в создании достаточно крупного рынка, способного сравняться с американским. Напротив, Гитлеру была нужна земля, но не ее коренные обитатели. Цель завоевания состояла не в том, чтобы добавить к немцам не-немцев. Население завоеванных территорий следовало устранить. Буржуазным властям Германской империи не хватало смелости для столь радикальной расовой политики по отношению к крупному польскому меньшинству, населявшему восточные окраины страны. Но если Германия хотела победить, то у нее не было альтернативы безжалостной политике завоевания и геноцида. Сама судьба обрекла Германию на неизбежную войну. Если говорить о конкретных шагах, Гитлер, по-видимому, представлял себе ряд более-менее систематических действий, начиная с присоединения Австрии, за которым последовало бы подчинение крупных государств, образовавшихся после ее распада в Центральной Европе — в первую очередь Чехословакии, — а кульминацией этого процесса должна была стать расплата с французами²⁸. Тем самым был бы расчищен путь для похода на восток. Разумеется, Гитлер не желал повторять расклад Первой мировой войны — и тут ключевую роль играла Великобритания. Гитлер был твердо убежден в том, что в отличие от экспортоориентированной стратегии, неизбежно приводившей к столкновению с глобальным влиянием Британской империи, его стратегия континентальной экспансии не представляла фундаментальной угрозы для Великобритании, чьи основные интересы лежали за пределами Европы. Его стратегическая концепция 1920-х и начала 1930-х гг. основывалась на том, что он рассчитывал обеспечить доминирующие позиции Германии в Европе, не вступая в конфликт с Великобританией. Более того, выворачивая логику Штресемана наоборот, Гитлер полагал, что Великобритания станет рассматривать Германию как союзника в неизбежной конкурентной борьбе с Соединенными Штатами.

28. Особенности восточноевропейской стратегии Гитлера обрисовываются в: Weinberg, *Foreign Policy* I, 14–20.

В детстве, подобно миллионам германоязычных мальчиков, Гитлер с увлечением читал «немецкие вестерны» Карла Мая²⁹. Сразу же после окончания Первой мировой войны его восторг перед США несколько поблек. Прежде всего это затронуло президента Вильсона, который после заключения Версальского договора стал в Германии объектом почти всеобщей ненависти. В 1923 г. Гитлер писал, что лишь приступом временного слабости по причине мук голода, вызванного англо-еврейской блокадой, можно объяснить, почему Германия отдалась на милость «такого мошенника, как Вильсон, который прибыл в Париж в сопровождении 117 еврейских банкиров и финансистов...»³⁰. Соединенные Штаты практически не фигурируют в стратегических замыслах Гитлера, отразившихся в начерно написанном на следующий год *Mein Kampf*. Три года спустя, с учетом той роли, которую США играли в германских делах, такая узость кругозора была уже невозможна. Как не мог не заметить Гитлер, США — даже не являясь элементом европейского баланса вооруженных сил — были экономической державой, с которой следовало считаться. Более того, поразительные индустриальные успехи США изменили параметры повседневной жизни на «старом континенте». Как выразился сам Гитлер в одном из несомненных ключевых пассажей своей «Второй книги»,

Сегодня европеец мечтает об уровне жизни, который выводится им не только из возможностей Европы, но и из реального состояния дел в Америке. Благодаря современной технике и тем средствам связи, которые она делает возможными, международные отношения между людьми стали столь тесными, что европеец, даже не вполне осознавая это, делает критерием своей жизни условия жизни в Америке...³¹

При этом неудивительно, что в первую очередь внимание Гитлера привлекало доминирование Америки в автомобильной промышленности. Гитлер, само собой, увлекался автомоби-

29. О связи между Карлом Маем и Гитлером см. противоречивую статью: K. Mann, «Cowboy Mentor of the Führer», *Living Age*, 359 (1940), 217–22. Попытку опровергнуть эту связь см. в: B. Linkemeyer, *Was hat Hitler mit Karl May zu tun?* (Abstadt, 1987). О творчестве Мая в контексте изображения Америки в немецкой литературе см.: J. L. Sammons, *Ideology, Mimesis, Fantasy* (Chapel Hill, NC, 1998), 229–45. О популярности Мая и жанре авантюрной литературы см.: R. Frigge, *Das erwartbare Abenteuer: Massenrezeption und literarisches Interesse am Beispiel der Reiserzählungen von Karl May* (Bonn, 1984), 150–58.

30. Об этом и дальнейшем см. содержательный разбор в: P. Gassert, *Amerika im Dritten Reich* (Stuttgart, 1997), 35–6, 87–103, опровергающий все предыдущие работы о Гитлере и Америке.

31. *Zweites Buch*, 58.

лями. Но во «Второй книге» его волнуют стратегические последствия американского лидерства в этой новой ключевой отрасли. В своих фантазиях о будущем американского богатства европейцы склонны забывать «о намного более благоприятном отношении площади американского континента к численности его населения...». Громадные конкурентные преимущества Америки в сфере промышленных технологий в первую очередь были функцией «размеров американского „внутреннего рынка“» и тем, что она «богата не только покупательной способностью, но и сырьем». Именно огромные «гарантированные <...> внутренние продажи» позволили американской автомобильной промышленности освоить такие «методы производства, которые в Европе вследствие отсутствия таких же объемов продаж были бы попросту невозможны»³². Иными словами, для фордизма требовалось «жизненное пространство».

В то время как Штреземан считал возвышение США стабилизирующим фактором в европейских делах, в глазах Гитлера оно просто поднимало ставки в борьбе за расовое выживание. И эту борьбу невозможно было ограничить только экономической сферой: «Окончательный исход борьбы за всемирный рынок будет решен посредством силы...»³³. Даже если немецкие бизнесмены добьются успеха, Германия вскоре снова окажется в ситуации 1914 года, вынужденная сражаться за доступ к всемирным рынкам в крайне неблагоприятных условиях. Вообще, Гитлер полагал, что зарождающееся экономическое доминирование США ставит под угрозу «глобальное значение» всех европейских стран. Если только политическим лидерам Европы не удастся вырвать население своих стран из его обычного «политического недомыслия», то «грозящая глобальная гегемония северо-американского континента» низведет их всех до положения «Швейцарии и Голландии»³⁴. Не то чтобы Гитлер был приверженцем панъевропейских идей. Он считал все подобные предложения чепухой, «еврейским» вздором. Европу в противостоянии с США должно возглавить самое сильное европейское государство по образцу Римской или Британской империй или, если на то пошло, Пруссии, объединившей немецкие земли в XIX в.

В будущем единственным государством, которое сможет выступить против Северной Америки, станет то, которое поймет, как

32. Ibid., 123.

33. Ibid., 123–4.

34. Ibid., 127–8.

посредством сущности своей внутренней жизни и смысла своей внешней политики повысить цену своего народа в расовом смысле и наделить его государственностью, наиболее подходящей для этой цели <...> Задача национал-социалистического движения состоит в том, чтобы укрепить свою родину и подготовить ее к этой миссии³⁵.

Таким образом, в число врагов Гитлера, наряду с Францией и Советским Союзом, вошли и Соединенные Штаты, против которых следовало выступить после завершения внутренней консолидации, по возможности в союзе с Великобританией. Стоит подчеркнуть этот последний момент. Настойчиво делавшийся Гитлером акцент на необходимости союза с Великобританией вытекал не только из его главной цели — завоевания Востока, служившего ключевым стратегическим аргументом в *Mein Kampf*, — но и из осознания Гитлером угрозы со стороны США — новой темы, появившейся в его «Второй книге».

Таким образом, Гитлер и Штресеман расходились в своей оценке положения Германии по отношению к начинавшемуся «веку Америки», как и в оценке относительного значения экономики и политики. Однако основой для этих расхождений служило более фундаментальное различие в отношении того, как они понимали историю³⁶. Оно наиболее четко иллюстрируется их реакцией на катастрофу Первой мировой войны. Сущность позиции Штресемана состояла в том, что война не изменила магистрального курса всемирной истории, диктуемого неизбежной траекторией экономического развития. Несмотря на то, что Германия потерпела поражение, война, ослабив Великобританию и Францию и усилив США, открыла путь к восстановлению германской мощи, пусть только в экономической сфере. Гитлер считал подобное мышление характерным для наивного оптимизма германских буржуа. Он не был пессимистом. Он отвергал мрачные пророчества Шпенглера. Однако в его глазах история никому не давала никаких гарантий. Фундаментальным определяющим фактором в истории для него был не предсказуемый телос экономического развития, а борьба между народами за средства существования. В этой битве за выживание исход никогда не был предрешен. Как заявлял Гитлер, даже в короткий «2000-летний период» истории человечества

35. *Zweites Buch*, 130.

36. Анализ исторических представлений Гитлера см. в: F.-L. Kroll, *Utopie als Ideologie: Geschichtsdenken und politisches Handeln im Dritten Reich* (Paderborn, 1998). Однако Кролл придает недостаточное значение апокалиптическому мировоззрению Гитлера.

мировые державы повелевали культурами, известными сейчас только из легенд, огромные города превращались в руины <...> Мы почти не в состоянии проникнуть <...> в заботы, потребности и страдания миллионов и миллионов отдельных людей, которые когда-то, в качестве живых существ, были творцами и жертвами этих событий <...> И как бесчувственно <...> настоящее. Насколько не обоснован его вечный оптимизм и насколько пагубно его упрямое невежество, его отказ видеть и отказ учиться³⁷.

Вывернуть население из этого оптимистического ступора и зарядить его чувством апокалиптического риска — вот истинная задача политического руководства. Идея о том, что Германия, подобно США, может просто постепенно двигаться к более высокому уровню жизни, представлялась Гитлеру заблуждением. Для него поражение в Первой мировой войне возвестило начальную точку борьбы, не менее решительной, чем между Римом и Карфагеном. Если только немцы не ответят на вызов, 1918 год вполне может стать предвестником такого же полного упадка (*Untergang*), как тот, что испытали на себе великие цивилизации древности. Такая перспектива не оставляла места для пассивности и терпения. Перед лицом абсолютной безжалостности еврейско-большевистского врага могла стать оправданной даже стратегия, чреватая крайним риском. Аудиторию 1920-х и начала 1930-х гг. можно было простить за то, что она принимала экстремистские воинственные речи Гитлера за проявления риторической аффектации. Насколько серьезен он был со своим апокалипсическим мировоззрением, в полной мере выяснилось лишь после 1939 г.

III

Таким образом, немецкие избиратели должны были сделать решительный выбор, и он был сделан. На всеобщих выборах в мае 1928 г. партия Гитлера получила жалкие 2,5% голосов, которые обеспечили ей всего 12 из 491 места в рейхстаге. Наоборот, несмотря на то, что доля НЛП снизилась, партия Штреземана все равно сохранила приличное представительство в парламенте, получив 45 мест³⁸. И если национал-либералам оказывал щедрую поддержку крупный бизнес, то казна нацистов к осени 1928 г. настолько оскудела, что они были вынуждены отменить ежегод-

37. *Zweites Buch*, 71.

38. L. E. Jones, *German Liberalism and the Dissolution of the Weimar Party System, 1918–1933* (Chapel Hill, NC, 1988), 301–5.

ный партийный съезд. Продажи *Mein Kampf* так сильно упали, что издатели Гитлера решили придержать его «Вторую книгу» из опасения испортить рынок. НННП, еще одна ультраправая партия, вместо прежних 103 мест получила всего 73. Об этом поражении и вызванном им кризисе в руководстве националистического движения, который привел к тому, что главой НННП был выбран ультранационалист Альфред Гугенберг, летом и осенью 1928 г. кричали газетные заголовки. Наоборот, социал-демократы — основатели Веймарской республики — одержали крупную победу. Их представительство в рейхстаге выросло с 131 до 153 мест. Совместно со штреземановской НЛП, НДП и партией Центра они составляли работоспособное большинство с Германом Мюллером в качестве канцлера. Густав Штресеман остался министром иностранных дел уже на пятый год.

Таким образом, в 1928 г., несмотря на наличие таких элементов, как Гитлер и его партия, Веймарская республика имела функционирующую парламентскую систему и правительство, поставившее своей целью пересмотр Версальского договора под благожелательной эгидой США. Да, катастрофический обвал этой системы был возможен. Но даже самым пессимистически настроенным наблюдателям нужно было сильно постараться, чтобы предсказать, что через десять лет Германия снова свергнет Европу в опустошительную войну и приступит к выполнению самой безжалостной кампании геноцида в истории человечества. История Веймарской республики не является темой настоящей книги. Но прежде чем начать рассказ о гитлеровском режиме, мы должны четко объяснить, как стратегия Штресемана потерпела крах, открыв дверь для намного более радикальных идей Гитлера.

Одним из ключевых факторов, вызвавших дестабилизацию Веймарской республики после 1929 г., являлось исчезновение надежд, возлагавшихся на американский «новый порядок» прореспубликанскими силами в Германии³⁹. В 1923–1924 гг. успешная стабилизация Веймарской республики в первую оче-

39. После почти двух десятилетий продуктивного ревизионизма явно настало время вновь обратить пристальное внимание на последствия ущербной американской гегемонии 1920-х гг., обрисованные в классической работе: С. Р. Kindleberger, *The World in Depression, 1929–1939* (Berkeley, 1986), развитием которой являются: Link, *Stabilisierungspolitik*, и Costigliola, *Awkward Dominion*. Разумеется, непосредственной причиной катастрофы 1930-х был новый всплеск германского национализма, в свою очередь, вызвавший «нежелание сотрудничать» со стороны французов. Ничуть не улучшила ситуацию и позиция Великобритании. Но с учетом очевидной хрупкости европейских взаимоотношений экзогенным причинным фактором послужила неспособность американцев сделать то, что они могли бы сделать.

редь зависела от вмешательства США. Впоследствии привлекательность «атлантистской стратегии» Штресемана и Шахта опиралась на ожидания роста американского влияния в Европе, которое в конце концов должно было расчистить путь к всеобъемлющему пересмотру условий Версальского договора. Для этого требовалось осознание Америкой связи между долговыми обязательствами перед ней, накопившимися во время войны у Великобритании и Франции, и репарационными требованиями, предъявлявшимися этими державами Германии. И действительно, Оуэн Янг весной 1929 г. вернулся в Париж для пересмотра соглашения о репарациях⁴⁰. Однако он не получил от новой администрации Герберта Гувера никаких полномочий на обнародование связи между военными долгами союзников и репарациями⁴¹. А это, в свою очередь, означало, что план Янга не мог не разочаровать немцев⁴². Вместо снижения ежегодных репарационных выплат с 2,5 млрд до 1,5 млрд довоенных золотых марок, на что надеялось правительство Мюллера, величина выплат сократилась незначительно — до 2 с небольшим млрд золотых марок. Кроме того, согласно плану Янга Германия упраздняла должность агента по репарациям. Это освобождало Германию от навязчивого и унижительного иностранного надзора и должно было стать первым шагом к переводению репарационных обязательств Германии на деполитизированную, коммерческую основу. Но в то же время это означало, что отныне Германии разрешалась отсрочка по выплате большей части репараций максимум на два года. И теперь решение должно было принимать уже германское правительство, а не «нейтральное» американское учреждение.

Разочарование, вызванное планом Янга, полностью уничтожило привлекательность «атлантистской стратегии». Раздражение, окружавшее переговоры, разрушило всякие надежды на крупномасштабную коммерциализацию германских «политических» долгов. Начиная с 1928 г. вместе с волной слухов о судьбе репараций и росте процентных ставок в США объемы долгосрочных американских займов Германии начали сокращаться⁴³. Германия и в 1929 г. продолжала брать займы и прода-

40. Case and Case, *Owen D. Young*, 434–54.

41. Costigliola, *Awkward Dominion*, 206–15.

42. P. Heyde, *Das Ende der Reparationen: Deutschland, Frankreich und der Youngplan 1929–1932* (Paderborn, 1998), 65–9. Почти в той же самой мере он не устраивал и Лондон. См.: R. W. D. Boyce, *British Capitalism at the Crossroads 1919–1932* (Cambridge, 1987), 186–216.

43. Оценку относительного значения процентных ставок и плана Янга см.: Ritschl, *Krise und Konjunktur*, 107–41.

вать иностранцам пай в немецких фирмах, но теперь более половины поступлений было получено на краткосрочной основе. За этим последовал еще один удар по трансатлантическим экономическим связям. В ходе предвыборной кампании Герберт Гувер заручился поддержкой Среднего Запада, пообещав введение протекционистских мер в сельском хозяйстве. Во время прохождения через конгресс этот законопроект, получивший печальную известность в качестве Закона Смута — Хоули, оброс многочисленными положениями, включая серьезную защиту от европейских промышленных товаров. К осени 1929 г. в Старом Свете знали не только то, что конгресс не пойдет на сколько-нибудь существенное снижение выплат по союзническим долгам и что не стоит ожидать получения новых долгосрочных кредитов от Америки, но и что новые тарифы, скорее всего, затруднят европейским должникам Америки зарабатывать доллары, требовавшихся им для обслуживания своих обязательств перед Уолл-стрит⁴⁴.

Мы уже никогда не узнаем, какой бы была реакция Штреземана на эту катастрофическую цепь событий. С весны 1928 г. его здоровье ухудшалось, и попытки не допустить разрыва между правым крылом НЛП и правительством «Большой коалиции» стали для него непосильной ношей. Через несколько часов после того, как ему удалось добиться согласия германского правительства на план Янга, Штреземан перенес несколько инсультов и умер. Но еще до его безвременной смерти появились признаки скорой смены курса. Существует мнение о том, что за ростом интенсивности дискуссий между Штреземаном и французским министром иностранных дел Аристидом Брианом летом и осенью 1929 г. по крайней мере отчасти стояло чувство разочарования в Соединенных Штатах. А в последнюю неделю июня 1929 г. Штреземан заявил в рейхстаге, что Европа становится «колонией более удачливых». Настало время для того, чтобы «французская, немецкая, а может быть, и другие европейские экономики нашли способ совместно противостоять конкуренции, лежащей на всех нас тяжким грузом» — в этих словах Штреземана, прозвучал неожиданно неприязненный намек на США⁴⁵.

44. E. E. Schattschneider, *Politics, Pressures and the Tariff* (New York, 1935). В широком историческом плане значение Закона Смута — Хоули состояло в возвращении американских тарифов к максимально высоким уровням, преобладавшим до 1914 г. См.: A. E. Eckes, *Opening America's Markets* (Chapel Hill, NC, 1995), 106–9. То, что главным был не абсолютный уровень новых тарифов, а рост неопределенности, подчеркивается в: H. James, *The End of Globalization: Lessons from the Great Depression* (Cambridge, Mass., 2001), 29.

45. Krüger, *Aussenpolitik*, 498–9; Wright, *Stresemann*, 475–6.

Так или иначе, поворот к европейской интеграции был единственной возможной реакцией на разочарование в надеждах, возлагавшихся на Америку⁴⁶. Диаметрально противоположный вариант представляло собой поведение Ялмара Шахта, президента Рейхсбанка. Выражаясь языком теории эволюции, Шахт служит «недостающим звеном» между штреземановской стратегией экономического ревизионизма и односторонней милитаристской агрессией, сменившей ее после 1933 г. Подобно Штреземану, родившийся в 1877 г. в германо-американской семье Хорас Грили Ялмар Шахт сделал удачную карьеру в вильгельмовской Германии⁴⁷. В то время как отец Шахта тщетно пытался достичь успеха сперва в качестве журналиста, а затем предпринимателя, сам он в полной мере воспользовался полученным им первоклассным образованием. Как и у Штреземана, его первым занятием стало лоббирование интересов либеральных кругов, выступавших за свободную торговлю, за которым последовало быстрое восхождение по служебной лестнице в *Dresdner Bank*. В 1914 г. Шахт вошел в состав финансовой администрации оккупированной Бельгии, но в 1915 г. был вынужден подать в отставку из-за подозрений в коррупции. Вскоре после этого его нанял соперник *Dresdner* — *Nationalbank*. В качестве директора этого быстрорастущего предприятия Шахт стал одним из тех, кому гиперинфляция была действительно выгодна. Как и Штреземан, Шахт был *Vernunftrepublikaner* (республиканцем не по убеждениям, а по расчету). Будучи одним из основателей леволиберальной НДП, созданной в 1918 г., в разгар Рурского кризиса он был выдвинут Штреземаном на должность главы Рейхсбанка⁴⁸. Впоследствии в Шахте многие видели важнейшего союзника Штреземана в его попытках вернуть Германии международное уважение. Шахт, которому часто приписывается стабилизация рейхсмарки в 1924 г., поддерживал тесные связи и с банковскими кругами в США, и с Монтегю Норманом, управляющим Английского банка. Более того, в период хаоса 1923–1924 гг. Шахт подумывал об альтернативной, британской стратегии, высказывая идею привязать рейхсмарку не к доллару, а к фунту стерлингов⁴⁹. Но после того, как был принят

46. О разочаровании немецкой общественности в США в конце 1920-х и начале 1930-х гг. см.: Gassert, *Amerika*, 78–86.

47. Самой лучшей краткой биографией Шахта является: H. James, «Hjalmar Schacht», in R. Smelser, E. Syring and R. Zitelmann (eds.), *Die Braune Elite* (Darmstadt, 1993), II. 206–18. Также см. превосходную работу: N. Mühlen, *Der Zauberer: Leben und Anleihen des Dr. Hjalmar Horace Greeley Schacht* (Zurich, 2nd edn., 1938).

48. Feldman, *Great Disorder*, 792–6, 821–3.

49. Schötz, *Kampf um die Mark*; Feldman, *Great Disorder*, 827–35.

план Дауэса, Шахт стал едва ли не более решительным приверженцем атлантистского подхода, чем сам Штресеман⁵⁰. Однако в еще большей степени, чем в случае Штресемана, эта рациональная концепция германской стратегии конфликтовала в душе у Шахта с глубоким чувством уязвленной национальной гордости. Намного настойчивее и намного менее тактично, чем Штресеман, Шахт связывал вопрос финансового урегулирования с требованиями возврата германских территорий⁵¹. Шахт не только стремился добиться как можно более быстрого вывода французских войск с немецкой земли. Он пользовался любой возможностью для того, чтобы поднять вопрос границы с Польшей и даже требовал возвращения германских колоний. В апреле 1929 г. ревизионистские требования Шахта едва не привели к срыву переговоров по плану Янга. Сам этот план, несомненно, нанес тяжелейший удар по вере Шахта в американский вариант. Сразу же после смерти Штресемана Шахт перешел в открытую оппозицию к правительству Мюллера. Он использовал свои контакты на Уолл-стрит, чтобы саботировать попытки германского правительства получить новый американский заем, а 6 декабря 1929 г. опубликовал доклад с разгромной критикой не только плана Янга, но и всей финансовой стратегии, которой Веймарская республика придерживалась с 1924 г.⁵² Дни Шахта на посту президента Рейхсбанка были явно сочтены. К весне 1930 г. он подал в отставку и связал свою судьбу с силами, собиравшимися на правом краю немецкого политического спектра и к тому моменту решительно выступавшими против какого-либо дальнейшего финансового сотрудничества с бывшими врагами Германии.

Однако большинство германских политических партий в целом сохраняло приверженность принципу соблюдения финансовых и политических обязательств перед Англией, Францией и США. Более того, требования, накладывавшиеся планом Янга, оправдывали урезание бюджета, крайне привлекательное для значительной части правых и делового сообщества. По этой причине «Большая коалиция» весной 1930 г. развалилась из-за вопроса бюджетных сокращений⁵³. После Германа Мюллера в Германии почти сорок лет не было ни одного канцлера от социал-демократов. Его сменил непреклонный националист и ка-

50. Johann Houwink ten Cate, «Hjalmar Schacht als Reparationspolitiker (1926–1930)», *Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte*, 74 (1987), 186–228.

51. Berg, *Stresemann*, 380–87.

52. Hardarch, *Weltmarktorientierung*, 110–11.

53. H. A. Winkler, *Weimar 1918–1933* (Munich, 1993), 364–80.

толик Генрих Брюнинг, возглавивший правительство меньшинства. Рейхсбанк вместо Шахта возглавил Ганс Лютер. С тех пор и до сего дня решения в сфере экономической политики, принятые канцлером Брюнингом и президентом Рейхсбанка Лютером с марта 1930 г. по май 1932 г., остаются предметом ожесточенных дискуссий⁵⁴. Впрочем, во многом они лишены смысла. Если иметь в виду наличие ограничений международного характера, то станет ясно, что у Брюнинга и Лютера — по крайней мере в 1930 г. — были связаны руки⁵⁵. Согласно правилам золотого стандарта, в условиях, когда в соответствии с планом Янга Германия ежегодно выплачивала по 2 млрд рейхсмарок, а международные рынки капитала все более нервно относились к германским займам, единственным выходом оставалась дефляция⁵⁶. Это повлекло за собой огромные политические издержки. В апреле-июле 1930 г. германская парламентская система раскололась в ходе борьбы вокруг дефляционного пакета Брюнинга. Чтобы ввести крайне непопулярный избирательный налог, Брюнинг 16 июля 1930 г. впервые воспользовался чрезвычайными полномочиями согласно статье 48 Веймарской конституции. После изданного 26 июля указа о всеобъемлющих чрезвычайных мерах последовали новые бюджетные сокращения и повышения налогов. На фоне краха всемирной торговли и неумолимого давления делового цикла экономика страны вошла в пике. С июня 1930 г. по февраль 1931 г. число безработных выросло на 2,1 млн человек, что вдвое превышало обычный сезонный прирост. На всеобщих выборах в сентябре 1930 г. национал-социалисты Гитлера добились оглушительного электорального прорыва, получив уже не 2,5%, а 18,3% голо-

54. J. von Krüdener (ed.), *Economic Crisis and Political Collapse: The Weimar Republic 1924–1933* (Oxford, 1990); I. Kershaw (ed.), *Weimar: Why Did German Democracy Fail?* (London, 1990). Последней из критических работ протокейнсианского и кейнсианского толка является: R. Meister, *Die Grosse Depression: Zwangslagen und Handlungsspielraume der Wirtschafts- und Finanzpolitik in Deutschland 1929–1932* (Regensburg, 1991).

55. Первоначальную констатацию этого факта в немецкой работе см. в: K. Borchardt, «Zwangslage und Handlungsspielraume in der grossen Weltwirtschaftskrise der frühen dreissiger Jahre», in K. Borchardt, *Wachstum, Krisen, Handlungsspielraume der Wirtschaftspolitik* (Göttingen, 1982), 165–82. Развитие этой идеи в международном плане см. в: B. Eichengreen, *Golden Fetters: The Gold Standard and the Great Depression, 1919–1939* (Oxford, 1992), 230–46.

56. По вопросу о том, были ли международные рынки капитала после принятия плана Янга абсолютно закрытыми для Германии, мнения расходятся; ср.: Ritschl, *Krise und Konjunktur*, 105–20, и T. Ferguson and P. Temin, «Made in Germany: The German Currency Crisis of July 1931», *Research in Economic History*, 21 (2003), 1–53. Сжатие рынка, несомненно, было достаточным для принятия серьезных внутренних мер.

сов, которые принесли им 107 депутатских мандатов и сделали их второй по величине партией в рейхстаге. Из-за последовавшего бегства капитала Рейхсбанк лишился трети своих резервов и был вынужден еще сильнее поднять учетную ставку⁵⁷. Но в то же время дефляционная стратегия позволила добиться поставленной цели. Торговый дефицит, составлявший в 1928 г. 2,9 млрд рейхсмарок, к 1931 г. превратился в торговый профицит в 2,8 млрд рейхсмарок (см. Приложение, таблица А1). Однако причиной этого профицита был не рост экспорта, а тот факт, что вследствие депрессии спрос на импортируемые товары падал еще быстрее, чем продажи немецких товаров за рубежом. По мере того как закрывались заводы, а германское общество поражала безработица и бедность, спрос на зарубежное сырье и потребительские товары резко сократился. Это был жестокий процесс адаптации, но Германия следовала обычным требованиям, продиктованным механизмом золотого стандарта. В награду за это Брюнинг в октябре 1930 г. получил промежуточный кредит в 125 млн долларов, организованный для него фирмой *Lee, Higginson and Co.* из Нью-Йорка⁵⁸.

Если у правительства Брюнинга в 1930 и начале 1931 гг. имелось пространство для маневра, то лишь в сфере внешней политики, а не экономики, и оно воспользовалось этим пространством самым пагубным образом⁵⁹. Вместо того чтобы следовать применявшейся в 1920-х гг. формуле Штресемана, сочетавшего экономические обязательства с осторожной дипломатией, Брюнинг и Юлиус Куртиус наряду с соблюдением финансовых положений плана Янга придерживались внешнеполитической риторики, позаимствованной у правых националистов. Первым элементом новой германской политики стало решение о постройке двух новых крейсеров, несмотря на отчаянное финансовое положение страны. Вторым и третьим элементами являлись предложение о создании австро-германского таможенного союза и все более активная немецкая политика в Центральной и Юго-Восточной Европе, нашедшая выражение в попытках заключить эксклюзивные двусторонние торговые соглашения с Венгрией и Румынией. Все три зубца этой стратегии были нацелены на Францию. Это логически вытекало из предшествовавшего отрицательного ответа Брюнинга на выдвинутое Брианом предложение об укреплении франко-германского экономического сотрудничества. Но момент для таких действий

57. Hardarch, *Weltmarktorientierung*, 120–21.

58. Wala, *Weimar und Amerika*, 158–66.

59. Krüger, *Aussenpolitik*, 507–51.

был выбран исключительно неудачно. На протяжении 1920-х гг. германская политика исходила из того, что хотя Франция представляет собой главную военную угрозу для Германии, в финансовом смысле она является третьестепенной державой, несопоставимой с США и Великобританией⁶⁰. Однако к 1931 г. такая точка зрения означала серьезное непонимание соотношения сил в международной финансовой системе. После стабилизации франка в 1926 г. французский центральный банк приступил к систематическому накоплению золота. К 1931 г. его золотой запас существенно превышал запас Английского банка и даже приближался к запасам Федерального резерва США. Достойно внимания то, что в начале 1931 г. Бриан повторил попытку сблизиться с Германией, предложив открыть парижский рынок капитала для долгосрочных германских займов с целью содействовать Брюнингу в выполнении плана Янга. В ответ на это правительство Брюнинга 21 марта 1931 г. публично огласило предложение об австро-германском таможенном союзе, отрезав все пути к франко-германскому экономическому сотрудничеству.

Своей агрессивной внешней политикой Брюнинг еще больше сузил себе пространство для экономического маневра⁶¹. В отсутствие возможностей для получения внешних займов Брюнингу не оставалось ничего иного, кроме как пойти на еще один болезненный раунд дефляции. А чтобы сделать ее приемлемой для отечественного электората, требовались немедленные шаги к ускоренному пересмотру плана Янга. Поэтому 6 июня 1931 г., наряду со вторым чрезвычайным дефляционным указом, Брюнинг выдвинул агрессивное требование об отмене репараций⁶². Именно этот ход стал началом катастрофы. Финансовые рынки еще с марта испытывали беспокойство из-за зловещего возрождения германского национализма. Но несмотря на банковский кризис в Австрии, не происходило «набегов» ни на немецкие банки, ни на немецкую валюту⁶³. Толчком к кризису послужила дальнейшая эскалация международных трений, вызванная действиями Брюнинга. В течение нескольких часов после агрессивного коммюнике германского правительства мировые финансовые рынки охватил страх того, что Брюнинг объявит односторонний мораторий как на репарации,

60. О пренебрежительном отношении Шахта к Франции см.: Cate, «Hjalmar Schacht».

61. В полном соответствии с: Ferguson and Temin, «Made in Germany».

62. Winkler, *Weimar*, 404–14.

63. Этот момент был впервые отмечен в: Hardach, *Weltmarktorientierung*, 126–31, и дополнительно подчеркнут в: Ferguson and Temin, «Made in Germany».

так и на обязательства Германии перед частными кредиторами. За следующую неделю резервы Рейхсбанка сократились с 2,6 млрд до 1,9 млрд рейхсмарок. Несмотря на шокирующий рост процентных ставок, объемы резервов неумолимо сокращались, приближаясь к минимальному уровню, требовавшемуся для «золотого обеспечения» валюты. К 17 июня, когда газеты вышли с заголовками о проблемах банков DANAT и *Dresdner*, Рейхсбанк уже столкнулся с полномасштабным валютным кризисом. Более того, внешняя финансовая ситуация Германии была настолько тяжелой, что 20 июня президент Герберт Гувер был вынужден пойти на беспрецедентно резкое вмешательство.

Базовая логика атлантистской стратегии продолжала действовать и в начале лета 1931 г., несмотря на то, что ситуация в Германии становилась критической⁶⁴. Неверно оценив реакцию Франции, администрация Гувера в ответ на резкий поворот внешней политики Брюнинга к национализму придерживалась поразительно слабой линии⁶⁵. Вместо того чтобы резко раскритиковать предложение о таможенном союзе, Вашингтон демонстрировал готовность рассматривать его как первый шаг на пути к европейской экономической интеграции. Осенью 1931 г. Госдепартамент США даже выразил неудовольствие по поводу того, что Франция и Польша не спешат отвечать на озабоченность Германии вопросом своих восточных границ. Но что самое главное, 20 июня 1931 г. в ответ на разговоры о неминуемом моратории по долгам Вашингтон наконец-то согласился увязать репарации с военными долгами союзников⁶⁶. В интересах защиты американских займов, выданных Германии, Гувер предложил объявить всеобщий мораторий как на германские «политические платежи», так и на военные долги союзников, тем самым расчистив путь к формальной отмене германских обязательств по репарациям, объявленной год спустя на Лозаннской конференции⁶⁷. Однако в июне 1931 г. французы не были склонны к уступкам. Гувер не провел предварительных консультаций с французами. Париж, возмущенный тем, что США поставили интересы своих кредиторов, выдававших долгосрочные займы, выше французских требований о репарациях, протянул с одобрением моратория до 6 июля. Этого хватило

64. Как пишет Винклер, Брюнинг мог бы объявить мораторий Гувера триумфом германской внешней политики: Winkler, *Weimar*, 415.

65. Costigliola, *Awkward Dominion*, 235–8. Об американской политике в Берлине с декабря 1930 по июль 1931 гг. см.: B. V. Burke, *Ambassador Frederic Sackett and the Collapse of the Weimar Republic, 1930–1933* (Cambridge, 1994), 113–44.

66. Ritschl, *Krise und Konjunktur*, 150–51; Wala, *Weimar und Amerika*, 169–79.

67. Heyde, *Das Ende*, 200–24.

для того, чтобы германская финансовая система потеряла сотни миллионов рейхсмарок в зарубежной валюте. Именно в этот решающий период банковский и валютный кризис слились воедино, что имело фатальные последствия. В понедельник 13 июля произошло банкротство банка DANAT, и население бросилось снимать деньги в другие банки⁶⁸. Кабинет министров и Рейхсбанк были вынуждены приостановить работу германской финансовой системы, а 15 июля объявить о новой системе валютного контроля, покончившей со свободным функционированием золотого стандарта в Германии⁶⁹. Золотое содержание рейхсмарки номинально осталось прежним. Однако с лета 1931 г. запасы иностранной валюты, находившиеся в частном владении, подлежали в Германии национализации. Любой резидент, каким-либо образом получивший иностранную валюту, был обязан обменять ее в Рейхсбанке на рейхсмарки. Всякий, кто нуждался в иностранной валюте, мог получить ее лишь по заявке, поданной в Рейхсбанк, и выдача валюты по таким заявкам была строго ограничена. Импортёры получали иностранную валюту в количествах, соответствовавших фиксированной доле от объема их зарубежных трансакций на протяжении 12 месяцев, предшествовавших кризису. Таким образом, Рейхсбанк получил возможность контролировать весь импорт. В августе последним штрихом кризиса стало так называемое соглашение о моратории, по которому мораторий на германские репарации распространялся на германские краткосрочные кредиты — самый нестабильный элемент в немецкой «горе долгов»⁷⁰.

Но на этом буря не утихла. Следующей жертвой волны финансовой нестабильности, накрывшей Европу, после Вены и Берлина, стал Лондон. 20 сентября, после нескольких недель яростной атаки спекулянтов на фунт стерлингов, Великобритания вслед за Германией отменила золотой стандарт⁷¹. Однако, в отличие от Рейхсбанка, Английский банк предпочел покончить с золотым стандартом не приостановив свободную конвертируемость национальной валюты, а отказавшись от фиксированной привязки фунта к золоту. Фунт стерлингов по-прежнему можно было свободно продавать и покупать, но его стоимость уже не обеспечивалась золотом. За несколько недель ведущая

68. G. D. Feldman in L. Gall, G. D. Feldman, H. James, C.-L. Holtfrerich and H. E. Buschgen, *The Deutsche Bank 1870–1995* (London, 1995), 240–76.

69. Hardach, *Weltmarktorientierung*, 139.

70. Heyde, *Das Ende*, 255–64. Как указывается в Ritschl, *Krise und Konjunktur*, 154–6, «соглашение о моратории» также ставило на первое место интересы американских кредиторов, выдававших краткосрочные займы.

71. *The Economist*, 26 September 1931, 547–8.

мировая торговая валюта рухнула относительно рейхсмарки на 20%. Глобальная финансовая система лишилась якоря. Отказ Великобритании от золотого стандарта превратил суровую рецессию в глубокий кризис международной экономики. К концу сентября 12 стран вслед за Великобританией пустили свою валюту в свободное плавание. Еще 11 стран девальвировали обменный курс своих валют, сохранив привязку к золоту; те же, кто, подобно Германии, Франции и Нидерландам, придерживался прежнего курса национальной валюты к золоту, были вынуждены защищать свой платежный баланс, введя драконовские ограничения на конвертируемость валюты и торговлю ею. Таким образом удавалось контролировать объемы импорта. Но при этом германские экспортеры столкнулись с колоссальными препятствиями. Поскольку большинство важнейших торговых конкурентов Германии благодаря девальвации валюты получили серьезные конкурентные преимущества, объем германского экспорта с 1931 по 1932 г. упал еще на 30%. С трудом завоеванный торговый профицит, составлявший в 1931 г. 2,8 млрд рейхсмарок, через год сократился до нескольких сотен миллионов рейхсмарок, но даже этот неустойчивый баланс удавалось поддерживать лишь с помощью дальнейшего драконовского сокращения импорта. К весне 1932 г. твердая валюта стала доступна для германских импортеров в объемах, составлявших половину докризисных⁷².

Очевидный способ облегчить положение Германии заключался в том, чтобы девальвировать рейхсмарку и восстановить ее прежний курс по отношению к фунту стерлингов⁷³. Более того, Английский банк уже летом высказывался в пользу девальвации рейхсмарки как самого эффективного ответа на банковский и валютный кризис⁷⁴. Не следует воображать, будто соответствующие должностные лица в Германии и слышать не хотели о такой мере. Брюнинг впоследствии утверждал, что надеялся осуществить 20-процентную девальвацию после окончания острой фазы кризиса и накопления Германией достаточных резервов зарубежной валюты для того, чтобы гарантированно поддерживать новый курс рейхсмарки⁷⁵. В сентябре 1931 г. Ялмар Шахт выражал надежду, что Германия сумеет восполь-

72. *Der Deutsche Volkswirt*, 1.04.1932, 869, 875.

73. J. Schieman, *Die deutsche Waehrung in der Weltwirtschaftskrise 1929–1933* (Berne, 1980), 166–292; Heyde, *Das Ende*, 280–96; K. Borchardt, «Zur Frage der waehrungspolitischen Optionen Deutschlands in der Weltwirtschaftskrise», in Borchardt, *Wachstum, Krisen, Handlungsspielraeume*, 206–24.

74. О том, как это обсуждалось в то время, см.: *The Economist*, 3 October 1931, 613.

75. Schieman, *Die deutsche Waehrung*, 188, 207–14.

зоваться британскими затруднениями, чтобы добиться торговых и кредитных уступок при сохранении привязки рейхсмарки к фунту стерлингов. Однако с такой стратегией были связаны серьезные риски, очень хорошо осознававшиеся Рейхсбанком. В общественном сознании девальвация была неотъемлемо связана с опытом гиперинфляции. В 1922 и 1923 гг. падавший на глазах курс рейхсмарки к доллару служил ежедневным напоминанием о бедственном положении Германии. Поэтому едва ли стоит удивляться тому, что немецкие экономисты и финансовые аналитики запугивали себя сценарием, в соответствии с которым серьезная девальвация должна была резко повысить стоимость импорта, приведя к инфляции. Рейхсбанк, несомненно, беспокоился о том, что ограниченные резервы валюты делают его беззащитным в случае спекулятивной атаки на девальвированную германскую валюту. Однако в итоге решающим фактором стало влияние девальвации на стоимость германского внешнего долга. Его основная часть была деноминирована в иностранной валюте. Соответственно, снижение стоимости рейхсмарки немедленно привело бы к росту долговых обязательств Германии, выраженных в рейхсмарках. Хотя Английский банк приветствовал германскую девальвацию, США четко дали понять, что желают, чтобы Германия обслуживала свои долгосрочные займы и в то же время защищала свой платежный баланс с помощью мер валютного контроля⁷⁶. После того как президент Гувер наконец сказал свое веское слово по вопросу о репарациях и даже намекнул на то, что мог бы поддержать претензии Германии к Польше, Берлин еще раз сделал выбор в пользу атлантистской стратегии. Правительство канцлера Брюнинга рассчитывало, что рано или поздно (скорее рано) американские действия, связанные с военными долгами, заставят Великобританию и Францию пойти на отмену репараций. А это, как уверенно ожидал Брюнинг, должно было проложить путь к нормализации политических и экономических отношений в Европе⁷⁷. Однако в результате прошло 12 катастрофических месяцев, прежде чем в Лозанне наконец была заключена сделка. Между тем перспективы германской экономики выглядели все более мрачными.

76. О роли Америки при подталкивании Германии к валютному контролю см.: Ritschl, *Krise und Konjunktur*, 153–4. Против каких-либо подобных шагов выступала и Франция: Schiemann, *Die deutsche Währung*, 195–200.

77. Н. Mommsen. «Heinrich Brüning as Chancellor», in Н. Mommsen, *From Weimar to Auschwitz* (Cambridge, 1991), 119–40.

Брюнинг, вынужденный сохранять привязку к золоту из-за американских займов, но столкнувшийся с девальвацией большинства валют, в которых осуществлялась германская торговля, не имел иного выхода, кроме очередного раунда дефляции, и пошел на него своим указом. Четвертый президентский чрезвычайный указ от 8 декабря 1931 г., запретив ношение партийной формы и политические демонстрации, также предусматривал обязательное сокращение ставок заработной платы, жалованья, цен и процентных ставок, за которым последовали дальнейшее сокращение государственных расходов и повышение налогов⁷⁸. Как выразился журнал *The Economist*, это покушение на «экономические свободы не имело аналогов за пределами СССР»⁷⁹. В качестве своего комиссара по дефляции Брюнинг избрал ультраконсервативного мэра Лейпцига Карла Герделера, немедленно приступившего к выполнению активно рекламировавшейся кампании экономии⁸⁰. Однако она не могла скрыть того факта, что Германии грозил крах. Число безработных превысило 6 млн человек, и крупные сектора экономики ожидало неминуемое банкротство. Инфляция, несомненно, была пугалом для немецкого общества. Но в том, что касается непосредственного влияния на экономику, дефляция, несомненно, имела бесконечно более пагубные последствия, в первую очередь из-за ее влияния на бухгалтерские балансы. В то время как доходы и выручка сокращались одновременно с дефляцией цен и заработков, долговые, ипотечные и прочие финансовые обязательства оставались на высоких докризисных уровнях. Зимой 1931–1932 г. банкротства начали подрывать основы германского бизнеса. После летнего кризиса 1931 г. все крупные банки находились под контролем государства. Произошел ряд громких банкротств в страховом деле и в машиностроении. С трудом держалась AEG — одна из главных германских электротехнических фирм. Кризиса удалось избежать лишь крупнейшему европейскому стальному и угольному конгломерату *Vereinigte Stahlwerke* благодаря тому, что государство приобрело большой пакет его акций, прежде принадлежавших Фридриху Флику. Как говорил своему однопартийцу министр финансов Герман Дитрих, «Я не собирался национализировать половину Рура <...> но угроза того, что иностранные круги скупают акции, и тот факт, что банкротство <...> задело бы <...> *Stahlverein*, что, в свою

78. Winkler, *Weimar*, 435–7.

79. *The Economist*, 12 December 1931, 1115.

80. S. Gillmann and H. Mommsen (eds.), *Politische Schriften und Briefe Carl Friedrich Gördelers* (Munich, 2003), 179–83, 214–32, 240–47.

очередь, потрясло бы с таким трудом восстановленную структуру германских банков, не оставляли мне выбора...»⁸¹.

Перед лицом надвигающейся экономической катастрофы развалился «дефляционный консенсус», на который опирался Брюнинг в течение первых 18 месяцев своего канцлерства⁸². Роль застрельщика при этом снова сыграл Ялмар Шахт. На протяжении 1930 г. и в начале 1931 г. Шахт удерживался от открытой критики в адрес правительства Брюнинга — возможно, в надежде вернуться на свою прежнюю должность в составе консервативно-националистической коалиции. После летних катастроф 1931 г. Шахт отказался от этой сдержанности на съезде националистических сил, проходившем в Бад-Харцбурге, выступив с резким обличением бесхребетности репарационной политики Брюнинга⁸³. Он заявил, что обновление Германии — вопрос не партийных политических программ и даже не вопрос ума. Это вопрос «личности». И Шахт уже не делал тайны из источника, от которого ожидал этого нравственного возрождения. Главными организаторами съезда были Гугенберг и НННП. Но на первые полосы газет попало появление Шахта на трибуне Харцбурга рядом с Адольфом Гитлером⁸⁴.

IV

Националистический поворот в германской внешней политике, произошедший в 1930–1931 гг., несомненно, был катастрофически несвоевременным. Тем не менее мораторий Гувера и стремление американцев покончить с репарациями означали, что атлантистская программа в известном смысле пришла к логическому завершению. В обычных условиях дальнейшее существование трансатлантической финансовой оси, конечно, оставалось бы привлекательным вариантом для Германии. Однако крах американской экономики и решение британцев отказаться от золотого стандарта потрясли финансовые предпосылки, на которых

81. A. Reckendrees, *Das «Stahltrust-Projekt»* (Munich, 2000), 471–507.

82. G. D. Feldman «From Crisis to Work Creation: Government Policies and Economic Actors in the Great Depression», in J. Kocka, H.-J. Puhle and K. Tenfelde (eds.), *Von der Arbeiterbewegung zum modernen Sozialstaat* (Munich, 1994), 703–18.

83. Тогда же, в октябре 1931 г., с Брюнингом порвало и правое крыло НЛП, бывшей партии Штретзмана: Winkler, Weimar, 430–32.

84. Об аплодисментах в адрес Гитлера и Шахта см.: G. Schulz (ed.), *Politik und Wirtschaft in der Krise 1930–1932* (Düsseldorf, 1980), doc. 341, Бланк — Ройшу, 12.10.1931, 11.10.39–43. О сенсации, которую вызвало выступление Шахта, см. сообщения от 11 и 12 октября 1931 г. в: *Schulthess' Europaeischer Geschichtskalender* (Munich, 1932), 224–9.

основывалась политика Штреземана. Единство и взаимозависимость мировой экономики, отнюдь не будучи самоочевидной исторической необходимостью, оказались под очень большим вопросом. Разумеется, и внутри Германии, и за ее пределами раздавались голоса, призывавшие к конструктивным усилиям по перестройке основ международного порядка⁸⁵. Но в условиях глобальной экономической катастрофы многим казалось, что на самом деле проблемой является сама международная экономическая взаимозависимость⁸⁶. Теперь намного большим доверием пользовались националистические идеи — проекты будущего, в котором глобальные финансовые связи не оказывали решающего влияния на судьбы наций⁸⁷. Четыре ключевых элемента этой националистической повестки дня вышли на передний план еще до того, как Гитлер пришел к власти. И в массовом историческом сознании, и в исторической литературе широко укоренилось предубеждение, согласно которому действительно важным нововведением в экономической политике Третьего рейха по сравнению с экономической политикой Веймарской республики стало начавшееся после 1933 г. срочное осуществление программ национального возрождения и создания рабочих мест⁸⁸. Грубо говоря, считается, что Генрих Брюнинг сделал своим фетишем дефляцию. И напротив, важнейшую роль в пропаганде гитлеровского режима играли создание рабочих мест и борьба с безработицей. В свете происходившей почти в то же самое время «кейнсианской революции» в экономике этот контраст между тем, что было до и после 1933 г., наделяется еще большим историческим значением. С точки зрения как немецких, так и зарубежных кейнсианцев крах Веймарской республики навсегда останется самым выразительным примером последствий, вытекающих из избыточной веры в возможности свободного рынка к самоисцелению: эта риторическая связь активно использовалась во время затяжных арьергардных сражений кейнсианцев с интеллектуальными силами «новых правых» в 1970–1980-х гг.⁸⁹ Историю Германии в 1929–1933 гг., несо-

85. Либеральные силы по-прежнему спланивались вокруг журнала Густава Штольпера *Der Deutsche Volkswirt*; см., например, сделанный Вильгельмом Репке обзор последних публикаций Фердинанда Фрида в: *Der Deutsche Volkswirt*, 6.01.1933, 437–8.

86. James, *The End of Globalization*, 187–99.

87. E. Teichert, *Autarkie und Grossraumwirtschaft in Deutschland 1930–1939* (Munich, 1984).

88. См., например, интересную элзию в названии работы: D. P. Silverman, *Hitler's Economy: Nazi Work Creation Programs, 1933–1936* (Cambridge, 1998) [«Гитлеровская экономика: нацистские программы по созданию рабочих мест, 1933–1936»].

89. Возможно, она наиболее заметна в генеалогии немецкого кейнсианства, описанной в пятитомном издании: G. Bombach et al. (eds.), *Der Keynesianismus* (1976–84).

мненно, можно трактовать именно в этом плане. Но если мы хотим разобраться в природе гитлеровского режима, избегая этой анахронистической точки зрения, то акцент на создании рабочих мест, как ключ к пониманию нацистской экономической политики, представляется неуместным. Фактически создание рабочих мест как тема обширных дискуссий на правом крыле германской политики всплывает лишь во второй половине 1931 г. Нацистская партия сделала создание рабочих мест ключевым пунктом своей программы только в конце весны 1932 г., и оно сохраняло этот статус всего 18 месяцев, до декабря 1933 г., когда расходы на создание рабочих мест в гражданском секторе были формально удалены из списка приоритетов гитлеровского правительства. Несмотря на заявления геббельсовской пропаганды и интерес позднейших комментаторов и историков к этой теме, меры по созданию рабочих мест в гражданской экономике явно не занимали главного места в повестке дня националистической коалиции, захватившей власть в январе 1933 г. По сути, этот вопрос служил предметом самых серьезных разногласий между партнерами по январской коалиции 1933 г.⁹⁰ Против экономических мер, финансируемых за счет кредитов, яростно выступал Гугенберг, глава ННП и незаменимый партнер Гитлера по коалиции. К созданию рабочих мест также с подозрением относились близкие к Нацистской партии деловые и банковские круги, нашедшие по данному вопросу активного сторонника в лице Ялмара Шахта. Совсем иначе обстояло дело с тремя приоритетными темами, действительно объединявшими правых националистов и сделавшими возможным создание гитлеровского правительства 30 января 1933 г.: перевооружением, отказом от внешних долгов Германии и спасением немецкого сельского хозяйства. Именно они находились на первом месте в повестке дня правых еще с 1920-х гг. После 1933 г. их осуществление было объявлено приоритетным — при необходимости даже за счет создания рабочих мест. Водоразделом между Веймарской республикой и Третьим рейхом стали шаги, предпринятые Гитлером для решения именно этих вопросов.

Разоружение и международные финансы были связаны друг с другом еще с 1920-х гг. Но в 1932 г. в последней отчаянной

Интересным недавним проявлением этого жанра в исполнении ни много ни мало как экономического корреспондента «Би-би-си» служит работа: J. Peter and M. Stewart, *Apocalypse 2000: Economic Breakdown and the Suicide of Democracy 1989–2000* (London, 1987).

90. О том, что Шахт в августе 1932 г. предостерегал Гитлера от каких-либо чересчур конкретных заявлений по экономической политике, см.: IMT, *Nazi Conspiracy and Aggression* (Washington, 1946–7), II, EC-456, 513–14.

попытке найти мирное решение европейских проблем администрация президента Гувера еще более тесно увязала их друг с другом⁹¹. К концу 1931 г. все стороны согласились с тем, что отмена репараций зависела от списания американцами французских и британских военных долгов. На практике этот консенсус нашел отражение в чрезвычайном моратории 1931 г. Однако Гуверу по-прежнему требовалось получить согласие конгресса на списание долгов, а для этого нужно было достичь каких-либо подвижек по вопросу о разоружении. То, что Франция и Великобритания могли использовать финансовую поблажку, полученную от Америки, для увеличения военных расходов, было абсолютно неприемлемо. Поэтому в начале 1932 г. американцы одновременно созвали две конференции: в Женеве — по разоружению, и в Лозанне — по «политическим» долгам. Роль третьей трибуны играли затянувшиеся приготовления к международной конференции по глобальной экономике, которая должна была рассмотреть проблему расстройств мировой финансовой системы и вредного усиления международного протекционизма. В 1920-х гг. перед лицом предыдущих попыток Америки внести изменения в мировой порядок Штресман положил в основу своей стратегии стремление закрепить за Германией роль ключевого союзника США. Напротив, начиная с 1932 г. правительства Франца фон Папена, генерала Курта фон Шлейхера и, наконец, Адольфа Гитлера занимали диаметрально противоположную позицию. Вместо того чтобы искать источник процветания и безопасности в многосторонних соглашениях, соблюдение которых гарантировалось бы мощью Соединенных Штатов, они стремились добиться для Германии односторонних преимуществ — при необходимости даже путем противодействия усилиям Америки по восстановлению международного порядка⁹².

Тайная подготовка к перевооружению Германии продолжалась в течение всех 1920-х гг., но никогда не принимала действительно угрожающего размаха⁹³. Штресман неизменно при-

91. О взаимосвязи между тремя конференциями см.: M. Geyer, *Aufrüstung oder Sicherheit: Die Reichswehr in der Krise der Machtpolitik 1924–1936* (Wiesbaden, 1980), 236–44; Costigliola, *Awkward Dominion*, 218–61; P. Clavin, *The Failure of Economic Diplomacy: Britain, Germany, France and the United States, 1931–36* (New York, 1996).

92. Краткое, но информативно об этой проблеме рассказывается в: H. Sirois, *Zwischen Illusion und Krieg: Deutschland und die USA 1933–1941* (Paderborn, 2000), 51–9.

93. M. Geyer, «Etudes in Political History: Reichswehr, NSDAP, and the Seizure of Power», in Peter D. Stachura (ed.), *The Nazi Machtergreifung* (London, 1983), 101–23; M. Geyer, «Militär, Rüstung und Außenpolitik: Aspekte militärischer Revisionspolitik in der Zwischenkriegszeit», in Manfred Funke (ed.), *Hitler, Deutschland und die Mächte* (Düsseldorf, 1976), 239–68.

нимал меры к тому, чтобы подпольная деятельность военных не ставила под удар его главную цель — добиться вывода французских войск с немецкой земли и существенного снижения репараций. Уход последних иностранных войск из Рейнской области летом 1930 г. создал условия для более конкретных решений. Брюнинг отдавал явное предпочтение графику, при котором германская армия — рейхсвер — должна была начать перевооружение сразу после снятия вопроса о репарациях. К декабрю 1931 г. рейхсвер окончательно принял второй так называемый *Rüstungsplan* («план перевооружения»), предусматривавший расходы в объеме немногим более 480 млн рейхсмарок в течение пяти лет⁹⁴. Согласно этому плану Германия в случае нападения получала возможность выставить оборонительные силы в количестве 21 дивизии, оснащенные небольшим количеством артиллерии, танков и самолетов. Более амбициозный вариант этого плана, известный как *Milliardenprogramm* («программа на миллиард рейхсмарок»), предполагал дополнительные расходы на создание промышленной инфраструктуры, требовавшейся для постоянного содержания этих сил. Однако, поскольку эти планы не требовали увеличения численности рейхсвера по сравнению со штатами мирного времени, они (по крайней мере формально) не нарушали условий Версальского договора. На протяжении 1932 г., благодаря росту влияния генерала Шлейхера в германской политике, планы рейхсвера становились все более смелыми и срочными. Во второй половине 1932 г. руководство рейхсвера задумалось о резком увеличении его численности в мирное время — открытое нарушение Версальского договора. План реорганизации, утвержденный Шлейхером 7 ноября 1932 г., предусматривал создание постоянной армии размером в 21 дивизию, кадровым ядром которой должны были стать 147 тыс. профессиональных военнослужащих, и значительного ополчения. Осенью 1932 г. немецкая делегация на женеvских переговорах о разоружении временно покинула конференцию в попытке принудить Францию и Великобританию к признанию равноправного статуса Германии: любые договоренности должны были в равной мере распространяться на всех участников. Однако Шлейхер, в декабре 1932 г. ставший канцлером, по-прежнему воздерживался от полного разрыва с международным сообществом. Добившись согласия на соблюдение принципа равенства (с другими державами), немцы вернулись в Женеву. Тем не менее за спиной у Шлейхера стояла более

94. M. Geyer, «Das Zweite Rüstungsprogramm (1930–1934)», MGM 17 (1975), 125–72.

агрессивная когорта генералов, включая Вернера фон Бломберга, призывавшего к одностороннему перевооружению в открытом порядке. Более того, практические проблемы перевооружения диктовали свой собственный график. Великая депрессия все сильнее сказывалась на состоянии германского машиностроения. Казалось, что, если государство в ближайшее время не выделит существенных средств, те промышленные мощности, от которых в конечном счете зависело перевооружение, вскоре могут быть утрачены⁹⁵. Именно это имело в виду правительство генерала Шлейхера, первым прибегнув к созданию рабочих мест — как к средству скрыть военные расходы от иностранных наблюдателей, так и к способу объединить немецкий народ с помощью программы перевооружения.

В строго экономическом плане ключевым моментом, определявшим повестку дня германского национализма начиная с принятия плана Дауэса в 1924 г., было не создание рабочих мест, а отказ от международных обязательств Германии — сперва от репараций, а затем от международных кредитов, которые брались с начала 1920-х гг. (чтобы выплачивать репарации). Как мы видели, вплоть до 1932 г. эта логика диктовала необходимость держаться за США. План Янга по крайней мере предполагал снижение ежегодных выплат, а какую-либо надежду на полную отмену репараций давала только позиция США. Поэтому ультранационалисты оставались в меньшинстве, а выполнение обязательств по-прежнему служило краеугольным камнем серьезной государственной политики. Однако к осени 1932 г. ситуация заметно изменилась. В июле 1932 г. на лозаннской конференции по репарациям Великобритания и Франция согласились на сделку, де-факто положившую конец германским репарационным платежам⁹⁶. Существенно, что при этом, вопреки пожеланиям американцев, они увязали аннулирование всех германских обязательств со списанием своих военных долгов перед Америкой. Британия произвела последнюю выплату по американским военным долгам в декабре 1932 г., но лишь после того, как США заявили протест. Франция, Бельгия, Польша, Эстония и Венгрия просто объявили себя неплатежеспособными. Премьер-министр Эдуар Эррио, выступавший за выполнение французских обязательств, потерпел сокрушительное поражение в парламенте. Америка оказалась не в состоянии быть

95. О поддержке, оказываемой военными фирмам, находившимся в сложном положении, см.: E. W. Hansen, *Reichswehr und Industrie* (Boppard, 1978), 179–85.

96. Heyde, *Das Ende*, 408–55; Clavin, *Failure*, 30–59.

арбитром в европейских конфликтах. И это имело самые серьезные последствия для немецкой стратегии.

В январе 1933 г. Германия все еще была должна зарубежным кредиторам 19 млрд рейхсмарок, из которых 10,3 млрд приходилось на долгосрочные обязательства, а 4,1 млрд — на краткосрочные займы, покрывавшиеся «соглашением о моратории»⁹⁷. По крайней мере 8,3 млрд рейхсмарок из этой суммы составлял долг перед крупнейшим кредитором — Соединенными Штатами. Это долговое бремя, сократившееся с 1924 г., представляло собой не менее серьезную угрозу для уровня жизни немецкого народа, чем репарации, к тому моменту уже снятые с повестки дня. В процессе обслуживания долга Германия ежегодно должна была переводить за границу проценты и часть основного долга на общую сумму, приближавшуюся к 1 млрд рейхсмарок, а с учетом недоступности новых кредитов в 1930-х гг., в отличие от 1920-х, перед Германией вставала перспектива производить «реальные платежи». Она не могла расплачиваться с кредиторами, просто делая новые займы. Чтобы Германия имела возможность обслуживать свой долг, ее экспорт должен был превышать импорт по крайней мере на 1 млрд рейхсмарок. Это означало существенное снижение уровня жизни. Кроме того, после прекращения репараций почти половина обременительных выплат Германии в счет обслуживания долга доставалась одной-единственной стране — Соединенным Штатам. Поскольку Германия все еще нуждалась в поддержке Америки для того, чтобы заставить Великобританию и Францию отменить репарации, Берлин был заинтересован в сотрудничестве с Вашингтоном, несмотря на тяжелое бремя американских долгов и на ничтожные шансы получения новых кредитов. После заключения Лозаннского соглашения о репарациях, когда Франция и Великобритания вступили в ожесточенный конфликт с США из-за своих военных долгов, необходимость в этом сотрудничестве отпала. Да и в случае дефолта Германии не приходилось слишком опасаться американских торговых санкций. Баланс трансатлантической торговли был крайне невыгоден для Германии. В этом отношении усилия США по достижению европейской стабилизации заключали в себе фундаментальное противоречие⁹⁸. Американские таможенные тарифы, превышавшие 44%, усиливали американские конкурентные преимущества почти во всех отраслях промышленности. Одновременно они фактически лишали

97. C. R. S. Harris, *Germany's Foreign Indebtedness* (Oxford, 1935).

98. Это четко прочитывалось и в докладе Лейтона о ситуации в Германии в августе 1931 г.; см.: Winkler, *Weimar*, 420.

американских должников возможности расплатиться по долгам, даже если те этого хотели. После отмены репараций это противоречие, скрывавшееся в американской внешнеэкономической политике, дало германским националистам готовый предлог для объявления дефолта. Разумеется, это был не единственный исход, к которому могла привести ситуация в Германии. Агрессивные односторонние шаги и дефолт не были предопределены. В 1920-х гг. Штресман стремился превратить Германию в ведущего защитника многосторонней свободной торговли, и эту линию с энтузиазмом поддерживали по крайней мере экспортоориентированные отрасли⁹⁹. В конце концов, во времена процветания Германия была одной из ведущих торговых наций мира, отправляя свои товары буквально во все уголки земного шара. В 1932 и 1933 г. уже шли предварительные переговоры о проведении в Лондоне Всемирной экономической конференции, на которой ключевым вопросом должны были стать тарифы¹⁰⁰. У Германии еще оставалась возможность сыграть позитивную роль проводника либерализации, а не националистического распада мира на отдельные экономики. Однако к 1932 г. либеральные голоса утонули в шуме и гаме экономического национализма. Более того, в условиях краха золотого стандарта даже ассоциация промышленников страны с большим трудом поддерживала консенсус в отношении многосторонней свободной торговли. И атаку националистов на этом фронте снова возглавил бывший президент Рейхсбанка Ялмар Шахт. В конце 1931 г. он выложил перед несколькими ведущими промышленниками Германии новый торговый план¹⁰¹. В соответствии с ним в стране предполагалось создать организацию наподобие той, что существовала во время Первой мировой войны, и с ее помощью осуществлять централизованный контроль над всем германским импортом. В дальнейшем эти меры можно было использовать для того, чтобы принудить страны,

99. Итогом, вместо принципиального решения в пользу низких тарифов, стало болезненное противостояние между сельским хозяйством и работающей на экспорт промышленностью, которое удалось преодолеть лишь посредством ряда неловких временных мер, хотя благодаря им низкие тарифы сохранялись по крайней мере до 1929 г.; см.: R. M. Spaulding, *Osthandel und Ostpolitik: German Foreign Trade Policies in Eastern Europe from Bismarck to Adenauer* (Providence, RI, 1997), 123–37; D. Stegmann, «Deutsche Zoll- und Handelspolitik 1924/5–1929», in H. Momrasen, D. Petzina and D. Weisbrod (eds.), *Industrielles System und politische Entwicklung in der Weimarer Republik* (Düsseldorf, 1977), II. 499–513.

100. Clavin, *Failure*, 61–80.

101. S. Dengg, *Deutschlands Austritt aus dem Völkerbund und Schachts Neuer Plan* (Frankfurt, 1986), 386–7; R. Neebe, *Grossindustrie, Staat und NSDAP 1900–1933* (Göttingen, 1981), 122–6.

поставлявшие в Германию свои товары, к принятию германского экспорта по крайней мере в равных количествах. С учетом того ущерба, который план Шахта нанес бы сложным многосторонним отношениям Германии, он получил поддержку лишь у немногих немецких промышленников. Однако среди аграриев враги либерализма нашли больше активных сторонников.

В той степени, в которой экономические интересы отвечали за крах Веймарской республики и создание гитлеровского правительства, пришедшего к власти 30 января 1933 г., основная вина лежала не на крупном бизнесе и даже не на тяжелой промышленности, а на ожесточившихся немецких фермерах¹⁰². Либерализм еще с 1870-х гг. лишился поддержки в деревне¹⁰³. Бисмарк в 1879 г. заручился расположением аграриев, установив первую серьезную пошлину на зерно. Это не привело к упадку сельского хозяйства, но существенно замедлило перестройку общества и внутренние миграции — при бездействии государства эти процессы протекали куда более болезненно. В середине XIX в. половина немецких трудящихся была занята в сельском хозяйстве. К 1925 г. эта доля сократилась до 25%, но это все равно означало, что сельское хозяйство служило непосредственным источником средств к существованию для 13 млн человек. Поэтому голоса аграрного лобби были очень важны для всех политических партий, кроме социал-демократов и коммунистов, не имевших привлекательной аграрной программы. Однако к концу 1920-х гг. респектабельные правоцентристские партии теряли поддержку в аграрных кругах по мере того, как немецкое сельское хозяйство проникалось все более радикальными настроениями, вызванными общемировым обрушением товарных цен¹⁰⁴. В результате аграрное лобби стало требовать не только все более серьезной протекции и списания долгов, но и принципиального поворота в германской торговой политике. Поскольку пошлины оказались неэффективной мерой защиты от конкуренции со стороны дешевых товаров, аграрии требовали уже введения специальных квот, призванных ограничить импорт важнейших сельскохозяйственных товаров в Германию из конкретных стран¹⁰⁵. Либерально мыслящие немцы всегда возражали против сельскохозяйственных тарифов. Более того, новые предложения, предусматривавшие дискриминацию отдельных торговых парт-

102. Kershaw, Hitler: Hubris, 414.

103. О развитии немецкого протекционизма в европейском контексте см.: M. Tracy, *Government and Agriculture in Western Europe 1880–1988* (Hemel Hempstead, 1989).

104. W. Pyta, *Dorfgemeinschaft und Parteipolitik 1918–1933* (Düsseldorf, 1996), 203–33.

105. См.: W. A. Bölske, *Deutschland als Welthandelsmacht 1930–1945* (Stuttgart, 1994), 17–20.

неров, угрожали полностью разрушить систему многосторонней торговли. Тем не менее нельзя отрицать того, что чрезвычайные меры, принятые в июле 1931 г., указывали именно на это. В конце концов введенная Рейхсбанком новая система ограниченной выдачи зарубежной валюты являлась именно тем механизмом, который требовался для контроля за структурой германского импорта¹⁰⁶. Однако в том, что касалось квот, Брюнинг оставался непреклонен. Его правительство щедро оказывало поддержку сельскому хозяйству во всех других отношениях, но по вопросу о квотах не желало идти на компромиссы¹⁰⁷. В этом отношении и Папен, и Шлейхер следовали примеру Брюнинга. Папен, в принципе одобряя квоты, был согласен на них лишь в пределах, «не нарушающих действующих торговых соглашений», а после того, как правительство Папена пало, со стороны Шлейхера не последовало никаких решительных действий¹⁰⁸. Однако из-за этого аграрное лобби встало в открытую оппозицию к республике¹⁰⁹. В начале 1933 г. ключевые вожди аграрного лобби решительно подступились к президенту Паулю фон Гинденбургу, который сам был крупным землевладельцем, с целью заставить его признать коалицию между НННП Гугенберга и НСДАП Гитлера. Аграрии, подобно сторонникам дефолта по долгам и перевооружения, хотели видеть во главе страны такое правительство, которое бы в одностороннем порядке претворяло в жизнь их концепцию немецких национальных интересов и заставило соседей и торговых партнеров Германии согласиться на его условия.

V

Враги либерализма в Германии явно поднимали голову. К 1932 г. ущерб, нанесенный парламентской системе, вполне мог оказаться непоправимым, вследствие чего Веймарскую республику почти наверняка сменил бы какой-нибудь авторитарный националистический режим. В конце концов, в 1932 г. и канцлером,

106. Этот момент не укрылся от внимания сторонников протекционистских мер в таких секторах промышленности, как текстильный, но встретил противодействие со стороны министра экономики; см.: K. Wiegmann, *Textilindustrie und Staat in Westfalen 1914–1933* (Stuttgart, 1993), 220–22.

107. D. Petzina, *Die Verantwortung des Staates für die Wirtschaft* (Essen, 2000), 10–45.

108. Эта пауза подробно разбирается в: Spaulding, *Osthandel*, 222–33.

109. Помимо торговых вопросов, Союз сельских хозяев (*Reichslandbund*) прилагал все усилия к тому, чтобы воспрепятствовать любым попыткам ликвидации крупных поместий на востоке страны и раздачи этих земель крестьянам. См.: S. Merkenich, *Grüne Front gegen Weimar: Reichs-Landbund und agrarischer Lobbyismus 1918–1933* (Düsseldorf, 1998), 300–19.

и президентом республики в Германии были генералы. Но чем больше мы знаем о закулисных маневрах, окончившихся тем, что 30 января 1933 г. канцлером стал Гитлер, тем менее вероятным представляется, что этот исход был в каком-либо смысле предопределен. У нас как будто бы имеются все основания полагать, что мир мог бы избежать кошмара национал-социалистической диктатуры, если бы Гитлера еще несколько месяцев не подпускали к власти. Нацисты добились своего самого яркого электорального триумфа в июле 1932 г., получив на всеобщих выборах, последовавших за изгнанием канцлера Брюнинга, 37,2% голосов. Однако из-за сопротивления со стороны президента Гинденбурга и ключевых членов кабинета Папена Гитлеру не был предложен пост рейхсканцлера, а на менее значительные должности он не соглашался¹¹⁰. Несмотря на свой электоральный триумф, НСДАП осталась в оппозиции и в ноябре, на вторых всеобщих выборах 1932 г., поплатилась за это. Хотя по итогам выборов не удалось создать работоспособное парламентское большинство, следствием чего стало падение канцлера Папена, серьезный ущерб понесла и партия Гитлера — доля поданных за нее голосов составила менее 33%. Избиратели Гитлера явно были разочарованы его нежеланием входить в состав правительства. Партийные активисты начали колебаться. Импульс, который с 1929 г. вел НСДАП от победы к победе, иссяк. После ноябрьской неудачи неожиданно вновь дали о себе знать трения между левым и правым крыльями, преследовавшие национал-социализм в 1920-х гг. В декабре 1932 г. генерал Шлейхер, реальный «делатель королей» в германской политике, наконец взял власть в свои руки и сразу же завоевал популярность, дав старт первой общенациональной инициативе по созданию рабочих мест. Густав Штольпер впоследствии вспоминал веселый деловой завтрак, состоявшийся в январе 1933 г. в рейхсканцелярии, на котором Шлейхер и его помощники по очереди предсказывали, сколько еще голосов нацисты потеряют на выборах, которые Шлейхер надеялся провести весной¹¹¹.

Между тем в Америке в июне 1932 г. впервые замаячил призрак выздоровления экономики¹¹². После того как в Лозанне были отменены репарации, спрос на германские облигации начал расти¹¹³. Это было очень важно, поскольку давало банкам,

110. Winkler, *Weimar*, 509–12.

111. T. Stolper, *Ein Leben in Brennpunkten unserer Zeit* (Vienna, 1967), 309–10.

112. Зарубежную точку зрения см. в: *The Economist*, 17 September 1932, 493. Обзор литературы того времени см. в: C. Buchheim, «Die Erholung von der Weltwirtschaftskrise 1932/33 in Deutschland», *Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte*, 1 (2003), 13–26.

113. *Der Deutsche Volkswirt*, 8.07.1932, 1340.

находившимся в сложной ситуации, возможность избавиться от неликвидных активов и восстановить запасы наличных денег. В конце лета наметились признаки оживления в строительстве. После того как был собран урожай, а стройки были законсервированы из-за зимы, опять начался неизбежный рост безработицы, вновь приблизившейся к ужасающему уровню в 6 млн человек. Но специалистов радовал уже тот факт, что она не превысила уровня, достигнутого в предыдущем году. «Уровень безработицы, претерпевающий сезонные колебания» — новое понятие, набравшее популярность благодаря такой новомодной науке, как анализ деловых циклов, — стабилизировался. К концу 1932 г. экономическая ситуация в Германии оптимистично оценивалась уже не только в журнале Штольпера *Der Deutsche Volkswirt*, но и в авторитетном полугодовом отчете банка *Reichskreditgesellschaft*¹¹⁴. В декабре 1932 г. даже Берлинский институт изучения деловых циклов — самая влиятельная и одна из самых пессимистичных структур, занимавшихся оценкой состояния экономики в межвоенной Германии — объявил, что по крайней мере процесс «сжатия» завершился¹¹⁵. Берлинский корреспондент журнала *The Economist* сообщал, что «впервые за три или четыре года» германская буржуазия увидела «проблески света в экономике»¹¹⁶. Это заявление очень важно, поскольку оно противоречит всем последующим описаниям немецкой экономики при национал-социализме¹¹⁷. Немецкая экономика в 1933 г. вовсе не была кучей обломков. В ней начиналось то, что вполне могло оказаться энергичным циклическим восстановлением. 1 января 1933 г. новогодние передовицы в берлинской печати были проникнуты оптимизмом. Социал-демократическая ежедневная газета *Vorwaerts* приветствовала новый год заголовком «Взлет и падение Гитлера»¹¹⁸.

В данном случае судьбу Германии, а вместе с ней и всего мира решил трагический просчет небольшого кружка консервативных ультранационалистов. Бывший канцлер Папен, раздосадованный своим изгнанием в декабре 1932 г., вступил в сговор с аграрным лобби и некоторыми наиболее агрессивными

114. Reichskreditgesellschaft, *Germany's Economic Situation at the Turn of 1932/1933* (Berlin, 1933).

115. Критику хронически пессимистической позиции этого института см. в: *Der Deutsche Volkswirt*, 9.12.1932, 291.

116. *The Economist*, 24 December 1932, 1185–6.

117. Увековеченным, несмотря на все имеющиеся факты, в: W. Abelshauser, «Kriegswirtschaft und Wirtschaftswunder: Deutschlands wirtschaftliche Mobilisierung für den Zweiten Weltkrieg und die Folgen für die Nachkriegszeit», *VfZ* 47 (1999), 505–6.

118. H. A. Turner, *Hitler's Thirty Days to Power: January 1933* (New York, 1996), 1–2.

элементами в военных кругах, имевший своей целью заставить престарелого Гинденбурга дать отставку Шлейхеру и сформировать новое правительство на основе популярной национал-социалистической платформы. Для этого требовалось назначить Гитлера канцлером. Но ответственность и за сельское хозяйство, и за экономику брал на себя ультранационалист Гугенберг. Генерала Бломберга предполагалось сделать министром обороны, а Папена — вице-канцлером. Не следует предполагать и того, что баланс сил в правительстве Гитлера — Гугенберга — Папена — Бломберга был предопределен. В германском обществе имелись влиятельные силы — в первую очередь в военных и в церковных кругах, но также и в верхушке германского бизнеса, — которые были способны на многое для того, чтобы сбить Гитлера и его сторонников с их пути к власти¹¹⁹. Очевидно, что политика антисемитизма, агрессивного перевооружения и односторонней дипломатии ни в коем случае не была навязана Германии. Более того, необходимость подчеркивать это может показаться некоторым читателям абсурдной. Но такой подход позволяет четко дать понять, что подобные стандарты критики, основанной на альтернативных допущениях, не всегда беспристрастно применяются ко всем аспектам гитлеровского режима. По сути, от такой критической проверки зачастую полностью освобождается экономическая сфера. Слишком часто допускается, что реальный стратегический выбор в экономической политике — выбор, реально зависевший от национал-социалистической идеологии, — встал перед режимом Гитлера лишь в 1936 г., через четыре года после захвата им власти. Слишком часто допускается, что наиболее приоритетным для режима на протяжении не могла не быть борьба с безработицей. Но из избыточного внимания к вопросу создания рабочих мест вытекает еще одно следствие. В связи с проблемой безработицы мы можем изложить события так, как будто бы гитлеровский режим просто давал сильно запоздавший функциональный ответ на глубокий экономический кризис, в котором оказалась Германия. Более того, во многих работах, включая самые недавние, можно уловить намек на восхищение способностью гитлеровского режима порвать с косным консерватизмом, якобы сковывавшим предыдущие правительства в их действиях¹²⁰. Но как уже предполагалось и как будет подробно раскрыто в следующей главе, «кейнсианские» вопросы создания рабочих мест

119. G. Jasper, *Die Gescheiterte Zähmung: Wege zur Machtergreifung Hitlers, 1930–1934* (Frankfurt, 1986).

120. См., например: Abelshauser, «Kriegswirtschaft und Wirtschaftswunder».

и безработицы никогда не занимали такого важного места в повестке дня гитлеровского правительства, как обычно считается. Важнейшие решения в области экономической политики, принятые в 1933–1934 гг., касались не безработицы, а внешнего долга Германии, ее валюты и перевооружения, а в отношении этих вопросов режим никогда не мог бы претендовать на политическую невинность. Они составляли самое ядро националистической программы самоутверждения, которая и являлась истинной повесткой дня для гитлеровского правительства. Более того, если мы поставим на должное место вопросы внешнего долга и внешней торговли, нам станет ясно, что для многих миллионов немцев гитлеровское экономическое чудо на самом деле стало весьма неоднозначным испытанием.

Если мы стремимся избежать деполитизированной экономической истории нацистского режима, противоречащей нашим представлениям о всех остальных аспектах его истории, то следует всегда иметь в виду, что даже в 1933 г. существовали альтернативы той экономической стратегии, которую осуществляло правительство Гитлера. Более того, эти альтернативы вполне могли принести более значительные материальные блага большинству германского населения. Однако, не упуская из виду представление об альтернативах и создаваемую ими возможность критики, не следует недооценивать и ущерб, причиненный внутри и вне Германии Великой депрессией. Даже если бы Гитлер не был назначен канцлером и Шлейхер остался бы у власти, трудно себе представить, чтобы Германия избрала бы курс, который бы не был пагубным для последних отчаянных попыток восстановить на Земле мир и стабильность, предпринятых на переговорах о разоружении в Женеве и на Всемирной экономической конференции в Лондоне. Кроме того, мы бы попали в солипсистскую ловушку националистической стратегии, если бы заявили, что решение этой проблемы в конечном счете зависело от Германии. Она могла осуществлять политику, более или менее способствовавшую глобальной стабилизации, но шанс на достижение этой ускользающей цели в первую очередь определялся другими крупными державами. А в 1933 г. условия намного меньше способствовали многосторонней стратегии, чем десятью годами ранее. Прежде всего, резко изменилась позиция США. В 1923 г. Штресеман, очевидно, был прав, поставив на Америку как на доминирующую силу в мировых делах — как в экономическом плане, так и в качестве будущей военной сверхдержавы. Десятью годами спустя позиция Америки была фатально ослаблена самым суровым кризисом, известным в экономической истории. Когда Гитлер взял

ВВЕДЕНИЕ

власть, Гувера сменил Рузвельт, который в течение первых пяти месяцев пребывания в должности занимался исключительно спасением Америки от последнего катастрофического приступа депрессии. Прошли годы, прежде чем США вновь стали играть ключевую роль в вопросах мировой политики — но к тому времени жуткий режим Гитлера набрал слишком большой импульс, чтобы его можно было остановить как-либо иначе, помимо грубой силы.

Часть I
Восстановление

«Каждому трудящемуся — по рабочему месту»

ПЕРВОГО февраля 1933 г., через два дня после назначения на пост канцлера, Гитлер, вспотевший от волнения, записал первое общенациональное радиообращение в своей жизни¹. Через его выступление красной нитью проходила решимость преодолеть распад нации, ставший итогом капитуляции Германии в ноябре 1918 г. и последовавшей «коммунистической» революции². Тот факт, что даже в минуты торжества Гитлер решил вернуться к тем событиям 14-летней давности, недвусмысленно свидетельствует о ключевом месте, которое эти травматические переживания занимали в его политике. В том, что касалось конкретных политических мер, Гитлер пообещал стране четырехлетнюю программу спасения германского крестьянства от обнищания и борьбу с безработицей среди трудящихся. Он высказал намерение реформировать германский государственный аппарат и привнести порядок в устаревшее разделение труда между центральным правительством, землями, на которые делилась Германия, и местными властями. В сфере социальной политики Гитлер обещал принять программу решения земельного вопроса, ввести трудовую повинность и обеспечить населению гарантированные здравоохранение и пенсии. Развитие госсектора и создание в нем рабочих мест, в свою очередь, давало гарантии против каких-либо «угроз нашей валюте». Очевидно, что все это более-менее совпадало с реальными намерениями Гитлера. Напротив, в том, что касалось внешней политики, приходилось читать между строк. Гитлер воздал ритуальное должное женевским договорам о разоружении, подчеркивая свою готовность вообще отменить в Германии армию при условии всеобщего разоружения. Однако в то же время он объявил, что наивысшей целью национального правительства является «защита права [нации] на жизнь, а следовательно, возвращение на-

1. H. Höhne, *Zeit der Illusionen* (Düsseldorf, 1991), 51.

2. Domarus, I. 191–4.

шему народу свободы»³. Это был националистический эвфемизм для прямо противоположных намерений. Говоря про свободу, Гитлер имел в виду свободу Германии преследовать свои национальные интересы посредством односторонних действий, в случае необходимости — военными средствами, — не обращая внимания на какие-либо международные ограничения и договоры.

Два дня спустя по приглашению генерала Бломберга, назначенного министром обороны, Гитлер более откровенно рассказал германскому военному руководству о своих целях. На этой встрече он повторил свои взгляды, изложенные им в *Mein Kampf* и в его «Второй книге». Существенным в данном случае было лишь то, что он сделал это в качестве только что назначенного канцлера Германии. Ничто не изменило его принципиальной веры в то, что единственное спасение Германии заключается в борьбе за жизненное пространство⁴. Задача внутренней политики состояла в консолидации основ для перевооружения. Средствами для ее решения служили уничтожение марксизма, восстановление экономики и спасение крестьянства. Кроме того, как и в 1928 г., Гитлер не делал секрета из своих долгосрочных намерений. В первую очередь целью перевооружения Германии служило избавление от нависавшей над ней угрозы со стороны Франции и ее союзников, которые могли в любой момент совершить интервенцию. Более долгосрочная цель заключалась в «возможной борьбе за новые экспортные возможности [т. е. колонии] и в возможном — что, вероятно, было бы лучше — завоевании нового жизненного пространства на востоке и его безжалостной германизации. Уверен, что текущая экономическая ситуация может быть изменена с помощью политической власти и борьбы. Все, что может случиться сейчас... [представляет собой] просто импровизации»⁵. Меньше чем через неделю, 9 февраля, председательствуя в правительственном комитете по созданию рабочих мест, Гитлер повторил те же ключевые моменты. Гитлера волновало только одно — перевооружение. «Будущее Германии зависит исключительно от восстановления вермахта. Все прочие задачи должны отступить перед задачей перевооружения... Так или иначе, я, — заявил Гитлер, — полагаю, что в будущем в случае конфликта между требованиями вермахта и другими целями интересы вермахта должны иметь приоритет»⁶.

3. Domarus, I. 193.

4. Domarus, I. 198.

5. K. J. Müller, *Armee und Drittes Reich 1933–1939* (Paderborn, 1989), 263.

6. BAL R43II 536, 20, стенограмма заседания комитета по созданию рабочих мест, 9.02.1933.

Через несколько дней после захвата Гитлером власти направление было задано. Но сроки последующих шагов зависели от запутанного сочетания внутренних и международных факторов.

I

Решающей проверкой популярности Гитлера являлись всеобщие выборы, назначенные на 5 марта. Партия, находившимся у власти, было важно получить подавляющее большинство голосов, если они собирались выполнять свою диктаторскую программу под покровом законности. На трех предыдущих всеобщих выборах, в 1930 и 1932 г., 19 млн германских избирателей не сумели отдать предпочтение какой-либо одной программе национального экономического возрождения. Даже в 1932 г., находясь в зените популярности и неся на своих знаменах клятвы Штрассера о создании рабочих мест, нацисты сумели заручиться поддержкой не многим более трети электората. Если правительство Гитлера желало получить безусловное большинство голосов, оно явно должно было не пугать общественность опасными внешнеполитическими авантюрами. Кроме того, требовалось сохранить видимость националистического единства, на которое опиралось правительство нового канцлера. В кабинете Гитлера портфель министра финансов сохранял за собой Шверин фон Крозиг, консерватор и бывший госслужащий, известный как противник создания рабочих мест за счет кредитов. Президентом Рейхсбанка оставался Ганс Лютер, первосвященник ортодоксального монетаризма. Альфред Гугенберг — вождь НННП, на котором держалась гитлеровская коалиция, — получил портфели министров экономики и сельского хозяйства. Будучи экономическим националистом во всех смыслах слова, Гугенберг тем не менее тоже выступал против создания рабочих мест сверх программы, уже одобренной канцлером Шлейхером. Немедленное увеличение государственных расходов вопреки этому противодействию отвлекло бы Гитлера от его главного приоритета в феврале 1933 г. — мобилизации выдохшейся Нацистской партии на последний электоральный бой⁷.

И «гигантскому и всеобъемлющему» пакету мер по созданию рабочих мест, обещанному Гитлером в первый вечер его пребывания в должности, и щедрым авансам, полученным

7. D. Petzina, «Hauptprobleme der deutschen Wirtschaftspolitik 1932/33», in Petzina, *Die Verantwortung des Staates für die Wirtschaft* (Essen, 2000), 90–124.

от него военными, пришлось ждать до тех пор, пока будут подсчитаны голоса. В любом случае особой нужды в немедленных действиях не имелось⁸. От своего предшественника генерала Шлейхера Гитлер унаследовал полноценную программу по созданию рабочих мест за счет кредитов, бюджет которой оценивался в 600 млн рейхсмарок. К моменту прихода Гитлера к власти из этой суммы еще не было потрачено ни одной марки. Поэтому первоначально предпринятые гитлеровским правительством меры по перевооружению и по созданию рабочих мест осуществлялись за счет денег Шлейхера. 200 млн из суммы в 600 млн были выделены на нужды государства, в том числе 190 млн — на военные расходы, и еще 200 млн было потрачено местными властями. Остальное пошло на мелиорацию сельскохозяйственных земель.

Итоги мартовских выборов стали разочарованием для Гитлера и Геббельса. То, что нацистам не удалось получить ничего хотя бы отдаленно похожего на абсолютное большинство голосов, несмотря на активное запугивание избирателей, подтверждает вывод, к которому пришло большинство наблюдателей осенью 1932 г. В качестве политического движения Нацистская партия достигла своего потолка, так и не сумев привлечь на свою сторону большинство германских избирателей. Однако теперь Гитлеру и его партии уже не приходилось полагаться исключительно на электоральный процесс⁹. После сильнейшего нажима на Партию католического Центра Гитлер получил большинство в две трети, необходимое для принятия (23 марта 1933 г.) Закона о чрезвычайных полномочиях. Он давал правительству возможность править страной, издавая свои указы, не требующие одобрения рейхстага. Тем самым был расчищен путь для решительного применения физической силы. В противоположность осторожным революционерам, в ноябре 1918 г. сделавшим все возможное для подавления народного восстания против Первой мировой войны и вильгельмовской монархии, нацисты без колебаний сочетали избирательную агитацию с насилием на улицах. Весной 1933 г. по всей Германии прокатилась организованная Нацистской партией и их союзниками-националистами волна стычек и погромов, направленная прежде всего на коммунистов, социал-демократов и малочисленное еврейское меньшинство. Социалистические профсоюзы

8. B. Wulff, *Arbeitslosigkeit und Arbeitsbeschaffungsmassnahmen in Hamburg 1933–1939: Eine Untersuchung zur Nationalsozialistischen Wirtschafts- und Sozialpolitik* (Frankfurt, 1987), 36–48.

9. R. J. Evans, *The Coming of the Third Reich* (London, 2003), 309–90.

по неизвестной причине сумели поверить в то, что им удастся сотрудничать с правительством Гитлера. Они даже совместно с Гитлером и Геббельсом организовали в 1933 г. празднование 1 мая, впервые объявленного официальным нерабочим днем в качестве национального дня труда. На следующий день отряды штурмовиков ворвались в штаб-квартиры профсоюзов и закрыли их. Были арестованы сотни миллионов рейхсмарок в виде собственности и счетов благотворительных фондов. Роберт Лей, верный союзник Гитлера (злоупотребляющий алкоголем), получил под свое командование только что созданный Германский трудовой фронт (*Deutsche Arbeitsfront*, DAF). Активность нацистской организации производственных ячеек (NSBO) к тому времени достигла масштабов, тревоживших даже Лея. Поэтому с целью восстановить порядок правительство назначило региональных доверенных лиц на предприятиях (*Treuhänder der Arbeit*), поручив им устанавливать ставки зарплаты и улаживать конфликты между нанимателями и воинствующими нацистскими цеховыми старостами.

Между тем постепенно устранялись внутренние препятствия к более смелой политике государственных расходов. В апреле 1933 г. рейхсминистр труда националист Франц Зельдте взял в свои руки дело создания рабочих мест, призывая Гитлера использовать первомайские шествия как стартовую площадку для давно обещанной программы по созданию рабочих мест. Цель пакета мер по созданию рабочих мест за счет кредитов с бюджетом, составлявшим от 1 млрд до 1,6 млрд рейхсмарок, заключалась в оживлении рынков труда¹⁰. В разгар насилиия, сопровождавшего *Machtergreifung* (захват власти), Ганс Лютер был направлен в качестве нового германского посла в Вашингтон. На посту президента Рейхсбанка его сменил Ялмар Шахт, во второй раз встав у руля германской монетарной политики. С учетом того, что Шахт осенью 1931 г. вступил в открытый союз с нацистами, это не могло никого удивить. Но в то же время это четко свидетельствовало об агрессивных намерениях Гитлера. В апреле за переменами в Рейхсбанке последовало назначение Фрица Рейнхардта (р. 1895) статс-секретарем в Рейхсминистерстве финансов. Рейнхардт с 1932 г. наряду со злосчастным Грегором Штрассером сделал себе имя в качестве главного пропагандиста программы по созданию рабочих мест¹¹. То, что

10. D. P. Silverman, *Hitler's Economy: Nazi Work Creation Programs, 1933–1936* (Cambridge, 1998), 63–4.

11. На проходивших 9–10 мая 1932 г. дискуссиях в рейхстаге, на которых Грегор Штрассер впервые представил нацистский план по созданию рабочих мест,

он получил должность наряду с консервативным Крозигом, свидетельствовало о решительном изменении баланса сил.

Отношение Шахта к созданию рабочих мест и кредитной инфляции было сложным. Он не одобрял таких механизмов, как общественные работы¹². С другой стороны, он явно верил в творческую роль монетарной политики. Более того, его назначение в марте 1933 г. вполне могло быть обусловлено заранее полученным от него согласием тратить значительные суммы на создание рабочих мест. Так или иначе, реально Шахт был на стороне правых националистов в том, что касалось международной повестки дня, но не внутренней политики. Участники дискуссий о захвате власти нацистами часто упускают из виду его бурный международный контекст. Гитлеровский *Machtergreifung* совпал как с инаугурацией нового американского президента, так и с последними сильными афтершоками Великой депрессии¹³. В тот момент, когда Рузвельт вступил в должность, Америку охватила финансовая паника, вынудившая его объявить общенациональные банковские каникулы и ввести ограничения на вывоз капитала. 19 апреля 1933 г. США в одностороннем порядке приостановили действие золотого стандарта и позволили доллару обесцениться. В течение следующих четырех месяцев доллар просел на 30% по сравнению с рейхсмаркой. Эти события, повторившиеся по всему миру, нанесли сокрушительный удар по последним остаткам международной системы фиксированных обменных курсов¹⁴. Девальвация доллара снова поставила Германию перед выбором — следует ли девальвировать марку или нет. Если бы Германия не отказалась вслед за Америкой от золотого стандарта, то это полностью лишило бы ее конкурентоспособности на всех мировых экспортных рынках. С другой стороны, девальвация доллара обернулась для Германии огромным плюсом, сократив ее долг перед США, выраженный в рейхсмарках. О вопросах девальвации мы еще поговорим в следующей главе. Однако весной 1933 г. Шахт

первым выступал Рейнхардт, подготовив сцену для драматического заявления Штрассера. См.: *Verhandlungen des Reichstages, Stenographische Berichte* (1932), 61st Sitzung, 9.05.1932, 2491–4. Даже после своего выхода из партии Рейнхардт продолжал выступать в защиту штрассеровской линии; см.: *Der Deutsche Volkswirt*, 23.12.1932, 356.

12. K. Gossweiler, *Die Röhm Affäre: Hintergründe — Zusammenhänge — Auswirkungen* (Cologne, 1983), 342.

13. C. P. Kindleberger, *The World in Depression, 1929–1939* (Berkeley, 1986), 195–201; B. Eichengreen, *Golden Fetters: The Gold Standard and the Great Depression, 1919–1939* (Oxford, 1992), 317–47.

14. P. Clavin, *The Failure of Economic Diplomacy: Britain, Germany, France and the United States, 1931–36* (New York, 1996), 83–8.

вслед за Гитлером осудил какие-либо эксперименты с валютой¹⁵. Откликаясь на настроения общественности, Гитлер и Шахт превратили защиту официального золотого содержания рейхсмарки в символ надежности и прочности нового режима. В отличие от 1923 г., теперь уже по сравнению с другими валютами обесценивался доллар, а не рейхсмарка.

В то же время Шахт явно чувствовал возможности, открывавшиеся в хаотической международной ситуации, и отправился в США, надеясь воспользоваться временным ослаблением главного кредитора Германии¹⁶. Отлучка Шахта служила главной причиной, по которой окончательное принятие плана по борьбе с безработицей было отложено до конца мая. Вернувшись, Шахт немедленно согласовал с Рейхсминистерством финансов (РМФ) пакет мер по созданию рабочих мест стоимостью в 1 млрд рейхсмарок¹⁷. Эта так называемая программа Рейнхардта была окончательно одобрена кабинетом 28 мая и предъявлена немецкой общественности 1 июня. Чуть больше чем через год после знаменитого выступления Грегора Штрассера в рейхстаге с требованием принять меры по борьбе с кризисом незанятости Нацистская партия наконец выполнила свои обещания. Пакет был обширным. Миллиард рейхсмарок представлял собой очень серьезную сумму в сравнении с регулярными расходами на товары и услуги — в 1932–1933 гг., в худшие годы кризиса, они составляли всего 1,95 млрд рейхсмарок. Фонды Рейнхардта предназначались для решения именно тех приоритетных задач, которые до 1932 г. были обозначены Штрассером и другими сторонниками создания рабочих мест. Предусматривалось выделение денег на пригородные поселки, а также на дорожное и жилищное строительство, что отвечало чаяниям широких слоев общества и национальным интересам. Но — что самое главное — пакет финансировался за счет кредитов.

«Продуктивное создание кредитов» служило темой дискуссий, вызывавших острейшие разногласия среди экономистов всего мира в межвоенный период¹⁸. Принципиальный вопрос заключался в том, могут ли государственные расходы, в кратко-

15. См. его выступление 7 апреля 1933 г. перед служащими Рейхсбанка. Гитлер не раз повторял о своем желании избегать экспериментов с валютой; см.: Domagus, I. 233.

16. H. James, *The German Slump* (Oxford, 1986), 403.

17. Wulff, *Arbeitslosigkeit*, 41, 49–62.

18. Резюме дискуссий в Германии см. в: H. Janssen, *Nationalökonomie und Nationalsozialismus: Die deutsche Volkswirtschaftslehre in den dreissiger Jahren* (Marburg, 1998); W. Grotkopp, *Die grosse Krise: Lehrenauser Überwindung der Wirtschaftskrise 1929–32* (Düsseldorf, 1954).

срочном плане финансируемые за счет свеженапечатанных денег, оказать какое-либо реальное влияние на производство и занятость. Все участники дискуссий сходились на том, что расходы на создание рабочих мест, финансируемые за счет повышения налогов, не в состоянии увеличить общие объемы спроса. Налоги просто вызывают перемещение покупательной способности от частных лиц к государству. Если же, с другой стороны, государство изыскивает средства за счет обычных займов на рынке капитала, то это не приводит к немедленному сокращению частных расходов, поскольку фонды, за счет которых производятся долгосрочные займы, в конечном счете представляют собой сбережения домохозяйств, то есть неистраченный доход последних. Однако в случае «тесного» рынка рейхсмарки, позаимствованные государством, не могли достаться частным заемщикам. В этом случае государственные займы «вытесняли бы» частные инвестиции. Единственный способ финансировать создание рабочих мест таким образом, чтобы не допустить сокращения частной экономической активности, заключался в создании «новых кредитов». С точки зрения ортодоксальных экономистов в этом не содержалось никакой логики. Выписывая чеки, нельзя создать новых реальных благ, нового оборудования и новых заводов. Деньги — это просто символ, средство обмена. Печатавая больше денег, мы не создаем «реальных» рабочих мест, так же как разговоры о создании рабочих мест сами по себе не приводят к возникновению новых возможностей для трудоустройства. Создание рабочих мест за счет кредитов вызовет только инфляцию. Поначалу у людей может возникнуть иллюзия «реального» эффекта. Люди получают работу на государственных стройках. Но рост цен съест покупательную способность заработков и прибыли. Частные расходы сократятся. Инфляция, вызванная тем, что государство создает кредиты, будет играть роль скрытого налога. С помощью таких мер невозможно создать больше рабочих мест, чем в случае финансирования государственных расходов за счет обычных налогов. С точки зрения сторонников создания рабочих мест в основе этой ортодоксальной аргументации лежала ошибка. При наличии полной занятости в экономике — когда каждый трудящийся имеет работу и каждый завод работает на полную мощность — создание новых кредитов в самом деле может повлечь за собой инфляцию. В этом случае дополнительные государственные расходы действительно будут финансироваться за счет «принудительных сбережений». Но если рабочая сила и станки простаивают, то речь уже не идет об игре с нулевой суммой. В конце концов, в условиях когда миллионы трудящихся отчаянно ищут работу, а заводы стоят без заказов, нет

особых причин ожидать роста цен. В условиях массовой безработицы государственные расходы, финансируемые за счет новых кредитов, приведут не к инфляции, а к реальному росту спроса, производства и занятости. Искусство экономической политики и заключается в том, чтобы точно рассчитать правильную дозу финансируемого за счет кредитов стимулирования, которой хватит для того, чтобы восстановить полную занятость, но будет недостаточно для того, чтобы вытолкнуть экономику за пределы полной занятости и вызвать инфляционный хаос. В 1933 г., с учетом наличия в стране 6 миллионов безработных и того, что большая часть германской промышленности работала на менее чем половинной мощности, преступить эту грань было достаточно сложно.

Первый эксперимент по созданию рабочих мест за счет кредитов был начат не правительством Гитлера, а генералом Шлейхером в декабре 1932 г.¹⁹ Сначала были найдены компании, готовые взяться за выполнение государственных заказов, которые оплачивались не деньгами, а процентными долговыми обязательствами, выдававшимися от имени госучреждений, выступавших в роли заказчиков. Для того чтобы подрядчики согласились на такую необычную форму оплаты, эти обязательства выдавались под гарантии ряда связанных с государством банков. Важнейшими из них были *Deutsche Gesellschaft für öffentliche Arbeiten* и *Deutsche Bau- und Bodenbank*, созданные в 1930 г. с целью финансировать так и не выполненную программу Брюнинга по созданию рабочих мест, принятую в рамках противодействия начинавшемуся кризису²⁰. Согласившись на скидку, подрядчик мог обналичить государственные долговые обязательства в любом из банков консорциума. Банки получали необходимые для этого деньги, сами дисконтируя обязательства в Рейхсбанке. Таким образом, обязательства в конечном счете скапливались в Рейхсбанке, который расплачивался за них новыми деньгами. Чтобы такая схема была приемлемой для Рейхсбанка, РМФ обещало выкупать обязательства в соответствии с фиксированным графиком. После выздоровления экономики РМФ должно было финансировать выполнение заказов за счет возросших налоговых поступлений или путем выпуска долгосрочных государственных облигаций с плавающей став-

19. См. обсуждение механизма финансирования в: K. Schiller, *Arbeitsbeschaffung und Finanzordnung in Deutschland* (Berlin, 1936).

20. Н.-J. Kwon, *Deutsche Arbeitsbeschaffungs und Konjunkturpolitik in der Weltwirtschaftskrise: Die «Deutsche Gesellschaft für öffentliche Arbeiten AG (Öffa)» als Instrument der Konjunkturpolitik von 1930 bis 1937* (Osnabrück, 1997).

кой, пользуясь оживлением на финансовых рынках и накоплением сбережений.

Анонсирование программы Рейнхардта, несомненно, произвело требуемый пропагандистский эффект. По всей Германии прокатилась волна местных инициатив²¹. Национальным чемпионом в «Битве за рабочие места» (*Arbeitsschlacht*) стал Эрих Кох, гауляйтер Восточной Пруссии. В январе 1933 г., на момент прихода Гитлера к власти, в этом отсталом аграрном анклав, отделенном от Германии Польским коридором, было зарегистрировано 130 тыс. безработных. Всего через шесть месяцев, 16 июля 1933 г., первый Восточно-Прусский округ был объявлен территорией полной занятости. Еще месяц спустя гауляйтер Кох с гордостью доложил фюреру о тотальной «очистке» своей провинции. Ее власти нашли работу для более чем 100 тыс. мужчин и женщин, ярко продемонстрировав энергичность национал-социализма. Были распаханы, удобрены и засеяны пустоши. Новое поколение сельских колонистов получило земельные участки. Геббельс позаботился о том, чтобы это достижение вызывало «изумление и восхищение по всему Рейху и далеко за границами Германии». Но при тщательном рассмотрении выясняется, что по сути восточнопрусская «Битва за рабочие места» с начала и до конца представляла собой тщательно срежиссированный спектакль для СМИ. Аграрная экономика Восточной Пруссии идеально подходила для скорых, но примитивных мер по созданию рабочих мест. И эту глухую провинцию, которой заведовал Кох, в качестве стартовой площадки для общенациональной кампании выбрал Вальтер Функ, бывший редактор делового издания, получивший должность статс-секретаря в геббельсовском Министерстве пропаганды. Геринг, будучи премьер-министром Пруссии, добился от Министерства финансов, чтобы непропорционально большая доля средств, выделенных на создание рабочих мест, досталась этой территории, на которую приходилось всего 1,89% немецких безработных²². И Кох не подвел. Восточнопруссские безработные подверглись безжалостному принуждению. Тысячи женатых мужчин были согнаны в так называемые Товарищеские лагеря (*Kameradschaftslager*), где они занимались тяжелыми земляными работами и прошли программу политического образования, разработанную Германским трудовым фронтом. Кох даже ухит-

21. Silverman, *Hitler's Economy*, 69–146.

22. Из национального фонда регулирования речных стоков и мелиорации земель объемом в 100 млн рейхсмарок Пруссия получила 60 млн рейхсмарок, и треть этой суммы досталась Восточной Пруссии. См.: Silverman, *Hitler's Economy*, 75.

рился выдать за инициативу по созданию рабочих мест один из первых импровизированных концлагерей.

Восточнопрусский триумф стал примером для партийных вождей по всей Германии. За «Планом Коха» последовал «План Тапольского» в Рейнланде, «План Геринга» в Берлине, «План Зиберта» в Баварии и «План Гельмута» во Франконии. Однако примитивная программа Коха с ее «всеобщим ковырянием в земле» не годилась для более развитых регионов Германии²³. Даже в строительном секторе копание земли было подходящим занятием только для самых неквалифицированных трудящихся. Совсем не такая работа требовалась для каменщиков, плотников, водопроводчиков и электриков. После строительных рабочих второй по численности группой безработных являлись металлисты, с презрением смотревшие на дорожные работы. Еще менее подходящим труд на стройках был для десятков тысяч клерков и секретарей, отчаянно искавших работу в коммерческих кварталах Гамбурга и Берлина. Поэтому неудивительно, что от сокращения безработицы в 1933 г. выиграли главным образом сельские районы. Реальные очаги массовой безработицы — Берлин, Гамбург, Бремен и Рур, — а также такие южные города, как Штутгарт и Мюнхен, были относительно слабо затронуты первыми этапами выздоровления. Ситуацию усугубляло то, что муниципалитеты, подавая заявки в фонды Рейнхардта, нередко сталкивались с мелочной и предвзятой критикой. Строительство новых зданий откладывалось ради строительства дорог. Не рассматривались заявки от тех городов, которые запаздывали с выплатой кредитов на создание рабочих мест, выданных им с 1933 г. Причина такой скупости при исполнении программы Рейнхардта станет более понятной, если мы изучим общее распределение средств. Основная часть этих денег была зарезервирована для местных инфраструктурных проектов разного типа. Однако в 1933–1934 гг. все больше и больше средств, величина которых в итоге достигла 230 млн рейхсмарок, в соответствии с распоряжениями властей Рейха выделялось на решение «специальных задач». Эти «специальные задачи» представляли собой эвфемизм, под которым имелось в виду сооружение военной инфраструктуры — стратегических дорог, аэродромов, казарм и водных путей²⁴.

В мифологии нацистского режима, связанной с созданием рабочих мест, особое место занимают автобаны²⁵. Однако иро-

23. См. уничижительные отзывы Шахта о расходах на создание рабочих мест в: Wulff, *Arbeitslosigkeit*, 60–66.

24. Ibid., 60.

25. R. Stammer (ed.), *Reichsautobahnen: Pyramiden des Dritten Reiches* (Marburg, 1982).

ния судьбы состоит в том, что автобаны никогда не рассматривались в первую очередь как средство создать рабочие места и не внесли ощутимого вклада в борьбу с безработицей²⁶. Строительство автобанов следовало логике не создания рабочих мест, а национального возрождения и перевооружения — логике не столько практической, сколько символической. Идея сооружения дорожной сети, соединяющей главные центры расселения немецкого народа, владела умами экспертов еще с 1920-х гг. Еще в 1925 г. была основана компания по созданию новой автомобильной «Ганзы» — сети коммерческих городов, соединенных скоростными автотрассами. Гитлер с энтузиазмом подхватил эту идею и вскоре после захвата власти поручил строительство такой дорожной сети Фрицу Тодту (1891–1942)²⁷. Тот был опытным строителем, но Гитлер выбрал его кандидатуру главным образом по политическим соображениям. Тодт был «старым бойцом» Нацистской партии, хранившим безусловную личную верность Гитлеру и без колебаний взявшим на вооружение расовую идеологию. В своем важном меморандуме о «Строительстве дорог и дорожном хозяйстве», составленном в декабре 1932 г., Тодт выдвинул программу модернизации дорог — не в качестве ответа на кризис незанятости, а как средство национальной реконструкции²⁸. Тодт обещал построить за пять лет единую сеть из 6000 километров новых дорог, потребовав на это 5 млрд рейхсмарок. Финансировать это строительство предполагалось не за счет кредитов, взятых в «еврейских банках», а за счет сбережений самих немецких трудящихся. Как дал понять сам Тодт, в конечном счете эта колоссальная дорожная сеть создавалась в военных целях. Принципиальная стратегическая проблема Германии заключалась в ее уязвимости для нападения одновременно с востока и с запада. Автобаны должны были играть роль «дороги жизни» в рамках воссозданной национальной системы обороны. Как обещал Тодт, через пять лет он даст возможность устроить грандиозное повторение французской операции на Марне, спасшей Париж от армий кайзера. Автодороги Тодта позволили бы всего за две ночи напряженной езды перебросить 300 тыс. солдат с восточной на западную границу Рейха. Таким образом, идеи Тодта с самого начала тесно переплетались с мечтой о национальном перевооружении.

26. В работе R. J. Overly, *War and Economy in the Third Reich* (Oxford, 1994), 68–89, делается акцент на автомобилизации как на главном механизме экономического возрождения Германии, но эта точка зрения не подтверждается фактами.

27. K. H. Ludwig, *Technik und Ingenieure im Dritten Reich* (Düsseldorf, 1974), 303–44.

28. F. W. Seidler, *Fritz Todt: Baumeister des Dritten Reiches* (Frankfurt, 1986), 97–102.

Армия в 300 тыс. человек втрое превышала лимит, установленный Версальским договором. Разумеется, это не препятствовало «экономическому использованию» этих дорог в мирное время для «пассажирских и грузовых перевозок». Также Тодт не был чужд и такой цели, как создание рабочих мест. По его оценкам, годовой бюджет в 1 млрд рейхсмарок позволил бы ему нанять 600 тыс. человек, особенно в том случае, если использование техники было бы сведено к минимуму.

Гитлер был в восторге. Преодолев сопротивление национальной железнодорожной компании (*Reichsbahn*), он поддержал планы Тодта и основал корпорацию автодорог Рейха. В последние дни июня 1933 г. Тодт был назначен генеральным инспектором немецких дорог, получив в свое подчинение как автобаны, так и важнейшие дороги местного значения. Организация Тодта со временем стала могущественным институтом Третьего рейха, в своем влиянии на национальную транспортную инфраструктуру выступая в качестве реального противовеса *Reichsbahn* и являясь одним из зародышей будущей системы экономического контроля. 23 сентября на строительной площадке Франкфурт-Дармштадт Гитлер и Геббельс устроили настоящее шоу перед камерами кинохроникеров. Гитлер не просто сделал первый взмах лопатой — он насыпал целую тачку земли²⁹. Однако на практике воздействие строительства автобанов на безработицу было ничтожным. В 1933 г. на постройке первого участка автобана трудилось не более 1000 рабочих. Через год после назначения Тодта рабочая сила, занятая на сооружении автобанов, насчитывала всего 38 тыс. человек, что составляло ничтожную долю рабочих мест, созданную после прихода Гитлера к власти. Поскольку у гитлеровского режима имелись и другие, более неотложные статьи расходов, Тодт с трудом получал даже средства, необходимые для содержания существующих дорог.

Фонды Шлейхера были полностью распределены уже к концу лета 1933 г., а для выполнения программы Рейнхардта требовалось какое-то время, и потому Рейхсминистерство труда с тревогой ожидало наступления зимы³⁰. К сентябрю 1933 г. безработных насчитывалось уже существенно меньше 4 миллионов. Однако, поскольку сбор урожая завершился, а строительный сезон почти закончился, следовало опасаться неминуемого отката. В прошлом, летом 1932 г., канцлер Папен допустил катастрофическую ошибку, заявив, что страданиям трудящихся пришел конец, и получив зимой 1932–1933 гг. новый рост безработицы.

29. Silverman, *Hitler's Economy*, 160.

30. BAL R43II 537, 55–69.

ЦЕНА РАЗРУШЕНИЯ

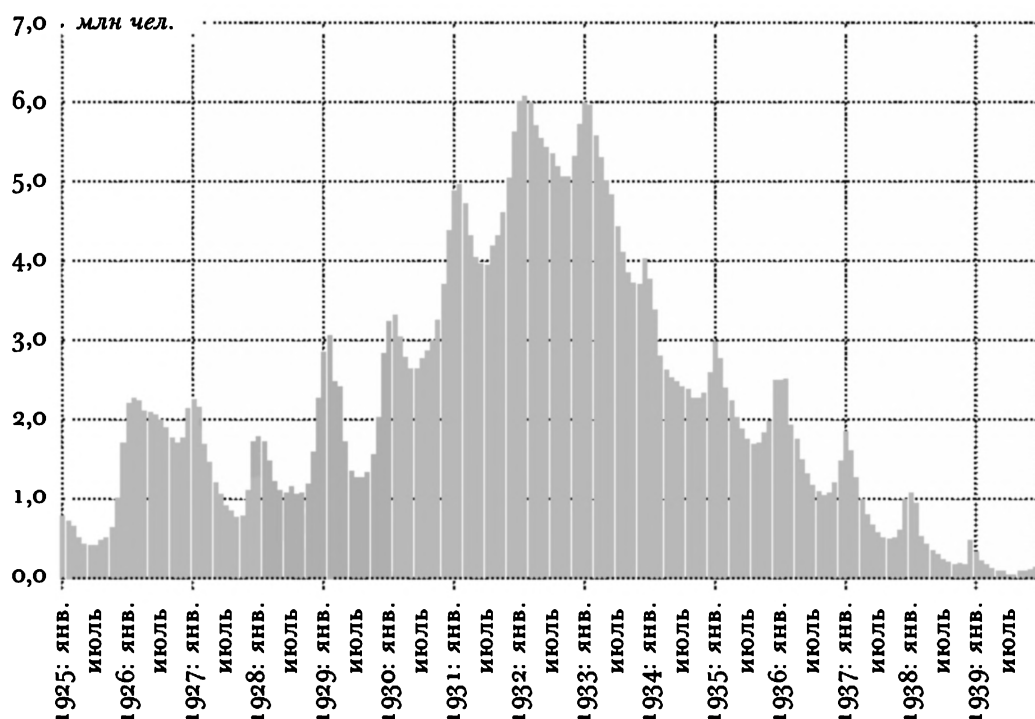

РИС. 1. Безработица в Германии в границах до 1938 г.

Как заявил Гитлер представителям промышленности в конце сентября 1933 г., было крайне важно избежать второго психологического отката. Немцы должны были убедиться в том, что «пик пройден»³¹. С этой целью Нацистская партия осенью 1933 г. с удвоенным пылом продолжила пропагандистское наступление на безработицу. Одновременно с этим рейхсминистерства начали готовить новую специальную программу, цель которой состояла в том, чтобы занять строительных рабочих на протяжении трудных зимних месяцев. Вторая программа Рейнхардта, принятая в сентябре 1933 г., представляла собой возвращение к менее амбициозным планам создания рабочих мест, основанным не на прямом влиянии государственного финансирования за счет кредитов, а на косвенных субсидиях частному сектору. Кроме того, она имела более скромные масштабы. 500 млн рейхсмарок было выделено на субсидии для работ по ремонту зданий и еще 300 млн — на процентные субсидии по закладным, взятым до завершения 1933–34 фискального года. Эффект выполнения обеих этих программ был соизмеримым. В первую зиму Третьего рейха число безработных лишь незначительно превысило уровень в 4 млн че-

31. Wulff, *Arbeitslosigkeit*, 65–7.

ловек, до которого оно снизилось осенью 1933 г. В политическом смысле задача была решена.

Города наконец-то испытали облегчение. Например, в ганноверском городе Нортгейме «Битва за рабочие места» всерьез началась лишь в октябре 1933 г.³² Новый мэр из числа нацистов оказывал на местных нанимателей целенаправленное давление, заставляя их брать новых работников. Весной следующего года к этим мерам убеждения прибавилась крупная программа общественных работ. Демонстрируя новое чувство социальной солидарности, нацистские городские власти выделили десятки тысяч человеко-часов на строительство квартир для горожан, страдавших от нехватки жилья. Средневековый городской центр подвергся тщательной реставрации. Окружавшую город стену и ров превратили в общественный парк. Особое внимание было уделено ремонту уцелевших фахверковых домов в центре города. В ближайшем лесу был возведен большой открытый театр. В соответствии с духом времени он был освящен в качестве древнего тевтонского святилища Тингштетте. Но за этой архаикой скрывались совершенно современные цели. К 1936 г. турбюро Нортгейма ежегодно принимало 60 тыс. посетителей, а Тингштетте превратилось в популярное место проведения регулярных нацистских съездов.

Местные власти по всей Германии, поощряемые неустанной пропагандой Геббельса, весной 1934 г. с готовностью продолжили борьбу с безработицей. Городской совет Гамбурга, в котором сохранялся повышенный уровень безработицы, составил список желательных проектов на сумму в десятки миллионов рейхсмарок³³. Городские власти пошли на этот шаг, надеясь на благосклонную реакцию Берлина. В августе 1933 г. в обращении к гауляйтерам Гитлер объявил, что борьба с безработицей пройдет в три этапа. Первая волна завершилась в первой половине 1933 г. Второй этап — программа Рейнхардта — представляла собой энергичные оборонительные бои, направленные на закрепление завоеваний предыдущего года. Третий этап битвы за рабочие места должен был состояться в 1934 г. Но, как обнаружили гауляйтеры через год после прихода нацистов к власти, само по себе создание рабочих мест в гражданском секторе уже не являлось главным приоритетом гитлеровского режима. Отныне в повестке дня основное место занимало перевооружение — ключевая цель националистической политики.

32. W. S. Allen, *The Nazi Seizure of Power: The Experience of a Single German Town 1930–1935* (Chicago, 1965), 192–208, 258–71.

33. Wulff, *Arbeitslosigkeit*, 170–71.

II

Мероприятия по перевооружению, предпринятые правительством Гитлера в первые месяцы его существования, подобно мерам в области создания гражданских рабочих мест, опирались на средства и планы, оставшиеся в наследство от Веймарской республики. Какие-либо более радикальные шаги зависели от международной ситуации. Увеличение численности германских вооруженных сил в мирное время представляло собой вопиющее нарушение Версальского договора и вызов международной конференции по разоружению в Женеве. Все это следовало тщательно подготовить и скоординировать с другими аспектами внешней политики, в первую очередь в финансовой сфере³⁴.

Как мы уже видели, репарационные платежи были фактически остановлены в июле 1931 г. мораторием Гувера. Осенью за ним последовало «соглашение о моратории» по краткосрочным германским долгам. В июле 1932 г. Франция и Великобритания согласились больше не требовать репараций. В декабре 1932 г. Франция сама объявила дефолт по своим военным долгам перед Америкой. После этого прецедента дефолт Германии по 10 млрд рейхсмарок, которые она была должна долгосрочным кредиторам, преимущественно американским, стал вопросом времени³⁵. Даже после того, как в Лозанне в 1932 г. было заключено соглашение об окончании репараций, Германии для обслуживания своего международного долга ежегодно требовался 1 млрд рейхсмарок в иностранной валюте³⁶. Вся тяжесть этого бремени для германской экономики можно оценить, если учесть, что общий объем немецкого экспорта в 1933 г. оценивался в 4,8 млрд рейхсмарок, а импорта — в 4,2 млрд рейхсмарок. В этом отношении мы снова видим катастрофическое влияние глобальной дефляции на страны-должники. В 1929 г. немецкий экспорт превышал 8 млрд рейхсмарок. Объемы немецкого импорта, разумеется, снизились вместе с мировыми товарными ценами. Но в пропорциональном смысле долговое бремя резко увеличилось.

Немецкая экономика не могла прожить без импорта. Для того чтобы прокормить свое многочисленное население, Германии приходилось импортировать жиры и корм для скота.

34. S. Dengg, *Deutschlands Austritt aus dem Völkerbund und Schachts Neuer Plan* (Frankfurt, 1986).

35. См. прошедшее в Рейхсбанке предварительное обсуждение всех «за» и «против» в: BAL R25016439, 165–208.

36. См. оценки того времени в: Vzk 8.01.1934, 175.

Отечественные ресурсы не позволяли удовлетворить огромные потребности 19 млн немецких домохозяйств в мясе, молоке и масле. Гигантские стада германских свиней и коров могли существовать лишь за счет высококалорийных животных кормов, импортировавшихся в громадных количествах. Такие крупные отрасли промышленности, как текстильная, полностью зависели от импортного хлопка и шерсти. В доменные печи Рура загружалась железная руда из Скандинавии, зависимость от которой усилилась после потери Эльзаса и Лотарингии в 1918 г. Единственным ресурсом, имевшимся в Германии в изобилии, был уголь. Но растущий германский парк легковых машин, грузовиков и самолетов работал на нефтепродуктах и нуждался в шинах, производившихся из импортного каучука. С учетом этой зависимости уровень импорта служил наилучшим показателем состояния «обмена веществ» в немецкой экономике. В 1928 г., когда в Веймарской республике наблюдалась почти полная занятость, реальные объемы импорта со скидкой на очень сильное падение глобальных товарных цен были на 50% выше, чем те, с которыми Германия существовала в 1933 г. Германская экономика не могла вернуться к сколько-нибудь нормальному уровню экономической активности без значительного роста объемов привозного сырья. Ситуацию усугубляло то, что Германия оправлялась от кризиса одновременно с Великобританией и США и их совокупный спрос повлек за собой цепную реакцию роста цен на мировых товарных рынках. Поэтому все зависело от способности Германии поддерживать здоровый поток экспорта, требовавшийся для обслуживания долга и оплаты импорта.

Однако по экспортной торговле Германии больно ударила волна валютной нестабильности, вызванная отказом Британии от золотого стандарта в 1931 г., и последующее наступление протекционизма в общемировом масштабе. Как с обезоруживающей откровенностью признавал сэр Фредерик Филлипс, служивший в Казначействе Его Величества, «Ни одна страна не наносила более тяжелого удара по международной торговле, чем это сделали мы, когда 1) обесценили фунт и 2) почти одновременно с этим перешли от свободной торговли к протекционизму»³⁷. Положение еще более ухудшилось после того, как Рузвельт в апреле 1933 г. девальвировал доллар. Хотя девальвация доллара облегчила долговое бремя Германии, выраженное в рейхсмарках, немецким экспортерам после этого стало еще труднее зарабатывать требовавшиеся для страны доллары. К 1933 г. германский тор-

37. Цит. по: N. Forbes, *Doing Business with the Nazis* (London, 2000), 99.

говый баланс начал неудержимо сползать к дефициту, а имевшиеся у Рейхсбанка ограниченные запасы иностранной валюты быстро иссякали³⁸. В январе 1933 г. национальные резервы зарубежной валюты превышали 800 млн рейхсмарок. К лету запасы Рейхсбанка из-за выплаты долгов сократились до 400 млн, чего хватало для оплаты не более чем месячного минимального импорта. Помимо политического значения внешнего долга, быстро приближался момент, когда гитлеровский режим должен был столкнуться с непростым выбором. С одной стороны, он мог принять отчаянные меры по увеличению экспорта, включая девальвацию рейхсмарки, сделавшую бы ее конкурентоспособной по отношению к фунту и к доллару. Если бы экспорт не вырос, то предстояло бы сделать тяжелый выбор между сохранением минимальных объемов импорта, необходимого для восстановления германской экономики, и отказом от него ради удовлетворения требований зарубежных кредиторов Германии.

В 1930 г., столкнувшись с такой же дилеммой, правительство Брюнинга избрало последний вариант, произведя дефляцию и сократив импорт с тем, чтобы позволить Германии выполнить свои репарационные обязательства. В свете позиции, занятой Гитлером и его коллегами после принятия плана Янга, можно было не сомневаться в том, какой курс они выберут. В апреле 1933 г. кабинет выдал Шахту карт-бланш на объявление моратория по внешним долгам Германии в тот момент, когда он сочтет это нужным³⁹. Поначалу Шахт надеялся использовать сложную ситуацию в США, объявив дефолт немедленно⁴⁰. Он рассчитывал на то, что администрация Рузвельта, занятая кризисом в отечественном сельском хозяйстве, будет готова пожертвовать интересами Уолл-стрит в обмен на согласие Германии увеличить импорт сырья. Первая беседа Шахта с Рузвельтом как будто бы подтверждала возможность такого исхода. Но еще до того, как Шахт успел пойти на необратимый шаг, вмешался Госдепартамент США, выпустив резкое коммюнике, в котором подчеркивалось, что новая администрация ожидает от Германии выполнения ею своих обязательств по долгам. И в последний момент попавший в неловкое положение Шахт был вынужден дать задний ход⁴¹. Однако, в отличие от 1920-х гг., нажима со стороны США уже не хватало для того, чтобы принудить Гер-

38. См. оценку вероятного сальдо счета движения капитала в Германии за март — декабрь 1933 г., сделанную Рейхсбанком 15 марта 1933 г. в: BAL R2501 6440, 48–51.

39. См. дискуссию относительно позиции Рейхсбанка в: BAL R2501 6440, 6505.

40. H.-J. Schröder, *Deutschland und die Vereinigten Staaten 1933–1939* (Wiesbaden, 1970), 78.

41. См. описание этого визита в: G. Weinberg, «Schachts Besuch in den USA im Jahre 1933»,

манию к повиновению. В конце мая 1933 г. Шахт организовал в Берлине совещание кредиторов Германии, на котором пытался убедить их в необходимости хотя бы частичного моратория. Однако кредиторы не были уверены в добросовестности намерений Шахта и отказались пойти на какие бы то ни было уступки. Ежемесячные сведения об обороте средств Рейхсбанка наводили на мысль о том, что Шахт сознательно усугубляет нехватку валюты, без всякой нужды ускоряя выплату краткосрочных долгов⁴². Невозможность достичь компромисса дала Шахту требовавшийся ему предлог для односторонних действий. 8 июня кабинет одобрил вводившийся с 30 июня односторонний мораторий по германским долгосрочным внешним долгам. Предполагалось, что в качестве жеста «доброй воли» германские должники будут производить выплаты в рейхсмарках, переводя их на счета, открытые в Рейхсбанке. Однако рейхсмарки, накапливавшиеся на счетах кредиторов, не подлежали обмену на иностранную валюту. Выплаты в иностранной валюте должны были возобновиться лишь после того, как внешняя торговля Германии вернется к здоровому профициту. А это в конечном счете зависело от стран-кредиторов. Если они хотели погашения того, что им были должны, то им следовало покупать немецкие товары. Если Германия не добьется необходимого торгового профицита, то от нее не стоит ожидать участия в крупномасштабном обслуживании внешнего долга.

Приостановка выплат по долгам стала первым откровенно агрессивным внешнеполитическим шагом гитлеровского правительства. Он ожидался многими, но все равно вызвал шок и возмущение в коммерческих столицах мира⁴³. После личного знакомства с Шахтом Рузвельт называл его просто «ублюдком»⁴⁴. Всемирная экономическая конференция, открывшаяся в Лондоне 12 июня 1933 г., могла бы стать ареной для согласованной международной реакции. Но летом 1933 г. шансов для этого было мало. Между США, Великобританией и Францией наблюдались глубокие разногласия по всем принципиальным вопросам экономической политики⁴⁵. Более того, даже среди амери-

vfz 11 (1963), 166–80; A. O. Offner, *American Appeasement: United States Foreign Policy and Germany, 1933–1938* (Cambridge, Mass., 1969), 28–9.

42. Эти подозрения подтверждаются и внутренней статистикой Рейхсбанка: BAL R2501 6440, 127.

43. B. J. Wendt, *Economic Appeasement: Handel und Finanz in der britischen Deutschland-Politik 1933–1939* (Düsseldorf, 1971), 131–40; Forbes, *Doing Business*, 69.

44. Clavin, *Failure*, 108.

45. Ibid., 89–165. Проливая новый свет на роль Великобритании, Клавен все же явно заходит слишком далеко в попытках снять с Америки ответственность

канских политиков не было единства⁴⁶. С одной стороны, госсекретарь Корделл Халл и президент Рузвельт вели себя как интернационалисты, настаивая на как можно более скором проведении Всемирной экономической конференции, призванной оздоровить ситуацию посредством глобального тарифного перемирия. После того как Гугенберг в ответ на главное требование аграрных кругов поспешил ввести новую систему квот и монополий в сфере импорта, гитлеровское правительство сочло необходимым поддерживать повестку дня Халла — по крайней мере до момента завершения конференции. С другой стороны, Рузвельт сам подрывал свои позиции защитника мировой торговли. Он публично отсрочил какое-либо снижение американских тарифов до 1934 г. и, еще раньше, допустил свободное падение курса доллара⁴⁷. С целью ограничить масштабы ущерба британцы отчаянно пытались уговорить Рузвельта согласиться на стабилизацию взаимного курса фунта и доллара на уровне, близком к тому, который наблюдался до 1931 г. Но Рузвельт 3 июля ответил на это своей так называемой телеграммой-бомбой, дав понять, что о стабилизации доллара не может быть и речи. Восстановление американской экономики являлось для него абсолютным приоритетом, даже если бы при этом пришлось довести до нищеты главных торговых партнеров Америки.

В этих условиях не существовало никакой надежды на достижение в Лондоне сколько-нибудь значимого соглашения и тем более на согласованную реакцию на действия Германии. Рейхсминистр Гугенберг сумел поставить в неловкое положение остальных членов германской делегации, разразившись спонтанным требованием не только возвращения колоний, — но и пожелав, чтобы Германии не чинили помех в экспансии на восток. Однако летом 1933 г. германские проблемы меркли

за провал конференции. Поучительный обзор реакции французов на конференцию см. в: C. Maddison, «French Inter-war Monetary Policy» (EUI thesis, 1997), 276–304.

46. О пагубном влиянии этих разногласий на попытки Халла организовать в 1933 г. заключение англо-американского торгового соглашения, которое представляло бы собой серьезную угрозу для стратегии Шахта, см.: P. Clavin, «Shaping the Lessons of History: Britain and the Rhetoric of American Trade Policy, 1930–1960», in A. Marrison (ed.), *Free Trade and its Reception 1815–1960* (London, 1998), 287–307; M. A. Butler, *Cautious Visionary: Cordell Hull and Trade Reform, 1933–1937* (Kent, Ohio, 1998), 15–45. В Америке не было единства не только по экономическим вопросам. Конгресс препятствовал и стремлению администрации Рузвельта встать во главе процесса разоружения. См.: Offner, *American Appeasement*, 35–41.

47. P. J. Hearden, *Roosevelt Confronts Hitler: America's Entry into World War II* (Dekalb, Ill., 1987), 33.

на фоне общего расстройтва глобальной финансовой системы. Более того, Берлин не поддержал демарш Гугенберга. Колонии занимали умы политиков старой школы, не являясь существенной частью внешнеполитических идей Гитлера. К концу месяца Гугенберг подал в отставку со всех своих постов и его партия, НННП, вместе с ним ушла в забвение. В Министерстве сельского хозяйства Гугенберга сменил радикальный нацистский идеолог Вальтер Дарре. Министром экономики вместо Гугенберга стал Курт Шмитт, генеральный директор ведущей немецкой страховой компании *Allianz*. В свою очередь, Шахт покинул Лондон с укрепившимся убеждением в том, что дни многовекторной мировой экономики остались в прошлом.

Точно в тот момент, когда Германия объявила мораторий по своим долгосрочным долгам, правительство Гитлера сделало первые решительные шаги по пути к перевооружению. Условия финансового пакета, на который опиралась первая реальная фаза перевооружения, были задним числом зафиксированы в меморандуме вермахта от 1938 г. В этом источнике не содержится сведений о точной дате достижения соглашения, но, скорее всего, это произошло на заседании кабинета 8 июня 1933 г., в тот же самый день, когда было объявлено о германском моратории по долгам⁴⁸. На заседании присутствовали Шахт, министр обороны Бломберг, Геринг, а также Эрхард Мильх, статс-секретарь Министерства авиации. Масштабы принятой программы ознаменовали резкий разрыв со всеми предшествовавшими планами перевооружения Германии. Цифра, одобренная Шахтом, составляла 35 млрд рейхсмарок, которые предстояло потратить в течение восьми лет, то есть почти по 4,4 млрд рейхсмарок в год. Для того чтобы оценить эти величины, следует учесть, что ежегодные военные расходы Веймарской республики составляли не миллиарды, а сотни миллионов рейхсмарок. Общий национальный доход в 1933 г. сократился до 43 млрд рейхсмарок. Даже со скидкой на быстрое восстановление экономики программа Шахта требовала, чтобы в течение следующих восьми лет на оборону тратилось от 5% до 10% германского ВВП. Это в два-три раза выше соответствующей нагрузки большинства со-

48. Аргументы в пользу такой датировки приводятся в: M. Geyer, «Das Zweite Rüstungsprogramm (1930–1934)», MGM 17(1975), 134. Цифра в 35 млрд рейхсмарок фигурирует в докладе, переизданном в: M. Geyer, «Rüstungsbeschleunigung und Inflation: Zur Inflationsdenkschaft des Oberkommandos der Weltmacht vom November 1938», MGM 30 (1981), 121–86, где принятие этой программы датируется весной 1934 г. Хотя такое совпадение станет менее точным, если следовать этой датировке, с точки зрения выдвигаемой нами аргументации это не имеет особого значения.

временных стран Запада, и нести эти расходы предстояло стране, имевшей значительно более низкий уровень дохода на душу населения. В США и Великобритании подобный уровень военных расходов в мирное время поддерживался лишь в 1950-х гг., в самые напряженные периоды холодной войны и в условиях намного более высокого уровня дохода на душу населения. Таким образом, принятая в июне 1933 г. программа стоимостью в 35 млрд рейхсмарок подразумевала если не полную милитаризацию германского общества, то по крайней мере создание крупного военно-промышленного комплекса, что должно было иметь серьезные последствия для остальной экономики.

С учетом плачевного состояния германской экономики в 1933 г. и потрясений на финансовых рынках обеспечить даже первый взнос из этих 35 млрд рейхсмарок путем налогов или традиционных займов было совершенно нереально. Поэтому летом 1933 г. Шахт создал военный вариант системы внебюджетного финансирования, впервые использовавшейся при создании гражданских рабочих мест⁴⁹. Уже в апреле 1933 г. кабинет согласился освободить вооруженные силы от нормальных процедур бюджетного надзора⁵⁰. Через несколько недель после прошедших в начале июня заседаний были учреждены специальные бухгалтерии, через которые проходили внебюджетные средства, предназначавшиеся для армии. На апрель 1934 г. оплата военных заказов производилась долговыми обязательствами, выданными от имени *Mefo GmbH*. Эта подставная компания имела капитал в 1 млн рейхсмарок, предоставленных такими фирмами, как *Vereinigte Stahlwerke*, *Krupp*, *Siemens*, *Deutsche Industrie Werke* и *Gutehoffnungshütte* (ГНН)⁵¹. *Krupp* и *Deutsche Industrie Werke* были крупными производителями вооружений. *Deutsche Industrie Werke* находилась во владении государства. *Siemens* и *Vereinigte Stahlwerke*, которым военные заказы тоже обещали огромные прибыли, скорее всего, были включены сюда из-за их превосходного рейтинга кредитоспособности. Эти долговые обязательства, поручителями по которым являлись такие громкие имена, стали приемлемым обеспечением для Рейхсбанка. Подрядчики, с которыми расплачивались векселями *Mefo*, могли с небольшой скидкой обналичить их в центральном банке. Но поскольку гарантию выплаты по этим векселям фактически

49. E. L. Homze, *Arming the Luftwaffe* (Lincoln, Nebr., 1976), 258.

50. M. Geyer, *Aufrüstung oder Sicherheit: Die Reichswehr in der Krise der Machtpolitik 1914–1926* (Wiesbaden, 1980) 348.

51. W. Feldenkirchen, *Siemens 1919–1945* (Munich, 1995), 497–8; W. Abelshauser, in L. Gall (ed.), *Krupp im 20. Jahrhundert* (Berlin, 2002), 273.

давало государство и на них начислялись хорошие проценты, то в большинстве своем они оставались в обращении. Небольшое количество векселей *Mefo* было выпущено осенью 1933 г., чтобы дать возможность первым подрядчикам люфтваффе преодолеть кризис наличности⁵². Крупномасштабные выплаты начались в апреле 1934 г., будучи удачно приуроченными к новому пропагандистскому наступлению, сопровождавшему вторую волну мер по созданию рабочих мест.

Во всем, кроме пропаганды, мероприятия 1933 г. по созданию гражданских рабочих мест меркли на фоне решений, связанных с перевооружением и внешними долгами. Пакет военных расходов далеко превосходил все, когда-либо замышлявшееся в плане создания рабочих мест. В соответствии с соглашением, заключенным в июне 1933 г., военные расходы должны были почти в три раза превышать общую стоимость всех мер по созданию гражданских рабочих мест, объявленных в 1932 и 1933 г. Однако более важным был стратегический аспект. Создание рабочих мест — это сугубо внутреннее дело страны. И напротив, германский мораторий по долгам и решения в области перевооружения влекли за собой последствия глобального масштаба. Может быть, мораторий по долгам лишь по чистой случайности был объявлен в тот же день, когда кабинет принял решение о перевооружении, но это совпадение тем не менее указывает на логику, скрывавшуюся за обоими событиями. Как мы уже видели, с начала 1920-х гг. германская стратегия безопасности основывалась на противопоставлении экономического влияния США военной угрозе, которую Германия ощущала со стороны своих европейских соседей. Финансовым воплощением этой трансатлантической игры служили долги Германии перед США. Как мы уже видели, Брюнинг признавал эти обязательства даже во время кризисов 1931 и 1932 г. Принятое летом 1933 г. решение инициировать дефолт ознаменовало собой ключевой поворотный пункт⁵³. По сути, правительство Гитлера объявило о своей независимости от неявных гарантий безопасности, которые Америка давала Веймарской республике с 1923–1924 гг. Разрыв поначалу был лишь частичным. Столкнувшись с негодованием кредиторов, Гитлер и Шахт воздержали-

52. L. Budrass, *Flugzeugindustrie und Luftrüstung in Deutschland* (Düsseldorf, 1998), 317–18.

53. Несколько странно то, что в работе: Schröder, *Deutschland und die Vereinigten Staaten*, 29–92, 121–67 — слабо затрагивается тема последствий германского дефолта, а основное внимание уделяется торговле. Вейнберг много пишет о дефолте, но не рассматривает его в контексте событий 1920-х гг.; см.: Weinberg, *Foreign Policy I*, 133–45. Более сбалансированное резюме см. в: H. Sirois, *Zwischen Illusion und Krieg: Deutschland und die USA 1933–1941* (Paderborn, 2000), 51–9.

лись от введения полного моратория. После первого заявления они согласились продолжить хотя бы частичные выплаты. Между тем германская пропаганда по-прежнему разглагольствовала о необходимости сохранять хорошие отношения с Америкой. Однако мораторий стал первым решительным шагом — вполне логично, что ему сопутствовало перевооружение. Сбросив бремя американских долгов и отказавшись от защиты, которую обеспечивала Америка, гитлеровское правительство объявило о своем намерении вновь вступить в опасную игру общеевропейского военного соперничества.

В своей «мирной речи» от 17 мая 1933 г. Гитлер все еще пытался унять тревогу и внутри страны, и за границей⁵⁴. Но это был не более чем тактический ход. 17–18 июня 1933 г. в конфиденциальных беседах с венгерским авторитарным премьер-министром Дьюлой Гембешем Гитлер откровенно высказал свое намерение «полностью раздавить Францию»⁵⁵. И после одобрения программы в 35 млрд рейхсмарок стало ясно, что долго обманывать общественность не удастся. Германии нужно было каким-то образом уйти с женевских переговоров по разоружению. Такая возможность представилась в октябре 1933 г., когда британцы выдвинули новые предложения о разоружении. Французы сразу же отвергли всякие намеки на то, что им следует сделать первый шаг и сократить свои крупные вооруженные силы. В свою очередь, британцы не дали согласия на контрпредложение немцев о том, чтобы им позволили перевооружиться до сокращенного уровня, предложенного для других европейских держав. Гитлеровское правительство решило интерпретировать этот отказ как отход британцев от важнейшего принципа паритета, якобы обещанного Германии в декабре 1932 г. 14 октября 1933 г. Гитлер объявил, что больше не желает терпеть унижительный второсортный статус Германии, вследствие чего она покидает переговоры о разоружении и выходит из Лиги Наций⁵⁶. Гитлер сделал этот шаг при полной поддержке Бломберга и министра иностранных дел Константина фон Нейрата и горячем одобрении со стороны Шахта и наиболее активных политиков из числа представителей германской промышленности. Не может быть никаких сомнений и в том, что этот смелый шаг, покончивший с последним унижительным пережитком Версальского договора, был с огромным пониманием встречен немецкой публикой. Однако за кулисами в Берлине царили

54. Domarus, I. 269–78.

55. См.: Weinberg, *Foreign Policy I*, 89–93, 111–14.

56. Dengg, *Deutschlands Austritt*, 278–306.

панические настроения. Бломберг и Геринг явно ожидали, что Польша и Франция ответят на этот жест военной интервенцией. Готовились отчаянные планы по обороне Берлина. Но в конечном счете Третий рейх еще раз выиграл от разобщенности его врагов. Зимой 1933–1934 гг. французское правительство было парализовано неожиданным всплеском местной фашистской активности, кульминацией которого стали ожесточенные уличные бои в начале 1934 г.⁵⁷ Польша в начале 1934 г. была нейтрализована экономическими уступками и договором о дружбе. Тем не менее агрессивные действия Берлина, как это впоследствии случится еще не раз, породили ощущение угрозы, которое, в свою очередь, послужило оправданием для ускорения перевооружения Германии⁵⁸. Все три рода войск вооруженных сил страны подготовились к освоению 35 млрд рейхсмарок, обещанных им их благодетелем, в роли которого выступил Рейхсбанк. Первыми на старт вышли Геринг и новое Рейхсминистерство авиации (РМА). Принятые в 1932 г. планы предусматривали создание секретных военно-воздушных сил, насчитывающих 200 машин. В середине сентября Мильх увеличил запланированную на 1935 г. численность фронтовой авиации до 2000 машин⁵⁹. Как мы увидим ниже, тем самым было положено начало гигантской программе промышленного строительства, контролировавшейся геринговским Министерством авиации. Армия окончательно приняла свою расширенную программу вооружений в декабре 1933 г.⁶⁰ Нарастание армии должно было происходить в два четырехлетних этапа. К концу 1937 г. следовало создать постоянную армию численностью в 21 дивизию или 300 тыс. человек, которая в военное время могла быть увеличена до 63 дивизий. Германское руководство надеялось, что этого хватит для эффективной обороны в случае совместного удара со стороны Польши и Франции. Наступательные мощности предполагалось создать в ходе следующего четырехлетнего этапа, с 1938 по 1941 гг. Армейская программа, принятая в декабре 1933 г., важна в том отношении, что в ней была запрограммирована дальнейшая радикализация внешней политики Гитлера. С тем чтобы выполнить поставленную задачу и создать вооруженные силы чис-

57. P. Bernard and H. Dubief, *The Decline of the Third Republic 1914–1938* (Cambridge, 1988), 219–28.

58. B. R. Kröner, «Der starke Mann im Heimatkriegsgebiet»: Generaloberst Friedrich Fromm. *Fine Biographie* (Paderborn, 2005), 219–21.

59. H. Pophanken, *Gründung und Ausbau der «Weser»-Flugzeugbau GmbH 1933 bis 1939* (Bremen, 2000), 25, 30; Homze, *Arming*, 46–62; Budrass, *Flugzeugindustrie*, 293–335.

60. *Das deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg* (далее DRZW) (Frankfurt, 1989), 1. 487–8; W. Deist, *The Wehrmacht and German Rearmament* (London, 1981), 28–31.

ленностью в 300 тыс. человек, в течение двух ближайших лет следовало учредить воинский призыв, что представляло собой грубейшее нарушение Версальского договора. Более того, нужно было решить проблему Рейнской области. Согласно условиям договора зона к западу от Рейна оставалась демилитаризованной. Это означало невозможность защиты Рура, сердца германской тяжелой промышленности. Но без индустриальных ресурсов Рура никакие реалистичные планы по ведению войны были невозможны. Поэтому самое позднее к концу 1937 г. следовало полностью восстановить германский контроль над Рейнской областью. С декабря 1933 г. часы начали отсчитывать время до момента конфронтации с Францией.

В свете этого противостояния можно было бы ожидать, что гитлеровское правительство постарается защититься, наладив более тесные связи с Великобританией. Однако в декабре 1933 г. при полной поддержке кабинета, Шахт усилил нажим на финансовом фронте, просчитав его таким образом, чтобы как можно сильнее задеть и британцев, и американцев. В июне 1933 г. мораторий Шахта вызвал столь сильные протесты, что Германия была вынуждена отступить и продолжить выплату как основной части долга зарубежным кредиторам, так и процентов — по крайней мере в половинном объеме. На еще более благоприятных условиях удалось договориться с голландцами и швейцарцами⁶¹. Эти страны, несмотря на их небольшой размер, входили в число крупнейших краткосрочных кредиторов Германии. Кроме того, в качестве крупных покупателей германского экспорта они являлись жизненно важным источником твердой валюты. Поэтому на переговорах с Рейхом они находились в выигрышной позиции. Например, если бы Швейцария навязала Германии принудительное клиринговое соглашение, объявив удовлетворение интересов своих кредиторов приоритетным по отношению к германской экспортной выручке, то это бы лишило Рейхсбанк твердой валюты, в которой он отчаянно нуждался, чтобы оплачивать импорт сырья и продовольствия из США и Британской империи⁶². С другой стороны, голландцы и швейцарцы были весьма заинтересованы в сохранении торговых связей со своей намного более крупной соседкой и более чем обоснованно опасались того, что за их спиной будет заключено невыгодное для них соглашение об урегулировании долга с Великобританией и США. Ито-

61. W. A. Bölske, *Deutschland als Welthandelsmacht, 1930–1945* (Stuttgart, 1994), 23–6.

62. Эти опасения впервые были выражены в меморандуме Рейхсбанка, составленном 28 марта 1933 г.: BAL R2501 6439, 165–208. В дальнейшем они повторялись в ходе всех дискуссий. См. полезное резюме в: R25016604, 375–404.

гом стали клиринговые соглашения, в соответствии с которыми голландцы и швейцарцы брали на себя обязательство широко открыть свои двери для германского импорта в обмен на готовность Германии продолжить выплаты по голландским и швейцарским долгам. Представители британских и американских кредиторов громко, но тщетно протестовали против этого неравноправного договора. Восемнадцатого декабря, ровно в тот момент, когда был окончательно выработан новый план по увеличению численности германской армии, Шахт объявил об одностороннем сокращении уровня выплат зарубежным кредиторам с 50 до 30%. Британцев особенно возмутило то, что этот мораторий распространялся и на займы по планам Дауэса и Янга, хотя предполагалось, что выдававшие их кредиторы обладают первоочередным правом на германские ресурсы⁶³. Ярость в Лондоне и Вашингтоне не знала пределов. В январе 1934 г. британское правительство предъявило Германии формальный ультиматум, согласно которому в случае, если Шахт не вернется за стол переговоров, германская выручка от экспорта в Британию будет подлежать принудительному клирингу. Британские власти возьмут ее под свой контроль и будут удерживать из нее суммы, призванные удовлетворить претензии Сити. Такая жесткая реакция британцев заставила Шахта временно отступить. На апрель 1934 г. было назначено общее собрание кредиторов в Берлине, а обслуживание займов, полученных в соответствии с планами Дауэса и Янга, временно возобновилось.

Пока Шахт вновь привлек всеобщее внимание к проблеме долга, германский флот также начал готовиться бросить прямой военный вызов Британии. Так как Гитлер раньше высказывал желание заключить союз с Британией, адмиралы опасались, что на них не прольется золотой дождь средств, выделенных на перевооружение. Гитлер старался избежать конфликта с Великобританией по поводу колоний. Однако адмирал Эрих Редер умело манипулировал фюрером, благодаря чему в марте 1934 г. была принята и программа увеличения флота под вывеской «замены старых кораблей новыми»⁶⁴. Подобно люфтваффе и армии, Редер считал, что Германии следует делать односторонние шаги без оглядки на международную реакцию на ее перевооружение. Поэтому Редер в нарушение версальских ограничений запланировал создание серьезных сил: 8 линкоров вместо 6, разрешен-

63. Wendt, *Economic Appeasement*, 162–9; Forbes, *Doing Business*, 74–82.

64. J. Dülffer, *Weimar, Hitler und die Marine: Reichspolitik und Flottenbau, 1920–1939* (Düsseldorf, 1973), 251–3; J. Dülffer, *Handbuch zur deutschen Militärgeschichte 1648–1939*, VIII (Munich, 1977), 453–5; DRZW I. 540–46.

ных Версальским договором, 3 авианосца, не предусмотренных в договоре, 8 крейсеров вместо разрешенных 6, 48 эсминцев вместо разрешенных 12 и 72 подводные лодки, вообще запрещенные. С учетом высокой стоимости и сложности строительства боевых кораблей осуществление этих планов требовало большого времени. Новый флот был бы готов не ранее 1949 г. Однако начинать освоение средств следовало немедленно: со второй половины 1934 г. верфи северной Германии стали получать крупные заказы. В 1933 и 1934 г. вся эта военная деятельность производилась в полной тайне. В интервью иностранным СМИ Гитлер все так же отрицал принятие каких-либо реальных мер в сфере перевооружения. Однако к весне 1934 г. активность немцев приняла такой размах, что ее было уже невозможно скрыть от проницательных зарубежных наблюдателей⁶⁵. В апреле 1934 г. в ответ на публикацию бюджета Рейха, предусматривавшего резкий рост военных расходов, французы отказались от каких-либо дальнейших двусторонних дискуссий по военным вопросам⁶⁶. В ответ на просьбы объяснить увеличение военного бюджета представители Рейха делали каменное лицо, утверждая, что Германия производит только необходимые расходы на содержание вооруженных сил и на их обновление.

III

К чему правительство Рейха стремилось привлечь внимание в начале 1934 г., так это к следующей фазе «Битвы за рабочие места». С самого начала 1934 г. Министерство пропаганды и Министерство экономики вели активные консультации, готовясь к торжественному открытию второго этапа «Битвы за рабочие места», намеченному на 21 марта, когда по традиции отмечался приход весны. Празднества были расписаны буквально по минутам. Кульминацией торжеств, проходящих по всей стране, должно было стать выступление Гитлера перед рабочими, собранными на месте строительства автобана в Унтергахинге под Мюнхеном. В черновой программе «для служебного пользования», распространенной 5 марта, значилось:

10.45. Прибытие строителей государственного автобана (около 1000 чел.) на место строительства. Недавно нанятых рабочих сле-

65. К моменту открытия Всемирной экономической конференции в 1933 г. Великобритания, Франция и США уже располагали подробными сведениями о германском перевооружении; см.: Clavin, *Failure*, 182.

66. Weinberg, *Foreign Policy* 1, 169–72.

дует разместить отдельной группой. Место строительства оцепляется на протяжении 500 метров с тем, чтобы не допустить чрезмерного скопления зрителей (силы для оцепления предоставляются полицией и СС).

11.00. Прибытие фюрера на место строительства (все немецкие радиостанции начинают передачу), вступительный радиорепортаж. Фюрера приветствует гауляйтер (3 минуты). Генеральный инспектор германских дорог, д-р Тодт, делает доклад о рабочих мюнхенского участка и всех прочих автодорог Рейха и о ходе строительства (3 минуты). Он приглашает фюрера осмотреть дорогу.

11.10–11.25. Фюрер осматривает дорогу. Его сопровождают: гауляйтер, рейхсминистр труда, статс-секретарь Функ из Рейхсминистерства народного просвещения и пропаганды, генеральный инспектор германских дорог д-р Тодт, вождь Трудового фронта д-р Лей, председатель совета правления Государственных автомобильных дорог, генеральный директор Дорпмюллер, начальник Баварского отделения Рейхсминистерства народного просвещения и пропаганды, Ниппольд, главный инженер мюнхенского участка строительства, 2 строителя,

(Силы оцепления принимают меры к тому, чтобы больше никто не присоединился к сопровождению фюрера). Пока Гитлер осматривает дорогу, проходит выступление рейхсминистра народного просвещения и пропаганды. Его речь передается только по радио и не транслируется громкоговорителями на месте строительства. Когда группа фюрера приближается к концу строительного участка, оркестр мюнхенского отделения *Nationalsozialistische Betriebszellenorganisation* (NSBO) играет один куплет песни «Братья в цехах и на шахтах» [*Brüder in Zechen und Gruben*]⁶⁷. Выступление министра пропаганды завершается с началом игры оркестра.

11.25. Группа фюрера достигает конца строительного участка.

11.25–11.45. Выступление фюрера.

11.45. Исполняются по одному куплету из песен *Deutschlandlied* и *Horst Wessel*.

11.50. Конец передачи⁶⁸.

Выступление Гитлера транслировалось по радио на всю страну, будучи ключевым моментом всех намеченных на то утро мероприятий и митингов. С тем чтобы каждый мог услышать фюрера, Министерство пропаганды объявило общенациональ-

67. Эту нацистскую песню, прославляющую трудящихся страны и Гитлера как ее героического руководителя, можно загрузить в качестве аудиофайла как минимум с одного веб-сайта. Кроме того, она доступна на компакт-дисках.

68. BAL R3101 9930, 602.

ный перерыв в работе, начинавшийся в 10.45. Для того чтобы избежать излишних конфликтов, Гитлер решил, что рабочим не должны за это делать вычеты из зарплаты, но что в компенсацию за простой наниматели имеют право потребовать от них дополнительный час работы и не оплачивать его. Министерство пропаганды выработало точные указания по проведению всех местных мероприятий, организовывавшихся на всех строительных площадках, заводах, магазинах, фермах и конторах. Были изданы и инструкции для школ. Директора школ должны были выступить перед началом радиопередачи и разъяснить смысл данных торжеств, а также «национальное экономическое значение „Битвы за рабочие места“». На практике инструкции Министерства пропаганды содержали в себе минимум указаний. Дело брали в свои руки местные партийные деятели. Например, в промышленном Ганновере празднества начались в 7 часов утра с торжественного «призыва на работу» 1000 безработных перед городской биржей труда⁶⁹. Люди, только что получившие работу, построились в колонны и прошли маршем по центру города, направляясь на десять строительных площадок, работы на которых открылись специально по данному случаю. День завершился публичными выступлениями и митингом, объединившим тех, кто нашел работу после 1933 г., и тех, кто еще оставался безработным. Посыл этих мероприятий был ясен: в национальной борьбе за восстановление экономики никто не будет забыт.

В качестве пропагандистского начинания «Битва за рабочие места» весной 1934 г. вступила в новый этап. Однако примечательно то, что ни в 1934 г., ни позже, на национальные проекты по созданию рабочих мест не было выделено ни одной новой рейхсмарки: соответствующее формальное решение было принято берлинскими министерствами 6 декабря 1933 г.⁷⁰ Для того чтобы импульс сохранился и в 1934 г., было санкционировано уже достаточно много проектов. Податели новых заявок уведомлялись о том, что фонды Рейнхардта полностью распределены и денег больше нет. С величайшим трудом выделения специальных средств удалось добиться только таким очагам безработицы, как Берлин и Гамбург. В обоих случаях верх взяли политические соображения. Геббельс и Геринг рассматривали Берлин как свою личную вотчину⁷¹. Гамбург оправдал свою ре-

69. P. Schulz, *Nicht die Zeit, um auszuruhen: Dokumente und Bilder zur Geschichte der hannoverschen Arbeiterbewegung* (Hanover, 1990), 469–70.

70. BAL 4311537, 99.

71. Silverman, *Hitler's Economy*, 82–4.

путацию опасного революционного гнезда, выказав минимальный уровень поддержки Гитлера на референдуме, прошедшем в ноябре 1934 г. после смерти Гинденбурга. Но в целом власти Рейха оставались непреклонными. После декабря 1933 г. на создание рабочих мест денег больше не выделялось. Более того, начиная с весны 1934 г. выделявшиеся Рейхом субсидии на местные проекты по созданию рабочих мест были урезаны на одну шестую, к ужасу местных должностных лиц, всячески старавшихся сократить официальную численность безработных⁷². К маю рейхсканцелярия была завалена тревожными обращениями со стороны активистов движения за создание рабочих мест, включая гауляйтера Восточной Пруссии Коха, опасавшихся того, что их прошлогодние достижения могут оказаться под угрозой⁷³.

Но эти воззвания остались тщетными. К весне 1934 г. баланс приоритетов уже необратимо изменился. В столице уже не было секретом, что создание гражданских рабочих мест уже не рассматривается в качестве важнейшей задачи. Как докладывала побывавшая в Берлине гамбургская делегация, «В определенном смысле создание рабочих мест будет продолжено летом [1934 г.] на основе планируемых военных мероприятий. Но по очевидным причинам об этом не может быть объявлено публично»⁷⁴. В апреле 1934 г. механизм секретного финансирования перевооружения работал на полную мощность. Векселя *Mefo* выпускались на миллиардные суммы. Бухгалтерия велась кое-как. Однако в 1934 г. военные расходы приблизились самое меньшее к 4 млрд рейхсмарок, из которых в официальном бюджете Рейха фигурировало менее половины. Это означало, что на второй год пребывания Гитлера у власти военные расходы уже составляли более 50% расходов центрального правительства на товары и услуги. В 1935 г. доля военных расходов выросла до 73%⁷⁵. В то же время эффектное провозглашение «Битвы за рабочие места» в марте 1934 г. точно совпало с пиком усилий по созданию рабочих мест. В соответствии с официальными данными по рынку труда численность всех, кто получил работу благодаря какому-либо из механизмов по созданию рабочих мест, выросла с 289 тыс. в феврале 1933 г., когда Гитлер пришел к власти, до 1075 тыс. в марте 1934 г., то есть почти

72. BAL 43I 537, 161.

73. См. резюме их опасений в: BAL 43I 537, 208.

74. Wulff, *Arbeitslosigkeit*, 125.

75. На основе цифр из: A. Ritschl, «Deficit Spending in the Nazi Recovery, 1933–1938: A Critical Reassessment», *Working Paper* No. 68, Institute for Empirical Research in Economics, University of Zurich (December 2000), table 5.

на 800 тыс. человек⁷⁶. За то же самое время безработица снизилась более чем на 2,6 млн человек. Таким образом, механизмы по созданию рабочих мест в момент их наиболее активного использования отвечали за сокращение официального числа безработных на 30%. Как мы видим, даже тогда, когда эти инструменты применялись наиболее широко, благодаря им была создана меньшая часть всех новых рабочих мест. Начиная с весны 1934 г. число участников новых программ в среднем сократилось до 700 тыс. человек, постепенно уменьшаясь на протяжении 1935 г. Мы приходим к неизбежному выводу: несмотря на восторги пропагандистов, сопровождавшие возобновление «Битвы за рабочие места» в 1934 г., по сути, она в лучшем случае внесла лишь небольшой вклад в снижение числа безработных.

К 1934 г. общее возрождение германской экономики явно вышло далеко за пределы грязных строительных площадок, возникших в рамках «Битвы». Чтобы разобраться в силах, стоявших за этим подъемом, следует более тщательно изучить доступный статистический материал. Благодаря множеству инноваций в экономической статистике, разработанных при поддержке Веймарской республики, на основе источников того времени мы можем нарисовать весьма всеобъемлющую картину главных компонентов германской экономики в период восстановления⁷⁷. У нас имеется возможность проследить хронологию не только государственных расходов, но и частных инвестиций. Вычтя эти цифры из данных по национальному доходу, можно также оценить потребление домохозяйств.

Несомненно то, что и в 1933, и в 1934 г. полным ходом шло «естественное» выздоровление германского делового сектора. В 1933 г. важнейшей движущей силой восстановления служили инвестиции — главным образом в наращивание основного капитала. Первые признаки этого подъема стали основой для странной волны оптимизма, охватившей Веймарскую республику незадолго до ее кончины⁷⁸. После 1933 г. государственная политика оставила такой глубокий отпечаток на эволюции экономики, что все разговоры о продолжении «естественного выздоровления» становятся в какой-то степени спекулятивными. Мы не можем знать хотя бы с минимальной уверенностью, что произошло бы в том случае, если бы у власти находилось другое правительство. Однако статистика указывает на про-

76. Silverman, *Hitler's Economy*, 253–4.

77. J. A. Tooze, *Statistics and the German State 1900–1945: The Making of Modern Economic Knowledge* (Cambridge, 2001).

78. См.: H. A. Turner, *Hitler's Thirty Days to Power: January 1933* (New York, 1996), 1–2.

ТАБЛИЦА 2. Статистика экономического роста в нацистской Германии

	1932	1933	1934	1935
ВВП в ценах 1913 г.	43,1	46,3	51,5	57,8
военные структуры Рейха	0,3	0,5	2,9	5,5
гражданские структуры Рейха	1,3	2,1	2,8	2
местные власти	4,7	5,5	5,7	5,2
частное потребление	39	37,6	38,2	40,5
частные инвестиции	1,1	3,6	5,5	7
иностранные счета	-3,2	-2,9	-3,6	-2,4
Ежегодные изменения ВВП и компонентов спроса, млрд рейхсмарок				
ВВП		3,2	5,2	6,2
военные структуры Рейха		0,1	2,5	2,6
гражданские структуры Рейха		0,9	0,7	-0,8
местные власти		0,8	0,2	-0,5
частное потребление		-1,5	0,6	2,3
частные инвестиции		2,5	2	1,5
иностранные счета		0,4	-0,7	1,1
Доля роста ВВП, %				
военные структуры Рейха		4,2	47	41,6
гражданские структуры Рейха		27	13,1	-13,1
местные власти		24,6	4,1	-7,4
частное потребление		-45,9	11,7	37,1
частные инвестиции		79	37,4	23,6
иностранные счета		11,2	-13,4	18,2
Общий вклад госсектора		55,7	64,3	21,1
Общий вклад частного сектора		44,3	35,7	78,9

Источники: A. Ritschl, *Deutschlands Krise und Konjunktur 1924–1934* (Berlin, 2002), appendix; A. Ritschl, «Deficit Spending in the Nazi Recovery, 1933–1938», Working Paper No. 68, Institute for Empirical Research in Economics, University of Zurich (December 2000).

должавшийся рост германской деловой активности. Вполне разумно предположить, что серьезное восстановление экономики могло произойти даже при отсутствии государственного вмешательства — как это случилось после первого крупного кризиса Веймарской республики в 1925 г.⁷⁹ В 1933 г. частные инве-

79. Такой же вывод делается в: James, *German Slump*, C. Buchheim and R. Garside (eds.),

стиции и в строительство, и в наращивание основных фондов внесли наиболее крупный вклад в восстановление экономики. Об этом свидетельствуют сведения о крупном приросте занятости в производстве чугуна и стали, металлообработке, промышленности строительных материалов и текстильной отрасли. Однако в первые шесть месяцев пребывания Гитлера у власти это выздоровление в деловом секторе компенсировалось резким сокращением реальной стоимости потребления домохозяйств. И даже в 1934 г., когда можно было бы ожидать, что выздоровление на рынке труда станет мощным стимулом к росту потребления — согласно знаменитому предсказанию кейнсианцев о том, что расходы на создание рабочих мест влекут за собой «эффект домино», — на самом деле оно внесло очень скромный вклад в общий экономический подъем⁸⁰. Хотя мы не можем сколько-нибудь точно измерить потребление, этот пессимистический вывод подтверждается и другими показателями — такими, как индексы оборота в розничной торговле⁸¹. Продажи продовольствия, одежды и прочих товаров, необходимых домохозяйствам, начали заметный рост лишь через полгода после прихода Гитлера к власти. И это едва ли удивительно, если иметь в виду, что реальный заработок многих трудящихся в 1933 г. очень резко сократился, так как ставки зарплаты застыли на одном месте, а стоимость продовольствия начала расти. Этот запоздалый рост потребления не укрылся от современников. Зимой 1933–1934 гг. по всей стране, особенно в Рейхсминистерстве экономики, наблюдалась сильная озабоченность тем, что восстановление к тому моменту так и не привело к реальному росту покупательной способности домохозяйств⁸². Более того, принимая в конце 1933 г. решение больше не планировать

After the Slump: Industry and Politics in 1930s Britain and Germany (Frankfurt, 2000) и в: A. Ritschl, *Deutschlands Krise und Konjunktur 1924–1934* (Berlin, 2002).

80. По этой причине я не вижу смысла тратить время на длительную дискуссию об эффекте мультипликатора. Как хорошо понимали уже современники, гитлеровское экономическое возрождение было каким угодно, но только не кейнсианским; см.: C. Bresciani Turrone, «The „Multiplier“ in Practice: Some Results of Recent German Experience», *Review of Economic Statistics*, 20 (1938), 76–88.

81. Проблематичность оценки расходов на потребление является главным источником расхождений при интерпретации процесса восстановления экономики между работой Ritschl, *Krise und Konjunktur* и исследованиями, основывающимися на данных из: W. G. Hoffmann, *Das Wachstum der deutschen Wirtschaft* (Heidelberg, 1965), 617–705. Здесь я опираюсь на цифры Ричля. Они показывают, что потребление снижалось в первой половине 1933 г. и начало расти лишь во второй половине того же года, после чего на смену росту пришла стагнация 1934 г.

82. Gossweiler, *Die Röhm Affäre*, 342–7; это подтверждается в: BAL R2501 6510 и R31019932.

никаких государственных расходов на создание рабочих мест, рейхсминистерства отчасти пошли на это — потому, что хотели, чтобы в 1934 г. восстановление экономики проходило в большей степени не за счет финансируемых государством землекопных работ, а за счет оживления частного потребления.

Поскольку снижение потребления компенсировало рост инвестиций, на частный спрос в целом приходилось менее половины прироста совокупного спроса и в 1933, и в 1934 г. Таким образом, за гитлеровским экономическим возрождением с самого начала стоял главным образом госсектор⁸³. Более того, ясно и то, что в 1933–1934 гг. радикально изменились приоритеты германского государства. В 1933 г. явным новшеством были расходы на создание гражданских рабочих мест, позволившие увеличить потребление и на местном, и на национальном уровнях. Гражданские расходы Рейха продолжали активно возрастать и в 1934 г. Но при этом часто забывают, что взамен этого начиная с 1934 г. на режим жесткой экономии были переведены местные власти. В значительной степени Рейх тратил на создание рабочих мест те деньги, которые могли бы достаться местным властям. Именно в это на практике вылилось данное Гитлером 1 февраля 1933 г. обещание упорядочить отношения между Рейхом и местными властями. Спонсировавшееся государством восстановление экономики шло рука об руку с беспрецедентной централизацией государственных расходов, основные плоды которой доставались армии⁸⁴. К 1935 г. реальный ВВП Германии вернулся примерно на тот же уровень, на котором он находился в 1928 г. Несомненно, восстановление произошло быстро. Но своими темпами оно не слишком превышало восстановление

83. По причине неверной интерпретации данных автор работы: H. James, «Innovation and Conservatism in Economic Recovery: The Alleged „Nazi Recovery“ of the 1930s», in T. Childers and J. Caplan (eds.), *Re-evaluating the Third Reich* (New York, 1993), 114–38, заходит слишком далеко в отрицании какого-либо значения импульса, который в 1933 и 1934 г. придавала экономике фискальная политика. В работе: R. L. Cohn, «Fiscal Policy in Germany during the Great Depression», *Explorations in Economic History*, 29 (1992), 318–42, приводятся более верные оценки.

84. Произведенная Ричлем переоценка государственных счетов и значений ВВП опровергает те интерпретации нацистского экономического возрождения, согласно которым государство тратило деньги в первую очередь на создание гражданских рабочих мест, а не на перевооружение. Самыми заметными примерами этого направления являются работы: R. Overly, *The Nazi Economic Recovery 1932–1938* (Cambridge, 1996), и C. W. Guillebaud, *The Economic Recovery of Germany: From 1933 to the Incorporation of Austria in March 1938* (London, 1939). Остается открытым вопрос о том, какую роль сыграла государственная политика при восстановлении экономики, но не о расстановке приоритетов в рамках политики перевооружения.

экономики в США, за которым стоял совершенно иной набор политических мер. Кроме того, в данном случае восстановление происходило не быстрее, чем после первой сильной рецессии, поразившей Веймарскую республику зимой 1926–1927 г., когда 12 месяцев экономика страны росла такими темпами, какие никогда не наблюдались при Третьем рейхе⁸⁵. Поэтому вполне можно себе представить аналогичное быстрое восстановление даже при совершенно ином политическом режиме. В таком строго контрфактуальном смысле нельзя утверждать, что «причиной» германского экономического возрождения являлась нацистская экономическая политика⁸⁶. Однако бесспорно то, что реально произошедшее возрождение носит на себе четкий отпечаток власти НСДАП. В 1935 г. частное потребление по-прежнему было на 7% ниже того уровня, на котором оно находилось до депрессии, а частные инвестиции — на 22% ниже. Напротив, государственные расходы увеличились на 70% по сравнению с уровнем 1928 г. и этот прирост был почти полностью обязан военным расходам. Что касается центральной власти, нет сомнений в том, что перевооружение стало ее главным приоритетом уже к началу 1934 г. С 1933 по 1935 г. доля военных расходов в германском национальном доходе, составлявшая менее 1%, выросла почти до 10%. Столь масштабного перераспределения общего национального продукта за такой короткий промежуток времени никогда прежде не происходило ни в одном капиталистическом государстве в мирное время. Результат произведенных всего за три первых года гитлеровского правления расходов на сумму в 10 млрд рейхсмарок, доставшихся сплоченному военно-промышленному комплексу, был грандиозным. Согласно оценкам того времени, уже в 1935 г. производством различной продукции, «не предназначенной для продажи», занималось до четверти немецкой промышленности⁸⁷. И в 1934 г. последствия такой резкой перестройки германской экономики вылились в первый реальный кризис при новой власти.

85. Ritschl, *Krise und Konjunktur*, appendix C. 2.

86. Такая очень строгая проверка причинно-следственных связей производится в: Ritschl, «Deficit Spending».

87. M. Geyer, «Zum Einfluss der Nationalsozialistische Rüstungspolitik auf das Ruhrgebiet», *Rheinische Vierteljahresblätter*, 45 (1981), 255.

3

В отрыв

ЛЕТОМ 1934 г. всем, кроме самых снисходительных иностранных наблюдателей, стало очевидно, что гитлеровское правительство не может быть названо «нормальным». К тому времени уже в течение нескольких месяцев было ясно, что положение режима становится все более шатким¹. Массы рядовых штурмовиков (СА) возмущались тем, что «их» правительство так и не осуществило полномасштабную популистскую, националистическую и антисемитскую революцию. На другом краю гитлеровской коалиции экс-канцлер Франц фон Папен и его аристократическое окружение были обеспокоены признаками того, что им казалось «плебейским вырождением». Но самые большие опасения вызывало то, что СА и армия вели друг с другом ожесточенную борьбу по поводу программы перевооружения. Вождь СА Эрнст Рем представлял себе перевооружение Германии как массовую мобилизацию нации, но подобные идеи вызывали крайнюю неприязнь у профессиональных военных. Сам Гитлер четко обозначил свою позицию в феврале 1934 г., навязав «соглашение», ограничивавшее активность штурмовиков². Но штурмовики демонстративно продолжали свои «ополченческие» экзерсисы. К маю 1934 г. их поведение стало настолько вызывающим, что Гитлер приказал штурмовикам уйти в коллективный «отпуск» на весь июнь. Единства не было и среди руководства самой НСДАП. Геринг и Гиммлер интриговали против Рема, а Геббельс боготворил штурмовиков и мечтал об окончательном сведении счетов с «реакционерами». Однако решающим фактором стала армия. 21 июня президент Гинденбург и министр обороны Бломберг потребовали от Гитлера привести «революционных смутьянов <...> в чувство». Они пригрозили, что в противном случае армия введет военное по-

1. Я опираюсь в основном на: I. Kershaw, *Hitler 1889–1936: Hubris* (London, 1998), 499–519, и K. J. Müller, *Armee und Drittes Reich 1933–1939* (Paderborn, 1989), 62–70.

2. Текст этого соглашения см. в: Müller, *Armee und Drittes Reich*, 192–5.

ложение, а Гинденбург объявит об окончании «гитлеровского эксперимента». Окончательное решение было принято 28 июня, на празднествах по случаю свадьбы гауляйтера Йозефа Тербовена, проходивших в Эссене, в самом сердце Рура. Гитлер взял на себя личную ответственность за чистки. По его приказу ранним утром 30 июня 1934 г. на курорте Бас-Висзее под Мюнхеном были арестованы и впоследствии казнены ведущие фигуры СА. Между тем в Берлине Геббельс и Геринг занялись «реакционерами». Эсэсовцы ворвались в канцелярию фон Папена и застрелили его секретаря. Остальные подчиненные Папена были арестованы. Самого Папена пощадили только потому, что было неудобно ликвидировать действующего члена германского правительства. Другим повезло меньше. Генерал Шлейхер, бывший канцлер республики и глава рейхсвера, был убит вместе с женой. Грегора Штрассера, архитектора проводившейся Нацистской партией политики по созданию рабочих мест, уже изгнанного из партии в декабре 1932 г. за интриги с участием Шлейхера, убили в Берлине. Достоверно известно, что жертвами «Ночи длинных ножей» всего стало 85 человек. Но в реальности их число может достигать 200.

За пределами Германии вести об этих расправах, санкционированных властями, были встречены с ужасом и недоверием. Стало ясно, что гитлеровский режим не проявляет никакого уважения к элементарным нормам законности. И через несколько недель после «Ночи длинных ножей» это впечатление было подтверждено еще одним возмутительным проявлением нацистского насилия³. С начала 1934 г. сторонники Гитлера в Австрии вели террористическую кампанию против авторитарного правительства канцлера Энгельберта Дольфуса. 25 июля, поощряемые своими германскими соратниками, австрийские нацисты организовали путч. В надежде на его впечатляющий успех Гитлер приказал командованию своих войск на юге Германии быть готовым к оказанию помощи путчистам. Но в итоге австрийская армия сохранила лояльность и выступление было быстро подавлено. Однако канцлер Дольфус был застрелен в своей венской канцелярии людьми со свастиками. За рубежом эти события подверглись единодушному осуждению. Особенно тревожным было неожиданное усиление напряженности на границах Австрии. С целью предотвратить любые попытки немедленного аншлюса Муссолини привел в боевую готовность несколько дивизий. Италия была не заинтересована

3. Weinberg, *Foreign Policy* 1, 87–107.

в том, чтобы немецкое влияние распространилось и по другую сторону Альп. Были также зафиксированы перемещения войск на границе с Венгрией, что, в свою очередь, возбудило тревогу в Югославии⁴. Казалось, что на Балканах сложились условия для цепной реакции, напоминавшие август 1914 г. По сведениям гестапо, Германия летом 1934 г. была охвачена настоящим «военным психозом». Но в отличие от событий 20-летней давности, речь шла о страхе, а не о воодушевлении⁵.

Неудивительно, что в исторической памяти о лете 1934 г. на первом месте стоят именно эти чрезвычайные события. Однако именно в тот самый момент Германия балансировала на краю экономической катастрофы. С мая по сентябрь 1934 г. нацистский режим находился ближе всего к всеобъемлющему социально-экономическому кризису за всю свою 12-летнюю историю⁶. С начала 1934 г. запасы иностранной валюты в Рейхсбанке опасно сократились. Ситуация была настолько отчаянной, что немцам, отправлявшимся за границу, валюта выдавалась из расчета не более чем по 50 рейхсмарок в месяц. Для того чтобы за пределами Германии не возник «черный рынок» рейхсмарок, путешественникам было запрещено вывозить за рубеж немецкие банкноты⁷. Одновременно Рейхсбанк и Рейхсминистерство экономики (РМЭ) начали болезненный процесс сокращения ежемесячных квот иностранной валюты, выдававшейся германским импортерам. К лету эти квоты составляли всего 5% от уровня, существовавшего до кризиса, разразившегося в июле 1931 г. Поскольку все важнейшие отрасли германской промышленности зависели от сырья, поставлявшегося из-за границы, это безжалостное сокращение породило страхи о том, что надвигается новая волна увольнений. Нехватка сырья предвещала не только безработицу, но и дефицит потребительских товаров,

4. См. поразительно живые описания атмосферы на итало-австро-югославской границе в июле и августе 1934 г. в корреспонденциях Гарета Джонса для *Western Mail* и *South Wales News*.

5. G. Morsch, *Arbeit und Brot: Studien zur Lage, Stimmung, Einstellung und Verhalten der deutschen Arbeiterschaft, 1933–1936/37* (Frankfurt, 1993), 184.

6. Как подчеркивает Тим Мэйсон, вследствие острой нехватки иностранной валюты экономическая ситуация в стране была намного ближе к неконтролируемому кризису, чем во время затруднений конца 1930-х гг.; см.: J. Caplan (ed.), *Nazism, Fascism and the Working Class: Essays by Tim Mason* (Cambridge, 1995).

7. *Schulthess Europäischer Geschichtskalender* (Munich, 1934), 19.04.1934, 108. О значении этого на первый взгляд чисто технического посягательства на свободу см. проницательные замечания в: Ф. Хайек, *Road to Serfdom* (London, 1944), 66–9; Ф. Хайек, *Дорога к рабству* (Москва, 2005), 106–107. Это значение в конце концов получило широкое признание благодаря литературе об экономических репрессиях, направленных на евреев.

страхи перед которым усугублялись необычайно плохим урожаем 1934 г. Страну охватило массовое недовольство ростом цен на импортное продовольствие. Но мрачные чувства испытывали не только потребители. Настроения в деловых кругах на втором году существования гитлеровского режима тоже были далеко не веселыми. Фондовый рынок отреагировал на агрессивную речь Гитлера, произнесенную им 21 марта 1934 г., в день открытия нового этапа «Битвы за рабочие места», резким снижением цен на акции⁸. К маю 1934 г. всеобщий ропот был уже таким громким, что Геббельс счел необходимым начать общенациональную кампанию против недовольных: двухмесячный «шквал митингов, демонстраций и выступлений» против «ворчунов и критиканов»⁹. Главной темой этой кампании служил обращенный к простым немцам призыв проявить больше стойкости при преодолении последствий нехватки иностранной валюты: «Долг каждого немца — принять участие в борьбе с валютным кризисом [кризисом выплат]». Но в отличие от Гитлера, Геббельс не сдерживался в своей критике деловых кругов: «Жертвы следует принести всем». Что самое главное, евреи должны были научиться вести себя как «гости» в своем немецком доме¹⁰. На министра экономики Курта Шмита, тщетно старавшегося воспрепятствовать углублению кризиса, нападали со всех сторон. Вильгельм Кепплер, личный экономический советник Гитлера, вступил в сговор с Генрихом Гиммлером с тем, чтобы сделать экономическую политику более идеологизированной¹¹. Цеховые активисты из NSBO и Германского трудового фронта Роберта Лея требовали «нового курса» для немецких трудящихся. Шахт, возглавлявший Рейхсбанк, вместе с Герингом и армией выступал за еще более масштабное перевооружение и сделался главным публичным защитником агрессивной программы одностороннего отказа от всех долгов. Ко второй неделе июня

8. *Die Deutsche Volkswirtschaft*, 10 (1934), 189–91.

9. *Die Deutsche Volkswirtschaft*, 14 (1934), 420.

10. *Schulthess* 1934, 131, пересказ речи Геббельса 11 мая 1934 г.

11. Вильгельм Кепплер (1882–1960) родился в Северном Бадене в семье промышленника, производившего фотографический желатин по лицензии американской компании *Eastman Kodak*. Будучи с 1927 г. активным участником нацистского движения, Кепплер обладал большим влиянием в 1931–1932 гг., собрав небольшую группу предпринимателей вокруг Нацистской партии. Особенно важным было знакомство Кепплера с банкиром Куртом фон Шредером, у которого состоялась эпохальная встреча Гитлера с Папеном в январе 1933 г.: Н. А. Turner, *German Big Business and the Rise of Hitler* (Oxford, 1985), 192, 238–46, 314–16. Обычно считается, что после 1933 г. Кепплер перестал быть значимой фигурой, но в действительности он продолжал играть ключевую роль в нацистской промышленной политике на протяжении всех 1930-х гг.

1934 г. лондонская газета *Evening Standard*, которую нельзя было заподозрить в антинацистских настроениях, выражала открытое беспокойство тем, что дни гитлеровского режима сочтены.

Экономический кризис развивался как по сценарию¹². 14 июня 1934 г. Шахт объявил о полной приостановке выплат в иностранной валюте по всем германским внешним долгам. Одновременно с тем он резко сократил объемы иностранной валюты, выдававшейся германским импортерам. 23 июля 1934 г. Рейхсбанк совершенно отказался от упорядоченной системы ежемесячных выдач иностранной валюты. Отныне валюта выдавалась на ежедневной основе в количествах, зависевших от ее наличия. Германские импортеры теперь никогда не могли знать наверняка, получают ли они завтра валюту, необходимую им, чтобы расплатиться с зарубежными поставщиками. Это грозило полной остановкой внешней торговли. Между тем международная реакция на грядущий дефолт Германии была более бурной, чем когда-либо¹³. 25–26 июня палата общин в Лондоне провела чрезвычайную 48-часовую сессию, торопясь утвердить законы, разрешающие принятие мер принуждения. Дебаты проходили во враждебном ключе. Воинственные высказывания звучали даже из уст Невилла Чемберлена. Всего после 15 месяцев агрессивных односторонних действий Гитлера терпение Лондона исчерпалось. При поддержке как правящей коалиции, так и оппозиции парламент ратифицировал акт о всеобъемлющих полномочиях, наделив Казначейство правом арестовывать выручку германских импортеров в интересах британских кредиторов. Эти санкции вступали в силу с 1 июля. Германия ответила на это законом, согласно которому РМЭ могло принимать любые ответные меры, необходимые для защиты германских экономических интересов.

Пока эсэсовцы делали свою грязную работу, Великобритания и Германия — две крупнейшие европейские экономики — оказались в опасной близости от открытой торговой войны. Такая конфронтация могла бы нанести неисчислимый ущерб процессу гитлеровского экономического возрождения. Велико-

12. S. Dengg, *Deutschlands Austritt aus den Völkerbund und Schachts Neuer Plan* (Frankfurt, 1986), 362–79; D. Döring, *Deutsche Aussenwirtschaftspolitik 1933–35* (Berlin, 1969). Анализ более узко-экономического плана см. в: M. Ebi, *Export um jeden Preis: Die deutsche Exportförderung von 1932–1938* (Stuttgart, 2004).

13. Весь драматизм этого кризиса нашел наиболее четкое отражение в литературе об англо-германских отношениях; см.: B. J. Wendt, *Economic Appeasement: Handel und Finanz in der britischen Deutschland-Politik 1933–1939* (Düsseldorf, 1971), 180–219; Forbes, *Doing Business*, 90–92. См. также раздраженную реплику журналистов в: *The Economist*, 23 June 1934, 1378–9.

британия была не только главным экспортным рынком Германии, а соответственно, и ее главным источником твердой валюты; помимо этого, Британская империя служила главным поставщиком многих видов сырья, импортировавшихся Германией. Ситуацию усугубляло и то, что лондонский Сити был основным источником краткосрочного финансирования для германской внешней торговли. Даже тот германский импорт, который поступал не из Британии, в большинстве случаев финансировался британскими банками. Согласованные усилия британцев, имеющие целью наказать Германию за ее дефолт, могли бы оказать серьезное влияние на все еще хрупкий режим Гитлера. Рейхсминистр экономики, несомненно, чувствовал, как над ним сгущаются тучи. Курт Шмитт, любивший покрасоваться в мундире почетного члена СС, знал, что пользуется всеобщим презрением среди штурмовиков (СА). В своих любимых кабаках они распевали «Хорст Вессель» с новыми словами:

Цены — вверх! Картель, тесней ряды!
Капитал марширует тихой поступью.
Биржевые брокеры — члены партии,
А защитник капитала — герр Шмитт¹⁴.

Если штурмовики, согласно слухам, в самом деле готовили переворот, то дни министра явно были сочтены. К началу лета напряжение начало сказываться на здоровье Шмитта¹⁵. Развязка наступила 28 июня во время рутинного послеобеденного выступления перед берлинскими экспортерами. Министр начал речь с того, что обрисовал чрезвычайно серьезную ситуацию, в которой оказалась германская экономика, и задался вопросом: «Что делать?». Но не успел он ответить на свой же вопрос, как мертвенно побледнел и рухнул на пол, не закончив фразы. Лишь вода из его стакана капала на страницы его речи¹⁶. На следующий день печать сообщила, что министр ушел в отпуск. Сутки спустя эсэсовцы открыли охоту на вождей штурмовиков. Перед Ялмаром Шахтом и его друзьями в военных кругах открылся путь к тому, чтобы непоколебимо утвердиться в качестве партнеров Гитлера по власти.

14. «Die Preise hoch, Kartelle fest geschlossen/das Kapital marschiert mit leisem Schritt/die Börsianer sind Parteigenossen/und für das Kapital sorgt nun Herr Schmitt». Цит. по: N. Mühlen, *Der Zauberer: Leben und Anleihen des Dr Hjalmar Horace Greeley Schacht* (Zurich, 2nd edn., 1938), 159.

15. G. D. Feldman, *Allianz and the German Insurance Business, 1933–1945* (Cambridge, 2001), 101–2.

16. Mühlen, *Der Zauberer*, 162.

I

Непосредственной причиной кризиса являлся рискованно низкий уровень резервов иностранной валюты в Рейхсбанке. Как мы уже видели, они сильно сократились за первые месяцы пребывания Гитлера у власти. Затем летом 1933 г. они стабилизировались на уровне примерно в 400 млн рейхсмарок, после чего в феврале 1934 г. вновь начали резко снижаться. К июню 1934 г. запасы валюты в Рейхсбанке составляли менее 100 млн рейхсмарок, чего едва хватало для оплаты недельного импорта, даже находившегося на минимальном уровне.

Причина этого катастрофического оттока заключалась в растущем дефиците торгового баланса. Как мы уже видели, рост стоимости экспорта был предсказуемым и давно ожидавшимся событием¹⁷. Собственно говоря, рост импорта служил самым четким признаком высоких темпов гитлеровского экономического возрождения. По-настоящему тревожной проблемой были тенденции, связанные с экспортом. В то время как германская экономика шла на поправку, экспорт продолжал снижаться. В 1933 г. не было ни одного месяца, когда бы экспорт превышал уровень 1932 г., и этот разрыв с течением года лишь возрастал. Эта тенденция продолжилась и в 1934 г.: в начале лета 1934 г. экспортные поступления были на 20% ниже, чем годом раньше. Ничего не экспортируя, Германия не могла ни оплачивать жизненно необходимый импорт, ни обслуживать свой внешний долг. И это был не просто абстрактный финансовый императив. Если бы за границей не нашлось покупателей, без средств к существованию остались бы тысячи фирм и миллионы трудящихся. Внешняя торговля служила источником заработка и для легкой промышленности Центральной и Восточной Германии, и крупных коммерческих центров в долине Рейна, и для портовых городов на Балтике и на Северном море. Тот факт, что объемы германского экспорта составляли всего 60% от их уровня в 1932 г., являлся одной из основных причин безработицы и в промышленности, и в торговле¹⁸.

Причины сокращения германского экспорта бурно обсуждались и внутри страны, и за ее пределами¹⁹. Шахт и выра-

17. IfK, Supplement to *Weekly Report*, 11 April 1934; *ibid.*, 25 April 1934, 73–4.

18. Описание ситуации в таком классическом экспортном регионе, как Саксония, см.: М. С. Schneider, «Die Wirtschaftsentwicklung», in C. Vollnhals (ed.), *Sachsen in der NS-Zeit* (Leipzig, 2002), 72–84.

19. Ebi, *Export*, 62–92.

ЦЕНА РАЗРУШЕНИЯ

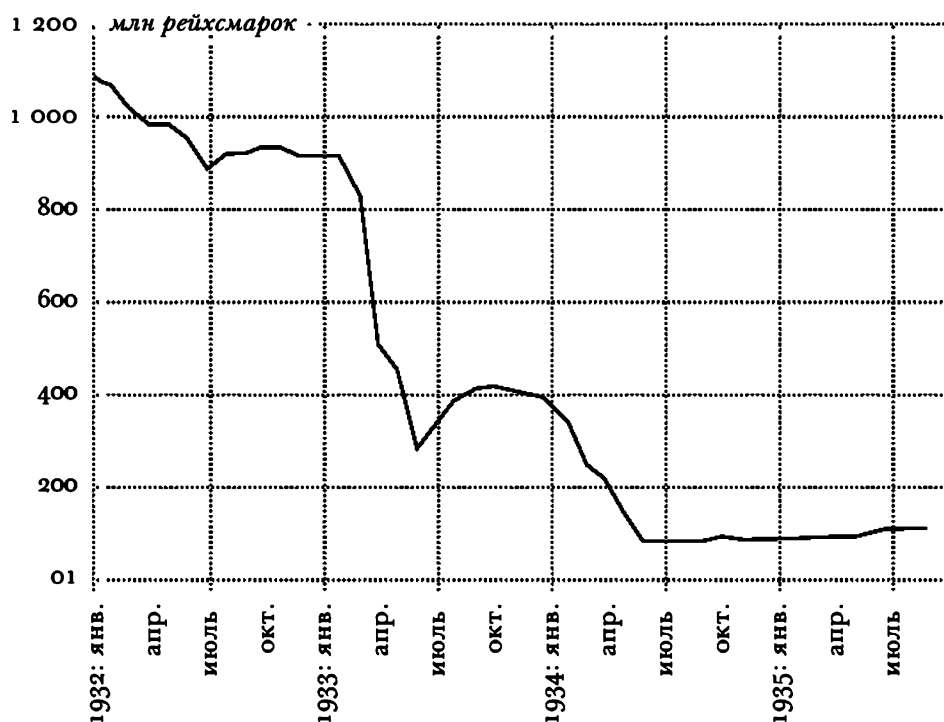

РИС. 2. Снижение золотых и валютных резервов Рейхсбанка

жавшая официальную точку зрения немецкая печать возлагали вину на «несправедливые» ограничения, которым подвергалась германская торговля. Нет сомнений в том, что грандиозный рост глобального протекционизма, последовавший за валютным кризисом 1931 г., сильно затруднил экспорт²⁰. Но Германия не просто стала жертвой протекционизма в других странах. Помимо Великобритании, Германия являлась крупнейшим европейским экспортным рынком и произошедший после 1930 г. поворот самой Германии к протекционизму сыграл важную роль в ускорении цикла взаимных торговых ограничений. Более того, проблемы Германии усугублялись ее агрессивной дипломатией в сфере долгов. Одним из самых тревожных аспектов торговой статистики Рейха в 1934 г. было серьезное снижение экспорта во Францию, Нидерланды и Швейцарию. Все три

20. См. обзор препятствий, встававших перед германским экспортом, в: *Wirtschaftsdienst*, 29 (20.07.1934), 990–3. Такая традиционная для XIX в. форма торгового протекционизма, как тарифы, влекла за собой рост стоимости импортных товаров по причине таможенных сборов, но оставляла за покупателями право решать, сколько дорогих зарубежных товаров им следует покупать. Вводившиеся в 1930-е гг. системы квот непосредственно контролировали реальные объемы импорта из конкретных стран.

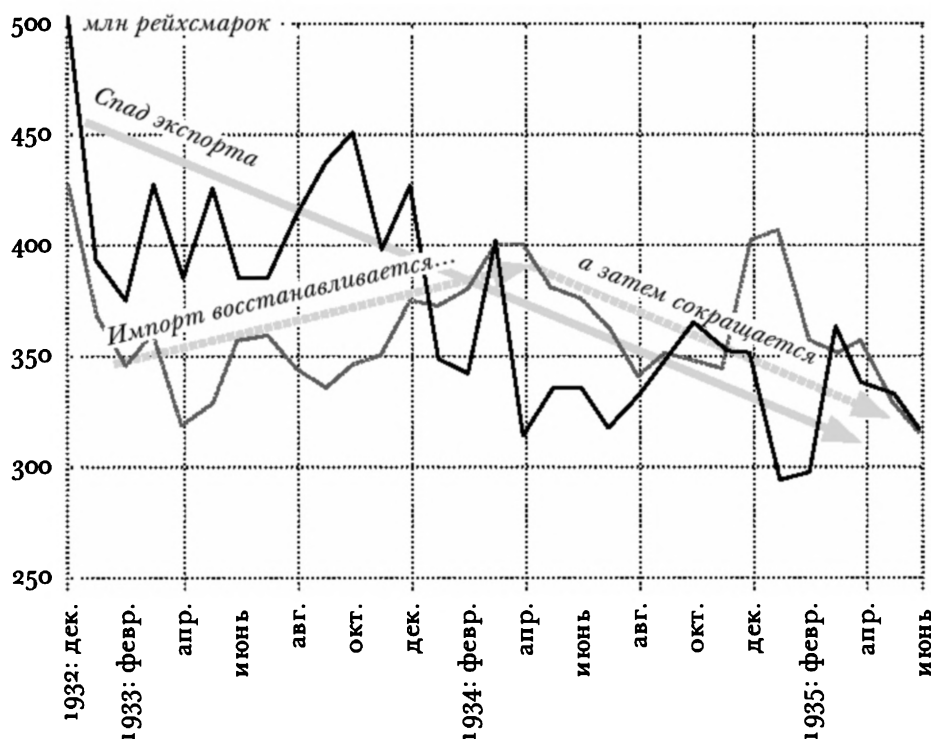

РИС. 3. Торговый баланс под давлением:
импорт и экспорт по месяцам

страны ответили на объявленный в 1933 г. германский дефолт заключением клиринговых соглашений, гарантировавших, что им достанется по крайней мере часть немецкой экспортной выручки в форме обслуживания долга. Первоначально эти соглашения заключались в предположении, что торговый баланс по-прежнему будет складываться в пользу Германии, но опыт показал, что подобные двусторонние клиринговые соглашения на практике способствуют выравниванию торгового баланса между обеими сторонами. Немецкие экспортеры сталкивались с бюрократическими формальностями, связанными с клиринговыми соглашениями. С другой стороны, немецкие импортеры получили многочисленные стимулы к тому, чтобы в полной мере воспользоваться открытыми счетами, предлагавшимися им по условиям этих соглашений. С точки зрения Германии ситуация складывалась чудовищная: оплачивать импорт продовольствия и сырья, поступающих из-за рубежа, приходилось за счет выручки от торговли с европейскими соседями. И если система двусторонних клиринговых соглашений играла важнейшую роль в том, что касалось расширения торговли Германии с ее более бедными соседями в Восточной и Юго-Восточной Европе, то заключение таких соглаше-

ний с западноевропейскими странами Рейхсбанк считал не чем иным, как катастрофой²¹.

Более того, не может быть никаких сомнений в том, что эти помехи для германского экспорта после 1933 г. усугублялись всеобщей международной неприязнью к гитлеровскому режиму с его неуважением к закону и антисемитизмом. Гонения на еврейское население Германии начались сразу же после всеобщих выборов 5 марта, а их кульминацией стал официальный бойкот еврейских предприятий, провозглашенный 1 апреля 1933 г.²² Это, в свою очередь, спровоцировало еврейские организации — в первую очередь в США — на организацию бойкота немецких товаров. Хотя влияние этих негативных настроений трудно оценить со сколько-нибудь высокой точностью, ясно, что в Берлине их воспринимали очень серьезно. Бойкот служил темой тревожных дискуссий между Рейхсбанком и рядом крупнейших германских корпораций²³. В июле 1933 г. Гитлер на важной встрече ведущих нацистов констатировал, что первую волну революционных действий против евреев пришлось прекратить из-за вызванного ею единодушного осуждения Германии международным общественным мнением²⁴. Однако, помимо торгового бойкота, существовало и намного более непосредственное противоречие между нацистской антисемитской политикой и ограничениями, накладывавшимися платежным балансом. В той степени, в какой антисемитизм гитлеровского режима в 1930-е гг. имел какую-либо внятную цель, она состояла в изгнании евреев с немецкой земли. В этом отношении режим достиг больших «успехов» в 1933 г., когда насильственная узурпация власти нацистами привела к отъезду из страны 37 тыс. немецких евреев. «Проблема» заключалась в том, что эмигранты, за исключением самых отчаявшихся, в больших количествах выезжают за рубеж лишь тогда, когда им разрешают забрать с собой хотя бы часть своей собственности. И немецкие евреи в этом отношении не отличались от всех других мигрантов. Устав Рейхсбанка требовал от него выдавать мигрантам иностранную валюту в размерах, необходимых для удовлетворения зарубежных визовых

21. Опасения, связанные с клиринговой системой, и мнение о том, что она была навязана Германии ее кредиторами, см. в меморандумах Рейхсбанка и стенограммах выступлений в: BAL R2501 6602, 489–98 и R2501 6604, 375–404.

22. A. Barkai, *From Boycott to Annihilation: The Economic Struggle of German Jews* (Hanover, 1989), 13–53.

23. См. в хронологическом порядке: BAL R2501 6440, 102–19, R2501 6601, 331–42, R2501 6602, 150–73.

24. P. Longerich, *Politik der Vernichtung: Eine Gesamtdarstellung der nationalsozialistischen Judenfolgung* (Munich, 1998), 46–56.

требований. Но если бы зажиточные еврейские семьи в массовом порядке эмигрировали из Германии в 1933 и 1934 г., то это самым катастрофическим образом сказалось бы на резервах иностранной валюты в Рейхсбанке. Согласно осторожной оценке богатство немецких евреев в 1933 г. достигало самое меньшее 8 млрд рейхсмарок. Перевод за рубеж хотя бы небольшой доли этой суммы явно превышал возможности Рейхсбанка. Отток валюты и без того был достаточно серьезным. Согласно подробному отчету, составленному Рейхсбанком, потери твердой валюты, вызванные эмиграцией, с января 1933 г. по июнь 1935 г. в целом составили 132 млн рейхсмарок, из которых 124,8 млн приходилось на долю еврейских эмигрантов²⁵. Пик переводов пришелся на октябрь 1933 г., когда их сумма превысила 11 млн рейхсмарок, но и на протяжении всей первой половины 1934 г. они находились на уровне примерно в 6 млн рейхсмарок ежемесячно. В условиях, когда общие запасы валюты составляли менее 100 млн рейхсмарок, Рейхсбанк едва ли мог себе позволить такой отток. Поэтому в ответ Рейхсбанк резко поднял ставку дисконта для всех держателей личных счетов, желавших перевести их за рубеж через *Golddiskontbank*²⁶. Кроме того, в мае 1934 г. были ужесточены условия взимания так называемого налога на бегство из Рейха: нижняя граница стоимости облагаемого налогом имущества снизилась с 200 тыс. до 50 тыс. рейхсмарок, а власти получили более широкие полномочия при оценке его стоимости²⁷. Эти меры позволили резко сократить отток иностранной валюты, вызванный эмиграцией. К лету 1935 г. ежемесячные потери Рейхсбанка сократились до 2 млн рейхсмарок. Однако итог этих мер был в высшей степени противоречивым. Третий рейх не поощрял эмиграцию, а, наоборот, взимал драконовский налог со всех желавших покинуть страну. Это привело к предсказуемому результату. После того как миновали первые эксцессы, связанные с захватом власти, еврейская эмиграция сократилась, составив всего 23 тыс. человек в 1934 г. и 21 тыс. человек в 1935 г. Начиная с 1934 г. нехватка иностранной валюты стала главным препятствием к последовательному проведению политики принудительной эмиграции.

Однако все это отнюдь не мешало таким параноидальным антисемитам, как Йозеф Геббельс, возлагать всю вину за герман-

25. См.: BAL R2501 6444, 198.

26. F. Bajohr, «Aryanisation» in *Hamburg: The Economic Exclusion of Jews and the Confiscation of their Property in Nazi Germany* (Oxford, 2002), 121. Значение дисконта было поднято с 20 до 60%. К 1936 г. оно повысилось до 80%, а к 1938 г. — до 90%.

27. Longerich, *Politik*, 125.

ские проблемы платежного баланса на махинации мирового еврейства. Выступление Геббельса в мае 1934 г. в «Спортпаласте», которым он открыл кампанию против «ворчунов и критиков», было пересыпано злобными антисемитскими выпадами: «Если Германия была вынуждена объявить всему миру, что она больше не в состоянии платить по долгам и переводить проценты, то вина за это лежит не на нас». По его словам, в конечном счете причиной проблем являлся организованный мировым еврейством экономический бойкот и заплатить за это придется немецким евреям. Под бурные аплодисменты Геббельс заявил, что в случае экономического кризиса «ненависть, гнев и отчаяние немецкого народа в первую очередь обратятся против тех, кто находится рядом с нами, у нас в стране»²⁸.

Однако основная причина недостаточной конкурентоспособности Германии не имела отношения к политике (в самом буквальном смысле слова). Ключевая проблема заключалась в неудачном обменном курсе рейхсмарки. Как мы уже видели, этот принципиальный перекося впервые возник осенью 1931 г. после девальвации фунта стерлингов. Вторым ударом стала девальвация доллара в апреле 1933 г. К 1933 г. торговля между странами, чьи валюты были по-прежнему привязаны к золоту, составляла лишь 20% от мировой. Вследствие неготовности Германии последовать этой тенденции цены на ее экспортные товары, установленные в соответствии с официальным обменным курсом рейхсмарки, оказались крайне неконкурентоспособными. Дело было не в конкретных отраслях или секторах, не в высоких зарплатах и не в избыточных налогах и социальных взносах. При существовавших обменных курсах вся система цен и заработков в Германии находилась в сильном несоответствии с тем, что наблюдалось в большинстве других стран мира.

В 1933 г. Гитлер и Шахт отказались от наиболее очевидного решения этой проблемы — девальвации. По понятиям Гитлера девальвация была равнозначна инфляции. Он был прав в том смысле, что любая серьезная девальвация, приведя к росту цен на импортные товары, повысила бы общий уровень цен в Германии. По оценкам Рейхсбанка, сделанным летом 1934 г., 40-процентная девальвация, которой хватило бы для того, чтобы восстановить конкурентоспособность Германии по отношению к Британии и Америке, повысила бы стоимость жизни для рабочего класса на 5,4–7,4%, в то время как стоимость продовольствия выросла бы как минимум на 10%²⁹. Могло ли это

28. *Schulthess* 1934, 11.05.1934, 131.

29. BAL R2501 6423, 29–36.

РИС. 4. Разрыв в конкурентоспособности: цена отказа от девальвации

ПРИМЕЧАНИЕ: на этом графике с целью показать эффект девальвации сравнивается уровень германских цен с уровнем британских и американских цен, переведенных в рейхсмарки. По мере того как стоимость доллара и фунта стерлингов уменьшалась по отношению к рейхсмарке, по-прежнему привязанной к золоту, уровень цен в США и Великобритании снижался по сравнению с уровнем цен, наблюдавшимся в Германии.

повлечь за собой устойчивую инфляцию — это другой вопрос. С точки зрения Рейхсбанка, неоднократно оценивавшего эту проблему, намного более значимым был вопрос германской задолженности. Девальвация рейхсмарки лишила бы Германию всех преимуществ, которые она получила после 1931 г. благодаря девальвации валюты ее кредиторов. Несомненно, именно здесь скрывался камень преткновения. Шахт в редком приступе откровенности в августе 1934 г. заявил: «В принципе он никогда не отвергал девальвацию. Он всегда говорил, что пока Германия имеет крупный внешний долг, в девальвации нет никакого смысла. Как только мы избавимся от зарубежных долгов, дело предстанет в совершенно ином свете»³⁰.

Тем временем все более злободневным становился вопрос: как поддержать германский экспорт, не прибегая к девальва-

30. BAL R2501 6603, 2-15.

ции? Решение, найденное осенью 1933 г., заключалось в использовании различных механизмов, эксплуатировавших то преимущество, которое Германия получила, объявив мораторий по своим зарубежным долгам. Посредством сложной системы обратного выкупа, а также манипулируя заблокированными германскими счетами зарубежных кредиторов, Рейхсбанк ухитрялся субсидировать немецких экспортеров за счет кредиторов Германии, благодаря чему Ялмар Шахт в 1930-е гг. получил сомнительную репутацию «черного мага» международных финансов. Преимущество, полученное Германией над ее кредиторами, наиболее четко проявилось в снижении цены германских облигаций на финансовых рынках в Нью-Йорке и Лондоне. В январе 1933 г., перед тем как Гитлер пришел к власти, облигации, выпущенные германскими муниципалитетами и корпоративными заемщиками, в среднем шли по цене в 62% от номинала³¹. После захвата Гитлером власти их курс опустился на 12 пунктов, до 50%. После объявления частичного моратория в июне 1933 г. он упал примерно до 40%. Таким образом, один из механизмов субсидий состоял в том, что германские экспортеры могли использовать свою зарубежную выручку для покупки сильно обесценившихся германских облигаций в Лондоне и Нью-Йорке. Облигацию, имевшую номинальную стоимость в 100 долларов (или в 350 рейхсмарок, при действовавшем обменном курсе в 3,50 рейхсмарки за доллар), в апреле 1934 г. можно было купить в Нью-Йорке примерно за 50 долларов (175 рейхсмарок, по текущему курсу). После того как обесценившаяся облигация становилась собственностью германского экспортера, задолженность германского должника перед зарубежным кредитором превращалась в долг одного немца другому. Рейхсбанк предоставлял германским экспортерам субсидии, либо непосредственно, либо через посредников выкупая у них облигации по ставкам, близким к их номинальной стоимости. Для экспортера, участвующего в этой схеме, 50 долларов экспортной выручки, переведенные в долларовые облигации, превращались не в 175 рейхсмарок, а почти в 350. По сути это было равносильно девальвации рейхсмарки на 50%, позволявшей экспортеру устанавливать на свои товары очень выгодную цену в долларах и торговать на условиях, которые иначе ввергли бы его в огромные убытки. Отличие от нормальной девальвации состояло в том, что это происходило не за счет германских должников или германских импортеров. При такой схеме обратного

31. *Konjunktur Statistisches Handbuch*, 121.

выкупа издержки ложились на зарубежных кредиторов Германии, продававших свои германские облигации лишь за долю их номинальной стоимости³². Разумеется, не все германские экспортеры нуждались в субсидиях. Почти треть германского экспорта составляли товары, продававшиеся через картели, специальное оборудование или те товары, на которые Германия обладала монополией. Остальное с осени 1933 г. субсидировалось примерно на 10–30%, вследствие чего общий уровень субсидий составлял около 10%. Несомненно, в официальных документах Рейхсбанка именно успешное применение германскими властями этих механизмов субсидирования экспорта подавалось как главный аргумент против девальвации. Казалось, что Германия нашла способ наращивать свой экспорт, не обременяя издержками девальвации — высокой стоимостью импорта и тяжелой ношей зарубежного долга — остальную экономику.

Однако к весне 1934 г., когда резервы Рейхсбанка сократились до критического уровня, этот оптимизм начал испаряться³³. Несмотря на многообещающее начало, система экспортных субсидий, основанная на обратном выкупе долговых обязательств, не работала. Гитлеровскому правительству следовало либо предпринять драконовские меры по увеличению экспорта, включая возможную девальвацию, либо наложить суровые ограничения на импорт. Однако последние поставили бы под удар весь процесс экономического возрождения. Германия не могла производить товары, работать и потреблять без импорта. Как мы уже видели, ключевые приоритеты режима были обозначены уже в первой половине 1933 г. Объемы средств, предназначенных для перевооружения, намного превосходили все, что когда-либо предполагалось выделить на создание рабочих мест — и столь же велики были соответствующие дипломатические, финансовые и политические риски. Летом 1933 г. в жертву были принесены интересы зарубежных кредиторов Германии. Истощение резервов Рейхсбанка с начала 1934 г. снова поставило правительство Гитлера перед выбором. Повторим: оно могло либо пойти на радикальные меры с целью поощрения экспорта, либо выборочно отдавать предпочтение одним статьям импорта перед другими. Преференции могли получить или отрасли, обслуживавшие гражданский сектор экономики, или сферы, связанные с государственными инвестициями и перевооружением. То и другое одновременно было невозможно. Этот

32. Самое удачное описание этого и других механизмов субсидирования см. в: Ebi, *Export*, 32–61.

33. Этот момент достаточно убедительно показан в: *ibid.*, 91–2.

непростой выбор проливает новый свет на разбиравшееся в предыдущей главе примечательное решение не выделять после декабря 1933 г. новых средств на создание гражданских рабочих мест. Если бы Берлин мог восстанавливать экономику страны, опираясь и на создание гражданских рабочих мест, и на перевооружение, то он, несомненно, выбрал бы именно этот вариант. Но это исключалось по причине ограничений, связанных с платежным балансом.

В самой Германии на любое публичное признание компромисса между гражданскими и военными приоритетами было наложено табу. Но этот запрет не распространялся на иностранных наблюдателей. Связь между военными долгами и перевооружением служила главной темой международных дискуссий еще с 1920-х гг. Рост военных расходов Германии после 1933 г. достаточно четко просматривался даже в публиковавшихся сведениях о бюджете Рейха. К весне 1934 г. зарубежная финансовая пресса регулярно подчеркивала противоречие между бурной активностью германских военных и заявлениями Шахта о том, что страна не способна обслуживать свой внешний долг³⁴. Вывод был ясен. Если Германия действительно стремилась справиться с постигшим ее валютным кризисом, если она желала уступок со стороны кредиторов, то ей следовало отказаться от одностороннего перевооружения. Это четко дал понять германскому министру иностранных дел американский посол Уильям Додд в июне 1934 г.³⁵ Более того, выбор, стоявший перед Германией, был настолько очевиден, что дебаты продолжались, несмотря ни на что — даже в пределах самого Рейха. Слишком многое стояло на кону для слишком большого числа людей.

Серьезные разногласия в отношении дальнейшего политического курса отразились даже в стенограммах заседаний кабинета³⁶. В феврале 1934 г. и министр экономики Курт Шмитт, и министр финансов Крозиг подготовили заявления, в которых указывалось на возможность альтернативного курса³⁷. Министерство экономики хотело сосредоточиться на повышении уровня потребительского спроса путем сокращения взносов на социальное страхование и на содержание таких псевдогосударственных организаций, как Германский трудовой фронт. Министерство финансов, со своей стороны, надеялось расчи-

34. *The Economist*, 2 June 1934, 1186, 23 June 1934, 1378–9.

35. A. O. Offner, *American Appeasement: United States Foreign Policy and Germany, 1933–1938* (Cambridge, Mass., 1969), 78–9.

36. K. Gossweiler, *Die Röhm Affäre: Hintergründe-Zusammenhaenge — Auswirkungen* (Cologne, 1983), 71–5, 339–49.

37. См. дискуссию в: BAL R2501 6510 и R3101 9932.

стить путь для «естественного» рыночного восстановления экономики, введя жесткую программу фискальной дисциплины, распространяющуюся и на военных. Вполне можно себе представить, что при такой неустойчивой конъюнктуре решающую роль могло сыграть активное вмешательство со стороны Ялмара Шахта, подобное его выступлению против плана Янга в 1929 г. Несомненно, если бы Шахт встал на сторону Шмитта и Крозига и сделал бы это публично, то он мог бы принудить Гитлера к очень болезненному выбору между «финансовой ортодоксией» и требованиями перевооружения. Но в этот критический период Шахт был слишком занят своим собственным положением в рамках режима, чтобы занимать принципиальную позицию. Вместо того чтобы поддержать Курта Шмитта в его попытках ограничить военные расходы, Шахт сознательно обошел его с фланга. По-видимому, момент истины настал в марте 1934 г., когда Шмитт и Шахт были вызваны Гитлером на частную встречу в Оберзальцберге, чтобы принять решение о дальнейшей экономической политике. В преддверии встречи Шмитт постарался договориться с Шахтом о том, чтобы не выделять на перевооружение более 15 млрд рейхсмарок. Но когда дело дошло до решающих переговоров с участием Гитлера, Шахт позволил Шмитту выступить с этим неприятным известием, а затем объявил, что в том, что касается его, «никакая денежная сумма не будет чрезмерной для решения этой жизненно важной национальной задачи»³⁸. Более того, впоследствии Шмитт вспоминал, что Шахт заявил о готовности «обрушить национальную валюту» ради перевооружения³⁹. На заседании кабинета 23 марта 1934 г. Шахт объединился с министром обороны Бломбергом, чтобы вместе с ним отбивать любые серьезные посягательства на военный бюджет. Несколькими неделями спустя этот союз был зафиксирован в виде соглашения, освобождавшего военных от мелочного надзора со стороны Министерства финансов. В дальнейшем Бломберг просто предъявлял общую сумму военных расходов комитету, состоявшему из Крозига, Шахта и его самого. Как описывал эти заседания Крозиг, он всегда прекрасно отдавал себе отчет в том, что если попытается оспорить требования Бломберга, то генерал обратится к Гитлеру, который без колебаний увеличит военные расходы до уровня, даже превышающего первоначально запра-

38. H. Kehrl, *Krisenmanager im Dritten Reich* (Düsseldorf, 1973), 58.

39. Версию встречи в Оберзальцберге в изложении Шмитта, сделанном в 1945 г., см.: Feldman, *Allianz*, 101. Как указывает Фельдман, после войны Шмитт старался не выставять Шахта в чрезмерно неблагоприятном свете.

шиваемый. Не удивительно, что обычно Крозиг предпочитал не спорить.

Переиграв Шмитта по вопросу перевооружения, Шахт весной 1934 г. сознательно пошел на обострение на международном фронте. В широко освещавшейся речи перед Американской торговой палатой в Берлине он объявил, что, если только германский экспорт в скором времени не восстановится, он будет вынужден принять жесткие меры с целью сокращения закупок сырья и в США, и в Британской империи. В соответствии с этим заявлением Рейхсбанк в марте 1934 г. начал последовательно сокращать ежемесячные квоты иностранной валюты, выдававшейся немецким импортерам. А в апреле РМЭ согласилось на создание надзорных агентств (*Überwachungsstellen*), призванных ограничивать импорт шерсти, хлопка и упаковочных материалов; тем самым Рейх получил административную инфраструктуру, необходимую для выборочного сокращения импорта. К лету были созданы аналогичные учреждения, в ведении которых находились кожа, меха и цветные металлы. Шахт, столкнувшись с проблемой платежного баланса и отказом от девальвации, вводил систему все более обширного бюрократического контроля над немецкой экономикой и немецким бизнесом⁴⁰.

Поскольку и система субсидий для экспортеров, и механизм ограничения экспорта требовали громоздкого бюрократического аппарата, девальвация не была снята с повестки дня⁴¹. Эта тема оставалась чем-то вроде табу. Однако в экономических периодических изданиях между строк можно было прочесть, что возможность девальвации широко обсуждалась. Это подтверждается и конфиденциальными внутренними сообщениями экономического департамента Рейхсбанка. Не следует забывать, что еще в мае 1932 г. Грегор Штрассер от имени Нацистской партии публично обещал отказаться от золотого стандарта. И хотя это обещание уже к осени 1932 г. было втихомолку удалено из предвыборного манифеста Нацистской партии, а Штрассер изгнан из нее, в рядах партии по-прежнему оставалось много людей, считавших девальвацию логичным дополнением к политике создания рабочих мест и национальной экономической независимости⁴². К 1934 г. к ним присоединились экономисты либерального толка и практичные бизнесмены, глубоко встревоженные дрейфом в сторону бюрократизации

40. О сознательном характере этих мер см.: BAL R2501 6601, 396–438.

41. Об этом и дальнейшем см.: Ebi, *Export*, 93–116; Döring, *Deutsche Aussenwirtschaftspolitik*, 222–46.

42. См., например, линию, проводившуюся в *Die Deutsche Volkswirtschaft*, 4 (1933), 100.

и государственного контроля. Если раньше девальвация считалась «радикальным» шагом, то теперь она казалась единственным способом хотя бы отчасти сохранить нормальное ведение дел в той части германской экономики, которая зависела от внешней торговли. Как мы уже видели, в таких коммерческих городах, как Гамбург, безработица в 1934 г. оставалась мучительно высокой и без оживления внешней торговли особых перспектив на немедленное улучшение не просматривалось. Поэтому самым решительным сторонником девальвации являлся Ганзейский союз (*Hansa Bund*) — организация северонемецких коммерческих кругов, — а наиболее открытым форумом для дискуссий на эту тему служил еженедельный гамбургский журнал *Wirtschaftsdienst*⁴³. Его передовицы следовали линии Шахта, отвергая девальвацию как вариант для немедленного исполнения. Однако в журнале помещались откровенно позитивные сообщения об опыте девальвации в других странах. А после весеннего совещания Ганзейского союза, состоявшегося в апреле 1934 г., журнал продвинулся еще на шаг дальше: «В свете все более активно ведущихся частных дискуссий по вопросам внешней торговли» журнал требовал, чтобы «вопрос девальвации» перестали «обходить застенчивым молчанием»⁴⁴.

Разговоры на тему девальвации, похоже, достигли пика в мае 1934 г., в ответ на двусмысленное замечание министра финансов Крозига, получившее широкую огласку и в Германии, и за ее пределами⁴⁵. Крозиг публично заявил то, что Шахт был вполне готов признать частным образом. Третий рейх отказывался от девальвации не из принципиальных соображений, а потому, что подобный шаг был непрактичным и слишком рискованным для такой страны, как Германия, имевшей колоссальную внешнюю задолженность и минимальные резервы иностранной валюты. Рынки ответили на это бешеной спекуляцией⁴⁶. Между тем деловые круги летом 1934 г. начали свои собственные приготовления. Популярностью — особенно в текстильной отрасли, зависевшей от крупных запасов импортных

43. Критическую реакцию Рейхсбанка на предложение Ганзейского союза во внешне-торговых целях привязать рейхсмарку к фунту стерлингов см.: BAL R2501 6601, 188–94, 202–19, 242–52. Рейхсбанк был встревожен значительной оглаской, которую получил проект Союза.

44. *Wirtschaftsdienst*, 7, 16.12.1934, 216; 8, 23.02.1934, 252–3; 17, 27.04.1934, 563–4, 559–63.

45. *The Economist*, 12 May 1934, 1025.

46. *Wirtschaftsdienst*, 19, 11.05.1934, 641. Несколько недель спустя параллельные дебаты о девальвации начались и во Франции, где они были спровоцированы речью Пола Рейно в Палате депутатов, произнесенной 18 июня 1934 г.; см.: C. Madisson, «French Inter-war Monetary Policy» (EUI thesis, 1997), 99–433.

шерсти и хлопка, — стали пользоваться контракты, предусматривавшие платежи в золотых марках. В Гамбурге ассоциация торговцев каучуком распространила среди своих членов типовой контракт с такими условиями платежей, которые бы оградили их от возможной девальвации. Для спекулянтов ставка на рейхсмарку превратилась в игру в одни ворота. В обществе царили такие настроения, что партийный журнал *Die Deutsche Volkswirtschaft* счел необходимым объявить подобные действия актом национального саботажа⁴⁷.

К концу мая выбор, стоявший перед Германией, проявился со всей очевидностью. *Wirtschaftsdienst* в поразительно откровенной статье призывал правительство Рейха сделать необходимые шаги, — если уж оно определенно решило не проводить девальвацию⁴⁸. По мнению журнала, отказ от девальвации указывал на фундаментальное различие между либеральной экономической политикой таких стран, как Великобритания, и складывавшейся национал-социалистической системой управления экономикой. Если девальвации не будет, то тогда у страны не оставалось альтернативы — только создать новую и мощную систему экономического контроля, и как можно быстрее. При этом *Wirtschaftsdienst* не стеснялся в выражениях. Если германское правительство намеревалось решительно порвать с либеральным экономическим строем, то ситуация, в которой оно оказалось, напоминала начало войны. Оставаться в обороне было опасно. Властям Рейха следовало перейти в наступление и принять намного более всеобъемлющие меры контроля над импортом и содействия экспорту, вне зависимости от того, как это скажется на отношениях с торговыми партнерами.

Wirtschaftsdienst верно ощущал, в какую сторону дует ветер в Берлине. К началу лета 1934 г. имевшиеся в распоряжении Шахта информационные каналы — в первую очередь еженедельник *Der Deutsche Volkswirt* — при полной поддержке со стороны военных были мобилизованы на проведение согласованной кампании против Шмитта, министра экономики. Полковник Георг Томас, начальник экономического отдела Министерства обороны, был преданным шахтовцем. В начале лета 1934 г. он забросал и своего министра, генерала Бломберга, и Вильгельма Кепплера, личного экономического советника Гитлера, мемо-

47. Такой контракт предусматривал асимметричную защиту от колебаний курса рейхсмарки. В том случае, если бы она подверглась девальвации, покупатели должны были платить за каучук золотом по курсу 1 рейхсмарка = 1/2790 кг чистого золота: *Die Deutsche Volkswirtschaft*, 24 (1934), 739–40.

48. *Wirtschaftsdienst*, 21, 25.05.1934, 699–701.

рандумами с призывами к созданию новой системы экономического регулирования. Параллельная и нескоординированная система, при которой Рейхсбанк распределял иностранную валюту, а Министерство экономики пыталось непосредственно контролировать торговлю при помощи надзорных агентств, не работала. В ней имелись «дыры», и отчаянные попытки немецких бизнесменов использовать эти лазейки влекли за собой контрпродуктивные последствия. Поскольку надзорные агентства занимались только сырьем, импортеры увеличивали ввоз более дорогостоящей готовой продукции. Ограничения не распространялись на клиринговые соглашения с Нидерландами и Швейцарией — поэтому импортеры вели торговлю через эти страны. Для того чтобы достать иностранную валюту, германские коммерсанты стали брать новые краткосрочные займы у зарубежных банков, нередко под заградительные проценты. Между тем валютные резервы Рейхсбанка продолжали таять от месяца к месяцу и Шахт почти ничего не делал для того, чтобы преодолеть эту тенденцию. Более того, трудно избежать вывода о том, что Шахт, не пытаясь стабилизировать ситуацию, сознательно шел на обострение кризиса, тем самым подрывая позиции Шмитта.

Напряжение достигло максимума во второй половине июня, после того как Шахт 14 июня объявил полный мораторий по выплате внешнего долга и был введен новый режим ежедневных выдач иностранной валюты. Это не только вызвало кризис в отношениях Германии с другими странами, но и сделало Шахта полным хозяином ситуации. Незадачливый Шмитт не мог противостоять Шахту. Болезнь, подкосившая министра, дала ему удобный предлог для ухода из большой политики и возвращения на влиятельную должность в страховой отрасли. Однако главные должностные лица в Министерстве экономики были сделаны из другого теста. Под руководством статс-секретаря Ганса Поссе (1886–1965) министерство предприняло последнюю попытку изменить ход событий. Поссе был давним служащим министерства, отвечавшим за торговую политику, и в прошлом поддерживал Национал-либеральную партию Штреземана. Но он в полной мере воспользовался *Machtergreifung*’ом, после отставки Гугенберга и вступления в Нацистскую партию в ноябре 1933 г. получив свою высокую должность в рейхсминистерстве⁴⁹. Летом 1934 г. Гитлер, по-видимому, даже недолгое время видел в нем возможного преемника Шмитта. Поссе, несомненно, по-

49. W. A. Bölsche, *Die deutsche Wirtschaft 1930–1945* (Düsseldorf, 1982), 53, 64, 75, 87.

нимал, куда ветер дует, но с трудом отказывался от принципов либерализма. В начале июля он со своими подчиненными составил план управления зарубежными счетами Германии, основанный на схеме, предложенной гауляйтером Гамбурга Винцентом Кругманом (1889–1978), в идеях которого отражалась склонность подчиненной ему территории к коммерции и свободной торговле. В качестве новообращенного национал-социалиста Кругман не оспаривал решение своего фюрера упорно сохранять официальную стоимость германской валюты. Вместо этого Кругман предлагал создать «псевдорынок» иностранной валюты, на котором баланс спроса и предложения должен был поддерживаться с помощью ценового механизма, а не посредством мер бюрократического регулирования. Все экспортеры по-прежнему бы сдавали свою валютную выручку в Рейхсбанк. Взамен они бы получали не рейхсмарки, а валютные ваучеры. Эти ваучеры давали их держателю право на получение иностранной валюты. Суть идеи Кругмана заключалась в том, чтобы разрешить свободную торговлю этими ваучерами. Предлагалось обменивать их на рейхсмарки — не по произвольному курсу, установленному чиновниками Рейхсбанка, а посредством процесса конкурентного торга между различными заинтересованными игроками, которым иностранная валюта требовалась для импорта дефицитных товаров или для выплаты внешних долгов. Этот внутренний «обменный курс», таким образом, определялся бы рыночными силами, что привело бы к спонтанной «внутренней» девальвации рейхсмарки. Критики отмахивались от плана Кругмана как от еще одной нелепой валютной схемы, но на самом деле аналогичная система была создана в начале 1934 г. в Австрии и в ходе германских дебатов на нее часто ссылались в качестве образца⁵⁰. К 19 июля 1934 г. Министерство экономики составило окончательный вариант плана Кругмана для его предъявления кабинету⁵¹. Однако в тот момент, когда служащие министерства уже заканчивали свою работу, полковник Томас из Министерства обороны связался с Вильгельмом Кепплером. В начале лета Томас уверял Кепплера, что ситуация с иностранной валютой, при всей ее серьезности, не представляет непосредственной угрозы делу перевооружения. Теперь же он пребывал в более тревожном настроении. Томас откровенно констатировал, что отчаянное положение с валютными резерва-

50. Критическую реакцию со стороны Рейхсбанка см. в: BAL R2501 6601, 396–438.

О поддержке этого плана Министерством экономики см. в: BAL R2501 6603, 16–32, а о поддержке в партийных кругах см. в: BAL R2501 6603, 33–47.

51. Dengg, *Deutschlands Austritt*, 396–7; Ebi, *Export*, 110–17.

ми Рейха ставит под удар продолжение перевооружения. Если, как казалось возможно тревожным летом 1934 г., Германии придется воевать, все кончится катастрофой. Обращаясь к Кепплеру с таким драматическим заявлением, Томас явно намеревался втянуть в игру Гитлера — и это ему удалось. Через несколько дней, среди замешательства, сопровождавшего провалившийся австрийский путч, Шахт был вызван на личную аудиенцию к фюреру (во время Байрёйтского фестиваля). У нас нет надежных сведений о том, что там произошло. Однако в результате Шахт был назначен исполняющим обязанности министра экономики. Это назначение было только временным: он не мог занимать должность в кабинете, не компрометируя своей номинально независимой позиции как главы Рейхсбанка и своего членства в Банке международных расчетов — своего рода клубе руководителей крупнейших банков. Однако в качестве и.о. министра Шахт получал полную власть над Министерством экономики, и он дал это понять сразу же после своего возвращения в Берлин. Во время первой встречи со статс-секретарем Поссе в своем новом кабинете Шахт спросил его: «Вы интересуетесь музыкой?». Поссе на это невинно ответил: «Да, очень интересуюсь». Тогда Шахт сказал с характерным для него сарказмом: «А я — человек совсем не музыкальный, но все же был в Байрёйте»⁵². Благодаря одобрению, полученному лично от Гитлера, и мощной поддержке со стороны военных позиции Шахта были неуязвимы. План Кругмана был отвергнут. Направление германской экономической политики наконец определилось. Вместо того чтобы пытаться выйти из кризиса посредством девальвации и сближения с западными державами, Третий рейх снова выбрал курс националистического самоутверждения. Средствами для этого должны были стать подрывающие международную солидарность двусторонние договоры (во внешней политике) и авторитарная власть — внутри страны.

II

Разразившийся в 1934 г. кризис германского платежного баланса долго сказывался на внешней торговле Германии. Торговую политику, проводившуюся Германией начиная с лета 1934 г., принято описывать как автаркическую, сводящуюся к попыткам ограничить импорт и достичь самодостаточности. Но при

52. Об этом случае сообщается в: Kehrl, *Krisenmanager*, 58.

более пристальном изучении статистики выясняется, что «автаркия» в реальности сводилась к выборочной политике размежевания, направленной в первую очередь против США, Британской империи и, в меньшей степени, Франции⁵³. В свою очередь, эта политика была непосредственно связана с отказом Германии платить по своим внешним долгам. Проблемы германского платежного баланса в начале 1930-х гг. в первую очередь являлись проблемами в отношениях с крупнейшими мировыми экономическими блоками: США и Британской империей. США были крупнейшим зарубежным кредитором Германии, далеко опережая всех прочих. Одно лишь обслуживание американских долгов обходилось как минимум в 600 млн рейхсмарок в дополнение к большому дефициту в торговле с Соединенными Штатами. В 1929 г. он приближался к 800 млн рейхсмарок. В 1933–1934 гг. дефицит сократился до 230 млн рейхсмарок. Но при ежегодном дефиците в 800 млн рейхсмарок германский платежный баланс просто не мог выдержать и обслуживания американского долга, и превышения импорта из Америки над экспортом в эту страну. Руководители Веймарской республикой мирились с этой ситуацией, поскольку они нуждались в американской поддержке в борьбе против репараций. Когда же репарации были отменены в 1932 г. на конференции в Лозанне, это соображение отпало.

Первым шагом к откровенному дефолту стал частичный мораторий, объявленный летом 1933 г. Американское правительство могло заявить протест от имени своих частных кредиторов, что оно и сделало в начале 1934 г. Однако, поскольку Германия в обозримом будущем не собиралась делать новых займов, в реальности у США почти не имелось рычагов, позволяющих влиять на ситуацию. Америка могла прекратить поставки важнейших видов сырья. Но все, что Германия могла потерять в полномасштабной трансатлантической торговой войне, — лишь крупный торговый дефицит⁵⁴. Наилучшая защита Америки от дефолта заключалась в том, чтобы выступить единым фронтом вместе с другими кредиторами Германии — и прежде всего Великобританией. Но как ясно понимали немцы, объявление полного моратория, скорее всего, восстановило бы их кредиторов друг против друга⁵⁵. Голландцы и швей-

53. A. Ritschl, «Nazi Economic Imperialism and the Exploitation of the Small», *Economic History Review*, 54 (2001), 324–45.

54. См. трезвую оценку, сделанную Рейхсбанком во время кризиса в январе 1934 г.: BAL R2501 6601, 287–92.

55. В своем докладе от 24 апреля 1933 г. (BAL R2501 6439, 242–3) Рейхсбанк даже пред-

царцы осенью 1933 г. разрушили единство, пойдя на выгодные двусторонние сделки с Германией. Весной 1934 г. англо-американская солидарность еще сохранялась. С точки зрения Шахта значение летнего кризиса 1934 г. состояло в том, что он расколол англо-американский фронт. Торговая война с Великобританией, несомненно, стала бы катастрофой для Германии, но она имела бы очень тяжелые последствия и для британцев. Шахт в своем балансировании явно мотивировался отличным пониманием того, что означали для лондонского Сити и для британских экспортеров англо-германские экономические отношения. Как он выразился в августе 1934 г. на совещании с участием представителей Рейхсбанка и Министерства экономики, «В том, что касается Англии, я рискну <...> нам необходимо пройти эту долину». В отношениях с Англией и со швейцарцами он был готов дойти до последней черты⁵⁶.

В конечном счете агрессивная позиция Шахта оправдала себя⁵⁷. С тем чтобы избежать принудительного клиринга, немцы согласились возобновить обслуживание наиболее болезненных из всех германских долгов — тех, что были взяты в рамках планов Дауэса и Янга. В свою очередь, британцы позволили втянуть себя в двустороннее коммерческое соглашение, нашедшее выражение в форме англо-германского соглашения о платежах от 1 ноября 1934 г. Примечательно то, что Английский банк даже выдал Шахту заем, позволивший Германии решить неприятную проблему невыплаченных торговых кредитов⁵⁸. Не может быть никаких сомнений в стратегическом значении англо-германского соглашения. Оно не только раскололо англо-американский фронт и привело к стабилизации отношений с важнейшим торговым партнером Германии, но и давало выход из тупика, к которому привели предыдущие клиринговые соглашения Германии с ее западноевропейскими соседями⁵⁹. В отличие от более ранних клиринговых сделок с голландцами и швейцарцами, Англо-германское соглашение о платежах гарантировало Германии получение значительного количества «свободной иностранной валюты» для использования за пределами стер-

положил, что США в итоге могут встать на защиту Германии от эгоистичных претензий ее европейских кредиторов, в торговле с которыми у немцев имелся профицит.

56. BAL R2501 6603, 1–22.

57. Wendt, *Economic Appeasement*, 2.20–88.

58. См. любопытное изложение этих событий в: N. Forbes, *Doing Business with the Nazis* (London, 2000), 97–115.

59. См. восторженную оценку, сделанную старшим экономистом Рейхсбанка, в: BAL R2501 6604, 375–404.

линговой зоны. 55% германской выручки в фунтах стерлингов резервировалось для неограниченного импорта британских товаров в Германию. Еще 10% предназначались для обслуживания германских кратко- и долгосрочных обязательств перед британскими кредиторами. Остаток можно было использовать за пределами стерлинговой зоны (по крайней мере теоретически).

После того как единый фронт кредиторов был разрушен, у Шахта оказались развязаны руки для того, чтобы завершить процесс отцепления германской экономики от США. После 1934 г. Германия обращалась со своими американскими кредиторами особенно дискриминационно. Даже американские держатели долговых обязательств по планам Дауэса и Янга — по идее, наиболее привилегированных долгов — получали на 30% меньше того, что выплачивалось британским кредиторам. При этом действовал полный мораторий на выплаты по облигациям корпораций и местных властей на общую сумму не менее чем в 900 млн долларов⁶⁰. Берлин четко дал понять, что любые послабления в этой сфере будут зависеть от создания более благоприятных условий для германского экспорта в США. Однако после 1934 г. торговые отношения между Америкой и Германией резко ухудшились⁶¹. Сделанная Шахтом ставка на двусторонний подход, увенчавшаяся заключением англо-германского соглашения о платежах, вступила с противоречием с многосторонней стратегией, которую не менее решительно проводил госсекретарь Халл в Вашингтоне. После того как доллар наконец остановил свое опасное падение, Халл приступил к проведению систематической кампании за либерализацию торговли, начав в июне 1934 г. с Закона о взаимных торговых соглашениях⁶². Он предусматривал выборочное снижение американских тарифов с целью восстановить развалившуюся международную торговую систему. Из-за решительных настроений, царивших в Вашингтоне, сделанное Германией в октябре 1934 г. заявление о денонсации Договора о торговле и дружбе, заключенного в 1923 г. между Веймарской республикой и США, вызвало жесткую реакцию. Госсекретарь Халл объявил герман-

60. Royal Institute of International Affairs, *The Problem of International Investment* (London, 1937), 304–9.

61. Offner, *American Appeasement*, 93–106; H. Sirois, *Zwischen Illusion und Krieg: Deutschland und die USA 1933–1941* (Paderborn, 2000), 88–99.

62. M. A. Butler, *Cautious Visionary: Cordell Hull and Trade Reform, 1933–1937* (Kent, Ohio, 1998), 82–120; A. E. Eckes, *Opening America's Markets* (Chapel Hill, NC, 1995), 140–57. Типично ревизионистский взгляд на проблему см. в: S. A. Schuker, *American «Reparations» to Germany 1919–1933: Implications for the Third-World Debt Crisis* (Princeton, 1988), 102–3.

ский шаг «актом агрессии против всей американской системы торговых соглашений» и лишил Германию статуса наибольшего благоприятствования⁶³. Когда Шахт в соответствии с Законом о взаимных торговых соглашениях предложил начать переговоры о тарифах, Халл отказался идти ему навстречу, ссылаясь на дискриминационную торговую практику, использовавшуюся Германией⁶⁴. Заключение двусторонних торговых соглашений с Германией подорвало бы всякое доверие к стратегии Халла, особенно в глазах важных торговых партнеров США в Латинской Америке⁶⁵. Тем временем объемы торговли между США и Германией быстро снижались. В 1928 г. американский экспорт в Германию достигал 2 млрд рейхсмарок, а экспорт из Германии в США оценивался в 796 млн рейхсмарок. К 1936 г. эта торговля сократилась до ничтожного уровня. Американский экспорт в Германию не превышал 232 млн рейхсмарок, а стоимость ввозимых в США немецких товаров сократилась до 150 млн рейхсмарок.

Это поразительное сокращение торговли между Германией и США, двумя крупнейшими мировыми экономиками, и представляло собой реальную сущность «автаркической» торговой политики Шахта⁶⁶. Оно компенсировалось согласованными попытками Рейха наладить связи с производителями из Юго-Восточной Европы и Латинской Америки, которые могли обеспечивать Германию сырьем взамен прекратившихся поставок из США и Великобритании⁶⁷. Важные торговые соглашения были заключены в феврале 1934 г. с Венгрией и в мае — с Югославией⁶⁸. Договоренность, достигнутая с Чили, обеспечивала Германии доступ к селитре и меди. Крупным поставщиком не только кофе, но и хлопка стала для Германии Бразилия.

63. Цит. по: H. J. Schröder, *Die USA und Deutschland 1918–1975* (Munich, 1978), 123.

64. D. A. Irwin, «From Smoot-Hawley to Reciprocal Trade Agreements: Changing the Course of US Trade Policy in the 1930s», *NBER Working Paper Series*, 5895 (1997), 28.

65. В декабре 1934 г. Проект договора о бартерной торговле хлопком с Германией вызвал «предупредительные выстрелы» со стороны Бразилии; см.: P. J. Hearn, *Roosevelt Confronts Hitler: America's Entry into World War II* (Dekalb, Ill., 1987), 43–5.

66. Англо-германское соглашение о платежах не помешало и очень сильному сокращению германского импорта из Британской империи. В реальных ценах германский импорт из Британии сократился с 1928 по 1938 гг. на 30%: W. Graevell, *Der Aussenhandel in der Nationalwirtschaft* (Stuttgart, 1937), 85.

67. Согласно одной из первых оценок, сделанной Рейхсбанком 29 мая 1934 г., пятую часть своего импорта, на сумму приблизительно в 900 млн рейхсмарок, Германия могла получать от тех поставщиков, в торговле с которыми у нее на тот момент существовал профицит. См.: BAL R2501 6601, 396–438.

68. Guido Radio von Radiis, *Die deutsche Aussenhandelspolitik unter dem Einfluss der Devisenbewirtschaftung von 1931 bis 1938* (Zurich, 1938), 122–5, 130–32.

К концу 1930-х гг. в структуре германского импорта произошел уже весьма значительный общий сдвиг. Но масштабы новых торговых отношений Германии неизбежно ограничивались несоответствием в плане покупательной способности между Германией и менее развитыми странами. Как выразился Шахт с характерным для него красноречием, «Кули не купят у вас всего того <...> что могут купить высококвалифицированные <...> фабричные рабочие»⁶⁹. Более того, агрессивное «вторжение» Германии в Латинскую Америку не могло улучшить отношений с США. Интересы Германии и Америки вступили в прямой конфликт друг с другом — в первую очередь в Бразилии. Настойчивое стремление Германии наращивать импорт хлопка и кофе позволило Рио не попасть в плен к планам Корделла Халла о создании зоны свободной торговли в Западном полушарии⁷⁰. Более того, американцев так сильно беспокоил рост немецкого влияния в Бразилии, что Рио удалось по примеру Германии объявить дефолт по своему огромному долгу Соединенным Штатам, не опасаясь агрессивных ответных мер со стороны Вашингтона.

Одно из наиболее поразительных двусторонних соглашений, начавшее работать в значительных масштабах после 1934 г., было непосредственно связано с противоречием между ограниченными валютными резервами Германии и стремлением режима активно поощрять еврейскую эмиграцию⁷¹. Этот договор, известный как «Соглашение Хаавара», представлял собой сделку между властями Рейха и группой сионистских предприятий, базировавшихся на апельсиновой плантации Ханотеа в Натанье, на окраине Тель-Авива. В то время как британские власти подмандатной Палестины не пускали в страну иммигрантов, не располагавших достаточными финансовыми средствами, любому обладателю по крайней мере 1000 палестинских фунтов (1 палестинский фунт был равен 1 фунту стерлингов) был гарантирован свободный въезд по так называемой капиталистической визе. Смысл «Соглашения Хаавара» состоял в том, чтобы использовать данную лазейку. Согласно этому механизму германские евреи в обмен на соответствующий взнос в берлинский фонд получали сертификат, удостоверявший наличие у них па-

69. В данном случае Шахт на самом деле выступал против американской торговой политики. Но его замечание в той же мере применимо и к его собственной торговой политике; цит. по: Schröder, *Die USA und Deutschland*, 122.

70. См. чрезвычайно поучительное изложение позиции Бразилии в: S. E. Hilton, *Brazil and the Great Powers, 1930–1939* (Austin, Tex., 1975).

71. W. Feilchenfeld, D. Michaelis, L. Pinner, *Haavara-Transfer nach Palaestina und Einwanderung deutscher Juden 1933–1939* (Tübingen, 1972).

лестинских фунтов в количестве, достаточном для получения заветной визы. В свою очередь, предприятия из Ханотеа использовали средства берлинского фонда для покупки германских товаров на экспорт в Палестину. После того как немецкие товары были проданы еврейским или арабским покупателям, эмигрантам возвращали их деньги в палестинских фунтах. По сути, это соглашение гарантировало, что каждая рейхсмарка, вывезенная германо-еврейскими эмигрантами, будет компенсирована соответствующим экспортным заказом. По мере того как Рейхсбанк все строже контролировал расходование своих валютных резервов, «Соглашение Хаавара», несмотря на незначительные размеры палестинской экономики, становилось одним из самых эффективных средств вывоза еврейского капитала из Германии. В целом этой схемой для бегства из страны сумело воспользоваться 50 тыс. человек — каждый десятый из евреев, проживавших в Германии в 1933 г. С собой они вывезли 106 млн рейхсмарок, за которые получили ни много ни мало 5,5 млн палестинских фунтов. Таким образом, они переплатили сверх официального обменного курса (12,50 рейхсмарки за 1 палестинский фунт) всего 35% — в то время как подавляющее большинство еврейских эмигрантов сумело взять с собой лишь ничтожную часть своих финансовых средств.

Однако подобные структурные перестановки в германских торговых отношениях представляли собой вопрос долгосрочной стратегии, а в 1934 г. надвигавшийся валютный кризис требовал немедленного решения. В условиях отказа от девальвации это могло означать лишь одно: наращивание бюрократического аппарата. Новая всеобъемлющая система контроля за торговлей была в общих чертах разработана Шахтом и его подчиненными в Рейхсбанке и Министерстве экономики в августе 1934 г.⁷² Предполагалось, что Рейхсбанк будет распределять имеющиеся резервы валюты, исходя из величины экспортной выручки. В то же время он должен был резервировать средства, необходимые для осуществления обговоренных выплат по долгам и для того, чтобы Германия могла выполнять свои краткосрочные обязательства. Остаток передавался группе из 25 надзорных агентств, каждое из которых отвечало за тот или иной круг товаров. Шахт вернулся к первоначально сделанному им еще в 1932 г. предложению о монополиях в сфере импорта по образцу тех, что существовали во время Первой мировой войны, видоизменив его таким образом, чтобы обеспечить более значи-

72. См. документы в: BAL R2501 6441, 6002, 6003; Ebi, Export, 118–48; Dengg, *Deutschlands Austritt*, 402–5.

тельную децентрализацию и более высокий уровень частной инициативы. Сами надзорные агентства не должны были заниматься импортом. Их задача заключалась в том, чтобы рассматривать поданные частными импортерами заявки на получение валюты и распределять ограниченные фонды в соответствии с национальными приоритетами. Очевидно, что в первую очередь предполагалось удовлетворять потребности экспортеров и поставщиков, работающих в сфере вооружений. Импортёры, чьи заявки были одобрены надзорным агентством, получали так называемые валютные сертификаты (*Devisenbescheinigungen*). Любому импортеру, у которого имелся такой сертификат, гарантировалось получение валюты от Рейхсбанка. Начиная с 1935 г. импорт при отсутствии валютных сертификатов запрещался. Неудивительно, что такой план системы непосредственного бюрократического контроля получил полное одобрение со стороны военных. Предварительный проект в середине августа обсуждался в министерствах, а в конце месяца Шахт в компании министра обороны Бломберга и представлявшего армию генерала Вальтера фон Рейхенау ознакомил с ним в Оберзальцберге Гитлера. Состав этой делегации четко указывал на то, кому отныне принадлежала власть в Третьем рейхе. Военные вступили в альянс с Шахтом еще в 1933 г., и взаимоотношения между ними только окрепли после «Ночи длинных ножей». Однако существенно то, что план должен был получить одобрение Гитлера. Пусть фюрер не вдавался в детали повседневной экономической политики, но без него не могло быть принято ни одно важное решение⁷³. Несколькими днями позже Шахт анонсировал суть так называемого Нового плана перед группой предпринимателей, присутствовавших на Лейпцигской ярмарке. Характерно, что Шахт отзывался о своем собственном проекте как об «ужасе», навязанном Германии из-за отказа ее кредиторов принять более разумные условия торговли. Полностью игнорируя свои собственные усилия по систематическому обострению кризиса, Шахт возлагал вину за впадение Германии в автаркию исключительно на внешние обстоятельства⁷⁴.

Тем не менее эта система остановила отток иностранной валюты. В течение нескольких месяцев после предъявления «Нового плана» общественности импорт резко сократился. К третьему кварталу 1935 г. объем импорта вернулся почти точно на тот

73. Гитлер внимательно следил за англо-германскими дискуссиями осенью 1934 г. и лично одобрил соглашение о платежах; см.: Wendt, *Economic Appeasement*, 276.

74. Schulthess 1934, 26.08.1934, 221–6.

уровень, на котором он находился тремя годами ранее, в разгар депрессии. Но по сравнению с 1932 г. промышленное производство выросло почти на 100%⁷⁵. Разумеется, германская экономика не могла выдержать такого сильного снижения зарубежных поставок. Оно было возможно лишь в краткосрочном плане, пока у производителей не кончились накопленные запасы сырья. После их истощения экономическое возрождение неминуемо должно было остановиться. А любое значительное увеличение импорта требовало роста экспорта — которого, однако, не произошло. К лету 1934 г. оптимизм, несколькими месяцами ранее окружавший схемы экспортных субсидий, в целом улетучился. Рейхсбанк так отчаянно нуждался в твердой валюте, что больше не мог себе позволить выкуп облигаций в качестве главного механизма субсидирования, поскольку при этом значительная часть германской экспортной выручки оставалась в руках иностранцев. А других механизмов, действовавших за счет зарубежных кредиторов Германии, уже не хватало для того, чтобы обеспечить экспортерам требуемый уровень поддержки. По оценкам Рейхсбанка, для компенсации серьезной неконкурентоспособности Германии требовалось на 25% субсидировать более двух третей германского экспорта (240 млн из 340 млн рейхсмарок). Для этого потребовалось бы 60 млн рейхсмарок в месяц, из которых от зарубежных кредиторов Германии удалось бы получить самое большее 40 млн⁷⁶. Остаток пришлось бы брать более-менее прямо из казны Рейха. С учетом общего неблагоприятного положения с финансами Рейха и возможностью обвинений в демпинге это была «абсолютно отчаянная мера», как признавал Шахт⁷⁷. В то же время он не ожидал, что система общих экспортных субсидий продержится больше года: «Другой вопрос — что нам делать на второй год». Как мы уже видели, он совсем не исключал возможной девальвации. С другой стороны, «Если демпинг и введенные нами ограничения на экспорт помогут, то можно будет рассчитывать на значительный приток иностранной валюты. Тогда мы сможем возобновить наступление в том, что касается механизма обратного выкупа облигаций». Приоритетом, как подчеркивал Шахт на встрече с партийными руководителями в ноябре 1934 г., являлось скорейшее окончательное решение проблемы долга при одновременном обеспечении поставок сырья, необходимых для перевооружения. Для Шахта связь между тем и другим была очевидна.

75. *Konjunktur Statistisches Handbuch*, 52, 92.

76. BAL R2501 660z, 320–22.

77. Это и дальнейшее излагается по: BAL R2501 660z, 1–22.

Торговые проблемы Германии невозможно было по-настоящему решить «до тех пор, пока Германия не вернет себе прежнее влияние в мире. Пока мы не обладаем таким влиянием, бессмысленно восторгаться теми или иными теориями»⁷⁸.

«Новый план» с его жестким регулированием импорта и обилием двусторонних клиринговых соглашений вполне мог стать корсетом, препятствующим дальнейшему экономическому возрождению Германии. Шахта спасли три фактора: дальнейшее выздоровление глобальной экономики, обеспечившее рост спроса на германский экспорт; готовность иных, помимо США, стран — в первую очередь Великобритании — смириться с условиями новой германской торговой системы; и та решимость и эффективность, с которыми «Новый план» претворялся в жизнь. Метод, использовавшийся для финансирования системы расширенных экспортных субсидий, представлял собой, как признавал Шахт, крайнюю меру. К маю 1935 г. оборот немецкой промышленности был обложен прогрессивным налогом, приносившим десятки миллионов рейхсмарок, необходимых ежемесячно для поддержания конкурентоспособности германского экспорта⁷⁹. По сути, прибыль, полученная благодаря буму в отечественной оружейной отрасли, направлялась на поддержку «слабого» экспортного сектора. Для большинства отраслей налог был установлен в размере от 2 до 4% с оборота⁸⁰. Такой показатель может выглядеть не очень драконовским, но поскольку сбором облагался оборот, а не прибыль, то итог был весьма чувствительным для предпринимателей. Так, ежемесячные продажи в отрасли, производящей стальные трубы, составляли в 1935 г. 15,6 млн рейхсмарок (речь идет только о Германии). Прибыль в этой отрасли составляла 1 млн рейхсмарок в месяц. Из этой суммы не менее 400 тыс. рейхсмарок, т. е. 40%, взималось в качестве налога на финансирование экспортных субсидий⁸¹. Менее прибыльные предприятия страдали

78. BAL R2501 6603, 33–47.

79. Ebi, *Export*, 159–91. Впечатляющая статистика по масштабам этих сборов и их распределению между отраслями содержится в: BAL R2 31.034.

80. Налог составлял 0,4% с первых 15 млн рейхсмарок отечественных продаж, 0,6% со следующих 15 млн, 1% со следующих 15 млн и далее повышался по 0,4% на каждые дополнительные 15 млн рейхсмарок отечественного оборота. См.: P. Hayes, *Industry and Ideology: IG Farben in the Nazi Era* (Cambridge, 1987), 152.

81. Вероятно, не стоит удивляться тому, что самый большой налог на поддержку экспорта, составлявший в данном случае от 5 до 9%, платил химический гигант *IG Farben*. Его общий оборот за 1935–1936 гг. достигал 50–60 млн рейхсмарок. Впрочем, чистое налоговое бремя было для *IG Farben* не таким значительным, поскольку эта фирма, являясь крупным экспортером, в то же самое время была одним из главных получателей новой субсидии.

от этого налога еще сильнее. Дочерний завод Форда в Кельне, дела у которого шли неважно, докладывал в головной корпоративный офис в Дирборне, что сбор, составлявший 3% с оборота, полностью лишит его всей прибыли, которую он рассчитывал получить в 1935 г.⁸² Налог, уплаченный всей германской промышленностью, в первый год его существования составил 700 млн рейхсмарок. Неудивительно, что он был крайне непопулярен. Но протесты со стороны промышленников отклонялись со ссылкой на «чрезвычайную ситуацию в государстве»⁸³. Нельзя отрицать и того, что эта система работала эффективно. К концу 1935 г. благодаря налогу на промышленность государство могло выплачивать каждому германскому экспортеру субсидию в размере почти 30% от каждого зарубежного заказа.

Меры, предпринятые в ответ на валютный кризис 1934 г., заложили организационные основы управления нацистской экономикой на много лет вперед. Надзорные агентства и схемы субсидирования экспорта, наряду со сложной системой деловых организаций, картелей и контроля над ценами, служившей для них опорой, работали и десять лет спустя, став основой военной экономики. Эта система сохранилась благодаря ее работоспособности. Начиная с 1935 г. в результате восстановления мировой экономики и эффективного действия новой системы субсидий катастрофическое падение германского экспорта было остановлено. С июня 1935 г. и до весны 1938 г. постоянный рост экспорта был жизненно важен для того, чтобы сохранялся импульс гитлеровского экономического возрождения. Экспорт так и не вернулся к тому уровню, на котором он находился до депрессии. Кроме того, его хватало лишь на то, чтобы обеспечить Рейхсбанку самый минимум спокойствия. Но он все же был достаточным для того, чтобы стабильно возрастали объемы импорта, достигшие низшей точки летом 1935 г. Если учесть, насколько ничтожными были резервы иностранной валюты и золота, находившиеся в распоряжении Рейхсбанка, и как трудно было получить кредит, то объем экспортных и импортных операций, которые нацистская Германия могла вести в соответствии с «Новым планом», вызывает неподдельное изумление. В современном мире с отсутствием ограничений на свободу торговли и международными займами МВФ советует центральным банкам иметь резервы валюты, эквивалентные шестимесячному импорту. Сложный механизм, предусматривавшийся «Новым планом» Шахта, позволял Рейхсбанку обес-

82. Benson Ford Research Center, Acc. 732, box 435.

83. См. ответ представителям сталеплавильной отрасли в: BAL R13I 618, 85.

печивать международную торговлю одной из самых крупных и развитых экономик мира, имея резервы валюты, которых в середине 1930-х гг. хватало немногим более чем на неделю импорта. Это было по меньшей мере замечательное организационное достижение.

И нет ничего удивительного в том, что оно было обеспечено ценой больших бюрократических усилий. Согласно оценкам, к концу 1930-х гг. в одних лишь официальных организациях «Нового плана» трудилось более 18 тыс. должностных лиц, администраторов и конторских служащих, решавших задачи валютного контроля⁸⁴. В частных предприятиях их было на много тысяч больше. Но управление германским платежным балансом требовало и ряда очень болезненных политических решений. Начиная с весны 1934 г. Рейхсбанк и Министерство экономики принимали все меры к сокращению отечественного потребления в сферах, зависевших от импортного сырья. В результате германская экономика раскололась надвое. В то время как в производстве средств производства и всех секторах, связанных с движением к самодостаточности, продолжалось быстрое восстановление, рост в потребительских секторах — прежде всего в текстильном — неожиданно прекратился. В течение двух с лишним лет, начиная с весны 1934 г., производство потребительских товаров в гитлеровской Германии практически застыло на одном месте.

Значение этого обстоятельства не следует недооценивать. По традиции представляя себе германскую экономику как оплот современной, прежде всего тяжелой промышленности, мы сплошь и рядом забываем о том, что важную роль продолжали играть и такие «традиционные» отрасли, ориентированные на потребителя, как пищевая и текстильная. Производство ткани и одежды не могло похвастаться наличием корпораций — флагманов тяжелой индустрии — и не имело политических связей на высшем уровне⁸⁵. Тем не менее в 1933 г. эта отрасль по-прежнему находилась в числе крупнейших источников рабочих мест в германской промышленности⁸⁶. Согласно переписи того года, в текстильном производстве — в прядении и тка-

84. BAL R25016447, 152–5.

85. Самым значительным исключением из этого правила был Готтфрид Дириг, совладелец *Christian Dierig AG*, крупнейшей германской текстильной фирмы и председатель рейхсгруппы по делам промышленности с декабря 1936 по октябрь 1938 гг.; см.: R. Eckert, «Die Leiter und Geschäftsführer der Reichsgruppe Industrie», 1, *Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte*, 4(1979), 264.

86. См. углубленный обзор данной темы в: G. Höschle, *Die deutsche Textilindustrie zwischen 1933 und 1939: Staatsinterventionismus und ökonomische Rationalität* (Stuttgart, 2004).

РИС. 5. Одностороннее восстановление экономики Третьего рейха: производство тканей и средств производства

честве — и в кожевенной промышленности было занято 1,2 млн человек. Еще 1,477 млн человек зарабатывало на жизнь изготовлением одежды и обуви. Кроме того, полмиллиона немцев работало в оптовой и розничной торговле, связанной с текстильной промышленностью. В целом на текстильную и швейную отрасль приходилось чуть менее 20% занятых в промышленности и не намного меньшая доля производства. В смысле численности занятых производство тканей и одежды имело большее значение, чем машиностроение, электротехническая промышленность, химическая промышленность или добыча угля. И тем более серьезными были последствия решений о резком сокращении поставок импортных хлопка, кожи и шерсти, на которые приходилось 80% требовавшегося этому сектору сырья.

Однако выбор был неизбежен. В 1934 г. на импорт сырья для текстильного и кожевенного производства приходилось не менее 26% общей стоимости импорта. Если Рейхсбанк и Министерство экономики всерьез собирались ограничить германский импорт при одновременном продолжении перевооружения, то текстильная промышленность была обречена на роль главной жертвы. Поэтому неудивительно, что первые надзорные агентства Рейха были созданы ради контроля над импортом

хлопка и шерсти. К лету темпы роста в текстильной отрасли настолько снизились, что берлинские агентства начали беспокоиться по поводу возможных массовых увольнений. Для того чтобы процесс создания рабочих мест не пошел вспять, был издан указ, запрещающий текстильным фабрикам работать больше 36 часов в неделю. Вместе с тем был наложен полный запрет на новые инвестиции в текстильное производство. Любое увеличение производственных мощностей в этой сфере разрешалось лишь с согласия Министерства экономики. Неудивительно, что эти меры привели к панической скупке тканей как коммерсантами, так и потребителями. В народной памяти все еще были живы воспоминания о лишениях Первой мировой войны. С тем чтобы развеять страх перед инфляцией, Министерство экономики предприняло первые шаги к систематическому контролю над ценами, начав с текстильного сектора. Они позволили сбить первую волну спекуляций. Однако с учетом необходимости ограничить потребление импортных хлопка и шерсти режим не был заинтересован в сохранении низких цен на одежду. После 1934 г. текстильная промышленность выделяется даже в официальной статистике как сектор германской экономики, в котором был разрешен наиболее заметный рост цен.

III

Не может быть сомнений в том, что режим заплатил высокую политическую цену за экономические затруднения 1934 г. Все имеющиеся у нас сведения о состоянии общественного мнения — главным образом это тайные доклады региональных отделений гестапо — подтверждают то, что летом 1934 г. экономические проблемы, вызванные валютным кризисом, беспокоили жителей Германии гораздо больше, чем «Ночь длинных ножей» с ее кровавыми эксцессами. Упрощенная точка зрения, согласно которой гитлеровский режим завоевал доверие немцев своими успехами в создании рабочих мест, просто не подтверждается фактами⁸⁷. При всей стремительности восстановления экономики последняя не вернулась к докризисным показателям даже к первой половине 1935 г. В стране по-прежнему насчитывались миллионы безработных, многие из которых годами не знали ничего, кроме нищеты. На протяжении первых трех зим Третьего рейха они могли рассчитывать главным образом

87. Как вкратце отмечалось в: I. Kershaw, *The «Hitler Myth»* (Oxford, 1987), 62–78 и подробнее образом задокументировано в: Morsch, *Arbeit und Brot*.

лишь на национал-социалистические кампании «Зимней помощи», в рамках которых бедным Volksgenossen (соотечественникам) бесплатно раздавалось продовольствие на сотни миллионов рейхсмарок. Более того, после кризиса 1934 г. начал остро ощущаться односторонний характер восстановления немецкой экономики. Перед миллионами людей, трудившихся в легкой промышленности, маячила перспектива неполного рабочего дня и сокращения заработков. В Саксонии, Бадене и ряде других регионов Германии, в непропорциональной степени зависевших от экспорта и производства потребительских товаров, восстановление экономики в лучшем случае было лишь частичным⁸⁸. Даже тем, у кого была работа, приходилось мириться с ростом цен и снижением качества товаров. Явная неспособность режима гарантировать либо стабильные цены, либо регулярные поставки товаров повседневного спроса, включая продовольствие и одежду, вызывала сильное беспокойство у населения. Согласно донесениям гестапо, осенью 1934 г. среди немцев царили уныние и апатия. Многих раздражала мелочная регламентация повседневной жизни; в народе зрели протестные настроения. Как отмечалось в одном донесении, «Домохозяйки на рынках пока что придерживают языки. Но если какая-то из них выражает недовольство — что случается весьма часто, — то никто ей не возражает»⁸⁹. Согласно потсдамскому отделению гестапо, это служило признаком едва скрываемого разочарования. Всюду, где осенью 1934 г. собиралось много людей — в очередях на биржах труда, на автобусных остановках, — шла более-менее открытая агитация против режима. Особенно сильную тревогу у властей вызвали печально известные плачевными условиями проживания лагеря рабочих, занятых на строительстве автобанов. В документах берлинского гестапо сообщается о 140 арестах, произведенных в октябре 1934 г. после «бунта» на местной стройке⁹⁰. В Дортмунде от рабочих вместо официального приветствия *Heil Hitler!* можно было услышать ироническое *Heil 3.50 Reichsmarks!* [«Да здравствуют 3,50 рейхсмарки!»], на что отвечали: *Kartoffeln 3.75 Reichsmarks* [«Картофель по 3,75 рейхсмарки»]. Даже если нацистское возрождение дало людям работу и вырвало их из тисков бедности, оно еще не означало возвращения к «нормальной жизни», о котором действительно мечтали немцы.

88. Баден был слабее других регионов затронут депрессией, но восстановление его экономики шло медленнее, чем в других частях Германии; см.: R. Peter, *Rüstungspolitik in Baden: Kriegswirtschaft und Arbeitseinsatz in einer Grenzregion im Zweiten Weltkrieg* (Munich, 1995), 79–95.

89. Morsch, *Arbeit und Brot*, 188.

90. Ibid., 170.

К концу 1934 г. министр пропаганды Йозеф Геббельс, которому обычно приписывают почти магическую власть над немцами, испытывал глубокое разочарование из-за царивших в обществе настроений. Национальная кампания против «критиканов и ворчунов», которую он открыл своей антисемитской тирадой в мае 1934 г., шла неважно. Во многих частях страны на митинги, проводившиеся в рамках этой кампании, почти никто не приходил, и всю программу пришлось тихо свернуть. В том, что касалось других сфер, местные власти сетовали на то, что сверхпылкая риторика Геббельса в реальности лишь мутит население, давая ему в полной мере осознать глубину валютного кризиса. Драматические события июня и июля, выразившиеся в резком удорожании импортных товаров, лишь подтвердили опасения общественности в отношении нереальности обещанного нацистами экономического возрождения⁹¹. 18 ноября 1934 г., во время первого из устраивавшихся Рейхом Дней печати, Геббельс в ответ на поразившие страну апатию и депрессию дал поразительно откровенную оценку своей стратегии. Министр был явно сыт по горло бесконечными жалобами на мелкие неудобства повседневной жизни. По его словам, стране было нужно не ворчание, а решительное стремление к достижению высоких целей, стоящих перед режимом, и задача печати состоит в том, чтобы облечь бытовые жизненные трудности в золотое сияние высших идеалов. Сам Геббельс не желал больше ничего слышать о царившем в обществе унынии: «Я не хочу ничего слышать, я не хочу ничего видеть, я не хочу ничего знать <...> Я знаю, что происходит, но не нужно мне об этом рассказывать. Не действуйте мне на нервы. Для моей работы мне нужна уверенность»⁹².

91. Morsch, *Arbeit und Brot*, 178–9.

92. Ibid., 157.

Партнеры: нацистский режим и немецкий бизнес

В ПОНЕДЕЛЬНИК 20 февраля 1933 г. в 6 часов вечера группа примерно из 25 предпринимателей прибыла на виллу нового председателя рейхстага Германа Геринга, где должна была состояться частная встреча с участием рейхсканцлера Гитлера, собиравшегося «разъяснить свою политику»¹. Гости представляли собой весьма пестрое общество. В число приглашенных входили лидеры германской индустрии — такие люди, как Георг фон Шнитцлер, второй человек в *IG Farben*, Крупп фон Болен, благодаря удачному браку вставший во главе империи Круппа и в то же время возглавлявший Ассоциацию промышленников Рейха, и доктор Альберт Феглер, генеральный директор *Vereinigte Stahlwerke*, занимавшей второе место среди сталеплавильных фирм мира. В то же время на встрече присутствовало некоторое количество явно второстепенных фигур. Сперва предпринимателей встретили Геринг и Ялмар Шахт. Сам Гитлер заставил себя ждать. Если бизнесмены ожидали, что им предстоит разговор о конкретных аспектах экономической политики, то их ждало разочарование. Вместо этого Гитлер дал общий обзор политической ситуации. Как и в обращении к нации 1 февраля, он сделал своей ключевой темой поворотный пункт в германской истории, которым стали поражение в Первой мировой войне и революция 1918 г. По его словам, опыт последних 14 лет показал, что «частное предпринимательство невозможно в эпоху демократии». Предпринимательство прежде всего основывается на принципах персональной ответственности и личного руководства, а демократия и либерализм неизбежно приводят к социал-демократии и коммунизму. По-

1. Эта и следующие цитаты приводятся по: IMT, *Nazi Conspiracy and Aggression* (Washington, 1946–7), VI. 1080–85; H. A. Turner, *German Big Business and the Rise of Hitler* (Oxford, 1985), 329–32; P. Hayes, *Industry and Ideology: IG Farben in the Nazi Era* (Cambridge, 1987), 82–7.

сле 14 лет деградации настал момент для того, чтобы покончить с фатальным расколом в германском обществе. Гитлер обещал не давать пощады своим врагам на левом фланге. Пришла пора «окончательно разгромить противника». И следующий этап этой борьбы должен был начаться после выборов 5 марта. Если нацистам удастся получить еще 33 места в рейхстаге, то в действиях против коммунистов будут использоваться «конституционные средства». Но «каким бы ни был исход, отступления не будет <...> если выборы ничего не решат <...> то решение должно быть получено иными средствами».

Гитлер не предлагал слушателям задавать ему вопросы и не объяснил, что именно он ожидает от лидеров бизнеса. Он прибыл не на переговоры. Он прибыл для того, чтобы объявить о своих намерениях. И у его аудитории не должно было остаться никаких сомнений. Новый канцлер Германии собирался покончить с парламентской демократией. Он планировал разгромить немецких левых, для чего был не просто готов прибегнуть к силовым мерам, но был очень рад этому. Согласно уцелевшим стенограммам, конфликт между левыми и правыми служил 20 февраля главной темой выступлений и Гитлера, и Геринга. Ни тот ни другой не упоминали ни об антиеврейской политике, ни о каких-либо завоевательных планах². Раскрыть непосредственную цель встречи Гитлер предоставил Герингу. Поскольку германский бизнес крайне заинтересован в победе над левыми, он должен сделать соответствующий финансовый вклад. «Жертвы, — заявил Геринг, — окажутся намного более легкими <...> если она [промышленность] поймет, что выборы 5 мая наверняка окажутся последними на ближайшие десять лет, а может быть, и на ближайшие сто лет». Крупп фон Болен, выбранный предпринимателями в ораторы, подготовил обширные заметки для подробного обсуждения экономической политики, но услышав такое откровенное воззвание, решил не вдаваться в утомительные детали. Вместо этого он ограничился констатацией того, что все присутствующие, несомненно, согласятся с необходимостью как можно скорее найти выход из сложившейся политической ситуации. Деловые круги полностью поддерживают цель создания правительства, действующего в интересах немецкого народа. Экономика и бизнес могут «развиваться и процветать» лишь в сильном и независимом государстве.

2. По мнению Вейнберга, отсутствие упоминаний о завоеваниях могло быть просто-напросто связано с тем фактом, что Гитлер не хотел повторять некоторые из своих наиболее агрессивных идей, высказанных ими годом ранее в Дюссельдорфском клубе промышленников: Weinberg, *Foreign Policy* 1, 28.

После этого обмена националистическими банальностями Гитлер и Геринг отбыли, а Ялмар Шахт перешел к делу. Он предложил создать избирательный фонд в 3 млн рейхсмарок, которые были бы разделены между нацистами и их партнерами по националистической коалиции. В течение трех следующих недель Шахт получил взносы от 17 различных деловых групп. Крупнейшие отдельные пожертвования поступили от *IG Farben* (400 тыс. рейхсмарок) и *Deutsche Bank* (200 тыс. рейхсмарок). Щедрый взнос в 400 тыс. рейхсмарок сделала и Ассоциация горнорудной промышленности. В число других крупных спонсоров вошли организаторы Берлинского автосалона (100 тыс. рейхсмарок) и группа электротехнических корпораций, включавших *Telefunken*, AEG и *Accumulatoren Fabrik*³. В последующие годы эти взносы были институционализированы в качестве Фонда Адольфа Гитлера (*Adolf Hitler Spende*), служившего источником средств на личные расходы Гитлера. Однако в практическом плане решающую роль сыграли пожертвования, сделанные в феврале и марте 1933 г. Они обеспечили партию крупными денежными суммами в тот момент, когда она остро нуждалась в средствах, а впереди у нее, как предсказывал Геринг, были последние состязательные выборы в ее истории.

I

Встреча 20 февраля и ее последствия представляли собой наиболее вопиющие примеры готовности германского крупного бизнеса содействовать Гитлеру в установлении диктаторского режима. От фактов отмахнуться невозможно. Ничто не указывает на то, что лидеры германского крупного бизнеса до или после февраля 1933 г. были ревностными приверженцами национал-социалистической идеологии. Да и сам Гитлер не требовал от Круппа и компании подписаться под агрессивным антисемитизмом или экспансионизмом. Речь, с которой он выступил перед предпринимателями на вилле Геринга, отличалась от его выступления перед генералами, состоявшегося несколькими неделями ранее, когда он открыто говорил о перевооружении и необходимости территориальной экспансии. Но Гитлер и его правительство обещали положить конец парламентской демократии и уничтожить германских левых, а это в глазах большинства представителей германского крупного бизнеса яв-

3. Список приводится по: IMT, *Nazi Conspiracy and Aggression*, VII, NI-391, 565–8.

лялось такой целью, за которую они были готовы уплатить значительные суммы. В свете того, что Гитлер заявил 20 февраля, нас не должны удивлять эксцессы *Machtergreifung*'а. Крупп и его коллеги с готовностью поддержали Гитлера при ликвидации политического плюрализма в Германии. А в сухом остатке к концу 1934 г., — полная демобилизация масс (как и планировалось). Германская политическая сцена радикально изменилась по сравнению с ситуацией десятилетней давности. Рабочее движение было уничтожено. Но вместе с ним после «Ночи длинных ножей» были ликвидированы и независимые военизированные формирования правых. Власть окончательно перешла к правящей «верхушке». Разумеется, при этом у гитлеровской националистической революции не имелось каких-либо однозначных вождей. И эта неопределенность усугублялась тем фактом, что умиротворение «масс» совпало с восторженным сплочением широкого круга лиц свободных профессий и других элитных группировок вокруг национал-социалистического проекта⁴. Этот энтузиазм, далеко выходявший за рамки простого *Gleichschaltung* (политической «координации»), привел к активной конкуренции между различными претендентами на власть и привилегии. Но ясно то, что источником легитимности в Третьем рейхе являлись верхи, и в идеале — самый верхний эшелон. Ясно также и то, что многие лидеры германского бизнеса процветали в этой авторитарной атмосфере⁵. В своих собственных фирмах отныне они были бесспорными повелителями, получив соответствующие полномочия согласно национальному закону о труде 1934 г.⁶ И владельцы фирм, и их управляющие с готовностью купились на риторику «фюрерства» (*Führertum*). Она была слишком близка концепции «предпринимательского лидерства» (*Unternehmertum*), становившейся все более модной в деловых кругах в качестве идеологического противовеса интервенционистским тенденциям, свойствен-

4. Хорошее резюме обширной литературы на эту тему содержится в: H. U. Wehler, *Deutsche Gesellschaftsgeschichte* (Munich, 2003), IV. 664–90, 721–31.

5. См.: P. Suess, «Ist Hitler nicht ein famoser Kerl?»: Grätz. *Fine Familie und ihr Unternehmen vom Kaiserreich bis zur Bundesrepublik* (Paderborn, 2003), 115. Слова «Ну разве Гитлер не отличный парень?» принадлежат Эриху Гретцу, владельцу и управляющему не очень крупной компании по производству газовых ламп и бытовой электротехники.

6. T. Mason, «Zur Entstehung des Gesetzes zur Ordnung der nationalen Arbeit vom 20. Januar 1934», in H. Mommsen, D. Petzina and D. Weisbrod (eds.), *Industrielles System and politische Entwicklung in der Weimarer Republik* (Düsseldorf, 1977), I. 322–51. См. также: M. Frese, *Betriebspolitik im Dritten Reich: DAF, Unternehmer und Staatsbürokratie in der westdeutschen Grossindustrie 1933–1939* (Paderborn, 1991), 93–113.

ным профсоюзам и веймарскому государству социального обеспечения⁷.

В материальном плане последствия демобилизации масс проявились в дисбалансе относительной переговорной силы у работодателей и наемных работников⁸. Фактически новый режим заморозил ставки заработной платы на том уровне, которого они достигли к лету 1933 г., и наделил правом их дальнейшего изменения региональных уполномоченных по трудовым отношениям (*Treuhänder der Arbeit*), чьи полномочия определялись Законом о контроле над национальной рабочей силой (*Gesetz zur Ordnung der nationalen Arbeit*), принятом 20 января 1934 г. Нередко это рассматривается как однозначное проявление диктата деловых кругов, поскольку номинальные ставки заработной платы, преобладавшие в 1933 г., были намного ниже, чем в 1929 г. Однако с точки зрения бизнеса ситуация была несколько более сложной. Хотя заработки по отношению к 1929 г. снизились, вместе с ними снизились и цены. На практике депрессия очень незначительно уменьшила реальный фонд заработной платы⁹. Если он и сократился, то не за счет снижения реальной заработной платы, а за счет увольнения части трудящихся и перевода остальных на неполную ставку. Тем не менее после произошедшей в 1933 г. заморозки заработной платы, сочетавшейся с разгоном профсоюзов и очень снисходительным отношением к картелизации бизнеса — к чему мы еще вернемся, — виды на прибыль, несомненно, были очень благоприятными. Хотя по мере сжатия рынка рабочей силы заработки все же понемногу начали увеличиваться, все указывало на то, что в ходе дальнейшего роста экономики они будут отставать от цен и прибылей. Но самым важным, вероятно, было другое: гитлеровский режим обещал дать немецким фирмам возможность самим разбираться со своими внутренними делами, освободив их от контроля со стороны независимых профсоюзов. Казалось, что в будущем размер заработков будет определяться производственными задачами, стоящими перед нанимателя-

7. B. Weisbrod, *Schwerindustrie in der Weimarer Republik* (Wuppertal, 1978), 495–6. О том, какой германская индустриальная элита видела сама себя, см.: S. Unger, «Die Wirtschaftselite als Persönlichkeit», in V. R. Berghahn, S. Unger and D. Ziegler (eds.), *Die deutsche Wirtschaftselite im 20. Jahrhundert* (Bochum, 2003), 295–316.

8. M. Schneider, *Unterm Hakenkreuz: Arbeiter und Arbeiterbewegung 1933 bis 1939* (Bonn, 1999), 290–300; R. Nachtmann, *Industriearbeit im «Dritten Reich»* (Göttingen, 1989), 92–112.

9. См. статьи К. Буххайма и Б. Эйхенгрин в: C. Buchheimetal. (eds.), *Zerrissene Zwischenkriegszeit: Wirtschaftshistorische Beiträge* (Baden-Baden, 1994), 97–122, 177–204. Однако следует также отметить, что, в отличие от других стран, в Германии во время депрессии не выросли зарплаты в реальном выражении.

ми — а не устанавливаться по итогам переговоров предпринимателей с рабочими¹⁰.

Именно в этом смысле Гитлер, придя к власти, выполнил обещанное им 20 февраля. А для тех мелких предпринимателей, которые работали, не выходя на международный уровень, период после 1933 г., несомненно, стал золотым временем авторитарного «порядка». Однако если мы ограничимся только этим аспектом, то получим крайне неполную картину. На встрече 20 февраля Круппу фон Болену так и не представилась возможность прояснить весь круг вопросов, волнующих немецкую промышленность¹¹. Если говорить коротко, упрощая ситуацию для ясности, то для более политизированных представителей германского бизнеса повестка дня мирного времени состояла по меньшей мере из двух отдельных элементов — внутреннего и международного. Внутренняя повестка дня носила авторитарно-консервативный характер, отличаясь ярко выраженной неприязнью к парламентской политике, высоким налогам, расходам на социальное обеспечение и профсоюзам. С другой стороны, в плане международных отношений германский бизнес стоял на намного более «либеральных» позициях. Хотя германская индустрия ни в коей мере не противилась установлению пошлин, ассоциация промышленников Рейха решительно выступала за экономический либерализм во внешней торговле: неограниченное перемещение капитала, мультилатерализм, режим наибольшего благоприятствования¹². В случае тяжелой индустрии такая защита международной торговли сочеталась с идеями о создании европейских торговых блоков разных размеров¹³. В таких важных отраслях, как угольная, стальная и химическая, международная торговля была организована в рамках

10. W. Bühner, «Zum Wandel der wirtschafts- und sozialpolitischen Zukunftsvorstellungen in der deutschen Industrie zwischen Weltwirtschaftskrise und Wirtschaftswunder», in M. Prinz and M. Frese, *Politische Zäsur und gesellschaftlicher Wandel im 20. Jahrhundert* (Paderborn, 1996), 81–104; W. Zollitsch, *Arbeiter zwischen Weltwirtschaftskrise und Nationalsozialismus* (Göttingen, 1990).

11. О позиции Круппа см.: W. Abelshauser, «Gustav Krupp und die Gleichschaltung des Reichsverbandes der Deutschen Industrie, 1933–1934», *Zeitschrift für Unternehmensgeschichte*, 47 (2002), 3–26.

12. Эта тема красной нитью проходила через все публикации ассоциации промышленников (*Reichsverband*) вплоть до начала 1930-х гг.: *Stellung der deutschen Industrie in der Weltwirtschaft* (Berlin, 1922); *Deutsche Wirtschafts- und Finanzpolitik* (Berlin, 1925), 20–21, 53–7; *Aufstieg oder Niedergang?* (Berlin, 1929), 15, 41–2; H. Krämer, *Europäische Handelspolitik* (Berlin, 1930).

13. См.: R. Frommelt, *Panuropa oder Mitteleuropa: Einigungsbestrebungen im Kalkül deutscher Wirtschaft und Politik 1925–1933* (Stuttgart, 1977). О «европейском» мировоззрении ведущих германских сталепромышленников см.: G. Mollin, *Montankonzerne und «Drittes Reich»* (Göttingen, 1988), 55–7.

формальных картелей, иногда имевших глобальные масштабы¹⁴. *Siemens* и AEG поделили глобальный рынок электротехники, достигнув договоренностей со своими главными американскими конкурентами¹⁵. Однако все эти организационные формы были выбраны немецкими бизнесменами и их зарубежными контрагентами по собственной воле, без какого-либо вмешательства со стороны государства. Можно говорить если не о либеральных настроениях в деловой среде, то по крайней мере о добровольной самоорганизации бизнеса. В то же время свободными от какого-либо картельного регулирования оставались многие сферы германской внешней торговли — в первую очередь это касалось текстиля, металлических изделий и машиностроения, причем ассоциация машиностроителей VDMA особенно агрессивно выступала за свободную торговлю.

Именно этот контраст между внутренним авторитаризмом и международным «либерализмом» диктовал двусмысленность позиции, в которой оказался германский бизнес в 1933 г. С одной стороны, немецкие предприниматели никогда раньше не подходили так близко к решению своих внутренних проблем, как это случилось благодаря гитлеровскому правительству. К концу 1934 г. Третий рейх «снял» протестные настроения рабочих до невиданного с начала индустриальной эры в XIX в. уровня. С другой стороны, фрагментация мировой экономики и все более протекционистский уклон германской политики находились в глубоком противоречии с коммерческими интересами большей части германского делового сообщества. В этом смысле, возможно, будет полезно сравнить позиции германского бизнеса в 1933 и 1923 г. Болезненное рождение Веймарской республики завершилось внутренней стабилизацией, решительно не устраивавшей основную часть германского делового сообщества. Но с ней приходилось мириться, поскольку план Дауэса, предложенный американцами, обеспечивал международное урегулирование на очень привлекательных условиях. Стратегия Штресемана на практике означала возрождение германского национального государства на плечах германских банков и индустриальных корпораций. Как неоднократно давал понять Штресеман, он рассчитывал на экспортные возможности и финансовую мощь таких компаний, как *Siemens*, AEG, IG

14. См. анализ того, как создавался стальной картель, в: К. Н. Pohl, *Weimars Wirtschaft und die Aussenpolitik der Republik 1924–1926: Vom Dawes-Plan zum Internationalen Eisenpakt* (Düsseldorf, 1979).

15. G. Kümmel, *Transnational Wirtschaftskooperation und der Nationalstaat: Deutschamerikanische Unternehmensbeziehungen in den dreissiger Jahren* (Stuttgart, 1995).

Farben и *Vereinigte Stahlwerke*. Именно их производственный потенциал и кредитоспособность позволили Германии уладить свои отношения с Францией и наладить новые и прочные связи с США. Принимая во внимание величайшее высокомерие, амбициозность и национализм некоторых из ведущих германских представителей тяжелой индустрии, Штресеман шел на серьезный риск¹⁶. В 1923 г. ему пришлось отвечать на вызов со стороны рурского промышленника Гуго Стиннеса, пытавшегося проводить независимую внешнюю политику в отношении Франции¹⁷. В 1929 г. Альберт Феглер из *Vereinigte Stahlwerke* препятствовал ратификации плана Янга. А еще правее Феглера находились такие люди, как Густав Блом, судостроитель из Гамбурга, или Эрнст фон Борзиг, машиностроительный магнат из Берлина, поддерживавший НННП и выступавший за открытый возврат к милитаризму и перевооружению¹⁸. Однако ассоциация промышленников Рейха (*Reichsverband der deutschen Industrie*), главная организация в немецкой индустрии, в целом оправдывала надежды, возлагавшиеся на нее Штресеманом. Ультранационалисты, которых так и не удалось заставить замолчать, находились в меньшинстве, и *Reichsverband* использовала свое влияние для того, чтобы достаточное число депутатов от НННП в 1924 г. проголосовало за принятие плана Дауэса, а в 1930 г. — за план Янга¹⁹. Более того, ассоциация восторженно поддерживала действия по защите международной свободной торговли, предпринимавшиеся в Лиге Наций Рейхсминистерством экономики и Министерством иностранных дел. На словах выступая за возрождение нации, ассоциация промышленников рейха без особой охоты шла навстречу рейхсверу в его попытках осуществить тайное перевооружение²⁰.

Тем не менее к концу 1920-х гг. германские предприниматели все четче осознавали недостатки стратегии Штресемана.

16. О сложном характере этих взаимоотношений см.: Pohl, *Weimars Wirtschaft*.

17. G. Feldman, *The Great Disorder: Politics, Economics and Society in the German Inflation, 1914–1924* (Oxford, 1993), 498–504, 720–80.

18. О «группировке» националистов в немецкой промышленности см.: A. Meyhoff, *Blohm & Voss im «Dritten Reich»* (Hamburg, 2001), 44–51.

19. О плане Дауэса см.: M. Berg, *Gustav Stresemann und die Vereinigten Staaten von Amerika: Weltwirtschaftliche Verflechtung und Revisionspolitik 1907–1929* (Baden-Baden, 1990), 187–217. О плане Янга см.: R. Neebe, *Grossindustrie, Staat und NSDAP 1930–1933* (Göttingen, 1981), 53–7. О поддержке, оказывавшейся промышленниками антигугенберговской группировке в НННП, см.: L. E. Jones, *German Liberalism and the Dissolution of the Weimar Party System, 1918–1933* (Chapel Hill, NC, 1988), 352–5.

20. E. W. Hansen, *Reichswehr und Industrie* (Boppard, 1978). Блом, Борзиг и их друзья по НННП, конечно же, с энтузиазмом участвовали в этих попытках.

Из-за притока иностранного капитала и расхлябанной фискальной политики государства ассоциация промышленников Рейха сталкивалась со все более невыносимым «дисбалансом» в отечественной экономике. Поэтому неудивительно, что она охотно поддержала канцлера Брюнинга, когда тот весной 1930 г. дал обещание выполнять одновременно ее требования внутри страны и в международной торговле²¹. После того как приток нового иностранного капитала временно прекратился, соблюдение условий плана Янга потребовало осуществления жесткой программы внутренней дефляции, что, в свою очередь, позволило Брюнингу двигаться к понижению цен на внутреннем рынке — так называемому отечественному плану Янга, — которого давно добивались деловые круги. При этом германское деловое лобби, наряду с большинством других наблюдателей, воспитанных в духе традиционной экономической школы, не осознавало суровости надвигавшегося внутреннего и международного кризиса. К 1932 г. многие столпы экономической мощи, на которые так уверенно опирался Штресеман, были потрясены до основания. *Deutsche Bank*, *Dresdner Bank* и *Commerz Bank* были спасены от краха лишь благодаря вмешательству государства²². Громкие банкротства затронули машиностроение (*Borsig* и *HANOMAG*), пивоварение (*Schultheiss-Patzenhofen*) и страховое дело (*Frankfurter Allgemeine Versicherungsgesellschaft*, FAVAG)²³. AEG, прежде входившая в число крупнейших германских корпораций, с трудом держалась на плаву²⁴. В 1932 г. Фридрих Флик едва сумел избежать финансовой катастрофы, убедив государство по сильно завышенной цене выкупить его долю в угольном отделении *Vereinigte Stahlwerke*²⁵. В результате государство стало обладателем потенциально контрольного пакета не только в банковском деле, но и в тяжелой промышленности. Кроме того, нельзя было сказать, что кризис затронул лишь отдельные фирмы и секторы: он носил системный характер. Крушение золотого стандарта и катастрофическое распространение протекционизма подорвали сами основы экономического либерализма.

21. M. Gröbler, *Die Spitzenverbände der Wirtschaft und das erste Kabinett Brüning* (Düsseldorf, 1982).

22. C. Kopper, *Zwischen Marktwirtschaft und Dirigismus: Bankenpolitik im «Dritten Reich» 1933–1939* (Bonn, 1995), 51–67.

23. О FAVAG см.: G. D. Feldman, *Allianz and the German Insurance Business, 1933–1945* (Cambridge, 2001), 17–26. О HANOMAG см.: P. Schulz, *Nicht die Zeit, um auszuruhen: Dokumente und Bilder zur Geschichte der hannoverschen Arbeiterbewegung* (Hannover, 1990), 306–37. О Schultheiss см.: M. Fiedler, «Netzwerke des Vertrauens», in D. Ziegler (ed.), *Grossbürger und Unternehmer* (Göttingen, 2000), 96–106.

24. W. Feldenkirchen, *Siemens 1919–1945* (Munich, 1995), 127–8.

25. A. Reckendrees, *Das «Stahltrust-Projekt»* (Munich, 2000), 471–506.

Перед лицом такой поразительной серии катастроф ассоциация промышленников Рейха сделала ставку сперва на канцлера Брюнинга, а затем и на генерала Шлейхера в надежде на то, что им еще удастся спасти остатки экономики²⁶. Крупный бизнес, несомненно, не желал возвращения к системе 1920-х гг. Но в чем могла состоять альтернатива экономической политике, ориентированной на внешние связи? В этом отношении крупному бизнесу не стоило ожидать ничего хорошего от правительства, назначенного президентом Гинденбургом 30 января 1933 г. И Гитлер, и Шахт, и Гугенберг были известными врагами экономического либерализма. И фактически именно на фоне этого обстоятельства мы должны интерпретировать встречу 20 февраля, несмотря на общее оппозиционное отношение собравшихся к Веймарской конституции и их враждебность к левым партиям. Гитлер обращался не к тем, от кого ожидал полной поддержки своего правительства, а как раз наоборот²⁷. Некоторые из ведущих германских предпринимателей, самым заметным из которых, возможно, был Карл Фридрих фон Сименс, в реальности отклонили приглашение Геринга²⁸. А Крупп проявил наивность, если ожидал, что Гитлер позволит втянуть себя в полноценный разговор об экономической политике. Гитлер и Шахт знали, что это было бы контрпродуктивно, поскольку не существовало никакой надежды на достижение согласия по ключевым вопросам международной политики. Взгляды Шахта на торговую политику и внешние долги уже подверглись резкой критике со стороны ассоциации промышленников²⁹. Но что более важно, Гитлер и Шахт знали, что они не нуждаются в согласии со стороны бизнеса. После Первой мировой войны предпринимательское лобби оказалось достаточно сильным для того, чтобы дать отпор революционным порывам 1918–1919 гг. Сейчас же глубочайший кризис капитализма сделал германский бизнес беззащитным перед государственным интервенционизмом — только уже не слева, а справа³⁰.

26. В начале января 1933 г. ось Тиссен — Шахт — Папен — Гитлер еще не пользовалась особой поддержкой даже со стороны правого крыла политиков от промышленности; рурская группировка Ройш — Крупп — Феглер отдавала предпочтение правительству, возглавляемому НННП, но без Гугенберга, а штурмовики отделились от главной фракции Нацистской партии. См.: Neebe, *Grossindustrie*, 142–52. О неспособности Шахта заручиться поддержкой широких промышленных кругов в декабре 1932 г. см.: Feldenkirchen, *Siemens*, 437–8.

27. Уже в октябре 1931 г. обратило на себя внимание отсутствие главных промышленников на встрече в Гарцбурге. См.: G. Schulz (ed.), *Politik und Wirtschaft in der Krise 1930–1932* (Düsseldorf, 1980), doc. 342, II. 1043–4.

28. Feldenkirchen, *Siemens*, 212, 557; Abelshauser, «Gustav Krupp».

29. Neebe, *Grossindustrie*, 122–7.

30. G. D. Feldman, «The Economic Origins and Dimensions of European Fascism», in H. James

II

В первые годы существования гитлеровского режима в Германии был создан ряд механизмов контроля над предпринимательством, беспрецедентных для мирного времени. В значительной степени их появление объяснялось сложностью управления германским платежным балансом, и в этом смысле их корни явно восходили к грандиозному финансовому кризису лета и осени 1931 г. Однако в условиях полной дезинтеграции золотого стандарта, последовавшей за девальвацией доллара, ползучего дефолта Германии по ее долгосрочным обязательствам, включая долги в сотни миллионов рейхсмарок, числившиеся за германскими корпорациями, и осуществления «Нового плана» этот контроль приобрел новый и более систематический характер³¹. Как мы уже видели, «Новый план», который фактически регулировал доступ всех до единой немецких фирм к зарубежному сырью, породил обширный бюрократический аппарат, контролировавший жизненно важные функции значительного сегмента германской промышленности. Хотя экспорт, разумеется, поощрялся, отказ правительства от девальвации означал, что большинство германских экспортеров могли выдержать конкуренцию лишь в том случае, если они сперва обращались за субсидией. Это тоже требовало обширной работы с бумагами и взаимодействия с бюрократией. А экспортные субсидии, в свою очередь, финансировались за счет обременительного перераспределительного налога, взимавшегося со всей германской промышленности. Управление этой громоздкой системой контроля представляло собой основную задачу организаций, которые Шахт навязал бизнесу с осени 1934 г. по весну 1935 г.³² В каждом секторе многочисленные добровольные ассоциации объединялись, образуя иерархию рейхсгрупп (в про-

and J. Tanner (eds.), *Enterprise in the Period of Fascism in Europe* (Aldershot, 2002), 6–8.

31. Помимо недооценки произошедшего в 1933 г. всплеска активности в сфере налоговой политики, в работе H. James, «Innovation and Conservatism in Economic Recovery: The Alleged „Nazi Recovery“ of the 1930s», in T. Childers and J. Caplan (eds.), *Reevaluating the Third Reich* (New York, 1993), недооцениваются и изменения в рамках системы контроля над импортом и содействия экспорту, произошедшие в 1931–1935 гг.
32. Превосходный разбор, выявляющий политизированную сущность этой системы и роль, сыгранную Шахтом при ее насаждении, см. в: Meyhoff, *Blohm & Voss*, 88–107. О политическом «фоне» см. в: A. Barkai, *Das Wirtschaftssystem des Nationalsozialismus* (Frankfurt, 1988), 110–31. Резюме организационных моментов см. в: I. Esenwein-Rothe, *Die Wirtschaftsverbände von 1933 bis 1945* (Berlin, 1965).

мышленности, банковском деле, страховании и т. д.), деловых групп (*Wirtschaftsgruppen*, которые действовали в горнорудной, сталеплавильной, машиностроительной и других сферах) и отраслевых групп (*Fachgruppen*, объединявших предпринимателей, занятых добычей антрацитов в противоположность тем, кто добывал лигнит, и т. п.). Каждая германская фирма должна была входить в какую-либо из этих ассоциаций. Каждое подразделение каждой деловой группы возглавлялось своим собственным фюрером³³. Их кандидатуры выставлялись существующими ассоциациями, рассматривались рейхсгруппами и окончательно одобрялись Шахтом. Главная задача деловых групп заключалась в том, чтобы играть роль канала связи между отдельными фирмами и Рейхсминистерством экономики. Оно спускало вниз указы через деловые группы. Через них же в Берлин шли жалобы, предложения и донесения от фирм. Эта система непрерывно порождала на свет инструкции, руководства и рекомендации по части передовых приемов хозяйствования. Кроме того, на основе чрезвычайных указов, издание которых началось на последних этапах Первой мировой войны, деловые группы также были уполномочены на сбор обязательных отчетов от входивших в их состав фирм — тем самым была создана беспрецедентная система промышленной статистики³⁴. После 1936 г., когда была внедрена стандартизированная система бухгалтерии, они получили право еще глубже вникать во внутренние дела фирм. Однако функции деловых групп были по-настоящему незаменимыми с точки зрения выполнения «Нового плана». Из кадрового состава деловых групп набирались агентства по надзору за импортом и весь их персонал³⁵. В том, что касалось экспорта, именно на деловые группы начиная с лета 1935 г. были возложены оценка оборота входивших в их состав фирм и сбор налога, предназначенного для финансирования экспортных субсидий³⁶.

Поскольку цель работы всего этого контролирующего аппарата заключалась в ограничении германского импорта, в итоге с германских рынков практически исчезли зарубежные конкуренты. В страну не ввозилось ничего из того, что можно

33. R. Eckert, «Die Leiter und Geschäftsführer der Reichsgruppe Industrie», I–II, *Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte*, 4 (1979).

34. J. A. Tooze, *Statistics and the German State 1900–1945: The Making of Modern Economic Knowledge* (Cambridge, 2001), 177–214.

35. О том, как деловые интересы переплетались с работой государственного аппарата в рамках системы внешней торговли, см.: W. A. Bölcke, *Die deutsche Wirtschaft 1930–1945* (Düsseldorf, 1982), 88–107.

36. Meyhoff, Blohm & Voss, 104–5.

было бы произвести внутри нее — а это относилось практически ко всем промышленным товарам. В сочетании с ростом уровня внутреннего спроса это позволило германским производителям положить конец дефляции и добиться заметного роста цен. После многих лет дефляции индекс потребительских цен с весны 1933 г. по август 1934 г. вырос почти на 6%, и этого хватило для того, чтобы начались тревожные разговоры об инфляции³⁷. Для того чтобы этот процесс не вышел из-под контроля, Министерство экономики издало ряд указов о твердых ценах, а кульминацией этих мер в ноябре 1934 г. стало назначение уже знакомого нам Карла Герделера на должность рейхскомиссара по контролю над ценами³⁸. Как мы уже видели, Герделер заслужил свою репутацию неподкупного человека в тщетных попытках противопоставить девальвации фунта стерлингов драконовские меры в рамках четвертой дефляции Брюнинга. Его роль в Третьем рейхе заключалась в том, чтобы вернуть на прежний уровень все цены, неоправданно завышенные начиная с лета 1933 г. По иронии судьбы при всех либеральных наклонностях Герделера к концу 1935 г. это привело к созданию всеобъемлющей системы государственного диктата в области цен.

С точки зрения этой системы фундаментальное значение имело расширение возможностей государства по надзору над разветвленной системой германских картелей³⁹. В июле 1939 г. Министерство экономики присвоило себе право создавать принудительные картели. Тот же указ наделял его полномочиями по надзору за действиями существующих картелей, изданию правил, регулирующих деятельность их членов, и контролю над устанавливаемыми ими ценами. Всего с 1933 по 1936 г. министерство проконтролировало создание не менее чем 1600 добровольных картелей и навязало 120 принудительных картельных соглашений. Даже в таких крупных и сильно фрагментированных отраслях, как полиграфия с ее годовым оборотом, превышавшим 1 млрд рейхсмарок, и буквально тысячами мелких

37. *Konjunktur Statistisches Handbuch* (Berlin, 1935), 107.

38. О Герделере см.: S. Gillmann and H. Mommsen (eds.), *Politische Schriften und Briefe Carl Friedrich Gördelers* (Munich, 2003). Донесения гестапо подтверждают, что создание должности комиссара по ценам было положительно воспринято населением: G. Morsch, *Arbeit und Brot: Studien zur Lage, Stimmung, Einstellung und Verhalten der deutschen Arbeiterschaft, 1933–1936/37* (Frankfurt, 1993), 197.

39. Работами, в которых эта тема раскрывается наиболее удачно, остаются: A. Schweitzer, *Big Business in the Third Reich* (Bloomington, Ind., 1964), 184–96, 265–87, и F. Neumann, *Behemoth: The Structure and Practice of National Socialism 1933–1944* (New York, 1944), 261–73; Ф. Нойманн, *Бегемот. Структура и практика национал-социализма, 1933–1944* (Москва, 2015), 326–341. См. также: R. Puppo, *Die wirtschaftsrechtliche Gesetzgebung im Dritten Reich* (Konstanz, 1989).

фирм, отныне можно было создавать организационные структуры с четко установленными минимальными ценами. Принудительные картели имели право контролировать инвестиции в своих секторах и оптимизировать существующую структуру отраслей посредством систематических «выкупов». Второй закон о картелях, принятый летом 1933 г., ликвидировал юридическую защиту, при Веймарской республике дававшую фирмам, не входившим в состав картелей, возможность вести свои дела так, как они сочтут нужным. Отныне картели могли в судебном порядке преследовать аутсайдеров, устанавливавших цены, являвшиеся «несправедливыми» или «пагубными для благосостояния нации». Таким образом, добровольные картели превращались в принудительные организации, находившиеся под государственным контролем. В 1936 г. РМЭ доверило повседневный надзор за картелями деловым группам и отраслевым группам⁴⁰. В свою очередь, те использовали свои новые стандартизованные бухгалтерские системы при внедрении и отладке ценовой дисциплины.

Рост внутреннего спроса, устранение зарубежных конкурентов, рост цен и относительно статичные ставки заработной платы создали условия, в которых было трудно не получать хорошую прибыль⁴¹. Более того, к 1934 г. советам директоров некоторых фирм выплачивались такие большие бонусы, что это вызвало в гитлеровском правительстве сильное замешательство⁴². В свете гораздо более скромного роста доходов у трудящихся создавалось впечатление, что коммунисты и социал-демократы действительно кое в чем правы. Нацистский режим превратился в «диктатуру боссов». Поэтому РМЭ, установив контроль над импортом, экспортом и отечественными ценами, весной 1934 г. занялось прибылями бизнесменов. Отныне сумма выплат акционерам не должна была превышать 6% от капитала. Разумеется, это никак не сказалось на скрытой прибыльности. Бухгалтеры корпораций просто начали прятать прибыли посредством преувеличенной амортизации и создания резервов. В течение следующих лет германские предприниматели накопили гигантские финансовые резервы, которые могли использоваться для внутренних инвестиций. Очевидно, что именно это, помимо чисто «косметических» аспектов, и было истин-

40. См. комментарий в: *Der Deutsche Volkswirt*, 20.11.1936, 359.

41. Этой теме посвящена прорывная работа: M. Spörer, *Von Scheingewinn zum Rüstungsboom: Die Eigenkapitalrentabilität der deutschen Industrieaktiengesellschaften 1925–1941* (Stuttgart, 1996).

42. *Die Deutsche Volkswirtschaft*, 10, 1.04.1934.

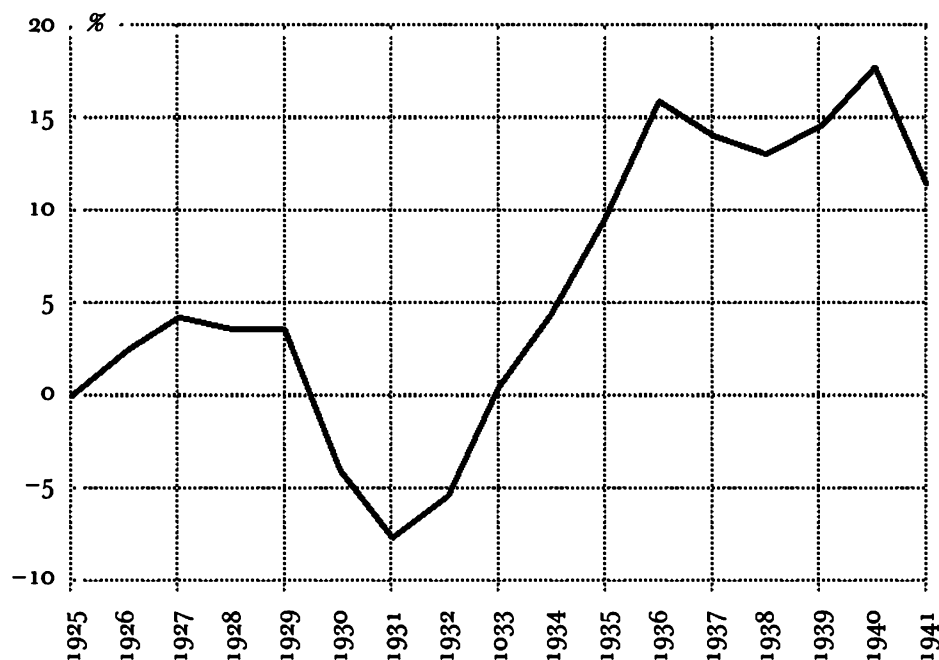

РИС. 6. Норма прибыли от капитала
в германской промышленности, 1925–1941 гг.

ной целью указа о дивидендах. С точки зрения властей Рейха, задача заключалась в том, чтобы разделить национальные ресурсы, пригодные для инвестиций и для государственных расходов. Промышленные инвестиции должны были финансироваться из прибылей, не доставшихся акционерам. В то же время ограничивался доступ корпоративных заемщиков к рынку долгосрочных кредитов — пополнявшемуся за счет сбережений домохозяйств, проходивших через банки, сберегательные банки и страховые фонды, — благодаря чему эти средства оставались в распоряжении у государства⁴³.

Контроль Рейхсбанка за финансовыми потоками в германской экономике еще больше укрепился благодаря новой системе банковского регулирования, внедренной в 1934 г. После кризиса 1931 г. государство стало обладателем контрольного пакета акций во всех трех крупнейших банках страны — *Deutsche Bank*, *Dresdner Bank* и *Commerzbank*. Если бы верх одержало левое крыло нацистов, то не исключено, что власти осуществили бы полномасштабную национализацию банковской системы с последующей ликвидацией национальных коммерческих банков

43. S. Lurie, *Private Investment in a Controlled Economy* (New York, 1947), 122–47; W. A. Bölske, *Die Kosten von Hitlers Krieg: Kriegsfinanzierung und finanzielles Kriegserbe in Deutschland 1933–1948* (Paderborn, 1985), 36–50.

и созданием интегрированной системы региональных банков. Неудивительно, что эту идею активно поддерживали и региональные сберегательные кассы (*Sparkassen*), находившиеся под контролем местных активистов Нацистской партии⁴⁴. Но Ялмар Шахт принял меры к тому, чтобы этот радикализм не принес никаких конкретных плодов. Наоборот, кризис дал ему возможность осуществить управленческую реформу и ужесточить надзор со стороны центрального банка. С сентября 1933 г. по октябрь 1934 г. особая комиссия провела ряд тщательно срежиссированных дебатов, в ходе которых сторонники радикальных взглядов последовательно оттеснялись на периферию. Итогом этих дебатов стал проект закона, по которому Рейхсбанк получал обширные надзорные права. С целью предотвратить повторение финансовых скандалов начала 1930-х гг. вводились ограничения на величину займов, которые мог получить в банке отдельный частный заемщик. Рейхсбанк впервые был наделен правом определять элементарные требования, предъявляемые к резервам, и полностью контролировать размещение частных банковских активов. Тем самым берлинские «большие банки» были спасены от национализации. Однако факты говорят о том, что они так до конца и не оправались от ущерба, нанесенного им финансовым кризисом 1931 г. В чисто коммерческом плане «большие банки» находились в числе главных «жертв» нацистского экономического возрождения⁴⁵. С 1932 по 1939 г. их общие активы выросли всего на 15%, хотя объемы производства в Германии увеличились более чем вдвое. Напротив, активы сберегательных касс — главного источника того, что можно назвать народными деньгами, — за тот же период выросли на 102%. В то же время международные операции «больших банков» резко сократились из-за свертывания германской внешней торговли. Средства, накапливавшиеся на счетах банковских клиентов из числа промышленников, делали их более независимыми от банковских займов, чем когда-либо прежде. А те, кто все же нуждался во внешнем финансировании при осуществлении наиболее приоритетных проектов режима, могли обратиться к новым заимодавцам, за которыми стояло государство — таким, как *Bank für Industrie-Obligationen* или принадлежавший люфтваф-

44. Kopper, *Zwischen Marktwirtschaft und Dirigismus*, 86–125.

45. Этот тезис, впервые прозвучавший в: Barkai, *Das Wirtschaftssystem*, 195–204, впоследствии повторялся в работах: H. James, *The Deutsche Bank and the Nazi Economic War against the Jews* (Cambridge, 2001), 285–91; H. James, «Banks and the Era of Totalitarianism», in James and Tanner, *Enterprise in the Period of Fascism*, 14–25, и H. James, *The Nazi Dictatorship and the Deutsche Bank* (Cambridge, 2004), 22–37.

фе *Aero-Bank*⁴⁶. Разумеется, из этого не следует, что все три уцелевших больших банка не получали хорошую прибыль. Нельзя отрицать и того, что банки играли важную роль, определяя развитие некоторых важных компаний. В первую очередь следует упомянуть, что *Deutsche Bank* был тесно связан с компанией *Mannesmann* и ее генеральным директором Вальтером Цангеном, входившим в число тех, кому нацистский режим принес самые большие дивиденды⁴⁷. Но в противоположность идее о том, что в конечном счете именно «большие банки» были кукловодами национал-социализма, на самом деле трудно назвать другой период в современной истории Германии, когда эти учреждения имели бы меньше влияния, чем в 1933–1945 гг.

Намного более динамичной и не менее важной частью современной экономической инфраструктуры было производство электроэнергии. И для этой отрасли при национал-социализме тоже была создана новая структура контроля. Как и в случае банковской системы, германская сеть электроснабжения была поделена между несколькими гигантскими олигополиями с одной стороны и множеством поставщиков, действующих на уровне отдельных городов и земель, с другой. Ведущие производители электроэнергии, с их громадными электростанциями, многочисленными линиями электропередач, угольными копями и собственными строительными компаниями, входили в число крупнейших промышленных корпораций Германии. Лидером в этой отрасли был поставщик электричества для Рура, могучая *Rheinisch-Westfälische Elektrizitätswerke* (RWE)⁴⁸. Формальное большинство ее акций контролировалось рурскими муниципалитетами, но де-факто власть в RWE находилась в руках профессиональных менеджеров, юристов и инженеров, а также ключевой группы частных акционеров, представлявших интересы угольной и сталеплавильной отраслей. Представителей этих кругов в наблюдательном совете RWE возглавлял Альберт Феглер из *Vereinigte Stahlwerke* — крупнейшей германской сталеплавильной компании. Его брат Ойген Феглер возглавлял строительное

46. Этому важному сектору экономики посвящена лишь малоизвестная работа В. Норманна, *Von der MONTAN zur Industrieverwaltungsgesellschaft (IVG) 1916–1951* (Stuttgart, 1996).

47. Несколько удивительно то, что «связь с *Mannesmann*», несмотря на ее очевидное значение, почти не фигурирует в многочисленных работах Джеймса, посвященных *Deutsche Bank*. Классическую интерпретацию в духе «теорий заговора» см. в: *OMGUS, Ermittlungen gegen die Deutsche Bank* (Nördlingen, 1985), 103–11, 150–52.

48. D. Schweer, W. Thieme (eds.), «*Der gläserne Riese*» RWE: *Ein Konzern wird transparent* (Essen, 1998).

подразделение RWE — HOCHTIEF⁴⁹. За пределами западных регионов Германии главными поставщиками электричества были крупные электрические холдинги, принадлежавшие Прусскому государству и Рейху — VEBA, VIAG и BEWAG, с которыми RWE в 1929 г. заключила соглашение о разделе рынка, так называемый электромир (*Elektrofrieden*)⁵⁰. В результате их единственными реальными конкурентами остались мелкие муниципальные и региональные производители, созданные в ранние годы электрификации. После 1933 г. многие из них попали в руки местных организаций Нацистской партии, и не удивительно, что те стали роптать на засилье крупных концернов. Но их снова перехитрили Шахт и РМЭ, сыгравшие роль централизующей силы и защитников корпоративных интересов. Шахт с самого начала своей банковской карьеры выступал за программу централизации в сфере электроэнергетики, призванную обеспечить прибыльность этой отрасли. И его предрасположенность очень четко проявилась в проекте закона об электроэнергии, предложенном его министерством правительству осенью 1935 г. Подчиненные Шахта беззастенчиво обосновывали необходимость в централизованном контроле над новыми инвестициями в генерирующие мощности «насущными интересами германского энергетического бизнеса» («übergeordnetes Interesse der deutschen Energiewirtschaft») ⁵¹. Это было чересчур для таких национал-социалистов, как рейхсминистр внутренних дел Вильгельм Фрик, выразивший такое недовольство, что законопроект был отозван и пересмотрен, после чего государственное вмешательство стало в нем оправдываться необходимостью создать «единое руководство» («einheitliche Führung») в «интересах общего блага» («interesse des Gemeinwohls») и в целях «обеспечения национальной обороны» («sicherstellung der Landesverteidigung»). Однако сущность закона от этого не изменилась. Он укреплял положение существующих производителей, в то же время наделяя Рейхсминистерство экономики беспрецедентными надзорными полномочиями. Процесс консолидации

49. Ibid., 82. Собственно о HOCHTIEF см.: M. Pohl and B. Siekmann, *HOCHTIEF and its History* (Munich, 2001). В наше время HOCHTIEF, одна из крупнейших строительных компаний мира, контролируется RWE, владеющей ее контрольным пакетом акций.

50. Превосходное «разоблачительное» изложение этих событий см. в: W. Zängl, *Deutschlands Strom: Die Politik der Elektrifizierung von 1866 bis heute* (Frankfurt, 1989).

51. J. O. Kehrberg, *Die Entwicklung des Elektrizitätsrechts in Deutschland: Der Weg zum Energiewirtschaftsgesetz von 1935* (Frankfurt, 1997); B. Stier, *Staat und Strom: Die politische Steuerung des Elektrizitätssystems in Deutschland 1890–1950* (Ubstadt-Weihler, 1999), 442–70.

и концентрации, начавшийся в 1920-х гг., продолжался вопреки идеологическим побуждениям нацистских активистов на местах⁵².

Свойственная экономическим властям Германии тенденция к активному интервенционизму становилась все более заметной с момента окончания Первой мировой войны. И реформированный Рейхсбанк, и Рейхсминистерство экономики, и Рейхсминистерство труда, и Рейхсминистерство продовольствия и сельского хозяйства являлись порождением Первой мировой войны и ее последствий⁵³. Многие меры контроля, осуществленные после 1933 г., включая закон об электричестве и новый закон о корпорациях, принятый в 1937 г., обсуждались еще в 1920-х гг. Однако после 1933 г. ситуация изменилась: по крайней мере в том смысле, что государство приобрело намного больше полномочий и независимости, чем когда-либо прежде. И в этом отношении гитлеровская риторика о националистической революции служила удобным прикрытием. Тем не менее на практике Рейхсбанк и Рейхсминистерство экономики не испытывали никакого желания дать радикальным членам СА, воинствующим рабочим-активистам НСДАП или комиссарам-гауляйтерам диктовать ход событий. Под лозунгом «сильного государства» чиновники из министерств создавали новую общенациональную структуру контроля над экономикой. Вероятно, не следует удивляться тому, что должностным лицам из РМЭ первые годы работы под началом Шахта запомнились как прекрасное время: «Мы трудились и выполняли распоряжения на потрясающем подъеме. Мы действительно имели власть. В глазах служащих министерства контраст с Веймарской республикой был ошеломляющим. В рейхстаге больше не было слышно партийной болтовни. Бюрократический язык избавился от парализующей формулировки: формально правильно, но политически невозможно»⁵⁴.

Было бы абсурдно отрицать реальность этого поворота. Великая депрессия и вызванный ею кризис корпоративного капитализма навсегда изменили расстановку сил. Крупный бизнес уже больше никогда не оказывал такого прямого влияния на власть, как в период с начала Первой мировой войны в 1914 г. до начала депрессии в 1929 г. В свою очередь, экономи-

52. Примеры того, как этот закон работал на благо крупных производителей, см. в: Zängl, *Deutschlands Strom*, 182–3.

53. Tooze, *Statistics*, 40–102.

54. Эти слова воспроизводятся при полном отсутствии критического анализа в: Bölske, *Die deutsche Wirtschaft*, 88–9.

ческие власти Рейха приобрели беспрецедентные полномочия по контролю над экономикой страны⁵⁵. Поэтому можно задать вопрос: почему новая линия, проводившаяся в Берлине, не вызвала заметного недовольства, протестов и тем более открытого противодействия? Как уже говорилось в предыдущей главе, было бы неверно утверждать, что никакой оппозиции не возникло. Члены делового сообщества, взгляды которых отражались в таких периодических изданиях, как *Wirtschaftsdienst*, осмеливались поднимать вопрос о возможной девальвации. Рассуждая в этом направлении, они начинали сомневаться в необходимости бюрократического контроля, превращавшегося в удушающий корсет для экономики. Повседневные неудобства, связанные с «Новым планом», не говоря уже об экспортном налоге, явно были крайне непопулярны. Но размах споров и дебатов ограничивался целым рядом факторов — не только жестким контролем над СМИ со стороны режима.

Свою роль сыграло несколько препятствий. Гитлер и Шахт, уже весной 1933 г. поставившие свою личную репутацию на стабильность рейхсмарки, делали все возможное для того, чтобы снять тему девальвации с повестки дня. Более того, Шахт в своих спорах с германскими кредиторами эксплуатировал те мыслительные привычки, которые глубоко укоренились в сознании еще со времен репарационных дебатов 1920-х гг. В германских экономических дискуссиях стало традицией считать проблемы платежного баланса страны «структурными», то есть такими, которые Германия не могла решить своими силами⁵⁶. Германская экономика, подобно любой другой современной экономике, не могла обойтись без импорта продовольствия и сырья. Для того чтобы оплачивать их, она должна была что-то экспортировать. А если на пути этого товаропотока вставали протекционизм и девальвации, проводившиеся по принципу «разори соседа», то у Германии не оставалось выхода, помимо все более широкого государственного контроля над импортом и экспортом, который, в свою очередь, вызывал необходимость в других

55. Концентрация власти в руках национального государства предстает единственным моментом, объединявшим всех «национал-социалистов», также и в работе: G. Ambrosius, «Was war eigentliche „nationalsozialistisch“ an den Regulierungsansätzen der dreissiger Jahre?», in W. Abelshauser, J.-O. Hesse, W. Plumpe (eds.), *Wirtschaftsordnung, Staat und Unternehmen: Neue Forschungen zur Wirtschaftsgeschichte des Nationalsozialismus* (Essen, 2003), 41–60.

56. Дискуссия о платежном балансе, которая велась в престижном *Verein für Sozialpolitik*, рассматривается в: R. Meerwarth et al., *Problem der deutschen Zahlungsbilanz* (Munich, 1924). Критический обзор теорий того времени см. в: C.-L. Holtfrehrich, *Die deutsche Inflation 1914–1923* (Berlin, 1980), 154–71.

интервенциях. В этом смысле, несмотря на вопросы о возможной девальвации, резкое усиление государственного контроля могло рассматриваться как неизбежное порождение «исторической необходимости», а не как сознательный политический выбор⁵⁷. В любом случае, учитывая, что в 1934–1935 гг. мировая торговля восстановилась лишь частично, никаких причин для нетерпения не имелось. Предприниматели почти ничего не теряли, ограничивая свои усилия быстрорастущим внутренним рынком Германии. Беспокойство стало остро ощущаться лишь в 1936–1937 гг., когда возникло впечатление, что мировая экономика в конце концов возвращается к процветанию.

Более того, помня о новой расстановке сил в отношениях между государством и бизнесом в начале 1930-х гг., мы не должны попадать в ловушку и считать германский бизнес всего лишь пассивным объектом новой драконовской системы регулирования, созданной режимом⁵⁸. Как мы уже видели, после 1933 г. прибыли быстро росли, что открывало самые радужные перспективы перед руководством немецких корпораций. Сперва прибыль шла на возмещение ущерба, нанесенного депрессией. Затем, начиная с конца 1930-х гг., она использовалась для финансирования грандиозного инвестиционного бума, какого прежде никогда не было в истории германской промышленности⁵⁹. Гитлеровский режим реально позволил германскому бизнесу оправиться от катастрофической рецессии, накопить капитал и принять участие в ускоренном развитии нескольких ключевых технологий, необходимых режиму для решения поставленных им задач: достижения самодостаточности (автаркии) и перевооружения. По сути, технология представляет собой один из ключей к пониманию взаимоотношений между гитлеровским режимом и германским деловым сообществом. В то время как в рамках стратегии Штреземана значение германского бизнеса определялось экономическими факторами — международной конкурентоспособностью и кредитоспособностью гер-

57. Эту точку зрения («историческая неизбежность») активно проталкивал *Institut für Konjunkturforschung* во всех своих изданиях; ее резюме см. в: E. Wagemann, *Zwischenbilanz der Krisenpolitik* (Berlin, 1935).

58. Недооценка влияния бизнеса на режим представляет собой одну из опасностей, связанных с чрезмерно поспешным взятием на вооружение заявления Тима Мэйсона о «примате политики» авторами работ об истории бизнеса в Третьем рейхе. См. этот тезис в исходном виде у: J. Caplan (ed.), *Nazism, Fascism and the Working Class: Essays by Tim Mason* (Cambridge, 1993), 53–76.

59. Статистический обзор см. в: R. Krengel, *Anlagevermögen, Produktion und Beschäftigung der Industrie im Gebiete der Bundesrepublik von 1914 bis 1956* (Berlin, 1958); J. A. Toose, «„Punktülle Modernisierung“: Die Akkumulation von Werkzeugmaschinen im „Dritten Reich“», *Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte*, 1 (2003), 79–98.

манского бизнеса, — Третьему рейху немецкая промышленность в первую очередь была нужна из-за своих производственных ресурсов, как технологических, так и организационных. И если согласно одному из определений «власть» — это способность добиваться намеченных целей, то в этом широком смысле германская промышленность обладала властью и при Третьем рейхе. Несмотря на резкое усиление государственного контроля, промышленники и их управленческий и технический персонал оставались незаменимыми — если не при определении политики развития страны, то по крайней мере при ее осуществлении.

III

Прибыль, политика и технологии никогда не переплетались столь драматическим образом, как в случае германского химического гиганта *IG Farben*. К концу 1930-х гг. *IG Farben* с ее более чем 200 тыс. служащих и активами на общую сумму, превышавшую 1,6 млрд рейхсмарок, являлась одной из крупнейших частных компаний не только в Германии, но и во всем мире. На Нюрнбергском процессе и в дальнейшем ее тесные отношения с нацистским режимом воспринимались как символ соучастия германской промышленности в делах Третьего рейха⁶⁰. Однако с исторической точки зрения альянс между германской химической промышленностью и гитлеровским режимом был уникален и сложился в результате ряда решений, принятых в течение предшествовавших десятилетий⁶¹. До 1914 г. германская химическая промышленность, будучи прогрессивным лидером второй промышленной революции, была глубоко заинтересована в многосторонней торговле и была далека от консервативных позиций по внутренней политике. Ее представители принадлежали к либеральному лагерю германских предпринимателей, и в известной степени эта ситуация сохранялась в 1920-х гг. В промышленных кругах *IG Farben* являлась одним из самых важных союзников Штреземана и его политики выполнения обязательств и не поддерживала противников

60. См. разоблачительную литературу об IG — традицию, которая восходит к: J. Borkin and C. A. Welsh, *Germany's Master Plan: The Story of Industrial Offensive* (London, 1943), и продолжается такими работами, как: J. E. Dubois, *Generals in Grey Suits* (London, 1953), и J. Borkin, *The Crime and Punishment of IG Farben* (London, 1979).

61. Самой лучшей книгой, посвященной IG и вообще бизнесу в Третьем рейхе, является: Hayes, *Industry and Ideology*. В том же ключе написана работа Р. Дж. Стокса в: W. Abelshauser et al., *BASF: The History of a Company* (Cambridge, 2004), 206–361. Менее однозначна работа G. Plumpe, *Die IG Farbenindustrie AG* (Berlin, 1990).

Веймарской республики. IG была глобальным лидером в огромном числе секторов химической и фармацевтической промышленности. Она находилась в равноправных отношениях с могущественной американской *Standard Oil*. Такие более скромные химические компании, как британская ICI и американская *DuPont*, были ей не равня. Хотя депрессия больно ударила по IG, фирма, несомненно, процветала бы буквально при любом режиме, какой только можно вообразить в Германии 1930-х гг. Германская химическая промышленность ни в каком смысле слова не «нуждалась» в Гитлере. И все же в результате ряда технических решений вожди германской химической промышленности входили во все более тесный альянс с германским государством.

Вскоре после начала нового столетия ученые, тесно связанные с IG, приступили к созданию нового поколения химических технологий, и первой из них стало такое яркое достижение, как производство азота по процессу Габера — Боша⁶². Благодаря этой технологии, сделавшей возможным производство взрывчатки и удобрений на местном сырье, германская химическая промышленность (и прежде всего фирма BASF) превратились в оплот германского военного производства во время Первой мировой войны. В 1920-х гг. это движение по пути технологического развития продолжилось усилиями Карла Боша. Именно он стоял за слиянием шести крупнейших химических корпораций Германии, образовавшим *Interessensgemeinschaft (IG) Farben* в 1925 г.⁶³ Бош, добиваясь слияния, по-видимому, имел своей целью сделать предприятие достаточно крупным для того, чтобы оно могло финансировать его технологические разработки, становившиеся все более дорогостоящими⁶⁴. К сентябрю 1923 г. исследовательская группа Боша осуществила синтез метана, а в 1928 г. *IG Farben* (на своем заводе в Лойне под Мерзебургом, в центрально-германском промышленном поясе) приступила к строительству первой в мире установки по гидрогенизации угля — «алхимического» процесса, в результате которого уголь превращался в нефть. Эта программа следовала четкой научной логике. Но в то же время она опиралась на самую современную фобию: что нефть в один прекрасный день кончится. Вложенные в установку в Лойне 330 млн рейхсмарок должны были окупиться после того, как нефтяные скважины опустеют и цены на топливо взлетят до небес.

62. Его разработка описывается в: J. A. Johnson in Abelshauser et al., BASF, 151–76; Hayes, *Industry and Ideology*, 1–19.

63. J. Radkau, *Technik in Deutschland* (Frankfurt, 1989), 263–8.

64. Johnson in Abelshauser et al., BASF, 204; Stokes, *ibid.*, 222–33.

Именно это увлечение химическим синтезом и превратило *IG Farben* в ближайшего и важнейшего союзника гитлеровского режима из числа германских предприятий. Имевшиеся у *IG* технологии давали Германии шанс на независимость от импорта нефти. Более того, исследовательские группы Боша в ближайшем будущем надеялись вслед за гидрогенизацией освоить эффективное массовое производство синтетического каучука — второго ключевого компонента «механизированной» войны. И наоборот, именно громадные инвестиции *IG Farben* в эти технологии служили для корпорации, отличавшейся интернациональным кругозором, мощным стимулом к сотрудничеству с Гитлером и его националистической программой. Ставка Боша на неминуемое истощение нефтяных месторождений обернулась полным провалом. Перспектива нехватки нефти привела к активным усилиям по ее поиску. К концу 1920-х гг. в результате успешного открытия новых месторождений нефти в Венесуэле, Калифорнии, Оклахоме и Пермском нефтегазоносном бассейне на западе Техаса мировой рынок сырой нефти резко раздулся⁶⁵. Более того, в октябре 1930 г. разведывающие нефть наугад предприниматели открыли в восточном Техасе знаменитое месторождение «Черный гигант». В течение нескольких месяцев мировые цены на нефть обрушились, обесценив инвестиции, вложенные *IG Farben* в Лойну. Для Карла Боша это, несомненно, был тяжелый удар. Но *IG*, разумеется, могла обойтись без гидрогенизации. Эту компанию не разорили бы потери в несколько сотен миллионов рейхсмарок. Впрочем, такое отступление полностью противоречило идеям Карла Боша о будущем фирмы, отныне основывавшимся на готовности германского правительства ввести высокие пошлины на импортную нефть⁶⁶. Именно эта необходимость в политическом содействии и побудила *IG* к налаживанию связей с партией Гитлера. Нацисты были известными проповедниками автаркии. Но Гитлер, кроме того, был страстным любителем автомобилей, и *IG* опасалась, что это сделает его сторонником дешевого импортного бензина. Осенью 1932 г., после яркого успеха нацистов на июльских выборах, двое людей из *IG*, имевших связи в ультраправых кругах, были отправлены в Мюнхен проинформировать Гитлера о государственном значении проекта по созданию синтетического топлива.

65. D. Yergin, *The Prize: The Epic Quest for Oil, Money and Power* (New York, 1991), 207–52; Д. Ергин, *Добыча. Всемирная история борьбы за нефть* (М., 1999), 224–278.

66. Британская ICI, которая в 1920-е гг. тоже вела работы по гидрогенизации топлива, также добивалась от британского правительства протекционистских мер; см.: Plumpe, *Die IG Farbenindustrie*, 265–79.

Предпринимая этот шаг, IG стремилась «отбить» свои инвестиции — не более того. Компания хотела прежде всего гарантировать будущее заводу в Лойне и продолжить свою исследовательскую программу, а не вовлечь Германию в выполнение крупномасштабного проекта по обеспечению топливной самодостаточности. Человек, который в первые дни существования гитлеровского правительства активнее всего добивался широких работ в области гидрогенизации топлива, представлял не химическую, а угольную промышленность. Это был Альберт Феглер — генеральный директор гигантского стального и угольного конгломерата *Vestag*, а также председатель наблюдательного совета в RWE — одного из крупнейших в стране производителей электроэнергии. Он был кровно заинтересован в расширении угольного рынка и в налаживании новых связей с химической промышленностью⁶⁷. Феглер, играя на заинтересованности Гитлера в автаркии, предложил план по производству нескольких миллионов тонн синтетического топлива. В условиях политических потрясений 1933 г. дело заняло несколько месяцев. Но 10 августа 1933 г. Феглер получил возможность уведомить профессора Карла Крауха, в рамках программы IG по синтезу топлива заведовавшего технологической частью, о том, что статс-секретарь Эрхард Мильх из Министерства авиации заинтересован в консультациях с IG по вопросу о перспективах снабжения Германии топливом. Два дня спустя Рейхсминистерство экономики заверило *IG Farben* в том, что ей не стоит беспокоиться о коммерческом будущем завода в Лойне:

Мы, национал-социалисты, намерены всемерно расширять германскую сырьевую базу <...> с этой точки зрения наше желание развивать производство нефти из германского сырья становится принципиально важным. С чисто экономической точки зрения было бы неправильно производить в стране нефть по цене в 19 пфеннигов, в то время как ее рыночная цена составляет 5 пфеннигов. Но я заявил импортерам: «Каким образом вы можете гарантировать, что в мире не начнется война?» Для нас, национал-социалистов, помимо экономических критериев <...> решающими являются военные соображения. Поэтому я намерен всеми средствами способствовать производству топлива из германского сырья и дать необходимые гарантии цен и продаж⁶⁸.

67. Источником этого ключевого соображения в первую очередь служит работа Mollin, *Montankonzerne*, 64–7. Комментарий того времени о создании новой оси с участием угольной и химической промышленности см. в: *Der Deutsche Volkswirt*, 3.06.1932, 1185–7.

68. Plumpe, *Die IG Farbenindustrie*, 272. Готтфрид Федер, автор этого нацистского мани-

К концу года при активном содействии со стороны Министерства авиации и армии Рейхсминистерство финансов наконец определило условия так называемого Бензинового контракта (*Benzinvertrag*). Его суть заключалась в том, что IG обязывалась довести объемы своего производства в Лойне до 350 тыс. тонн в год, в ответ на что Рейх гарантировал IG прибыль в размере не менее 5%. В том случае, если рыночные цены снизятся из-за дешевого импорта, Рейх должен был обеспечить прибыльность завода в Лойне с помощью субсидий. С другой стороны, любую прибыль, превышающую 5%, следовало передать Рейху. Сперва Рейхсминистерство финансов не желало давать таких гарантий, опасаясь, что производство в Лойне никогда не окупится. Но оно могло не волноваться. Начиная с 1936 г. Лойна давала большую прибыль, основная часть которой доставалась Рейху. Именно *IG Farben*, а не Рейху, пришлось сожалеть об условиях «Бензинового контракта».

Гитлера и сторонников перевооружения беспокоили главным образом не финансовые условия сделки, а недостаточные объемы производства в Лойне: 350 тыс. тонн в год представляли собой лишь крохотный шаг к самодостаточности. В начале 1934 г. Гитлер лично начал добиваться принятия более обширной программы. Его желание исполнилось после того, как Ялмар Шахт возглавил РМЭ в августе 1934 г., в разгар катастрофического валютного кризиса. 21 сентября Шахт провел в Берлине совещание ведущих промышленников в области производства угля и минерального топлива и сообщил им, что сложившаяся в стране ситуация с иностранной валютой требует резкого расширения отечественных мощностей по производству топлива⁶⁹. В то время, даже при существовавших низких мировых ценах, импорт нефти и нефтепродуктов обходился Германии в 200 млн рейхсмарок ежегодно. Как уже продемонстрировал пример Лойны, гидрогенизационные установки были чрезвычайно дорогими. По оценкам Шахта, первый этап расширения производства требовал затрат в сумме от 250 до 300 млн рейхсмарок. Государство, разумеется, могло дать такие деньги. Но у Рейха имелись и другие безотлагательные статьи расходов. Поэтому Шахт воззвал непосредственно к интересам производителей угля. Они «получают большую прибыль и хорошо за-

феста, был направлен в РМЭ в качестве статс-секретаря, но вскоре Шахт оттеснил его в сторону.

69. О дальнейшем см. в: T. Bülow, F. Bindernagel, *Ein KZ in der Nachbarschaft: Das Magdeburger Aussenlager der Brabag und der «Freundeskreis Himmler»* (Cologne, 2003), 9–68; W. Birkenfeld, *Der synthetische Treibstoff 1933–1945* (Göttingen, 1964), 35–48.

рабатывают на естественных ресурсах, которые на самом деле принадлежат народу. И теперь они должны внести свой вклад. Хорошо известно, что ряд корпораций по добыче бурого угля располагает значительными средствами. Тем компаниям, у которых не имеется свободных денег, следует взять займы». Вероятно, нет ничего удивительного в том, что промышленников взяла оторопь. В их глазах гидрогенизация угля была экономически неоправданным процессом, а выделение таких больших сумм помешало бы им воспользоваться другими возможностями, открывавшимися в ходе экономического возрождения. Но Шахт не отступал. Не сумев добиться добровольного согласия, он поручил министерству разработать проект указа о создании принудительных экономических ассоциаций в области добычи бурого угля (*Verordnung über die Errichtung wirtschaftlicher Pflichtgemeinschaften in der Braunkohlenwirtschaft*). Десяти ведущим угледобывающим корпорациям 25 октября 1934 г. было предписано «объединиться» в *Braunkohlenbenzin AG (Brabag)*. Каждая из них должна была выписать чек не менее чем на 1 млн рейхсмарок, доступных для немедленного использования. После того как в ноябре в это объединение вступило еще несколько угольных компаний, Шахт пригрозил всем, отказывавшимся сотрудничать, неограниченными штрафами и тюрьмой. Для того чтобы удовлетворить потребности армии, к 1936 г. в действие должны были вступить три новых завода синтетического топлива, построенные по лицензии *IG Farben*.

С целью гарантировать соблюдение этих сроков во главе *Brabag* были поставлены не его недовольные хозяева, а отборная команда менеджеров, чья репутация гарантировала, что график будет выдержан. Роль технического советника исполнял Карл Краух из *IG*⁷⁰. Надзор за выполнением срочной строительной программы осуществлял Генрих Коппенберг — инженер, при-

70. Карл Краух (1887–1968) в 1912 г. поступил на завод BASF в Людвигсхафене в качестве дипломированного химика. Благодаря своей блестящей работе в области синтеза азота во время Первой мировой войны он быстро поднимался по служебной лестнице, сперва став техническим директором завода в Людвигсхафене, а затем генеральным менеджером завода *Ammoniakwerk Merseburg* в Лойне. В 1925 г. он вошел в совет директоров *IG Farben* в качестве заместителя директора. Полноправным членом совета он стал в 1934 г. вследствие ключевой роли, которую сыграл, налаживая связи компании с молодой нацистской диктатурой. По-видимому, Краух был тесно связан с Альбертом Феглером. Не исключено, что Краух отдавал все больше усилий автаркическим программам режима, а не делам своей компании, вследствие разочарования, вызванного тем, что не его выбрали председателем совета директоров *IG* (после того, как Карл Бош весной 1935 г. подал в отставку). См.: Hayes, *Industry and Ideology*, 156–8.

званный из конгломерата Флика и в своей работе на *Junkers* проявивший себя в качестве одного из застрельщиков грандиозной промышленной экспансии люфтваффе. Интересы военных представлял отставной генерал Альфред фон Фоллард-Бокельберг, бывший глава интендантской службы, давно занимающийся секретным перевооружением армии. Повседневная деятельность *Brabag* контролировалась Фрицем Кранефуссом (1900–1945?). Его предки были производителями сигар из Херфорда в Вестфалии, а сам он после недолгой службы на императорском флоте и во «Фрайкоре» приступил к практическому изучению коммерции. Впрочем, его главным капиталом являлись политические связи. Он был племянником Вильгельма Кепплера, личного экономического советника Гитлера, и с 1932 г. состоял в Нацистской партии. Кранефусс тесно сотрудничал с Генрихом Гиммлером и получил место в аппарате Рудольфа Гесса, второго человека в партии. Назначение Кранефусса в качестве главы *Brabag* было одобрено самим Гитлером на встрече с Шахтом и Кепплером в начале ноября 1934 г. Сам Кепплер возглавил наблюдательный совет *Brabag*. Для того чтобы успокоить зарубежных инвесторов, владевших паями в германской угольной промышленности, Шахт отрядил в совет директоров *Brabag* своего доверенного сотрудника Гельмута Вольтата. Окончательно выработанные весной 1936 г. коммерческие условия, на которых работал *Brabag*, были не менее выгодны для Рейха, чем те, на которые в 1933 г. согласилась *IG Farben*. Государство гарантировало акционерам *Brabag* возмещение убытков от основной деятельности компании (если они возникнут). Кроме того, давалась гарантия покрытия тех сотен миллионов рейхсмарок, которые *Brabag* был вынужден взять займы для финансирования своего головокружительного расширения. Но норма прибыли была установлена на уровне в 5%, и все заработанное сверх этого предела причиталось Рейху. Однако на практике вся прибыль безжалостно вкладывалась в дальнейшее развитие. К 1939 г. за *Brabag* числились активы на общую сумму в 350 млн рейхсмарок. Подневольные инвесторы так и не дождались никаких дивидендов, но Третий рейх сильно продвинулся в сторону важной для него автаркии (см. Приложение, таблица А2).

IV

Подобно химической промышленности, стальной сектор в 1920-х гг. также претерпел драматический процесс консолидации. Его итогом стало создание *Vereinigte Stahlwerke* (сокращенно

Vst или *Vestag*) — корпоративного гиганта, не уступавшего в размерах *IG Farben* и в мировом рейтинге сталеплавильных компаний стоявшего на втором месте после могущественной *US Steel*⁷¹. Однако в рамках немецкой сталеплавильной отрасли *Vestag* занимал намного более скромные позиции, чем *IG Farben* — в химической промышленности. Конкурентами *Vestag* были *Krupp*, *Flick*, *ГНН*, *Klöckner*, *Mannesmann*, *Hösch* и *Röchling*. Каждая из этих фирм обладала теми или иными уникальными технологиями; помимо этого, многие из них проявляли интерес к машиностроению и другим смежным отраслям. Но все они выплавляли чугун и сталь. Фундаментом для этой олигополистической структуры в сталеплавильном секторе служила не менее запутанная структура угольного сектора, тесно связанного со стальным⁷². В результате сложилась чрезвычайно сложная картина, до сих пор остающаяся слабоизученной⁷³. Более того, уже в самые первые месяцы существования Третьего рейха стала очевидной вся проблематичность выявления единой позиции тяжелой индустрии по отношению к гитлеровскому режиму.

И Крупп, и Фриц Тиссен, и Альберт Феглер принимали самое непосредственное участие в событиях, произошедших после 30 января 1933 г. Но каждый из них гнул свою линию. Густав Крупп (1870–1950) не только руководил четвертой по величине германской корпорацией; к моменту захвата Гитлером власти он еще и возглавлял ассоциацию промышленников Германии. Если верить самой свежей биографии Круппа, первоначально он с недоверием относился к гитлеровскому режиму и прежде всего был озабочен сохранением независимости этой главной ассоциации германских бизнесменов⁷⁴. В этом его, по-видимому, поддерживали другие представители старой предпринимательской гвардии — в первую очередь Пауль Ройш, генеральный управляющий ГНН, и Карл Фридрих фон Сименс⁷⁵. По-видимому, Крупп даже подумывал о возврате к стратегии, которой придерживалась немецкая промышленность перед лицом ре-

71. Reckendrees, *Das «Stahltrust-Projekt»*; A. Chandler, *Scale and Scope: The Dynamics of Industrial Capitalism* (Cambridge, Mass., 1990), 550–58.

72. J. R. Gillingham, *Industry and Politics in the Third Reich: Ruhr Coal, Hitler and Europe* (London, 1985).

73. Поразительно, но у нас по-прежнему отсутствует всеобъемлющее описание промышленности Третьего рейха. Наилучшим руководством по этой теме служит: Mollin, *Montankonzerne*.

74. Abelshauser, «Gustav Krupp».

75. Лучшей из недавних работ, посвященных Паулю Ройшу, является: C. Rauh-Kühne, «Zwischen „verantwortlichem Wirkungskreis“ und „häuslichem Glanz“: Zur Innenansicht wirtschaftsbürglicher Familien im 20. Jahrhundert», in Ziegler (ed.), *Grossbürger und Unternehmer*, 215–48. В иных отношениях приходится по-преж-

волюции 1918 г. Эта стратегия включала альянс с германским профсоюзным движением как способ заявить о независимой позиции частной индустрии по отношению к гражданской войне, угрожавшей разразиться между нацистами и коммунистами. Однако весной 1933 г. эти попытки оказались еще более эфемерными, чем после Первой мировой войны. Нацисты приняли бесповоротное решение уничтожить германское профсоюзное движение, и Крупп, как председатель ассоциации промышленников Рейха, пал жертвой интриги, проведенной Фрицем Тиссенем (1873–1951). Тиссен, наследник одного из крупнейших состояний Рура, больше всех выиграл от слияния, в результате которого был создан *Vestag*. С начала 1930-х гг. он был одним из немногих по-настоящему восторженных сторонников Гитлера в кругах крупного бизнеса⁷⁶. Однако в данном отношении мотивы Тиссена были вполне бескорыстны. Он на самом деле был вдохновлен корпоративизмом, впервые опробованным в фашистской Италии. Характерной чертой этой модели являлось то, что и наниматели, и работники становились членами единой организации — таким образом, социальное единство насаждалось по указу государства. Неудивительно, что этот подход не нашел поддержки у таких зубров немецкого капитализма, как Крупп и Ройш. Кроме того, социальный романтизм Тиссена не импонировал ни Курту Шмитту из Рейхсминистерства экономики, ни Шахту, стоявшему во главе Рейхсбанка. Поэтому и Крупп, и Тиссен оказались исключены из новой структуры индустриальных организаций, созданной Шахтом зимой 1934–1935 гг. в рамках выполнения «Нового плана».

Однако на уровне корпораций и *Krupp*, и *Vestag* сумели более чем комфортабельно устроиться при новом режиме. Неудивительно, что обе крупнейшие германские сталеплавильные фирмы стали членами-основателями *Mefo*. К началу 1936 г. на военные заказы уже приходилось 20% продаж *Krupp*, причем заказы поступали как на *Gusstahlfabrik* в Эссене, так и на принадлежавший Круппу завод *Gruson* в Саксонии, занимавшийся производством брони и сложных конструкций для флота⁷⁷. Самой проблемной частью империи Круппа являлась корабле-

нему полагаться на: E. Maschke, *Es entsteht ein Konzern: Paul Reusch und die GHH* (Tübingen, 1969).

76. См.: Turner, *German Big Business*, 145–8, 264–5, а также новейшую работу: E. O. Eglau, *Fritz Thyssen* (Berlin, 2003).

77. W. Abelshauser, in L. Gall (ed.), *Krupp im 20. Jahrhundert* (Berlin, 2002), 328–33. Статистика, которая приводится у Абельсхаузера, относится только к заводу *Gusstahlfabrik* в Эссене, чья производственная программа была более широкой, чем у *Krupp-Gruson*.

строительная верфь *Germaniawerft* в Киле, на протяжении всех 1920-х гг. приносившая огромные убытки. Именно на ней было развернуто производство германских подводных лодок во время Первой мировой войны и ее не закрывали лишь в надежде на новые заказы со стороны ВМФ. Как мы уже видели, перевооружение флота первоначально отставало от перевооружения армии и люфтваффе. Но к осени 1933 г. Эссен по крайней мере получил заверения в том, что флот испытывает «серьезную заинтересованность» («ernstes Interesse») в выживании *Germaniawerft*. А в августе 1934 г. терпение Круппа было наконец вознаграждено заказом на постройку 6 малых подлодок, за которым через несколько месяцев последовал контракт на 5 эсминцев и первую серию подлодок U-VII, которые впоследствии стали стандартными подлодками германского флота⁷⁸. Так как завод *Gruson* тоже получил уведомление о крупных заказах на броню, то к концу 1934 г. перед всеми отделениями империи Круппа по крайней мере замаячила возможность получить прибыль.

Vestag, как и *Krupp*, в годы депрессии понесла тяжелые убытки и стремилась получить военные заказы. Но у нее имелись еще более насущные, чем у *Krupp*, причины для достижения дружественного *modus vivendi* с новым режимом. После того как Гитлер в 1933 г. прочно взял власть в свои руки, самой неотложной задачей для руководства *Vestag* стала гладкая реприватизация паев, в начале 1932 г. перешедших в собственность государства. Тиссена в этих усилиях поддерживал Альберт Феглер (1877–1945), председатель совета директоров *Vestag*, принимавший активное участие в *Machtergreifung*⁷⁹. Феглер начал свою карьеру скром-

78. Убыточность и низкая загруженность верфи «Германия» даже в конце 1930-х гг. подчеркивается в: *ibid.*, 344–7. Более точную оценку значения этой верфи с точки зрения истории германского подводного флота и, в частности, создания серии U-VII, см.: E. Rössler, *Die deutschen U-Boote und ihre Werften* (Koblenz, 1990), 38–90; E. Rössler, *Geschichte des deutschen U-Bootbaus* (Augsburg, 1996), I. 162–70.

79. Опять же, у нас нет надежной биографии Феглера. Восторженное, почти агнографическое описание его жизни см. в: G. von Klass, *Albert Vögler* (Tübingen, 1957). Ключевое положение Феглера в германском бизнесе недавно подтвердил количественный сетевой анализ, проделанный Мартином Фидлером. В выборке, включающей от 3 тыс. до 4 тыс. членов советов директоров 354 крупнейших публичных германских компаний по состоянию на 1927 и 1938 гг., Феглер оказался восьмой из самых «центральных» фигур в 1927 г. и обладателем наиболее обширных связей в 1938 г. Помимо этого, Феглер является одним из всего двух человек, фигурирующих в списках и за 1927 г., и за 1938 г. Вторым стал Эмиль Георг фон Штраусс из *Deutsche Bank-Daimler-Benz*, который был одиннадцатым в 1927 г. и восьмым в 1938 г. См.: M. Fiedler and B. Lorentz, in Berghahn, Unger and Ziegler (eds), *Die deutsche Wirtschaftselite*, 51–74.

ным инженером и получил известность как один из наиболее способных помощников Гуго Стиннеса. После смерти Стиннеса в апреле 1924 г. Феглер стал виднейшей фигурой в немецкой тяжелой промышленности и одним из архитекторов *Vestag*. В 1933 г. именно Феглер обратился к Гитлеру с грандиозным предложением о создании новой топливной индустрии на основе угольной отрасли. Этот план явно замышлялся как одно из мероприятий в рамках общей реорганизации угольной промышленности, включавшей также печально известные маневры, в результате которых Пауль Сильверберг, ведущий еврейский промышленник Германии, лишился контроля над производителем лигнита *Rheinbraun* и отправился в изгнание в Швейцарию⁸⁰. Весной 1933 г. Феглер был награжден за свое сотрудничество назначением в наблюдательный совет государственного промышленного холдинга VIAG. Когда же Шахт стал искать промышленника, которому можно было бы поручить надзор за банками, Феглер стал очевидной кандидатурой⁸¹. Помимо того, что акции *Vestag* без особых эксцессов вернулись в частные руки, крупнейшая сталеплавильная фирма Германии еще и заняла командные высоты в новой организационной структуре, созданной Шахтом для стальной отрасли⁸². Во главе деловых групп для литейных заводов и горной промышленности встали люди, связанные с *Vestag*, а главой деловой группы для самой сталеплавильной индустрии Шахт назначил Эрнста Пенсгена (1871–1949). Пенсген, родившийся в семье рурских промышленников, с 1926 г. был заместителем Феглера в *Vestag* и являлся там ведущим специалистом по картелям⁸³. С 1930 г. он возглавлял германский стальной картель и председательствовал в региональном совете рурской тяжелой промышленности. Однако куда более важной оказалась роль, которую Пенсген сыграл в создании Международного стального картеля в 1926 г., а также его чрезвычайно тесные связи с люксембургским стальным гигантом ARBED и его директором Алоизом Майером. В 1935 г. Пенсген оказался очевидным кандидатом в качестве преемника Альберта Феглера как главы *Vestag*, когда Феглер «получил повышение», войдя в состав наблюдательного совета.

В то время как навыки Феглера как переговорщика позволили провести *Vestag* сквозь политические пертурбации *Macht-*

80. Neebe, *Grossindustrie*, 189–91.

81. M. Pohl, VIAG (Munich, 1998), 112–13; Kopper, *Zwischen Marktwirtschaft und Dirigismus*, 89.

82. Eckert, «Die Leiter und Geschäftsführer», II.

83. Mollin, *Montankonzerne*, 40–42.

ergreifung'а, задача получения щедрых военных заказов была поручена дочерним структурам корпорации. В первую очередь речь шла о *Bochumer Verein*, во главе с Вальтером Борбетом (1881–1942), и *Deutsche Edelstahlwerke* — компании, специализировавшейся на производстве высококачественной стали, чей молодой начальник Вальтер Роланд (1898–1981) явно метил очень высоко. Борбет и Роланд представляли два поколения рурского милитаризма от металлургии. Борбет принадлежал к «державникам» старой школы⁸⁴. Кроме того, он был увлеченным производителем оружия, всю жизнь завидовавшим Круппу с его претензиями на приоритет в этой сфере. Во время Первой мировой войны Борбет первым наладил производство дешевой пушечной стали, требовавшей минимума импортных сплавов, а в 1920-е гг. он превратил *Bochumer Verein* в один из центров по освоению центробежного литья — революционного процесса, в ходе которого пушечные стволы, прежде производившиеся путем высверливания стальных болванок, отливались из расплавленного металла. Для Вальтера Роланда возрождение немецкой армии было не менее лично важным, чем для Борбета⁸⁵. В 1916 г. Роланд подростком-добровольцем вступил в инженерный корпус и принял участие в последних этапах битвы при Вердене. Он остался в живых, но его любимый брат Фриц погиб рядом с ним в бою в мае 1917 г. 1918 год вовсе не стал для Роланда концом войны. Некоторые из наиболее ярких эпизодов в его мемуарах связаны с его противодействием оккупации Рура французами в 1923 г. Когда Гитлер в 1935 г. открыто объявил о перевооружении Германии, Роланд, занимавший в тот момент ответственную должность в *Vestag*, немедленно воспользовался возможностью и продолжил свою военную карьеру, вступив в 11-й танковый полк в качестве капитана запаса и с энтузиазмом принимая участие в маневрах. Таким образом будущий генеральный директор *Vestag* лично ознакомился с машинами, благодаря которым он получил прозвище Танковый Роланд.

Борбет, в свою очередь, в 1933 г. едва мог сдержать свой восторг. Уже через несколько месяцев после захвата власти нацистами он активно обсуждал заказы *Mefo* с Эрхардом Мильхом из Министерства авиации и генералом Бломбергом. В 1934 г. он удостоился первой личной беседы с Гитлером, на которой обсуждались вопросы перевооружения, а в 1935 г. принимал

84. W. Weber, «Walter Borbet (1881–1942)», in W. Weber (ed.), *Ingenieure im Ruhrgebiet* (Münster, 1999), 224–56; G. H. Seebold, *Ein Stahlkonzern im Dritten Reich: Der Bochumer Verein 1927–1945* (Wuppertal, 1981), 239–45.

85. W. Rohland, *Bewegte Zeiten: Erinnerungen eines Eisenhüttenmannes* (Stuttgart, 1978).

в Бохуме не только генерала Бломберга (министра обороны), но и Геринга (ВВС), адмирала Редера (флот), генерала Фрича (армейского главнокомандующего) и самого Гитлера. В 1934 г. по предложению вермахта *Bochumer Verein* приобрел обанкротившуюся машиностроительную фирму HANOMAG с тем, чтобы развернуть на ее мощностях производство артиллерии⁸⁶. И Борбет был вознагражден за свой энтузиазм стабильным потоком военных заказов: их стоимость выросла от 30 млн рейхсмарок в 1934 г. до 50 млн марок в следующем году, почти догнав стоимость заказов, полученных Круппом. Пусть Борбет и *Bochumer Verein* не были создателями пушек для вермахта, но именно успехи Борбета в разработке технологии центробежного литья позволили наладить недорогое массовое производство знаменитых 88-мм зенитных пушек, разработанных совместно фирмами *Krupp* и *Rheinmetall*. В свою очередь, усилиями Вальтера Роланда предприятие *Deutsche Edelstahlwerke* превратилось в главного кандидата на производство корпусов танков. Завод в Крефельде не только выпускал высококачественную электросталь, но и стал мировым лидером в освоении сложной технологии сварки броневых плит — настоящий прорыв в производстве современных танков.

Общей чертой в карьере Борбета и Роланда в металлургии было их увлечение производством высококачественной электростали, без которой перевооружение было бы невозможно⁸⁷. Если рассматривать только голые цифры производства угля и стали, то можно получить неожиданное впечатление, что германская тяжелая промышленность довольно неохотно участвовала в перевооружении (см. Приложение, таблица А2). Добыча угля сильно отставала от общего роста промышленного производства, а производство стали возрастало не слишком-то стремительными темпами. Не составит труда найти и причину такой медлительности. Еще с начала 1920-х гг. рурские управляющие пытались что-то сделать с хроническим переизбытком мощностей — наследием «сверхинвестиций» времен Первой мировой войны и последовавшей гиперинфляции⁸⁸. Перед лицом оружейного бума 1930-х гг. они не собирались повторять свою

86. Schulz, *Nicht die Zeit, um auszuruhen*, 480–82; Seebold, *Ein Stahlkonzern*, 74–7.

87. Резюме состояния дел в этой сфере, составленное Роландом, см. в: Rohland, «Die Entwicklung des Lichtbogen-Elektrostahllofens zum Grossraumofen und seine metallurgische Anwendung», *Stahl und Eisen*, 61 (1941), 1–12. Роланд критически относился к так называемому дуплекс-процессу, которому отдавал предпочтение Борбет.

88. Это важнейший вывод, к которому приходит автор работы Reckendrees, *Das «Stahltrust-Projekt»*.

ошибку. Однако совокупные цифры дают лишь одну часть картины. Несмотря на то что опасения в отношении избыточных мощностей, возможно, сдерживали общий рост производства в некоторых ключевых отраслях тяжелой промышленности — и в первую очередь в производстве специальной электростали, — они не сопровождались конфликтом интересов между нуждами перевооружения и стремлением промышленников к получению прибыли. Высококачественная электросталь требовалась для перевооружения и в то же время сулила большие барыши в будущем. Если производство обычной стали в Германии даже в лучшие годы едва достигало половины объемов производства в США, то в области производства электростали Германия к 1939 г. сравнялась с Америкой⁸⁹. Под предводительством Борбета и Роланда объемы выпуска специальной высококачественной стали с 1929 по 1939 г. увеличились в семь раз.

V

В отличие от химической и сталеплавильной отраслей, в которых режиму приходилось иметь дело с крупными устоявшимися производителями, наиболее радикально государство вмешалось в работу незначительного по масштабу сектора (на 1933 г.). История авиационной промышленности в Третьем рейхе заслуживает того, чтобы на ее примере изучать всю индустриальную историю режима⁹⁰. В 1932 г. в немецкой авиационной промышленности было занято 3200 человек, производивших не более сотни самолетов в год. Менее чем за десять лет режим, потратив миллиарды рейхсмарок, создал мощную индустрию по производству самолетов и авиадвигателей. Она давала работу не менее четверти миллиона человек и была способна ежегодно выпускать более 10 тыс. самых современных военных самолетов в мире. Из всех последствий перевооружения для промышленности это было наиболее масштабным. С авиационным производством были непосредственно связаны группа Флика, *Deschimag*, *Henschel* и *Blohm & Voss*, входившие в список ста крупнейших фирм Германии⁹¹. Аналогичным образом, *Daimler-Benz* и BMW,

89. F. Sommer and H. Pollack, *Elektrostahlerzeugung* (Düsseldorf, 1950), 10–14; E. Plöckinger and O. Etterich, *Electric Furnace Steel Production* (Chichester, 1985), 4–7.

90. Этот момент был впервые высокопарно обозначен в: L. Budrass, *Flugzeugindustrie und Luftrüstung in Deutschland* (Düsseldorf, 1998). См. также: E. L. Homze, *Arming the Luftwaffe* (Lincoln, Nebr., 1976). Следующий раздел, за исключением особо оговоренных мест, основывается на этих работах.

91. M. Fiedler, «Die hundert grössten Unternehmen in Deutschland — nach der Zahl ihrer

известные в первую очередь своими автомобилями и мотоциклами, занимали заметные места в этом рейтинге, главным образом благодаря быстрому росту производства авиамоторов. Другие детали для стремительно расширявшихся сил люфтваффе поставляли *Siemens* и *АЕG*, как непосредственно, так и через находившееся в их совместном владении дочернее предприятие *Telefunken*. Кроме того, крупными поставщиками для люфтваффе являлись *ITT-Lorenz*, *Bosch* и *Vereinigte Deutsche Metallwerke* (последние находились под контролем *Metallgesellschaft*). Алюминий и магний поставляли *Vereinigte Aluminiumwerke*, которыми владели государственный холдинг *VIAG* и *IG Farben*. Производством высококачественных стальных отливок для авиации занимались *Deutsche Edelstahlwerke* Роланда и *Krupp*. Но наряду со вкладом, внесенным этими индустриальными корпорациями, работавшими в самых разных секторах, поражает то, что в списке крупнейших германских корпораций конца 1930-х гг. присутствует не менее шести специализированных авиастроительных предприятий, ни одно из которых в 1933 г. не входило даже в список 500 крупнейших фирм. К 1938 г. *Junkers*, еще не вступив в самый драматический период расширения производства, уже стоял рядом с *Daimler-Benz* в качестве 12-го из крупнейших частных нанимателей Германии. Ниже в этом списке присутствовали *Arado*, *Heinkel*, *Dornier*, *Focke-Wulf* и фирма *Bayerische Flugzeugwerke*, более известная как *Messerschmitt*.

В отличие от судостроительных предприятий, производивших пушки и танки, авиазаводы почти не занимались выпуском гражданской продукции⁹². Выпускавшиеся этими заводами военные самолеты к концу 1930-х гг. не имели практически никакой коммерческой ценности. Для всех занятых на обширных специальных производственных мощностях, созданных усилиями Министерства авиации, не существовало никакой альтернативной работы в гражданском секторе. Хотя все эти фирмы, кроме *Junkers*, номинально принадлежали частным лицам, все они были детищами Рейхсминистерства авиации и его директора, статс-секретаря Эрхарда Мильха. Поэтому в принципе крупнейший из новых промышленных секторов Германии не просто находился под контролем государства. Он появился на свет благодаря государственной инициативе, государствен-

Beschäftigten — 1907, 1938, 1973, 1995», *Zeitschrift für Unternehmensgeschichte*, 44 (1999), 32–66; «Nachtrag», *ibid.*, 235–42.

92. Из числа других сколько-нибудь крупных промышленных фирм единственной, в той же степени зависевшей от заказов вермахта, была *Rheinmetall*, но даже у нее в 1938 г. на вооружение приходилось всего 57% оборота. См.: Imperial War Museum (далее IWM), FD717/46, box 248, *Rheinmetall reports*.

ному финансированию и государственному руководству. Более того, в его основе лежал один из наиболее вопиющих случаев насилия по отношению к бизнесменам-неевреям в истории Третьего рейха. Рано утром 17 октября 1933 г. д-р Гуго Юнкерс был арестован в своем загородном доме в Байришцелле по обвинению в измене⁹³. Юнкерс был одним из создателей германской авиации, прославленным инженером, сконструировавшим на своем заводе в Дессау первый в мире цельнометаллический самолет. Завод Юнкерса при его скромных размерах был крупнейшим авиастроительным предприятием в Германии. Существует мнение о том, что фирму Гуго Юнкерса экспроприировали из-за его интернационалистических и пацифистских наклонностей. Но на самом деле Юнкерс был консервативным националистом, с готовностью принявшим участие в перевооружении. Причиной постигших его неприятностей служило лишь то, что он владел крупнейшим в Германии авиазаводом, на который позарились Геринг и его статс-секретарь Эрхард Мильх. В 1920-е гг. Юнкерс конфликтовал с германскими военными по вопросу о будущем развития ВВС. Новые власть имущие не собирались вступать с ним в дискуссии. После суток, проведенных в полицейском участке, Юнкерс согласился передать свою фирму государству. Управление ею было доверено Генриху Коппенбергу (1880–1960), ветерану индустриального конгломерата Флика, который, подобно Крауху в химической промышленности и Фоглеру и Борбету в сталелитейной отрасли, сделал себе имя на поставках вооружений во время Первой мировой войны⁹⁴. В наблюдательном совете *Junkers* его поддерживали Гельмут Ренерт, вскоре после этого возглавивший контролировавшуюся государством фирму *Rheinmetall*, Карл Раше, Эмиль Майер из подконтрольного государству *Dresdner Bank* и вездесущий Вильгельм Кепплер. То, что тот же самый тандем Кепплер — Коппенберг сыграл ключевую роль в создании фирмы *Brabag*, занимавшейся производством синтетического топлива, явно не было случайностью.

Опираясь на *Junkers*, Мильх и Министерство авиации резко увеличили мощности по производству самолетов и авиамооторов. Представителей германской авиапромышленности ознакомили с новым раскладом на совещании, состоявшемся в Берлине 20 октября 1933 г., через два дня после экспроприации *Junkers*⁹⁵.

93. Budrass, *Flugzeugindustrie*, 321–33.

94. Ibid., 326–8.

95. H. Pophanken, *Gründung und Ausbau der «Weser»-Flugzeugbau GmbH 1933 bis 1939* (Bremen, 2000), 34–5.

В торжественной тишине приветствовав авиапромышленников поднятой в салюте руке, Геринг объявил им о намерении Гитлера в течение следующих 12 месяцев вновь сделать Германию великой авиационной державой. Каждая авиастроительная фирма должна была дать согласие на интеграцию в общую структуру, разработанную РМА. Первая производственная программа опиралась на существующие конструкции: *Junkers* и *Dornier* создавали первые соединения бомбардировщиков, а *Arado* и *Heinkel* отвечали за истребители, разведчики, штурмовики и учебно-тренировочные самолеты. От старых производителей требовалось участвовать в «подготовке» новых авиазаводов. Под строгим надзором со стороны министерства отрасль развивалась с невероятной скоростью: в январе 1933 г. в ней насчитывалось менее 4 тыс. занятых, а два года спустя уже почти 54 тыс. Вместе с тем Министерство авиации выдавало заказы на создание совершенно нового поколения самолетов и авиадвигателей. Именно после 1935 г., во время второй фазы экспансии, *Junkers*, *Dornier* и *Heinkel* зарекомендовали себя в качестве ведущих разработчиков бомбардировщиков, а Вилли Мессершмитт с его заводом BFW занял доминирующие позиции в сфере разработки и производства истребителей. Другие авиапроизводители были сгруппированы вокруг этих «передовиков»: каждая из них была приписана к головному заводу, ответственному за организацию снабжения, подготовку рабочей силы и поставки деталей и креплений, требовавшихся для производства и точной сборки авиационных узлов. К весне 1938 г. почти 120 тыс. человек было занято в производстве планеров самолетов, 48 тыс. — в производстве авиационных двигателей, и еще 70 тыс. — в оснащении самолетов и их ремонте.

Создание этой производственной базы, очевидно, являлось крайне дорогостоящим мероприятием, и РМА, судя по всему, надеялось на то, что ему удастся мобилизовать значительные объемы частного капитала. Число фирм, вошедших в 1933 г. в эту отрасль, действительно обнадеживало. В число тех, кто желал строить самолеты, входили индустриальный конгломерат Флика, производитель локомотивов *Henschel* и верфи *Blohm* и *Deschimag*. Однако эта первая волна энтузиазма не привела к самоподдерживающемуся росту частных инвестиций. Хотя все работавшие на люфтваффе фирмы, кроме *Junkers*, находились в частном владении, расширение их мощностей происходило почти исключительно за счет РМА. В условиях общего возрождения германской экономики и создававшихся при этом альтернативных инвестиционных возможностей вкладывать большие средства в отрасль, где действовало слишком много фирм и почти цели-

ком зависевшую от непредсказуемого потока государственных заказов, было просто неоправданно с коммерческой точки зрения. В середине 1930-х гг. РМА даже пыталось продать *Junkers* — алмаз в короне авиационной промышленности — стальному гиганту *Vestag*, но бухгалтеры «Стального треста» отвергли это предложение, сочтя его чрезмерно рискованным. Показательным было решение *Siemens* продать BMW свой бизнес по производству радиальных двигателей⁹⁶. С учетом доходного положения *Siemens* в сфере производства электронных компонентов и средств связи эта фирма была только рада прервать рискованные отношения с люфтваффе. Ни в одном из этих случаев отказ от дальнейшего участия в оружейном буме не имел никакого отношения к политическим взглядам. Он просто отражал ненадежность авиационного сектора как источника прибылей. Все параметры деловых отношений в этом секторе определялись государством и могли быть изменены Министерством авиации по своему желанию. Выход на этот рынок подвергал фирму громадному риску, если только расширение производственных мощностей не финансировалось самим государством. А именно этим и занималось Министерство авиации при посредстве так называемого Аэробанка, бывшего источником средств для всего авиационного сектора.

Кроме того, государство создавало и другие условия, принципиально важные для развития люфтваффе. 10 июня 1936 г. Министерство авиации подписало второй крупный контракт с *IG Farben*, на этот раз на строительство завода в Лойне, способного ежегодно выдавать 200 тыс. тонн авиационного топлива. В качестве добавки, повышавшей октановое число топлива, использовался крайне токсичный тетраэтилсвинец, доступный благодаря соглашению об обмене патентами между *IG* и фирмой *Standard Oil of New Jersey*⁹⁷. *Standard Oil* передала технологию в Лойну, невзирая на протесты Госдепартамента в Вашингтоне. В ответ на это, причем с полного согласия германских властей, *Standard Oil* получила от *IG* новую технологию производства синтетического каучука. Нужно ли говорить, что расширение мощностей по производству авиационного топлива происходило исключительно на средства Министерства авиации. Кроме того, Рейх обеспечил и второе принципиальное условие для стремительного роста люфтваффе, приняв меры к резкому увеличению производства алюминия — самого незаменимого материала в авиационной промышленности. Подобно стали, производство

96. Feldenkirchen, *Siemens*, 380–82.

97. Hayes, *Industry and Ideology*, 139–42; Kümmel, *Transnational Wirtschaftskooperation*, 168.

алюминия в Германии зависело от импорта бокситов. Но, в отличие от железной руды, бокситы можно было в достаточных объемах ввозить из Венгрии и Югославии — стран, с которыми РМЭ заключило выгодные двусторонние торговые соглашения. С тем чтобы использовать эти поставки, принадлежавшее государству предприятие *Vereinigte Aluminiumwerke*, входившее в состав группы VIAG, потратило 180 млн рейхсмарок на десятикратное увеличение мощностей по выплавке алюминия⁹⁸.

Авиационная промышленность Третьего рейха дает нам образец успешного расширения производства, осуществленного усилиями государства. Однако даже в этой сфере оставался простор для предпринимательской инициативы. Более того, временами германская авиационная промышленность становилась символом независимого, конкурентного — но нередко убыточного предпринимательства. Причиной этого в принципе являлась крайняя проблематичность контроля над очень сложной производственной отраслью, работавшей в условиях чрезвычайной технической неопределенности. В 1930 г. большинство боевых самолетов все еще представляло собой бипланы, построенные из дерева и ткани. Люфтваффе лишь в 1935 г. провели испытания первого поколения цельнометаллических монопланов, оснащенных мощными поршневыми двигателями. Менее чем через пять лет Эрнст Хейнкель создал первый в мире прототип реактивного истребителя, тем самым посеяв надежды на то, что очень скоро боевые самолеты смогут подойти к звуковому барьеру или даже перешагнуть этот рубеж. Каждый из этих прорывов опирался на крайне труднопредсказуемые открытия и конструктивные новшества в сфере аэродинамики, металлургии и конструкции планеров и двигателей самолетов. При этом конструирование самолетов было не единственной проблемой. Следовало также наладить их экономичное и массовое производство. А Министерство авиации, разумеется, покупало не всякие самолеты. Оно нуждалось в оружии для будущей войны, природа которой оставалась совершенно неясна сама по себе. Будет ли роль военно-воздушных сил заключаться в поддержке армии и флота или же они станут независимым стратегическим оружием? А в таком случае какие бомбардировщики понадобятся и насколько они должны быть защищенными? Как сама Германия будет защищать себя от угрозы с воздуха? Собственно говоря, с кем именно ей придется сражаться?

98. Pohl, VIAG, 165–72.

Ни одна другая сфера перевооружения, и вообще ни одна другая отрасль германской промышленности, не сталкивалась с такой полнейшей технической неопределенностью. И именно эта особенность авиационного бума открывала просторы для предпринимательской инициативы: конкурирующие друг с другом производители наперебой предлагали «технические изюминки», в которых нуждался Геринг. К 1936 г. Генрих Коппенберг успел превратить *Junkers* в производственный комплекс, способный соперничать с крупнейшими немецкими промышленными компаниями. На *Henschel* был освоен ряд новейших технологий штамповки металлов и налажена сборка чрезвычайно сложных станков, необходимых для массового производства самолетов. *Daimler-Benz*, BMW и *Junkers* яростно конкурировали друг с другом в сфере авиадвигателей. Остановив свой выбор на истребителе Мессершмитта (BFW) Bf-109 Министерство авиации в 1935–1936 гг. решило по крайней мере одну из стоявших перед ней технико-стратегических задач. Bf-109 вплоть до начала 1940-х гг. оставался более чем адекватным истребителем для германских военно-воздушных сил. Однако люфтваффе так и не нашли ответа на самый важный вопрос современной воздушной войны: на чем доставлять бомбы. Хотя Хейнкель в середине 1930-х гг. приступил к разработке тяжелого четырехмоторного бомбардировщика, Министерство авиации интересовалось в первую очередь двухмоторными средними бомбардировщиками, конструкции которых были предложены в 1935 г. фирмами *Dornier* (Do-17), *Heinkel* (He-111) и *Junkers* (Ju-86). Для того чтобы загрузить работой новые заводы и чтобы свежее испеченным летчикам было на чем летать, все три самолета были тут же запущены в производство. Но ни один из них явно не годился на роль оружия стратегической воздушной войны. Для этого им не хватало грузоподъемности и скорости. Более того, их незащищенность делала сомнительной возможность их прорыва сквозь воздушную оборону противника. Поэтому, несмотря на успешность этих машин в плане наращивания объемов производства, уже в 1936 г. стало ясно, что необходимо создать по крайней мере еще одно поколение самолетов и авиадвигателей, прежде чем люфтваффе станут действительно эффективной боевой силой. Именно поиск таких технических находок не давал покоя германским авиапромышленникам на протяжении всех 1930-х и в начале 1940-х гг. Будущее люфтваффе как орудия войны (а также миллиардов рейхсмарок, вложенных в него) зависело от инженеров и техников.

VI

Кого же политика Рейха в области промышленности оставила в проигравших? Еще никто не называл текстильную промышленность облагодетельствованной гитлеровским режимом. Однако даже в этой сфере нацистский режим благодаря смелой индустриальной политике сумел сплотить вокруг себя ряд производителей, сделавших ставку на его программу самодостаточности и перевооружения⁹⁹. Эта отрасль не получила таких же впечатляющих инвестиций, какие были характерны для авиапромышленности и производства синтетического топлива. Тем не менее изготовление синтетических волокон приобрело принципиальное значение для значительной части промышленности и привело к настоящей революции в деле снабжения населения Германии тканями. 20 июля 1934 г. РМЭ уведомило двух главных производителей синтетических волокон — *IG Farben* и принадлежавшее голландцам объединение *Vereinigte Glanzstoffabriken* (VGF) — о том, что «Текущее состояние валютных резервов Рейха порождает необходимость в самом решительном сокращении объемов ввозимых хлопка и шерсти...». В более конкретном плане, разумеется, этого требовала проводившаяся Шахтом политика частичного разрыва с Соединенными Штатами — традиционным поставщиком хлопка в Германию. «С целью как можно более скорейшего укрепления отечественной сырьевой базы германские производители вискозного волокна категорически обязаны не только полностью задействовать свои производственные мощности, но и незамедлительно приступить к их расширению». Власти Рейха желали удвоить производство вискозного волокна и резко увеличить производство так называемого штапельного волокна, доведя его объемы не менее чем до 100 тыс. тонн в год¹⁰⁰. Проблема, как и в случае нефти, заключалась в резком снижении мировых цен на шерсть и хлопок. Насколько дело зависело от *IG Farben*, синтетические волокна, несомненно, были обречены оставаться нишевым товаром. Жизнеспособность любых новых мощностей, созданных

99. В настоящее время стандартной справочной работой по этой теме является: G. Höschle, *Die deutsche Textilindustrie zwischen 1933 und 1939: Staatsinterventionismus und ökonomische Rationalität* (Stuttgart, 2004). Однако см. также: J. Schemer, «Zwischen Staat und Markt: Die deutsche halbsynthetische Chemiefaserindustrie in den 1930er Jahren», *VWSG* 89 (2002), 427–48.

100. И вискозное волокно, и штапельное волокно производятся из растительной целлюлозы с использованием одних и тех же химических технологий. Вискозное волокно производится в виде непрерывной нити, пригодной для изго-

в Германии, зависела бы исключительно от государства. Однако летом 1934 г. интерес к этому вопросу проявили самые высокие круги. В августе Гитлер лично ознакомился с образцами ткани, сотканной из штапельного волокна «Вистра», выпускавшегося на *IG Farben*, и выразил «полнейшее удовлетворение» ее качеством. В ноябре 1934 г. в рамках перестановок в Министерстве экономики контроль над программой производства синтетических тканей был передан личному представителю Гитлера по экономической политике Вильгельму Кепплеру, который, в свою очередь, передал этот вопрос в ведение Гансу Керлю (1900–1984)¹⁰¹. Керль, владелец небольшой текстильной фабрики в Котбусе, член партии с 1932 г. и *Gauwirtschaftsberater* (экономический советник) округа Курмарк, стал членом команды Кепплера в начале 1934 г. Он не испытывал симпатий ни к *IG Farben*, ни к VGF и не впал в отчаяние из-за их отказа от сотрудничества. Кепплер и Керль предполагали прибегнуть к откровенному принуждению такого же типа, которое использовалось в отношении Юнкерса или при создании топливной корпорации *Brabag*. Однако, как поспешил заверить руководство IG Кепплер, прямое принуждение применительно к крупнейшей германской корпорации никогда не рассматривалось в качестве серьезного варианта. Вместо этого Керль получил полномочие найти новые пути, в обход уже работающих производителей. Используя свои контакты среди регионального партийного руководства, Керль основал четыре «добровольных» синдиката, по одному в каждом из главных регионов германского текстильного производства: Силезии, Саксонии, Тюрингии и Рейнской области. Каждый синдикат собрал по подписке по 4 млн рейхсмарок на строительство новых фабрик синтетических волокон с минимальной производительностью 7 тыс. тонн в год. При проведении этой подписки важную роль, несомненно, сыграл политический нажим. Многие фирмы рассматривали свое участие в этом проекте как способ снискать расположение местных гауляйтеров. Другим серьезным мотивом служила надежда обойти ограничения на импорт натурального волокна, получив

товления тканей на специальных станках без предварительного прядения. Штапельное волокно производить дешевле, но из-за своей короткой длины оно требует прядения, подобно шерсти или шелку, после чего полученная штапельная нить может быть использована как материал для стандартных ткацких или прядильных станков. См. богато иллюстрированное введение в тему: VGF, *Die Kunstfaser: Wie werden Kunstseide und Zellwolle hergestellt und verarbeitet?* (Stuttgart, 1938).

101. О Кепле см.: H. Kehrl, *Krisenmanager im Dritten Reich* (Düsseldorf, 1973), 87–92; R.-D. Müller, *Der Manager der Kriegswirtschaft: Hans Kehrl* (Essen, 1999).

привилегированный доступ к отечественному синтетическому волокну. С другой стороны, такие ведущие текстильные фирмы, как *Dierig*, даже не нуждались в понуканиях, рассматривая вискозное волокно и новое штапельное волокно как долгосрочную альтернативу устоявшемуся рынку шерстяных и хлопчатобумажных тканей. Новое синтетическое волокно, продававшееся под торговой маркой *Flox*, приобрело в 1930-е гг. значительную популярность. Так или иначе, Рейх сделал все для того, чтобы максимально снизить рискованность этих инвестиций. Согласно положениям «Закона о гарантиях участвующим в расширении производства сырья» (*Gesetz über die Übernahme von Garantien zum Ausbau der Rohstoffwirtschaft*), Кепплер был уполномочен выдавать все необходимые субсидии новым фабрикам штапельного волокна. Рейх гарантировал выдачу синдицированных займов под эгидой *Dresdner Bank* и обеспечивал необходимое техническое консультирование, осуществлявшееся двумя ведущими специалистами, переманенными из отделения синтетических волокон *IG Farben*. Главным из них был Вальтер Шибер, член Тюрингского отделения НСДАП, получивший должность генерального управляющего в местной же фирме *Zellwoll AG*. Перед лицом происходящего VGF, более слабый из двух существовавших производителей синтетических волокон, сдался и согласился участвовать в финансируемой государством программе по расширению производства. *IG Farben*, в свою очередь, сохранила независимость и придерживалась своей программы ограниченного расширения производства вискозного волокна, ежегодно увеличивая его выпуск не более чем на 30 тыс. тонн. К 1936 г. Керль мог похвастаться производством 45 тыс. тонн штапельного волокна в дополнение к более чем 50 тыс. тонн синтетического шелка. К 1937 г. рыночная доля волокон германского производства удвоилась, составив почти 40%.

Случай VGF поднимает вопрос более общего порядка — о статусе принадлежавших иностранцам компаний в гитлеровской Германии. На этот счет в последние годы было сделано много сенсационных заявлений, поэтому совсем не лишним будет привести несколько фактов. Действительно, и в 1920-е гг., и перед 1914 г. германская экономика получала много прямых зарубежных инвестиций. По оценкам американцев, сделанным во время Второй мировой войны, прямые зарубежные инвестиции в германские предприятия достигали величины порядка 450 млн долларов¹⁰². *Standard Oil* благодаря инвестициям на сум-

102. S. Reich, «Corporate Social Responsibility», in F. R. Nicosia and J. Hüner (eds.), *Business and Industry in Nazi Germany* (Berghahn, 2004), 115–17.

му почти в 65 млн долларов, вложенным в *Deutsch-Amerikanische Petroleum Gesellschaft*, а также тесным связям с *IG Farben* занимала первое место среди американских промышленных корпораций, вкладывавшихся в гитлеровскую Германию. Но за ней по пятам следовала корпорация *General Motors* (GM), инвестировавшая 54,8 млн долларов в предприятие *Opel AG* в Рюссельсхайме — крупнейший производитель автомобилей в Германии. Напротив, инвестиции *Ford*, составлявшие всего 8,5 млн долларов, были относительно скромными, как и стоимость доли IBM в ее германском дочернем предприятии *Dehomag*¹⁰³. Более значительными (в каждом случае примерно по 20 млн долларов) были вложения таких фирм, как *Woolworths* (британский ритейлер), *Singer* (изготовитель швейных машин), а также ИТТ, в частности владевшей паями фирмы *Conrad Lorenz*, одного из важнейших поставщиков радиоэлектронного оборудования для люфтваффе. И американцы были не единственными иностранцами, вкладывавшимися в германскую промышленность. В сфере нефтепереработки и сбыта нефтепродуктов важное место в Германии занимали такие мультинациональные компании из Великобритании и Голландии, как *Anglo-Persian* (BP) и *Royal Dutch Shell* (англо-голландская). Серьезные инвестиции в германскую резиновую промышленность сделала британская фирма *Dunlop*, производящая шины¹⁰⁴. ARBED, типичный европейский промышленный концерн, базировавшийся в Люксембурге, владел большими паями в германских угледобывающих предприятиях, а также в кабельных заводах *Felten* и *Guilleaume*. Всем этим инвестициям тем или иным образом шло на пользу гитлеровское экономическое возрождение. Чем больше предприятия, в которые они были вложены, отдалялись от своих зарубежных пайщиков и чем активнее они сотрудничали с режимом, тем лучше шли у них дела. В свою очередь, режим, особенно в первые годы своего существования, изо всех сил старался убедить представителей *Ford*, GM и ИТТ, что в Германии им ничто не грозит. Вильгельм Кепплер советовал ИТТ ввести в свой совет директоров банкира барона фон Шредера, одного из тех людей, которые в январе 1933 г. лоббировали назначение Гитлера канцлером¹⁰⁵. Руководство завода *Ford* в Кельне отличалось чрезвычайно сильными пронацистскими настроениями. А *Opel*, вероятно, сильнее

103. О непростой истории фордовских инвестиций см.: S. Reich, *The Fruits of Fascism: Post-war Posterity in Historical Perspective* (Ithaca, NY, 1990).

104. N. Forbes, *Doing Business with the Nazis* (London, 2000), 133–65.

105. Kümmel, *Transnationale Wirtschaftskooperation*, 232.

любого другого автомобилестроительного предприятия, нажил-ся на гитлеровском автомобильном буме.

Вместе с тем, признавая важную роль зарубежного участия в экономическом «возрождении» Германии, нельзя игнорировать и тот факт, что совокупная сумма прямых инвестиций в немецкие предприятия меркла на фоне миллиардных займов, из-за дефолта так и не возвращенных американским и европейским банкам и держателям облигаций. И в том, что касалось такого принципиального вопроса, как репатриация инвестированных капиталов или полученных прибылей, с прямыми инвесторами обращались не лучше, чем с держателями других зарубежных долгов Германии. На всех них распространялись те же самые меры валютного контроля, которые позволяли обменивать рейхсмарки на зарубежную валюту лишь по чудовищно низкому курсу. В какой-то момент в отчаянной попытке ликвидировать свои инвестиции в *IG Farben* американская фирма *DuPont* предлагала на продажу акции, оценивавшиеся в 1929 г. в 3 млн долларов, менее чем за 300 тыс. долларов¹⁰⁶. Британская компания ICI в конце концов сумела продать свой пай в *IG Farben* — после длительных переговоров и только после того, как дала согласие на сложный обмен, в котором участвовали акции швейцарского дочернего предприятия *IG*. Неудивительно, что после того, как первая паника улеглась, большинство инвесторов, попавшихся в германскую ловушку, предпочло сохранить свое присутствие в стране и вкладывать «обратно» всю заработанную прибыль. В этом смысле они следовали той же логике, как и прочие германские предприниматели. Если они не могли распределять прибыль обычным образом, то по крайней мере имели возможность энергично накапливать капитал.

VII

К середине 1930-х гг. гитлеровский режим посредством всех этих многочисленных переговоров и компромиссов добился крайне выгодных для себя результатов. Вместо того чтобы препятствовать политическим изменениям, как это произошло во время первой германской революции в 1918–1919 гг., крупный бизнес активно участвовал во многих ключевых аспектах гитлеровской националистической революции. Инициатива, несомненно, принадлежала властям (политическому руководству).

106. Kümmel, *Transnationale Wirtschaftskooperation.*, 191.

Иногда она исходила от Шахта, Рейхсминистерства экономики или Рейхсбанка, иногда — от геринговского Министерства авиации или других армейских структур. Иногда источником инициативы являлись Вильгельм Кепплер и его специальный штаб, занятый решением сырьевых вопросов. Однако практически в любом контексте и даже в условиях, когда можно было бы ожидать определенного сопротивления, агенты режима могли рассчитывать на сотрудничество со стороны немецкого бизнеса. Опорой и источником энергии и для программы автаркии, и для перевооружения и даже для множества новых контролирующих органов служили опытные управленцы, пришедшие на службу режиму из германской промышленности. Согласно знаменитому изречению Гитлера, в национализации предприятий не имелось никакой нужды, если можно было национализировать само население. В том, что касается немецкой управленческой элиты — одного из наиболее важных слоев этого населения, — режим, несомненно, нашел в ее рядах множество партнеров, готовых к сотрудничеству.

Низкобюджетная Volksgemeinschaft

ЕСЛИ Гитлер в конечном счете мотивировался апокалиптическими видениями национальной катастрофы, то он же разделял и более традиционные представления о прогрессе и преуспевании нации¹. Отвечая на просьбу журналиста назвать свою главную политическую задачу, Гитлер ответил просто: «Я намереваюсь сделать германский народ богатым, а Германию — красивой. Я хочу повысить уровень жизни отдельной личности»². И он, несомненно, полагал, что такой же точки зрения на процветание нации придерживаются все его *Volksge-nossen* (соотечественники). Ни один из предшествовавших политических режимов не мог сравняться с Третьим рейхом в прославлении рабочих и их вклада в создание немецкого народного единства. В этом отношении официальный язык нацистской Германии задавал совершенно иные стандарты по сравнению с Веймарской республикой, не говоря уже о вильгельмовской монархии. В своей основе гитлеровская мечта, несомненно, носила коллективистский характер. Однако Гитлер высмеивал «идеологию бережливости» и «культ примитивизма», насаждавшиеся большевиками. По его мнению, германский народ заслуживал большего. Его следовало поднять на более высокий уровень жизни, в большей степени соответствовавший идеям о *Volksgemeinschaft* (народной общности) как сообществе представителей высшей расы. Согласно заявлению Германского трудового фронта, «конечная политическая цель» национал-социализма заключалась в том, чтобы «обеспечить народу образ жизни, отвечающий его способностям и его культурному уровню». Принципиальная проблема заключалась в громадном разры-

1. Указание на этот аспект мышления Гитлера впервые появилось в работе: R. Zitelmann, *Hitler: Selbstverständnis eines Revolutionärs* (Stuttgart, 1987).

2. Об этом и дальнейшем см.: W. König, «Das Scheitern internationalsozialistischen Konsumgesellschaft», *Zeitschrift für Unternehmensgeschichte*, 48 (2003), 152–3.

ве между этими возвышенными чаяниями и германской реальностью. По стандартам той эпохи, не говоря уже о стандартах конца XX века, Германию в 1920-х и 1930-х гг. нельзя было назвать процветающим обществом. И с тем чтобы избежать путаницы, возможно, следует подчеркнуть, что это не было краткосрочным итогом Великой депрессии. Проблема международного экономического неравенства имела более глубокие корни.

I

В 1938 г. престижный гамбургский журнал *Weltwirtschaftliches Archiv* опубликовал статью молодого австралийца Колина Кларка, прославившегося в качестве одного из ведущих мировых специалистов по экономической статистике³. Статья Кларка называлась «Сопоставление национального дохода в странах мира» и ее значение заключалось в том, что Кларк впервые систематически попытался выйти за пределы традиционного сравнения оценок национального дохода с помощью текущих валютных курсов и учесть такой сложный фактор, как паритет покупательной способности⁴. В своей новаторской работе Кларк нарисовал картину, которая в дальнейшем расширялась и уточнялась, но не претерпела существенных изменений в течение последующих 70 лет исследований. По оценкам Кларка, уровень жизни в Германии в смысле дохода на душу населения был вдвое ниже, чем в США, и по меньшей мере на треть ниже, чем в Великобритании. Опираясь на работу, сделанную в течение последних тридцати лет, мы можем провести подобные сопоставления не только в пространстве, но и во времени⁵. С точки зрения современной статистики германский национальный

3. C. Clark, «International Vergleich der Volkseinkommen», *Weltwirtschaftliches Archiv*, 47 (1938), 51–76, вслед за которой последовала классическая работа Кларка: C. Clark, *The Conditions of Economic Progress* (London, 1940).

4. Значение проведенного Кларком анализа явно получило в Германии высокую оценку, о чем свидетельствует квазиофициальный отзыв представителя Статистического бюро Рейха. См.: P. Jostock, «Wieweit sind Volkseinkommen international vergleichbar?», *Weltwirtschaftliches Archiv*, 49 (1939), 241–73; P. Jostock, *Die Berechnung des Volkseinkommens und ihr Erkenntniswert* (Stuttgart, 1941).

5. См.: A. Maddison, *The World Economy: A Millennial Perspective* (Paris, 2001). В этой работе сопоставления производятся в так называемых международных долларах 1990 г. (Международный доллар вычисляется делением единицы валюты соответствующей страны на расчетный показатель паритета покупательной способности, которую доллар США имел внутри этой страны в оговоренное время. Обычно эталоном выступают 1990 или 2000 годы. Данная система расчетов была создана экономистами Роем Гири и Салемом Хамисом — Прим. ред.).

ТАБЛИЦА 3. Положение Германии в мировой

С точки зрения 1930-х гг. (Colin Clark)				
	Общий национальный доход, млн ед. ^а	Доход на душу населения, ед. ^а	Общий национальный доход по отношению к США, %	Доход на душу населения по отношению к США, %
США	66 203	542	100	100
Канада	5 084	494	8	91
Великобритания	21 854	477	33	88
Швейцария	1 917	476	3	88
Новая Зеландия	691	468	1	86
Австралия	2 543	399	4	74
Нидерланды	2 624	335	4	62
Франция	12 480	302	19	56
Дания	1 008	285	2	53
Германия	17 580	271	27	50
Бельгия	2 033	253	3	47
Австрия	1 613	242	2	45
Чехословакия	2 680	193	4	36
Венгрия	1 205	177	2	33
Греция	922	145	1	27
Италия	5 320	131	8	24
Польша	3 428	122	5	23
Румыния	1 471	104	2	19
Болгария	524	87	1	16
СССР	14 710	87	22	16

^а Международные единицы (доллары).

^б Международные доллары 1990 г.

доход на душу населения в 1935 г. составлял примерно 4500 долларов, по сравнению примерно с 20 тыс. долларов в современной Германии. В современном рейтинге экономического развития Третий рейх находился бы рядом с ЮАР, Ираном или Тунисом. Разумеется, это сравнение является довольно натянутым, поскольку нынешние Иран и ЮАР могут импортировать высокие технологии из более развитых обществ — будь то ядерные реакторы, компьютеры или реактивные самолеты, — в то время как у гитлеровской Германии такой возможности

экономике в 1930-х годах (в среднем за 1924–1935 гг.)

С точки зрения 2001 г. (Angus Maddison)			
Общий ВВП, млн долл. ⁶	ВВП на душу населения, долл. ⁶	Общий ВВП по отношению к США, %	ВВП на душу населения по отношению к США, %
727 803	5 963	100	100
44 787	4 347	6	73
242 385	5 287	33	89
23 877	5 922	3	99
7 142	4 839	1	81
32 395	5 091	4	85
41 443	5 289	6	89
177 404	4 287	24	72
17 434	5 006	2	84
243 983	3 762	34	63
38 842	4 832	5	81
22 103	3 314	3	56
38 091	2 318	5	39
19 975	1 796	3	30
14 304	2 261	2	38
119 207	2 934	16	49
51 620	1 204	7	20
17 027	1 239	2	21
7 623	2 736	1	46
255 719	1 461	35	25

Источники: A. Maddison, «Quantifying and Interpreting World Development: Macromasurement before and after Colin Clark», *Australian Economic History Review*, 44 (2004), 1–34; Maddison, *The World Economy: A Millennial Perspective* (Paris, 2001).

не имелось. Поэтому такое сопоставление несколько льстит Германии. Но оно тем не менее позволяет составить представление о крайне неравномерном характере германского экономического развития в 1930-е гг.

Разрыв между Германией и США был наименее удивительным из всех открытий Кларка. К 1920-м гг. стандартные атрибуты массового потребления XX в. — автомобиль, холодильник, радио — уже стали нормой в США, в то время как в Европе обладание этими же товарами ограничивалось узким кругом вер-

хушки среднего класса⁶. Как отмечал Гитлер в своей «Второй книге», причину этого большого различия в уровне жизни было невозможно понять, не учитывая изобилия естественных ресурсов и обширности потребительских рынков в США. Эти условия способствовали огромным успехам в развитии технологий фабричного производства, которые позволили среднему американцу достичь такого материального уровня жизни, о котором простые люди в Европе могли только мечтать. Корни «американской системы» восходят по крайней мере к середине XIX в. и к началу массового производства винтовок в государственных арсеналах США⁷. Но по мере того как вступал в свои права новый век, идея массового производства последовательно распространялась на все более сложные механизмы: от винтовок на швейные машины, от швейных машин на велосипеды и от велосипедов на автомобили. В начале 1920-х гг. воплощением триумфального прорыва в новую эру промышленного производства выступал прежде всего автомобиль «Форд-Т». Генри Форд на своих автомобильных заводах, сперва в Хайленд-парке, а затем в Дирборне под Детройтом первым освоил важнейшие элементы того, что получило название «фордизм»: конвейер, обеспечивавший высокие темпы сборки, новое высокопроизводительное оборудование — в первую очередь шлифовальные и автоматические токарные станки, — максимально широкое использование специальных механизмов, разработанных для оптимизации производства конкретной стандартизированной продукции, безжалостное снижение стоимости сырья и деталей посредством создания производственной цепочки полного цикла, от получения сырья до финальной сборки, крупномасштабное использование полуквалифицированной и неквалифицированной рабочей силы, а также максимальная эксплуатация рабочих (в обмен на исключительно высокие зарплаты). Результатом этих мер стало массовое производство стандартизированной продукции при поразительно низких издержках. Автомобили Форда были такими дешевыми, а оклады на его заводах были такими высокими, что рабочие, трудившиеся на Форда, представляли собой крупный рынок собиравших-

6. Излишне полемичные рассуждения о «навязывании» Европе американских стандартов жизни см. в: V. de Grazia, *Irresistible Empire: America's Advance through Twentieth-Century Europe* (Cambridge, Mass., 2005). См. также: W. König, *Geschichteder Konsumgesellschaft* (Stuttgart, 2000), 108–22.

7. О дальнейшем см. литературу, обзор которой приводится в: S. L. Engermann and R. E. Gallman, *The Cambridge Economic History of the United States*, vol. III (Cambridge, 2000), 829–45.

ся ими автомобилей — в Европе такая ситуация была практически немыслима.

Разумеется, было бы наивно принимать фордовский миф за чистую монету. Генри Форд в первую очередь был пропагандистом⁸. Европейская промышленность в начале XX в. ни в коем случае не находилась в неведении относительно технологии массового производства⁹. *IG Farben*, *Vereinigte Stahlwerke*, *Siemens* и АЕГ являлись вертикально интегрированными корпорациями, способными наравне со своими американскими конкурентами извлекать прибыль из массового производства самых разных товаров: от красок для тканей до медикаментов, листового металла и электрических лампочек¹⁰. Ступенью ниже этих корпоративных гигантов в Германии можно было найти буквально сотни небольших фирм, занятых массовым изготовлением всего на свете — от винтов до газовых ламп и губных гармошек¹¹. Ужасающая бойня Первой мировой войны не состоялась бы в том случае, если бы все ее участники не имели возможности в колоссальных масштабах производить орудия разрушения. Самым примечательным, возможно, служит то, что Великобритания, Франция, Германия и Италия в 1918 г. наперегонки выпускали боевые самолеты — несомненно, самое яркое техническое изобретение начала XX в.¹² С 1914 по 1918 г. одна только Германия выпустила 47 тыс. самолетов всех типов, в этом отношении едва ли чем уступая Америке, где в 1918 г., на пике производства, было построено 14 тыс. самолетов. Эти летающие машины были хрупкими сооружениями, сделанными из дерева, проволоки и полотна, пропитанного лаком. Но они по любым стандартам представляли собой сложные механизмы и приво-

-
8. Книга Форда «Моя жизнь, мои достижения» (H. Ford, *My Life and Work* [London, 1923]; Г. Форд, *Моя жизнь, мои достижения* [Москва, 2017]) была сразу же переведена на немецкий, как и его книга «Международное еврейство» (H. Ford, *The International Jew* [Leipzig, 1922]; Г. Форд, *Международное еврейство* [Москва, 2000]).
 9. T. von Freyberg, *Industrielle Rationalisierung in der Weimarer Republik* (Frankfurt, 1989); T. Siegel and T. von Freyberg, *Industrielle Rationalisierung unter dem Nationalsozialismus* (Frankfurt, 1991). О распространении новаторских методов использования станков в немецкой промышленности в межвоенный период см.: J. A. Tooze, «„Punktueller Modernisierung“: Die Akkumulation von Werkzeugmaschinen in „Dritten Reich“», *Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte*, 1 (2003).
 10. A. Chandler, *Scale and Scope: The Dynamics of Industrial Capitalism* (Cambridge, Mass., 1990), 393–502.
 11. Например, фирма *Hohner* в 1929 г. изготовила почти 22 млн губных гармошек, поставлявшихся буквально во все страны мира. См.: H. Berghoff, *Zwischen Kleinstadt und Weltmarkt: Hohner und die Harmonika 1857–1961* (Paderborn, 1997), 391.
 12. J. H. Morrow, *German Air Power in World War I* (Lincoln, Nebr., 1982); L. Budrass, *Flugzeugindustrie und Luftrüstung in Deutschland* (Düsseldorf, 1998), 21–66; Engermann and Gallman, *Cambridge Economic History of the US*, III, 839.

дились в действие авиамоторами, которые всего через 15 лет после первого полета братьев Райт уже были в 20–30 раз более мощными, чем жалкий 12-сильный моторчик, установленный на их аэроплане. Все это было бы невозможно без впечатляющих достижений в металлургии и машиностроении, ни в коем случае не представлявших собой исключительную прерогативу Детройта. На переднем крае современной металлообработки европейцам самим было чем похвастаться. Однако бесспорным фактом являлось колоссальное американское превосходство в области товаров массового производства. Согласно сопоставлениям того времени, в середине 1930-х гг. Америка более чем вдвое обгоняла своих европейских конкурентов по производительности в большинстве отраслях промышленности, а в том, что касалось производства автомобилей и радиоприемников, разрыв достигал 4:1 и даже 5:1¹³.

При взгляде из XXI века еще более удивительным выглядит заметное отставание Германии от Великобритании. По оценкам Кларка, Великобритания не только опережала Германию в смысле дохода на душу населения; он полагал, что, несмотря на значительно меньшую численность населения островного государства, британская экономика была все же крупнее германской. Недавние вычисления привели к пересмотру этого вывода. Сейчас мы полагаем, что германская экономика в 1930-е гг. своими масштабами все же немного превосходила британскую. Однако утверждение о том, что доход на душу населения в Германии был существенно ниже, чем в Великобритании, остается в силе. Эту разницу явно нельзя приписать каким-либо качественным различиям в производительности между британской и германской промышленностью¹⁴. Практически во всех областях промышленности германские и британские фирмы ни в чем не уступали друг другу. Отставание Германии объяснялось ее обширным и крайне неэффективным аграрным сектором, а также большим количеством мелких магазинов и мастерских в сфере услуг и ремесел. В 1930 г. производительность на душу населения в германском сельском хозяйстве составляла лишь половину от производительности в промышленности, в то время как в сельском хозяйстве по-прежнему было занято более 9 млн человек¹⁵.

13. L. Rostas, «Industrial Production, Productivity and Distribution in Britain, Germany and the United States», *Economic Journal*, 53 (1943), 39–54.

14. Сравнение Англии и Германии с британской точки зрения см. в: S. Broadberry, *The Productivity Race: British Manufacturing in International Perspective, 1850–1990* (Cambridge, 1997).

15. В 1936 г. добавленная стоимость на душу населения достигала в сельском хозяйстве 1200 рейхсмарок 1913 г., в то время как за пределами аграрного секто-

Разумеется, простые немцы были незнакомы с новейшими статистическими подсчетами. Но цифры Кларка лишь подтверждали то, что всем и так подсказывал здравый смысл. В 1890-х и 1900-х гг. вильгельмовская Германия тешила себя мыслью о том, что она быстро догоняет Великобританию¹⁶. Осознавать этот факт было приятно, но в то же время из него вытекало признание относительной отсталости Германии. После Первой мировой войны, гиперинфляции и принуждения страны к выплате обременительных репараций никто не сомневался в том, что германское экономическое развитие отброшено назад на десятилетия. Убеждение в этом было настолько твердым, что статистические данные, говорившие об обратном, общество встречало изъявлениями гнева и недоверия¹⁷. Все считали, что британские рабочие живут лучше их немецких товарищей, и многие именно этим объясняли хроническую безработицу, наблюдавшуюся в 1920-е гг. в британской промышленности. Поразительное богатство британского среднего класса в межвоенный период не имело аналогов в Германии. Помимо этого, впечатление британской экономической мощи усиливалось из-за наличия у этой страны обширных колоний. Немцам казалось, что Великобритания и другие колониальные державы, а также Америка, держат в своих руках все мировые источники сырья¹⁸. Хотя в Германии, естественно, существовали собственные корпоративные гиганты, именно транснациональные компании из лондонского Сити, нефтяные фирмы и каучуковые корпорации воплощали в себе зловещее глобальное влияние современного капитализма. С учетом нынешнего статуса Германии как одной из самых богатых и мощных экономических держав планеты такое глубоко укоренившееся чувство неполноценности выглядит труднообъяснимым. Но, не принимая его во внимание, невозможно понять, почему дискуссии в немецкой публичной сфере в межвоенный период были настолько

ра производительность на душу населения составляла 2400 рейхсмарок; цифры взяты из: W. G. Hoffmann, *Das Wachstum der deutschen Wirtschaft* (Heidelberg, 1965), 205–6, 454.

16. См.: K. Helfferich, *Deutschlands Volkswohlstand 1888–1913* (3rd edn., Berlin, 1914).

17. Спорные моменты, связанные с оценкой объемов государственных инвестиций, обсуждаются в: J. A. Tooze, *Statistics and the German State 1900–1945: The Making of Modern Economic Knowledge* (Cambridge, 2001), 172.

18. Эта тема постоянно всплывает в пользовавшихся огромной популярностью книгах А. Цишки о разных видах сырья: A. Zischka, *Der Kampf um die Weltmacht Baumwolle* (Leipzig, 1935), *Wissenschaft bricht Monopole* (Leipzig, 1936, распродана тиражом в 616 тыс. экземпляров), *Brot für Zwei Milliarden Menschen* (Leipzig, 1938), *Ölkrieg* (Leipzig, 1939) и *Englands Bündnisse* (Leipzig, 1940). Общие тиражи книг Цишки до 1945 г. составляли миллионы экземпляров.

пронизаны ощущением безысходной бедности страны. И именно на этом фоне следует рассматривать материальные чаяния Гитлера в отношении *Volksgemeinschaft*.

Для того чтобы изучить повседневную жизнь простых немцев, нам придется спуститься с абстрактных высот сравнительной национальной статистики. В 1930-х гг. часовой заработок большинства немцев исчислялся не в рейхсмарках и тем более не в долларах 1990 г. с поправкой на ППС, а в пфеннигах. Только самые высокооплачиваемые работники — такие как квалифицированные механики или наборщики, — зарабатывали больше одной рейхсмарки в час. На другом конце шкалы находились мужчины, работавшие на лесопилках и текстильных фабриках, — у них часовой заработок составлял всего 59 пфеннигов¹⁹. Неквалифицированные женщины, работавшие в текстильной и пищевой промышленности, не могли рассчитывать больше чем на 42–45 пфеннигов в час. В 1936 г., когда в Германии не было безработных, 14,5 млн человек — 62% всех германских налогоплательщиков — декларировали годовой доход, не превышавший 1500 рейхсмарок, что соответствует недельному заработку в 30 с небольшим рейхсмарок или часовому заработку примерно в 60 пфеннигов²⁰. Еще 21%, или 5 млн рабочих и служащих, декларировали годовой доход в размере от 1500 до 2400 рейхсмарок (от 30 до 50 рейхсмарок в неделю). И лишь 17% всех налогоплательщиков декларировали доход, превышавший 2400 рейхсмарок, или 50 рейхсмарок в неделю. Эта пирамида доходов четко делилась по классу и полу. Мужчины-пролетарии в 1936 г. в среднем принесли домой 1761 рейхсмарку, в то время как женщины из числа рабочего класса заработали всего по 952 рейхсмарки. Средний мужчина-служащий зарабатывал 3000 рейхсмарок — почти вдвое больше, чем его коллеги женского пола. Переход от дохода индивидуума к общему доходу домохозяйств чреват ловушками. Однако приведенные выше цифры дают некоторое представление о возможном диапазоне доходов. Если общий доход домохозяйства, в котором и муж, и жена работали на заводе, заметно превышал 2700 рейхсмарок в год, то оно могло считать, что ему повезло. Напротив, в домохозяйстве служащих общий доход мог превышать 4000 рейхсмарок — такая цифра получается при сочетании среднего муж-

19. Цифры относятся к 1939 г. и взяты из: SRA, *Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich* (1941/42) (Berlin, 1942), 382. См. подробное обсуждение в: R. Nachtmann, *Industriearbeit im «Dritten Reich»* (Göttingen, 1989).

20. Об этом и дальнейшем см.: G. Thost, «Das Einkommen der Arbeiter, Angestellte und Beamten», *Die Deutsche Volkswirtschaft*, 20 (1939), 776–80.

ского заработка со вторым доходом, получаемым, например, незамужней дочерью.

Реальное значение этих скромных цифр станет для нас ясным, если мы сравним их с ценами, в которые германским домохозяйствам обходилось удовлетворение элементарных потребностей²¹. Килограммовая буханка черного хлеба в 1930-е гг. стоила 31 пфенниг, что соответствовало получасу труда многих низкооплачиваемых германских работников. Главной пищей германского рабочего класса служил картофель. Пять килограммов картофеля обходились всего в 50 пфеннигов. Килограмм бекона стоил половину дневного заработка — 2 марки 14 пфеннигов. Чрезвычайно дорогим было масло. В 1936 г. цена килограмма масла составляла 3 марки 10 пфеннигов. 250-граммовый кусок масла стоил больше часового оклада. Выражение «плакать над пролитым молоком» приобретет новый смысл, если учесть, что литр этой драгоценной жидкости стоил 23 пфеннига. Едва ли можно было назвать дешевыми и яйца, стоившие по 1,44 марки за дюжину. И даже пиво, отпускавшееся по цене в 88 пфеннигов за литр, представляло собой серьезную нагрузку на продовольственный бюджет рабочих. Неудивительно, что большинство немцев жило на скромном и однообразном рационе, состоявшем из хлеба и джема, картошки, капусты и свинины, запивавшихся водой и небольшим количеством молока и пива. Отсюда и презрительное прозвище немцев «Kraut» («капустник»), популярное во Франции и Великобритании. Кроме того, немцы в больших количествах потребляли натуральный и суррогатный кофе — почти по 5 килограммов в год. Наконец, они были заядлыми курильщиками, выкуривая по две сигареты на человека в день. При цене в 3 пфеннига за штуку сигареты были удовольствием, которое могли себе позволить даже самые бедные. В среднем в домохозяйствах рабочих расходы на пищу, напитки и табак в целом составляли от 43% до 50% бюджета²². Еще 12% приходилось на плату за проживание, которая, таким образом, составляла в среднем домохозяйстве немецких рабочих всего 24 рейхсмарки в месяц. Еще 5% шло на оплату коммунальных услуг. На все прочие расходы, в том числе на одежду, хозтовары, транспорт, медицину, страхование и оплату социальных расходов и образования, в домохозяйстве из четы-

21. SRA, *Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich*, 377–80.

22. Ibid., 448. По данным из Clark, *Conditions*, 69, американцы тратили на питание практически столько же денег, сколько немцы, но эти расходы составляли всего 21,5% их дохода. Контраст между Германией и Великобританией был менее резким, но все же заметным. По сравнению с немцами, британские домохозяйства тратили на питание лишь 30% своего дохода.

рех человек оставалось всего 67 рейхсмарок в месяц. Пара мужских ботинок стоила 10 рейхсмарок. Замена подметок на ботинках обходилась в 4 рейхсмарки. Детскую обувь не удалось бы купить намного меньше, чем за 6 рейхсмарок — дневной заработок большинства рабочих. Если главе семейства требовался новый костюм, то его покупка поглощала буквально весь располагаемый доход семьи.

Понятно, что в гитлеровской Германии лишь незначительное меньшинство населения жило в условиях, которые мы бы сегодня определили как комфортабельные²³. И это подтверждается при сравнительном рассмотрении стран мира. В 1929 г. *Ford Motor Company* заказала исследование о том, какой заработок потребовался бы ее рабочим в каждой из 14 европейских стран, где у нее имелись филиалы, чтобы уровень жизни этих рабочих соответствовал бы уровню жизни самых низкооплачиваемых работников завода в Дирборне (Мичиган)²⁴. Это исследование, проводившееся Международным бюро труда (International Labour Office) в Женеве при финансовом содействии США, показало существование громадного разрыва между Америкой и Европой. Вероятно, не стоит удивляться тому, что особенно показательным был разрыв между просторами Среднего Запада и перенаселенными европейскими городами в том, что касалось жилищных условий. Даже для самых низкооплачиваемых детройтских рабочих стандартом была квартира в четыре с половиной комнаты. Это привело тех, кто проводил исследование во Франкфурте и Берлине, в некоторое замешательство, поскольку там «трудящиеся редко жили» в таких просторных апартаментах. Ежегодная квартплата за простую квартиру в четыре с половиной комнаты составляла по крайней мере 1020 рейхсмарок. Если же она была оснащена такими удобствами, считавшимися в США элементарными, как отдельные ванная комната и кухня, туалет и водопровод, то квартплата могла достигать 1380 рейхсмарок. Это было примерно в четыре раза больше того, что аналогичная трудящаяся семья в Германии реально тратила на жилье. В целом для того, чтобы в начале 1930-х гг. жить как в Детройте, во Франкфурте или в Берлине требовался доход от 5380 до 6055 рейхсмарок, который подавляющее большинство германских трудящихся могло получать только в самых смелых мечтах.

23. Яркое и обильно иллюстрированное описание повседневной жизни в межвоенной Германии см. в: G. Kähler (ed.), *Geschichte des Wohnens* (Stuttgart, 1996), IV.

24. ILO, *An International Enquiry into Costs of Living: A Comparative Study of Workers' Living Costs in Detroit (USA) and Fourteen European Cities* (2nd rev. edn., Geneva, 1931), 33–45.

Любому, кто имеет современное экономическое образование традиционного толка, решение германской проблемы покажется очевидным. Для того чтобы избавиться от относительной бедности, Германия нуждалась в общем экономическом росте, основанном на технических изменениях и накоплении физического и человеческого капитала. Это позволило бы повысить производительность труда и зарплаты и снизить цены на высококачественные товары, что обеспечило бы общий рост уровня жизни. По самым грубым прикидкам, сделанным на основе долгосрочных тенденций роста немецкой экономики, Германия отставала от США на 25–30 лет. И как в Третьем рейхе, так и за его пределами, безусловно, раздавались голоса, выступавшие именно за такой подход²⁵. К концу 1920-х гг. широкое распространение уже получили такие понятия, как «продуктивизм» и «рационализация»²⁶. В немецкой промышленности, оправившейся от рецессии, в условиях сжатия рынков рабочей силы, начавшегося в 1930-х гг., широкое распространение получили рационализация и инвестиции в новые средства производства. Как мы увидим ниже, к началу 1940-х гг. немецкая промышленность переживала невиданный в ее истории инвестиционный бум. Кроме того, нацистский режим систематически уделял внимание и своему «человеческому капиталу». Совершенствование системы подготовки кадров для промышленности интенсивно обсуждалось еще в 1920-е гг. А начиная с 1933 г. государство оказывало крупномасштабную поддержку системе ученичества и обучению на рабочем месте. Наряду с другими требованиями следовало создать совершенно новые кадры опытных металлистов для заводов, работавших на люфтваффе. В рамках пропагандистской кампании восхваления германских трудящихся Третий рейх установил норму, согласно которой каждый молодой немец должен был стремиться по крайней мере к статусу рабочего средней квалификации²⁷. И это были не просто слова. В 1939 г. лишь 30 тыс. молодых людей, окончивших школы, влились в ряды неквалифицированных трудящихся, по сравнению с 200 тыс. в 1934 г. Для многих семей рабочего класса 1930-е и 1940-е гг. стали периодом реальной социальной мобильности — не в смысле проникнове-

25. Либеральные представления того времени об истории германской экономики см. в: G. Stolper, *German Economy: 1870–1940. Issues and Trends* (New York, 1940).

26. См.: C. S. Maier, «Society as Factory», in C. S. Maier, *In Search of Stability: Explorations in Historical Political Economy* (Cambridge, 1987), 19–69; M. Nolan, *Visions of Modernity: American Business and the Modernization of Germany* (Oxford, 1994).

27. A. Lüdtke, «The „Honour of Labour“», in D. F. Crew (ed.), *Nazism and German Society 1933–1945* (London, 1994), 67–109.

ния в средний класс, а в рамках иерархии навыков внутри рабочего класса, что дало одному автору основания для заявления о «депролетаризации» германских трудящихся²⁸.

Но если Третий рейх и не отвергал продуктивизма (веры в бесспорную благотворность роста производства) и рационализации, специфику нацистских представлений об экономике невозможно будет уловить, если уделять внимание только этому аспекту. Тем более при таком подходе мы не сможем разобраться в общем идейном климате межвоенного периода. Ни в коем случае не будет лишним еще раз подчеркнуть, что в начале 1930-х гг. за спиной у Германии осталось почти двадцать лет, в течение которых экономический упадок и неуверенность решительно перевешивали ощущение процветания и экономического развития. В предыдущем десятилетии международная экономическая интеграция вызвала кризис. Инвестиции привели к банкротствам. Сотни тысяч молодых людей, с энтузиазмом стремившиеся получить профессиональное и высшее образование, оказались в рядах безработных. В свете этого опыта не нужно было быть ультраправым идеологом или параноидальным антисемитом, чтобы усомниться в правоте либерального учения о прогрессе²⁹. Немцы всегда были трудолюбивым народом. Они прилежно делали сбережения и инвестировали их. Их промышленные технологии не знали себе равных, по крайней мере в Европе. Но при этом Германия не была богатой страной. В свете этих обстоятельств были ли причины верить в то, что Германия вскоре вернется на путь стабильного прогресса, по которому она уже как будто бы шла в счастливые дни до 1914 года? Профессиональные экономисты тоже не могли сказать ничего обнадеживающего³⁰. Разумеется, были и те, кто сохранял приверженность либеральному оптимизму XIX века. Однако в 1930-е гг. их голоса ни в коем случае не были самыми громкими. Те немецкие экономисты, которые размышляли над вопросами долгосрочного экономического роста, обычно соглашались с Розой Люксембург, утверждавшей, что стремление к расширению производства ведет ко все более свирепой конкуренции на экспортных рынках — на это соперничество как на главное объяснение

28. J. Gillingham, «The „Deproletarianization“ of German Society: Vocational Training in the Third Reich», *Journal of Social History*, 19 (1986), 423–32.

29. О крушении веры в либеральный экономический прогресс см., например, работу австрийского эмигранта и будущего гурзу менеджмента: P. F. Drucker, *The End of Economic Man* (New York, 1939).

30. О дальнейшем см.: A. Ritschl, «Die NS-Wirtschaftsideologie — Modernisierungsprogramm oder reaktionäre Utopie?», in M. Prinz, R. Zitelmann (eds.), *Nationalsozialismus und Modernisierung* (Darmstadt, 1991), 48–70.

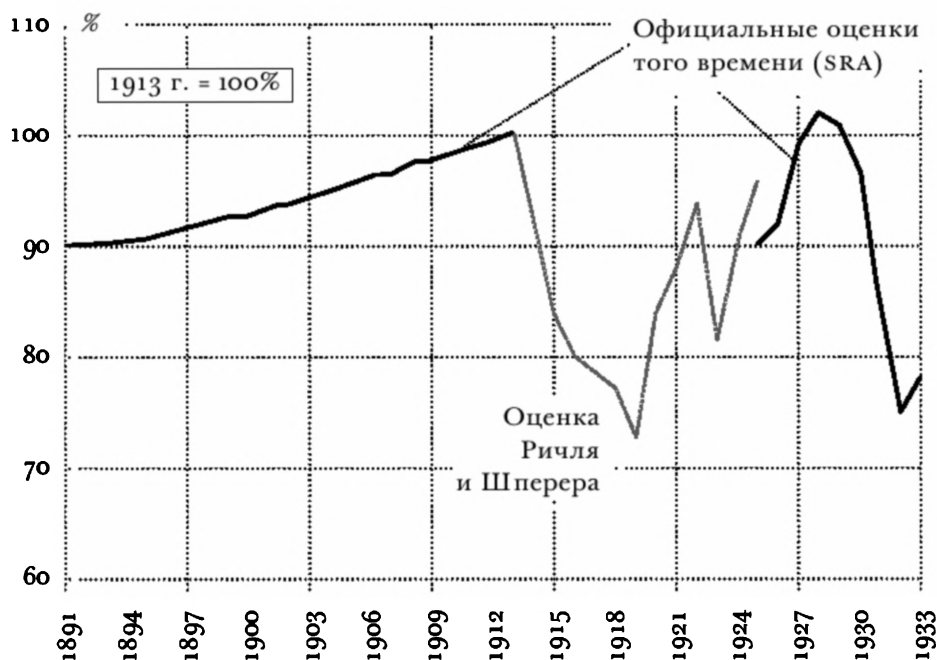

РИС. 7. 42 года развития германской экономики при взгляде из 1933 г. (национальный доход на душу населения)

катастрофической Первой мировой войны ссылались и Штреземан, и Гитлер³¹. Защитники «новой экономики» в 1930-е гг. были настроены не более оптимистично. Кейнс, в противоположность утверждениям послевоенных популяризаторов его трудов, в 1930-е гг. не был апостолом экономического роста. В его «Общей теории» 1936 г. показывалось, как государственная фискальная политика может помочь экономике, страдающей от дефляционного спада. Но Кейнс не предлагал волшебной формулы экономического роста. Более того, и Кейнс, и многие из его главных сторонников в США скептически относились к возможности долгосрочного и устойчивого экономического роста³².

Этот контекст позволяет понять нежелание Гитлера соглашаться с либеральным евангелием прогресса в экономике. Экономический рост не мог считаться самоочевидным благом, и Гитлер был далеко не единственным человеком, утверждав-

31. R. Luxemburg, *The Accumulation of Capital* (1913); Р. Люксембург, *Накопление капитала*. Т. 1–2 (Москва, 1934).

32. См. мальтузианскую лекцию, с которой Кейнс в 1937 г. выступил перед Евгеническим обществом, перепечатанную в: *Population and Development Review*, 4 (1978), 517–23, и президентское обращение Э. Хансена 1938 г. к Американской экономической ассоциации, перепечатанное в: *Population and Development Review*, 30 (2004), 329–42.

шим это. Как мы видели, учение об экономической жизни как об арене борьбы приняло законченный вид уже в *Mein Kampf* и во «Второй книге» Гитлера. И последующая депрессия только подтвердила этот дарвиновский подход. С учетом высокой плотности населения в Германии и уверенности Гитлера в неизбежности конфликтов, к которым приведет экономический рост, основанный на экспорте, завоевание нового «жизненного пространства», безусловно, выглядело единственным способом повысить уровень германского дохода на душу населения. Гитлер едва ли мог проявить больше настойчивости или последовательности при защите этой позиции. Как мы уже видели, он неустанно проповедовал свое мнение в самые первые дни после прихода к власти в 1933 г. В его глазах агрессивная внешняя политика, основанная на военной мощи, являлась единственной реальной основой экономического процветания. Однако в краткосрочном плане ущерб, нанесенный уровню жизни немцев годами предрассудков и пренебрежения, можно было исправить посредством конкретных действий правительства. Гитлер и его приспешники питали твердое убеждение в том, что росту уровня жизни в Германии с 1918 г. препятствовал пагубный союз эгоистичных буржуазных либералов и вульгарных социалистов³³. Этот заговор пессимистов пошел на пользу лишь германской буржуазии, лишив подавляющее большинство германского населения всех плодов новых технологий массового производства. Форду хватило предпринимательской дальновидности для того, чтобы порвать с прошлым и превратить былой предмет роскоши в массовый товар. В Германии для выхода из тупика требовался решительный акт политической воли. Третий рейх объявил своей задачей использовать государственную власть с целью координировать работу промышленности для разработки стандартизированных и упрощенных образцов важнейших потребительских товаров. Они должны были производиться по максимально низкой цене, что позволило бы германскому населению моментально достичь более высокого уровня жизни. Все эти товары в большинстве случаев получали определение *Volk* («народный»): *Volksempfänger* («народный радиоприемник»), *Volkswohnung* («народная квартира»), *Volkswagen* («народный автомобиль»), *Volkskühlschrank* («народный холодильник»), *Volkstraktor* («народный трактор»)³⁴. В этот список входят лишь

33. См. замечания Гитлера на Берлинском автосалоне в 1934 г.: Domarus, I. 369–71, 7.03.1934.

34. W. König, *Volkswagen, Volksempfänger, Volksgemeinschaft: «Volkprodukte» im Dritten Reich. Vom Scheitern einer nationalsozialistischen Konsumgesellschaft* (Paderborn, 2004).

те товары, которые пользовались официальной поддержкой со стороны одного или нескольких учреждений Третьего рейха. Однако частные производители уже давно поняли, что термин «народный» имеет хороший маркетинговый потенциал, и тоже поспешили «запрыгнуть в поезд». Среди различных рекламировавшихся ими товаров значились *Volksgramophone* («народный граммофон»), *Volksmotorräder* («народные мотоциклы») и *Volksnähtmaschinen* («народные швейные машинки»). По сути, к 1933 г. термин «народный» получил уже такое широкое распространение, что новый Германский совет по рекламе был вынужден запретить его нелицензированное использование.

Как мы увидим ниже, большинство этих «народных товаров» потерпело крах на рынке. И с учетом общей слабой покупательной способности германского населения нетрудно понять, почему так случилось. Однако не следует спешить и отмахиваться от этих попыток как от плодов иррациональности, присущей гитлеровскому режиму³⁵. Если мы хотим воздать должное Третьему рейху, то должны изучать его с точки зрения его собственных правил игры. Мы не сможем этого сделать, если будем отталкиваться от современного представления об экономическом прогрессе как об обширном и в конечном счете безграничном расширении масштабов экономики. Зная все то, что нам известно о германском экономическом развитии после 1945 г., мы имеем основания для того, чтобы говорить о непрерывности и непреодолимом импульсе долгосрочного экономического роста. Но с какой стати такой точки зрения должны были придерживаться немцы в 1933 г.? Поскольку многие считали, что резкое снижение безработицы было достигнуто благодаря решительным политическим мерам, то почему же нельзя было ожидать такого же эффектного результата в сфере потребления?

II

Первый «народный товар», анонсированный гитлеровским режимом — «народное радио» — имел в своей основе наиболее прозрачную политическую мотивацию и в то же время оказался наиболее успешным. Как уже говорилось, первое выступление Гитлера по радио в качестве канцлера состоялось 1 февраля 1933 г., через несколько дней после того, как он пришел к власти. Однако на тот момент в Германии с ее населением в 66 млн

35. Как поступает автор работы: *ibid.*, 243–57.

человек было зарегистрировано всего 4,3 млн радиоприемников. Лишь четверть всех германских домохозяйств могла слышать, как говорит фюрер³⁶. Для того чтобы радио смогло реализовать свой потенциал орудия пропаганды, эту ситуацию следовало изменить. Главным препятствием к широкому распространению радиоприемников являлась их цена. Самые дешевые приемники из тех, которые имелись на рынке, в начале 1930-х гг. продавались за 100 марок с лишним, что с точки зрения обсуждавшихся выше показателей дохода явно было чрезмерно дорого. Радио могло получить массовое распространение лишь после разработки новых, более дешевых, конструкций приемников. В мае 1933 г. такую инициативу взяло на себя Министерство пропаганды, заключив с группой производителей радиоаппаратуры соглашение об организации крупномасштабного производства нового стандартного приемника³⁷. Он должен был стоить меньше, чем все образцы, ранее предлагавшиеся на рынке, но иметь достаточно высокое качество для того, чтобы позволить слушателям принимать как региональные радиостанции, так и мощные центральные станции. Для того чтобы закрепить за собой рыночную нишу, участники радиокартеля договорились не предлагать конкурирующих товаров в этом ценовом диапазоне. Радиоприемник получил гордое название *Volksempfänger* (VE) 301 в честь 30 января 1933 г. — дня, когда Гитлер был назначен канцлером. Цена приемника составляла всего 76 рейхсмарок. Очевидно, что для среднего немецкого домохозяйства покупка VE-301 все равно представляла собой серьезное вложение средств. Поэтому с целью увеличить продажи приемников ряд коммунальных компаний предлагал их в рассрочку: покупатель мог приобрести приемник, сделав начальный взнос всего в 7,25 рейхсмарки, а затем на протяжении 18 месяцев платил еще по 4,40 рейхсмарки³⁸. Геббельс презентовал VE-301 общественности на радиовыставке в Берлине в августе 1933 г. По сообщениям, первая партия приемников была распродана всего за день. Немедленно был размещен дополнительный огромный заказ, и на протяжении следующих 12 месяцев было продано еще более 650 тыс. «народных приемников», а в 1934–1935 гг. — еще 852 тыс.³⁹ Производство радиоприемников стало одной из отраслей, в 1930-е гг. переживавших подлинный бум,

36. IfK, *Weekly Report*, 22 August 1935.

37. König, *Volkswagen*, 25–99.

38. Это снижало остроту проблемы платежей, но существенно увеличивало стоимость приемника, поскольку за него приходилось переплачивать почти 14%.

См. превосходный веб-сайт: www.ve301.de.

39. IfK, *Weekly Report*, 11 August 1938, 61–4.

и стимулировало производство не только электронных компонентов, но и корпусов из бакелита и дерева. К 1935 г. радиопромышленность демонстрировала все симптомы спекулятивного «мыльного пузыря». Производство опережало спрос, нераспроданные запасы достигли нездорового уровня, и три небольших производителя, включая компанию *Seibt*, чей главный конструктор и разработал *Volksempfänger*, подверглись ликвидации⁴⁰. В дальнейшем отрасль, лидерство в которой захватил главный производитель — *Telefunken*, — развивалась более стабильно, и к 1937 г. благодаря снижению расходов за счет массовости производства цену на стандартный VE-301 удалось снизить до 59 рейхсмарок. К 1938 г. охват радиоприемниками крупных германских городов достиг 70%. Однако в деревне приемники оставались предметом роскоши. Кроме того, сравнительная статистика по-прежнему со всей очевидностью демонстрировала относительную бедность Германии. Во второй половине 1938 г. лишь половина германских семей могла себе позволить покупку радио, по сравнению с 68% семей в Великобритании и 84% в США⁴¹. Год спустя был достигнут крупный прорыв: в продажу поступил новый простейший радиоприемник *Deutscher Kleinempfänger* (DKE) ценой всего в 35 рейхсмарок. Этот аппарат, получивший прозвище «глотка Геббельса» («Göbbels Schnautze»), может претендовать на то, что благодаря ему радио вошло буквально в каждую немецкую семью. За первые 12 месяцев был продан миллион приемников DKE, и их производство не прекращалось даже во время войны. За восемь лет с 1934 по 1942 г. число приемников на душу населения в Германии почти удвоилось. С одной стороны, было бы наивно приписывать это достижение одной лишь программе «Народный приемник». Нельзя не отметить, что за пределами Германии за ту же цену, за которую продавался простенький *Volksempfänger*, можно было купить куда более совершенный супергетеродинный приемник американского производства⁴². Напротив, *Volksempfänger* был совершенно неконкурентоспособен на мировых рынках и продавался за границей в ничтожных количествах. Поэтому вполне можно себе представить, что в отсутствие жесткого валютного контроля, введенного Шахтом, и при использовании Германией

40. König, *Volkswagen*, 145, а также статьи: Seibt, Bruckern&Stark, Lumophon и Owin на сайте: www.radiomuseum.org/dsp_hersteller_detail.cfm.

41. Три года спустя благодаря огромным продажам дешевых приемников DKE Германия сравнялась с Великобританией. См.: König, *Volkswagen*, 84.

42. Разумеется, при этом сопоставлении необходимо учитывать завышенный обменный курс рейхсмарки, но тем не менее оно отражает подавляющее превосходство американских производителей над немецкими. Ibid., 80–81.

всех благ международной торговли распространение приемников в стране шло бы еще более высокими темпами. Тем не менее связь «народного приемника» с экспансией радио сделало его образцом для последующих «народных товаров».

Нет сомнений в том, что для Гитлера великим символом современного потребительского образа жизни служил автомобиль⁴³. Но к началу 1930-х гг. автомобиль все еще оставался роскошью, доступной лишь для незначительного меньшинства немцев⁴⁴. В 1932 г. во всей Германии насчитывался всего 486001 зарегистрированный легковой автомобиль. На весь Берлин с его 4-миллионным населением приходилось менее 51 тыс. легковых автомобилей. Отметим, что сегодня по улицам Берлина разъезжает 1,2 млн автомобилей. Если вообразить себе современный город, в котором отсутствуют 29 из каждых 30 автомобилей, то можно получить представление о том, какой редкостью автомобили были в нацистской Германии⁴⁵. В 1933 г. один автомобиль приходился на 37 домохозяйств. Однако это сопоставление может ввести в заблуждение, поскольку оно создает ложное впечатление, что в 1930-е гг. легковые автомобили в Германии были в первую очередь предметом семейного потребления. В реальности же лишь незначительное меньшинство зарегистрированных автомобилей служили в первую очередь для личного использования. Подавляющее большинство легковых автомобилей в гитлеровской Германии использовалось в коммерческих целях.

Еще до презентации «Фольксвагена» Гитлер не делал секрета из своего желания в разы увеличить число владельцев автомобилей. Он был первым канцлером Германии, открывшим Международный автосалон в Берлине, найдя время для его посещения несмотря даже на отчаянную занятость в феврале 1933 г. То, какое значение он придавал автомобилизации, видно из его заявления о том, что «Если раньше уровень жизни населения пытались оценивать, исходя из протяженности железнодорожных линий, то в будущем его критерием станет протяженность дорог, пригодных для автомобильного движения»⁴⁶. Как прекрас-

43. См. речь Гитлера в феврале 1933 г. на международном автосалоне в Берлине, которую фюрер начал с того, что приравнял автомобили к самолетам: Domarus, I. 208.

44. R. Flik, *Von Ford lernen? Automobilbau und Motorisierung in Deutschland bis 1933* (Cologne, 2001).

45. Поскольку население Берлина с 1933 по 2002 г. лишь сократилось с 4,23 млн до 3,38 млн человек, то число автомобилей по отношению к численности населения фактически увеличилось в 30 раз.

46. Domarus, I. 209.

но понимал Гитлер, в 1933 г. с этим критерием в Германии дело обстояло неважно. В 1933 г. лишь 25% магистральных дорог Германии имели твердое покрытие, пригодное для массовых автомобильных перевозок. Для того чтобы исправить ситуацию, летом была анонсирована программа строительства автобанов, а к началу 1934 г. строительство и ремонт дорог в стране целиком находились в руках Фрица Тодта. Кроме того, в апреле 1933 г. режим объявил об отмене транспортного налога на все новокупленные автомобили. До 1933 г. этот налог был одним из самых высоких в Европе и не менее чем в десять раз превышал те налоги, которые в среднем взимались в США⁴⁷. Неудивительно, что все это привело к серьезному приросту производства автомобилей и числа их владельцев. Число зарегистрированных автомобилей, составлявшее в 1932 г. 486001, к 1938 г. более чем удвоилось, достигнув 1,271 млн. Однако из этих цифр видно, что автомобилизация имела четкие пределы. Германия и в конце 1930-х гг. оставалась обществом, в котором владельцы автомобилей составляли незначительное меньшинство населения.

В сравнении со средним семейным доходом автомобили были просто слишком дорогими. В 1938 г., по данным всеобъемлющего исследования, которое провел *Institut für Konjunkturforschung*, минимальная сумма, в которую обходились покупка автомобиля и его годовой пробег в 10 тыс. километров, составляла 67,65 рейхсмарки в месяц⁴⁸. В семье трудящихся из четырех человек, имевшей годовой доход в 2300 рейхсмарок, автомобиль поглощал бы весь наличный доход, оставшийся после оплаты продовольствия, жилья и коммунальных услуг. Согласно Статистическому бюро Рейха, такая «средняя» семья в середине 1930-х гг. в реальности тратила на транспорт, с учетом стоимости проезда в общественном транспорте и содержания велосипеда, 27 рейхсмарок в год. Это составляло одну тридцатую от расходов даже на самый дешевый автомобиль. Кроме того, *Institut für Konjunkturforschung* выявил два главных препятствия на пути к дешевым автомобильным перевозкам. Расходы на покупку автомобиля составляли 30–35% от ежемесячной стоимости его содержания. Вторым важным фактором являлась цена топлива.

В конце 1930-х гг. цена литра бензина в Третьем рейхе составляла 39 пфеннигов (примерно 1,70 доллара в долларах 1990 г.). При такой цене 160-километровая поездка на малоли-

47. «Die steuerliche Belastung der Kraftfahrzeuge im In- und Ausland», *Vierteljahrshefte zur Statistik des Deutschen Reichs*, 42 (1933), 136–46.

48. IfK, *Haltungskosten von Personenkraftfahrzeugen* (Jena, 1938), 42–3, 68.

тражном автомобиле обошлась бы среднему немецкому рабочему в его дневной заработок⁴⁹. Однако рыночная стоимость нефти составляла лишь небольшую долю этой заоблачной цены. На протяжении всех 1930-х гг. в условиях глобального переизбытка нефти цена литра бензина на берегах Мексиканского залива составляла от 2 до 3 пфеннигов — около 10% от цены, взимаемой с немецких автомобилистов. С учетом стоимости перевозки цена на бензин в гамбургском порту составляла бы всего 5,13 пфеннига за литр. Затраты на доставку потребителям и сбыт, вероятно, повысили бы ее примерно до 20 пфеннигов за литр — такой же цены, которую платили потребители в США⁵⁰. Реальную стоимость бензина в Третьем рейхе определяла политика. В этом отношении Третий рейх не отличался от Веймарской республики и большинства современных европейских обществ. И это следует иметь в виду при любом серьезном анализе нацистской политики по отношению к автомобилизации. Акцизы и требование добавлять в бензин отечественный спирт удваивали цену бензина. Если бы содействие автомобилизации являлось главным приоритетом для гитлеровского государства, то оно могло бы снизить расходы на содержание небольшого семейного автомобиля на 15%, отменив эти акцизы. Однако это было невозможно. Последнее слово осталось за *IG Farben*. Для гитлеровского режима гораздо большее стратегическое значение, чем массовая автомобилизация, имели проблемы платежного баланса и связанный с ними проект по обеспечению топливной самодостаточности, требовавший, чтобы цена бензина в Германии намного превышала ее уровень на мировых рынках. В 1930-е гг. стоимость бензина, производившегося на заводе *IG Farben* в Лойне, составляла 15–17 пфеннигов за литр, а это означало, что на бензоколонках бензин отпускался по цене не менее чем в 30 пфеннигов за литр. Соответственно, для того, чтобы программа производства синтетического топлива не сбавляла оборотов, был необходим акциз на импортное топливо. Но по мере того как в течение 1930-х гг. в Рейхе нарастал дефицит средств, к этому стратегическому императиву прибавились и более очевидные потребности Рейхсминистерства финансов. Акцизы на импортное топливо представляли собой важный источник дохода, дав в 1936 г. 421 млн рейхсмарок — треть от общих таможенных поступлений германского государства. Вдобавок к этому в декабре 1936 г. в условиях нараставшей нехватки

49. При потреблении топлива в 8,5 литра на 100 км, дневном заработке в 5 рейхсмарок и цене бензина в 39 пфеннигов за литр.

50. Flik, *Von Ford lernen*, 78.

денежных средств даже топливо отечественного производства было обложено акцизом, составлявшим не менее 4 пфеннигов за литр.

Неизбежность акциза на топливо вынудила сторонников массовой автомобилизации в гитлеровском правительстве еще более активно заняться снижением себестоимости самих автомобилей. Отрасль, которая обслуживала узкий автомобильный рынок Германии, очень слабо походила на ту мощную индустриальную силу, которой стало германское автомобилестроение к концу XX века⁵¹. В ней существовало множество мелких производителей, работавших в условиях высоких издержек и не разорявшихся лишь благодаря громадным пошлинам, которыми облагались импортные автомобили. Несмотря на активные дискуссии о фордизме в управленческих кругах, большинство германских производителей автомобилей из-за небольших объемов производства едва ли могли извлечь выгоду, расширяя объемы производства и за счет этого снижая цены на свою продукцию. Важным исключением из этого правила был *Opel*, в 1929 г. перешедший в полную собственность *General Motors*. По иронии судьбы фордовские методы массового производства в германскую металлообрабатывающую промышленность внедрил вовсе не Форд, а его заклятый конкурент⁵². А серьезное увеличение числа владельцев автомобилей, которого после 1933 г. добивался гитлеровский режим, в значительной степени произошло благодаря инвестиционным решениям, принимавшимся руководством GM в Детройте. Именно *Opel*, используя потенциал своего новейшего завода в Рюссельсхайме, первым вывел на рынок новое поколение малолитражных семейных седанов, в которых удачно сочетались скорость, надежность и комфортабельность. И именно *Opel* первым стал снижать цены, запрашивая за свою модель P4 сенсационную сумму всего в 1450 рейхсмарок (при отгрузке с завода). В 1936 г. 70% всех впервые зарегистрированных автомобилей в гитлеровской Германии относилось к классу машин с мотором объемом менее 1,5 литра, и из 150 тыс. машин этого класса, нашедших покупателей, почти половина была произведена германским филиалом GM. Однако для самого *Opel* цена в 1450 рейхсмарок являлась камнем преткновения. И поскольку даже при этой цене автомобили оставались

51. Ibid., 131–241.

52. О заводе в Рюссельсхайме как о феномене той эпохи см. фоторепортаж: H. Hauser, *Am laufenden Band* (Frankfurt, 1936), а также: Im Kraftfeld von Rüsselsheim (Munich, 1942), проиллюстрированные снимками П. Вольфа (во втором случае в том числе и беспрецедентным количеством цветных фотографий).

доступными лишь незначительному меньшинству германского населения, непонятно, каким образом германская автомобильная промышленность в середине 1930-х гг. могла прорваться на подлинно массовый рынок. Полной автомобилизации немецкого общества пришлось дожидаться того момента, когда достаточно широкие слои населения благодаря экономическому росту в конце концов приобретут достаточно большую покупательную способность.

Однако Гитлеру не терпелось. 7 марта 1934 г., по случаю второго Международного автосалона, проводившегося Третьим рейхом в Берлине, он воспользовался этой возможностью не только для того, чтобы анонсировать национальную топливную программу, но и для того, чтобы огласить свое намерение выпускать народный автомобиль⁵³. Конкретно он имел в виду семейный седан мощностью в 30 лошадиных сил, способный в условиях умеренного комфорта перевозить четверых человек и имеющий невероятно низкую цену — всего 1000 рейхсмарок. Неудивительно, что СМИ с восторгом откликнулись на этот новый смелый проект. Однако представители автомобильной промышленности проявили намного меньше энтузиазма. С учетом текущего состояния производственных технологий и стоимости сырья никто не видел возможности производить автомобиль, заслуживающий такого имени, менее чем за 1000 рейхсмарок. Также было неясно, как Рейх будет закупать бензин и каучук, требовавшиеся для массовой автомобилизации, с учетом хронических проблем с платежным балансом. Тем не менее по причине крайнего возбуждения, охватившего прессу, *Daimler-Benz* и *Auto Union* сочли себя обязанными по крайней мере вступить в переговоры по поводу проекта *Volkswagen*. Два этих крупнейших автопроизводителя, принадлежавшие немецким предпринимателям, опасались, что в противном случае режим может прибегнуть к принуждению или даже пойти на сделку с Детройтом. Поэтому *Daimler-Benz* и *Auto Union* договорились с Ассоциацией германской автомобильной промышленности совместно финансировать конструкторский коллектив во главе с Фердинандом Порше с тем, чтобы изучить возможность выполнения требований, выдвинутых Гитлером.

Порше, несомненно, был талантливым инженером; к тому же он находился в превосходных отношениях с Гитлером, в основе которых лежало их общее увлечение автоспортом. Но в первую

53. Следующие страницы, за исключением особо оговоренных моментов, основываются на: H. Mommsen and M. Grieger, *Das Volkswagenwerk und seine Arbeiter im Dritten Reich* (Düsseldorf, 1996), 53–226.

очередь фигура Порше устраивала автомобильную промышленность из-за того, что он как будто бы разделял ее принципиальное отношение к проекту *Volkswagen*. Выпускать качественный семейный автомобиль менее чем за 1200 рейхсмарок было просто нереально. Отрасль ставила на то, что только Порше сумеет убедить Гитлера в невыполнимости его планов. Однако автопроизводители недооценили как бескомпромиссную решительность Гитлера, так и безжалостность амбиций, питавшихся Порше. Вместо того чтобы отказаться от «народного автомобиля», на открытии Международного автосалона в феврале 1935 г. Гитлер подтвердил свою приверженность этому проекту. В том же году Порше начал дорожные испытания первого прототипа «жука». Впрочем, он, как и ожидалось, не смог решить проблему цены. В конфиденциальной переписке он определял стоимость «фольксвагена» цифрой от 1400 до 1450 рейхсмарок — иными словами, тот получался не дешевле последней модели «опель». Однако Порше так легко не сдавался. Одновременно с быстрым продвижением работы над прототипами и новым ходом *Opel*, объявившего об очередном снижении цен на свои самые дешевые модели, Порше начал активно интриговать против своих работодателей в автомобильной промышленности. В январе 1936 г. Порше пригласил Гитлера на первые официальные испытания «жука», даже не поставив об этом в известность Автомобильную ассоциацию. После того как Ассоциация ответила на это отчетом, в котором конструкция Порше подвергалась критике и предавался гласности тот факт, что в настоящее время себестоимость автомобиля составляет 1600 рейхсмарок, Гитлер в своем выступлении на открытии Международного автосалона в феврале 1936 г. обратил свой гнев не на Порше, а на автомобильную промышленность. Повторив свое убеждение в том, что лишь технический гений способен проложить путь к массовой мобилизации, Гитлер обрушился на германских производителей автомобилей. Он обвинил их в бессознательной поддержке элитарного представления об автомобиле как о дорогостоящем предмете роскоши. Для него было просто неприемлемо то, что в Германии автомобилей в 50 раз меньше чем в Америке, хотя по численности населения первая уступает ей всего вдвое. Никто не был вправе усомниться в готовности национал-социалистического правительства довести проект «народный автомобиль» до успешного завершения⁵⁴. Как Гитлер заверял Порше, проект *Volkswagen* при необходимости будет

54. Domarus, I. 577–8.

осуществлен посредством указов, даже несмотря на сопротивление отрасли. Заявленная стоимость будет достигнута посредством принудительного снижения цен, по которым Порше покупал сталь и алюминий.

В июле 1936 г. проект начал определенно ускользать из рук германских автопроизводителей. После успешной демонстрации автомобиля Порше, состоявшейся 11 июля 1936 г. в Оберзальцберге, Гитлер решил, что его следует собирать не на каком-либо из существовавших в Германии автозаводов, а на новом, специально построенном заводе. Гитлер утверждал, что его можно построить за 80–90 млн рейхсмарок. Предполагалось, что завод будет иметь производственную мощность в 300 тыс. автомобилей в год, а первые автомобили следовало собрать к открытию Международного автосалона в начале 1938 г. Похоже, что перед лицом невозможности наладить коммерческое производство автомобилей по цене в 1000 рейхсмарок, германская частная автомобильная промышленность в целом была лишь рада тому, что отныне заниматься Порше и его проблематичным проектом станет государственный сектор. В качестве коммерческого проекта *Volkswagen* не имел будущего. Завод, по образцу *Brabag* построенный на средства, принудительно изъятые у частного сектора, мог погубить всю отрасль. Куда более приемлемым вариантом было использование государственных средств или, вернее, средств Германского трудового фронта (DAF). По-видимому, эта идея исходила от Франца Йозефа Поппа, основателя BMW, входившего также в наблюдательный совет при *Daimler-Benz*. Попп предложил, чтобы Трудовой фронт занялся «народным автомобилем» в качестве некоммерческого проекта. Некоммерческий статус обеспечит заводу налоговые льготы, которые позволят снизить цену готовых автомобилей. Но еще более важным с точки зрения отрасли было то, что «народные автомобили» будут продаваться исключительно рабочим, состоящим в Трудовом фронте, благодаря чему прибыльный рынок автомобилей для среднего класса останется в руках частных производителей. Руководство Трудового фронта ухватилось за открывавшуюся перед ним возможность. Как впоследствии выразился Роберт Лей, вождь Трудового фронта, партия в 1937 г. пришла на смену частной индустрии там, где та по причине своей «недальновидности, испорченности, жадности и глупости» потерпела «полный крах»⁵⁵. В мае 1937 г., когда выплаты Порше и его группе конструкторов достигли 1,8 млн рейхсма-

55. Mommsen and Grieger, *Das Volkswagenwerk*, 129.

рок, промышленники списали убытки и вышли из проекта *Volkswagen*. 28 мая 1937 г. Порше и его сотрудники основали общество с ограниченной ответственностью *Gesellschaft zur Vorbereitung des Deutschen Volkswagens mbH (Gezuvor)*. Год спустя началась сборка автомобилей на заводе Порше в Фаллерслебене в Центральной Германии. В октябре 1938 г. Порше вместе с Фрицем Тодтом и авиаконструкторами Вилли Мессершмиттом и Эрнстом Хейнкелем получил Германскую национальную премию в области науки и искусства, учрежденную Гитлером в качестве альтернативы Нобелевской премии.

Однако главный вопрос так и не был решен. Как сделать *Volkswagen* доступным большинству немцев? По заявлениям Трудового фронта, отныне «народный автомобиль» в соответствии с нацистской идеологией следовало пропагандировать в качестве орудия социальной политики, а не извлечения прибыли. Однако у Трудового фронта тоже отсутствовала какая-либо внятная система финансирования этого проекта. С самого начала было ясно, что расходы на строительство завода никогда не окупятся при продаже автомобилей по цене в 990 рейхсмарок. Поэтому сооружение завода следовало финансировать из некоммерческих источников. Трудовой фронт, унаследовавший достаточно масштабные деловые структуры немецких профсоюзов, располагал активами, стоимость которых в 1937 г. оценивалась в 500 млн рейхсмарок. Кроме того, крупным источником поступлений служили и ежегодные взносы, поступающие от 20 млн членов Трудового фронта. Однако для строительства завода *Volkswagen* требовались огромные средства. Отныне вместо 80–90 млн рейхсмарок, о которых первоначально говорил Гитлер, Порше замыслил строительство крупнейшего автомобильного завода в мире. Стоимость его первой очереди, рассчитанной на выпуск 450 тыс. автомобилей в год, составляла 200 млн рейхсмарок. После завершения третьей, последней, очереди строительства, завод должен был достигнуть производственной мощности в 1,5 млн автомобилей в год, что превышало даже объемы производства на заводе Генри Форда в Дирборне. Инвестиции такого масштаба представляли собой колоссальное бремя для Трудового фронта. Первый транш в 50 млн рейхсмарок, требовавшийся для начала строительства, удалось собрать лишь путем срочной продажи офисных зданий и других профсоюзных активов, захваченных после Первой 1933 г. Еще 100 млн марок Фронт собрал задействовав средства своего собственного банка и страхового общества. Покупка самих автомобилей оплачивалась посредством специальной схемы предоплаты. Вместо того чтобы выдавать покупателям зай-

мы на приобретение автомобилей, Трудовой фронт забирал сбережения будущих владельцев «народных автомобилей».

Чтобы приобрести *Volkswagen*, покупатель должен был еженедельно вносить не менее 5 рейхсмарок на специальный беспроцентный счет Трудового фронта. После того как на счету накапливалось 750 рейхсмарок, покупатель получал право вступить в обладание автомобилем. Между тем у самого Трудового фронта накапливались проценты в размере 130 рейхсмарок за каждую машину. Кроме того, покупатели «народных автомобилей» должны были купить двухгодичную страховку, обходившуюся им в 200 рейхсмарок. Предоплаченные средства не подлежали их передаче в другие руки, за исключением случая смерти, а расторжение договора обычно означало потерю всех уже внесенных средств. Примечательно, что к концу 1939 г. такие договоры заключили 270 тыс. человек, а к концу войны число тех, кто участвовал в этой схеме предоплаты, достигло 340 тыс. человек. Всего Трудовой фронт собрал 275 млн рейхсмарок предоплаты. Но ни одно частное лицо в Третьей рейхе так и не стало владельцем «народного автомобиля». После 1939 г. завод занимался выполнением исключительно различных государственных заказов. Большинство мощностей недостроенного завода Порше использовалось для военного производства. 275 млн рейхсмарок, внесенных желающими приобрести *Volkswagen*, обесценились во время послевоенной инфляции. После длительных судебных разбирательств первые клиенты *Volkswagen* получили частичную компенсацию лишь в 1960-е гг. Но даже если бы не разразилась война, развитие событий до 1939 г. указывало на то, что вся концепция «народного автомобиля» была обречена на полный провал. Для того чтобы хоть сколько-нибудь близко подойти к фантастической цене в 990 рейхсмарок за автомобиль, гигантский завод *Volkswagen* должен был выпускать не менее 450 тыс. машин в год. Однако это более чем вдвое превышало все производство автомобилей в Германии и было намного больше числа покупателей, заключивших договор к концу 1939 г. В том случае, если бы производство составляло «всего» 250 тыс. автомобилей в год — что было значительно больше того, что мог поглотить германский рынок, — то средняя себестоимость автомобиля превышала бы 2000 рейхсмарок, вследствие чего завод терял бы более чем по 1000 рейхсмарок на каждом автомобиле при их продаже по официальной цене. Более того, даже при цене в 990 рейхсмарок *Volkswagen* оставался недоступен для подавляющего большинства немцев. В 1942 г. при опросе 300 тыс. человек, вносивших предоплату за *Volkswagen*, выяснилось, что в среднем их

годовой доход составлял около 4000 рейхсмарок, то есть они безусловно принадлежали к числу наиболее зажиточных жителей Германии. Работники физического труда, представлявшие собой истинную аудиторию пламенных речей о *Volksgemeinschaft*, составляли не более 5% тех, кто желал приобрести *Volkswagen*.

III

И «народный приемник», и «народный автомобиль» являлись желанными потребительскими товарами и привлекательными символами современности. Но они ни в коем случае не относились к числу предметов первой необходимости и оказывали лишь ограниченное влияние на повседневную материальную жизнь подавляющего большинства немцев. Главное место в ней занимали питание, одежда и жилье. Ограничения, с которыми сталкивалась германская текстильная и швейная промышленность, разбирались в предыдущих главах; достаточно сказать, что расходы на одежду, очень существенно выросшие после 1933 г., составляли главную часть потребительского бюджета. Вопрос продовольствия будет рассмотрен в связи с сельским хозяйством в следующей главе. Однако жилищный вопрос заслуживает специального внимания, поскольку он представлял собой политическую сферу, игравшую ключевую роль в том *Volksgemeinschaft*, которое стремился построить национал-социализм. Кроме того, в отличие от автомобилей и радио, жилищный вопрос не могло обойти своим вниманием ни одно немецкое правительство. Эта сфера потребления с начала столетия все сильнее и сильнее политизировалась и оказывала решительное противодействие всем попыткам быстро исправить сложившееся в ней положение.

Жилищную ситуацию в Германии межвоенного периода было принято описывать словами «дефицит жилья». Конкурировавшие заинтересованные группы давали разные оценки этого дефицита — от 1 до 2 млн квартир, в зависимости от того, кто производил оценку⁵⁶. Однако неоднозначным является само понятие дефицита. На «свободном» рынке, автоматиче-

56. M. Führer, Mieter, Hausbesitzer, Staat und Wohnungsmarkt: Wohnungsmangel und Wohnungszwangswirtschaft in Deutschland 1914–1960 (Stuttgart, 1995), 27–46. Пример тщательно обоснованного подсчета см. в: IfK, *Supplement to Weekly Report*, 22 April 1936, где говорится, что в стране насчитывалось 750 тыс. домохозяйств, обладавших средствами для покупки небольшой квартиры или дома, если бы те имелись в наличии, и еще 750 тыс., нуждавшихся в жилье, но не располагавших достаточным доходом.

ски приходящем в состояние равновесия, дефицита не бывает. Превышение спроса над предложением обычно приводит к росту цен, что вызывает сокращение реального спроса и рост предложения, устраняя дефицит. Поэтому симптомы дефицита на рынке жилья в межвоенной Германии в первую очередь отражали «искажения», сложившиеся из-за введения мер контроля над квартплатой после окончания Первой мировой войны⁵⁷. Эти меры контроля были необходимы в период инфляции для предотвращения эпидемии выселений, которая привела бы к появлению армии бездомных. В этом отношении они были чрезвычайно эффективными. Контроль над платой за жилье являлся одним из ключевых элементов веймарского государства социального обеспечения. Однако ему были свойственны свои минусы. Поскольку оплата большей части жилья была зафиксирована на уровне, в пересчете на реальные деньги намного более низком, чем тот, который преобладал в 1913 г., то строительство нового жилья стало крайне непривлекательным для частных инвесторов. Власти Веймарской республики пытались исправить ситуацию, в широких масштабах строя жилье за счет государства. Средства на это строительство давал налог, взимаемый с владельцев существующей недвижимости — *Hauszinssteuer* — и оправдывавшийся огромным выигрышем, в котором они оказались, когда их ипотечные кредиты были «уничтожены» гиперинфляцией⁵⁸. Это государственное финансирование, несомненно, внесло серьезный вклад в увеличение жилого фонда. Кроме того, новые здания нередко были построены в симпатичном модернистском стиле. Однако они лишь косвенно облегчали положение основной массы населения, поскольку в силу типичных затрат на строительство минимальная ежемесячная квартплата даже с учетом субсидий составляла 40 рейхсмарок в месяц, что сильно превышало величину, приемлемую для семей рабочих. Между тем общенациональная перепись, проведенная в разгар строительного бума, финансировавшегося Веймарской республикой, выявила симптомы если не нехватки жилья, то массового распространения очень плохих жилищных условий. В 1927 г. в германских городах не менее чем в каждой шестой квартире, помимо основных съемщиков, проживали их жильцы и субарендаторы. И в число этих жильцов входило

57. G. Schulz, «Die Diskussion über Grundlinien einer Nachkriegssozialpolitik im Nationalsozialismus», in M. Prinz, M. Frese (eds.), *Politische Zäsur und gesellschaftlicher Wandel im 20. Jahrhundert* (Paderborn, 1996), III.

58. О ситуации, сложившейся к концу 1920-х гг., см.: Deutsche Bau- und Bodenbank AG, *Die Entwicklung der deutschen Bauwirtschaft im ersten Halbjahr 1929* (Berlin, n. d.), 20–21.

как минимум 377 тыс. семей, насчитывавших не менее трех человек и проживавших на условиях субаренды в чужих квартирах. Кроме того, по оценкам статистиков, по крайней мере три четверти из миллиона германских квартир могли считаться перенаселенными. Сотни тысяч семей рабочих были вынуждены жить не менее чем по два человека в комнате. Многие теснились в одно- и двухкомнатных квартирах, где не было ни ванной комнаты, ни отдельной кухни. В описаниях того времени фигурируют семьи, проживавшие в продуваемых всеми ветрами мансардах и сырых подвалах. После того как массовая безработица сделала тысячи человек бездомными, на окраинах германских городов выросли трущобные поселки, служившие жильем для десятков тысяч людей.

Депрессия нанесла смертельный удар по веймарской системе государственного жилищного строительства. В результате резкого снижения налоговых поступлений и роста расходов на социальное обеспечение иссякли средства, выделявшиеся государством на новое строительство. Государственные субсидии на жилье, в 1928 г. достигшие пика в 1,34 млрд рейхсмарок, к 1932 г. сократились до 150 млн рейхсмарок, что имело катастрофические последствия для строительной отрасли⁵⁹. В Берлине, где проживало более 4 млн человек, за последние шесть месяцев 1931 г. началось строительство всего 2606 новых квартир. В этой кризисной ситуации государство пошло на чрезвычайные меры, объявив, что будет помогать строить поселки, возводимые безработными и их семьями на окраинах германских городов. Каждому такому поселку выдавалось достаточное количество земли для того, чтобы семьи могли в значительной степени сами обеспечивать себя продовольствием⁶⁰. Государство предоставляло льготный кредит в 2500 рейхсмарок на строительство, а остаток должны были изыскать сами застройщики за счет взаимопомощи.

Захват Гитлером власти навсегда покончил с веймарской системой выдачи субсидий непосредственно на строительство жилья. В Третьем рейхе поступлениям от *Hauszinssteuer* нашлось более важное применение, чем финансирование социального жилья. Дефляция отчасти привела квартплату в соответствие с заработками и остальными ценами, повысив прибыльность частного жилья. Однако всякое сколько-нибудь масштабное строительство по-прежнему было невозможно без субсидиро-

59. Kähler (ed.), *Geschichte des Wohnens*, table 12, 720.

60. T. Harlander, *Zwischen Heimstätte und Wohnmaschine: Wohnungsbau und Wohnungspolitik in der Zeit des Nationalsozialismus* (Basle, 1995), 30–53.

вания в том или ином виде. Крупнейшее разовое выделение средств на строительство жилья в гитлеровской Германии было связано с программами 1932 и 1933 г. по созданию рабочих мест, предусматривавшими субсидии в объеме 667 млн рейхсмарок на ремонт и перестройку существующих квартир. Кроме того, 45 млн рейхсмарок выделялось в качестве субсидий на строительство частных домов. Итоги выполнения этой программы были значительными, но они ограничивались главным образом перестройкой существовавших больших квартир в маленькие и более доступные для съемщиков. В целом жилищная политика в первые годы существования Третьего рейха сводилась к перекладыванию ответственности обратно на частные источники финансирования. В то время как при Веймарской республике государством покрывалось 42,4% всех расходов на строительство жилья, к 1936 г. эта величина сократилась до 8%. Наиболее эффективным из новых механизмов жилищной политики, разработанных гитлеровским режимом, являлись *Reichsbürgerschaft* — государственные гарантии по ипотечным кредитам, полученным частными домовладельцами. Хотя этот механизм не требовал от государства никаких вложений, готовность Рейха гарантировать заимодавцам возвращение их средств позволила снизить стоимость кредитов⁶¹.

В той мере, в какой гитлеровский режим проводил идеологизированную жилищную политику, в первые годы она заключалась в ускорении выполнения спонсировавшейся государством программы строительства поселков, осуществлявшейся с 1931 г. Отныне пригородные поселки, прежде рассматривавшиеся в качестве убежища от индустриальной экономики для безработных трудящихся, стали преподноситься как образец будущего германского жилья. Нацистский идеолог Готтфрид Федер, в 1934 г. недолго занимавший должность главного комиссара по расселению (*Reichskommissar für das Siedlungswesen*), замыслил гигантскую программу расселения, запланированную на период до 1980-х гг. От 10 до 15 млн немцев должны были получить новые дома в небольших городках с такими говорящими названиями, как Гитлербург или Геринген⁶². Однако реальность внесла радикальные коррективы в эти планы. По сравнению с миллиардами, потраченными Веймарской республикой на воплощение своих представлений о социальном жилье, гитлеровский режим в сумме выдал на свою программу расселения всего 180 млн рейхсмарок. Даже если предположить, что строитель-

61. F. Lütge, *Wohnungswirtschaft* (Jena, 1940), 199–206.

62. Harlander, *Zwischen Heimstätte und Wohnmaschine*, 60.

ство поселков обходилось в самую скромную сумму, а основную долю работ выполняли сами поселенцы, этих денег хватило на постройку всего 35 тыс. квартир. Эти поселки были окружены обширными земельными участками, но даже по тогдашним стандартам уровня жизни они обеспечивали своим жителям более чем скромные удобства. Материалы, использовавшиеся при их строительстве, имели такое низкое качество, что в некоторых случаях кредиторы объявляли здания недостаточно прочными для того, чтобы рассматриваться в качестве необходимого обеспечения. В этих поселках не было ни электричества, ни водопровода. Они не подключались к канализации, потому что считалось, что жители станут использовать нечистоты в качестве удобрений на своих участках⁶³. Вероятно, не стоит удивляться тому, что это начинание не вызвало у жителей особого энтузиазма. Несмотря на то что идеология переселения по-прежнему насаждалась партийными учреждениями, Третий рейх явно нуждался в иной жилищной политике.

Перед лицом сохранявшейся проблемы перенаселенности городов Рейхсминистерство труда в 1935 г. приступило к осуществлению альтернативной идеи национал-социалистического жилья, принявшей облик так называемых народных квартир (*Volkswohnungen*)⁶⁴. Авторы этого проекта не собирались переселять людей за город или каким-либо иным образом привязать германское население к земле, не питая иных амбиций, кроме обеспечения трудящихся элементарным городским жильем, стоимость которого по первым прикидкам должна была составлять всего 3000–3500 рейхсмарок за квартиру. В них не предусматривалось горячего водоснабжения, центрального отопления и полноценной ванной комнаты как чрезмерно дорогих удобств. Электричество подавалось в квартиры только в целях освещения. Постройка «народных квартир» должна была субсидироваться государством, выдававшим займы, не превышавшие 1300 рейхсмарок. Квартплату предполагалось установить на уровне, не превышавшем 20% от дохода тех, кто находился на нижних уровнях рабочей иерархии, т. е. составлявшем от 25 до 28 рейхсмарок в месяц⁶⁵. Однако для того чтобы «народные квартиры» были такими дешевыми, их площадь не дол-

63. K. C. Führer, «Das NS Regime und die „Idealform des deutschen Wohnungsbaues“», VWSG 89 (2002), 141–66.

64. Führer, *Mieter*, 230–50; Harlander, *Zwischen Heimstätte und Wohnmaschine*, 97–100.

65. Как стало известно строительной компании, участвовавшей в строительстве «народного жилья», 18% из ее собственных наемных работников платило за жилье более 30 рейхсмарок в месяц, 37% платило от 20 до 30 рейхсмарок, а остальные 45% платили менее 20 рейхсмарок. См.: VAN R131,594, Nieder-

жна была превышать 34–42 кв. метров. При всей практичности такого варианта он совершенно не устраивал пропагандистов *Volksgemeinschaft*. Геббельсовское министерство отказывалось считать такое убогое жилье «народными квартирами», а Трудовой фронт требовал, чтобы минимальная площадь квартир для рабочих составляла 50–70 кв. метров, чего хватало для того, чтобы семья могла разместиться в трех-четырех комнатах⁶⁶. Но как показал опыт, подсчеты Министерства труда в реальности были чрезмерно оптимистичными. К 1939 г. допустимую стоимость строительства даже маленькой «народной квартиры» пришлось поднять до 6 тыс. рейхсмарок, что повышало квартплату до 60 рейхсмарок в месяц, вследствие чего даже это элементарное жилье выходило за пределы допустимых расходов у самой массовой категории квартиросъемщиков. Семьи рабочих были готовы платить максимум 35 рейхсмарок в месяц. Вместо строительства 300 тыс. квартир в год, предусматривавшегося в планах Министерства труда, в 1935–1939 гг. началось строительство лишь 117 тыс. «народных квартир».

Как и в случае с «народным автомобилем», гитлеровский режим не мог разрешить противоречия между тем, какой уровень жизни он желал видеть в Германии и реальной покупательной способностью населения. Но как и в первом случае, это не помешало Трудовому фронту выдвинуть утопическую программу будущего строительства⁶⁷. К концу 1930-х гг. официальным идеалом «народного жилья» служила большая семейная квартира площадью не менее чем в 74 кв. метра, полностью электрифицированная и снабженная тремя спальнями — по спальне для родителей, для детей мужского пола и для детей женского пола. В то же время, согласно оценкам, квартира, соответствующая требованиям Трудового фронта, имела бы цену порядка 14 тыс. рейхсмарок — что на 40% превышало даже цену тех квартир, которые строила Веймарская республика. Однако ограниченные размеры германского семейного бюджета требовали, чтобы эти роскошные квартиры сдавались *Volksgenossen* по цене, не превышавшей 30 рейхсмарок в месяц. Отчасти расходы просто оплачивал Рейх. Но как и в случае с «народным автомобилем», Трудовой фронт питал надежды на то, что массовое строительство позволит найти выход из тупика. В 1938 г. специалисты Трудового фронта по рационализации пришли к выводу о том, что

schrift über die Sitzung des Beirates der Industrieabteilung der Wirtschaftskammer Düsseldorf, 14.10.1940.

66. König, *Volkswagen*, 115–24.

67. Harlander, *Zwischen Heimstätte und Wohnmaschine*, 198–206.

лишь 5% обычного дома построено из компонентов, производившихся в массовом порядке; в случае «народных квартир» эта цифра должна была составлять 100%. Трудовой фронт рассчитывал на то, что эффективное массовое производство позволит снизить цену просторных «народных квартир» до каких-то 7 тыс. рейхсмарок⁶⁸. Как и в случае с «народным автомобилем», предполагалось, что соблазнительная логика экономии за счет массового производства в сочетании с неограниченными государственными субсидиями сделает зажиточное *Volksgemeinschaft*, о котором мечтал национал-социализм, реальностью.

IV

Несомненно, что к концу 1930-х гг. реализация национал-социалистических чаяний, мягко говоря, не была завершена. Если оценивать «народные товары» с точки зрения предъявлявшихся к ним ожиданий, то они потерпели крах. Но останавливаться на этом нельзя. Мы должны продолжить логическую цепочку и задаться вопросом о том, какой смысл режим мог вкладывать в эти неудачи. И как только мы поставим этот вопрос, станет ясно, что разочарование, связанное с «народными товарами», не представляло никакой угрозы для идеологических основ национал-социализма. Так произошло не потому, что повышение уровня жизни являлось второстепенной задачей — отнюдь нет. Как неоднократно подчеркивал Гитлер, избавление немецкого народа от относительной бедности с тем, чтобы он жил так, как приличествует арийцам, представляло собой ключевую цель его политики. Дело в том, что низкая покупательная способность немцев не стала сюрпризом для Гитлера и прочих адептов его учения. Поскольку немцы были вынуждены существовать в условиях нехватки жизненного пространства, в окружении враждебных держав, которых натравливал на Германию мировой еврейский заговор, то не следовало удивляться тому, что немцы не могли себе позволить содержать автомобили. Не удивительно было и то, что семьи немецких трудящихся выбивались из сил, чтобы заплатить за аренду всего 40 квадратных метров неудобного жилья. «Народные товары» предвещали новое будущее. Но было бы крайне наивно думать, что они могли сделать его реальностью сами по себе. Как выразился сам Гитлер в своей «Второй книге», если германское государство не суме-

68. Обсуждение рационализаторских усилий в строительной индустрии конца 1930-х гг. см. в: Lütge, *Wohnungswirtschaft*, 107–12.

ет обеспечить немецкому народу достаточное жизненное пространство, «все социальные надежды» окажутся «утопическими обещаниями, не имеющими никакой цены»⁶⁹. Реальным орудием создания богатого потребительского общества в американском стиле должен был стать перевооруженный вермахт — сила, способная дать немцам столько же жизненного пространства, сколько его было у американцев.

Историки Третьего рейха традиционно противопоставляют перевооружение «гражданским» задачам режима, как будто то и другое представляло собой две взаимно исключающие альтернативы: эта точка зрения нередко укладывается в формулировку «пушки или масло». И в таком подходе скрывается несомненная истина. Как мы уже видели, начиная с 1934 г. в соответствии с «Новым планом» Шахта импорт промышленного сырья, в конечном счете предназначавшегося для перевооружения, получил приоритет над импортом сырья, требовавшегося для народного потребления. В то же время Рейх, изыскивая средства на вооружение, выкачал из населения почти 60 млрд рейхсмарок в виде налогов и частных сбережений. В отсутствие этих расходов домашнее потребление и частные инвестиции явно могли бы быть значительно более высокими. К 1938 г. военные расходы выросли до 20% национального дохода, чего хватило бы для оплаты даже самой грандиозной жилищной программы. Тем не менее формула «пушки или масло» неверна. На стратегическом уровне пушки в конечном счете рассматривались как средство, способное дать населению больше масла — в самом прямом смысле, посредством завоевания Дании, Франции и плодородных сельскохозяйственных угодий Восточной Европы. В этом смысле перевооружение представляло собой инвестиции в грядущее процветание. Но хотя, возможно, именно так думали Гитлер, Геринг и прочее германское военнополитическое руководство, эту идею о предназначении перевооружения, несомненно, не разделял средний немец в 1930-е гг.⁷⁰ Однако при этом напрашивается вопрос — что перевооружение означало в 1930-е гг. для немцев? Вправе ли мы рассматривать перевооружение как обузу, снижавшую уровень жизни и служившую еще одним препятствием к реализации мечты о массовом потреблении? Или же в реальности будет более умест-

69. *Zweites Buch*, 144.

70. На самом деле у нас имеются согласующиеся друг с другом факты, указывающие на то, что представления Гитлера о «жизненном пространстве» пользовались массовой поддержкой. См.: B. Stöver, *Volksgemeinschaft im Dritten Reich: Die Konsensbereitschaft der Deutschen aus der Sicht sozialistischer Exilberichte* (Düsseldorf, 1993), 236–7.

но вывернуть эту логику наизнанку и считать перевооружение своеобразной разновидностью коллективного потребления?

Несомненно, именно таким образом военные расходы рассматриваются в рамках традиционного экономического анализа — не как разновидность инвестиций в производство, а как один из типов непроизводительного потребления, связанного с удовлетворением коллективных потребностей населения. На этом уровне анализа не существует разницы между покупкой танков и боевых самолетов и расходами на строительство общественных зданий, стадионов или гигантских курортов на Балтийском побережье. Опять же, с экономической точки зрения восстановленный в 1935 г. воинский призыв был равнозначен грандиозному коллективному отпуску для миллионов молодых людей, которые питались и одевались за счет государства, но не принимали участия в производительном труде. Более того, сложно отрицать наличие некоего параллелизма между различными массовыми молодежными организациями НСДАП, организованной коллективной деятельностью военнослужащих и организованным массовым досугом, проводившимся под эгидой организации KdF (*Kraft durch Freude*, «Сила через радость»). В глазах молодых людей эти организации представляли собой последовательные этапы на их жизненном пути: от «Гитлерюгенда» через вермахт в ряды Трудового фронта и действовавшей при нем KdF. Более того, на символическом уровне вермахт находился в центре многих ритуализованных массовых мероприятий режима. Начиная с 1934 г. популярным атрибутом нюрнбергских партийных съездов стал «День вермахта», в котором участвовали десятки тысяч солдат и тысячи лошадей и машин, включая целые танковые полки, разыгрывавшие тщательно срежиссированные имитации сражений⁷¹. Кроме того, вермахт с большим успехом выступал на многолюдных крестьянских съездах⁷². Однажды военные даже организовали высадку парашютистов на толпу пораженных деревенских жителей. Хотя по этой теме не существует серьезных исследований, вряд ли стоит сомневаться в том, что перевооружение 1930-х гг. не только пагубно сказывалось на уровне жизни в Германии, но и пользовалось популярностью как яркое шоу — иными словами, являлось частью общественного потребления.

71. W. Landhoff, *Die grossen Militärparaden des dritten Reiches* (Kiel, 2002).

72. См. снимок толпы, рассматривающей отряд танков Pz-I в Бюкебергских горах, вероятно, в 1935 г.: W.J. Spielberger, *Die Panzerkampfwagen I und II* (Stuttgart, 3rd edn., 1991), 41.

Современников изумлял энтузиазм, которым было встречено восстановление воинского призыва весной 1935 г.⁷³ А поразительные факты, собранные историками, свидетельствуют о сильных чувствах, которые многие немецкие рабочие 1930-х гг. испытывали к оружию, которое они делали. Несомненно, отчасти это было связано с высоким статусом квалифицированных трудящихся, занятых в производстве вооружений⁷⁴. Но отчасти дело заключалось и в самом оружии. Оно не было обычным товаром, представляя собой выражение национальной мощи и общую собственность немецкого народа, которую предстояло пустить в ход лучшим из мужчин Германии. В руководстве по эксплуатации танка, изданном во время войны, эта связь настойчиво доводится до сведения молодых танкистов:

Каждый снаряд, который ты посылаешь из пушки, обошелся твоему отцу в 100 рейхсмарок налогов, а твоей матери — в неделю работы на заводе <...> Полная стоимость «Тигра» составляет 800 тысяч рейхсмарок и 300 тысяч часов труда. 30 тысяч человек должны были расстаться с заработком за целую неделю, 6 тысяч человек должны были проработать неделю, чтобы у тебя был «Тигр». Все эти люди, строившие «Тигр», трудились на тебя. Подумай о том, что тебе доверено!⁷⁵

Каким бы ограниченным ни было снабжение гражданского общества сложными потребительскими товарами, вермахт вовлек население — в первую очередь мужское — в коллективное потребление всех плодов современной промышленности⁷⁶. Нельзя сказать, что вермахт не понимал ограниченные возможности немецкой экономики. Неполная модернизация Германии четко отражалась на деятельности вермахта. Большинство гитлеровских солдат шло в бой пешком и было вынуждено довольствоваться в основном гужевым транспортом. В этом смысле германская армия 1930-х и 1940-х гг. была обречена на то, что-

73. Stöver, *Volksgemeinschaft*, 180–82, где также отмечается массовая поддержка ремилитаризации Рейнской области.

74. Ibid., 139, с примерами из опыта фирм *Dornier*, *Messerschmitt*, *Heinkel* и *MAN*.

75. Во избежание недоразумений уточним, что танк «Тигр», о котором идет речь, выпускался только с 1943 г. и в реальности обходился для вермахта в 300 тыс. рейхсмарок, включая полный комплект боеприпасов для его 88-мм пушки. Тем не менее язык этого отрывка чрезвычайно показателен. W.J. Spielberger, *Tiger and King Tiger Tanks* (Sparkford, 1987), 104, 220–21.

76. A. Lüdtke, «Ikonen des Fortschrittes», in A. Lüdtke, I. Marssolek, A. von Salder (eds.), *Amerikanisierung: Traum und Alptraum im Deutschland des 20. Jahrhunderts* (Stuttgart, 1996), 199–210. Подробный разбор того, как эволюционировала пропаганда вермахта, см. в: E.-M. Unger, *Illustrierte als Mittel zur Kriegsvorbereitung in Deutschland 1933 bis 1939* (Cologne, 1984), 137–270.

бы оставаться, как выразился один историк, «армией бедных». Но с другой стороны, молодые люди, служившие в вермахте, состояли в рядах организации, которая бесспорно служила орудием индустриальной модернизации. Как и во время Первой мировой войны, служба в армии давала многим молодым людям возможность впервые непосредственно ознакомиться с грузовиками и легковыми машинами⁷⁷. Несмотря на недостатки «народных радиоприемников», в 1930-е гг. в радиооборудование и электронную инфраструктуру вермахта были вложены сотни миллионов рейхсмарок. И каждый немецкий солдат был знаком с основными принципами работы радио. В этом смысле в наибольшей степени выделялись люфтваффе. Если германская армия во многих отношениях все еще существовала в XIX веке, то идея «бедных ВВС» несостоятельна сама по себе. К концу 1930-х гг. на люфтваффе и связанные с ними отрасли трудились сотни тысяч человек. Даже если летать умело всего несколько тысяч человек, еще сотни тысяч обслуживали инфраструктуру, требовавшуюся для полетов, а еще миллионы в фантазиях отождествляли себя с люфтваффе, осуществившими давнюю мечту о национальных военно-воздушных силах⁷⁸. По крайней мере в этом смысле идея о зажиточном *Volksgemeinschaft* вышла за рамки простой риторики. Если Германия не могла сравняться с США в плане частного потребления, имея гораздо меньше автомобилей, радиоприемников и холодильников на душу населения, то она по крайней мере была вправе похвастаться куда большим количеством боевых самолетов и танков.

77. K. Möser, «World War I and the Creation of Desire for Automobiles in Germany», in S. Strasser, C. McGovern and M. Judt, *Getting and Spending: European and American Consumer Societies in the Twentieth Century* (Cambridge, 1998), 195–222.

78. P. Fritzsche, *A Nation of Fliers: German Aviation and the Popular Imagination* (Cambridge, Mass., 1992), 185–219.

Спасение крестьянства

НА ПЕРВЫЙ взгляд наиболее заметным различием между экономическим положением Германии, Великобритании и США являлись колоссальные источники сырья и земельные угодья, имевшиеся у двух последних благодаря огромной территории США и многочисленным владениям Британской империи. Нехватка земли служила едва ли не самым важным фактором из всех, что стояли за прорывом европейцев во внешний мир, еще с XVII в. оказывавшим глубочайшее влияние на глобальный баланс сил¹. Наряду с наукой и техникой, представлявшими собой рационалистическое наследие европейского Ренессанса и Просвещения, в число принципиальных компонентов модернизации входило и ненасытное стремление европейцев избавиться от бедности посредством захвата и заселения обширных «пустых» земель в Евразии, Америке и Австралии. Итогом этих процессов к концу XIX в. стало резкое перераспределение земельной собственности и населения. При этом коренное население Северной Америки, а также большей части Латинской Америки и Австралии подверглось более-менее целенаправленному геноциду. Для работы на плантациях риса, сахарного тростника и хлопка через Атлантику из Африки было доставлено 30 миллионов рабов. 40 миллионов европейцев отправились за моря в надежде повысить свой уровень жизни. В противоположную сторону текли товары, произведенные на покоренных и заселенных землях, — и к концу XIX в., когда резко снизилась стоимость перевозок, этот поток превратился в потоп. В результате произошла впечатляющая революция в глобальной системе снабжения продовольствием, которая, в свою очередь, отразилась на многочисленном крестьянском населении Европы².

1. J. C. Weaver, *The Great Land Rush and the Making of the Modern World, 1650–1900* (Montreal, 2003); A. W. Crosby, *Ecological Imperialism: The Biological Expansion of Europe, 900–1900* (Cambridge, 1986).

2. О размышлениях современников на эту тему см.: D. Goodman and M. Watts (eds.), *Globalising Food: Agrarian Questions and Global Restructuring* (London, 1997).

И эти эпические события, имевшие глобальный размах, мы должны иметь в виду при анализе национал-социализма и, в частности, его аграрной политики. Слишком часто поглощенность Гитлера и его сподручных проблемами «жизненного пространства», продовольствия и сельского хозяйства воспринимается как *prima facie* свидетельство атактичности и отсталости нацистов. Трудно представить себе более ошибочное суждение. Приобретение территорий и естественных ресурсов не было нелепой манией идеологов расизма. К тому же самому стремилась вся Европа на протяжении по крайней мере последних двухсот лет. Разумеется, процесс европейской экспансии в целом остановился к 1914 г. Но важное исключение из этого правила мы встречаем в Евразии, где Россия не прекращала попыток заселить и развивать обширные территории к востоку от Урала. И именно на восток старался направить тягу немцев к экспансии Гитлер. Вопрос о том, какой ответ должны дать европейские общества и их сельское население на новый глобальный расклад в сфере снабжения продовольствием, представлял собой отнюдь не маргинальную проблему. Это был один из ключевых вопросов, вставших перед европейскими обществами в XX в.

За таким серьезным исключением, как Великобритания, во всех остальных странах Европы значительная доля населения продолжала заниматься сельским хозяйством еще и во второй половине XX в.³ В Германии 1930-х гг. крестьянская жизнь, прославлявшаяся нацистскими аграриями, не была архаичной фантазией. Социальная реальность, которую она описывала, была более чем живой. Хотя германскую экономику начала XX в. принято считать современной, динамичной, передовой и способной на конкуренцию в глобальном масштабе, на самом деле заметное меньшинство германского населения вплоть до 1950-х гг. по-прежнему кормилось за счет земли, причем во многих случаях в условиях чрезвычайной отсталости⁴. Согласно переписи 1933 г., в сельском хозяйстве трудилось не менее 9 млн 342 тыс. человек, что составляло почти 29% рабочей силы в стране. И помимо крестьян, не имевших других занятий, еще многие миллионы немцев частично кормились со своих мелких земельных участков, либо разводили дома свиней

3. См. яркое описание, сделанное современником: Н. Н. Tiltman, *Peasant Europe* (London, 1934).

4. Аграрно-индустриальный дуализм германской экономики в межвоенный период подчеркивается в: В. Lutz, *Der kurze Traum immerwährender Prosperität* (Frankfurt, 1989).

и кур⁵. По данным этой же переписи, 32,7% населения страны проживало в сельских поселениях, имевших менее 2 тыс. жителей. Если прибавить к этим людям тех, кто жил в небольших рыночных городах (населенных пунктах, имеющих право организовывать рынки, но не городской устав и право на самоуправление. — *Прим. ред.*) с населением от 2 тыс. до 20 тыс. человек, то эта доля дойдет до 56,8%. Но эта статистика не в состоянии донести до нас, насколько отсталой была жизнь многих немецких крестьян еще и в 1930-х гг. В этом отношении более показательны фотографии. На сделанных в межвоенный период групповых снимках учеников сельских начальных школ мы сплошь и рядом видим ряды босоногих детей, чьи родители были слишком бедны для того, чтобы обеспечить их обувью — по крайней мере на лето⁶. Снимки полевых работ изображают изможденных стариков, сгорбившихся над примитивными плугами, в которые впряжен тощий скот⁷. Сенокос, жатва, молотьба, такое грязное и тяжелое занятие, как сбор урожая картофеля и свеклы — все это делалось вручную. И в то время как половина германского населения жила в непосредственной близости к деревне, многие другие еще хранили память о недавнем переселении в город. Сам Гитлер решил начать *Mein Kampf* с рассказа о том, как его отец, «сын бедного селянина», перебрался в Вену из гористой провинции Нижняя Австрия и получил место чиновника, но после выхода в отставку поселился на ферме «рядом с рыночной деревушкой Ламбах <...> тем самым замкнув круг своей долгой и трудолюбивой жизни возвращением к корням предков»⁸. Нацистская аграрная теория с ее напыщенной и расистской риторикой на тему крови и почвы и высокопарными идеями о будущем немецкого крестьянина не была атавистическим покровом, наброшенным на современное индустриальное общество. Нацизм, и в качестве идеологии, и в качестве массового политического движения, представлял собой порождение общества, все еще находившегося в переходном состоянии.

Маниакальная одержимость Гитлера темой еды также была связана с актуальными для Германии проблемами. Со второй

5. См. об этом в случае шахтеров: M. Prinz and H. Hanke, «„Man weiss nicht, was noch kommt“: Zum Wandel wirtschaftlicher Zukunftsvorstellungen seit dem Ersten Weltkrieg im Spiegel bergmännischen Wohnens», in M. Prinz and M. Frese (eds.), *Politische Zäsuren und gesellschaftlicher Wandel im 20. Jahrhundert* (Paderborn, 1996), 35–58.

6. См. примечания Бесселя в: M. Fulbrook (ed.), *German History since 1800* (London, 1997), 251.

7. L. Wiethaler, *Lust und Plage der alten Bauernarbeit* (Mirskofen, 1983).

8. A. Hitler, *Mein Kampf* (Boston, 1947), 4–5.

половины XIX в. Западная Европа не знала голода — в значительной степени благодаря тому, что она имела возможность эксплуатировать новые обширные заморские источники снабжения. Однако Первая мировая война вернула вопрос об обеспечении продовольствием в повестку дня европейской политики⁹. Британская и французская блокада, не приведя к откровенному голоду, все же сумела вызвать в Германии и Австрии эпидемию хронического недоедания, на которую часто возлагают вину за смерть не менее чем 600 тыс. человек¹⁰. Вместе с кризисом и массовой безработицей в страну вернулись и серьезные лишения¹¹. И даже в благополучные времена хроническое недоедание в начале XX в. было широко распространено на дне германского, как и любого другого европейского общества. Так или иначе, практически все жившие в Германии в 1930-е гг. имели болезненный личный опыт продолжительного и неутолимого голода. Даже массовую голодную смерть нельзя было назвать далекой угрозой, встречавшейся лишь в Азии и Африке. На восточных границах Германии в начале 1920-х гг. сумятица боевых действий, революций и гражданских войн в России, Польше и на Украине привела к аграрной катастрофе, которая по некоторым оценкам к 1923 г. унесла до 5 млн жизней¹².

В этом смысле можно сказать, что оригинальность и радикализм национал-социализма заключались в его нежелании удалять эти элементарные вопросы модернизации из программы XX в. Разумеется, удовлетворенным победителям в Первой мировой войне было более чем удобно объявить вопрос «жизненного пространства» закрытым. По сравнению с густонаселенной Германией во Франции на одного человека приходилось намного больше земли, не говоря уже об обширных колониальных владениях этой державы. Великобритания и США контролировали основные сельскохозяйственные угодья в Северной Америке и в Австралии. С учетом их полного доминирования на морских путях едва ли стоило удивляться тому, что они радовались упадку сельского хозяйства в Германии и возрастающей зависимости ее городского населения от импортного продовольствия. Оказываясь признавать это состояние дел в качестве неизбежного, нацистская Германия не пыталась повернуть время вспять.

9. A. Offer, *The First World War: An Agrarian Interpretation* (Oxford, 1989).

10. C. P. Vincent, *The Politics of Hunger: The Allied Blockade of Germany, 1915–1919* (Athens, Ohio, 1985), 124–51.

11. A. Lüdtke, «Hunger in der Grossen Depression: Hungerfahrungen und Hungerpolitik am Ende der Weimarer Republik», *Archiv für Sozialgeschichte*, 27 (1987), 145–76.

12. R. W. Davies, M. Harrison and S. G. Wheatcroft, *The Economic Transformation of the Soviet Union, 1913–1945* (Cambridge, 1994), 62–4.

Она просто не желала смиряться с тем, что то распределение земель, ресурсов и населения, которое сложилось в результате колониальных войн XVIII и XIX в., является окончательным. Она не желала смиряться с тем, что Германия занимала в мире положение мастерской среднего размера, полностью зависевшей от импортного продовольствия. Это, по мнению Гитлера, обрекало страну на «расовую гибель». В условиях перенаселенности и низких заработков в городской экономике семьи горожан станут делать все, чтобы снизить уровень рождаемости. Самые одаренные и способные будут эмигрировать на новые земли, предоставляющие им больше возможностей для раскрытия своих талантов. Из-за недостатка естественных ресурсов германская экономика никогда не сможет подняться на уровень США с их показным богатством. И если Германия когда-нибудь станет серьезным конкурентом других держав в международной торговле, то ее участь окажется в руках британских и еврейских адептов глобального либерализма, которые без колебаний развяжут вторую, опустошительную мировую войну, в то же время подрывая германский тыл посредством блокады.

I

По сути сельское хозяйство представляло собой важнейший вопрос для всего правого крыла политического истеблишмента Германии. И не случайно в кабинете, сформированном 30 января 1933 г., должность министра сельского хозяйства первоначально досталась Альфреду Гугенбергу. И если Гугенберг тянул с созданием рабочих мест, то на посту министра он проявил рвение, укрепляя протекционистские стены, отгораживавшие немецкое сельское хозяйство от мировых рынков¹³. С тем чтобы еще лучше защитить интересы производителей зерна, он основал центральное агентство по закупкам, гарантировавшее всем производителям минимальную цену. В июне 1933 г. германские фермеры-должники фактически были выведены за рамки обычной кредитной системы, получив полную защиту от своих кредиторов. Импорт стал квотироваться, чего давно добивалось аграрное лобби. Именно сельскохозяйственный протекционизм Гугенберга, не признававший никаких ограничений, впервые позволил международному сообществу отведать вкус неприкрытой агрессии, которой следовало ожидать от гитлеровского пра-

13. G. Corni and H. Gies, *Brot, Butter, Kanonen: Die Ernährungswirtschaft in Deutschland unter der Diktatur Hitlers* (Berlin, 1997), 43–62.

вительства. По сравнению с Гугенбергом даже Ялмар Шахт выглядел либералом. Но худшее было впереди. После того как в результате скандала на Всемирной экономической конференции Гугенберг подал в отставку со всех должностей, министром продовольствия и сельского хозяйства стал Рихард Вальтер Дарре, возглавлявший аграрную организацию НСДАП. Таким образом, это министерство стало единственным экономическим министерством, во главе которого стоял настоящий нацист. Себе в помощники Дарре выбрал Герберта Бакке — своего близкого соратника и давнего члена партии. Совместно Дарре и Бакке разработали программу аграрной политики, которой было суждено преобразовать крупный сектор германской экономики.

Рихард Вальтер Дарре родился в 1895 г. в семье немцев, переселившихся в Аргентину. Как и для Гитлера, Первая мировая война стала для него спасением¹⁴. Он был выгнан из школы, не получив аттестата зрелости, служившего пропуском в респектабельный средний класс. Война дала Дарре второй шанс. Благодаря знакомствам, приобретенным в окопах, он смог возобновить обучение, поступив в Сельскохозяйственный институт в Галле, который окончил в 1925 г., написав магистерскую диссертацию о разведении свиней. На протяжении следующих лет, опираясь на свои познания в сфере наследственности у животных и классические антисемитские тексты XIX в., он пришел к особенно экстремистской версии аграрного расизма. Написав еще две книги, он приобрел репутацию ведущего молодого идеолога правых сил, тесно связанного с националистическим обществом, известным как *Artamanen-Gesellschaft*¹⁵. Дарре познакомился с Гитлером в 1930 г. через общих друзей в Тюрингии и вскоре после этого вступил в Нацистскую партию, получив специальное задание: создать аграрную организацию. В течение трех лет аграрная организация Дарре завоевала германскую деревню. Позиции фермерских организаций, в которых доминировали юнкерские круги, были полностью подорваны. На выборах в марте 1933 г. аграрные избирательные округа Северной и Восточной Германии находились в числе тех немногих немецких регионов, в которых Гитлер получил то абсолютное большинство, к которому стремился. Помимо важности аграрного вопроса самого по себе, значение крестьян как политической силы наделило Дарре, их бесспорного вождя, серьезным политическим влиянием в первые годы существования нацистско-

14. Текст ниже опирается на: G. Corni and H. Gies, *Blut und Boden: Rassenideologie und Agrarpolitik im Staat Hitlers* (Idstein, 1994), 17–24.

15. R. W. Darre, *Das Bauerntum als Lebensquell der Nordischen Rasse* (1928).

го режима. На бутафорских выборах в полностью нацистский рейхстаг, состоявшихся в ноябре 1933 г., Дарре шел в партийном списке седьмым после Гитлера, Рудольфа Гесса (заместителя Гитлера), Вильгельма Фрика (нацистского министра внутренних дел), Геринга, Геббельса и Рема (вождя штурмовиков). Впечатляющими демонстрациями политической силы Дарре стали ежегодные праздники урожая, первый из которых был проведен в октябре 1933 г. на склонах горы Бюкеберг (Нижняя Саксония). Эти праздники своим размахом превосходили ежегодные партийные съезды в Нюрнберге, и политическая элита нового режима никак не могла себе позволить не отмечать их своим присутствием.

Но Дарре был не только крайне успешным политическим организатором. Помимо этого, он оказал глубокое влияние на Генриха Гиммлера и подчиненные ему СС. Гиммлер еще до 1930 г. познакомился с Дарре через *Artamanen*. И Гиммлер, и Дарре учились в сельскохозяйственном институте и разделяли неподдельный интерес к археологии и к таинственной древней истории германских племен¹⁶. Именно с подачи Дарре СС начали превращаться из братства единомышленников в устойчивое и постоянно расширяющееся сообщество расово чистых семей — *Sippengemeinschaft* (родовое сообщество). Члены СС, желавшие вступить в брак, должны были получить разрешение от основанного Дарре *SS-Sippenamt* (родового управления). Впоследствии связи между СС и верхушкой аграрного крыла НСДАП только укреплялись. Дарре требовал от всех своих ведущих сотрудников по Министерству сельского хозяйства вступления в СС. В частности, Бакке впоследствии занимал высокую должность в СС и поддерживал тесные отношения с Гиммлером. Разумеется, дело не обходилось и без соперничества¹⁷. В конце 1930-х гг. личные отношения между Дарре и Гиммлером сильно ухудшились. Однако гиммлеровские СС чрезвычайно тесно сотрудничали с Гербертом Бакке как и.о. министра сельского хозяйства. Эти связи между аграриями и СС важно иметь в виду, если мы хотим понять, каким образом двойная проблема поддержки германского крестьянства и снабжения страны продовольствием со временем породила некоторые из наиболее радикальных и чудовищных программ Третьего рейха.

16. F.-L. Kroll, *Utopie als Ideologie: Geschichtsdenken und politisches Handeln im Dritten Reich* (Paderborn, 1998); R. Breitman, *The Architect of Genocide: Himmler and the Final Solution* (London, 1991); P. Padfield, *Himmler Reichsführer SS* (London, 1990).

17. U. Mai, «Rasse und Raum»: *Agrarpolitik, Sozial- und Raumplanung im NS-Staat* (Paderborn, 2002), 113–54.

В глазах Вальтера Дарре и большинства ультранационалистов на кону стояло не просто экономическое здоровье сельского хозяйства, а все будущее германской расы. Созданный Дарре экстремистский вариант крестьянской идеологии восходил к выборочному прочтению идей археологии, лингвистики и социобиологии, по их состоянию на начало века. По мнению Дарре, исторический характер германских племен определялся тем, что они состояли из крестьян, связанных с землей. Величайшим врагом германского крестьянства издавна были лишенные корней кочевые элементы, а самыми опасными из них являлись евреи. Современную разновидность кочевников представляло собой не имеющее корней население городов. Кризис, поразивший германское крестьянство в начале XX в., стал результатом пагубного еврейского влияния и целенаправленной агрессии. Процесс отрыва от почвы начался в Европе в XVI в. В течение следующих столетий он набрал темп, приняв особенно яркие политические формы после французской революции. Либералы XIX века во имя свободы разорвали основополагающую связь между немецким народом и землей. Миллионы крестьян лишились корней, а сама земля превратилась в товар, подлежащий свободной покупке и продаже. Именно эта капиталистическая экспроприация запустила катастрофический процесс миграции и деградации, опустошивший германскую деревню. Начиная с момента объединения страны в 1871 г. каждая общенациональная перепись фиксировала дальнейшее сокращение доли населения, занятого в сельском хозяйстве. С точки зрения Дарре пагубные последствия этих процессов наиболее ярко проявлялись в уровне рождаемости. Начиная с 1870-х гг., когда коэффициент рождаемости и в городе, и на селе составлял 40 на 1000, он начал резко снижаться в немецких городах. К 1920-м гг. он составлял уже не более 17 на 1000 человек. А после войны эта катастрофическая тенденция затронула и деревню. К 1930 г. уровень рождаемости в сельской местности снизился уже до 20 на тысячу. Для Дарре это подтверждало основные постулаты его теории. Германская раса, своим рождением обязанная неразрывной связи с землей, оказалась просто не способна на существование в обществе, находящемся под властью городской культуры, насаждаемой еврейскими агентами коммерции и свободной торговли. Германская раса, запертая в городах, была обречена на вымирание.

Из-за ссылок на археологию и антропологию, которые Дарре любил давать в своих рассуждениях, те неизбежно представляются нам проявлениями причудливого атавизма. Но вместо того чтобы считать Дарре идеологом-ретроградом, было бы по-

учительнее относиться к нему как к аграрному фундаменталисту, крайне критически относившемуся к настоящему, но мечтавшему не о полном отступлении к условиям отсталости, существовавшим до 1800 г., а о возрождении, о ренессансе¹⁸. Мыслители-народники межвоенного периода сознательно отмежевывались как от романтизма XIX в. с одной стороны, так и от фаталистического пессимизма, ставшего популярным благодаря бестселлеру Шпенглера «Закат Европы», — с другой. При попытке прочесть книги Дарре невозможно избежать впечатления, что их автор был убежден в полном соответствии между принципами *Blut und Boden* («крови и почвы») и последними результатами исторических, антропологических и биологических исследований. Расизм Дарре, по крайней мере в своей «методологии», основывался не на слепых предрассудках, а якобы на систематическом изучении вечных, надысторических свойств конкретных рас и культур¹⁹. Особенно непрактичный, архаический оттенок идеям Дарре придает его неспособность более четко объяснить, каким образом «вечные качества германской расы», определяемые их археологическими и биологическими корнями, были связаны с историческим процессом модернизации, оказывавшим такое преобразующее влияние на германское общество с начала XIX в. Именно это неумение дать убедительное историческое описание модернизации и создает впечатление, что Дарре надеялся осуществить полномасштабное возвращение в прошлое. Но по сути этот характерный провал в его мышлении не имел практически никаких последствий в плане практической политики. Внеисторические или надысторические идеи Дарре представляли собой лишь одно из течений нацистского аграризма. Эстафету у Дарре принял его ближайший подручный, опытный агроном и статс-секретарь в Министерстве сельского хозяйства Герберт Бакке (1896–1947).

Бакке имеет репутацию «энергичного», «аполитичного» технократа наподобие Альберта Шпеера²⁰. В этом качестве он играет роль антипода Вальтера Дарре, оттеняющего его черты. На самом же деле Бакке был не меньшим идеологом нацизма, чем Дарре или даже сам Генрих Гиммлер²¹. «Натиск на восток»

18. В этом смысле Дарре полностью отвечал характеристике фашиста, предложенной в: R. Griffin, *The Nature of Fascism* (London, 1991).

19. Corni and Gies, *Blut und Boden*, 68.

20. См. наивную характеристику Бакке в: J. K. Galbraith, «Germany was Badly Run», *Fortune* (December 1945), 177.

21. Краткую биографию Бакке см. в: J. Lehmann, «Technokrat und Agrarideologe», in R. Smelser, E. Syring, R. Zitelmann (eds.), *Die Braune Elite: 22 biographische Skizzen* (Darmstadt, 1993), II. 1–12.

(*Drang nach Osten*) был частью биографии Бакке, родившегося в грузинском городе Батуми в семье немецкого предпринимателя и его жены, происходившей из вюртембергской крестьянской семьи, переселившейся в Россию в начале XIX в. Его семья пострадала от революции 1905 г., а в 1914 г. Бакке был интернирован на Урале. Глубоко разочарованный, он в 1918 г. добрался до Германии, где пытался завершить образование и помогать родным, оказавшимся в крайне тяжелых обстоятельствах. В 1922 г. Бакке вступил в Нацистскую партию, получив членский билет № 22766, и даже в эти ранние годы обращал на себя внимание своей заикленностью на расовом вопросе. После бездействия в 1920-х гг. Бакке в 1931 г. возобновил активную работу в партии и в 1932 г. при содействии Дарре был избран в Прусский парламент. Как мы увидим ниже, в 1940-е гг. Бакке сотрудничал с Гиммлером при осуществлении геноцида в грандиозных масштабах. Различие между Дарре и Бакке заключалось не в разной степени их приверженности идеологии, а в том, как они представляли себе историческую миссию национал-социализма. Бакке с его традиционными представлениями об истории как последовательности этапов служил связующим звеном между «вечными истинами» Дарре и исторической реальностью начала XX в.²² Вслед за Гитлером Бакке полагал, что национал-социализму предначертано преодолеть противоречия, свойственные капитализму XIX в., и обеспечить соответствие между германским народом и той экономикой, которая дает ему средства к существованию. В глазах Бакке модернизация германской экономики и германского общества в XIX в. при всех ее отрицательных моментах являлась неизбежной и необходимой преамбулой к возможностям, открывшимся в XX в. Как выразился Гитлер в феврале 1933 г., новый Рейх будет построен не только на вечном фундаменте народного бытия. Помимо этого, он должен воспользоваться всеми «достижениями и традициями, приобретенными в ходе новейшей истории»²³.

Бакке был хорошо подкован в истории экономики: отправным моментом для его анализа служила именно та история глобализации, с которой мы начали. Бакке не питал иллюзий в том, что касалось возможности вернуться к состоянию дел, существовавшему до становления глобальной свободной торгов-

22. Я излагаю идеологические взгляды Бакке, опираясь на: H. Backe, *Das Ende des Liberalismus in der Wirtschaft* (Berlin, 1938), и H. Backe, *Um die Nahrungsfreiheit Europas: Weltwirtschaft oder Grossraum* (Leipzig, 1942). Последняя работа была почти наверняка написана «литературным негром», но она четко отражает мировоззрение Бакке.

23. Выступление перед Рейхсратом, 2.02.1933. Domarus, I. 237.

ли в начале XIX в. Но в то же время последнее столетие продемонстрировало и пагубные последствия, к которым привело доведение революционного «еврейского» учения о свободной торговле до крайности. Свободная торговля служила лишь дымовой завесой, под прикрытием которой империалистическая Великобритания — излюбленное орудие еврейского парламентаризма и либерализма — попыталась монополизировать богатства всего мира. На смену самодостаточному крестьянскому производству внезапно пришел глобальный рынок — сначала это был рынок шерсти и хлопка, произведенных на плантациях американского Юга и на гигантских ранчо в Латинской Америке, Южной Африке и Австралии. Затем после 1870 г., когда начались дешевые дальние перевозки, в глобальное разделение труда оказались втянуты плоды европейского сельского хозяйства — зерно, мясо и молочные продукты. Неспециализированное крестьянское производство по всему миру вытеснялось плантациями монокультур. Возможно, новый глобальный рынок продовольствия покончил с голодом в индустриальных метрополиях. Однако, как указывал Бакке, капиталистическое сельское хозяйство с его монокультурами насаждало продовольственную уязвимость на обширных пространствах земного шара. В известной людям истории неизвестны такие жестокие и частые случаи голода, какие происходили в XIX в.²⁴ Аграрные кризисы 1920-х и 1930-х гг. представляли собой не более чем последний этап опустошительной завоевательной кампании, проводившейся силами либерализма.

В рамках теории Бакке расовый аграризм Дарре сочетался с более традиционной критикой капитализма как преобразующей исторической силы. Опираясь на популистский антикапиталистический канон, востребованный и правыми, и левыми, нацистские идеологи ставили себе на службу образы сжигаемого и выбрасываемого в море зерна и тысяч гектаров земель, остающихся невозделанными, — в то время как армии безработных европейцев и американцев страдают от голода. Подобно Гитлеру, Бакке видел миссию национал-социализма в том, чтобы ликвидировать прогнившую власть буржуазии. Идеология Бакке, отнюдь не будучи непрактичной, служила великолепным историческим оправданием крайнего протекционизма, уже осуществлявшегося аграриями-националистами. Согласно отнюдь не ретроградным взглядам Бакке, миссия национал-социализма

24. Backe, *Um die Nahrungsfreiheit*, 15, где приводится аргументация, странным образом предвещающая критику либерального империализма, предлагаемую в: M. Davies, *Late Victorian Holocausts* (London, 2001).

заклучалась в том, чтобы примирить друг с другом конфликтующие процессы, свойственные либерализму XIX в. Замшелым реликтом ушедшей эпохи был вовсе не национал-социализм, а викторианская идеология свободного рынка²⁵. После экономических катастроф начала 1930-х гг. не было никаких оснований для того, чтобы цепляться за такое опасное и устаревшее учение. Будущее принадлежало новой системе экономической организации, способной обеспечить как устойчивое снабжение нации продовольствием, так и существование здорового крестьянского сообщества как источника расовой жизнеспособности.

II

Как не уставало внушать населению страны и всему миру нацистское руководство, главная политическая проблема Германии заключалась в нехватке земли. Страна была населена намного плотнее, чем Франция, и не имела тех «отдушин» в виде колоний, которыми располагала Великобритания. Для современных читателей, живущих в наших постаграрных обществах, эта риторика покажется пустословием. Трудно поверить, чтобы под «жизненным пространством» Гитлер имел в виду всего лишь землю, а не нечто более ценное — например, сырье для промышленности. Но делая такие допущения, мы рискуем упустить из вида тот факт, что «нехватка земли» в 1930-е гг. все еще оставалась одним из больных мест германского общества. По сравнению с более богатыми западноевропейскими странами, не говоря уже о баснословно обеспеченных США и Канаде, Германия действительно была бедна землей. В сравнении с Великобританией в Германии имелось больше сельскохозяйственных угодий, но это преимущество более чем компенсировалось сравнительным избытком сельского населения. Доля сельского населения в Германии была ниже, чем во Франции, но последняя была намного более щедро наделена землей. В смысле дохода на душу населения приближаясь к таким странам, как Великобритания и США, в смысле земли, приходящейся на одного фермера, Германия имела больше общего с такими отсталыми «крестьянскими странами», как Ирландия, Болгария или Румыния. Среди крупных западноевропейских государств лишь в Италии отношение численности сельского населения к площади земельных угодий было более высоким.

25. Н. Backe, «Grundsätze einer lebensgesetzlichen Agrarpolitik», *Deutsche Agrarpolitik*, 3 (09.1932), 164–77.

ЦЕНА РАЗРУШЕНИЯ

ТАБЛИЦА 4. Сельская рабочая сила и земля

	Сельское население, тыс. чел.	Площадь обрабатываемых земель		
		Всего, тыс. га	На одного земледельца, га	На одного земледельца, % (Германия = 100)
Канада	1 107	23 120	20,9	1 009,5
США	10 752	137 333	12,8	617,4
Дания	561	2 663	4,7	229,4
Великобритания	1 413	532,9	3,8	182,3
СССР	71 734	223 916	3,1	150,9
Франция	7 709	21 386	2,8	134,1
Ирландское свободное государство	678	1 484	2,2	105,8
Германия	9 388	19 422	2,1	100,0
Польша	10 269	18 557	1,8	87,3
Италия	8 008	12 753	1,6	77,0
Румыния	9 207	13 866	1,5	72,8
Болгария	2 464	3 711	1,5	72,8
Британская Индия	179 947	125 397	0,7	33,7

Источник: SRA, Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich 1937 (Berlin, 1937), 38* и 41*.

Нехватка земли, с которой сталкивались германские крестьяне, вдобавок усугублялась проблемами ее распределения. После Первой мировой войны грандиозные земельные реформы, в результате которых большая часть земли, в первую очередь на придунайских равнинах, оказалась в руках мелких собственников, предотвратила крестьянские восстания по всей Восточной Европе²⁶. В Германии подобного масштабного перераспределения не производилось. В 1933 г. почти 25% германских сельскохозяйственных угодий приходилось на 7000 поместий площадью более чем 500 га каждое, составлявших всего 0,2% всех хозяйств. Напротив, на 74%, или 2,26 млн хозяйств, имевших площадь от 0,5 до 10 га, приходилось всего 19% земли. Промежуточное положение занимали крупные крестьянские фермы площадью от 10 до 100 га, на которые приходилось 25% всех хозяйств и 43% обрабатываемых земель. Эта стратифицированная структура землевладения, состоящая из ничтожного чис-

26. M. Sering (ed.), *Die agrarischen Umwälzungen im ausserrussischen Osteuropa* (Berlin, 1930).

ла крупных поместий, значительного количества крепких крестьянских ферм и множества мелких хозяйств, находившихся на грани выживания, породила аналогичную дифференциацию сельского населения. Германские фермы площадью от 2 до 20 га в подавляющем большинстве обрабатывались силами их владельцев, не имевших других занятий — как мужчин, так и женщин, — а также их иждивенцев. Владельцам хозяйств площадью менее 2 га, как правило, приходилось изыскивать дополнительные средства к существованию. В тех случаях, когда площадь хозяйства превышала 20 га, его обработка становилась непосильным делом для одной семьи. Однако хозяйства площадью от 20 до 100 га справедливо считались крестьянскими фермами в том смысле, что их наемную рабочую силу составляли главным образом «сельские слуги» (*Knechte*) и служанки, жившие при хозяйстве, не состоявшие в браке и получавшие значительную часть своих заработков не деньгами, а натурой²⁷. В рабочей силе хозяйств площадью более 100 га преобладали традиционные наемные работники, которых дополняли надзиратели, администраторы и мастеровые.

Всем, кроме самых привилегированных членов сельского сообщества, жить было очень нелегко. В частности, на крестьянских фермах и мужчинам, и женщинам приходилось трудиться по двенадцать часов с лишним шесть дней в неделю²⁸. Крестьянский труд был грязным и зачастую опасным. Условия проживания далеко отставали даже от скромного стандарта германских городов, а кроме того, в деревне отсутствовали удобства, существовавшие в городах. Уровень отдачи от сельского труда был безнадежно низким. Хозяйства площадью более 20 га по крайней мере давали надежду на достойную жизнь фермеру и его семье²⁹. В некоторых местностях плодородная земля и близость к городским рынкам делали жизнеспособными даже хозяйства площадью в 10 га. Но любая семья, кормившаяся с более мелкого участка, если только тот не был необычайно удачно расположен или исключительно плодороден, была обречена на беспросветные муки бедности и тяжелого труда. Данные переписей дают по крайней мере приближенное представление о численности тех, кто находился в такой ситуации. Тот порог, ниже которого хозяйство уже не могло прокормить своих владельцев,

27. F. Wunderlich, *Farm Labor in Germany 1810–1945* (Princeton, 1961), 14–17.

28. См. бухгалтерские книги в: A. Münzinger, *Der Arbeitsertrag der bäuerlichen Familienwirtschaft*, I–II (Berlin, 1929).

29. О том, как ферма в 20 га сделалась идеалом нацистского сельскохозяйственного планирования, см.: Mai, 'Rasse und Raum', 155–88.

составлял 2 га³⁰. Владельцы не менее 70% всех хозяйств площадью менее 2 га имели дополнительные источники заработка. Напротив, две трети хозяйств площадью от 2 до 5 га обрабатывались их владельцами, не имевшими другой работы. Всего согласно переписи 1933 г. в Германии насчитывалось 1,1 млн глав домохозяйств и 3,9 млн их иждивенцев, постоянно трудившихся на участках площадью от 2 до 10 га. Не все эти семьи зависели исключительно от своих хозяйств. 450 тыс. из 3,9 млн иждивенцев имели иные занятия. Если предположить, что эти трудящиеся были равномерно распределены среди сельского населения, мы получим, что почти половина крестьянских семей в маргинальной группе владельцев участков площадью от 2 до 10 га имела существенный дополнительный источник дохода. Но при этом оставалось не менее 2,3 млн человек, получавших средства к существованию исключительно с участков площадью от 2 до 10 га, а если мы учтем тех, кто существовал за счет еще более мелких участков, то это число вырастет до 2,6 млн. Для этих семей нехватка земли представляла собой безнадежную и постоянно ощущаемую реальность. А если мы возьмем более широкое определение, то истинные масштабы проблемы станут еще более очевидными. Если принять в качестве достаточного стандарта 20 га, то окажется, что нехватку земли ощущало не менее 88% крестьянского населения, обрабатывавшего участки площадью не менее 0,5 га — 12 млн человек или 18% всего населения Германии. Для этой громадной группы, многие представители которой отнюдь не смирились с мыслью о переселении в город, нехватка пространства, о которой постоянно твердила националистическая пропаганда, имела самый конкретный смысл.

Очевидным решением проблемы перенаселенности, от которой страдали в первую очередь южные и юго-западные провинции, был раздел огромных восточных поместий площадью по 500 га и более на множество более скромных участков. Начиная с конца XIX в. за земельную реформу выступали многие слои германской общественности, от национал-либеральных центристов — включая классика социологии Макса Вебера — до ультраправых аграрных радикалов³¹. Они надеялись, что массовое расселение крестьян на латифундиях Восточной Пруссии

30. По мнению агрономов того времени, в мелких, интенсивно обрабатывавшихся хозяйствах, полноценный работник требовался на каждые 2–2,5 га. См.: E. Laur, *Landwirtschaftliche Betriebslehre für bäuerliche Verhältnisse* (Aarau, 1927), 191.

31. G. Corni, *Hitler and the Peasants: Agrarian Policy of the Third Reich, 1930–1939* (Oxford, 1990), 4–5, 222; Mai, «Rasse und Raum», 16–47.

сплотит сельское население Германии. Интенсивная обработка земель в восточных провинциях привела бы к увеличению урожаев и повысила бы уровень национальной самодостаточности. Но, что важнее всего, создание нового класса германских крестьян на слабозаселенных восточных рубежах позволило бы воздвигнуть этнический «вал», ограждающий страну от наплыва мигрантов из Польши. В 1919 г. Веймарская республика откровенно поддерживала такой националистический вариант социальных реформ. Согласно новой конституции, владение землей влекло за собой определенные обязательства перед обществом. Нигде в пределах государства общая площадь крупных поместий не должна была превышать 10% всех земель. В провинциях, где это соотношение еще не было достигнуто, предполагалось создание комитетов по скупке земли, призванных постепенно выкупать крупные поместья и распределять их между крестьянами-поселенцами. На практике для того, чтобы наделить крестьян подходящими земельными участками, потребовались очень большие средства, а юнкерские круги всячески тормозили это начинание. Поэтому великая программа расселения, осуществлявшаяся в Веймарской республике, дала лишь очень скромные практические результаты. С 1919 по 1933 г. новым поселенцам было передано всего 939 тыс. га земли, что составляло менее 10% общей площади всех поместий, своими размерами превышавших 100 га. Однако итог этих мер был ограниченным не только из-за противодействия со стороны помещиков-юнкеров. Простая арифметика подсказывает, что даже полномасштабная земельная реформа не смогла бы удовлетворить амбиции германских аграриев и фундаментально изменить соотношение между сельским и городским обществами. Даже если бы все хозяйства площадью более 500 га были в 1933 г. экспроприированы и разделены на семейные фермы площадью в 20 га, то общее число созданных таким образом участков не превышало бы 500 тысяч. Это позволило бы облегчить участь наиболее нуждающихся крестьян, владевших участками площадью менее 10 га, но не остановило бы долгосрочной тенденции к сокращению сельского населения. Более того, даже если перераспределению подверглись бы все пахотные земли в Германии, то каждая из 3 млн немецких крестьянских семей получила бы участок всего в 13 га. Отсюда вытекает неизбежный вывод. Даже при самых смелых мерах по «уплотнению» германских земель не хватило бы для того, чтобы обеспечить сельскому населению, имеющему значительно большую численность по сравнению с той, до которой оно сократилось к 1933 г., уровень жизни, более-менее сопоставимый с тем, который наблюдался в городах.

Этот вывод не укрылся от внимания нацистских идеологов. Собственно говоря, нацистских аграриев отличал именно этот скептицизм в отношении земельной реформы как средства решения проблем страны. Как выразился Гитлер в 4-й главе *Mein Kampf*, заселение восточных территорий Германии представляло собой достойную цель³². Но считать его принципиальным решением германских проблем было бы опасной иллюзией. Идея о том, что Германия способна процветать благодаря все более интенсивной утилизации национальных ресурсов — лишь еще один пример либеральных заблуждений. Германия сможет добиться реального процветания лишь путем завоевания новых «жизненных пространств», и направление вектора заселения очевидно. Третий рейх начнет там, где германские племена остановились «...шестьсот лет назад. Мы прекратим бесконечную миграцию немцев на юг и на запад и устремим свои взоры к землям, лежащим на востоке»³³. На Нюрнбергском процессе Дарре пытался изображать себя мирным защитником интересов крестьянства³⁴. Но на самом деле не может быть особых сомнений в том, что как он, так и Бакке, с самого начала в полной мере разделяли идеи Гитлера о завоеваниях. Злополучная докторская диссертация Бакке 1926 г. называлась «Русское зерновое хозяйство как опора российского населения и российской экономики»³⁵. Но это была не обычная работа, посвященная российскому сельскому хозяйству. По сути диссертация Бакке представляла собой манифест расового империализма. Согласно Бакке, развитие российской экономики можно организовать лишь посредством «проникновения иностранных этнических элементов высшего качества, которые станут верхушкой общества и вступят в борьбу с основной массой населения. Источником [этого проникновения] станет „Народ без земли“ [т. е. немцы]»³⁶. Надо отдать должное аттестационной комиссии: она отказала Бакке в ученой степени. Однако в националистических кругах подобные завоевательные планы, вдохновлявшиеся расовыми идеями, не были редкостью. Летом 1932 г., когда охваченная эйфорией Нацистская партия готовилась взять власть, Дарре очень четко обозначил будущие задачи СС в докладе, зачитанном на тайном совещании партийного руководства о бу-

32. Hitler, *Mein Kampf*, 133–43.

33. Ibid., 654.

34. ИМТ II. 332–4.

35. См. вариант этой диссертации, изданный для германской администрации на оккупированной территории Советского Союза в 1941 г.: H. Backe, *Die russische Getreidewirtschaft als Grundlage der Land- und Volkswirtschaft Russlands* (Berlin, 1941).

36. Ibid., 168.

душей восточной политике Третьего рейха³⁷. Как ясно дал понять Гитлер и в *Mein Kampf*, и во «Второй книге», о включении местного населения Восточной Европы в состав Рейха не могло быть и речи. Соответственно, прелюдией к крупномасштабной программе германского расселения должно было стать полное демографическое «переустройство». Оставшихся ждал рабский труд на фермах германских поселенцев (*Adelhöfe*). Мечом и щитом этого расселения должны были стать СС. Родовому сообществу, тщательно взращиваемому Гиммлером и Дарре, в конце концов предстояло превратиться в прочную расовую стену — сплоченный пояс поселенческих ферм, протянувшийся вдоль восточных рубежей Рейха с тем, чтобы под его защитой германское крестьянство могло осуществлять свою колониционную миссию. Нужно ли говорить, что подобные идеи не предназначались для публичного потребления. Но нет никаких причин сомневаться в том, что нацистское руководство принимало их всерьез. Как бы трудно нам ни было в это поверить, необходимо учитывать аграрную идеологию, если мы хотим понять — не архаическую природу гитлеровского режима, но его исключительную воинственность.

III

Конечно же, не может быть сомнений в поддержке широких масс, на которую опиралась крестьянская программа Дарре в первые годы существования режима. 1 октября 1933 г. полмиллиона человек добралось до склонов горы Бюкеберг под Гамельном, чтобы принять участие в торжествах по случаю первого праздника урожая — нового общенационального праздника в честь германского крестьянства³⁸. Весь день туда съезжались сотни поездов, привозя из всех сельских общин Северо-Германской равнины тысячи делегатов-крестьян, многие из которых были одеты в традиционные костюмы. Большинство из них прибыло на праздник по своей воле, соблазненные перспективой отдохнуть и возможностью увидеть своего фюрера во плоти. Но ревностные партийные чиновники постарались сделать все, чтобы мероприятие удалось. Как выразился региональный координатор из района Ганновера, «Дома следует оставаться только калекам, больным, ленивым и равнодушным, а так-

37. Corni, *Hitler and the Peasants*, 28.

38. О этом см. прекрасный веб-сайт Бернарда Гельдерблома: www.gelderblom-hamelnde/

же элементам, враждебным нашему государству». Колоссальные людские толпы, вытекавшие со станций вокруг Гамельна, шли по шестеро в ряд по проходам, оцепленным с обеих сторон людьми в форме СА, рейхсвера и трудовой армии. Из громкоговорителей на наблюдательных аэростатах рейхсвера, размещенных в стратегических точках маршрута, раздавались приказы. Можно только представить, какое впечатление все это производило на крестьян из глухой провинции. В намерения устроителей явно входило организовать грандиозную демонстрацию силы и авторитетного политического руководства. В 1933 г. это не слишком удалось из-за хаоса на склонах Бюкеберга. Первым прибывшим пришлось несколько часов простоять на склоне горы в ожидании Гитлера, наблюдая, как из долины стягиваются бесконечные колонны. Самолет фюрера приземлился в Гамельне лишь в начале вечера, после того как Гитлер целый день принимал десятки крестьянских делегаций в столице. Когда он триумфально поднялся на вершину горы, к нему кинулась обезумевшая толпа. По мнению фотографов, крестьяне имели возможность приблизиться вплотную к Гитлеру и дотронуться до него, в отличие от того, что происходило в последующие годы на нюрнбергских съездах. К Гитлеру и его свите прорывались десятки детей с букетами цветов. Последние 600 метров до трибуны Гитлер преодолевал почти час. Все это время многочисленные оркестры рейхсвера играли «Баденвейлерский марш», заглушавшийся экстатическими криками «Зиг хайль!» из толпы. Наряду с культом фюрера, аграризмом и псевдорелигией важнейшим элементом бюкебергской «формулы» был народный милитаризм. В последующие годы одним из главных развлечений на празднике урожая стали сложные инсценировки сражений, но даже в 1933 г. важным элементом зрелища были солдаты. Когда Гитлер наконец взойшел на трибуну, об этом событии возвестили пятикратно протрубившие фанфары, вслед за которыми батарея полевых гаубиц сделала 21 залп. На другом берегу Везера в тумане можно было разглядеть 13-й кавалерийский полк, на полном скаку построившийся в свастику, вращавшуюся вокруг своей оси.

Массовые сборища подобного масштаба не могли служить ареной для политических дискуссий. Но они были ключевыми датами в политическом календаре, диктовавшем ход принятия решений в Берлине. Сборища давали верную линию партии возможность отметить достижения режима и в то же время служили платформой, с которой можно было подавать намеки о возможном будущем политическом курсе. Празднества, состоявшиеся 1 октября 1933 г. в Бюкеберге, выполняли обе эти

функции. К началу октября Гитлер уже решил пойти на самый резкий и демонстративный разрыв с международным сообществом — выйти из Лиги Наций и отказаться от участия в международных дебатах по разоружению, проходивших в Базеле. Этот шаг предвещали характерные угрозы, прозвучавшие в его речи³⁹. Более того, в свете последующих событий целенаправленная демонстрация возрожденного воинского искусства на Бюкеберге приобретает несколько зловещий смысл, даже если рейхсвер не был способен на большее, чем кавалерийская атака. Однако возбуждение, царившее среди верных сторонников Дарре, не было связано с внешней политикой. Крестьяне, собравшиеся в Бюкеберге, праздновали небывалый урожай 1933 г. Кроме того, они чествовали правительство, которое на протяжении предшествовавшего месяца предприняло две самые далеко идущие меры в современной аграрной политике, своими масштабами сопоставимые с либеральными реформами начала XIX в., но противоположные по своей направленности.

26 сентября 1933 г. Дарре и Бакке представили изумленному кабинету радикальное предложение о вечном закреплении земли за немецкими крестьянами — *Reichserbhofgesetz*. Этот законопроект был призван воплотить в германском праве проповедовавшуюся Дарре идеологию *Blut und Boden*⁴⁰. В целях защиты крестьянства как «источника немецкой крови» авторы законопроекта предлагали создать новую категорию имений — *Erbhof* (наследственную ферму), не подлежащую отчуждению в счет долга, изолированную от рыночных сил и передаваемую от поколения к поколению в расово чистых крестьянских родах. Действие закона распространялось на все фермы, достаточно большие для того, чтобы обеспечить немецкой семье приемлемый уровень жизни (впоследствии было установлено, что такой надел — *Ackernahrung* — должен иметь минимальный размер примерно в 7,5 га), но не превышавшие площадью 125 га. Всем владельцам таких фирм предписывалось подать заявку для регистрации в списках наследственных ферм (*Erbhofrolle*). Отныне слово «крестьянин» (*Bauer*) считалось почетным титулом, право на ношение которого имели лишь зарегистрированные в списках. Тех, кто не регистрировался в *Erbhofrolle*, полагалось называть просто фермерами (*Landwirte*). Такая регистрация навсегда избавляла *Erbhof* от кошмара изъятия за долги. Но в то же время оно накладывало определенные обязательства. *Erbhöfe*

39. Domarus, I. 304–5, 1.10.1933.

40. F. Grundmann, *Agrarpolitik im Dritten Reich: Anspruch und Wirklichkeit des Reichserbhofgesetzes* (Frankfurt, 1979); Mai, «Rasse und Raum», 48–58.

не подлежали продаже. Нельзя было их использовать и в качестве залога. Таким образом, непосредственные владельцы ферм, зарегистрированных как *Erbhöfe*, не могли распоряжаться ими так, как им будет угодно. Вне зависимости от существующих договоренностей между супругами единственным владельцем каждого *Erbhof* мог быть только мужчина, который так же, как и гражданские служащие, должен был документально подтвердить свою родословную по крайней мере до 1800 г. «Крестьяне» могли иметь только немецкое или «аналогичное происхождение» (*Stammesgleich*), и поэтому доступ в их ряды был закрыт для евреев и всех, в ком текла хотя бы доля еврейской крови. Более того, владеть *Erbhof* могли только достойные и физически крепкие люди: под это широкое определение не попадали состоящие в браке с лицами еврейской национальности, а также инвалиды и бесплодные. Разумеется, на практике число евреев, владеющих земельными наделами, и тем более крестьянскими фермами, было невелико, а число германских крестьян, имеющих предков-евреев, также едва ли было значительным. Но то, что право собственности ставилось в зависимость от расового происхождения, все же имело серьезное символическое значение. Еще более существенным для среднего крестьянина был тот факт, что закон об *Erbhöfe* не позволял ему выбирать наследников по своему усмотрению. Отныне линия наследования определялась законом. Вся ферма отходила единственному наследнику мужского пола (согласно *Anerbenrecht* — принципу единонаследия), обычно старшему или младшему сыну, или же отцу либо братьям покойного. Женщины, насколько это возможно, лишались права наследования. Вдовы в лучшем случае имели право на обработку надела. Совершенно исключались другие потенциальные претенденты на наследство. Братья и сестры, не являвшиеся наследниками, имели право лишь на получение профессиональной подготовки, соответствующей социальному положению домохозяинства. В случае последующих жизненных трудностей они могли претендовать на то, чтобы семейная ферма обеспечила им защиту.

В паре с этим поразительным посягательством на права собственности германских крестьян шла не менее радикальная программа сокращения задолженности. Бакке и Дарре предлагали, чтобы владельцы *Erbhöfe* несли коллективную ответственность за свои долги. Задолженность всех *Erbhöfe*, составлявшую, по разным оценкам, от 6 до 9 млрд рейхсмарок, предполагалось передать в *Rentenbank Kreditanstalt* — ипотечный банк, спонсировавшийся государством. Этот банк должен был возместить сумму долга первоначальным кредиторам и выплачивать им по ней

проценты, составлявшие от 2% до 4% в зависимости от обеспечения по первоначальному займу. В свою очередь, всем *Erbhöfe*, как обремененным задолженностью, так и свободным от нее, в будущем полагалось делать в *Rentenbank* ежегодные платежи, составлявшие 1,5% от стоимости фермы (*Einheitswert*). Для *Erbhöfe*, не обремененных долгом, этот взнос явно был серьезной обузой. Поэтому в порядке компенсации владельцы *Erbhöfe*, имевшие лишь небольшую задолженность, получали ваучеры, наделявшие их сыновей преимущественными правами при заселении Восточной Пруссии. Тем самым Бакке надеялся не только насадить солидарность среди владельцев *Erbhöfe*, но и привязать сокращение задолженности к ускоренной программе переселения.

Закон об *Erbhöfe* был нацелен на середняков, составлявших надежную основу немецкого сельского хозяйства — всего примерно 1 млн хозяйств. Он не распространялся на маргинальные крестьянские хозяйства, не говоря уже о крохотных наделах батраков. Существенно и то, что его адресатом не являлись традиционные бенефициары сельскохозяйственного протекционизма — крупные поместья. Дарре не пользовался популярностью среди юнкерства. В то время как Гугенберг и националисты проявляли лояльность к интересам крупных землевладельцев, «большевики-аграрии», захватившие Министерство сельского хозяйства, по слухам, планировали крупномасштабную земельную реформу, призванную разрушить оплот аристократии на востоке страны. Из всех экономических мер гитлеровского правительства в первые годы его существования закон об *Erbhöfe* носил на себе особенно отчетливые следы специфической нацистской идеологии. Аграрный протекционизм, дефолт по долгам, билаateralизм во внешней торговле и перевооружение — все эти шаги объединяли соперничающие фракции Нацистской партии: Ялмара Шахта, националистов и военных. Но это не относилось к закону об *Erbhöfe*. Этот шаг в первую очередь был продиктован специфически нацистской разновидностью аграризма, сформулированной Дарре и Бакке. В полной мере осознавая уязвимость своей позиции, Дарре позаботился о том, чтобы во время визита в Оберзальцберг в начале сентября 1933 г. заручиться согласием Гитлера на принятие предлагаемого закона⁴¹. В сельском хозяйстве, как и в других политических сферах, без одобрения Гитлера нельзя было сделать ни одного важного хода. Однако Дарре и Бакке столкнулись с серьезным сопротивлением со стороны других членов кабинета. Прусского министра юстиции приве-

41. Corni and Gies, *Blut und Boden*, 33–7.

ла в негодование та поспешность, с которой кабинету предлагалось совершить этот «шаг, имеющий исключительное и принципиальное значение» («Schritt von ungebeurer grundsätzlicher Bedeutung»). Шмитта как рейхсминистра экономики беспокоило то, что защита, которую закон предоставлял владельцам *Erbhöfe*, приведет к возникновению новой породы ленивых «государственных крестьян», не заинтересованных в эффективности своей работы. Президент Рейхсбанка Шахт заявлял, что закон об *Erbhöfe* подорвет всю основу аграрного кредитования.

Несмотря на эти веские возражения, решающее значение имело одобрение Гитлера. После того как Гитлер объявил принцип *Erbhof* не подлежащим изменению, принятие закона стало неизбежным. Однако в то же время Гитлер предложил, чтобы главные заинтересованные стороны продолжили переговоры о том, как именно закон будет воплощен в жизнь. В результате следующие месяцы стали временем непрерывных баталий между Рейхсбанком, РМЭ и аграриями, которые в конце концов пришли к важному компромиссу. Предложенная программа коллективной ответственности за долги, представлявшая собой ключевой экономический элемент в проекте *Erbhöfe*, временно отменялась. *Erbhöfe*, не обремененные задолженностью, были избавлены от необходимости расплачиваться по долгам других хозяйств. Кроме того, в своей схватке с Дарре Шахт зашел еще дальше. Поскольку *Erbhöfe* не подлежали использованию в качестве залога, Шахт издал приказ о том, чтобы их владельцам было отказано во всех формах долгосрочного кредита. Разумеется, Шахт надеялся на то, что тем самым он заставит Дарре отступить. Однако позиция Дарре в первые годы существования режима была слишком прочной для того, чтобы он поддался на такой шантаж. Собственное министерство Дарре позаботилось о том, чтобы владельцам *Erbhöfe*, оказавшимся в сложном положении, либо выплачивались субсидии, либо предоставлялись займы под гарантии министерства⁴². Во многих случаях судей, разбиравших дела, связанные с *Erbhöfe*, убеждали смотреть сквозь пальцы на нарушения закона, строго запрещающего использовать такие имения в качестве залогового имущества. Статистика явно указывает на то, что этих мер хватило, чтобы предотвратить сколько-нибудь серьезное сокращение инвестиций в сельское хозяйство на протяжении следующих лет⁴³.

42. B. Herlemann, «Der Bauer klebt am Hergebrachten»: *Bauerlicher Verhaltensweisen unterm NS auf dem Gebiet des heutigen Landes Niedersachsen* (Hanover, 1993), 105–6.

43. См.: W. G. Hoffmann, *Das Wachstum der deutschen Wirtschaft* (Heidelberg, 1965), 225–6.

Куда сложнее было получить согласие на закон об *Erbhöfe* от самих крестьян. В южных и западных регионах, где правилом был раздел хозяйства между наследниками, новый закон встретили с откровенной враждебностью. Но даже на Северо-Германской равнине, где издавна преобладал принцип *Anerbenrecht*, первоначальный восторг по поводу *Reichserbhofgesetz* вскоре сменился недовольством. Общий принцип единонаследия был достаточно популярен. Но прежде он никогда не посягал на прерогативы фермера как последней инстанции, принимающей решение о распределении собственности между наследниками. Повсюду было принято, чтобы потомки, не наследовавшие семейную ферму, получали компенсацию. Кроме того, жены и дочери фермеров, зачастую выходявшие замуж с крупным приданым на руках, никогда прежде не оказывались в таком неравноправном положении. Наконец, каким образом фермер мог осуществлять инвестиции и устраивать свои финансовые дела, если он был лишен доступа к ипотеке? В начале 1934 г. отделение гестапо в Ганновере — районе крупных и процветающих крестьянских ферм — докладывало о всеобщем возмущении новыми правилами. Если Дарре и его люди были заинтересованы в существовании крупных семей, то им следовало что-то сделать, поскольку закон об *Erbhöfe* с его правилами наследования стимулировал распространение в деревне семей с одним-двумя детьми. Кроме того, объектом активного негодования становились крупные фермы, на которые не распространялся закон об *Erbhöfe*. В Нижней Саксонии — регионе, от которого, вероятно, прежде ожидали благоприятного отношения к системе *Erbhöfe*, — местные должностные лица докладывали: «Значительная часть крестьянства не думает, что ему подходит закон об *Erbhöfe*»⁴⁴. На практике первоначальное сопротивление крестьян удалось преодолеть путем внесения поправок в первый вариант закона с его негибкими рамками и непрерывного торга, осуществлявшегося через новую систему судов по делам *Erbhöfe*. В том, что касалось принципиального вопроса собственности, были сделаны уступки, разрешавшие совместное владение *Erbhöfe* в первом поколении. Кроме того, суды проявляли снисходительность при рассмотрении новых заявок о получении кредитов, обеспеченных недвижимостью. Аналогичным образом практиковался и гибкий подход по вопросу о продаже земли. На юге одним из главных камней преткновения служил минимальный размер участка, дающий право на его занесение

44. Herlemann, *Der Bauer*, 93–4.

в списки *Erbhöfe*. При решении этого вопроса также проявлялась гибкость. Однако в отношении одного момента власти твердо стояли на своем. Какие бы уступки ни были сделаны нынешнему поколению фермеров, положения закона должны были строго выполняться в момент наследования. Принцип передачи участка единственному наследнику жестко соблюдался применительно ко всем *Erbhöfe*, вне зависимости от местных настроений.

С учетом всех этих протестов, вероятно, не следует удивляться тому, что списки *Erbhöfe* заполнялись не настолько быстро, как надеялись в горячие деньки первого государственного праздника урожая. Закон об *Erbhöfe* не привел к изменению структуры землевладения в Германии. В стране просто не хватало ферм достаточного размера. Тем не менее в той категории ферм, которые имели размер от 10 до 100 га, точно попадая в диапазон, установленный законом об *Erbhöfe*, уровень зачисления в списки *Erbhöfe* был высоким. Под действие нового закона подпадало подавляющее большинство средних и крупных крестьянских ферм. И в тех регионах, где такие фермы преобладали, *Erbhöfe* вскоре стали нормой. В этом смысле авторы закона достигли своей цели. Им удалось консолидировать категорию ферм, чей размер в среднем по стране составлял немногим менее 20 га — величину, которая вскоре стала считаться идеальным размером для эффективной семейной фермы при новом устройстве германского сельского хозяйства.

IV

Вторым принципиальным шагом, предпринятым Дарре и Бакке осенью 1933 г., стало создание «Имперского земельногословия» (*Reichsnährstand*)⁴⁵. Не будет большим преувеличением сказать, что создание этой организации и связанной с ней системы контроля над ценами и над производством положило конец свободному рынку сельскохозяйственной продукции в Германии. Сельское хозяйство и производство продовольствия, вплоть до середины XIX в. представлявшее собой важнейший сектор немецкой экономики и еще в 1930-е гг. обеспечивавшее весьма значительную часть национального продукта, были ограждены от влияния со стороны сил рынка. Как четко указывал Бакке еще до 1933 г., ключевую роль играл механизм

45. Corni and Gies, *Brot, Butter, Kanonen*, 75–396; A. Barkai, *Das Wirtschaftssystem des Nationalsozialismus* (Frankfurt, 1988), 131–49.

установления цен⁴⁶. ИЗС использовало цены для того, чтобы контролировать объемы производства. Высокие цены стимулировали производителей. Относительное снижение цен способствовало направлению производственной активности в другие секторы. Но сами цены уже не определялись соотношением между спросом и предложением. Они устанавливались служащими ИЗС в централизованном порядке. Более того, с целью обеспечить максимальную эффективность производства ИЗС распространило свой контроль и надзор на все поля, амбары и коровники в стране. В противоположность закону об *Erbhöfe*, под действие которого подпадало меньшинство ферм, ИЗС не оставляло без своего внимания ни одного звена в продовольственной цепочке⁴⁷. Во всех 55 тыс. немецких деревнях ответственность за надзор над повседневной работой нес «местный крестьянский фюрер» (*Ortsbauernführer*). Они подчинялись 500 «окружным крестьянским фюрерам» (*Kreisbauernführer*), над которыми, в свою очередь, стояли 19 «земельных крестьянских фюреров» (*Landesbauernführer*). Начиная от верхушки Рейха и заканчивая окружным уровнем, эта организация была разделена на три функциональных сектора, ответственных за общую идеологию, за сферу полевых работ и за рыночные вопросы. Руководство этой организацией осуществлялось из Берлина, где Дарре и Бакке определяли политический курс, но духовным сердцем нового режима служила Нижняя Саксония — ядро северонемецкого крестьянского сельского хозяйства. Сам Дарре владел фермой в этом регионе. В Госларе проходили ежегодные съезды германского крестьянства (*Bauernstand*) и там же располагался идеологический отдел ИЗС. Там же размещались Нордическая крестьянская ассоциация и новое Международное управление по крестьянским делам. Кроме того, в Госларе существовали Крестьянский университет (*Bauernhochschule*) и два сельскохозяйственных училища. Всего в нескольких милях от Гослара находился Бюкеберг — эмоциональный центр крестьянской империи Дарре.

ИЗС, подобно Германскому трудовому фронту Роберта Лея, существовало на собственные средства, работая в тесном сотрудничестве с Рейхсминистерством продовольствия и сельского хозяйства. Финансирование ИЗС производилось за счет взносов, собиравшихся со всех ферм в стране и составлявших по 2 марки на каждые 1000 марок стоимости хозяйства (*Einheitswert*). Этого хватало, чтобы ИЗС к концу 1930-х гг. могло содержать на всех

46. Backe, «Grundsätze», 175.

47. K. Meyer, *Gefüge und Ordnung der deutschen Landwirtschaft* (Berlin, 1939), 636–78.

уровнях, начиная с окружного и выше, постоянный штат, превышавший 20 тыс. человек, и имело годовой бюджет, превышавший 100 млн рейхсмарок. Неудивительно, что строительство такой бюрократической империи постоянно вызывало скрытое недовольство — как среди крестьянства, которому активный контроль со стороны ИЗС напоминал о Первой мировой войне, так и среди работающих в сельском хозяйстве бизнесменов, не доверявших амбициям ИЗС по части надзора⁴⁸. В частности, деятельность ИЗС подвергалась неустанной критике со стороны Ялмара Шахта. Однако если учитывать объемы сельскохозяйственного производства в Германии 1930-х гг., то масштабы этой организации едва ли покажутся непропорционально большими⁴⁹. В любом конкретном году стоимость одного лишь урожая зерна равнялась всему годовому производству германской тяжелой промышленности — добыче угля и черной металлургии. Но при этом в глаза бросались различия между организацией работы в обоих секторах. Отсталость значительной части германского сельского хозяйства была вызвана хронической нехваткой опытного управления и надзора, которую ИЗС пыталось восполнить с помощью бесконечного потока лекций, учебных материалов и курсов, а также более непосредственного вмешательства в практику крестьянского хозяйства.

С экономической точки зрения одна из наиболее существенных инноваций ИЗС заключалась в том, что полномочия этой организации распространялись не только на фермы, но и на все смежные отрасли. Под контролем ИЗС находились кредитные кооперативы, от которых фермеры получали средства на ежегодные закупки семенного материала, а также кооперативы и скупщики, которым фермеры сбывали свою продукцию. Кроме того, сюда входили молочные фермы, мельницы и фабрики, перерабатывавшие продовольствие для его потребления в городах. ИЗС не претендовало на исключительный организационный контроль над пищевой промышленностью, деля его с деловыми группами, созданными Шахтом, и с соответствующими организациями ремесленных отраслей. Однако влияние ИЗС было громадным, поскольку Имперское земельное со-

48. Corni and Gies, *Brot, Butter, Kanonen*, 101–21. Первую серию докладов Рейхсбанка об ИЗС и других партийных учреждениях см. в: BAL R25016506, 114–22.

49. Согласно анализу, проделанному Дарре для Гитлера, административные издержки структур ИЗС, осуществлявших управление рынком, составляли всего 30 млн рейхсмарок по сравнению с общим оборотом в 30 млрд рейхсмарок, а благодаря прибыли, полученной посредством продажи импортных кормов для скота, эта организация более чем окупала свое содержание. См.: Corni and Gies, *Brot, Butter, Kanonen*, 164.

словие контролировало цены, которые фабриканты платили за сырье. ИЗС, объединившее под своим крылом сельское хозяйство и пищевую промышленность, представляло собой поистине грандиозную организацию. Как похвалялся Дарре, ИЗС, осуществляя более-менее непосредственный контроль более чем над 25% германского ВВП, являлось крупнейшей экономической единицей в мире, объем продаж которой превышал 30 млрд рейхсмарок⁵⁰. ИЗС контролировало не только 6 млн независимых производителей, но и более 40% всей германской рабочей силы. Оно оказывало еще более непосредственное воздействие на немецкие домохозяйства, устанавливая те цены, по которым они покупали продукты и напитки, в среднем составлявшие почти 50% семейного бюджета. Если считать ИЗС экономической единицей, то оно являлось крупнейшим структурным элементом германской экономики, а Дарре и Бакке в начале 1930-х гг. строили очень амбициозные планы. В 1933 и 1934 г. при всякой возможности они проталкивали ИЗС как образец экономической организации. В 1934 г., когда структура новой индустриальной организации Шахта еще не определилась, Дарре добивался того, чтобы Имперскому земельному со словию были подчинены производители сельскохозяйственного оборудования — одного из крупнейших секторов германской машиностроительной промышленности. В 1933 г., после падения Гугенберга, а затем в 1934 г., после отставки Курта Шмитта, ходили слухи о том, что Дарре стремится взять под контроль Министерство экономики. Во время валютного кризиса 1934 г. Фердинанд Фрид, один из ведущих пропагандистов автаркии, опубликовал проект организации всей промышленности страны по образцу ИЗС⁵¹. Вместо слабо сочлененной системы картелей и деловых групп его план предполагал создание единой сплоченной структуры, в которой цены и производственные задания будут непосредственно контролироваться центральными властями. Однако любое подобное развитие модели ИЗС блокировалось оппозицией со стороны Шахта и заинтересованных групп промышленников. События лета и осени 1934 г. оказались решающими и в этой сфере. К осени уже сам Дарре вел оборонительные бои против претендующей на господство системы валютного и торгового контроля, созданной Шахтом: причиной этой борьбы служил тот факт, что германское сельское хозяйство было не менее зависимым от импортного сырья, чем промышленность.

50. По данным из: Hoffmann, *Das Wachstum*, 454–5 и вспомогательных таблиц.

51. F. Fried, *Die Zukunft des Aussenhandels* (Jena, 1934).

В 1933 г. источником оптимизма в крестьянской среде служила не только активность новых властей, но и отличная погода и небывалый урожай. ИЗС начало свою деятельность с благодарного занятия: закупки значительных объемов зерна по минимальным субсидированным ценам. В результате к маю 1934 г. были созданы крупные запасы продовольственного и фуражного зерна, которым предстояло стать важной амортизационной подушкой для ИЗС в первые годы его существования. За щедрость в отношении фермеров расплачивались непосредственно потребители, столкнувшиеся с резким ростом стоимости жизни. После многолетнего снижения цен официальный индекс цен на продовольствие вырос с 113,3 в 1933 г. до 118,3 в 1934 г. В конце 1933 г. цены на молоко в результате прямого вмешательства ИЗС выросли до 22 пфеннигов за литр. Может показаться, что это немного, но значение этих изменений можно оценить сопоставив их со скромным бюджетом, на который неделю за неделей приходилось существовать большинству германских домохозяйств. Более того, инфляция имела крайне неравномерное распределение. Одно из гамбургских трудовых бюро в начале 1934 г. докладывало о панической скупке товаров, вызванной тем, что потребители столкнулись с 10-процентным приростом цен на продовольствие всего за один месяц. Как мы уже видели, недовольство населения ростом цен на продукты питания служило одним из самых тревожных признаков, о которых в 1934 г. сообщало гестапо. Беспокойство было настолько серьезным, что оно, судя по всему, в целом перевешивало успехи пропаганды, достигнутые в ходе борьбы с безработицей. Эта крайне негативная реакция на рост цен во время экономического и политического кризиса 1934 г. оказала поразительно сильное и длительное влияние на политику сельскохозяйственного производства в Третьем рейхе. Впоследствии на ИЗС оказывалось колоссальное политическое давление, имевшее целью предотвратить дальнейшее повышение цен, даже если оно требовалось для стимулирования производства.

Ситуацию усугубляло и сложившееся к началу лета 1934 г. понимание того, что не стоит ожидать повторения рекордного урожая 1933 г. Объемы собранного зерна резко снизились. В результате Дарре был вынужден 21 июля 1934 г. обратиться к своим политическим противникам в правительстве с просьбой о ежедневном выделении иностранной валюты на сумму порядка 1,6 млн рейхсмарок для закупок продовольствия и кормов за рубежом⁵². Дарре опасался, что без этих средств он будет вынужден пойти на жесткие меры по ограничению потребления в домохозяй-

52. Corni and Gies, *Brot, Butter, Kanonen*, 269.

ствах. С учетом опасного состояния общественного мнения это был крайне непривлекательный вариант. Но кризис германского платежного баланса делал дальнейшее повышение сельскохозяйственного импорта немыслимым. Летом 1934 г. Шахт ежедневно выделял иностранную валюту лишь для закупок самого необходимого минимума импортных товаров и был вынужден пойти на огромный дипломатический риск, объявив дефолт по большинству внешних долгов Германии. Как и в борьбе со Шмиттом, Шахт использовал вопрос распределения валютных резервов как оружие против Дарре. Он потребовал, чтобы ИЗС распродало запасы зерна, накопленные в предыдущем году, и обвинил Дарре в создании раздутого бюрократического монстра⁵³. В ответ на это Дарре стал распускать слухи о том, что Шахт — ведущий член правительства, не состоящий в Нацистской партии, — на самом деле является агентом международного масонства⁵⁴. Но за этой жесткой риторикой скрывалась реальная проблема. Начиная с последних десятилетий XIX в. рацион немцев все больше обогащался животными жирами и белками. Источником мяса и молока служило главным образом немецкое животноводство, но оно, в свою очередь, зависело от крупномасштабного импорта высококалорийных кормов, богатых белками. С 1920-х гг. жизненно важной опорой германского молочного животноводства стали такие бобовые культуры, как соя и арахис. С помощью этих кормов, содержащих большое количество белков и жиров, средние надои от одной германской молочной коровы удалось поднять до 2200 литров в год, а надои от лучших животных превышали 4000 литров в год⁵⁵. С учетом разницы цен на молоко и бобовые это было выгодно с точки зрения фермеров, но серьезно обременяло внешнеторговый баланс страны. В 1928 и 1929 г. объемы импорта бобовых превышали 850 млн рейхсмарок в год⁵⁶. В годы кризиса обвал мировых товарных цен значительно сократил эту сумму, но данная статья импорта все равно влекла за собой такие расходы валюты, которые Рейхсбанк едва ли мог себе позволить.

После разочаровывающе низкого урожая 1934 г. и отчаянного валютного кризиса перед организацией, созданной Дарре и Бакке, встала новая задача — доказать свою эффективность в качестве не только механизма субсидирования фермеров,

53. Corni, *Hitler and the Peasants*, 160–61.

54. В «демонологии» Генриха Гиммлера и СС масоны занимали второе место, уступая только евреям.

55. E. Wörmann, *Die Veredlungswirtschaft* (Berlin, 1933). Верман был одним из ведущих советников ИЗС по агрономическим вопросам.

56. Hoffmann, *Das Wachstum*, 528.

но и орудия достижения экономической самодостаточности государства. Праздник урожая 1934 г. прошел под лозунгом, позаимствованным у Муссолини: «Битва за продукцию» («*Die Erzeugungsschlacht*»). Следовало сделать все, чтобы в 1935 г. собрать более обильный урожай. На это была мобилизована вся организация ИЗС. Было проведено более 400 тыс. собраний и во всех деревнях страны распространены миллионы листовок и брошюр об эффективном хозяйствовании⁵⁷. В ИЗС был создан отдельный бюджет для финансирования этих грандиозных пропагандистских усилий. В риторике ИЗС на смену языку крови и почвы во все большей степени шла тема народного милитаризма. Владельцы *Erbhöfe* были объявлены «штурмовыми отрядами» битвы за хлеб. Новый лозунг ИЗС гласил: «Владельцы *Erbhöfe* — фронту!» («*Die Erbhofbauern vor die Front!*»)⁵⁸. От «Битвы за продукцию» обычно отмахиваются как от очередной пропагандистской акции⁵⁹. Но при таком подходе не получает должной оценки работа, проделанная ИЗС, перед лицом представших перед ним препятствий. Делая поправку на сокращение объемов импорта, мы получим, что сельскохозяйственное производство, опиравшееся на внутренние источники, с 1927 по 1936 гг. выросло на 28%⁶⁰. С учетом структуры германского сельского хозяйства и потребительских привычек 1930-х гг. едва ли удивительно то, что ИЗС так и не добилось самодостаточности. Сохранение, не говоря уже об увеличении объемов производства, при значительном сокращении импорта калорий и белков и невозможности существенно поднять закупочные цены, было очень сложной задачей. Однако ИЗС удалось добиться не только значительного прироста объемов производившегося в стране продовольствия, но и значительного повышения устойчивости германского сельского хозяйства к различным потрясениям⁶¹.

Ключевую роль в деятельности ИЗС в 1930-е гг. играло управление национальными запасами зерна с одной стороны и созна-

57. Corni, *Hitler and the Peasants*, 159.

58. Grundmann, *Agrarpolitik*, 121.

59. К сожалению, это мнение разделяют и авторы работы Corni and Gies, *Brot, Butter, Kanonen*, 309–15. Более объективное описание см. в: M. Kutz, «Kriegserfahrung und Kriegsvorbereitung: Die agrarwirtschaftliche Vorbereitung des Zweiten Weltkrieges ... II. Teil», *Zeitschrift für Agrargeschichte und Agrarsoziologie*, 32 (1984), 135–64, а также в одной из последних крупных работ об экономической истории востока Германии: R. Berthold (ed.), *Produktivkräfte in Deutschland 1917/18 bis 1945* (Berlin, 1988), 224–83.

60. H. von der Decken, *Entwicklung der Selbstversorgung Deutschlands mit landwirtschaftlichen Erzeugnissen* (Berlin, 1938), 13.

61. H. von der Decken und H. Liebe, «Die Ernährungswirtschaft Deutschlands im Weltkrieg und heute», *Vierteljahrshefte zur Wirtschaftsforschung*, 1 (1940/41), 5–28.

тельные усилия по снижению зависимости от импортных кормов для скота — с другой. Малозаметными внешнему наблюдателю стараниями ИЗС был осуществлен значительный сдвиг в кормовой базе свиноводства и молочного животноводства⁶². После 1933 г. Рейхсбанк уже ни разу не выделял на импорт бобовых более 260 млн рейхсмарок, что было вдвое ниже уровня, наблюдавшегося при Веймарской республике. Хотя корма в 1930-е гг. сильно подешевели, импорт жмыхов сократился с 1932 по 1936 г. с 2,3 млн тонн до менее 1,1 млн тонн в год. Еще сильнее сократился импорт таких углеводсодержащих кормов, как кукуруза, которые было проще заменить немецкой продукцией. К 1936 г. германский скот потреблял лишь половину белков и 30% углеводов, ввозившихся в страну в 1928–1929 гг.⁶³ С целью восполнить их нехватку фермерам рекомендовали кормить скот сеном, репой и питательными отходами, остающимися при производстве сахара — ботвой и верхушками сахарной свеклы. Для того чтобы повысить аппетитность этих кормов для молочного скота, ИЗС спешно добивалось почти повсеместного внедрения ферментированного силоса (*Gärfutterbehälter*). В 1920-е гг. ферментация кормов была редкостью на германских фермах. К 1939 г. под надзором ИЗС в строй были введены силосные башни общим объемом более чем в 8 млн кубических метров. Аналогичным образом ИЗС приняло меры и к изменению кормовой базы в свиноводстве⁶⁴. поголовье свиней, являвшихся важнейшим источником мяса для немцев, играло роль главного буфера в пищевой цепочке, испытывая колебания в пределах от 23 до 25 млн голов, в зависимости от цен на свинину и доступности и стоимости кормов. С точки зрения ИЗС принципиальное значение имел компромисс между использованием картофеля и зерна как корма для скота и непосредственно как пищи для населения. До создания ИЗС считалось нормой, что более 2 млн тонн ржи использовалось для откорма свиней, а не для выпечки хлеба. После 1935 г., с учетом сложностей со снабжением населения хлебом,

62. О кормах для скота см.: IfK, *Weekly Report*, 30 May 1934, 20–21, 93–94. О рынке зерна см.: IfK, *Supplement to Weekly Report*, 7 November 1934; A. Hanau and R. Plate, *Die deutsche landwirtschaftliche Preis- und Marktpolitik im Zweiten Weltkrieg* (Stuttgart, 1975), 82.

63. Von der Decken, *Entwicklung*, 92–3. Разбор вопроса о кормах в: Corni and Gies, *Brot, Butter, Kanonen*, 267–8, 309–310, приводит читателя к неверным выводам, поскольку авторы рассматривают лишь один вид кормов — зерно — и выбирают в качестве точки отсчета 1933 г., когда небывалый урожай позволил Германии практически отказаться от импорта зерна. Как показывают данные из работы Деккена, последовательное сокращение импорта кормов было намного более значительным, чем готовы признать Корни и Гис.

64. Hanau and Plate, *Preis- und Marktpolitik*, 41–2.

такая ситуация стала нетерпимой. Цена на рожь была поднята и немецких свиней стали откармливать преимущественно картофелем и другими кормами отечественного производства.

К числу факторов, неподвластных ИЗС, в первую очередь относилась погода. На смену исключительно хорошему лету 1933 г. пришли неурожайные годы. Урожаи пшеницы и ржи в 1934–1937 гг. были очень плохими. Урожай картофеля в 1935 г. оказался катастрофически низким. В борьбе с этими бедствиями важнейшим ресурсом ИЗС были крупные запасы зерна, накопленные во время небывалого урожая 1933 г. В 1934 и 1935 г. дефицит покрывался за счет резервов, собранных в первый удачный год Третьего рейха. Однако это по самой своей природе было временным решением. К лету 1936 г. запасы зерна, в начале 1935 г. составлявшие 3,5 млн тонн, сократились до опасного уровня менее чем в 700 тыс. тонн. Этого едва хватало для того, чтобы продержаться до нового урожая. Уже летом 1935 г. начались разговоры о необходимости введения хлебных карточек. По очевидным причинам такой шаг был сочтен политически неприемлемым. Вместо этого ИЗС организовало программу замещения, в рамках которой хлебопекарная мука разбавлялась кукурузной мукой и даже картофельным крахмалом⁶⁵. В отношении мяса и масла режим церемонился еще меньше. С целью распределить скудные запасы масла осенью 1935 г. была создана скрытая система нормирования в виде списков клиентов, составившихся учреждениями розничной торговли. Также и снабжение мясом не удалось оградить от влияния катастрофического неурожая картофеля 1935 г. С тем чтобы в стране хватало картофеля для потребления населением, ИЗС сократило поголовье свиней и резко подняло цены на продукцию свиноводства. В Берлине цена ветчины с 1934 по 1936 гг. выросла почти на 30%. Кроме того, начиная с 1936 г. ИЗС дополняло немецкие источники продовольствия импортом. В 1936 г. в страну было ввезено более 1 млн тонн зерна. В 1937 г. импорт зерна превысил уже 1,6 млн тонн. В 1936 г. никто не сомневался в том, что это была крайняя мера, продиктованная двумя подряд неурожаями и истощением запасов⁶⁶. Но она не стала принципиальным поворотным пунктом в стратегии ИЗС и, безусловно, не означала отказа от «Битвы за продукцию»⁶⁷. Начиная с 1937 г. в стране

65. Обзор мер, принятых в порядке борьбы с нехваткой зерна в 1936 г., см. в: BALR43II 31, 155–64.

66. См. предсказуемо критический доклад Рейхсбанка: BAL R25016799,107, 20.10.1936.

67. Вопреки тому, что утверждается в: Corni and Gies, *Brot, Butter, Kanonen*, 274, и Corni, *Hitler and the Peasants*, 165–7.

производилось вполне достаточно продовольствия для того, чтобы удовлетворить внутренний спрос. Импорт использовался не для поддержки текущего потребления, а с целью восстановления национальных запасов зерна, которых к 1939 г. хватало для того, чтобы снабжать население хлебом в течение года⁶⁸.

Не следует слишком всерьез относиться к постоянным разговорам о кризисе, преследовавшим ИЗС. Население Германии ни разу не сталкивалось с реальной нехваткой продовольствия⁶⁹. «Дефицит» мяса и масла был вызван не крахом снабжения, а резким приростом спроса, особенно со стороны потребителей из числа трудящихся. Получившие работу немцы, у которых завелись деньги, просто не желали сидеть на скудной вегетарианской диете, пропагандируемой нацистскими лидерами, по воскресеньям обедавшими овощной похлебкой. Разумеется, в условиях обычного рынка разрыв между спросом и предложением был бы устранен благодаря росту цен. Более высокие цены обеспечили бы снижение спроса, в то же время побуждая фермеров к увеличению объемов производства и привлекая импорт из-за рубежа. И ИЗС, безусловно, воспользовалось этим вариантом применительно к особенно дефицитным товарам. Однако в целом от сплошного повышения цен на продукты питания отказались из-за опасения вызвать такой же взрыв общественного недовольства, как в 1934 г. Именно политически мотивированное замораживание цен и создало видимость дефицита, вынудив ИЗС прибегать к более-менее открытым формам нормирования. Лишь в 1938 г., когда молочное животноводство столкнулось с реальными проблемами снабжения, режим в конце концов поднял цены, которые платили немецким фермерам за молоко. Но даже этот прирост не затронул потребителей. Таким образом, повышение цен стало стимулом для роста объемов производства, но не привело к сокращению спроса.

ИЗС сталкивалось с жалобами не только на дефицит продовольствия. Тайная полиция, внимательно отслеживавшая настроения среди крестьянства, тоже обнаружила много признаков недовольства. Крестьяне неустанно сетовали на низкие цены и административное вмешательство⁷⁰. Фермеры, не-

68. *Statistisches Handbuch von Deutschland* (Munich, 1949), 489–90; Hanau and Plate, *Preis- und Marktpolitik*, 49. Забывая о такой цели, как накопление запасов, Корни и Гис ошибочно интерпретируют ввоз 2,5 млн тонн зерна в 1938–1939 гг. как признак «дефицита». См.: Corniand Gies, *Brot, Butter, Kanonen*, 314.

69. Убедительное опровержение преувеличенных сообщений о кризисе, появлявшихся в британских СМИ, см.: IfK, *Supplement to Weekly Report*, 10 February 1937.

70. Это дало некоторым авторам повод называть крестьян если не жертвами нацизма, то по крайней мере группой, обойденной вниманием со стороны режи-

сомненно, были ограничены в своих действиях сильнее, чем когда-либо прежде в мирное время. За первые два года правления нацистов власти приняли 250 новых положений, касавшихся сельского хозяйства: по одному за каждые три дня⁷¹. Возможно, самым обременительным ограничением из введенных ИЗС было то, которое требовало от фермеров сдавать определенное количество молока на молочные фермы, получившие лицензию от ИЗС. Это было очень серьезное требование, поскольку ежедневные поставки молока и масла в город служили наиболее важным источником оборотных средств для большинства крестьянских ферм. Молочные фермы ИЗС, конечно, расплачивались с поставщиками наличностью, но отныне фермерам приходилось сбывать молоко по ценам, установленным в централизованном порядке, и соблюдать диктуемое им расписание поставок. Для ферм, расположенных поблизости от городских рынков, это был суровый удар. По некоторым оценкам, в окрестностях Гамельна ежегодные убытки фермеров достигали 2000 рейхсмарок на ферму. Тех, кто не подчинялся требованиям ИЗС, облагали высокими штрафами. В сентябре 1935 г., когда сотни фермеров в районе Везермюнде начали доставлять подозрительно маленькое количество молока на местную молочную ферму, гестапо сообщило, что это равнозначно «молочной забастовке». В то же время на КПП, выставленных по дороге к Бремену, были задержаны шесть фермеров, пытавшихся провезти 88 фунтов масла для нелегальной продажи в городе⁷².

Подобные примеры, безусловно, весьма выразительны. Но недовольство крестьян в большинстве случаев не позволяет получить верного представления об экономической поддержке сельского хозяйства. Германские крестьяне обладали хорошей памятью и обостренным осознанием своих прав. Мысленно они возвращались к золотым дням в начале XX в., когда с конкуренцией североамериканских товаров удавалось справиться с помощью скромных пошлин и минимального вмешательства со стороны государства. Но эти дни остались в далеком прошлом. Если не забывать о катастрофической ситуации, сложившейся в 1930-х гг. в мировом сельском хозяйстве, нам станет ясно, что немецкие фермеры по сути работали в условиях беспрецедентной защищенности, и едва ли стоит удивляться тому, что за это приходилось платить. В ответ на устранение зарубежных конку-

ма. См.: H. James, *The German Slump* (Oxford, 1986), 357; A. von Saldern, *Mittelstand im «Dritten Reich»* (Frankfurt, 1979), 125–6.

71. Herlemann, *Der Bauer*, 145.

72. Ibid., 147–50.

ренгов с отечественных рынков мелкое крестьянство было вынуждено смириться со всеобъемлющим надзором и контролем. Сельское хозяйство в Германии, как и вообще в Европе, начиная с 1930-х гг. все меньше и меньше походило на отрасль рыночной экономики и все больше — на странный гибрид частной собственности и государственного планирования. На истинное положение вещей указывает сравнение тех цен, которые платили немецким фермерам, и тех, за которые они бы сбывали свою продукцию, если бы не были никак ограждены от иностранной конкуренции. В этом отношении факты абсолютно недвусмысленны. Хотя производители зерна явно были защищены лучше, чем производители молочной продукции, те цены, за которые немецкие фермеры сбывали все виды своей продукции при национал-социализме, как минимум вдвое превосходили цены на мировых рынках. Разумеется, согласно «Новому плану» Шахта германская промышленность тоже существовала в условиях всеобъемлющего протекционизма. Поэтому действительно многозначительным событием после 1933 г. стал резкий рост сельскохозяйственных цен по сравнению с промышленными ценами. Во время Депрессии сельскохозяйственные цены снизились сильнее промышленных. После 1933 г. «ножницы» между промышленными и сельскохозяйственными ценами резко захлопнулись. Сельскохозяйственные цены росли быстрее промышленных, и, опять же, это не соответствовало тенденциям на глобальных рынках, где сельское хозяйство продолжало отставать.

Вечером 30 января 1933 г. Гитлер обещал за четыре года восстановить экономическое благосостояние германского крестьянства — и ИЗС постаралось претворить это обещание в жизнь. Согласно цифрам, вычисленным наиболее авторитетной немецкой службой экономических исследований, общий доход ферм, более 60% которого приходилось на продукцию животноводства, вырос в 1933–1934 гг. почти на 14%, и в 1934–1935 гг. еще на 11,5%. Вместе с тем существенно сократилось лежавшее на сельском хозяйстве бремя налогов и выплат по кредитам⁷³. С учетом общего снижения цен мы получим, что рост денежных доходов у фермеров более чем возмещал их сокращение в годы депрессии. Ситуация могла бы быть еще лучше, если бы не плохая погода и неурожай 1934 года.

Не сумев удовлетворить ни один из основных слоев населения в Третьем рейхе, ИЗС пало жертвой собственных усилий

73. *Statistisches Handbuch von Deutschland*, 607.

ЦЕНА РАЗРУШЕНИЯ

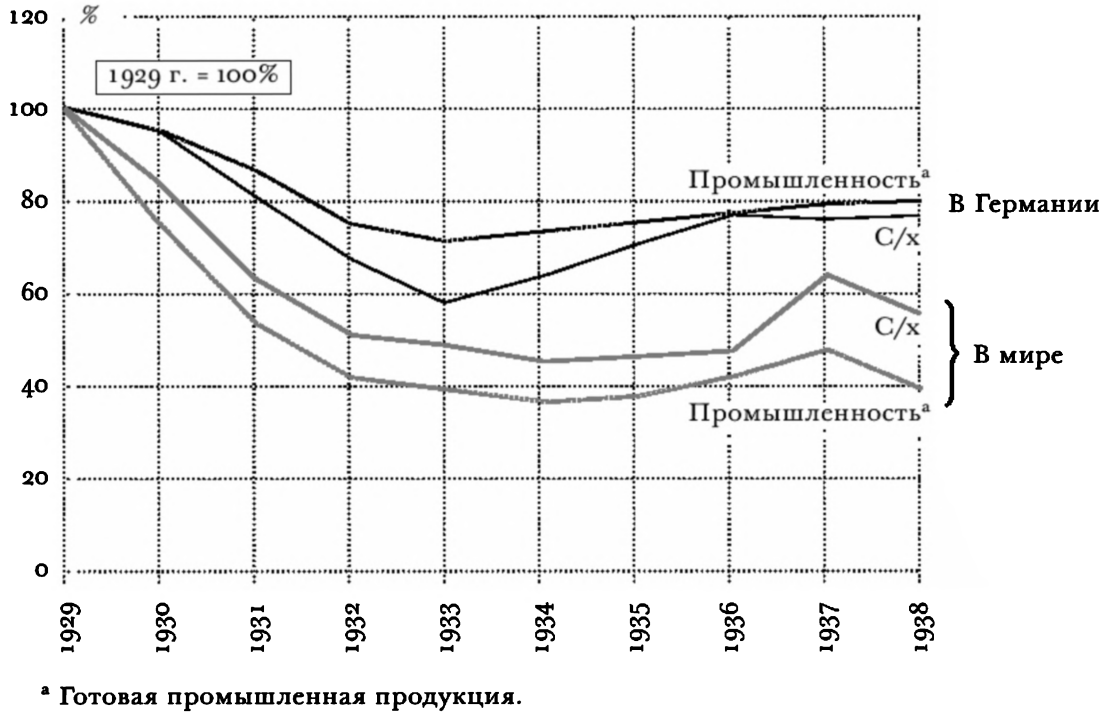

РИС. 8. Промышленные и сельскохозяйственные цены в Германии и в мире, 1929–1938 гг.

взять под контроль все аспекты производства продовольствия. Создание ИЗС, несомненно, обеспечило нацистскому режиму беспрецедентную степень влияния на жизненно важный сектор экономики. Но вместе с тем это привело к политизации огромного пласта повседневной жизни. Организационное влияние ИЗС распространялось на каждый дом в деревне. Для крестьян не существовало буквально ничего, за что нельзя было более или менее обоснованно возложить вину на ИЗС с его навязчивыми правилами (кроме погоды). Также и потребители обнаружили, что такие повседневные задачи, как покупка продуктов и даже приготовление пищи для семьи, стали объектом политического вмешательства и пропаганды⁷⁴. Однако в конечном счете сложности, с которыми сталкивалось ИЗС, нельзя было приписать идеологическим прихотям Дарре или вопиющей некомпетентности его организации. Проблемы, встававшие перед ИЗС, являлись следствием стремления Германии к скорейшему восстановлению экономики и крупномасштабной программы индустриальной реструктуризации, проводившейся в усло-

74. N. R. Reagin, «Marktordnung and Autarkic Housekeeping: Housewives and Private Consumption under the Four-Year Plan, 1936–1939», *German History*, 19(2001), 162–84.

виях крайне неблагоприятного платежного баланса. Начиная с 1934 г. рост цен и заработков в промышленности сдерживался в попытке не допустить того, чтобы индустриальный бум вылился в инфляцию и дальнейшее снижение конкурентоспособности Германии. Это, в свою очередь, означало, что сельскохозяйственные цены нельзя было существенно повысить, не причинив ущерба уровню жизни в городах. В то же время нехватка иностранной валюты резко замедлила прогресс в сфере производства белков и жиров, снизив количество и качество кормов для скота. Все это делало особенно болезненным разрыв между потребительскими чаяниями городского населения Германии и производственными возможностями сельского хозяйства страны. И этот разрыв пытались закрыть Дарре и Имперское земельное сословие.

V

Самое позднее к 1936 г. стало совершенно ясно, что Германия в пределах тогдашних границ даже при самом умелом руководстве не в состоянии достичь чего-либо, похожего на самодостаточность, тем более если режим поставил своей целью сохранить существующий уровень жизни и существующую структуру германского сельского хозяйства. Разумеется, можно рассуждать о возможностях, которые могли бы открыться в том случае, если бы Третий рейх был решительно настроен пойти на болезненные структурные изменения наподобие тех, которые осуществил Сталин в Советском Союзе. Разумеется, о коллективизации не шло и речи — по крайней мере до 1945 г., когда победы Красной армии наконец сделали реальностью давние планы о реорганизации больших поместий на востоке страны⁷⁵. Однако в конце 1930-х гг. некоторые агрономы начали задумываться о решении сельскохозяйственных проблем Германии путем радикальной «нарезки» всех доступных земель в фермы оптимального размера, что позволило бы ИЗС осуществить обширную программу рационализации и механизации⁷⁶. Но все это выходило за рамки практической полити-

75. Как ни странно, осуществленная коммунистическими властями земельная реформа привела к возникновению не крупных кооперативов или хотя бы эффективных ферм площадью в 20 га, а множества мелких хозяйств площадью в 5–10 га. См.: A. Bauerkämper, «Antinomien der Modernisierung: Die Bodenreform in Mecklenburg 1945», in Prinz and Frese, *Politische Zäsuren*, 361–87.

76. Яркий пример таких планов см. в: A. Münzinger, «Aussiedlung als letztes Mittel der Erhaltung des Bauerntums», *Berichte über die Landwirtschaft*, 23 (1938), 205–45.

ки 1930-х гг. Наоборот, проблемы, стоявшие перед Германией, только подтверждали убеждение части нацистских аграриев (а также Гитлера), в том, что решением германских проблем должны стать завоевания на востоке. Согласно вычислениям агрономов из ИЗС, для достижения полной самодостаточности при технологиях того времени и сохранении уровня жизни Третьему рейху требовалось еще 7–8 млн га пахотных земель в дополнение к 34 млн га, уже находившихся в пределах его границ⁷⁷. Идея о том, что за прогрессирующей радикализацией гитлеровского режима стояли затруднения сельского хозяйства, может показаться неправдоподобной. Но в тех случаях, когда Гитлер пытался вложить конкретный смысл в свою идею «жизненного пространства», он обращался именно к сельскому хозяйству.

По очевидным причинам документально подтвержденные заявления нацистского руководства, свидетельствующие о его империалистических амбициях, после 1933 г. становятся редкостью. Подобные публичные высказывания, сделанные главными действующими лицами гитлеровского режима, вызвали бы шок во всем мире⁷⁸. Но хотя в целом такие намерения не предавались огласке, нет особых сомнений в том, что конечная цель экспансии на восток представляла собой важную точку отсчета для всех главных лиц в нацистском руководстве. Как уже упоминалось, Дарре ссылаясь на эти планы осенью 1932 г., за несколько месяцев до захвата власти. Гитлер сделал то же самое в феврале 1933 г., в своем первом обращении к германскому военному руководству, и еще раз в начале 1934 г. перед той же аудиторией. В начале 1936 г., в речи, которая лишь недавно была найдена в архивах, Дарре с поразительной конкретностью обрисовал завоевательные замыслы высшего руководства, обращаясь к должностным лицам ИЗС⁷⁹. Те региональные советники, перед которыми выступал Дарре, были важными фигурами

См. также: Mai, «Rasse und Raum», 69–74; W. Pyta, «Menschenökonomie: Das Ineinandergreifen von ländlicher Sozialraumgestaltung und rassenbiologischer Bevölkerungspolitik im NSStaat», HZ 273 (2001), 31–94.

77. IfK, *Weekly Report*, 10 August 1939, 198.

78. По иронии судьбы одно из наиболее откровенных признаний об истинных целях националистической завоевательной программы было сделано не Гитлером или кем-либо из нацистов, а архиаграрием Гугенбергом на Всемирной экономической конференции в 1933 г. (см. главу 2), и это не укрылось от внимания Сталина. См.: И. В. Сталин, «Отчетный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б)», в И. В. Сталин, *Сочинения*. Т. 13 (Москва, 1951), 303.

79. Дальнейшее основывается на: A. D'Onofrio, «Rassenzucht und Lebensraum: Zwei Grundlagen im Blut- und Boden-Gedanken von Richard Walther Darre», *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*, 49 (2001), 141–57.

в ИЗС. Все они состояли в партии. Однако они явно не принадлежали к внутреннему кругу нацистского руководства. Тем более значимой представляется готовность Дарре конкретизировать долгосрочные амбиции режима.

Уделив достаточное внимание ключевой роли, которую играла категория расы в нацистской идеологии, и тому, как в этом отношении национал-социализм отличался от итальянского фашизма, Дарре перешел к сути своего выступления. Будущее германского народа в первую очередь зависит от завоевания новых земель с целью их аграрного заселения. В полном согласии с Гитлером Дарре отвергал какую-либо возможность завоевания заморских колоний. Единственным возможным направлением этой экспансии было восточное. Все это было уже знакомо любому добросовестному читателю *Mein Kampf*. Но то, что сказал Дарре дальше, носило несколько более конкретный характер и прозвучало несколько более ошеломляюще:

Естественным регионом для его заселения немецким народом является территория к востоку от границ Рейха до Урала, ограниченная с юга Кавказом, Каспийским морем, Черным морем и водоразделом, отделяющим Средиземноморский бассейн от Балтийского и Северного морей. Мы заселим это пространство в соответствии с законом, гласящим, что высшая раса всегда имеет право завоевать и присвоить земли низшей расы.

Вопросы нравственности при этом не поднимались. Немецкий народ имеет право покорить эти громадные территории и прогнать с них тех, кто их населяет. В мире существует лишь один закон, согласно которому слабый всегда уступает сильному. Дарре признавал, что кое-кому из его слушателей эти идеи могли показаться фантастическими или чрезмерными. Но он предлагал им задуматься над тем, что все пространство от Рейна до Урала по сути не крупнее Австралии или Канады. Таким образом, эта будущая Германская империя своими размерами будет соответствовать всего одному британскому доминиону. Для немцев, освоивших все самые современные средства транспорта, такие масштабы отнюдь не являются избыточными. Дарре явно не имел в виду средневековые фантазии, когда напоминал своей аудитории о том, что

...мы, немцы, лидируем в сфере авиации и самых современных коммерческих самолетов. Мы, немцы, построили самые современные дороги в мире, а по нашим железным дорогам ездят скоростные обтекаемые поезда, далеко превосходящие своей скоростью любой обычный поезд.

Разумеется, он прекрасно понимал, что в данный момент у Германии не имелось средств для заселения такой обширной территории, но это было несущественно:

В первую очередь необходимо иметь в виду эту цель и заботиться о ее выполнении. Подобную политическую цель следует передавать из уст в уста от одной немецкой фермы к другой, она должна стать основой обучения в наших крестьянских школах. Затем настанет день, когда наш народ пойдет за вождем, который воспользуется представившимся ему шансом, чтобы дать Народу без земли пространства на востоке.

И это,— предупреждал Дарре своих слушателей,— случится отнюдь не в отдаленном будущем:

Европа освободилась от паралича Версальского мира и находится в движении. Не пройдет и десяти лет, как политический пейзаж Европы снова сильно изменится по сравнению с сегодняшним днем. К тому моменту германский народ должен быть готов к тому, чтобы ответить на вызов, стоящий перед его расой.

Часть II
Война в Европе

1936: четыре года до войны

СЕГОДНЯ нам кажется очевидным, что мир начал сползать в войну не в 1939 г., а четырьмя годами ранее¹. В октябре 1935 г. Муссолини безо всякого повода напал на Абиссинию. К маю 1936 г. император Хайле Селассие отправился в изгнание, а итальянцы установили в стране жестокий режим: жертвой геноцида пали сотни тысяч эфиопов. Два месяца спустя, в июле 1936 г., офицеры, принадлежавшие к правым кругам, подняли мятеж против только что избранного правительства Народного фронта в Испании. Через несколько недель страну охватила кровопролитная гражданская война. На другом краю мира хрупкий баланс был разрушен 6 марта 1936 г. переворотом, в результате которого либерального японского премьер-министра Окаду Кэйсукэ сменил воинственный министр иностранных дел Хирота Коки. К лету 1937 г. в Китае возобновились военные действия. Нацистская Германия постаралась ни у кого не оставить сомнений в отношении того, на какую сторону приведет ее растущая поляризация мировой политики. Гитлер поддержал Муссолини в Африке и, воспользовавшись тем, что внимание англичан и французов было отвлечено, ввел немецкие войска в Рейнскую область, тем самым пойдя на вопиющее нарушение Версальского договора. Летом 1936 г. принадлежавшие люфтваффе транспортники Ju-52 переправили Франко и подчинявшиеся ему мятежные войска из Марокко в европейскую часть Испании. Через несколько месяцев летчики из германского легиона «Кондор» вели бои над Мадридом. Вскоре после этого, в ноябре 1936 г., Германия заключила антикоминтерновский пакт с Японией — главным агрессором в Азии.

Угроза войны была очевидна — собственно говоря, настолько очевидна, что к концу 1936 г. главный мировой страхов-

1. Обзор международного положения см. в: Z. Steiner, *The Triumph of the Dark: European International History, 1933–1939* (Oxford, 2006). Самым лучшим обзором ситуации в Германии остается Weinberg, *Foreign Policy* I, 239–356.

щик — лондонский *Lloyds* — прекратил страховать собственность на случай войны². Вопрос заключался в том, неизбежна ли война. Правительства и Франции, и Великобритании изо всех сил старались избежать крупного конфликта — не из-за боязни поражения, а потому что считали, что в выигрыше останутся только державы, занимающие окраинное положение: США, Советский Союз и Япония. Сильно упрощая ситуацию, можно сказать, что их ответ на действия Германии складывался из трех элементов³. И для Франции, и для Великобритании главным приоритетом являлась гарантия возможности переговоров с позиции силы — поэтому обе страны начиная с 1936 г. предпринимали серьезные попытки ответить на германское перевооружение, укрепляя свою обороноспособность⁴. Вторым ключевым элементом служили попытки хотя бы отчасти возместить ущерб, нанесенный Великой депрессией, и в какой-то мере восстановить экономические связи между тремя главными западными державами — Францией, Великобританией и США⁵. Начиная с 1933 г. и Великобритания, и США постепенно оправлялись от рецессии, но они никак не могли прийти к согласию в отношении поставленного Америкой на повестку дня вопроса о либерализации торговли. В свою очередь, Франция страдала в удушающих тисках золотого стандарта. Наконец, третий и наиболее известный аспект умиротворения заключался в попытках изобрести такой пакет уступок, которого бы хватило для того, чтобы соблазнить Гитлера к участию в долгосрочных договоренностях о поддержании мира в Европе. Рузвельт после своего переизбрания в ноябре 1936 г. вернулся к идее активного участия США в глобальной политике, павшей жертвой бурных событий 1932–1933 гг. Президент выдвинул идею о второй Европейской мирной конференции, где можно было бы обсудить вопросы разоружения, торговли и перераспределения колониальных владений и соответствующих источников сырья⁶. Однако британцы про-

2. A. W. Schatz, «The Anglo-American Trade Agreement and Cordell Hull's Search for Peace 1936–1938», *Journal of American History*, 57 (1970), 87.

3. О британской позиции см.: F. McDonough, *Neville Chamberlain, Appeasement and the British Road to War* (Manchester, 1998); R. A. C. Parker, *Chamberlain and Appeasement: British Policy and the Coming of the Second World War* (New York, 1993); G. Schmidt, *The Politics and Economics of Appeasement: British Foreign Policy in the 1930s* (New York, 1986).

4. О Франции см.: R. Frankenstein, *Le Prix du rearmement francais 1935–1939* (Paris, 1982), 65–81. О Великобритании: Parker, *Chamberlain and Appeasement*, 272–82.

5. Краткое резюме см. в: P. Clavin, *The Great Depression in Europe, 1929–1939* (Basingstoke, 2000), 186–97.

6. A. O. Offner, *American Appeasement: United States Foreign Policy and Germany, 1933–1938* (Cambridge, Mass., 1969), 171–82.

являли осторожность. В Лондоне не было единого мнения по поводу того, насколько можно доверять Соединенным Штатам. Что более важно, британцы были готовы говорить о разоружении, стоявшем на первом месте в программе Рузвельта, лишь нарастив свой оборонный потенциал. Поэтому всеобщей конференции пришлось дожидаться того момента, когда Британия в достаточной степени усилит свою воздушную оборону. Однако Чемберлен (премьер-министр с 1937 г.) отдавал предпочтение постепенному подходу, предлагая уступки в отношении колоний, торговли и кредита в надежде на то, что это откроет путь к соглашению о поддержании мира и безопасности.

Позиции сторонников умиротворения серьезно укрепляло то, что гитлеровский режим после бури негодования, которую вызвала ремилитаризация Рейнской области в марте 1936 г., как будто бы вступил в фазу относительной «респектабельности». Летом 1936 г. Германия принимала у себя спортсменов всего мира, приехавших на берлинскую Олимпиаду в сопровождении армии журналистов. Невзирая на недовольство Геббельса, немецкая пресса все же получила приказ активно освещать победы Джесси Оуэнса и других афроамериканских атлетов⁷. В 1937 г., на Парижской всемирной выставке, павильон Германии входил в число главных приманок для посетителей⁸. Гитлеровский режим на пятом году своего существования мог подавать себя в качестве образцовой диктатуры. Безработица снизилась до ничтожного уровня. Экономика страны находилась на подъеме. Жизнь миллионов германских домохозяйств входила в более-менее нормальную колею⁹. Волна жестоких репрессий в 1933–1934 гг. сделала свое дело. Число заключенных в концентрационных лагерях Гиммлера сократилось до нескольких тысяч. На какое-то время даже насаждавшийся режимом антисемитизм сбавил тон. По сравнению с агрессией, развязанной фашистской Италией в Африке и Японской империей в Китае, не говоря уже о широко освещавшихся сталинских показательных процессах, гитлеровский режим выглядел на удивление вменяемым. Разумеется, были и те, кого не покидала уверенность в том, что мир невозможен, пока Гитлер находится у власти. Но такие находились в меньшинстве. Большинство британцев и французов, какую бы неприязнь ни вызывал

7. P. Gassert, *Amerika im Dritten Reich* (Stuttgart, 1997), 190–94.

8. D. Ades et al., *Art and Power: Europe under the Dictators 1930–1945* (London, 1996), 58–118.

9. О том, насколько «нормальной» была ситуация в 1930-е гг., см.: U. Herbert «Die guten und die schlechten Zeiten», in L. Niethammer (ed.), «*Die Jahre weiss man nicht, wo man die heute hinsetzen soll*»: *Faschismuserfahrungen im Ruhrgebiet* (Berlin, 1983), 67–96.

у них гитлеровский режим, явно были готовы освободить в Европе место для авторитарной Германии. После 1936 г. западные державы предлагали ей такой миропорядок, при котором внутренняя силовая структура гитлеровского режима не подвергалась бы никаким или почти никаким угрозам, а Третий рейх имел бы возможность найти свое место в восстановленной системе международной торговли и финансов.

Более того, большинство немцев, вероятно, сочло бы такой миропорядок чрезвычайно удовлетворительным результатом «националистической революции», начавшейся в 1933 г. Все данные о состоянии общественного мнения указывают на то, что при всем возмущении итогами Первой мировой войны население Германии испытывало глубокий страх перед европейской войной и приветствовало бы урегулирование на основе статус-кво, сложившегося к 1936 г.¹⁰ Факты о настроениях в рамках делового сообщества очень скудны. Однако нет сомнений в том, что к 1936 г. прежняя заикленность дискуссий исключительно на внутреннем рынке уступила место вниманию к вопросам международной торговли. Как в начале мая 1936 г. указывал в своем докладе авторитетный Берлинский институт по изучению деловых циклов, принципиальной проблемой, стоявшей перед германской экономикой, являлся доступ к сырью¹¹. Решение этой проблемы заключалось в увеличении экспорта. И весной 1936 г. на этот счет имелись по крайней мере некоторые основания для оптимизма. Институт называл в числе важных экономик, полностью восстановившихся после кризиса, США, Великобританию, Японию, Швецию, Аргентину, Чили, Бразилию, Норвегию, Австрию и Бельгию. Рецессия продолжалась лишь в странах золотого блока, возглавляемых Францией.

Налицо явно имелись возможности для полномасштабного выздоровления мировой торговли. И как мы увидим ниже, Франция попыталась ими воспользоваться, с лета 1936 г. осуществляя резкий поворот в экономической политике. Но Гитлер и его соратники в германском руководстве систематически отказывались от какого-либо сближения с западными державами. Одной из постоянных тем в политической жизни Гитлера был антикоммунизм, но в 1936 г. он достиг особого накала. В то время как более традиционно мыслящие в 1936 г. усматривали воз-

10. В качестве примера можно указать на сообщения находившихся в изгнании социал-демократов о страхе перед войной, охватившем немцев в начале 1936 г.: *Deutschland Berichte*, 3 (1936), 300–14; 4 (1936), 460–78; 6 (1936), 675–80; 8 (1936), 963–8; 9 (1936), 1097–104.

11. IfK, *Weekly Report*, 6 May 1936.

возможность вернуться в мировую экономику, Гитлер и его окружение воспринимали создание правительств Народного фронта во Франции и в Испании как симптомы роста международной коммунистической активности. А для Гитлера с его идеологией и мировоззрением это влекло за собой более обширные последствия. «После периода относительной риторической сдержанности», в течение которого Гитлер, Геббельс и остальные воздерживались от более общих выводов, вытекавших из их антисемитской космологии, в 1936 г. «основополагающая тема всемирного еврейского заговора» вновь вышла на передний план¹². Перед лицом этой экзистенциальной угрозы Гитлер не был склонен к компромиссам. При поддержке со стороны Геринга и армии он уклонялся от попыток британцев, французов и американцев склонить его к урегулированию, в рамках которого взамен на сдержанность в плане перевооружения Германии были бы сделаны экономические уступки. Частным образом Гитлер с лета 1936 г. высказывался откровенно. Укрепив свой режим и начав процесс перевооружения, он хотел подготовить Германию к войне. Гитлер не отказался от своей ключевой идеи. Несмотря на то что конкретные шаги еще предстояло прояснить, Гитлер был намерен реализовать свою мечту о расширении «жизненного пространства» для германского народа. Он знал, что это неизбежно приведет к военному конфликту не позже чем к началу 1940-х гг. Понимая, что такой курс сопряжен с громадным риском, он собирался максимально повысить шансы Германии на успех путем систематических военно-экономических приготовлений и гибкой дипломатии.

Понятно, что этот сюжет освещался в бесчисленных работах и соответствующие документы были изучены вдоль и поперек по крайней мере четырьмя поколениями исследователей. Однако в отношении конкретного вопроса, являющегося темой настоящей книги, по-прежнему остается поразительно мало ясности. До настоящего времени у нас нет полноценного и внятного изложения той роли, которую играли экономические факторы в стремлении Гитлера к войне¹³. В центре любых дискуссий такого рода должна находиться динамика производства воору-

12. См. блестящий анализ в: S. Friedländer, *Nazi Germany and the Jews* (London, 1997), 1. 177–89.

13. Важным справочным материалом по теме по-прежнему остаются статьи Г.-Э. Фолькмана и В. Дистадля DRZW 1, 211–640 (первое издание — 1979 г.). Более свежий обзор, который, однако, представляется неубедительным по ряду ключевых моментов, см. в: K. H. Roth, «Von der Rüstungskonjunktur zum Raubkrieg», in W. Röhr, B. Berlekamp and K. H. Roth, *Der Krieg vor dem Krieg: Politik und Ökonomik der «friedlichen» Aggression Deutschlands 1938/1939* (Hamburg, 2001), 29–97.

жений¹⁴. С одной стороны, производство оружия и военной техники представляло собой ту сферу индустриальной и экономической деятельности, к которой Гитлер проявлял постоянный и устойчивый интерес. С другой стороны, поведение германской экономики во все большей степени определялось военными расходами. Почти половина (47%) роста совокупного национального продукта в Германии в 1935–1938 гг. была обеспечена непосредственно ростом военных расходов Рейха¹⁵. Если добавить к этому инвестиции, значительная часть которых диктовалась такими приоритетами, как автаркия и перевооружение, то эта доля вырастет до двух третей (67%). Напротив, частное потребление отвечало лишь за 25% роста на протяжении этого же периода, несмотря на то что в 1935 г. на его долю приходилось 70% всей экономической активности. Если мы будем рассматривать лишь ту часть экономики, которая непосредственно контролировалась государством, то преобладание военных расходов окажется еще более ярко выраженным. Вермахт являлся покупателем 70% всех товаров и услуг, приобретенных государством в 1935 г., и 80% три года спустя. Поэтому неудивительно, что в дискуссии о любых аспектах экономической политики все сильнее преобладала тема перевооружения. И в свою очередь, именно через перевооружение будущее германской экономики оказалось связано с главным вопросом, вставшим перед гитлеровским правительством — вопросом войны и мира.

I

Как мы уже видели, одним из главных архитекторов нового германского вермахта был Ялмар Шахт. И ему было воздано должное, когда на нюрнбергском съезде в 1935 г. впервые был публично продемонстрирован весь спектр германских вооружений¹⁶. Но перевооружение, запланированное Шахтом летом 1933 г., носило ограниченный характер: на него в течение восьми лет выделялось 35 млрд рейхсмарок — в среднем по 4,3 млрд

14. См. блестящий краткий обзор в: M. Geyer, *Deutsche Rüstungspolitik 1860–1980* (Frankfurt, 1984).

15. Здесь и далее я опираюсь на данные из приложений к: A. Ritschl, *Deutschlands Krise und Konjunktur 1924–1934* (Berlin, 2002), а также: «Deficit Spending in the Nazi Recovery, 1933–1938: A Critical Reassessment», Working Paper No. 68, Institute of Empirical Research in Economics, University of Zurich (December 2000).

16. N. Mühlén, *Der Zauberer: Leben und Anleihen des Dr. Hjalmar Horace Greeley Schacht* (Zurich, 2nd edn., 1938), 166. Эта выставка оружия была отражена в документальной короткометражке Лени Рифеншталь «День свободы» (*Tag der Freiheit*; 1935).

рейхсмарок в год. Этих средств по расчетам должно было хватить на двухэтапный план перевооружения 1933 г.: четыре года на наращивание минимальных оборонительных мощностей и еще четыре года на создание крупных наступательных сил. В 1934 г. военные расходы достигли 4,2 млрд рейхсмарок. В 1935 г. они составляли уже от 5 до 6 млрд рейхсмарок. Однако эта сумма, вообще говоря, не выходила за рамки, установленные Шахтом. Поэтому возникает искушение описывать эту эпоху как период «умеренного» перевооружения¹⁷. Но как мы видели, это было бы ошибочно с точки зрения политических приоритетов 1934 г. Кроме того, чрезмерность военных расходов в 1935 г. представляла собой не просто нарушение бюджетной дисциплины. Она служила указанием на мощную динамику ускорения. Перевооружение Третьего рейха во все большей степени становилось ответом на международную гонку вооружений, которую развязала сама Германия. По мере того как Германия перевооружалась, это подталкивало ее потенциальных противников к ответным действиям. Весной 1935 г. Франция увеличила срок воинской службы для призывников до двух лет, а британское правительство объявило о полном пересмотре своей оборонной политики¹⁸. Кроме того, Франция в мае 1935 г. подстраховалась, заключив договор о взаимопомощи с Советским Союзом, который подкреплялся аналогичным соглашением между СССР и Чехословакией, находившейся на восточной границе Германии. К 1936 г. военные расходы увеличили и Франция, и Великобритания, и США, и Советский Союз. И вместо того, чтобы умерить свои аппетиты, германское военное руководство реагировало на каждую новую угрозу ускорением темпов перевооружения¹⁹. В декабре 1933 г. предполагалось создание армии, в мирное время насчитывающей 21 дивизию. К концу 1934 г. это уже считалось недостаточным. В марте 1935 г. Гитлер на весь мир объявил о создании германской армии мирного времени численностью не менее чем в 36 дивизий. Этой эскалации самой по себе хватило бы для того, чтобы нарушить расчеты Шахта. Но к осени 1935 г. генерал Людвиг Бек, новый начальник штаба, убедил себя в том, что даже если Германия ограничится одной лишь обороной, ей понадобятся силы, способные

17. Как это делается в работе R. Overly, *The Nazi Economic Recovery 1932–1938* (Cambridge, 1996), 44–5.

18. H. Sirois, *Zwischen Illusion und Krieg: Deutschland und die USA 1933–1941* (Paderborn, 2000), 74.

19. Эта тема, поднятая в: W. Deist, *The Wehrmacht and German Rearmament* (London, 1981), еще громче звучит в: B. R. Kröner, «Der starke Mann im Heimatkriegsgebiet»: Generaloberst Friedrich Fromm. Eine Biographie (Paderborn, 2005), 232–8.

агрессивно ответить на любую угрозу ее границам. Это потребовало пересмотра двухэтапного плана, из которого исходило планирование перевооружения начиная с 1931 г. Кроме того, такой подход вызвал необходимость и в резком повышении качества вооружений. Единственным видом оружия, сулившим хоть какие-то шансы на успех в столкновении с соседями Германии, защищенными мощными оборонительными сооружениями, представлялся танк. Поэтому в декабре 1935 г. Бек добавил к предполагавшимся 36 дивизиям 48 танковых батальонов, по крайней мере на год приблизив создание наступательных сил, первоначально предполагавшееся лишь на втором этапе перевооружения²⁰. В то же время на очередной этап экспансии вступили люфтваффе, запланировав увеличить свои силы с 48 эскадрилий в августе 1935 г. до 200 с лишним к октябрю 1938 г.²¹ В марте 1936 г. Гитлер еще больше ускорил этот процесс, приказав люфтваффе немедленно начать внедрение нового поколения обтекаемых цельнометаллических самолетов²².

Экономические последствия этих решений были грандиозными. Предполагаемый бюджет вооруженных сил на 1936 г. далеко превосходил ежегодные цифры, на которые согласился Шахт в 1933 г.²³ Не менее серьезными были и последствия для платежного баланса. На 1936 г. вермахт запросил вдвое больше импортных металлов и железной руды, каучука и нефти, чем он получил в 1935 г. Более того, столь масштабное перевооружение влекло за собой серьезные долгосрочные последствия для структуры германской экономики. Существование сотен тысяч рабочих мест зависело от военных заказов, которые могли закончиться после завершения перевооружения. Однако вермахт больше не желал проявлять сдержанность. 18 ноября 1935 г. министр обороны Бломберг приказал всем родам войск игнорировать какие бы то ни было финансовые ограничения²⁴. Как мы уже видели, в 1934 г. Шахт одержал верх над Куртом Шмиттом, своим соперником в РМЭ, пообещав вермахту все, в чем он будет нуждаться. И теперь ему предъявили счет. В декабре 1935 г. на запрос Бломберга относительно сырья Шахт ответил категорическим отказом:

20. Kröner, *Fromm*, 242–7.

21. К.-Н. Völker, *Die deutsche Luftwaffe 1933–1939: Aufbau, Führung und Rüstung der Luftwaffe sowie die Entwicklung der deutschen Luftkriegstheorie* (Stuttgart, 1967), 98.

22. E. L. Homze, *Arming the Luftwaffe* (Lincoln, Nebr., 1976), 149.

23. Необходимость выделить сумму более чем в 6 млрд рейхсмарок представляла собой сложную задачу для Рейхсбанка: BAL R25016627, *Denkschrift* 21.11.1935, 224–7.

24. M. Geyer, *Aufrüstung oder Sicherheit: Die Reichswehr in der Krise der Machtpolitik 1924–1936* (Wiesbaden, 1980), 446.

Вы ожидаете, чтобы я выделил иностранную валюту, необходимую для удовлетворения ваших требований. Должен ответить, что в текущих обстоятельствах я не вижу возможности сделать этого <...> если сейчас существует потребность <...> в увеличении объемов перевооружения, я, разумеется, отнюдь не собираюсь изменять той поддержке, которую я в течение многих лет, как до, так и после захвата власти, оказывал максимально возможному перевооружению. Однако мой долг — указать на экономические обстоятельства, ограничивающие любую политику такого рода²⁵.

Столкновение с военными стало для Шахта таким потрясением, что он начал пересматривать самые основы той политики, которой придерживался начиная с 1933 г. В ноябре 1935 г. британское посольство в Берлине расценивало как вполне надежную информацию сведения о том, что Шахт «воспользуется любой благоприятной возможностью для того, чтобы девальвировать марку по отношению к фунту стерлингов»²⁶. Вне зависимости от степени достоверности подобных слухов, сам Шахт, несомненно, полагал, что его ожидает новый кризис платежного баланса. Осенью 1935 г. Рейхсбанк предсказывал, что в следующем году Германия столкнется с чистой нехваткой иностранной валюты в объеме не менее 400 млн рейхсмарок. Для покрытия этого дефицита у Рейхсбанка имелось не более 88 млн рейхсмарок. К марту 1936 г., после двух лет сокращения импорта, германские запасы зарубежного сырья снизились до ужасающе низких объемов, что создавало реальную угрозу крупных сбоев в промышленном производстве²⁷. Как мы уже видели, та же проблема возникла в отношении зерна. Однако — что было важнее всего — сталеплавильная промышленность и ее лидер Эрнст Пенсген из *Vereinigte Stahlwerke* были серьезно встревожены сокращением запасов железной руды и металлического лома. С тем чтобы сохранить эти запасы и избежать внезапных перебоев в снабжении, Рур выступал за общее сокращение производства стали. Промышленники воздержались от применения этой чрезвычайной меры лишь из-за выразившегося Рейхсминистерством экономики опасения, что это вызовет общена-

25. IMT XXXVI. 292., Шахт — Бломбергу, 24.12.1935.

26. James, «Innovation and Conservatism in Economic Recovery: The Alleged „Nazi Recovery“ of the 1930s», in I. Childers and J. Caplan (eds.), *Reevaluating the Third Reich* (New York, 1993), 130.

27. О том, насколько угрожающим в 1936 г. было положение с сырьем в текстильной отрасли, см.: G. Höschle, *Die deutsche Textilindustrie zwischen 1933 und 1939: Staat-sinterventionismus und ökonomische Rationalität* (Stuttgart, 2004), 74–106.

циональную панику²⁸. Военные, в свою очередь, больше беспокоились из-за каучука и нефти. Германские резиновые заводы в 1936 г. имели запасы сырья, достаточные менее чем для двух месяцев нормального производства²⁹. Еще более угрожающей была ситуация, связанная с нефтью, поскольку в этой сфере сохранялась зависимость от поставок из Румынии. Хотя Шахт в 1934 г. сыграл главную роль при принятии расширенной программы производства синтетического топлива, теперь его обвиняли в затягивании дела. И топливо уже было не единственным камнем преткновения. В начале 1936 г. Шахт поссорился с Вильгельмом Кепплером, личным экономическим советником Гитлера, наложив вето на исходящее от подчиненных Кепплера предложение облегчить положение германской металлургической отрасли путем выплавки стали из низкокачественной немецкой руды³⁰. В 1934 г. Кепплер и Шахт были союзниками. Теперь они превратились в заклятых врагов.

Ускорение перевооружения привело к расколу в руководстве Третьего рейха. Шахт, прежде враждовавший с Дарре и аграриями, теперь оказался на ножах еще и с военными, а также с Кепплером и его людьми. Такой серьезный конфликт мог уладить лишь Гитлер. Однако все его внимание в начале 1936 г. было поглощено неминуемой ремилитаризацией Рейнской области — самым смелым и самым опасным внешнеполитическим шагом фюрера на тот момент. Лишь после того, как это дело 7 марта было доведено до победного завершения, он решил вопрос об экономических приоритетах. 4 апреля 1936 г. Гитлер назначил Германа Геринга специальным комиссаром по иностранной валюте и сырью³¹. Ранее Геринг играл лишь маргинальную роль в экономической политике. Однако среди нацистской элиты он имел репутацию консерватора, заботящегося об интересах бизнеса. Более того, поначалу Шахт тоже поддерживал это назначение, питая надежду на то, что Геринг оградит Рейхсбанк и Министерство экономики от критики со стороны Нацистской партии. Но это был грубый просчет. Геринг отличался чудовищной амбициозностью, а также безжалостностью. Что еще более важно, для него как главы люфтваффе абсолют-

28. Процесс переговоров задокументирован в: ВАН R13I 605 и ВАН R13I447, 141–5. Власти первоначально поддерживали эту идею, но отказались от нее в мае.

29. О росте интереса военных к синтетическому каучуку см.: IMT VII, NI-4713, 778–84.

30. M. Riedel, *Eisen und Kohle für das Dritte Reich: Paul Pleigers Stellung in der NS-Wirtschaft* (Göttingen, 1973), 66–8.

31. A. Kube, *Pour le Merite und Hakenkreuz: Hermann Göring im Dritten Reich* (Munich, 1986), 140–46; R. J. Overy, *Göring* (London, 1984), 39–47; D. Petzina, *Autarkiepolitik im Dritten Reich* (Stuttgart, 1968), 30–48.

ным приоритетом являлось перевооружение. Более того, Гитлер дал Герингу абсолютно четкие инструкции. Его задача заключалась не в том, чтобы найти компромисс между военными и гражданскими потребностями. Геринг должен был обеспечить «продолжение подготовки к войне».

К концу апреля 1936 г. Геринг собрал свой собственный штат специалистов и провел серию совещаний, на которых обсуждалась судьба «Нового плана» Шахта³². Итоги этих совещаний были не слишком обнадеживающими. Экспортные субсидии, предусмотренные «Новым планом», имели определенный положительный эффект. Однако их эффективность зависела главным образом от состояния зарубежного спроса, который Германия не контролировала. Между тем потребности вермахта в сырье возрастали от месяца к месяцу, а вследствие выздоровления мировой экономики цены на импортное сырье с 1935 г. выросли не менее чем на 10%. Более того, к началу лета 1936 г. речь шла уже не просто о перевооружении. 12 мая 1936 г. Геринг предложил комитету по вопросам экспорта задуматься над тем, откуда Германия будет получать сырье, «если завтра начнется война». В других случаях звучали зловещие слова о «чрезвычайной ситуации» и о «сценарии „А“»³³. Перед лицом такой возможности вермахт в очередной раз начал пересмотр своих планов в сторону увеличения масштабов перевооружения. В июне 1936 г. статс-секретарь Мильх из Министерства авиации издал приказ о том, чтобы германские ВВС были доведены до полной боеготовности уже к весне 1937 г., а не к 1938 г. В свою очередь, армия увеличила планируемые размеры в мирное время с 36 до 43 дивизий, включая 3 бронетанковые дивизии и 4 дивизии мотопехоты. Более того, в июне 1936 г. был подготовлен новый план, предусматривавший создание к октябрю 1940 г. инфраструктуры и накопление материальной части для полевой армии, насчитывающей 102 дивизий и более 3,6 млн человек³⁴. Эти силы даже превышали своей величиной те, которые находились под началом кайзера в 1914 г. Последствия выполнения этой из ряда вон выходящей программы наращивания вооруженных сил были подробно изложены генерал-майором Фридрихом Фроммом, начальником центрального административного управления германской армии (*Allgemeines Heeresamt*), в меморандуме, ознаменовавшем поворотный пункт в истории Третьего рейха³⁵. Этот меморан-

32. О совещаниях, прошедших в мае и июне, см.: BAL R26I 36, 1–48.

33. Riedel, *Eisen und Kohle*, 86.

34. Deist, *Wehrmacht*, 45.

35. Ключевые документы по этому вопросу находятся в: ВАМА RH15/70. См. также:

дум представляет собой не только самое четкое высказывание на тему о том, какую армию пытался создать Третий рейх. Помимо этого, Фромм с предельной ясностью описывал последствия любой подобной программы вооружений для германской экономики.

Наступательные силы, о которых впервые заговорил Людвиг Бек в декабре 1935 г., несомненно, имели острый бронированный таран³⁶. Фромм предусмотрел выделение средств на создание трех полноценных бронетанковых дивизий, по 500 с лишним танков в каждой³⁷. Кроме того, он планировал создание четырех полностью моторизованных пехотных дивизий и трех так называемых легких дивизий, которые к концу 1930-х гг. предполагалось оснастить более чем 200 бронеавтомобилями. Помимо этого, армия 1939 г. должна была включать 7 отдельных танковых бригад, каждая из которых была бы способна стать ядром бронетанковой дивизии. Все эти части должны были входить в состав регулярной армии, поэтому от них ожидалась полная боеготовность в случае начала войны. Каким именно количеством танков предполагали оснастить армию Бек и Фромм, оценить непросто, с учетом того, что штаты этих частей нового типа не были окончательно определены, но всего их не могло быть менее 5 тысяч. Однако в 1936 г. в Германии серийно выпускались только легкие танки Pz-I и Pz-II, вооруженные лишь пулеметами. Для тех наступательных целей, которые имел в виду Бек, они явно не годились. Ядро германских бронетанковых сил согласно замыслам 1936 г. должно было состоять из 1812 средних танков моделей Pz-III и Pz-IV. Впрочем, в 1936 г. они еще только разрабатывались и начало их производства ожидалось не ранее 1938 г. Фромм не рассчитывал на то, что в 1939 г. в германских войсках будет реально насчитываться существенно больше 870 боеспособных средних танков. Несомненно, даже это были весьма серьезные силы. Но не следует воображать, будто составители германских планов 1936 г. предполагали обеспечить Германии подавляющее преимущество в международной гонке вооружений. Планы производства

K. J. Müller, *Armee und Drittes Reich 1933–1939* (Paderborn, 1989), doc. 136–140, pp. 296–308. Описание контекста см. в: Kröner, *Fromm*, 254–61. См. также: Deist, *Wehrmacht*, 36–53.

36. Подробнее о плане Фромма см.: ВАМА RH15/70, 110–47.

37. О стандартной численности машин в дивизии см.: B. Müller-Hillebrand, *Das Heer 1933–1945* (Darmstadt, 1954), I. 71. Ценное введение в вопрос о том, как эволюционировала организация бронетанковой дивизии, см. на веб-сайте Джорджа Парады: <http://www.achtungpanzer.com/>.

средних и тяжелых танков во Франции на конец 1930-х гг. значительно превышали аналогичные планы для Германии³⁸.

Более впечатляющей, чем оснащенность новой армии Гитлера танками, была ее общая численность. План Фромма предусматривал создание 68 пехотных дивизий, которые должны были дополняться 21 вспомогательной дивизией ландвера. Наиболее оснащенным пехотным дивизиям, насчитывавшим по 17700 человек, по штату полагалось от 500 до 600 грузовиков, 390 легковых машин и столько же мотоциклов. Но основным средством транспорта в германской армии по-прежнему оставались лошади³⁹. В военное время, согласно планам Фромма, в распоряжении армии должно было находиться 120 тыс. грузовиков, в основном реквизируемых у частных предприятий, и 630700 лошадей — по одной на каждые четырех человек в действующей армии. В средней пехотной дивизии вермахта подвод и фургонов было больше, чем легковых машин и грузовиков. На конной тяге передвигалась даже значительная часть тяжелой артиллерии⁴⁰. Кроме того, поучительно изучить распределение расходов, предусматривавшихся в бюджете Фромма. Из 35,6 млрд рейхсмарок, которые предполагалось истратить в 1937–1941 гг., на танки и автомобили выделялось менее 5% (4,7%). Напротив, 32% средств доставалось артиллерии, включая пушки и боеприпасы. Не менее 8,7% средств — почти вдвое больше количества, выделявшегося на моторизованные войска, — шло на строительство укреплений, главным образом на западной границе Германии. Все это отнюдь не ставит под сомнение качественный скачок, проявившийся в армейских планах 1936 г. Немецкие военные приступили к ускоренному строительству гигантских вооруженных сил, существенная часть которых откровенно предназначалась для мобильных, наступательных операций. Но мы должны однозначно отказаться от идеи о том, что процесс вооружения в Третьем рейхе следовал четким планам создания моторизованной армады, предназначенной для «блицкрига». В количественном плане рост германской армии, несомненно, задавал новые стандарты. Но в количественном плане, даже в моменты, когда верх брала самая буйная фантазия, германская армия оставалась слепком общества, для которого было характерно очень неравномерное развитие.

38. О производстве танков во Франции см.: Frankenstein, *Le Prix*, 228, 311.

39. Müller-Hillebrand, *Das Heer*, I. 71; R. L. DiNardo, *Mechanized Juggernaut or Military Anachronism? Horses and the German Army of World War II* (New York, 1991).

40. Весной 1938 г. на конной тяге передвигалось 74% германских орудий, включая большинство тяжелых орудий. См.: F. Hahn, *Waffen und Geheimwaffen des deutschen Heeres 1933–1945* (Bonn, 3rd edn., 1998), I. 15.

Доклад Фромма не оставляет сомнений в том, что создание этой грандиозной боевой силы было невозможно без крайнего перенапряжения германской экономики. Для того чтобы всего за четыре года накопить материальную часть для армии, в военное время насчитывающей 102 дивизии, требовалось резкое ускорение военных расходов. На протяжении следующих трех лет одна только армия должна была ежегодно расходовать 9 млрд рейхсмарок — вдвое больше суммы, выделенной на весь вермахт летом 1933 г. Даже вне зависимости от состояния резервов иностранной валюты германская экономика и финансы Рейха оказывались в очень сложной ситуации. Для того чтобы произвести всего за четыре года материальную часть для вооруженных сил, насчитывавших более 4 млн человек, требовалось переоснастить значительную часть германской промышленности. Нужно было в наикратчайшее время построить новые заводы и наладить на них производство. Кроме того, в дальнейшем вставал бы вопрос, что делать с этими производственными мощностями после того, как ускоренное наращивание вооруженных сил было бы завершено. Для того чтобы поддерживать готовность заводов к войне, управление вооружений должно было и далее загружать их обширными заказами, далеко превосходящими потребности вооруженных сил в мирное время. Если Рейх желал избежать этих издержек, то ему следовало организовать чрезвычайно сложный процесс конверсии заводов на гражданское производство. Было бы удивительно, если бы этого удалось достичь без серьезного увеличения безработицы. И даже если бы такая конверсия прошла успешно, то она лишила бы Германию возможности снабжать свою гигантскую армию в случае войны. Как выразился Фромм, «Вскоре после завершения этапа перевооружения вермахт должен быть пущен в ход — иначе нас ожидает неизбежное снижение спроса или уровня боеготовности». Таким образом, прежде чем армия вступила бы в процесс головокружительного роста, политическое руководство должно было ответить на вопрос: существовало ли «твердое намерение задействовать вермахт в заранее установленный момент времени?».

Вопрос войны и мира отныне становился неизбежным. Гигантская машина мобилизации не могла работать неограниченно долго. Если у вождей страны не было намерения использовать армию в заранее обозначенные сроки, то под сомнение ставилась сама необходимость в тех темпах перевооружения, которые были заданы летом 1936 г. С учетом масштабов требуемых ресурсов цели и средства становились неотделимыми друг от друга. Отныне войну следовало рассматривать не как отдаленную возможность, а как логичное последствие ведущихся приготовлений.

II

Неудивительно, что совершенно секретный меморандум Фромма не получил широкой огласки. Но летом 1936 г. всем тесно вовлеченным в берлинскую политику должно было быть очевидно, что Третий рейх снова стоит на распутье. Как и в 1934 г., ситуация с иностранной валютой была сама по себе достаточно напряженной для того, чтобы вынудить правительство к принятию жестких мер⁴¹. Для того чтобы предотвратить близкую катастрофу, Геринг пошел на драконовское вторжение в сферу частной собственности. Каждый доллар, франк или фунт стерлингов, каждую унцию золота и все оставшиеся у Германии зарубежные активы следовало предоставить в распоряжение Рейха. Показательно то, что человеком, которого Геринг назначил ответственным за создание специальной службы по поиску валютных активов, был Рейнхард Гейдрих из СС⁴². Шахт выступал против этих мер, опасаясь того, что подобные отчаянные шаги подорвут доверие к Рейхсбанку. Но на протяжении следующих двенадцати месяцев люди Геринга добыли 473 млн рейхсмарок в иностранной валюте, чего Германии должно было хватить по крайней мере на следующие полтора года⁴³. Кроме того, готовясь к противостоянию с Шахтом, Геринг начал укреплять свои позиции. 6 июля, за день до назначения Гейдриха, Геринг провел совещание с участием Кепплера и Герберта Бакке из Министерства сельского хозяйства. На повестке дня стояло создание новой организации, подконтрольной Герингу и уполномоченной на принятие самых обширных мер по подготовке Германии к войне путем увеличения отечественного производства продовольствия и сырья. Геринг гарантировал как выделение необходимых средств, так и политическую защиту от Шахта. Кроме того, он объявил, что собирается обсудить этот вопрос с Гитлером во время летнего пребывания фюрера в Берхтесгадене⁴⁴. В то же время Геринг заказал экспертам еще одну, последнюю, серию докладов о проблеме германского платежного баланса. На этот раз им предстояло обратиться к страшному табу

41. В BAL R25016608, 2–15 содержится составленный в середине августа 1936 г. меморандум Рейхсбанка, в котором рассматривалась возможность нормирования одежды в случае неожиданной нехватки твердой валюты для оплаты импорта.

42. P. Longerich, *Politik der Vernichtung: Eine Gesamtdarstellung der nationalsozialistischen Judenverfolgung* (Munich, 1998), 119.

43. BAL R25016446, 13–19.

44. Riedel, *Eisen und Kohle*, 88–9.

нацистской экономической политики — вопросу девальвации. Имелась ли возможность облегчить ситуацию с платежным балансом, снизив обменный курс рейхсмарки и сделав ее более конкурентоспособной?

Просьбу изучить технические аспекты проблемы девальвации получил д-р Тренделенбург, эксперт с большим опытом госслужбы, занимавший ключевую должность в государственном промышленном холдинге VIAG⁴⁵. Выводы, к которым он пришел, были сочтены настолько взрывоопасными, что государственная типография издала его доклад всего в десяти экземплярах. Каждый экземпляр получил свой номер, а матрицы, с которых они печатались, а также все бумаги комитета были уничтожены. Далее на основе данных, собранных Тренделенбургом, Геринг поручил Карлу Герделеру, обербургомистру Лейпцига и бывшему рейхскомиссару по ценам, дать общую оценку политических возможностей, открывавшихся перед Германией. Составленный Герделером меморандум представлял собой поразительно откровенную констатацию серьезности того выбора, который предстоял Германии.

Герделер начал с того, что отвергал созданную Шахтом систему содействия экспорту. С помощью «Нового плана» в целом удалось компенсировать низкую конкурентоспособность Германии, связанную с ценами. Однако Герделер не верил в то, что торговые партнеры Германии станут долго терпеть систему, равнозначную демпингу за счет государственных субсидий. Вместо того чтобы содействовать торговле, попытки Германии увеличить объемы своего экспорта приведут лишь к враждебности и агрессивным контрмерам. На это четко указывало дальнейшее ухудшение и без того напряженных торговых отношений Германии с США⁴⁶. 11 июня 1936 г. США пригрозили Германии введением карательных пошлин, если она не откажется от системы субсидий. Дипломатические усилия по разрешению кризиса встретили отпор со стороны госсекретаря Корделла Халла и в начале августа Германия была вынуждена уступить. С учетом критического состояния германских валютных резервов Шахт не мог себе позволить открытую торговую войну с США,

45. Далее я опираюсь на материалы из московского Центрального государственного особого архива (далее ЦГОА, ныне фонды ЦГОА включены в Российский государственный военный архив, РГВА), 700 VJP 1/2. О Герделере см.: S. Gillmann and H. Mommsen (eds.), *Politische Schriften und Briefe Carl Friedrich Gördelers* (Munich, 2003), 267–9, 411–64.

46. Offner, *American Appeasement*, 146–53; G. Kümmel, *Transnationale Wirtschaftskooperation und der Nationalstaat: Deutsch-amerikanische Unternehmensbeziehungen in der dreissiger Jahren* (Stuttgart, 1995), 89.

которая могла послужить примером для Канады и всей Британской империи⁴⁷. Полномасштабной конфронтации удалось избежать, но лишь за счет германского экспорта в США, который сократился до совершенно незначительного уровня. Насколько представлял себе Герделер, единственный способ избежать стабильного ухудшения международной экономической позиции Германии заключался в девальвации, которая сопровождалась бы либерализацией валютных операций. Герделер осознавал связанные с этим риски, но указывал и на громадные преимущества такого шага. Девальвация, приведя цены на германские товары в соответствие с ценами на товары конкурентов, сделала бы излишним весь громоздкий аппарат поощрения торговли. Германские фирмы смогли бы наконец конкурировать на равных с иностранными производителями. Однако подобный ход мог стать успешным лишь в том случае, если его с пониманием встретят торговые партнеры Германии. Если же они ответят девальвацией своих собственных валют или введением торговых ограничений, то германские экспортеры не получат никаких преимуществ. Для того чтобы девальвация в полной мере оправдала себя, ее должно было сопровождать дипломатическое сближение с Великобританией и Америкой.

Именно этот вариант летом 1936 г. избрало во Франции правительство Народного фронта во главе с Леоном Блюмом⁴⁸. Одновременно с тем, как Рузвельт и Халл едва не спровоцировали торговую войну с Германией, в Вашингтоне был оказан радушный прием секретной французской делегации, прибывшей с целью обсудить совместные усилия по перестройке мировой валютной системы. По мере того как Испания погружалась в гражданскую войну, французское и американское правительство ухватились за валютный вопрос как за возможность «скрепить солидарность трех великих демократий» и обеспечить основу для будущего «либерального мира и процветания». Британцы, третья «великая демократия», не одобряли этой высокопарной риторики, но Казначейство и Английский банк полно-

47. Конфликт между США и Германией находился в поразительном контрасте с растущим взаимопониманием между США и Британской империей. Канада и США заключили в 1935 г. взаимовыгодное торговое соглашение. См.: I. M. Drummond and N. Hillmer, *Negotiating Freer Trade: The UK and the US, Canada and the Trade Agreements of 1938* (Waterloo, Ont., 1989), 39–45.

48. K. Moure, *Managing the Franc Poincare: Economic Understanding and Political Constraint in French Monetary Policy, 1928–1936* (Cambridge, 1991), 191–273. Освещая драму этого отказа от классического золотого стандарта, Маргера говорит о «*veritable mutation mentale et culturelle pour l'Etat*» [«коренном изменении как в психологии, так и в культуре государства»]. См.: M. Margairaz, *L'Etat, les finances et l'economie: Histoire d'une conversion, 1932–1952* (Paris, 1991), I. 263.

стью поддерживали желание французов отказаться от золотого стандарта и обещали воздержаться от каких-либо ответных действий. Не случайно также, что Великобритания окончательно вступила в дискуссии о возможном торговом соглашении с США в июне 1936 г. Как выразился британский министр иностранных дел Энтони Иден, «Если цель дипломатии — мир», то «перед нами не стоит более важной задачи, чем сохранение расположения со стороны Соединенных Штатов»⁴⁹.

В аргументах, в то же самое время выдвинутых в Берлине, просматриваются явные параллели с этими словами. Герделер в своем меморандуме для Геринга настойчиво подчеркивал «грандиозную возможность» того, что возвращение Германии в мировую экономику станет началом новой эры международного экономического сотрудничества⁵⁰. Однако предпосылкой для этого сотрудничества являлся отказ от односторонних мер во внешней торговле. Германии потребуется поддержка со стороны англичан и французов. Она должна будет взять под контроль свои военные расходы. И Герделер не собирался на этом останавливаться. Он полагал, что следует также пойти на уступки по «еврейскому вопросу, масонскому вопросу, вопросу о верховенстве закона, церковному вопросу»: «Я вполне могу себе представить, что в отношении некоторых вопросов нам придется пойти <...> на большее соответствие с неявными установками других народов — не по существу, а в том, что касается диалога с ними»⁵¹. Возникает искушение сказать, что с учетом настроений, преобладавших в Лондоне и Париже, Герделер преувеличивал цену, которую Германии пришлось бы заплатить за достижение согласия с ними в сфере экономики. Умеренность в сфере перевооружения, несомненно, являлась необходимым условием. Но мысль о том, что для англичан и французов камнем преткновения могли бы стать антиеврейские законы 1935 г. или отношение немецких властей к церкви, выглядит натянутой. Повестка дня, поставленная Герделером, носила не только международный, но и внутренний характер. Он хотел от Германии возвращения к консервативной респектабельности и явно рассматривал примирение с мировым общественным мнением как своего рода страховку от дальнейшей радикализации гитлеровского режима. И та же самая логика распространялась им

49. Drummond and Hillmer, *Negotiating Freer Trade*, 35.

50. Герделер говорил о «grandiose Möglichkeit». Самым удачным разбором меморандума Герделера по-прежнему остается: G. Ritter, *Carl Gördelер und die deutsche Widerstandsbewegung* (Stuttgart, 1954), 76–9.

51. MAVJP 700 1/2, 82, Герделер — советнику Нойману, 2.09.1936, 12.

и на экономическую политику. Одним из главных плюсов политики девальвации и валютной либерализации в глазах Герделера было именно их сдерживающее воздействие на германский государственный бюджет. Для того чтобы после девальвации не лишиться доверия со стороны валютных рынков, Германия должна была вернуться к жесткой фискальной дисциплине. В краткосрочном плане германская экономика могла очень сильно пострадать. По оценкам Герделера, работы могло лишиться до 2–2,5 млн человек. Но Герделера как ветерана брюнинговской дефляции не пугали подобные трудности. Либеральная политика требовала дальновидности. Экспортные отрасли Германии со временем должны были оживиться. И если бы Германия сумела восстановить на планете гармоничный коммерческий мир, то перед ней бы открылись безграничные долгосрочные перспективы. В любом случае, у нее почти не оставалось выбора. В 1936 г. она еще могла перехватить инициативу. Но начиная с этого момента, по мере того как положение страны будет становиться все более сложным, «врагу» будет все легче диктовать ей свои условия. Чем дольше Германия будет колебаться, тем меньше у нее останется возможностей для торга.

Меморандум Герделера представлял собой редкий акт личной отваги, как и принятое им после 1936 г. решение возглавить тайную оппозицию гитлеровскому режиму⁵². В результате перед Герделером открылся прямой путь, который привел его к неудачному покушению на Гитлера в июле 1944 г. и в тюрьму Плетцензее, где он был казнен 2 февраля 1945 г. Лишь очень немногие представители германского истеблишмента были готовы последовать за ним по этому опасному пути. Но вряд ли можно сомневаться в том, что его взгляды на экономическую политику имели широкое распространение. Их поддерживали такие видные фигуры из делового мира, как Фегелер из *Vereinigte Stahlwerke*, Роберт Бош и Герман Бюхер из AEG⁵³. Они разделяли презрение Герделера к коррумпированному парвеню из Нацистской партии. Кроме того, их, как и его, беспокоило то, что экономическое восстановление, опиравшееся на постоянно возрастающие государственные расходы, окажется непрочным. Как мы видели, в 1934 г. Шахт и Гитлер пресекли всякие дискуссии

52. Об экономических идеях в оппозиционных кругах см.: E. Müller, *Widerstand und Wirtschaftsordnung* (Frankfurt, 1988), 49–69.

53. О позиции Бюхера см.: P. Hayes, *Industry and Ideology: IG Farben in the Nazi Era* (Cambridge, 1987), 130–31; J. Scholtyssek, *Robert Bosch und der liberale Widerstand gegen Hitler 1933 bis 1945* (Munich, 1999), 183–224.

о девальвации, и такие консерваторы, как Герделер, поддерживали их⁵⁴. Теперь же даже такие люди, как Герделер и Тренденбург, осознали, что девальвация — единственный путь, который бы позволил Германии вернуться к чему-либо похожему на нормальную экономическую ситуацию. Если верить слухам, получившим широкое хождение, деловые круги весной 1936 г. активно добивались от Шахта, чтобы он отказался от системы экспортных сборов в пользу валютного урегулирования⁵⁵. И совсем не было совпадением то, что за Рейном французские консерваторы в тот же самый момент точно так же изменили свою позицию. Столкнувшись с тем, что правительство Народного фронта во главе с Леоном Блюмом, зависевшее от поддержки со стороны коммунистов, могло дополнить свою политику по созданию рабочих мест введением валютного контроля — то есть взять на вооружение формулу Шахта образца 1933 г. — французские правые неожиданно отказались от своей упрямой приверженности золотому стандарту. Если предстояло выбирать между девальвацией франка в сотрудничестве с Великобританией и Америкой и поворотом к «экономическому фашизму» германского образца, то принять решение было просто⁵⁶.

Однако в гитлеровской Германии подобная открытая дискуссия была невозможна⁵⁷. На протяжении всего лета различные члены совета директоров Рейхсбанка поручали своим экономическим советникам составление докладов о плюсах и минусах девальвации и о том, какие последствия для Германии будет иметь отказ французов от золотого стандарта. В отличие от 1934 г., когда даже в конфиденциальных меморандумах Рейхсбанка старались воздерживаться от каких-либо упоминаний о перевооружении, теперь эта связь была слишком очевидной для того, чтобы ее игнорировать. Возможно, самым обстоятельным из этих докладов был меморандум под названием «Германская валюта в случае девальвации в странах золотого блока», составленный главами трех департаментов Рейхсбанка⁵⁸. Он отнюдь не отличался оптимизмом. Последствия французской девальвации для

54. Об оппозиции Герделера к «валютному эксперименту» в 1934 г. см.: Ritter, *Carl Gördelers*, 68–70, и Gillmann and Mommsen, *Politische Schriften*, доклад от 08.1934, 361.

55. См. вырезки из различных европейских газет, относящиеся к весне 1936 г., в: BAL R25012629.

56. Moure, *Managing*, 238–9. C. Maddison, «French Inter-war Monetary Policy» (EUI thesis, 1997), 436–545.

57. О ходивших среди населения слухах о девальвации см.: SOPADE, *Deutschland Berichte*, 3.06.1936, 706–10.

58. BAL R25016424, 290–327 («Die deutsche Währung im Falle einer Abwertung des Goldblochs»).

Германии, несомненно, были бы весьма серьезными. Однако выбор решения поднимал ряд принципиальных стратегических вопросов. Для того чтобы девальвация была успешной, — вторили Герделеру должностные лица Рейхсбанка, — она должна сопровождаться упорядочиванием бюджета.

Решение о том, надо ли в данном случае сохранять [золотой] паритет, в первую очередь следует принимать с учетом вопроса перевооружения. Сохранение привязки рейхсмарки к золоту сделает перевооружение делом более сложным, но не невозможным. Напротив, девальвация и перевооружение взаимно исключают друг друга: необходимо сделать выбор между тем и другим. В противном случае девальвация обернется инфляцией, за ней последует вторая решительная девальвация, и перевооружение в любом случае будет остановлено⁵⁹.

Поскольку в этом докладе будущее Германии, вне зависимости от того, пойдет ли она на девальвацию или нет, оценивалось пессимистически, трудно избежать вывода о том, что экономистов Рейхсбанка девальвация волновала меньше, чем чрезвычайная финансовая нагрузка, связанная с перевооружением. Как мы уже видели, Шахт высказывал в этой связи свою озабоченность уже в декабре 1935 г. И его все более критическое отношение к чрезмерным военным расходам в начале 1936 г. получило поддержку в виде ряда внутренних докладов Рейхсбанка, составители которых подчеркивали серьезность германского фискального и монетарного дисбаланса⁶⁰. Однако к лету 1936 г. Шахт уже не представлял собой ту политическую силу, которой он был в течение первых полутора лет существования режима. Сейчас же диктатура Гитлера укрепилась слишком сильно. Общего демарша со стороны руководства Рейхсбанка не состоялось. Вместо этого Рейхсбанк цеплялся за сложную систему валютного и торгового контроля, создававшуюся с 1931 г., и предпочел не предавать огласке доклады Тренделенбурга и Герделера. В отсутствие согласованного противодействия тому курсу, который прокладывал Геринг, тот без труда разделался с Герделером. В ходе формального разговора Геринг отмахнулся от аргументов Герделера как от «совершенно непри-

59. BAL R25016424, 327.

60. Ноябрь 1935, BALR25016516, 119–34 и R25016627, 224–7; декабрь 1935, R25016517, 31–5; февраль 1936, R25016627, 228–38; эта тенденция достигла кульминации в мае 1936 г.: R25016517, 314–19 и 294–303. Последний из этих докладов предполагает общий демарш со стороны руководства Рейхсбанка наподобие того, который был предпринят в январе 1939 г.

годных»⁶¹. Частным образом он выражался менее сдержанно. Копия меморандума Герделера, принадлежавшая Герингу, испещрена негодующими пометками: «Ого!», «Какая наглость!», «Вздор!». Геринг переслал доклад Герделера в Берхтесгаден, где фюрер лично составлял меморандум по германской экономической политике, и сопровождал его следующим комментарием: «Мой фюрер, это может оказаться очень важно для Вашего меморандума, поскольку демонстрирует полное смятение наших буржуа и предпринимателей и непонимание с их стороны. Тут перемешаны стремление ограничить производство вооружений, пораженчество и непонимание внешнеполитической ситуации. Его [Герделера] рекомендации годны на уровне мэра, но не руководства страны»⁶².

В конечном счете все зависело от Гитлера. А Гитлер явно осознавал значение момента. У него не имелось привычки выступать с политическими заявлениями и он делал это лишь в решающие моменты существования его режима. Августовско-сентябрьский меморандум 1936 г. вошел в историю в первую очередь как заявление в сфере экономической политики⁶³. Более того, он получил известность в качестве «Меморандума о Четырехлетнем плане», представлявшего собой одобрение новой экономической программы Геринга. Но заявление Гитлера имеет такое же отношение к геополитической стратегии и к вооружениям, как и к экономике. Это было характерно для Гитлера с его способностью перескакивать с одного вопроса на другой. Но с учетом проблем, вставших перед Германией в 1936 г., широкий подход был явно уместен. Речь шла уже не просто о платежном балансе. На карте стояла судьба Третьего рейха.

Верный себе, Гитлер начал свой меморандум с повторения основных тем *Mein Kampf*. Сущностью политики является «историческая борьба наций за существование». Она выражалась в последовательности главных конфликтов: противостояния христианства и варваров, становления ислама, реформации. Французская революция возвестила о начале новой эпохи. С того момента мир «все быстрее [шел] к новому конфликту, крайним выражением которого служит большевизм; а суть и цель большевизма состоит в уничтожении того слоя, который доселе возглавлял человечество, и в его замене всемирным еврейством». Компромисс невозможен: «Победа большевизма над Германией приведет не к Версальскому миру, а к оконча-

61. Petzina, *Autarkiepolitik*, 47.

62. MA VJP 700 1/2.

63. W. Treue, «Hitlers Denkschrift zum Vierjahresplan 1936», *VfZ* 3 (1955), 184–210.

тельному разрушению и полному уничтожению германского народа...». По причине апокалиптической природы этой угрозы ни перевооружение не может быть «слишком масштабным, ни его темп — слишком большим». «Как бы мы ни стремились сделать общий характер жизни страны максимально сбалансированным, в отдельные моменты не обойтись без определенных нарушений этого баланса за счет иных, менее важных задач. Если нам не удастся как можно быстрее привести германскую армию в ряды сильнейших армий мира <...> Германия погибнет!». И экономическая политика должна целиком подчиняться этому важнейшему приоритету: «Нация живет не ради экономики, экономических вождей или экономических либо финансовых теорий; наоборот, именно финансы и экономика, экономические вожди и теории должны принять безоговорочное участие в этой борьбе за самоутверждение нашей нации».

Проблемы, встающие перед Германией в этой борьбе за выживание, слишком хорошо известны. «Страна перенаселена и не может прокормить себя за счет своих собственных ресурсов». Но после четырех лет пребывания у власти Гитлер устал от необходимости постоянно возиться с этими давними проблемами. Его одолевало стремление к действию. «Нет смысла <...> бесконечно повторять тот факт, что нам не хватает продовольствия и сырья; требуется принять такие меры, которые могут в будущем привести нас к окончательному решению и временно облегчить наше положение во время переходного периода». Гитлер не пояснял, что он имеет в виду под «окончательным решением», лишь повторив эвфемизмы из *Mein Kampf*: «Окончательное решение заключается в расширении нашего жизненного пространства...». Он возвращается к этому моменту лишь в финальных строках меморандума. Основную часть документа занимает перечисление мер, необходимых в переходный период. Гитлер наотрез отвергает идею о том, что Германия может спастись, увеличив объемы экспорта. С учетом конкуренции на мировых рынках особого облегчения с этой стороны ждать не приходится. Теме девальвации Гитлер вообще не собирался уделять внимания. Вместо этого он утверждает, что экономические меры следует производить с той же «скоростью», «решительностью» и «безжалостностью», с какой велись военные приготовления. В частности, Германии следовало удвоить свои усилия по замене импортного сырья отечественным. Особенно злободневными были три сферы: нефть, каучук и железная руда. Вопросам экономической окупаемости, технической осуществимости, «и прочим подобным оправданиям» не следовало придавать значения:

Нет смысла дискутировать о том, не стоит ли нам подождать еще <...> в задачу <...> правительства не входит ломать голову <...> над методами производства <...> Либо сегодня у нас есть частная промышленность, и в таком случае именно она должна размышлять о методах производства, либо мы считаем, что определять средства производства — задача правительства, и в таком случае у нас отпадает нужда в частной промышленности.

Не дело государства — вступать в конфликты между частными производителями, как поступил несколькими месяцами ранее Шахт, поддержав *Vestag* в его противостоянии с Кепплером из-за германской железной руды.

Задача Министерства экономики заключается всего лишь в том, чтобы устанавливать цели для национальной экономики, а частная промышленность должна осуществлять их. <...> германская промышленность либо осознает новые экономические цели, либо выявит свою неспособность выжить в современную эпоху, когда советское государство принимает гигантские планы. Но в таком случае на дно пойдет не Германия, а в крайнем случае несколько промышленников.

Угрозы Гитлера по традиции достигают максимального накала в последней части меморандума, где речь идет об уклонении бизнеса от валютного контроля. В полном соответствии с курсом Геринга и Гейдриха на реквизиции Гитлер нападает на тех, кто укрывает ценные иностранные активы:

За этим в некоторых случаях скрывается презренное желание на всякий случай иметь в своем распоряжении определенные зарубежные ресурсы, которые таким образом оказываются недоступны отечественной экономике. Я рассматриваю это как целенаправленный саботаж <...> обороны Рейха и потому считаю необходимым, чтобы рейхстаг принял два следующих закона:

1. Закон, предусматривающий смертную казнь за экономический саботаж, и
2. Закон, возлагающий на все еврейство ответственность за весь ущерб, причиненный германской экономике отдельными представителями этого сообщества преступников...

Помимо этих конкретных целей, Гитлер призывал принять «многолетний план» с целью решения различных очерченных им задач. За этим скрывался политический момент. Лишь после того, как национал-социалистическое государство продемонстрирует такой безжалостный стиль руководства, которого требует ситуация, оно будет вправе просить от германского народа тех жертв, в которых вполне может возникнуть нужда. В частности, Гитлер, по-видимому, имел в виду мрач-

ные летние предсказания, из которых следовало, что острая нехватка иностранной валюты может вызвать необходимость в нормировании одежды и животных жиров. Подобное бремя было бы терпимым лишь в том случае, если бы германский народ знал, что партия осуществляет уверенное руководство страной. Поэтому меморандум Гитлера завершался постановкой двойной задачи перед составителями нового экономического плана:

- I. Немецкая армия через четыре года должна стать боеспособной.
- II. Немецкая экономика через четыре года должна стать пригодной к работе в военное время.

Таким образом, на вопросы, поставленные Герделером и Фроммом, Гитлер дал такой ответ, который нисколько не противоречил общей позиции, занимаемой им с 1920-х гг. В конечном счете Германию спасут лишь завоевания, но не торговля. И военная кампания должна была начаться через четыре года, что полностью соответствовало планам перевооружения и расширения армии.

О значении этих требований свидетельствует дальнейшая судьба «Меморандума о Четырехлетнем плане». В сентябре 1936 г. его полный текст получили только Геринг и военный министр Бломберг. Альберту Шпееру экземпляр меморандума достался в 1942 г. в наследство от Фрица Тодта. Ялмар Шахт, против которого было явно направлено большинство аргументов Гитлера, так никогда и не увидел полный текст меморандума. Но когда до него дошли вести о намерениях Гитлера, он впал в панику. Около полудня 2 сентября он позвонил одному из своих ближайших союзников в армейских кругах, полковнику Томасу из военно-экономического управления Вермахта, и умолял его поговорить с Бломбергом. Технологии производства синтетического сырья, на которые возлагал такие надежды Гитлер, еще не были готовы. Объявив о намерении Германии порвать со всемирным рынком, Гитлер «затягивал петлю у нас на шее»⁶⁴. Торговые партнеры Германии рассердятся и сорвут все попытки Шахта повысить объемы экспорта. Более того, это может подтолкнуть Великобританию и другие европейские страны к тому, чтобы последовать примеру Америки и закрыть свои рынки для субсидируемого импорта из Германии. Однако бывшие друзья Шахта в армейских кругах бросили его. Бломберг отказался вмешиваться, а сам Томас не прояв-

64. IMT XXVII, 1301-PS, 153-4.

лял инициативы⁶⁵. 4 сентября 1936 г. на секретном совещании прусского совета министров Геринг зачитал ключевые положения из меморандума Гитлера⁶⁶. В стенографическом протоколе совещания его выступление сократилось до следующих пророческих слов: «Начнем с предположения, что конфликт с Россией неизбежен. Что способны сделать русские, сможем сделать и мы». В дальнейшем же все экономические меры должны приниматься так, «как если бы нам предстояла неминуемая война!». Пятью днями позже сообщение о Четырехлетнем плане фюрера, сопровождавшееся злобными антисемитскими тирадами Геббельса и Гитлера, было сделано перед ликующими толпами на ежегодном партийном съезде в Нюрнберге⁶⁷. Однако в этом варианте плана о войне не упоминалось. Было объявлено, что задача Четырехлетнего плана — всего лишь сохранить немецкий уровень жизни и обеспечить германских трудящихся работой после того, как завершится перевооружение.

Последовавшие недели стали периодом серьезной неопределенности. Хотя Геринг публично обозначил себя в качестве номинального главы нового «многолетнего плана», он не получал на это официального мандата от Гитлера. Популистские элементы в партии были возмущены той важной ролью, на которую претендовал Геринг, имевший репутацию представителя истеблишмента⁶⁸. Да и с Шахтом еще не было покончено. В конце августа он прибыл в Париж с целью обсудить возможности по улучшению франко-германских экономических отношений. Судя по всему, он поднял вопрос о колониальных уступках и злободневную проблему обеспечения германской промышленности достаточным количеством сырья, без которого она не могла нормально функционировать⁶⁹. В одном из докладов даже сообщалось, что он добивается «валютного урегулирования» с Францией, то есть скоординированной девальвации рейхсмарки и франка. Собственно говоря, представляется, что Шахт, возможно, стремился привязать рейхсмарку к трехстороннему валютному соглашению, о котором мировой печати было в конце концов объявлено рано утром 26 сентября 1936 г. На протяжении следующих недель вслед за французами

65. DRZW I. 525.

66. IMT XXXVI, 416-EC, 488-91.

67. Friedländer, *Nazi Germany*, I. 183-4.

68. Kube, *Pour le Merite*, 160-61. Кубе, ссылаясь на доказательства этого недовольства, утверждает, что Четырехлетний план не находился в ведении партии. Но он это делает явно для того, чтобы преувеличить природу разногласий.

69. Mühlen, *Der Zauberer*, 187. См. также доклад американского посла Додда: <http://www.fdrlibrary.marist.edu/psf/box32/t30oio7.html>, Додд — Мупу, 31.08.1936.

девальвацию произвели швейцарцы, голландцы, чехи и итальянцы. Борьба, развернувшаяся в итоге в Берлине, нашла отражение в дневнике Йозефа Геббельса, который 30 сентября сделал краткую запись: «Шахт добивается девальвации...». Ему помешал лишь поспешный демарш Вальтера Функа, бывшего редактора деловых новостей, а с 1933 г. — статс-секретаря в геббельсовском Министерстве пропаганды. Узнав о намерениях Шахта, Геббельс записал: «Функ пошел прямо к фюреру <...> он вмешался». Согласно похвальбе Геббельса, лишь благодаря этому своевременному вмешательству Функ «предотвратил в Германии инфляцию»⁷⁰.

Позиция Гитлера, которую он сформулировал в меморандуме о Четырехлетнем плане, была окончательной. В стране не будет никакой девальвации, а главным приоритетом безусловно останется перевооружение. 18 октября Гитлер формально назначил Геринга главным уполномоченным по выполнению Четырехлетнего плана. В течение следующих дней Геринг обнародовал указы, согласно которым он становился ответственным буквально за все аспекты экономической политики, включая контроль над деловыми СМИ⁷¹. Шахт остался и министром экономики, и президентом Рейхсбанка. Но инсайдеры отмечали, что Геринг выбросил последнее слово из своего официального титула «премьер-министр Пруссии», и теперь его обычно называли просто премьер-министром. Геринг сделался вторым человеком в Рейхе, не только в качестве главы люфтваффе и всего прусского правительства, но и в качестве главного проводника экономической политики. В любом случае, суть решений, принятых осенью 1936 г., была связана не с политической позицией Геринга, а с перевооружением, и в последующие недели в этой сфере были предприняты самые решительные меры. В начале декабря Министерство авиации готовилось к началу выпуска полного диапазона новых боевых самолетов, не обращая внимания на протесты со стороны Шахта и Министерства финансов⁷². 5 декабря Геринг, председательствуя на собрании представителей вооруженных сил, объявил, что в будущем он будет заведовать военными финансами. Темп германского военного строительства будет диктоваться наличием сырья и ра-

70. Этим важным открытием мы обязаны Гарольду Джеймсу, который заметил, что в широко известном издании дневников Геббельса слово *abwarten* [«переждать»] следует читать как *abwerten* [«девальвировать»]: James, 'Innovation', 130.

71. Kube, *Pour le Merite*, 158–60. Геринг огласил свою стратегию на заседании совета министров 21 октября 1936 г.: BAL RO26IV, 4 fol. 1, 16–17.

72. Homze, *Arming*, 149.

бочей силы, а не денег⁷³. На следующий день генерал Фрич как главнокомандующий армии формально одобрил грандиозный план развития вооруженных сил, составленный Фроммом, как основу для всех дальнейших мероприятий⁷⁴.

17 декабря 1936 г. в берлинском «Пройссенхаузе» Геринг выступил перед ведущими промышленниками с откровенно апокалиптической речью⁷⁵. Он напомнил аудитории о катастрофических последствиях блокады в годы Первой мировой войны и о грандиозной мобилизации, которую сумела провести Германия во время той войны. Если до войны беспокойство вызывали уже несколько миллиардов, потраченные на оборону, то война обошлась стране в 160 млрд марок. Сейчас же предприниматели опять не спешат создавать новые производственные мощности, опасаясь, что те окажутся избыточными. Но эта идея абсурдна. Геринг уверял слушателей в том, что

Окончания перевооружения не предвидится. Борьба, к которой мы приближаемся, потребует колоссальных производственных мощностей <...> Речь идет только о победе или о поражении. Если мы победим, то предприниматели получают достаточную компенсацию <...> Абсолютно несущественно, будет ли возможна в каждом случае амортизация новых инвестиций. На карту поставлено все <...> Все эгоистические соображения должны быть забыты. На кону стоит будущее всей нашей нации. Мы живем в эпоху, когда впереди маячат решающие сражения. Мы уже стоим на пороге мобилизации и уже ведем войну, хотя пушки пока молчат.

Неделю спустя, на Рождество 1936 г., Геринг объявил, что предприятия люфтваффе переводятся на мобилизационный режим. Закупки следует осуществлять без оглядки на бюджет Министерства авиации. Рабочие немецких заводов, имеющие подготовку в сфере авиационного производства, должны занять места, зарезервированные за ними на случай войны⁷⁶.

Если управление гражданской экономикой в целом по-прежнему находилось в руках Шахта, то Геринг создал новую организацию для реализации целей, обозначенных в Четырехлетнем плане⁷⁷. Ее главные фигуры — такие, как полковник Фриц

73. ВАМА RH15/148, 2–4.

74. ВАМА RH15/70, 80.

75. IMT VII, NI-051, речь Геринга, произнесенная в «Пройссенхаузе» 17.12.1936 как вещественное доказательство обвинения № 421, 815–17.

76. L. Budrass, *Flugzeugindustrie und Luftrüstung in Deutschland* (Düsseldorf, 1998), 480–81.

77. Различные точки зрения на организацию, занимавшуюся выполнением Четырехлетнего плана, см. в: Petzina, *Autarkiepolitik*, 58–9; Kube, *Pour le Merite*, 160–61; G. Mollin, *Montankonzerne und «Drittes Reich»* (Göttingen, 1988), 60–61;

Лёб, один из архитекторов развития люфтваффе, — были набраны из военных кругов. В ее состав входили и партийцы — например, Герберт Бакке, на которого в дополнение к его службе в Министерстве сельского хозяйства была возложена ответственность за сельскохозяйственную сторону Четырехлетнего плана, или гауляйтер Йозеф Вагнер, ответственный за контроль над ценами и заработками. Наконец, в этой организации числились также ближайшие помощники Геринга, такие как Эрих Нойман, прусский карьерный служащий, в рамках Четырехлетнего плана заведовавший валютными вопросами. Кроме того, Геринг мог опереться на многочисленных специалистов, с 1934 г. участвовавших в различных программах по достижению экономической самодостаточности. Руководство научно-исследовательскими и опытно-конструкторскими работами в отделе сырья, возглавлявшегося Лёбом, было поручено Карлу Крауху, ведущему специалисту *IG Farben* по синтетическому топливу. Пауль Плейгер и Ганс Керль, преданные члены партии, были рекрутированы из штата сотрудников Вильгельма Кепплера, чтобы отвечать за металлы и синтетические ткани соответственно. Эти люди проявили себя в первые годы существования режима и многие из них поддерживали тесные личные отношения друг с другом⁷⁸. Хотя бюджет Четырехлетнего плана был несопоставим с расходами, замышлявшимися армией и люфтваффе, инвестиции, запланированные новой организацией Геринга, все равно достигали колоссальных объемов. К концу 1937 г. перспективный инвестиционный бюджет Четырехлетнего плана приблизился к 10 млрд рейхсмарок⁷⁹. В целом на План в 1936–1940 гг. должно было приходиться где-то от 20% до 25% всех инвестиций в германской экономике. Цель этих расходов заключалась в том, чтобы вдвое снизить стоимость германского импорта путем создания мощностей по производству сырья на сумму порядка 2,3 млрд рейхсмарок, или примерно 5% от всего германского промышленного производства.

Разумеется, Четырехлетний план возник не на пустом месте. В 1934–1936 гг. Ганс Керль уже создал новый завод по производству штапельных волокон (*Zellwolle*) с годовой производительностью в 45 тыс. тонн. Будучи бесцеремонно мобилизованным на выполнение Четырехлетнего плана, Керль поставил перед собой новую цель — достигнуть к 1940 г. годовой производитель-

W. A. Bölcke, *Die deutsche Wirtschaft 1930–1945* (Düsseldorf, 1982), 178–92; Overly, *Göring*, 58–60; Budrass, *Flugzeugindustrie*, 471–2.

78. H. Kehrl, *Krisenmanager im Dritten Reich* (Düsseldorf, 1973), 101.

79. Petzina, *Autarkiepolitik*, 81–2.

ЦЕНА РАЗРУШЕНИЯ

ТАБЛИЦА 5. Четырехлетний план: предполагаемые объемы расходов

	План II (январь 1937 г.)		План III (май 1937 г.)		План IV (декабрь 1937 г.)	
	млн РМ	%	млн РМ	%	млн РМ	%
Минеральное топливо	1438	16,7	1989	22,6	2684	28,3
Синтетический каучук	517	6	687	7,8	654	6,9
Прочая хим. продукция	2351	27,3	1100	12,5	778	8,2
Водные пути	1826	21,2	1567	17,8	1518	16
Цветные металлы	353	4,1	317	3,6	351	3,7
Чугун и сталь	232	2,7	449	5,1	360	3,8
Ткани	344	4	449	5,1	484	5,1
Продовольствие	267	3,1	643	7,3	1518	16
Уголь	43	0,5	194	2,2	199	2,1
Энергетика	947	11	1171	13,3	721	7,6
Древесина	86	1	26	0,3	66	0,7
Машины и оборудование	198	2,3	194	2,2	76	0,8
Кожа	9	0,1	18	0,2	9	0,1
Жилье	0		0		66	0,7
Общие запланированные инвестиции	8611	100	8802	100	9485	100

Источник: D. Petzina, *Autarkiepolitik im Dritten Reich* (Stuttgart, 1968), 83.

ности в 160 тыс. тонн⁸⁰. В свою очередь, Карл Краух отвечал за увеличение производства синтетического топлива, к 1936 г. уже достигшего уровня в 1,78 млн тонн. Но это покрывало внутренние потребности всего на 34%, поскольку одновременно в Германии возросло и потребление топлива⁸¹. Теперь же Гитлер потребовал, чтобы Германия в течение полутора лет достигла самодостаточности в сфере моторного топлива. Для решения этой задачи следовало срочно увеличить мощности по производству синтетического топлива на 1 млн тонн. В течение четырех лет Германии предстояло стать независимой от всякого импорта топлива, доведя объемы отечественного производства до 5,4 млн тонн. На достижение топливной самодостаточности отводилась львиная доля всех ресурсов, инвестировавших-

80. Kehrl, *Krisenmanager*, 87–96.

81. Petzina, *Autarkiepolitik*, 83–4.

ТАБЛИЦА 6. Каучук и железная руда: два приоритета
Четырехлетнего плана, тыс. т

	Каучук		Железная руда (по содержанию железа)	
	Импорт натурального каучука	«Буна»	Импорт	Добыча в Германии в границах до 1938 г.
1929	59		10670	2080
1930	51		7271	1845
1931	45		4856	841
1932	50		3254	442
1933	61		4104	828
1934	72		6822	1372
1935	74	0	9995	1849
1936	83	1	8430	2259
1937	100	4	9690	2759
1938	92	6	10470	3360
1939	77	22	10043	3928
1940	19	41	6874	5019
1941	27	71	12513	4755
1942	24	101	13581	4137
1943	8	120	15150	4080

Источники: G. Plumpe, *Die IG Farbenindustrie AG* (Berlin, 1990), 385; *Statistisches Handbuch*, 281.

ся в рамках Четырехлетнего плана. Но Краух хотя бы мог опираться на технологии, используемые по крайней мере с конца 1920-х гг. Единственной сферой, в которой в 1936 г. замышлялся настоящий технологический рывок, являлось производство синтетического каучука⁸². В сентябре 1936 г., на момент выступления Гитлера на нюрнбергском съезде, еще нигде в мире не существовало технологий по производству высококачественного синтетического каучука в промышленных количествах. В 1936 г. общее производство синтетического каучука «буна» на заводах *IG Farben* не превышало нескольких сотен тонн, экспериментальный завод в Шкопау, рассчитанный на производство всего 2500 тонн в год, еще строился, немецкие военные еще не одоб-

82. J. Streb, «Technologiepolitik im Zweiten Weltkrieg: Die staatliche Förderung der Synthesekautschukproduktion im deutsch-amerikanischen Vergleich», *VfZ* 50 (2002), 367–97; G. Plumpe, *Die IG Farbenindustrie AG* (Berlin, 1990), 356–78.

рили «буну» в качестве приемлемого материала для шин, а производители шин еще не придумали, как обрабатывать этот материал. После преодоления этого обескураживающего списка проблем предполагалось поднять объемы производства в Шкопау до 24 тыс. тонн в год, а затем в течение следующих четырех лет приступить к строительству еще трех заводов по производству «буны».

Как мы уже видели, бремя финансирования и строительства первого поколения заводов по производству синтетического топлива было распределено по всей германской энергетической отрасли, путем мобилизации угольных шахт. Фирма *IG Farben* сыграла поистине незаменимую роль в качестве поставщика новых технологий. Но после анонсирования нового Четырехлетнего плана сотрудничество между IG и нацистским режимом вышло на новый уровень. Назначение Карла Крауха в организацию, отвечавшую за выполнение плана, в качестве главы научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в отделении сырья, укрепило эти связи, начало которым было положено не позже 1933–1934 гг. Вскоре после этого Краух вышел из состава правления IG, взамен получив место в наблюдательном совете, председателем которого он стал в 1940 г.⁸³ Можно спорить о том, какую именно роль в этих взаимоотношениях играли принуждение, а какую — личный интерес. Участвуя в выполнении Четырехлетнего плана, Краух явно в первую очередь действовал в интересах достижения автаркии. Но с учетом его тесного знакомства с колоссальными техническими ресурсами IG, едва ли стоит удивляться тому, что в том, как часто наилучшим решением обычно оказывалось «решение, найденное IG». Все старшие советники Крауха в сфере топлива, каучука, взрывчатки и прочей продукции химического производства были его коллегами по IG. Более того, Краух открыто добивался того, чтобы руководство всеми химическими программами находилось в руках не военного руководства, а частной индустрии. Однако в то же самое время следует признать, что участие в выполнении Четырехлетнего плана изменило *IG Farben*. Несмотря на гигантские масштабы этой фирмы и ее технологическую оснащенность, колоссальные объемы средств, полученных ею от германского государства, не могли не оказать на нее самого серьезного влияния.

Этот момент очень четко проявляется в тех мучительных размышлениях и моральных терзаниях, которым после вой-

83. Наиболее надежным источником, освещающим роль Крауха, по-прежнему остается: Hayes, *Industry and Ideology*, 156–8.

ны предался д-р Георг фон Шнитцлер, второй человек в IG до 1945 г.⁸⁴ В своих показаниях, написанных им в течение нескольких месяцев, проведенных им в безысходном ожидании суда в Нюрнберге, Шнитцлер описывал «фаустовскую сделку» между гитлеровским режимом и младшим поколением технологов, работавших на IG⁸⁵. «Те возможности», которые открылись в связи с программой самодостаточности, «безусловно оказали завораживающее воздействие на наш технический персонал», — писал Шнитцлер. «Планы, которые не могли быть реализованы, пока существовала нормальная экономика, стали реализуемыми, и впереди как будто бы замаячили самые потрясающие перспективы». Разумеется, в обычных обстоятельствах гигантские средства, требовавшиеся для строительства заводов по производству синтетического топлива или синтетического каучука, находились бы под строгим контролем со стороны финансовых комитетов правления IG. Но с начала 1930-х гг. ежегодные инвестиции IG возрастали почти неконтролируемыми темпами: составляя в разгар депрессии не более 10–12 млн рейхсмарок в год, к началу 1940-х гг. они увеличились до 500 млн рейхсмарок в год. За этим исключительно быстрым ростом стояло не принуждение, а беспрецедентно щедрое финансирование. Как признавал Шнитцлер, «Значительная доля нашей выручки <...> более-менее гарантировалась вермахтом. Были заключены соглашения самого разного рода, но почти все они опирались на прочную финансовую основу в той мере, в которой государство гарантировало амортизацию, вводило протекционистские пошлины или требовало от потребителей закупок...». Это устранение финансовых сдержек оказало глубоко развращающее влияние на всю хрупкую систему корпоративного принятия решений в IG. «Блестящая на первый взгляд ситуация с платежным балансом IG ослабила центральное руководство. Такие молодые и активные технические сотрудники, как Амброс [синтетический каучук], Бютефиш [синтетическое топливо]», работавшие на Крауха с его программами в рамках Четырехлетнего плана, «...несли независимую ответственность за проблемы величайшего значения и брали на себя все более широкие обязательства. При просьбе обосновать их действия они обычно ссылались на „инструкции [„Auflage“], по-

84. Шнитцлер, родившийся в 1884 г. и получивший юридическое образование, вошел в состав правления IG в 1926 г. и возглавил традиционный бизнес этой фирмы по производству красителей. В таковом качестве он мыслил международными категориями в большей степени, чем некоторые его коллеги из отдела компании, занимавшегося изготовлением синтетического сырья.

85. IG Farben Case VII, NI-5196, 1503–17.

лученные от некоего управления в составе вермахта“». Но как признавал Шнитцлер, иногда было «не совсем ясно, не сами ли наши технические сотрудники сознательно добивались от вермахта данных инструкций. Центральная администрация *IG Farben* отмечала факты, когда речь заходила о компенсации расходов, но почти не имела возможности вмешаться в ситуацию».

При всем, что можно сказать на этот счет, функциональный аспект отношений между *IG Farben* и организацией по выполнению Четырехлетнего плана отмечала чрезвычайная стабильность. Карл Краух оставался действующим лицом в промышленной политике нацистской Германии с 1933 по 1945 г. Сыграв ключевую роль при заключении «Бензинового контракта» в декабре 1933 г., он был важной фигурой в германской военной промышленности и двенадцать лет спустя, в мрачные дни 1944–1945 гг. Все это обеспечивало *IG Farben* абсолютно уникальное место в Третьем рейхе, резко контрастирующее с намного более напряженными взаимоотношениями между режимом и немецкой тяжелой промышленностью.

III

В своей речи, посвященной Четырехлетнему плану, Гитлер ответил на стратегический вопрос, вставший перед страной летом 1936 г. Но в то же время он не дал никакого решения злободневной, практической проблемы — каким образом осуществлять грандиозные замыслы в сфере перевооружения в условиях серьезнейших трудностей с платежным балансом. В краткосрочном плане инвестиционная программа Геринга, наложенная на резкий рост внутреннего спроса, могла лишь усугубить ситуацию, перенаправив товары, пригодные для экспорта, на отечественный рынок и в то же время привлекая из-за рубежа все больше сырья для создания крупных промышленных мощностей. Германии же требовалось ровно противоположное. Для того чтобы обеспечить достаточный приток твердой валюты, а соответственно — продовольствия и сырья, Шахт стремился подавлять внутренний спрос при одновременном наращивании экспорта. Перевооружение в самом широком смысле должно было приспособливаться к такому положению, потому что в отсутствие импортных материалов и продовольствия германская экономика просто не смогла бы работать. Девальвация могла бы обеспечить рыночный механизм для достижения этой цели, снизив цену германских экспортных товаров на зарубежных рынках и повысив стоимость импортируемого продовольствия. Однако, отка-

завшись от девальвации, режим, как и в 1934 г., был вынужден применять все более широкие меры бюрократического контроля.

На протяжении нескольких месяцев после анонсирования Четырехлетнего плана главным являлся вопрос о том, как обеспечить достаточные объемы производства стали. Он отодвинул на второй план все прочие вопросы промышленной политики. Хотя Геринг и его подчиненные стремились ликвидировать дефицит, наращивая выплавку стали из немецкой железной руды, эта долгосрочная программа ни в коем случае не могла решить проблемы, с которыми в 1936 г. столкнулась экономическая политика. Четырехлетний план мог существенно сократить нехватку стали самое раннее через два года. Как мы уже видели, Эрнст Пенсген и деловая группа по стали предупреждали о неминуемом кризисе поставок стали как минимум с начала 1936 г. В ноябре 1936 г. они наконец получили то, чего добивались: требования правительства о сокращении производства на 15% в интересах сохранения опасно снизившихся германских запасов железной руды и лома⁸⁶. Такая мера не выглядит драконовской, но поскольку экспорт следовало сохранить любой ценой, все сокращение производства пришлось на внутренний спрос. Примерно из 1,725 млн тонн стали, выплавлявшихся ежемесячно в начале 1936 г., внутри страны использовалось лишь 1,325 млн тонн. Остальное экспортировалось, прямо или косвенно. К ноябрю 1936 г. поставки стали на внутренний рынок снизились на 25%, составив всего 1,070 млн тонн, которыми требовалось покрыть все потребности вермахта и Четырехлетнего плана, новое строительство и потребление⁸⁷. Разумеется, именно к такому перераспределению ресурсов привела бы и девальвация. Однако сейчас оно осуществлялось по правительственному указу. Как и предсказывало рейхсминистерство, начались панические закупки. На сталеплавильных заводах накапливались заказы на сотни тысяч тонн металла, которые было невозможно выполнить в обозримом будущем. В обычных условиях это привело бы к росту цен⁸⁸. Однако власти Рейха принимали все меры к тому, чтобы нехватка импортного сырья не вылилась в общую инфляцию. Так, гауляйтер Вагнер, в рамках Четырехлетнего плана отвечавший за контроль над ценами, 26 ноября 1936 г. запретил повышать цены на что бы то ни было⁸⁹. Эта мера, фор-

86. К январю 1937 г. германских запасов железной руды было достаточно всего на один месяц производства. См.: ВАН R13I 619, 132.

87. Цифры из ВАН R13I 408, 105–8.

88. О давлении, которому подвергались цены на лом и на другое сырье для производства стали, см. в: ВАН R13I 605, 34–41.

89. См. проект приказа в: ВАН R26IV 4, 69–84.

мализовавшая ситуацию, складывавшуюся с начала 1930-х гг., фактически ликвидировала рыночные механизмы как способы регулирования дефицита в экономике Германии. Следующим логичным шагом, как не менее чем за год до того признавало ИЗС применительно к сельскому хозяйству, было введение нормирования, представляющего собой регулирование дефицита бюрократическими, а не рыночными методами. Нормирование цветных металлов было введено в январе 1937 г.; приказ о нормировании стали был издан 23 февраля 1937 г.⁹⁰ Для того чтобы ликвидировать задолженность сталеплавильных заводов перед заказчиками, те заказы, которые не могли быть выполнены к концу апреля 1937 г., были аннулированы. С конца февраля новые заказы на сталь могли делаться только на основе квот на получение стали, раздававшихся в соответствии с национальными приоритетами, определявшимися Рейхсминистерством экономики. С точки зрения реальной работы германской экономики введение нормирования стали имело намного большее значение, чем сделанное полугодом ранее заявление о Четырехлетнем плане⁹¹. Судьба любого промышленного предприятия в нацистской экономике, Четырехлетнего плана и всей программы перевооружения отныне зависела от того, сколько стали могло быть произведено и как она распределялась в соответствии с системой ее нормирования. По иронии судьбы, несмотря на то что введение системы нормирования стали в мирное время представляло собой чрезвычайный шаг, изменивший повседневное функционирование германской промышленности, первые 15 месяцев работы этой системы не привели к сколько-нибудь радикальным переменам. К большому разочарованию вермахта, вместо огромных дополнительных объемов стали он получил такие квоты на сталь, которые не превышали объемов закупок по обычным каналам, осуществлявшихся годом ранее⁹². По сути, поставки и военное строительство застыли на уровне, достигнутом уже в 1936 г. Он был весьма значительным с любой точки зрения, но едва ли позволял достичь целей, поставленных Фроммом. Чтобы решить поставленную в декабре 1936 г. задачу по созданию к 1940 г. армии, численность которой в военное время составляла бы 3,6 млн человек, воен-

90. О реакции со стороны *Stahlwerks-Verband* см. в: ВАН R13I 459, 107–10.

91. На данный момент единственной заслуживающей доверия работой по данной теме является неопубликованная диссертация Т. Sarholz, «Die Auswirkungen der Kontingentierung von Eisen und Stahl auf die Aufrüstung der Wehrmacht von 1936 bis 1939» (Darmstadt, 1983), в которой речь идет главным образом о влиянии этих мер на вермахт.

92. См. протест в: ВАМА RH15/148, 10–15.

ным требовалось 270500 тонн стали ежемесячно. Реально же в феврале 1937 г. они получали только 195 тыс. тонн⁹³. По оценкам департамента Фромма, это означало, что запасы боеприпасов могли достичь запланированного уровня лишь к осени 1942 г. Система фортификаций, предусматривавшаяся в плане 1936 г., не была бы завершена до 1948 г.⁹⁴ От болезненных ограничений страдали и люфтваффе, и Четырехлетний план. Смелый план, выдвинутый осенью 1936 г., — за четыре года подготовить германскую экономику и вермахт к войне — становился нереальным всего через несколько недель после его обнародования. К концу мая 1937 г. армейское руководство сочло необходимым уведомить военное министерство о том, что отчаянная нехватка сырья делает боевую мощь армии, запланированную на 1940 год, недостижимой в течение многих лет, и «политическое руководство должно принять во внимание» эту проблему⁹⁵. Армия будет наращивать свою численность, как планировалось. Людей будут призывать в вооруженные силы и обучать. Но неадекватная оснащенность германской армии сделает ее неготовой к войне⁹⁶. Между тем для люфтваффе Геринг одобрил пересмотренную программу, которая предполагала немедленное сокращение рабочей силы в авиационной промышленности на 10%⁹⁷. К осени 1937 г. в люфтваффе шли разговоры о сокращении их производственных планов на 25%, а программы по увеличению производственных мощностей — на 66%⁹⁸. Последствия всех этих процессов четко просматриваются в статистике. Вместо того чтобы возрасть, согласно требованию, выдвинутому в 1936 г., производство самолетов с апреля 1937 г. по лето 1938 г. на практике испытывало тенденцию к сокращению⁹⁹. Люфтваффе оснащались новыми боевыми самолетами, но лишь за счет резкого уменьшения выпуска всех прочих типов самолетов, особенно учебно-тренировочных.

Это замедление темпов перевооружения диктовалось абсолютной приоритетностью платежного баланса. Шахт и нацистское политическое руководство явно сходились на том, что необходимо избежать острого кризиса наподобие того, который

93. ВАМА RH15/148, 139–47.

94. Sarholz, «Auswirkungen», 225; Kröner, *Fromm*, 306–12.

95. Sarholz, «Auswirkungen», 232.

96. ВАМА RH15/148, 66–7, 75–85.

97. ВАМА RL3/2477; Homze, *Arming*, 153. Это сокращение осуществлялось посредством уменьшения расходов, но оно сопровождалось соответствующим снижением объемов выделяемого сырья; см.: Sarholz, «Auswirkungen», 219–36.

98. Homze, *Arming*, 145.

99. См. цифры в: ВАМА RL3/2617.

едва не остановил восстановление экономики в 1934 г. Поэтому главным приоритетом являлось ограничение импорта и накопление запасов твердой валюты путем наращивания экспорта. Германские экспортные поступления, в 1934 и 1935 г. в среднем составлявшие 330–340 млн рейхсмарок в месяц, в августе 1936 г. превысили 400 млн рейхсмарок, а летом 1937 г. выросли до 530 млн рейхсмарок в месяц. Такое достижение было бы невозможно без созданной Шахтом и вызывавшей столько нареканий системы экспортных субсидий, благодаря которой в начале 1937 г. германский экспорт субсидировался примерно в количестве 30 пфеннигов на каждую рейхсмарку¹⁰⁰. Впрочем, система экспортных субсидий существовала еще с 1935 г. Неожиданный рост немецкого экспорта объяснялся резким оживлением мировой торговли. Объемы глобальной торговли в одном лишь 1937 г. выросли на 25%. Впервые с 1920-х гг. наблюдался рост спроса на германские товары — и немецкие экспортеры явно спешили этим воспользоваться. Даже если Шахт и Гердлер проиграли в политическом споре со сторонниками автаркии, *IG Farben*, *Vereinigte Stahlwerke*, *Siemens* и тысячи других более мелких экспортеров не были готовы работать исключительно на внутренний рынок. Если существовал прибыльный мировой рынок, нуждающийся в поставках, то германские предприятия хотели на нем присутствовать.

Однако, как прекрасно понимал Шахт, эту возможность не следовало считать чем-то самоочевидным. С учетом репутации Германии как неплательщика и ее крайне манипулятивной системы содействия торговле, один лишь факт возрастания мирового спроса не означал, что немецким фирмам действительно позволят нажиться на этом. Как мы видели, США уже предприняли ряд шагов по блокированию субсидируемого импорта из Германии. И этому примеру при желании могли последовать другие крупные торговые партнеры Германии, изгнав Третий рейх со своих рынков. Голоса, настаивающие именно на такой мере, раздавались в Великобритании¹⁰¹. К концу 1936 г. истек срок действия англо-германского соглашения о моратории.

100. BAL R2 31.034. См. дискуссию в кругах сталепромышленников: VAN R13I 619, 71–2; M. Ebi, *Exportum jeden Preis: Die deutsche Exportförderung von 1932–1938* (Stuttgart, 2004), 192–222. Хотя Эби дает прекрасное техническое описание работы этой системы, он полностью игнорирует как политическое решение о приоритетном значении экспорта при распределении стали, так и общий политический контекст, в котором работала система — и внутривнутриполитический, и международный.

101. S. Newton, *Profits of Peace: The Political Economy of Anglo-German Appeasement* (Oxford, 1996), 60–63.

Впервые оно было заключено в 1931 г. по настоятельному требованию США с целью ограничить обязательства Германии перед ее краткосрочными кредиторами. В 1936 г. британские клиринговые банки, возглавляемые Реджинальдом Маккенной, влиятельным председателем банка *Midland* и либералом в духе Асквита, развернули агрессивную кампанию против каких-либо дальнейших уступок Германии. Как представлялось Маккенне, неспособность Сити добиться полной выплаты долгов лишь ускорила германское перевооружение. После обнародования Четырехлетнего плана оно явно вступило в новую и опасную фазу. Маккенна призвал Британию ответить на это, как и в 1934 г., угрозой торговой войны и принудительным клирингом, если только Берлин не будет соблюдать все свои финансовые обязательства. Однако Шахт твердо стоял на своем, отказываясь идти на какие-либо уступки. Он не мог позволить, чтобы Великобритания разрушила создававшуюся им с 1934 г. сложную структуру двусторонних соглашений, которая держалась на англо-германском соглашении о платежах. Кроме того, он знал, что может рассчитывать на влиятельных британских друзей. Как полагало британское посольство в Берлине, крах англо-германского соглашения о платежах был способен «подорвать доверие с обеих сторон, а также ослабить позиции Шахта». После назначения Геринга Шахт стал считаться фигурой, оказывающей необходимое умиротворяющее влияние на гитлеровский режим. Чтобы укрепить его положение, Лондон полагал, что следует не закрывать дверь для германской внешней торговли¹⁰². Более того, возникает искушение считать, что именно по этой причине Гитлер не снимал Шахта с его должности, оставляя его в качестве приманки для британцев. Однако не следует игнорировать факты, указывающие на то, что по крайней мере в одном смысле британская стратегия действительно работала. Да, экономические уступки, сделанные Германии, не изменили соотношение сил в Берлине. Тем не менее по причине отчаянной нужды Германии в иностранной валюте Шахт получил возможность добиться того, чтобы в начале 1937 г. главным приоритетом было объявлено не вооружение и Четырехлетний план, а экспорт. В первые месяцы 1937 г. экспортный сектор ежемесячно получал по 505 тыс. тонн стали — столько же, сколько вермахт и Четырехлетний план, вместе взятые¹⁰³. Был создан особый комитет, призванный «координировать» потребности вермахта и Четырехлетнего плана с абсолют-

102. О контактах Шахта с Францией и Великобританией в 1937 г. см.: Weinberg, *Foreign Policy II*, 67–94.

103. IMTXXXVI, EC286, 282–91. См. Приложение, таблица А3.

ным приоритетом экспорта¹⁰⁴. А Эрнсту Пенсгену, генеральному директору *Vestag*, была поручена задача изыскать зарубежные рынки еще для 100 тыс. тонн германской стали в месяц¹⁰⁵.

Поскольку причиной дефицита стали являлось решение ограничить ее производство — решение, навязанное Германии острой нехваткой иностранной валюты, — то первоочередное значение, несомненно, имел поиск такого способа увеличить производство стали, который не лег бы невыносимым бременем на валютные резервы страны. Очевидный выход, конечно же, состоял в том, чтобы интенсивнее использовать обширные германские запасы железной руды. Как мы уже отмечали, диспуты по этому поводу не стихали еще с начала 1936 г.¹⁰⁶ В одном углу ринга находился Рурский сталеплавильный регион, лидером которого был Эрнст Пенсген. Германские железорудные месторождения по закону принадлежали рурским фирмам. Но по крайней мере до 1937 г. они решительно противодействовали добыче этих низкокачественных руд. Исходя из экономических соображений, Рур предпочитал импортировать высококачественную скандинавскую руду, и эту позицию решительно поддерживали Шахт и РМЭ. Противоположную позицию занимал Пауль Плейгер, специалист по стали в отделе сырья, подчинявшемся Кепплеру. Плейгер настаивал, что огромное железорудное месторождение в Зальцгиттере позволяет ежегодно добывать миллионы тонн руды. Этого хватило бы для того, чтобы увеличить объемы добычи отечественной руды по содержанию железа примерно с 2 млн до 6 млн тонн в год, что в значительной степени повысило бы самодостаточность немецкой сталелитейной промышленности. На протяжении 1936 г. Плейгер вместе со всей остальной командой Кепплера дрейфовал под крыло к Герингу, и в некотором смысле это же делала и сталеплавильная отрасль. По причине острой нехватки стали рурские фирмы, очевидно, были не в состоянии противодействовать освоению этого национального актива. К июню 1937 г. сталеплавильная отрасль в сотрудничестве с управлениями по выполнению Четырехлетнего плана разработала программу, предусматривавшую рост производства стали в Германии с текущего максимума в 19,3 млн тонн до «окончательной цифры» в 24 млн — уровня, которого, как считалось, хватит для того, чтобы полностью задействовать мощности металлообрабатывающей промышленности¹⁰⁷.

104. ВАН R13I 619, 107–9.

105. Petzina, *Autarkiepolitik*, III.

106. Riedel, *Eisen und Kohle*, 62–154; Mollin, *Montankonzerne*, 70–76.

107. ВАН R13I 597, 176–222.

Этот прирост должен был основываться исключительно на более широком использовании отечественной железной руды — чего и добивался Плейгер. Программа по достижению уровня в 24 млн тонн, однако, не стала планом создания новой отрасли. Это была достаточно скромная по своей стоимости программа естественного роста, предполагавшая увеличение числа доменных печей на 10% и пропорциональное увеличение числа коксовых печей, чего было бы достаточно для того, чтобы работой были обеспечены все имевшиеся в Германии сталеплавильные конвертеры и прокатные станы.

Если бы это предложение было сделано полугодом раньше, то оно, несомненно, решило бы спор. Однако к лету 1937 г. было уже слишком поздно¹⁰⁸. После многомесячного упорного сопротивления со стороны Пенсгена и его коллег Плейгер был полон решимости не просто расширить объемы добычи германской железной руды, но и уничтожить рурский блок промышленников. Его цель заключалась в том, чтобы создать в Центральной Германии независимый, контролируемый государством, вертикально интегрированный стальной конгломерат, достаточно крупный для того, чтобы конкурировать даже с *Vereinigte Stahlwerke*¹⁰⁹. Ключевой фигурой в этом проекте являлся Герман Рехлинг (1872–1955), ведущий представитель тяжелой промышленности Саара. Рехлинг был гениальным металлургом и человеком самых смелых замыслов. Кроме того, он был германским националистом старой школы, после утраты Эльзаса и Лотарингии вынужденным получать всю свою железную руду из Франции. Поэтому он был крайне заинтересован в разработке новых технологий, требовавшихся для выплавки стали из кислой немецкой руды. Отношения Рехлинга и Плейгера вскоре стали напряженными. Но именно благодаря Рехлингу Плейгер вышел на Германа Брассерта, космополитичного германо-американского инженера, который якобы лично участвовал в строительстве не менее чем 20% всех современных доменных печей в мире¹¹⁰. В начале 1930-х гг. Брассерт построил завод в Корби (Англия), работавший на еще более низкого качества железной руде, чем та, что имелась в Зальцгиттере. Проблемой для Плейгера было то, что Брассерта хорошо зна-

108. Riedel, *Eisen und Kohle*, 101–226.

109. IMT XII, Показания Плейгера, 630–48.

110. Помимо связей с Герингом и Плейгером, в 1936–1938 гг. Брассерт также участвовал в спорном японском проекте по освоению железорудного месторождения на острове Кулан в заливе Ямпи-саунд (Западная Австралия). См.: «Documents of Australian Foreign Policy, 1937–1938», 1 (доступно по адресу: <http://www.info.dfat.gov.au/info/historical/HisDocs.nsf/>).

ли и в *Vereinigte Stahlwerke*, поскольку в 1920-х гг. он играл роль советника при выпуске стальных облигаций на общую сумму более чем в 40 млн долларов, предназначенных для американских финансовых рынков¹¹¹. Главным для Плейгера было добраться до Брассерта прежде *Vereinigte Stahlwerke*. И поскольку в затылок дышал Геринг, Плейгер действовал быстро. В начале лета 1937 г. он связался с Брассертом, пересекавшим Атлантику, по радиотелефону и убедил его следующим же лайнером вернуться в Лондон. Для того чтобы Брассерта не перехватил *Vestag*, Плейгер приставил к нему круглосуточную охрану и доставил его в Германию на личном Ju-52 Геринга — самолете, известном всей стране, поскольку он был выкрашен в знаменитый красный цвет эскадрильи Рихтгофена. После этого приключения Плейгер и Геринг были готовы к массовой атаке на *Vestag*. Первый выстрел прозвучал 16 июня 1937 г., когда на встрече, организованной с целью обсудить нехватку германских сталеплавильных мощностей, Геринг проигнорировал предложение о строительстве новых доменных печей и устроил сталепромышленникам разнос за неспособность использовать германские железорудные месторождения. Спустя месяц, 15 июля 1937 г., Плейгер формально утвердил устав *Reichswerke Hermann Göring*, публичной компании с первоначальным акционерным капиталом в 5 млн рейхсмарок, предоставленным государством. Брассерт брался построить в Зальцгиттере, передовой сталеплавильный завод полного цикла с первоначальной производительностью 1 млн тонн в год, которую впоследствии предполагалось увеличить до 4 млн тонн. Это было больше, чем производил сам *Vestag*. Спустя неделю, 23 июля, Геринг пригласил 300 представителей германской сталеплавильной промышленности на послеобеденный прием в Министерстве авиации. Но еще до его начала представители шести ведущих фирм были вызваны на частную встречу. Некоторое время продержав своих досточтимых гостей в ожидании, Геринг наконец явился перед ними в полном блеске своих регалий, окруженный большой свитой должностных лиц и армейских чинов. Геринг совсем не собирался просить об одолжениях, как в феврале 1933 г. Громким и агрессивным тоном он зачитал заранее подготовленное заявление. Тяжелая промышленность Германии проявила неумение распорядиться одним из ценных активов страны. Гитлер дал промышленникам четыре года, но они оказались растратчены впустую. И теперь терпению Геринга настал конец. Он на-

111. C. R. S. Harris, *Germany's Foreign Indebtedness* (New York, 1978), 117; A. Reckendrees, *Das «Stahltrust-Projekt»* (Munich, 2000), 255.

мерен «разделаться с саботажниками перевооружения и Четырехлетнего плана и отправить их туда, где им место» (то есть в ад)¹¹². Государство проявило способность к резкому наращиванию мощностей в алюминиевой промышленности и в секторе люфтваффе. Теперь такие же методы будут применены и в сфере производства стали. Все германские месторождения железной руды, находящиеся в частном владении, будут объединены в одну государственную компанию. При железорудных месторождениях будут построены три гигантских сталеплавильных завода. Завод в Зальцгиттере станет крупнейшим в мире. Затем потрясенным сталепромышленникам раздали карты, на которых были обозначены принадлежавшие их фирмам месторождения, подлежащие экспроприации во имя новой компании. Наконец, Геринг зачитал одобренный самим Гитлером указ о принудительном выкупе этих месторождений.

Примечательно, что Пенсен и руководство *Vestag* не спешили капитулировать перед этим беспардонным выкручиванием рук. Вместо этого они попытались организовать единый фронт для противодействия проекту строительства *Reichswerke*. И в этом их полностью поддерживал Ялмар Шахт, остававшийся и президентом Рейхсбанка, и министром экономики. Сталеплавильная отрасль согласилась разрабатывать германские железорудные месторождения в рамках расширения добычи руды до уровня в 24 млн тонн. Промышленники ни в коей мере не сопротивлялись идее строительства сталеплавильных заводов рядом с месторождениями железной руды. Рур только приветствовал появление дополнительного источника чугуна. Но в чем Германия точно не нуждалась, так это в новом сталеплавильном заводе с литейными цехами и прокатными станами общей стоимостью в 200 млн рейхсмарок. Это обременит Германию избыточными производственными мощностями, вызовет рост цен и приведет к хаосу в сложной системе международных картелей, регулирующих европейскую торговлю сталью¹¹³. Однако Плейгер и Геринг призвали себе на подмогу весь аппарат полицейского государства. У них имелись осведомители и в Рейхсминистерстве экономики, и в стальном картеле, и это, вместе с личной службой Геринга по прослушиванию телефонных разговоров, позволило им предупреждать все ходы Пенсена и Шахта. Решающая встреча состоялась 24 августа 1937 г. в Штальхофе — штаб-квартире сталеплавильной ассоциации в Дюссельдорфе. В разгар встречи все сталеплавильные фирмы,

¹¹² Riedel, *Eisen und Kohle*, 172.

¹¹³ ВАН R13I 597, 106–17.

кроме *Vestag*, получили от Геринга телеграмму следующего содержания: «Настоятельно прошу вас не подписывать дюссельдорфский меморандум сталеплавильной ассоциации. Действия последней по отношению к *Reichswerke* все сильнее походят на саботаж. Хайль Гитлер! Геринг»¹¹⁴. Секретарь Геринга Пауль Кернер впоследствии подтвердил подчиненным Флика, «что эта телеграмма в крайне смягченном виде отражала настроения, преобладавшие» в резиденции Гитлера в Оберзальцберге¹¹⁵.

Однако даже и без этой откровенной угрозы встреча в Штальхофе выявила в германской сталеплавильной отрасли глубокие разногласия. Вильгельм Цанген, безжалостный и амбициозный генеральный директор *Mannesmann*, сразу же отказался противодействовать проекту *Reichswerke*¹¹⁶. Такую же позицию занимал и Рехлинг, собиравшийся оказывать проекту всемерную поддержку. В глазах Рехлинга, еще с Первой мировой войны выступавшего за агрессивную внешнюю политику, на кону стояли принципиальные вопросы. С учетом роста германского населения и развития новых металлообрабатывающих отраслей он буквально не видел предела будущим потребностям в стали. Кроме того, у него сохранились личные воспоминания о близорукости военных в 1914 г., когда генерал Фалькенхайн заявил, что ему даже не понадобятся полные мощности трех германских государственных арсеналов. Как представлялось дело Рехлингу, «у нас нет никаких шансов в этой сошедшей с ума Европе. Рано или поздно нас ожидает действительно серьезная конфронтация <...> Вы читали военные донесения из Испании. Какие выводы можно из них сделать?». Если германская сталеплавильная промышленность не приняла всех возможных мер для того, чтобы «дать Германии возможность хотя бы в некоторой степени пережить эту конфронтацию», то кто должен за это отвечать? Слова Рехлинга, ветерана кайзеровской индустриальной политики и послевоенных дискуссий о репарациях, звучали достаточно авторитетно. «До 1934 г. я лично знал практически всех европейских политиков <...> Господа, вам не следует питать иллюзий в отношении того, что может с нами случиться»¹¹⁷. Натолкнувшись на такое противодействие, Пенсен не смог сколотить единый фронт. 27 августа *Vereinigte Stahlwerke*, *Hösch* и *Krupp* начали переговоры о продаже своих прав на месторождения Паулю Плейгеру и *Reichswerke*. На первой

114. Флик получил эту телеграмму 24 августа 1937 г. в 13:49. См.: BAL R8122 7, 19.

115. BAL R8122 7, Flick, 11–14.

116. Два разных объяснения циничного поведения Цангена см. в: BAL R8122 7, 51–2 и VAN R13I 597, 64–9.

117. VAN R13I 597, 106–17.

неделе сентября Шахт ушел в отпуск, формально сложив с себя полномочия министра экономики в ноябре.

На протяжении следующих лет, помимо того, что Плейгер и Брассерт построили по крайней мере первую очередь гигантского сталеплавильного завода в Зальцгиттере, вступившего в строй в октябре 1939 г., *Reichswerke* стало движущей силой мощной кампании корпоративного империализма¹¹⁸. К началу 1940-х гг. предприятие *Reichswerke Hermann Göring* переродилось в то, что могло стать крупнейшим индустриальным конгломератом в мире¹¹⁹. В 1938 г. Плейгер взял под свой контроль *Rheinmetall* — крупнейшего производителя вооружений, входившего в состав государственного холдинга VIAG. После аннексии Австрии *Reichswerke* скупил крупные промышленные активы, главным образом за счет *Vereinigte Stahlwerke*. В 1939 г., после оккупации Праги, в состав машиностроительного подразделения *Reichswerke* вошло гигантское предприятие *Skoda* — эта экспансия продолжилась после оккупации Польши. В 1940 и 1941 г. *Reichswerke* сделало еще ряд приобретений на оккупированных и аннексированных территориях Западной Европы. Однако это грандиозное имперское строительство может создать ложное впечатление большой значимости *Reichswerke* в общей экономической истории нацистского режима. Многие филиалы, присоединенные к *Reichswerke* в процессе экспансии, очень слабо контролировались штаб-квартирой корпорации, и от многих из них избавились после 1941 г. Поскольку империя *Reichswerke* разрасталась главным образом за счет реквизиций, а не внутренних инвестиций, это почти ничего не добавляло к общей динамике экономики, развивавшейся за счет вооружений. Хотя технологическая ставка Плейгера окупилась и завод в Зальцгиттере освоил выпуск полностью пригодной стали, он так и не стал играть доминирующей роли в сталеплавильной отрасли, чего добивались Геринг и Плейгер. Единственным важным сектором, в котором *Reichswerke* действительно заняло лидирующие позиции, была угледобыча. В данном случае Плейгер воспользовался как серией безжалостных мероприятий в рамках «ариизации», организованных Фридрихом Фликом, так и захватом обширных угледобывающих мощностей в Силезии после 1939 г.¹²⁰ В 1940-е гг. не сталь, а уголь сделал Пауля Плейгера ключевой фигурой в германской военной экономике.

118. R. J. Overly, *War and Economy in the Third Reich* (Oxford, 1994), 144–74, и Göring, 111–18; A. Meyer, *Hitlers Holding: Die Reichswerke Hermann Göring* (Munich, 1999).

119. Полный список различных приобретений *Reichswerke* см. в: BALR2Anh84, 94–113.

120. О расчленении угольной империи Печек (еврейской семьи финансистов и про-

IV

Подобно тому как Четырехлетний план ничем или почти ничем не помог Германии, испытывавшей нехватку иностранной валюты, так и проект *Reichswerke* не позволил немедленно устранить дефицит стали. Положение со сталью оставалось напряженным — в конце концов, пришлось вмешаться самому Гитлеру. Летом 1937 г. военно-экономическое управление Военного министерства, возглавляемое полковником Томасом, посредством меморандума, составленного в весьма сильных выражениях, довело непосредственно до его сведения плачевную ситуацию в сфере перевооружения¹²¹. Как отмечал в этом меморандуме Томас, «Войска не понимают, почему государству, [Нацистской] партии и деловым кругам позволяется предпринимать крупные строительные проекты, в то время как они из-за отсутствия казарм зимуют [в палатках] на учебных полигонах»¹²². Очевидный способ предотвратить критику со стороны вермахта — доверить нормирование стали самим военным: в начале июля 1937 г. Геринг поручил это неблагодарное дело полковнику Герману фон Ганнекену, начальнику штаба при управлении вооружений (*Heereswaffenamt*). Ганнекен сделал все возможное для реорганизации этой системы и принял меры к тому, чтобы вооруженные силы получали причитающуюся им сталь вовремя. Но он был не в состоянии обеспечить значительный прирост объемов распределяемой стали¹²³. К сентябрю у министра обороны Бломберга не осталось иного выбора, кроме как потребовать решения от Гитлера¹²⁴. Принятые в 1936 г. ускоренные программы перевооружения могли быть завершены лишь в том случае, если вермахт будет получать не менее 507220 тонн стали в месяц —

мышленников, в межвоенные годы ставших владельцами множества угольных шахт в Чехословакии. — *Прим. ред.*) см.: Mollin, *Montankonzerne*, 184–7; H. James, *The Deutsche Bank and the Nazi Economic War against the Jews* (Cambridge, 2001), 100–104. О захвате чешских и силезских активов см.: W. Röhr, «Zur Rolle der Schwerindustrie im annektierten polnischen Oberschlesien für die Kriegswirtschaft Deutschlands von 1939 bis 1949», *Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte*, 4 (1991), 9–58. О вторжении *Reichswerke* в другие отрасли тяжелой промышленности см.: H. Radant, «Die Vitkovicer Berg- und Eisenhütten-Gewerkschaft als Organisationszentrum der Reichswerke AG „Hermann Göring“ für die Beherrschung der Eisen- und Stahlwirtschaft südosteuropäischer Länder», *Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte*, 3 (1973), 17–41.

121. BAMA RH15/148, 170–73.

122. Sarholz, «Auswirkungen», 237.

123. BAMA RH15/149, 40; Sarholz, «Auswirkungen», 246.

124. BAMA RH15/149, 36–8.

на 70% больше, чем он получал в тот момент. Что же касается сложившейся ситуации, то по всем программам налицо было опасное отставание от плана. Итогом этого положения, — делал зловещее предсказание Бломберг, — станет «настолько серьезное снижение способности вести наступательную войну <...> что это не сможет не сказаться на свободе действий политического руководства Рейха»¹²⁵.

Уже во второй раз за два года Гитлер был вынужден ответить на экономические трудности фундаментальной перестановкой политических приоритетов, на этот раз произошедшей на встрече с руководством вооруженных сил 5 ноября 1937 г. Согласно дошедшим до нас заметкам, сделанным полковником Фридрихом Госсбахом, Гитлер потребовал, чтобы в случае его смерти то, что он сейчас скажет, рассматривалось в качестве «его последней воли»¹²⁶. Как обычно, Гитлер начал со стратегического обзора, мало чем отличавшегося от того, который служил преамбулой к Четырехлетнему плану¹²⁷. Новым и в высшей степени взрывоопасным были признаки того, что Гитлер начал строить конкретные планы территориальной экспансии. В частности, он объявил о своей решимости предпринять военные действия против Чехословакии. Эта страна не фигурировала в масштабной картине, нарисованной в *Mein Kampf* и во «Второй книге». Но помимо сильных античешских предрассудков, которые разделяли многие представители нацистской элиты, одного лишь взгляда на карту межвоенной Европы хватило бы для того, чтобы объяснить, почему Чехословакия наряду с Австрией по логике вещей должна была стать первой жертвой гитлеровской агрессии. «Искусственное» государство Чехословакия было создано в Версале в качестве неотъемлемой части антигерманской системы безопасности. Она была связана военными союзами с Францией, а с 1935 г. — и с Советским Союзом. Чехословакия, глубоко вдававшаяся в южную Германию, рассматривалась германскими военными в качестве очевидной базы для воздушных налетов на Берлин и на южную Германию.

Для Гитлера ключевое значение имел выбор момента. Было принципиально важно решить вопрос «жизненного пространства» до 1943–1945 гг., поскольку он ожидал, что после этого срока относительное преимущество Германии в гонке вооруже-

125. ВАМА RH15/149, 57–62; Sarholz, «Auswirkungen», 253.

126. IMT XXV, 386-PS, 402–13.

127. Weinberg, *Foreign Policy* II, 18–51. Внимание, которое Вейнберг уделяет «концепции блицкрига», якобы занимавшей Гитлера в ноябре 1937 г., представляется едва ли оправданным, если исходить из текста заметок Госсбаха.

ний сократится. Эти даты указывают на корректировку сроков, предполагавшихся в его меморандуме о Четырехлетнем плане. Гитлер дал понять, что ему известно о снижении темпов перевооружения на протяжении последних двенадцати месяцев. Кроме того, заявление Гитлера давало понять, что он обеспокоен той угрозой, которую несло с собой перевооружение других европейских держав. Но Гитлер пошел еще дальше. Если еще до 1943 г. Франция будет «обезврежена» в результате внезапной эскалации внутривойсковых или социальных конфликтов, как это случилось в начале 1934 г., или если Великобритания и Франция будут отвлечены конфликтом в Средиземноморье, то для Германии может оказаться выгодным действовать, даже если ее собственные военные приготовления еще не завершатся. Хотя Гитлер четко понимал, как сложно будет проводить перевооружение по заданному плану, он был готов принять решение о начале войны в зависимости от развития непредсказуемой международной ситуации.

В том, что касалось проблемы стали, Гитлер подтвердил свою приверженность к планам перевооружения, принятым в 1936 г. И в течение следующих недель эта решимость была поддержана решительными действиями. После описанной Госсбахом встречи вермахт не стал сразу получать больше стали¹²⁸. Армия никак не успевала выполнить цели, поставленные в 1936 г., и получала намного меньше стали, чем хватило бы для преодоления отставания, накопившегося за 1937 г.¹²⁹ Для того чтобы выйти из тупика, следовало существенно увеличить производство стали — не на *Reichswerke Hermann Göring*, так как на это ушли бы годы, — а на уже существующих в Германии доменных печах и прокатных станах. И именно в этом направлении были приняты меры в течение нескольких недель после «госсбаховского» совещания. 22 ноября 1937 г. полковник Ганнекен уведомил деловую группу по чугуну и стали о том, что ограничения, лимитировавшие производство стали с осени 1936 г., скоро будут сняты. «Благодаря росту добычи руды в стране и увеличению импорта» объемы производства железа в Германии повысятся до «пределов возможного»¹³⁰. При условии, что существующие ограничения на потребление останутся в силе, этого, по мнению Ганнекена, должно было хватить для удовле-

128. ВАМА RH15/149, 84–97.

129. Sarholz, «Auswirkungen», 257–9.

130. Это ключевое решение, которому ранее не уделялось достаточного внимания в литературе, зафиксировано в ВАН R13I 472, 204, и подтверждено в ВАН R13I 606, 178–86 и ВАН R8122, 347, 25.02.1938 и 3.03.1938.

ния по крайней мере самых насущных потребностей германской промышленности. Реакция со стороны армейской бюрократии проявилась к началу февраля 1938 г., выразившись в возобновлении дискуссий об ускорении перевооружения¹³¹.

Однако случившегося в 1937 г. было уже не исправить. Вместо того чтобы резко возражать — согласно намерениям, четко выраженным в 1936 г., — поставки вооружений топтались на месте. Более того, за всю предвоенную историю гитлеровского режима 1937 г. был единственным годом, когда военные расходы не испытали заметного роста¹³². Как и предсказывал Бломберг, это серьезно отразилось в сфере стратегии. В декабре 1937 г. верховное командование германской армии полагало, что армия военного времени будет полностью оснащена и боеспособна лишь к весне 1943 г.¹³³ В глазах армейского руководства это имело очевидные последствия. Как будет показано в следующей главе, полковник Бек, начальник штаба армии, ответил на замечания Гитлера на «госсбаховском» совещании тревожной оценкой ситуации, пытаясь отговорить Гитлера от каких-либо агрессивных действий против чехов. Однако Гитлер вынашивал иные планы. В 1936 г. он составил расписание, согласно которому четырех лет тотальной внутренней мобилизации должно было хватить для того, чтобы вывести страну на дорогу к успешной войне. Этого не получилось. Гитлер, как он продемонстрировал на «госсбаховском» совещании, мыслил достаточно реалистично и принял к сведению сетования вермахта на технические трудности. Но в отличие от генералов, Гитлер не собирался принимать как данность ни отношения Германии с ее соседями, ни текущий уровень экономической мобилизации. Ответ генералов состоял в пересмотре сроков, ответ Гитлера — в пересмотре параметров. Делая все возможное для того, чтобы увеличить производство стали и перераспределить ее в пользу военных, в то же время он неустанно повышал уровень международной напряженности. Руководство Третьего рейха не стало создавать условия для войны с помощью внутренней мобилизации. Главным рычагом, с помощью которого экономику страны — усилиями ключевых промышленников и офицеров-карьеристов — переводили на военные рельсы, стала ме-

131. См.: ВАМА RH15/150, 12–13 — документ, важный в силу того, что на нем стоит дата 24 февраля 1938 г., когда до эскалации напряженности, вызванной аншлюсом, осталось еще несколько недель.

132. Впервые этот ключевой пункт был подчеркнут в: Geyer, *Deutsche Rüstungspolitik*, 146–7.

133. ВАМА RH15/149, 106–13.

ждународная напряженность. Агрессивная внешняя политика привела к мобилизации внутренних ресурсов, а не наоборот¹³⁴.

Если главной движущей силой этого процесса был конкретный человек, то им был Гитлер. Консолидация нацистского режима вокруг персоны фюрера зимой 1937–1938 г. представляла собой решающий момент в эволюции Третьего рейха¹³⁵. Наиболее драматичным событием, обозначившим такое «единоначалие», стали внезапные перестановки в верхах армейской иерархии на первой неделе февраля 1938 г. Поводом для них стали скандалы вокруг министра обороны Бломберга и армейского главнокомандующего, генерал-полковника Вернера фон Фрича¹³⁶. Министр обороны демонстративно женился на женщине «с темным прошлым», а в полицейском досье на Фрича обнаружили неопровергнутые обвинения в гомосексуализме. Гитлер немедленно отправил обоих в отставку и разрешил кризис, сделав вермахт отдельной организационной структурой, независимой от трех родов вооруженных сил, главнокомандующим которой он назначил самого себя. Геринг, который хотел стать министром обороны вместо Бломберга, вместо этого был повышен в чине до фельдмаршала. Вильгельм Кейтель, прежде безобидный офицер, по воле Гитлера стал его главным военным советником как главы вермахта. Полковнику Томасу, главному специалисту вермахта по экономике, отдали под начало новое военно-экономическое управление. Командование над армией получил Вернер фон Браухич, уважаемый офицер-профессионал, но в то же время слабохарактерный человек, неспособный противиться воле Гитлера. Одновременно с тем Гитлер произвел крупные перестановки и в Министерстве иностранных дел. Консервативный Нейрат, занимавший министерскую должность с 1932 г., был отправлен в отставку. Вместо него министром стал бывший посол в Лондоне Иоахим фон Риббентроп, намного лучше соответствовавший новой агрессивной повестке дня, направляемой Гитлером.

Тогда же была решена и судьба Рейхсминистерства экономики. На смену Шахту (он остался президентом Рейхсбанка, но утратил министерский пост) Гитлер избрал одного из ближайших сотрудников Геббельса, Вальтера Функа. Хотя Геринг был разочарован тем, что ему не досталась даже эта должность,

134. Этот момент наиболее четко сформулирован в: M. Knox, «Conquest, Foreign and Domestic, in Fascist Italy and Nazi Germany», *Journal of Modern History*, 56 (1984), 1–57.

135. M. Broszat, *Der Staat Hitlers* (Munich, 1969), 363–75.

136. I. Kershaw, *Hitler 1936–1945: Nemesis* (London, 2000), 51–60.

он по крайней мере воспользовался периодом безвластия после отставки Шахта для того, чтобы объединить управление по выполнению Четырехлетнего плана с аппаратом министерства¹³⁷. Отныне все ключевые департаменты министерства находились в руках политически близких НСДАП людей. Атмосферу, установившуюся в министерстве, очень метко характеризовала острота, ходившая среди старых служащих, которые называли ставленников Геринга «рабоче-солдатским советом», намекая на революционные дни 1918 г.¹³⁸ Ганс Керль, ключевая фигура из отдела Вильгельма Кепплера, занимавшегося сырьем, получил задание принять те меры, которые он сочтет нужным, чтобы обеспечить выполнение новых задач, с упором на самодостаточность и нормирование.

Еще более важной была та роль, которую взял на себя Гитлер в отношении экономической политики. Разумеется, ни Геринг, ни Гитлер не были в состоянии «переварить» многочисленные технические подробности индустриальной политики, но оба они остро интересовались программой вооружений, а это заставляло их уделять серьезное внимание проблеме нормирования сырья. С ноября 1937 г. до последних дней Третьего рейха принципы нормирования стали — главного сырья индустриальной экономики — ни разу не претерпевали серьезного изменения без личного одобрения Гитлера. Это утверждение авторитета Гитлера в сфере экономической политики имело не меньшее значение, чем более известные аспекты «второго захвата власти». Оно представляло собой ключевой и во многом недооцененный элемент могущества фюрера¹³⁹. Только при учете всех трех сторон власти Гитлера — дипломатической, военной и промышленной — мы сможем по-настоящему разобраться в том, каким образом ему удалось разрушить европейский баланс сил.

137. Bölcke, *Die deutsche Wirtschaft*, 182.

138. Ibid., 183.

139. В фундаментальной биографии Гитлера, составленной Кершоу, ключевой вопрос производства и распределения стали не удостоился даже упоминания в предметном указателе. См.: Kershaw, *Hitler: Nemesis*.

На пути к катастрофе

ОДИНАДЦАТОГО марта 1938 г., на утреннем заседании комитета по коммерческим вопросам *IG Farben* рутинное обсуждение мер предосторожности, которые следует предпринять в случае угрозы войны, — так называемый вопрос «М» — неожиданно стала в высшей степени актуальной¹.

Первые тревожные сообщения мы получили уже в 9.30. Д-р Фишер, вызванный к телефону, вернулся в сильном возбуждении и сообщил, что компания *Deutsche Gasoline AG* [филиал *IG*] получила приказ дозаправить все бензоколонки в Баварии и прочих районах Южной Германии вблизи чешской границы. Через четверть часа был принят телефонный звонок из Бургхаузена, согласно которому немало рабочих уже было призвано в армию. В Баварии вовсю шла мобилизация. В отсутствие официальной информации, пришедшей только вечером, мы не знали, не состоится ли наряду с вторжением в Австрию, которое для нас уже было несомненным фактом, и «быстрое нападение» на Чехословакию со всеми международными осложнениями, которые он вызовет.

Руководители концерна бросились к телефонам, чтобы отозвать высокопоставленную делегацию *IG*, направлявшуюся в Канны на переговоры о создании международного молибденового картеля. «В этих обстоятельствах, — отмечал протоколист, — совещание по проблеме „М“ приобрело особую значимость. Неожиданно — подобно раскату грома в ясный день — нас посетило осознание того, что вопрос, прежде считавшийся более-менее теоретическим, может стать смертельно серьезным...»

I

Аннексия Австрии Германией началась 11 марта и завершилась двумя днями позже². Аншлюс представлял собой классический

1. *IG Farben Case VII*, 1538–9, document NI-14507.

2. Weinberg, *Foreign Policy II*. О том, как было принято это решение, см.: G. C. B. Wal-

государственный переворот, инспирированный соседней страной — в стиле ремилитаризации Рейнской области (март 1936 г.). Как мы уже видели, германская агрессия против Чехословакии обсуждалась еще с ноября 1937 г. Аннексия Австрии являлась очевидным первым шагом к разрушению баланса сил, сложившегося в Центральной Европе. С учетом нарастания давления (как на государственных деятелей, так и на частных лиц), которому Австрия подвергалась с самого начала 1938 г., аншлюс ни для кого не стал сюрпризом. Гитлер удачно выбрал момент, чему способствовало трезвое понимание общей дипломатической картины³. Ключевую роль сыграли исходившие из Италии сигналы ее занятости средиземноморскими делами и отсутствия интереса к Австрии. В начале 1938 г. Гитлер сперва предъявил австрийскому канцлеру Курту Шушнигу ряд ультиматумов, а затем позволил ему сделать первый неверный шаг: назначить на 14 марта референдум о независимости Австрии. С целью воспрепятствовать референдуму, результатом которого, вероятно, стал бы выбор в пользу независимости, вермахт провел поспешную частичную мобилизацию и оккупировал Австрию с помощью партии местных нацистов и ее сторонников. У других европейских держав не осталось времени на то, чтобы вмешаться.

Присоединение Австрии стало для германской экономики полезным стимулом⁴. Благодаря аншлюсу объемы промышленного производства в Германии выросли чуть менее чем на 8%. Однако австрийская тяжелая промышленность была сравнительно слабой. Так, в 1937 г. в Австрии было произведено всего 600 тыс. тонн стали, причем более половины этого количества предназначалось на экспорт. Это составляло менее 4% от производства стали в Германии. Две трети австрийских сталеплавильных мощностей приходились на долю компании *Österreichisch-Alpine Montangesellschaft*, или *Alpine*, которой принадлежала гора Эрцберг — баснословно богатое месторождение, содержавшее 200 млн тонн железной руды высочайшего качества. *Alpine* являлась важнейшим поставщиком стали не только для австрийской экономики, но и для чешской и итальянской промышленности. Несомненно, это был лакомый индустриальный актив.

denegg, «Hitler, Göring, Mussolini und der „Anschluss“ Österreichs an das Deutsche Reich», VfZ 51 (2003), 147–82.

3. А вовсе не сложная экономическая ситуация в Германии, согласно неправдоподобному предположению К. Рота. И точку зрения Рота, и ее убедительную критику см. в: W. Röhr, B. Berlekampand, K. H. Roth (eds.), *Der Krieg vor dem Krieg: Politik und Ökonomik der «friedlichen» Aggression Deutschlands 1938/1939* (Hamburg, 2001).

4. О дальнейшем см: IfK, *Weekly Report*, 11, 16 March 1938, 4 April 1938, 14 December 1938.

Он по праву должен был достаться концерну *Vereinigte Stahlwerke*, с которым он имел давние связи. Но вместо этого он отошел к *Reichswerke Hermann Göring*, благодаря чему эта компания приобрела значительное экономическое влияние во всей Юго-Восточной Европе⁵. Для германской экономики в целом главным плюсом аншлюса стало приобретение недоиспользуемой австрийской рабочей силы. Согласно официальным цифрам, вследствие аншлюса немецкие списки безработных пополнились на 401 тыс. человек, что увеличило резервы рабочей силы, доступные Германии, на 30–40%.

Напротив, влияние аншлюса на имевший первостепенное значение платежный баланс было неоднозначным. В долгосрочном плане аншлюс сказался на нем явно отрицательно. Австрия, как и Германия, зависела от импорта продовольствия и промышленного сырья и потому старалась поддерживать достаточно высокий уровень экспорта⁶. Поэтому можно было ожидать, что крупномасштабное оживление австрийской экономики лишь ухудшит германский платежный баланс. Однако в краткосрочном плане эти проблемы были компенсированы колоссальным притоком иностранной валюты, вызванным применением драконовских валютных правил, действовавших в Германии, к намного более либеральной австрийской экономике. Золотые и валютные резервы одного лишь Австрийского национального банка достигали суммы в 345 млн рейхсмарок⁷. В целом австрийское валютное «приданое» составляло не менее 782 млн рейхсмарок, что увеличило немецкие резервы более чем вдвое. Полученные средства имели принципиальное значение, потому что в первые недели 1938 г. ситуация с германским платежным балансом выглядела чрезвычайно мрачной. Частные резервы иностранной валюты, изъятые начиная с 1936 г., были в основном истрачены. А оживление экспорта, поддерживавшее платежный баланс на протяжении всего 1937 г., явно закончилось. Спад в мировой экономике привел в первой половине 1938 г. к сокращению глобальной торговли на 20%⁸. В январе 1938 г. Рейхсбанк столкнулся с серьезным ежемесячным внешне-торговым дефицитом⁹. В обычных обстоятельствах это приве-

5. G. Mollin, *Montankonzerne und «Drittes Reich»* (Göttingen, 1988), 115–24.

6. См. оценку, сделанную должностными лицами VJP, в: BAL R26IV 5, 166–170 и RO26IV, 4 fol. 1,56–64.

7. R. Banken, «Die deutsche Goldreserven und Devisenpolitik 1933–1939», *JbW* 1 (2003), 49–78.

8. IfK, *Weekly Report*, II, 29 June 1938, 193–6.

9. M. Ebi, *Export um jeden Preis: Die deutsche Exportförderung von 1932–1938* (Stuttgart, 2004) 223–37.

ло бы к немедленным мерам экономии. На собрании управления по выполнению Четырехлетнего плана 10 февраля 1938 г. шли разговоры о том, чтобы сократить не только частное потребление, но и финансирование проектов, имевших наивысший приоритет в глазах режима¹⁰. Но вместо этого благодаря австрийским трофеям Германия в 1938 г. смогла существовать с торговым дефицитом почти в 450 млн рейхсмарок — что было больше, чем когда-либо после 1929 г. Аншлюс по крайней мере на какое-то время избавил гитлеровский режим от проблемы платежного баланса.

Однако организаторами аншлюса двигало вовсе не желание пограбить — а, скорее, стратегические соображения. Объединение Германии и Австрии резко увеличило силу Рейха относительно небольших стран Центральной и Юго-Восточной Европы. С незапамятных времен Вена служила осью, вокруг которой вращалась торговля Восточной и Юго-Восточной Европы. Из-за распада Австро-Венгерской империи и депрессии с ее бедствиями Вена отчасти утратила такое положение. Но после аншлюса, в компенсацию за то, что Вена была низведена до статуса второго города Рейха, она стала столицей германской «империи» в Юго-Восточной Европе. Благодаря включению австрийской торговли в долю, приходящуюся на счет Германии, зависимость Венгрии от импорта из Германии выросла с 26% до 44%. Доля Германии в импорте Югославии увеличилась с 32% до 43%¹¹. На протяжении последующих месяцев Германия смогла использовать свое возросшее влияние для заключения новых торговых соглашений с Венгрией и с Польшей¹². С другой стороны, для Чехословакии аншлюс стал оглушительным ударом. Размещение германских войск в восточных провинциях Австрии означало, что Чехия была окружена с трех сторон. Несмотря на то что военная оккупация Австрии прошла мирно, а реакция западных держав была вялой, аншлюс ознаменовал момент, после которого угроза европейской войны начала принимать конкретные очертания. В Праге господствовали панические настроения. На протяжении всей весны 1938 г. в городе ходили слухи о неминуемом германском нападении, достигшие пика во время «воскресного кризиса» 20–21 мая. Чешское правительство, встревоженное ложными сообщениями о том, что вдоль границ страны скапливаются немецкие войска, мобили-

10. BAL RO26IV, 4 fol. 1, 39–44.

11. См. анализ в IfK, *Weekly Report*, II, 4 April 1938, 118.

12. D. E. Kaiser, *Economic Diplomacy and the Origins of the Second World War: Germany Britain, France and Eastern Europe, 1930–1939* (Princeton, 1980), 244.

зовало не только свои вооруженные силы, но и союзников в Париже и Лондоне. Британцы провели спешную эвакуацию всего второстепенного персонала из своего берлинского посольства и выступили с предупреждением о том, что в случае нападения Германии Франция будет вынуждена встать на защиту своих чешских союзников, и Британия не останется в стороне¹³.

В любом случае, все эти сообщения преувеличивали готовность Германии к войне. Планы нападения на Чехословакию составлялись, но Гитлер не намеревался начинать его уже 20 мая. Однако его привело в ярость созданное «воскресным кризисом» впечатление, будто бы его заставила отступить угроза вмешательства западных держав¹⁴. Гитлер ответил в характерной для него манере. 28 мая, через неделю после мобилизационного кризиса, он созвал совещание старшего армейского руководства и объявил о своей решимости расправиться с чехами при первой же возможности¹⁵. Он предполагал сделать это военными средствами. Вермахт получил приказ быть готовым к выступлению в любой момент после 1 октября 1938 г. Гитлер надеялся на то, что он сумеет изолировать чехов и избежать вмешательства со стороны Великобритании и Франции. Он все еще рассчитывал на то, что британцы прислушаются к голосу разума и что конфронтацию с Францией удастся отсрочить до 1943–1944 гг., когда германская армия завершит наращивание сил. Но в том случае, если западные державы решатся на противодействие его первым шагам к экспансии на восток, Гитлер не собирался уклоняться от войны. Начиная с весны 1938 г. Гитлер начал серьезно размышлять о необходимости крупной войны на Западе как прелюдии к вторжению в Советский Союз. Как бы трудно ни было в это поверить, учитывая дальнейшую судьбу Чехословакии, этот важный урок был усвоен Берлином уже к началу лета 1938 г. Третий рейх начал относиться к Бри-

13. О майской панике и о том, как она в дальнейшем обернулась против Великобритании, см.: J. Henke, *England in Hitlers politischem Kalkül 1935–1939* (Boppard, 1972), 150–62.

14. Осознавая такой риск, британское правительство постаралось максимально смягчить комментарии в прессе. См.: R. A. C. Parker, *Chamberlain and Appeasement: British Policy and the Coming of the Second World War* (New York, 1993), 149.

15. R. Overly, «Germany and the Munich Crisis», *Diplomacy and Statecraft*, 10 (1999), 191–215; K. J. Müller, *Armee und Drittes Reich 1933–1939* (Paderborn, 1989), doc. 152, 333–5; K. J. Müller, *General Ludwig Beck: Studien und Dokumente zur politisch-militärischen Vorstellungswelt und Tätigkeit des Generalstabschefs des deutschen Heeres 1933–1938* (Boppard, 1980), 512–20. В работе: S. Kley, *Hitler, Ribbentrop und die Entfesselung des Zweiten Weltkrieges* (Paderborn, 1996), 59–62, недооценивается значение заявления, сделанного 28 мая 1938 г., поскольку ее автор игнорирует данные по военной промышленности.

танской империи как к силе, стоящей на пути к воплощению мечты Гитлера о завоевании восточных территорий¹⁶.

Сложно переоценить то значение, которое имело это изменение стратегической позиции на протяжении нескольких месяцев после аншлюса. Оно не должно было удивить никого из трезво мыслящих наблюдателей¹⁷. С момента заключения Лондонского морского договора в 1935 г. Германия ни на шаг не приблизилась к соглашению с Великобританией. События 1936 г. лишь дополнительно привлекли внимание общественности к глубокой пропасти между «демократиями» и агрессивными «диктатурами». Бек, начальник штаба армии, не позже 1937 г. принял британскую враждебность в качестве аксиомы для военного планирования. Начиная с апреля 1938 г. на ту же аксиому в своих расчетах опирались люфтваффе и флот. Но для Гитлера такой поворот явно стал страшным разочарованием. В той мере, в какой его стратегические идеи, впервые изложенные в *Mein Kampf*, заключали в себе рациональное зерно, оно сводилось к постулату о том, что Германия будет не в состоянии вести завоевательную войну на восточном фронте, если одновременно ей придется сражаться против западной коалиции. Враждебность Франции тоже принималась как данность. Но Франция сама по себе не считалась непреодолимым препятствием. Решающую роль играла Великобритания. Восточная экспансия Германии могла состояться лишь как минимум при потворстве британцев. Если бы Германии пришлось приводить к подчинению и Францию, и Великобританию, то по всем разумным прикидкам перспектива завоевательной кампании на востоке отодвигалась в отдаленное будущее. Оглушительная победа вермахта в 1940 г. мешает нам верно оценить этот момент. В 1938 г. никто — ни немцы, ни их противники — еще не мог предвидеть блицкриг в Западной Европе. В глазах здравомыслящих немцев, занятых стратегическим планированием, Французская и Британская империя с их друзьями в Восточной Европе и поддержкой из-за Атлантики выглядели поистине грозными врагами. В конце концов, именно эта коалиция одержала победу над Германией в 1918 г. Как мы видели, армия, создание которой планировалось в 1936 г., имела огромные размеры, но этого было недостаточно для того, чтобы обеспечить

16. О значении 1938 г., выявившего антагонизм Гитлера по отношению к Западу, см.: Weinberg, *Foreign Policy* 11, 355, 465–6; W. Michalka, *Ribbentrop und die deutsche Weltpolitik 1933–1940* (Munich, 1980), 228–9.

17. О немецких оценках см. статьи в: F. Knippingand, K.J. Müller (eds.), *Machtbewusstsein in Deutschland am Vorabend des Zweiten Weltkrieges* (Paderborn, 1984).

немцам убедительное превосходство в наступательном вооружении, особенно в танках. Немецкие генералы не недооценивали французов и прекрасно осознавали жестокий удар, который был нанесен их собственной программе военного строительства в 1937 г. Более того, какой бы крупной ни была армия, ее никогда бы не хватило для того, чтобы победить Британскую империю на море. Флоты Британии и Франции, патрулирующие Атлантику и Средиземное море, обеспечивали им доступ к сырью со всего мира. Германия могла на что-то надеяться в открытом столкновении с британским Королевским флотом лишь в том случае, если бы она объединила свои жалкие военно-морские силы с итальянскими и японскими¹⁸. В том, что касалось воздушной гонки, люфтваффе Геринга определенно лидировали. Но не было никаких причин сомневаться в том, что британская и французская авиационная промышленность в потенциале способна догнать и перегнать германскую. Впрочем, конфронтация с западными державами в первую очередь вынуждала нацистский режим считаться с гигантской экономической мощью Соединенных Штатов. Даже без сложных статистических расчетов было понятно: если бы Америка, даже не вступая в войну, поддержала Великобританию и Францию, то это бы не оставило Германии почти никаких шансов на победу.

II

Весной 1938 г. гонка вооружений, развязанная в результате агрессивной политики Германии, Италии и Японии, приобрела такие масштабы, что угрожала полностью покончить с гитлеровским экономическим чудом. К моменту майского кризиса 1938 г. к серьезному перевооружению приступили уже и Франция, и Великобритания, и США¹⁹. Эти державы уже обладали колоссальным преимуществом в военно-морской сфере. Те, кто имел доступ к секретному военному бюджету Германии, знали, что по наиболее надежным данным расходы Королевского флота с 1933 г. превышали расходы кригсмарине на 30%. И этот разрыв не сокращался: наоборот, уже имевшееся у Великобритании подавляющее преимущество в боевых кораблях лишь уве-

18. Блестящий анализ самоуверенности британцев в сфере военно-морского планирования см. в: J. A. Maiolo, *The Royal Navy and Nazi Germany, 1933–1939: A Study in Appeasement and the Origins of the Second World War* (Basingstoke, 1998), с. 111–20.

19. T. C. Imlay, *Facing the Second World War: Strategy, Politics and Economics in Britain and France 1938–1940* (Oxford, 2003).

личилось за первые восемь лет пребывания Гитлера у власти²⁰. А отставание Германии стало еще более заметным 17 мая 1938 г., когда за несколько дней до «воскресного кризиса» президент Рузвельт подписал Закон об увеличении военно-морских сил. Эта программа стоимостью в 1,15 млрд долларов представляла собой крупнейший военный заказ мирного времени в американской истории, гарантировавший, что США потратят больше денег, чем кто-либо из их соперников, в мировой военно-морской гонке вооружений²¹. Еще большее беспокойство у немецкого руководства вызывало явное намерение Великобритании сравняться с Германией в авиации. В конце апреля 1938 г. Лондон, проигнорировав финансовые опасения Казначейства и принцип, согласно которому британская промышленность имела право работать «в обычном деловом режиме», принял новую амбициозную военно-воздушную программу («План L»), предусматривавшую строительство 12 тыс. современных боевых самолетов в течение следующих двух лет²². Между тем во Франции было принято решение ускорить строительство новых кораблей для флота, усилить армию и произвести полное переоснащение военно-воздушных сил в соответствии с так называемым Планом V²³. В мае 1938 г. новое правое правительство Эдуара Даладье высказалось за удвоение военного бюджета.

Если Германия желала преодолеть свое громадное отставание в военно-морской области, превратить люфтваффе в подлинно эффективное стратегическое оружие и одновременно завершить наращивание сухопутных сил, требовались огромные расходы. Мы уже видели, какие препятствия помешали Третьему рейху выполнить программу увеличения вооруженных сил, принятую в 1936 г. Тем не менее через несколько дней после майского кризиса 1938 г. Гитлер отдал соответствующий при-

20. См. анализ международных расходов на военно-морской флот и кораблестроение в: IfK, *Weekly Report*, 20 July 1938. Согласно этому докладу, по тоннажу современных боевых кораблей Германия отставала от Великобритании в десять раз. Из данных, опубликованных летом 1939 г. (IfK, *Weekly Report*, 12 July 1939), следует, что даже после того, как в начале 1939 г. кригсмарине стали пользоваться наивысшим приоритетом, расходы Германии на ВМФ превысили те, которые значились в британском бюджете, не более чем на 5%.

21. H. Sirois, *Zwischen Illusion und Krieg: Deutschland und die USA 1933–1941* (Paderborn, 2000), 159.

22. M. M. Postan, *British War Production* (London, 1952), 14–23; C. Peden, *British Rearmament and the Treasury: 1932–1939* (Edinburgh, 1979), 128–34; S. Ritchie, *Industry and Air Power: The Expansion of British Aircraft Production 1935–1941* (London, 1997).

23. R. Frankenstein, *Le Prix du rearmement francais 1935–1939* (Paris, 1982), 88–92, 195–7; H. Chapman, *State Capitalism and Working-Class Radicalism in the French Aircraft Industry* (Berkeley, 1991), 149–74.

каз²⁴. Отныне Германия шла к войне. Все соображения, касающиеся гражданской экономики, приносились в жертву этой цели. Полноценную армию военного времени следовало создать уже к апрелю 1939 г., а вовсе не к апрелю 1940 г., как предусматривал первоначальный план. Более того, армии было приказано накопить боеприпасы, запаса которых хватило бы по крайней мере для трех месяцев боевых действий. Кроме того, прямым следствием угрозы, исходящей из Парижа и Лондона, стал приказ Гитлера об ускорении строительства его собственной «линии Мажино» — Западного вала. Его задача состояла в том, чтобы прикрыть западные рубежи страны, пока основная часть германской армии будет расправляться с чехами. И, как мы уже видели, стоимость укреплений по крайней мере вдвое превышала сумму, выделенную на бронетанковые силы. В течение недели с 25 по 31 мая 1938 г. германская армия утроила свою заявку на сталь — с 400 тыс. дополнительных тонн до 1,2 млн тонн с лишним²⁵. И это было только начало. Сразу же после майского кризиса планы люфтваффе тоже претерпели резкий рывок: Геринг разместил заказ на постройку целого флота не менее чем в 7 тыс. двухмоторных бомбардировщиков Ju-88²⁶. Тем самым он задействовал более половины рабочей силы люфтваффе в производстве бомбардировщиков среднего радиуса действия, которые можно было использовать лишь при наступательных операциях против Франции и Великобритании. Говоря более конкретно, Геринг сделал ставку на генерального директора *Junkers* Генриха Коппенберга и его грандиозные мечты о массовом производстве в стиле Форда. Все фирмы, на тот момент участвовавшие в производстве этого бомбардировщика, предполагалось реорганизовать и подчинить головному офису *Junkers* в Дессау. Каждому заводу предстояло заняться производством какой-либо одной из главных частей самолета: двигателями, фюзеляжем, крыльями, или осуществлять окончательную сборку. Благодаря «американской» экономии за счет роста производства Германия предполагала обеспечить себе преимущество перед европейскими противниками. Коппенберг обещал менее чем через два года давать вооруженным силам по 250 передовых бомбардировщиков в месяц. Военно-морские планы были не такими грандиозными, но и их настигла эпидемия эскалации²⁷. 24 мая Гитлер приказал ускоренными темпами достроить линкоры F и G («Бисмарк»

24. См. инструкции о резком увеличении поставок для армии: ВАМА RH15/150, 80.

25. Ср.: ВАМА RH 15/150, 56–7 и 86–9.

26. L. Budrass, *Flugzeugindustrie und Luftrüstung in Deutschland* (Düsseldorf, 1998), 536–56.

27. J. Dülffer, *Handbuch zur deutschen Militärgeschichte 1648–1939*, VII (Munich, 1978), 475;

ТАБЛИЦА 7. Демократические океаны: расходы на ВМФ ведущих держав мира, млн рейхсмарок (с учетом ППС)

	Великобритания	США	Франция	Германия	Италия	Япония	«Демократии»	«Диктатуры»	Соотношение
1929	1142	1558	409	201	262	525	3109	988	3,1
1930	1072	1571	448	198	309	501	3091	1008	3,1
1931	1009	1560	462	192	352	590	3031	1134	2,7
1932	872	1457	399	187	346	593	2728	1126	2,4
1933	877	1268	469	312	326	827	2614	1465	1,8
1934	938	1376	485	497	278	859	2799	1634	1,7
1935	1108	1798	476	695	256	928	3382	1879	1,8
1936	1388	2072	517	1161	300	938	3977	2399	1,7
1937	1595	1866	444	1479	313	1056	3905	2848	1,4
1938	1878	2026	462	1756	339	1049	4366	3144	1,4
1939	2277	2872	724	2390	424	1256	5873	4070	1,4
Итого, 1929–1939	14156	19424	5295	9067	3505	9122	38875	21694	1,8
Итого, 1933–1939	10061	13278	3577	8289	2236	6913	26916	17438	1,5

Источники: Institut für Konjunkturforschung, *Wochenbericht*, 12.07.1939, 169–72; J. Dülffer, *Weimar, Hitler und die Marine: Reichspolitik und Flottenbau, 1920–1939* (Düsseldorf, 1973), 563.

и «Тирпиц»). Кроме того, на случай войны с Великобританией он запустил расширенную программу строительства подводных лодок.

Все это предъявляло новые колоссальные требования к Четырехлетнему плану²⁸. И в этом отношении Геринг тоже мог полагаться на инициативу, исходящую из военно-промышленного комплекса. Как и можно было предсказать, застрельщиками выступили Карл Краух и его близкий помощник Отто Амброс — одна из восходящих звезд IG в сфере синтетических материа-

J. Dülffer, *Weimar, Hitler und die Marine: Reichspolitik und Flottenbau, 1920–1939* (Düsseldorf, 1973), 468–9.

28. W. Birkenfeld, *Der synthetische Treibstoff 1933–1945* (Göttingen, 1964), 112–25; D. Petzina, *Autarkiepolitik im Dritten Reich* (Stuttgart, 1968), 116–30; P. Hayes, *Industry and Ideology: IG Farben in the Nazi Era* (Cambridge, 1987), 206–11; G. Plumpe, *Die IG Farbenindustrie AG* (Berlin, 1990), 722–40.

лов²⁹. По их оценкам, в 1942–1943 гг., после завершения новых программ вооружения, ежегодная потребность Рейха в нефти и топливе должна была вырасти не менее чем до 13,8 млн тонн. Из-за нехватки стали выполнение Четырехлетнего плана затягивалось. В 1938 г. производство синтетического топлива не могло превысить 2,4 млн тонн, а снабжение авиационным топливом также было недостаточным. Не менее вопиющей была нехватка взрывчатых веществ и пороха. В 1918 г. заводы Германской империи производили 13600 тонн взрывчатки и 13250 тонн пороха в месяц. Летом 1938 г. Третий рейх не мог произвести более 5400 тонн того или другого в месяц. С тем чтобы решить эту проблему, Геринг 12 июля 1938 г. одобрил новый вариант Четырехлетнего плана, известный как «Новый план военно-экономического производства» (*Wehrwirtschaftliche Neuer Erzeugungsplan*)³⁰. К середине 1941 г. Краух намеревался достичь ежемесячных объемов производства взрывчатки в 17100 тонн и пороха в 18100 тонн. К 1942–1943 гг. объемы производства синтетического топлива планировалось довести до 8,3 млн тонн, а к 1944 г. — до 11 млн тонн. Но в августе 1938 г., когда до войны за Судеты, возможно, оставалось всего несколько недель, даже этого было недостаточно. Для того чтобы к концу 1939 г. достичь уровня Первой мировой войны, Краух выдвинул *Schnellplan* — краткосрочную чрезвычайную программу, имевшую абсолютный приоритет над всеми прочими многочисленными программами вермахта. С тем чтобы Краух получил необходимые ему ресурсы, Геринг наделил его специальным статусом генерального уполномоченного по особым вопросам химического производства (*GB Chem*), и этот статус позволил Крауху до самого конца войны оставаться главной фигурой в германской химической промышленности³¹.

Краух в химической промышленности и Коппенберг на *Junkers* были двумя наиболее выдающимися представителями но-

29. Амброс, родившийся в 1901 г., сделал яркую карьеру в качестве ведущего специалиста IG по синтетическому каучуку и одного из ближайших сотрудников Крауха. К концу 1930-х гг. он был членом правления и председателем комиссии IG по «буне».

30. Резюме различных планов содержится в: IMT VII. 874–909. Полезным, но излишне полемичным обзором является работа: Plumpe, *Die IG Farbenindustrie*, 722–34.

31. Вскоре после этого Геринг назначил Коппенберга на аналогичную должность *Sonderbevollmächtigte des Generalfeldmarschalls Görings für die Herstellung der Ju 88* (специальный представитель генерал-фельдмаршала Геринга по выпуску Ju-88), тем самым обозначив одинаковый приоритет самолета Ju-88 и химических заводов. См.: L. Budrass, «Unternehmer im Nationalsozialismus: Der „Sonderbevollmächtigte des Generalfeldmarschalls Göring für die Herstellung der Ju 88“», in W. Plumpe and C. Kleinschmidt (eds.), *Unternehmen zwischen Markt- und Macht* (Essen, 1992), 74–89.

вого военного индустриализма, свободными от стереотипов и осторожничанья «старых» промышленников. Их технические замыслы обладали большой привлекательностью, как и их самоуверенная позиция лидеров предпринимательского мира. Кроме того, они нашли заинтересованного слушателя в лице Геринга. Но несмотря на всю волюнтаристскую риторику, реализация их обещаний зависела от распределения ресурсов. С ноября 1937 г. Гитлер обещал ввести более щедрые квоты на сталь. И сейчас, после нескольких месяцев нетерпеливого ожидания, это обещание исполнилось. 17 июня 1938 г. на совещании с Герингом Гитлер увеличил квоту на сталь для вермахта с 325 тыс. до 500 тыс. тонн³². В течение следующих месяцев она достигла 658333 тонн. К августу 1938 г. вермахту доставалось 35–36% всей стали, выплавленной в Германии. Если к этому добавить поставки в соответствии с Четырехлетним планом и программой военного дорожного строительства, то на долю вооруженных сил придется уже более 40% стали. Еще более значительной была доля достававшихся им более дефицитных импортных металлов, таких как медь. Летом 1938 г., номинально существуя в условиях мирного времени, нацистский режим переводил германскую экономику на военное положение.

Все это имело драматические финансовые последствия. В начале 1938 г., еще до аншлюса, рейхсминистр финансов Шверин фон Крозиг и президент рейхсбанка Шахт пришли к решению о том, что перегретой германской экономике требуется некоторая доза фискального консерватизма³³. В марте 1938 г. прекратился выпуск облигаций *Mefo*³⁴. Крозиг и Шахт договорились о том, что отныне Рейх должен соблюдать традиционные принципы государственной финансовой политики. Текущие расходы должны быть ограничены до уровня, оплачиваемого за счет налогов. Разовые расходы и долгосрочные инвестиции должны финансироваться за счет национальных сбережений посредством нормальной, неинфляционной системы долгосрочных займов. Но резкое возрастание международной напряженности после аншлюса поставило крест на этой программе экономии. Вместо того чтобы сокращаться, как надеялись Шахт и Крозиг, военные расходы лишь резко выросли.

32. T. Sarholz, «Die Auswirkungen der Kontingentierung von Eisen und Stahl auf die Aufrüstung der Wehrmacht von 1936 bis 1939» (thesis, Darmstadt, 1983), 310.

33. О сложной финансовой ситуации, в которой оказалось Министерство авиации в начале 1938 г., см.: E. L. Homze, *Arming the Luftwaffe* (Lincoln, Nebr., 1976), 155–6. О беспокойстве в Рейхсбанке см. доклады в: BAL 25016520.

34. W. A. Bölcke, *Die Kosten von Hitlers Krieg: Kriegsfinanzierung und finanzielles Kriegserbe in Deutschland 1933–1948* (Paderborn, 1985), 33.

30 мая Геринг уведомил армию о том, что «в отношении денег <...> в будущем нам больше не придется беспокоиться <...> о решении этого вопроса должно было позаботиться политическое руководство»³⁵. Хотя Рейхсбанк не отступал от своей линии в отношении облигаций *Mefo*, для финансирования громадных военных расходов использовались краткосрочные казначейские облигации (*Schatzanweisungen*), первоначально созданные для того, чтобы дать Рейху гибкий финансовый инструмент ограниченного использования. С апреля по октябрь 1938 г. одна лишь германская армия истратила не менее 4,9 млрд рейхсмарок, что составляло более 5% общего национального дохода³⁶. За календарный год доля военных расходов в национальном доходе достигла 19%.

Этот резкий рост военных расходов ознаменовал собой решающую развилку. Вплоть до 1938 г., несмотря на чрезвычайно быстрый рост сектора вооружений, приводивший к отдельным компромиссам (особенно в отношении приоритетов по импорту), в своем развитии он тем не менее не обгонял другие секторы экономики. В сравнении с провалом 1932 г. к 1937 г. и в сфере деловых инвестиций, и в сфере семейного потребления намечилось скромное восстановление. Это стало возможным главным образом благодаря огромному резерву незадействованных ресурсов. Армия безработных, составлявшая в 1933 г. 6 млн человек, позволяла одновременно и увеличивать расходы на вермахт, и возрождать гражданскую экономику. Главным фактором, препятствовавшим развитию германской экономики, служили внешние ограничения, накладываемые платежным балансом. К 1938 г. германская экономика достигла пределов, задаваемых этим типом экстенсивного экономического роста. Было невозможно согласовать 70-процентное увеличение военных расходов и крупномасштабные инвестиции в рамках Четырехлетнего плана с дальнейшим ростом потребления. Несмотря на ежегодный рост производства на 8%, семейное потребление застыло на одном уровне³⁷. Но констатация этого факта не дает представления о болезненном процессе корректировки, происходившем в германской экономике. Более показательным является такой критерий, как сталь. В пересчете на сталь количество материалов, доступных для использования в невоенных целях, с марта по июль 1938 г. сократилось на 25%, с уровня в 1345 млн

35. ВАМА RH15/150, 108.

36. M. Geyer, «Rüstungsbeschleunigung und Inflation», MGM 30 (1981), 145.

37. См. цифры, пересчитанные с учетом уровня цен, в: A. Ritschl, *Deutschlands Krise und Konjunktur 1924–1934* (Berlin, 2002), table B.8.

тонн до 1041 млн тонн³⁸. Этот откат был бы еще более серьезным, если бы не принятое в конце 1937 г. решение до предела увеличить выплавку стали в Германии. Благодаря мобилизации всей доступной рабочей силы и лома, а также специальным поставкам высококачественной шведской железной руды, германские сталеплавильные заводы в 1938 г. достигли рекордного годового производства, составлявшего почти 21,5 млн тонн³⁹. Поскольку американская экономика снова скатилась в рецессию, Германия (по крайней мере ненадолго) заняла первое место в мире по производству стали.

Последствия этого перераспределения ресурсов для остальной германской экономики, несомненно, были очень печальными. Но в условиях, когда война казалась неизбежной, нацистское руководство не колебалось. Летом 1938 г. Геринг заявил представителям армии: «Вооруженные силы не должны беспокоиться о судьбе экономики. Всю полноту ответственности за это несет фельдмаршал [т.е. сам Геринг]: крах некоторых секторов экономики не имеет значения. Мы что-нибудь придумаем. Рейх не оставит экономику без поддержки»⁴⁰. 8 июля, выступая с важной речью перед ведущими представителями авиационной промышленности, Геринг затронул и вопрос последствий нового подхода для отдельных предпринимателей. В те моменты, когда эмоции мешали ему связно выразить свои мысли, он бил кулаком по столу. Германия столкнулась с возможностью «мировой войны, в которой» в число ее врагов войдут «Франция и Англия, Россия [и] Америка в качестве главных сил»⁴¹. Геринг не сомневался в том, что даже если Америка не вступит в войну в качестве сражающейся страны, Великобритания и Франция смогут опираться на ее «колоссальные запасы сырья»⁴². С учетом возможностей этой грандиозной коалиции немцев ожидает «величайший судьбоносный час в истории Германии». И все должно быть поставлено на крупномасштабную программу вооружений. «Я утверждаю не кривя душой — мы не сможем спасти свое отечество, если только не принесем в жертву этому все наши страсти». Германской промышленно-

38. Geyer, «Rüstungsbeschleunigung», 163. См. Приложение, таблица А3.

39. Об этом целенаправленном ускорении см.: ВАН R131 606, 178–86, 151–69, 111–20, 66–75, 51–3, R131 692, 105–20 и BAL R8122, 347.

40. Sarholz, «Auswirkungen», 309; B. R. Kröner, «Der starke Mann im Heimatkriegsgebiet»: *Generaloberst Friedrich Fromm. Eine Biographie* (Paderborn, 2005), 314–15.

41. Эта и последующие цитаты приводятся по: IMT XXXVIII. 376–400, R-140.

42. Весной 1938 г. Геринг уже понимал, что США должны считаться врагом национал-социализма: A. O. Offner, *American Appeasement: United States Foreign Policy and Germany, 1933–1938* (Cambridge, Mass., 1969), 242–3.

сти следует забыть все свои опасения в отношении избыточных мощностей и долгосрочной прибыльности. Все, что имеет значение — победа в войне.

Однако ради достижения этой цели мы должны пойти на риск. Мы должны поставить на карту все лучшее <...> никто из нас не существует сам по себе <...> судьба всех нас связана с судьбой Германии <...> Неважно, если кто-то говорит: «Я отвергаю национал-социалистическую систему». Мне все равно. Пусть себе отвергает, все равно это та система, которая в данный момент решает судьбу Германии. Именно поэтому он волей-неволей будет с нами сотрудничать <...> Господа!.. я вмешаюсь не колеблясь ни секунды — да-да, ни секунды, как я уже доказал в связи с другим вопросом [речь идет о *Reichswerke*] — и разом конфискую <...> весь бизнес, если приду к выводу, что его непонятливый владелец смотрит на мир с перспективы стульчака своего предприятия [*Klosetedeckelhorizont*] и не в состоянии проявить чуть больше дальновидности <...> и он должен будет уйти. Один росчерк моего пера — и он останется без своего бизнеса и без своей собственности.

Абстрагируясь от неприкрытых угроз Геринга, очевидно, что экономическая администрация Рейха в полной мере понимала проблему макроэкономического менеджмента, вставшую перед ней в 1938 г.⁴³ Отдел экономического анализа Рейхсбанка по крайней мере с 1936 г. анализировал проблему избыточного спроса и связанных с ним опасностей. В конце июня 1938 г. при Рейхсминистерстве экономики был создан специальный отдел, призванный управлять государственными инвестициями⁴⁴. Этот отдел, опираясь на самую изощренную систему макроэкономической статистики в западном мире, занимался мониторингом конкурирующих запросов, предъявлявшихся к немецкой экономике⁴⁵. Ни одна капиталистическая экономика в мирное время еще никогда не работала при таком уровне военных расходов, который планировался в нацистской Германии. Если власти Рейха были решительно намерены добиваться выполнения приоритетов, определенных вермахтом и Четырехлетним планом, на перевооружение отныне должно было направляться существенно больше 20% национального дохода.

43. См. чрезвычайно профессиональный разбор в: Gerold von Minden, *Wirtschaftsführung im Grossdeutschen Reich* (Berlin, 1939). Минден был советником Функа в качестве *Generalbevollmächtigter für die Wirtschaft* (генерального уполномоченного по экономике).

44. BAL R31022700.

45. J. A. Tooze, *Statistics and the German State 1900–1945: The Making of Modern Economic Knowledge* (Cambridge, 2001), 177–245.

Вопрос заключался в том, как организовать эту колоссальную перекачку средств. Быстрее всего это можно было сделать путем перераспределения таких видов сырья, как сталь и медь. Теоретически остановка строек, имевших низкий приоритет, путем сокращения их квот на сталь также должна была высвободить другие дефицитные ресурсы, включая рабочую силу и технику. Но это в лучшем случае был малоэффективный механизм, о чем свидетельствовали усеявшие Германию незаконченные стройки, полные бездельничающих рабочих и техники, простаивающей в ожидании, когда приоритеты в распределении стали снова изменятся в их пользу. Но количественное нормирование было не единственным способом управления экономикой. Несмотря на агрессивную риторику Геринга, деньги и цены сохраняли в Третьем рейхе свое значение. Даже в сталеплавильной отрасли, отныне подчинявшейся всеобъемлющей системе управления и контроля, транзакции завершались денежными выплатами. В условиях, когда частная собственность продолжала быть нормой, главным стимулом к производству оставалась прибыль. И с этой точки зрения проблема, вставшая перед властями Рейха, представляла собой классическую проблему макроэкономического менеджмента: как регулировать общий объем спроса, чтобы соблюдать важнейшие приоритеты — вооружение и автаркию, — но в то же самое время не допустить в Германии инфляции?

Перед рейхсминистерствами стояла проблема избыточного спроса. За вычетом потребительских расходов, финансируемых непосредственно из доходов домохозяйств, общий объем запланированных государственных расходов и деловых инвестиций, составлявших одну сторону уравнения, существенно превышал объемы доступных источников финансирования, а именно налоговых поступлений, нераспределенной прибыли деловых предприятий и сбережений домохозяйств. По оценкам РМЭ, в 1938 г. этот разрыв должен был составить не менее 8,1 млрд рейхсмарок⁴⁶. Для сравнения можно отметить, что налоговые и таможенные поступления Рейха и местных властей достигали 22,2 млрд рейхсмарок. К 1938 г. германские домохозяйства уже откладывали в виде сбережений необычайно высокую долю своих доходов, что не позволяло надеяться на заметный рост «финансирования» из этого источника. Поэтому главными альтернативами служили рост налогов и сокращение частных инвестиций. Распространена точка зрения, согласно которой Третий

46. См. диаграммы и статистические оценки в: BAL R31023154.

рейх мог бы еще сильнее поднять налоги⁴⁷. Но при этом игнорируется тот факт, что в Германии в конце 1930-х гг. налоги и без того были самыми высокими в Европе⁴⁸. С учетом скромного уровня жизни германского населения не стоило особо рассчитывать на крупные поступления от подоходного налога или налога на потребление. Поэтому Министерство финансов применило выборочный подход. Осенью 1938 г. был повышен налог на прибыль организаций⁴⁹. Одновременно с этим государство ограбило закрома местных властей, перенаправив сотни миллионов рейхсмарок на достижение общенациональных целей. А Рейхсминистерство финансов издало строгое предписание о прекращении строительных проектов за счет государства, проводившихся без прямого разрешения Берлина⁵⁰. С целью гарантировать, что львиная доля частных сбережений достанется Рейху, а не частному сектору, Рейхсбанк оказывал систематический нажим на сберегательные банки и страховые компании, добиваясь того, чтобы они вкладывали свои средства в государственные облигации и краткосрочные бумаги⁵¹. Наиболее драматичными были целенаправленные усилия государства по пресечению частного строительства — самой важной формы частных инвестиций. Осенью 1938 г. Рейхсбанк полностью запретил выдачу новых ипотечных займов⁵². С учетом значения, которое имели государственные и частные строительные контракты для десятков тысяч мелких компаний по всей стране, а также значимости нехватки жилья как социальной проблемы, роль этих ограничений едва ли удастся переоценить. В тот момент, когда Германии угрожала самая сильная нехватка жилья в ее истории, летние указы 1938 г. означали конец жилищного строительства, финансируемого государством. В этих обстоятельствах впавший в отчаяние служащий жилищного отдела при Бюро труда отме-

47. Последней работой, в которой она нашла выражение, является G. Aly, *Hitlers Volkstaat* (Frankfurt, 2005).

48. По крайней мере так непрерывно утверждала бюрократия Рейха. См. состоявшуюся в мае 1938 г. дискуссию об относительных финансовых возможностях в: BAL R25016639, 292–307, публичное оправдание, предложенное в R25016521, 1–17, и всеобъемлющее сопоставление ставок налогов в R25016652, демонстрирующее, что налоги на заработную плату и жалованье в Германии были выше, чем где-либо в Северо-Западной Европе. Налоги на капитал для большинства категорий фирм были в Германии выше, чем где-либо, за исключением Франции.

49. Ощущение безотлагательной необходимости, стоявшее за этим решением, хорошо передано в: *Der Deutsche Volkswirt*, 12, 5.08.1938, 45.

50. IMTXII. 503–9, NG-5328, циркуляры из Krosigk, 5.07.1938.

51. См. оценки возможностей финансирования в: BAL R25016639, 339–41, 347–64.

52. Deutsche Bau- und Bodenbank, *Die Entwicklung der deutschen Bauwirtschaft im Jahre 1938* (Berlin, 1939), 6–7, 28–9.

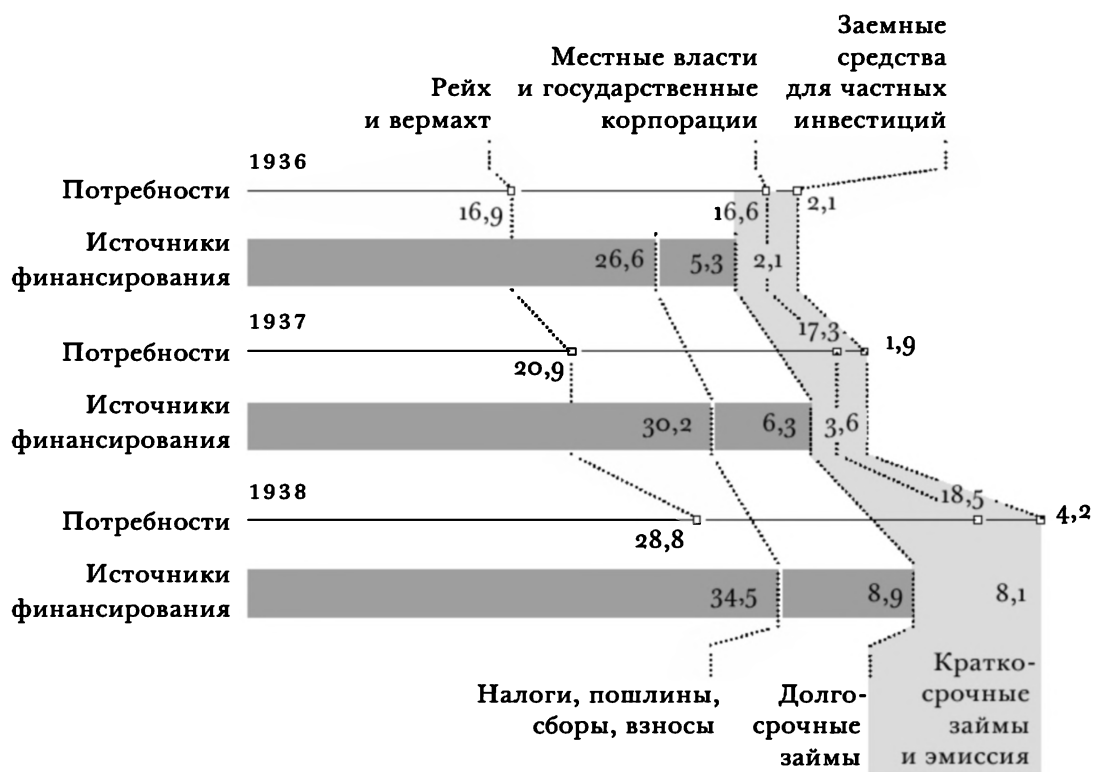

РИС. 9. Инфляционный дисбаланс между потребностями в финансах и доступными средствами с точки зрения современников, млрд рейхсмарок

тил, что отныне неизбежны «Жестокий кризис доверия [к государству] и озлобленность»⁵³.

Нехватка жилья, несомненно, представляла собой серьезную проблему. Но с точки зрения властей Рейха еще было тревожным влияние недостатка инвестиций на состояние германских железных дорог. К 1938 г. *Reichsbahn* (Немецкие железные дороги) все хуже и хуже справлялся с одновременными запросами вермахта и растущей экономики. Инвестиции в эту сферу сильно сократились из-за дефицита стали. В 1938 г. *Reichsbahn* сумел получить менее половины стали, требовавшейся ему для обслуживания существующей железнодорожной инфраструктуры и подвижного состава⁵⁴. Начиная с лета вся железнодорожная система работала с серьезными перебоями. На рабочих всячески давили, добиваясь от них ускорения погрузочных и раз-

53. T. Harlander, *Zwischen Heimstätte und Wohnmaschine: Wohnungsbau und Wohnungspolitik in der Zeit des Nationalsozialismus* (Basle, 1995), 139–40.

54. A. C. Mierzejewski, *The Most Valuable Asset of the Reich: A History of the German National Railway*, II: 1933–1945 (Chapel Hill, NC, 2000), 67–9.

грузочных операций. Но к последним дням сентября, в самый разгар Мюнхенского кризиса, железные дороги были готовы встать. Вовремя удовлетворялось менее половины всех заявок на товарные вагоны. Выход мог быть найден только в скрытой системе нормирования, в рамках которой приоритет отдавался в первую очередь нуждам вермахта, а затем скоропортящимся продуктам питания, углю, сахарной свекле и срочным экспортным заказам⁵⁵. Власти делали все, чтобы замалчивать технические доклады о деградации системы⁵⁶. Но симптомы перенапряжения и дезорганизации были слишком очевидными для того, чтобы их удалось скрыть от общественности. Осенью 1938 г. товарные поезда регулярно уходили со станций, увешанные красными листками предупреждений о неисправных тормозах, а деградация железнодорожной сети, которой Германия прежде так гордилась, приобрела такой размах, что об этом заговорила даже международная печать⁵⁷.

За фасадом системы по контролю над ценами и нормированию к лету 1938 г. стал ясен очевидный факт: начавшийся в 1933 г. непомерный рост военных расходов привел к сильнейшему дисбалансу в экономической жизни страны. По крайней мере к этому выводу пришли участники конференции 2 июня 1938 г., на которой присутствовали многие из наиболее заслуженных германских экономистов, прибывшие на нее по приглашению Рейхсбанка и военно-экономического управления вермахта⁵⁸. Конференция открылась выступлением Шахта по вопросам денег и кредита, вызвавшим продолжительную дискуссию. После конференции Рейхсбанк составил список ключевых моментов, дающий хорошее представление о том, какие вопросы занимали политическую элиту нацистской Германии в лето Судетского кризиса. В список входили следующие пункты:

- Технологии финансовых «паллиативов» (*Mefo* и пр.);
- опасности, связанные с неконсолидированным долгом Рейха;
- пределы государственной задолженности;
- возможности по дальнейшему ограничению потребления;
- контроль, осуществляемый Рейхсбанком над формированием денежной базы и кредита; ...
- возможности по удовлетворению неизбежного роста спроса на кредит со стороны делового сектора;

55. Ibid., 54–6.

56. *Deutschland Berichte*, 5, 5.11.1938, 1221.

57. «The Difficulties of Germany's Railways», *The Economist*, 3 June 1939, 544.

58. Краткий протокол конференции содержится в: BAL R25016520.

- угроза дефляции в случае сокращения государственных заказов;
- угроза «пузырей» за пределами государственного сектора (кредиты на куплю-продажу в рассрочку...);
- угрозы, связанные с ложной видимостью оборотного капитала;
- угрозы, связанные с самофинансированием [бизнеса].

В завершение в протоколе отмечалось, что конференция выполнила свою задачу в том смысле, что «по важнейшим моментам» она позволила достичь «широкого консенсуса между Рейхсбанком и военно-экономическим управлением вермахта с одной стороны и экономистами с другой стороны». Участники конференции пришли к единодушному выводу о том, что главная проблема — каким образом обеспечить взаимное соответствие между запросами государства (иными словами, перевооружением) и возможностями германской экономики. Кроме того, экономисты согласились со своими хозяевами в том, что «мы уже переступили <...> опасную черту и что инфляция в экономике мирного времени будет столь же бесплодной, сколь и неприемлемой психологически».

III

Двумя сферами, вызывавшими наибольшее беспокойство летом 1938 г., являлись рынок труда и нараставший хаос в германской системе цен⁵⁹. Обе они были тесно связаны друг с другом. По любым традиционным стандартам германская экономика в 1938 г. была свободна от безработицы. Более того, Германия страдала от острой нехватки рабочей силы⁶⁰. Во многих отраслях и рабочая сила, и оборудование были «перегружены». 14 июля 1938 г. Министерство труда докладывало в рейхсканцелярию о том, что во всем *Altreich* (Германия в границах до аншлюса) насчитывается всего 292327 безработных, что составляло немногим более 1% всей рабочей силы. И из этого числа лишь 28 тыс. человек были вполне работоспособны⁶¹. В последнем квартале 1938 г. на биржах труда в Берлине — одном из важнейших центров промыш-

59. С конца декабря 1937 г. Рейхсбанк начал составлять свои собственные обзоры инфляции в сфере заработков и цен, независимые от официальных данных, публиковавшихся Статистическим бюро Рейха: BALR25016581, 353–91.

60. IfK, *Supplement to Weekly Report*, 26 January 1938, «The Limits of the Labour Supply».

61. T. Mason, *Arbeiterklasse und Volksgemeinschaft* (Opladen, 1975), doc. 144, Schreiben des RAM 14.07.1938, 836.

ленного производства в Германии — было зарегистрировано всего 35170 безработных, из которых полностью работоспособными было не более 6 тыс. Из этого числа не менее трети составляли «лица творческих профессий», то есть начинающие актеры и музыканты, которые в качестве оплачиваемых членов корпорации творческих работников Рейха пользовались привилегированным статусом. Работа с этой богемной прослойкой служила источником головной боли для служащих берлинских бирж труда, сталкивавшихся со «вспышками гнева» и «бесконечными жалобами» в тех случаях, когда этим лицам всего лишь «предлагали подумать» о смене профессии. Берлинский уполномоченный по труду позволил себе поистине филистерскую ремарку: когда нация находится в опасности, существование «такого большого числа полностью трудоспособных *Volksgenossen*, освобожденных от <...> направления на работу в принципиально иной сфере занятости», совершенно неприемлемо⁶².

Не исключено, что служащим Министерства труда было бы проще, если бы не последствия заморозки зарплаток, объявленной в ноябре 1936 г. наряду с заморозкой цен. Благодаря этой мере избыточный спрос не вылился в общую инфляцию зарплаток. Но это же привело к ликвидации рыночного механизма, осуществлявшего «спонтанное» перемещение рабочей силы в наиболее приоритетные секторы. В этом отношении гитлеровский режим тоже лишил себя одного из самых эффективных, гибких и ненавязчивых механизмов устранения дефицита. Более того, к 1938 г. страх перед инфляционным давлением, нависавшим, как было всем известно, над германской экономикой, был настолько сильным, что любая гибкость при установлении величины зарплаток могла восприниматься как проявление недисциплинированности или даже саботажа⁶³. Если рынку не позволяли функционировать, то логическая альтернатива заключалась в распределении рабочей силы административными мерами, как при нормировании стали. И к 1938 г. Третий рейх явно двигался в этом направлении. Со времен массовой безработицы начала 1930-х гг. государственные биржи труда отслеживали все большую долю рабочей силы с помощью подробных картотек, в которых фиксировалась трудовая биография работавших по найму⁶⁴. В 1935 г. эту информационную систему

62. Ibid., 898.

63. Эта тема часто встречается в документах, собранных в: ibid., 601–979.

64. H. Kahrs, «Die ordnende Hand der Arbeitsämter: Zur deutschen Arbeitsverwaltung 1933 bis 1939», in W. Gruner et al., *Arbeitsmarkt und Sondererlass: Menschenverwertung, Rassenpolitik und Arbeitsamt* (Berlin, 1990), 9–61.

привели в полное соответствие с трудовыми книжками, которые стали обязательными. Они полагались каждому трудящемуся, занятому в германской экономике, и содержали полные сведения об его образовании, уровне квалификации и прежних местах работы⁶⁵. Один экземпляр трудовой книжки хранился на местной бирже труда, второй — у нанимателя. Более того, в начале 1930-х гг., в рамках усилий по устранению самых серьезных очагов безработицы, трудовая администрация приняла меры к ограничению региональной миграции. В какой-то момент в попытке удержать рабочую силу в деревне биржи труда даже запрещали людям, прежде работавшим в сельском хозяйстве, менять сферу занятости. В феврале 1937 г. потребности, связанные с Четырехлетним планом и перевооружением, вызвали необходимость в особом указе, распространявшемся на металлистов. Он запрещал им менять работу без разрешения⁶⁶. А после того как процесс вооружения приобрел еще больший размах, по изданному Герингом 22 июня 1938 г. Указу о выделении рабочей силы для решения задач особой государственной значимости (*Verordnung zur Sicherstellung des Kräftebedarfs für Aufgaben von besonderer staatspolitischer Bedeutung*) государство получило широкие мобилизационные полномочия⁶⁷. Рабочих можно было перевести на новое место на любой срок, необходимый Рейху, в то время как бывшие наниматели должны были сохранять за ними их прежние места. К концу 1939 г. такому принудительному переводу подверглось не менее 1,3 млн трудящихся⁶⁸.

Хотя принуждение не являлось нормой по отношению к немецким трудящимся (аналогично ситуации с деловыми кругами), отныне появилась возможность вмешательства государства в трудовую жизнь каждого человека — если это понадобится для решения задач по перевооружению страны. В этом, как и во многих других отношениях, гитлеровский режим летом 1938 г. явно пересек черту. Однако нет ничего особо удивительного и в том, что нормирование рабочей силы функционировало еще менее гладко, чем нормирование стали. Указ, запрещавший давать работу в промышленности аграрным работникам, пришлось отменить, поскольку деревенские жители, стараясь не допустить, чтобы действие этого указа распространялось

65. R. von Valta, «Das Arbeitsbuch in der Statistik», *Allgemeines Statistisches Archiv*, 27 (1937–81, 263–73.

66. Mason, *Arbeiterklasse*, 251.

67. Вермахт и трудовая администрация совместно пришли к выводу о необходимости такого указа тремя неделями ранее. См.: ВАМА RH15/150, 109–10.

68. Mason, *Arbeiterklasse*, 127, 735–43.

на их детей — для чего не позволяли им заниматься сельским трудом⁶⁹. В то же время в германских городах попытка отключить рыночные механизмы найма в главных очагах инфляции привела лишь к ограниченному успеху. В конце концов ни наниматели, ни работники не были заинтересованы в соблюдении официальных ограничений на заработную плату. Работники хотели получать больше денег, а наниматели — стремившиеся воспользоваться экономическим бумом — были готовы платить за их труд. С учетом формального запрета на повышение заработной платы рост заработков приобрел скрытый характер, принимая форму ускоренного повышения в должности, повышенного статуса учеников, схем переобучения, премий при найме, улучшении условий труда и различных «соцпакетов». Масштабы этого «ползучего роста заработков» зависели от того, в какой степени наниматели подвергались прямому официальному надзору. По иронии судьбы непосредственные производители вооружений, которых контролировали государственные инспекторы, нередко находились в невыгодном положении по сравнению со своими субподрядчиками и поставщиками, привлекавшими к себе меньше внимания. Тем не менее к концу 1938 г. происходящие в шкале заработной платы искажения стало невозможно отрицать⁷⁰. Более того, хотя эти искажения осуждались (как симптомы инфляционной недисциплинированности), хотя складывавшаяся система различий в заработной плате страдала от некоторой произвольности, эти нелегальные денежные стимулы представляли собой чрезвычайно успешный механизм по перемещению рабочей силы в те секторы, где она была больше всего нужна. В то время как в потребительских отраслях — таких, как текстильная и швейная, — было занято меньше людей, чем в 1929 г., число занятых в таких отраслях, как машиностроительная и электротехническая, резко возросло. Этот рост нельзя было объяснить одними лишь административными мерами.

Если в металлообрабатывающем, химическом и строительном секторах наблюдался бум, то инфляционная битва за ресурсы больно ударила по самому слабому сектору немецкой экономики — сельскому хозяйству⁷¹. На подавляющем большинстве ферм использовался преимущественно труд членов семьи,

69. G. Corni and H. Gies, *Blut und Boden: Rassenideologie und Agrarpolitik im Staat Hitlers* (Idstein, 1994), 168.

70. См. секретный доклад Рейхсбанка в: BAL R25016581, 353–72.

71. Об анализе *Landflucht* (бегства из деревни), произведенном Статистическим бюро Рейха, см.: P. Bramstedt, «Lohngefälle und Landflucht», *Die Deutsche Volkswirtschaft*, 8 (1939), 285–90.

ТАБЛИЦА 8. Профессиональный состав рабочей силы Германии в 1933 и 1938 гг., тыс. человек

	Перепись 1933 г.	Статистика 1938 г. по трудовым книжкам	Изменение	Относи- тельное изменение, %
Сельское хозяйство	2494	1981	-513	-21
Текстильная и швейная пром.	2030	1701	-329	-16
Пищевая пром.	1207	953	-254	-21
Торговля	2686	2494	-192	-7
Здравоохранение и соц. работники	595	494	-101	-17
Деревообработка	689	623	-66	-10
Добыча полезных ископаемых	756	713	-43	-6
Сектор развлечений	124	84	-40	-32
Транспорт	983	975	-8	-1
Итого	11564	10018	-1546	-13
Водо-, газо- и электроснабжение	188	195	7	4
Бумажная пром. и полиграфия	499	521	22	4
Произ-во стройматериалов	587	632	45	8
Химическая пром.	353	453	100	28
Домашняя прислуга	1280	1438	158	12
Черная металлургия	1314	1533	219	17
Строительство и смежные отрасли	1745	2071	326	19
Госслужба	725	1226	501	69
Машиностроение и проч.	1561	2307	746	48
Итого	8252	10376	2124	26

Источник: T. W. Mason, *Arbeiterklasse und Volksgemeinschaft* (Opladen, 1975), 1247-8

но ни одна ферма площадью более 20 га не могла обойтись без наемного труда. На *Bauerntag* (крестьянском съезде) 27 ноября 1938 г. Вальтер Дарре был вынужден объявить, что согласно последнему исследованию трудовых книжек, проведенному трудовой администрацией, количество наемных сельских работников с 1933 г. сократилось на 400 тыс. человек, что означало снижение их численности почти на 20% всего за пять лет. С учетом естественного прироста, которого, по мнению Дарре, следовало ожидать, он приходил к шокирующему выводу о том, что число трудящихся, потерянных для сельского хозяйства после 1933 г.,

составляло 700 тыс. человек⁷². Разумеется, сельскохозяйственный труд давно находился на нижних ступенях профессиональной иерархии. Но теперь идеологи нацистского аграризма с их расистским мировоззрением опасались того, что аграрный труд становится средоточием наименее ценных элементов немецкого общества⁷³. Эксперты ИЗС запугивали себя исследованиями наподобие того, которое проводилось в окрестностях Геттингена и выявило четыре случая умственной отсталости и два случая принудительной стерилизации (как психически или расово неполноценных) в выборке всего из 26 незамужних девушек. Не лучше была ситуация в Мариенбурге, где в выборке из 38 девушек было выявлено шесть случаев умственной отсталости и один случай принудительной стерилизации. Нужно ли говорить, что совсем не так Дарре и его приспешники представляли себе будущее новой деревни.

Может показаться странным, что в момент судьбоносных событий на международной арене мы возвращаемся к мирным полям сельской Германии. Но нет никаких сомнений в том, что летом 1938 г. руководство Третьего рейха считало вполне реальной такую угрозу, как дефицит продовольствия в стране. В глазах аграриев — которые были сильным лобби сами по себе, а вдобавок обладали важными связями с идеологическим ядром Нацистской партии, — проблемы в сельском хозяйстве ставили под сомнения все достижения гитлеровского правительства. Но в первую очередь в кругах ИЗС распространялось беспокойство в отношении того, каким образом фермеры реагировали на нехватку рабочей силы. Женщины, живущие на фермах, представляли собой самую перегруженную работой группу сельского населения, и самым очевидным способом уменьшить бремя приходившегося на их долю труда было снижение числа детей⁷⁴. В Нижней Саксонии, сердце германского крестьянства, число детей, приходящихся на одну семейную пару, всего за одно поколение сократилось на 33%⁷⁵. В то же время нехватка

72. G. Corni, *Hitler and the Peasants: Agrarian Policy of the Third Reich, 1930–1939* (Oxford, 1990), 220.

73. A. Schürmann, «Niedersachsen», in K. Meyer and K. Thiede (eds.), *Die ländliche Arbeitsverfassung im Westen und Süden des Reiches: Beiträge zur Landfluchtfrage* (Heidelberg, 1941), 31.

74. D. Münkler, «„Du, deutsche Landfrau bist verantwortlich!“ Bauer and Bäuerin im NS», *Archiv für Sozialgeschichte*, 38 (1998), 141–64; B. Herlemann, «Der Bauer klebt an Hergebrachten»: *Bäurlicher Verhaltensweisen unterm NS auf dem Gebiet des heutigen Landes Niedersachsen* (Hanover, 1993), 169–71; S. Jacobeit, «Zum Alltag der Bäuerinnen in Klein- und Mittelbetrieben während der Zeit des deutschen Faschismus 1933 bis 1939» *JbW* 1 (1982), 7–30.

75. Schürmann, «Niedersachsen», 35.

рабочей силы угрожала и усилиям ИЗС по увеличению объемов отечественного производства. Сбор урожая уже в 1937 г. носил все приметы чрезвычайной «акции»⁷⁶. Ряды сельскохозяйственных рабочих были пополнены за счет призванных по линии Трудового фронта, военнослужащих, заключенных и школьников. Но еще более тревожными были признаки того, что хроническая нехватка рабочей силы заставляет германские коммерческие фирмы возвращаться к более трудоемким методам производства. После проведенной в 1938 г. переписи скота Имперское земельное сословие ощутило крайнюю озабоченность судьбой молочного скота⁷⁷. Несмотря на то что мелкие изменения объемов производства, заметные в германской сельскохозяйственной статистике, едва ли могли внушить случайному наблюдателю острое чувство тревоги, нет сомнений в том, что в Берлине к ним относились со всей серьезностью. Согласно преобладавшей в Третьем рейхе точке зрения крушение тыла во время Первой мировой войны объяснялось неспособностью обеспечить страну продовольствием. А такая влиятельная фигура, как Людвиг Бек, начальник генерального штаба армии, неоднократно подчеркивал, что удовлетворительный урожай 1938 г. является ключевой предпосылкой готовности к войне⁷⁸. Существовало реальное беспокойство в отношении того, что полная мобилизация армии, которой требовались и люди, и лошади, поставит ситуацию с рабочей силой в сельском хозяйстве на грань катастрофы. И отчасти именно по этой причине Гитлер запланировал удар по Чехословакии на октябрь, когда урожай уже давно должен быть собран.

Отток рабочей силы из сельского хозяйства объяснялся громадным различием в заработках и в уровне жизни между городом и деревней. Этот дисбаланс служил в Германии двигателем трудовой миграции по крайней мере с середины XIX в. Острая нехватка рабочей силы в конце 1930-х гг. лишь ускорила этот процесс. Особенно привлекательной для неквалифицированных сельских рабочих была переживавшая расцвет строительная отрасль. На авральное возведение «Западного вала» вдоль границы с Францией возлагалась вина за полный хаос на западногерманском рынке рабочей силы⁷⁹. Во второй половине 1938 г. сельские кабаки гудели слухами о баснословных деньгах, которые можно заработать на новой грандиозной стройке фюрера.

76. Corni and Gies, *Blut und Boden*, 167–9.

77. Ibid., 56, 171–82.

78. Müller, *Beck*, 493–6, 521–8; Geyer, «Rüstungsbeschleunigung», 136.

79. Geyer, «Rüstungsbeschleunigung», 154.

А Рейхсминистерство труда особо упоминало одного счастливого, который у себя на ферме подучился работать с бетоном и получил место инспектора на строительстве Западного вала с невероятным окладом в 350 марок в месяц. Как неодобрительно отмечали сотрудники министерства, «Вскоре после этого фермер навестил родную деревню, одетый с иголочки, и стал предметом всеобщего внимания в местной пивной»⁸⁰. Рассказывали, что некоторые квалифицированные строительные рабочие зарабатывали больше, чем старшие армейские офицеры. И это не было случайностью. В мае 1938 г. Гитлер изъял сооружение «Западного вала» из ведения строительного управления армии и поручил его Фрицу Тодту, легендарному строителю автобанов. Миссия Тодта заключалась в том, чтобы любой ценой завершить постройку укреплений до начала военных действий. Указ Геринга о призыве рабочей силы наделял Тодта всеми необходимыми юридическими полномочиями для того, чтобы он мог набрать четверть миллиона рабочих, которые требовались на стройке⁸¹. Но в духе подхода, наиболее типичного для германской экономики конца 1930-х гг., Тодт предпочел дополнять принуждение денежными стимулами. Подрядчики, привлеченные к строительству «Западного вала», были освобождены от обычных требований, предъявлявшихся к военным поставкам, что позволяло им наращивать и свои прибыли, и фонд заработной платы. К лету 1939 г. Тодт справился с заданием. Самые уязвимые отрезки западной границы Германии были защищены тысячами бункеров и артиллерийских позиций. Однако это было достигнуто за счет сильнейшего инфляционного шока на рынке труда.

Таким образом, сельское хозяйство служит хорошим примером главной проблемы, влиявшей на управление немецкой экономикой летом 1938 г.: дезориентацию при принятии решений, вызванную политизацией всех аспектов экономической жизни. Кому было решать, сколько должны зарабатывать сельскохозяйственные рабочие? По мнению ИЗС, низкие заработки селян отражали в себе сохранявшуюся недооценку сельскохозяйственного труда — печальное идеологическое наследие, доставшееся Третьему рейху от его коррумпированных предшественников. Для того чтобы подтвердить этот тезис, аграрии из ИЗС сопоставили долю национального дохода на душу населения, приходящуюся на трудящихся в промышленности и в сельском

80. Mason, Arbeiterklasse, doc. 150, 866.

81. Данные о строительстве Западного вала и о занятой на нем рабочей силе см. в: IWM EDS, Mi. 14/351-

хозяйстве, и пришли к выводу о том, что труд на фермах недооценивается не менее чем на 25%⁸². ИЗС считало, что необходимо «восстановить баланс» между заработками в сельском хозяйстве и промышленности, и предлагало несколько решений этой задачи⁸³. Один из вариантов заключался в том, чтобы взимать с горожан за поставляемые им продукты питания по крайней мере на 10% больше, так как это позволило бы ликвидировать «избыточный» городской спрос и увеличить заработки сельскохозяйственных рабочих. Если этот вариант отвергнут как инфляционный, ИЗС предлагало удлинить на час рабочий день в промышленности, а соответствующую выручку передавать в сельское хозяйство — фактически эта мера была бы эквивалентна обложению городских доходов 10-процентным налогом. Наконец, ИЗС высказывалось за общую дефляцию всех городских цен и заработков с тем, чтобы привести их в соответствие с ценами и заработками в сельском хозяйстве.

Помимо того потрясения, которым бы стали любые из этих мер для городской экономики, достойны внимания предположения, на которых основывались аргументы ИЗС. Оно исходило из предпосылки о равноценности всех видов труда, которая заставляет ожидать равномерного распределения дохода на душу населения по всей экономике. Это предположение противоречит любым «классическим» экономическим теориям. Согласно последним, относительный доход в конечном счете отражает производственный вклад страны, выраженный в ценах, определяемых спросом и предложением. С этой точки зрения бедность немецкой деревни объяснялась очень просто: низкая производительность труда. Согласно традиционным оценкам, производительность более чем 9 млн человек, трудившихся на немецких фермах, составляла примерно половину производительности типичного несельскохозяйственного работника⁸⁴. На самом деле в деревне не хватало не рабочей силы, а капитала и технологий, необходимых для ее эффективного использования. Подобные сопоставления производительности труда, разу-

82. W. Bauer and P. Dehen, «Landwirtschaft und Volkseinkommen», Vierteljahrshefte zur Wirtschaftsforschung, 13 (1938–9), 411–32; H. L. Fensch, «Die Unterbewertung der Landarbeit in den verschiedenen Betriebsgruppen der deutschen Landwirtschaft», *Berichte über die Landwirtschaft*, NS28/2 (1942), 169–224.

83. Corni and Gies, *Blut und Boden*, 171–85.

84. Согласно данным по занятости и добавленной стоимости в постоянных ценах из W. G. Hoffmann, *Das Wachstum der deutschen Wirtschaft* (Heidelberg, 1965), 205–6, 454, добавленная стоимость на душу населения в 1936 г. составляла в сельском хозяйстве около 1200 рейхсмарок, а в несельскохозяйственном секторе — 2400 рейхсмарок.

меется, зависят от относительных цен на сельскохозяйственную и промышленную продукцию. А ИЗС требовало поднять цены на продукцию сельского хозяйства, но при этом игнорировало колоссальный разрыв между ценами, по которым немецкие потребители покупали продукты питания, и ценами, преобладавшими на мировых рынках⁸⁵. Однако к концу 1930-х гг. «мировой рынок», насколько дело касалось Германии, становился все более абстрактным понятием. По причине политизации своей торговли Германия уже не покупала товары по «мировым» ценам. Вместо этого сельскохозяйственный импорт становился предметом торга в рамках сложной сети двусторонних сделок, и Германии нередко приходилось платить значительную надбавку за готовность ее торговых партнеров сохранять лояльность Третьему рейху⁸⁶.

Более того, к концу 1930-х гг. политизация германской экономической системы достигла таких масштабов, что стало практически невозможно найти надежные стандарты для определения стоимости как сельскохозяйственного труда, так и любых других товаров. К такому неприятному выводу пришел Рейхсбанк в ряде конфиденциальных докладов об «истинной» внешней стоимости рейхсмарки⁸⁷. К 1938 г. переоцененность рейхсмарки, служившая главной темой дискуссий несколькими годами ранее, уступила место более принципиальной проблеме. Аргументы в пользу девальвации основывались на предположении о существовании связанной системы германских цен, не совпадающих с теми, которые преобладали в других странах, и о том, что эту проблему можно решить, скорректировав внешнюю цену рейхсмарки. По мнению Рейхсбанка, отныне это стало нереально. На протяжении многих лет соотношения, согласно которым одни товары обменивались на другие, определялись не посредством анонимной и непрерывной работы рыночной системы, а рядом импровизированных и непоследовательных политических решений. В результате рейхсмарка с точки зрения ее использования во внешней торговле лишилась сколько-нибудь четкой стоимости. Покупательная стоимость рейхсмарки при внешних транзакциях зависела ис-

85. На этот счет весьма четко высказался рейхскомиссар по ценам Й. Вагнер в: J. Wagner, «Preispolitik und Landwirtschaft», *Die Deutsche Volkswirtschaft*, 1 (1939), 15–17. См. также скептические комментарии в: «Landwirtschaft und Volkseinkommen», *Die Deutsche Volkswirtschaft*, 32 (1939), 1163–4.

86. A. S. Milward, «The Reichsmark Bloc and the International Economy», in G. Hirschfeld and L. Kettenacker (eds.), *Der «Führerstaat»: Mythos und Realität* (Stuttgart, 1981), 377–428.

87. См. доклады в: BAL R25016591, 24–66 и R25016522.

ключительно от того, о каких товарах шла речь и откуда они поступали. Можно привести в пример такой особенно важный товар, как хлопок-сырец: за импорт из Египта Германия платила цену, близкую к мировым, за импорт из Британской Индии переплачивала всего 15%, а своим поставщикам из США — 28%, но хлопок из таких новых источников, как Бразилия и Перу, доставался ей с наценкой не менее чем в 47% и 72% соответственно. Масло из Дании поставлялось в Германию по мировым ценам, а голландские экспортеры получали надбавку в 63%. При этом величина надбавок не зависела от того, о какой стране шла речь. В противоположность громадной переплате за перуанский хлопок переплата за нефтепродукты из этой же страны составляла всего 19%. В том же духе надбавка, выплачиваемая Румынии, составляла от 27% за пшеницу до 48% за кукурузу. При этом аналогичного несоответствия не наблюдалась в торговых сделках с Югославией и Венгрией; они получали менее 30% надбавки и за пшеницу, и за кукурузу. Рейхсбанк делал вывод о том, что дискуссии о «правильной» величине девальвации, требующейся для того, чтобы привести германскую систему цен в соответствие с мировой, становятся все более пустым занятием, «поскольку вся структура цен во внешней торговле по отношению как к товарам, так и к странам, доведена до невероятно хаотического состояния»⁸⁸.

Когда Вальтер Дарре, осенью 1938 г. выступая на общегерманском крестьянском съезде (*Bauerntag*), прямо заявил, что с проблемой сельскохозяйственной рабочей силы удастся справиться лишь в том случае, «если НСДАП <...> примет непреклонное решение преодолеть ее, чего бы это ни стоило»⁸⁹, это не было выражением экономического невежества. Дарре точно обозначил главную силу, диктовавшую распределение ресурсов в нацистской Германии⁹⁰. Но в данном случае призыв Дарре остался тщетным. Нацистское руководство занимали совсем другие вещи. Какой бы серьезной ни казалась ситуация в сельском хозяйстве, совсем не положение доярок и цены на молочные продукты служили реальным источником беспокойства для гитлеровского режима летом 1938 г. После месяцев ожесточенных дискуссий проблема молочного животноводства была решена политическим путем, с помощью повы-

88. ВАР R25016591, 39.

89. Речь Дарре на 6-м крестьянском съезде в Госларе, 27 ноября 1938 г.: W. Darre, *Aufbruch des Bauerntums: Reichsbauerntagreden 1933 bis 1938* (Berlin 1942), 115, 119.

90. Поэтому Корни не прав, называя его воззвание иррациональным. См.: Corni, *Hitler and the Peasants*, 220.

шения закупочных цен на молоко на 2 пфеннига. Поскольку Рудольф Гесс четко дал понять, что рост цен, уплачиваемых потребителями, не подлежит обсуждению, конфликт был решен за счет молочных ферм путем сокращения их прибыльности. Это не снизило спрос на молоко. Не хватило этого и для того, чтобы увеличить небольшие доходы немецких фермеров, занимавшихся молочным животноводством. Но по крайней мере эта мера послужила политическим сигналом о том, что режим не забывает об интересах своих сторонников на селе⁹¹. Реальная проблема, стоявшая перед Третьим рейхом летом 1938 г., заключалась не в том, каким образом справиться с побочными социальными последствиями лихорадочного перевооружения. Главным для режима был вопрос войны и мира. И именно этот жизненно важный вопрос угрожал привести к опасному расколу между различными фракциями в руководстве гитлеровской Германии.

IV

Противники войны на протяжении 1938 г. никогда не проявляли особой сплоченности. В их число входили такие маргинальные консервативные фигуры, как Ульрих фон Гассель и Карл Герделер, а также более влиятельные лица — Ялмар Шахт, Шверин фон Крозиг из Министерства финансов и только что назначенный статс-секретарем в Министерство иностранных дел Карл Фридрих фон Вайцзеккер⁹². Большинство армейских генералов также выступало против войны с Великобританией и Францией. Главным образом они исходили из чисто военных соображений, но некоторые приходили и к более общим выводам — прежде всего Людвиг Бек и сменивший его в должности начальника штаба армии Франц Гальдер. В 1938 г. среди противников преждевременной войны, несомненно, находился даже Герман Геринг, несмотря на роль, сыгранную им в эскалации процесса перевооружения⁹³. Очевидно, что всех этих людей

91. Ibid., 258.

92. G. Ritter, *Carl Gördele und die deutsche Widerstandsbewegung* (Stuttgart, 1954); S. Gillmann and H. Mommsen (eds.), *Politische Schriften und Briefe Carl Friedrich Gördele* (Munich, 2003); R. A. Blasius, *Für Grossdeutschland — gegen den grossen Krieg: Ernst von Weizsäcker in den Krisen um die Tschechoslowakei und Polen* (Cologne, 1981); U. von Hassel, *Die Hassel-Tagebücher 1938–1944: Aufzeichnungen vom andern Deutschlands* (Berlin, 1989).

93. A. Kube, *Pour le Merite und Hakenkreuz: Hermann Göring im Dritten Reich* (Munich, 1986), 363–4; R. J. Overly, *Göring* (London, 1984), 80–81.

объединяла отнюдь не принципиальная оппозиция гитлеровскому режиму. Не выступали они и против войны как таковой. Они были уверены: с учетом состояния вермахта и немецкой экономики Третий рейх летом 1938 г. никак не мог пойти на риск большой войны с Великобританией и Францией, особенно в том случае, если бы в их поддержку выступили США.

Генерал Бек впервые выступил против войны в меморандуме, составленном в качестве непосредственного ответа на высказывания Гитлера на «госсбаховском» совещании 5 ноября 1937 г., и до начала августа 1938 г. повторил те же самые основные аргументы в ряде докладов и выступлений⁹⁴. По мнению Бека, к британской и французской реакции на майский кризис следовало отнестись серьезно. Военные действия Германии против чехов наверняка бы привели к интервенции со стороны западных держав, и тогда на страну обрушилась бы вся мощь крупнейшей в Европе сухопутной армии, выставленной французами, в сочетании с колоссальными экономическими ресурсами Британской империи, надежно защищенной Королевским флотом. Более того, было бы ошибкой полагать, что Франция и Великобритания находятся в изоляции. Бек считал аксиомой, что обе эти державы в случае конфликта с Германией смогут опираться на экономические ресурсы Соединенных Штатов. «В этом отношении, — писал он 5 мая 1938 г. — меры, предпринятые обоими государствами для того, чтобы использовать Америку как поставщика военных материалов, чрезвычайно важны, поскольку они идут намного дальше, чем в 1914 г.». В 1938 г., писал Бек, Германии противостояла «коалиция чехов, французов, британцев и американцев, чье сотрудничество в случае войны уже координируется теснее, чем в 1914 г.»⁹⁵. Бек не вдавался в детальное сопоставление сил. В этом не было нужды. Всем заинтересованным сторонам было очевидно, что эта западная группировка обладает подавляющим материальным преимуществом. Ее военно-морское превосходство уже было гигантским. Любая нехватка авиации могла быть с легкостью восполнена при содействии американцев. Вместо того чтобы рисковать, организуя наступательную кампанию, Великобритания и Франция постараются втянуть Германию в длительную войну на истощение. Единственная надежда вермахта состояла в том, чтобы быстро нанести сокрушительные удары сперва по чехам, а затем по французам. Однако для этого требовалось, чтобы германская армия и военно-воздушные силы были вполне готовы-

94. См. документы, собранные в: Müller, *Armee*, 309–57.

95. Müller, *Beck*, 504, 523.

ми к самому началу военных действий. Бек ничего не говорил про люфтваффе, но из внутренних источников становится ясно, что осенью 1938 г. им было далеко до боеготовности⁹⁶. Немецкая армия наверняка разгромила бы чехов. Но Бека тревожила возможность того, что Франция может выступить на западе, пока основная часть германских вооруженных сил будет связана в Чехословакии. Более того, даже если Германии удалось бы пережить первоначальный рискованный период, еще армия в 1938 г. явно не была готова к тому, чтобы на поле боя одержать решающую победу над французами. Даже для того, чтобы выполнить планы 1936 г., требовалось резко увеличить усилия по вооружению армии. А уж кто-кто, а Бек хорошо выучил урок, преподанный неудачами 1937 года. Вопрос о возможности стабильного «ускорения в области вооружений,— писал он в начале лета 1938 г.,— требует изучения. Многолетний опыт подсказывает, что подобные попытки всегда разбивались об ограничения, накладываемые реальностью»⁹⁷.

Проведенный Беком анализ рисков, связанных с чешской операцией, и в частности, его мнение о высокой вероятности немедленного нападения французов на западные рубежи Германии были не бесспорны⁹⁸. Но в любом случае со стороны Бека было ошибкой смешивать подобные оперативные соображения с более важной и точной стратегической оценкой. Как показала последняя неделя сентября 1938 г., в том случае, если бы Гитлер решился прибегнуть к военной силе, чтобы ликвидировать Чехословакию, французское и британское правительства не отступили бы. 28 сентября 1938 г. Европа балансировала на грани войны⁹⁹. И для Германии это, несомненно, закончилось бы катастрофой. Как четко понимал Бек, с учетом реальных показателей численности населения, источников сырья и финансовой мощи, именно немцам, а не британцам или французам, пришлось бы добиваться быстрого военного решения. Если исходить из логики самого Бека, крайне сомнительно, чтобы французы пошли на риск крупного наступления на западе. Вместо этого они бы повели затяжную войну на истощение. Позиция администрации Рузвельта давала им все основания для того,

96. W. Murray, *The Change in the European Balance of Power, 1938–1939* (Princeton, 1984), 245–53; K.-H. Völker, *Die deutsche Luftwaffe, 1933–1939: Aufbau, Führung und Rüstung der Luftwaffe sowie die Entwicklung der Luftkriegstheorie* (Stuttgart, 1967), 160.

97. Müller, *Beck*, 527.

98. Ibid., 299–304.

99. B.-J. Wendt, *Grossdeutschland: Aussenpolitik und Kriegsvorbereitung des Hitler-Regimes* (Munich, 1987), 150–52; Weinberg, *Foreign Policy* 11, 378–464.

чтобы ожидать помощи со стороны США¹⁰⁰. Более того, Бек был, несомненно, прав в своей оценке состояния германской армии. Каким бы ни был точный график покорения Богемии, Германия в 1938 г., несомненно, не располагала возможностями для того, чтобы после вторжения в Чехословакию нанести быстрый и решительный удар по Франции. Поэтому Третий рейх был бы вынужден перейти к обороне, будучи и на западе, и на востоке окруженным враждебными или потенциально враждебными державами.

Интересно, что Бек, составляя список тех, кого можно было бы привлечь к его антивоенной кампании, не включил в него Ялмара Шахта, но включил в него Геринга — в качестве главнокомандующего люфтваффе и человека, которого Бек считал ответственным за устранение Бломберга и Фрича и который поэтому мог испытывать искушение «в подходящий момент избавиться и от фюрера»¹⁰¹. Кроме того, Бек надеялся заручиться поддержкой со стороны Шверина фон Крозига, рейхсминистра финансов, с целью сплотить антивоенное экономическое лобби. Показателен расчет Бека на то, что Крозиг надавит на Гитлера не позже второй недели сентября, «потому что его к этому вынудит состояние казны»¹⁰². И Бек оказался прав. К августу 1938 г. Крозиг явно по своей собственной инициативе связался со статс-секретарем Вайцзеккером из Министерства иностранных дел, чтобы из первых рук узнать о состоянии дипломатической ситуации. В свою очередь, Вайцзеккер уже в начале июня 1938 г. пришел к выводу о том, что в случае войны с Великобританией и Францией Германии будет противостоять «мировая коалиция» (*Weltkoalition*), в состав которой войдут и США, и Советский Союз. Даже если Германия могла рассчитывать на содействие Италии и Японии, итог этого противостояния был бы однозначным. Германию ожидали бы «истощение и поражение» («*Erschöpfung und Niederlage*»)¹⁰³. Вскоре после этого Крозиг попросил Гитлера о встрече, а когда фюрер отказал ему в этой привилегии, составил меморандум, в котором обрисовывал финансовую ситуацию Рейха и ее последствия для германской дипломатии¹⁰⁴. Обосновывая свою позицию, Крозиг не мог просто заявить Гитлеру о банкротстве страны. Такой шаг уничтожил бы всякое до-

100. D. Reynolds, *From Munich to Pearl Harbor: Roosevelt's America and the Origins of the Second World War* (Chicago, 2001), 40.

101. Müller, *Beck*, 561.

102. Ibid., 559.

103. Blasius, *Für Grossdeutschland*, 44

104. Все следующие цитаты приводятся по: IMT XII. 419, 509–14, РМФ — Гитлеру, 1.09.1938.

верие к его собственным словам¹⁰⁵. С другой стороны, он отчаянно старался донести до Гитлера всю серьезность финансовой ситуации Рейха. Крозиг начал свой меморандум в позитивном тоне, напоминая об участии Рейхсминистерства финансов в программах по созданию рабочих мест и перевооружению. Вплоть до 1938 г. — утверждал Крозиг, — они финансировались преимущественно за счет налоговых поступлений и обеспеченных долгосрочных займов. Первая фаза финансовой экспансии завершилась весной 1938 г. вместе с окончанием очередного выпуска облигаций *Mefo*. Для того чтобы скомпенсировать неожиданный рост военных расходов после аншлюса, Крозиг был вынужден прибегнуть к таким экстренным мерам, как повышение налогов и выпуск краткосрочных облигаций. Этого хватило на май и июнь. Однако теперь из-за чрезвычайного ускорения перевооружения Рейх столкнулся с серьезным кризисом притока наличных средств. В августе армия истратила 900 млн рейхсмарок. В сентябре ее расходы выросли до 1,2 млрд рейхсмарок. К концу месяца ресурсы наличности в Рейхе будут «истощены». О том, чтобы обеспечить необходимые средства путем «печати новых денег», «не может быть и речи». Поэтому Крозиг отчаянно нуждался в новом займе. Однако по мере того, как Европа явно шла к войне, на финансовых рынках воцарялись негативные настроения. С апреля по конец августа 1938 г. германский фондовый рынок просел на 13%¹⁰⁶. Как утверждал Крозиг, Рейх охватила нарастающая война «военного и инфляционного психоза». Этот «психоз» подкреплялся признаками начинающейся инфляции, заметными по всей германской экономике. Но в первую очередь состояние рынков отражало тот факт, что Рейх «движется к серьезному финансовому кризису», вызванному сползанием к войне. «Слухи, ходившие во всех кругах населения», утверждали, что война разразится 1 октября — как мы уже видели, эта дата была назначена Гитлером для возможного начала военных действий против чехов¹⁰⁷. Остатки доверия на фондовом рынке сохранялись только благодаря государственным интервенциям. Министерство финансов скупало свои собственные долговые обязательства по более высоким ценам, чем те, что предлагали за них частные инвесторы. Благодаря осторожному подходу, практиковавшемуся до весны 1938 г., еще не все было

105. Об этом забывает Овери, утверждая, что «консервативной оппозиции» было свойственно преувеличивать степень проблем немецкой экономики. См.: R. J. Overly, *War and Economy in the Third Reich* (Oxford, 1994), 208–12.

106. См. анализ, проведенный Рейхсбанком, в: BAL R25016549, и IfK, *Weekly Report*, 11, 7 September 1938, «Der Kursrückschlag am Aktienmarkt», 251–4.

107. Все дальнейшее цит. по: IMT XII. 419, 511–12, РМФ — Гитлеру, 1.09.1938.

потеряно. Крозиг старательно подчеркивал, что финансовая стабилизация все еще возможна. Грандиозная инфляция 1920-х гг. ликвидировала основную часть финансовых обязательств Рейха, и потому общий объем лежащего на государстве долгового бремени еще вполне терпим. Пока власти жестко контролируют рынок капитала и поддерживают порядок в своих собственных рядах, потребности режима в заемных средствах могут быть удовлетворены. Однако, если для этого потребуются обычные долгосрочные займы, Германии придется восстановить доверие на рынках путем «прояснения» своей внешней политики. И здесь Крозиг подходил к истинной цели меморандума. «Так как в будущем любая война будет сводиться не только к военным действиям, но и сопровождаться экономической войной, ведущейся в самых широких масштабах», то он считал своим «неизбежным долгом» «с полнейшей искренностью и правдивостью» выразить «глубокое беспокойство за судьбу Германии». Сохранит ли война локальный характер в случае столкновения с чехами, зависело главным образом от Великобритании. Как бывший Родсовский стипендиат¹⁰⁸, Крозиг считал себя знатоком англичан и в этом качестве полагал необходимым предупредить Гитлера о том, что не следует недооценивать их решимости. «Тот факт, что Англия не готова к войне в военном отношении, не мешает Англии разжигать ее, ибо она располагает двумя сильными козырными картами. Одна из них — ожидаемое в скором времени активное участие Соединенных Штатов Америки в войне». То, что Америка будет поддерживать врагов Третьего рейха, было для Крозига не меньшей аксиомой, чем для Геринга, Вайцзеккера и Бека¹⁰⁹. Второй «козырной картой» британцев служила их осведомленность о «финансовой и экономической слабости» Германии. Имея это в виду, Великобритания и Франция будут вести войну на истощение. «Западные державы не станут штурмовать Западный вал, а будут дожидаться, когда даст о себе знать экономическая слабость Германии, в результате чего мы после первых военных успехов станем все больше и больше ослабевать до тех пор, пока не лишимся всего своего военного преимущества из-за поставок оружия и самолетов из Соединенных Штатов». По мнению Крозига, все говорило за то, чтобы отсрочить войну. Германия «только выиграет от ожидания», и имен-

108. Эта стипендия позволяет иностранным студентам обучаться в магистратуре или аспирантуре Оксфордского университета. — *Прим. ред.*

109. Враждебность Америки, явственно ощущавшаяся по крайней мере с октября 1937 г. и речи Рузвельта о карантине, лишь усилилась на протяжении 1938 г. См.: Sirois, *Zwischen Illusion*, 105–10, 117–28.

но по этой причине «коммунисты, евреи и чехи» выказывают столь «фанатичное стремление» втянуть Гитлера в катастрофически преждевременный конфликт. Это представляет для них «последнюю возможность развязать мировую войну» и «уничтожить ненавистный им Третий рейх». Вместо того чтобы отвечать на их провокации, Германия должна «выжидать своего часа», довести до конца процесс вооружения и достичь «баланса между военными и экономическими приготовлениями». Затем настанет день, когда Германия сможет нанести «смертельный удар» по чехам, не впусавшись в катастрофическую конфронтацию с Великобританией и Францией.

В конечном счете трудно понять, насколько серьезной была внутренняя «оппозиция» Гитлеру летом 1938 г.¹¹⁰ Все источники на этот счет слишком скудны и ненадежны. Когда Крозиг составил свой меморандум, Людвиг Бек уже подал в отставку с должности начальника штаба армии, не преуспев в своих попытках мобилизовать военное руководство на коллективную оппозицию Гитлеру. Удивительно, но Бек даже обязался не говорить никому о своей отставке до тех пор, пока кризис не будет преодолен. Однако отставка Бека, судя по всему, не поставила точку на интригах среди военных. Сменивший Бека в должности начальника штаба Франц Гальдер разделял его взгляды на стратегическую ситуацию и был готов пойти еще дальше, организовав открытый военный переворот. В последнюю судьбоносную неделю сентября, когда Европа балансировала на грани войны, в Берлине, насколько можно судить, заговорщики были готовы взять штурмом рейхсканцелярию и арестовать Гитлера и нацистское руководство¹¹¹. Иногда утверждается, что решимость этой группы была подорвана последней отчаянной попыткой примирения, предпринятой Чемберленом. Но на самом деле усилия Чемберлена окончились провалом. Если бы Гитлер хотел начать войну 1 октября 1938 г., то он бы получил ее. Французы и британцы дошли до предела, после которого они не могли идти на новые уступки¹¹². Армии Франции и Советского Союза были мобилизованы. Королевский флот был приведен в полную боеготовность. 29 сентября 1938 г. отступил Гитлер, а не его противники, и этому внезапному изменению курса нет лучшего объяснения, чем весомость фактов,

110. Недавнюю оценку «сопротивления» со стороны военных в 1938 г. см. в: DRZW 9/1, 751–6.

111. K. J. Müller, *Das Heer und Hitler: Armee und nationalsozialistisches Regime 1933–1940* (Stuttgart, 1969), 361.

112. Об этом кризисе с британской точки зрения см.: Parker, *Chamberlain and Appeasement*, 174–81.

аргументов и того нажима, которому Гитлер подвергался в течение предыдущих недель. Гитлеру приходилось выслушивать изъяснения тревоги не только от Бека и Крозига, но и от Геринга и даже — что, вероятно, важнее всего, — от Муссолини, лично вмешавшегося 28 сентября¹¹³. Никто не мог обвинить Геринга или Муссолини в том, что они выступают против войны в принципе. Но ни тот ни другой не желал идти на риск войны с Великобританией и Францией в 1938 г. Более того, британцы и французы явно были готовы дать Гитлеру буквально все, что он попросит, если бы он воздержался от открытой военной агрессии. Гитлер неохотно дал отбой и принял необычайно щедрые условия соглашения, предложенные ему на поспешно созванной мирной конференции в Мюнхене. Тем самым он почти наверняка спас свой режим от катастрофы.

V

Энергия насилия, накопленная в рядах нацистов летом 1938 г., нашла себе выход не в войне, а в беспрецедентной агрессии против еврейской общины. Уже с лета 1938 г. Нацистская партия организовала волну антисемитских актов насилия, кульминацией которых стал прокатившийся по всей стране погром 9 ноября 1938 г., не имеющий параллелей в современной истории Западной Европы¹¹⁴. Проведение этой связи между Судетским кризисом и «Хрустальной ночью» — не просто гипотеза из области социальной психологии. В своих донесениях о погроме, составленных в ноябре 1938 г., местные отделы разведывательной службы СС (СД) единодушно объясняли его тем, что именно поведение евреев во время кризиса вынудило немецкое население к жестоким карательным мерам. Руководство СС явно одолевало страх перед крупной войной — когда в Германии всё еще проживают сотни тысяч евреев. Именно этот страх перед «еврейской подрывной деятельностью» стоял за осуществленным СС в конце октября жестоким изгнанием из Германии 70 тысяч польских евреев, включая родителей Гершеля Гриншпана — молодого человека, предпринявшего попытку покушения на германского посла в Париже, которая и стала непосредственным поводом к еврейскому погрому.

113. I. Kershaw, *Hitler 1936–1945: Nemesis* (London, 2000), 113–25.

114. О дальнейшем см.: P. Longerich, *Politik der Vernichtung: Eine Gesamtdarstellung der nationalsozialistischen Judenverfolgung* (Munich, 1998), 153–225.

Но хронология эмиграции евреев из Германии и Австрии указывает на еще один, более долгосрочный фактор, вызвавший в 1938 г. резкую эскалацию антисемитизма. Дело заключается просто-напросто в том, что после первой волны в 1933 г. еврейская эмиграция из Германии застыла на уровне «всего» в 20 тыс. человек в год. При таком темпе, с учетом естественных темпов сокращения численности стареющего еврейского населения, задачу избавить Германию от еврейского меньшинства СС решили бы лишь к концу 1940-х гг. Можно сослаться на много факторов, объясняющих относительно низкие темпы еврейской эмиграции. Однако важнейшим препятствием, несомненно, служила чрезвычайно высокая цена, которую приходилось платить за то, чтобы покинуть Германию. А эту цену, в свою очередь, диктовала та же проблема, которая затрагивала буквально все прочие аспекты нацистской политики — нехватка зарубежной валюты. В апреле 1938 г. экономический департамент Рейхсбанка, понукаемый австрийскими партийными функционерами, издал краткое исследование по вопросу «Сколько иностранной валюты потребуется для того, чтобы перевести за границу все еврейское богатство, инвестированное в Германии?». Если считать только германских евреев, исключив из их числа австрийскую общину, то требуемая сумма по разным оценкам составляла от 2,2 до 5,15 млрд рейхсмарок. В отсутствие крупного внешнего займа это во много раз превышало валютные резервы Рейхсбанка¹¹⁵. В свете такого несоответствия едва ли удивительно то, что Рейх облагал желающих эмигрировать карательными налогами. И по мере того, как после 1936 г. ситуация с валютой становилась в Рейхе все более напряженной, «дань» увеличивалась¹¹⁶. И наоборот: тот факт, что евреев подталкивали к эмиграции, делал их очевидными подозреваемыми в желании вывезти из страны капиталы. Бюрократические процедуры, связанные с валютой и эмиграцией, вместо того чтобы способствовать последней, превратились в дополнительное средство притеснения и дискриминации¹¹⁷. Рейнхард Гейдрих и СД, с 1936 г. тесно связанные с валютным вопросом, отнюдь

115. BAL R25016446, 128–31.

116. Трезвое описание ситуации глазами современников см. в: ADAP D V doc. 575, Reichsstelle für Devisenbewirtschaftung an das Auswärtiges Amt, 7.12.1937, 650–53.

117. Работа F. Bajohr, «Aryanisation» in *Hamburg: The Economic Exclusion of Jews and the Confiscation of their Property in Nazi Germany* (Oxford, 2002), заслуживает высокой оценки за привлечение внимания к тому значению, которое имело это административное давление. Однако у нас до сих пор отсутствует четкое представление об уровне дискриминации, ощущавшейся евреями в рамках системы контроля, репрессивной по отношению к населению в целом.

не проявляли наивности в отношении финансовых препятствий, стоявших на пути у «добровольной эмиграции». Летом 1938 г. СД вступила в прямые переговоры с РМЭ в надежде добиться того, чтобы для достижения этой цели было выделено больше твердой валюты¹¹⁸. Но ее постигло разочарование, что неудивительно в свете ситуации, в которой находился Рейхсбанк. В результате антиеврейская политика СД зашла в тупик. И именно на этом фоне нараставшая в 1938 г. волна антисемитского насилия и дискриминации приобрела реальное функциональное значение. Если СС были не в состоянии облегчить эмиграцию, то у них по крайней мере имелась возможность усилить стимулы к ней посредством волны физического террора и дискриминации, делавших жизнь евреев в Германии невыносимой.

Всего через несколько часов после того, как руководство *IG Farben* обсудило в своем кругу новые восхитительные перспективы, которые открыл аншлюс, на австрийских евреев обрушилась кошмарная волна насилия. По воспоминаниям одного свидетеля, вечером 11 марта 1938 г. словно «распахнулись врата ада», выпустив на волю бурю «зависти, зла, ненависти и слепого злобного стремления к мщению»¹¹⁹. Даже немцы были обеспокоены шквалом массового антисемитизма, вызванного их действиями в Австрии. В течение нескольких недель буквально все еврейские предприятия в Австрии оказались под контролем самозванных нацистских комиссаров. Берлин вмешался 26 апреля 1938 г. Все немецкие и австрийские евреи, владевшие активами на сумму более 5 тыс. рейхсмарок, должны были уведомить об этом власти. Отныне на организацию, занятую выполнением Четырехлетнего плана, возлагалась обязанность обеспечить «утилизацию» еврейских активов «в интересах германской экономики». Начиная с того же дня любое еврейское предприятие можно было продать лишь с разрешения региональных экономических советников Нацистской партии. На практике принятие такого правила лишь формализовало ту роль, которую эти должностные лица играли с 1933 г. С тем чтобы ускорить такие продажи, Рейхсминистерство экономики, Министерство финансов и Рейхсбанк систематически подвергали гонениям последние неарийские фирмы. Предприятия, принадлежавшие евреям, имели самый низкий приоритет при распределении сырья. Рейхсбанк требовал от своих отделений не выдавать займы неарийским бизнесменам. Налоги, которыми облагались эти фирмы, и действовавшие в их отношении валютные ограни-

118. Longerich, *Politik*, 181.

119. Цит. по: H. Safrian, *Eichmann und seine Gehilfen* (Frankfurt, 1995), 29.

чения носили особенно заметный карательный уклон. Все это привело к быстрому краху оставшихся бастионов еврейского делового сообщества. Через ариизацию путем продажи в 1938 г. прошли 340 крупных фабрик — за немногими исключениями работавшими в текстильном и швейном секторе — 370 оптовых торговых фирм и не менее 22 частных банков, включая такие уважаемые учреждения, как *Warburg* и *Bleichröder*¹²⁰.

Как «простые» немцы, так и топ-менеджеры немецкого корпоративного капитализма воспользовались шансом и стали скупать предприятия, недвижимость и прочие активы по бросовым ценам. В яростную конкуренцию в сфере ариизации вступили друг с другом крупнейшие банки во главе с *Deutsche Bank* и *Dresdner Bank*¹²¹. Свои стяжательские устремления в полной мере удовлетворили такие индустриальные группы, как *Flick* и *Mannesmann*¹²². Однако в тени этого акцента на ограблении еврейского бизнеса, свойственного работам последних лет, остается, возможно, самый важный итог официальной регистрации еврейской собственности. В целом германские и австрийские евреи сообщили о наличии у них активов на общую сумму в 8,5 млрд рейхсмарок — включая 7 млрд в непокрытых обязательствах. Лишь 1,19 млрд рейхсмарок из этой значительной суммы находились в обороте. С учетом того факта, что чистый объем средств, находившихся во владении у австрийских евреев, по официальным данным составлял чуть более 2 млрд рейхсмарок, сомнительно, чтобы еврейский деловой капитал в Германии сильно превышал сумму в 850 млн рейхсмарок. Это по любым меркам была лишь небольшая доля общих активов, использовавшихся в германской экономике. Ариизация, несомненно, изменила облик главных торговых улиц в таких городах, как Берлин и Гамбург, а также структуру собственности в некоторых наиболее известных жилых районах. Но ее общее влияние носило ограниченный характер. Крупномасштабная смена владельцев произошла лишь в нескольких секторах — в первую очередь в розничной торговле, и в частности в секторе универмагов, а также в текстильной и швейной отраслях и в сфере частных банков. В целом идею о том, что ничтожное еврейское меньшинство ко-

120. Цит. по: A. Barkai, *From Boycott to Annihilation: The Economic Struggle of German Jews* (Hanover, 1989), 129. Как указывает Байор, Баркай сильно преувеличивает масштабы ариизации до 1938 г. вследствие излишней доверчивости к статистическим данным о числе еврейских предприятий в 1933 г. См.: Bajohr, «Aryanisation», 108.

121. H. James, *The Deutsche Bank and the Nazi Economic War against the Jews* (Cambridge, 2001).

122. W. Mönninghoff, *Enteignung der Juden: Wunder der Wirtschaft Erbe der Deutschen* (Hamburg, 2001), 91–106.

гда-либо занимало «доминирующие позиции» в германской экономике и что ариизация по этой причине могла представлять собой важный поворотный момент в экономической жизни нации, следует воспринимать такой, какой она была всегда, — абсурдным антисемитским мифом.

В наибольшей степени от экономического преследования германских евреев выиграл не германский бизнес, а германское государство — и соответственно, косвенно и немецкие налогоплательщики в целом¹²³. Начиная с 1933 г. Рейх возглавлял процесс ограбления еврейского населения путем налога на эмиграцию и процентов, взимавшихся Рейхсбанком. Более решительные меры представляли бы собой откровенные фискальные репрессии. Как мы уже видели, идея о введении «еврейского налога» неоднократно обсуждалась с тех пор, как Гитлер в своем меморандуме о Четырехлетнем плане приказал считать евреев ответственными за любой ущерб, причиненный германской экономике. Но министерства колебались¹²⁴. Для того чтобы преодолеть их нерешительность, потребовалось нарастание напряжения во время Судетского кризиса. Одновременно с нагнетанием угрозы войны в сентябре 1938 г. сгущалась атмосфера насилия, направленного против евреев. Муниципальные власти Мюнхена и Нюрнберга создали важный прецедент — летом были разрушены городские синагоги. За этим последовала волна антисемитских нападений и демонстраций по всей южной и юго-западной Германии, по сообщениям СД отчасти принимавшая «характер погромов»¹²⁵. В Вене гонения на евреев не стихали. К осени целые еврейские кварталы в преддверии «добровольной» эмиграции были принудительно переселены во временные жилища. Таким образом, погром, по приказу Гитлера охвативший всю страну в ночь на 9 ноября, представлял собой лишь ужасающий финал длительного процесса эскалации. Согласно дотошным отчетам, составленным германскими оценщиками, материальный ущерб превышал 220 млн рейхсмарок. Был убит по крайней мере 91 еврей и еще сотни покончили с собой. Расширение системы концентрационных лагерей, систематически производившееся с 1936 г., позволили СС за одну ночь бросить за решетку не менее 30 тыс. мужчин-евреев¹²⁶. Они были осво-

123. По крайней мере в этом отношении можно всецело согласиться с Aly, *Hitlers Volksstaat*.

124. Barkai, *Boycott*, 118–19; Longerich, *Politik*, 161.

125. Longerich, *Politik*, 192.

126. О волне арестов во Франкфурте см.: M. Kingreen (ed.), «*Nach der Kristallnacht*»: *Jüdisches Leben und antijüdische Politik in Frankfurt am Main 1938–1945* (Frankfurt, 1999), 19–90.

бождены только после того, как согласились подать прошения об эмиграции.

Через три дня после погрома, 12 ноября, Геринг подкрепил свой авторитет, проведя крупное совещание по еврейскому вопросу. В качестве ответственного за выполнение Четырехлетнего плана Геринг возмущался бессмысленным уничтожением собственности в течение предшествовавших дней. «Хватит с меня этих демонстраций! Они бьют не по евреям, а по мне как по последней инстанции, координирующей германскую экономику». Геринг особенно негодовал по поводу разграбления мехов и ювелирных изделий в Берлине и издал специальный приказ об аресте тех, кто нес за это ответственность. Но что более серьезно, германские улицы были усеяны осколками тысяч разбитых витрин. Конечно, оплатить счет за уборку улиц должны евреи, но замена витрин из высококачественного бельгийского стекла обойдется Рейхсбанку в 3 миллиона рейхсмарок в драгоценной иностранной валюте¹²⁷. Как выразился Геринг, «Лучше бы вы перебили пару сотен евреев, а не уничтожали такие ценности». Отныне следовало «скоординировать усилия» и «тем или иным образом решить» еврейский вопрос «раз и навсегда». В первую очередь под этим имелось в виду установление карательного налога. Согласно указу, формально обнародованному 12 ноября, «Враждебное отношение еврейства к германскому народу и к Рейху <...> делает необходимыми решительное противодействие и суровое наказание». Еврейской общине было приказано уплатить штраф в 1 млрд рейхсмарок. Кроме того, германские евреи должны были возместить весь ущерб, причиненный 9 ноября, и отозвать свои страховые иски к Рейху. Рейхсминистерство финансов так спешило прибрать к рукам еврейские деньги, что убедило консорциум крупнейших берлинских банков выдать ему аванс в счет поступлений от «налога на евреев»¹²⁸. В то же время Первый указ об устранении евреев из экономической жизни (*Erste Verordnung zur Ausschaltung der Juden aus dem Wirtschaftsleben*) имел именно те последствия, которые обещало его название. Согласно этому указу, евреи полностью изгонялись из розничной торговли и из ремесел. Им запрещалось торговать на ярмарках и занимать любые руководящие должности в любых фирмах¹²⁹.

127. Mason, *Arbeiterklasse*, 908–33, Выступление Геринга на первом заседании *Reichsverteidigungsrat* (совета обороны Рейха), 18.11.1938, 915–16.

128. Aly, *Hitlers Volksstaat*, 60–66.

129. IMTXII, document 1412-PS, указ Геринга был опубликован в *Reichsgesetzblatt* 1938 I, 1579, 12.11.1938; Longerich, *Politik*, 212.

Различные меры, предпринятые в 1938 г., в своей совокупности привели к всеобъемлющей экспроприации еврейской собственности. Подавляющее большинство зарегистрированных летом 1938 г. деловых активов на общую сумму в 1,1 млрд рейхсмарок было распродано к концу года. Самые алчные предпринимательские слои в Германии в целом обогатились на несколько сотен миллионов рейхсмарок. Налог на капитал, введенный 12 ноября, за три года принес Рейху 1 млрд 127 млн рейхсмарок. Кроме того, сотни миллионов марок были отобраны в качестве «налога на эмиграцию» у десятков тысяч еврейских семей, покидавших страну. Еще миллиарды марок остались на счетах финансовых учреждений, занимавшихся переводом средств за границу. 3 декабря все нераспроданные еврейские активы, включая личные ценности, такие как ювелирные изделия или произведения искусства, в преддверии их будущей продажи были отданы под надзор германских уполномоченных¹³⁰. Выручка, номинально зачислявшаяся на счет еврейской общины, инвестировалась в государственные облигации, благодаря чему облегчалась финансовая ситуация Рейха¹³¹. К концу года, когда окончательно сложились правила, касающиеся продажи недвижимости, практически вся еврейская собственность, остававшаяся в Рейхе, была учтена и казна Рейха пополнилась на несколько миллиардов рейхсмарок.

С целью избежать недоразумений следует подчеркнуть, что это была чисто финансовая операция. Подобные гонения ни в коем случае не улучшали общего состояния германской экономики. Разумеется, благодаря закрытию многочисленных мелких и неэффективных ремесленных предприятий, принадлежавших евреям, можно было ожидать некоторого прироста эффективности¹³². Но итоги этой рационализации оказались не особенно существенными. С учетом мелкого масштаба подобных предприятий объемы рабочей силы и прочих ресурсов, высвободившихся в результате их закрытия, были весьма незначительными. Не следует преувеличивать и доставшиеся Рейху плоды фискальных мероприятий. По сведениям Министерства финансов, поступления от двух главных налогов, взимаемых с евреев — налога на имущество и налога на эмиграцию, — в 1938–39 фискальном году составили 498,5 млн и 342,6 млн рейхсма-

130. Ibid., 213.

131. Aly, *Hitlers Volksstaat*, 54–6.

132. На этот момент впервые было указано в: G. Aly, S. Heim, *Vordenker der Vernichtung: Auschwitz und die deutschen Pläne für eine neue europäische Ordnung* (Hamburg, 1991), 22–49.

рок соответственно¹³³. Это составляло всего 5% от общих налоговых и таможенных поступлений Рейха¹³⁴. В 1939 г. эта доля была еще меньше. Экспроприация примерно миллиарда рейхсмарок в 1938 и 1939 г. представляла собой страшный удар для общины германских евреев. А для Рейха эти средства стали желанным подспорьем в момент серьезных финансовых затруднений. Но было бы просто нереалистично воображать, что финансовые гонения на ничтожное и все более нищающее меньшинство могли в течение длительного времени вносить серьезный вклад в бюджет германского перевооружения, требовавшего колоссальных средств.

Более того, хотя эскалация преследований и насилия давала германским евреям все основания для того, чтобы покинуть страну, проблема их снабжения достаточным количеством иностранной валюты так и не была решена. 25 марта 1938 г., через пару недель после аншлюса, президент Рузвельт предложил создать международный комитет, который бы занялся проблемой «политических беженцев» из Германии и только что аннексированной Австрии¹³⁵. 6 июля делегаты из 32 стран, возглавляемых США, Великобританией и Францией, собрались в отеле «Руаяль» во французском курортном городке Эвиан. Кроме того, на конференции присутствовали представители 39 неправительственных организаций и армия по крайней мере в 200 журналистов. На протяжении следующих девяти дней они наблюдали позорное зрелище. Очевидной предпосылкой для «решения» проблемы беженцев являлась готовность принимать их в еще больших количествах. Помимо более или менее явных антисемитских предубеждений, открытые проявления которых служили подарком для нацистской печати, главным препятствием для подобного увеличения иммиграционных квот оставался финансовый вопрос. На какие средства станут существовать беженцы

133. Цифры из: BAL R2Anh78, 213–29, Archiv des ehem; RFM, «Massnahmen gegen die jüdische Bevölkerung und ihre Einrichtungen seit 1933», 20.02.1949.

134. Согласно *Statistisches Handbuch*, 555, общие поступления Рейха от налогов и пошлин составили в 1938–39 г. 18,2 млрд рейхсмарок. На каком основании Али (Aly, *Hitlers Volksstaat*, 62) приводит значительно более высокую цифру (9%), остается неясно. Но, по-видимому, он датирует все поступления от налога на имущество одним-единственным 1938-м годом, в то время как на самом деле этот налог взимался в течение трех фискальных лет. В этой связи может иметь значение то, что на страницах, на которых разбирается этот вопрос, Али ссылается на материалы из BAL R2Anh, а не на вышеупомянутое более подробное исследование.

135. О дальнейшем см.: R. Weingarten, *Die Hilfeleistung der westlichen Welt bei der Endlösung der deutschen Judenfrage* (Frankfurt, 1981); T. Sjöberg, *The Powers and the Persecuted* (Lund, 1991).

в странах, по-прежнему страдавших от значительной безработицы? Все были согласны с тем, что ответ на этот вопрос зависит от готовности Германии позволить желающим эмигрировать забрать с собой по крайней мере часть их личных активов. Однако германское правительство отказалось каким-либо образом сотрудничать с Эвианской конференцией, объявив ее согласованной международной попыткой лишить Германию ее последних резервов иностранной валюты. Ситуация находилась в тупике на протяжении всей осени, пока германское Министерство иностранных дел и СС избегали каких-либо контактов с новосозданным Межправительственным комитетом по делам беженцев и его директором Джорджем Рабли. Лишь после совещания с Герингом, состоявшегося 12 ноября 1938 г., президент Рейхсбанка Ялмар Шахт был уполномочен на осуществление еще одной циничной финансовой махинации¹³⁶.

Совместно с австрийским министром экономики Гансом Фишбеком Шахт придумал схему, которая позволяла Германии «экспортировать» свое еврейское население без ущерба для ее валютных резервов. Идея состояла в том, чтобы использовать средства австрийских и германских евреев, к тому времени фактически перешедшие под контроль Рейха, для получения валютного займа на сумму не менее чем в 1,5 млрд рейхсмарок. Эти деньги, предоставленные «международным еврейством», должны были позволить всем физически способным на эмиграцию, начать новую жизнь за границей. В декабре 1938 г. Шахт отправился в Лондон, чтобы обсудить этот план с Рабли. Гитлер явно отнесся к замыслам Шахта с одобрением, и Геринг, судя по всему, тоже принимал их всерьез¹³⁷. В конце января Геринг поставил Рейнхарда Гейдриха во главе центрального управления по еврейской эмиграции (*Zentralstelle für jüdische Auswanderung*), поручив ему ускорить проведение эмиграции в соответствии с планом Шахта. Как будто бы нет особых причин сомневаться в том, что если бы Третий рейх имел возможность избавиться от сотен тысяч евреев и при этом получить значительную сумму в иностранной валюте благодаря международному займу, то он бы немедленно воспользовался таким шансом. Однако проблема заключалась в том, что «глобальная сеть крупного еврейского финансового капитала», по расчетам

136. О дальнейшем см. документы в: ADAP D V, 753–91; Weingarten, *Die Hilfeleistung*, 97–147; Sjöberg, *The Powers*, 44–58; C. Browning, *The Final Solution and the German Foreign Office* (New York, 1978), 17–19; S. Friedländer, *Nazi Germany and the Jews* (London, 1997), I. 311–16.

137. Longerich, *Politik*, 211.

Шахта способная предоставить соответствующие средства, существовала лишь в воображении антисемитов. А существовавшие механизмы «выкупа» немецких евреев сталкивались с серьезным сопротивлением еврейских общин как внутри страны, так и за ее пределами. Никаких значительных средств, за исключением тех, что были выделены в рамках сионистской программы «Хаавара», так и не удалось достать¹³⁸. В итоге вместо планомерного отступления произошло бегство. С марта 1938 г. по сентябрь 1939 г. из Германии и Австрии поспешно выехало более 200 тыс. евреев¹³⁹. Они сделали это, несмотря на исхищрения алчной германской бюрократии, лишившей их буквально всего материального имущества¹⁴⁰. Пройти через это испытание их заставила угроза того, что ожидало их в Германии, делавшая не слишком высокой практически любую цену, которую пришлось бы заплатить за отъезд из страны.

VI

Во второй половине 1938 г. возмущение международной общественности, вызванное гонениями, обрушившимися на еврейское население Германии, антисемитские фантазии национал-социалистического руководства, нараставшая конфронтация между Рейхом и западными державами и социальные и экономические трения в самой Германии слились в гремучую смесь¹⁴¹. Гитлер и другие ключевые фигуры в нацистском руководстве все более настойчиво интерпретировали углубление конфронтации между Третьим рейхом и «западными державами» не в традиционном ключе — как соперничество между великими державами, — а сквозь призму своей антисемитской космологии. В глазах нацистского руководства возникновение международной коалиции против гитлеровской агрессии служило явным доказательством еврейского заговора, принявшего мировой размах. Извращенная логика приводила Геринга, Гейдриха и прочих к идее о том, что их успехи в выдавливании евреев из страны приве-

138. В январе 1939 г. Шахт и Рабли провели переговоры по менее амбициозной версии плана Шахта, больше похожей на «соглашение Хаавара». BAL R25016641, 44–56.

139. См. цифры из: H. A. Strauss, «Jewish Emigration from Germany — Nazi Policies and Jewish Responses», I, II, *Leo Bäck Institute Year Book*, 25 (1980), 313–62, 26 (1981), 343–410; W. Rosenstock, «Jewish Emigration from Germany», *Leo Bäck Institute Year Book*, 1 (1956), 373–90.

140. Safrian, *Eichmann*, 23–67.

141. О дальнейшем см.: Friedländer, *Nazi Germany*, I. 308–16.

дут лишь к усилению еврейской агитации против Германии, поскольку она является наилучшим способом ослабить антисемитские настроения в странах, принимающих беженцев. Именно об этом Геринг говорил в начале своего свирепого выступления перед авиапромышленниками 8 июля 1938 г.: «Евреи <...> по всему миру агитируют за войну. Совершенно ясно, что антисемитизм, нарастающий во всех странах, логически вытекает из чрезмерного увеличения числа евреев в этих странах, и евреи могут ожидать спасения лишь в том случае, если они развяжут всеобщую мировую войну». Очевидно, что в обществе авиапромышленников Геринг ощущал необходимость оправдать этот выпад, и поэтому он добавил: «Говоря о еврейской агитации за войну, я имею для этого все основания, поскольку евреи, контролирующие основную часть всемирной печати, в состоянии использовать ее для психологической пропаганды»¹⁴². Как мы уже видели, Крозиг прибегал к аналогичной аргументации, когда в сентябре пытался отговорить Гитлера от войны в Чехословакии. И по сути, Геринг и Крозиг были не вполне не правы. В 1938 г. существовала связь между нацистским антисемитизмом и эскалацией международной напряженности. Но причиной этой связи было негодование международной общественности, вызванное нацистским произволом, а вовсе не еврейская агитация¹⁴³. В этом отношении «Хрустальная ночь» представляла собой решающий поворотный пункт. После нее британский министр иностранных дел лорд Галифакс отказался от политики умиротворения, которой прежде отдавал предпочтение, в пользу более агрессивных форм сдерживания¹⁴⁴. Однако в долгосрочном плане еще большее значение имела реакция США.

Неоднократно отмечалось, что США практически не фигурировали в различных стратегических расчетах Гитлера на протяжении полутора лет, предшествовавших началу войны в сентябре 1939 г.¹⁴⁵ Это верно в том, что касается заявлений Гитлера в сфере большой стратегии — особенно тех, которые он делал в присутствии армейского руководства в мае и августе 1939 г., — но в ряде важных отношений дело обстояло не совсем так¹⁴⁶. Как

142. IMT XXXVIII. 140-R, 377.

143. Weinberg, *Foreign Policy* II, 517–22.

144. D. C. Watt, *How War Came: The Immediate Origins of the Second World War, 1938–1939* (London, 1989), 91.

145. Самой известной работой, в которой отмечается этот факт, является: G. L. Weinberg, «Hitler's Image of the United States», *American Historical Review*, 69 (1964), 1006–21.

146. Утверждение Вейнберга (что США не играли особой роли в расчетах Гитлера), было всесторонне опровергнуто в ряде работ, из которых наиболее заметными

мы уже видели, и Бек, и Геринг, и Крозиг считали индустриальный потенциал США ключевым стратегическим фактором, и как мы увидим ниже, в первой половине 1939 г. это мнение было решительно поддержано рядом голосов и в верховном командовании вермахта, и в структурах, отвечавших за выполнение Четырехлетнего плана. Вероятно, Гитлер отмахивался от всех этих соображений, хотя этому противоречат последующие факты, показывающие, что он в полной мере осознавал ту угрозу, которую представляла для Германии американская экономическая мощь. Однако невозможно отрицать центральной роли, которую играли США по крайней мере в рамках одной из тем, в первую очередь занимавших Гитлера — еврейского вопроса. Начиная с 1938 г. «международный еврейский вопрос» стал считаться в Третьем рейхе синонимом Америки¹⁴⁷. Площадка была подготовлена движением начала 1930-х гг. за бойкот Германии. Роль Рузвельта в организации Эвианской конференции и его вмешательство в вопрос о еврейском государстве в Палестине лишь укрепили сторонников заговора в их подозрениях. Но переломной точкой стала «Хрустальная ночь»¹⁴⁸. Америка ответила на события 9 ноября «ураганом» общественного возмущения¹⁴⁹. Как отмечал незадачливый посол Рейха, он столкнулся с настолько мощной волной публичного негодования, что она сделала «невозможной» какую-либо «систематическую работу»

являются: S. Friedländer, *Prelude to Downfall: Hitler and the United States 1939–1941* (London, 1967); A. Hillgruber, *Hitlers Strategie* (Frankfurt, 1965), 192–206; A. Hillgruber, «Hitler und die USA», in D. Junker (ed.), *Deutschland und die USA 1890–1985* (Heidelberg, 1986), 27–41; D. Junker, *Kampf um die Weltmacht: Die USA und das Dritte Reich 1933–1945* (Düsseldorf, 1988); P. Gassert, *Amerika im Dritten Reich* (Stuttgart, 1997); Sirois, *Zwischen Illusion*.

147. Для исследователей американо-германских отношений совершенно очевидно то значение, которое приобрел «еврейский вопрос» в 1938–1939 гг. См.: Gassert, *Amerika*, 199–209, 257–61, и Sirois, *Zwischen Illusion*, 126–35. Напротив, переключение «еврейского вопроса» на Запад, происходившее после 1938 г. параллельно с разворотом внешней политики, в целом остается неосвещенным в литературе о холокосте. Исключение представляет Фридлендер, отметивший, что «западные демократии, и, в частности, США, временно заняли место большевистской России в качестве средоточия власти международного еврейства» (Friedländer, *Nazi Germany*, 31). Но он не рассматривает широкие последствия этого сдвига. Еще более заметным было отождествление Рузвельта с масонством в умах руководства СС. См.: *Meldungen* II, Jahreslagebericht 1938, 8–20.

148. О том, что антисемитские темы очень быстро приобрели повышенное значение, см.: Gassert, *Amerika*, 199–209. Затрагивая только вопрос эмиграции, Фридлендер недооценивает влияние «Хрустальной ночи» на британские и американские отношения с Германией: Friedländer, *Nazi Germany*, 298–302.

149. S. Casey, *Cautious Crusade: Franklin D. Roosevelt, American Public Opinion and the War against Nazi Germany* (Oxford, 2001), 20.

по продвижению немецких интересов¹⁵⁰. Некоторое время спустя, после решения Америки отозвать своего посла из Германии, он был отозван в Берлин. На протяжении последующих недель лишь вмешательство со стороны госсекретаря Корделла Халла помешало Министерству финансов США обложить германский экспорт суровыми карательными пошлинами. 4 января 1939 г. в своем обращении к конгрессу Рузвельт сделал жесткие выводы¹⁵¹. Проводя прямую связь между идеологическими вопросами и внешней политикой, он подчеркнул угрозу для безопасности США и для их ключевых ценностей, исходящую от государств, «в которых больше нет ни религии, ни демократии» и где «доверие и разум в международных делах уступили место неприкрытым амбициям и грубой силе». После отторжения Судетской области и «Хрустальной ночи» уже не нужно было называть никаких имен. Нацистская печать откликнулась на это выступление яростной антисемитской и антиамериканской пропагандой, изображавшей Рузвельта орудием еврейского капитала¹⁵². 25 января германское Министерство иностранных дел распространило официальный документ с анализом «Еврейского вопроса как внешнеполитического фактора в 1938 г.», в котором США открыто назывались «штаб-квартирой всемирного еврейства»¹⁵³. А сам Гитлер ответил Рузвельту в своем обращении к рейхстагу 30 января 1939 г., в годовщину захвата власти.

Эту «Речь 30 января» обычно называют предвестием холокоста. Но сейчас нам важно ее значение как показателя общих экономических и военных оценок Гитлера на начало 1939 г. Страшные угрозы Гитлера в адрес европейского еврейства прозвучали в широком риторическом контексте, необходимом для понимания ожесточенности, в которой пребывало руководство Третьего рейха после Мюнхена и «Хрустальной ночи». Антисемитская тема пронизывает всю речь Гитлера. Но она переплетается с одной стороны со старой темой «жизненного пространства», а с другой — с новым, открытым вызовом, брошенным Великобритании и Америке. Гитлер, как обычно, противопоставил будущее Германии, основанное на экспорте, расширению ее «жизненного пространства». Слепое сопротивление воинствующих западных держав преграждает Германии путь к экс-

150. Documents of German Foreign Policy (далее DGFP), series D IV, 639–640.

151. Reynolds, *From Munich*, 50–54.

152. См. характерные карикатуры в: *Deutschland-Berichte*, 6 (1939), 145–9.

153. ADAP D V doc. 664, 782. О давних традициях антисемитизма в немецком Министерстве иностранных дел см.: Browning, *The Final Solution*, 11–22. О росте влияния СС на МИД после 1938 г. см.: H.-J. Döscher, *Das Auswärtige Amt im Dritten Reich: Diplomatie im Schatten der «Endlösung»* (Berlin, 1986).

пансии на восток. Поэтому в краткосрочном плане Германии остается «или экспорт, или смерть»¹⁵⁴. Если демократические державы продолжают стоять на пути у Германии, если США станут чинить препятствия попыткам Германии развивать торговлю с Латинской Америкой, то Германия будет принуждена к борьбе не на жизнь, а на смерть, к которой она благодаря национал-социализму хорошо подготовилась. Разумеется, всего этого вполне можно избежать, поскольку Германия хочет всего лишь жить в мире со своими великими европейскими соседями. Но если верх одержат разжигающие войну «еврейские СМИ» из Америки и их союзники среди британских и американских политиков, то национал-социализм будет готов защищаться. Именно в этом специфическом контексте ожесточенности, порожденной Мюнхеном и «Хрустальной ночью», Гитлер и разразился своим знаменитым «пророчеством»: «Если международным еврейским финансистам Европы и других частей света удастся снова развязать мировую войну, итогом будет не большевизация Земли и, соответственно, победа еврейства, а уничтожение еврейской расы в Европе!».

По мере того как гитлеровская агрессивность сталкивалась со все более сплоченным противодействием, а угроза европейской войны становилась все более реальной, Гитлер и нацистское руководство все сильнее проникались убеждением в том, что во всем виноваты евреи. Тем самым в центр мировоззрения Гитлера возвращался новый претендент на роль глобального гегемона — Америка, но на этот раз как средоточие всемирного еврейского заговора, направленного на уничтожение Германии и прочих стран Европы.

154. Domarus, II. 1053.

1939: Ожидание ничего не даст

ЧЕРЕЗ несколько дней после заключения Мюнхенского соглашения экономический департамент Рейхсбанка составил меморандум, который никогда не распространялся вне стен центрального банка, но тем не менее заслуживает внимания в качестве финальной точки в карьере Ялмара Шахта на службе у Третьего рейха: «Добившись включения Судетской области в состав Рейха, — объявлял Рейхсбанк, — фюрер решил задачу, не имеющую аналогов в истории. Чуть более чем за пять лет национал-социалистического правления Германия добилась военной независимости, полного суверенитета над своей территорией и присоединения Саара, Австрии и Судетской области. Тем самым она превратилась из политического карлика в сильнейшую державу материковой Европы»¹. Гитлер достиг основной цели германского национализма — создания Великой Германии (*Grossdeutschland*), чего не удалось даже Бисмарку, — и при этом сумел избежать войны. Это поразительное «возрождение нации» в первую очередь опиралось на грандиозные усилия в сфере перевооружения, организованные таким образом, что они обеспечили полную занятость германскому народу и в то же время позволили избежать проклятия инфляции. Это тоже являлось уникальным историческим достижением. Однако осенью 1938 г., в момент величайшего триумфа Гитлера, экономические основы его успехов оказались под вопросом. Рейхсбанк был вынужден признать, что, несмотря на все его усилия, «полная стабильность германской валюты» осталась в прошлом. Началось «обесценение рейхсмарки», даже если оно было «еще не вполне очевидным». Это признание Шахт повторил несколько недель спустя в докладе Комитету по рынку капитала (*Kapitalmarktausschuss*) — комитету представителей РМФ, РМЭ и Рейхсбанка, контролировавшему мобилизацию капита-

1. Об этом и дальнейшем см.: BAL R2.5016521, 291–305.

ла на германских финансовых рынках². Обращаясь к коллегам, Шахт откровенно констатировал: «Нельзя отрицать того <...> что мы стоим на пороге инфляции». Для того чтобы вернуть рейхсмарке статус, достойный валюты великой державы, Германии нужно было восстановить монетарную и фискальную стабильность. Но финансы Рейха начиная с весны 1938 г. катились в пропасть. Уже не первый месяц Министерство финансов едва сводило концы с концами, а Рейхсбанк был принужден к «инфляционному печатанию денег»³. Как и Крозиг несколькими неделями ранее, Рейхсбанк увязывал свою оценку финансовой ситуации Германии с общей стратегической картиной. «В настоящий момент немецкая история явно достигла переломного момента. Нерешенными политическими задачами остаются только возвращение колоний и уничтожение большевизма. Оптимальный путь к решению первой задачи — переговоры, к решению последней — внутренний кризис нынешнего советского режима». В Европе же у Германии не осталось никаких территориальных притязаний. После Мюнхена Гитлер объявил о том, что он «удовлетворен». И теперь достижение этого поворотного момента должно сопровождаться преобразованиями в финансовой сфере. Как указывалось в меморандуме Рейхсбанка, «Отныне валюта должна служить опорой не для экспансионистской внешней политики, а для мирного строительства. В историческом плане перед нами стоит та же задача, которая стояла перед Фридрихом Великим после Семилетней войны, перед премьер-министром Пилем после наполеоновских войн и перед Муссолини после войны в Абиссинии. Главная задача — осуществить переход от нынешней военной экономики к экономике мирного времени».

Этот переход не будет безболезненным или свободным от рисков. Но альтернативы ему нет. Любые дальнейшие государственные расходы, финансируемые за счет увеличения денежной массы, всего лишь еще больше увеличат избыточную покупательную способность, которую можно ограничить лишь путем дальнейшего усложнения и без того громоздкого и неуправляемого аппарата надзора и контроля. А это, в свою очередь, повлечет за собой хроническое снижение уровня жизни, «политические и социальные последствия которого не нуждаются в дальнейшем рассмотрении». «Потому следует не укреплять плотины, а снижать действующую на них нагрузку». Поступая так, Рейхсбанк знал, что ему следует проявлять осто-

2. BAL R25016521, 119–26, Entwurf 15.10.1938.

3. BAL R25016521, 291–305, Teilentwurf 3.10.1938, 295.

рожность. Хотя всплеск инфляции можно было предотвратить, при этом все равно сохранялся определенный риск. Чрезмерно резкое снижение объемов кредита легко могло превратить трудный переход в катастрофический «дефляционный кризис». Вместо этого Рейхсбанк предложил сократить избыточную покупательную способность путем выпуска долгосрочных облигаций, что позволило бы Министерству финансов выбраться из сложной бюджетной ситуации. Впрочем, еще более важной была срочная необходимость в быстром росте производства потребительских товаров. Угрозу инфляции могло предотвратить лишь предложение реальных товаров, способное поглотить хотя бы часть избыточной покупательной способности. Короче говоря, Рейхсбанк призывал к решительной смене приоритетов: резкому сокращению «нерыночного производства» в государственных целях, на которое, согласно оценкам того времени, в 1938 г. приходилось до 30% промышленного производства, и росту производства товаров для семейного потребления⁴. Однако предпосылкой для всех дальнейших действий служила необходимость увеличения экспорта. Самую серьезную угрозу для германской экономики представляла собой возможность острого кризиса платежного баланса. Неожиданное прекращение импорта важнейших видов сырья и продовольствия, подобное тому, которое произошло в 1934 г., уничтожило бы доверие общества и вполне могло поставить под удар тот тонкий процесс перестройки, который пытался осуществить Рейхсбанк.

Проект меморандума от 3 октября 1938 г. завершался следующим драматическим предупреждением:

Руководству национал-социалистического государства, несмотря на недавнюю критическую ситуацию, удалось избежать войны, которая бы подвергла угрозе его предыдущие достижения. Сейчас, после достижения политического рубежа, перед ним стоит новая задача — избежать инфляции, последствия которой могут оказаться почти столь же опасными. Эта задача трудна, поскольку несмотря на все предпринятые усилия инфляционное давление нарастает, а на повестке дня стоят и другие финансовые задачи. Однако ее решение возможно, потому что политические условия превосходны, и оно окажется тем легче, чем раньше и решительнее мы возьмемся за эту проблему.

4. Данную оценку см. в: M. Geyer, «Zum Einfluss der nationalsozialistischen Rüstungspolitik auf das Ruhrgebiet», Rheinische Vierteljahresblätter, 45 (1981), 255.

I

Однако должностные лица Рейхсбанка сильно заблуждались, если считали, что финальная цель Гитлера — мирное создание Великой Германии. Как предсказывал сам Шахт, Гитлер едва мог сдержать свое раздражение результатами Мюнхенской конференции⁵. Он получил Судетскую область. Но это было не главное. Остаток Чехословакии еще предстояло ликвидировать, а западные державы наконец-то продемонстрировали свое истинное лицо. Как были вынуждены признать Гитлер и его военное руководство, Германии пришлось бы воевать на западе, прежде чем начинать какую-либо крупномасштабную военную кампанию на востоке. Следовательно, все военно-промышленные последствия антизападного поворота в немецкой стратегии в полной мере проявились лишь после Судетского кризиса. Генерал-майор Томас из военно-экономического управления верховного главнокомандования вермахта (ОКВ) в конце сентября отмечал в своем дневнике: «День Мюнхена. По телефону я получил приказание: все приготовления направить на войну с Англией, срок — 1942!»⁶. Две недели спустя, 14 октября 1938 г., во время важного выступления в конференц-зале Министерства авиации Геринг анонсировал новую программу. С учетом «ситуации в мире» «фюрер приказал <...> выполнить гигантскую программу, по сравнению с которой все предыдущие достижения ничтожны»⁷. В самое кратчайшее время размеры люфтваффе следовало увеличить пятикратно. Флоту следовало ускорить программу вооружения, а армия должна была заказать большое количество наступательного оружия — в первую очередь тяжелые артиллерийские орудия и тяжелые танки. Кроме того, требовалось «выдвинуть на передний план» топливо, каучук, порох и взрывчатые вещества. Помимо всего этого, Геринг призвал также к ускоренным инвестициям в строительство железных дорог, шоссе и каналов с целью преодолеть явную недостаточность немецкой транспортной инфраструктуры.

В течение следующих недель все три рода войск вермахта отреагировали на новую задачу. Для армии главным прио-

5. U. von Hassel, *Die Hassel-Tagebücher 1938–1944: Aufzeichnungen vom andern Deutschlands* (Berlin, 1989), 51.

6. G. Thomas, *Geschichte der deutschen Wehr- und Rüstungswirtschaft* (Boppard, 1966), 509.

7. IMT XII. 515–18, 1301-PS, стенограмма совещания в Рейхсминистерстве авиации, 14.10.1938, 515. См. также инструкцию по выполнению Четырехлетнего плана в: BAL R26IV 5, 180–85, 31-е заседание Генерального совета, 14.10.1938.

ритетом было всего лишь завершение колоссального наращивания, начатого в 1936 г. 20 октября 1938 г. она объявила, что в 1939 г. ей понадобится не менее 4,5 млн тонн стали, что составляло почти четверть общего производства стали в Германии, — этот уровень был достигнут лишь в 1942 г., в разгар Сталинградской битвы⁸. Планы по пятикратному расширению люфтваффе, объявленные Герингом 14 октября, имели еще более драматические последствия⁹. Через четыре года численность люфтваффе в мирное время должна была составлять 21750 самолетов. Это было логическим развитием принятого пятью месяцами ранее решения выстраивать германский военно-воздушный флот вокруг ядра из 7 тыс. средних бомбардировщиков Ju-88. Теперь их должны были дополнять более 800 тяжелых четырехмоторных бомбардировщиков (He-177) и полчища истребителей сопровождения большого радиуса действия, а также и истребителей-перехватчиков («мессершмитт»)¹⁰. В свою очередь, флот принял новую кораблестроительную программу, выполнение которой позволило бы Германии через шесть лет на равных соперничать с британским Королевским флотом¹¹. В декабре 1939 г. Гитлер и адмирал Редер пришли к согласию в отношении программы, предусматривавшей в первую очередь строительство шести гигантских линейных кораблей, за которыми должен был последовать флот из 249 подводных лодок и 8 крейсеров для дальних морских операций. К 1948 г. германский флот должен был включать 797 судов, на строительство которых в течение девяти лет предполагалось израсходовать 33 млрд рейхсмарок. Как и в случае программы люфтваффе, создание такого грандиозного флота не могло не сопровождаться колоссальными инфраструктурными издержками. В Вильгельмсхафене и Гамбурге требовались новые огромные сухие доки. На острове Рюген предполагалось устроить гигантскую военно-морскую базу. Предложенный флотом «План Z», представлявший собой последнюю из крупных предвоенных программ вооружения и утвержденный 27 января 1939 г., наделял рейхсмарине абсолютным приоритетом над всеми остальными индустриальными проектами Третьего рейха.

8. Об армии см.: BAMA RH5/150212, 228–30. IMT XXVII. 164–6, 1301-PS, доклад от 27.10.1938. Общие запросы вермахта приближались к 1,08 млн тонн в месяц, притом что общий выпуск составлял всего 1,8 млн тонн.

9. L. Budrass, *Flugzeugindustrie und Luftrüstung in Deutschland* (Düsseldorf, 1998), 557–75.

10. См. план поставок в: BAMA RL32199, 20.10.1938.

11. J. Dülffer, *Weimar, Hitler und die Marine: Reichspolitik und Flottenbau, 1920–1939* (Düsseldorf, 1973), 471–512; Dülffer, *Handbuch zur deutschen Militärgeschichte 1648–1939* (Munich, 1977), VIII. 482–4; IMT, TMWC doc. 854-D.

С учетом обеспокоенности, уже выраженной Рейхсбанком и министром финансов Крозигом, было очевидно, что перевооружение в таких масштабах не могло не иметь самых драматических последствий для всей остальной экономической политики. Как мы видели выше, генерал-майор Фридрих Фромм пришел к такому выводу уже летом 1936 г. Запросы весны и начала лета 1938 г. были беспрецедентны, но планы, сформулированные в октябре 1938 г., имели еще больший размах. Для того чтобы у Третьего рейха появился хоть какой-то шанс на их реализацию, существующую обветшавшую систему планирования и контроля следовало последовательно нацеливать на подавление гражданской экономической деятельности в пользу вермахта. Рейхсбанк уже в августе 1938 г. пришел к выводу о том, что для удовлетворения запросов вермахта «методы мирной экономики становятся недостаточными, и вместо них следует вводить более жесткие методы военной экономики»¹². И все указывает на то, что осенью 1938 г. Геринг договорился о таком повороте с гражданской и военной экономическими администрациями. Органом, имеющим соответствующие политические полномочия, стал учрежденный Герингом новый совет обороны Рейха (*Reichsverteidigungsrat*), а сам Геринг получал помощь от генерал-майора Георга Томаса и его военно-экономического управления в составе только что созданного Гитлером ОКВ.

Томас — одна из самых неоднозначных фигур немецкой военной экономики¹³. Он родился в 1890 г. в семье промышленников, в 1908 г. он начал армейскую карьеру, включавшую как пребывание на фронте во время Первой мировой войны, принесшее ему Железный крест, так и службу в генеральном штабе. После войны Томас остался в рядах рейхсвера и служил в том же Кенигсбергском военном округе, что и Людвиг Бек, будущий начальник штаба. В 1928 г. Томас оказался в Берлине, в центре военной политики стран, а в 1933 г. стал начальником штаба в управлении вооружений (*Heereswaffenamt*). Как мы уже видели, в 1934 г. он активно сотрудничал с Шахтом, защищая интересы перевооружения в условиях валютного кризиса. Отнюдь не случайно то, что в сентябре 1934 г. он получил чин полковника и был поставлен во главе управления военной экономики и вооружений в Министерстве по делам рейхсвера (*Dienststelle Wehrwirtschafts und Waffenwesen im Wehrmachtsamt des Reichswehrministeriums*). В качестве начальника этого управления он руководил созданием национальной организации военно-экономических

12. BAL R25016639, 371.

13. Thomas, *Geschichte*, 1–3.

инспекций и сложной системы мобилизационной подготовки¹⁴. Однако по мере роста бюрократических амбиций Томаса его представления о военно-экономической организации становились все менее четкими¹⁵. Томас решительно отстаивал абсолютный приоритет перевооружения над всеми другими задачами государственного масштаба. Но в то же самое время он вторил Шахту, указывая на необходимость содействовать экспорту и укреплять финансовую стабильность Германии. То, что эти приоритеты — вооружение с одной стороны и традиционная экономическая стабильность с другой — по сути противоречат друг другу, было более чем очевидно самое позднее к 1937 г. Имея целью хотя бы отчасти примирить их друг с другом, Томас превратился в принципиального сторонника драконовской системы экономической организации, с помощью которой все прочие аспекты гражданской экономики должны были систематически приноситься в жертву двум главным приоритетам — вооружениям и экспорту. И именно такая резкая реорганизация экономики казалась вполне реальной осенью 1938 г.

Именно ведомство Томаса на основе статистики вермахта и Рейхсбанка подготовило речь, зачитанную Герингом на первом заседании совета обороны Рейха 18 ноября 1938 г.¹⁶ Она не оставляла сомнений в том, насколько серьезной была сложившаяся в Германии ситуация, в необходимости привести потребности перевооружения в соответствие с экспортом, в угрозе инфляции и в ущербе, нанесенном государственным финансам летней расточительностью. Геринг вслед за Крозигом и Шахтом называл состояние финансов Рейха «очень плачевным», а валютные резервы — «несуществующими». Но в то же время существовал приказ фюрера. Общий объем производства вооружений в Германии требовалось утроить. С тем чтобы выполнить поставленную задачу, Геринг обрисовал программу решительной мобилизации и рационализации. Произошедшее в 1938 г. конвульсивное ускорение усилий в сфере вооружений послужило катализатором для тесного переплетения двух этих ключевых концепций — мобилизации и рационализации — в политике гитлеровского режима¹⁷. Такие люди, как Коппенберг

14. Деятельность Томаса удачнее всего описывается в: B. A. Carroll, *Design for Total War: Arms and Economics in the Third Reich* (The Hague, 1968).

15. M. Geyer, «Rüstungsbeschleunigung und Inflation», MGM 30 (1981), 127–9.

16. Об общей обстановке см.: ibid. Материалы, предоставленные Рейхсбанком ведомству Томаса, см. в: BAL R25016446, 201–5; IMT, *Nazi Conspiracy and Aggression* (Washington, 1946–7), VI. 267–70, 3575-PS; T. Mason, *Arbeiterklasse und Volksgemeinschaft* (Opladen, 1975), 907–33.

17. Budrass, *Flugzeugindustrie*, 515–75.

и Порше, задавали направление с помощью своих грандиозных планов массового производства бомбардировщиков и семейных автомобилей. А язык современного массового производства играл роль механизма, легитимизирующего предпринимательский экспансионизм, до самых последних дней гитлеровского режима. Но с учетом все сильнее нараставшего с 1938 г. общего несоответствия между целями, которые задавало нацистское руководство, и средствами, предоставляемыми немецкой экономикой, рационализация приобретала и более широкое общественное значение. Геринг заявил в совете обороны, что все население страны должно быть зарегистрировано в общенациональной картотеке, находившейся в ведении начальника полиции СС генерала Курта Далюге. Эта мера позволяла управлениям труда перевести каждого мужчину и каждую женщину туда, где они могли бы трудиться наиболее продуктивно¹⁸. Юридические и налоговые службы государства следовало упростить ради высвобождения рабочей силы. Восстанавливалась учрежденная в 1933 г. гражданская трудовая повинность. «Великие строительные проекты фюрера следует довести до завершения вследствие их значения для состояния нравов и психики». Но все прочие строительные проекты подлежали закрытию. Все промышленные предприятия должны были пройти инспекцию с целью определить, насколько эффективно они используют рабочую силу. Автомобильная промышленность передавалась в подчинение специальному уполномоченному, которому предстояло найти способы сэкономить сотни миллионов рейхсмарок. Для того чтобы облегчить положение государственной железнодорожной системы, в условиях полной занятости едва справлявшейся с нагрузкой, в нее предполагалось вложить несколько миллиардов рейхсмарок¹⁹. Геринг повторил, что в Германии с ее крайне напряженной экономической ситуацией нет места таким актам бессмысленного вандализма, как «Хрустальная ночь». Немецкие евреи должны будут внести свой вклад посредством нового тяжелого налога на имущество. Но не исключено, что государство спросит не только с евреев. Геринг упомянул возможность того, что все население страны будет призвано принести «национальную благодарственную жертву» (*Dankesopfer der Nation*) в форме разовой выдачи своих активов²⁰.

18. Об этом плане см.: G. Aly, K. H. Roth, *Die restlose Erfassung* (Berlin, 1984), 44–52.

19. См. обсуждение состояния железнодорожной системы в: BALRO261V 4 fol. 1, 10, Sitzung des kleinen Generalrats, 13.10.1938; R261V 5, 32. Sitzung des Generalrats, 28.10.1938.

20. Эта идея пользовалась популярностью в Рейхсбанке. См.: BAL R25016641, 27–36, служебная записка от 3.11.1938.

Цель этой меры будет состоять в том, чтобы «обеспечить крупномасштабное производство вооружений». Перед лицом задачи втрое увеличить производство оружия и боеприпасов Геринг объявил совету обороны: «Можно даже прийти к выводу: *non possumus* [мы не можем]. Ему приходилось довольно часто слышать подобные заявления». Но Геринг «никогда не сдавался и в конце концов всегда находил выход»²¹.

И за этими словами Геринга последовали дела. 24 ноября принципы ценообразования, с 1936 г. использовавшиеся для контроля над стоимостью военных поставок, были распространены на все государственные контракты. Месяцем ранее в немецком бизнесе началось внедрение стандартных методов расчета себестоимости, которые в будущем должны были стать основой для контроля над ценами. 15 ноября полковник Адольф фон Шелл был назначен генеральным уполномоченным по автомобильной промышленности (*Generalbevollmächtigter für das Kraftfahrzeugwesen*), получив задание переориентировать все существующие промышленные мощности на эффективное производство тех моделей, которые вызвали наибольший интерес у военных²². Менее чем через месяц Геринг назначил Фрица Тодта, нового любимчика Гитлера, зарекомендовавшего себя на строительстве Западного вала, ответственным за весь строительный сектор. Хотя Тодт прежде не отличался особой склонностью к экономии средств, на него по крайней мере можно было положиться в том плане, что он был способен обеспечить абсолютный приоритет сферы вооружений. К весне 1939 г. Тодт имел возможность доложить, что из чуть более 12 млрд рейхсмарок, отпущенных на строительство, 50% зарезервировано за вермахтом, 20% направлено в немецкую промышленность и еще 10% зарезервировано для государственных строительных проектов. На удовлетворение жилищных потребностей населения оставалось всего 20%, причем в первую очередь строилось жилье для трудящихся, занятых выполнением Четырехлетнего плана²³. Такие же жесткие меры сопровождали осуществление новой гигантской судостроительной программы флота. Сразу же после одобрения «Плана Z» частные верфи были уведомлены о том, что кригсмарине накладывает вето на все строительство, веду-

21. Mason, *Arbeiterklasse*, 932.

22. H. Mommsen and M. Grieger, *Das Volkswagenwerk und seine Arbeiter im Dritten Reich* (Düsseldorf, 1996), 333–4.

23. F. W. Seidler, *Fritz Todt: Baumeister des Dritten Reiches* (Frankfurt, 1986), 212. См. также: Deutsche Bau- und Bodenbank, *Die Entwicklung der deutschen Bauwirtschaft im Jahre 1938* (Berlin, 1939), 6–13 — по оценкам автора, в 1938 г. на долю государственного строительства приходилось 80% всех строек.

щееся не в интересах флота²⁴. Кроме того, можно было ожидать, что требования рационализации труда и четкого расставления приоритетов будут предъявлены и самому вермахту. 11 ноября 1938 г. Кейтель, начальник ОКВ, отмечал: «После ознакомления с программами вооружения, представленными главнокомандующими, фюрер намеревается расставить приоритеты во всей программе вооружения вермахта в соответствии с единообразными критериями и естественным образом растянуть ее выполнение на несколько лет, приведя ее в соответствие с наличествующей рабочей силой, сырьем и средствами»²⁵. На практике это означало, что для немецкой программы вооружений был установлен срок в четыре года, соответствующий тем срокам, о которых был уведомлен полковник Томас в день Мюнхенской конференции.

Короче говоря, создается впечатление, что после Судетского кризиса были предприняты реальные усилия, направленные на повышение уровня дисциплины и координации при управлении германской экономикой²⁶. Более того, поскольку и Геринг, и ОКВ отвечали за выработку и экономической, и внешней политики, есть серьезные основания полагать, что новая, более согласованная, программа вооружений была скоординирована, по крайней мере теоретически, с внешнеполитической линией, принятой после Мюнхена²⁷. Теперь, когда был взят решительный курс на конфронтацию с Францией и Великобританией, ОКВ и Министерство иностранных дел, возглавляемое Риббентропом, начали реализовывать стратегию сколачивания альянсов. Помимо ликвидации остатков Чехословакии, главным ключевым элементом этой стратегии стало вовлечение Польши и Италии в наступательный союз против Великобритании и Франции. Риббентроп 24 октября обратился к полякам с предложением о заключении антисоветского соглашения, который бы гарантировал неприкосновенность польско-немецкой границы на протяжении 25 лет. В свою очередь, ОКВ составляло черновые планы скоординированных действий Германии и Италии против Франции²⁸. В эту комбинацию предполагалось

24. A. Meyhoff, *Blohm & Voss im «Dritten Reich»* (Hamburg, 2001), 234–43.

25. M. Geyer, «Rüstungsbeschleunigung und Inflation», *MGM* 30 (1981), 181.

26. В этом отношении я согласен с R. Overy, «Reply», *Past and Present*, 122 (1989), 222–40.

Но как будет показано ниже, эта стратегия потерпела крах почти сразу же после того, как была сформулирована.

27. Об антизападном повороте Германии после Мюнхена см.: Weinberg, *Foreign Policy* II, 465–534; J. Henke, *England in Hitlers politischem Kalkül 1935–1939* (Boppard, 1972), 162–221; S. Kley, *Hitler, Ribbentrop und die Entfesselung des Zweiten Weltkrieges* (Paderborn, 1996), 147–258; W. Michalka, *Ribbentrop und die deutsche Weltpolitik 1933–1940* (Munich, 1980), 239–94.

28. Ключевым документом по этой теме служит памятная записка вермахта для Риб-

добавить японцев в качестве противовеса Королевскому флоту и средства сдерживания Советского Союза.

С учетом обычных представлений о внутренней политике Третьего рейха это указание на согласованные и долгосрочные приготовления может показаться некоторым читателям неправдоподобным. Однако октябрь и ноябрь 1938 г. дают нам соответствующие факты. А наилучшей причиной считать, что в последние месяцы 1938 г. гитлеровский режим достиг определенной степени общей стратегической связности, служит шоковая терапия, которую принес с собой Судетский кризис. В сентябре 1938 г. германское руководство столкнулось с реальной возможностью того, что вскоре оно будет втянуто в войну европейского масштаба. Вероятно, неудивительно, что после кризиса, получив «второй шанс», Геринг, Кейтель, Томас и Риббентроп сумели прийти хотя бы к относительному единству. Если Германия хотела избежать катастрофы, то она явно нуждалась в соответствующей стратегии. Высокий риск реальной войны с Великобританией и Францией требовал, чтобы экономика и вооруженные силы Германии готовились к ней ускоренными темпами. Для того чтобы планы таких приготовлений были хотя бы отчасти реалистичными, их выполнение следовало растянуть на срок по крайней мере до начала 1940-х гг. Кроме того, в такой войне Германии явно потребовались бы все союзники, каких она только могла найти. Поскольку о наступательном союзе с Великобританией не могло идти и речи, очевидными партнерами Германии становились Италия и Япония. Все это диктовал простой здравый смысл. В какой степени Геринг, Риббентроп и Кейтель пришли к реальному стратегическому синтезу — вопрос открытый. Но, ненадолго оставив скептицизм, признаем: если в 1930-е гг. и был период, когда в гитлеровской Германии разрабатывалась согласованная, среднесрочная стратегия, то им были именно эти несколько спокойных недель после Судетского кризиса. Но продолжался этот период недолго.

II

Если выйти за рамки этих авральных попыток скоординировать организационную работу, то становится ясно, что планы вооружений, принятые в октябре 1938 г., не имели никаких шансов на выполнение — по крайней мере в мирное время. Утроение

бентропа о германо-итальянских военных переговорах от 30.11.1938, по. 411, DGFP D IV, 529–32.

производства вооружений, в 1938 г. уже находившееся на весьма высоком уровне, было просто нереальным делом. В такой стране среднего достатка, какой являлась Германия в 1930-е гг., военные расходы в масштабах, замышлявшихся в ноябре 1938 г., были несовместимы с сохранением даже подобия нормального уровня жизни. В более непосредственном плане они были несовместимы с сохранением либо ценовой стабильности, либо платежного баланса.

Наиболее гипертрофированной с точки зрения ее последствий была программа люфтваффе. Ее абсурдность заключалась не в запланированных цифрах годового производства самолетов, а в цели начать войну с воздушным флотом численностью в 21 тыс. самолетов. Во время Второй мировой войны максимальная численность люфтваффе едва превышала 5 тыс. самолетов (в декабре 1944 г.). Великобритания, направлявшая более значительную долю средств на ведение воздушной войны, в 1944 г., на последнем этапе бомбардировок, сумела собрать воздушный флот численностью чуть более 8300 самолетов. Фронтовая авиация Советского Союза достигла максимальной численности в апреле 1945 г., когда имела 17 тыс. самолетов, причем тяжелые бомбардировщики составляли лишь незначительную часть от этого числа. Даже в могущественных ВВС США в составе фронтовой авиации числилось не более 21 тыс. боевых самолетов²⁹. Для таких европейских стран среднего размера, как Великобритания и Германия, инфраструктурные издержки, связанные с содержанием воздушного флота в 21 тыс. самолетов, были просто неподъемными. Первая оценка общих затрат на четырехкратное увеличение численности люфтваффе дает цифру в 60 млрд рейхсмарок³⁰. Она была бы достигнута, если бы на одни лишь люфтваффе в 1938–1942 гг. было истрачено на 50% больше, чем на весь вермахт в 1933–1938 гг. Еще более обескураживающими были требования в отношении топлива. Для того чтобы обеспечить боеготовность воздушного флота в 21 тыс. самолетов, люфтваффе должны были иметь на начало войны не менее 10,7 млн кубометров топлива. Накопить такие гигантские запасы топлива Германия могла, лишь приобретая в начале 1940-х гг. по 3 млн кубометров топлива в год, что вдвое превышало существовавший уровень глобального произ-

29. Цифра для США получится намного более высокой, если мы добавим к ней авиацию флота и корпуса морской пехоты. Всего у американцев на всех театрах военных действий к концу 1944 г. имелось более 90 тыс. боевых и небоевых самолетов. См.: J. Ellis, *The World War II Databook* (London, 1993), 231–43.

30. E. L. Homze, *Arming the Luftwaffe* (Lincoln, Nebr., 1976), 223.

водства³¹. Техническое управление самих люфтваффе называло данные требования «сверхчеловеческими» («übermenschlich»)³². Аналогичные проблемы были сопряжены и с «Планом Z», выдвинутым флотом. При имевшемся времени, рабочей силе и стали германские верфи, вероятно, построили бы для Гитлера его линкоры. Действительно непреодолимым препятствием было их снабжение топливом. Согласно «Плану Z» потребности флота в мазуте к 1947–1948 гг. должны были вырасти с 1,4 млн тонн в год — цифры, предполагавшейся в 1936 г., — до 6 млн тонн, а потребности в дизельном топливе — с 400 тыс. тонн до 2 млн тонн. Даже по самым оптимистичным прогнозам отечественное производство к 1947–1948 гг. не могло дать более 2 млн тонн мазута и 1,34 млн тонн дизельного топлива. Поэтому германскому флоту пришлось бы рассчитывать на накопленные запасы, которые в 1939 г. составляли менее 1 млн тонн мазута и дизельного топлива, вместе взятых. Согласно расчетам, для того чтобы проводить неограниченные операции хотя бы в течение года, кригсмарине нужно было построить не менее 9,6 млн кубометров защищенных хранилищ для топлива³³.

В конечном счете грандиозные планы перевооружения, составленные в конце 1938 г., так и не получили шанса на то, чтобы продемонстрировать присущую им абсурдность. Все усилия по созданию согласованных рамок для дальнейшего процесса перевооружения через несколько недель были пресечены финансовыми последствиями Судетского кризиса. К концу года Рейх столкнулся как с нехваткой наличности, так и с резким сокращением валютных резервов, что препятствовало какому-либо серьезному продвижению по пути к поставленной Гитлером цели — утроить производство вооружений.

Как мы уже видели, финансовые рынки служили чувствительным показателем общего состояния германской экономики. В августе 1938 г., несмотря на отчаянную потребность в наличности, Министерство финансов было вынуждено обойтись без нового займа вследствие неопределенности, вызванной Судетским кризисом. Резкое ухудшение настроений на рынке сделало выпуск новых государственных облигаций небезопасным. В начале октября рынки, как и Рейхсбанк, были охвачены надеждой на то, что Германия вступает в эпоху мирного процветания. На волне оптимизма владельцы сбережений, страховые фонды

31. Budrass, *Flugzeugindustrie*, 558–63.

32. BAMA RL32199, 314–8.

33. См.: P. W. Zieb, *Logistik Probleme der Kriegsmarine* (Neckargemünd, 1961), 105–6; W. Meier-Dörnberg, *Die Ölversorgung der Kriegsmarine 1955 bis 1945* (Freiburg, 1973), 19–31.

и другие финансовые учреждения не только проглотили предложенные им государственные облигации на 1,5 млрд рейхсмарок, но и подписались на краткосрочный заем в 350 млн, объявленный нуждавшимся в деньгах Министерством финансов³⁴. Как выразился один эксперт, «После Мюнхена <...> немцев охватила едва ли не безграничная готовность ссужать деньги государству»³⁵. Но эти настроения оказались недолговечными. В конце ноября попытки Рейхсбанка получить четвертый заем в 1,5 млрд рейхсмарок окончились впечатляющим провалом. Почти треть новых облигаций так и не нашла покупателей³⁶. Рынок забастовал. Это было критическое событие, потому что в результате у государства, пытавшегося как-то примирить друг с другом необходимость в государственных расходах и потребность в частных инвестициях, резко сократилось пространство для маневра. Если Рейх лишился возможности изыскивать средства путем надежных долгосрочных займов, то у него не было альтернативы, кроме более или менее открытой инфляции либо болезненного сокращения государственных расходов и дальнейшего повышения налогов. Этот выбор со всей очевидностью предстает в состоявшейся в ноябре 1938 г. ожесточенной перепалке между РМЭ и Рейхсбанком.

После катастрофической неудачи с государственными облигациями РМЭ, которое после произошедшей в ноябре 1937 г. отставки Шахта находилось под влиянием организации по выполнению Четырехлетнего плана, крайне критически отнеслось к явно поспешному решению Рейхсбанка выпустить новый транш своих облигаций³⁷. Всего через три недели после успешного октябрьского выпуска рынок был просто не готов выдавать государству новую ссуду. Такое неожиданное и крупномасштабное обращение к рынку облигаций должно было просто высосать деньги из фондового рынка. «Опасения по поводу того, что займы Рейха будут размещаться каждые четыре недели, парализовали весь спрос на фондовом рынке». Это, в свою очередь, отняло у ряда важных промышленных компаний возможность выпускать акции и облигации, требовавшиеся для финансирования инвестиционных проектов, предусмотренных в Четырехлетнем плане. РМЭ указывало, что вместо выпуска нового займа государству следовало до января продержаться на крат-

34. BAL R25016549, 73.

35. На значение следующего эпизода первым указал Г. Джеймс в написанной им главе для книги L. Gall et al., *The Deutsche Bank 1870–1995* (London, 1995), 289–91.

36. IMT, *Nazi Conspiracy and Aggression*, VII, EC369, 426.

37. Последующие абзацы и цитаты приводятся по: BAL R3003847, 189–93.

косрочных банковских кредитах, дав возможность рынку капитала удовлетворить потребности, связанные с Четырехлетним планом. Решение, предложенное должностными лицами министерства, было типичным в том смысле, что носило организационный характер. Отныне РМЭ требовало для себя равного с Министерством финансов и Рейхсбанком права голоса при определении момента выпуска новых займов. Это давало гарантии того, что будут должным образом учтены более широкие интересы Четырехлетнего плана. Рейхсбанк всего через несколько дней ответил отказом. Как объяснили экономисты банка, проблема не была организационной и потому не решалась техническими средствами. Неудача с ноябрьским займом выявила перегрузку германской экономики. Рейхсбанк в полной мере осознавал все риски. Но с учетом финансовых потребностей Рейха у него не было выбора. «Финансовая ситуация Рейха продемонстрировала в середине ноября текущего года, что является <...> исключительно сложной; налицо дефицит наличности в 2 млрд рейхсмарок; мы стоим перед почти неизбежной возможностью того, что Рейх будет вынужден прекратить платежи». Поскольку все стороны единодушно отказались прибегать к печатному станку, государство вело интенсивные консультации с банками о возможности краткосрочного промежуточного кредита. Этот вариант тоже пришлось отвергнуть, потому что держать его в полной тайне было невозможно, а в том случае, «если об этих экстренных мерах стало бы известно общественности в стране и за рубежом, то она получила бы основания для вывода о том, что финансирование проектов Рейха на нынешних условиях отныне невозможно <...> это представлялось неприемлемым <...> хотя бы по соображениям престижа». В любом случае, с учетом того факта, что Рейх нуждался в кредите более чем на 1 млрд рейхсмарок только для того, чтобы до Рождества расплатиться по счетам, все это должно было серьезно сказаться на рынке, но, так или иначе, деньги были собраны. Если бы Рейх накопил огромную задолженность, банки лишились бы возможности дисконтировать коммерческие счета, что повлекло бы за собой дефицит ликвидности в промышленном секторе и вынужденную распродажу акций. Более того, приближалось подведение финансовых итогов года, а международная репутация германских банков понесла бы существенный ущерб, если бы их счета оказались обременены громадными краткосрочными займами Рейху. На практике же Рейх, получивший благодаря ноябрьскому займу всего 1 млрд 138 млн рейхсмарок, сумел продержаться лишь с помощью экстренной продажи своего резервного портфеля векселей

и технического овердрафта Рейхспочты и государственных железных дорог. Для того чтобы покрыть остаток дефицита, составлявший 300–400 млн рейхсмарок, пришлось прибегнуть к печатному станку. С учетом ситуации в Рейхе и настроений на финансовых рынках министерство было вынуждено признать, что оно «не имело бы возможности выполнить в намеченных масштабах возложенные на него задачи в сфере общего экономического перевооружения и Четырехлетнего плана». Рейхсбанк опасался того, что попытка навязать рынку еще больше займов вполне могла бы привести к катастрофе. «Снижение цены на облигации, которое было бы естественным последствием любых подобных мер, автоматически породило бы угрозу того, что в движение бы пришел весь блок долгов Рейха. Подобный исход полностью положил бы конец финансированию Рейха за счет займов». До тех пор пока у Рейха сохранялся громадный дефицит, нехватка доверия на рынках капитала влекла за собой постоянную угрозу того, что Рейх будет вынужден «остановить платежи». Единственной реальной альтернативой служило решение «безжалостно сокращать расходы в гражданском и военном секторах».

При этом правление Рейхсбанка не удовлетворилось чтением нотаций Министерству экономики. Где-то в декабре Шахт договорился с Гитлером о том, чтобы в начале следующего года обсудить финансовое положение Германии³⁸. В преддверии этого разговора правление Рейхсбанка составило новый документ о германской экономической ситуации, представленный в секретариат Гитлера 7 января 1939 г. По причине краха доверия на рынках облигаций Рейхсбанк еще более настойчиво повторил требования, впервые сформулированные в начале октября, сразу же после Мюнхена. Германия столкнулась с острым риском всплеска инфляции, порожденным «чрезмерными государственными расходами и краткосрочными кредитами»³⁹. Рейхсбанк был рад сыграть свою роль в гитлеровской программе возрождения нации. Сюда входили «две большие акции в Австрии и Судетской области». Но банк глубоко беспокоила следующая ситуация: хотя программа воссоединения немецкого народа была доведена до триумфального завершения, темпы расходов по-прежнему не обнаруживали никаких признаков снижения. Напротив, «все признаки» указывали на существование планов по дальнейшему «увеличению расходов». И хотя правление Рейхсбанка «с готовностью участвовало в достиже-

38. Hassel, *Hassel-Tagebücher*, 81.

39. Об этом и дальнейшем см. в: IMT, *Nazi Conspiracy and Aggression*, VII, EC-369, 427–32.

нии великой цели» перевооружения страны, «настало время положить этому конец». Ущерб, нанесенный национальной валюте за последние десять месяцев, можно было исправить, но лишь при строгом соблюдении сбалансированного бюджета. Начиная с февраля 1938 г. объем денежной массы в Германии увеличился «больше, чем за пять предыдущих лет». Этот неожиданный рост количества денег, вызванный односторонней программой общественных работ и перевооружения, привел к вопиющему несоответствию между заработками разных групп трудящихся. Как говорилось в документе Рейхсбанка, «структура заработков и цен» «совершенно развалилась». Повторяя опасения, которые неоднократно высказывались на протяжении последних шестидесяти месяцев, Рейхсбанк указывал на громадные расхождения между уровнем заработков и цен в различных секторах. Более того, хотя средние цены поддерживались на более-менее постоянном уровне, количество и качество товаров первой необходимости ощутимо снизилось. «Детская и рабочая одежда, раньше носившаяся годами, теперь изнашивается за несколько месяцев, а стоит столько же или даже больше». И принципиальная причина этого безобразия была ясна. «Не существует такого „рецепта“ или системы финансовых либо монетарных средств, вне зависимости от того, насколько хитроумными или продуманными они бы ни были, не существует такой организации или мер контроля, которые были бы достаточно эффективными для того, чтобы не позволить политике неограниченных расходов оказать катастрофическое влияние на национальную валюту».

Важно четко представлять себе смысл предупреждения, сделанного Рейхсбанком. Банкиры полагали, что инфляционное давление можно было сдерживать, хотя и путем расширения бюрократического контроля и снижения эффективности. Однако если бы Рейх пошел на расходы, необходимые для того, чтобы выполнить требование Гитлера о трехкратном росте производства вооружений, то это бы создало реальный риск инфляционной катастрофы. Согласно первоначальному прогнозу Фромма, сделанному в 1936 г., армия к концу 1942 бюджетного года планировала истратить 49 млрд рейхсмарок. Планы по пятикратному увеличению размеров люфтваффе потребовали бы расходов в объеме 60 млрд рейхсмарок на протяжении четырех лет. Планы военно-морского строительства, принявшие окончательный вид в начале января 1939 г., обошлись бы в 33 млрд рейхсмарок за десять лет⁴⁰. В соответствии с этими планами об-

40. IMT XXXV, D-855, 597.

щие расходы вермахта в 1939–1942 гг. составляли бы приблизительно по 30 млрд рейхсмарок в год — т.е. 30% германского национального дохода в 1938 г., без учета Четырехлетнего плана и других государственных проектов. На самом деле распределение запланированных расходов было еще более неравномерным, чем вытекает из этой усредненной величины. В 1939–1940 гг. общие бюджетные запросы вермахта составляли «всего» 2,4–2,5 млрд рейхсмарок⁴¹. Тем не менее, помня о том, к чему привели военные расходы за 1938 г., составлявшие 18 млрд рейхсмарок, Рейхсбанк имел все основания для того, чтобы опасаться последствий таких трат.

Предупреждения Рейхсбанка зимой 1938–1939 гг. представляли собой последнюю попытку Шахта и его коллег использовать экономические аргументы, чтобы заставить Гитлера свернуть с выбранного им курса. Однако, как и в предыдущих случаях, Гитлер не потерпел подобного нажима. Через две недели после получения им ходатайства Рейхсбанка Шахт, вице-президент Фридрих Дрейзе и директор Эрнст Гелзе были отправлены в отставку. В знак солидарности с ними уволились и двое других сотрудников Рейхсбанка, чьи подписи тоже стояли под письмом. Шахта на посту президента Рейхсбанка сменил уступчивый Вальтер Функ. В июне 1939 г. устав Рейхсбанка был пересмотрен с целью устранения каких-либо формальных ограничений на увеличение денежной массы. Несмотря на то что во внешних расчетах рейхсмарка оставалась официально привязанной к золоту, отказ от золотого стандарта, являвшийся целью нацистских теоретиков денежно-кредитной политики еще с 1920-х гг., наконец-то стал реальностью. Гитлер как фюрер германского народа получил право изменять объем денежной массы по своей воле. Тем самым был расчищен путь к неограниченным военным расходам. Вермахт не получил всего, что он хотел. Но колоссальный уровень расходов 1938 г. был сохранен. В секретном бюджете Рейха на 1939 г. для вермахта предусматривалась сумма в 20,86 млрд рейхсмарок, из которых 11,6 млрд выделялись на текущие расходы, а 9,199 млрд — на разовые меры по наращиванию вооруженных сил⁴². Флот и люфтваффе не имели оснований для недовольства, получив 2 млрд 744 млн и 7 млрд 18 млн рейхсмарок соответственно. Армии пришлось

41. Вычислено на основе цифры в 16 млрд рейхсмарок для армии, взятой из: T. Sargholz, «Die Auswirkungen der Kontingentierung von Eisen und Stahl auf die Ausrüstung der Wehrmacht von 1936 bis 1939» (Darmstadt, thesis, 1983), 412, и цифр для люфтваффе из: Homze, Arming, 228.

42. См. неопубликованные цифры в: Institut für Zeitgeschichte, Da 03.03, Reichshaushalt 1939.

обходиться «всего» 10 млрд 449 млн рейхсмарок, что было несколько меньше суммы, истраченной в 1938 г. Для того чтобы облегчить ситуацию с наличностью, Рейх взял на вооружение новый инструмент в виде Нового финансового плана (*Neuer Finanzplan*), принятого 20 марта 1939 г.⁴³ Согласно его положениям, поставщики товаров и услуг для государства должны были получать по крайней мере 40% от стоимости контрактов не наличностью, а в форме налоговых кредитов. В последующие годы они могли быть учтены при выплате налогов и обеспечивали их держателям серьезные налоговые льготы, но не предусматривали выплаты процентов. По сути они представляли собой принудительные займы Рейху, выдававшиеся под низкие проценты; к октябрю 1939 г. их общая сумма уже достигла 4 млрд 831 млн рейхсмарок⁴⁴. Если бы Рейх удовлетворил свои потребности в кредитах, расплачиваясь со своими подрядчиками налоговыми сертификатами, то рынки капитала смогут обеспечить по крайней мере 1 млрд рейхсмарок в виде займов на обслуживание потребностей Четырехлетнего плана — таков был замысел нового плана. Однако эта чрезвычайная мера с самого начала не могла скрыть финансовых затруднений режима⁴⁵. Технические средства были не в состоянии решить принципиальную проблему избыточного спроса⁴⁶. Сократив долю выплат наличными, Новый финансовый план просто лишал государственных подрядчиков значительной части ликвидности. Более того, его масштабы были недостаточными для того, чтобы закрыть дыру в финансах Рейха. Бюджет страны за 1938 г. был закрыт с превышением расходов над налоговыми поступлениями и надежными долгосрочными займами — дефицит составил 5,7 млрд рейхсмарок⁴⁷. Дополнительный дефицит, допускавшийся в бюджете на 1939 г., приближался к 6 млрд рейхсмарок. Единственным возможным источником «финансирования» этого дефицита оставались краткосрочные кредиты Рейхсбанка, по сути равнозначные печатному станку. За первые восемь месяцев 1939 г. текущая задолженность Рейха выросла не менее чем на 80%. К началу войны количество денег, находившихся в об-

43. G. Albrecht, «Der neue Finanzplan», *Finanzarchiv*, 7 (1940), 147–51; IfK, *Supplement to Weekly Report*, 20 April 1939.

44. W. A. Bölske, *Die Kosten von Hitlers Krieg: Kriegsfinanzierung und finanzielles Kriegserbe in Deutschland 1933–1948* (Paderborn, 1985), 21.

45. Hassel, *Hassel-Tagebücher*, 87.

46. Как и предсказывал Рейхсбанк: BAL R25016641, 126–57.

47. 3 млрд плюс 2,7 млрд в краткосрочных векселях, выпущенных вермахтом в разгар чешского кризиса и подлежащих оплате лишь в следующем налоговом году: Institut für Zeitgeschichte, Da 03.03, Reichshaushalt 1939.

ращении, удвоилось по сравнению с уровнем, наблюдавшимся всего двумя годами ранее.

Таким образом, попытки ограничить расходы на вооружение финансовыми средствами провалились. Как и в 1934 и 1936–1937 гг., в 1939 г. фактором, в конечном счете диктовавшим темп перевооружения, служили платежный баланс и объемы иностранной валюты. И это было вполне предсказуемо. Как мы уже видели, в начале 1938 г., за несколько недель до аншлюса, эксперты по Четырехлетнему плану прогнозировали тяжелый год. В конечном счете валютные резервы Австрии дали временную передышку. Всего в 1938 г. Рейхсбанк израсходовал 546 млн рейхсмарок в иностранной валюте, полученных либо из австрийских фондов, либо благодаря дальнейшей продаже зарубежных активов, находившихся в частном владении. Треть потребности Германии в «наличной валюте» — в противоположность импорту, который можно было оплатить путем клиринга кредитов, — была удовлетворена за счет «невозобновляемых» источников⁴⁸. Как заявил сам Геринг совету по выполнению Четырехлетнего плана 14 октября 1938 г., «В последние месяцы для достижения наших политических целей нам приходилось вести *сознательную* политику исчерпания валютных резервов и пренебрежения <...> экспортом»⁴⁹. В то время как германские валютные резервы снова были близки к истощению, экспортные поступления сокращались. В 1938 г. их объем снизился на 20% по сравнению с предыдущим годом, а новых экспортных заказов было еще меньше⁵⁰. В январе 1939 г. правление Рейхсбанка в своем докладе Гитлеру откровенно констатировало: «У Рейхсбанка не осталось ни золотых, ни валютных резервов»⁵¹. Торговый

48. BAL R25016646, 425–6.

49. BAL R261V 5, 181, курсив мой.

50. BAL R25016446, 419–24.

51. Как показано в R. Banken, «Die deutsche Goldreserven und Devisenpolitik 1933–1939», JbW 1 (2003), 49–78, в реальности это было не совсем так. Рейхсбанк на протяжении всех 1930-х гг. сохранял последний неприкосновенный запас золота на сумму от 370 до 550 млн рейхсмарок, которого хватило бы для оплаты месячного импорта. Однако Банкен не учитывает того, что накопление этого запаса зависело не только от приобретения валюты путем продажи германских частных активов и реквизированной собственности в захваченных странах, но и от согласованной программы управления платежным балансом, речь о которой шла в этой и предыдущей главах. Вопреки тому, что полагает Банкен, перевооружение не являлось первостепенным фактором: необходимость выдерживать «нормальную» экспортную политику постоянно учитывалась наряду с потребностями вести перевооружение. Поэтому валютные счета Германии представляют собой апостериорную переменную, и попытка Банкена вывести из этих данных силы, влиявшие на принятие решений руководством Рейха, приведет нас к неверным выводам, поскольку в реаль-

баланс быстро ухудшался. «Квитанции на иностранную валюту, выданные контролирующей службой в тот момент, когда осуществлялся импорт, в настоящее время <...> не покрываются реально имеющейся валютой, и это влечет за собой риск того, что рано или поздно по ним невозможно будет заплатить <...> в таком случае мы лишимся последних иностранных кредитов для оплаты импортируемых нами товаров»⁵². Уже к ноябрю 1938 г., с учетом прогнозировавшегося истощения валютных резервов, стало ясно, что Германии вскоре придется отказаться от крупномасштабного перевооружения в пользу мер по увеличению объемов экспорта⁵³. По сути, Геринг уже призывал к тому, чтобы принять усилия по наращиванию экспорта, в середине октября 1938 г.⁵⁴ В начале ноября вермахт был уведомлен о том, что экспортные заказы отныне получают приоритет над всеми прочими контрактами, включая военные заказы⁵⁵. И как мы уже видели, новая линия получила максимально возможное публичное одобрение в судьбоносной речи Гитлера перед рейхстагом 30 января 1939 г.⁵⁶

Эта речь прежде всего знаменита угрозами Гитлера в адрес европейского еврейства. Но при этом часто игнорируется тот факт, что эти зловещие угрозы в адрес «врагов Германии» сопровождались воззванием к населению страны, которое призывалось к усилению дисциплины и стойкости перед лицом хронических экономических трудностей страны. Нельзя было допустить того, чтобы на пути у новой мобилизации встали какие-либо «деградирующие социальные слои» или «общественные предрассудки». Из-за того что западные державы запрещают Германии расширять ее жизненное пространство, перед германским населением встает простой выбор: «экспорт или смерть»⁵⁷. В порядке борьбы с этой смертельной угрозой Гит-

ности за принятием политических решений стояло предчувствие грядущей катастрофы. Из того факта, что Рейхсбанк сумел сохранить хотя бы минимальный запас валюты, следует не то, что кризис был маловероятен, а всего лишь то, что применявшаяся Рейхсбанком стратегия борьбы с кризисом была эффективной. Позицию, более близкую к той, которую занимает автор настоящей книги, см. в: A. Ritschl, «Die deutsche Zahlungsbilanz 1936–1941 und das Problem des Devisenmangels vor Kriegsbeginn», VfZ 39 (1991), 103–23.

52. IMT, *Nazi Conspiracy and Aggression*, VII, EC-369, 430. Речь идет о кредитах, действовавших на протяжении периода между доставкой товаров и их оплатой.

53. О торговом балансе см.: W. Grävell, «Störungen im Aussenhandel», *Die Deutsche Volkswirtschaft*, 1 (1939), 43–50.

54. BAL R261V 5, 180–81.

55. Bölcke, *Kosten*, 59; Geyer, «Rüstungsbeschleunigung», 144.

56. См. разбор этой непомерно длинной речи, продолжавшейся два с половиной часа, в: Domarus, II. 1047–67.

57. Domarus II. 1053.

лер провозгласил новую эпоху в национал-социалистической экономической политике. Выполнение Четырехлетнего плана следовало ускорить, а немецкую рабочую силу — использовать наиболее эффективным образом. Посредством «рационализации» и совершенствования технологий экономика Германии должна была подняться на новые высоты производительности, которые бы позволили ей удовлетворить конфликтующие друг с другом потребности — во внутренних инвестициях, в экспорте и в перевооружении. Технические возможности для этого должен был дать Новый финансовый план с его механизмами для работы с рынками капитала. Но прежде всего требовалось сплоченное национал-социалистическое руководство и энергичное участие каждого немецкого мужчины и каждой немецкой женщины в достижении этой цели. Таким образом, именно чрезвычайная ситуация потребовала устранения Шахта и перехода Рейхсбанка под строгий национал-социалистический контроль. И именно эта чрезвычайная ситуация потребовала нового согласованного подхода к экономической политике, который, как мы видели, начал зарождаться в октябре 1938 г.

Однако оставалась дилемма, которой невозможно было избежать. Следовало предпринять какие-то меры для того, чтобы оживить сокращающийся германский экспорт, причем сделать это можно было лишь за счет программы вооружений. Вооруженные силы уже 24 ноября 1938 г. получили известие о том, что в новом году общая квота причитающейся им стали будет уменьшена и составит не 530 тыс. тонн, а всего 300 тыс. тонн⁵⁸. Эта новость стала шоком и для армии, и для ВВС, которые всего несколько недель назад радовались открывавшимся перед ними неограниченным возможностям. Армия, из всех родов войск больше всего нуждавшаяся в стали, была уведомлена о том, что получит ее в размерах, едва превышавших нормы 1937 г., причем те виды стали, на которые существовал самый большой спрос, будут нормироваться особым образом⁵⁹. Более того, к досаде армии наивысшим приоритетом с января 1939 г. стал пользоваться флот. Он не так сильно нуждался в стали, но с учетом общего сокращения стальных квот для вермахта эта смена приоритетов стала болезненной. Даже со скидкой на профессиональный пессимизм военных ситуация была явно серьезной. К весне 1939 г. поставки для армии сокращались вовсю. Как обычно, это сокращение наиболее остро ощущалось крупными потребителями стали. К ужасу промышленных предприятий, занимавшихся ар-

58. Sarholz, «Auswirkungen», 351; IMT, *Nazi Conspiracy and Aggression*, III. 868, 1301-PS.

59. ВАМА RH15/151, 5-6.

мейскими поставками, резко уменьшились заказы на производство боеприпасов⁶⁰. Как отмечал армейский главнокомандующий Браухич в негодующем письме, адресованном верховному командованию вермахта, неожиданная и явно произвольная отмена заказов «серьезно подрывает доверие делового сообщества к государственному экономическому планированию. На это вполне четко указывают <...> часто приходящие в последние дни запросы от предпринимателей»⁶¹. Резко сократилось производство боеприпасов для пехоты. Весной 1939 г. полностью прекратилось производство минометных мин. Артиллерийские снаряды продолжали выпускаться, но без медных ведущих поясков. Более того, пострадал не только выпуск боеприпасов. Нехватка строительной стали привела к тому, что к концу 1939 г. у 300 пехотных батальонов не имелось нормальных казарм и ангаров. Немецкая армия настолько выросла в размерах, что ее можно было разместить только в палатках. К июлю 1939 г. сокращению подверглись даже программы производства армейского оружия. Первоначальные планы на 1939–1940 гг. предусматривали выпуск 61 тыс. пулеметов MG34 — нового легкого пулемета, призванного стать основой огневой мощи в стрелковых отделениях. После сокращения поставок стали для армии эта цифра была сокращена всего до 13 тыс. пулеметов. Аналогичным образом заказ на 105-мм легкую полевую гаубицу — «рабочую лошадку» немецкой артиллерии — был сокращен с 840 до 460 штук⁶². Производство стандартной пехотной винтовки Mauser 98k должно было полностью прекратиться с осени 1939 г. Возможно, наиболее драматичным в свете последующих событий было двукратное сокращение танковой программы, первоначально предусматривавшей выпуск 1200 средних боевых танков и командирских машин с октября 1939 г. по октябрь 1940 г.⁶³ В целом серьезно недооснащенными в результате оставались 34 из 105 германских дивизий военного времени. Хотя какое-то оружие имелось всего у 10% учебных частей, ответственных за подготовку новобранцев. Более того, специализированным оружейным предприятиям пришлось бы уволить более 100 тыс. квалифицированных рабочих⁶⁴. Поскольку они бы немедленно перешли на другие предприятия, тем сложнее было бы возоб-

60. ВАМА RH15/151, 44–8.

61. ВАМА RH15/151, 61–3.

62. Sarholz, «Auswirkungen», 427–8.

63. ВАМА RH15/152, 37.

64. Согласно ВАМА RH15/151, 197, 91 тыс. человек, занятых в производстве боеприпасов. В RH15/152, 5 число трудящихся, безусловно занятых в производстве вооружений, оценивается в 100 тыс. человек.

новить массовое производство в случае войны. По оценкам армейских администраторов, теперь заводам боеприпасов после начала войны понадобилось бы шесть месяцев для того, чтобы выйти на полную производственную мощность. При этом боеприпасов, накопленных вермахтом, хватило бы всего на две недели активных боевых действий.

Точно так же пострадали и люфтваффе. В противоположность грандиозным замыслам 1938 г., в 1939 г. планы подверглись сокращению⁶⁵. Объемы производства, значившиеся в планах, последовательно утверждавшихся с лета 1938 г. по лето 1939 г., в целом оставались в пределах рамок, в декабре 1938 г. установленных Герингом в его Идеальной программе № 9, требовавшей к 1942 г. выпустить 21 тыс. самолетов. Но эти рамки удавалось сохранять, лишь сдвигая рост объемов выпуска на все более и более поздние годы. Задачи на 1939 и 1940 г. последовательно сокращались, как и спектр самолетов, фигурирующий в планах. Планы № 8 и 9, составленные в августе и декабре 1938 г., предусматривали, что в 1939 г. будет выпущено не менее 10 тыс. самолетов. В январе 1939 г. в плане № 10 была установлена цель в 8299 самолетов. В плане № 12, составленном в июле 1939 г., эта цифра сокращалась еще на 20% для всех типов самолетов, кроме Ju-88. Для того чтобы выполнить программу по выпуску Ju-88, план № 12 предусматривал ускоренное снятие с производства устаревших моделей, таких как Ju-87 «Штука»⁶⁶. Хотя этот пикирующий бомбардировщик уже доказал свою эффективность в Испании, его производство следовало сократить, чтобы расчистить путь для нового поколения самолетов, большинство из которых оставались неиспытанными. Чтобы пережить сокращение поставок сырья, люфтваффе избрали такую стратегию поставок вооружений, которая становилась все более рискованной. Квота люфтваффе на алюминий — важнейший материал для изготовления планеров самолетов — в январе 1939 г. была на треть меньше, чем требовалось для достижения скромных целей, установленных в плане № 12. Квота на медь первоначально была установлена на уровне в 50% от запрашиваемого. В июле 1939 г. она была еще сильнее урезана — до жалких 20%⁶⁷.

65. Первым тщательным разбором этого феномена мы обязаны давней статье Ричарда Овери. См.: R. Overly, «The German Pre-war Aircraft Production Plans», *English Historical Review*, 90 (1975), 778–97. Однако Овери объясняет этот поворот причудами планирования в люфтваффе, а не влиянием общих проблем в сфере производства вооружений.

66. ВАМА RL32630 LC7, 21.07.1939, Aktennotiz.

67. Budrass, *Flugzeugindustrie*, 585–7. См. также: RL32630 GL, 24.07.1939, Protokoll.

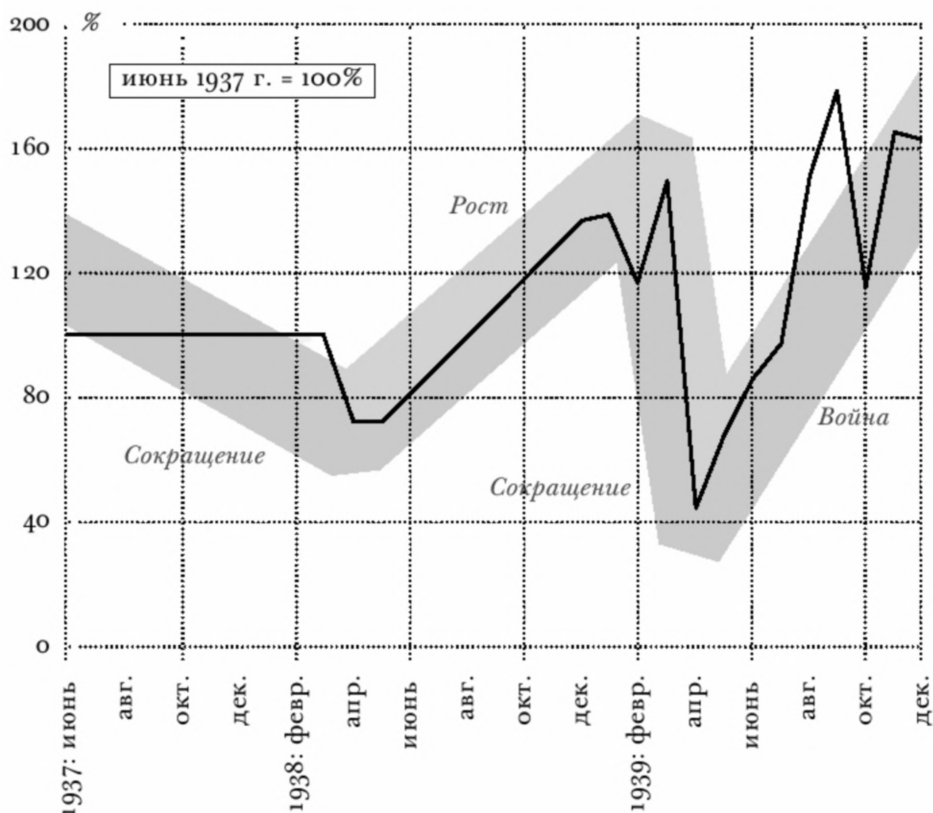

РИС. 10. Производство боеприпасов, 1937–1939 гг.

На рис. 10 наглядно представлено влияние, оказанное на поставки для люфтваффе и армии сперва спадом 1937 г. в производстве вооружений, а затем еще более резким сокращением производства, вызванным в 1939 г. нехваткой сырья. В обоих случаях это сказалось на объемах производства вооружений лишь спустя несколько месяцев. Но с учетом того, что для полного прохождения сырья по производственному циклу требовалось до девяти месяцев, этого и следовало ожидать. Общая картина подъемов и спадов едва ли могла быть более выразительной. Единственным родом войск вермахта, избежавшим этого неожиданного сокращения поставок, был флот. Причитавшиеся ему относительно небольшие квоты стали продолжали увеличиваться и после 1939 г., и нет никаких указаний на то, что строительные программы флота каким-либо образом пострадали от нехватки материалов. Однако по иронии судьбы это не привело к увеличению боевой мощи флота: в соответствии с флотским «Планом Z» приоритет отдавался новому поколению гигантских линкоров и верфей, необходимых для их постройки. А для этого требовались долгие годы.

III

Планирование производства вооружений было не единственным элементом антизападной стратегии Гитлера, который столкнулся с препятствиями в первые месяцы 1939 г. Неудачи сопровождали и немецкую внешнюю политику⁶⁸. Амбиции Риббентропа были нацелены на ликвидацию остатка Чехословакии при одновременном привлечении Польши в стан союзников Германии. В то же время германское Министерство иностранных дел надеялось заручиться поддержкой Японии и Италии в борьбе с Великобританией и Францией. К весне 1939 г. Риббентроп не сумел выполнить ни одной из этих целей. Польша отвергла предложения Германии и даже посмела пойти на улучшение отношений с Советским Союзом. Япония была занята войной в Северном Китае и не имела намерения приобретать новых врагов. Италия вставала на агрессивный курс, толкавший ее на восток, в сторону Балкан, а не на запад, в сторону Франции. Когда Гитлер 15 марта 1939 г. ввел немецкие войска в Прагу с целью установить протекторат над чехами, это привело к дипломатической катастрофе⁶⁹. Хотя оккупация Чехии делала беззащитной южную границу Польши, Варшава однозначно отвергала какую-либо возможность союза с Германией. А к концу месяца Великобритания пошла на беспрецедентный шаг, дав публичные гарантии территориальной целостности Польши. С тем чтобы наполнить это обещание конкретным содержанием, Великобритания и Франция вступили с Советским Союзом в переговоры о возможности заключения договора о взаимопомощи, который бы защитил остальные страны Восточной Европы от дальнейшей немецкой агрессии. Задним числом понятно, что эти переговоры были обречены на провал. По иронии судьбы соглашение с Советским Союзом делала невозможным гарантию, которую Англия дала полякам. Однако весной 1939 г. создание тройственного союза Франции, Великобритании и Советского Союза против Гитлера казалось неизбежным⁷⁰. Британский кабинет, несмотря на опасения Чемберлена, искренне стремился к заключению соглашения с СССР. И хотя отставка советского министра иностранных дел Максима Литвинова вызывала беспокойство, Сталин и его новый министр иностран-

68. Weinberg, *Foreign Policy* II, 535–602.

69. О нараставшем разочаровании Гитлера см.: D. C. Watt, *How War Came: The Immediate Origins of the Second World War 1938–1939* (London, 1989), 190.

70. См. точку зрения таких «третьих сторон», как Турция и Румыния, в: *ibid.*, 284–5.

ных дел Вячеслав Молотов, несомненно, серьезно относились к возможности договора с западными державами.

Позицию Великобритании и Франции укрепляли и исходившие из США явные указания на то, что европейские демократии могут рассчитывать на американскую поддержку. Таким сигналом для Берлина послужило подписанное 2 ноября 1938 г. англо-американское торговое соглашение⁷¹. В то время как Великобритания и Америка праздновали обозначившееся у них единство целей, Геббельс издал приказ, строго запрещающий немецкой печати какие-либо комментарии, намекающие на то, что Берлин считает это соглашение важной «победой демократии»⁷². Чемберлену особое удовольствие доставляли донесения разведки, согласно которым немцы были уверены в том, что это соглашение включает «секретные военные статьи»⁷³. На самом деле ничего подобного в нем не содержалось. Тем не менее к октябрю 1938 г. отношение Америки к поставкам вооружений начало меняться. Рузвельт предпринимал «серьезные бюрократические и политические усилия» к тому, чтобы заставить Америку отказаться от строгого нейтралитета и тем самым открыть дверь и к перевооружению Америки и к возможности оказывать военное содействие друзьям его страны в Европе⁷⁴. К концу года французы отправили в Америку закупочную комиссию, получившую указание приобрести до 1000 американских боевых самолетов, и Рузвельт лично потребовал от военного руководства показать французам лучшие образцы вооружений, которые могла предложить американская промышленность⁷⁵. Рузвельт, делая широкий жест, обещал, что Соединенные Штаты поставят западным демократиям до 20 тыс. самолетов⁷⁶. В то же время позиция администрации Рузвельта по отношению к Германии становилась все более враждебной. После ужасов «Хрустальной

71. A. W. Schatz, «The Anglo-American Trade Agreement and Cordell Hull's Search for Peace 1936–1938», *Journal of American History*, 57 (1970), 85–103.

72. H. J. Schröder, «Machtpolitik und Ökonomie: Zur nationalsozialistischen Aussenpolitik im Jahre 1938», in F. Knipping and K.-J. Müller (eds.), *Machtbewusstsein in Deutschland am Vorabend des Zweiten Weltkrieges* (Paderborn, 1984), 221.

73. C. A. Macdonald, *The United States, Britain and Appeasement 1936–1939* (London, 1981), 114.

74. D. Reynolds, *From Munich to Pearl Harbor: Roosevelt's America and the Origins of the Second World War* (Chicago, 2001), 42–8; C. Macdonald, «Deterrent Diplomacy: Roosevelt and the Containment of Germany, 1938–1940», in R. Boyce and E. M. Robertson (eds.), *Paths to War: New Essays on the Origins of the Second World War* (New York, 1989), 297–329.

75. J. M. Haight, *American Aid to France 1938–1940* (New York, 1970), 18–102.

76. Как признает Вейнберг, «Будущая расстановка сил уже становилась очевидной, по крайней мере в общих чертах»: Weinberg, *Foreign Policy* II, 521. В том, что касалось Гитлера, речь шла уже далеко не об «общих чертах».

ночи» лишь вмешательство Корделла Халла предотвратило решительные действия со стороны министра финансов Генри Моргентау. После оккупации Чехословакии в марте 1939 г. о какой-либо сдержанности было забыто. Рузвельт наложил карательную 25-процентную пошлину на германский импорт, и этот шаг в Берлине сочли равнозначным объявлению экономической войны⁷⁷.

Хотя оккупация Праги праздновалась в Берлине как великий триумф, в результате этого шага перед Третьим рейхом предстал кошмарный призрак 1914 года — окружения страны с востока и с запада, на что у Гитлера на самом деле не имелось ответа⁷⁸. Тем не менее, как и в мае 1938 г., его непосредственной реакцией стала агрессия. Он приказал вермахту начать подготовку к военным действиям против Польши на тот случай, если он сумеет изолировать эту страну дипломатически. Новые планы ОКВ были предъявлены Гитлеру 1 апреля в Вильгельмсхафене во время церемоний, сопровождавших спуск на воду нового гигантского линкора «Тирпиц»⁷⁹. Они предоставляли очевидную возможность для антибританских выпадов, и Гитлер воспользовался ею в полной мере. В своем вечернем выступлении он заразил аудиторию негодованием, напомнив ей о жестокой британской блокаде, и яростно обрушился на лицемерие, с которым британцы сплошь и рядом выказывали свое моральное превосходство, в то время как они силой подчинили себе более четверти земного шара. Недавние попытки британцев заключить союз с Советским Союзом четко указывали на то, какие именно силы действуют за кулисами. «Одна страна за другой вынуждена либо подчиниться еврейско-большевистскому чудовищу, либо защищаться». Мир станет возможен лишь после того, как из международных отношений будет окончательно устранен «еврейский клин». На протяжении следующих недель эта антибританская и антисемитская риторика стала популярной пропагандистской темой, но она несколько не помогла предотвратить нависшую над Германией реальную угрозу изоляции.

Карл Краух, трудившийся над выполнением Четырехлетнего плана, зафиксировал всю серьезность ситуации в ряде меморан-

77. DGFP D VI No. 14, 14. По некоторым оценкам, экспорт немецких товаров в США в результате сокращался с 200 млн до 115 млн рейхсмарок, что угрожало лишить Германию доступа к американскому хлопку: DGFP D VI No. 130, 159–60; Sirois, *Zwischen Illusion*, 162–9.

78. См. непоследовательность стратегических оценок Гитлера в его выступлении перед главнокомандующими 23 мая 1939 г.: IMT XXXVII, doc. O79-L, 546–56.

79. Watt, *How War Came*, 190–92.

думов о снабжении Германии сырьем в случае войны. Отправной точкой для него служило понимание того, что Германия постепенно теряет способность диктовать темп событий.

Когда 30 июня 1938 г. <...> фельдмаршалом были установлены новые задачи по повышению объемов производства [речь идет о «Новом плане военно-экономического производства» Геринга], казалось, что политическое руководство [Германии] получит возможность в одностороннем порядке диктовать темпы и масштабы политических преобразований в Европе, в то же время избегая конфронтации с группой держав, возглавляемых Англией. Начиная с марта нынешнего [1939] года не осталось никаких сомнений в том, что такая возможность утрачена. Открыто объявленная экономическая война против антикоминтерновских держав, которая уже тайно ведется под руководством Англии, Франции и Соединенных Штатов, со временем примет еще более суровые формы⁸⁰.

Вдохновляясь речью Гитлера в Вильгельмсхафене, Краух требовал от исполнителей Четырехлетнего плана, чтобы они не были пассивными зрителями того, как западные державы затягивают удавку на горле Германии. Антикоминтерновский союз Германии с Италией, Венгрией и франкистской Испанией должен быть укреплен и превращен в единый экономический блок, способный на ведение продолжительной «оборонительной войны» («Verteidigungskrieg») против сил «почти всего остального мира» («fast der ganzen übrigen Welt»). Краух добивался новых колоссальных мероприятий, направленных на создание мощностей по производству синтетического топлива, каучука и легких металлов в каждой из стран, союзных Германии. Лидером в осуществлении этой программы должна была стать промышленность, то есть *IG Farben*, которой за это, разумеется, причитались новые и щедрые квоты на сталь. Но, как ясно осознавал Краух, с учетом масштабов угрозы, нависшей над Германией, одной лишь автаркией было уже не обойтись. Для того чтобы Третий рейх мог пережить подлинно глобальную войну, ему следовало систематически распространять свое влияние на нефтяные месторождения Румынии и Ирана. Соответственно, Турция приобретала стратегическое значение в качестве ворот на Ближний Восток. Кроме того, Германии нужно было срочно развивать торговые отношения с Советским Союзом. «Вследствие открытой политики окружения, осуществляемой нашими врагами, сложилась новая ситуация... Если эти идеи не получают немед-

80. IMT VII, EC282, 944–56.

ленного воплощения в виде дел, то никакие кровавые жертвы в ходе грядущей войны не уберегут нас от печального конца, к которому однажды нас уже привели нехватка предвидения и решительности».

Шагом в верном направлении стал германо-румынский торговый договор, заключенный 23 марта 1939 г.⁸¹ Это вызвало сильную тревогу в Лондоне и Париже, поскольку Румыния была единственным крупным производителем нефти в Восточной Европе, а договор с Румынией представлял собой явный результат принуждения и подкупа⁸². В Берлине эта сделка была провозглашена важным прорывом, который в обозримом будущем должен был обеспечить снабжение Германии нефтью и зерном. Однако похоже, что для румын она в целом служила лишь способом уберечься от нажима со стороны Германии и Венгрии. Через несколько недель после подписания договора Румыния выторговала для себя у французов такие же гарантии безопасности, какие получила от них Польша. Англичане были вынуждены последовать примеру. После оккупации Праги в Юго-Восточной Европе сложилось очень хрупкое равновесие сил⁸³. В то время как Германия пыталась перетянуть на свою орбиту Румынию, Турция встала на сторону западных держав, укрепив правый фланг Британской империи на Ближнем Востоке⁸⁴. Решение Турции опиралось на сложившееся весной 1939 г. всеобщее убеждение в том, что вскоре будет объявлено о заключении тройственного альянса в составе западных держав и Советского Союза. Под влиянием того же мнения югославы, греки и даже болгары летом 1939 г. склонялись на сторону Лондона и Парижа, а не Берлина. Даже торговый договор с Румынией не оправдал ожиданий Гитлера. Бухарест, избавившись от угрозы нападения со стороны Венгрии, был готов снабжать Германию нефтью лишь при условии взаимовыгодных поставок — в частности, оружия⁸⁵. В июне Румыния впервые приостановила поставки нефти, заставив немецких

81. DGFP D VI No. 78, 91–6.

82. См. выразительное описание этих событий в изложении представителя Геринга, Вольтата, подтверждающее роль военного давления со стороны Венгрии, находившейся в союзе с Германией: DGFP D VI No. 131, 160–66.

83. В работе Watt, *How War Came*, 271–312 подчеркивается британский и французский успех. С другой стороны, в Weinberg, *Foreign Policy* 11, 584–92 указывается на ограниченный успех Германии, по крайней мере сумевшей защитить свои ключевые экономические интересы.

84. См. о тревоге в Берлине, вызванной слухами о переходе Турции во франко-британский лагерь: DGFPD VI No. 59, 68.

85. D. E. Kaiser, *Economic Diplomacy and the Origins of the Second World War: Germany, Britain, France and Eastern Europe, 1930–1939* (Princeton, 1980), 269–71.

торговых представителей согласиться на ответную поставку «мессершмиттов» последней модели. 22 июля Гитлер лично наложил вето на эту сделку. По его мнению, было неизвестно, стоит ли рассчитывать на помощь со стороны румын в случае войны. Однако в структурах, занятых выполнением Четырехлетнего плана, мораторий Гитлера вызвал беспокойство по поводу того, что в Германии вскоре придется вводить нормирование бензина, несмотря на мирное время. К тому времени было уже вполне ясно, что без импорта нефти из Румынии Германия долго не продержится. Поэтому всего через несколько недель Геринг отменил распоряжение Гитлера. Румыния получила истребители. Тем не менее из этих событий вытекал неизбежный вывод. Попытки установить экономическое господство Германии в Юго-Восточной Европе мирными средствами зашли в тупик. По сути, военно-экономическое управление вермахта уже в апреле 1939 г. пришло к заключению о том, что поставок нефти из Румынии хватит для удовлетворения германских потребностей лишь в том случае, если страна будет оккупирована германскими войсками и если вся румынская нефтяная промышленность, в тот момент контролировавшаяся преимущественно Францией и Великобританией, начнет работать на Германию⁸⁶.

Для Берлина принципиальная проблема заключалась в том, что после Праги, в условиях когда Великобритания и Франция объединили силы и явно могли рассчитывать на поддержку со стороны США, из любого традиционного стратегического анализа вытекало, что они обладают абсолютным превосходством над Германией. Французская и Британская империя подверглись бы серьезному испытанию лишь в том случае, если бы Германия получила от японцев и итальянцев согласие на совместные действия. Однако создание именно такого большого союза в 1939 г. никак не давалось риббентроповской дипломатии. Ни Япония, ни Италия не желали принимать слишком тесное участие в опасных замыслах Германии. Более того, в Берлине прекрасно представляли себе, насколько серьезный военно-экономический вызов стоит перед Германией. 24 мая 1939 г. главный экономист вермахта генерал-майор Томас ознакомил представителей германского Министерства иностранных дел с трезвым и чрезвычайно пессимистическим анализом соотношения сил⁸⁷. Томас предъявил своей аудитории самое свежее сопоставление оборонных расходов, запланированных «тремя де-

86. Ibid., 278.

87. IMT XXXVI, doc. ECo28, 113.

мократиями» на 1939–1940 гг., с предполагаемыми расходами Италии и Германии. Он пришел к выводу о том, что с поправкой на различия в покупательной способности Великобритании, Франция и США в текущем году потратят на оборону по крайней мере на 2 млрд рейхсмарок больше, чем Германия и Италия. Еще более впечатляющим было произведенное Томасом сопоставление бремени перевооружения с макроэкономической точки зрения, путем сравнения военных расходов с национальным доходом. В этом отношении отставание держав Оси было еще более заметным. В то время как Германия в 1939 г. уже запланировала выделить вермахту 23% своего национального дохода, во Франции эта доля составляла 17%, в Великобритании — 12%, а в США — всего 2%. Принципиально важными были две последние цифры. С учетом того факта, что британская и германская экономики шли более-менее наравне, франко-британский союз в любом случае получал значительное преимущество в европейской гонке вооружений. И как прекрасно понимал Томас, британское стратегическое планирование не ограничивалось Европой. Великобритания рассматривала «всю свою империю и США в качестве арсенала и источника сырья». В том случае, если бы колоссальные индустриальные мощности США были бы поставлены на службу Великобритании и Франции, западные державы получили бы подавляющее превосходство над Германией.

Вполне возможно, что Томас, делая эти сопоставления, намеревался продолжить стратегические дискуссии, от которых Людвиг Бек отказался в августе предыдущего года. Мы знаем, что Томас выступал против преждевременной войны с Великобританией и Францией, и он вполне мог искать союзников среди высшего руководства Министерства иностранных дел. С другой стороны, тех, кто склонялся к войне, подобно Гитлеру и Риббентропу, явно избравшим такой курс, данные, предъявленные Томасом, могли привести и к противоположному выводу. В полномасштабной гонке вооружений с участием «демократий» время явно работало не на Германию⁸⁸. Если верить цифрам Томаса, согласно которым демократии в 1939 г. уже потратили на 2 млрд рейхсмарок больше, чем Германия, притом что вклад США был минимальным, то насколько большим могло стать их преимущество через несколько лет? Этот аргумент в первую очередь касался люфтваффе, так как чрезвычайно быстрое развитие авиационных технологий в 1930-е гг.

88. В этом я согласен с точкой зрения Carroll, *Design*, 104, и Weinberg, *Foreign Policy* II, 28.

привело к тому, что позиции всех игроков на международной арене были примерно равными. Несмотря на периодические пафосные заявления Геринга, было ясно, что британцы направляют все имеющиеся ресурсы на развитие Королевских ВВС — сперва как оборонительного, но в конечном счете и как наступательного оружия. Не было никаких оснований полагать, что германская авиационная промышленность обладает каким-либо серьезным технологическим превосходством над британской. Хотя разведка обеих стран не отличалась надежностью, к весне 1939 г. Британия по производству самолетов сравнялась с Третьим рейхом. С другой стороны, в краткосрочном плане благодаря стремительному наращиванию численности, начавшемуся в 1933 г., немецкие военно-воздушные силы все еще имели заметное преимущество как в плане числа боеспособных самолетов, так и в плане общей боеготовности⁸⁹. Геринг, 15 апреля 1939 г. обращаясь к итальянскому министру иностранных дел Галеаццо Чиано, подчеркивал, что с точки зрения военно-воздушного баланса сил страны Оси будут находиться в наиболее «благоприятной» ситуации в течение ближайших 9–12 месяцев⁹⁰.

Чего не мог ожидать никто хоть как-то знакомый с экономическим положением Германии — по крайней мере в существовавших на тот момент условиях, — так это дальнейшего повышения темпов производства вооружений. Как мы уже видели, попытки армии накопить достаточные запасы боеприпасов и оружия для миллионов своих бойцов сталкивались с огромными трудностями. Программы люфтваффе сокращались, а не расширялись. Более того, нам известно, что Гитлер находился полностью в курсе ситуации. В феврале 1939 г., когда впервые дали о себе знать меры экономии, Браухич решился написать само-

89. G. Schreiber, «Das strategische Lagebild von Luftwaffe und Kriegsmarine im Jahre 1938», in Knipping and Müller, *Machtbewusstsein*, 188. Следует подчеркнуть, что это преимущество было лишь относительным. В тот момент ни одна из европейских стран, включая Германию, не обладала военно-воздушными силами, сколько-нибудь пригодными для продолжительного ведения стратегических бомбардировок. На этот момент обращалось внимание и в докладах штаба люфтваффе в последующие месяцы того же года. См.: Homze, *Arming*, 243–5.

90. IMT, *Nazi Conspiracy and Aggression*, IV. 4–6, беседа Геринга с Чиано, 15 апреля 1939 г., 1874-PS. 11 месяцев спустя Гитлер в разговоре с Муссолини подтвердил эту оценку военно-воздушного баланса в 1939 г.: «Прошлой осенью военно-воздушное превосходство Германии было очень значительным. Но Германия все равно опасалась того, что это превосходство будет отчасти утрачено вследствие разрекламированных программ строительства самолетов в Англии и Франции и поставок из Америки»: Беседа Гитлера и Муссолини, 18.03.1940. DGFP D IX No. 1, 1–16, doc. 1.

му Гитлеру⁹¹. Это был смелый шаг, потому что он представлял собой нарушение незадолго перед тем изданного приказа, запрещавшего представителям армейского штаба пытаться повлиять на Гитлера посредством пессимистических докладов о ситуации в сфере вооружений. Хотя Гитлер формально ответил Браухичу лишь через несколько недель, он был явно озабочен. В феврале 1939 г. ответственный сотрудник *Heereswaffenamt* получил следующий приказ:

Как меня конфиденциально уведомил адъютант фюрера капитан Энгель, фюрер желает, по возможности к концу первой недели марта, знать следующее:

- 1) количество имеющегося оружия и боеприпасов;
- 2) какая их доля роздана войскам, а какая находится на складах;
- 3) в каких объемах следует ожидать их дополнительных поставок⁹².

Вполне разумно предположить, что Гитлер пытался ознакомиться с состоянием немецкой армии в тот момент, когда он планировал оккупацию Праги. Спустя месяц, 15 апреля 1939 г., Браухич составил для Гитлера доклад, в котором подробнейшим образом излагал последствия не только сокращения квот на сталь, но и острой нехватки пруткового железа. Опираясь на тридцать страниц статистики и диаграмм, Браухич делал неутешительный вывод:

Текущая ситуация, сложившаяся вследствие нехватки пруткового железа, в некоторых отношениях соответствует ситуации перед Первой мировой войной. Тогда создание трех армейских корпусов, которые требовались на первом году войны для достижения быстрой победы, было сорвано из-за отказа рейхстага выделить необходимые средства. Сегодня армия лишена пруткового железа, необходимого для ее оснащения современным наступательным оружием. Последствия могут оказаться такими же, как в 1914 г.⁹³

Несколько месяцев спустя уже не сталь, а цветные металлы, и, в частности, медь, вынудили Браухича обратиться и к Гитлеру, и к Кейтелю как к главе верховного командования вермахта. Медь более четко отражала ситуацию с иностранной валютой, потому что Германия полностью зависела от импортной руды. После шести месяцев работы в условиях урезанных квот

91. B. R. Kröner, «*Der starke Mann im Heimatkriegsgebiet*»: Generaloberst Friedrich Fromm. Eine Biographie (Paderborn, 2005), 317–22. Первые черновики см. в: ВАМА RH15/151, 162–72.

92. IWM EDS, box 71, 71433.

93. ВАМА RH15/152, 46.

на сталь Браухич утверждал, что новые нормы отпуска цветных металлов равнозначны «в своей совокупности <...> полному отказу от процесса перевооружения»⁹⁴. Несмотря на запрещение делать политические выводы из таких проблем, Браухич указывал Кейтелю, что «любой ценой необходимо найти средства и возможности для того, чтобы предотвратить это неожиданное прекращение наращивания армии, особенно в столь напряженный политический момент». По мере приближения войны с Польшей программе перевооружения германской армии угрожала фактическая остановка. Секретариат Гитлера снова ответил указанием чиновникам, отвечающим за вооружения: «Фюрер желает получить сведения об ожидаемом уровне вооружений на 1 апреля 1940 г. и 1 октября 1940 г., изложенные в том же формате, что и в недавно представленных документах за 1939 г. <...> Пожалуйста, примите меры к тому, чтобы это пожелание было выполнено в срок»⁹⁵. Создается впечатление, что Гитлер внимательно отслеживал влияние сокращения квот сырья на военное производство и пытался представить себе, какие вооруженные силы будут находиться в его распоряжении в течение следующих 12–18 месяцев. В свете замечаний Браухича неудивительно, что управление вооружений дало крайне пессимистический ответ на запрос Гитлера. Вместо «идеального» максимума в 375 млн патронов для пехотного оружия в месяц поставки сырья по состоянию на июль 1939 г. позволяли произвести менее 37 млн патронов в месяц. Вместо 650 тыс. 37-мм противотанковых снарядов в месяц германская промышленность могла произвести лишь 39 тыс. Вместо 450 тыс. снарядов для легких гаубиц в месяц предполагалось производство всего 56300. Прогноз производства боеприпасов в Германии, представленный Гитлеру армейским штабом летом 1939 г., изображен в виде графика на рис. 11.

Гитлер так настойчиво требовал сведений, что начальник управления вооружений не успел проверить данные, собранные его подчиненными⁹⁶. Его явно беспокоила реакция Гитлера. Если бы фюрер решил, что армия пытается повлиять на его решения путем предъявления мрачной статистики, то он мог прийти в ярость. Поэтому после того, как адъютант фюрера получил запрашиваемые сведения, офицер, отвечавший за них, постарался перепроверить чрезвычайно пессимистические прогнозы по производству боеприпасов для пехоты. Штаб по во-

94. BAMA RH15/152, 174–9. Sarholz, «Auswirkungen», 436.

95. IWM EDS, Mi. 14/521, 71527.

96. Дальнейшая показательная переписка находится в: IWM EDS, box 71, 71534 и 71535.

оружениям немедленно предъявил ему подробные объяснения своих вычислений. Чтобы получить требуемые цифры, управление вооружений экстраполировало стальные квоты, которые ожидалось начиная с третьего квартала 1939 г. Еще большее значение в качестве лимитирующего фактора имело сокращение поставок меди, которые с июля 1939 г. не должны были превышать 415 тонн в месяц. Кроме того, приходилось учитывать установленную приказом Гитлера приоритетность танковых орудий, минометов, тяжелой пехотной артиллерии и сухопутных мин. В предположении, что 60% имеющейся стали предназначалось для выпуска этих приоритетных видов вооружений, прогнозы по выпуску стандартных 7,92-мм патронов для пехоты были даже завышенными.

Источники ничего не говорят о том, какой была реакция Гитлера на эти прогнозы. Однако мы можем быть уверены в том, что Гитлер осенью 1939 г. не питал никаких иллюзий в отношении выполнимости долгосрочных программ по производству вооружений, принятых после Мюнхена. В условиях проблем с финансами и сырьем, наблюдавшихся начиная с октября 1938 г., достижение этих грандиозных целей стало совершенно нереальным. В январе 1939 г. Гитлер уволил Шахта, устранив последнее серьезное политическое препятствие к откровенно инфляционной финансовой политике. Но от проблем с платежным балансом невозможно было отмахнуться с такой же легкостью. Хотя стратегическая ситуация явно требовала ускорить процесс перевооружения и хотя такое ускорение несомненно планировалось осенью 1938 г., нехватка импортного сырья сделала его невозможным. Германская военная экономика снова зашла в тупик, с 1934 г. неоднократно пресекавший ее развитие. Разумеется, с помощью чрезвычайных мер долю национального дохода, выделявшуюся на военные нужды, можно было бы поднять выше уровня в 20%, достигнутого уже в 1938 г., но лишь за счет отказа от какой-либо видимости нормальной экономической политики мирного времени. С другой стороны, Германия снова могла поступить так, как она делала в 1936–1938 гг. Она могла бы отложить ускорение процесса перевооружения на срок от 12 до 18 месяцев и накопить резервы иностранной валюты, которых хватило бы на один последний всплеск военных расходов. Но такой вариант был едва ли привлекательным с учетом сведений Томаса о глобальной гонке вооружений. В условиях, когда военные расходы уже составляли 20% национального дохода, а вермахт получал от 20 до 30% важнейших видов сырья, германская «военная экономика мирного времени» подошла к критическому порогу.

РИС. 11. Прогнозы по производству боеприпасов в Германии, представленные Гитлеру в июле 1939 г.

ПРИМЕЧАНИЕ. График составлен исходя из данных о реальных объемах производства до мая 1939 г. Значения, фигурирующие на графике после этой даты, представляют собой прогнозируемые уровни производства, выраженные в виде индексов, учитывающих соответствующие веса для каждого типа боеприпасов. «Идеальные» значения получены исходя из существовавших производственных мощностей с учетом экспортных заказов и гражданских потребностей, но с учетом допущения о неограниченном снабжении сырьем.

Если Гитлер, с одной стороны, знал, что прогнозы на производство вооружений в Германии не сулили в ближайшем будущем ничего хорошего, то летом 1939 г. он знал и то, что Третий рейх создал крупнейшую и наиболее боеспособную армию в Европе, а также сильнейшие военно-воздушные силы. Уже в марте 1939 г. в беседе с итальянским послом он констатировал: «что касается вооруженных сил Германии, в настоящее время она в состоянии справиться с любыми неожиданностями»⁹⁷. Начиная с 1933 г. в немецкую армию было призвано и обучено 4 млн че-

97. DGFP D VI No. 52, 57–62. Но он тут же оговорился, что это не относится к флоту.

ловек. Ей так никогда и не удалось достичь желательных темпов наращивания своих размеров, а в 1937 и 1939 г. этот процесс даже пошел вспять. Переоснащение частей первого эшелона танками и пулеметами последнего поколения не было завершено. Накопленных боеприпасов хватало лишь на несколько недель боевых действий. Но успехи, достигнутые с 1938 г., когда мысль о войне с Чехословакией едва не привела к бунту в германской армии, были бесспорны. К лету 1939 г., несмотря на протесты управления вооружений, немецкая армия была готова к короткой войне. Никто не сомневался в том, что она сумеет справиться с Польшей. Когда весной 1939 г. Гитлер велел готовиться к войне, никто из генералов не вымолвил ни слова протеста⁹⁸. Для борьбы с 30 пехотными и 7 кавалерийскими польскими дивизиями немцы могли выставить 54 дивизии, включая 6 танковых дивизий, в составе которых имелось по крайней мере небольшое количество средних и тяжелых танков⁹⁹. Более того, Германия, имея в своем составе Восточную Пруссию и бывшие чешские земли, окружала территорию Польши, что практически гарантировало успех. Мысль о войне с Великобританией и Францией по-прежнему беспокоила немцев. Кроме того, в Германии никто практически не имел понятия о том, каким образом она сможет выиграть войну на западе. Если бы французы предприняли решительное наступление в Западной Германии, пока основная часть вермахта и люфтваффе находилась бы в Польше, это вполне могло бы привести к катастрофе. Однако Германия уже не была беззащитной. Сосредоточив свои основные силы на востоке, вермахт имел возможность оборонять западную границу по крайней мере 11 дивизиями первого эшелона — а не 5 дивизиями, как в 1938 г. Более того, благодаря усилиям Тодта «ворота» в Рейнскую область между Рейном и Мозелем отныне были хорошо укреплены¹⁰⁰. Западный вал, который в сентябре 1938 г. немногим отличался от строительной площадки, теперь представлял собой обширную оборонительную систему, оснащенную 11283 бункерами и орудийными площадками. Численность воздушной армии приближалась к 4 тыс. самолетам первого эшелона. А так как люфтваффе в 1936 г. начали переоснащение, то среди немецких боевых самолетов и не было устаревших моделей. Более того, *Schnellplan* Крауха позволил Германии начиная с лета

98. C. Hartmann and S. Slutsch, «Franz Halder und die Kriegsvorbereitungen im Frühjahr 1939», *VfZ* 45 (1997), 467–95.

99. Kröner, in *DRZW* 5/1. 711. Напротив, в сентябре 1938 г. вермахт был в состоянии выставить против чехов всего 37 дивизий, включая 3 бронетанковые.

100. W. Murray, *The Change in the European Balance of Power, 1938–1939* (Princeton, 1984), 348–50.

1938 г. более чем в достаточных количествах снабжать свои войска взрывчаткой, порохом, а при необходимости и отравляющими газами.

Короче говоря, осенью 1939 г. можно было обосновать необходимость войны исходя из одной лишь динамики производства оружия и боеприпасов. Если война была неизбежна — а Гитлер явно считал именно так, — то вермахт вряд ли мог что-то выиграть, выжидая¹⁰¹. И Гитлер в ряде случаев, несомненно, исходил именно из этой логики. Оправдывая свое решение напасть на Польшу вне зависимости от связанного с этим риска, Гитлер недвусмысленно ссылаясь на экономические обстоятельства. В историю вошло его выступление 22 августа 1939 г. в Берхтесгадене перед военным руководством страны. Он подчеркивал: «Терять нам нечего, а получить мы можем все. Из-за препятствий, с которыми мы столкнулись, экономическая ситуация позволит нам продержаться всего несколько лет. Геринг может это подтвердить. Мы должны действовать». Согласно другому изложению этой же речи, Гитлер менее лицеприятно высказался в адрес Геринга: «Четырехлетний план провален и с нами будет покончено, если мы не одержим победу в грядущей войне»¹⁰². По воспоминаниям Альберта Шпеера, в 1939 г. ежедневно встречавшегося с Гитлером, тот аргументировал необходимость войны, исходя непосредственно из динамики гонки вооружений. Гитлер, судя по всему, полагал, что начиная с 1940 г. «преимущество» Германии «станет сокращаться». «Однако следует отметить, что во всех областях мы располагаем современным оружием, а у противной стороны имеется лишь устаревшее»¹⁰³. Как мы увидим, после того, как война разразилась, Гитлер еще более недвусмысленно утверждал, что ему якобы приходилось действовать в условиях нехватки времени, и объявлял свое решение о начале войны сознательным выбором в пользу превентивного удара по формирующейся вражеской коалиции. В начале марта 1940 г. он поразительно откровенно писал Муссолини: «С мо-

101. Такая же точка зрения, не столь четко и уверенно выраженная, высказывается в: J. Dülffer, «Der Beginn des Krieges 1939: Hitler, die innere Krise und das Mächtesystem», GG 2 (1976), 443–70, и B.-J. Wendt, «Durch das „strategische Fenster“ in den Zweiten Weltkrieg», in W. Backes, E. Jesse and R. Zitelmann (eds.), *Die Schatten der Vergangenheit: Impulse zur Historisierung des Nationalsozialismus* (Berlin, 1990), 344–74.

102. Разные варианты этой речи см. в: K. J. Müller, *Das Fleeer und Hitler: Armee und nationalsozialistisches Regime 1933–1940* (Stuttgart, 1969), 409–11; B.-J. Wendt, *Grossdeutschland: Aussenpolitik und Kriegsvorbereitung des Hitler-Regimes* (Munich, 1987), 163; DRZW 1. 842; Kaiser, *Economic Diplomacy*, 281.

103. A. Speer, *Inside the Third Reich* (London, 1970), 163; А. Шпеер, *Третий рейх изнутри. Воспоминания рейхсминистра военной промышленности* (Москва, 2005), 213.

мента учреждения воинского призыва в Англии [это произошло весной 1939 г.] было совершенно ясно, что руководящие лица в британском правительстве уже приняли решение о новой войне против тоталитарных государств». Цели этих теневых «кругов» были самыми широкими — «тотальными», как выразился Гитлер. По сути, речь шла «не более не менее», «чем об уничтожении [*Beseitigung*] тех режимов», — в первую очередь Германии и Италии, — «которые по своей сути представляют собой угрозу для этих феодально-реакционных плутократий». Эта угроза уничтожения почти совсем не оставляла Гитлеру времени.

В свете стремления Великобритании к наращиванию вооружений, а также учитывая намерение Англии мобилизовать всех мыслимых союзников <...> мне представляется, что я в конце концов был прав <...> немедленно нанеся контрудар [«*Abwehr*»], даже рискуя на два или на три года приблизить войну, замыслившуюся западными державами. В конце концов, дуче, насколько бы улучшилась наша оснащенность за два или за три года? Если речь идет о вермахте, то в свете ускоренного перевооружения Англии серьезный сдвиг соотношения сил в нашу пользу едва ли был реален. А относительно востока ситуация могла бы только ухудшиться¹⁰⁴.

Учитывая серьезный провал, постигший производство оружия и боеприпасов в Германии летом 1939 г. и впервые в полной мере освещенный в данной главе, доводы, которыми Гитлер объяснял свое решение начать войну, заслуживают того, чтобы их рассматривали серьезно, а не отмахивались от них как от «полуправды» и оправданий, сделанных задним числом¹⁰⁵. Гитлер был вполне осведомлен о том, в каком состоянии находится в Германии производство вооружений. И по сути он был прав, считая, что Германия подошла к черте, после которой продолжение мирной гонки вооружений ей почти ничего не даст. Это со всей очевидностью вытекало и из представленного Томасом широкого анализа макроэкономики гонки вооружений, и из сравнения данных по выпуску боевых самолетов. В 1939 г. Великобритания и Франция наконец начали догонять люфтваффе. Если война, как полагал Гитлер, была неизбежна, то в рамках его собственной «безумной логики» он действительно был заинтересован в нанесении удара при первой благоприятной возможности. И такую возможность летом 1939 г. ему дало неожиданное достижение немецкой дипломатии.

104. ADAPDVIII, doc. 663, Гитлер — Муссолини, 8.03.1940, 687.

105. Этой точки зрения придерживается автор книги: A. Hillgruber, *Die Zerstörung Europas: Beiträge zur Weltkriegsepoche 1914 bis 1945* (Frankfurt, 1988), 212.

IV

По мере того как ситуация в Центральной и Западной Европе все сильнее поляризовалась, все более решающее стратегическое значение приобретали окраинные державы. Германии не удалось сделать Польшу своим союзником. Не сумел Гитлер и нейтрализовать британские и французские гарантии. С другой стороны, к августу 1939 г. Гитлер и Риббентроп раскололи трансконтинентальную коалицию, которая представляла возможную угрозу для Третьего рейха после оккупации Праги.

Первыми дрогнули Соединенные Штаты. После Мюнхена Рузвельт все более недвусмысленно выступал против гитлеровского экспансионизма. Однако принципиальный вопрос заключался в том, был ли способен президент сколотить в США внутреннюю коалицию, необходимую для поддержки его все более воинственной позиции. Европа приближалась к войне, но принятый в 1937 г. крайне ограничивающий возможности президента Закон о нейтралитете все еще оставался в силе. После оккупации Праги в конгрессе предпринимались попытки снять часть ограничений с тем, чтобы участники военных действий могли покупать у Америки оружие по принципу «плати и забирай»¹⁰⁶. Но к началу лета эти попытки были блокированы изоляционистским меньшинством и в палате представителей, и в сенате. 18 июля Рузвельт был вынужден отказаться от своих намерений до следующей сессии конгресса. В Париже и Лондоне это вызвало уныние. Профашистская печать ликовала. Американские обещания оказались пустыми словами¹⁰⁷. Ультраправая организация *L'Action française* саркастически писала: «Америка с нами! Сто двадцать миллионов свободных граждан Соединенных Штатов горят желанием помочь нашим солдатам!»¹⁰⁸. Ситуация, сложившаяся летом 1939 г., не позволяла США снабжать Великобританию либо Францию оружием и боеприпасами в случае войны. Трудно себе представить, чтобы серьезные люди в Риме или в Берлине испытывали реальные сомнения в отношении того, что случится, если действительно разразится война. Кроме того, изоляционисты не препятствовали усилиям Рузвельта по наращиванию уровня вооружений в самой Америке. Но летом 1939 г. было ясно, что в случае европейской войны пройдут месяцы, если не годы,

106. Reynolds, *From Munich*, 49–50.

107. Watt, *How War Came*, 268.

108. Haight, *American Aid*, 124–31.

прежде чем американская военная и промышленная мощь даст о себе знать в полной мере¹⁰⁹.

Если участие США в войне на стороне Великобритании и Франции просто оказалось под вопросом, то позиция Советского Союза изменилась куда более существенным образом. Как мы уже видели, после 15 марта, когда немецкие войска вошли в Прагу, все понимали, что Франция, Великобритания и Советский Союз вскоре объединятся в тройной оборонительный союз против Германии. Угроза, которую создавала для всех трех стран непрерывная агрессия Германии, была так велика, что им, несомненно, следовало забыть об идеологических разногласиях. Именно в таком духе высказался в конце мая в британском парламенте Чемберлен, настолько убежденный антикоммунист, насколько это было возможно¹¹⁰. Дипломатические и военные дискуссии с участием Франции, Великобритании и Советского Союза продолжались все лето¹¹¹. Гитлер, в свою очередь, стремился втянуть Японию и Италию в союз, обязывающий их объявлять войну врагам Германии — только это давало ему надежду в условиях подавляющего военно-морского превосходства Великобритании и Франции. И британцы это вполне понимали. «Тройная угроза» со стороны коалиции Оси в Атлантике, Средиземном море и на Тихом океане была настоящим кошмаром для стратегов Королевского флота¹¹². Стремление дать глобальный ответ Британии требовало от немцев не вступать в более тесные отношения с Советским Союзом, поскольку Япония и СССР были вовлечены в напряженное противостояние в Маньчжурии. Однако в Москве отчетливо проступали признаки нового подхода к европейской безопасности¹¹³. Одновременно уклончивыми ответами японцев на просьбы Германии и Италии о гарантиях в случае войны Советский Союз дрейфовал в сторону Гитлера.

109. Значение временного фактора постоянно подчеркивалось на протяжении германских стратегических дебатов в 1939 г. См.: DGFP D VI No. 107, 129–35.

110. R. A. C. Parker, *Chamberlain and Appeasement: British Policy and the Coming of the Second World War* (New York, 1993), 227–31.

111. G. Roberts, «The Alliance that Failed: Moscow and the Triple Alliance Negotiations, 1939», *European History Quarterly* (1996), 383–414.

112. См. мрачный прогноз Королевского флота от 15 июня 1939 г., где сравнивались возможности флотов: J. Maiolo, *The Royal Navy and Nazi Germany, 1933–1939: A Study in Appeasement and the Origins of the Second World War* (Basingstoke, 1998), 183.

113. Проницательный анализ изменения позиции Сталина в течение 1939 г. см. в: S. Pons, *Stalin and the Inevitable War, 1936–1941* (London, 2002). Более позднюю датировку этого поворота см. в работе: G. Roberts, «The Soviet Decision for a Pact with Nazi Germany», *Soviet Studies*, 44 (1992), 57–78, которая подвергается критике в: J. Haslam, «Soviet-German Relations and the Origins of the Second World War: The Jury Is Still Out», *Journal of Modern History*, 69 (1997), 785–97.

Немецкие дипломаты хорошо понимали, что Сталин с весны 1939 г. делал все более явный акцент на классическом ленинском учении о неизбежности войны между капиталистическими странами — и это открывало перед Германией новые возможности¹¹⁴. В конце концов союз с Германией предоставлял Советскому Союзу наилучшую возможность для того, чтобы выиграть от войны между крупными капиталистическими державами. В свою очередь, если немцы серьезно думали о войне с Польшей и все еще надеялись дать отпор Великобритании и Франции, то они отчаянно нуждались в союзе с кем-нибудь — если не с Японией, то с Москвой. Риббентроп уже 26 мая вчерне составил полный набор инструкций для немецкого посольства в Москве, в котором четко подчеркивал фактически антибританскую направленность политики Германии и в Европе, и в ее отношениях с Японией¹¹⁵. Но эти инструкции так и не были отправлены по назначению, поскольку переговоры с японцами продолжались¹¹⁶. Лишь после того, как надежда на военный пакт с Японией была окончательно потеряна (это случилось в начале июля), у немецких дипломатов оказались развязаны руки для того, чтобы обогнать англичан и французов и раньше них заключить сделку с Москвой¹¹⁷. Дополнительным стимулом служило и пришедшее 31 мая от итальянцев сообщение о том, что, несмотря на их обязательства перед Осью, они не будут готовы к войне ранее 1943 г.¹¹⁸ Геринг и Гитлер время от времени называли своим итальянским партнерам именно такой срок начала наступательной войны¹¹⁹. Но тогда они рассматривали возможность трехстороннего нападения на британцев в сотрудничестве с японцами. В 1939 г. из всех трех родов войск вермахта лишь немецкий флот не был готов ни к каким военным действиям. К лету 1939 г. военно-морской союз с Японией был снят с повестки дня. Высокими темпами ускорялось перевооружение британских военно-воздушных сил, а немецкая армия зашла в тупик.

114. Эта идея представляет собой ключевой момент в версии Понса. См.: DGFP D VI No. 112, 138–40.

115. DGFP D VI No. 441, 589–93.

116. DGFP D VI No. 424, 558–9, No. 446, 597–8.

117. О растущем разочаровании Германии Японией и о растущей поглощенности Японии войной в Китае см.: DGFP D VI No. 447, 599–600, No. 457, 614–15, No. 538, 737–40, No. 548, 750–51, No. 597, 821–2, No. 619, 858–60. К началу июля представлялось очевидным, что Япония не вступит в договор, который бы обязывал ее к участию в войне с Великобританией и Францией в случае европейского конфликта: Weinberg, *Foreign Policy* II, 601–27.

118. DGFP D VI No. 459, 617–20.

119. В разговоре с Муссолини Геринг предположил, что благоприятный баланс сил на море сложится самое раннее к 1942–1943 гг.: DGFP D VI No. 21, 258–63.

У Гитлера оставалось все меньше времени, и он нашел себе нового предпочтительного союзника. Идеальным партнером для быстрой наземной и воздушной войны против Польши и ее западных союзников была не Япония, а Советский Союз.

В июне германо-советские контакты становились все более тесными, а в их тематике узкие экономические вопросы постепенно уступали место общим стратегическим проблемам. В начале июля германский посол впервые встретился с министром иностранных дел Молотовым¹²⁰. К августу переговоры быстро продвигались. 19 августа было заключено рамочное кредитно-торговое соглашение. Ранним утром 24 августа 1939 г. гитлеровский министр иностранных дел Риббентроп заключил с Советским Союзом пакт о ненападении, включавший секретные статьи о разделе Восточной Европы на сферы влияния. Польша подлежала расчленению. Сталина и Гитлера, заклятых идеологических врагов, связал пакт о ненападении и взаимопомощи. Хорошо известны шок и разочарование в мировом коммунистическом движении после известия о заключении пакта между Гитлером и Сталиным. С немецкой стороны тоже наблюдалось замешательство, но главным образом среди тех, кто теперь считал себя врагами режима. Промышленный магнат Фриц Тиссен, правый католик, ранее поддерживавший Гитлера, был так потрясен, что эмигрировал в Швейцарию, и это позволило Герингу конфисковать его крупный пай в *Vereinigte Stahlwerke*¹²¹. Однако среди идеологических сторонников нацизма эта сделка, судя по всему, никогда не считалась чем-либо большим, чем удобным перемирием. Антикоммунизм Гитлера по-прежнему не подлежал сомнениям. Но стремление избежать войны на два фронта было абсолютным императивом. Гитлер все еще надеялся на то, что ему удастся предотвратить выступление Великобритании на стороне Польши¹²². Но если Великобритания так и не пожелаала понять, что главной целью Германии в конечном счете остается уничтожение еврейско-большевистской угрозы на востоке, и втягивала Германию в войну на Западе, то временное соглашение с СССР превращалось в стратегическую необходимость¹²³.

Вечером 23 августа, когда Риббентроп отправился подписывать договор, в Берлине ощущалось нескрываемое облегчение.

120. DGFP D VI No. 607, 834–6.

121. F. Thyssen, *I Paid Hitler* (London, 1941), 52–7; G. Mollin, *Montankonzerne und «Drittes Reich»* (Göttingen, 1988), 124–8.

122. Об эволюции представлений Гитлера о приемлемости просчитанного риска в войне с Западом см.: J. Henke, *England*, 235–302.

123. Принципиальное значение этого заявления, сделанного в августе 1939 г. К. Й. Буххардту, справедливо акцентирует Хильгрубер, подчеркивая, что Гитлер

Гитлер едва мог дожидаться момента для того, чтобы объявить о хороших вестях из Москвы, хвастаясь перед своими встревоженными генералами, что теперь Германия может не опасаться блокады¹²⁴. Переговоры начались с немедленного заключения грандиозной торговой сделки, точные условия которой были окончательно определены в феврале 1940 г. Объем торговли на следующий год был задан на уровне в 600–700 млн рейхсмарок. Это было меньше, чем надеялась Германия, но решающее значение имела структура советских поставок в Германию, а не их абсолютный объем¹²⁵. Советский Союз быстро превратился для Германии в главный источник импортных кормов для скота. Кроме того, в 1940 г. Советский Союз на 74% удовлетворил потребности Германии в фосфатах, на 67% — в импортном асбесте, на 65% — в хромитовых рудах, на 55% — в марганце, на 40% — в импортном никеле и на 34% — в импортной нефти¹²⁶. Как выразился полковник Эдуард Вагнер, генерал-квартирмейстер германской армии, «заключение этого договора спасло нас»¹²⁷.

V

Гитлер в сентябре 1939 г. выбрал войну, хотя и знал, что нападение на Польшу, скорее всего, приведет к объявлению войны Великобританией и Францией¹²⁸. Гитлер отдал приказ о нападении на Польшу, как только узнал, что в Москве будет наверняка подписан пакт. Он был готов к войне уже 26 августа, но отложил ее начало, поскольку гибкость германского мобилизационного расписания давала ему еще три дня на дипломатию, цель которой состояла не в том, чтобы избежать конфликта, а в том, чтобы расколоть коалицию союзников и переложить бремя «вины за войну» на Великобританию и Францию. По состоянию на 28 августа Гитлер шел навстречу войне, прекрасно понимая, что британцы почти наверняка примут в ней участие. Как в то время, так

сознательно шел на конфронтацию с западными державами. См.: Hillgruber, *Zerstörung*, 208.

124. DRZW 4.142.

125. РМЭ называло поставки зерна, нефти и фосфатов «жизненно важными» («lebenswichtig»): DRZW 4.147.

126. H. Schwendemann, *Die wirtschaftliche Zusammenarbeit zwischen dem Deutschen Reich und der Sowjetunion von 1939 bis 1941: Alternative zu Hitlers Ostprogramm?* (Berlin, 1993), 373.

127. E. Wagner (ed.), *Der Generalquartiermeister: Briefe und Tagebuchaufzeichnungen des Generalquartiermeisters des Heeres General der Artillerie Eduard Wagner* (Munich, 1963), 106.

128. Как отмечается в Weinberg, *Foreign Policy* II, 629; см. также pp. 638–46. Объявление войны британцами, произошедшее 3 сентября, разочаровало Гитлера, но не удивило.

и впоследствии в руководстве Третьего рейха и в близких к нему кругах находились те, кто отказывался поверить в то, что Гитлер сознательно пойдет на такой огромный риск¹²⁹. Однако степень риска не должна приводить нас в содрогание. Говорить о «прорасчетах» и «ошибках» применительно к началу Второй мировой войны означает недооценивать осознанность решений Гитлера¹³⁰. Как мы уже указывали в этой главе, на путь стремительной агрессии фюрера толкало сплетение экономических и стратегических обстоятельств. Мы сознательно избегали каких-либо упоминаний о «кризисе». В 1939 г. в Третьем рейхе не было никакого кризиса — ни политического, ни экономического¹³¹. Его не допустили бы эффективные средства принуждения и контроля, создававшиеся начиная с предкризисного 1934 г. Но к маю 1939 г. уже нельзя было скрыть произошедшего после Мюнхена полного крушения среднесрочной стратегии¹³². Все попытки создать глобальный альянс, который поддержал бы грандиозное военное строительство в Германии, провалились. Неспособность Риббентропа втянуть итальянцев (либо японцев) в прочный военный союз против Великобритании сделала большие сроки, на которые ориентировался принятый флотом «План Z», чисто умозрительными. А вследствие вновь давших о себе знать серьезных проблем платежного баланса Германия начала терять свое преимущество в гонке вооружений гораздо быстрее, чем прогнозировал Гитлер в ноябре 1937 г. Все это почти не оставляло ему времени. Если перспективы на будущее казались мрачными, то в 1939 г. Германия по крайней мере могла себе позволить начать ограниченную наступательную войну с некоторыми надеждами на успех. На земле и в воздухе вермахт мог рассчитывать по крайней мере на временное преимущество. Между тем летом 1939 г. стратегическая ситуация, в которой пребывала Германия, неожиданно изменилась к лучшему. Чехословакия перестала представлять угрозу в военном отношении. Рузвельт столкнулся с набиравшим силу изоляционизмом. А Риббентроп в течение нескольких лихорадочных недель дипломатии разорвал окру-

129. Это один из моментов, к которым активно привлекает внимание Kley, Hitler, Ribbentrop, 258–320. То, что этого не понимали в армии, четко подтверждается документами в: Kröner, Fromm, 342–50.

130. Вопреки тому, что утверждается в R. Overy, «Hitler's War Plans and the German Economy», in Boyce and Robertson, *Paths to War*, 96–127. См. также: I. Kershaw, *Hitler 1936–1945: Nemesis* (London, 2000), 155–80.

131. В этом ключевом моменте мы вынуждены не согласиться с тезисом, в разных формах выдвигаемом в: T. Mason, *Nazism, Fascism and the Working Class* (Cambridge, 1995), 33–52., 104–30, 295–322.

132. Эта формулировка была предложена в: Budrass, *Flugzeugindustrie*, 574.

жение, в кольцо которого, как казалось, попала Германия после оккупации Праги. Вместо того чтобы встать на сторону Великобритании или Франции, Советский Союз решил поддержать гитлеровскую агрессию. Это, в свою очередь, крайне усилило позиции Гитлера по отношению к небольшим странам Юго-Восточной Европы, которых теперь, несомненно, удалось бы «заарканить» и загнать в «стойло» Оси. В конечном счете не было особых причин в том, чтобы оспаривать точку зрения самого Гитлера, начавшего войну в сентябре 1939 г., потому что дальнейшие отсрочки ничего бы ему не дали¹³³.

Но даже если в решении Гитлера развязать общеевропейскую войну содержалась определенная «безумная логика», оно все равно было сопряжено с колоссальным риском. Пакт с Советским Союзом представлял собой акт вдохновенного оппортунизма. Но он же служил показателем отчаянного положения, в котором находилась Германия. Пакт свидетельствовал об отказе не только от стратегических принципов, прописанных в *Mein Kampf*, но и от новой антизападной стратегии постмюнхенского периода. Пакт Молотова — Риббентропа, изменив соотношение сил в Европе в пользу Германии, в то же время уничтожил всякие шансы на соглашение с Японией. Сразу же после получения известия о пакте прогерманский кабинет в Токио подал в отставку. Власть оказалась в руках у «армейской», поглощенной тем, чтобы не пустить Советский Союз в Маньчжурию. В то же время Муссолини ясно дал понять, что он не в состоянии присоединиться к Германии, если она слишком рано начнет войну против западных держав¹³⁴. В свою очередь, британцы могли вздохнуть с огромным облегчением, зная, что в обозримом будущем им не придется столкнуться с тройной угрозой со стороны германского, итальянского и японского флотов. Да и Советский Союз заключил сделку не из-за какого-либо особого дружелюбия по отношению к Третьему рейху. Сталин покупал время, предполагая, что Германия вскоре увязнет в продолжительной и кровавой войне с Великобританией и Францией¹³⁵. Если вынести за скобки вероятность эпохально-

133. См.: Weinberg, *Foreign Policy* II, 654. См. также проникательные замечания в: J. A. Maiolo, «Armaments Competition», in R. Boyce and J. A. Maiolo (eds.), *The Origins of World War Two: The Debate Continues* (Basingstoke, 2003), 286–307.

134. J. Gooch, «Fascist Italy», in Boyce and Maiolo, *The Origins of World War Two*, 45–8. См. также: B. R. Sullivan, «Italy's Path from Non-alignment to Non-belligerency to War, 1937–1940», in N. Wylie (ed.), *European Neutrals and Non-belligerents During the Second World War* (Cambridge, 2002), 119–49.

135. Об уверенности Сталина в положении Советского Союза осенью 1939 г. см.: Pons, *Stalin*, 186–7.

го поражения, лишь Советский Союз и США могли выиграть от изнеможения «старых» западноевропейских держав. В конце концов, это была главная причина, по которой французские и британские политики были готовы так далеко зайти в своей политике умиротворения Германии. Великобритания и Франция шли на это не потому, что ожидали поражения от рук вермахта, а потому что, по словам правого французского премьер-министра Даладье, еще одна европейская война приведет к «полному уничтожению европейской цивилизации» и создаст вакуум, который смогут заполнить лишь «казацко-монгольские орды» и их «культура» советского коммунизма¹³⁶. На менее апокалиптическом языке эту же логику удачно воспроизвел один из дипломатических представителей «монгольских орд» в Лондоне. Этот советский дипломат заметил, что по логике обычной бухгалтерии потери Королевских ВВС следует записывать в один столбец, а потери люфтваффе — в другой. Но Советский Союз «зачисляет то и другое в один столбец и выводит сумму»¹³⁷.

Правда заключалась в том, что в конце лета и осенью 1939 г. никто в Европе (возможно, за исключением Гитлера), не мог предвидеть удивительных событий, которые произойдут в ближайшие месяцы. В Париже и Лондоне царил сдержанный оптимизм. Безусловно, никто не предполагал скорой германской победы¹³⁸. Хотя германские армия и ВВС в сентябре 1939 г. были готовы к войне, вермахт не обладал подавляющим материальным превосходством над своими противниками. С точки зрения традиционного стратегического мышления немецкие перспективы выглядели очень неважно. «Рациональный» выбор явно состоял в том, чтобы отложить войну с Польшей и, помимо всего прочего, дожидаться, когда в Центральной и Восточной Европе в полной мере дадут о себе знать последствия пакта Молотова — Риббентропа. Почему же Гитлер так лихорадочно стремился к войне? Почему он пошел на этот риск?¹³⁹ Реалии гонки вооружений и необходимость использовать дипломатические возможности лишь отчасти объясняют его действия. В конце концов аргументация, ссылающаяся на «окно возможностей», приводит нас к вопросу о том, почему Гитлер стал считать войну с западными державами настолько неизбежной, что имело смысл начать ее скорее «раньше», чем «позже».

136. Kaiser, *Economic Diplomacy*, 239.

137. Цит. по: G. L. Weinberg, *A World at Arms: A Global History of World War II* (Cambridge, 1994), 164.

138. См. интересное описание в: E. R. May, *Strange Victory: Hitler's Conquest of France* (New York, 2000), 195–212.

139. Как заявил Гитлер Герингу, он играет «ва-банк»: Hillgruber, *Zerstörung*, 212.

На этом этапе аргументации мы должны обратиться к роли идеологии. Это может показаться странной идеей в свете того факта, что Гитлер в сентябре 1939 г. развязал войну против Британской империи в союзе с СССР, в то время как в *Mein Kampf* он призывал к совершенно противоположному. Но подобное противопоставление реальности и идеологии — подход слишком грубый. На самом деле краеугольным камнем гитлеровской идеологии был вовсе не стратегический план, раскрытый в *Mein Kampf*. В действительности ее ключевая мысль сводилась к неизбежности столкновения рас. В более общем смысле Гитлер всегда имел это в виду. Но начиная с 1938 г. эта апокалиптическая идея, которой мотивировалось руководство Третьего рейха, вышла на первый план. Говоря более конкретно, Гитлер смотрел на складывавшуюся антигерманскую коалицию западных держав сквозь призму антисемитизма. После «Хрустальной ночи» именно президент Рузвельт все чаще позиционировал себя в качестве самого открытого противника Третьего рейха, исходя при этом из откровенно идеологических соображений. Как мы уже видели, Третий рейх отвечал ему тем же. Для таких традиционно мыслящих стратегов, как Людвиг Бек или генерал Томас, сближение Великобритании, Франции и США ни в коем случае не было удивительным. В свете истории Первой мировой войны трансатлантический альянс выглядел естественным противовесом немецкой гегемонии в Европе. Напротив, Гитлеру этот альянс казался в высшей степени нелогичным. В частности, он противоречил его глубокому убеждению, четко изложенному в его «Второй книге» — что британские и американские интересы в принципе противоречат друг другу¹⁴⁰. Соответственно, становление англо-американского альянса объяснялось злыми происками мирового еврейства, олицетворением которого и служил его «ставленник» Рузвельт¹⁴¹. Хотя Гитлер почти никогда не упоминал США в контексте стратегических дискуссий с военным руководством в мае и августе 1939 г., на протяжении того же периода наблюдалась резкая эскалация антисемитской риторики и пропаганды, недвусмысленно направленной против США. И ключевой темой этого антисемитизма служила мнимая роль Рузвельта и американского еврейства в разжигании войны, выражавшаяся в обещании поставок оружия и дипломатической поддержке, оказываемой Великобританией, Франции

140. О его неизменной приверженности этой интерпретации англо-американских отношений см.: S. Friedländer, *Prelude to Downfall: Hitler and the United States 1939–1941* (London, 1967), 90.

141. См.: T. Jersak, in DRZW 9/1, 295–6.

и Польше. Реальной силой, руководившей сплачиванием антигерманских сил, объявлялся крючконосый Бернард Барух с немецких карикатур, организатор американского военного производства во время Первой мировой войны и архетипичный представитель разжигающих войну еврейских кругов с Уолл-стрит. А президент Рузвельт, выступавший от имени международного еврейства, склонял британцев и поляков к упрямому сопротивлению и призывал к войне¹⁴². Именно администрация Рузвельта из всех сил старалась изгнать Германию с жизненно важных экспортных рынков. И именно объемы и сроки поставок американского оружия в Великобританию и Францию определяли баланс сил в Европе¹⁴³.

Эта зловещая расстановка сил была совсем не тем, что предсказывал Гитлер и чего он желал. Но поскольку враги Третьего рейха импровизировали, Германии приходилось делать то же самое. На что Гитлер не имел права в свете «стремления к уничтожению» (*Vernichtungswillen*), которое нацистская теория заговора приписывала врагам Германии — так это на отступление или колебания¹⁴⁴. Война с западными державами означала громадный риск. Но в условиях все более неуправляемой динамики глобальной гонки вооружений и смертельной угрозы, которую якобы представляли для Германии силы «всемирного еврейского заговора», сплачивающие свои ряды, Гитлер не видел иной альтернативы, кроме наступления.

142. Такую интерпретацию в глазах сторонников теории о еврейском заговоре подтверждали дипломатические документы, захваченные в 1939 г. в Варшаве. Они как будто бы четко свидетельствовали о том, что Америка подстрекала поляков к упорному сопротивлению против Германии, и укрепили веру нацистов в их теорию заговора. См.: ADAP D VIII, doc. 665, встреча Риббентропа и Муссолини 10.03.1940, 696. См. также: Friedländer, *Prelude*, 73–7.

143. Об изменении германских ожиданий относительно сроков американской помощи см.: P. Gassert, *Amerika im Dritten Reich* (Stuttgart, 1997), 269.

144. Угрозу тотального уничтожения, заключавшуюся в *Vernichtungswillen*, упоминал Риббентроп в беседе с Муссолини 10 марта 1940 г. и на нее же явно намекал Гитлер в цитировавшемся выше послании дуче. См.: ADAP D VIII, doc. 665, 696. Кроме того, немецким диппредставителем в Вашингтоне в докладе для Берлина от 17 мая 1939 г. использовался и термин *Vernichtungskrieg*. См.: H. Sirois, *Zwischen Illusion und Krieg: Deutschland und die USA 1933–1941* (Paderborn, 2000), 184.

Игра ва-банк: первая военная зима

В ПОСЛЕДНИХ числах августа 1939 г. генерал-майор Томас предпринял последнюю отчаянную попытку заставить Гитлера взглянуть правде в глаза¹. Томас, которого ужасала возможность войны с Великобританией и Францией (в итоге нападения на Польшу), забросал и своего непосредственного начальника, генерала Кейтеля, и Гитлера таблицами и диаграммами. Томас пытался подчеркнуть слабую обеспеченность Германии промышленными ресурсами по сравнению с Великобританией и Францией, будучи уверенным, что тех поддержат США². Реакция адресатов зафиксирована в дневнике Томаса:

Суббота, 26 августа, перед польской кампанией: снова с генерал-полковником Кейтелем. Объяснил ситуацию на основе диаграмм и таблиц. Был принят не слишком любезно, но К. обещал еще раз поговорить с фюрером.

27 августа, воскресенье, перед войной с Польшей, пришла телеграмма из Англии: еще раз заявите протест! Указывал на то, что ожидается кризис с боеприпасами, особенно с порохом и взрывчаткой: снова резкие упреки. Итог: меня выгнали. Фюрер: перестаньте приставать ко мне с этой проклятой ситуацией на Западе³.

В августе 1914 г. молодой Адольф Гитлер находился в ликующей толпе, заполонившей улицы Мюнхена. Его не могли не порадовать совершенно иные настроения, с которыми была встречена война, развязанная им в сентябре 1939 г. На этот раз не было ни восторженных толп, ни венков для солдат, отправляющихся на фронт — и не без причины. В военном смысле Германия не была готова к конфронтации с западными державами. Томас

1. В названии этой главы я, выражая признательность, подражаю работе: I. Kershaw, *Hitler 1936–1945: Nemesis* (London, 2000), 181–242.

2. Изложение этих событий и копии таблиц, аналогичных тем, которые рассылал Томас, см.: IWMEDS, al 1492; BAMA RW19/205, 120–43.

3. G. Thomas, *Geschichte der deutschen Wehr- und Rüstungswirtschaft* (Boppard, 1966), 509–10.

был не единственным военным, пребывавшим в отчаянии. Адмирал Редер, главнокомандующий кригсмарине, 3 сентября безысходно отмечал: «В том, что касается флота, он <...> совершенно неадекватно подготовлен к великому противоборству». Немецкий флот настолько уступал в численности британскому Королевскому флоту, что «даже если он в полном составе примет участие в боевых действиях, ему удастся продемонстрировать лишь то, что он знает, как пойти на дно с честью». Подобный жест героического самопожертвования со стороны флота может стать нравственной основой для его «последующего возрождения». Но от него не следует ожидать, что он победит в войне с Британией⁴. Военно-воздушные силы Германии находились в чуть лучшей форме. Они были крупнейшими и самыми современными в Европе. Однако исследования, проведенные персоналом люфтваффе в 1938 г., привели его к выводу о том, что стратегическая война против Великобритании невозможна до тех пор, пока Германия каким-то образом не возьмет под свой контроль военно-воздушные базы вдоль побережья Ла-Манша⁵.

С учетом пессимизма, в котором пребывал главный эксперт вермахта по экономике, а также командующие и флотом, и люфтваффе, все зависело от армии. Та представляла собой решающий фактор, определявший развитие гитлеровского режима с момента его основания. В отличие от 1938 г., не существует никаких свидетельств о том, что эскалация трений в отношениях с Польшей вызвала какую-либо серьезную обеспокоенность среди генералитета⁶. В военном смысле итог противостояния был предопределен. В политическом плане Польша в демонологии германского национализма стояла даже выше Великобритании. Такие темы, как уничтожение польского государства и «освобождение» немецкого меньшинства, были популярны как среди генералов, так и у широкой публики. И последующие события подтвердили оптимизм военных. Польская кампания увенчалась полным успехом. Всего через три недели Варшава капитулировала, а польская армия была разгромлена. Фотогеничный главнокомандующий германской армии генерал Вернер фон Браухич попал на обложку журнала *Time*, а атмосфера

4. G. Wagner (ed.), *Lagevorträge des Oberbefehlshabers der Kriegsmarine vor Hitler 1939–1945* (Munich, 1972), 20–21.

5. K.-H. Völker, *Die deutsche Luftwaffe, 1933–1939: Aufbau, Führung und Rüstung der Luftwaffe sowie die Entwicklung der deutschen Luftkriegstheorie* (Stuttgart, 1967), 159–62; E. L. Homze, *Arming the Luftwaffe* (Lincoln, Nebr., 1976), 240–47.

6. C. Hartmann and S. Slutsch, «Franz Halder und die Kriegsvorbereitungen im Frühjahr 1939», *vFZ* 45 (1997), 467–95.

мрачных предчувствий, окружавшая объявление войны, начала рассеиваться⁷. Победоносных бойцов, возвращавшихся домой, ожидала самая восторженная встреча⁸. После польской кампании значительная часть населения ожидала, что Франция и Великобритания будут разбиты к рождеству; эти ожидания подогревались и широко разрекламированным успехом Гюнтера Прина и команды его подлодки U-47, проникшей на главную базу британского флота в Скапа-Флоу и потопившей линкор *Royal Oak*⁹. В течение следующих недель осведомители СС сообщали о том, что дети по всему Рейху декламируют новую богохульную версию «Отче наш»: «Отче наш Чемберлен, иже еси в Лондоне! Да исчезнет имя твое, да погибнет царствие твое...»¹⁰. Педантичных руководителей СД это приводило в возмущение, но Геббельс был только рад извлечь выгоду из охвативших страну антибританских настроений¹¹. Гитлер тоже требовал немедленного наступления на Западном фронте.

Если в его заявлениях, сделанных до сентября 1939 г., военно-промышленная логика ускорения присутствовала не слишком явно, то теперь она дала о себе знать во всей очевидности. 27 сентября Гитлер в разговоре с Браухичем и его начальником штаба Францем Гальдером заметил: «„Время“ будет работать в общем против нас, если мы его сейчас же полностью не используем. Экономический потенциал противной стороны сильнее. Противник в состоянии закупать и перевозить»¹². Последняя фраза явно указывала на неминуемый пересмотр американских законов о нейтралитете и использование колоссальных промышленных мощностей Америки для снабжения британцев и французов оружием. Эту стратегическую оценку Гитлер повторил и 9 октября, когда пошел на крайне необычный шаг, составив всеобъемлющий меморандум о ведении войны на западе. Он указывал на необходимость немедленного начала военных действий на Западном фронте, потому что если война затянется, в нее могут вмешаться США¹³. Несколько не-

7. *Time*, 34 (25 September 1939), 13.

8. *Meldungen*, 9.10.1939, 331.

9. *Ibid.*, 18.10.1939, 364, 20.10.1939, 372.

10. *Ibid.*, 23.10.1939, 382. «Vater Chamberlain, der du bist in London, vertilgt werde dein Name, dein Reich verschwinde...». Существовал и злободневный вариант рождественской песни *Tannenbaum*.

11. *Ibid.*, 25.10.1939, 390.

12. *Halder Diary*, 27 September 1939, 62; Ф. Гальдер, *Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба Сухопутных войск 1939–1942 гг.* Т. I (Москва, 1968), 133; A. Hillgruber, *Die Zerstörung Europas: Beiträge zur Weltkriegsepochen 1914 bis 1945* (Frankfurt, 1988), 210.

13. *Ibid.*, 211.

дель спустя он выразился в этом отношении еще более недвусмысленно: «Америка из-за своих законов о нейтралитете *еще не* представляет для нас опасности. Усиление наших врагов с помощью Америки еще не приняло заметных масштабов. Позиция Японии *еще не* определилась... Все указывает на тот факт, что ситуация нам благоприятствует, но не исключено, что через полгода это будет уже не так»¹⁴. При этом Гитлер был отнюдь не уверен в своем новом восточном союзнике. Гитлер подзревал, что в случае затянувшейся войны на Советский Союз нельзя будет полагаться. Поэтому он потребовал немедленно наступления на Западном фронте, установив 12 ноября 1939 г. в качестве даты, когда вермахт должен будет перейти французскую границу.

Однако в армейском руководстве царили совсем другие настроения. В 1938 г. армию едва не довела до бунта не перспектива войны с чехами, а большая вероятность того, что такая агрессия привела бы к войне с Великобританией и Францией. И именно с такой ситуацией теперь столкнулись немцы. Более того, несмотря на то что стремительная победа Германии над Польшей стала мировой сенсацией, несколько недель активных боевых действий выявили серьезные проблемы в поспешно собранной военной машине Гитлера. Из-за нехватки сырья, ограничившей производство вооружений в 1937 и 1939 г., Германия начала войну, не имея достаточных запасов оружия и боеприпасов. Предсказание Томаса о кризисе с боеприпасами немедленно подтвердилось¹⁵. Всего за несколько недель боевых операций у люфтваффе серьезно истощился запас бомб. Ежемесячное потребление боеприпасов в Польше семикратно превышало производство в сентябре 1939 г.¹⁶ Из-за недостаточной подготовленности пехота не дотягивала до высоких стандартов, ожидавшихся от немецкой армии¹⁷. В резервных ча-

14. Этот абзац с моим курсивом взят из выступления Гитлера перед руководством вермахта 23 ноября 1939 г. Вейнберг в своей хорошо известной статье «Образ Гитлера в США» искажает смысл этого отрывка, вырвав первое предложение из контекста и опустив в своем переводе принципиально важную оговорку «еще». Как ни странно, в следующей статье из этого сборника Вейнберг исправляет ошибку в переводе, но никак это не оговаривает. См.: G. L. Weinberg, *World in the Balance: Behind the Scenes of World War II* (London, 1981), 63, 81. Более убедительное изложение см. в: S. Friedländer, *Prelude to Downfall: Hitler and the United States 1939–1941* (London, 1967), 86–7; H. Sirois, *Zwischen Illusion und Krieg: Deutschland und die USA 1933–1941* (Paderborn, 2000), 189–209.

15. Thomas, *Geschichte*, 170–78.

16. F. Hahn, *Waffen und Geheimwaffen des deutschen Heeres 1933–1945* (Bonn, 3rd edn., 1998), II. 198–9.

17. Halder *Diary*, 24 September 1940, 61; Ф. Гальдер. *Военный дневник. Ежедневные записи*.

стях третьего эшелона, составлявших значительную часть армии в военное время, наблюдались случаи паники. Внушало тревогу и то, что слабые места обнаружились даже во всячески превозносившихся новых танковых дивизиях. Коэффициент выбытия в пестром сборище их машин был весьма высок. Менее чем через месяц боев четверть первоначально имевшихся танков была либо подбита, либо вышла из строя¹⁸. Устаревшие танки Pz-I и Pz-II, которыми по-прежнему было оснащено большинство танковых дивизий, явно не годились для войны на Западе. Во Франции ожидался грозный 32-тонный танк Char B — самая тяжелая и лучше всего вооруженная боевая машина в мире. По крайней мере на бумаге, французская, британская, голландская и бельгийская армии не уступали вермахту в численности и оснащенности. Более того, план нападения на Францию, поспешно составленный верховным армейским командованием осенью 1939 г., выглядел совершенно неубедительно¹⁹. Он представлял собой невыразительную версию плана Шлиффена, предусматривавшую прорыв германской армии к побережью Ла-Манша с тем, чтобы обеспечить люфтваффе и флот базами для нападения на Великобританию. Даже если бы вермахт сумел дойти до Ла-Манша, этот план ничего не говорил о том, каким образом разгромить французскую армию. Германии пришлось бы вести затяжную войну на истощение против двух сильных врагов, опирающихся на экономические ресурсы США.

Браухич, главнокомандующий армии, и его начальник штаба генерал Франц Гальдер требовали передышки²⁰. Они были готовы воевать с Францией, но им требовалось время для того, чтобы переоснастить свои потрепанные части и ускоренными темпами обучить еще миллион призывников. Теперь, когда польский вопрос был решен к полному удовлетворению Германии, западные державы могли бы вернуться за стол переговоров еще до начала серьезных боевых действий — на это немецкие генералы тоже могли надеяться. Однако Гитлер не желал давать никаких отсрочек. Пока армия старалась переправить свои дивизии на запад, фюрер твердо стоял на том, что наступление должно начаться в первых числах ноября. Реакци-

си начальника Генерального штаба Сухопутных войск 1939–1942 гг. Т. 2. Запись от 24 сентября 1940 г. О реакции на это обстоятельство см. в: Kröner, in DRZW 5/2.819–24, и W. Murray, «The German Response to Victory in Poland: A Case Study in Professionalism», *Armed Forces and Society*, 7 (1981), 285–98.

18. Hahn, *Waffen*, II. 194–6.

19. К.-Н. Frieser, *Blitzkrieg-Legende: Der Westfeldzug 1940* (Munich, 1996), 71–7.

20. О последовавшем споре с Гитлером см. в: Ф. Гальдер. Указ. соч. Т. 1. С. 134–92.

ей на это невероятное требование стал ропот среди армейской верхушки в Цоссене²¹. Заговорщики, в сентябре 1938 г. планировавшие переворот, возобновили свои приготовления. Генерал Гальдер объехал командующих тремя германскими группами армий с тем, чтобы прозондировать их отношение к немедленному нападению на Францию и к возможному свержению нацистского режима силами армии. В свою очередь, Гитлер все сильнее приходил в ярость. Его давняя неприязнь к классу потомственного офицерства вылилась в открытое презрение. По мере того как приближалась запланированная дата наступления на Западном фронте, напряжение обострялось до крайнего предела. 5 ноября Браухич добился личной встречи с Гитлером с целью убедить его в невозможности успешного наступления. В поддержку своего мнения Браухич привел сведения, предоставленные генерал-квартирмейстером генералом Эдуардом Вагнером, которые свидетельствовали о недостаточной оснащенности армии²². В ответ он получил взрыв гнева. Нетерпеливо выслушав доклад Браухича, Гитлер обрушился на него с уничижительной тирадой²³. После этого Гитлер еще несколько часов находился в крайнем возбуждении, выходя из себя из-за «саботажников в армейском командовании». В свою очередь, Браухич уходил от него, дрожа от шока. Хотя он лично не участвовал в заговоре, он немедленно уведомил об обвинениях Гитлера своего начальника штаба, в том числе отметив, что Гитлер «осведомлен о настроениях в Цоссене и решительно намерен пресечь их». Гальдер впал в панику. Опасаясь того, что гестапо проникло в замыслы заговорщиков, он уничтожил все компрометирующие его планы. Лишившись поддержки со стороны начальника штаба армии, менее высокопоставленные мятежники вместе с ней утратили и точку опоры. Путч сорвался, и ряды армейских заговорщиков пришли в расстройство. В свою очередь, Гитлер находился полностью в курсе того крайнего напряжения, к которому привело его решение о войне, причем не только среди военных. 27 августа 1939 г., выступая перед партийными аппаратчиками, он заявил, что каждый, кто не верит в то, что его решение начать войну мотивировалось не любовью к Германии, может убить его²⁴. Впоследствии

21. E. R. May, *Strange Victory: Hitler's Conquest of France* (New York, 2000), 215–26; Kershaw, *Hitler: Nemesis*, 233–79.

22. E. Wagner (ed.), *Der Generalquartiermeister: Briefe und Tagebuchaufzeichnungen des Generalquartiermeisters des Heeres General der Artillerie Eduard Wagner* (Munich, 1963), 147.

23. G. Engel, *Heeresadjutant bei Hitler 1938–1943: Aufzeichnungen des Majors Engel*, ed. Hildgard von Kotze (Stuttgart, 1974), 66–7; Kershaw, *Hitler: Nemesis*, 270.

24. См.: Hillgruber, *Zerstörung*, 215.

Гальдер признавался одному из своих ближайших сотрудников, что осенью 1939 г. он приходил на почти ежедневные встречи с Гитлером с твердым намерением «пристрелить Эмиля» (так заговорщики называли между собой Гитлера). С этой целью он носил в кармане заряженный пистолет. Фюрера спасла лишь кровь многих поколений солдат, которая текла в жилах Гальдера. Генерал не мог заставить себя убить человека, которому принес клятву личной верности.

Так или иначе, наступление на западе, запланированное на 12 ноября, было отменено из-за непогоды. Даже Гитлер был вынужден признать, что без поддержки со стороны люфтваффе наступление не имеет серьезных шансов на успех. Тем самым фюрер почти наверняка спас свой режим от катастрофы. Поразительные победы вермахта летом 1940 г. слишком часто заставляют нас забыть о том, в какой опасной ситуации находился Гитлер зимой 1939–1940 гг. В этот критический момент он не мог полагаться ни на безусловную верность армии, ни на однозначную поддержку немецкого народа. Динамика тотальной войны, которая вскоре скрепила немецкое общество и превратила его в надежную опору режима, только начала складываться. Общественное мнение было неустойчивым и на него едва ли можно было рассчитывать в случае затяжной и тяжелой войны. После того как возможность мирных переговоров с западными державами отпала, у Гитлера остался только один выход — как можно быстрее победить. Война против Великобритании и Франции представляла собой самую неудачную стратегию для Германии из всех возможных. Лишь последующие события приводят нас к недооценке этого факта. Руководство гитлеровского режима столкнулось с такой возможностью лишь весной 1938 г. и, как мы видели, не сумело найти внятный стратегический ответ. Армия даже не начинала планировать наступление на Западе до тех пор, пока не разразилась война. Поэтому едва ли стоит удивляться тому, что Берлин осенью 1939 г. был в известной степени охвачен хаосом и замешательством. С другой стороны, распространенное убеждение в том, что на первом году войны для Германии была характерна самоуверенность, совершенно неверно²⁵. Начало войны фактически устранило многие сдержки, в предыдущие годы препятствовав-

25. Ставшее популярным описание Германии в начале войны как «военной экономики мирного типа» появилось в: R. Wagenführ, *Die deutsche Industrie im Kriege* (Berlin, 1954), 25. Убедительную критику этого представления см. в: R. J. Overy, *War and Economy in the Third Reich* (Oxford, 1994), 233–314. Обсуждение этой точки зрения преимущественно в политическом и организационном плане см. в: Müller, in DRZW 5/1.349–90.

шие процессу перевооружения. А гитлеровский режим ответил на нависшую над ним смертельную угрозу сочетанием гибкости, технократического радикализма и насилия, вдохновлявшегося нацистской идеологией.

I

По другую сторону Атлантики гитлеровская агрессия против Польши стала потрясением для американского общественного мнения. Уже через несколько недель после начала войны изоляционисты потерпели поражение в конгрессе²⁶. 3 ноября 1939 г. президент Рузвельт подписал закон «плати и забирай», которым упразднялся строгий американский нейтралитет, запрещавший продажу вооружений другим странам. Пока Франция и Великобритания платили наличными и увозили американские грузы на своих кораблях, они имели возможность отбирать все лучшее, что могла им предложить могучая промышленность Соединенных Штатов. Формально Германия была вправе делать точно так же. Но на практике у нее не было ни твердой валюты, ни средств, которые бы позволяли защитить ее суда на долгом пути через Атлантику. В то время как экономический штаб вермахта оценивал долларовые активы Великобритании и Франции суммой примерно в 7,37 млрд долларов, в Германии даже по самым оптимистичным оценкам они составляли не более 700 млн долларов²⁷. Геббельс делал все, что мог, чтобы прекратить спекуляции об участии Америки в войне, но в начале 1940 г. немецкий военный журнал сообщал о том, что британские и французские заказы на американских авиазаводах уже составляют от 5 тыс. до 8 тыс. самолетов²⁸. На самом деле эти сведения преувеличивали объем поставок союзникам в первые месяцы войны. Но с представителями мощной американской автомобильной отрасли велись серьезные переговоры о резком расширении производства самолетов и авиадвигателей, и в марте 1940 г. Великобритания и Франция пришли к согласию в отношении совместной программы заказов²⁹. Она была специально составлена таким образом, чтобы позволить европейцам при необходимости растянуть свои зарубежные валютные резервы на много лет. Однако к лету 1940 г. они зака-

26. J. M. Haight, *American Aid to France 1938–1940* (New York, 1970), 132–88.

27. DRZW 1.417.

28. Friedländer, *Prelude*, 83–4.

29. Haight, *American Aid*, 189–231. H. D. Hall, *North American Supply* (London, 1955), 117–68.

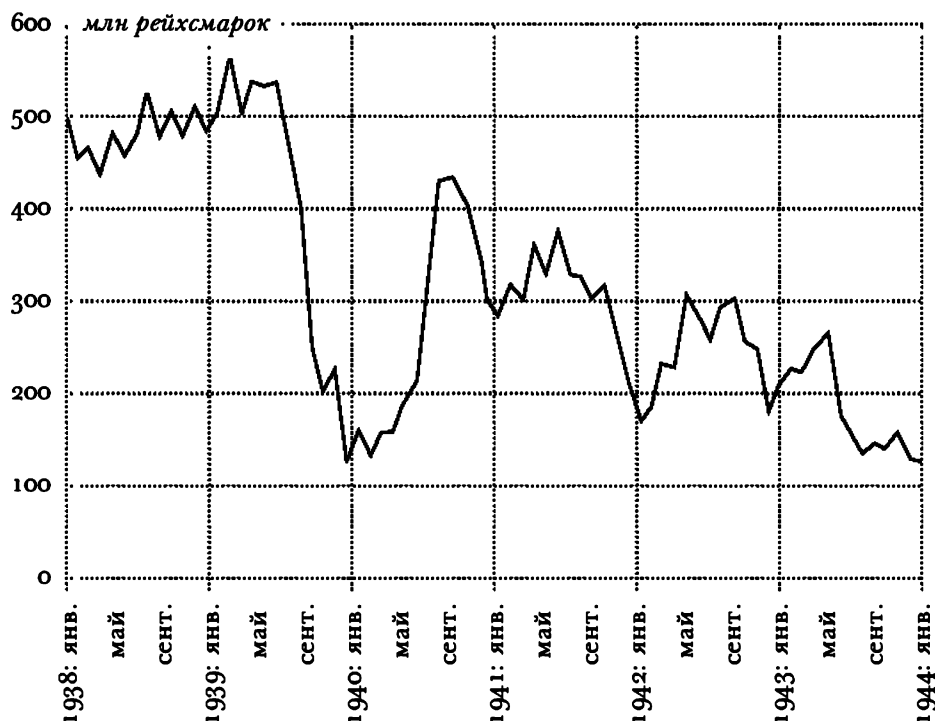

РИС. 12. Ввоз промышленного сырья в Германию
(в ценах 1928 г.)

зали уже более 10 тыс. боевых самолетов, подлежащих доставке к концу 1941 г., что было равноценно целому году работы американских авиазаводов.

В то время как Америка открывала свои двери западным союзникам, Германии угрожала экономическая изоляция. С самого начала Второй мировой войны вследствие экономической войны, ведущейся французами и британцами, транспортных проблем и ограниченных способностей к оплате Германия в целом оказалась отрезанной от заморских источников сырья³⁰. Ежемесячные данные об объемах импорта сырья, фигурировавшие в конфиденциальных докладах Статистического бюро Рейха, указывают на кризис колоссальных масштабов³¹.

Уже через несколько месяцев после начала войны немецкий импорт составлял лишь небольшую долю от уровня, необходи-

30. Меддикотт в своей официальной истории блокады с ее знаменитым безрадостным началом — «от блокады <...> ожидали слишком многого» — по сути не приводит почти никаких немецких документов и не высказывает осознания того, насколько серьезно стояла в Рейхе проблема импорта: W. N. Medlicott, *The Economic Blockade* (London, 1952), 1.411.

31. См. последовательные выпуски SRA, *Monatlicher Nachweis über den Auswärtigen Handel*, 1939–44.

мого для бесперебойного выпуска вооружений в больших масштабах. Были перерезаны поставки руды из Нарвика³². Импорт меди и нефти сократился буквально до нуля. В первые месяцы Второй мировой войны Германия в экономическом плане была изолирована сильнее, чем в какой-либо последующий момент до 1944–1945 гг. Торговое соглашение с Советским Союзом давало надежду на определенное облегчение. Но нельзя недооценивать того значения, которое имело неожиданное изгнание Германии с мировых рынков. Это событие в первые решающие месяцы войны затмило все прочие аспекты немецкой военной стратегии и экономической политики³³. В свете громадного потрясения, которому подвергся торговый баланс страны, просто немыслимо говорить о том, что Германия представляла собой «военную экономику мирного типа». Немецкая экономика, несмотря на все усилия в рамках выполнения Четырехлетнего плана, по-прежнему сильно зависела от импортного сырья и не могла «нормально» функционировать в условиях неожиданного сокращения импорта на 80%. Через шесть месяцев после начала войны Германия в реальном выражении ввозила менее трети сырья, которое она потребляла в 1932 г., в разгар Великой депрессии. В тот момент бездействовало более половины мощностей немецкой тяжелой промышленности, а большинство промышленных рабочих пребывало без работы или трудилось не на полную ставку. Тот факт, что после начала войны гитлеровский режим сумел не только избежать катастрофы в промышленности, но и увеличить выпуск вооружений, указывает не на сохранение обычного режима, а на ряд драконовских интервенций, обеспечивших функционирование экономики³⁴.

Самое позднее с весны 1939 г. действиями Гитлера руководило ощущение того, что время работает не на Германию. После объявления войны постепенное укрепление западной коалиции, опиравшейся на поддержку Соединенных Штатов, и, напротив, экономическая уязвимость Германии, оказавшейся в зависимости от Советского Союза, лишь усилили это чувство. Стремясь к быстрой и решительной победе на Западе, Гитлер был готов

32. ВАМА RW19/172, 23.10.1939.

33. W. Murray, *Luftwaffe* (London, 1985), 62–3.

34. Р.Д. Мюллер, при всей его приверженности идее об организационном хаосе, почти не нашел фактов, свидетельствующих о сокращении гражданского производства. См.: Müller, in DRZW 5/1. 380. Как с удовлетворением докладывал вермахт, сектор вооружений не испытал шока: ВАМА RH15/159, 330–33. В работе Вагенфюра дискуссия о так называемом военном шоке (*Kriegsstoss*) сводится к политическим декларациям вместо анализа по существу. См.: Wagenführ, *Die deutsche Industrie*, 24–8.

поставить на карту все. И это было верно не только по отношению к планированию атаки на Францию. Ту же самую линию Гитлер проводил и применительно к военной экономике. Через своих ближайших доверенных лиц — Германа Геринга, Фрица Тодта и генерала Кейтеля из верховного командования вермахта — Гитлер неоднократно подчеркивал желание задействовать промышленность на полную мощность, вне зависимости от того, как это скажется на гражданском населении и на готовности страны вести долгую войну. С учетом ситуации, сложившейся в 1939 г., Гитлер, даже получая поддержку со стороны Советского Союза, не был заинтересован в продолжительных боевых действиях. Все зависело от достижения решительной победы на Западе при первой же благоприятной возможности.

Стоит подчеркнуть первостепенную значимость, которую в 1939–1940 гг. имела работа экономики на войну — поскольку распространено мнение о том, что отношение Гитлера к тылу ослабляло немецкую военную машину³⁵. Некоторые авторы даже полагают, что желание Гитлера добиться быстрой победы на Западе мотивировалось в первую очередь его стремлением минимизировать влияние войны на население страны. Однако в этом случае речь идет о серьезном недопонимании стратегических расчетов Гитлера в 1939 г. В рамках нацистского движения действительно раздавались голоса, призывавшие оградить тыл от излишнего напряжения. В этом отношении особенно громогласными были гауляйтеры, ревностно защищавшие местные экономические интересы от требований армии. Верно и то, что гауляйтеры всегда могли найти в Берлине сочувствующих покровителей. Поддерживать связь между фюрером и массами входило в их обязанности. В октябре 1939 г. протесты со стороны гауляйтеров помешали Вальтеру Функу, незадачли-

35. Со временем этот тезис стал выдвигаться все более уверенно. Клейн в этом отношении выражался довольно осторожно: «Подчинение различных частных интересов удавалось Гитлеру хуже <...> чем обычно считается»: B. H. Klein, *Germany's Economic Preparations for War* (Cambridge, Mass., 1959), 25. Майлуорд шесть лет спустя утверждал с большей решительностью: «Документы секретариата берлинского полицей-президента полны тревожных предчувствий политических волнений, к которым могли бы привести ничтожные невзгоды, связанные с немецкой программой капиталовложений». При этом объявляется, что блицкриг получил предпочтение потому, что он позволял Гитлеру не ограничивать потребление: A. S. Milward, *The German Economy at War* (London, 1965), 12. Наконец, Мэйсон в 1966 г. писал: «Внутриполитическая задача запланированного блицкрига была связана с надеждами на то, что он обеспечит быстрое и успешное завершение войны, не требуя от немецкого народа излишних жертв»: T. Mason, *Nazism, Fascism and the Working Class* (Cambridge, 1995), 69.

вому министру экономики, претворить в жизнь пакет драконовских мобилизационных мер, подготовленный его подчиненными³⁶. На волне этой неприятной неудачи Функ попытался подать свое отступление как принципиальное решение в пользу умеренной мобилизации. Однако нет никаких свидетельств о том, что Гитлер отнесся к этому с одобрением. Для Гитлера была важна только победа в войне. Если бы вермахт сумел разбить Францию и Великобританию, то поддержка широких масс общества была бы гарантирована. Вальтер Функ в своей готовности услужить гауляйтерам совершенно неверно оценил направление, в котором дул политический ветер, и поплатился за это³⁷. К декабрю рейхсминистр экономики лишился своих специальных полномочий по организации гражданской экономики в военное время³⁸. В качестве единственной фигуры в верхах германского руководства, в полной мере поддержавшей призыв к умеренности, Функ в то же время стал и первой политической жертвой войны. Гитлер поставил все на мощный удар в 1940 г. не потому, что боялся требовать чересчур много от населения страны, а просто потому, что, по его мнению, это был единственный способ выиграть войну. Вне зависимости от того, насколько интенсивной была мобилизация тыла, Германия проиграла бы затяжную войну вследствие подавляющей совокупной экономической мощи ее врагов. Поэтому Германии следовало вложить все свои ресурсы в нанесение единственного решительного удара при первой же возможности. Если для этого требовалось временно пожертвовать потребностями гражданского населения, то Гитлер был готов пойти на это. Как он заявил в начале ноября 1939 г. начальнику управления вооружений генералу Карлу Беккеру, «Войну с Англией не выиграть кухонными плитами и стиральными машинами»³⁹.

Ключевых игроков в Берлине занимал вовсе не вопрос о том, каким образом на пути к победе примирить друг с другом потребности военного производства и гражданской экономики. Главное, что их интересовало — каким образом лучше всего приспособить экономику к тотальной войне. Военно-экономическому персоналу ОКВ, Министерству экономики и Имперскому земельному сословию (национальной сельскохозяйственной организации) не давали покоя воспоминания о 1914–1918 гг. В свете полученного тогда опыта решение поставить все на достиже-

36. Müller, in DRZW 5/1. 375–83.

37. См. нападки Геринга на Функа в: BAMA RH 15/159, 275–9.

38. Müller, in DRZW 5/1. 410–15.

39. BAMA RW19/205, 125.

ние решающего успеха на поле боя в первый год войны казалось безответственным⁴⁰. С точки зрения этих ведомств, единственный надежный путь заключался в укреплении немецкой экономики — чтобы она выдержала длительную и напряженную борьбу. Главным приоритетом, разумеется, оставалось производство вооружений. Но в условиях затяжной войны непосредственные потребности действующей армии следовало каким-то образом сочетать с необходимостью инвестиций в инфраструктуру, которые бы позволили Германии пережить блокаду. Кроме того, при долгосрочной войне приоритетным также являлось поддержание экспорта с тем, чтобы иметь возможность покупать жизненно необходимое сырье у оставшихся торговых партнеров Германии. Немалый приоритет должно было иметь и сельское хозяйство, поскольку тыл, не получая продовольствия, мог бы развалиться, как произошло в России в 1917 г. и в Германии в 1918 г. Может показаться, что такая стратегия благоприятствовала гражданской экономике. Но такое представление обманчиво. Эта стратегия в первую очередь мотивировалась необходимостью укрепить экономику военного времени, сделав ее устойчивой на максимально длительный срок. В 1939 г. никто не ожидал, что Германия протянет так же долго, как во время Первой мировой войны. Нехватка иностранной валюты и запасов сырья в Третьем рейхе слишком остро давали о себе знать. Но Имперское земельное сословие под руководством статс-секретаря Бакке готовилось к трехлетней войне⁴¹. Генерал Томас из ОКВ и его сотрудники из Министерства экономики полагали, что на такое же время удастся растянуть и немецкие запасы промышленного сырья при их бережном использовании⁴².

Стратегия экспертов по военной экономике обладала привлекательной логикой — по крайней мере, на первый взгляд. Если скорейшего военного решения не ожидалось, то явно требовалось приложить все усилия к тому, чтобы Германия смогла «пережить» своих врагов⁴³. Но с учетом той ситуации, в которой находилась Германия в 1939 г., эта логическая цепочка имела ряд серьезных последствий в плане ведения войны. Для того чтобы немецких запасов хватило на три года, вермахту следовало воздержаться от каких-либо серьезных наступательных дей-

40. Müller, in DRZW 5/1. 384.

41. NA T77339 WI/IF 5.2151, Stellungnahme für Chef des WFA, 18.10.1939.

42. См. доклад Ганнекена, направленный в VJP в начале января 1940 г.: IWM EDS, al 1905 ex Wi. If. 5.405.

43. Об убеждении Томаса в том, что кампания на западе станет войной на истощение (*Materialschlacht*), см. его замечания о вероятных транспортных потребностях в: BAMA RW19/172, 27.

ствий⁴⁴. Согласно трехлетним планам на использование сырья, составленным управлением Томаса в ОКВ, квоты, выделявшиеся на производство вооружений, были намного ниже тех, которые требовались при полном задействовании всех производственных мощностей. Поэтому военно-экономический штаб ОКВ предложил, чтобы вермахт после быстрой победы в Польше до конца войны проводил только оборонительные операции. В частности, армии следовало воздерживаться от любых наступательных действий. Серьезная попытка добиться победы на поле боя сопровождалась бы исчерпанием запасов сырья и топлива до такого низкого уровня, который бы не позволил долго держать оборону. Поэтому последовательное осуществление «стратегии длительной войны» требовало с самого начала забыть о каких-либо шансах на достижение решительной военной победы. Разумная предосторожность на тот случай, если успех на поле боя ускользнет от Германии, со временем превратилось в стратегию, исключаящую всякую возможность такого успеха. А это, в свою очередь, ставило вопрос о том, имелись ли у Германии какие-либо реальные шансы на победу в «долгой войне», к которой так старательно готовились Томас и Бакке. Не могло ли быть так, что стратегия «долгой войны» прямо играла на руку Великобритании и Франции? Как в полной мере продемонстрировали первые месяцы «странной войны», те совсем не спешили начинать наступление на Германию — даже в условиях, когда основные силы вермахта были сосредоточены в Польше. Англия и Франция предпочитали тянуть время, будучи уверены в том, что в условиях долгосрочной войны благодаря американской поддержке получат решающее преимущество. Одновременно врага следовало медленно удушать с помощью морской блокады. Если же Германия попытается восстановить баланс, отправив на атлантические морские пути подводные лодки, как она сделала в 1916 г., это приведет к тому, что на вермахт обрушится вся мощь Америки. Тогда в исходе войны не останется уже никаких сомнений. По сути, при осуществлении «стратегии долгой войны», за которую выступал генерал-майор Томас, Германия могла рассчитывать главным образом лишь на то, что ей удастся уладить конфликт дипломатическими средствами, прежде чем в полной мере начнет сказываться материальное превосходство ее врагов. И чем раньше это бы вышло, тем было бы лучше. Если бы борьба затянулась, то мир просто обошелся бы Германии в более высо-

44. NA T77339 W1/IF 5.2151, недатированный меморандум из документов военно-экономического управления ОКВ (Wi Rue Amt), вероятно, относящийся к началу 1940 г.

кую цену. Таким образом, внешняя рациональность «стратегии долгой войны» на поверку опровергала саму себя.

Гитлер не собирался идти на поводу у такой логики⁴⁵. Он напал на Польшу, пойдя на риск британского и французского участия в войне. Теперь же, когда Германия находилась в состоянии войны с западными державами и они не желали мириться, не существовало иной альтернативы, кроме новой рискованной игры, которая на этот раз сводилась к решительному наступлению во Франции. И Гитлер прекрасно представлял себе экономические последствия такого шага. Ему было нужно заставить экономических экспертов вермахта забыть об осторожности и немедленно добиваться того, чтобы все имеющиеся ресурсы были истрачены на подготовку к наступлению 1940 г., вне зависимости от того, сколько времени после этого сможет продержаться немецкая военная экономика⁴⁶. В бумагах генерала Томаса зафиксирован ряд замечаний со стороны Кейтеля, Геринга и Тодта, в качестве выразителей воли Гитлера требовавших того же самого. Характерный обмен мнениями на этот счет произошел в первые дни декабря 1939 г., когда Томас пытался убедить Кейтеля в необходимости снабжать сырьем экспортные отрасли⁴⁷. Следуя своей линии на «долгую войну», Томас потребовал, чтобы вермахт согласился на увеличение квот стали, предназначенных для экспортного производства, так как «мы не выдержим длительной войны, если уже сегодня живем в долг у будущего». Кейтель немедленно ответил категорическим: «То, что мы не выдержим длительной войны, признал сам фюрер. Война должна быть завершена в кратчайшие сроки. Поэтому мощный удар должен быть по возможности нанесен еще до Рождества. На эту карту требуется поставить все, включая использование как имеющихся запасов, так и сырья [sic]. Все необходимое подлежит безжалостному изъятию из экспортного сектора». К этому Кейтель добавил еще одно соображение: «Следует сосредоточить все ресурсы, чтобы как можно скорее покончить

45. Критика подобного подхода, исходящая от Гитлера, вкратце излагается в: Weinberg, *Foreign Policy* II, 19–20. Но Вейнберг почему-то датирует ее 1937 г., в то время как на самом деле Гитлер непосредственно ополчился на позицию Томаса лишь в 1939–1940 гг.

46. И вне зависимости от каких-либо долгосрочных перспектив. Осенью 1939 г. Гитлер отказался удовлетворить требование армии и Альберта Шпеера о наделении высшим приоритетом ракетной программы, осуществлявшейся в Пенемюнде, и мотивировал свой отказ тем, что эта программа скажется на ходе войны самое раннее в 1941 г. См.: ВАМА RH15/153, 123–5.

47. IWM EDS, al 1571, Chef Wi Rue Amt Aktennotiz, 4.12.1939. См. более раннюю записку Томаса с изложением аналогичной позиции: IMT, *Nazi Conspiracy and Aggression* (Washington, 1946–7), VII, EC-615, 603.

с западными державами, поскольку неясно, сколько времени русские будут на нашей стороне». Точно то же в последующие месяцы повторяли сперва Геринг — в конце января 1940 г. — а затем, в начале марта, Фриц Тодт. 24 марта генерал Томас зафиксировал следующий разговор с Фрицем Тодтом: «Фюрер снова энергично подчеркивал необходимость сделать все для того, чтобы закончить войну в 1940 г. большой военной победой. Начиная с 1941 г. время будет работать на нас (потенциал США)»⁴⁸.

Разумеется, следовало учитывать и практические моменты. Несмотря на необходимость сосредоточить все силы и средства в 1940 г., мобилизацию экономики невозможно было провести моментально. Срок в один год был просто слишком мал для завершения крупных строительных проектов. К большому разочарованию Томаса великие замыслы 1938 г. — планы Крауха по развитию химической отрасли и планы люфтваффе — по-прежнему влияли на состояние немецкой военной экономики, даже после начала войны. По расчетам, пик этих проектов должен был прийти на 1941–1942 гг. Соответственно, программы вооружений при своем воплощении на практике все равно оставались растянутыми на двухлетний период. В конце концов, даже если французскую армию можно было разгромить на первом году войны одним сильным ударом, то воздушная и морская война против Великобритании наверняка бы продолжилась и на второй год, а после войны на западе у Гитлера имелись и другие планы германской экспансии. Однако между стратегиями «короткой войны» и «долгой войны» в принципе не могло быть компромисса. От того, были ли планы рассчитаны на год или на полтора года, мало что зависело. Реальный вопрос заключался в том, какую войну вести в 1940 г. — наступательную или оборонительную. И в этом отношении Гитлер не испытывал колебаний. Он неохотно согласился отложить начало наступления, запланированного на 12 ноября 1939 г. Но полный отказ от наступательных действий в попытке пережить затяжную войну просто исключался. Наступление на западе в 1940 г. должно было носить самый решительный характер.

II

Принципиальные приоритеты германской оборонной промышленности были определены Гитлером в ряде решений, принятых им с сентября по ноябрь 1939 г. Уже через несколько ча-

48. IWM EDS, al 1571, Inspekteurbesprechung, 24.03.1940.

сов после начала войны он аннулировал «План Z» — программу строительства грандиозного флота, способного сразиться на равных с британским Королевским флотом, — который по его приказу получил абсолютный приоритет не далее как в январе 1939 г.⁴⁹ Была немедленно остановлена постройка крупных кораблей, которые невозможно было достроить в 1940 г. Рабочие на верфях Гамбурга, Бремена и Киля были поспешно брошены на строительство стандартных подводных лодок VII серии⁵⁰. Тем самым Гитлер отказался от своих амбиций по превращению Германии в крупную военно-морскую державу. Но такое решение требовалось для того, чтобы внести хоть какое-то подобие порядка в программу вооружений вермахта. Отныне флот уже никогда не оспаривал первоочередной роли армии и люфтваффе. Его доля в расходах на вооружения до самого конца войны ни разу не превысила 15%. Самое большое, на что могли всерьез надеяться стратеги кригсмарине — это на интенсивную торговую войну в Атлантики. «Программа подводного флота», пришедшая на смену «Плану Z», предусматривала строительство 25 подводных лодок в месяц. На бумаге она должна была пользоваться приоритетом при распределении сырья и рабочей силы. Но реально объемы строительства подводных лодок за первый год войны оказались смехотворными⁵¹.

Основное бремя войны с Великобританией должен был нести не флот, а люфтваффе, и в первую очередь — бомбардировщики Ju-88, которым уделяли основное внимание эксперты Министерства авиации еще с весны 1938 г. Как мы уже видели, к июлю 1939 г. планы Министерства авиации подверглись резкому сокращению из-за последовательного уменьшения сырьевых квот. Летом 1939 г. всерьез встал вопрос об отказе от дальнейшего производства пикирующих бомбардировщиков «Штука» и самолетов-разведчиков с тем, чтобы спасти программу производства Ju-88. В попытках повысить приоритет люфтваффе при распределении сырья Министерство авиации при поддержке генерального директора *Junkers* Генриха Коппенберга пошло на отчаянное лоббирование⁵². 3 июля 1939 г. Гитлеру было показано знаменитое «волшебное представление» на испытательном аэродроме в Рехлине, включавшее ошеломляющую демонстрацию новинок — реактивных истребителей, ракетопланов

49. См. резюме в: BAMA RW19/172 OKW, 23.10.1939.

50. О том, каким потрясением это стало для верфей, см. в: A. Meyhoff, *Blohm & Voss im «Dritten Reich»* (Hamburg, 2001), 243–53.

51. E. Rössler, *Geschichte des deutschen U-Bootbaus* (Augsburg, 1996), I. 192–208.

52. L. Budrass, *Flugzeugindustrie und Luftrüstung in Deutschland* (Düsseldorf, 1998), 587–90.

и огромной летающей пушки, которые якобы уже через несколько месяцев могли быть поставлены на конвейер. Чуть позже, на третьей неделе августа, когда мысли Гитлера были заняты грядущей войной, Коппенберг и Эрнст Удет, начальник технического управления РМА, уговорили его подписать приказ, возвращавший наивысший приоритет программе производства Ju-88. Этот шаг имел самые серьезные последствия. До самого конца войны не менее 40% мощностей немецкой военной экономики занимались обслуживанием потребностей люфтваффе.

Но самым больным местом в программе вооружений на протяжении первых месяцев войны был вопрос боеприпасов. В первую очередь это было связано с причинами политического свойства. Кризис боеприпасов, случившийся 25 годами ранее, в начале Первой мировой войны, надолго остался в памяти руководства страны⁵³. Гитлер, ветеран Первой мировой войны, сражавшийся в пехоте, испытывал большое уважение к крупнокалиберным пушкам и снарядам⁵⁴. Более того, производством боеприпасов и для люфтваффе, и для армии занималось управление вооружений — крупная военная организация, служившая идеальным козлом отпущения для идеологов Нацистской партии, презиравших все разновидности государственной бюрократии⁵⁵. Одной мысли о том, что армейские чинуши способны задушить запланированное Гитлером на 1940 г. крупное наступление, хватило для того, чтобы привести его в ярость. Его вермахт должен быть обеспечен всей огневой мощью, необходимой для достижения успеха, столь плачевно ускользнувшего от армии кайзера в 1914 г. Однако боеприпасы сделались подлинным яблоком раздора на первом году работы нацистской военной экономики не из-за одних только конфликтов между бюрократами. Принципиальное значение имел вопрос ресурсов. После строительства самолетов снабжение вооруженных сил гигантским количеством боеприпасов, необходимым на современной войне, являлось важнейшей индустриальной задачей, с которой столкнулась немецкая экономика во время Второй мировой войны. Не зря заводы по производству снарядов вошли в число канонических образов войны 1914–1918 гг. Играя меньшую роль в медийной «картинке» четверть века спустя, с промышленной точки зрения они имели едва ли меньшее значе-

53. H. Strachan, *The First World War* (Oxford, 2001), I. 993–1048.

54. Как это стало ясно на первом военном совещании по вопросам вооружений в октябре 1939 г.: ВАРНАН15/159, 330–33.

55. E. Leeb, *Aus der Rüstung des Dritten Reiches* (Das Heereswaffenamt 1938–1945) (Berlin, 1958).

ние. Производство боеприпасов являлось крайне прожорливым потребителем сырья. В последний год Первой мировой войны заводы боеприпасов потребляли не менее 400 тыс. тонн стали в месяц. Это составляло четверть общего производства стали в Германии осенью 1939 г. Кроме того, на снаряды и патроны уходило чрезвычайно много меди, которая была особенно дефицитным материалом. Поскольку Гитлер требовал крупного наступления на западе при первой же возможности, явно требовалось предпринять какие-то срочные меры для того, чтобы пополнить скудные запасы. Еще больше осложняло ситуацию то, что управление вооружений, занимавшееся производством боеприпасов, имело дело не с такими зависимыми производителями, какие сгруппировались вокруг Рейхсминистерства авиации. Главными поставщиками боеприпасов были гиганты немецкой тяжелой промышленности — *Vereinigte Stahlwerke*, *Krupp*, *Klöckner* и *Reichswerke Hermann Göring*. Но к осени 1939 г., после трех лет бессистемного распределения квот на сталь, эти фирмы были доведены до точки кипения — и их раздражение выплеснулось на управление вооружений⁵⁶.

Гитлер впервые проявил внимание к вопросу производства боеприпасов в октябре, когда потребовал, чтобы приоритет был отдан изготовлению артиллерийских орудий и снарядов⁵⁷. В середине ноября, когда борьба между Браухичем и Гальдером достигла особого накала, Гитлер приказал производить боеприпасы в объемах, втрое превышавших уровень, первоначально установленный управлением вооружений⁵⁸. К концу месяца это так называемое *Führerforderung* (Требование фюрера) начало принимать более конкретную форму. На основе цифр, почерпнутых Гитлером из стандартной истории Первой мировой войны, приоритет в первую очередь отдавался гаубицам и тяжелым минометам — решающему оружию окопной войны⁵⁹. 12 декабря 1939 г. Гитлер лично одобрил окончательный вариант *Führerforderung*, самым поразительным моментом которого было требование довести к осени 1940 г. уровень ежемесячного производства до 3 млн снарядов для легких гаубиц, 650 тыс. заря-

56. См. замечания о том, как низко упала армия в глазах промышленников уже в 1937 г., в: ВАМА RH15/149, 3–22.

57. ВАМА RH15/159, 330–33.

58. ВАМА RW19/205, 129; Müller, in DRZW 5/1. 425–6.

59. ВАМА RW19/173, 246–59. Как указывали армейские эксперты, со времен Первой мировой войны резко улучшилось качество боеприпасов — в смысле как дальности, так и поражающей способности. Возвращение к объемам производства Первой мировой войны было бы возможно лишь за счет возвращения к чугунным снарядам, наполненным эрзац-взрывчаткой.

дов для тяжелых гаубиц и не менее 150 тыс. мин для 21-мм мортир⁶⁰. Кроме того, Гитлер потребовал в восемь раз увеличить производство снарядов для стандартных 105-мм полевых гаубиц вермахта⁶¹. По отношению к реальному уровню производства на осень 1939 г. *Führerforderung* подразумевало прирост в три с половиной раза на протяжении следующих 12 месяцев и пятикратный прирост к осени 1941 г. Эти цифры служат важным указанием на то, какой тип войны Гитлер предполагал вести в грядущем году. Создается впечатление, что в ноябре и декабре 1939 г. Гитлер собирался выстраивать свою программу вооружений не на основе блестящих планов блицкрига, а исходя из первых армейских планов вторжения во Францию. Как мы уже видели, эти планы предусматривали не стремительную маневренную войну, а упорное продвижение к Ла-Маншу, за которым должны были последовать воздушные бомбардировки Великобритании. Если молниеносный удар и замышлялся, то не на полях Фландрии — его должны были нанести люфтваффе по британскому тылу.

Этим двойным решением в пользу бомбардировщиков Ju-88 для люфтваффе и армейской программы производства боеприпасов Гитлер определил основные контуры устройства немецкой военной экономики. В сумбуре исторических исследований о политике военной экономики Германии, которые во многом опираются на мемуары озлобленного генерала Томаса, это обстоятельство, как правило, не получало должного освещения⁶². В немецкой военной промышленности, отнюдь не страдавшей от отсутствия четких приоритетов, доминировали всего две сферы: самолеты и боеприпасы. Обе они потребили более двух третей всех ресурсов, выделенных производству вооружения в первые десять месяцев войны. В июне 1940 г., когда гитлеровская программа производства боеприпасов достигла максимального уровня, общая доля двух этих сфер превысила 70%. Что бы

60. ВАМА RW19/164, 3–10, ОКW Tagebuch. Подробнее см. в: ВАМА RH15/160, Waffenamt 10.01.1940.

61. Выражение удивления со стороны управления вооружений см. в: ВАМА RH15/160, 264. Об этом поистине массовом, но не воспетом поэтами и пропагандистами оружии см. в: Hahn, Waffen, 146–61. На протяжении войны производством 17 тыс. легких гаубиц и миллионов израсходованных ими снарядов была занята значительная часть немецкой тяжелой промышленности.

62. Работой, в наибольшей степени обязанной мемуарам Томаса, является: Müller, in DRZW 5/1. 349–426, в которой делается упор на «полицентричность» политики в сфере германской военной экономики. Овери, разбирающий вопрос в иной перспективе, также подчеркивает неэффективность производства вооружений в первые годы войны, представлявшую собой итог организационных ошибок. См.: Overly, *War and Economy*, 313, 343–56.

еще ни говорилось об организации военной экономики Рейха, ее едва ли можно обвинить в нечеткости целей. Производству танков, автомобилей, оружия и всего того, в чем нуждался флот, приходилось обходиться третью ресурсов, предназначавшихся для военной экономики. Реальной проблемой являлось не отсутствие четких приоритетов, а проблематичность превращения приказов Гитлера в осязаемые результаты. С сентября 1939 г. по январь 1940 г., после первоначального рывка из провала, наблюдавшегося летом 1939 г., выпуск боеприпасов в Германии застыл на одном уровне⁶³. Ситуация в секторе люфтваффе, где не сразу в полной мере дали о себе знать меры экономии, предпринятые летом 1939 г., была еще более печальной⁶⁴. Политику в сфере военной экономики определяла борьба за то, на кого следовало возложить вину за эти неоднозначные результаты. Министерство авиации, защищенное как самостоятельностью блока люфтваффе и авиапромышленности, так и политическим весом Геринга, не выносило сор из избы. Армии посчастливилось меньше. Партийное руководство и верховное командование вермахта при поддержке ведущих промышленных кругов сделало козлом отпущения за намечающиеся проблемы военной экономики управление вооружений⁶⁵.

Для страны, еще с 1933 г. выполнявшей срочную программу перевооружения, неважные результаты работы оборонной промышленности в первые месяцы Второй мировой войны, несомненно, стали некоторым сюрпризом. Но они окажутся не такими удивительными, если мы вспомним, как развивались события с начала 1939 г. В первой половине года военная экономика отступала по всем направлениям. Последствия резкого сокращения квот на сырье, начавшегося в январе 1939 г., продолжали ощущаться и спустя девять месяцев⁶⁶. После того как летом на горизонте замаячил призрак войны, ситуация с поставками сырья для вермахта улучшилась. Их резкому росту способствовали привилегии, которых добились люфтваффе. Осенью 1939 г. наконец началось давно ожидавшееся массовое

63. Нижеследующий материал основывается на перерассчитанном ежемесячном индексе производства вооружений (подробнее см. на веб-сайте автора и J. A. Tooze, «Arming the Reich: Armaments Production in Hitler's Germany» (рукопись статьи, доступна на веб-сайте автора).

64. См.: ВАМА RL32630, Beschaffungslage, 12.1939.

65. Геринг начал кампанию против управления вооружений уже в конце ноября. См.: ВАМА RH15/159, Vortragsnotiz, 29.11.1939.

66. Этот момент усиленно подчеркивало управление вооружений, отвечая своим критикам (см.: ВАМА RH15/153, 128–30 и RH15/159, 248–50), но его игнорируют Вагенфюр, Мюллер и Овери.

производство Ju-88. Однако на преодоление замедления, наблюдавшегося в первой половине года, потребовалось несколько месяцев. В случае люфтваффе рост поставок сырья должен был привести к росту производства самолетов самое раннее через полгода. Помимо этого, требовалось время на то, чтобы назначить новые оружейные заводы, распределить необходимое оснащение и чертежи и вывести производство на полную мощность. Эти неминуемые задержки усугублялись полной мобилизацией вооруженных сил в августе 1939 г., за несколько недель до того, как был отдан приказ об общей мобилизации экономики. Это не повлияло на те фирмы, которые работали под непосредственным контролем со стороны вооруженных сил и чьи работники были освобождены от призыва⁶⁷. Но изъятие 4 млн человек из остальных секторов экономики, конечно, привело к сбоям. В число пострадавших входили многие важные субподрядчики и поставщики сырья для военной промышленности. А несколько позже, осенью 1939 г., по экономике страны снова ударили транспортные проблемы, впервые проявившиеся зимой 1937–1938 гг.⁶⁸

В середине XX в. германская экономика, как и все прочие европейские экономики, по-прежнему в первую очередь работала на угле. 90% германских энергетических потребностей так или иначе удовлетворялось либо за счет лигнита (бурого угля), либо за счет антрацита (каменного угля). Кроме того, уголь и такие его производные, как угольная пыль и угольный газ, являлись важнейшим сырьем при производстве стали и многих химикатов. Уголь был единственным важным промышленным сырьем, имевшимся у Германии в изобилии. Однако германские угольные месторождения были сосредоточены главным образом у западных и восточных рубежей Рейха — в Руре и Силезии соответственно. Поэтому ежедневно от границ Рейха на многочисленные предприятия и в города Северной, Южной и Центральной Германии приходилось доставлять сотни тысяч тонн угля. В любой конкретный день по меньшей мере треть тоннажа, перевозимого немецкими железными дорогами, составляли уголь и его производные⁶⁹. Функционирование всей экономики зависело от способности железных дорог осуществлять эти перевозки. Между тем на протяжении почти десятилетия, с 1929 по 1938 г., государство систематически пренебрегало потребно-

67. IWM, M14/328, Niederschrift über Rue In Besprechung, 8/9.01.1940, 2–3.

68. Впервые о транспортной проблеме с тревогой заговорили в ноябре 1939 г. См.: ВАМА RW19/172, 22–30 и ВАН R131607, 81–6.

69. *Statistisches Handbuch von Deutschland* (Munich, 1949), 349–51.

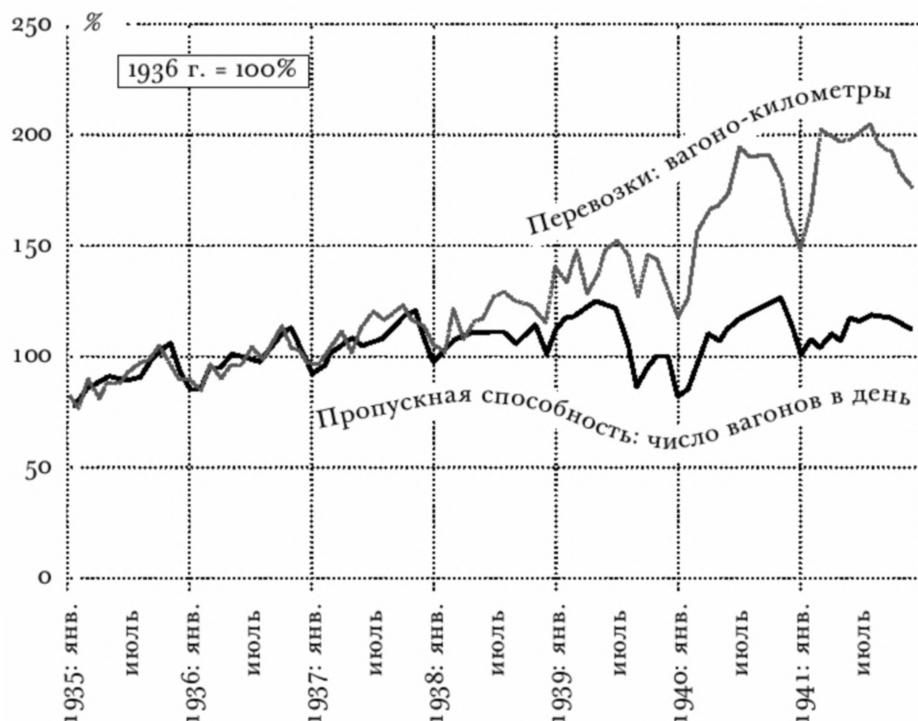

РИС. 13. Reichsbahn: работа в условиях перегрузок

стями немецких железной дорог (*Reichsbahn*)⁷⁰. Вместо железнодорожных линий деньги вкладывались в строительство автобанов и в развитие автобусной сети и грузовых автоперевозок, а железнодорожный подвижной состав тем временем ветшал. С 1933 по 1937 г. Reichsbahn ежегодно приобретала менее 2 тыс. товарных вагонов — небольшую долю того, что требовалось для компенсации их износа. В результате число пригодных товарных вагонов, в конце 1920-х гг. в среднем превышавшее 670 тыс. штук, в 1937 г. составляло не более 575 тыс. В ответ *Reichsbahn* старалась более эффективно использовать свой сокращающийся подвижной состав, но начиная с 1937 г. разрыв между требуемым объемом перевозок и возможностями железнодорожной системы неумолимо возрастал.

В 1939 г. обычные сезонные проблемы были усугублены массовым перемещением войск — сперва к местам их сосредоточения на восточной границе, а затем к западным рубежам. По всей системе распространялись заторы и пробки. Резко увеличилось число аварий: два крупных крушения перед рождеством погубили 230 человек и подорвали общественное доверие

70. A. C. Mierzejewski, *The Most Valuable Asset of the Reich: A History of the German National Railway*, II: 1933–1945 (Chapel Hill, NC, 2000), 57–93.

к железнодорожному транспорту⁷¹. Зимой 1939–1940 гг. осведомители гестапо сообщали, что на перронах по всей стране люди возмущались задержками поездов и их произвольной отменой⁷². Администраторы пытались справиться с проблемами товарных перевозок, в массовом порядке сокращая пассажирские перевозки. Но даже жесткие меры не позволили предотвратить кризис. К началу 1940 г. десятки тысяч товарных вагонов застряли в многокилометровых заторах. К январю время оборота подвижного состава превысило неделю. Эффективная пропускная способность железных дорог Германии резко сократилась, что сразу же привело к перебоям в поставках угля. К декабрю шахты были предупреждены о надвигающемся «транспортном бедствии». В замерзающем Берлине угля осталось так мало, что отчаявшиеся муниципальные власти реквизируют уголь, поставлявшийся даже таким ведущим оружейным фирмам, как *Rheinmetall*⁷³. Между тем в Руре достигли опасных размеров горы невывезенного угля, заставляя шахты сокращать добычу. В целом в первые месяцы 1940 г. нехватка угля затронула почти 10% германских оружейных заводов⁷⁴. В центральном промышленном регионе, около Касселя, эта цифра достигала 27%. В январе 1940 г. Геринг назвал транспорт проблемой немецкой военной экономики⁷⁵.

И на фоне этих разочарований, неудач и кризисов управление вооружений получило от Гитлера приказ резко увеличить производство боеприпасов. Может показаться странным, что армия оспаривала требования Гитлера. В конце концов предполагалось, что эта программа была выгодна прежде всего армии. Однако у армии имелись и другие приоритеты, помимо боеприпасов. Кроме того, именно армия была главным единичным потребителем стали и других металлов. Если бы не произошло серьезного роста квот на сталь, главной жертвой грандиозного *Führerforderung* стали бы программы самой армии по производству оружия, танков и автомобилей. А гитлеровский план производства боеприпасов требовал ошеломляющего количества

71. *Meldungen*, III: 27.12.1939, 606. Стоит отметить, что в 1939 г. по всей Германии в железнодорожных катастрофах погибло 1920 человек (не считая самоубийств) и было ранено 4523 человека — что в обоих случаях на 100% больше, чем в 1937 г. См.: SRA, *Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich (1941/42)* (Berlin, 1942), 242.

72. *Meldungen*, III: 17.01.1940, 652, 29.01.1940, 705–6.

73. IWM FD717/46, box 248255 ff., Rheinmetall Informationsbericht, 1939. О влиянии нехватки угля на моральное состояние людей в Берлине и других местах см.: *Meldungen*, III: 8.01.1940, 622–4, 26.01.1940, 686–7.

74. BAMA RW19/263, доклад ОКВ, 2.04.1940, 6–13.

75. IWM EDS, al 1571, 16.02.1940, Besprechung.

стали и других металлов. По оценкам армии, в первом квартале 1940 г. на его выполнение ушло бы 566 тыс. тонн стали и более 8 тыс. тонн меди, в то время как текущие квоты составляли всего 300 тыс. тонн стали и 3800 тонн меди⁷⁶. Если история повторяется, то в том случае, если бы планы по наращиванию объемов производства не были подкреплены соответствующими поставками сырья, то *Führerforderung* обернулось бы просто еще одним «пузырем» в сфере вооружений. Армейские бюрократы выучили этот урок и теперь опасались того, что в случае, если местные инспекции в сфере вооружений сумеют выявить и «мобилизовать» достаточные металлообрабатывающие мощности, то заводы, зарезервированные для военного производства, останутся без железа, меди или других важнейших материалов. После ряда подобных накладок репутация армии в промышленных кругах уже и так была серьезно запятнана. Более того, исходя из прежних результатов, армия сомневалась в том, что Карлу Крауху и химическому отделу управления по выполнению Четырехлетнего плана удастся добиться четырехкратного роста производства пороха и взрывчатых веществ, которыми предстояло наполнять снаряды Гитлера. В конце концов для достижения этой цели Крауху тоже требовалось еще больше стали и рабочей силы. А где их было взять? Если бы Краух не добился успеха, то на складах бесполезным грузом осели бы миллионы снарядов, не начиненных взрывчаткой. Из оборота было бы выведено 3 млн тонн стали, 4000 тонн алюминия и 10 тыс. тонн меди, в то время как остальная военная экономика задыхалась без требовавшегося ей металла⁷⁷. А вина в итоге была бы возложена на «некомпетентных военных бюрократов».

В первые месяцы 1940 г. проблема боеприпасов оказалась в центре продолжавшейся битвы между Гитлером и армейским руководством. 27 января Браухич объявил Томасу из ОКВ о том, что с учетом текущих квот на сырье требования фюрера о производстве боеприпасов невыполнимы⁷⁸. Более того, генерал фон Браухич утверждал, что ОКВ не имеет права навязывать армии конкретные детали планов в сфере вооружений. В будущем армейское верховное командование собиралось подчиняться лишь тем приказам со стороны руководства вермахта, а соответственно, и Гитлера, которые будут подкреплены достаточными квотами на сырье. Ответ Кейтеля на этот протест был бескомпро-

76. *Halder Diary*, 27 January 1940, 173–4; Ф. Гальдер, *Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба Сухопутных войск 1939–1942 гг.* Т. 1, 244–245.

77. ВАМА RH15/160, 254–69.

78. Это заявление и цитируемый ниже ответ Кейтеля находятся в: IWM EDS, al 1492.

миссным. Кейтель наотрез отказался вновь поднимать вопрос о приоритетах. Фюрер принял решение о производстве боеприпасов и его требования должны быть выполнены вне зависимости от того, как к ним относится управление вооружений. Как отмечал Томас в своем служебном дневнике, «Программа должна быть выполнена, и если [армейское] управление вооружений не в состоянии этого сделать, то фюрер поручит эту задачу другому учреждению». И это была явно не пустая угроза. Еще с начала 1939 г., когда разразился кризис с поставками сырья, Браухича тревожили мысли о том, что в сектор боеприпасов с целью его «расчистки» может быть назначен гражданский «уполномоченный»⁷⁹.

Атмосфера накалилась до предела и ставки были высокими как никогда: на кону стояло будущее немецкой военной экономики. Но в смысле практического управления производством вооружений решение было очевидным с самого начала. Момент, подходящий для открытого бунта, миновал несколько месяцев назад. В феврале 1940 г. Франц Гальдер и его подчиненные составляли новый смелый план нападения на Францию. Поскольку до наступления оставалось всего несколько месяцев, армия не могла серьезно возражать против того, что в ближайшем будущем наибольший приоритет получит производство боеприпасов. Делопроизводство нижестоящих региональных инспекций по вопросам вооружения четко показывает, что презренные военные бюрократы делали все возможное для того, чтобы выполнить приказ Гитлера⁸⁰. Они даже всерьез восприняли идею о том, что им следует накопить запасы оболочек для снарядов, которые впоследствии будут наполнены взрывчаткой в соответствии с требованиями ситуации на фронтах и наличием химических компонентов. Кроме того, ни Кейтель, ни Гитлер не могли просто отмахнуться от профессионального мнения специалистов по поставкам. В феврале Кейтель согласился с тем, что армия должна сама решать, какие категории боеприпасов следует производить с учетом наличия сырья. В любом случае, реальное значение имели боеприпасы, произведенные в течение следующих девяти месяцев. Неопределенность ситуации на фронтах делала планирование на двухлетний срок чисто умозрительным занятием. Как неоднократно повторял своему начальству генерал-майор Томас, если бы производство боеприпасов было выведено на тот уровень, которого требовал Гитлер, то у Германии быстро бы исчерпались запасы

79. BAMA RH15/151, 104-5.

80. IWM. Mi. 14328, Rue In Besprechung, 8/9.01.1940.

меди и других цветных металлов. После этого выполнение программы вооружений диктовалось бы не Гитлером и не армией, а тонким ручейком импортного сырья. Между тем задача сводилась просто к тому, чтобы как можно быстрее выпустить как можно больше боеприпасов. Как указывал Кейтель Томасу в январе 1940 г., «Сейчас главное — впечатление, что программа производства боеприпасов наконец-то выполняется в крупных масштабах, и поэтому летом придется принимать решение о том, следует ли сохранять большие масштабы, предложенные фюрером, с учетом сложившейся у нас ситуации с сырьем. Но он сможет решить это только летом»⁸¹.

Несмотря на пререкания среди руководства, статистика показывает, что после того, как проблемы переходного периода и транспортный кризис были преодолены, Гитлер получил именно то, чего он добивался: резкого ускорения в сфере производства вооружений, причем главную роль при этом играл мощный прирост в производстве боеприпасов и боевых самолетов, рассчитанный так, что он совпал с наступлением во Франции. Всего за семь месяцев, с января по июль 1940 г., производство вооружений в Германии удвоилось. Это оказался наиболее устойчивый и наиболее серьезный прирост в производстве вооружений за всю войну. По своим темпам он превышал все достигнутое за любой другой период такой же протяженности, даже под руководством знаменитого Альберта Шпеера. Этот прирост стал возможен лишь благодаря безжалостной мобилизации ресурсов, не учитывавшей ни нужды гражданского населения, ни дальнейшие перспективы военной экономики. В экономическом, как и в военном смысле нацистская Германия шла ва-банк.

Более того, не может быть серьезных сомнений в отношении того, что таким резким приростом производства боеприпасов страна была обязана чиновникам из управлений вооружений и региональных инспекций вермахта по вопросам вооружений⁸². Рост производства начался в феврале, за несколько месяцев до каких-либо серьезных изменений в системе снабжения вермахта. Однако в политическом плане перелом в производстве вооружений произошел слишком поздно для того, чтобы спасти управление вооружений. Когда в феврале 1940 г.

81. IWM EDS, al 1492, Aktennotiz Vortrag bei Keitel, 27.01.1940.

82. Напротив, Мюллер, в полной мере понимая политическую природу «кризиса боеприпасов», некритически соглашается с нападками того времени на «армейских бюрократов» и рассматривает каждый шаг к назначению Тодта как движение в сторону большей эффективности. См.: Müller, in DRZW 5/1. 423, 453–66.

свежие статистические отчеты в полной мере отразили масштабы зимнего кризиса, Гитлер пришел в ярость. Сперва Браухич и Гальдер саботировали его план немедленного нападения на Францию в ноябре 1939 г. А теперь еще и высокомерие и некомпетентность управления вооружений создало угрозу для всего военного производства. При этом не было никаких сомнений в том, где следует искать решение. В конце февраля Гитлер был отвлечен от своего обычного военного распорядка торжествами в честь двадцатой годовщины провозглашения Нацистской партии. По этому случаю он посетил помпезный съезд «старых бойцов» в Мюнхене и устроил прием для гауляйтеров в Берлине. Судя по всему, погружение в эту идеологическую атмосферу укрепило его решимость. «Бюрократическую летаргию» армии следовало преодолеть с помощью динамизма «закаленного в боях» национал-социалистического движения. К концу месяца Кейтель по приказанию Гитлера писал Браухичу:

Фюрер и главнокомандующий вермахта, приняв к сведению последний месячный отчет [т. е. за январь 1940 г.] о производстве оружия и боеприпасов, выразил мне свое недовольство слабыми результатами, достигнутыми с начала войны <...> Скромные объемы производства боеприпасов самых важных калибров в январе оставляют мало надежды на то, что *Führerforderung* будет выполнено к 1 апреля 1940 г. Фюрер констатировал необходимость реорганизовать систему снабжения⁸³.

Человеком, которому предстояло заменить армейских бюрократов в качестве ответственного за производство боеприпасов — самый важный аспект производства вооружений, помимо авиационной промышленности, — был излюбленный чудотворец Гитлера Фриц Тодт⁸⁴. Именно Тодт воплотил в реальность мечту фюрера о национальной системе автобанов. В 1938 г. именно Тодт на строительстве Западного вала показал, что инициативный и политически мотивированный инженер, используя энергию частного бизнеса, может осуществить то, на что явно не способен громоздкий аппарат военной бюрократии. И именно Тодт по соответствующему указу Гитлера от 17 марта 1940 г. возглавил новое Министерство боеприпасов. Это была просчитанная и очень болезненная пощечина для офицеров из управления вооружений. В начале апреля 1940 г. генерал Беккер,

83. IWMEDS al 1492, начальник ОКВ — главнокомандующему армией, 2.03.1940.

84. BAMARW19/164, запись от 4.03.1940, 65–6; Müller in DRZW 5/1. 462–78; K. H. Ludwig, *Technik und Ingenieure im Dritten Reich* (Düsseldorf, 1974), 344–60.

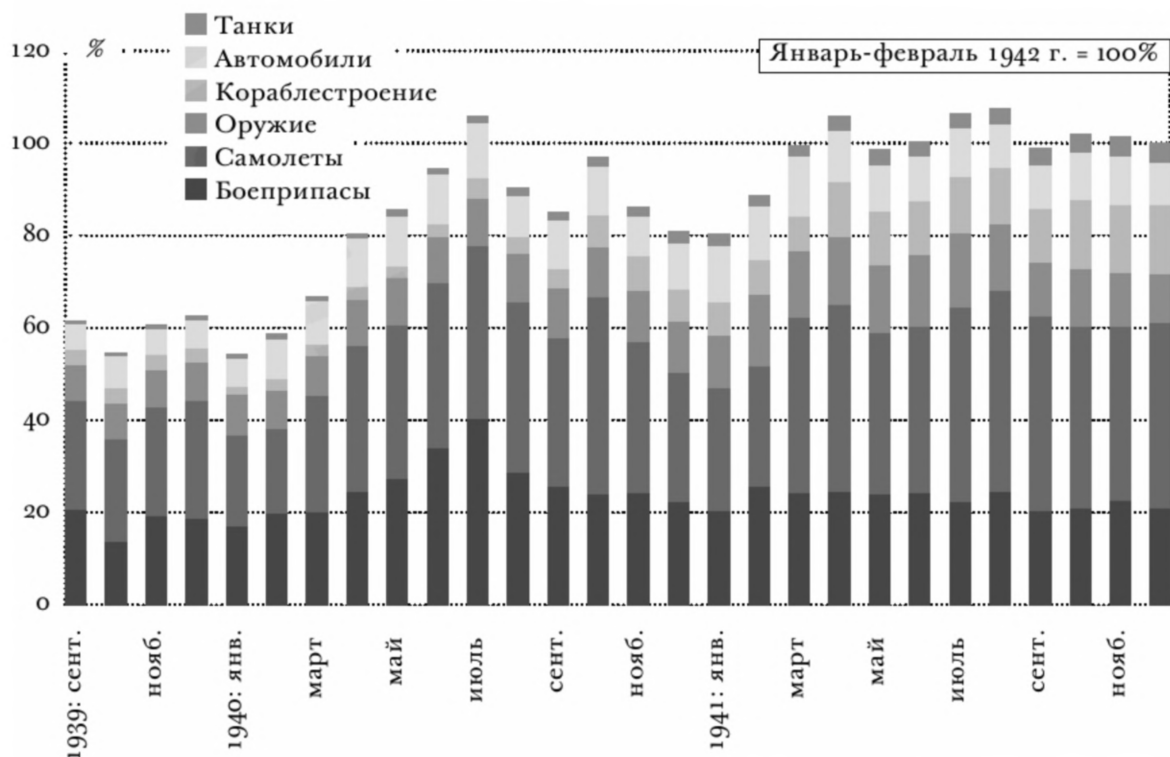

РИС. 14. Производство вооружений в Германии, сентябрь 1939 — декабрь 1941 г.

возглавлявший управление, сделал последнюю попытку умиротворить Гитлера, предложив включить армейское управление вооружений в единую централизованную организацию по вооружениям, обслуживающую весь вермахт. Кроме того, управление попыталось заручиться поддержкой промышленных кругов, кооптировав Вальтера Борбета, главу *Bochumer Verein*, в качестве промышленного советника по вопросам боеприпасов. Сперва Гитлер как будто бы одобрил этот новый подход. Но в последний момент, в ночь на 8 апреля, попытки Беккера спасти армейские позиции были погублены Эрихом Мюллером, известным как «Пушечный Мюллер» («Kanonen-Müller»), главным оружейным конструктором на фирме *Krupp*, который построил свою карьеру на том, что подыгрывал Гитлеру с его любовью к непомерно громадным артиллерийским орудиям. Воспользовавшись возможностью встретиться с фюрером в его личном поезде, Мюллер внушил Гитлеру, что германская промышленность хотела бы, чтобы новое Министерство боеприпасов возглавил не армейский офицер, а Тодт. Свои слова он подкрепил несколькими сплетнями о личной жизни генерала Беккера. Вскоре после этого Беккеру сообщили о том, что его план по сохранению контроля военных над армейскими постав-

ками будет отклонен. Через несколько часов ведущий немецкий специалист по баллистике застрелился.

Иногда утверждается, что назначение Тодта являлось прямым последствием интриги, затеянной немецкими капиталистами, и едва ли можно отрицать то, что большой бизнес был одним из главных бенефициаров решения Гитлера⁸⁵. Однако, как это нередко бывает, непросто доказать, что главной силой, стоявшей за событиями, были деловые интересы. Зимой 1939–1940 гг. промышленники действительно сетовали на избыточную, по их мнению, забюрократизированность армии. И не исключено, что причиной этих сетований являлось исключительно неуместное заявление генерал-майора Томаса о том, что мотив прибыли не должен играть никакой роли при организации военной экономики — заявление, которое едва ли могло прийти по душе промышленным магнатам. Разочарование, вызванное отменой программ по производству боеприпасов в 1937 и 1939 гг., конечно, не было забыто. Верно и то, что ряд промышленников, включая «Пушечного Мюллера», а также Вальтера Борбета, имел привилегированный доступ к Гитлеру. Однако с учетом трений между Гитлером и армейским руководством, а также разочаровывающими итогами производства вооружений в первые месяцы войны, Гитлер едва ли нуждался в понукании для принятия жестких мер. А тот человек, которого он выбрал для этой работы, был не промышленником, а лояльным партийцем.

Но даже если Тодт и не был обязан своим назначением заговору дельцов, нельзя отрицать и того, что, получив новую должность, он активно стремился к сотрудничеству с немецкой промышленностью и что рейхсгруппа по промышленности охотно пошла ему навстречу⁸⁶. В течение нескольких дней после своего назначения Тодт не принимал генерала Томаса из ОКВ — зато совещался с Альбертом Пицшем из Экономической палаты Рейха и Вильгельмом Цангеном из рейхсгруппы по делам промышленности. Кроме того, он встречался с Филиппом Кесслером из *Fachgemeinschaft Eisen und Metallindustrie*, Борбетом из *Bochumer Verein*, Карлом Ланге из деловой группы по машиностроению и Рудольфом Бингелем из *Siemens*⁸⁷. К кон-

85. D. Eichholtz, *Anatomie des Krieges: Neue Dokumente über die Rolle des deutschen Monopolkapitals bei der Vorbereitung und Durchführung des Zweiten Weltkrieges* (Berlin, 1969), 243–58.

86. Eichholtz, I. 121–32.

87. В течение следующих дней он также встретился с Альбертом Феглером из *Vestag*, Гельмутом Ренертом из *Rheinmetall* и Эрихом Тгартром, генеральным директором *Hösch AG*.

цу первой недели своего пребывания в должности Тодт дал обещание создать постоянный промышленный совет, а рейхсгруппа по делам промышленности предоставила ему список своих ключевых приоритетов⁸⁸. В их число входили пересмотр жесткой системы контроля над ценами с целью «расжечь аппетит» бизнесменов, более широкое участие крупнейших корпораций в распределении военных заказов и реорганизация системы нормирования сырья, не обеспечивавшей крупнейшие фирмы тем сырьем, на которое, по их мнению, они имели право. Тодт согласился со всеми этими предложениями и сделал все возможное для того, чтобы воплотить их в жизнь в течение ближайших месяцев. Что самое важное, он принудил армейские управления вооружений перейти на видоизмененную систему назначения цен на заказанные боеприпасы. Тем производителям, которые работали с наименьшими издержками, отныне следовало предлагать стандартную цену (эта политика сменила постоянный контроль над ценами). Также Тодт приступил к децентрализации распределения заказов на боеприпасы. В каждом из регионов, определенных инспекциями вермахта по вооружениям, предпринимательские организации должны были создать рабочие группы производителей, заинтересованных в выпуске боеприпасов того или иного калибра⁸⁹. Работу этих групп координировали региональные комитеты по боеприпасам. Отныне армейские управления вооружений должны были направлять свои заказы в эти комитеты. Ответственность за передачу заказов наиболее подходящим производителям несли сами промышленники. Председателем регионального комитета по боеприпасам при самой важной из инспекций по вооружениям, Рурской, вполне ожидаемо был назначен Вальтер Борбет⁹⁰. С тем чтобы обеспечить координацию между регионами, в Берлине был создан совет по боеприпасам, служивший связующим звеном между министерством Тодта и национальными предпринимательскими организациями в металлообрабатывающих отраслях. Со временем роль комитетов по боеприпасам возросла: они стали заниматься не только распределением заказов, но и контролем над производственными мощностями всех заводов в своем районе. Эти комитеты получили от Тодта полномочия на выдачу всех заказов, необходимых для выполнения

88. Кроме того, промышленные ассоциации предоставили Тодту списки кандидатов в его комитеты. См.: ВАН R131657, 51, 53–9.

89. См. инструкции Тодта рейхсгруппе по промышленности в: ВАМА RW19/263.

90. W. Weber, «Walter Borbet (1881–1942)», in W. Weber (ed.), *Ingenieure im Ruhrgebiet* (Münster, 1999), 252–3.

поставленных им производственных целей, и на отказ в выдаче заказов тем фирмам, у которых отсутствовали необходимая рабочая сила и сырье. К маю 1940 г. Тодт перешел от строго региональной системы к созданию национальных подкомитетов (*Fachausschüsse*) в Берлине по всем основным типам боеприпасов. Летом он дополнил этот шаг основанием национального комитета по производству танков, который начал работу осенью 1940 г. под председательством Вальтера Роланда из *Deutsche Edelstahlwerke*. Наконец, в ноябре 1940 г. министерство Тодта создало национальный комитет по надзору за производством артиллерийских орудий, который вполне предсказуемо возглавил «Пушечный Мюллер», работавший у Круппа.

Таким образом, война началась с судорожного перераспределения власти и влияния в рамках армейского «сектора» военной экономики. В проигрыше оказался как раз вермахт. После самоубийства Беккера армейское управление вооружений так и не вернуло себе прежних позиций. Кроме того, стремлению военно-экономической организации вермахта установить контроль над всей военной экономикой — был поставлен прочный заслон появлением Фрица Тодта как независимого мощного игрока силы в политике вооружений. Победителями в этой борьбе за власть, помимо Фрица Тодта и Нацистской партии, были промышленные магнаты, в апреле 1940 г. сплотившиеся вокруг нового министра вооружений. В политическом плане их победа стала тем более решающей, поскольку она совпала с поразительным ускорением выпуска вооружений в первой половине 1940 г. и последующей победой вермахта во Франции. Сочетание военной победы и впечатляющих производственных показателей стало опьяняющим пропагандистским коктейлем, чем в полной мере воспользовались Фриц Тодт и его сторонники в НСДАП. В своей победной речи, произнесенной летом 1940 г., Гитлер приписал все успехи оборонной промышленности исключительно Фрицу Тодту, подчеркнуто игнорируя как армейских должностных лиц, отвечавших за поставки, так и генерала Томаса из ОКВ⁹¹. Такой риторический ход точно отражал итог политической борьбы, но не имел особого отношения к производственным реалиям.

Громадное повышение темпов производства боеприпасов, которое ставили себе в заслугу Тодт и его сотрудники, по сути зависело исключительно от поставок сырья. За поразительным ростом объемов производства, произошедшим в первой поло-

91. Domarus, II. 1540–59.

вине 1940 г., стояло резкое увеличение предназначавшихся армии квот на сталь и медь после сентября 1939 г., а не предпринятые в последний момент Тодтом попытки рационализации. Как саркастически отмечал генерал Фромм, отвечавший за все армейское снабжение, Тодт «пришел на все готовенькое»⁹². Ежемесячные цифры производства боеприпасов весьма недвусмысленно демонстрируют, что прирост начался в феврале 1940 г., по крайней мере за полтора месяца до того, как министерство Тодта приступило к работе⁹³. С учетом сроков, требовавшихся для производства боеприпасов, меры, предпринятые Тодтом начиная с апреля, в лучшем случае могли оказать лишь маргинальное влияние на производственный бум, достигший пика в июле. В той степени, в какой организационные меры имели какое-то отношение к этому резкому приросту, главную роль играли региональные инспекции вермахта. Еще в декабре 1939 г., в попытке ускорить выявление и «резервирование» заводов, пригодных для производства боеприпасов, головное управление в Берлине делегировало полномочия по выдаче заказов местным инспекциям по вооружениям⁹⁴. И вопреки мифу о Тодте, военные ни в коей степени не отличались непониманием того, насколько важным было налаживание крепких связей с промышленностью. К весне 1940 г. при всех инспекциях по вооружениям были созданы региональные консультативные органы. Собственно говоря, именно Рурская инспекция по вооружениям создала образец для национальной системы комитетов, основанной Тодтом, в форме Гельзенкирхенских договоренностей⁹⁵. Они сводились к тому, что ответственность за выявление тех фирм, которые можно было привлечь к производству вооружений, возлагалась на совместный комитет промышленников и представителей службы снабжения, возглавляемый Эрнстом Пенсеном, руководителем могущественного концерна *Vereinigte Stahlwerke*. Неудивительно, что с учетом такой мощной поддержки Гельзенкирхенские договоренности всего за несколько недель до назначения Тодта министром боеприпасов были одоб-

92. Müller, in DRZW 5/1. 467.

93. Данные о ежеквартальном производстве боеприпасов в 1939–1940 гг. приводятся в: Herbst, *Das national-sozialistische Deutschland 1933–1945* (Frankfurt, 1996), 304, но автор делает из них неверные выводы.

94. IWM 14/328, 01.1940, Rue In Besprechung, 8/9.01.1940.

95. О работе этой системы с точки зрения промышленников см. в: ВАНR131593, *Niederschrift*, 15.03.1940; Müller, in DRZW 5/1. 448. Мюллер пренебрежительно отзывается об этой системе, поскольку Рурская инспекция слишком придирчиво производила отбор фирм, которые собиралась привлекать к сотрудничеству, и это странно, потому что Мюллер в то же время обвиняет военных в неразборчивости при выдаче заказов.

рены в качестве образца для общенациональной кооперации Вильгельмом Цангеном, председателем рейхсгруппы по промышленности⁹⁶. Для политики времен «кризиса боеприпасов» было характерно то, что и Тодт и представители промышленности предпочли проигнорировать эти первые эксперименты и подавать созданные Тодтом комитеты по боеприпасам в качестве принципиально новой формы организации, непохожей на предыдущие. Верхушке немецкого бизнеса было слишком выгодно помогать Фрицу Тодту в приготовлении жуткого коктейля из нацистской доктрины верховенства фюрера (*Führertum*) и риторики деловой предприимчивости и смекалки (*Unternehmertum*). Этот «коктейль» вскоре стал господствующей идеологией немецкой военной экономики.

III

Если мы хотим понять, как на самом деле функционировала военная экономика Рейха, то нам следует изучить входные и выходные данные промышленной «машины»: какое сырье туда поступало и какие вооружения производились. В течение первого года войны нацистский режим повысил долю национального продукта, достававшегося вооруженным силам, с 20% до трети с лишним, что означало 60-процентное повышение и без того высокого предвоенного уровня. Как и следовало ожидать, это перераспределение ресурсов сопровождалось бюрократическими конфликтами. Некоторые более зрелищные меры, первоначально привязывавшиеся к объявлению войны, были пересмотрены в пользу «тайной» мобилизации. В первую очередь следует отметить, что предложенный рейхсминистром экономики Функом план финансирования войны посредством резкого повышения налогов был пересмотрен в пользу всеобъемлющей программы нормирования и общенациональной экономии. Эта явная нерешительность породила впечатление, что нацистское политическое руководство изо всех сил старается сохранить прежний уровень жизни гражданского населения. Однако такое впечатление является ошибочным. Само собой, понятно, что серьезное повышение налогов в первые месяцы войны послужило бы более четким сигналом о намерениях режима. Кроме того, финансирование войны посредством ро-

96. Как указывает Будрасс, в 1940 г. в качестве конкретного образца выдачи заказов упоминались отношения между люфтваффе и фирмой *Junkers*: Budrass, *Flugzeugindustrie*, 654–5.

ста налогов свело бы к минимуму риск инфляции. Но в краткосрочном плане не имело большого значения, будет ли потребление в гражданском секторе ограничено посредством налогов или посредством строгого нормирования, ведущего к росту сбережений. В любом случае потребление сокращалось, и это высвобождало ресурсы — рабочую силу, промышленные мощности и сырье — для военного производства. С этой точки зрения меры, принятые в нацистской Германии, оказались чрезвычайно эффективными⁹⁷.

В пределах довоенной территории Рейха и без того невысокий уровень гражданского потребления на душу населения за первый год войны упал на 11%. К 1941 г. расходы на потребление по сравнению с 1938 г. сократились на 18%. По мере того как снижались расходы домохозяйств, неистраченные деньги поступали в закрома германской финансовой системы. Самым ярким показателем этой волны сбережений, вызванных войной, служат сведения о ежемесячном обороте немецких сберегательных банков⁹⁸. В отличие от более известных учреждений, таких как *Deutsche Bank* или *Dresdner Bank*, обслуживавших сравнительно эксклюзивную клиентуру, — *Sparkassen* (сберкассы) были банками для простых людей. К концу 1930-х гг. практически у каждой семьи в Германии имелась хотя бы одна сберкнижка (*Sparbuch*). Соответственно, счета сберкасс позволяют непосредственно ознакомиться с повседневным финансовым положением германских домохозяйств. В течение нескольких месяцев, непосредственно предшествовавших войне, миллионы семей старались запастись всем необходимым, и это вызвало необычайно большой отток средств со счетов сберкасс. Но после этого, начиная с первых месяцев 1940 г., когда начало болезненно ощущаться нормирование и полки немецких магазинов опустели, на счета в сберегательных банках потекли средства в совершенно беспрецедентных объемах. К 1941 г. этот приток составлял более миллиарда рейхсмарок в месяц.

В обычных обстоятельствах эти деньги выдавались бы в виде займов местным властям или кредитов для мелкого бизнеса. Но ограничения военного времени не только ударили по гражданскому потреблению, но и сказались на «низовых» инвестициях. Если строительство новых мощностей по производству вооружений после сентября 1939 г. ускорилось, то инвестиции в жилье были урезаны до абсолютного минимума. В 1937 г., ко-

97. Первым историком, пошедшим против сложившегося консенсуса и указавшим на этот ключевой момент, был Овери. См.: Overy, *War and Economy*, 259–314.

98. Об их плебисцитном характере см. в: G. Aly, *Hitlers Volksstaat* (Frankfurt, 2005), 334–9.

гда темпы гражданского строительства в Третьем рейхе достигли максимума, жилой фонд пополнился 320057 квартирами. К 1939 г. из-за потребности вооруженных сил в строительстве рост жилого фонда уже сократился до 206 тыс. с небольшим квартир в год. В 1940 г. жилой фонд пополнился всего 105458 квартирами, а к 1942 г. ежегодный прирост составлял уже менее 40 тыс. квартир, сократившись по сравнению с 1937 г. на 85%⁹⁹. Вследствие прекращения инвестиций со стороны простых граждан средства, циркулировавшие в финансовой системе, можно было перенаправить в применявшуюся Рейхсбанком «тихую систему» военного финансирования («geräuschlose Kriegsfinanzierung»)¹⁰⁰. Рейхсбанк и Рейхсминистерство финансов после обескураживающего опыта с привлечением народных средств, полученного в конце 1938 г., не намеревались полагаться на патриотический подъем и выпускать военные займы. Вместо этого они занимались косвенным заимствованием, привлекая деньги, скапливавшиеся в закромах местных властей, страховых фондов и местных сберегательных банков¹⁰¹. В 1940 г. одни лишь сберкассы вложили в военную экономику 8 млрд рейхсмарок. В 1941 г. их вклад составил 12,8 млрд рейхсмарок. Частных инвесторов, чьи средства ускользали от Рейхсбанка, принуждали ссужать деньги государству таким простым способом, как сокращение выпуска всех прочих доходных активов и жесткое ограничение биржевых спекуляций¹⁰². Никакого принуждения не потребовалось. Средства было просто не во что инвестировать, кроме государственного долга.

На протяжении первых четырех лет войны благодаря этой неприметной, но крайне эффективной системе бремя военных расходов было относительно безопасно распределено по финансовой системе. Она имела и политические преимущества в том плане, что непосредственно не покушалась на доходы домохозяйств или прибыли предпринимателей. В течение всей войны, несмотря на то что значительную часть частных доходов было невозможно потратить, заработки и оклады продолжали расти, вселяя надежды на более высокий уровень жизни после войны. Но в то же время «тихая система» военного финансирования не годилась для того, чтобы непосредственно осуществлять перераспределение ресурсов. Эта задача ложилась исключительно на систему нормирования. Лишь путем прямого ограничения

99. Данные о количестве новых квартир взяты из: *Statistisches Handbuch*, 340–41.

100. См. оценки в: BAL R25017006, 321–4.

101. Eichholtz, III. 703–8.

102. BAL R25016557, 505–6.

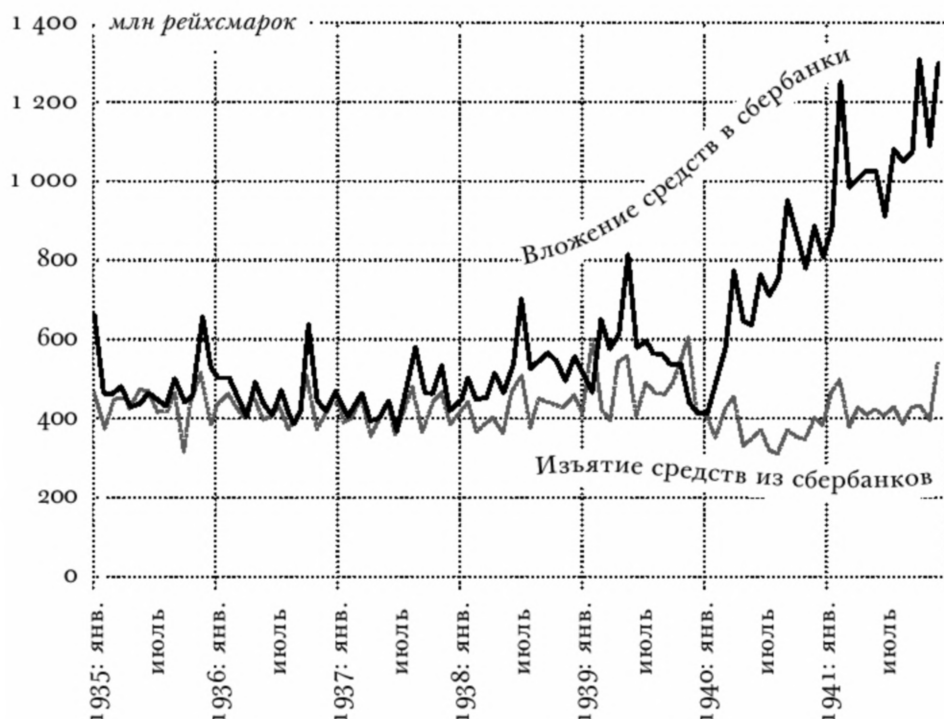

РИС. 15. «Тихое финансирование» в действии

потребления и управления потоками сырья и рабочей силой германские власти добивались того, чтобы рост доходов не выливался в гражданское потребление и инвестиции. Нормирование потребительских товаров служило первой линией обороны. В течение первых недель войны всеобъемлющему нормированию подверглись две важнейшие статьи семейных расходов: продукты питания и одежда¹⁰³. Разумеется, часть денег, которые нельзя было потратить на покупку нормированных товаров, попадала на черный рынок. Но в начале войны это явление имело незначительный размах. Копить неистраченные деньги вместо того, чтобы доверять их банку, предпочитали лишь немногие домохозяйства. Подавляющая часть неистраченных доходов вносилась на сберегательные счета и таким образом проникала в «тихую систему» военного финансирования¹⁰⁴.

103. Müller, in DRZW 5/1. 396–405; G. Corni and H. Gies, *Brot, Butter, Kanonen: Die Ernährungswirtschaft in Deutschland unter der Diktatur Hitlers* (Berlin, 1997), 555–75; H. Kehrl, *Krisenmanager im Dritten Reich* (Düsseldorf, 1973), 178–84.

104. По оценкам Рейхсбанка и статистиков Рейха, в результате введения нормирования даже расходы бедных семей, принадлежавших к рабочему классу, должны были сократиться на величину порядка 12%: BA1 25016610, 391–6. На расходах семей с более высокими доходами нормирование должно было сказаться намного более серьезным образом.

Таким образом, нормирование фактически ограничивало гражданскую экономическую активность со стороны спроса. Но оно не было бы эффективным, если бы не дополнялось регулированием производства и предложения путем систематического перераспределения сырья и рабочей силы. Обычно считается, что немецкая система нормирования сырья работала бессистемно. Но с учетом давления, которому она подвергалась со стороны системы военного финансирования (с политическими пертурбациями в последней) и, более удивительно то, что она вообще как-то работала. Процесс нормирования координировали такие учреждения, как ОКВ, рассматривавшее запросы военных, и РМЭ, надзиравшее за общим распределением ресурсов. Результаты в лучшем случае носили характер импровизации. Однако эта система, несомненно, весьма успешно перенаправила огромное количество сырья на производство вооружений.

Как и до войны, ключевую роль при перераспределении сырья играла сталь. Эта проблема после начала войны была усугублена внезапной нехваткой импортной железной руды и закрытием сталеплавильных заводов в уязвимых районах на западной границе — прежде всего в Сааре. Однако ради удовлетворения потребностей вермахта выплавка стали поддерживалась на уровне в 1,6 млн тонн в месяц, даже если это означало исчерпание ограниченных германских запасов железной руды¹⁰⁵. В первом квартале 1940 г. вермахт уже получал 55% выплавленной стали, то есть 885 тыс. тонн в месяц. Между тем в разгар Первой мировой войны на производство вооружений выделялось всего 620 тыс. тонн стали в месяц и примерно столько же — во время Мюнхенского кризиса 1938 г.¹⁰⁶ Эти гигантские квоты для вермахта были «изысканы» за счет болезненных ограничений всех других форм потребления стали. «Показные» стройки режима, включая сооружение партийных зданий и автобанов, были почти полностью остановлены, получая всего 6% от довоенных квот стали. Квоты на железо для семейного потребления составляли только 25% от довоенного уровня. В результате уже в первую военную зиму население столкнулось с серьезной нехваткой таких элементарных предметов обихода, как кухон-

105. ВАН R13I 607, 113–27, 81–6.

106. Эта доля уже превышала ту, которая выделялась на производство вооружений согласно программе Гинденбурга в 1917 г. См.: ВАН R25017006, 83–90. Кроме того, она превышала долю стали, в то же самое время выделявшуюся на военные цели в Великобритании. См.: W. P. Howlett, «The Competition Between the Supply Departments and the Allocation of Scarce Resources in the Second World War» (Cambridge, Ph.D. thesis, 1988), 65.

ные плиты и духовки¹⁰⁷. Аналогичным образом было резко ограничено выделение стали для таких важнейших отраслей, как энергоснабжение, добыча угля и сталеплавильная промышленность. Квоты для машиностроительных предприятий, работавших не на вермахт, которые среди прочего производили запасные части для оборудования на перегруженных заказами германских заводах, были сокращены до 29% от довоенного уровня. Точно так же сократилось и выделение стали для экспортных отраслей, несмотря на протесты сторонников долгой войны. Таким образом, уже к январю 1940 г. германская система нормирования стали в первую очередь обслуживала непосредственные потребности вермахта, невзирая на все прочие соображения, включая и долгосрочную устойчивость военного производства.

Выдвинутые фюрером в декабре 1939 г. требования по части производства боеприпасов еще больше усилили нагрузку на систему. Как мы уже видели, одна только армия требовала не менее 560 тыс. тонн стали в месяц. Сперва полковник Герман фон Ганнекен, с 1937 г. отвечавший за нормирование стали в Рейхсминистерстве экономики, отвергал призывы к дальнейшему увеличению доли вермахта. Дальнейшее сокращение квот стали для других ее потребителей было нереально, поскольку эти квоты и без того уже были катастрофически низкими. С другой стороны, раздача квот без учета реальных объемов производства привела бы только к «инфляции» сертификатов на получение стали и к «завалам» на сталеплавильных заводах из-за избыточного количества заказов. Единственный способ дать вермахту больше стали заключался в том, чтобы увеличить ее общий выпуск. Однако при этом в Германии еще быстрее исчерпались бы запасы железной руды. В условиях неясности с поставками из Скандинавии такое решение потенциально могло оказаться фатальным, но с целью выполнить *Führerforderung* его пришлось принять. Геринг приказал Ганнекену увеличить квоту на сталь вермахта до 1,1 млн тонн, которую следовало «обеспечить» посредством общего роста производства¹⁰⁸. Геринг прекрасно осознавал последствия такого решения, но как он объяснял Томасу 30 января 1940 г., стратегические соображения уже не играли особой роли:

107. *Meldungen*, III: 8.12.1939, 552. См. список предметов, выпуск которых подвергся ограничению, в: ВАН R131677.

108. ВАМА R19/164, 28–9. В ВАМА R19/173, 58, Ганнекен называет этот шаг «безответственным». См. реакцию изумленных представителей корпорации Флика, зафиксированную в: ВАН R8122 58, *Notiz für Herrn Flick* 13.02.1940. См. также абсолютно нереалистичные квоты на цветные металлы в: ВАМА R19/173, 121, 139–41.

Фюрер твердо убежден в том, что крупное наступление на Западе принесет ему в 1940 г. решительную победу в войне. Он полагает, что Бельгия, Голландия и Северная Франция окажутся в нашем распоряжении, и для себя решил [sic], что промышленные районы Дуэ и Ланса, а также Люксембурга, Лонгви и Брие способны восполнить поставки сырья из Швеции. Соответственно, фюрер решил полностью использовать наши запасы сырья без учета будущих потребностей и за счет грядущих военных лет¹⁰⁹.

IV

Помимо сырья, другим незаменимым фактором производства была рабочая сила. В ходе войны она превратилась в главное узкое место военной экономики Германии¹¹⁰. Уже первое потрясение было достаточно болезненным. 31 мая 1939 г., согласно Статистическому бюро Рейха, рабочую силу страны составляли 24,5 млн трудящихся мужчин, 14,6 млн трудящихся женщин и 300 тыс. человек, обозначенных как «иностранцы и евреи»: всего 39,4 млн человек. Годом позже число трудящихся мужчин сократилось на 4 млн до 20,5 млн. Число работавших женщин также несколько снизилось, до 14,4 млн. Это сокращение в некоторой степени компенсировалось привлечением к работе 350 тыс. военнопленных и ростом числа иностранцев, работавших в Германии, до 800 тыс. человек. Но общая численность рабочей силы сократилась и едва превышала 36 млн человек. Эта картина в целом сохранялась до конца войны. Численность трудящихся немецких мужчин сокращалась, численность трудящихся женщин оставалась постоянной, а доля военнопленных и иностранцев в составе рабочей силы от года к году возрастала.

Тот факт, что к работе на военных заводах не было принудительно привлечено еще больше женщин, иногда объявляется еще одним признаком того, что нацистский режим был не в состоянии требовать жертв от населения страны. В этом отношении его нередко противопоставляют Великобритании, где рост числа работавших женщин стал ключевым фактором, позволившим сохранить устойчивость военной экономики. Однако такие сопоставления способны лишь ввести в заблуждение, поскольку они игнорируют тот факт, что доля женщин в соста-

109. IWM EDS, al 1571, Chef Wi Rue Amt, 30.01.1940. Геринг повторил это 9 февраля 1940 г., обращаясь к большому числу адресатов: BAMA RW19/173, 114–17.

110. Главным источником по этой теме является: Kröner, in DRZW 5/1 и 5/2.

ве рабочей силы уже в 1939 г. была более высокой, чем даже достигнутая в Великобритании и в США лишь к концу войны¹¹¹. В 1939 г. треть всех замужних женщин в Германии были экономически активными и более половины всех женщин в возрасте от 15 до 60 лет работало. В результате женщины составляли более трети рабочей силы в Германии еще до начала войны, в то время как в Великобритании аналогичная доля была равна четверти. Годом позже доля немецких женщин в составе рабочей силы выросла до 41%, а в Великобритании она составляла менее 30%. Неудивительно, что в течение последующих лет Великобритания догоняла Германию. Но даже в 1944 г. доля работавших британских женщин в возрасте от 15 до 65 лет была равна всего 41%, в то время как в Германии этот показатель уже в 1939 г. составлял как минимум 51%. В значительной степени эта разница была обусловлена структурными различиями между британской и немецкой экономикой. В 1939 г. из 14 млн трудящихся женщин всего 2,7 млн работало в промышленности. Больше всего женский труд использовался в крестьянских хозяйствах, которые в 1939 г. давали работу 6 млн женщин. Напротив, из 6 млн трудящихся британских женщин на фермах было занято менее 100 тыс. Как мы уже видели, бремя труда на мелких крестьянских фермах, преобладавших в сельском хозяйстве Германии, в непропорционально большой степени ложилось на женские плечи. А после того как мужчины были призваны на фронт, это бремя стало еще более тяжким. В таких регионах, как Вюртемберг и Бавария с их плотным крестьянским населением, доля работающих женщин уже в 1939 г. превышала 60%. Стоит ли говорить, что немецкие женщины, работавшие на фермах, оказали неоценимую услугу нацистской военной экономике, обеспечивая ее снабжение продовольствием. Но даже с учетом этого различия в структуре экономики уровень мобилизации в Германии был выше, чем в Великобритании. В таком крупном центре занятости в промышленности и в сфере услуг, практически не имевшем сельскохозяйственных рабочих, как Берлин, в 1939 г. работало 53% женщин¹¹². То же самое касалось и такого восточного индустриального региона, как Саксония. Даже в портовых городах вроде Гамбурга и Бремена и в центрах тяжелой индустрии Рура, где структура заня-

111. На этот принципиальный момент было указано как в Overy, *War and Economy*, 291–303, так и в T. Siegel, *Leistung und Lohn in der nationalsozialistischen «Ordnung der Arbeit»* (Opladen, 1989), 161–73.

112. См. данные о региональной структуре занятости в: SRA, *Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich*, 54–65.

тости была особенно неблагоприятна к женскому труду, работу имело 40% всех женщин трудоспособного возраста — столько же, сколько в среднем по Великобритании к концу войны.

Поскольку мобилизация отечественной рабочей силы достигла высокого уровня уже в 1939 г., немецкая военная экономика в первые годы войны существовала в первую очередь за счет перераспределения работников. Нацистский режим без особых колебаний прибегал к этой мере. Согласно сообщениям, в 1939 г. выполнением заказов вермахта занималось 22% германской промышленной рабочей силы. Год спустя эта величина якобы выросла до 50,2%. Эти данные, предоставленные рейхсгруппой по промышленности, почти наверняка преувеличивают уровень «привлечения» к военному производству. Однако они по крайней мере дают некоторое представление о масштабах и направлении этого сдвига. Сотни тысяч трудящихся, особенно новички на рынке труда, «автоматически» попадали в военный сектор, привлеченные высокими заработками. Кроме того, в конце 1930-х гг. режим присвоил себе широкие полномочия, позволявшие властям силой привлекать немецких мужчин и женщин к необходимым работам. К началу 1940 г. почти миллион трудящихся не имел права увольняться со своих рабочих мест согласно условиям принудительного найма (*Dienstverpflichtung*). Помимо этого, на протяжении первого года войны наблюдались попытки насильственного закрытия мелких предприятий, непригодных для выполнения военных заказов, и использования их рабочей силы и оборудования для других работ. Неудивительно, что эта программа была крайне непопулярна и вскоре ее отменили, сочтя пустой растратой административной энергии. Привлечение к военному производству достигало самых больших масштабов либо в тех случаях, когда заказы вермахта доставались фирмам, прежде работавшим в гражданском секторе, либо тогда, когда происходило перераспределение рабочей силы в рамках фирм, уже имевших опыт сотрудничества с вермахтом. За первый год войны число мужчин, работавших в «потребительских отраслях» по гражданским контрактам, сократилось с 1,3 млн в мае 1939 г. до 750 тыс. с небольшим летом 1940 г.

Приоритет военного производства был очевиден. Реальная дилемма заключалась вовсе не в выборе между военной экономикой и «гражданским сектором». Выбирать приходилось между призывом человека в вооруженные силы и его работой на военном заводе. Вермахт, численность которого выросла с 1131 тыс. человек летом 1939 г. до 4548 млн человек к сентябрю 1939 г., призвал в свои ряды еще миллион человек к Ро-

ждеству 1939 г.¹¹³ В целом в вермахт с мая 1939 г. по май 1940 г. было призвано до 750 тыс. фермеров и батраков, 1,3 млн промышленных рабочих, 930 тыс. человек из ремесленного сектора, 220 тыс. трудящихся из транспортного сектора, 600 тыс. продавцов и 600 тыс. конторских работников и госслужащих. Службы, проводившие в Германии мобилизацию, всегда стремились к тому, чтобы по возможности сгладить последствия оттока этой громадной рабочей силы, выявляя тех трудящихся, без которых было не обойтись на военном производстве, и освобождая их от призыва. Эта система работала удовлетворительно применительно к основным военным предприятиям, находившимся непосредственно под контролем инспекций вермахта по вооружениям. Вероятно, не следует удивляться тому, что того же самого нельзя было сказать в отношении огромного количества промышленных фирм, поставлявших запчасти и заготовки предприятиям, занимавшимся непосредственно производством вооружений. На этих фирмах трудилось много опытных металлистов, призванных в вермахт. В результате осенью 1939 г. возникла угроза полной остановки ряда предприятий, являвшихся важными поставщиками для военных заводов. Очевидно, что в данном отношении была бы полезна более четкая организация. Но это не решало всех проблем. Вермахт не собирался использовать опытных металлистов в качестве пушечного мяса. Механики, слесари-сборщики и электрики были нужны в вооруженных силах по тем же причинам, что и в промышленности. Их направляли в инженерный корпус, в армейские ремонтные мастерские, в бригады наземного обслуживания люфтваффе и в машинные отделения военных кораблей¹¹⁴. Они во все большем количестве требовались для того, чтобы обслуживать сложные электрические сети, от которых зависела связь в вооруженных силах. Для вермахта проблема усугублялась тем, что поспешное перевооружение 1930-х гг. совпало по времени с восстановлением воинского призыва. Те же молодые люди, которые первыми получили элементарную военную подготовку, в непропорционально большом числе трудились на новых германских оружейных предприятиях¹¹⁵. Таким образом, Германия с самого начала столкнулась с непростым выбором между доведением своих вооруженных сил до полной численности и лишением военных заводов рабочей силы.

113. Kröner, in DRZW 5/1. 819–2.9.

114. О том, какой рабочей силе отдавали предпочтение в люфтваффе, см.: Völker, Luftwaffe, 115–25.

115. Budrass, *Flugzeugindustrie*, 767–8.

V

Однако быстрее и тяжелее всего призыв на фронты Второй мировой войны ударил по сельскому хозяйству. Как мы уже видели, немецкие фермы еще в конце 1930-х гг. столкнулись с острой проблемой нехватки рабочей силы. Возможно, имея это в виду, вермахт поначалу не стремился призывать людей преимущественно из села. Тем не менее того, что в армию было призвано почти 800 тыс. человек наиболее трудоспособного возраста, хватило, чтобы вызвать панику в Министерстве продовольствия и сельского хозяйства. Статс-секретарь Герберт Бакке в начале войны пребывал в мрачном настроении. Было совершенно неясно, каким образом ИЗС следует реагировать на перспективу продолжительной войны. Нормы, установленные 25 сентября 1939 г., были разумными: от 2570 калорий в день для «обычных» гражданских лиц до почти 4000 калорий для солдат. С учетом классового неравенства, наблюдавшегося в немецком обществе, нормирование, как и в воюющей Великобритании, реально улучшило питание не менее чем в 40% домохозяйств трудящихся¹¹⁶. Тем не менее власти в Берлине находились в нервном состоянии. Глава медицинской службы д-р Леонардо Конти еще в октябре 1939 г. заявил, что большая продолжительность рабочего дня и ограниченные нормы питания делают жизнь гражданского населения почти невыносимой. Цель Бакке состояла в том, чтобы растянуть имеющиеся запасы по крайней мере на три года войны. Но урожай 1939 г. явно был намного более плохим, чем в удачном 1938 г., а неожиданное уменьшение численности рабочей силы угрожало запустить катастрофическую цепную реакцию. Фермеры могли сократить требующее больших трудовых затрат производство картофеля и корнеплодов. Это привело бы к снижению количества кормов для скота, которое, в свою очередь, вызвало бы резкое сокращение поставок мяса и молока. Все еще очень хорошо помнили печальный опыт Первой мировой войны¹¹⁷.

Перед лицом этой опасности Бакке потребовал приложить все усилия к тому, чтобы привлечь дополнительную рабочую силу из-за границы¹¹⁸. В 1938 г. острая нехватка рабочей силы

116. Müller, in DRZW 5/1. 401.

117. О нехватке картофеля — главной германской продовольственной культуры — в начале 1940-х гг. см.: *Meldungen*, 15.01.1940, 648–9, 31.01.1940, 714–15, 14.02.1940, 756.

118. U. Herbert, *Hitler's Foreign Workers: Enforced Foreign Labour in Germany under the Third Reich* (Cambridge, 1997), 61–94; C. Madajczyk, *Die Okkupationspolitik Nazi-deutschlands in Polen 1939–1945* (Berlin, 1987), 21632.

в сельском хозяйстве уже заставила Берлин заключить соглашение с Польшей о допуске в Германию 60 тыс. сезонных рабочих для сбора урожая. Сейчас же, когда большая часть Польши оказалась под властью Германии, Бакке замышлял еще более масштабные меры. Первой группой, направленной в сельское хозяйство, стали 300 тыс. польских военнопленных. Но этого было недостаточно для того, чтобы покрыть нехватку рабочей силы в Германии. В начале 1940 г. Ганс Франк, новый правитель Генерал-губернаторства — куска Польши, не аннексированного Германией, — начал выполнение программы по привлечению безработных поляков в Рейх в качестве временной рабочей силы. А Геринг 25 января 1940 г. издал фундаментальный указ, прояснявший роль этой территории по отношению к германской экономике. Вместо того чтобы превращать Генерал-губернаторство в пустырь, его следовало развивать в качестве постоянного источника рабочей силы для Рейха. Из одного только Генерал-губернаторства предполагалось рекрутировать для работы в Германии миллион поляков, включая 750 тыс. в качестве сельскохозяйственных рабочих, и половину из них должны были составлять женщины. С точки зрения сезонной миграции поляков в Германию в 1920-х гг. эти цифры не поражали воображения. Но они относились к территории, на которой проживало чуть более трети довоенного польского населения и в состав которой входили регионы, где не имелось традиции трудовой миграции. Поэтому требование о наборе миллиона «гастарбайтеров» из нееврейского населения Генерал-губернаторства, составлявшего чуть более 11 млн человек, было чрезвычайно суровым. А Бакке срочно нуждался в рабочей силе. В первые месяцы 1940 г. он ожидал прибытия 10 поездов в день с 1000 работников в каждом.

Межэтнические конфликты между немцами и поляками, разумеется, имели давнюю историю. В приграничных регионах, особенно после создания польского национального государства в результате Первой мировой войны, была широко распространена более или менее серьезная бытовая дискриминация¹¹⁹. Однако система принудительной дискриминации, которой подвергались польские работники в нацистской Германии, была совершенно беспрецедентной. В первую очередь она была разработана должностными лицами, действующими от имени Генриха Гиммлера, начальника немецкой полиции. По отношению

119. Судя по всему на восточных территориях Польши конфликты были еще более серьезными. О системе репрессий, установленной на польских территориях, захваченных Сталиным осенью 1939 г., см.: B. Musiał, «Konterrevolutionäre Elemente sind zu erschossen»: Die Brutalisierung des deutsch-sowjetischen Krieges im Sommer 1941 (Munich, 2000), 25–97.

к Польше СС осуществляли собственные амбициозные планы¹²⁰. Вскоре после начала войны Гиммлер был назначен рейхскомиссаром по консолидации германского народа (RKFDV). В таком качестве он должен был очистить все бывшие польские территории, присоединенные к Рейху, от всех евреев и как можно большего числа поляков. Вместе с тем Гиммлер затеял грандиозную «перетасовку» населения, переселяя этнических немцев, репатриировавшихся из прибалтийских государств, аннексированных Сталиным, и из североитальянского Тироля, на территории, очищенные от поляков и евреев. В определенном смысле потребность Бакке в большом количестве иностранной рабочей силы дополняла эту программу, поскольку давала Гиммлеру непосредственный предлог для того, чтобы выселить сотни тысяч поляков с территорий, аннексированных Рейхом. Однако в более принципиальном плане включение поляков в состав немецкой рабочей силы полностью противоречило замыслам Гиммлера о создании расово чистого государства. Впрочем, эта мера показательна с точки зрения тревожных настроений, господствовавших в Берлине в начале 1940 г. и принудивших Гиммлера к компромиссу. Он был не только вынужден замедлить массовую депортацию евреев и поляков из Германии в Генерал-губернаторство. Кроме того, ему пришлось составить указания, определяющие условия, на которых более миллиону поляков разрешалось по крайней мере временное пребывание в пределах Рейха.

В результате была создана система карательного апартеида. Польские трудящиеся в Германии могли находиться только на своих рабочих местах и в выделенных для них местах проживания. Они должны были постоянно носить бирку с большой буквой «Р». С тем чтобы они не могли иметь более высокий статус по сравнению со своими немецкими коллегами, их заработок был произвольно ограничен величиной в 25 рейхсмарок в месяц. Польским работникам запрещалось пользоваться какими-либо видами общественного транспорта и иметь какие-либо социальные контакты с немцами. Ханжество элиты, возвращенной Гиммлером, выражалось в запрете на посещение поляками германских кинотеатров, танцзалов, баров, театров и церквей. Сексуальные связи с немцами карались смертью. Все прочие преступления, включая отлынивание от работы, влекли за собой отправку в концентрационный лагерь. Лодырей ни при каких обстоятельствах не отправляли домой. Немцы прекрасно осоз-

120. G. Aly, «*Endlösung*»: *Völkerverschiebung und der Mord an den europäischen Juden* (Frankfurt, 1995); G. Aly and S. Heim, *Vordenker der Vernichtung: Auschwitz und die deutschen Pläne für eine neue europäische Ordnung* (Hamburg, 1991).

знавали, что эти меры представляют собой нарушение международного права¹²¹. В частности, было ясно, что кодекс СС неприменим к сотням тысяч польских военнопленных, находившихся под защитой Женевской конвенции. Выход был простым. После исчезновения польского государства бывших военнослужащих Польской армии «освободили» от их статуса военнопленных. После этого в качестве гражданских лиц их можно было «наделить» нормальным статусом польских работников в нацистской Германии. Особое отношение ожидало 60 тыс. польских военнопленных, которых признали евреями. Убийственный режим недоедания и непосильного труда, которому они подвергались, привел к тому, что уже к весне 1940 г. умерло 25 тыс. человек из их числа.

Неудивительно, что при такой жестокости со стороны германских властей попытки добровольного набора польских работников оказались неудачными. К весне 1940 г. в Польшу прибыло всего 200 тыс. гражданских лиц из Польши, что было в разы ниже цели, поставленной Бакке. Глава Генерал-губернаторства Ганс Франк воспринял отказ поляков добровольно отправляться на работу в Германию как «злонамеренность». Отказываясь передавать себя в «распоряжение» Рейха, они принимали сознательное участие в саботаже, направленном против немецкой военной экономики¹²². По крайней мере начиная с февраля 1940 г. Франк ощущал зарождение польского сопротивления, которое требовалось срочно подавить. Это стало предпосылкой не только для массового набора работников, но и для осуществления планов СС по перемещению населения, которые в данных обстоятельствах создавали угрозу для общественного порядка в Генерал-губернаторстве. В свою очередь, Бакке предвещал катастрофу, если только немецкие фермы не будут обеспечены необходимой рабочей силой. Выступая в совете по выполнению Четырехлетнего плана, он прямо ссылаясь на — перебои с поставками продовольствия, подобные тем, которые привели к революции в 1918 г. Нацистская верхушка как огня боялась повторения этой ситуации. Бакке ни перед чем не останавливался. Для того чтобы в следующем году обеспечить снабжение страны зерном и картофелем, в самое ближайшее время требовалось как минимум 400 тыс. работников. Бакке потребовал, что если поляки не желают работать доб-

121. M. Spörer, *Zwangsarbeit unter dem Hakenkreuz* (Stuttgart, 2001), 45. Войну пережило не более нескольких сотен таких работников.

122. H. Frank, *Das Diensttagebuch des deutschen Generalgouverneurs in Polen 1939–1945*, ed. W. Prägand and W. Jacobmeyer (Stuttgart, 1975), 176–7, совещание по вопросу о рабочей силе, 21.04.1940.

ровольно, то вермахт должен получить полномочия на то, чтобы «принудительно отправить в Германию необходимое количество рабочей силы»¹²³. В апреле администрация Генерал-губернаторства дала согласие на эти меры. Невзирая на возражения со стороны Министерства иностранных дел, Франк ввел трудовую повинность для всех жителей Генерал-губернаторства в возрасте от 14 до 25 лет. Польской молодежи предстояло восполнить нехватку рабочей силы в германском сельском хозяйстве¹²⁴.

Уже через несколько часов после оглашения нового указа стало ясно, что принудительная депортация приведет именно к всплеску польского сопротивления, который и предсказывал Франк. По стране сразу же пошли слухи о том, что молодых людей хватают прямо на улице и устраивают облавы в кинотеатрах и во время церковных служб. В реальности немцы «ломали хребет» польскому народу более выборочным образом. Как прекрасно понимали Франк и его начальник полиции, обергруппенфюрер СС Фридрих-Вильгельм Крюгер, в Генерал-губернаторстве у них не было достаточного числа людей для того, чтобы взять под стражу сотни тысяч поляков¹²⁵. Вместо этого немцы подкрепляли привлечение поляков к трудовой повинности точечными акциями против тех, кого считали вождями зарождавшегося польского сопротивления¹²⁶. Необходимым прикрытием для этой хорошо спланированной эскалации насилия послужило давно ожидавшееся наступление на западном фронте. Вплоть до его начала Франк явно чувствовал, что его связывает внимание мировых СМИ, направленное на Генерал-губернаторство. Драматичная кампания на западе отвлекла их, что и требовалось германским властям. Через несколько дней после начала наступления немецкая полиция в Генерал-губернаторстве приступила к выполнению систематической программы политических убийств, едва замаскированных под обычные военно-полевые суды. Было убито 2 тыс. видных поляков, уже задержанных

123. IMT, *Nazi Conspiracy and Aggression*, VIII, NG-1408, 328.

124. IMT XII, NID-15581, 8-е собрание Генерального совета, 17.04.1940, 959–60.

125. См. примечания в: Frank, *Das Diensttagebuch*, 148–9, 200–201. С тем чтобы избежать недоразумений, следует подчеркнуть, что эти примечания относятся к весне и лету 1940 г., когда основные силы вермахта находились на западе, и к имевшему минимум оккупационных войск Генерал-губернаторству, а не к польским территориям, аннексированным Германией. В более ранний период оккупации, с сентября по декабрь 1939 г., СС в попытках «ликвидировать» «вождей поляков» уже уничтожили 7 тыс. польских евреев и 43 тыс. прочих жителей Польши. См.: A. B. Rossino, *Hitler Strikes Poland: Blitzkrieg, Ideology and Atrocity* (Lawrence, Kan., 2003).

126. Франк предпочитал использовать эвфемизм «программа умиротворения» (*Befriedungsprogramm*). См.: Frank, *Das Diensttagebuch*, 202–3.

немцами; помимо этого, были запланированы арест и немедленная ликвидация еще 2 тыс. человек, а также 3 тыс. так называемых профессиональных преступников¹²⁷. Таким образом, менее чем через год после начала войны насилие и убийства превратились фактически в санкционированный элемент управления военной экономикой. Более того, при распределении продовольствия в Генерал-губернаторстве Франк и его подчиненные перешли от выборочных чисток к политике геноцида.

Генерал-губернаторство, созданное в 1939 г., испытывало крайнюю нехватку продовольствия, так как лучшие сельскохозяйственные угодья Польши были аннексированы Рейхом. В начале 1940 г. с целью предотвратить вспышку голода в крупных городах статс-секретарь Бакке согласился отправлять Франку не менее 10 тыс. тонн хлебной муки в месяц, чего хватало для того, чтобы жители Варшавы получали по полфунта хлеба в день¹²⁸. В апреле, через несколько дней после решения о введении системы принудительного труда, Бакке посетил Франка для того, чтобы обсудить ситуацию с продовольствием. С тем чтобы содействовать Франку в укреплении его власти в Генерал-губернаторстве и дать ему возможность эффективно осуществлять политику насильственного привлечения рабочей силы, в которой так нуждалось немецкое сельское хозяйство, Бакке обещал выделить для Генерал-губернаторства еще 135 тыс. тонн зерна из запасов Рейха. Этого должно было хватить для того, чтобы крупные города продержались до нового урожая. Предполагалось, что после этого Генерал-губернаторство достигнет самодостаточности. Как договорились Франк и Бакке, зерно, имеющееся в Генерал-губернаторстве, должно было распределяться в строгом соответствии с потребностями германского оккупационного режима. На самом дне этой расовой и функциональной иерархии находились евреи. В отношении проживавших в Генерал-губернаторстве евреев, численность которых составляла не менее 2,5 млн человек, Франк бесхитростно объявил:

Евреи меня не интересуют. Получат ли они что-нибудь себе на прокорм [«füttern»] — последнее, что меня волнует...

Вторую категорию составляют поляки [которых насчитывалось до 10 млн человек] в той мере, в какой я могу их использовать. Я буду кормить этих поляков тем, что останется, и тем, что мы сможем им выделить. В противном случае я скажу полякам, чтобы они позаботились о себе сами <...> Поляки интересуют меня

127. 30 мая 1940 г. Франк заверил своих подчиненных в том, что эти убийства одобрены лично Гитлером. См.: Frank, *Das Diensttagebuch*, 211–12.

128. Ibid., 88–9.

лишь в той мере, в какой я вижу в них источник рабочей силы, но не настолько, чтобы я считал обязанностью властей гарантировать им получение определенного количества продовольствия. Мы говорим не о нормах для поляков, а только о том, что, может быть, будем их кормить¹²⁹.

Выше поляков стояло украинское меньшинство Генерал-губернаторства, подлежащее более мягкому обращению. Еще выше Франк ставил несколько десятков тысяч поляков — привилегированную группу, работавшую в таких важных сферах, как железные дороги, или на заводах, обслуживавших немецкие вооруженные силы. Наконец, вершину иерархии занимала сама германская оккупационная администрация, насчитывавшая несколько тысяч человек и имевшая право на такие же нормы продовольствия, как в Рейхе. На практике это означало, что в сравнении с немецким рационом, в начале 1940 г. составлявшим более 2600 калорий, «рацион» для жителей крупных польских городов был установлен на уровне в 609 калорий. Евреи получали всего 503 калории в день. К концу года рацион для поляков вырос до 938 калорий в день, в то время как для евреев сократился до 369. В 1940 г., по данным Лиги Наций, рационы, установленные в Генерал-губернаторстве для польского городского населения, в среднем покрывали 20% рекомендуемой дневной потребности в белках и менее 5% потребности в жирах. К весне 1940 г. инспекции вермахта по вооружениям, работавшие на оккупированных территориях, уже докладывали о случаях, когда квалифицированные заводские рабочие падали в обморок на рабочих местах из-за недоедания. На регулярных заседаниях военно-экономического штаба вермахта, проходивших под председательством генерала Томаса в Берлине, перспектива голода обсуждалась в открытую¹³⁰.

VI

Гитлеру была нужна совсем не такая война, как та, которую он развязал в сентябре 1939 г. Да и Германия не была к ней подготовлена в достаточной степени. Если абстрагироваться от знаний, полученных задним числом, то у нас не останется серьезных сомнений в том, что объявление войны Великобританией и Францией стало для Гитлера самым серьезным вы-

129. Ibid., 188–9.

130. IWM Mi. 14/328, Niederschrift... 8/9.01.1940, 68–72.

зовом с момента его прихода к власти. В военном плане было отнюдь не очевидно, что Германия обладает каким-либо заметным превосходством над противниками, тем более если наряду с ВВС и сухопутными силами учитывать еще и флот. В экономическом плане все сходились на том, что преимущество было на стороне Великобритании и Франции. Союз с Москвой отчасти защитил Третий рейх от полной блокады. Однако последнее обстоятельство более чем компенсировалось способностью западных держав опираться на ресурсы США. Во внутриполитическом плане позиция Гитлера была крайне уязвимой. Война стала непосредственным следствием его внешней политики. Разумеется, свою роль сыграло и руководство вермахта, и Риббентроп, но именно Гитлер довел дело до войны. И если бы Германия потерпела серьезную неудачу, то вина за нее была бы возложена на Гитлера — это наверняка бы сделало если не население страны, то хотя бы армейское руководство. Следовательно, Гитлеру требовалась победа в войне, причем победа быстрая. И после недолгого момента колебаний осенью 1939 г. его режим, не впадая в расслабленное самодовольство, предпринял радикальные усилия по мобилизации ресурсов Германии, а также только что завоеванной Польши. Гитлер ставил все на достижение победы на Западном фронте. На пути к этой цели он не желал ни перед чем останавливаться. Но как становится ясно при подробном изучении политики в сфере вооружений, Гитлер еще весной 1940 г. не имел внятной стратегии по достижению этой победы. Планы Гитлера в области вооружений, несомненно, в целом ориентировались на скорейшее доведение огневой мощи вермахта до максимума. Однако оперативные замыслы, на реализацию которых как будто бы были направлены эти программы вооружений, не обещали немедленного военного решения. Пусть гитлеровская программа производства боеприпасов была рассчитана на то, что вермахт при поддержке мощной артиллерии пробьется к побережью. Но при этом к концу 1940 г. ни Франция, ни Великобритания не были бы выведены из войны. Военный план, в конечном счете позволивший Гитлеру выбраться из этого стратегического тупика, был с запозданием составлен зимой 1939–1940 гг. и в значительной степени стал результатом случайности. Он был окончательно принят лишь в феврале 1940 г., когда производство боеприпасов уже развернулось на полную мощность. И даже после того, как руководство германской армии одобрило новый смелый план, многие по-прежнему относились к нему с крайним скептицизмом. В сентябре 1939 г. Гитлер сыграл ва-банк. И вплоть до последних недель мая 1940 г. итог этой игры оставался неясен.

Победа на Западном фронте — Sieg im Westen

В 5.35 УТРА 10 мая 1940 г. после нескольких месяцев «странной войны» Западный фронт с грохотом пробудился к жизни¹. Тысячи германских орудий обрушили огонь на противолежащие французские, голландские и бельгийские позиции. Ротные командиры свистками подали сигнал к атаке пехоты. Танки и грузовики прогревали моторы. В небе на запад шли стаи бомбардировщиков и истребителей. Самые драматичные события развернулись на северном участке фронта. Знаменитые бельгийские форты на реке Маас были захвачены смелым ударом высаженных с планеров DFS-230 десантников. Одновременно впервые в истории войн на окраинах Гааги, Роттердама и на мостах в Дордрехте и Мурдейке был высажен немецкий парашютный десант. Эти эффектные действия в сочетании с решительным наступлением германской группы армий «В» в направлении Мааса привели именно к тому, на что рассчитывали немцы. Основная часть французской армии при поддержке британского экспедиционного корпуса ускоренным маршем двинулась на север. Этот тщательно отработанный маневр должен был остановить немецкую армию неподалеку от побережья Ла-Манша, на линии, идущей от города Бреды в Нидерландах на юг к Динану в Бельгии, вдоль реки Диль. Если бы британцы и французы имели дело с первоначальным планом немцев (октябрь 1939 г.) или даже с планом имперского генштаба 1914 г., то их ответ оказался бы чрезвычайно эффективным. Но в реальности их поспешная реакция стала прелюдией к катастрофе. Немецкое наступление в Нидерландах и Северной Бельгии было уловкой. Главный удар немцы нанесли не по Нидерландам, а в сотне километров южнее, через Арденнский лес. Союзная разведка не знала, что 7 из 9 германских танковых диви-

1. В том, что касается материала этой главы, я в огромной степени обязан работе К.-Н. Frieser, *Blitzkrieg-Legende: Der Westfeldzug 1940* (Munich, 1996).

зий, подчиненных командованию группы армий «А», поспешно продвигаются по извилистым лесным дорогам, ведущим через Бельгию и Люксембург на запад, к французской границе. Их целью были мосты на Маасе между Динаном и Седаном. Если бы группе армий «А» удалось захватить эти переправы, то она бы смогла беспрепятственно устремиться в вакуум, созданный перемещением британцев и французов на север. В результате две противостоящие друг другу армии развернулись бы, как во враждующей двери, и британские и французские войска оказались бы зажатыми между германской группой армий «В» в Нидерландах и Бельгии и танками группы армий «А», растянутыми по просторам Северной Франции.

Если говорить о традиционных принципах военной науки, то немецкий план был невероятно смелым. Если бы у французов и британцев остались серьезные резервы, то охватывающий удар группы армий «А» был бы уязвим для контратаки и даже для контрокружения. Но замысел немцев полностью удался. Мосты в Седане и Динане были захвачены 13 мая, прежде чем французы и британцы осознали степень опасности. Танковые командиры блестяще воспользовались этим прорывом. Двигаясь сразу же за передовыми частями в специальных радиофицированных машинах, они направляли свои силы на запад, в тыл французской армии, лишая позиции союзников всякой устойчивости и не позволяя им занять сколько-нибудь связную линию обороны. Та контратака против незащищенных флангов танковых дивизий, которой так боялись немцы, так и не состоялась. Французы, катастрофически просчитавшись, разместили все свои резервы к западу от рубежа Диль-Бреда, а громоздкие процедуры управления союзными армиями не поспевали за темпом событий. Основная часть англо-французских сил продолжала идти на север, даже будучи отрезанной с юга танками группы армий «А». 20 мая в 8.30 вечера, через десять дней после начала кампании, передовые соединения 2-й танковой дивизии вышли к Абвилю, где река Сомма впадает в море. Ловушка захлопнулась. Одним гигантским охватывающим ударом группа армий «А» создала котел длиной в 200 километров и шириной в 140 километров. Это было крупнейшее окружение в истории войн, и его результаты оказались невероятными. Между молотом и наковальней наступления немцев очутились не менее 1,7 млн солдат союзников, включая нидерландскую и бельгийскую армии в полном составе, весь британский экспедиционный корпус и отборные части французской армии. К 24 мая у союзников осталось лишь два пути к бегству — через порты в Дюнкерке и Остенде. Воспользовавшись первой приостановкой не-

мецкого наступления за две недели, британцы морем вывезли с материка 370 тыс. человек. Еще 100 тыс. французских солдат вырвалось из мешка на юг. Но они бросили всю свою артиллерию, танки и автотранспорт. Разгром был полный. Немцы взяли в плен 1,2 млн человек. Ни одна из катастроф, постигших Красную армию на Восточном фронте, не может сравниться с англо-французским поражением в мае 1940 г.² Ожесточенные сражения продолжались в центральных районах Франции еще месяц, но в целом сражение завершилось. 22 июня французы запросили мира и немцы не упустили случая еще раз их унижить. Перемирие было подписано в том же самом железнодорожном вагоне в Компьенском лесу, в котором за 22 года до того сами немцы были вынуждены признать поражение. Вермахт заплатил за свою величайшую победу во Второй мировой войне поразительно низкую цену. Завоевание Франции обошлось немцам в 49 тыс. убитых и пропавших без вести. Французские потери дают более верное представление об ожесточенности боев: всего за шесть недель французы потеряли убитыми 120 тыс. человек.

I

Цепочка поразительных событий, начавшихся рано утром 10 мая, в глазах большинства немцев стала оправданием всех дел Гитлера и его режима³. Фюрер неустанно подталкивал страну к войне. После начала войны он требовал перейти в наступление при первой же возможности. Он упрямо выступал против того, чтобы Германии позволили скатиться в войну на истощение. Гитлер играл по-крупному и выиграл. Вермахт одним ударом вывел из войны Францию, Бельгию и Нидерланды. Британские силы были изгнаны с континента. В экономическом смысле Германия отныне контролировала ресурсы и производственный потенциал всей Западной Европы. Первая мировая война представляла собой упорный, но тщетный матч, исход которого в конечном счете решила имевшаяся у Антанты возможность распоряжаться более обширными людскими и материальными ресурсами по сравнению с теми, которыми обладала императорская Германия. Летом 1940 г. казалось, что гитлеров-

2. В крупнейшем из летних «котлов» 1941 г. на Восточном фронте — Киевском — немцам досталось 665 тыс. пленных красноармейцев. В Сталинграде сами немцы потеряли пленными «всего» 110 тыс. человек.

3. I. Kershaw, *Hitler 1936–1945: Nemesis* (London, 2000), 297–300; *Meldungen*, 6.06.1940, 1218; 17.06.1940, 1261; 20.06.1940, 1274–5, 1284.

ская Германия «выпрыгнула» из этой гнетущей материалистической логики. Вермахт вернул военному искусству достойное место — решающего фактора мировой политики. При достаточном опыте и рвении он позволял достичь грандиозных результатов ценой относительно скромных усилий. Если это — верная интерпретация событий 1940 г., то она явно бросает серьезный вызов любому экономическому анализу Второй мировой войны⁴. Поэтому нам следует уделить немного времени анализу военных событий в мае и июне 1940 г., прежде чем переходить к оценке их экономических последствий.

Один из способов ретроспективно объяснить победы вермахта в 1940 г. состоит в том, чтобы объявить их итогом целенаправленной военно-экономической стратегии «блицкрига»⁵. Мы уже видели, что в 1930-е гг. перспектива затяжной войны на истощение приводила немецкое руководство в ужас. Это, казалось бы, приводит нас к неизбежному выводу о том, что Третий рейх специально занимался созданием военной организации нового типа с ее лязгающими танками и воющими «Штуками», призванной одним молниеносным ударом обеспечить победу на поле боя. В этой перспективе события 1940 г. были поразительными, но вполне объяснимыми с точки зрения успешного осуществления гитлеровским режимом «стратегического синтеза»: внятного ответа на стратегическую дилемму, стоящую перед Германией, в рамках которого боевая техника, военное планирование, дипломатия и военно-экономические приготовления были объединены в невероятно эффективную систему⁶. Такая интерпретация привлекательна тем, что она как будто бы позволяет рационально объяснить совершенно невероятные события. Она придает важное значение экономической политике как составной части продуманной стратегии и соответствует известному из кинохроники образу блицкрига как боевых действий, ведущихся преимущественно с помощью таких новых видов техники, как танки и пикирующие бомбардировщики. В поддержку этой точки зрения можно сослаться на делавшиеся Гитлером по крайней мере начиная с 1936 г. за-

4. См., например, линию, которая проводится в: M. Harrison (ed.), *The Economics of World War II* (Cambridge, 1998), 1–2.

5. О происхождении этой идеи см. в: Frieser, *Blitzkrieg-Legende*, 5–12.

6. Классическое изложение этого тезиса содержится в: A. S. Milward, *War, Economy and Society 1939–1945* (Harmondsworth, 1977), 23–30. Эта работа основывается на: Milward, *The German Economy at War* (London, 1965), и B. H. Klein, *Germany's Economic Preparations for War* (Cambridge, Mass., 1959), которые, в свою очередь, многим обязаны докладу United States Strategic Bombing Survey, *The Effects of Strategic Bombing on the German War Economy* (Washington, 1945).

явления о том, что время работает не на Германию. Заводя разговор о войне на Западе, он любил говорить о «внезапном нападении». Верно и то, что зимой 1939–1940 гг. Гитлер принимал решительные меры к тому, чтобы заставить немецких военных сосредоточиться исключительно на ближайшей летней кампании. Но вывод о том, что он сознательно осуществлял стратегию блицкрига, противоречит тому, что нам известно о внутренней «кухне» нацистского режима и ходе военных действий в 1940 г.

Вермахт, вторгшийся во Францию в мае 1940 г., отнюдь не представлял собой тщательно отточенное орудие современной танковой войны⁷. Из 93 немецких дивизий, боеготовых на 10 мая 1940 г., лишь 9 были танковыми, и насчитывалось там всего 2439 машин. Этим частям противостояла более моторизованная французская армия, имевшая 3254 танка. Все вместе бельгийские, нидерландские, британские и французские танковые силы насчитывали не менее 4200 машин, по этому показателю сильно превосходя вермахт. И их количественное превосходство не компенсировалось качественным превосходством немецкой армии. Будем ли мы сравнивать вооружение или броню, большинство немецких танков, посланных в бой в 1940 г., было слабее французских, британских и даже бельгийских. Не следует беспрекословно соглашаться и с популярной идеей о том, что объединение танков вермахта в специальные танковые дивизии давало немцам решающее преимущество. Многие французские танки действительно были распределены по пехотным частям, но французы при большом количестве машин могли себе это позволить. Основная часть лучших французских танков была сосредоточена в бронетанковых частях, которые, по крайней мере на бумаге, ни в чем не уступали немецким танковым дивизиям. Также и люфтваффе, несмотря на свою грозную репутацию, не имели численного преимущества. В мае 1940 г. в люфтваффе насчитывалось 3578 боевых самолетов, в то время как общая численность воздушных сил союзников составляла 4469 боевых самолетов. Французские ВВС в мае 1940 г. значительно усилились благодаря доставке более чем 500 американских самолетов, включая отличные истребители, вполне способные сбить немало самодовольных асов из рядов люфтваффе⁸.

7. R. H. S. Stolfi, «Equipment for Victory in France in 1940», *History*, 55 (1970), 1–20, где несколько раздuty выводы из Frieser, *Blitzkrieg-Legende*, 33–65.

8. J. M. Haight, *American Aid to France 1938–1940* (New York, 1970), 139, 238–50. В одном зрелищном сражении в начале ноября 1939 г. девять только что прибывших

В свете этих фактов успех немцев явно нельзя объяснить подавляющим превосходством в промышленном оснащении современной войны. Разумеется, отнюдь не исключено, что Германия все-таки осуществляла продуманную стратегию блицкрига, но ей просто не хватило времени, чтобы ликвидировать серьезное отставание от Великобритании и Франции, существовавшее в 1933 г. Но если мы вспомним, как беспорядочно протекал процесс германского перевооружения, подробно разбиравшийся в предыдущих главах, то нам будет трудно найти доказательства «стратегического синтеза», о котором говорят сторонники тезиса о блицкриге. Несмотря на то что ускорение и масштабы расходов на перевооружение после 1933 г. были действительно впечатляющими, самой характерной чертой гитлеровского перевооружения является отсутствие какой-либо четкой стратегической идеи — отсутствие реалистических представлений о той войне, в которой действительно могла принять участие Германия. Грандиозные планы вооружения, принятые в 1936 и 1938 г., явно не строились на сколько-нибудь четком ожидании блицкрига. В их рамках приоритет отдавался оснащению и подготовке крупной, но лишь отчасти механизированной армии, стратегических военно-воздушных сил и флота открытого моря. Как мы уже видели, в первой половине 1939 г. эти планы были совершенно спутаны сложившейся в Рейхе острой проблемой платежного баланса. Летом 1939 г., в разгар кризиса поставок, вообще сложно выявить какую-либо внятную стратегию. Начало войны помогло сделать планы более четкими и восстановить прежние темпы наращивания вооруженных сил. Но, как было показано в предыдущей главе, даже в эти месяцы мы не видим никаких указаний на внятную концепцию блицкрига, которая лежала бы в основе немецкой программы вооружений. В том, что касалось армии, наиболее приоритетным было объявлено производство боеприпасов, хотя это решение, по-видимому, в большей степени опиралось на воспоминания о 1914 г., чем на предчувствия того, что случилось в 1940 г. За вложением огромных средств в производство среднего бомбардировщика Ju-88, несомненно, стояла вера в эффективность бомбардировок как средства добиться молниеносной победы. Но этот аспект блицкрига вскоре обнаружил свою полную иллюзорность.

Отсутствие взаимосвязи между работой немецкой военной промышленности и реальными боевыми действиями вермахта станет еще более очевидным, если мы пройдем назад по изви-

американских P-36S вступили в схватку с 27 Me-109 и сбили девять из них, не понеся потерь.

листому пути принятия военных решений⁹. До сентября 1939 г. у немцев фактически не существовало плана наступательных операций во Франции. С учетом силы французской армии и ее союзников стратегам вермахта не хотелось задумываться о такой возможности. Первый план, поспешно составленный в октябре 1939 г., никого не удовлетворял. Но судя по всему, именно на этот план с его быстрым северным ударом к побережью Ла-Манша, за которым должна была последовать воздушная кампания против Великобритании, ориентировалась немецкая военная промышленность еще в декабре 1939 г. Ограниченные задачи этого плана не соответствовали неоднократно заявлявшейся Гитлером цели покончить с войной на Западном фронте одним решающим ударом. Но он оставался в силе до середины февраля 1940 г., когда над французской территорией сбили самолет с двумя беспечными офицерами, которые везли с собой портфель со штабными картами. Именно этот случай расчистил путь смелой идее окружающего удара через Арденнский лес, первоначально выдвинутой генералом Эрихом фон Манштейном, блестящим начальником штаба группы армий «А». В декабре 1939 г. Браухич и Гальдер из верховного армейского командования отвергли предложение Манштейна как абсурдное и рискованное. Лишь на последней неделе февраля, после долгих уговоров со стороны Гитлера, они наконец согласились нанести основной частью войск манштейновский «серповидный удар», который в конечном счете принес им столь ошеломляющий успех. Однако к тому времени было уже слишком поздно вносить дальнейшие изменения в программу вооружений. Таким образом, молниеносная победа во Франции предстает не логическим завершением тщательно продуманного стратегического синтеза, а вдохновенной и чрезвычайно рискованной импровизацией, «быстрым военным выходом» из тех стратегических дилемм, которые Гитлер и его генералы не сумели распутать в феврале 1940 г.¹⁰

В ретроспективе ни союзникам, ни немцам не было выгодно описывать тот поразительно хаотичный путь, которым вермахт пришел к своему самому блестящему военному успеху. Миф о блицкриге устраивал британцев и французов тем, что он давал иное объяснение их позорного поражения, кроме военной не-

9. H. A. Jacobsen, *Fall Gelb: Der Kampf um den deutschen Operationsplan zur Westoffensive 1940* (Wiesbaden, 1957); Frieser, *Blitzkrieg-Legende*, 66–116; E. R. May, *Strange Victory: Hitler's Conquest of France* (New York, 2000), 215–26.

10. M. Geyer, «Restorative Elites, German Society and the Nazi Pursuit of War», in R. Bessel (ed.), *Fascist Italy and Nazi Germany: Comparisons and Contrasts* (Cambridge, 1996), 139–44.

компетентности. Но если союзники были заинтересованы в том, чтобы подчеркивать мнимое превосходство немецкой военной техники, то пропагандисты самой Германии подавали блицкриг в менее материалистическом свете. В конце концов, технологический детерминизм в принципе противоречит волюнтаристским и антиматериалистическим аксиомам нацистской идеологии. Именно это явно имели в виду швейцарские цензоры летом 1940 г., когда они инструктировали свои газеты — один из самых важных источников нейтральной информации в материковой Европе — воздавать должное «грандиозным *военным* успехам немецкой армии»¹¹. Чувство беспристрастности и сбалансированности можно было сохранить лишь в том случае, если не прибегать к уничижительному объяснению успехов Германии «машинами» и «использованием техники». С целью прославить свой триумф германская армия заказала фильм, называвшийся *Sieg im Westen*¹². Как и можно было ожидать, он представлял собой нарезку из кинохроники, в которой много места уделялось впечатляющему наступлению немецких танковых дивизий. Война, безусловно, изображалась как война маневренная, война машин. Но в этом отношении в фильме не проводилось различия между немцами и их противниками. В тех случаях, когда французы и британцы появлялись в кадре, их в первую очередь тоже представляла их техника. Танки и самолеты стали обязательным элементом современной войны. В фильме не содержится ни намек на то, что причиной победы вермахта стало превосходство в технике. В той мере, в которой фильм объясняет победу, в нем говорится ровно противоположное. В самом драматическом эпизоде показывается, как сапер-немец в одиночку подрывает гигантский бельгийский бункер. В ключевом моменте сюжета ближе к концу фильма много места уделено тому, как немцы уничтожают линию Мажино. С помощью ряда выразительных склеек довоенные кадры, снятые внутри сооружений линии Мажино и призванные показать, что ее укрепления построены по последнему слову науки и техники, противопоставляются героическим действиям отдельных немецких солдат, покоряющих их. При этом закадровый голос вещает: «Немецкие юноши, полные идеологического пыла, берут верх над техникой и над материей». Для Гитлера, и не только для него, победа вермахта доказывала превосходство германской расы и гениальность его личного

11. D. Bourgeois, *Das Geschäft mit Hitlerdeutschland: Schweizer Wirtschaft und Drittes Reich* (Zurich, 2000), 165. (Курсив мой. — Авт.)

12. *Sieg im Westen. Ein Film des Oberkommando des Heeres* (Berlin, 1940, прокат — International Historic Films Chicago, 1985).

руководства. Это была победа, предначертанная славной немецкой армии, живое подтверждение связи между Третьим рейхом и превратившимся в миф рождением нации в сентябре 1870 г. на том же самом поле боя, в Седане¹³. После капитуляции Франции фельдмаршал Кейтель торжественно провозгласил Гитлера Величайшим полководцем всех времен (*Grösster Feldheer Aller Zeiten* — титул, который нацистский сленг того времени сократил до *Gröfaz*). В официальных заявлениях верховное главнокомандование вермахта приписывало победу «революционной динамике Третьего рейха и его национал-социалистическому руководству»¹⁴. Именно победа во Франции закрепила представление о том, что вермахт непобедим, что он способен преодолеть все препятствия — и этот комплекс превосходства скоро стал приниматься за нечто очевидное в немецком военном планировании. По иронии судьбы разоблачая техническую версию мифа о блицкриге, современные историки сплошь и рядом повторяют то объяснение победы, которое давал сам немецкий режим¹⁵. Считается, что одна из величайших побед в европейской военной истории была достигнута наперекор всему, благодаря гениальности генерала Манштейна и превосходству солдат вермахта на поле боя. Отсюда остается всего шаг до утверждения о том, что в этот критический момент баланс материальных сил никак или почти никак не влиял на исход войны, а из этого, в свою очередь, вытекают вопросы о значении сырья, ресурсов, объемов производства, тактико-технических характеристик и тому подобных приземленных материй. После этого остается лишь поражаться тому, как союзники вообще ухитрились победить¹⁶.

Именно тут и следует воззвать к осторожности. Пусть блицкриг не был результатом тщательной стратегии, в то же время у нас есть и основания для скептицизма в отношении полностью волюнтаристского прочтения событий 1940 г. В оценке нуждаются конкретные условия, в которых талант немецких солдат и их подготовка позволили им добиться столь поразительных результатов¹⁷. Несмотря на отсутствие великой стратегии, успех плана Манштейна в значительной степени все же зависел от мо-

13. К.-Н. Frieser, *Ardennen, Sedan: Militärhistorischer Führer durch eine europäische Schicksalslandschaft* (Frankfurt, 2000).

14. DRZW 9/1. 511.

15. W. Murray, «The German Response to Victory in Poland: A Case Study in Professionalism», *Armed Forces and Society*, 7 (1981), 285–98; R. A. Doughty, *The Breaking Point: Sedan and the Fall of France, 1940* (Hamden, Conn., 1990).

16. Этот вопрос ставится в: R. Overly, *Why the Allies Won* (London, 1995).

17. О все еще актуальном в историографии кампании 1940 г. акценте на наступлении см.: G. P. Gross, «Das Dogma der Beweglichkeit», in B. Thoss and H.-E. Volkmann (eds.), *Erster Weltkrieg: Zweiter Weltkrieg* (Paderborn, 2002), 143–66.

билизации немецкой экономики в 1939 г. Но в еще большей степени он зависел от очень специфической географической конфигурации западноевропейского театра военных действий. Начнем с самого очевидного момента: общие цифры численности танковых сил в мае 1940 г. действительно показывают, что Германия после 1933 г. не занималась строительством одних лишь танков, но из-за этого обстоятельства мы не должны игнорировать существенного вклада, внесенного стремительной мобилизацией немецкой промышленности в 1939–1940 гг. Пусть даже Германия в мае 1940 г. не имела полного превосходства в танках над противниками, ситуация была бы намного хуже, если бы не ускоренное производство танков, начавшееся осенью 1939 г. После успешного завершения польской кампании в октябре 1939 г. танковые силы германской армии имели критически низкую численность. У вермахта имелось всего 2701 исправная машина, причем в подавляющем большинстве это были устаревшие модели Pz-I и Pz-II¹⁸. Число боеспособных средних танков, пригодных для использования против Франции, составляло всего 541 машину¹⁹. Если эти неадекватные силы были бы брошены против позиций союзников на линии Бреда — Диль, как предусматривалось в первоначальном плане генштаба, принятом в октябре 1939 г., то вермахту бы повезло, если бы дело закончилось ничьей²⁰. Зимой 1939–1940 гг. танкам никогда не уделялось такого же внимания, как бомбардировщикам Ju-88 или программе боеприпасов, но тем не менее за семь месяцев между завершением польской кампании и началом битвы за Францию состояние германских бронетанковых сил радикально улучшилось. К 10 мая 1940 г. оснащенность Германии средними танками почти утроилась по сравнению с ситуацией на конец польской кампании. Теперь у Германии имелось 785 танков Pz-III, 290 танков Pz-IV и 381 чешский средний танк — всего 1456 машин. Ни одна из них не могла сравняться с самыми тяжелыми французскими танками. Более того, у немцев не было противотанковых пушек, способных остановить танк Char B, как выяснилось в ряде шокирующих случаев, когда единичные француз-

18. Танк Pz-I был вооружен только пулеметами. На Pz-II была установлена 20-мм пушка. Броню обоих танков пробивали даже самые легкие противотанковые орудия: W.J. Spielberger, *Die Panzerkampfwagen I und II* (Stuttgart, 3rd edn., 1991).

19. DRZW 5/1. 554.

20. В мае 1940 г. в тех редких случаях, когда немецкие танковые силы упирались в тщательно подготовленные французские оборонительные позиции, они несли тяжелые потери: сказывалось превосходство французов в полевой артиллерии. См.: J.A. Gunsburg, «The Battle of Gembloux, 14–15 May 1940: The „Blitzkrieg“ Checked», *Journal of Military History*, 64 (2000), 97–140.

ские танки уничтожали немецкую пехоту целыми колоннами²¹. Тем не менее немецкие танки с их удачно спроектированными боевыми отделениями и превосходной радиоаппаратурой к весне 1940 г. превращались в высокоэффективную силу.

Все зависело от того, как эта сила использовалась. В той степени, в какой существует одно-единственное объяснение ошеломляющей германской победы на Западном фронте, им является блестящий план Манштейна. Но вопреки легенде, этот план не опирался ни на новую революционную доктрину моторизованной войны, ни на мистическую веру в превосходство немецкого солдата²². В основе идеи Манштейна лежала классическая наполеоновская формула: достижение успеха путем численного превосходства над врагом в некоей ключевой точке. Иными словами, речь идет о синтезе грубого материализма и военного искусства. Поскольку Германия не обладала превосходством в живой силе (всего у нее имелось 135 дивизий против 151 дивизии у союзников), превосходство на конкретном участке могло быть достигнуто лишь путем максимально возможного сосредоточения и максимально возможной внезапности. Успех блицкрига объясняется замечательной реализацией этих классических принципов теории ведения военных операций, а не превосходством в технике или в боевом духе. Решающий отвлекающий маневр осуществила группа армий «В», атаковавшая Нидерланды и Северную Бельгию. В этой части операции участвовало всего 29 дивизий. Но они привлекли к себе внимание не менее чем 57 союзных дивизий, включавших отборные подразделения французской и британской армий. На юге, вдоль всей уязвимой долины Рейна, немцы разместили всего 19 второсортных дивизий, в то время как французы спрятали в массивных бетонных оборонительных сооружениях линии Мажино 36 дивизий. Таким образом, на флангах немцы пошли на большой риск, почти в два раза уступая союзникам в численности. Это позволило им сосредоточить в Арденнах не менее 45 ударных дивизий против франко-бельгийского заслона из 18 второсортных частей. Хотя немцы уступали противнику в числе почти по всей линии фронта, последовательное планирование позволило им в точке атаки достичь почти трехкратного превосходства. В этом смысле немецкая победа не опровергла принцип о решающем значении чисел. Она просто подтвердила то, что в ситуации равновесия преимущество, необходимое

21. Об эпических подвигах небольшой группы Char B в ходе сражения за Стонн 15 и 16 мая см.: Frieser, *Blitzkrieg-Legende*, 259–65.

22. О дальнейшем см.: *ibid.*, 105–6, 415.

для решительного прорыва, может быть достигнуто лишь путем максимального сосредоточения сил. Более того, поскольку нельзя исходить из того, что противник будет вести себя пассивно, это преимущество может быть сохранено лишь с помощью стратегических уловок и максимальной маневренности.

Это, в свою очередь, подразумевало серьезный элемент риска. Немцы напали на Францию, не имея в резерве ни одного танкового подразделения — это очень важно. С тем чтобы достичь подавляющего численного превосходства в ключевой точке, все до единой части были введены в бой в самый первый день. Если бы эта атака провалилась, то у немцев не осталось бы мобильных частей для того, чтобы отразить возможное контрнаступление союзников. Применительно к немецкой армии эта стратегия обернулась блестящим успехом. Наступление сопровождалось упорными боями. Ежедневный уровень потерь был высоким, но поскольку кампания завершилась за несколько недель, в целом издержки оказались более чем приемлемыми. Но при описании германской победы в мае 1940 г. часто упускается из виду тот факт, что люфтваффе отделались далеко не так легко²³. Германские ВВС во время первого удара были задействованы еще более интенсивно, чем армия. Напротив, союзники в ожидании затяжной оборонительной кампании держали значительную часть своих военно-воздушных сил в резерве. В результате Германия получила решающее преимущество. Но цена, которую ей пришлось заплатить за господство в воздухе, была намного выше цены за победу на земле. Только 10 мая, в ходе завоевания воздушного господства в первый день операции, люфтваффе потеряли не менее 347 самолетов, включая практически все транспортники, использовавшиеся для высадки воздушных десантов в Нидерландах и Бельгии²⁴. К концу мая было списано 30% самолетов, с которыми люфтваффе начинали кампанию. Еще 13% получили серьезные повреждения.

Немцы не просто бросили в атаку все свои танки и самолеты. В строжайшем соответствии с принципом «шверпункта» (узловой точки) они сделали это на чрезвычайно узком участке фронта. В секторе, отведенном группе армий «А», основная часть танков была сведена в одно гигантское формирование — танковую группу Клейста, включавшую 1222 танка, 545 полугусеничных машин и 39373 грузовых и легковых автомобилей, а также

23. W. Murray, *Luftwaffe* (London, 1985), 69–78.

24. В эту цифру входит 170 транспортных самолетов, потерянных во время десантных операций, но и без них она остается чрезвычайно высокой. См.: Frieser, *Blitzkrieg-Legende*, 428.

многочисленные вспомогательные саперные и противовоздушные подразделения²⁵. Если бы вся эта масса техники была развернута на одной дороге, начиная от границы с Люксембургом, то ее хвост достиг бы Кенигсберга, расположенного 1540 километрами восточнее. В реальности картина вышла лишь чуть немногим менее причудливой. В первые дни кампании танковая группа Клейста пробивалась к верховьям Мааса всего по четырем узким дорогам. Каждая из четырех колонн, приближавшихся к ключевым речным переправам, растянулась почти на 400 километров. И им приходилось прорываться вперед в условиях крайне жесткого лимита времени. Авангард должен был выйти к Маасу, сохранив достаточно сил для того, чтобы взять мосты, к вечеру 13 мая. В противном случае союзникам хватило бы времени на то, чтобы прореагировать на этот удар и восстановить свое общее преимущество. Эта чрезвычайная концентрация сил была сопряжена с крайним риском. Если бы бомбардировщики союзников преодолели заслон из немецких истребителей над Арденнами, они бы почти наверняка уничтожили медленно продвигавшиеся колонны. Никогда прежде такое огромное количество техники не было сосредоточено в столь малом сегменте европейской дорожной сети, и возможные заторы беспокоили немцев намного сильнее, чем якобы непреодолимая местность в Арденнах. И 11, и 12 мая 1940 г. наступление танковой группы Клейста грозило превратиться в самую огромную пробку в мире. Катастрофу удалось предотвратить лишь путем энергичного управления движением, осуществлявшегося штабными офицерами, которые сновали взад и вперед на мотоциклах и летали над колоннами на легких самолетах. Кроме того, успех наступления всецело зависел от тщательно просчитанного плана снабжения. Все немецкие запасы бензина, которых в мае 1940 г. хватало не более чем на пять месяцев моторизованной войны, были выделены на то, чтобы наступление проходило как можно более гладко. Крайне огнеопасные топливозаправщики шли вперемежку с боевыми машинами в передних рядах германских бронированных колонн. На всем пути продвижения были заранее спланированы заправочные пункты, где экипажи танков могли брать канистры с бензином и оставлять взамен пустые емкости. Экипажи дозаправляли машины в дороге при каждой остановке движения. Помимо этого, заботиться приходилось не только о технике. Согласно плану немецким танковым колоннам следовало непрерывно двигаться в течение трех дней

25. Ibid., 117–35.

и трех ночей. Для того чтобы водители могли обойтись без сна, интенданты передовых частей запаслись десятками тысяч доз первитина — под таким названием тогда выпускался метамфетамин, в 1940-е гг. более известный в обиходе как «танковый шоколад» («Panzerschokolade»)²⁶.

Наступление группы армий «А» представляло собой чрезвычайно смелый маневр, остающийся образцом даже для высокотехнологичных военных операций XXI века. Но впечатление современности и мобильности, сопутствовавшее всей этой операции, было в известной степени иллюзорным. Бензин и метамфетамин достались лишь дюжине дивизий первого эшелона. Подавляющее большинство немецких солдат, вторгшихся во Францию, Бельгию и Нидерланды, шли пешком, а припасы доставлялись им от железнодорожных станций в стиле XIX века — на подводах. Несмотря на большую продуманность системы снабжения и поразительные темпы передвижения немецкой пехоты, успех был бы невозможен, если бы не особенности конкретного театра военных действий. Побережье Ла-Манша служило для вермахта естественным препятствием, чтобы прижать к нему противника, и от этого препятствия до германской границы было всего несколько сотен километров. На такой дистанции хорошо организованная система моторизованного снабжения не теряла своей эффективности, а различие в темпах наступления между танковыми частями и остальной немецкой армией было не слишком чрезмерным. Кроме того, на руку немцам играла густая сеть хороших дорог и обширные ресурсы западноевропейской деревни, позволявшие войскам изыскивать пропитание на марше. В Польше в сентябре 1939 г. вермахт с трудом поддерживал изначальный импульс моторизованных войск, столкнувшихся с намного более серьезными препятствиями. И этой ситуации предстояло повториться в будущем.

Таким образом, успех нападения на Францию в мае 1940 г. становится затруднительно объяснить с точки зрения одной лишь «грубой силы». Но вообразить, что результат никак не зависит от соотношения материальных сил, означает идти на поводу у волюнтаризма. Вермахт не опровергнул элементарные принципы войны. Победа в мае 1940 г. не была таинственным событием, объяснимым лишь ссылкой на сверхъестественные способности немецкой армии и нежелание французов воевать. Шансы немцев на победу были не слишком высоки. Но они были

26. Об использовании первитина в элитной 1-й танковой дивизии см.: *ibid.*, 136. Непредвзятую дискуссию о наркотиках в Третьем рейхе см. в: W. Pieper (ed.), *Nazis on Speed: Drogen im 3. Reich* (Loherbach, n. d.), 114–54.

и не настолько низкими, чтобы их нельзя было повысить путем тщательного планирования и маневрирования. Внимательный анализ механики блицкрига выявляет не только поразительную степень концентрации сил, но и колоссальный риск, на который Гитлер и руководство вермахта пошли 10 мая. Именно потому, что план Манштейна предусматривал столь высокую концентрацию сил, он был «одноразовым»²⁷. Если бы немецкое наступление потерпело неудачу — а у него имелось для этого много возможностей, — то вермахт как наступательная сила перестал бы существовать. Рискованная ставка Гитлера окупилась. Но вопреки видимости, немцы вовсе не открыли надежный способ совершать военные чудеса. Поразительный успех, достигнутый в мае 1940 г. — поражение крупной европейской державы всего за несколько недель — никому не удалось бы повторить. По сути, если мы оценим чрезвычайную рискованность плана Манштейна, то нападение на Францию обнаружит больше сходства с другой рискованной игрой вермахта — нападением на Советский Союз в июне 1941 г. — чем обычно считается. В обоих случаях вермахт не имел в резерве серьезных сил. В обеих кампаниях немцы сделали ставку на достижение решающего успеха в первой же фазе наступления. Что-либо иное означало катастрофу. Совершенно разные результаты, полученные в обоих случаях, вполне объяснимы с точки зрения традиционной военной логики. В борьбе с противником, имеющим намного более серьезное материальное превосходство, более умелое командование и больше пространства для маневра, выполнить принципиальное наполеоновское требование военного успеха — наличие решающего превосходства в ключевой точке — становится намного более сложно, если не вовсе невозможно. В этой ситуации уже мало одного лишь вдохновенного полководческого искусства.

II

Однако летом 1940 г., в отличие от периода после победы над Польшей, вермахт не обнаруживал большой склонности к критическому анализу прошедшей кампании. Поражение Франции принципиально изменило соотношение сил в Западной Европе²⁸. Франция, которая очень долго была важнейшим на-

27. W. Murray, *The Change in the European Balance of Power, 1938–1939* (Princeton, 1984), 361.

28. См. превосходный обзор в: D. Reynolds, «1940: Fulcrum of the Twentieth Century?», *International Affairs*, 66 (1990), 325–50.

циональным государством в материковой Европе, разом оказалась низведена до статуса второстепенной державы. Нидерланды и Бельгия — небольшие европейские страны, но крупные колониальные державы — были оккупированы Германией. Британцев выгнали с материка. Оккупированные и нейтральные страны по всей Европе начали притягиваться к новому центру силы. По крайней мере ненадолго во всей Европе — от Северного моря до Черного моря, от Балтики до Гибралтарского пролива — утвердилась бесспорная гегемония Германии.

Еще до нападения на Францию Третий рейх выделил солидные силы для укрепления своего северного фланга²⁹. Шведская железная руда была слишком важна для немецкой военной экономики, чтобы скандинавские страны могли сохранять комфортный для них нейтралитет. В 1940 г. потребность Германии в железной руде более чем наполовину удовлетворялась за счет импорта, и 83% этого импорта поступало из Швеции. Если бы поставки шведской железной руды прекратились в сентябре 1939 г., то Германия была бы вынуждена резко сократить производство вооружений самое позднее с осени 1940 г. Однако гитлеровскому режиму вряд ли приходилось опасаться шведов³⁰. Германия держала Швецию, как и Швейцарию, в заложниках, поскольку обе страны зависели от поставок угля из Германии. Еще в апреле 1939 г. социал-демократическое правительство в Стокгольме заверило Берлин в своей готовности продолжать поставки железной руды в случае войны. Таким образом, Швеция не была проблемой. Проблему представляла Норвегия с ее незащищенным побережьем и, в частности, портом Нарвик, через который шведская железная руда доставлялась в Германию в зимние месяцы. Если бы англичане взяли Нарвик под свой контроль, то они смогли бы задушить Рур еще до начала серьезных военных действий, и именно это явно намеревался сделать Черчилль. Поэтому 1 марта Гитлер отдал приказ к операции «Учения на Везере» — военной оккупации Дании, сочетавшейся с высадкой десанта в Норвегии. Одновременно британцы подготовили экспедиционные силы для отражения интервенции. 9 апреля в окрестностях Нарвика началось сражение. После трех месяцев беспорядочных боев британцы эвакуировались и немцы обеспечили себе доступ к шведской железной руде до самого конца войны.

29. DRZW 2. 189–2.34; G. L. Weinberg, *A World at Arms: A Global History of World War II* (Cambridge, 1994), 77–8, 113–21.

30. J.-J. Jäger, *Die wirtschaftliche Abhängigkeit des Dritten Reiches vom Ausland: Dargestellt am Beispiel der Stahlindustrie* (Berlin, 1969), 133.

Не менее решительно Германия действовала и в Юго-Восточной Европе, стремясь обеспечить гарантированные поставки нефти из Румынии³¹. В первые месяцы войны Великобритания и Франция непрерывно требовали от Бухареста ограничить экспорт в Германию³². К февралю в Берлине запаниковали. В отсутствие решительных мер немецкие запасы бензина снизились бы до критического уровня к концу лета³³. Поэтому уже с начала 1940 г. Министерство иностранных дел и возглавлявшийся адмиралом Вильгельмом Канарисом абвер — разведка вермахта — перешли в крупное контрнаступление. Цинично играя на страхе Румынии перед Советским Союзом, Гитлер пообещал румынскому королю Каролю II защиту от главного союзника Германии. В марте 1940 г. немецкий МИД начал выдавливать из нефтяного бассейна Плоешти контролировавших его англичан и французов, заключив с Румынией беспрецедентную сделку «оружие в обмен на нефть»³⁴. Румыния гарантировала Германии увеличение поставок нефти по льготным ценам в обмен на германскую защиту и крупные поставки оружия, главным образом захваченного в качестве трофеев в Польше. Однако это соглашение было лишь временным и истекало через два месяца. Но к счастью для немцев, в начале мая начались переговоры о заключении более долгосрочного договора. По мере того как в мировых СМИ множились известия о наступлении германских танков во Франции, румынское правительство проявляло все большее дружелюбие. Наконец, 27 мая Бухарест поспешно согласился заключить Нефтяной пакт (*Ölpakt*), дававший Германии монопольное право на поставки нефти из Румынии. С июля 1940 г. поставки румынской нефти в Великобританию, куда еще несколькими месяцами ранее уходило почти 40% всей нефти из Плоешти, полностью прекратились. Напротив, Германия отныне могла рассчитывать на стабильные поставки 200 тыс. — 300 тыс. тонн румынской нефти в месяц, которые в течение следующих лет оставались главным источником нефти для Германии.

Аналогичный поворот происходил и в невоюющих и нейтральных странах Южной Европы³⁵. Наиболее решительно повел себя Муссолини, изменив позицию, которую он занимал осенью 1939 г., и 10 июня 1940 г. объявив войну Франции и Ве-

31. P. Marguerat, *Le IIIe Reich et le petrole roumain, 1938-1940* (Leiden, 1977).

32. W. N. Medlicott, *The Economic Blockade* (London, 1952), I. 250-59.

33. См. выражение крайней обеспокоенности в: IWM EDS, al 1057, 1058.

34. ВАМА RW19/173, 37-8.

35. A. Hillgruber, *Hitlers Strategic* (Frankfurt, 1965), 126-44; C. Leitz, *Nazi Germany and Neutral Europe During the Second World War* (Manchester, 2000); N. Wylie (ed.), *European Neutrals and Non-belligerents During the Second World War* (Cambridge, 2002).

ликобритании. Генерал Франко вел себя более осторожно, отказавшись от строгого нейтралитета и объявив Испанию «невоюющей державой»³⁶. Теперь, когда немецкие подлодки могли действовать из баз на атлантическом побережье Франции, даже Португалия, старейший союзник Великобритании, почувствовала потребность дистанцироваться от Лондона. Еще одним многозначительным симптомом новой расстановки сил служило изменение настроений в Швейцарии³⁷. В течение месяцев, последовавших за капитуляцией Франции, и в деловых кругах, и во всем широком спектре политиков правого толка стали раздаваться голоса за пересмотр швейцарского нейтралитета. На встрече представителей деловых кругов в Берне, состоявшейся в июле 1940 г., один из генеральных директоров Швейцарского национального банка четко выразил эту позицию: «События последней недели полностью покончили с существовавшим в Европе равновесием, и мне представляется, что речь идет не о временном отклонении. Весь мир, как и наша страна, столкнулся с новой ситуацией, и нам необходимо к ней приспособляться»³⁸. Оставаясь пассивной в отношении возросшего могущества Германии, Швейцария рисковала оказаться в маргинальном положении: «Нашей стране придется целенаправленно подыскивать себе место в новом мире и она должна стремиться к тому, чтобы играть в нем активную роль». Летом 1940 г. сотрудничество с гитлеровской Германией диктовалось простым здравым смыслом. Швейцарская торговая политика была серьезно пересмотрена: Берлин получил более щедрые экспортные кредиты, в то время как «стратегический экспорт» в Великобританию был серьезно ограничен. Под давлением со стороны Германии список товаров, которые швейцарские бизнесмены могли экспортировать, не получая официальных лицензий, сократился до 28 категорий, включавших такие «невинные» товары, как свежие и консервированные фрукты, вышивку и кружева, всевозможные изделия из соломы, головные уборы, плиты, печи, стиральные машины и прочую бытовую технику. Швейцарские точные станки и 20-мм зенитные пушки были зарезервированы для Германии³⁹.

36. C. Leitz, *Economic Relations between Nazi Germany and Franco's Spain, 1936–1945* (Oxford, 1996), 131–5. Лейтц, опираясь на наш последний аргумент, в то же время отмечает, как быстро Испания вернулась на свои прежние позиции осенью 1940 г.

37. N. Wylie, *Britain, Switzerland and the Second World War* (Oxford, 2003).

38. Bourgeois, *Das Geschäft*, 64.

39. P. Hug, *Schweizer Rüstungsindustrie und Kriegsmaterialhandel zur Zeit des Nationalsozialismus* (Zurich, 2002).

Большая Германия, оккупированные территории и нейтральные страны, ориентировавшиеся на Германию, совместно составляли грозный блок. Франция, Бельгия, Люксембург и Нидерланды были важными производителями стали. В этих странах существовала передовая промышленность, выпускавшая автомобили, оружие, самолеты, электронику и всевозможные потребительские товары. Кроме того, Франция и Норвегия выпускали много алюминия и химикалий. Дополняя обширные производственные мощности Германии, Австрии, польской Силезии, протектората Богемия и Моравия, а также Северной Италии, они могли бы образовать мощный экономический блок. Если бы подвластным Германии европейским странам удалось сохранить экономическую активность на довоенном уровне, то его совокупный ВВП превышал бы ВВП Соединенных Штатов или Британской империи⁴⁰. Эта сфера влияния имела население численностью в 290 млн человек и покрывала территорию, лишь немногим уступавшую площадью Соединенным Штатам. Если включить в эти расчеты французские, бельгийские, голландские и итальянские колонии, то размеры немецких владений могли бы произвести еще более внушительное впечатление. На сферу влияния Рейха после покорения Западной Европы по крайней мере теоретически приходились пятая часть населения Земли, примерно такая же доля обитаемых территорий мира и 30% глобального ВВП. По размерам с ней могла соперничать лишь Британская империя. И эти сопоставления не учитывают Советского Союза и императорской Японии, являвшихся возможными союзниками нацистской Германии. Разумеется, летом 1940 г. этот блок не отличался особой сплоченностью. Будущее французских, бельгийских и нидерландских колоний находилось под вопросом. Перейдут ли они на сторону Германии, захватят ли их другие хищники — например, Япония, — или же они предпочтут поддержать Великобританию? Более того, имелись очень серьезные сомнения в том, что экономическую активность территорий, находящихся под влиянием Рейха, удалось бы сохранить на предвоенном уровне. Однако эти цифры все же дают некоторое представление о резком изменении глобального соотношения сил, поставленного под угрозу молниеносными победами вермахта.

Летом 1940 г. прибыли от завоеваний вскружили голову нацистам. Грабежи, даже если ими занимаются пунктуальные немцы — не такая деятельность, которая бы поддавалась точ-

40. Впервые макроэкономическая статистика была применена к экономической истории Второй мировой войны в: Harrison, *The Economics of World War II*.

ТАБЛИЦА 9. Новый мировой порядок?

	Население, млн человек	Площадь, тыс. км ²	ВВП в 1938 г., млн долл.*
Великобритания	48	245	284
Британские доминионы	30	19185	115
Британские колонии	454	14994	285
Британская империя в целом	531	34424	683
США	131	7856	800
Германия	69	470	351
Австрия	7	84	24
Чехословакия	11	140	30
Польша	35	389	77
Франция	42	551	186
Нидерланды	9	33	45
Бельгия	8	30	40
Дания	4	43	21
Норвегия	3	323	12
Финляндия	4	383	13
Венгрия	9	117	24
Болгария	7	103	11
Югославия	16	248	22
Румыния	16	295	19
Швейцария	4	41	26
Швеция	6	449	30
Италия	43	310	141
Европейское «большое пространство»	292	4009	1071
Итальянские колонии	9	3488	3
Французские колонии	71	12099	49
Нидерландские колонии	68	1904	77
Бельгийские колонии	11	2337	6
Возможная империя Оси	159	19828	134
Япония	72	382	169
Японские колонии	60	1602	63
СССР	167	21176	359

* С учетом ППС, в ценах 1990 г.

Источники: M. Harrison (ed.), *The Economics of World War II* (Cambridge, 1998), 7–8; A. Maddison, *The World Economy: Historical Statistics* (Paris, 2003); SRA, *Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich* (1941/42) (Berlin, 1942).

ной статистической оценке. Однако стоимость трофеев, доставшихся победоносному вермахту, явно была колоссальной⁴¹. В одной лишь Франции немцы с 1940 по 1944 г. присвоили различных ценностей на сумму не менее 154 млрд франков, или 7,7 млрд рейхсмарок по официальному обменному курсу⁴². Из этой огромной суммы треть приходилась на материальную часть французских вооруженных сил. Сюда входило 314878 винтовок, 5017 артиллерийских орудий, 3,9 млн снарядов и 2170 танков⁴³. Сотни этих танков еще не один год использовались вермахтом во Франции и на Балканах. Трофейная французская артиллерия внесла еще более важный вклад в оборону нацистской империи. В марте 1944 г. из общего германского артиллерийского парка, насчитывавшего 17589 орудий, не менее 47% были иностранного — преимущественно французского — происхождения⁴⁴. Еще треть немецких трофеев приходилась на транспорт и средства связи, а также на собственность французских железных дорог. Самую большую долю в этой графе составляли тысячи локомотивов и десятки тысяч товарных вагонов, «позаимствованных» *Reichsbahn Немецкой железной дорогой*. В целом французские, нидерландские и бельгийские железные дороги дали Германии 4260 локомотивов и 140 тыс. вагонов: на фоне этих цифр меркнут инвестиции самого Рейха в подвижной состав, сделанные в 1930-х гг. Следующим пунктом в списке французских трофеев шло сырье на сумму в 13 млрд франков, чье стратегическое значение для Германии намного превосходило номинальные убытки, понесенные его французскими хозяевами. Во Франции, Бельгии и Нидерландах вермахт захватил 81 тыс. тонн меди, чего хватало Рейху на лишние 8 месяцев потребления. Кроме того, немцы нашли в захваченных странах такое количество олова и никеля, которое покрывало их годовые потребности. Но главное то, что немцам достались значительные запасы бензина и нефти. К концу 1940 г. благодаря щедрым поставкам из Румынии, французским трофеям и невысокому уровню военной активности во второй половине года, тревожное сокращение немецких запасов топлива было остановлено. Зимой 1940–1941 гг. главной проблемой стало отсутствие достаточных мощностей для хранения.

41. DRZW 5/1. 216–25.

42. A. S. Milward, *The New Order and the French Economy* (Oxford, 1984), 81. В этом контексте под трофеями понимаются вещи, конфискованные у французских граждан или учреждений.

43. F. Hahn, *Waffen und Geheimwaffen des deutschen Heeres 1933–1945* (Bonn, 3rd edn., 1998), II. 205.

44. Ibid., 178–9.

III

Еще до того, как прекратились военные действия, германское Министерство иностранных дел, организация Геринга, занятая выполнением Четырехлетнего плана, Министерство экономики и Рейхсбанк начали срочную дискуссию о будущем облике европейской экономики⁴⁵. Поспешность, с которой начались эти дебаты, явно отражала представления, преобладавшие в Германии с 1920-х гг.⁴⁶ Участники дебатов руководствовались идеей о необходимости создать большое единое экономическое пространство, сопоставимое своими размерами, численностью населения и ресурсами с Британской империей и Соединенными Штатами. В 1930-х гг. этот подход сузился до дискуссии, посвященной в первую очередь «неформальной экономической империи» Германии в Юго-Восточной Европе. Она обещала стать важным источником сырья и сельскохозяйственной продукции. Однако с точки зрения бизнеса Балканы явно были не слишком привлекательным направлением. Бедные балканские страны обладали слишком ограниченной покупательной способностью. Поэтому неудивительно, что после того, как вермахт расчистил путь, экспертные центры Германии быстро переключили внимание на куда более многообещающие просторы Западной Европы. Разрыв прочных коммерческих и финансовых связей с Францией являлся одной из главных отрицательных сторон унилатерализма, к которому Германия обратилась после 1931 г. Восстановление связей между французской и германской экономиками и их сочетание с экономическим потенциалом Италии, Бенилюкса и Скандинавии сулило гораздо более привлекательную версию экономического *Grossraum* («большого пространства»), чем какие-либо проекты, представлявшиеся возможными в 1930-х гг.

В более общем плане лихорадочные дискуссии лета 1940 г. свидетельствуют и о том, что в крайнем напряжении находилась экономическая политика Германии с начала 1930-х гг.⁴⁷ По-

45. J. Freymond, *Le Ille Reich et la reorganisation economique de l'Europe 1940-1941* (Leiden, 1974); Milward, *The New Order*. DRZW 5/1. 210-64; R. Opitz (ed.), *Europastrategien des deutschen Kapitals 1900-1945* (Bonn, 1994); R. J. Overy, G. Otto and J. Houwink ten Cate, *Die «Neuordnung» Europas: NS-Wirtschaftspolitik in den besetzten Gebieten* (Berlin, 1997).

46. R. Frommelt, *Panuropa oder Mitteleuropa: Einigungsbestrebungen im Kalkül deutscher Wirtschaft und Politik 1925-1933* (Stuttgart, 1977); E. Teichert, *Autarkie und Grossraumwirtschaft in Deutschland 1930-1939* (Munich, 1984); V. R. Berghahn, *Quest for Economic Empire: European Strategies of German Big Business in the Twentieth Century* (Oxford, 1996).

47. В этом отношении особенно интересна работа M. Buggeln, «Währungspläne für den europäischen Grossraum», in *Europäische Integration: Deutsche Hegemonialpolitik gegenüber Westeuropa 1920-1960* (Göttingen, 2002), 41-76.

сле грандиозных побед вермахта казалось возможным, что сложившееся положение позволит Рейху избавиться от множества обременительных ограничений, мешавших немецкому бизнесу с момента банковского и валютного кризиса 1931 г. В Берлине в целом были согласны с тем, что корсет «Нового плана» Шахта не к лицу будущему европейскому гегемону⁴⁸. Репарации, наложенные на побежденные державы, должны были покончить с острой нехваткой иностранной валюты в Германии. За счет других европейских центральных банков Рейхсбанк предполагалось вооружить стратегическим валютным резервом как минимум в 10 млрд рейхсмарок. Ответственность за ненавистные «политические долги» 1920-х гг. возлагалась на Великобританию. Перед Рейхом даже открывалась возможность возобновить переговоры о выплате американских займов, замороженные шестью годами ранее. А продемонстрировав свою способность обойтись без США, Германия могла вести эти переговоры с позиции силы. Возможно, самым примечательным было то, что Рейхсминистерство финансов, испытывавшее беспокойство по поводу того, что система экспортных субсидий обходилась стране все дороже и дороже, даже выдвинуло идею о том, что Германия должна воспользоваться своим резким усилением и ростом престижа для того, чтобы девальвировать рейхсмарку, тем самым исправив давнее несоответствие между немецкой и прочими мировыми валютами⁴⁹. Неудивительно, что это предложение не прошло. Час победы не годился для того, чтобы уменьшать внешнюю стоимость валюты страны. Отныне задавать стандарты должна была рейхсмарка. Ее некоторая переоценка по отношению к европейским сателлитным экономикам лишь приветствовалась, поскольку способствовала удешевлению импорта⁵⁰. Если обменный курс рейхсмарки и доллара нуждался в корректировке, то приспособливаться должен был доллар, а не наоборот.

Наиболее амбициозные цели ставило перед собой германское Министерство иностранных дел. Оно хотело воспользоваться уникальной возможностью, созданной военной победой, и поскорее заключить таможенный и валютный союз с как можно большим числом европейских стран. Однако Дания — первая

48. См. комментарии Шлоттерера из РМЭ, обращенные к рейхсгруппе по промышленности, в: BAL R8122.

49. Buggeln, «Währungspläne», 63. В марте 1940 г. экономический департамент Рейхсбанка предложил провести 50-процентную девальвацию рейхсмарки после успешного окончания войны. См.: BAL R25016433, 369–83.

50. Оценки Рейхсбанка в отношении того, насколько была переоценена рейхсмарка по сравнению с другими европейскими валютами на июнь 1940 г., см. в: BAL R25016612, 491–503.

страна, которой было сделано такое предложение, — уклонилась от него, а Рейхсбанк, РМЭ и организация по выполнению Четырехлетнего плана были против излишне поспешного расширения экономических рубежей Германии. Они предпочитали постепенный подход, первым шагом которого должно было стать включение всей Западной Европы в централизованную клиринговую систему, которая бы позволяла осуществлять многостороннее погашение долгов во всех случаях, когда это устраивало Германию. Такая система, учрежденная в августе 1940 г., стала основой для все более интенсивного вовлечения европейских экономик в сферу влияния Рейха. Хотя находились и те, кто видел в этой централизованной клиринговой системе зародыш экономического будущего, ее непосредственная практическая цель состояла в том, чтобы обеспечить Германию практически неограниченным торговым дефицитом. Жестокую логику этой военной клиринговой системы с поразительной откровенностью изложил д-р Густав Шлоттерер, молодой национал-социалистический чиновник, являвшийся ее главным архитектором⁵¹. Выступая в июле 1940 г. перед немецкими предпринимателями, Шлоттерер объяснил:

По сути мы настолько подчинили себе ряд стран, что в отношении с ними нас не должна смущать очень серьезная проблема, касающаяся урегулирования [дефицита по клиринговым счетам]. В отношении Дании и Норвегии мы заняли позицию, согласно которой баланс в клиринговой торговле [т. е. немецкий внешне-торговый дефицит] не подлежит обсуждению <...> Мы склонны к тому, чтобы использовать различные уловки, обман, а временами и насилие, чтобы заставлять европейские страны продавать свои товары в Германию, но при этом оставлять их кредиты, когда те накопятся, в Берлине <...> Мы не знаем, насколько далеко нас смогут завести эти идеи. Но мы полагаем, что они должны сработать в случае оккупированных стран⁵².

51. Шлоттерер, родившийся в 1906 г. в семье вюртембергского пекаря, еще в 1923 г. вступил в НСДАП, будучи восторженным молодым банковским служащим. Впоследствии он изучал науку бизнеса и написал докторскую диссертацию о марксистской экономике. Во время *Machtergreifung*'а (прихода нацистов к власти) он стал влиятельной фигурой в гамбургской политике и энергично осуществлял ранние мероприятия по ариизации, а в 1935 г. перешел в РМЭ. Начиная с 1938 г. он руководил торговой политикой министерства. После войны Шлоттерер сделал блестящую карьеру и хорошо заработал на международной торговле сталью, вернувшись в Дюссельдорф (где он умер в 1989 г). Buggeln, 'Währungspläne', 51.

52. Ibid., 61. Стоит отметить, что всего несколько месяцев спустя Шлоттерер, выступая перед той же аудиторией, откестился от своей драконовской риторики лета 1940 г. и поставил на первый план сотрудничество, а не господство. См.: BAL R8122125, 1–32.

Наилучшим показателем того, насколько успешной была циничная система Шлоттерера, служит гигантский дефицит, накопленный Германией к концу войны. Разумеется, в обычных обстоятельствах частные поставщики из Франции, Бельгии или Нидерландов не спешили бы снабжать товарами зарубежного клиента, у которого накопилось неоплаченных счетов на десятки миллиардов рейхсмарок. Но клиринговая система, созданная Рейхсбанком в 1930-х гг., умела устранять подобные препятствия. С иностранными экспортерами расплачивались не их немецкие клиенты, а центральные банки их собственных стран их же собственной валютой. После этого зарубежный центральный банк записывал дефицит на клиринговый счет в Берлине. Немцы получали товары, зарубежные поставщики своевременно получали за них деньги, но счета так и оставались неоплаченными. К концу 1944 г., по данным Рейхсбанка, Германия была должна участникам этой клиринговой системы почти 30 млрд рейхсмарок. 8,5 млрд рейхсмарок причитались Франции, крупнейшему торговому кредитору Германии. Почти 6 млрд рейхсмарок Германия задолжала голландцам. Долг Бельгии и Люксембургу составлял 5 млрд рейхсмарок, а задолженность перед Польшей достигала 4,7 млрд рейхсмарок⁵³.

Хотя эта система позволяла Германии жить с крупным торговым нетто-дефицитом — иными словами, импорт товаров и услуг в Германию не компенсировался германским экспортом, — было бы ошибкой полагать, что торговля в пределах нацистской империи велась в одну сторону. На самом деле немецкий экспорт на протяжении всей войны поддерживался на таком высоком уровне, что он создавал для страны неудобства. В этом отношении опыт Германии сильно отличался от опыта Великобритании. В течение всей войны чистый вклад иностранных государств в британскую и немецкую военную экономику был сопоставим, но Германия до самого конца войны экспортировала намного больше товаров, чем Великобритания. По отношению к уровню 1938 г. германский экспорт

53. Н. Berger and A. Ritschl, «Die Rekonstruktion der Arbeitsteilung in Europa: Eine neue Sicht des Marshallplans in Deutschland 1947–1951», *VfZ* 45 (1995), 495. Эти авторы также подчеркивают, что принципиальным аспектом послевоенной американской политики в Европе служило принятие мер к тому, чтобы эти долги были фактически списаны. Германия получала помощь по плану Маршалла в виде кредитов, имевших приоритет перед всеми прочими долгами страны. До тех пор пока США не требовали выплат по этим кредитам, клиринговые кредиторы Германии не имели возможности вернуть деньги, которые она задолжала им во время войны, и это позволило Западной Германии стать кредитоспособным торговым партнером, свободным от обязательств военного времени.

в 1942 г. вдвое превышал британский, а в 1943 г. — втрое⁵⁴. Это не обременяло бизнес. Напротив, немецкие экспортеры старались сохранить своих европейских клиентов и получали за счет зарубежной торговли огромные прибыли. Но для германской военной экономики каждая тонна вывезенных из страны товаров являлась чистым убытком. Экспорт сохраняли вследствие его функциональной и политической необходимости. Германия экспортировала товары своим союзникам с целью поддержать их военную экономику и уровень жизни их населения. По отношению к таким союзникам, как Румыния, Италия, Финляндия и Хорватия, и к таким важным нейтральным странам, как Швеция и Турция, Германия имела сбалансированное сальдо расчетов⁵⁵. В этом смысле торговые позиции Германии в 1940 г. претерпели резкое изменение. В то время как в 1930-е гг. Германия накопила непропорционально большой дефицит в торговле со своими сателлитами из Юго-Восточной Европы, теперь она платила за их лояльность и военную помощь соответствующим увеличением экспорта. Самый большой дефицит по клиринговым расчетам Германия накопила в торговле с оккупированными территориями на Западе. Лишь Норвегия и Генерал-губернаторство представляли собой исключение в качестве оккупированных территорий, в которые Германия поставляла больше товаров, чем получала от них, — это обстоятельство свидетельствовало о крайней уязвимости этих маленьких экономик перед блокадой и оккупацией. Но даже в тех случаях, когда Германия накопила крупный торговый нетто-дефицит, она продолжала, по крайней мере в некоторой степени, возмещать его посредством экспорта, и в первую очередь это относится к Франции. Германия поступала так не по политическим соображениям, а потому, что французская экономика, лишившись своих связей с Великобританией, была просто не способна функционировать в отсутствие импорта из Германии (ниже мы еще вернемся к этому моменту)⁵⁶.

Помимо реорганизации европейской торговли посредством клиринговой системы, другим ключевым элементом в программе подчинения европейской экономики служило проникновение немецкого капитала в предприятия Западной Европы.

54. Данные об объеме экспорта по отношению к 1938 г. взяты из: A. Maddison, *Dynamic Forces of Capitalist Development* (Oxford, 1991), 316–19.

55. Milward, *The New Order*, 283.

56. В то время как общий объем германского экспорта в 1942 г. был на 25% ниже уровня 1937 г., экспорт сырья и полуфабрикатов полностью восстановился и его доля в экспортной торговле возросла с 22% до 32%. См.: *Statistisches Handbuch von Deutschland* (Munich, 1949), 394–5.

Неудивительно, что активным участником этого процесса в качестве крупнейшей немецкой фирмы и ключевого игрока мировой химической промышленности являлась *IG Farben*. Она использовала свои давние контакты в международном лакокрасочном картеле для того, чтобы установить контроль над французской химической промышленностью через лакокрасочный трест *Franicolor*⁵⁷. Не меньшее значение имела полная экспроприация тяжелой промышленности Эльзаса и Лотарингии немецкими корпорациями. Фирмы, лишившиеся заводов в Лотарингии после того, как эта территория отошла к Франции согласно Версальскому договору, восстановили контроль над своей бывшей собственностью⁵⁸. Но речь шла не только о бывших немецких сталеплавильных заводах и шахтах. После 1940 г. ни одной французской фирме не было позволено иметь контрольные пакеты акций ни в одной отрасли немецкой промышленности, включая и предприятия в районах, незадолго до того аннексированных Рейхом. Хотя окончательное юридическое урегулирование было отложено до послевоенного времени, в Лотарингии развернулась гонка за захват крупных французских промышленных активов⁵⁹. Неудивительно, что главный приз — горнорудный и сталеплавильный конгломерат *de Wendel* — достался концерну *Reichswerke Hermann Göring*, а Флик был вознагражден за услуги, оказанные им Герингу, компанией *Rombacher Hütte*. Но другие претенденты на французские активы — в первую очередь *Röchling*, опора немецкого духа в Сааре, — были разочарованы. За пределами Лотарингии немцы не занимались сплошной экспроприацией частных активов, за исключением еврейской собственности, которая стремительно ариазировалась на всех оккупированных территориях. В частности, в Нидерландах это означало переход в немецкие руки значительной части розничной торговли и банковского сектора⁶⁰. Но евреям нигде не принадлежала сколько-нибудь значительная доля промышленного капитала. Те крупные промышленные фирмы, которые удалось захватить немцам, до оккупации либо кон-

57. P. Hayes, *Industry and Ideology: IG Farben in the Nazi Era* (Cambridge, 1987), 278–90. IMTVII. 1446–58, перевод док. NI-6840 и NI-11252, меморандум *Farben* от 7.08.1940.

58. Согласно договоренности с властями Рейха, достигнутой летом 1940 г., окончательное урегулирование вопросов собственности было отложено до послевоенного времени. См.: ВАН R131 607, 22–4.

59. G. Mollin, *Montankonzerne und «Drittes Reich»* (Göttingen, 1988), 220–51.

60. Общая стоимость активов, отобранных у нидерландских евреев, составляла 1 млрд гульденов, или примерно 1,3–1,5 млрд рейхсмарок, а стоимость производственных активов могла составлять примерно 300 млн гульденов: *Final Report of the Second World War Assets Contact Group* (Amsterdam, 2000).

тролировались государством, либо, подобно французской электротехнической фирме *Thomson's*, принадлежали иностранцам⁶¹. Установив «опеку» над иностранными паями, Германия взяла под свой контроль норвежскую алюминиевую промышленность и энергетическую отрасль⁶². В Нидерландах компания *Rheinmetall*, завладев государственными активами, стала хозяином двух крупнейших машиностроительных фирм, *NV Werkspoor* и *Staatlichen Artillerie Inrichtingen*. Немцы подчинили себе и *Algemeene Kunztzide Unie* (АКУ), нидерландскую фирму, выпускавшую синтетическое волокно⁶³. Напротив, крупнейшие нидерландские транснациональные корпорации — *Philips*, *Unilever* и *Shell* — избежали немецкого проникновения, переведя права собственности в офшорные учреждения. Вторжение немецкого капитала не приобрело значительных масштабов ни в Бельгии, ни в неоккупированной части Франции. Возможно, наиболее существенным было то, что уклониться от многочисленных германских посягательств сумел трансграничный сталеплавильный гигант *Arbed*, третий из монстров европейской тяжелой промышленности после *Vereinigte Stahlwerke* и *Reichswerke*⁶⁴. Эта фирма, господствовавшая в экономике Люксембурга, контролировалась бельгийскими акционерами, которых представлял могущественный бельгийский консорциум *Societe Generale de Belgique*. В итоге и Александр Галопэн, властный и уверенный в себе босс *Societe*, переиграл и *Reichswerke*, и *Vereinigte Stahlwerke*, и *Mannesmann*, и *Dresdner Bank*, и *Deutsche Bank*. После 1941 г. *Arbed* работала под пристальным надзором немцев, но оставалась независимой силой в европейской тяжелой промышленности.

Срыв планов немецкого капитала по захвату активов в покоренных Рейхом странах произошел по причине саботажа на местах, а также нежелания немцев подвергать собственность ев-

61. Фирма *Thomson's*, как и немецкая АЕГ, была давним деловым партнером американского концерна *General Electric*, и контроль над французской фирмой установила именно АЕГ. См.: H. Homburg, «Wirtschaftliche Dimensionen der deutschen Besatzungsherrschaft in Frankreich 1940–1944: Das Beispiel der elektrotechnischen Industrie», in W. Abelshauser, J.-O. Hesse and W. Plumpe (eds.), *Wirtschaftsordnung, Staat und Unternehmen: Neue Forschungen zur Wirtschaftsgeschichte des Nationalsozialismus* (Essen, 2003), 181–204.

62. R. Bohn, *Reichskommissariat Norwegen: «Nationalsozialistische Neuordnung» und Kriegswirtschaft* (Munich, 2000), 296–301.

63. Анализ ограниченного проникновения Германии в экономику Нидерландов см. в: G. Aalders, «Three Ways of German Economic Penetration in the Netherlands: Cloaking, Capital Interlocking and „Aryanization“», in Overy, Otto and Cate (eds.), *Die «Neuordnung» Europas*, 273–98, и L. Nestler (ed.), *Europa unterm Hakenkreuz: Die faschistische Okkupationspolitik in Belgien, Luxemburg und den Niederlanden (1940–1945)* (Berlin, 1990), 160.

64. Mollin, *Montankonzerne*, 245–9.

ропейских соседей экспроприации в «колониальном стиле». Но следует не забывать и про макроэкономический контекст. Как напомнил на совещании германских банкиров в октябре 1940 г. Йозеф Абс, ведущий директор *Deutsche Bank*, покупка крупных зарубежных активов сопряжена с экспортом капитала⁶⁵. В обычных обстоятельствах страна может осуществлять значительный чистый экспорт капитала лишь в том случае, если имеет профицит торгового баланса. Для того чтобы претендовать на обладание значительной частью западноевропейской экономики, Германия должна была перейти в экспортное наступление. Абс осенью 1940 г. допускал такую возможность, но лишь в случае существенного сокращения запросов военной промышленности. Иными словами, финансовой предпосылкой для действительно серьезного наступления капитала служил победоносный мир. Однако осенью 1940 г. расходы на вермахт и военно-экономические проекты ускорялись и Германия сознательно накапливала все более серьезный дефицит торгового баланса. Она не претендовала на западноевропейские экономики. Наоборот, это западноевропейские страны, перед которыми у Германии имелась крупная задолженность по клирингу, предъявляли ей все более серьезные претензии. Единственной причиной, по которой этот дефицит в миллиарды рейхсмарок не привел к долгам частных корпораций и к переходу немецких активов в руки иностранцев, как это происходило при Веймарской республике, являлось своеобразное устройство клиринговой системы. Задолженность по клирингу накапливалась не у частных фирм Германии, а у государства. Тем не менее она возрастала, и на более поздних этапах войны Рейхсбанк был так обеспокоен проблемой своих внешних обязательств, что даже серьезно рассматривал предложение, согласно которому Германии следовало погасить хотя бы часть своих долгов по клирингу, предложив своим западноевропейским торговым партнерам крупные пакеты акций⁶⁶. Иными словами, речь шла о том, чтобы покоренные территории стали пайщиками немецких предприятий, а не наоборот. Неудивительно, что эта идея была отвергнута. Но она свидетельствует о тщетности попы-

65. Document 124 в Opitz, *Europastrategien*, 794–9. Разумеется, этот аргумент относился к Германии в целом. Даже если страна накопила крупный дефицит торгового баланса, у отдельных фирм сохраняется возможность совершать приобретения за рубежом. Но в совокупности они не смогут этого сделать, если только не найдут альтернативные источники финансирования.

66. См. обсуждение клиринговой проблемы, состоявшееся во второй половине 1943 г., в: BAL R25016448, 6449.

ток предъявить права на обладание европейской экономикой в условиях гигантского дефицита торгового баланса.

Разумеется, Германия нашла способ построить квадратуру круга. Для того чтобы получить средства, необходимые и для существования в условиях крупного торгового дефицита, и для покупки зарубежных активов, ей нужно было только обложить оккупированные территории «репарациями». В конечном счете именно «репарации», а не долги по клирингу определяли перекачку ресурсов из оккупированных территорий в Германию. Поскольку после Версаля слово «репарации» было не в чести, а Германия не была заинтересована в заключении формальных мирных договоров до достижения полной победы, платежи в пользу Германии назывались платой за оккупацию, которая с лета 1940 г. взималась Германией на постоянной основе с Польши и всех западноевропейских государств⁶⁷. Германия, естественно, несла большие расходы на содержание гарнизонов в сотни тысяч солдат, размещенных по ее новой империи. И эти расходы стали быстро возрастать после того, как люфтваффе приступили к строительству военно-воздушных баз, а флот начал сооружение гигантских укрытий для подводных лодок на всем побережье Атлантического океана и Северного моря. В 1943 и 1944 гг. деньги потребовались и на строительство грандиозного Атлантического вала, призванного предотвратить вторжение союзников⁶⁸. Однако с самого начала было ясно, что суммы, которые Германия требовала с побежденных, далеко превосходили все, что могли тут же истратить военные. По оценкам французов, тех 20 млн рейхсмарок, которые они должны были выплачивать ежедневно, хватило бы на содержание армии в 18 млн человек. Даже с учетом того факта, что солдаты вермахта жили во Франции «как короли», на это не нужно было столько денег. Куда именно уходили эти гигантские средства, оставалось тайной даже для вермахта⁶⁹. Впрочем, ясно, что значительная часть этих денег использовалась для оплаты немецкого импорта и что более 1 млрд марок было израсходовано на покупку сырья и потребительских товаров на черном рынке⁷⁰. В любом случае, общие поступления, полученные Германией в качестве платы за оккупацию, были так велики, что

67. См. франко-немецкие переговоры, зафиксированные в: IMT XIII. 767–89.

68. О строительстве, которое велось вермахтом в Норвегии, см.: Bohn, *Reichskommissariat*, 355–76.

69. См. поразительную переписку, показывающую, какая неразбериха царила в немецких военных и гражданских учреждениях в 1942–1943 гг., в: IMT, *Nazi Conspiracy and Aggression* (Washington, 1946–7), IV, 1741-PS, 228.

70. IMT XII, NG-4526, выдержки из доклада Виля, 26.11.1942, 813–15.

они явно превышали даже огромный дефицит, накопившийся на клиринговых счетах.

Поскольку плата за оккупацию составляла непомерные суммы, немцы любезно намекнули Франции — своей самой главной жертве, — что с удовольствием возьмут в счет оплаты акции французских компаний по несколько сниженной цене. Если бы они настаивали на этом, то, несомненно, получили бы механизм полномасштабного перемещения капитала, но французы не откликнулись на предложение — по крайней мере в том, что касалось их фирм. Они неохотно согласились лишь на то, чтобы продать французские паи в предприятиях Восточной и Юго-Восточной Европы⁷¹. Еще с конца XIX в. индустриальное развитие Восточной Европы в большой степени финансировалось за счет французского капитала. Известно, что существенная часть этих инвестиций была потеряна из-за революции в России. Тем не менее в межвоенные годы французские банкиры продолжали владеть значительными, хотя в основном убыточными, паями в польской тяжелой промышленности, а также в Югославии и Румынии. К концу 1941 г. эти паи были переданы Германии в счет репараций. С немецкой точки зрения наибольшее значение имела крупная доля французов в румынской нефтяной промышленности, которая стала основой для нового германского «транснационального нефтяного гиганта», *Kontinentale Öl AG*⁷². Жизненно важное стратегическое значение имела и французская доля в югославском Борском руднике — крупнейшем в Европе месторождении меди. С 1939 г. французские паи использовались для того, чтобы искусственно ограничить поставки югославской меди в Германию. Теперь же рудник полностью перешел под контроль немцев. Однако во всех трех случаях в наибольшем выигрыше оказались не частные предприниматели. Реальной движущей силой германского корпоративного империализма в 1940-е гг. служили такие организации, как *Reichswerke Hermann Göring* или *Kontinentale Öl* — гибриды, предусматривавшие участие частного капитала, но находившиеся под контролем партийных функционеров, которым покровительствовал Герман Геринг⁷³.

71. Milward, *The New Order*, 97–100.

72. О приобретении французских паев в румынской нефтяной промышленности см.: Eichholtz, 1. 238, и Milward, *The New Order*, 96–8. Дискуссию о *Kontinentale Öl* с акцентом на ее серьезных амбициях в отношении Ближнего Востока см. в: T. Kockel, «Eine Quelle zur Vor- und Gründungs-geschichte der Kontinentale Öl AG aus dem Jahr 1940», *Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte*, 1 (2003), 175–208.

73. R. J. Overy, *War and Economy in the Third Reich* (Oxford, 1994), 144–74, 315–42.

ТАБЛИЦА 10. «Горе побежденным»

	Квартал	Оккупационный сбор, взимаемый с Франции, млн рейхсмарок	Увеличение излишка на французских кли- ринговых счетах, млн рейхсмарок
1940	III	249	
	IV	1510	43
1941	I	1208	76
	II	1295	146
	III	1331	262
	IV	1253	327
	I	1657	409
1942	II	1812	336
	III	2209	408
	IV	2194	555
	I	2645	769
1943	II	2240	908
	III	2418	845
	IV	2495	793
Итого		24516	5877

Источник: A. S. Milward, *The New Order and the French Economy* (Oxford, 1984), 279

IV

Победа над Францией сделала Германию серьезной силой на европейском материке. Однако сразу было ясно, что долгосрочные планы Рейха полностью зависели от окончательного исхода войны. В последние дни мая 1940 г., среди охватившей страну победной атмосферы, на Вильгельмштрассе были очерчены контуры будущего *Grossraum*, основанные на предположении, что Британская империя вскоре пойдет на мир. А на протяжении нескольких недель после крушения Франции Гитлер явно питал надежду на то, что Великобритания, потеряв своего главного союзника на материке, примет предложение Германии об имперском партнерстве. Британия сохранит свою империю, признав доминирование Германии на европейском материке, и это позволит Гитлеру наконец реализовать свои планы, изложенные им в *Mein Kampf*. Однако даже в отсутствие тако-

го решительного лидера, как Черчилль, британский кабинет едва ли когда-либо пошел бы на такое соглашение. Лондон, надевшийся на американскую поддержку, к концу мая 1940 г. уже решил отвергать любые предложения о мирных переговорах⁷⁴. Великобритания желала и впредь бороться с доминированием Германии в Европе и играть роль сборного пункта для всех антинацистских сил на материке. А сигналы, поступавшие из Вашингтона, были очень тревожными — по крайней мере в глазах немцев. По воле Рузвельта Америка сама осуществляла полномасштабную программу перевооружения, а 19 июля, объявив о своем выдвижении на третий срок, президент снова подчеркнул свою неизменную враждебность по отношению к Германии. Для озлобленных немецких дипломатов в Вашингтоне ситуация была ясна: «Как ставленник еврейства <...> Рузвельт хочет, чтобы Англия продолжала сражаться и затягивала войну <...> до тех пор, пока перевооружение Соединенных Штатов не развернется в полную силу...» «Никогда доселе ответственность Рузвельта за начало и продолжение войны не была более очевидной»⁷⁵. Последние заявления Рузвельта всего лишь подтверждали его роль как агента всемирного антигерманского еврейского заговора⁷⁶.

Столкнувшись с этим препятствием, Гитлер решил еще раз возобновить наступление. 12 июля он приказал, чтобы работа германской военной промышленности была направлена на усиление флота и люфтваффе — инструментов, необходимых для покорения Великобритании⁷⁷. До Вальтера Функа, боязливо-го главы гражданской экономической администрации, дошли вести о том, что любые разговоры о неминуемом конце войны и скором возвращении к условиям мирного времени преждевременны. К августу вермахт вдобавок к этому получил приказ готовиться к нападению на Советский Союз. Наряду с наращиванием военно-морских и воздушных сил укреплению отныне подлежала и армия. И именно в условиях ускорившегося перевооружения Геринг 26 августа 1940 г. издал указ с требованием о бо-

74. D. Reynolds, «Churchill and the British „Decision“ to Fight on in 1940: Right Policy, Wrong Reasons», in R. Langhorne (ed.), *Diplomacy and Intelligence during the Second World War* (Cambridge, 1985), 147–67; D. Reynolds, *The Creation of the Anglo-American Alliance 1937–41: A Study in Competitive Cooperation* (London, 1981), 88–108.

75. ADAP D X doc. 195, Беттихер и Томсен — А.А., 20.07.1940, 209–10, и doc. 199, меморандум Декхоффа, 21.07.1940, 213–14.

76. С точки зрения немецкого Министерства иностранных дел, эту роль подтверждали документы американского посольства, захваченные в Варшаве. См.: ADAP D X, doc. 252, меморандум Декхоффа, 20.07.1940, 287–96.

77. ВАМА RW19/164, а также ретроспективное изложение в: IWM EDS al 1492, Chef Wi Rue Amt, 20.08.1940, Aktennotiz.

лее интенсивной эксплуатации оккупированных территорий: «Выполнение заказов, выданных с целью дальнейшего ведения войны, делает политически необходимым планомерное использование мощностей и сырья на оккупированных западных территориях и приложение всех возможных усилий к поддержке производства вооружений и повышению боевого потенциала»⁷⁸.

По мере того как проходила летняя эйфория и приближалась осень, самые чувствительные барометры общественного мнения в мире — институт Гэллапа в США и гестапо в Германии — отмечали смену общественных настроений. К сентябрю гестапо докладывало о росте нетерпения среди германского населения, питавшего большие надежды на то, что победа на материке приведет к неминуемому концу войны с Британией. К октябрю оптимистическое нетерпение по всей Германии сменилось неуверенностью, обреченностью и нарастающим равнодушием⁷⁹. Наоборот, в США сотрудники института Гэллапа зафиксировали резкий рост уверенности общества в неизбежной победе Великобритании, произошедший между июнем и августом 1940 г.⁸⁰ Если сразу же после французского поражения среди американцев было примерно поровну тех, кто верил в тот и в другой исход войны, то к осени тех, кто ожидал британской победы, было втрое больше тех, кто ставил на Германию. Несмотря на триумф вермахта во Франции, британское упрямство выявило принципиальную проблему немецкой стратегии. Гитлер развязал войну с Великобританией, не имея четкого представления о том, как победить эту страну⁸¹. Превосходство вермахта было бесспорным. Но как его следовало употребить? Именно этот вопрос не давал покоя немецким стратегам в течение следующих двенадцати месяцев.

78. Milward, *The New Order*, 65.

79. В октябре 1940 г. гестапо зафиксировало резкое снижение уверенности в обществе по сравнению с августом того же года. См.: *Meldungen*, v. 1424–689. После того как разочарование, пришедшее со второй военной зимой, удалось преодолеть, уровень уверенности вновь резко подскочил в декабре. См.: *Meldungen* v. 1. 1808–77.

80. S. Casey, *Cautious Crusade: Franklin D. Roosevelt, American Public Opinion, and the War Against Nazi Germany* (Oxford, 2001), 26.

81. L. Gruchmann, *Der Zweite Weltkrieg* (Munich, 2nd edn., 1971), 77.

Британия и Америка: стратегическая дилемма Гитлера

В ИЮЛЕ 1940 ГОДА в отчаянной попытке склонить Советский Союз к тому, чтобы расторгнуть пакт с Германией, Черчилль приказал Стаффорду Криппсу, новому британскому послу в Москве, встретиться с советским диктатором. Сталин с ужасающей ясностью изложил Криппсу логику, которой он мотивировался, одиннадцатью месяцами ранее заключая договор с Гитлером. Цель СССР состояла в том, чтобы разрушить сложившееся в Европе соотношение сил, и в этом отношении пакт с Гитлером полностью оправдал ожидания. Когда же Криппс возразил на это, что союз Советского государства с Гитлером по сути уничтожил всякое равновесие в Европе и что теперь всему материку угрожает германская гегемония, Сталин отрезал: «Я не столь наивен, чтобы верить отдельным устным заявлениям отдельных руководителей относительно их нежелания господствовать в Европе и во всем мире <...> Я знаю, что у них нет сил для господства во всем мире <...> Для того чтобы господствовать в Европе, надо иметь господство на морях, а такого господства у Германии нет...»¹. Безусловно, Сталин был прав². Победы Германии на Западе до основания потрясли баланс сил в Европе, но какие-либо разговоры о немецкой гегемонии были преждевременными. Каким бы отчаянным ни выглядело положение Великобритании летом 1940 г., Третий рейх еще не закончил войну и не выиграл ее.

Дальновидные наблюдатели из всех лагерей в 1930-е гг. старались избежать крупной войны именно потому, что не видели, какую пользу может принести подобный конфликт хоть

1. И. В. Сталин, «Прием английского посла С. Криппса 1 июля 1940 года», в: И. В. Сталин, *Сочинения*. Т. 18 (Тверь, 2006), 193, 191. См. также: S. Pons, *Stalin and the Inevitable War, 1936–1941* (London, 2002), 202–3.

2. По иронии судьбы, на аналогичную позицию встал генерал Франко, когда немцы в январе 1941 г. настаивали на том, чтобы он вступил в войну. См.: I. Kershaw, *Hitler 1936–1945: Nemesis* (London, 2000), 330.

какой-либо из европейских держав. Его самым вероятным исходом был бы кровавый тупик, который бы привел лишь к уничтожению всех участвующих в конфликте сторон. Но они ошибались в отношении природы сухопутных сражений. То, что Франция была разбита всего за несколько недель, стало для всех ошеломляющим сюрпризом. Тем не менее к осени 1940 г. война действительно зашла в тупик. Великобритания и Германия противостояли друг другу, но ни у той ни у другой стороны не имелось оружия, которое бы принесло ей решительную победу. Британия оказалась в губительной ситуации. Для того чтобы остаться великой державой, она должна была продолжать войну. Однако она могла это сделать, лишь отдавшись на милость Соединенным Штатам³. Положение Германии, несомненно, было намного более предпочтительным. Но после того, как Рузвельт уверенно победил на выборах в ноябре 1940 г. и англо-американский альянс начал принимать конкретные очертания, перед Третьим рейхом тоже встала острая стратегическая дилемма⁴. В краткосрочном плане ни Британия, ни Америка не представляли собой непосредственной военной угрозы для Германии. Но в среднесрочном плане их громадный экономический потенциал делал их такими врагами, к которым следовало относиться в высшей степени серьезно.

I

Для того чтобы начать вторжение в Великобританию, Германия должна была установить господство над Ла-Маншем — в море и в воздухе. Несмотря на эйфорию, последовавшую за победными парадами в июле 1940 г., эти принципиальные условия британского поражения так никогда и не были выполнены⁵. За всю войну Германии ни разу не удалось собрать морские или воздушные силы, необходимые для господства над Британскими

3. D. Reynolds, «1940: Fulcrum of the Twentieth Century?», *International Affairs*, 66 (1990), 325–50.

4. Мнениями, изложенными в этом разделе книги, я в высшей степени обязан монументальной работе А. Hillgruber, *Hitlers Strategie* (Frankfurt, 1965) — она основана на докторской диссертации профессора. Одним из самых неприятных побочных эффектов печально известного раскола в среде немецких историков по вопросу уникальности холокоста (*Historikerstreit*) является то, что в его тени остался колоссальный вклад, который профессор Хильгрубер внес в наши представления о Третьем рейхе. Вслед за Гетцем Али я с удовольствием признаю этот долг. См.: Aly, *Endlösung: Völkerverschiebung und der Mord an den europäischen Juden* (Frankfurt, 1995), 448.

5. DRZW 2. 368–74.

островами, хотя недостатка в таких попытках не было. Такая задача просто превышала индустриальные возможности Германии. Особенно остро это ощущалось в том, что касалось флота. В сентябре 1939 г. разрыва между британской и германской военно-морской мощью хватило для того, чтобы внушить адмиралу Редеру самоубийственные настроения. После потерь, понесенных в ходе норвежской кампании, ситуация еще больше ухудшилась. Германский флот заплатил непомерную цену за поставки железной руды из Швеции⁶. В первый же день операции «Везерюбунг» немцы самым позорным образом пострадали от действий гарнизона Осло: их новейший тяжелый крейсер «Блюхер» был потоплен с помощью древней береговой батареи, в уже подержанном виде приобретенной у Круппа. После этого британский Королевский флот уничтожил целую флотилию из десяти современных эсминцев, доставивших германский десантный отряд во фьорды Нарвика. Наконец, Редер послал в норвежские воды еще два тяжелых крейсера — «Гнейзенау» и «Шарнхорст», — и они были выведены из строя британскими торпедами. В придачу к потоплению «карманного линкора» «Граф Шпее» эти потери обескровили германский флот. К июню 1940 г., когда немецкая армия маршировала по Франции, надводный флот был ликвидирован как значимый фактор боевых действий. Когда настало время задуматься о возможности вторжения через Ла-Манш, адмирал Редер мог выделить на защиту десанта только один тяжелый крейсер, два легких крейсера и четыре современных эсминца. Напротив, один только британский флот метрополии располагал 5 линкорами, 11 крейсерами и силами быстрого реагирования в составе не менее 30 эсминцев, располагавшимися неподалеку от возможных пунктов вторжения, и это была лишь небольшая часть британских военно-морских сил⁷. Даже в самые тревожные месяцы лета 1940 г. адмиралтейство держало не менее половины флота в Гибралтаре, готовясь скорее к наступательным операциям против итальянцев, чем к отражению такого невероятного события, как вторжение немцев.

Летом 1940 г. адмирал Редер и кригсмарине все же активизировал разработку планов по строительству нового поколения гигантских линкоров⁸. Но для того чтобы эти планы принес-

6. M. Salewski, *Die deutsche See kriegs leitung 1935–1945* (Frankfurt, 1970), I. 175–207; DRZW 2. 224. Стратегические последствия этих событий освещаются в: G. L. Weinberg, *A World at Arms: A Global History of World War II* (Cambridge, 1994), 117–18.

7. Hillgruber, *Hitlers Strategic*, 168, 79–80.

8. Weinberg, *World at Arms*, 175–82.

ли плоды, требовались годы, а с учетом первоначального подавляющего преимущества, имевшегося у Великобритании, они лишь отвлекали силы от основной цели. Как должно было быть ясно с самого начала, единственная надежда Германии на то, что удастся подорвать господство Королевского флота, заключалась в систематическом проектировании и строительстве того, что британские военно-морские стратеги называли «придурковатым» флотом («freak» fleet)⁹. Помимо подводных лодок, важнейшим компонентом таких нетрадиционных сил должно было стать значительное число сверхбыстроходных крейсеров, предназначенных специально для того, чтобы отвлекать на себя внимание громоздких боевых групп Королевского флота и рассеивать их. С учетом того, что конструкция подводных лодок слабо изменилась со времен Первой мировой войны, считалось, что одних лишь подводных лодок будет недостаточно для достижения успеха. К 1940 г. возможность сосредоточить силы на строительстве крейсеров была упущена. Однако в то же время захват берегов Северного моря и Атлантики создал новые оперативные возможности для германского флота. Поэтому следует задаться вопросом: почему Германия летом 1940 г. не развернула широкую кампанию с участием подводного флота?¹⁰ Черчилль, безусловно, считал «волчьи стаи», бесчинствующие на трансатлантических линиях снабжения, самой серьезной угрозой для выживания Британии. В Берлине за использование подводных лодок последовательно выступал адмирал Карл Дениц, командующий немецким подводным флотом и фанатичный национал-социалист.

В начале войны Великобритания располагала торговым флотом общим тоннажем не менее чем в 18 млн тонн и имела возможность зафрахтовать еще миллионы тонн. Британские верфи были способны ежегодно увеличивать тоннаж флота еще на миллион тонн с лишним, и еще больше можно было заказать в США. По подсчетам Деница, для достижения решающего успеха в борьбе с этими судоходными мощностями его подводники должны были уничтожать не менее 600 тыс. тонн тоннажа в месяц в течение по крайней мере года. Для того чтобы «поставить Англию на колени», Германии следовало иметь не менее 300 подводных лодок с тем, чтобы в любой конкретный момент в Северной Атлантике действовали 100 из них. Но это, как и любая другая стратегия, требовало ресурсов и вре-

9. J. A. Maiolo, *The Royal Navy and Nazi Germany, 1933–1939: A Study in Appeasement and the Origins of the Second World War* (Basingstoke, 1998), 66–74.

10. Дальнейшее основывается на: DRZW 2. 182–5, 345–8.

мени. Германский флот начал войну, имея всего 57 подводных лодок, из которых 32 были способны действовать в Атлантике. После того как в начале сентября был отменен План «Z», флот сделал все, чтобы приспособиться к новым реалиям. 10 октября 1939 г. Редер представил Гитлеру план строительства 658 подлодок, чего с учетом потерь хватало для того, чтобы к концу 1942 г. достичь поставленной Деницем цели. Стоимость каждой подлодки была ничтожной по сравнению со стоимостью одного линкора — от 2 до 4 млн рейхсмарок за одну субмарину, в то время как строительство линкора класса «Бисмарк» обошлось бы более чем в 200 млн рейхсмарок¹¹. Тем не менее строительство сотен подводных лодок представляло собой серьезное начинание. Помимо первоначальных затрат в миллиарды рейхсмарок, подлодкам требовалось непропорционально много дефицитных материалов, в частности меди и резины, при том что Германия особенно сильно нуждалась и в том и в другом в первую военную зиму¹². Более того, чрезвычайно сложной задачей стало строительство бетонных сооружений, требовавшихся для такого большого подводного флота. Готовясь к нападению на Францию, Рейх не мог себе позволить выполнение подобных долгосрочных программ. Основное внимание следовало уделять удовлетворению непосредственных потребностей армии и люфтваффе. Из-за нехватки рабочей силы и сырья с сентября 1939 г. по июнь 1940 г. было построено всего 20 подводных лодок. По причине стабильного уровня потерь число подлодок, реально способных действовать в Атлантике, к лету 1940 г. сократилось до 25. К марту 1940 г. эти ничтожные силы ухитрились нанести британскому судоходству потери в объеме почти 680 тыс. тонн¹³. Но для британского флота это был лишь небольшой укус.

В июле 1940 г. Гитлер ненадолго объявил наиболее приоритетной из всех военных программ программу строительства

11. На строительство «Бисмарка» было потрачено 196,8 млн рейхсмарок, а каждая подводная лодка обходилась в сумму от 2,4 до 4,3 млн рейхсмарок: A. Meyhoff, *Blohm & Vossim «Dritten Reich»* (Hamburg, 2001), 139–49. На конец 1943 г. стоимость крупных подлодок, выпускавшихся небольшими партиями, составляла 7,5 млн рейхсмарок за штуку, а стандартных подлодок типа VII–C, выпускавшихся в массовом количестве, — 2 млн рейхсмарок: E. Rössler, *Geschichte des deutschen U-Bootsbaus* (Augsburg, 1996), 170, 218.

12. Программа строительства подводных лодок требовала, чтобы флоту выделялось втрое большее количество резины. См.: Salewski, *Die deutsche Seekriegsleitung*, I. 131.

13. Краткое резюме битвы за Атлантику см. в: W. Murray and A. R. Millett, *A War to be Won: Fighting the Second World War* (Cambridge, Mass., 2000), 234–61.

подводных лодок¹⁴. Верфи, на которых строились подлодки, получили десятки тысяч тонн стали — которые должны были пойти на производство боеприпасов для армии. Предполагалось довести уровень строительства до 25 подлодок в месяц. Но флот недолго наслаждался такой щедростью. К осени 1940 г. первоочередными вновь были признаны потребности армии и с июня 1940 г. по март 1941 г. реально было построено всего 72 субмарины, большинство из которых использовались для обучения моряков. Число подлодок, действующих в Атлантике, продолжало снижаться — в феврале 1941 г. их было всего 22¹⁵. Но и этот флот благодаря растущему опыту и удаче производил ужасные опустошения: общий тоннаж британских судов, потопленных им с июня 1940 г. по март 1941 г., составил более 2 млн тонн. Весной 1941 г., незадолго до того, как в морскую войну решительно вмешались США, на какое-то время создалось впечатление, что британские линии снабжения окажутся перерезаны. Однако благодаря овладению секретами немецкой шифровальной машины «Энигма», новой агрессивной конвойной тактике и росту помощи со стороны американцев положение вскоре изменилось не в пользу немецких подводников. К лету 1941 г. потери британского судоходства благополучно снизились до уровня менее 100 тыс. тонн в месяц. Этого было совершенно недостаточно для достижения быстрого результата. И в конечном счете в первую очередь против стратегии подводной войны работал фактор времени¹⁶. По оценкам, сделанным Деницем на волне оптимизма в летние месяцы 1940 г., имея полноценный подводный флот, он мог бы осуществить изоляцию Британии к осени 1941 г.¹⁷ После этого потребовалось бы еще много месяцев для того, чтобы уморить британцев голодом. Это совсем не устраи-

14. Müller in DRZW 5/1. 502–22. Признаком злободневности служит тот факт, что этот шаг замыслился уже 23 мая 1940 г., всего через две недели после начала наступления во Франции. См.: ВАМА RW19/164, 88.

15. DRZW 6. 313–36.

16. Hillgruber, *Hitlers Strategie*, 159–62.

17. В качестве более реалистичного срока, необходимого для строительства и введения в строй более крупного подводного флота, называлась цифра в 2 года. См.: W. Rahn, «Strategische Optionen», in B. Thoss and H.-E. Volkmann (eds.), *Erster Weltkrieg: Zweiter Weltkrieg* (Paderborn, 2002), 235. В октябре 1939 г. военно-морские планировщики, рассчитывавшие довести объемы строительства подлодок до 29,3 штук в месяц и прогнозировавшие месячные потери на уровне всего в 10%, предполагали, что цель будет достигнута не ранее конца 1943 г. См.: A. Niestle, «Wechselwirkung», in Thoss und Volkmann, *Erster Weltkrieg*, 249. В реальности благодаря активному строительству и более низким потерям по сравнению с ожидавшимися Дениц довел общую численность подлодок до 346 штук уже к августу 1942 г., но сумел развернуть в Атлантике намного меньшую их долю, чем ожидалось.

вало Гитлера. Он стремился закончить войну в намного более короткие сроки. Летом 1940 г. стоявшая перед Германией стратегическая дилемма заключалась не только в том, как победить Великобританию. Проблема состояла в том, каким образом нейтрализовать ее до того, как Америка успеет решительно вмешаться в войну на ее стороне. Несомненно, наиболее прямой подход к этой проблеме заключался в том, чтобы с помощью подводных лодок перерезать пуповину между Англией и Америкой. Но эта стратегия требовала времени, а кроме того, она была сопряжена с наибольшим риском того, что Америка обрушится на Германию всей своей мощью.

С тем чтобы быстро сломить Великобританию без дальнейшего обострения отношений с Соединенными Штатами, Гитлер обратился к люфтваффе. Согласно высокопарной риторике Черчилля, сражение между люфтваффе и Королевскими ВВС в августе и сентябре 1940 г., представляло собой решающий поворотный момент войны¹⁸. Но в ретроспективе такая оценка представляется крайне однобокой. Еще до «Дня орла» (*Adlertag*) — 13 августа, когда официально началось немецкое воздушное наступление, — силы люфтваффе были серьезно истощены¹⁹. Как уже упоминалось, операция во Франции обошлась люфтваффе почти в 30% их первоначальной численности. А высокий уровень потерь в истребительной авиации сохранялся на протяжении всего лета. Самолеты можно было заменить, а пилотов — нет. Первоначально германское воздушное наступление стало для Британии суровым испытанием. В последние дни августа численность британских летчиков-истребителей сократилась до критически низкого уровня. Но люфтваффе не хватало материальных ресурсов для нанесения смертельного удара. И в этом нельзя обвинять какие-либо конкретные провалы в германском планировании или военных приготовлениях. Для того чтобы люфтваффе могли выполнить поставленную перед ними задачу, им требовался намного более многочисленный и мощный флот бомбардировщиков и множество истребителей сопровождения с большим радиусом действия. Как показали великие дневные сражения 15 августа и 15 сентября 1940 г., те истребители сопровождения, которые имелись у люфтваффе, были безнадежно неадекватны для этой работы. Потери среди сил люфтваффе, прибывших 15 августа из Норвегии, составили 20%. Судя по опыту

18. D. Reynolds, *In Command of History: Churchill Fighting and Writing the Second World War* (London, 2004), 184–9.

19. Указанием на этот ключевой момент мы обязаны работе: W. Murray, *Luftwaffe* (London, 1985), 69–107.

бомбардировочного командования Королевских ВВС, для эффективных ночных бомбардировок Герингу потребовался бы огромный флот тяжелых бомбардировщиков. В 1938 г. Рейхсминистерство авиации выдвинуло требование о получении к 1941–1942 гг. флота из 500 He-177²⁰. Но конструкция этого бомбардировщика содержала в себе технические изъяны. И даже если бы их удалось устранить, 500 самолетов к 1941–1942 гг. были бы уже как мертвому припарки. Многие говорились о разном уровне производства самолетов в Германии и Великобритании в критические месяцы «Битвы за Британию». Во второй половине 1940 г. отчаянные усилия со стороны британцев позволили им выпускать вдвое больше истребителей по сравнению с немцами, что, несомненно, делало положение Королевских ВВС более устойчивым²¹. Но это обстоятельство едва ли имело решающее значение для победы. Принципиальный момент сводился к простому факту: в 1940 г. ни Британия, ни Германия не обладали технологиями и не мобилизовали ресурсы, необходимые для обеспечения подавляющего воздушного превосходства, которое бы дало реальную возможность вторжения через Ла-Манш.

Таким образом, к сентябрю 1940 г. перед Гитлером стояла реальная стратегическая дилемма. Германская армия зарекомендовала себя в качестве чрезвычайно эффективной силы, но это не относилось к флоту и люфтваффе. Германия не могла использовать свое самое мощное оружие против Великобритании. Разумеется, положение британцев было намного более серьезным. Армия осталась без оружия. Королевский флот и Королевские ВВС отвечали главным образом за оборону. Тем не менее Великобритания по-прежнему представляла собой угрозу для Третьего рейха. Блокада, осуществляемая Королевским флотом, по-прежнему болезненно сказывалась на состоянии германского континентального *Grossraum*²². С тем чтобы нанести удар по самой Германии, британцы осенью 1940 г. приступили к решению такой грандиозной задачи, как строитель-

20. L. Budrass, *Flugzeugindustrie und Luftrüstung in Deutschland* (Düsseldorf, 1998), 557–62; R. J. Overy, «From „Uralbomber“ to „Amerikabomber“: The Luftwaffe and Strategic Bombing», *Journal of Strategic Studies*, 1 (1978), 154–78.

21. См. данные о производстве одномоторных и двухмоторных самолетов в: British Bombing Survey Unit, *The Strategic Air War Against Germany 1939–1945* (London, 1998), 100.

22. Британское министерство военной экономики с поразительной точностью предсказывало, что «во второй половине 1941 г. сырьевая блокада может привести к серьезным последствиям» для германской и итальянской экономики. Но никто этому не поверил: W. N. Medlicott, *The Economic Blockade* (London, 1952), I. 415–21.

ство воздушного флота из тяжелых бомбардировщиков, с помощью которых Черчилль надеялся «распылить всю индустрию и научную структуру, от которых зависят военное производство и экономическая жизнь противника...»²³. По оценкам Королевских ВВС, для достижения этой цели им потребовалась бы воздушная армия численностью не менее чем в 4 тыс. средних и тяжелых бомбардировщиков, что было в четыре раза больше, чем смог бросить Гитлер на Британию в 1940 г.²⁴ В том году никто еще не думал о неминуемом британском возвращении в Европу. Вопреки более поздней легенде, Черчилль не мечтал о дне «D». Но произошедшее в июне 1940 г. вступление Италии в войну по крайней мере позволило задействовать сухопутные войска Британской империи против «мягкого подбрюшья» стран Оси. К концу января 1941 г. силы Британской империи разбили итальянскую колониальную армию в Северной Африке и готовились к овладению всем южным берегом Средиземного моря²⁵. Спустя месяц они завершили завоевание итальянских владений в Восточной Африке. Эфиопия была избавлена от кровавого режима, установленного в ней итальянскими завоевателями в 1936–1938 гг. Вмешательство Германии в апреле 1941 г., когда Эрвин Роммель взял под свое начало объединенные германские и итальянские силы в Триполи, снова склонило чашу весов на сторону Оси. Кроме того, вермахт выбил британцев из Греции и захватил Крит при помощи впечатляющего парашютного десанта. Но в стратегическом плане эти триумфы стран Оси были менее значительными, чем подавление британцами в мае — июле 1941 г. инспирированного немцами восстания в Ираке и изгнание ими из Сирии сил правительства Виши. В военном плане эти боевые действия имели сравнительно незначительные масштабы. Но они устранили возможность того, что итальянские, французские и бельгийские колонии в Африке объединятся в единую нацистскую империю, и позволили укрепить британские позиции в жизненно важной зоне Суэцкого канала. Пока Британия контролировала обе стороны Индийского океана, европейская империя Германии и японские владения на Дальнем Востоке оставались изолированными друг от друга. Это, в свою очередь, позволило Рузвельту объявить, что подходы к Суэцкому каналу не являются зоной военных действий, и тем самым устранить юридические препятствия, мешавшие

23. Reynolds, *In Command*, 175.

24. M. M. Postan, *British War Production* (London, 1952), 123–6.

25. Weinberg, *World at Arms*, 205–34.

американцам своими силами снабжать войска Британской империи в Египте.

Разумеется, никто не воображал себе, что эти успехи обещают неминуемую победу. Но Великобритания все больше укреплялась в решимости продолжать войну. Для Гитлера же это создавало принципиальную стратегическую проблему. Пока Британия продолжала воевать, у Соединенных Штатов имелись возможности для того, чтобы обратить свою грандиозную индустриальную мощь против нацистской Германии.

II

Но летом 1940 г. это могло казаться отдаленным будущим. Все внимание было приковано к германским войскам, идущим маршем по Елисейским полям. Однако, если посмотреть на ситуацию из начала XXI в., германские триумфы 1940 г. представляются менее значительными, чем те решения, к которым они привели в Вашингтоне. Администрация Рузвельта, встревоженная стремлением Германии подорвать европейское равновесие, при поддержке большинства конгрессменов предприняла срочные меры к превращению Соединенных Штатов в ту крупнейшую военную сверхдержаву, какой они остаются и по сей день. События развивались быстро. 16 мая 1940 г., через три дня после того, как танковая группа Клейста прорвалась к Маасу, президент Рузвельт выдвинул в конгрессе предложение о создании крупнейшего в мире военно-промышленного комплекса — производственной базы, способной дать Соединенным Штатам не менее 50 тыс. самолетов в год²⁶. Рузвельт взял эту цифру с потолка и было непонятно, каким образом достичь ее на практике. Но смысл его слов был ясен. Люфтваффе и Королевские ВВС даже в самых смелых фантазиях никогда не предполагали строить самолеты в таких масштабах. Цифра в 50 тыс. самолетов в год представляла собой не столько цель планирования, сколько декларацию американского индустриального могущества. Всего лишь спустя несколько недель конгресс одобрил Закон о флоте двух океанов, заложивший основы для строительства огромного авианосного флота, до сих пор позволяющий США являть свою силу во всех уголках земного шара. Осенью за этими мерами последовало беспрецедентное учреждение воинского призыва в мирное время, цель которого состояла в по-

26. I. B. Holley, *Buying Aircraft: Materiel Procurement for the Army Air Forces* (Washington, 1964), 209–28.

лучении обученных вооруженных сил численностью в 1,4 млн человек²⁷. К 1941 г. Америка, еще не вступив в войну, производила почти столько же оружия, как Великобритания или Германия, и в то же время испытывала первый устойчивый прирост гражданского потребления с конца 1920-х гг.²⁸

С точки зрения Германии зловещим во всем этом было то, что эти силы, накапливавшиеся в огромном количестве, в конечном счете предназначались для действий по другую сторону Атлантики, где должны были поддержать Великобританию в ее войне против Гитлера²⁹. Готовность Британии по-прежнему оказывать противодействие Германии существенным образом опиралась на убежденность в том, что из США в больших масштабах будет поступать материальная помощь. Разумеется, на первых порах Великобритания должна была платить. В отличие от Германии, она не была банкротом. В 1939 г. она оставалась крупным международным кредитором, и ее зарубежные активы оценивались примерно в 5 млрд долларов (15–20 млрд рейхсмарок) — этого хватило бы для того, чтобы закупить за рубежом столько же оружия, сколько в Германии его производилось за год. Но для победы над Германией Великобритании этого явно было недостаточно³⁰. Поэтому британская стратегия, как заявил Рузвельту Черчилль, основывалась на том, что Британия будет платить столько, сколько сможет, но «когда мы уже не сможем вам платить, вы все равно будете нас снабжать». Вероятно, не следует удивляться тому, что Рузвельт ничего не ответил на это смелое постулирование британской зависимости от Америки. Все еще слишком хорошо помнили, каким болезненным был вопрос о долгах, накопленных в ходе Первой мировой войны³¹. Великобритания полностью истощила свои финансы, прежде чем конгресс весной 1941 г. отрыл шлюзы ленд-лиза. Поэтому у Лондона имелись все основания нервничать. Но игра Черчилля явно основывалась на принципиально верных стратегических оценках. Рузвельт не позже ноября 1938 г. принял

27. H. C. Thomson and L. Mayo, *The Ordnance Department: Procurement and Supply* (Washington, 1960), 24–5.

28. В отношении того, что произошло с американским потреблением после вступления США в войну, мнения расходятся, но бесспорно то, что в 1940 и 1941 г. перевооружение способствовало росту американского уровня жизни. H. Rockoff, «The United States», in M. Harrison (ed.), *The Economics of World War II* (Cambridge, 1998), 91.

29. О реакции Берлина на заявления Рузвельта по поводу перевооружения см.: S. Friedländer, *Prelude to Downfall: Hitler and the United States 1939–1941* (London, 1967), 94–7.

30. H. D. Hall, *North American Supply* (London, 1955), 128–9.

31. P. Clavin, *The Great Depression in Europe* (Basingstoke, 2000), 154–7.

решение о том, что Америка должна внести серьезный вклад в воздушное сдерживание Германии³². К осени 1940 г. подавляющее большинство американцев было уже несложно убедить в том, что они заинтересованы в выживании британцев. В ноябре Рузвельт после своего триумфального переизбрания от имени Америки открыто обязался оказывать Великобритании «любую помощь, за исключением участия в войне». Сражаться должны британцы, но американцы обеспечат их «всеми необходимым для этого дела».

При всех политических сложностях, встававших в связи с англо-американским союзом, общий объем зарубежных ресурсов, на которые Великобритания могла опираться в трудные для нее 1940 и 1941 гг., оставался весьма значительным, и этот факт слишком часто игнорируется при сравнении относительного уровня германской и британской мобилизации на ранних этапах Второй мировой войны³³. При всех словах Черчилля о «крови, поте и слезах» Великобритания так никогда и не догнала Германию по уровню мобилизации внутренних ресурсов³⁴. Быстро преодолеть отставание от германской военной промышленности Великобритании в первые годы войны позволила готовность, с которой ей подставили плечо ее заморские владения и Соединенные Штаты. В 1940 г. снабжение британских войск вооружением не менее чем на треть осуществлялось за счет импорта из-за рубежа, оплачивавшегося либо наличными, либо за счет займов. Напротив, Германия, контролировавшая всю Западную Европу, столкнулась с серьезными трудностями при мобилизации покоренных территорий в военных целях. Сводные макроэкономические показатели не слишком помогут нам при поиске объяснения, почему Германия смогла победить Францию в мае 1940 г.³⁵ Но они, несомненно, помогут нам понять, почему Великобритания продолжала сражаться, лишив Гитлера шансов на то, что ошеломляющая молниеносная победа во Франции выльется в решительное и победоносное окончание войны³⁶.

32. То, что Рузвельт уделял повышенное внимание вопросу о поставках самолетов, четко показано в: D. Reynolds, *From Munich to Pearl Harbor: Roosevelt's America and the Origins of the Second World War* (Chicago, 2001), 43–6.

33. Внешнее содействие не упоминается ни в В. Н. Klein, *Germany's Economic Preparations for War* (Cambridge, Mass., 1959), 96–101, ни в Müller, in DRZW 5/1. 523–6.

34. М. Harrison, «Resource Mobilization for World War II», *Economic History Review* (1988), 184.

35. На этот момент настойчиво указывается в: Harrison, *The Economics of World War II*, 1–8.

36. См. точку зрения свидетеля этих событий в: G. Crowther, *Ways and Means of War* (Oxford, 1940). Эта чрезмерно оптимистическая стратегическая оценка, требовавшаяся для укрепления морального духа, тем не менее имела

В отчаянные летние месяцы 1940 г. безоруженная британская армия была переоснащена старинными винтовками 1918 года выпуска, пулеметами и пушками из американских запасов. В августе британские конвойные силы были укреплены благодаря заключению знаменитой сделки «эсминцы в обмен на базы»³⁷. США предоставили Великобритании 50 эсминцев времен Первой мировой войны в обмен на военно-морские базы на Ньюфаундленде, в Карибском бассейне и на британских островах в Атлантике. Но гораздо меньшее внимание уделяется масштабу того, как совместное англо-американское планирование начало выходить за рамки этих чрезвычайных мер. Еще летом 1940 г. британцы и американцы сделали первые шаги в сторону согласованной стратегии победы над Германией в воздушной войне, договорившись о совершенно беспрецедентном увеличении объемов производства самолетов и авиационных двигателей³⁸. По причине общей неопределенности, окружавшей англо-американские отношения на этом раннем этапе, эти переговоры проходили в тайне и были ограничены техническими вопросами. Но они принесли обильные плоды, о чем неумолимо свидетельствуют цифры производства самолетов. Резкий прирост американского производства самолетов начиная с последнего квартала 1941 г., решительно изменивший баланс не в пользу люфтваффе, невозможно объяснить исключительно ссылкой на увеличение производственных мощностей, которое должно было начаться самое позднее осенью 1940 г., задолго до объявления о ленд-лизе, не говоря уже о Перл-Харборе³⁹. И этот упор на воздушную войну не был случайностью. Как мы уже видели, авиационное производство составляло самое ядро

такую надежную основу, как понимание британских макроэкономических преимуществ.

37. Hall, *North American Supply*, 131–45.

38. Ibid., 146–203. Рейнольдс в своей хрестоматийной работе о становлении англо-американского альянса недооценивает то долгосрочное значение, которое имели для промышленности эти переговоры о развитии авиационного производства. См.: D. Reynolds, *The Creation of the Anglo-American Alliance 1937–41: A Study in Competitive Cooperation* (London, 1981), 108–32. Автор работы Friedländer, *Prelude*, 121, написанной с немецкой точки зрения, воздает им должное в большей степени.

39. С последнего квартала 1940 г. по последний квартал 1941 г. выпуск боевых самолетов в США утроился, составив более 600 штук в месяц. К третьему кварталу 1942 г. он удвоился, составив 1200 штук в месяц. Поскольку на заключение контракта и строительство функционирующего авиазавода требовалось как минимум 12 месяцев и еще самое меньшее шесть месяцев уходило на превращение сырья в готовые самолеты, решение об этом приросте производства могло быть принято самое позднее летом 1940 г. Цифры приводятся по: British Bombing Survey Unit, *The Strategic Air War*, 100.

современного военно-промышленного комплекса. Не случайно и то, что в контролируемой нацистами Европе именно люфтваффе шли в авангарде попыток мобилизовать экономику оккупированных стран⁴⁰. Но несмотря на то, что обе стороны руководствовались одной и той же логикой, различие в масштабах имевшихся у них возможностей было весьма поразительным.

Ключевое значение для обеих сторон имела Франция. В качестве третьей индустриальной экономики Европы она обладала значительными мощностями по производству самолетов и авиадвигателей и потенциально была способна выпускать тысячи самолетов. Но в 1939 г. французская стратегия, как и британская, опиралась на усиление отечественных ВВС путем заказа большого числа самолетов в США. В июне 1940 г., после падения Франции, французские авиазаводы достались Германии. Что касается французских заказов в США, то их унаследовала Великобритания. В сочетании с заказами, размещенными самой Британией после начала войны, Лондон к концу июня 1940 г. ожидал доставки из США не менее 10800 самолетов и 13 тыс. авиационных двигателей в течение следующих 18 месяцев⁴¹. Кроме того, в самой Великобритании за это время было бы выпущено 15 тыс. военных самолетов. В то же время британское Министерство авиационной промышленности вело с американцами переговоры о поставке еще многих тысяч машин. Для сравнения отметим, что общее производство самолетов в Германии составляло в 1940 г. всего 10 826 штук, а в 1941 г. увеличилось лишь до 12 тыс.: о таких разочаровывающих темпах роста мы подробнее поговорим ниже. Кроме того, Америка осуществляла свою собственную гигантскую программу перевооружения, которая ставила Германию в еще более неравное положение. По сути, совместные запросы британцев и американцев были так велики, что они потребовали напряжения даже американских промышленных ресурсов. Но США не стали отвечать на это ограничением британских закупок. Наоборот: 23 июля 1940 г. британские агенты по снабжению, находившиеся в Вашингтоне, были приглашены на тайную встречу с американцами, ответственными за промышленное планирование, и на этой встрече было принято решение об увеличении мощностей американской авиационной промышленности с тем, чтобы она могла выпускать не менее 72 тыс. самолетов ежегодно. Благодаря этому Великобритания гарантированно получала 3 тыс. самолетов в месяц — втрое больше, чем в тот момент произво-

40. R. Overy, «The Luftwaffe and the European Economy 1939–1945», *MGM* 2 (1979), 55–78.

41. Hall, *North American Supply*, 146–55.

ТАБЛИЦА 11. Дружья познаются в беде: мобилизация внутренних и внешних ресурсов в Великобритании и Германии (в %)

	1938	1939	1940	1941	1942	1943	1944	1945
ВЕЛИКОБРИТАНИЯ								
Доля чистого национального продукта, мобилизованного для военных нужд	7	16	48	55	54	57	56	47
из внешних источников	5	8	17	14	11	10	9	11
из внутренних источников	2	8	31	41	43	47	47	36
Доля внешнего вклада в военное производство	71	50	35	25	20	18	16	23
ГЕРМАНИЯ								
Доля чистого национального продукта, мобилизованного для военных нужд	17	25	44	56	69	76		
из внешних источников	-1	1	8	12	17	16		
из внутренних источников	18	24	36	44	52	60		
Доля внешнего вклада в военное производство	-6	4	18	21	25	21		

Источник: М. Harrison, «Resource Mobilization for World War II», *Economic History Review* (1988), 184.

дилось в Германии⁴². Однако в итоге Британия так и не получила такого количества самолетов и перед ней так и не встал вопрос о том, как за них расплачиваться. Тем не менее возрастание американских производственных мощностей, инициированное в 1940 г., было вполне реальным. В 1940 г. США выпустили 6019 боевых самолетов, из которых Британия получила 2006, а Франция — 557⁴³. В 1941 г. США выпустили 19 433 боевых самолетов — больше, чем Британия или Германия, — и британцам досталось 5012 из них⁴⁴. В 1942 г. число боевых самолетов, выпущенных в США, подскочило до 48 тыс., что было лишь немногим меньше цели, поставленной Рузвельтом. Британия получила всего 7775 самолетов. Но это едва ли имело значение, так как США тоже вступили в войну. К 1943 г. Америка превзошла «утопическую» цель в 72 тыс. самолетов: их производство достигло ошеломляющего уровня в 85 898 штук. Еще больше объемы производства выросли в 1944 г. Может показаться не-

42. Hall, *North American Supply*, 170.

43. H. D. Hall and C. C. Wrigley, *Studies of Overseas Supply* (London, 1956), 30; Hall, *North American Supply*, 133.

44. Ibid., 217–18, 265.

корректным ссылаться на эти цифры при разговоре о том, что происходило летом 1940 г., но суть именно в этом и заключается. Хотя мобилизация американской экономики после Перл-Харбора стала легендой, она началась не в декабре 1941 г. Основы подавляющего воздушного превосходства союзников были заложены еще летом 1940 г., став прямой реакцией на победу немцев во Франции. Вопрос о том, сядут ли за штурвалы этих бомбардировщиков британские или американские пилоты, еще не был решен, как и неприятный вопрос оплаты, но выпуск бомбардировщиков в любом случае начался.

III

Пренебрежительные представления Гитлера о вырождающемся американском обществе хорошо известны из документов, но из них же известно и то, что в Берлине четко осознавали угрозу, которую представлял собой американский промышленный потенциал, и необходимость противодействовать ей решительными средствами⁴⁵. Кроме того, от Америки исходила не только материальная угроза. Как мы уже видели, Рузвельта еще с января 1939 г. изображали как архиврага, самого опасного участника всемирного еврейского заговора. Антисемитизм пропитывал все аспекты стратегического планирования немецкого руководства. В первом же абзаце доклада вашингтонского посольства о ленд-лизе, полученного Министерством иностранных дел, верховным главнокомандованием вермахта, армией и Министерством авиации, прямо утверждалось: «Законопроект о ленд-лизе, находящийся на рассмотрении в конгрессе <...> составлен ведущими еврейскими советниками президента. Его цель состоит в том, чтобы дать президенту возможность бесконтрольно проводить в жизнь свою политику по влиянию на войну всеми средствами, кроме „участия в войне“». После принятия этого закона в США прочно укрепится еврейское мировоззрение». Далее в докладе перечислялись колоссальные поставки, на которые теперь могли рассчитывать «Англия, Китай и другие вассалы»⁴⁶.

45. Этот момент играет принципиальную роль в работе: Hillgruber, *Hitlers Strategie*, 192–397. Напротив, Вейнберг последовательно, хотя и неубедительно, утверждает, что Гитлер и германское руководство игнорировали или недооценивали англо-американскую экономическую мощь. См.: G. L. Weinberg, *World in the Balance: Behind the Scenes of World War II* (London, 1981), 53–95; Weinberg, *World at Arms*, 170–86.

46. ADAP D XII, doc. 88, 132–4.

Как мы уже видели, промышленное содействие, оказываемое Америкой Франции и Великобритании, служило для Гитлера предметом весьма серьезной озабоченности в первые месяцы войны. В марте 1940 г. Фриц Тодт отмечал обеспокоенность Гитлера «потенциалом США». Об этом же спустя 15 месяцев в ретроспективном обзоре писал и генерал Томас: «Войну следовало любой ценой привести к победоносному окончанию в 1940 г., в первую очередь для того, чтобы пресечь американское содействие западным державам, ускорение которого <...> уже тогда входило в наши расчеты»⁴⁷. Продолжавшееся сопротивление Великобритании повышало ставки. 21 июля, после принятия в Америке решений о перевооружении, Гитлер потребовал от верховного главнокомандования вермахта «серьезно обдумать русский и американский вопрос»⁴⁸. В публичных выступлениях Гитлер всячески принижал Америку, но это едва ли удивительно в свете массового страха перед американской промышленной мощью. Эйфория, окружавшая победу над Францией, была в значительной степени обязана тому факту, что это событие на первый взгляд предотвращало вступление Америки в войну⁴⁹. Местные отделения гестапо единодушно отмечали всеобщую озабоченность всем, связанным с Америкой: американской помощью Британии, перспективами переизбрания Рузвельта и возможным вступлением США в войну⁵⁰. С тем, чтобы обуздать это беспокойство, Геббельс осуществлял осторожную стратегию контроля над новостями⁵¹. В СМИ было наложено полное табу на освещение сделки с эсминцами, которая за закрытыми дверями в Берлине рассматривалась как решительное нарушение Америкой своего нейтралитета⁵². Кроме того, в новостях ничего не говорилось и об американском перевооружении. Общественность нуждалась в успокоительных заявлениях, как и иностранные дипломаты, посещавшие Берлин осенью 1940 г.⁵³ Гитлер не отрицал, что Америка стала опорой для британской военной экономики. Но он считал, что у Германии еще

47. BAMA RW19/473, 171, меморандум, составленный в июне 1941 г., за несколько месяцев до вступления Америки в войну.

48. DRZW 4. 28.

49. *Meldungen*, IV: 10.06.1940, 1236; 13.06.1940, 1249; 17.06.1940, 1262.

50. О беспокойстве и настроениях, наблюдавшихся в течение пяти месяцев перед переизбранием Рузвельта, см.: *Meldungen*, V: 25.07.1940, 1415; 29.07.1940, 1424; 12.08.1940, 1460; 22.08.1940, 1492; 9.09.1940, 1550; 30.09.1940, 1620; 14.10.1940, 1665; 17.10.1940, 1677; 24.10.1940, 1700; 31.10.1940, 1719; 7.11.1940, 1739; 11.11.1940, 1751–2.

51. P. Gassert, *Amerika im Dritten Reich* (Stuttgart, 1997), 281–8.

52. Friedländer, *Prelude*, 121–6.

53. Ibid., 160–63.

есть время. После переизбрания Рузвельта он отметил в разговоре с венгерским премьер-министром, что полномасштабные американские поставки в Британию не начнутся раньше зимы 1941–1942 гг., и этой точки зрения придерживался и немецкий флот⁵⁴. Как выяснилось, это было весьма точное предсказание, которое имело четкие последствия для стратегии Рейха. 17 декабря 1940 г., в тот самый день, когда Рузвельт объявил мировым СМИ о ленд-лизе, Гитлер сформулировал свой стратегический подход, непосредственно отвечая на американскую угрозу. Обращаясь к руководителям ОКВ, он выразил свое мнение о том, что «все проблемы материковой Европы» следует решить в грядущем году, поскольку в 1942 г. США получают возможность решительно вмешаться в войну⁵⁵.

По очевидным причинам немцы особенно внимательно следили за англо-американской авиационной программой. Осенью вермахт полагал, что поставки самолетов в Великобританию уже составляют примерно 300 штук в месяц⁵⁶. Это было еще терпимо, но с учетом того, что германское производство едва превышало 1000 самолетов в месяц, эти поставки уже являлись важным фактором, смещавшим баланс в пользу Великобритании. Реальная угроза, как прекрасно понимали немцы, заключалась в том, что трансатлантический поток вскоре должен был резко вырасти и в плане количества, и в плане качества. На долгосрочный потенциал американской промышленности обращали внимание Министерства авиации различные промышленники⁵⁷. И все факты указывают на то, что подчиненные Геринга отреагировали на это. Более того, имеются признаки того, что зимой 1940–1941 гг. руководство люфтваффе уделяло столько же внимания промышленным предпосылкам грядущей воздушной войны с Великобританией и Америкой, сколько неминуемому вторжению в Советский Союз. Как мы увидим в следующей главе, начиная с осени 1940 г. осуществ-

54. A. Hillgruber, *Staatsmänner und Diplomaten bei Hitler* (Frankfurt, 1967), I. 344–5. Кроме того, неделей ранее Гитлер призывал испанцев вступить в войну в надежде опередить американские действия: *ibid.*, 329.

55. DRZW 4. 58. P. Schramm (ed.), *Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht* (Frankfurt, 1961), I. 996. См. также: Ф. Гальдер. Указ. соч. Т. 2. Запись от 18 января 1941 г.

56. Friedländer, *Prelude*, 163.

57. В их число входили Коппенберг из *Junkers*, Уильям Вернер из *Auto Union* и Фриц Зибель, лично знакомый с Герингом и Удетом. О Зибеле см.: Müller, in DRZW 5/1.527–8. Как указывает Будрасс, по сути, не существует серьезных доказательств, которые бы подтверждали популярное мнение о том, будто бы Гитлер отмахнулся от предупреждений Зибеля: Budrass, *Flugzeugindustrie*, 707–8; IWM, *Milch Papers*, vol. 56, 2926–33.

лялись огромные инвестиции в расширение производственных мощностей. И Рейхсминистерство авиации в первую очередь мотивировалось именно угрозой американских поставок, когда предприняло серьезные усилия по превращению завоеванных территорий Западной Европы в производственную базу⁵⁸. Но если американцы поощряли Британию заказывать самолеты десятками тысяч штук, то возможности, открывавшиеся перед Германией в оккупированной Западной Европе, были намного более скромными. Первоначальный контракт с французскими производителями, предусматривал строительство от 2500 до 3 тыс. самолетов, причем поставки должны были составлять максимум 60 самолетов в месяц — в 50 раз меньше цифры, обсуждавшейся в Вашингтоне⁵⁹. И даже это скромное начинание затормозилось на несколько месяцев из-за колебаний французов и требования немцев о том, что они должны получить контрольный пакет акций французских государственных авиазаводов. К концу января 1941 г. терпение Геринга наконец лопнуло. Он совершенно недвусмысленно вызвал к германским переговорщикам: «Вы должны понять, что для нас [производственной программы люфтваффе во Франции] <...> этот вопрос является жизненно важным и что мы не имеем никакой возможности ждать. Англия делает все, что в ее силах, чтобы получить в свое распоряжение целый материк <...> Нам приходится поступать точно так же, насколько это в наших силах»⁶⁰.

12 февраля 1941 г. люфтваффе наконец заключили сделку. Франция согласилась выпустить по лицензии 3 тыс. самолетов, а также 13500 авиационных двигателей. Рейхсминистерство авиации с таким нетерпением дожидалось начала производства, что отказалось от требования о том, чтобы французские заводы были переданы в его собственность. Однако по-прежнему существовал чрезвычайно важный камень преткновения. Для того чтобы выпускать самолеты, Франция нуждалась в алюминии, но хотя у нее имелись бокситы и алюминиевые заводы, в стране отсутствовал уголь, необходимый для производства электричества. По подсчетам французов, для выполнения германского заказа им требовалось 120 тыс. тонн угля в месяц. Германия же могла обещать лишь 4 тыс. тонн⁶¹. Несколькими не-

58. О том, как относились к этому французы, см.: H. Chapman, *State Capitalism and Working Class Radicalism in the French Aircraft Industry* (Berkeley, 1991), 237–55.

59. A. S. Milward, *The New Order and the French Economy* (Oxford, 1984), 84.

60. Ibid., 84. Эти слова Геринга полностью противоречат его презрительному отзыву об американском военном потенциале, цитируемому в: Weinberg, *World in the Balance*, 84.

61. Milward, *The New Order*, 85.

делями позже по другую сторону Атлантики был окончательно принят давно ожидавшийся Закон о ленд-лизе. 11 марта 1941 г. конгресс немедленно ассигновал 8,3 млрд долларов на оплату военных поставок для Великобритании. Эта сумма, в зависимости от обменного курса составлявшая от 25 до 33 млрд рейхсмарок, была эквивалентна двум годам работы германской военной промышленности. В частности, 2 млрд долларов были сразу же выделены на немедленное производство 11800 боевых самолетов, благодаря чему число самолетов, уже заказанных Британией, удвоилось. В то же время общая стоимость всех заказов вермахта в оккупированной Европе приближалась к 3 млрд рейхсмарок, или примерно 750 млн долларов⁶². Если к концу 1941 г. Британия получила из США 5012 собранных самолетов, то Германия получила всего 78 самолетов из Франции и Нидерландов⁶³. В 1942 г., когда промышленность США работала преимущественно на их собственные нужды и поставки в Великобританию были ограничены цифрой в 7775 самолетов, люфтваффе получили с оккупированных западных территорий 743 самолета. В целом за всю войну для люфтваффе, самого предприимчивого из субподрядчиков вермахта, было поставлено всего 2517 самолетов из Франции и 947 из Нидерландов. Вскоре люфтваффе отчаялись добиться от оккупированных территорий выпуска целых самолетов. Производительность труда на французских авиазаводах была такой низкой, что во Франции для производства самолета немецкой конструкции требовалось вчетверо больше рабочих, чем в Германии. В свете этих цифр неудивительно, что главный вклад, непосредственно внесенный оккупированными территориями в производство вооружений для Рейха, заключался в привлечении миллионов иностранных трудящихся для работы в Германии.

IV

Несмотря на то что территории, покоренные Германией в 1940 г., дали ей обильные трофеи и стали для нее важнейшим источником рабочей силы, они не выдерживали никакого сравнения с Америкой в плане того изобилия, которое та обеспечила для Великобритании⁶⁴. Характерным англо-американским

62. ВАМА RW19/177,7.

63. Все цифры взяты из: Overly, «The Luftwaffe and the European Economy».

64. Сами немцы разочарованно сравнивали то, что делала для них Япония, с тем, что делали США для Великобритании. См.: Weinberg, *World in the Balance*, 87.

вкладом в войну служила гонка вооружений в сфере авиации, опиравшаяся непосредственно на доминирование Америки в промышленном секторе. Но вопиющее неравенство в поставках авиатехники не являлось чем-то аномальным. Аналогичный разрыв очевиден и в сфере поставок энергоносителей, от которых зависит само существование современного городского и индустриального общества. В то время как англо-американский альянс был богат энергоресурсами, Германии и ее западноевропейскому «большому пространству» крайне не хватало продовольствия, угля и нефти.

Наиболее серьезным было неравенство, связанное с нефтью. С 1940 по 1943 гг. мобильность германских армии, флота и ВВС, не говоря уже об экономике страны, зависела от ежегодного импортирования 1,5 млн тонн нефти, главным образом из Румынии⁶⁵. Кроме того, германские заводы по производству синтетического топлива за счет колоссальных издержек выпускали бензин, производство которого в 1940 г. составило 4 млн тонн, а в 1943 г. достигло максимума, равного 6,5 млн тонн. Захват запасов топлива во Франции никоим образом не избавил Германию от этой фундаментальной зависимости. По сути, победы 1940 г. привели к противоположному результату. Они лишь заставили Германию, и без того испытывавшую дефицит топлива, снабжать сырой нефтью еще целый ряд потребителей. Ежегодно получая в лучшем случае 8 млн тонн топлива, теперь Германия должна была удовлетворять не только свои потребности, но и потребности остальной Западной Европы. До войны французская экономика ежегодно потребляла самое меньшее 5,4 млн тонн топлива, при уровне потребления на душу населения, на 60% превышавшем германский⁶⁶. В результате германской оккупации Франция была отброшена в безмоторное прошлое. Начиная с лета 1940 г. уровень снабжения Франции бензином составил всего 8% от довоенного. Для экономики, привыкшей к высокому уровню потребления нефти, это был очень болезненный удар. Приведем всего один пример: во французской деревне ежедневно пропадали тысячи литров молока, потому что в отсутствие бензина его некому было регулярно забирать у фермеров. Еще более актуальным для стратегов в Берлине был вопрос о состоянии итальянских вооруженных сил, зависевших исключительно от топлива, которое выделяли им Германия и Румыния. К февралю 1941 г. итальянский флот угро-

65. W. Birkenfeld, *Der synthetische Treibstoff 1933–1945* (Göttingen, 1964), 219–20.

66. Вычислено на основе оценок потребления нефти, приведенных в: Ibid., 218, и Milward, *New Order*, 262.

жал полностью прекратить свои действия в Средиземном море, если только Германия не поставит ему как минимум 250 тыс. тонн топлива⁶⁷. И проблемы наблюдались далеко не только у сателлитов Рейха. Сама Германия справлялась с ситуацией лишь благодаря мерам крайней экономии. В конце мая 1941 г. генерал Адольф фон Шелл, отвечавший за производство автомобилей, отнюдь не шутил, когда предположил, что в свете хронической нехватки нефти было бы желательно осуществить частичную «демоторизацию» вермахта⁶⁸. Часто отмечается, что люфтваффе в конце войны терпели поражения из-за недостаточного уровня подготовки их пилотов, в значительной степени вызванного нехваткой авиационного топлива⁶⁹. Но и в 1941 г. дефицит бензина был уже таким острым, что вермахт сажал за руль тяжелых грузовиков солдат, наездивших менее 15 километров, — именно этим объясняли ужасающий износ автомобилей во время русской кампании⁷⁰. Нехватка топлива ощущалась во всех секторах германской экономики. Топливные квоты были настолько малы, что в ноябре 1941 г. фирма *Opel* была вынуждена закрыть принадлежавший ей крупнейший германский завод по производству грузовиков в Бранденбурге, потому что ей не хватало бензина, чтобы проверить работу топливных насосов у автомобилей, сходявших со сборочного конвейера. Экономическое управление вермахта было вынуждено специально выделить заводу 104 кубометра топлива, чтобы гарантировать его бесперебойную работу⁷¹.

Контраст с положением дел в англо-американском союзе едва ли мог быть более резким. Великобритания ежегодно производила не более 1 млн тонн синтетического топлива. Но она компенсировала такой невысокий уровень производства ввозом нефти в феноменальных объемах. В 1942 г., несмотря на ожесточенные сражения, бушевавшие в Атлантике, Британия сумела ввезти 10,2 млн тонн нефти. Это было в пять раз больше, чем Германия получала от Румынии в тот момент, когда армии вермахта численностью более чем в 3 млн человек вели активные боевые действия на Восточном фронте. В 1944 г., в ходе подготовки к вторжению в Нормандию, поставки нефти в Великобританию превысили 20 млн тонн, что в 9 раз превышало максимальные объемы ввоза нефти в Германию, наблюдавшие-

67. ВАМА RW19/164, 127; в ноябре 1941 г. эта угроза была повторена в еще более резком тоне: RW19/166, 5.

68. ВАМА RW19/165, 347.

69. Murray, *Luftwaffe*, 337–8.

70. ВАМА RW19/166, 211.

71. ВАМА RW19/166, 19.

ся во время войны⁷². В январе 1941 г., когда Германия, согласно некоторым описаниям, «купалась» в нефти, ее запасы едва превышали 2 млн тонн. В Лондоне тревогу били всякий раз, как запасы нефти сокращались ниже уровня в 7 млн тонн. Это неравенство было так велико, что никто не поверил весьма точным оценкам немецких запасов нефти, сделанным британским Министерством военной экономики, которое получило задание оценить экономическую ситуацию в Германии. Британцам казалось невероятным, что Гитлер мог решиться на войну при такой плачевной ситуации с топливом — и это недоверие разделяли и русские, и американцы, совместно переоценивавшие немецкие запасы нефти по меньшей мере на 100%⁷³.

Главная проблема с нефтью — ее абсолютный дефицит. В случае угля, на 80% обеспечивавшего энергией западноевропейские экономики, дефицит был, скорее, относительным. До войны многие европейские страны в значительном количестве импортировали уголь из Великобритании. В число стран, полностью зависевших от импортных энергоносителей, входили Швеция, Норвегия, Дания, Швейцария и Италия, которые в то же время являлись ключевыми торговыми партнерами гитлеровской Германии. Однако крупнейшей и наиболее важной статьей были 30 млн тонн угля, которые импортировала Франция, чтобы покрыть 40% своих годовых потребностей. Этот дефицит компенсировался огромными запасами угля в Силезии, Руре, Бельгии и Северной Франции, находившимися под контролем Германии⁷⁴. Сопоставление общего спроса с общим предложением дает нетто-дефицит в ключевых странах германского «большого пространства» всего в 11 млн тонн, что составляло всего несколько процентов от общего потребления. Таким образом, на бумаге у Германии имелась возможность обеспечивать углем всю Европу⁷⁵. Однако достижение этой цели требовало поистине героических усилий в области добычи, организации и логистики. Было необходимо перенаправить перевозки десятков миллионов тонн груза по европейским железным до-

72. Central Statistical Office, *Fighting with Figures* (London, 1951), 99. Тем, кто хорошо знаком с состоянием дел в Германии, при изучении этих таблиц следует быть внимательными и не путать еженедельные британские цифры с ежемесячной германской статистикой.

73. Medlicott, *The Economic Blockade* I. 51–2.

74. О польских угольных республках см.: W. Röhr, «Zur Rolle der Schwerindustrie im annektierten polnischen Oberschlesien für die Kriegswirtschaft Deutschlands von 1939 bis 1949», *Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte*, 4 (1991), 9–58.

75. См. некритически цитируемую в DRZW 5/1. 211 оценку, согласно которой самодостаточность в этой сфере достигала 97%.

рогам. Франции следовало либо существенно увеличить добычу угля на своих месторождениях, либо существенно сократить национальное потребление. Как выразился виднейший специалист по истории европейской угольной промышленности, «дефицит угля в Западной Европе *мог* быть преодолен с помощью неустанной заботы, превосходной организации и безусловного технического сотрудничества»⁷⁶. Едва ли стоит удивляться тому, что этого не случилось.

В реальности подчиненная Германии Западная Европа в 1940 и 1941 г. сама столкнулась с усугублявшейся проблемой добычи угля и его транспортировки. Хуже всего дело обстояло на оккупированных территориях. Как мы уже видели, германские оккупационные силы, стремясь предотвратить повторение катастрофического железнодорожного кризиса зимы 1939/1940 г., реквизируют часть подвижного состава во Франции, Бельгии и Нидерландах. К осени 1940 г. благодаря этим мерам количество вагонов, доступных для обслуживания германской экономики, за исключением потребностей вермахта, возросло до 800 тыс., по сравнению с 650 тыс. в 1938 г.⁷⁷ Однако это стало катастрофой для оккупированных территорий, и в первую очередь для Северной Франции, где регулярно прерывались перевозки угля от мест добычи в города. Угольный голод мог быть смягчен лишь в том случае, если бы Германия сумела увеличить объемы добычи на главных французских, бельгийских и нидерландских месторождениях. Франция была не только крупнейшим в Европе импортером угля. Она занимала в Европе третье место по его добыче после Германии и Великобритании. Но добыча во Франции не увеличивалась, а наоборот, сокращалась. В 1940 г. объемы добычи сократились на 18% и больше не вернулись на прежний уровень. Неуклонно снижалась и производительность труда во французских угольных шахтах. Более того, летом 1941 г. германские оккупационные власти столкнулись с мощной волной забастовок на угольных месторождениях в Бельгии и Северной Франции. Причина этих волнений не составляла загадки. В первую оккупационную зиму перед городскими ратушами по всей Валлонии собирались жены горняков, в знак молчаливого протеста размахивая пустыми меш-

76. Об этом и дальнейшем см.: J. R. Gillingham, *Industry and Politics in the Third Reich: Ruhr Coal, Hitler and Europe* (London, 1985), 152; курсив автора. То же самое можно сказать и в отношении других важнейших европейских отраслей — таких, как азотная, в которой теоретический уровень самодостаточности составлял 85%, хотя реальное производство осенью 1940 г. по причине транспортных сложностей покрывало лишь 50% потребностей. См.: ВАМА RW/19/164, 99.

77. См.: ВАН R131594, 110.

ками из-под картофеля⁷⁸. По оценкам хорошо осведомленных немецких источников увеличение продовольственных норм позволило бы поднять добычу угля в Бельгии на 10–15%⁷⁹. Но этому препятствовала еще одна принципиальная проблема европейской экономики. Как мы увидим далее, Европе не хватало не только угля и нефти, но и продовольствия. А нехватка угля, в свою очередь, негативно сказывалась на состоянии тяжелой промышленности. Из-за того, что общие объемы угля, доступного для французской промышленности, снизились до половины довоенного уровня, резко сократилось производство стали в Лотарингии и Северной Франции⁸⁰.

Поначалу на самой Германии не сказывались худшие последствия дефицита угля. Власти Рейха сумели избежать повторения острого кризиса снабжения, наблюдавшегося предыдущей зимой. Однако к началу 1941 г. уже не могло быть сомнений в том, что немецкие угольные копи тоже оказались в тяжелом положении. Их проблемы прежде всего носили политический характер. К началу 1941 г. разгорелось ожесточенное противостояние между мощными региональными синдикатами производителей угля и рейхскомиссаром по углю Паулем Вальтером, который был назначен Герингом в 1939 г. для осуществления политического руководства отраслью⁸¹. Вальтер был партийным выдвиженцем из германского Трудового фронта Роберта Лея, и промышленники ему не доверяли. В 1940 г. Вальтер еще больше оттолкнул их от себя, предложив провести крупную реорганизацию торговли углем, в результате чего производители утратили бы контроль над распределением угля⁸². К январю 1941 г. пошли слухи о том, что Вальтер планирует навязать угольной отрасли систему рыночной организации (*Marktordnung*), подобную той, которая господствовала в сельском хозяйстве. Кроме того, Вальтер предавался необдуманной антикапиталистической риторике, нападая на торговцев углем за неоправданную прибыль, которую они получали за счет шахтеров, новых любимцев нацистского трудового общества. Однако Вальтер не учел резкого поворота в угольной

78. Gillingham, *Industry and Politics*, 153.

79. См. обсуждение в деловой группе по углю 6.06.1941, ВАН R131595, 244.

80. Вермахт признавал существование этой связи в Лотарингии: ВАМА RW19/205, 2–21.

Кроме того, отмечались и проблемы с поставками угля на востоке. К лету 1941 г., по оценкам деловой группы по углю, нехватка угля во Франции составляла 50%, а в Бельгии — 40%. См.: ВАН R131595, 245.

81. См. откровенное резюме ситуации в: ВАМА RW19/164, 172.

82. См. материалы, подтверждающие недовольство промышленников, в: ВАН R10 VIII, 2.

ТАБЛИЦА 12. Хрупкий угольный баланс в «большом пространстве»

	Добыча в 1937, тыс. т	Импорт (-) или экспорт (+)	Доля импорта (-) или экспорта (+), %
НЕТТО-ИМПОРТЕРЫ			
Франция	44657	-29263	-40
Италия	1229	-12933	-91
Швеция	460	-9179	-95
Дания	0	-6278	-100
Бельгия	29859	-4234	-12
Швейцария	0	-3509	-100
Австрия	1851	-3450	-65
Норвегия	780	-2735	-78
Итого:	78836	-72121	-48
НЕТТО-ЭКСПОРТЕРЫ			
Германия	230690	+45733	+20
Польша	36222	+11291	+31
Чехословакия	27564	+2734	+10
Нидерланды	14368	+1268	+9
Итого:	308844	+61026	+20
Общий баланс	387680	-11095	-3

Источник: C. Lewis, *Nazi Europe and World Trade* (Washington, 1941), 116.

политике, последовавшего за возвышением концерна *Reichswerke Hermann Göring*, во главе которого стоял Пауль Плейгер. Тот, само собой, был партийцем с безупречным послужным списком. Но посредством арианизационных сделок в Чехословакии и экспроприаций в бывшей польской Силезии Плейгер превратился еще и в одного из ведущих углепромышленников Рейха⁸³. И он совершенно не одобрял неуместные антикапиталистические выпады Вальтера. К февралю 1941 г. угольная отрасль во главе с Плейгером открыто взбунтовалась против комиссара. Вальтер был снят со своей должности, а угольные синдикаты были поспешно включены в состав новой национальной угольной организации (*Reichsvereinigung Kohle*), которую возглавил Плейгер. Эта ассоциация была выстроена вокруг уже суще-

83. G. Mollin, *Montankonzerne und «Drittes Reich»* (Göttingen, 1988), 180–83.

ствовавшей структуры картелей и привязывала их непосредственно к Рейхсминистерству экономики, где промышленную политику отныне диктовал близкий друг Плейгера Ганс Керль. Наняв команду блестящих промышленных статистиков из ведущего германского Института экономических исследований, угольная ассоциация Плейгера создала систему производственного менеджмента, которая стала образцом для реорганизации тяжелой промышленности в 1942 г.⁸⁴

Однако никакая реорганизация не могла скрыть производственных проблем отрасли. В конце 1940 г. немецкие сталепромышленники наняли ведущего инженера Германа Винкхауса с тем, чтобы он оценил достижимые максимальные объемы выплавки стали в регионах, контролируемых Германией. Все понимали, что это была решающая переменная, определявшая экономическое будущее гитлеровской империи. От нее зависела осуществимость всех промышленных проектов как в военное, так и в мирное время. Винкхаус в своем докладе делал вывод о том, что производственные мощности, существовавшие на тот момент в зоне, находившейся под контролем немцев, позволяли выплавлять самое большее порядка 46 млн тонн стали в год, из которых 17,5 млн давал бы Рур. Вопрос о том, удастся ли Германии приблизиться к этой цифре, зависел от поставок руды. Но благодаря освоению отечественных месторождений руды и экспроприации французских месторождений этот фактор терял свое значение. Реальной проблемой было наличие коксующегося угля. Германия могла приблизиться к тому, чтобы полностью реализовать потенциал производства стали лишь в том случае, если бы добыча угля в Германии, Бельгии и Нидерландах возросла на 15 млн тонн⁸⁵. Однако начиная с 1939 г. добыча угля в Германии застыла на одном уровне. На объемы добычи в приграничном Саарском регионе сильно повлияли боевые действия на Западе. Верхнюю Силезию — единственный германский угленосный бассейн, демонстрировавший реальную динамику, — в 1941 г. болезненно затронуло сосредоточение вермахта на восточной границе. Рур, на который приходилось чуть менее 70% германской годовой добычи угля и практически вся добыча кокса, вышел на максимальный уровень добычи, составлявший чуть более 130 млн тонн в год, в 1939 г. В 1941 добыча угля в Руре сокращалась, с марта по август снижаясь на 2 млн тонн в месяц⁸⁶.

84. H. Kehrl, *Krisenmanager im Dritten Reich* (Düsseldorf, 1973), 260–63.

85. ВАН R131621, 27–9.

86. U. Herbert, *Hitler's Foreign Workers: Enforced Foreign Labour in Germany under the Third Reich* (Cambridge, 1997), 143.

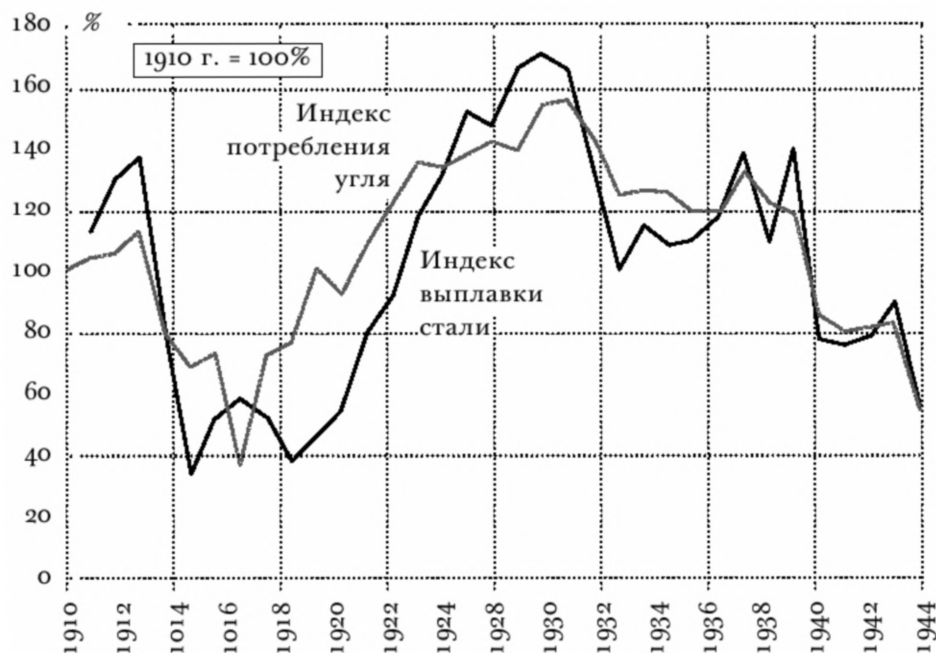

РИС. 16. Связь между добычей угля и производством стали:
Франция, 1910–1944

И причина этих проблем была очевидна⁸⁷. Хотя Германия еще с 1920-х гг. была европейским лидером в сфере механизации, добыча угля оставалась весьма трудоемкой отраслью, страдавшей от хронической нехватки рабочих рук. Подобно сельскому хозяйству, добыча угля, имевшая незавидную репутацию грязной, опасной и малооплачиваемой профессии, находилась в крайне невыгодном положении в том, что касалось конкуренции за привлечение молодежи. Впрочем, в отличие от того, что происходило в сельском хозяйстве, нацистский режим предпринимал решительные меры для исправления этой ситуации. Осенью 1940 г. Роберт Лей анонсировал радикально новую программу германского Трудового фронта по пересмотру всей системы заработков в сфере физического труда с тем, чтобы квалифицированные шахтеры могли рассчитывать на более высокую заработную плату⁸⁸. Однако у угольной отрасли имелись и более злободневные проблемы. Несмотря на то что власти Германии, контролирующие рынок труда, принимали меры к тому,

87. См. объяснение, которое Плейгер дал Томасу из ОКВ, в: ВАМА RW19/165, 68–9.

88. В свою очередь, это, по-видимому, привело к разногласиям между Вальтером и промышленниками, поскольку Вальтер считался ставленником Лея, а новые предложения означали резкий рост фонда заработной платы в угольной отрасли, что Вальтер надеялся компенсировать путем сокращения торговли углем.

чтобы горнорудная промышленность не пострадала из-за оттока рабочих рук в начале войны, лучших молодых людей все же забрал себе вермахт. В результате происходило стабильное снижение производительности труда. Со временем отрасль могла скомпенсировать это посредством дальнейших инвестиций. Но в краткосрочном плане Плейгеру требовались экстренные меры. К весне 1941 г. воскресные смены стали в Руре привычным делом, не давая шахтерам ни дня отдохнуть после изнурительной рабочей недели. Чтобы восстановить прежнее качество рабочей силы, вермахт убедили вернуть в шахты как можно больше опытных горняков. Как с поразительной откровенностью указывал вермахт, эта уступка в первую очередь была необходима по политическим причинам. Если стране предстоял еще один угольный кризис, подобный тому, который случился в первую военную зиму, то было принципиально важно, чтобы в этом бедствии обвиняли не армию⁸⁹. Тем не менее отрасль все шире прибегала к привлечению зарубежной рабочей силы. К маю 1941 г. в германских шахтах работало уже почти 70 тыс. иностранных рабочих: тысячи поляков, десятки тысяч французских военнопленных и многие тысячи силезцев, отправленных на подземные работы согласно указу Геринга от 1938 г.⁹⁰ Плейгер и угольная промышленность и в этом отношении были предшественниками «системы Шпеера».

Одно дело — принудительно загнать рабочих в шахты. Но они не принесут никакой пользы, если не будут получать адекватного питания. В 1940-е гг. не было такой отрасли, в которой бы наблюдалась более четкая корреляция между питанием и производительностью труда, чем в горнорудной промышленности⁹¹. Однако после 1939 г. с продовольствием в Западной Европе дело обстояло так же плохо, как и с поставками угля⁹². Как и в Германии, высокоинтенсивное молочное хозяйство во Франции, в Нидерландах и в Дании зависело от импортных кормов. Эти страны в конце 1930-х гг. ежегодно ввозили более 7 млн тонн зерна — главным образом из Аргентины и Канады. Эти источники снабжения были отрезаны британской блокадой. Кроме того, Западная Европа импортировала

89. ВАМА RW19/165, 75–6.

90. См.: *Hitler's Foreign Workers*, 88–9, 96.

91. За все время войны уровень корреляции между питанием шахтеров и объемами добываемого ими угля составлял 84%: W. F. Werner, *Bleib Übrig! Deutsche Arbeiter in der nationalsozialistischen Kriegswirtschaft* (Düsseldorf, 1983), 300–302.

92. B. Martin and A. S. Milward (eds.), *Agriculture and Food Supply in the Second World War* (Oxford, 1985); K. Brandt, *Management of Agriculture and Food in the German-occupied and Other Areas of Fortress Europe* (Stanford, Calif., 1953).

более 700 тыс. тонн масличного семени⁹³. Разумеется, Франция сама по себе была крупным производителем зерна. Но высокая урожайность зерновых культур во Франции, как и в Германии, поддерживалась путем внесения в почву огромного количества азотных удобрений, которыми можно было обеспечивать фермеров лишь за счет сокращения производства взрывчатых веществ. Кроме того, западноевропейские фермы, как и немецкие, зависели от огромных стад тяглового скота и от ежедневного труда миллионов батраков. Лишение сельского хозяйства лошадей, рабочей силы, удобрений и кормов, произошедшее после начала войны, привело к катастрофической цепной реакции в хрупком мире европейского крестьянского сельского хозяйства. К лету 1940 г. Германия столкнулась с общеевропейским сельскохозяйственным кризисом⁹⁴. Датские фермеры начали систематически забивать свиней и птицу. Урожайность в Нидерландах стабильно снижалась по мере сокращения поставок удобрений. Но наиболее серьезной была ситуация во Франции, где в 1940 г. было собрано в два с лишним раза меньше зерна, чем в 1938 г.⁹⁵ В самой Германии 1940 год принес с собой значительное снижение урожайности зерновых, которое было усугублено неурожаем в Югославии и Венгрии, входивших в число основных поставщиков Рейха⁹⁶. В 1940 г. германский импорт зерна из Югославии и Венгрии сократился почти на 3 млн тонн, что удалось компенсировать лишь благодаря резкому увеличению поставок из Румынии.

Продовольственные нормы, установленные для германского населения в начале войны, были относительно щедрыми. Но в 1940–1941 гг. их удавалось обеспечивать лишь посредством активного посягательства на крупные запасы, накопленные после 1936 г. В начале войны в закромах у ИЗС имелось 8,8 млн тонн зерна, чего хватало для того, чтобы обеспечивать герман-

93. C. Lewis, *Nazi Europe and World Trade* (Washington, 1941), 18–22, 25–31. Нетто-импорт зерна в самой Германии в 1937 г. приближался к 4,116 млн тонн, а импорт жиров — к 604 тыс. тонн.

94. Brandt, *Management of Agriculture and Food in the German-occupied and Other Areas of Fortress Europe*, 518–19. Испания зимой 1940–1941 гг. подошла вплотную к голоду, и неспособность Германии гарантировать достаточные поставки зерна стала одним из главных факторов, убедивших Франко не вступать в войну на стороне Германии. См.: E. Hernandez-Sandoica and E. Moradiellos, «Spain and the Second World War, 1939–1945», in N. Wylie (ed.), *European Neutrals and Non-belligerents During the Second World War* (Cambridge, 2002), 241–59. О голоде в Греции см.: M. Mazower, *Inside Hitler's Greece* (New Haven, 1993), 23–52.

95. P. Barral, «Agriculture and Food Supply in France», in Martin and Milward, *Agriculture and Food Supply*, 89.

96. SRA, *Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich (1941/42)* (Berlin, 1942), 295, 42–3.

ское население хлебом почти целый год⁹⁷. За первый год войны эти запасы сократились всего на 1,3 млн тонн. Но плохой европейский урожай 1940–1941 гг. подтвердил худшие опасения Герберта Бакке. Германия должна была где-то изыскать дополнительные миллионы тонн зерна, иначе ей вскоре пришлось бы серьезно сокращать продовольственные нормы, и началось бы это с массового забоя скота, что причинило бы необратимый ущерб этому источнику белков и жиров. А ситуация в городах на оккупированных территориях, разумеется, была намного более плачевной, чем в Германии. В 1941 г. уже наблюдались признаки нарастающего недовольства по причине недостаточного снабжения продовольствием. В Бельгии и Франции официальные нормы, согласно которым «обычные потребители» получали всего 1300 калорий в день, явно подталкивали население пользоваться услугами черного рынка. В Норвегии и протекторате Богемии и Моравии дневная норма составляла около 1600 калорий⁹⁸.

В 1938 г. западноевропейские страны, впоследствии покоренные Германией, представляли собой мощную экономическую силу, чей совокупный ВВП превышал британский. Совместный эффект британской блокады и немецкой оккупации превратил эти страны в бледное подобие того, чем они были раньше⁹⁹. Если объемы производства в Германии и Великобритании на протяжении войны значительно выросли, а в США увеличились многократно, то европейские владения Германии рухнули в экономическую пропасть. Несмотря на прожорливость военной экономики Рейха, ни в одной из западноевропейских стран, оккупированных в 1940 г., в течение следующих пяти лет не наблюдалось экономического роста. В двух самых маленьких экономиках — Дании и Норвегии — объемы производства кое-как оставались на одном уровне. Но это не имело особого значения по сравнению с ситуацией в таких намного более крупных экономиках, как Бельгия, Нидерланды и прежде всего Франция, так и не оправившихся после краха, постигшего их в 1940 г.

97. A. Hanau and R. Plate, *Die deutsche landwirtschaftliche Preis- und Marktpolitik im Zweiten Weltkrieg* (Stuttgart, 1975), 49.

98. Н.-Е. Volkmann, *Ökonomie und Expansion: Grundzüge der NS-Wirtschaftspolitik* (Munich, 2003), 393.

99. Обратите внимание на то, как в работе Harrison, *The Economics of World War II*, 7–10, отличаются друг от друга таблица 1.2, в которой обобщаются «приобретения Оси» к 1942 г. в смысле ВВП на 1938 г., и таблица 1.3, в которой приводится реальный ВВП Франции в годы войны.

V

Таким образом, несмотря на невероятные победы вермахта, территории, находившиеся осенью 1940 г. под контролем Германии, не являлись тем самодостаточным «жизненным пространством», о котором мечтал Гитлер. Западная Европа не походила и на многообещающую платформу для ведения затяжной войны на истощение, которую Великобритания и ее сторонники в США явно стремились навязать Германии. В экономическом плане победы вермахта 1940 г. не покончили с зависимостью Германии от Советского Союза, в которую она впала годом ранее¹⁰⁰. На самом деле в краткосрочном плане поддерживать в западноевропейском «большом пространстве» Германии хотя бы подобие довоенного уровня экономической активности можно было лишь обеспечив резкое увеличение поставок топлива и сырья из СССР¹⁰¹. Одна только Украина производила достаточно излишков сельскохозяйственной продукции, требовавшихся для прокорма обширного западноевропейского поголовья скота. Только в Советском Союзе имелись уголь, железо и руды прочих металлов, необходимые для работы военно-промышленного комплекса. Только на Кавказе имелась нефть, которая могла бы сделать Европу независимой от заморских поставок. Лишь имея доступ к этим ресурсам, Германия могла сколько-нибудь уверенно вести затяжную войну против Великобритании и Америки. К зиме 1940–1941 гг. Рузвельт определился с условиями, на которых США могли поставлять Британии материалы, требовавшиеся ей для продолжения войны. В том, что касалось Гитлера и Сталина, на этот вопрос ответа еще не было¹⁰².

Гитлер, несомненно, имел возможность продолжать войну, поддерживая со Сталиным союзнические отношения, а не превратив его в смертельного врага¹⁰³. Нацистско-советский пакт еще действовал летом 1940 г., и после ошеломляющей победы

100. DRZW 4. 150–51.

101. В долгосрочном плане, разумеется, существовали обширные возможности для развития западноевропейского экономического блока. См., например: Н. von der Decken, «Die Intensivierung der europäischen Landwirtschaft», *Vierteljahrshefte zur Wirtschaftsforschung*, NF 2/3 (1940–41), 94–119. Но они не имели значения с точки зрения сроков, диктовавшихся войной.

102. Несмотря на то что я вслед за Вейнбергом подчеркиваю симметрию этих взаимоотношений, необходимо подчеркнуть, что общее соотношение было крайне благоприятным для Великобритании. См.: Weinberg, *World in the Balance*, 84.

103. Этот тезис является ключевым в работе Н. Schwendemann, *Die wirtschaftliche Zusammenarbeit zwischen dem Deutschen Reich und der Sowjetunion von 1939 bis 1941: Alternative zu Hitlers Ostprogramm?* (Berlin, 1993).

Германии над Францией Советский Союз не имел намерения отказываться от этих договоренностей. На протяжении недолгого периода времени с июля по октябрь 1940 г. это служило источником надежды — особенно в Рейхсминистерстве иностранных дел — на то, что Германия сможет ответить на возникновение англо-американской коалиции созданием своего собственного «континентального блока», который бы представлял собой восточное продолжение западноевропейского «большого пространства», столь возбужденно обсуждавшегося летом 1940 г.¹⁰⁴ Казалось, что Тройственный пакт между Японией, Италией и Германией, заключенный 27 сентября 1940 г., служит шагом в этом направлении. В первую очередь его цель состояла в том, чтобы вернуть к жизни кошмар британских стратегов, заставив Королевский флот выбирать между Средиземным морем и Сингапуром. Но в то же время участники Тройственного пакта обязывались помогать друг другу в том случае, если на кого-то из них нападет держава, в тот момент не участвовавшая в войне. Поскольку условия соглашения подчеркнуто не распространялись на отношения с Советским Союзом, оно было явно направлено против США. Но если Тройственный пакт задумывался как средство устрашения, то он произвел обратный эффект. В Вашингтоне его восприняли как подтверждение агрессивных намерений держав Оси и он лишь укрепил растущее стремление Рузвельта поддержать Великобританию как ключевой оплот борьбы с Германией в Европе и с Японией в Азии¹⁰⁵. Как четко понимал немецкий министр иностранных дел Риббентроп, единственным шагом, который позволил бы взять верх над англо-американским альянсом, было бы включение Советского Союза в Тройственный пакт и создание действительно грозного евразийского союза, протянувшегося от Атлантики до Тихого океана. Однако это было невозможно без устранения японо-советского антагонизма, летом 1939 г. вылившегося в открытые боевые действия в Маньчжурии. Среди японского руководства по этому вопросу неизменно царили разногласия. Но возможность стремительного рывка на юг и захвата нидерландских, французских и британских колоний в сочетании со все более агрессивным отношением США к Японии укрепляло позиции тех, кто выступал за сближение с СССР¹⁰⁶. В свою очередь, Советский Союз после неожиданного триумфа Германии на Западе был только рад обезопасить свои восточные рубежи. Поэтому в апреле 1941 г. японского

104. Hillgruber, *Hitlers Strategie*, 241–5, 317–20.

105. Reynolds, *From Munich*, 89–92.

106. Hillgruber, *Hitlers Strategie*, 409–19.

министра иностранных дел Мацуоку Есукэ ждал теплый прием в Москве, завершившийся подписанием с СССР пятилетнего договора о нейтралитете. Между тем в Берлине сторонники стратегии континентального блока предавались самым смелым имперским фантазиям. Евразийскую ось антибританского союза предполагалось дополнить новой африканской колониальной империей, созданной на основе гигантских бельгийских владений в Конго, богатом минеральными ресурсами. Осенью 1940 г. в Берлине развернулась ожесточенная конкуренция за будущие должности в новой германской колониальной администрации. Африканские планы германского Министерства иностранных дел включали и причудливую идею об «эвакуации» всего еврейского населения Польши, а также оккупированных немцами западноевропейских стран на Мадагаскар, который был французской колонией¹⁰⁷. Тем самым евреи были бы благополучно устранены как сила, «оскверняющая» европейские дела. Несомненно, сотни тысяч евреев умерли бы в пути. А тех, кто уцелеет, можно было бы держать в заложниках на тот случай, если еврейские круги с Уолл-стрит попытаются подтолкнуть Рузвельта к открытому объявлению войны.

Но несмотря на то что континентальный блок, безусловно, соответствовал бы как «идеологическим», так и «прагматическим» критериям, сторонники долгосрочного альянса с Советским Союзом никогда не составляли в Берлине большинство — как по идеологическим, так и по прагматическим причинам. В долгосрочном плане подлинный союз означал бы неприемлемую степень германской зависимости от СССР. Как в декабре 1940 г. отмечал в своем дневнике генерал Гальдер, «Всякое ослабление позиций стран Оси влечет за собой усиление русских. Сами же они не могут навязать нам свою волю, хотя и используют любую возможность, чтобы ослабить позиции стран Оси»¹⁰⁸. Доминирующую роль в евразийском континентальном блоке в конце концов стали бы играть не Япония или Германия, а ключевая держава — Советский Союз. Третий рейх не имел намерения впадать в такую же унижительную зависимость, в которую попала Великобритания по отношению к США, закладывая свои активы и торгуя своими тайнами только для того, чтобы иметь возможность продолжать войну. То, что Германия могла пойти

107. C. R. Browning, *The Path to Genocide: Essays on Launching the Final Solution* (Cambridge, 1992), 18–19; C. R. Browning, *The Origins of the Final Solution: The Evolution of Nazi Jewish Policy. September 1939–March 1942* (Lincoln, Nebr., 2004), 81–8.

108. *Halder Diary*, 5.12.1940, 294; Ф. Гальдер, *Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба Сухопутных войск 1939–1942 гг.* Т. 2 (Москва, 1969), 220.

в этом направлении, было очевидно уже весной 1940 г. Накануне наступления немцев на Западном фронте Москва потребовала в счет оплаты за поставки сырья построить в СССР два химических завода: один — для производства синтетического топлива методом гидрогенизации угля, второй — для производства синтетического каучука «буна» по революционному способу, разработанному *IG Farben*¹⁰⁹. Советский Союз желал получить полный доступ к чертежам и сложному оборудованию, необходимому для контроля над реакциями, протекающими в условиях высокого давления. Неудивительно, что руководство *IG Farben* уперлось и при поддержке немецких военных сделка была сорвана. Но сам тот факт, что Советский Союз мог выдвигать подобные требования, свидетельствует о всей серьезности дилеммы, стоявшей перед Германией. Резкий рост объемов торговли, необходимых для снабжения находившегося в блокаде германского «большого пространства», не мог не дать Советскому Союзу все более мощного средства воздействия на партнера по союзу.

К осени 1940 г. зависимость Германии от поставок сырья, топлива и продовольствия из Советского Союза создала поистине шизофреническую ситуацию. На торговых переговорах советские представители больше всего ценили такие средства оплаты, как германские станки и оборудование. Однако вывоз таких товаров прямо противоречил подготовке вооруженных сил самой Германии к вторжению в Советский Союз. Поразительно, но вместо того, чтобы прерывать поставки для СССР в пользу люфтваффе, Геринг в начале октября 1940 г. приказал, чтобы по крайней мере до 11 мая 1941 г. поставки для Советского Союза, а соответственно, и для Красной армии, имели такой же приоритет, как и запросы вермахта¹¹⁰. Даже в преддверии операции «Барбаросса» Германия не могла себе позволить отказаться от советской нефти, зерна и металлических сплавов.

Готовность идти на такие причудливые компромиссы отражала возраставшую в Берлине обеспокоенность в отношении тревожной ситуации со снабжением Германии сырьем¹¹¹. Как отмечало в конце октября 1940 г. военно-экономическое управление вермахта, «Текущая благоприятная ситуация с сырьем (улучшившаяся благодаря запасам, захваченным на вражеской территории) в случае продолжения войны и после исчерпания

109. DRZW 4. 151–2.

110. ВАМА RW19/164, 114; DRZW 4. 204. Кроме того, немцы серьезно отнеслись к выдвинутому в мае 1941 г. советским претензиям о недостаточных поставках угля: ВАМА RW19/165, 69.

111. Об обеспокоенности положением с каучуком в октябре 1940 г. см.: ВАМА RW19/164, 80–85.

имеющихся запасов превратится в проблему. Это ожидается с лета 1941 г. в отношении топлива, а также промышленных жиров и масел»¹¹². Зависимость Германии в этой сфере стала еще более остро ощущаться после неурожая 1940 г. Во время трехдневного визита советского министра иностранных дел Молотова в Берлин, состоявшегося в ноябре 1940 г., одним из первых пунктов в германской повестке дня служила срочная просьба об удвоении импорта зерна из Советского Союза по сравнению с текущим уровнем в 1 млн тонн в год¹¹³. К концу года проблема запасов зерна вызывала озабоченность даже у военного руководства. Генерал Гальдер с тревогой отмечал у себя в дневнике, имея в виду продовольственную ситуацию: «В течение 1941 года мы как-нибудь продержимся»¹¹⁴. Что будет дальше, никто не мог спрогнозировать. Вопрос неожиданно разрешился в начале января 1941 г., когда СССР более чем удвоил поставки, даже согласившись удовлетворить германские запросы за счет государственного зернового резерва¹¹⁵. Однако по иронии судьбы советские попытки откупиться от немцев привели к противоположному результату. Судя по всему, способность идти на столь серьезные уступки в столь короткие сроки только укрепила Гитлера в его убеждении в том, что завоевание Украины станет следующим очевидным шагом в его агрессивной войне.

По сути, еще до неудачного исхода «Битвы за Британию» Гитлер явно убедил себя в том, что завоевание Советского Союза в 1941 г. является ключом к окончательной победе в войне как таковой. В ходе совещания с участием военного руководства, состоявшегося 31 июля 1940 г. в Бергхофе, Гитлер подчеркнул, что для того, чтобы покорить Британию и нейтрализовать американскую помощь, необходимо лишить Советский Союз способности к участию в войне¹¹⁶. «Британия возлагает все свои надежды на Россию и Соединенные Штаты. Если вывести Россию из игры, то и Америка будет потеряна для Британии, потому что устранение России чрезвычайно усилит Японию на Дальнем Востоке». По словам Гитлера, Россия была «дальневосточным мечом Британии и Соединенных Штатов», острие которого было нацелено на Японию¹¹⁷. Нападение на Советский Союз и решительная победа над ним в 1941 г. лишили бы Бри-

112. ВАМА RW19/164, 117.

113. DRZW 4. 204–5.

114. *Halder Diary*, 23.12.1940, 308; Ф. Гальдер, *Военный дневник*, т. 2, 231; DRZW 5. 200.

115. DRZW 4. 207; *Halder Diary*, 291.

116. DRZW 4. 38–41.

117. *Halder Diary* 31.07.1940, 244; Ф. Гальдер, *Военный дневник*, т. 2, запись от 31.07.1940; Hillgruber, *Zerstörung*, 192.

танию ее «материкового кинжала» и развязали бы руки Японии. Если бы Великобритания предпочла продолжить войну, а японская агрессия втянула бы в нее Америку, то полный контроль над евразийскими просторами по крайней мере обеспечил бы Германию ресурсами, которые требовались ей для подлинной трансатлантической битвы. Как выразился Гитлер 9 января 1941 г., после завоевания жизненного пространства на востоке Германия будет готова к войне «между континентами»¹¹⁸. Более того, он явно оценивал экономический потенциал такой империи выше, чем совместный потенциал Британии и Америки. И именно к этим идеям о совместной японо-германской войне против Британии и Америки он вернулся спустя полгода, в эйфорические первые недели июля 1941 г., когда предложил японскому послу заключить наступательный союз против Соединенных Штатов¹¹⁹.

Пока же Гитлеру было нужно, чтобы США не вступили в войну до тех пор, пока не будет разгромлен Советский Союз. И, разумеется, не случайно то, что 30 января 1941 г., через два года после того, как Гитлер впервые выступил с публичными заявлениями относительно судьбы европейского еврейства, он решил сделать это еще раз¹²⁰. Как мы уже видели, зимой 1940–1941 гг. пугающие темпы американского перевооружения вызывали у Берлина все большее беспокойство, и 30 января 1941 г., в отличие от того, что произошло в тот же день двумя годами ранее, Гитлер адресовал свои угрозы непосредственно Соединенным Штатам, требуя от Америки, чтобы она воздержалась от какого-либо вмешательства в европейские дела. Однако существенно то, что он назвал в качестве даты своего прежнего заявления не 30 января, а 1 сентября 1939 г. — день нападения Германии на Польшу. В сознании Гитлера угроза мировой войны, американцы и евреи были неразрывно связаны друг с другом. Реальное давление глобальной гонки вооружений и те ужасы, которые Гитлер видел в своих идеологических фантазиях, сошлись воедино в операции «Барбаросса», представлявшей собой сочетание невероятных амбиций и насилия¹²¹.

118. DRZW 4. 159.

119. Hillgruber, *Zerstörung*, 193–4. Как указывает Вейнберг, Гитлер, «пытаясь натравить японцев на западные державы еще с 1938 г.», «с удовольствием давал такому пакту самую широкую и агрессивную трактовку»: Weinberg, *World in the Balance*, 86.

120. Kershaw, *Hitler: Nemesis*, 349–53.

121. Недавно предпринятая Т. Джерсаком попытка отделить стратегические и идеологические мотивации от «конкретных интересов, связанных с экономи-

Задним числом трудно избежать вывода о том, что после поражения Франции Германии следовало осуществлять оборонительную стратегию, укрепляя свои позиции в Западной Европе, стараясь подорвать позиции Великобритании в Средиземноморье и вынуждая британцев и американцев пробивать себе путь на материк бомбами. С учетом того, что вермахт в итоге пал жертвой Красной армии, это трудно отрицать. Но при выдвижении подобных контрфактуальных аргументов из вида слишком часто упускается возмраставшее в Берлине осознание того, что даже после захвата Западной Европы Германия все равно не получила бы превосходства над Великобританией и Америкой в случае затяжной войны с ними. Хроническая нехватка нефти, плачевное состояние европейских угольных шахт и уязвимость продовольственного снабжения делали маловероятным то, что Германии удалось бы «консолидировать» свои завоевания 1940 г., не впадая в чрезмерную зависимость от Советского Союза. Даже если бы это было возможно, объединенные производственные мощности Великобритании и Америки намного превосходили промышленные мощности, находившиеся в тот момент под германским контролем, а это, в свою очередь, означало катастрофический исход затяжной войны в воздухе. С другой стороны, вермахт доказал свою способность добиться решительной победы в борьбе с армиями, которые считались сильнейшими в Европе. Имея в виду все эти факторы, нам будет легче оценить, почему оборонительная стратегия осенью 1940 г. представлялась не самым лучшим вариантом. После поражения Франции мечты о грандиозной сухопутной империи казались близкими к воплощению, а с учетом гигантских промышленных мощностей, маячивших по другую сторону Атлантики, решать следовало быстро.

кой и продовольственной политикой», представляется в высшей степени надуманной. Стратегия Гитлера имела идеологическую окраску, а его стратегические расчеты еще начиная с *Mein Kampf* и его «Второй книги» последовательно вращались вокруг «конкретных» вопросов, относящихся к снабжению продовольствием и сырьем и производственным мощностям. См.: DRZW 9/1. 284–5.

Часть III
Мировая война

Подготовка к двум войнам сразу

ЧЕРЕЗ несколько недель после победы над Францией, 31 июля 1940 г., Гитлер приказал вермахту начать подготовку к кампании по уничтожению Советского Союза. К началу 1941 г. решение было принято окончательно. По причине обширных масштабов боевых действий и сохраняющихся проблем с доступом к архивным материалам в бывшем Советском Союзе наши знания о ходе борьбы на Восточном фронте до сих пор страдают серьезной неполнотой. Но бесспорно то, что именно на Восточном фронте Третий рейх был обескровлен и что вермахт был уничтожен главным образом усилиями Красной армии. Издав приказ о нападении на Советский Союз, Гитлер сам навлек гибель на свою голову.

Был ли такой исход неизбежен? В глазах некоторых авторов этот вопрос остается открытым¹. Джон Кеннет Гэлбрейт, прославленный экономист, который после победы произвел оценку состояния военно-воздушных сил армии США, откровенно выразился на этот счет в статье, опубликованной в 1945 г. в журнале *Fortune*: «Германия не должна была проиграть войну, это очевидный факт...»². Согласно Гэлбрейту, вторжение вермахта в СССР завершилось катастрофой только потому, что нацистская диктатура не сумела в должной мере мобилизовать немецкую экономику и снабдить немецкую армию оружием и другими ресурсами, которые требовались ей для победы. По мнению Гэлбрейта, причиной этой недомобилизации служило сочетание чрезмерной уверенности и некомпетентности, усугублявшееся хронической нехваткой политической воли. В результате от немецкого тыла никто никогда не требовал тех жертв, кото-

1. О взглядах военных историков см.: A. J. Levine, «Was World War II a Near-run Thing?», *Journal of Strategic Studies*, 8 (1985), 51–7.

2. J. K. Galbraith, «Germany was Badly Run», *Fortune* (December 1945), 200. Решительную критику этих утверждений см. в: P. Hayes, «Polycracy and Policy in the Third Reich: The Case of the Economy», in T. Childers and J. Caplan (eds.), *Reevaluating the Third Reich* (New York, 1993), 190–210.

рые считались самоочевидными во вражеском стане. Гэлбрейт считал, что все это имело далеко идущие последствия. Поражение Германии стало «убедительным свидетельством неэффективности, присущей диктатурам, и эффективности, присущей свободному миру»³. Мнение Гэлбрейта не отличалось оригинальностью. Он почерпнул его из допросов Альберта Шпеера и его подчиненных, определенно подтверждавших волюнтаристскую трактовку Гэлбрейта. Согласно главному статистику Шпеера, до 1942 г. в Германии, несмотря на войну, «сохранялась экономика мирного времени»⁴. Шпеер, имеющий репутацию человека, пробудившего немецкую военную экономику ото сна, считал, что если бы он получил свою должность двумя годами ранее, то не исключено, что вермахт вторгся бы в СССР, имея вдвое больше оружия⁵. Ганс Керль, восторженный нацист, к 1943 г. ставший начальником штаба у Шпеера, придерживался той же чрезвычайно критической точки зрения. По его мнению, поражение Германии было обусловлено вялым и дезорганизованным состоянием военной экономики в 1940 и 1941 г.⁶ Подобная аргументация и в дальнейшем оказывала влияние на основное направление исторических исследований, посвященных Третьему рейху⁷.

Цель данной главы состоит в том, чтобы предложить альтернативную интерпретацию. Если мы хотим понять, что делали немцы в преддверии операции «Барбаросса», то дол-

3. Galbraith, «Germany», 200.

4. R. Wagenführ, *Die deutsche Industrie im Kriege* (Berlin, 1954), 25. Критический анализ безупречной статистики Вагенфюра см. в: J. A. Tooze, «No Room for Miracles», GG, 31(2005), 439–64.

5. A. Speer, *Inside the Third Reich* (London, 1970), 252–66; А. Шпеер, *Третий рейх изнутри. Воспоминания рейхсминистра военной промышленности* (Москва, 2005), 322–340; W. Bleyer, «Der geheime Bericht über die Rüstung des faschistischen Deutschlands vom 27. Januar 1945», *Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte* (1969), 347–68.

6. См.: H. Kehrl, «Kriegswirtschaft und Rüstungsindustrie», in *Bilanz des Zweiten Weltkrieges. Erkenntnisse und Verpflichtungen für die Zukunft* (Oldenbourg, 1953), 272–7. О связях Керля с ультраправыми ревизионистами см. в его статье «Zum Untergang des Dritten Reiches», *Historische Tatsachen*, 8 (Vlotho, 1981), опубликованной издательством *Verlag für Volkstum und Zeitgeschichtsforschung*.

7. В работе R. J. Overy, *Göring* (London, 1984), 138, период 1940–1941 гг. характеризуется как «эпоха эгоизма и некомпетентности», период, когда Германия упустила свои шансы на победу в войне. В противоположность многим другим авторам Овери похвально откровенен в своей готовности сочетать подобные суждения с открыто контрфактуальными размышлениями о возможности альтернативных исходов войны. Напротив, в истории Второй мировой войны, изданной *Militärgeschichtliches Forschungsamt*, говорится о том, что Германия «разбазарила свое преимущество в вооружениях», имевшееся у нее в 1940 и 1941 г., но выражается меньше готовности прибегать к откровенно контрфактуальным аргументам: DRZW 5/1.486–522.

жны сосредоточить внимание на стратегическом положении Германии. Как мы указывали в предыдущих главах, несмотря на фантастическую победу над Францией, все было далеко не так просто. Поражение Франции не принесло Германии победы в войне. Великобритания не была разбита. Начиная с весны 1941 г. она могла полагаться на обширную поддержку со стороны США, а с учетом экономической уязвимости новой германской империи стратегические перспективы Третьего рейха начиная с 1942 г. были крайне мрачными. В этой ситуации завоевание Советского Союза нельзя рассматривать само по себе — при всех колоссальных масштабах этого предприятия и несмотря на то, что оно соответствовало глубинным императивам нацистской идеологии. Нападение на СССР представляло собой средство укрепления позиций Германии — ради решающего противостояния с западными державами. И это, в свою очередь, объясняет, почему немецкую военную экономику нельзя было ориентировать исключительно на разгром Красной армии или хотя бы на производство тех вооружений, в которых имелась непосредственная потребность. Третий рейх, уверенно ожидавший быстрой и решительной победы, организовал нападение на Советский Союз таким образом, чтобы при первой же возможности направить как можно больше ресурсов на борьбу с Великобританией и ее сторонниками в США⁸. В этом смысле именно в преддверии «Барбароссы» нацистская Германия действительно взяла на вооружение полноценную стратегию блицкрига, объединявшую планы кампании, военную технику и программу производства вооружений. В основе этой стратегии лежала убежденность в молниеносной военной победе. Подобный широкомасштабный синтез был немыслим до французской кампании, поскольку результаты, ставшие возможными благодаря сочетанию современной техники с классическими принципами военных операций, удивили даже руководство Германии. Лишь после победы на Западном фронте возможность достижения решающих успехов на поле боя всего за несколько месяцев начала считаться неотъемлемым и очевидным компонентом гитлеровской военной стратегии. И только тогда появилась возможность систематически организовывать производство и доставку вооружений на основе этого предположения.

8. В работе S. Friedländer, *Prelude to Downfall: Hitler and the United States 1939–1941* (London, 1967), 158, указывается на то, что Томас из ОКВ получил приказ готовиться к затяжной войне всего через несколько дней после переизбрания Рузвельта 6 ноября 1940 г.

С целью избежать недопонимания важно подчеркнуть, что к такой стратегии блицкрига осенью 1940 г. обратились вовсе не с целью пощадить тыл. Как мы уже видели, идея о том, что немецкий тыл в первые месяцы войны был «недомобилизован», — не более чем миф. В стране ощущался такой дефицит рабочей силы, что режим был вынужден ввезти сотни тысяч расово неполноценных поляков с целью не допустить развала сельскохозяйственного производства. Производство промышленных потребительских товаров — одежды, мебели и всевозможной бытовой утвари — уже подверглось сильному сокращению, и это решение, несмотря на летнюю эйфорию 1940 г., так и не было отменено. Нельзя сказать, что немецкое руководство с безразличием относилось к моральному состоянию гражданского населения. Осенью 1940 г. Гитлер сделал ряд драматических заявлений о тех благах, которые станут доступны после окончательной победы Германии. В первую очередь они включали программу строительства роскошного жилья, которая по оптимистическим оценкам обошлась бы в 63 млрд рейхсмарок, и столь же масштабную программу модернизации немецкого сельского хозяйства⁹. Все это, однако, были послевоенные проекты, а это означало, что даже при самых оптимистических предположениях в отношении сроков «Барбароссы» их выполнение могло начаться самое раннее в 1942 г. Между тем приоритеты Гитлера в том, что касалось населения Германии, были весьма ограниченными: снабжение продовольствием и защита Германии от воздушных налетов. С точки зрения того, как представляли себе войну Гитлер и вермахт, между этими задачами и необходимостью дальнейшего ведения войны не существовало никакого противоречия. Напротив, самыми убедительными аргументами в пользу скорейшего завоевания Советского Союза уже в 1941 г. служили именно растущая нехватка зерна и необходимость вывести Великобританию из войны, прежде чем она начнет представлять собой серьезную воздушную угрозу. Значение стратегии блицкрига, к которой обратились в 1940–1941 гг., состояло не в том, что она позволяла сохранять минимальный общий уровень мобилизации, а в том, что она позволяла немецкой военной экономике работать сразу по двум направлениям. Заводы, работавшие на армию, обратили свои усилия на то, чтобы обеспечить ее ресурсами для быстрого, моторизованного блицкрига против Советского Союза. Между тем

9. M. L. Recker, *Nationalsozialistische Sozialpolitik im Zweiten Weltkrieg* (Munich, 1985), 128–54; G. Corni and H. Gies, *Blut und Boden: Rassenideologie und Agrarpolitik im Staat Hitlers* (Idstein, 1994), 61.

остальная часть военно-промышленного комплекса Рейха начала подготовку к конфронтации с Великобританией и Америкой в воздухе.

Поскольку такая стратегия подразумевала сочетание ряда задач, конкурирующих друг с другом, она не могла не привести к конфликту между различными заинтересованными сторонами в рамках нацистского государства. Поэтому у нас имеется возможность осветить события второго года войны сквозь призму запутанной подковерной борьбы в бюрократическом аппарате¹⁰. После того как миновал разразившийся в 1940 г. кризис с боеприпасами, попытки Фрица Тодта полностью подчинить себе производство вооружений перестали быть успешными. Итогом стала неуверенная ничья в противостоянии между Тодтом, военно-экономическим управлением ОКВ во главе с генералом Томасом и управлениями вооружений всех трех родов войск. Эта борьба во властных структурах дополнительно усугублялась двойственным положением Геринга как главы ВВС и ответственного за выполнение Четырехлетнего плана, а также происходившими время от времени вмешательствами Вальтера Функа, начальника гражданской экономической администрации. Все стороны, участвовавшие в этой многосторонней бюрократической баталии, обвиняли друг друга в некомпетентности и в неэффективных действиях. Таким образом след, оставшийся в архивных документах, как будто бы подтверждает собранные на более поздних этапах войны министерством Шпеера статистические показатели, которые на первый взгляд демонстрируют неэффективность и недомобилизованность военной экономики Рейха в 1940 и 1941 г. Но если нам интересны реальные результаты работы военной экономики, то бюрократические битвы в Берлине будут нас только отвлекать. Пусть немецкая военно-экономическая политика была невнятной, но цифры промышленного производства с июня 1940 г. по июнь 1941 г. в реальности несут на себе несомненный отпечаток стратегических замыслов. Производство вооружений и экономическая политика были привязаны к стратегическим военным планам, и при внимательном анализе данных мы увидим признаки того, что эта стратегия успешно привела к дальнейшему и очень существенному повышению уровня мобилизации немецкой экономики. То, что этого не хватило для того, чтобы нанести поражение Советскому Союзу — совсем другое дело.

10. Примером такого подхода в его наиболее кропотливом идеальном воплощении служит Müller, in DRZW 5/1.

I

Требования немецкой армии в связи с планом «Барбаросса» — *Rüstungsprogramm B* — были утверждены в течение двух недель после того, как Гитлер отдал приказ о подготовке к нападению на Советский Союз. Эта программа должна была определить производительность военной экономики Рейха на протяжении следующих восьми месяцев, начиная с августа 1940 г.¹¹ Историки горят таким стремлением продемонстрировать некомпетентность и усталость нацистского режима в этот решающий период, что мы рискуем упустить из виду серьезные усилия, предпринимавшиеся в преддверии «Барбароссы». Наступление вермахта, начавшееся 22 июня 1941 г., представляло собой крупнейшую отдельную военную операцию во всей зафиксированной в источниках истории человечества¹². В нападении участвовали силы численностью не менее чем в 3050 тыс. человек, разделенные на три гигантские группы армий, которые одновременно действовали на трех фронтах общей протяженностью более чем в 1000 километров. Операция «Барбаросса» может быть с полным правом названа последним аккордом европейской традиции военных операций, начало которой восходит по крайней мере к XVIII в. При подготовке к этой грандиозной кампании Третий рейх не сидел сложа руки. С мая 1940 г. по июнь 1941 г. размеры армии выросли с 143 до 180 дивизий¹³. Разумеется, не все новые дивизии могли быть использованы в России. Значительные силы следовало выделить для обороны новых владений Германии на Западе. Часть сил была также отвлечена на оккупацию Югославии и Греции весной 1941 г. и на кампании в Северной Африке. С другой стороны, военных трофеев, захваченных в 1940 г., более чем хватало для того, чтобы оснастить дивизии вермахта, размещенные в более спокойных зонах гитлеровской империи.

Цель *Rüstungsprogramm B* заключалась в существенном увеличении германской наступательной огневой мощи. В противоположность приготовлениям к нападению на Францию, отныне производственные приоритеты германской армии были однозначно подчинены требованиям танковой войны. Гитлер

11. См. изложение ситуации на сентябрь 1940 г. в: ВАМА RW19/205, 22–39.

12. Этот момент в какой-то мере упускается в работах более академического характера, но убедительно демонстрируется в: A. Clark, *Barbarossa: The Russian-German Conflict 1941–1945* (London, 1965), 44–57.

13. Müller, in DRZW 5/1.513.

никогда не забывал о танках после их поразительных успехов во Франции. Даже в первые недели июля 1940 г., когда Гитлер серьезно обдумывал крупномасштабное сокращение размеров армии, он исключил из этих планов «schnellen Truppen» («мобильные войска»)¹⁴. Наоборот, с лета 1940 г. по лето 1941 г. число танковых дивизий было удвоено, с 10 до 20. Значение этого факта можно преуменьшить, указав на то, что численность танков не выросла пропорционально увеличению числа дивизий. Но как мы уже выяснили, общее число машин не имеет смысла в качестве показателя эффективной боевой мощи танковых дивизий. Важным было не общее число танков, а число боееспособных средних танков — Pz-III, Pz-IV, а также Pz.Kpfw.35(t) и Pz.Kpfw.38(t) чешского производства. Если рассматривать только эту группу, то окажется, что сила германских танковых войск с мая 1940 г. по июнь 1941 г. удвоилась, так же как удвоилось и число танковых дивизий¹⁵. Помимо этого, в пропорциональной степени увеличилось и число бронетранспортеров, которыми было оснащено 10 моторизованных дивизий, от чьих действий зависел успех блицкрига. Танки могли стрелять и ездить, но они не могли занимать территорий в отсутствие поддержки со стороны мобильной пехоты.

Импульс, приданный танковому производству в 1940–1941 гг., важен еще и потому, что благодаря ему была создана одна из самых долговечных организационных структур в германской военной экономике. Фриц Тодт, распознав свой главный шанс, летом 1940 г. захватил инициативу в бюрократической борьбе, включив в свое Министерство боеприпасов и вооружений новый главный комитет по танкам¹⁶. Ключевые ингредиенты, обеспечившие успех этого комитета, были достаточно очевидными. Танковая программа была в достаточной степени обеспечена сырьем, рабочей силой и производственными мощностями. Применявшаяся Тодтом система привлечения промышленников к распределению производственных заказов уже доказала свою эффективность в качестве механизма мобилизации. Во главе главного комитета с 1940 по 1943 г. стоял д-р Вальтер Роланд, энергичный руководитель *Deutsche Edelstahlwerke Krefeld* — одного из ведущих поставщиков броневых плит. В свою очередь, авторитет Роланда основывался на его стату-

14. Как объясняет Тодт в ВАМА RW19/164, 100.

15. Данные из Müller, in DRZW 5/1. 554–5. О ключевой роли, которую играли танки Pz-III в танковом планировании см.: Ф. Гальдер. Указ. соч. Том 2. Запись от 5 декабря 1940 г.

16. О дальнейшем см.: Н. Н. Knittel, Panzerfertigung im Zweiten Weltkrieg: Industrieproduktion für die deutsche Wehrmacht (Herford, 1988), 30–44.

се члена правления индустриального гиганта *Vereinigte Stahlwerke* и фаворита Альфреда Феглера — бесспорно наиболее влиятельной личности в немецкой тяжелой промышленности. Именно с благословения Феглера Роланд в 1943 г. сменил Эрнста Пенсгена в качестве главы всего комплекса *Vereinigte Stahlwerke*. Роланд был членом партии с 1933 г., но реальную политическую силу главный комитет имел благодаря Карлу Отто Зауру, задиристскому заместителю Фрица Тодта. Заур, неизменно надзиравший за производством танков с лета 1940 г. до самого конца войны, заслужил вполне оправданную репутацию как одного из самых фанатичных «надсмотрщиков» в военной экономике. Сочетание промышленного и политического авторитета Роланда и Заура заразило энергией тех, кто уже входил в танковый картель, а также способствовало привлечению в него новых участников. К 1941 г. средний танк Pz-III, сменявший Pz-II в качестве главной машины танковых дивизий, выпускался уже не менее чем четырьмя разными заводами — MAN в Нюрнберге, MIAG в Брауншвейге и заводами компаний *Alkett* и *Daimler-Benz* в Берлине¹⁷. Выдача производственных заказов такому большому числу заводов представляла собой не просчитанный шаг, направленный на достижение оптимальной экономии за счет роста масштабов производства, а быстрый способ расширения производственных мощностей. Кроме того, она свела к минимуму конфликты между производителями, а посредством рассредоточения производства сделала немецкую танковую промышленность поразительно нечувствительной к воздушным бомбардировкам.

Подготовка к операции «Барбаросса» не ограничивалась наращиванием танковых сил. Соответствующая программа предполагала также существенное повышение огневой мощи пехотных дивизий посредством увеличения численности легких полевых гаубиц и полной замены старинных пулеметов времен Первой мировой войны, все еще широко использовавшихся в мае 1940 г., современными MG-34¹⁸. Существенно, что эта программа также предусматривала крупномасштабное совершенствование германских средств ПВО, причем в особенно больших количествах заказывались 88 и 105-мм зенитные пушки, непосредственно конкурировавшие с артиллерийскими запросами армии. Как можно увидеть из таблицы А4 (в Приложении),

17. Об этой важной смене поколений см.: W.J. Spielberger, *Die Panzer-Kampfwagen I und II* (Stuttgart, 3rd edn., 1991); W.J. Spielberger and F. Wiener, *Die deutschen Panzer-kampfwagen III und IV mit ihren Abarten 1935–1945* (Munich, 1968).

18. В сентябре 1939 г. из 126800 пулеметов, имевшихся у вермахта, лишь 84078 были современными MG-34. См.: F. Hahn, *Waffen und Geheimwaffen des deutschen Heeres 1933–1945* (Bonn, 3rd edn., 1998), I. 56–61.

цели *Rüstungsprogramm B* в основном были выполнены. По сравнению с маем 1940 г. вермахт к лету 1941 г. усилился не только в плане общей численности, но и в плане огневой мощи.

В течение периода, назначенного для выполнения *Rüstungsprogramm B*, с октября 1940 г. по апрель 1941 г., годовой прирост выпуска оружия и военной техники составил 54%, производство самолетов выросло на 40%, а производство подводных лодок — более чем втрое¹⁹. Этот значительный рост производства вооружений зачастую остается в тени одновременного сокращения выпуска боеприпасов, которые, как мы видели, были для Гитлера приоритетом номер один в первые девять месяцев войны. Это смещение акцентов представляло собой определяющую черту германской военной экономики с лета 1940 г. по весну 1942 г. И мы сможем лучше оценить его значение, если вспомним, что к июлю 1940 г. на боеприпасы приходилось не менее 36% всего производства вооружений. К лету 1941 г. их доля составляла уже менее 20%. Это неожиданное снижение приоритетности боеприпасов, несомненно, привело к определенному замешательству и убыткам, особенно в секторе тяжелого машиностроения, где производились артиллерийские снаряды. Уже в третий раз, после 1937 и 1939 г., немецкая промышленность, перенастроившись на массовый выпуск боеприпасов, неожиданно столкнулась с отменой заказа на них. Однако с учетом колоссальных объемов боеприпасов, накопленных к лету 1940 г., было бы абсурдом продолжать их производство теми же темпами, которых требовал Гитлер шестью месяцами ранее. К сентябрю 1940 г. немецкая армия накопила не менее 21,9 млн снарядов к 105-мм гаубицам, на каждый из которых шло более 30 кг стали и 3 кг драгоценной меди²⁰. Боеприпасов большинства других калибров хватало более чем на год активных боевых действий. Прекращение избыточного производства боеприпасов, неважно отразившееся на общей производственной статистике, тем не менее, несомненно, являлось первоочередной задачей в рамках рациональной производственной стратегии²¹.

19. Подробнее см. в: J. A. Tooze, «Arming the Reich: Armaments Production in Hitler's Germany» (forthcoming), доступно на веб-сайте автора. См. также: Eichholtz, II, 7–9, 36–40.

20. ВАМА RH811012, 202.

21. То значение, которое имело производство боеприпасов, нередко упускается из виду при неблагоприятном сопоставлении начальных этапов мобилизации в германской и британской экономике. В сравнительных таблицах в: M. Harrison (ed.), *Economics of World War II* (Cambridge, 1998), 15–16, боеприпасы вообще не представлены. В реальности Германия в 1940 г. выпустила вчетверо больше артиллерийских снарядов, чем Великобритания, а в 1941 г. — вдвое больше: B. H. Klein, *Germany's Economic Preparations for War* (Cambridge, Mass., 1959), 98.

С учетом наличия огромных объемов боеприпасов, накопленных к лету 1940 г., сталь можно было перенаправить из сферы производства собственно вооружений в другие отрасли, не снижая реальной ударной мощи германской армии. Со второго квартала 1940 г. по второй квартал 1941 г. нормы отпуска стали для армии были сокращены более чем на треть, в то время как ее ударная мощь возросла примерно на столько же²². Сталь, которая не доставалась армии, не попадала в сферу гражданского потребления. Во второй половине 1940 г. снижение поставок стали для вермахта почти в точности соответствовало росту ее экспорта (см. Приложение, таблица А3). Таким образом, даже после начала войны требования платежного баланса по-прежнему конкурировали с производством вооружений в качестве одного из главных экономических приоритетов нацистского режима. Как мы видели, Германия в 1940 г. сделала все для того, чтобы накопить громадный торговый дефицит. Однако на протяжении 12 месяцев после октября 1940 г. германский экспорт вырос на 25% по сравнению с тем дном, которого он достиг в первое военное лето. Этот поток товаров был принципиально важен для поддержания отношений Германии с ее союзниками, включая СССР, Венгрию и Румынию, а также с такими важными нейтральными странами, как Испания и Швеция. Более того, как мы видели, одним из главных сторонников сохранения экспорта в военное время было военно-экономическое управление вермахта — не потому, что оно желало оказать услугу «гражданской экономике», а потому что рассматривало продолжение торговли как одно из условий выживания Германии в затяжной войне.

Другой ключ к интерпретации немецкой военно-экономической стратегии в преддверии «Барбароссы» можно найти в сфере управления рабочей силой²³. Как и в случае стали, оно строилось таким образом, чтобы позволить армии выполнить ее производственную программу и в то же время высвободить ресурсы для других целей. Чего точно не произошло, так это какого-либо снижения общего уровня мобилизации. Сразу же после победы над Францией немецкой промышленности были обещаны «победные дивиденды» в виде крупного сокращения размеров действующей армии. Однако это решение было пересмотрено уже через несколько недель, после того, как Гит-

22. Данные о распределении стали см. в: Müller, in DRZW 5/2.555.

23. О дальнейшем см. статью Кренера для DRZW 5/1 и 5/2. Кренера можно упрекнуть только за то, что его рассказ о политике Рейха в сфере труда в недостаточной мере коррелирует с аналогичными решениями в отношении сырья.

лер отдал приказ о подготовке к нападению на Советский Союз. Имея в июне 1940 г. численность в 5,767 млн человек и после этого ненадолго сократившись, осенью 1940 г. вермахт снова начал расти в размерах, к следующему лету достигнув общей численности в 7,3 млн человек. Входящие в подростковый возраст когорты населения давали примерно по 660 тыс. человек ежегодно. Но значительная часть этого роста объясняется дальнейшим расширением призывных категорий за счет людей, прежде освобожденных от призыва по причине их важности для военной экономики. По сравнению с маем 1940 г. рабочая сила Рейха в мае 1941 г. недосчиталась еще 1,4 млн трудящихся, призванных на военную службу. К лету 1941 г. немцы мужского пола в возрасте от 16 до 56 лет были разделены на три неравные группы: 7,388 млн находились в армии и еще 2,12 млн подростков в возрасте от 16 до 19 лет проходили военную подготовку; 3,6 млн мужчин всех возрастов были признаны негодными к военной службе, главным образом по медицинским показаниям; остальные (всего 5,516 млн человек) были освобождены от призыва по причине их незаменимости для военной экономики (*Unabkömmlich*)²⁴. К лету 1941 г. вермахт уже выгребал последние остатки людских ресурсов. По причине низкой рождаемости во время Первой мировой войны Германии приходилось посылать в бой буквально всю свою молодежь мужского пола²⁵. Из лиц в возрасте от 20 до 30 лет, физически пригодных для военной службы, 85% летом 1941 г. уже находились в рядах вермахта. Только 640 тыс. человек из этой важнейшей возрастной группы были освобождены от призыва вследствие их значения для военной экономики. Те, кто не был призван в армию по экономическим причинам, в подавляющем большинстве имели возраст более 30 лет. Но именно эта группа женатых мужчин среднего возраста, составлявших костяк военной промышленности, стала бы главной мишенью любого будущего призыва²⁶. Операция «Барбаросса» была нацелена на блицкриг и в этом смысле. Все самые пригодные людские ресурсы были полностью задействованы в первом ударе, и в резерве почти ничего не оставалось.

Зимой 1940–1941 гг. с целью решения этой квадратуры круга была разработана сложная система отправки опытных солдат обратно в немецкую промышленность, в то время как вермахт в максимально возможных количествах обучал новых призывников. По этой так называемой схеме производственных от-

24. Данные из Kröner, in DRZW 5/2. 854–5.

25. Kröner, in DRZW 5/1. 883.

26. Kröner, in DRZW 5/1. 959.

пусков» закаленные в боях ветераны должны были выпускать оружие, которое им и их товарищам предстояло следующим летом использовать в Советском Союзе. Однако в силу устройства этой системы у промышленности к апрелю 1941 г. почти не оставалось времени на выполнение *Rüstungsprogramm B*²⁷. После того как вооруженные силы Германии на востоке (*Ostheer*) начали наращивать свою численность, готовясь к вторжению в Советский Союз, немецкая промышленность лишилась многих ценных работников. Это не могло не сказаться на объемах производства. После зимних «производственных отпусков» немецкая экономика брала «военный отпуск». Разумеется, все это опиралось на убежденность в том, что кампания на востоке быстро завершится. Гитлер обещал своим солдатам, что они вернутся на рабочие места к концу августа²⁸. Даже в последние недели октября 1941 г. вермахт все еще готовился к тому, что численность армии неминуемо сократится на одну треть и сотни тысяч солдат будут отправлены производить оружие для войны против Великобритании и Соединенных Штатов²⁹.

Разумеется, нам хотелось бы знать, насколько эффективно немецкая промышленность использовала то ограниченное количество рабочей силы, которое находилось в ее распоряжении в 1940 и 1941 г. С учетом очень смелых заявлений различных исследователей о характере немецкого военно-промышленного производства, возможно, стоит вспомнить о том, что до войны промышленность Германии имела репутацию достойной соперницы британской индустрии в смысле производственной эффективности и по всеобщему мнению уступала только промышленности США. Тем не менее все эти разговоры о «неэффективности, эгоизме и некомпетентности» опираются на достаточно приблизительные данные, которые как будто бы указывают на катастрофическое снижение производительности труда в первые годы войны³⁰. Этот результат получен путем сравнения численности людей, трудившихся на вермахт в 1939–1941 гг., с наиболее часто цитируемой статистикой производства вооружений. Согласно этим источникам, производство вооружений в 1939–1941 гг. выросло всего на 70% при двукратном росте численности рабочей силы вермахта. Более того, в случае

27. См. финальный доклад от 16.05.1941, ВАМА RW19/294, 6–20. Как явствует из раздраженной реакции Гитлера на несоответствие между реальным производством и имевшимися производственными мощностями на май 1941 г., он не вполне осознавал это обстоятельство. См.: ВАМА RW19/165, 55, 61.

28. ВАМА RW19/164, 192.

29. Kröner, in DRZW 5/1. 868–9.

30. О критическом переосмыслении этих данных см.: Tooze, «No Room for Miracles».

РИС. 17. Численность рабочей силы и производство вооружений

люфтваффе утверждалось, что в 1939–1941 гг. при увеличении численности рабочей силы на 50% производство увеличилось всего на 15%³¹. Если эти сопоставления верны, то они свидетельствуют о катастрофическом уменьшении выработки на одного работника. Но по сути к этим заявлениям следует относиться с крайней осторожностью. Статистика, на которой они основываются, чрезвычайно неполна и при более пристальном изучении обнаруживает свою несостоятельность.

На рис. 17 изображен заново рассчитанный индекс производства вооружений по месяцам, сопоставленный с пересмотренной оценкой численности рабочей силы в военном секторе³². Несмотря на ежемесячные флуктуации, в целом оба графика идут параллельно, предполагая отсутствие резкого падения произво-

31. R. J. Overly, *War and Economy in the Third Reich* (Oxford, 1994), 346. На самом деле, судя по тем данным, которые Овери приводит в своей докторской диссертации, он допускает явную неточность. См.: R. J. Overly, «German Aircraft Production 1939–1942: A Study in German War Economy» (Cambridge, Ph.D. 1978), 151. Судя по всему цифры, на которые он ссылается в более поздней работе, относятся только к 1941 г. За весь период с 1939 по 1941 г. численность рабочей силы и производство выросли примерно вдвое.

32. Источники см. в: Tooze, «Arming the Reich».

дительности. Возможно, она несколько снизилась в последние месяцы 1941 г. Но это едва ли удивительно с учетом сбоев, вызванных мобилизацией для операции «Барбаросса». Транспортная система снова разладилась, и хотя общее число рабочих, трудившихся на вермахт, продолжало увеличиваться, объемы производства страдали из-за призыва ключевых работников в армию. При выходе за рамки таких заявлений самого общего плана мы сталкиваемся с серьезными трудностями из-за проблематичности получения подлинно сопоставимых критериев выработки и численности рабочей силы в военном секторе. В случае армии и флота производительность труда почти наверняка не снизилась, поскольку, как мы видели, объемы производства для армии и строительства боевых кораблей весьма резко выросли в 1940–1941 гг., в то время как численность рабочей силы на армейских заводах увеличилась только на 20%, а на флотских верфях — всего на 7%³³. Какие-либо провалы вследствие сокращения производства боеприпасов следует считать последствием сознательной политики, а не снижения производительности. Наиболее вероятным подозреваемым в снижении производительности в преддверии «Барбароссы» являются люфтваффе, где наибольший прирост официальной численности рабочей силы «вермахта» был зафиксирован в 1940–1941 гг. Официальные данные о численности трудящихся на предприятиях люфтваффе, преувеличенные на неизвестную величину, действительно демонстрируют увеличение численности рабочей силы люфтваффе на 40% с весны 1940 г. по осень 1941 г.³⁴ При сравнении с цифрами выпуска самолетов они указывают на стагнацию производительности труда в 1941 г., но никак не на ее спад. Ниже будет говориться о том, что в 1940–1941 гг. в Германии существовали специфические технические факторы, затруднявшие выпуск самолетов. Кроме того, этот сектор тоже страдал от сбоев, вызванных проведением «Барбароссы». Однако более важно то, что поспешные сопоставления производства и численности рабочей силы в 1941 г. не учитывают того факта, что производство самолетов требует времени — на превращение сырья в готовые самолеты требуется по меньшей мере шесть месяцев. Поэтому едва ли удивительно то, что серьезный прирост численности рабочей силы на заводах люфтваффе в 1941 г. не привел к немедленному скачку объемов производства. Не следует ожидать того,

33. См. данные по численности рабочей силы, трудившейся на армию, флот и люфтваффе, в: Kögner, in DRZW 5/1.788, и PRO FO 1078/138.

34. Выражаю благодарность Лутцу Будрассу, предоставившему мне данные по численности рабочей силы в люфтваффе с 1939 по 1943 г.

что привлечение дополнительных рабочих сказалось бы на численности самолетов, поступивших в люфтваффе, задолго до весны 1942 г. Собственно говоря, именно это мы и видим в действительности. Резкое увеличение числа рабочих, трудившихся на люфтваффе, через 6–9 месяцев привело к скачкообразному росту производства. Обычно это объясняют «производственным чудом» Альберта Шпеера, начавшимся весной 1942 г. благодаря полной реорганизации военной экономики. На самом же деле факты говорят о том, что следует обратить внимание на приготовления, начавшиеся как минимум годом ранее³⁵.

II

В любом случае, каким бы удивительным это ни казалось, ключ к пониманию военно-промышленной стратегии Рейха в 1941 г. — в осознании того, что в отличие от первых месяцев войны она не была направлена в первую очередь на максимизацию объемов непосредственного производства³⁶. В частности, люфтваффе с первых месяцев 1941 г. в равной мере делили свое внимание между «Барбароссой» и войной против Великобритании и США. Такой тон задал сам Гитлер в своем выступлении перед главнокомандующими в Берхтесгадене 9 января 1941 г. Рассматривая поражение Советского Союза как предрешенное событие, он развернул перед слушателями картину будущего с безграничными возможностями, когда Германия будет участвовать в «борьбе континентов», под которой он явно имел в виду войну с США³⁷. Для того чтобы обеспечить себе в будущем такое глобальное могущество, Германия должна была в 1941 г. осуществлять такую промышленную стратегию, которая была бы ориентирована не только на текущее производство, но и на инвестиции в новые производственные мощности. Таким образом, в преддверии «Барбароссы» и армия, и организация по выполнению Четырехлетнего плана, и люфтваффе решали серьезные инвестиционные задачи. В дополнение к программам по расширению производства, инициированным в 1938 г., и инвестициям более целевого плана, толчком к которым послужила программа фюрера по производству боеприпасов, принятая

35. Если не считать неубедительных утверждений в отношении производительности, по сути именно к этому сводится главная идея работы Overу, «German Aircraft Production», 53.

36. Об этом 20 мая 1941 г. открыто заявил Кейтель во время обсуждения программы по производству вооружений на период после «Барбароссы».

37. DRZW 4. 159.

в начале 1940 г., все это привело к такому инвестиционному буму, какого никогда прежде не видела немецкая промышленность³⁸.

Что касается армии, то на первом месте стояли танки и взрывчатые вещества. Несмотря на колоссальный размах операции «Барбаросса», вермахт разделял убежденность в том, что главными соперниками Третьего рейха в войне являются Великобритания и США. Более того, армия предполагала, что после победы на востоке ей придется вступить в конкуренцию с люфтваффе и флотом. Поэтому в качестве альтернативы воздушной и морской войне армейский штаб предлагал различные варианты операций против британских владений в Западной Азии. После разгрома Советского Союза можно было направить мощные танковые колонны на Ближний Восток и в северную Индию с баз в Ливии, Анатолии и на Кавказе. Генералы мечтали об армаде из 36 танковых дивизий общей численностью в 15 тыс. машин, которая была нужна им для нанесения этого смертоносного удара³⁹. Внутренний план, подготовленный армией к маю 1941 г., предусматривал производство почти 40 тыс. танков и 130 тыс. полугусеничных машин в течение следующих трех лет⁴⁰. От этих замыслов евразийской войны в масштабах, невиданных со времен Александра Македонского, обычно отмахивались как от не более чем мысленных экспериментов. Однако в реальности объемы производства танков к концу года существенно превосходили уровень, фигурирующий в месопотамских фантазиях армейских генералов⁴¹. И этот прирост производства стал возможен только потому, что армейские планы на период после «Барбароссы» не остались на бумаге⁴². В 1941 г. в танковое производство были инвестированы сотни миллионов рейхсмарок. Производственные площади завода *Henschel & Sohn*

38. R. Krengel, *Anlagevermögen, Produktion und Beschäftigung der Industrie im Gebiete der Bundesrepublik von 1924 bis 1956* (Berlin, 1958).

39. Knittel, *Panzerfertigung*, 49. Эти цифры предполагали, что танковые дивизии будут иметь такую же численность, которая преобладала весной 1940 г., до того, как дивизии в преддверии «Барбароссы» были «разбавлены».

40. DRZW 4.221.

41. Фантастический аспект этих планов заключался не в цифрах ежемесячного производства, а в самой идее наличия танковых сил численностью в 15 тыс. машин. Подавляющее большинство немецких танков, выпущенных после мая 1941 г., уничтожалось в боях в течение нескольких месяцев после того, как они покидали заводы. В 1944 г., в момент своей максимальной танковой мощи, вермахт располагал менее чем 9700 боевых машин, половину из которых составляли относительно дешевые самоходные орудия. См.: Müller, in DRZW5/2. 654.

42. Knittel, *Panzerfertigung*, 49. Как и в обсуждавшемся выше случае люфтваффе, ключевым моментом является значение решений, принятых до февраля 1942 г.

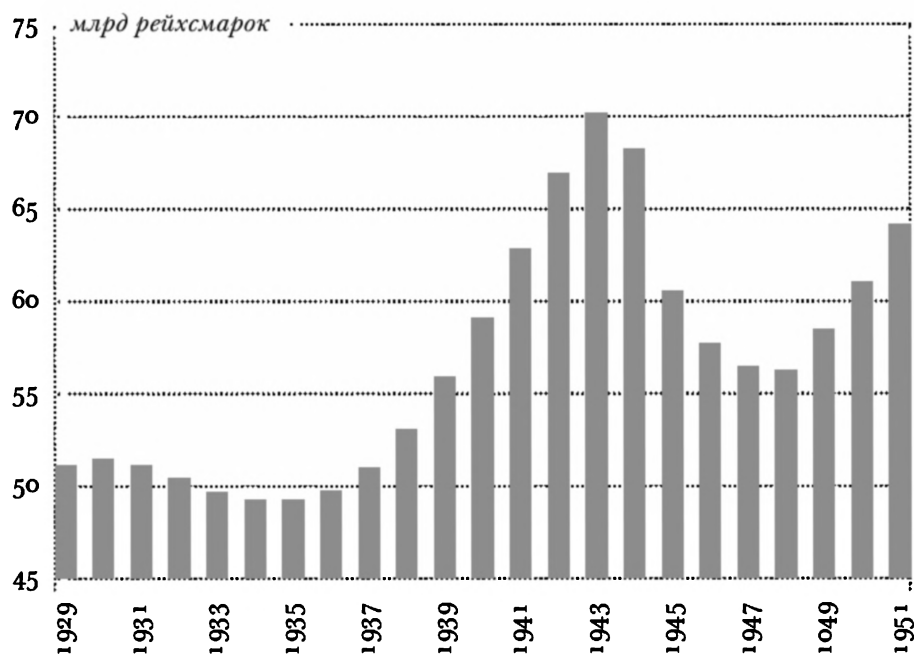

РИС. 18. Инвестиционный бум военного времени:
основной капитал немецкой промышленности

в Касселе увеличились почти на 100 тыс. кв. метров. В Санкт-Валентине (Австрия) был открыт новый гигантский завод *Nibelungen*, а кроме того, на производство танков были переведены еще два завода — *Vomag* в Плауэне и *Maschinenfabrik Niedersachsen*⁴³. Помимо этого, 1941 г. был отмечен важными сдвигами технологического характера. Германия наконец отказалась от крупномасштабного выпуска устаревших легких танков и сосредоточила всю энергию, какую могла, на производстве средних танков, на которых вермахт воевал до лета 1943 г. Более того, было принято решение ускорить процесс разработки двух новых тяжелых машин, предназначенных специально для борьбы с выдающимися танками Т-34 и КВ-1, причинившими столько неприятностей немецким войскам в России. Будущее танковых сил Рейха, равно как и люфтваффе, решалось не в 1942 или в 1943 г., а летом и осенью 1941 г.

Танковая программа была лишь одной из ряда крупных инвестиционных программ, выполнявшихся армией. Они финансировались через армейский инвестиционный холдинг MONTAN GmbH⁴⁴. Бухгалтерский баланс MONTAN дает превосходное представление о развитии германского военно-промышленного комплекса в первые годы войны. При ее изучении ста-

43. USSBS, *Tank Industry Report* (Washington, 1945), 6–7.

44. В. Hopmann, *Von der MONTAN zur Industrieverwaltungsgesellschaft (IVG) 1916–1951* (Stuttgart,

ЦЕНА РАЗРУШЕНИЯ

ТАБЛИЦА 13. Балансовая ведомость MONTAN GmbH, 1938–1943 годы: инвестиции германской армии в промышленность, млн рейхсмарок

	Активы на 31.03.1938	Увеличение активов в течение года:					Активы на 31.03.1943
		1938– 1939	1939– 1940	1940– 1941	1941– 1942	1942– 1943	
Оборудование	3,9	1,9	0,6	0,5	1,7	0,3	8,9
Оружие, автомобили, танки	61,3	48,7	72,6	106,8	124,8	81,0	495,2
Патроны	77,3	9,9	9,8	9,1	4,9	7,9	118,9
Снаряды	13,5	1,6	1,8	3,1	-17,5	74,2	76,7
Взрыватели	18,3	2,2	-0,5	0,2	-0,1	4,2	24,3
Взрывчатые вещества и химикалии	139,0	237,9	387,4	852,1	911,3	347,1	2874,8
Жилье	2,5	12,3	30,3	75,9	68,0	78,7	267,7
Только производственные активы	313,3	302,2	471,7	971,8	1025,1	514,7	3598,8
Все активы	315,8	314,5	502,0	1047,7	1093,1	593,4	3866,5

Источник: В. Hopmann, Von der MONTAN zur Industrieverwaltungsgesellschaft (IVG) 1916–1951 (Stuttgart, 1996), 120.

новится понятно, какие гигантские капиталовложения требовались вооруженным силам, особенно инвестиции в химическое производство. *Schnellplan* 1938 г. и требования Гитлера, выдвинутые в начале 1940 г., имели своим следствием то, что 70–80% армейских инвестиций в промышленные мощности приходилось в годы войны на производство взрывчатых веществ.

Химическое производство почти никогда не оставалось в стороне от инвестиционного бума военного времени. Как мы уже видели, к зиме 1940–1941 гг. среди руководства Рейха нарастала обеспокоенность долгосрочной ситуацией с поставками сырья. Главное место среди проблем Германии занимало неадекватное снабжение каучуком и нефтью. Обе проблемы были смягчены благодаря запасам, захваченным летом 1940 г., но так и не решены до конца. Предполагая, что с весны вермахт снова развернется во всю мощь, военно-экономический штаб предсказывал серьезную нехватку нефти и резины ко второй половине 1941 г. Одним выходом было строительство новых мощностей по про-

1996). Название этой книги не дает представления о том, насколько значимой является ее тема.

изводству синтетического топлива, вторым — завоевание Кавказа. В 1941 и 1942 гг. Третий рейх пытался решить обе эти задачи.

Зимой 1940–1941 гг. Карл Краух, отныне став и председателем наблюдательного совета *IG Farben*, и главным по химии в управлении по выполнению Четырехлетнего плана, снова занял ключевое положение в германской военной экономике⁴⁵. Как впоследствии отмечал генерал Томас, Краух очень серьезно отнесся к вопросу о «конкуренции с США»⁴⁶. Поэтому главным для него стало резкое расширение объемов производства синтетического топлива. Вторым приоритетом был каучук. В ноябре 1940 г. Краух потребовал от *IG Farben* увеличить мощность трех существовавших заводов по производству «буны» и построить четвертый завод на аннексированных польских территориях, где благодаря их удаленности от Ла-Манша можно было не опасаться британских бомбардировщиков. В феврале 1941 г. он поставил цель увеличить к 1943 г. производство синтетического топлива до 6 млн тонн с лишним по сравнению с уровнем в 4,3 млн тонн, ожидавшимся в 1941 г.⁴⁷ Более долгосрочная задача, впервые выдвинутая в 1938 г., состояла в том, чтобы к 1945 г. производить более 10 млн тонн нефтепродуктов.

В самом конце 1940 г. Карл Краух и *IG Farben* начали присматриваться к маленькому верхнесилезскому городку Аушвиц (Освенцим)⁴⁸. Расположенный на ровной местности, поблизости от угольных месторождений Кракова и центральной Верхней Силезии, хорошо обеспеченный водой и находящийся в центре развитой железнодорожной сети, Аушвиц представлял собой идеальное место для строительства крупного химического комплекса. Поначалу подчиненные Крауха собирались строить там из гидрогенизационных заводов нового поколения, строившихся по лицензии IG. Но в декабре 1940 г. сама фирма *IG Farben* решила строить в Аушвице крайне необходимый завод по производству синтетического каучука, и к февралю 1941 г. с СС была

45. См. решение Геринга по поводу приоритетов, 3.02.1941, ВАМА RW19/164, 129.

46. ВАМА RW19/166, 233, что подтверждается и замечаниями Крауха, сделанными весной 1939 г.

47. W. Birkenfeld, *Der synthetische Treibstoff 1933–1945* (Göttingen, 1964), 164.

48. По этой вызывающей множество споров теме см.: P. Hayes, *Industry and Ideology: IG Farben in the Nazi Era* (Cambridge, 1987), 347–68; G. Plumpe, *Die IG Farbenindustrie AG* (Berlin, 1990), 378–90; R. J. van Pelt and D. Dwork, *Auschwitz: 1270 to the Present* (New Haven, 1996), 197–235; P. Hayes and H. Deichmann, «Standort Auschwitz: Eine Kontroverse», 1999: *Zeitschrift für Sozialgeschichte*, 11 (1996), 79–101; F. Schmaltz and K. H. Roth, «Neue Dokumente zur Vorgeschichte des IG Farben-Werks Auschwitz-Monowitz», 1999: *Zeitschrift für Sozialgeschichte*, 13 (1998), 100–16; B. C. Wagner, *IG Auschwitz: Zwangsarbeit und Vernichtung von Häftlingen des Lagers Monowitz 1941–1945* (Munich, 2000).

достигнута договоренность о передаче фирме индустриального полигона размерами 8 на 3 км к востоку от Аушвица. В тот момент маленький концентрационный лагерь, содержащийся СС в Аушвице, не играл заметной роли в планах Гимmlера, но с течением времени амбиции Крауха, IG и СС резко выросли. В промышленном плане к Аушвицу стали относиться не просто как к заводу по производству «буны», а как к передовому химическому комплексу, способному выпускать «буну», метанол, карбид, а также изооктан — важнейшую присадку к авиационному топливу для люфтваффе. Окончательный бюджет завода в Аушвице составлял 776 млн рейхсмарок, что являлось крупнейшей отдельной инвестиционной статьей во всем портфеле Четырехлетнего плана. До окончания войны из этой суммы было реально истрачено не менее 610 млн рейхсмарок⁴⁹. В смысле своих масштабов химический завод совершенно затмил собой расширявшийся лагерь смерти, построенный СС всего милей восточнее. Кроме того, Аушвиц не являлся самостоятельной статьей инвестиций. Благодаря решению *IG Farben* построить четвертый завод синтетического каучука в Аушвице-Моновице (Дворы) он оказался включен в тройку огромных химических предприятий в восточной Верхней Силезии. Двумя другими были завод в Хайдебреке, также построенный *IG Farben* для производства изооктанового авиационного топлива, и еще один завод синтетического топлива, построенный в Блехгаммере той фирмой, которой первоначально был выделен участок в Аушвице. Всего на верхнесилезский химический комплекс, по-видимому, было истрачено порядка 1,3 млрд рейхсмарок или примерно 13 млрд евро в современных деньгах. Стало обычным делом относиться к этим проектам всего лишь как к «инвестиционным провалам» («*Investitionsruinen*») — абсолютно бессмысленным капиталовложениям, которые не принесли никакой практической пользы немецкой военной экономике⁵⁰. Поскольку все три химических завода в Силезии были по крайней мере отчасти построены руками заключенных концлагерей, это отношение к ним более чем понятно. На строительстве завода *IG Farben* в Моновице рассталось с жизнью не менее 30 тыс. заключенных⁵¹. В свете такой трагической истории Аушвица к нему легче относиться совершенно отрицательно, как к месту, с которым не связано ничего,

49. Hayes, *Industry and Ideology*, 351; Plumpe, *Die IG Farbenindustrie*, 389.

50. См.: H. Mommsen, *Mythen der Modernisierung: Zur Entwicklung der Rüstungsindustrie im Dritten Reich* (Essen, 1999).

51. Wagner, *IG Auschwitz*, 7, 10, 287.

кроме гибели и уничтожения⁵². Однако к сожалению, реальность носила более сложный характер. Нередко отмечается, что завод *IG Auschwitz* так и не выпустил ни грамма синтетического каучука, и это правда. Но к 1942 г. он уже не был заводом по производству одной лишь «буны». Под сильнейшим нажимом со стороны берлинских властей, стремившихся к тому, чтобы их гигантские инвестиции хоть как-то оправдались, управляющие IG в Аушвице летом 1942 г. решили при первой же возможности начать производство метанола⁵³. Это вещество представляло собой один из важнейших компонентов военного производства в качестве авиационного топлива, а также одного из основных видов сырья при производстве взрывчатых веществ⁵⁴. Отправка первой партии метанола из Аушвица-Моновица в октябре 1943 г. сопровождалась крупными торжествами, на которые руководство IG, разумеется, пригласило и коменданта лагеря Рудольфа Гёсса. Министерство вооружений Шпеера ожидало, что к 1944 г. Аушвиц даст десятую часть всех поставок метанола. Хайдебрек был рассчитан на его производство во вдвое больших объемах. К тому моменту, как британские и американские бомбардировки в 1944 г. начали причинять серьезный ущерб заводу *IG Farben* в Лойне, силезский комплекс уже был готов к работе. Согласно Обзору стратегических бомбардировок США (*United States Strategic Bombing Survey*), Аушвиц и Хайдебрек «пришли на выручку» германской военной экономике в 1944 г.⁵⁵ К концу 1944 г. на Аушвиц приходилось 15% производства метанола в Германии, а д-р Иоганн Гизен — человек, отвечавший в Аушвице за топливную программу, — в знак признания его заслуг был назначен Министерством вооружений Шпеера ответственным за метаноловый сектор во всем Рейхе. Расходы средств и ресурсов в Силезии действительно оказались непропорционально велики по сравнению с полученной от них чистой отдачей, но это было обусловле-

52. Как указывает Сибилла Штейнбахер, и лагерь, и промзона в Аушвице представляли собой основу энергично проводившегося эксперимента по германизации городов в Восточной Силезии. См.: S. Steinbacher, «Musterstadt» Auschwitz: Germanisierungspolitik und Judenmord in Ostoberschlesien (Munich, 2000).

53. См. замечания Гимmlера, сделанные им 18 июля 1942 г. во время посещения строительной площадки IG: IMT, *IG Farben Case VIII*, NI 14551, 477–8.

54. Та роль, которую управляющий *IG Farben* Иоганн Гизен, впоследствии нашедший работу в швейцарской химической промышленности, сыграл в организации производства метанола в Аушвице, освещается Лукасом Штрауманом в его работе для веб-сайта OnlineReports.ch: L. Straumann, «Das dunkelste Kapitel in Christoph Blochers Ems Chemie». См. также: J. R. White, «Target Auschwitz: Historical and Hypothetical German Responses to Allied Attack», *Holocaust and Genocide Studies*, 16 (2002), 54–76.

55. USSBS, *Over-all Report* (European War) (Washington, 1945), 51.

но нехваткой времени, а не внутренней логикой данных проектов. В итоге от колоссальной инвестиционной программы Крауха больше всего выиграли Советский Союз, вывезший большую часть аппаратуры высокого давления, и поляки, которым достались здания и электрогенераторы. К 1950-м гг. оставшиеся производственные мощности в Аушвице-Освенциме представляли собой ядро химической промышленности силезского региона, работающей на угле. Завод пережил крах коммунизма и сегодня является третьим по величине производителем синтетического каучука в Европе, удовлетворяя примерно 5% глобального потребления. По состоянию на 2003 г. не менее двух из числа ведущих мировых производителей шин получали каучук с завода в Освенциме, основы которого были заложены в 1941 г., когда Карл Краух получил самую большую в своей жизни квоту стали. Согласно докладом о выполнении Четырехлетнего плана, в химические проекты Крауха в 1940 и 1941 г. было вложено не менее 2,5 млрд рейхсмарок⁵⁶.

Единственными конкурентами химической промышленности в качестве получателей инвестиций в военное время были предприятия люфтваффе. В 1940–1941 гг. именно на люфтваффе, а не на армию, была завязана германская стратегическая дилемма. Армии предстояло сражаться против СССР. Флоту предстояло сражаться против Британии. Единственным родом войск, который ожидала война на два фронта со всеми ее запросами, были люфтваффе. Кроме того, именно люфтваффе должны были первыми столкнуться с ужасающей индустриальной мощью США. Именно в сфере воздушной войны немцы всерьез опасались вклада Америки в военную экономику союзников. Сделанное Рузвельтом в мае 1940 г. заявление о том, что американская промышленность должна выпускать не менее 3 тыс. самолетов в месяц, а со временем довести их выпуск до 50 тыс., потрясло Рейхсминистерство авиации. Мифы, окружавшие американскую промышленность, и в частности ее феноменальные успехи в массовом выпуске двигателей внутреннего сгорания, мягко говоря, обескураживали. Хотя дискуссии с британцами в первую очередь вел Уильям С. Кнудсен из *General Motors*, в Берлине задавались вопросом: «Как поступит Форд?» («Was macht Ford?»). По причине изоляционистских наклонностей Генри Форда его компания на самом деле пребывала в нерешительности. Но к сентябрю 1940 г. с постройкой новейшего завода авиадвигателей в Ривер-Руж лед тронулся, и к весне 1941 г. уже полным ходом шло строи-

56. D. Petzina, *Autarkiepolitik in Dritten Reich* (Stuttgart, 1968), 183.

тельство в Уиллоу-Ран, где Форд сооружал свой знаменитый завод для массового выпуска тяжелых бомбардировщиков В-25⁵⁷. Завод в Уиллоу-Ран начал выдавать продукцию лишь на более поздних этапах войны. Но доносившийся из Америки шум заводов был достаточно тревожным для того, чтобы промышленник Фриц Зибель, знакомый с Германом Герингом, призвал срочно увеличить производство самолетов в Германии⁵⁸.

Однако в 1940 и 1941 г. принципиальная проблема заключалась скорее в качестве, а не в количестве. Если «Битва за Британию» и выявила что-либо, так это недостатки, присущие программе развития люфтваффе. Уже выпускавшиеся самолеты оказались не в состоянии одержать решительную победу над Королевскими ВВС. Средний бомбардировщик *Junkers-88* был вовсе не тем универсальным боевым самолетом, способным выиграть войну, на который в 1938 г. купился Геринг. В докладе по итогам боевых действий, составленном эскадрильями, размещенными на побережье Ла-Манша, констатировалось, что летные экипажи «боятся не врага, а Ju-88»⁵⁹. Это был медленный самолет, у него отсутствовало эффективное оборонительное вооружение, а его полезная нагрузка была безнадежно недостаточной для стратегических бомбардировок. Имея новые моторы, He-111 и Do-17, средние бомбардировщики предыдущего поколения, по своим показателям превосходили Ju-88, который должен был заменить их. И это была не только техническая проблема. Весь индустриальный план люфтваффе после 1938 г. строился на превосходстве Ju-88, корпорации *Junkers* и ее генерального директора Генриха Коппенберга. Усомниться в качестве Ju-88 означало усомниться в самой основе развития люфтваффе в течение трех предыдущих лет, а также в сотнях миллионов инвестированных рейхсмарок.

Второй основной самолет люфтваффе — *Messerschmitt Bf-109* — был превосходным ближним истребителем-перехватчиком, но он эксплуатировался еще с испанской гражданской войны и его конкурентоспособность удавалось поддерживать лишь путем неоднократных модернизаций. Зимой 1940–1941 гг. в значительной мере именно трудности, сопровождавшие начало производства Bf-109E («Эмиля»), вызвали резкое сокращение выпуска самолетов, вызвавшее такое замешательство в люфтваффе. При этом было ясно, что в обозримом будущем эту машину тоже

57. Подробное описание деятельности *Ford* в военное время см. в официальной истории компании: Benson Ford Research Center, Acc. 435.

58. L. Budrass, *Flugzeugindustrie und Luftrüstung in Deutschland* (Düsseldorf, 1998), 707–11.

59. Ibid., 636.

придется менять. *FockeWulf* FW-190, в начале 1941 г. приближавшийся к боеготовности, обещал существенный прирост эксплуатационных характеристик. Но руководству *FockeWulf* не хватало политического влияния Вилли Мессершмитта, а радиальный двигатель BMW, вокруг которого строилась конструкция этого самолета, оказался крайне ненадежным. Второй главный столп Мессершмитта — тяжелый истребитель Me-110 — стал одной из жертв «Битвы за Британию». Эта машина, игравшая роль дальнего самолета сопровождения для немецких бомбардировщиков, была совершенно беспомощна перед истребителями Королевских ВВС. Согласно планам Эрнста Удета, на смену Me-110 вскоре должен был прийти намного более совершенный Me-210. Однако этот самолет оказался одним из крупнейших конструкторских просчетов за всю войну⁶⁰. То же самое можно сказать и о дальнем стратегическом бомбардировщике Хейнкеля, четырехмоторном He-177. Будущее люфтваффе как стратегического орудия и Хейнкеля как крупного авиаконструктора основывалось на летных качествах этого самолета. На заводе Хейнкеля в Ораниенбурге, получавшем финансирование от государства, был построен специальный цех, приспособленный для нового важного эксперимента в военной промышленности — крупномасштабного использования труда заключенных⁶¹. Однако главным образом благодаря абсурдному производственному заданию, требовавшему от He-177 способности к бомбометанию с пикирования, этот самолет вышел катастрофически неудачным. У него то и дело отваливались крылья, а причудливое расположение двигателей цугом приводило к частым самовозгораниям⁶².

В свете этих технических проблем едва ли удивительно то, что Рейхсминистерство авиации в начале 1941 г. испытывало сложности с составлением внятного долгосрочного производственного плана. Люфтваффе ощущали срочную потребность в новом поколении самолетов, которая представлялась еще более насущной по причине тревожных известий об американских планах массового производства. Казалось, что единственная на-

60. О Me-110 и его злополучном преемнике см.: H. J. Ebert, J. B. Kaiser, K. Peters, *Willy Messerschmitt* (Bonn, 1992), 150–75; P. Schmoll, *Die Messerschmittwerke im Zweiten Weltkrieg* (Regensburg, 1998), 56–60; A. van Ishoven, *Messerschmitt: Aircraft Designer* (London, 1975), 149–65.

61. K. Orth, *Das System der nationalsozialistischen Konzentrationslager* (Hamburg, 1999), 175–9; Budrass, *Flugzeugindustrie*, 775–87.

62. M. Griehl and J. Dressel, *Heinkel He 177, 277, 274* (Shrewsbury, 1998). Причиной пожаров служили протечки в гидравлической системе, из-за которых масло выливалось на горячие выхлопные патрубки. См.: H.-J. Braun, «Krieg der Ingenieure?», in B. Thoss and H.-E. Volkmann (eds.), *Erster Weltkrieg: Zweiter Weltkrieg* (Paderborn, 2002), 208.

дежда Германии заключалась в том, чтобы противопоставить количеству качество. Как без всякого намека на оптимизм выразился в сентябре 1941 г. начальник штаба люфтваффе, «Если военно-воздушные силы Германии и способны одержать решительную победу над американо-британским противником в воздухе, то лишь посредством качественного превосходства своего оружия»⁶³. Поскольку новые модели, уже предназначенные для серийного производства, оказались ненадежными, то ведущие конструкторские фирмы — *Junkers*, *Heinkel* и *Messerschmitt* — погрузились в разработку новых машин: Ju-288 вместо Ju-88, Me-209 вместо Me-109 — в надежде на получение решающего преимущества в следующей крупной фазе распределения заказов. Между тем у второстепенных производителей, выпускавших самолеты по лицензии, имелись все стимулы к тому, чтобы подстраховаться и избегать чрезмерной привязанности к какой-либо конкретной конструкции или компоненту. Результатом этого процесса конкуренции стало обилие прототипов и инноваций, но отнюдь не оптимальное использование экономии за счет масштаба. Однако эти соображения не должны заслонять от нас процесс ускорения, который в последние месяцы 1940 г. уже начал сказываться на планировании в германских ВВС в качестве прямого ответа на англо-американскую воздушную угрозу. В основе этого ускорения лежали новые грандиозные замыслы Карла Крауха по производству синтетического каучука и авиационного топлива. Впрочем, в 1940 и 1941 г. предпринимательские усилия Крауха умножались на не менее энергичную деятельность Генриха Коппенберга из *Junkers*. С тем чтобы дать отпор Америке с ее массовым производством, Коппенберг инициировал колоссальное расширение мощностей по выплавке алюминия, а также не менее важные новые инвестиции в сборку авиационных двигателей. В этом, как и в прочих отношениях, основы для увеличения выпуска самолетов были заложены задолго до того, как результаты этих мер начали ощущаться в 1942 г.

В 1940 г. благодаря колоссальному расширению производственных мощностей, осуществленному вермахтом, Германия вышла на первое в мире место по производству алюминия, достигнув уровня годовой выплавки в 300 тыс. тонн. Однако осенью 1940 г. должностные лица Рейхсминистерства авиации и управления по выполнению Четырехлетнего плана были встревожены известиями о том, что США к 1942 г. планируют

63. R. Schabel, *Die Illusion der Wunderwaffen: Düsenflugzeuge und Flugabwehrraketen in der Rüstungspolitik des Dritten Reiches* (Munich, 1994), 177.

довести выпуск алюминия до 450 тыс. тонн в год⁶⁴. В рамках противодействия этой угрозе Рейх приступил к выполнению грандиозной общеевропейской программы, главную роль в которой играла Норвегия. Благодаря своим минеральным богатствам и обилию гидроэнергии Норвегия в межвоенный период заняла ключевое положение в европейской горнорудной и металлургической отрасли. Норвежские предприятия находились преимущественно в иностранной собственности и потому были уязвимы для немедленного захвата со стороны немецкого бизнеса. Это обстоятельство давало Генриху Коппенбергу возможность реализовать его фордистские идеи о полностью интегрированном авиационном конгломерате, производящем всё, от сырья до готовой продукции⁶⁵. Коппенберг, стремясь предотвратить какие-либо шаги со стороны традиционных немецких производителей алюминия, набросился на Норвегию прежде, чем там закончились боевые действия. К концу года он создал принадлежавший немцам алюминиевый синдикат, перед которым была поставлена задача к 1944 г. увеличить выплавку алюминия в Норвегии в четыре раза — с 45900 тонн по крайней мере до 200 тыс. тонн в год. Эта гигантская программа первоначально оценивалась в 300–400 млн рейхсмарок и должна была стать поистине общеевропейским делом. Бокситы и другое сырьё предстояло везти в Норвегию из Франции, Хорватии и Греции. Выплавку предполагалось осуществлять в Норвегии. После этого алюминий планировалось отправлять на юг, для обработки на заводах *Junkers* в Центральной Германии. К лету 1941 г., когда в люфтваффе были составлены более грандиозные планы по выпуску самолетов, Коппенберг соответственно изменил и масштабы своей алюминиевой программы. В июне он обсуждал с Герингом план по увеличению выплавки алюминия в границах немецкого «большого пространства» не менее чем до 1 млн тонн, что должно было обойтись в 1,5 млрд рейхсмарок.

Кроме того, именно Коппенберг стоял за предложением построить новый гигантский авиазавод⁶⁶. Идея завода в «американском стиле» для массового производства авиационных двигателей обсуждалась в Берлине по крайней мере с 1938 г. Но осенью 1940 г. она приобрела особую актуальность. В ноябре 1940 г. Коппенберг сообщил одному из представителей Эрнста Хейн-

64. P. Bohn, *Reichskommissariat Norwegen: «Nationalsozialistische Neuordnung» und Kriegswirtschaft* (Munich, 2000), 395. Интересно, что США при этом без колебаний объявлялись враждебной державой.

65. Budrass, *Flugzeugindustrie*, 602–18.

66. Ibid., 645–9.

келя в Берлине о том, что американцы планируют построить новый моторостроительный завод, рассчитанный на выпуск 1000 моторов в месяц⁶⁷. По словам Коппенберга, «единственный способ» ответить на этот вызов заключался в том, чтобы Германия тоже построила новый завод аналогичных размеров, способный использовать все плюсы массового производства. В ноябре 1940 г. Коппенберг приказал конструкторскому бюро *Junkers* составить план завода, способного выпускать в месяц по тысяче моторов для самолета Ju-288. К маю 1941 г. *Junkers* добивался выделения не менее чем 685 млн рейхсмарок для строительства завода *Flugmotorenwerk Ost* (ФМО) в Австрии, где он был бы защищен от бомбардировщиков союзников. На практике ФМО стал одним из действительно провальных проектов Третьего рейха с точки зрения инвестиционной эффективности⁶⁸. После того как у завода, «рассчитанного на выпуск тысячи моторов в месяц», дважды сменилось руководство, он лишь в 1944 г. вышел на максимальный уровень производства, составлявший всего-навсего 198 моторов в месяц.

Однако злосключения ФМО не должны заслонять от нас реального расширения мощностей по выпуску авиамоторов, начавшегося осенью 1940 г.⁶⁹ Большая часть этих инвестиций предназначалась не для строительства с нуля, а для уже существовавших заводов по производству планеров самолетов и авиадвигателей — таких, как завод фирмы *Daimler — Benz* в Генсхагене, в полной мере компенсировавший неудачу с ФМО. В сентябре 1940 г., тогда же, когда Коппенберг предавался своим наполеоновским замыслам, руководство *Daimler — Benz* согласилось увеличить объемы производства на своем главном заводе авиадвигателей с 350 до 800 моторов в месяц, потратив на это относительно скромную сумму в 50 млн рейхсмарок. Летом 1941 г. задание было увеличено до 1200 моторов в месяц, что требовало инвестиций уже в 170 млн рейхсмарок. На практике уровень отдачи в Генсхагене оказался еще более высоким. При инвестициях всего в 98 млн рейхсмарок он уже во втором квартале 1944 г. достиг объемов производства, составлявших не менее 1200 двигателей в месяц⁷⁰. Эта производственная экспансия дополнялась инвестициями в другие заводы, на которых по ли-

67. Не исключено, что речь шла о заводе Форда для массового выпуска радиальных двигателей *Pratt and Whitney* в Дирборне: Benson Ford Research Center, Acc. 435, box 5.

68. N. Gregor, *Daimler-Benz in the Third Reich* (New Haven, 1998), 128–31.

69. Ibid., 84–100.

70. Ibid., 118, 125–6.

цензии выпускался даймлеровский двигатель DB-605. Без этих инвестиций, начавшихся в 1940–1941 гг., последующий колоссальный прирост производства истребителей Мессершмитта Bf-109 был бы просто невозможен. Утверждается, что в целом заводы люфтваффе с сентября 1939 г. по январь 1942 г. поглотили 5,18 млрд рейхсмарок — сумму такую огромную, что она кажется неправдоподобной⁷¹. Можно сказать с большей уверенностью, что с декабря 1940 г. по март 1941 г. Рейхсминистерство авиации одобрило инвестиции на общую сумму в 762,8 млн рейхсмарок, из которых 533,4 млн предназначалось для производства авиамоторов.

Аппетит люфтваффе окончательно разыгрался летом 1941 г. после завершения армейской программы «Барбаросса» и принятия давно ожидавшегося решения о перемещении приоритетов в сферу воздушной войны. В июне 1941 г. Министерство авиации предложило в течение трех следующих лет удвоить объемы производства самолетов и довести их до 20 тыс. штук в год⁷². С тем чтобы осуществить эти планы, подчиненные Геринга договорились с Фрицем Тодтом о «компромиссном» перераспределении ресурсов, предназначавшихся для армии, в пользу люфтваффе. Сам Тодт должен был контролировать выявление свободных производственных мощностей и позаботиться о том, чтобы армейские подрядчики не остались без работы⁷³. Через несколько дней после вторжения в Советский Союз руководство люфтваффе раскрыло всю злободневность и амбициозность своих новых планов. На встрече с представителями ОКВ статс-секретарь Мильх объявил, что по сведениям германской разведки, на 1 мая 1941 г. Британия и Америка совместно превзошли Германию и Италию объемами производства. В одних только США выпускалось 2800 мощных авиационных моторов в месяц. При сохранении текущих тенденций производство на англо-американских предприятиях к концу 1942 г. должно было превзойти производство на заводах Оси в два раза. «Нельзя терять ни минуты», — заявил Мильх. К лету 1942 г. Германии следовало увеличить производство самолетов на 150% — приблизительно до 3000 самолетов в месяц⁷⁴. Эта цифра, названная Мильхом, была но-

71. Budrass, *Flugzeugindustrie*, 648, 659.

72. Ibid., 715–16.

73. Eichholtz, II. 13–19; Budrass, *Flugzeugindustrie*, 718.

74. См. текст выступления Мильха перед военно-экономическим управлением ОКВ 26 июня 1941 г. в: G. Thomas, *Geschichte der deutschen Wehr- und Rüstungswirtschaft* (Vorrard, 1966), 448–51. Возможно, именно это выступление стало поводом для крайне пессимистических замечаний Томаса, датированных «концом

вой — чего нельзя было сказать о смысле его слов. Как мы видели, расширение производственных мощностей началось уже осенью 1940 г. Однако поставленная Мильхом цель в 3000 самолетов в месяц требовала дальнейшего увеличения масштабов производства. Несколькими месяцами ранее Краух замыслил в среднесрочном плане поднять производство авиационного топлива с 1 млн до 1,5 млн тонн. Теперь же он говорил уже не менее чем о 3 млн тонн. С учетом того, во сколько обходился процесс гидрогенизации, было бы нереалистично предполагать, что сырьем для такого количества топлива мог послужить немецкий уголь. Гидрогенизация была попросту слишком дорога. Поэтому обещания Крауха опирались на предположение, что вермахту в течение следующих нескольких месяцев удастся завоевать Кавказ и что Германия к 1942 г. будет ежегодно ввозить не менее 1 млн тонн русской нефти⁷⁵. Здесь мы видим в сжатом виде всю извращенную логику «Барбароссы». Захват нефтяных месторождений, находившихся на Кавказе, в 2000 км от границы Советского Союза, не считался таким грандиозным военно-промышленным начинанием, каким он являлся в реальности. Он подавался всего лишь как предпосылка к выполнению другого гигантского промышленного плана, направленного на то, чтобы дать люфтваффе возможность участвовать в воздушной войне — но не против Советского Союза, а против маячившего на горизонте воздушного флота Великобритании и США.

III

Как бы оптимистично ни оценивал вермахт собственные возможности, от масштабов задачи, ожидающей его в Советском Союзе, было нельзя отмахнуться. Главным было то, что немцы находились в ничтожном меньшинстве. Даже со скидкой на ненадежность советской статистики население СССР в 1941 г. не могло составлять менее 170 млн человек. В Германии жило вдвое меньше людей: в 1939 г. численность ее населения составляла 83,76 млн человек⁷⁶. Хотя немецкая армия, вторгшаяся

июня» (ВАМА RW19/473, 167–76), в которых он пишет о «фактическом вхождении США в войну на стороне Англии».

75. Birkenfeld, *Der synthetische Treibstoff*, 164; Budrass, *Flugzeugindustrie*, 718; Eichholtz, 11. 13–18. Германский флот в ноябре 1941 г. исходил из того же предположения, требуя к декабрю 1941 г. оккупировать Майкоп с тем, чтобы к весне 1942 г. там удалось начать добычу нефти. См.: W. Meier-Dörnberg, Ф. Гальдер, *Военный дневник*, т. 2, (Freiburg, 1973), 59.

76. Harrison, *The Economics of World War II*, 7–8.

в Советский Союз, вероятно, превосходила численностью части Красной армии, находившиеся на западе страны, немцы уже призывали в армию практически всех, годных к военной службе. Напротив, Красная армия могла пополниться за счет миллионов резервистов. Поэтому с самого начала было ясно, что вермахту следует избегать войны на истощение. И этот дисбаланс в численности войск усугублялся огромными размерами Советского Союза и полным отсутствием приличных дорог. Если бы Красной армии удалось организованно отступить, то это поставило бы Германию перед непреодолимыми проблемами. Если же, с другой стороны, советские войска удалось бы лишить сплоченности, то неразвитость путей сообщения препятствовала бы их попыткам восстановить единый фронт в той же мере, в какой она затрудняла наступление немцев⁷⁷. Все зависело от того, удастся ли решить исход войны, как во Франции, в первые недели кампании. План «Барбаросса» подразумевал успешность «блицкрига»⁷⁸. Мощный удар в центре, на Москву, сопровождавшийся окружениями с фланга советских войск, «запертых» на севере и на юге, позволял разбить Красную армию на рубеже рек Днепр и Двина в 500 км от польско-германской границы. Рубеж Днепра и Двины имел принципиальное значение, потому что при дальнейшем продвижении вглубь СССР на состоянии немецкой армии неизбежно начинали сказываться проблемы со снабжением и транспортом⁷⁹. Эти препятствия, встававшие на пути нового германского стиля ведения войны — «блицкрига», — не были очевидны в 1940 г., потому что глубина операций, необходимая при окружающем ударе (*Sichelschnitt*) Манштейна, никогда не превышала нескольких сотен километров. Поэтому войска в течение всей операции можно было снабжать с помощью грузовиков, курсирующих между армией и границей Германии. На основе опыта, полученного во Франции, штаб снабжения вермахта вычислил, что дистанция, на которой могли использоваться грузовики, составляла 600 км, что давало оперативную глубину в 300 км. Дальше сами грузовики потребляли такую большую долю топлива, которое возили, что переставали быть эффективным транспортным средством. С учетом огромных расстояний, с которыми пришлось бы столкнуться вермахту в Советском Союзе, оперативная глубина в 300 километров становилась абсурдно маленькой. Поэтому вермахт с целью увеличить радиус действия

77. *Halder Diary*, 5.12.1940, 297; Ф. Гальдер, *Военный дневник*, т. 2, запись от 5.12.1940.

78. DRZW 4. 271–94.

79. K. A. F. Schüler, *Logistik im Russlandfeldzug* (Frankfurt, 1987).

своей системы снабжения разделил свой грузовой парк на две части. Меньшая часть грузовиков должна была двигаться вместе с танковыми частями и снабжать их топливом и боеприпасами с промежуточных складов, которые пополнялись с помощью большей части грузового парка, совершающего рейсы от границ Генерал-губернаторства. Посредством такой меры предполагалось увеличить дистанцию, на которой действовала система снабжения, до 500 км. По счастливому совпадению именно на этом расстоянии от границы пролегал рубеж Днепр — Двина. Гальдер, начальник штаба армии, прекрасно осознавал принципиальное значение этого обстоятельства. В конце января 1941 г. он отмечал в своем дневнике, что успех «Барбароссы» зависит от скорости. «Быстрота. Никаких задержек! Не ожидать железных дорог! Достигать всего, используя мотор»⁸⁰.

С самого начала было ясно, что продолжение серьезных боевых действий после этой первой фазы наступления привело бы к лавинообразному нарастанию проблем у вермахта. Если бы Красная армия избежала разгрома на рубеже Днепр-Двина, то вермахт не смог бы броситься за ней в погоню, потому что сперва ему было бы нужно перенести свои базы снабжения ближе к линии фронта. После этого исход всех операций в конечном счете зависел бы от пропускной способности советской железнодорожной системы и тем, как быстро вермахту удастся организовать передовые базы снабжения для второго 500-километрового рывка. Проблемы, с которыми столкнулись немцы при переделке русских железных дорог на колею своего стандарта, хорошо известны. Ситуацию усугубляло то, что отступающая Красная армия чрезвычайно старательно эвакуировала подвижной состав и разрушала мосты, пути и другие железнодорожные сооружения. Однако существовали гораздо более фундаментальные проблемы, ставшие очевидными уже на этапе планирования. Даже в тех случаях, когда железнодорожная инфраструктура СССР захватывалась невредимой, ее не хватало для обеспечения вермахта. Немецкие специалисты по снабжению старались выделять для каждой армии или воинского подразделения аналогичного размера по крайней мере по одной магистральной железнодорожной линии. Но для тех десяти армий, которые вторглись в Советский Союз, вермахт смог выделить лишь три магистрали — по одной для каждой группы армий⁸¹. Особенно плачевной была ситуация на участке группы армий «Центр», где сосредоточивалась основная часть сил Рейха. Таким образом, немецкой

80. *Halder Diary*, 28.01.1941; Ф. Гальдер, *Военный дневник*, т. 2, запись от 28.01.1941.

81. Schüler, *Logistik*, 190–91, 198–9.

армии с самого начала приходилось смириться с тем, что не все воинские части будут снабжаться с одинаковой эффективностью. В первую очередь следовало позаботиться о создании запасов для главной ударной силы, состоявшей из 33 танковых и мотопехотных дивизий. Если бы боевые действия продолжились после истечения первых месяцев войны, то боеспособность остальной части немецкой армии стала бы стремительно снижаться.

В принципе вермахт был «бедной армией»⁸². Из 130 дивизий германской армии лишь 33 входили в состав ее ударного моторизованного костяка. Три четверти германской армии по-прежнему полагались на более традиционные способы передвижения: пешком и на лошадях. В германской армии, вторгшейся в 1941 г. в Советский Союз, насчитывалось где-то от 600 тыс. до 750 тыс. лошадей⁸³. Они предназначались не для верховой езды, а для перевозки орудий, боеприпасов и провизии. За несколько недель до вторжения пехотные части, которые должны были следовать за быстроходными танковыми формированиями, получили 15 тыс. подвод. Подавляющее большинство немецких солдат передвигалось по России, как и во Франции, пешим порядком. Разумеется, вести войну было бы намного легче, если бы у вермахта имелось втрое больше танков и грузовиков. Но представление о полностью моторизованной армии, изготовившейся к нападению на Советский Союз, — это фантазия времен «холодной войны», а не реалистическое отображение ситуации 1941 г. Говоря более конкретно, это американская фантазия. Англо-американские силы вторжения, собранные в 1944 г., представляли собой единственную армию Второй мировой войны, полностью соответствовавшую современной модели моторизованных войск. Германская армия была слабо оснащена механическим транспортом не потому, что она не удосужилась должным образом подготовиться. Так произошло из-за недостаточного промышленного и экономического развития самой Германии. Большинство германских грузовых перевозок в 1940-е гг. осуществлялось по железным дорогам. При перевозках на короткие дистанции важную роль и в городах, и в деревне по-прежнему играли лошади. Разумеется, немецкую автомобильную промышленность можно было склонить к производству большего числа грузовиков. Но в годы войны главным препятствием, сдерживавшим

82. См. блестящий обзор в: M. van Creveld, *Supplying War: Logistics from Wallenstein to Patton* (Cambridge, 1977), 142–201.

83. R. L. DiNardo, *Mechanized Juggernaut or Military Anachronism? Horses and the German Army of World War II* (New York, 1991), 35–54.

использование автомобильного транспорта в Европе, служило не недостаточное число машин, а хроническая нехватка топлива и резины. Как мы уже видели, к концу 1941 г. ожидался такой сильный дефицит топлива, что вермахт всерьез задумывался о демоторизации, которая снизила бы его зависимость от скудных поставок нефти⁸⁴.

Таким образом, успех «Барбароссы» предполагал, что Красная армия не выдержит первого же решительного удара. Немцы надеялись, что советские вооруженные силы, подобно французским, развалятся и это позволит покончить с ними, взяв в кольцо окружения отдельные части. На второй фазе операции немецкая армия должна была наступать на Москву, встречая лишь неорганизованное сопротивление, следствием чего стало бы крушение сталинского режима. Во время Первой мировой войны объединенным силам Австрии и Германской империи потребовалось почти четыре года для того, чтобы добиться полного распада царской армии. План «Барбаросса» явно строился на идее о том, что коммунистический режим менее прочен и что первый удар, нанесенный вермахтом, окажется намного более мощным. Расистские взгляды, на которые опиралась эта аксиома германского планирования, вполне очевидны. Однако в высокомерии немецких генералов было свое рациональное зерно. Германия намного превосходила Советский Союз уровнем развития, о чем особенно выразительно свидетельствуют цифры ВВП на душу населения. Согласно наиболее надежным современным оценкам, немецкий ВВП на душу населения в 1940 г. превышал советский в два с половиной раза. Этот факт давал серьезные основания полагать, что колоссальное количественное превосходство Красной армии окажется иллюзорным. Намного более значительные организационные возможности вермахта, качественное превосходство его оружия и более серьезная подготовка его солдат должны были принести ему победу. В конце концов, именно эта армия за полтора месяца разгромила объединенные силы Франции, Бельгии, Нидерландов и британского экспедиционного корпуса. Стратегический выбор Третьего рейха, который предпочел бросить свои войска на Советский Союз вместо того, чтобы с моря и с воздуха атаковать Великобританию и ее сторонников в США, не был иррациональным⁸⁵. Германия направила свое лучшее оружие против того, что по-прежнему представлялось «самым слабым звеном цепи».

84. R. Goralski and R. W. Freeburg, *Oil & War* (New York, 1987), 348.

85. За привлечение моего внимания к этому моменту я особенно благодарен М. Харрисону.

Однако нельзя сказать, что немцы не подозревали о модернизации Советского Союза после Первой мировой войны. Как было хорошо известно экономическому управлению самого вермахта, сталинские пятилетние планы существенно изменили географию советской экономики. Исходя из надежных западных оценок, сейчас мы полагаем, что сталинский режим с 1928 по 1940 г. добился прироста производства в промышленности в 2,6 раза, а производство вооружений выросло в намного большей степени⁸⁶. Стремясь поскорее осуществить индустриализацию, советские руководители вложили большие средства в развитие западных районов страны, уязвимых для нападения Германии⁸⁷. Но с другой стороны, в Берлине были хорошо осведомлены о том, что в годы первого пятилетнего плана (1928–1932 гг.) в Советском Союзе была создана новая индустриальная база к востоку от Урала, которой хватало для того, чтобы полностью обеспечить по крайней мере 40 млн человек⁸⁸. Даже если захватчикам удалось бы оккупировать большие территории на западе Советского Союза, военное производство могло продолжаться в новых промышленных центрах, таких как Свердловск с его гигантским машиностроительным заводом. В целом советские индустриальные мощности явно были весьма значительными. В 1939 г. Германская стальная ассоциация ставила Советский Союз, в котором ежегодно выплавлялось 18 млн тонн стали по сравнению с 23,3 млн тонн в Германии, на третье место после США и Германии, далеко впереди Великобритании⁸⁹. А Красная армия (по крайней мере на бумаге) была грозной силой. Франц Гальдер на протяжении всей весны 1941 г. записывал размышления Гитлера о колоссальном количестве танков и самолетов в Советском Союзе⁹⁰. Гитлер знал, что у СССР имеются современные самолеты и «гигантские» танки с огромными пушками. Но он утешался мыслью о том, что в основном вооружение Красной армии было устаревшим. Предполагая, что вермахту удастся обеспечить массированное сосредоточение сил в стратегических точках, он с удовольствием предсказывал, что Советы «рухнут под напором наших многочисленных танков и самолетов».

86. См.: Davies, «Industry», in R. W. Davies, M. Harrison and S. G. Wheatcroft, *The Economic Transformation of the Soviet Union, 1913–1945* (Cambridge, 1999), 150.

87. M. Harrison, «Soviet Industrialization and the Test of War», *HWJ* 29 (1990), 65–84.

88. DRZW 4. 272–3.

89. Цифры относятся к 1938 г. См.: Statistisches Jahrbuch für die Eisen- und Stahlindustrie (Düsseldorf, 1939), 204.

90. *Halder Diary*, 17.02.1941, 320; 30.03.1941, 345; Ф. Гальдер, *Военный дневник*, т. 2, записи от 17.02.1941 и 30.03.1941.

Разумеется, никто не мог отмахнуться от обширности советских территорий, и уже это делало операцию «Барбаросса» весьма проблематичной. Под толстым покровом спеси и оптимизма, окружавшим планирование «Барбароссы», в Берлине находились те, кто с самого начала выражал серьезные опасения. Интересно, что сомнения были двух типов. По крайней мере некоторые офицеры сомневались в осуществимости самой этой операции. Существенно, что в их число входил и фельдмаршал Федор фон Бок, командующий группой армий «Центр», которой выпала грандиозная задача разгромить основные силы Красной армии на московском направлении. К концу января 1941 г. фон Бока стали одолевать такие сомнения в отношении масштабов цели, поставленной перед его группой армий, что он заставил Гальдера, начальника штаба армии, признать существование определенной вероятности того, что Красная армия сможет отступить за рубеж Двина — Днепр⁹¹. Что произойдет в этом случае, представляло собой ключевой вопрос. В ходе одной из первых игр, предназначавшихся для проверки плана «Барбаросса», был сделан вывод о том, что если только уничтожение Красной армии и захват Москвы не удастся осуществить в течение нескольких месяцев, то Германия окажется втянута в «затяжную войну, ведение которой превышает возможности немецких вооруженных сил»⁹². Генерал-майор Маркс, которому было поручено составить первый вариант плана нападения, подготовил еще и общую стратегическую оценку кампании, в которой разбирал возможность того, что Красная армия не будет разбита к осени 1941 г. В этом случае, считал Маркс, Германия должна быть готова к войне на два фронта против коалиции Советского Союза и Британской империи, опирающихся на экономический потенциал Соединенных Штатов. Перед лицом этой неприятной перспективы Маркс утешал себя мыслью о том, что если Германия сумеет захватить Украину с ее пшеницей и обеспечит себе полный контроль над Балтикой, то превосходящая экономическая мощь ее противников станет для нее не так страшна⁹³.

Однако именно этот ключевой момент показывает, насколько рискованным был замысел «Барбароссы». Следуя той же логике, что и Маркс, Гитлер последовательно ставил на первое место необходимость при первой же возможности овладеть индустриальными и экономическими ресурсами западных ре-

91. DRZW 4. 59.

92. W. Görlitz, *Paulus and Stalingrad* (London, 1963), 107.

93. DRZW 4. 278–9.

гионов СССР⁹⁴. В этой связи он предвидел возможность того, что значительную часть группы армий «Центр», подчинявшейся фон Боку, придется направить на север для захвата балтийского побережья и на юг, на Украину. Лишь после достижения этих важнейших экономических целей главные силы германской армии можно будет направить на восток, в сторону Москвы. Именно такие приоритеты предписывались в гитлеровской директиве (*Weisung*) № 21, учтенной в окончательном варианте плана (от 17 декабря 1940 г.). Однако выдвижение на первый план экономических задач находилось в серьезном противоречии с планом кампании, каким он представлялся Гальдеру. В его глазах наступление на Москву имело абсолютный приоритет. Он полагал, что лишь путем сосредоточения всех сил на осуществлении этой цели удастся дать бой Красной армии и нанести ей решительное поражение. Этот вопрос был для Гальдера настолько принципиальным, что выдвижение Гитлером иных приоритетов, помимо Москвы, заставило его усомниться в обоснованности всей кампании. 28 января 1941 г. он отмечал в своем дневнике: Операция «Барбаросса»: Смысл кампании не ясен. Англию этим мы нисколько не затрагиваем. Наша экономическая база от этого существенно не улучшится. Нельзя недооценивать рискованность нашего положения на Западе. Возможно даже, что Италия после потери своих колоний рухнет и против нас будет образован южный фронт на территории Испании, Италии и Греции. Если мы будем при этом скованы в России, то положение станет еще более тяжелым»⁹⁵. Таким образом, между Гитлером и Гальдером, как и осенью 1939 г., наблюдалось принципиальное расхождение во взглядах. Как и в 1939–1940 гг., на карту было поставлено все будущее Германии. Но в отличие от 1939 г., Гальдер не доводил дело до ситуации, граничащей с открытым бунтом. После ярких успехов, достигнутых в ходе французской кампании, верховное армейское командование уже не претендовало на абсолютный авторитет в военных вопросах. Гитлер по крайней мере в такой же мере мог претендовать на честь победы над Францией, и Гальдер знал это. Возможно, он также полагал, что как только в бой вступит Красная армия, кампания пойдет по его, Гальдера, сценарию. Однако все питали надежду на то, что главную работу по уничтожению противника удастся осуществить на рубеже рек Днепр и Двина.

94. DRZW 4. 288–94.

95. *Halder Diary*, 28.01.1941, 313–14; Ф. Гальдер, *Военный дневник*, т. 2, запись от 28.01.1941.

Еще один скрытый источник разногласий просматривается в словах Гальдера о том, что завоевание Советского Союза не приведет к «существенному расширению» немецкой «экономической базы». Это замечание любопытно тем, что оно бросало вызов принципиальной идее Гитлера о тех трофеях, которые принесет завоевательная кампания, в частности на Украине. Однако вплоть до середины февраля 1941 г. именно пессимистическая оценка Гальдера отражала в себе настроения, преобладавшие в Берлине. Армия, исходя из военно-географического изучения Советского Союза, завершившегося 10 августа 1940 г., ожидала многого от завоевания Украины, но исключала из рассмотрения кавказские нефтяные месторождения, находившиеся вне пределов досягаемости даже для танковых дивизий. Кроме того, подчеркивалось существование у СССР значительного промышленного потенциала на Урале, также недостижимом для немецких армий⁹⁶. В октябре сотрудник московского посольства Гебхардт фон Вальтер направил Гальдеру еще более пессимистическую оценку. В ней указывалось, что не следует ждать немедленного краха советского режима после нападения Германии и что на Украине немцев ждут не такие уж большие трофеи. Этот регион стал еще более перенаселенным и бедным по сравнению с тем состоянием, в котором он находился, когда попал в руки немцев в 1917 г., а он уже тогда разочаровал их⁹⁷. В январе 1941 г. и военно-экономическое управление вермахта, и управление по выполнению Четырехлетнего плана прикладывали все силы к вынесению негативных оценок. 22 января 1941 г. подчиненные генерала Томаса указывали, что вторжение прервет поставки таких цветных металлов, как марганец, который в тот момент поступал в Германию только из Советского Союза⁹⁸. Более того, любое крупное наступление приведет к истощению и без того скудных немецких запасов топлива и резины⁹⁹. К аналогичным выводам пришло и управление по выполнению Четырехлетнего плана. Единственное значительное исключение представлял собой статс-секретарь Бакке из Министерства сельского хозяйства, уже давно выступавший за экспансию в восточном направлении. Что именно сказал Бакке Гитлеру в январе 1941 г., было неясно даже таким осведомленным лицам, как генерал Томас. Как сообщалось в одной из докладных записок ОКВ, «Говорят, что статс-секретарь Бакке объявил фюреру

96. DRZW 4. 272–3.

97. DRZW 4. 158–9.

98. ВАМА RW19/164106, 119.

99. ВАМА RW19/164108, 115.

о том, что обладание Украиной избавит нас от всяких экономических забот. На самом деле Бакке якобы сказал, что если какая-либо территория и поможет нам, так только Украина. Только на Украине имеются излишки [зерна], в отличие от Европейской России в целом»¹⁰⁰. Как мы увидим, вскоре противопоставление Украины и Европейской России сыграет зловещую роль. Так или иначе, учитывая то, что генерал Томас знал о взглядах самого Гитлера на грядущую кампанию, он внушил своим подчиненным точку зрения, диаметрально противоположную той, которую они только что занимали¹⁰¹.

22 января 1941 г. Томас уведомил своего начальника, Кейтеля, о том, что он планирует представить доклад, в котором призывается проявить осторожность в отношении предполагаемых военно-экономических благ, которые должно дать вторжение¹⁰². Теперь он изменил свою позицию. После того как стало ясно, что Гитлер ждет от «Барбароссы» в первую очередь экономических бонусов, Томас начал систематически двигаться навстречу фюреру. Он потребовал от своих подчиненных тесно сотрудничать с Бакке при составлении планов аграрной эксплуатации Советского Союза, и это решение оправдало себя на второй неделе февраля, после того, как фюрер ответил штабу на сообщение о возможной нехватке топлива и резины. Фюрер дал понять, что на его стратегические решения не повлияют подобные краткосрочные проблемы. В 1940 г. его тоже предупреждали о неизбежном истощении немецких запасов, но его крайне рискованная стратегия блестяще оправдалась. Нападение на Советский Союз, с Украиной в качестве первой цели, состоится в любом случае. В ответ на это Томас 20 февраля подал Гитлеру доклад, абсолютно беспрецедентный с точки зрения его оптимистического тона. Теперь ОКВ утверждало, что в ходе первого же удара вермахт сможет захватить не менее 70% промышленного потенциала СССР. Это сделает долгосрочное сопротивление со стороны Красной армии безнадежным. В то же время выгоды от оккупации будут огромными. Подчиненные Томаса в сотрудничестве с Бакке составили план по «высвобождению» на Украине по крайней мере 4 млн тонн зерна. Томас пошел дальше всех предыдущих аналитиков, утверждая, что покорение Кавказа станет естественным дополнением к оккупации Украины. Собственно говоря, без завоевания Кавказа от Украи-

100. ВАМА RW19/164,126. См. также проделанные ИЗС вычисления о 10-процентном сокращении потребления продовольствия в Советском Союзе: RW19/164, 150.

101. Убийственное обличие этого финта, сделанного Томасом, см. в: DRZW 4. 170–71.

102. ВАМА RW19/164, 108.

ны будет мало пользы, поскольку Германии понадобится огромный парк тракторов и грузовиков для уборки урожая, а топливо для них можно будет взять лишь в самом Советском Союзе. Удивительно, но Томас не сказал ни слова по поводу логистических и оперативных соображений, связанных с расширением сферы германского вторжения на 2000 километров к востоку¹⁰³.

При анализе этой поразительной коллекции аргументов выясняются по крайней мере три вещи. Во-первых, после успехов во Франции авторитет Гитлера был слишком велик для того, чтобы кто-либо мог всерьез оспаривать его решение о вторжении в Советский Союз. Гальдер уклонился от открытого столкновения. Генерал Томас развернулся на 180 градусов и встал на сторону Гитлера. Однако ясно, что за этим консенсусом скрывались глубокие разногласия в отношении планов операции и ее стратегических целей. Весной 1941 г. Министерство иностранных дел все еще выступало против грядущей войны, предпочитая в альянсе с Советским Союзом вести борьбу против Британской империи¹⁰⁴. Однако вера немецких руководителей в возможности вермахта сыграла в прекращении споров еще большую роль, чем гитлеровский миф. Если бы Красную армию действительно удалось уничтожить в первые недели кампании, к западу от рубежа Днепр — Двина, то, как и в 1940 г., все опасения, предшествовавшие нападению, вскоре были бы забыты. В этом случае отпала бы нужда в аргументах об относительной приоритетности экономических целей по сравнению с чисто военными. Ресурсы западных регионов Советского Союза можно было бы задействовать в немецкой военной экономике и Третий рейх наконец получил бы возможность навязать свою волю всему Европейскому континенту. Но эта убежденность в быстрой победе в то же время являлась главным слабым местом всех планов вермахта. Уже в феврале 1941 г. было очевидно, что если неожиданный удар не сокрушит сталинский режим, то Третий рейх столкнется с угрозой стратегической катастрофы.

103. По иронии судьбы, сразу же после начала кампании Томаса вновь одолели глубокие сомнения. См.: ВАМА RW19/473, 167–76.

104. См.: DRZW 4. 185; DGFP, D XII, 661–2, doc. 419.

Большая стратегия расовой войны

В ЧЕТЫРЕХ предыдущих главах мы пытались разобраться в запутанных военно-экономических соображениях, которыми руководствовался Гитлер и его режим в 1939–1941 гг. Теперь, после того как мы оценили масштабы международной эскалации, инициированной Гитлером в 1938 г. и достигшей пика летом 1940 г., когда в США было принято кардинальное решение начать перевооружение, у нас появляется возможность реконструировать внятную и последовательную стратегическую логику, стоявшую за действиями Гитлера. Хотя к концу 1930-х гг. нацистская Германия далеко опережала все прочие страны Западной Европы уровнем мобилизации, она оставалась европейской экономикой со скромными ресурсами. К лету 1939 г. в полной мере проявились пределы мобилизационных возможностей Германии в мирное время. Объединенный экономический потенциал европейских держав, противостоявших Германии, был достаточно внушительным. После того как к уравнению были добавлены США, неравенство стало вопиющим. Начиная с 1938 г. в Берлине считали самоочевидным сближение США с западными державами. Начиная с 1939 г. предполагалось, что Америка вскоре внесет решающий вклад в накопление вооружений, предназначенных против Германии. Если Гитлер собирался реализовать свою мечту о радикальном изменении глобального баланса сил, то ему следовало нанести быстрый и сильный удар, а кроме того, любой ценой удерживать инициативу. Именно эта, пусть «безумная», но последовательная логика продиктовала сперва его готовность пойти в сентябре 1939 г. на риск тотальной войны из-за Польши, а затем его решение во что бы то ни стало добиваться удара по Франции и вскоре после этого начать подготовку к нападению на Советский Союз. В свете угрозы, исходившей от британской и американской военной экономики, в свете того, какой уязвимой становилась европейская экономика в условиях блокады, и в свете мнимой непобедимости немецкой армии у Гит-

лера имелись все основания для того, чтобы спешить с выполнением своих замыслов.

Однако действия в рамках этой стратегической логики ни в коем случае не означали отказа от манихейской расовой идеологии, служившей источником энергии для гитлеровского государства. В глазах Гитлера «нормальная стратегия» нераздельно переплеталась с расовой идеологией. Под стратегией он понимал великую стратегию расовой борьбы. Притом что за решением Гитлера уже в 1941 г. напасть на Советский Союз стояли именно стратегические расчеты, в основе которых лежала война на Западе, это не делало войну с Советским Союзом менее «идеологизированной». Как мы уже видели, для Гитлера и нацистского руководства 1938 год стал поворотным. По мнению Берлина, война на Западе была навязана Германии тайно организацией мирового еврейства, дергавшей за ниточки в Лондоне и Вашингтоне¹. Начиная с момента Судетского кризиса этот мнимый заговор стал отождествляться с Рузвельтом с одной стороны и с Черчиллем, архиврагом умиротворения, — с другой. И как мы уже видели, этой интерпретации в духе теорий заговора нацистское руководство последовательно придерживалось в 1940 и 1941 г. Документы французского и польского министерств иностранных дел, захваченные в Париже и Варшаве, лишь подтверждали идею о том, что принятое Гитлером в 1939 г. решение об объявлении войны упредило коварные британско-американские замыслы по окружению Германии и ее удушению. Рузвельта неустанно отождествляли с «всемирным еврейским заговором». В этом отношении вопрос о том, чем в первую очередь мотивировался Гитлер при нападении на Советский Союз — необходимостью вывести из войны Великобританию и тем самым предотвратить американскую интервенцию или стремлением воплотить в жизнь свои давние идеологические представления о расовой борьбе, — оказывается основанным на ложной предпосылке. Разумеется, завоевание «жизненного пространства» на востоке всегда было для Гитлера ключевой стратегической задачей. И угроза, исходившая от англо-американского альянса, за спиной которого стояло всемирное еврейство, лишь сделало решение этой задачи делом более актуальным и более необходимым, чем когда-либо прежде.

Однако нет никаких сомнений в том, что, если не с точки зрения обоснования, то с точки зрения выполнения, операция «Барбаросса» представляла собой принципиальный от-

1. P. Burrin, *Hitler and the Jews: The Genesis of the Holocaust* (London, 1994), 84–5.

ход от прежних принципов. 22 июня 1941 г. Третий рейх начал не только самую крупномасштабную кампанию в военной истории, но и столь же беспрецедентную кампанию геноцида. Концентрация усилий на уничтожении еврейского населения сейчас считается действительно определяющим аспектом этих событий. Однако в Восточной Европе, эпицентре холокоста, истребление евреев не было единственным проявлением насилия со стороны гитлеровцев. Вторжение Германии в Советский Союз становится намного более понятным, если рассматривать его как последнюю большую завоевательную кампанию в долгой и кровавой истории европейского колониализма². Уничтожение еврейского населения было лишь первым шагом к искоренению большевистского государства. За ним должна была последовать грандиозная кампания по расчистке земель и колонизации, включавшая в себя «зачистку» подавляющего большинства славянского населения и расселение германских колонистов на миллионах гектаров восточного «жизненного пространства». Эту долгосрочную кампанию демографического манипулирования дополняла краткосрочная стратегия эксплуатации, мотивировавшаяся «практической» потребностью обеспечить германское «большое пространство» продовольствием. Для решения этой чисто «прагматической» задачи требовалось не много ни мало как уничтожение всего городского населения запада СССР путем организованного голода. Как уже продемонстрировали в Генерал-губернаторстве весной 1940 г. Ганс Франк и Герберт Бакке, Гитлер и его режим твердо решили, что если в этой мировой войне голод и вынудит кого-нибудь к капитуляции, так точно не немцев.

I

После того как Германия вторглась в Польшу в сентябре 1939 г., геноцид, диктовавшийся нацистской идеологией по отношению к евреям и славянам, нашел конкретное выражение в чрезвычайной программе изгнания местных жителей и расселения колонистов³. Творцами этой программы были Генрих Гимм-

2. См. обзор соответствующей литературы, сравнивающий эти феномены, в: J. Zimmerer, «Holocaust und Kolonialismus», *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*, 51 (2003), 1098–119. Как указывает Циммерер, ключевое различие между 1941 г. и колониализмом XIX в. заключалось в важной роли государства.

3. Этой фундаментальной идеей мы в первую очередь обязаны работе C. Madajczyk, *Die Okkupationspolitik Nazideutschlands in Polen 1939–1945* (Berlin, 1987), впервые изданной на польском в 1970 г., за которой последовали G. Aly and S. Heim,

лер и подчиненный ему технический персонал Главного управления имперской безопасности (РСХА) и секретариат рейхскомиссара по вопросам консолидации немецкого народа (РКФ). Практические результаты этой первой программы были весьма скромными. Но она сыграла ключевую роль, установив в умах эсэсовцев четкую связь между устранением евреев и более широкой задачей расовой реорганизации и расселения немцев.

Как мы уже видели, идея о колонизации востока имела принципиальное значение для радикального немецкого национализма. В 1939 г. она дополнилась двумя более злободневными побуждениями. Включение значительной части польской территории в состав Рейха поставил перед Германией вопрос о том, что делать с миллионами ее жителей, не являвшимися немцами. С другой стороны, в соответствии с соглашениями, заключенными с Советским Союзом и с Италией в сентябре и октябре 1939 г., Германия должна была обеспечить «возвращение» в Рейх сотен тысяч этнических немцев из Прибалтики и Южного Тироля. С тем чтобы где-то расселить этих пришельцев, СС провели подготовку к выселению всего еврейского населения и подавляющего большинства поляков с польских земель, аннексированных Рейхом⁴. В раннем варианте этого «Генерального плана» (*Generalplan*) ставилась цель депортировать 1 млн евреев и 3,4 млн поляков⁵. Депортации не подлежало только незначительное число коренных жителей, сочтенных пригодными для включения в состав германского расового сообщества, а также обширные резервы подневольной рабочей силы. Такая программа оказалась чрезмерно амбициозной. В начале 1940 г. Гиммлер и Гейдрих надеялись выселить с аннексированных польских земель в Генерал-губернаторство 600 тыс. человек. Однако, сделав это, они бы вызвали хаос. К апрелю 1940 г. было изгнано «всего» 261517 человек, из которых половину составляли евреи, половину — польские крестьяне. К концу 1940 г. это число выросло до 305 тыс. человек. Вместо выселения евреев немецкие власти предпочли сгонять их в крупные городские гетто, крупнейшее из которых было создано в Лодзи. В то же время миллионы поляков были привлечены к работам в Германии или к принудительному труду на бывших польских территориях. К концу 1940 г. на польских фермах было расселено 180 тыс.

Vordenker der Vernichtung: Auschwitz und die deutschen Pläne für eine neue europäische Ordnung (Hamburg, 1991), и G. Aly, «*Endlösung*»: *Völkerverschiebung und der Mord an den europäischen Juden* (Frankfurt, 1995).

4. Aly, «*Endlösung*», 59–138.

5. C. Madajczyk (ed.), *Vom Generalplan Ost zum Generalsiedlungsplan* (Munich, 1994), 3–14, doc. 1.

этнических немцев; этот процесс сопровождался жестоким изгнанием прежних обитателей и широко освещался в СМИ. Однако численный дисбаланс оставался разочаровывающим. К январю 1941 г. в Рейх репатриировалось более 530 тыс. этнических немцев, оставив на родине фермы и другую собственность на общую сумму не менее чем в 3,315 млрд рейхсмарок⁶. Но вместо того, чтобы обживать лучшие земельные угодья, подавляющее большинство репатриантов прозябало в транзитных лагерях, находившихся в ведении СС.

Впрочем, практические сложности не охладили пыл Гейдриха и СС. В сентябре 1940 г., после составления *Volkliste*, процесс расового отсева начался всерьез. Из 8,53 млн поляков, проживавших на германской территории, лишь 1 млн был сочтен достойным включения в этот список. Эти люди были разделены на четыре категории в соответствии с той скоростью, с которой, по мнению «расовых специалистов» СС, они могли быть ассимилированы в «тело» немецкого народа. Судьба остальных 7 млн поляков оставалась неясной. Они получили неполноправный юридический статус «подопечных Рейха с ограниченными внутренними правами» (*Schutzangehörige des deutschen Reiches mit beschränkten Inländerrechten*). Как докладывало в конце 1940 г. Рейхсминистерство сельского хозяйства, большинство польских крестьян на новых немецких территориях в наступившем сезоне отказывалось засеивать свои поля, поскольку боялось, что к моменту сбора урожая их поля уже не будут им принадлежать⁷. С учетом намерений Гейдриха эти опасения были более чем обоснованными. В январе 1941 г. Гейдрих инициировал составление очередных планов как по «окончательному решению» еврейской проблемы, которая в 1941 г. все еще оставалась преимущественно польско-еврейской проблемой, так и по массовому выселению коренного польского населения. В первую очередь Гейдриху нужно было обеспечить жильем репатриировавшихся этнических немцев, а для этого следовало при первой же возможности выселить в Генерал-губернаторство 770 тыс. поляков. Однако этому препятствовали условия жизни в Генерал-губернаторстве и транспортные потребности немецкой армии в преддверии «Барбароссы». Вместо 250 тысяч человек, которых Гейдрих надеялся переселить к маю 1941 г., в реальности удалось выселить всего 25 тысяч. Впрочем, это были

6. Aly, «*Endlösung*», 163–206. В течение войны риелторской фирме DUT пришлось распоряжаться активами на общую сумму в 5–6 млрд рейхсмарок. См.: IMT XII. 599–643. Председателем ее наблюдательного совета был Вильгельм Кепплер.

7. Aly, «*Endlösung*», 210.

не более чем краткосрочные затруднения. Известия о грядущем нападении на Советский Союз посеяли эйфорию среди персонала СС. Завоевание Советского Союза обещало решить проблему дефицита земель и расселения излишних людей — все это невозможно было сделать на ограниченной польской территории. Тех, кто был не нужен в Рейхе, могли поглотить обширные безлюдные пространства на востоке, а немецких поселенцев ожидали огромные наделы. Наконец-то появилось пространство, позволявшее решить земельный вопрос и проблему избыточного населения поистине радикальным образом. 30 января 1941 г. Гитлер повторил перед возбужденной толпой, собравшейся в «Спортпаласте», угрозу, сделанную им двумя годами ранее⁸. В конце своей речи, призванной в первую очередь убедить слушателей в том, что Британия зря продолжает войну против Германии, Гитлер повторил свое «пророчество» о том, что «если усилиями евреев мир погрузится в войну, то с их ролью в Европе будет покончено». Но если в 1939 г. это была угроза, которая могла осуществиться при определенных условиях, то теперь она превратилась в твердое намерение. В конце концов, то, что Америку агитировали выступить против Германии, было установленным фактом. Вне зависимости от того, была ли мировой та война, в которой участвовала Германия, ей противостоял глобальный альянс, и вскоре ее угрожал затопить поток ленд-лиза. Поэтому Гитлер мог с достаточной уверенностью утверждать: «Грядущие месяцы и год докажут, что я и в этом случае сделал правильное предсказание». Несколькими неделями ранее Гейдрих впервые получил приказ готовиться к подлинно всеобъемлющему решению проблемы европейского еврейства⁹. Евреев со всей Европы, из Рейха и из Польши ожидала смерть на строительных площадках среди болот на диких восточных территориях, опустошенных немецкими оккупационными войсками. В марте вермахт и СС составили инструкции, требовавшие ликвидации всех элементов, которые могли представлять угрозу для власти немцев на завоеванных территориях. В состав этой категории, как инструктировал Геринг Гейдриха, входили «сотрудники ГПУ, политические комиссары, евреи и т. д.»¹⁰. К 6 июня эти указания были формализованы верховным армейским командованием, приняв вид пресловутого «Приказа о комиссарах», требовавшего безусловного и немедленного уничто-

8. I. Kershaw, *Hitler 1936–1945: Nemesis* (London, 2000), 348–53.

9. P. Longerich, *Politik der Vernichtung: Eine Gesamtdarstellung der nationalsozialistischen Judenfolgung* (Munich, 1998), 287–91; Aly, «*Endlösung*», 268–79.

10. Kershaw, *Hitler: Nemesis*, 354.

жения всех государственных и партийных работников из числа советских граждан. С теми, кого пропустит вермахт, должны были разбираться айнзатцгруппы — 3000 человек из полиции и СС, со второй половины мая проходившие идеологическую подготовку в Пограничной полицейской школе, размещавшейся в Прецше под Лейпцигом. Хотя айнзатцгруппы в первую очередь предназначались для борьбы с органами советской власти, Гейдрих во время частых встреч с руководителями этих групп напоминал им о роли евреев как вдохновителей большевизма и со злобещей настойчивостью требовал ликвидации всех евреев, находящихся на партийной или государственной службе¹¹. Через несколько дней после вторжения соотношение между тремя этими категориями резко изменилось.

В то же время грядущее нападение на Советский Союз вдохнуло свежую энергию и в более широкую программу расового переустройства, осуществление которой началось с Польши. В середине июня 1941 г. плановые службы Рейха начали изучать возможность выселения не только поляков, проживавших на территориях, аннексированных Германией, но и жителей Генерал-губернаторства¹². Иными словами, был поставлен вопрос о геноциде всего польского населения. 21 июня 1941 г. Гиммлер приказал штабу РКФ составить предварительный план демографического переустройства всех восточных территорий, которые предполагала захватить Германия¹³. Несколькими неделями ранее Гиммлер запросил дополнительные средства для создания независимого строительного управления СС. На протяжении последующих двенадцати месяцев движущей силой, стоявшей за эволюцией политики по отношению к евреям и за составлением долгосрочных планов по колонизации Восточной Европы, оставалось постоянное взаимодействие между службами РСХА, РКФ, и экономическим управлением

11. О жестоких убийствах «контрреволюционных элементов», проводившихся частями НКВД при отступлении с оккупированных польских территорий и укрепивших ассоциацию евреев с НКВД — в сознании как немцев, так и местного нееврейского населения, см.: B. Musial, «*Konterrevolutionäre Elemente sind zu erschiessen*»: Die Brutalisierung des deutsch-sowjetischen Krieges im Sommer 1941 (Munich, 2000), 98–297.

12. Aly, «*Endlösung*», 290; D. Pohl, *Von der «Judenpolitik» zum Judenmord: Der Distrikt Lublin des Generalgouvernements 1939–1944* (Frankfurt, 1993), 89, 95–7. Судя по всему, Гитлер отдал приказ о выселении всех поляков в марте 1941 г.: J. E. Schulte, *Zwangsarbeit und Vernichtung: Das Wirtschaftsimperium der SS* (Paderborn, 2001), 248.

13. Madajczyk, *Vom Generalplan Ost*, 14–15, doc. 2, проф. д-р. Конрад Майер — Гиммлеру, 15.07.1941. См. также: I. Heinemann, «*Rasse, Siedlung, deutsches Blut*»: Das Rasse- und Siedlungshauptamt der SS und die rassenpolitische Neuordnung Europas (Göttingen, 2003), 359–76.

СС¹⁴. Первый набросок так называемого *Generalplan Ost* был всего через несколько недель представлен специалистом по проблемам расселения при РКФ, профессором Конрадом Майером. Он был предъявлен Гиммлеру уже 15 июля 1941 г. Осенью был отдан приказ о создании в Польше ряда базовых лагерей для заключенных, которым предстояло выполнять грандиозную строительную программу, предусмотренную в Генеральном плане Майера. В то же время РСХА под началом Рейнхарда Гейдриха разрабатывало общий план «Окончательного решения» и второй вариант «Генерального плана». В общих чертах план «Окончательного решения», распространявшийся не только на миллионы евреев, проживавших в Польше и в Советском Союзе, но и на западноевропейские еврейские общины, имевшие намного меньшую численность, был сформулирован к декабрю 1941 г.¹⁵ Его обсуждение пришлось отложить до января, но когда статс-секретари в январе 1942 г. собрались в Ванзее, предложение Гейдриха не встретило никакой критики. Напротив, второй черновик *Generalplan Ost*, касавшийся не еврейского меньшинства, но намного более многочисленного нееврейского населения Польши и СССР, подвергся таким яростным нападкам со стороны администрации Рейха, что задача подготовки плана была вновь поручена вместо РСХА профессору Майеру, подчинявшемуся РКФ¹⁶. Майер составил окончательный черновик в мае 1942 г. и после консультаций с Гитлером документ был одобрен Гиммлером в июле 1942 г. в качестве основы для будущей работы СС по колонизации восточных территорий¹⁷. По сути, в нем были намечены контуры того социального строя, который руководство СС надеялось создать в Восточной Европе.

Первое и наиболее принципиальное предположение, на которое опиралось все территориальное планирование СС начиная с 1939 г., сводилось к тому, что интеграция восточноевропейских территорий в качестве «жизненного пространства» требовала удаления подавляющего большинства местных жителей. В Генеральном плане Майера ничего не говорилось конкретно про евреев, но их устранение явно считалось само собой

14. То значение, которое имели экономическое и строительное управления, подчеркивается в: Schulte, *Zwangsarbeit*, 239–79.

15. Цифры, демонстрирующие, как менялись масштабы «Окончательного решения» с июня 1940 г. по конец 1941 г., см. в: Aly, «*Endlösung*», 303.

16. Madajczyk, *Vom Generalplan Ost*, 50–81, doc. 16, *Stellungnahme und Gedanken von Dr Erhard Wetzel zum Generalplan Ost*.

17. Ibid., 91–130, doc. 23, *Denkschrift Generalplan Ost rechtliche wirtschaftliche und räumliche Grundlagen des Ostaufbaus*, 06.1942.

разумеющимся. Только в Польше и на Украине евреи составляли меньшинство, достаточно крупное для того, чтобы их удаление существенно изменило общий баланс населения. В первую очередь Майер имел в виду большинство славянского населения. В Польше его план предусматривал устранение 80–85% коренного населения. За этим должно было последовать изгнание 64% населения Украины и 75% населения Белоруссии¹⁸. Территорию России вокруг Ленинграда предполагалось полностью лишить населения. В различных вариантах Генерального плана приводятся разные численные оценки, но изгнанию подлежал как минимум 31 млн человек, не считая еврейского меньшинства. Согласно более реалистичным оценкам, учитывавшим естественный прирост населения за время выполнения программы, общее число намеченных жертв приближалось к 45 млн человек¹⁹. По-прежнему не существовало полной ясности в отношении того, куда следует отправлять выселяемых людей. Но в чем не оставалось сомнений, так это в том, что процесс «эвакуации» будет сопровождаться массовой гибелью людей. Какой-либо интерес для немцев представляли только те, кто был способен к работе. К концу 1942 г. уже шли разговоры о возможном «физическом уничтожении» целых народов — не только еврейского меньшинства, но и поляков с украинцами²⁰. Всякие моральные соображения уже давно не принимались во внимание. Вопрос заключался лишь в том, насколько та или иная мера практична.

То, что *Generalplan Ost* представляет собой план геноцида, в полной мере выяснилось во время «проверки», организованной летом 1942 г. 18–19 июля 1942 г. Гиммлер одновременно с однозначным приказом об уничтожении евреев в Генерал-губернаторстве направил Одило Глобочнику указания и о проведении экспериментальной «эвакуации» всего польского насе-

18. Ibid., 265, doc. 74, заметки Германа Кrummeя, 1–2.02.1943.

19. В работе C. R. Browning, *The Origins of the Final Solution: The Evolution of Nazi Jewish Policy. September 1939 — March 1942* (Lincoln, Nebr., 2004), 241, указывается, что вариант «Генерального плана», относящийся к маю 1942 г., включает оговорку, смягчающую требование о немедленной и полной эвакуации местного населения. Однако это место можно трактовать по-разному: в нем говорится просто о необходимости обеспечить поддержку со стороны местных жителей и переселить их в колхозы, из чего следует, что эта уступка относилась только к бывшим советским территориям, но не к Польше. Гиммлер несколько недель спустя настойчиво подчеркивал, что в течение 20 лет необходимо осуществить полную германизацию (*Eindeutschung*) генерал-губернаторства, Эстонии и Латвии. См.: Madajczyk, *Vom Generalplan Ost*, 133–4, doc. 27.

20. M. Rössler and S. Schleiermacher, *Der «Generalplan Ost»: Hauptlinie der nationalsozialistischen Planungs- und Vernichtungspolitik* (Berlin, 1993), 48–52, doc. 2, Referat Dr Ehlich, 10–11.12.1942.

ния из района Замостья²¹. Эта акция рассматривалась в качестве первого шага к началу процесса германизации за пределами Рейха. После завершения «эвакуации» всего еврейского населения Одило Глобочник начал второй этап «отбора» (*Selektionen*), в ходе которого польское население разделялось на четыре группы в зависимости от возраста, пола и степени своей политической опасности. Мужчины и женщины, пригодные к труду, отделялись друг от друга — точно так же, как требовал Гейдрих в отношении евреев на совещании в Ванзее. Польские дети забирались из их семей и случайным образом отдавались на воспитание мужчинам и женщинам старше 60 лет. Далее эти искусственно созданные «семейные группы» отправлялись в так называемые деревни для пенсионеров, которые на самом деле являлись поселениями, пустовавшими после того, как были уничтожены проживавшие в них евреи. Четвертую группу поляков, которых немецкие власти сочли наиболее опасными, отправляли напрямую в Аушвиц или Майданек, где их сразу же казнили или умерщвляли непосильным трудом²². На практике эвакуация из Замостья не увенчалась успехом. Попытки СС устраивать облавы на местное население сталкивались с активным вооруженным сопротивлением и требовали привлечения многотысячных полицейских отрядов, регулярных армейских частей и вспомогательных войск. Десятки тысяч поляков скрывались в лесах²³. К лету 1943 г. Глобочник был вынужден прекратить этот эксперимент. В сравнении с открытым уничтожением еврейского населения в Генерал-губернаторстве события в Замостье отличались скромными масштабами. Однако они чрезвычайно важны в том смысле, что позволяют в полной мере оценить кровожадные намерения Третьего рейха. *Generalplan Ost* устанавливал график уничтожения всего населения Восточной Европы. К нему следует относиться не менее серьезно, чем к программе, обрисованной Гейдрихом на совещании в Ванзее.

С учетом масштаба тех ужасов, которые замыслились в СС, рассмотрение «конструктивного» плана, предусматривавшегося для территорий, освобожденных от десятков миллионов человек, которые приговаривались к уничтожению и изгнанию, может показаться нелепостью. Однако это необходимо сделать,

21. См. документы в: С. Madajczyk, *Zamojszczyzna — Sonderlaboratorium SS* (Warsaw, 1977), 1. 49–140; Madajczyk, *Die Okkupationspolitik*, 424–7; Heinemann, «Rasse», 376–415; Pohl, *Von der «Judenpolitik»*, 113–57.

22. Madajczyk, *Sonderlaboratorium*, 155–7, 175–6.

23. Горестное описание хаоса, творившегося в районе Замостья, в изложении очевидца — польского врача и антиквара — см. в: Z. Klukowski, *Diary from the Years of Occupation 1939–1944* (Urbana, Ill., 1993).

если мы хотим понять то, каким образом преступники обосновывали свою программу убийств и какой смысл они вкладывали в понятие «жизненного пространства». Гиммлер и его подчиненные предполагали в течение 20–30 лет расселить на громадных территориях, расчищавшихся согласно *Generalplan Ost*, не менее 10 млн немцев. Этническую границу германской расы планировалось отодвинуть на 1000 километров к востоку²⁴. Должностные лица СС, участвовавшие в этих дискуссиях, слишком хорошо понимали, что, обращаясь к образам рыцарей Тевтонского ордена, они рискуют показаться безнадежно архаичными. Однако сами себе они представлялись кем угодно, но только не ими. Конечно, Конрад Майер и его сотрудники не дистанцировались от традиций *Drang nach Osten*. Однако видеть в их проектах привязанность к старине — значит пропустить самое важное. Как объяснял один из подчиненных Франка в Генерал-губернаторстве, Третий рейх возобновляет историческую миссию модернизации. «На самом деле магистры Германского ордена и в первую очередь вожди колонизации [*Lokatoren*], строившие и заселявшие деревни и фермы на коммерческой основе, ни в коей мере не были <...> романтиками. Они были расчетливыми людьми и в значительной степени являлись выходцами из коммерческих классов»²⁵. И сам этот проект не был непрактичным или «чисто идеологическим» по своим целям. Восток обещал процветание германскому крестьянству, находившемуся в трудном положении. Конрад Майер, творец *Generalplan Ost*, считал, что за пределами перенаселенного Рейха оно получит шанс на новую жизнь. Как он выразился в своей программной статье:

Завтрашнее крестьянство станет иным народом по сравнению со вчерашним <...> Для нашего сельского населения начало новой эры означает принципиальное изменение его характера <...> Выбор между традиционным и прогрессивным, первобытным и современным может быть сделан лишь в пользу здоровой, общественно полезной идеи прогресса и высокой производительности. Это подразумевает однозначное решение в пользу борьбы вопреки тем <...> кто усматривает спасение крестьянства в охране его среды обитания. Мы не сможем вернуться к «старым добрым временам». Поэтому лучше перестать сетовать на то, что «старого крестьянства» больше нет, и вместо этого способствовать становлению нового крестьянства Третьего рейха и бороться за него²⁶.

24. См. карты в: Rössler and Schleiermacher, *Der «Generalplan Ost»*, 62–6.

25. Madajczyk, *Vom Generalplan Ost*, 389, Anlage 2.

26. K. Meyer «Neues Landvolk», in K. Meyer, *Landvolk im Werden* (Berlin, 1942), 21. См. так-

ТАБЛИЦА 14. Предполагаемое распределение населения согласно *Generalplan Ost*, %

Доля населения в секторах экономики	Идеал СС (Ганновер и Бавария)	В среднем по Рейху, 1933 г.
Сельское хозяйство	35	21
Ремесла	35	39
Промышленность и торговля	15	17
Госучреждения	7	8
Другие сектора	8	15

Источник: С. Madajczyk (ed.), *Vom Generalplan Ost zum Generalsiedlungsplan* (Munich, 1994), 3–14, doc. 1.

Идея, которой вдохновлялся немецкий колониальный проект на востоке, имела больше общего с американской идеологией фронта, чем со Средними веками. Осенью 1941 г. Гитлер неоднократно ссылаясь на американский пример, рассуждая о будущем Германии на востоке. Он заявил, что Волга станет германской Миссисипи. А кровавое покорение американского запада служило для Германии историческим прецедентом, которым можно было оправдать искоренение славянского населения. «Здесь, на востоке, повторится тот же исторический процесс, который происходил при завоевании Америки». «Полноценные» поселенцы вытеснят «неполноценное» коренное население, открыв путь в новую эру экономических возможностей. «Европа — а не Америка — станет землей неограниченных возможностей»²⁷.

Generalplan Ost предусматривал не возвращение в прошлое, а новую экстенсивную фазу германского экономического развития. Это роднит его с грандиозной жилищной программой Германского трудового фронта, анонсированной осенью 1940 г., и довоенными планами по производству «народного автомобиля». Предполагалось, что сочетание обширных естественных ресурсов, имевшихся на востоке, с германским опытом и капиталом приведет к резкому повышению уровня жизни. Эти амбиции наиболее четко выражались в значениях плотности населения. В первых планах, относящихся к Польше, она задавалась на уровне в 100 человек на квадратный километр. После того

же обсуждение в: W. Pyta, «Das Dorf im Fadenkreuz der Politik», in D. Münkler (ed.), *Der lange Abschied vom Agrarland* (Göttingen, 2000), 209–26.

27. Kershaw, *Hitler: Nemesis*, 434.

как в *Generalplan Ost* стала учитываться территория Советского Союза, планка была снижена до 80 человек на квадратный километр. Это было значительно ниже, чем плотность населения в Германии, в 1939 г. составлявшая 133 человека на квадратный километр. Но во Франции на тот момент плотность населения была еще ниже²⁸. Да и агрономы, работавшие на СС, не питали иллюзий в отношении уровня жизни, который можно было ожидать в обществе, состоящем исключительно из крестьян. Наоборот, для Майера идеалом являлась структура населения в Баварии или Ганновере, где в 1930-е гг. сосуществовали, не мешая друг другу, сельское хозяйство, промышленность и сфера услуг²⁹. В «Генеральном плане» предполагалось, что в сельском хозяйстве будет занято не более трети рабочей силы — столько же, сколько в промышленности, ремеслах, торговле и на госслужбе. В сравнении с долгосрочными тенденциями, присущими германской структуре занятости, такие планы означали возвращение не в Средние века, а в 1900 год.

В свете проблем, существовавших в Рейхе, продуманное распределение земли явно представляло собой ключевой вопрос немецкой колонизации на востоке. Подавляющее большинство немецких поселенцев должно было получить пригодные для самостоятельного ведения хозяйства участки (известные как *Hufen*) площадью по крайней мере в 20 га. Как мы уже видели, к фермам в 20–30 га относилось большинство *Erbhöfe* Рейха. В тех регионах, где качество земли требовало, чтобы фермы имели размер более 30 га, семейные фермы становились нежизнеспособными. Эти территории предполагалось разделять на более крупные имения и раздавать их ветеранам СС, чтобы те обрабатывали их, используя труд славян. Согласно первоначальным планам две трети земли в Польше следовало разделить на 150 тыс. *Hufen* с тем, чтобы с каждого из них кормилось по одной семье германских крестьян. Оставшаяся треть делилась на 12 тыс. крупных *Wehrbauernhöfe*, зарезервированных для офицеров СС. Однако окончательная германизация никогда бы не была осуществлена, если бы немецким фермерам приходилось поручать основную часть полевых работ местным славянам. Поэтому предполагалось выделение участков и для значительного количества сельскохозяйственных рабочих из Германии.

28. В 1939 г. плотность населения во Франции составляла 75,1 человека на квадратный километр в противоположность 133,5 в Германии, 194,6 в Великобритании и 283,3 в Бельгии. См.: SRA, *Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich* (1941/42) (Berlin, 1942), 7*.

29. Madajczyk, *Vom Generalplan Ost*, 3–14, doc. 1 Planungsgrundlagen, 04–05/1940.

Заселение восточных территорий непосредственно увязывалось с попытками ИЗС осуществить полномасштабную рационализацию германского сельского хозяйства, анонсированную Дарре в конце 1940 г.³⁰ Согласно одному из первых документов на эту тему, предполагалось, что «конструктивные усилия на востоке <...> создадут условия для окончательного переустройства земель старого Рейха, раздробленных между наследниками. Только от Вюртемберга до Бадена высвободится 100 тыс. семей крестьян и ремесленников»³¹. Начиная с лета 1940 г. бригады специалистов Имперского земельного сословия под руководством вездесущего профессора Майера осуществляли всеобъемлющую инвентаризацию германских сельских угодий³². В ходе кропотливых исследований на местах они изучили выборку из 4500 немецких деревень, в целом насчитывавших 5 млн жителей. В каждой из деревень все хозяйства были оценены исходя из уровня их окупаемости. В будущем в Германии не должно было остаться ни одной фермы, которая бы не приносила ежегодно как минимум 3000 рейхсмарок — этой суммы хватало для того, чтобы соответствующая крестьянская семья оказывалась заметно выше медианной точки на национальной шкале распределения доходов. На практике это означало, что минимальный размер фермы должен был составлять 18 га, а в некоторых регионах — ближе к 30 га. В тех регионах, где земли делились между наследниками — например, в Рейнской области, — до 30% всех ферм планировалось укрупнить или ликвидировать. Если бы имелась возможность совершенно не учитывать чувства местных жителей, то доля укрупняемых ферм приближалась бы к 50%. Кроме того, подчиненные Майера оценивали не только фермы, но и крестьянское население. Трудолюбивым фермерам, испытывавшим нехватку земли, предполагалось помочь путем объединения мелких наделов, отобранных у тех, кто имел иные источники дохода или обрабатывал свою землю менее тщательно. Молодые семьи с хорошей немецкой родословной планировалось поощрять к тому, чтобы они воспользовались возможностью переселиться на Восток. Согласно финальному варианту Генерального плана, составленному Майером в 1942 г., из перенаселенных сельских регионов Рейха следовало выселить не менее 220 тыс. семей.

30. В организационном смысле Майер должен был играть роль связующего звена между Министерством сельского хозяйства и СС в качестве рейхскомиссара; см.: Madajczyk, *Vom Generalplan Ost*, 132–3, doc. 26.

31. Ibid., 12, doc. 1.

32. W. Pyta, «Menschenökonomie: Das Ineinandergreifen von ländlicher Sozialraumgestaltung und rassenbiologischer Bevölkerungspolitik im NS-Staat», HZ 273 (2001), 31–94.

Кроме того, СС надеялись, что им удастся привлечь на завоеванные земли 220 тыс. молодых пар, делающих первые шаги в сельском хозяйстве, и не менее 2 млн колонистов из немецких городов³³. Но составители этих планов стремились не просто к захвату земли и перераспределению населения. Такую цель, как создание «высокоинтенсивного» (*hochintensiven*) «жизненного пространства», можно было осуществить лишь путем крупных инвестиций³⁴. Вслед за немецкими поселенцами на восток должен был хлынуть поток немецкого капитала. Фермы следовало щедро снабдить скотом и техникой. Но наиболее серьезной была необходимость в совершенствовании транспортной инфраструктуры. Современное сельское хозяйство не может стать процветающим в отсутствии хорошей связи с городом. Первоначально Майер оценивал стоимость выполнения *Generalplan Ost* в 40 млрд рейхсмарок, но вскоре по настоянию Гиммлера эта цифра была увеличена до 67 млрд рейхсмарок³⁵. Это было столько же, сколько Германия потратила на перевооружение в 1930–1939 гг., и превышало общую сумму всех инвестиций в германскую экономику в 1933–1938 гг., составляя примерно две трети германского ВВП в 1941 г.³⁶ Таким образом, в каждый квадратный километр новых обширных владений Рейха на Востоке было бы вложено по полмиллиона марок. Если считать, что плотность населения на этих территориях составляла бы 80 человек на квадратный километр, инвестиции на душу населения составили бы 6250 рейхсмарок. И в этом отношении мы тоже не видим никакой ностальгии по ушедшим временам. Согласно планам, одобренным и Гиммлером и Гитлером, на мелиорацию земель и сельское хозяйство выделялось всего 36% немецких инвестиций на востоке. Остальное вкладывалось в развитие транспортной инфраструктуры, промышленность и строительство городского жилья³⁷. И это был единственный аспект экономического развития на востоке, которым руководило государ-

33. Madajczyk, *Vom Generalplan Ost*, 127, doc. 23.

34. Ibid., 48, doc. 14.

35. Ibid., 91–123, doc. 23. В международных долларах 1990 г. это составляет 172 млрд и 288,1 млрд долларов соответственно. Для того чтобы перевести межвоенные рейхсмарки в доллары 1990 г., сумму, выраженную в рейхсмарках, следует умножить на 4,3. Эта цифра получена путем деления ВВП, оценивавшегося в 1937 г. в 73,757 млрд рейхсмарок, на оценку Мэддисона, согласно которой ВВП Германии в 1937 г. составлял 317,7 млрд долларов 1990 г.

36. При таких сопоставлениях масштабы Генерального плана «с современной точки зрения» окажутся еще более грандиозными. Сумма инвестиций в какой-либо единый проект, равная двум третям германского ВВП в 2001 г., составила бы величину порядка 1 трлн долларов 1990 г.

37. Madajczyk, *Vom Generalplan Ost*, 88, doc. 21.

ство. Ожидалось, что колоссальные суммы даст частный сектор. Согласно прогнозам, Рейх должен был выделить из национального бюджета не менее 15,67 млрд рейхсмарок; 4,29 млрд поступало из специального фонда, находившегося в распоряжении Генриха Гиммлера как RKf; еще 3,04 млрд ждали от местных властей Германии. Эти государственные средства в первую очередь вкладывались в лесное хозяйство, инфраструктуру, дорожное строительство и мелиорацию земель. Немецкая железная дорога должна была вложить не менее 1,5 млрд рейхсмарок в развитие железнодорожной инфраструктуры. Наконец, предполагалось, что на более-менее коммерческих условиях удастся собрать более 20 млрд рейхсмарок на городское и промышленное строительство. Если бы *Generalplan Ost* был когда-нибудь осуществлен, то он бы включал крупномасштабное перемещение национального немецкого капитала на восток³⁸.

Именно проблема издержек и соответствующее решение активно использовать принудительный труд непосредственно связывают Генеральный план с «Окончательным решением»³⁹. Как выразился Гиммлер на совещании высшего руководства СС летом 1942 г.:

Если мы не наполним наши лагеря рабами — в этой комнате я буду говорить очень четко и откровенно, — подневольными работниками, которых заставят строить для нас города, деревни и фермы, невзирая ни на какие потери, то даже после окончания войны у нас не хватит денег для оснащения поселений всем, что нужно для того, чтобы настоящие немцы могли жить там и укорениться уже в первом поколении⁴⁰.

Такие составители планов, как Конрад Майер и начальник строительного управления СС Ганс Каммлер, выражались не столь откровенно, но их намерения были не менее очевидными⁴¹. Общие потребности в рабочей силе на первом этапе выполнения *Generalplan Ost* оценивались где-то в 400 тыс. — 800 тыс.

38. Ibid., 109, doc. 23.

39. Schulte, *Zwangsarbeit*, 332–64.

40. J. E. Schulte, «Vom Arbeits- zum Vernichtungslager: Die Entstehungsgeschichte von Auschwitz-Birkenau 1941/42», *VfZ* 50 (2002), 48.

41. Д-р Ганс Каммлер, родившийся в 1901 г., обучался в *Technische Hochschule* в Данциге и в Мюнхене, в ноябре 1932 г. защитив диссертацию после нескольких лет практической работы в местном строительном управлении. В марте 1932 г. он вступил в партию, в мае 1933 г. — в СС, а с 1933 г. работал в *Reichsernährungsministerium*. В июне 1936 г. он перешел в Министерство авиации, а в августе 1940 г. стал штатным сотрудником администрации СС, получив чин штандартенфюрера СС. В дальнейшем именно он являлся главным эксплуататором рабского труда в СС.

ЦЕНА РАЗРУШЕНИЯ

ТАБЛИЦА 15. Предполагаемые инвестиционные приоритеты согласно *Generalplan Ost* (в варианте, предложенном весной 1942 года)

	Объем инвестиций, млрд рейхс- марок	Доля общих расходов, %	Цель
Ландшафтные работы:	3,3	7	
Лесопосадки	0,6		Облесение 11 тыс. км ²
Реструктурирование ландшафта	0,6		Сооружение защитных изгородей и облесение с/х земель
Мелиорация земель	2,2		Осушение 20 тыс. км ² с/х земель
Сельское хозяйство:	13,5	30	
Реконструкция сельского хозяйства	8,6		Полная реконструкция с/х-ва на большей части Польши
Сельские ремесла	0,8		40 тыс. мелких ремесленных мастерских и прочих предприятий, необходимых населению
Сельская промышленность	0,4		Крупномасштабная пищевая промышленность, деревообработка и т. д.
Сельские культурные учреждения	1,0		Клубы, школы, центры Гитлерюгенда, центры соц. обеспечения, детские сады, спортивные сооружения
Прочее строительство на селе	0,9		Жилье для сельского населения, включая учителей, врачей, госслужащих, рабочих
Сельская инфраструктура	1,8		Местная инфраструктура: дороги, пути, местные линии электропередачи и телефонные линии
Транспорт и инфраструктура:	7,8	17	
Строительство дорог	1,2		Достижение такой же плотности дорог, как в Восточной Пруссии
Строительство автобанов	1,0		Две трассы север-юг и две трассы запад-восток
Строительство железных дорог	1,5		Сооружение узкоколейных линий для связи села с ж.-д. магистралями
Внутренние водные пути	2,6		Предотвращение наводнений и навигация на Висле и Варте
Линии электропередач	1,5		Доведение электрификации до уровня Восточной Пруссии
Промышленность	5,2	11	Создание 650 тыс. рабочих мест в промышленности при средней стоимости 1 рабочего места в 8000 рейхсмарок

	Объем инвестиций, млрд рейхс- марок	Доля общих расходов, %	Цель
Для городов:	15,4	34	
Городское жилье	9,0		1 млн больших квартир для 4,3 млн городских жителей
Городские культурные учреждения	2,0		Минимальное обеспечение городов учебными и культурными учреждениями и больницами; остальное следовало строить за счет местных фондов
Городские ремесла	0,8		45 тыс. ремесленных мастерских и прочих предприятий, необходимых населению
Городское коммунальное хозяйство	3,6		Местная инфраструктура, а также газ, канализация и местный транспорт
Строительное оборудование	0,5	1	
Итого:	45,7	100	

Источник: С. Madajczyk (ed.), *Vom Generalplan Ost zum Generalsiedlungsplan* (Munich, 1994), 91–123, doc. 23.

традиционными лагерями будут поставлены важные экономические задачи⁴⁵.

Неделей ранее Гейдрих созвал совещание в Ванзее, на котором группа ключевых госслужащих была ознакомлена с идеями СС об «Окончательном решении». На совещании в Ванзее Гейдрих не говорил ни о газе, ни о расстрелах как о способах ликвидации еврейского населения Польши и Западной Европы. Вместо этого он предложил отправить их на восток в составе гигантских колонн: «В благоприятных условиях евреев в рамках „Окончательного решения“ следует задействовать в работах на востоке. Евреи, пригодные к труду и разделенные по полу, должны прибыть, строя дороги, на эти территории, причем при этом их численность, несомненно, значительно сократится вследствие естественной убыли»⁴⁶. Как мы уже видели, *Generalplan Ost* Майера в первую очередь требовал строительства новых дорог; на решение этой задачи выделялось 1,2 млрд рейхсмарок.

45. Longerich, *Politik*, 480.

46. Я не вижу оснований для того, чтобы рассматривать это предложение как эвфемизм, под которым скрывалась тайная программа массовых казней посредством расстрелов или умерщвления газом, и в этом отношении следую работам Longerich, *Politik*, 466–82, Kershaw, *Hitler: Nemesis*, 491–3, и Н. Mommsen,

человек. Для принудительных работ требовалось как минимум 175 тыс. человек — «евреев, поляков и советских военнопленных»⁴². По оценкам Майера, использование рабского труда должно было в среднем снизить цену строительства, выраженную в наличных деньгах, на 40%. Однако половина этой экономии компенсировалась бы затратами на питание и одежду для рабочей силы — хотя эту статью расходов Майер добавил едва ли не задним числом.

Эти цифры имели важные последствия для судьбы концентрационных лагерей СС⁴³. В первой половине 1941 г. население лагерей составляло не более 60 тыс. человек. Очевидно, его следовало резко увеличить. С тем чтобы обеспечить выполнение Генерального плана, строительное управление СС 27 сентября 1941 г. отдало приказ о создании двух новых лагерей, рассчитанных на 50 тыс. заключенных в каждом. Один должен был располагаться в Люблине — Майданеке. Другой следовало построить в Биркенау — местечке рядом с уже существовавшим концентрационным лагерем в Аушвице⁴⁴. К концу года в СС была поставлена цель увеличить вместимость Майданека до 125 тыс. человек, а Аушвица — до 150 тыс. человек. Оба лагеря первоначально предназначались для советских военнопленных, но по причинам, которые вскоре станут ясными, подавляющее большинство заключенных в Аушвице в итоге составили евреи. Так или иначе, превращение концентрационных лагерей в источник принудительного труда шло полным ходом уже в конце января 1942 г., когда Гиммлер уведомил управление СС, отвечавшее за концентрационные лагеря:

Поскольку русских военнопленных в ближайшем будущем больше не ожидается, я намереваюсь отправить в эти лагеря большое количество евреев и евреек, которых эмигрируют [так в тексте] из Германии. Прошу вас быть готовыми к принятию в концентрационных лагерях в течение следующих четырех недель 100 тыс. евреев и до 50 тыс. евреек. В ближайшие недели перед концен-

42. Точно те же группы, только в ином порядке, были названы Каммлером в начале февраля. См.: Schulte, *Zwangsarbeit*, 346.

43. Трансформация системы концентрационных лагерей в 1941–1942 гг. удачно резюмируется в: K. Orth, *Das System der nationalsozialistischen Konzentrationslager* (Hamburg, 1999), 141–68. См. также: J. Tuchel, «Dimensionen des Terrors: Funktionen der Konzentrationslager in Deutschland 1933–1945», in D. Dahlmann and G. Hirschfeld (eds.), *Lager, Zwangsarbeit, Vertreibung und Deportation: Dimensionen der Massenverbrechen in der Sowjetunion und in Deutschland 1933 bis 1945* (Essen, 1999), 371–89.

44. R.-J. van Pelt, «A Site in Search of a Mission», in Y. Gutman and M. Berenbaum (eds.), *Anatomy of the Auschwitz Death Camp* (Bloomington, Ind., 1994), 93–156; Schulte, «Vom Arbeits- zum Vernichtungslager». К октябрю вместимость Освенцима была повышена до 100 тыс. заключенных.

II

Размах кровожадных замыслов СС поражает воображение. По очевидным причинам именно они оказывались в центре исторических исследований. Однако намного меньше внимания уделяется тому факту, что вермахт вторгся в Советский Союз с намерением осуществить не одну, а две программы массовых убийств⁴⁷. Если «Окончательное решение» и *Generalplan Ost* представляли собой секреты, тщательно охраняемые СС — в том числе из опасения оттолкнуть местное население, — то вторая программа, открыто предусматривавшая уничтожение десятков миллионов человек в первый же год немецкой оккупации, была принята с согласия вермахта, всех ключевых гражданских министерств и нацистского политического руководства еще весной 1941 г. Этот так называемый План голода нельзя назвать секретным. О нем говорилось в официальных приказах, с которыми были ознакомлены тысячи подчиненных. Не делалось никаких попыток скрыть общую причину конкретных насильственных действий, требуемых этой программой. Напротив, всем немецким солдатам и сотрудникам оккупационной администрации на советской территории предписывалось осознать стратегическую логику этого плана и следовать ей. Он нуждался в столь широкой поддержке потому, что касался практического вопроса, значение которого после того, через что пришлось пройти Германии во время Первой мировой войны, было очевидно для всех: необходимости обеспечить продовольствием немецкое население — если потребуется, за счет населения Советского Союза.

Как мы уже отмечали, «украинская житница» играла ключевую роль во всех различных военно-экономических оценках кампании «Барбаросса», подготовленных зимой 1940–1941 гг. Для Гитлера это был ключевой момент, более важный, чем все прочие стратегические соображения, и его значение лишь

Auschwitz 17. Juli 1942 (Munich, 2002), 160–63. Напротив, и в Aly, «*Endlösung*», 362, и в Browning, *The Origins*, 411–12, утверждается, что решение о целенаправленном массовом уничтожении евреев уже было принято и что Гейдрих говорил иносказательно.

47. Об этом примечательном факте стало известно в первую очередь благодаря работе Р.-Д. Мюллера для DRZW 4. 184–93, первоначально изданной в 1982 г., и таким более свежим работам, как: Aly and Heim, *Vordenker der Vernichtung*, 365–93; C. Gerlach, *Kalkulierte Morde: Die deutsche Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Weissrussland 1941 bis 1944* (Hamburg, 1999), и C. Gerlach, *Krieg, Ernährung, Völkermord: Deutsche Vernichtungspolitik im Zweiten Weltkrieg* (Zurich, 2nd edn., 2001).

подчеркивалось опасным сокращением запасов зерна в Германии. К декабрю 1940 г. все военное и политическое руководство Третьего рейха было убеждено в том, что это был последний год, в течение которого оно могло подойти к решению продовольственного вопроса с какой-либо уверенностью. К тому же дело касалось не только Германии. Значительный нетто-дефицит зерна наблюдался на всех западноевропейских территориях, в 1940 г. оказавшихся под властью Германии.

Если бы не удалось изыскать дополнительные источники фуражного зерна, единственным выходом оставался массовый забой европейского скота, напоминающий о знаменитой «резне свиней» 1916 г. По причине изоляции, в которой оказался европейский континент из-за британской блокады, только Украина могла дать Западной Европе миллионы тонн зерна, необходимые, чтобы прокормить ее поголовье скота. Поэтому неудивительно, что когда Гитлер в начале декабря 1940 г. отдал однозначный приказ о подготовке к нападению на Советский Союз, статс-секретарь Герберт Бакке из Министерства сельского хозяйства не стал терять времени.

Этот момент имел для Бакке важное личное значение. Им еще с 1920-х гг. владела идея-фикс о завоевании русских территорий, которое бы позволило наконец решить проблему «народа без земли» (*Volk ohne Raum*)⁴⁸. Теперь главным стало прокормить немецкую армию на востоке (3 млн человек и 600 тыс. лошадей) за счет ресурсов Советского Союза. Однако Бакке отлично понимал, что Украина вовсе не была неиссякаемой житницей из империалистических мифов. На самом деле на Украине почти не производилось излишков зерна, которые можно было экспортировать за пределы СССР. Причиной этого, с одной стороны, была отсталость местной агротехники, а с другой — чрезвычайно быстрый рост городского населения в Советском Союзе. Начиная с 1928 г. Сталин «отрывал» 30 млн человек от почвы, создавая городскую цивилизацию. Кормить эти обширные массы нового городского пролетариата приходилось Украине. Согласно выводам берлинских экономистов, даже в случае успешного завоевания Украины Германия не получила бы от этого существенных непосредственных выгод⁴⁹. Потребовались бы годы для того, чтобы заметно повысить уро-

48. Так называлась незащищенная диссертация Бакке «Die Russische Getreidewirtschafts Grundlage der Land- und Volkswirtschaft Russlands» (1925–1926), которая была опубликована в 1941 г. как источник конфиденциальной информации общего характера для оккупационных властей в СССР.

49. См. пессимистический доклад Рейхсбанка, представленный в июне 1941 г.: BAL R25017007, 233–56.

жайность украинских полей. Однако Герберт Бакке пришел к совершенно иным выводам. Для того чтобы излишки зерна на Украине направлялись непосредственно на удовлетворение потребностей немцев, нужно было просто исключить советские города из этой продовольственной цепочки. После десяти лет сталинской урбанизации городскому населению на западе СССР предстояло просто умереть от голода.

То, что такой план мог выйти из-под пера Герберта Бакке, не должно нас удивлять. Он был педантичным сторонником расовой идеологии, давним сотрудником Вальтера Дарре и личным другом Рейнхарда Гейдриха. Как мы видели, в первый год войны он уже продемонстрировал в Польше свою готовность использовать продовольствие как орудие геноцида. Пожалуй, более удивительна та поспешность, с которой невероятное предложение Бакке было подхватили прочие служащие берлинских министерств, и в первую очередь главный эксперт ОКВ (*Oberkommando Wehrmacht*) по экономике, генерал Томас. Как мы видели, порой Томас позволял себе встать в оппозицию к гитлеровской войне. Но в глубине души он был безжалостным прагматиком. Фактически Томаса интересовало только будущее Германии как великой державы. *Raison d'être* его работы в ОКВ заключался в том, чтобы предотвратить внутренний кризис, подобный тому, который подорвал немецкую экономику во время Первой мировой войны. Томас в полной мере осознавал всю тяжесть проблемы с продовольствием в Германии и не видел оснований для того, чтобы усомниться в вычислениях Бакке. Более того, Гитлер явно принял твердое решение по данному вопросу. Его мысли были устремлены к Украине. Кроме того, существовали чисто военные соображения, заставлявшие Томаса поддерживать предложение Бакке. В начале 1941 г. германская армия уделяла все больше внимания подготовке к «Барбароссе» с точки зрения снабжения. Игры на карте, проведенные штабом Томаса, выявили вопиющее несоответствие между потребностями немецкой армии и ограниченной пропускной способностью железных дорог, ведущих на восток от границ Советского Союза. Даже при самых оптимистических предположениях было трудно себе представить, как удастся протолкнуть через это бутылочное горлышко достаточное количество продовольствия, топлива и боеприпасов. Если же, с другой стороны, вермахту удалось бы снабжать себя продовольствием и фуражом для скота из местных источников, то это позволило бы задействовать все имеющиеся транспортные мощности для перевозки наиболее приоритетных грузов для вермахта — топлива и боеприпасов.

2 мая 1941 г. статс-секретари, представлявшие все крупные министерские учреждения, встретились с генералом Томасом, чтобы составить планы оккупации. Итогом этой встречи стал один из самых поразительных бюрократических протоколов в истории нацистского режима. Применяя куда более откровенные выражения, чем те, что когда-либо использовались применительно к еврейскому вопросу, все главные учреждения Рейха одобрили программу массовых убийств, рядом с которой меркло все, что девятью месяцами ранее предлагал Гейдрих на совещании в Ванзее. Как зафиксировал секретариат генерала Томаса, собравшиеся пришли к следующим выводам:

- 1) Война может быть продолжена лишь в том случае, если на третий год войны весь вермахт будет кормиться исключительно за счет России.
- 2) Если мы заберем из этой страны все, что нам нужно, то несомненно, многие миллионы людей умрут от голода.
- 3) В первую очередь следует принять меры к выявлению и изъятию масличных семян и масличных жмыхов и лишь после этого — к изъятию зерна⁵⁰.

В стенограмме не указывается, сколько миллионов человек немцы намеревались уморить голодом. Однако за всеми этими рассуждениями однозначно чувствуется влияние Бакке⁵¹. Сам он оценивал «избыточное население» Советского Союза величиной от 20 до 30 млн человек, и на протяжении следующих месяцев эти цифры превратились в общую точку отсчета. В середине июня, за неделю до вторжения в Советский Союз, Гиммлер выступил перед группенфюрерами СС по вопросу о грядущей «расовой войне» (*Volkstumskampf*). Он утверждал, что это будет война не на жизнь, а на смерть, в ходе которой «военные действия и проблемы с продовольствием приведут к смерти от 20 до 30 млн славян и евреев»⁵². В ноябре Геринг хвастался графу Чиано, итальянскому министру иностранных дел, что смерть 20–30 млн советских граждан от голода — принципиальный элемент оккупационной политики Германии. Составленные ОКВ указания по организации сельского хозяйства на оккупированных восточных территориях — так называемая Зеленая книга, — буквально следуя идеям Бакке, требовали, чтобы все промышленные центры и крупные города на западе России, включая лесистый регион между Москвой и Ленинградом, были отре-

50. IMT XXXI. 84.

51. О дальнейшем см.: Gerlach, *Kalkulierte Morde*, 46–59.

52. Browning, *The Origins*, 240.

заны от источников продовольствия⁵³. В результате немецкие оккупационные власти получили приказ быть готовыми к гуманитарной катастрофе беспрецедентных масштабов. «Многие десятки миллионов жителей этих территорий станут излишними и умрут либо будут вынуждены переселиться в Сибирь»⁵⁴. На тот случай, если оккупационные власти сочтут себя обязанными облегчить их участь, авторы инструкции напоминали о существовании неразрывной связи между массовой смертью от голода и работой военной экономики Рейха:

Попытки спасти население от голодной смерти с помощью излишков, имеющихся в Черноземном регионе, могут быть осуществлены лишь за счет поставок продовольствия в Европу. Они снижают способность Германии к ведению войны, а также устойчивость Германии и Европы к блокаде. На этот счет должна существовать абсолютная ясность <...> Требования [местного] населения к немецкой администрации <...> с самого начала должны быть отвергнуты.

III

22 июня 1941 г. после долгих месяцев дискуссий началось вторжение в Советский Союз. Ни раньше, ни позже история не знала таких яростных сражений с участием такого большого количества людей, развернувшихся на таком широком фронте. По мере того как немецкие армии все глубже проникали в пределы Советского Союза, в их тылу сразу же начали свою кровавую работу айнзатцгруппы СС. Всего в четырех айнзатцгруппах (группа А для Прибалтики, В — для Белоруссии и Центральной России, С — для Украины, D — для Румынии и Крыма) насчитывалось не более 3000–3200 человек. Но трудами СС к ним быстро присоединились десятки тысяч местных полицаев⁵⁵. Кроме того, с осени 1941 г. айнзатцгруппы усиливались свежими немецкими кадрами — ваффен-СС и многочисленными батальонами вооруженной немецкой полиции. Скорость, с которой та или иная айнзатцгруппа осуществляла убийства, зависела от того, насколько быстрым было продвижение «ее» группы армий и от плотности еврейского населения в данной местности.

53. Это требование было повторено осенью 1941 г. См.: IMT XIII. 855–63, NI-440.

54. Wirtschaftspolitische Richtlinien, 23.05.1941, in IMT XXXVI. 141.

55. H. Krausnick, *Die Truppe des Weltanschauungskrieges: Die Einsatzgruppen der Sicherheitspolizei und des SD, 1938–1942* (Stuttgart, 1981); P. Klein (ed.), *Die Einsatzgruppen in der besetzten Sowjetunion, 1941/42* (Berlin, 1997).

Несомненно, особенно кровавым был путь айнзатцгруппы А. Она несет ответственность за уничтожение крупных еврейских общин в Литве и Латвии, начавшееся 25–26 июня с чудовищного погрома в Каунасе. К весне 1942 г. на счету у айнзатцгруппы А числилось более 270 тыс. жертв (в подавляющем большинстве — евреев), что составляло более половины всех убитых всеми четырьмя айнзатцгруппами. Как и в других группах СС, члены айнзатцгруппы А лично совершали убийства с помощью винтовок, пистолетов и пулеметов. Помощники из числа местных жителей иногда орудовали дубинками и кирками. Этого хватало для массового уничтожения беззащитных и по большей части покорных людей. Таким образом, «юдоцид» быстро стал страшной и конкретной реальностью. Более того, опыт участия в нем был настолько ужасным, что это заставило принять меры к изучению вопроса, итогом которых к концу 1941 г. стали первые эксперименты с «газенвагенами»: этот метод считался более щадящим для психики убийц. Однако «газенвагены» так и не получили большого распространения. Это были импровизированные и неэффективные устройства, сталкивавшиеся с теми же проблемами, которые преследовали остальной моторизованный транспорт вермахта в России. Отравление угарным газом было просто слишком медленным способом убийства. И если в Польше начались эксперименты с более производительными стационарными газовыми камерами, то уничтожение людей вручную оставалось на территории СССР излюбленной практикой даже во время второй волны убийств в 1942 г., в ходе которой погибло еще не менее 360 тыс. евреев на Украине и в Белоруссии. В Галиции, где, по оценкам, во время германской оккупации погибло до 500 тыс. евреев, расстрелы и умерщвление газом сочетались, как и задумывал Гейдрих, с «уничтожением посредством труда» (*Vernichtung durch Arbeit*)⁵⁶. Возможности для этого предоставляло строительство крупного стратегического шоссе, необходимого для снабжения группы армий «Юг».

В противоположность конкретным действиям айнзатцгрупп «План голода» Бакке был более абстрактным. Судя по всему, немецкие власти полагали, что можно обречь на голодную смерть миллионы людей, просто-напросто реквизируя все имеющееся зерно и блокировав города. На практике этот план организации массового голода посредством систематического без-

56. T. Sandkühler, «Judenpolitik und Judenmord im Distrikt Galizien, 1941–1942», in U. Herbert (ed.), *Nationalsozialistische Vernichtungspolitik 1939–1945: Neue Forschungen und Kontroversen* (Frankfurt, 1998), 122–47.

действия оказался наивным⁵⁷. Население СССР не собиралось дожидаться голодной смерти. Единственными крупными группами, которые удавалось уничтожать, просто не снабжая их продовольствием, были заметные городские меньшинства и заключенные: иными словами, евреи, проживавшие в городах, и советские военнопленные. Сразу же после прибытия немецких войск тем евреям, которых не уничтожили айнзатцгруппы, запрещалось появляться на продовольственных рынках и покупать что-либо непосредственно у крестьян. Кроме того, им было запрещено приобретать такие более дефицитные продукты питания, как яйца, масло, молоко, мясо и фрукты. В Белоруссии, где действовала группа армий «Центр», «рацион», установленный для евреев, проживавших в Минске и других городах, составлял не более 420 калорий в день⁵⁸. В большинстве других мест их питание было еще более скудным. Зимой 1941–1942 гг. десятки тысяч евреев — мужчин, женщин и детей — пали жертвами голода и связанных с ним болезней.

Но самую обильную дань «План голода» собрал с советских военнопленных⁵⁹. На первом этапе «Барбароссы» немцами было захвачено не менее 3,3 млн солдат Красной армии. Вермахт не мог делать вид, будто у него отсутствует опыт обращения с военнопленными. На Западном фронте он вполне адекватно справился с 2 млн человек, взятых в плен всего за два месяца. Но в преддверии кампании «Барбаросса» вермахт получил приказ не применять в отношении советских военнопленных общепринятых стандартов, соответствующих Женевской конвенции. Были составлены особые указания об изоляции и казни тех, кто будет сочтен политически опасными. Пленных полагалось разделять в соответствии с их национальностью. При этом не было принято никаких мер к тому, чтобы обеспечить их жильем на зиму. По-видимому, предполагалось, что они сами выроят себе землянки (если кто-либо вообще задумывался на эту тему). Пленным красноармейцам полагалось намного более скудное питание, чем прочим заключенным. Даже те лагеря военнопленных, которые содержались в порядке, были очень нездоровыми местами. Многие красноармейцы на момент захвата в плен находились в плохом физическом состоянии. Многие из них были ранены или страдали от шока и истощения.

57. Gerlach, *Kalkulierte Morde*, 265–318.

58. Ibid., 668–74.

59. См. поразительное и новаторское исследование С. Streit, *Keine Kameraden: Die Wehrmacht und die sowjetischen Kriegsgefangenen 1941–1945* (Stuttgart, 1978), за которым последовала работа А. Streim, *Behandlung sowjetischer Kriegsgefangenen im «Fall Barbarossa»* (Heidelberg, 1981).

Многие уже давно ничего не ели. Их страдания усугублялись тем, что по пути в тыл их заставляли проходить сотни километров пешком. При нормальном уровне смертности это привело бы к десяткам тысяч умерших. Но статистика не оставляет сомнений в том, что в дополнение к этой «нормальной убыли» вермахт систематически морил своих пленных голодом. К концу декабря 1941 г., по подсчетам самого вермахта, число взятых в плен достигло 3,35 млн человек⁶⁰. Из них к тому моменту в живых оставалось всего 1,1 млн человек и всего 400 тыс. находилось в достаточно хорошей физической форме для того, чтобы быть способными к работе. Из 2,25 млн умерших как минимум 600 тыс. было расстреляно, пав жертвами «Приказа о комиссарах», который давал немецкой армии и айнзатцгруппам СС право на уничтожение любых советских граждан, сочтенных политически опасными. Остальные умерли от «естественных» причин. Только с декабря 1941 г. по февраль 1942 г. умерло 600 тысяч человек. Если бы война закончилась в начале 1942 г., то эта программа массовых убийств осталась бы величайшим отдельным преступлением из всех совершенных гитлеровским режимом.

Уничтожить городское население оккупированных регионов России оказалось намного более сложным делом. Для того чтобы полностью отрезать Минск, Киев или Харьков от их сельскохозяйственной округи, потребовалось бы проведение крупной специальной операции⁶¹. Пока на всех фронтах продолжались ожесточенные бои, вермахту не хватало для этого людей. Более того, утомленные оккупационные власти не видели логики в том, чтобы без всякой нужды ожесточать гражданское население поспешным выполнением программы геноцида. Требовалось по крайней мере сделать вид, что принимаются меры к снабжению населения продовольствием. Хотя немцы всегда избегали каких-либо разговоров об официальных нормах, опасаясь того, что это возложит на них определенную ответственность, они все же начали раздавать еду. Результатом стал невинный компромисс, с поразительным бездушием описанный местным администратором вермахта:

На протяжении последних месяцев начались и сейчас в течение рабочего дня все чаще раздаются упоминания о снабжении гражданского населения продовольствием. Мы никогда всерьез

60. Streit, *Keine Kameraden*, 128–37.

61. См., например, требование Геринга о выделении дополнительных охранных дивизий с тем, чтобы помешать населению «бродить по окрестностям» и поедать имеющееся продовольствие: BAL R26IV 51, 18.09.1941.

не принимали во внимание то, что здесь еще есть русские. Нет, это не вполне верно. В соответствии с официальными приказами мы <...> не должны были принимать их во внимание. Но война приняла иной оборот <...> В этих обстоятельствах нам уже нельзя себе позволить не принимать население во внимание в плане продовольствия. Но где мы можем хоть что-то достать?⁶²

На этот вопрос никто так и не дал удовлетворительного ответа. Жители городов на западе России находили средства к пропитанию на черном рынке и все чаще покидали города, возвращаясь в села, где еще жили их родственники. В свою очередь, вермахт делал все, чтобы изыскивать продовольствие на местах. Уже через несколько недель после вторжения главной задачей многих немецких военнослужащих стали реквизиции продуктов⁶³. Войска в огромных количествах присваивали зерно, скот и молочные продукты. Тем не менее армия Рейха была не в состоянии снабжаться на ожидаемом уровне. Основная часть немецких войск была сосредоточена в Белоруссии, но именно там местные источники оказались неадекватными во всех отношениях. Большие партии продовольствия приходилось отправлять на восток из Германии⁶⁴. Но с учетом слаборазвитой транспортной инфраструктуры даже этого не хватало. Группа армий «Центр» никогда не страдала от такого голода, который угрожал противостоящим ей советским войскам. Однако зимой 1941/1942 г., в условиях расстройства транспортной системы, многие немецкие солдаты не получали пайков в течение целых дней и даже недель⁶⁵.

Впрочем, «План голода» со всеми вытекающими из него кошмарами, по сути, никогда не пытались воплотить в полном объеме, поскольку в германскую зону оккупации так и не попали два крупнейших города Советского Союза — Москва и Ленинград — с их окрестностями. Вермахту в итоге не удалось взять ни один из этих городов, несмотря на то что они представляли собой важнейшие цели операции «Барбаросса». Однако косвенным образом задача «Голодного плана» была при этом решена. Линия фронта отрезала миллионы советских граждан от их главных источников продовольствия, благодаря чему украинские урожаи оказались в руках немцев. Советским

62. КТВ WiKdo Bobruisk, 01.1942, цит. по: Gerlach, *Kalkulierte Morde*, 277.

63. Ibid., 255.

64. В конце ноября 1941 г. была достигнута договоренность о дополнительных поставках в течение шести месяцев, а также о создании двухмесячного резерва, но лишь при условии, что будут уменьшены нормы питания в вермахте. ВАМА RW19/166, 25, 36.

65. ВАМА RW19/166, 665.

властям приходилось кормить своих граждан тем немногим, что могли дать остатки советского сельского хозяйства. В результате советский тыл постоянно голодал, а во многих случаях и откровенно умирал от голода, что наиболее драматическим образом проявилось в случае осажденного Ленинграда⁶⁶. Германские и финские тиски сомкнулись вокруг Ленинграда в начале октября 1941 г. В гигантскую ловушку попали два с половиной миллиона военнослужащих и гражданских лиц. Не имея сведений о положении защитников города, германская 18-я армия, отвечавшая за осаду, начала задумываться о том, как ей поступить с населением⁶⁷. Армейский штаб предложил три варианта: окружить город и «уморить всех» («alles verhungert»), вывезти гражданское население на запад, в немецкую зону оккупации, или же организовать его эвакуацию в советский тыл. В соответствующей докладной записке не предлагалось никакого решения, а лишь рассматривались преимущества и недостатки каждого варианта. Голодная смерть населения Ленинграда позволяла уничтожить большое число коммунистов и избавляла немцев от необходимости кормить миллионы людей. Единственный серьезный недостаток этого плана относился к сфере пропаганды. Зарубежные СМИ подняли бы волну возмущения. Кроме того, командование 18-й армии боялось за психику своих солдат, которым придется наблюдать, как поблизости умирает от голода 4 миллиона мирных жителей. Вывоз гражданского населения на запад, в тыл немецких войск, оставил бы печать союзников без этого ужасного сюжета. Но гитлеровцы были бы вынуждены изыскивать пропитание для лишних 4 миллионов человек, а на этот счет никто не питал иллюзий: «Большая часть людей, покидающих Петербург, в любом случае будет обречена на голодную смерть». Кроме того, это тоже бы негативно сказалось на состоянии войск. Наконец, имелась возможность договориться с советским командованием о том, чтобы пропустить эвакуируемых через линию фронта. Такой вариант имел свои преимущества с пропагандистской точки зрения, но вермахт опасался того, что исход из Ленинграда мог необратимо испортить имидж немецких войск: десятки тысяч гражданских лиц наверняка бы умерли по пути к линии фронта. Единственная возможность, которая никогда даже не обсуждалась, заключа-

66. J. Barber and A. R. Dzenishevich (eds.), *Life and Death in Besieged Leningrad* (Basingstoke, 2005); H. E. Salisbury, *The 900 Days: The Siege of Leningrad* (London, 1969).

67. О дальнейшем см.: Madajczyk, *Vom Generalplan Ost*, 440–42, Anlage 8; G. Hass, «Leben, Sterben und Überleben im belagerten Leningrad (1941–1944)», *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*, 50 (2002), 1080–98.

лась в том, чтобы кормить советское население за счет германских запасов. К декабрю 1941 г. в Ленинграде царил жестокий голод. Накануне нового года и в январе 1942 г. в городе ежедневно умирало почти 4000 мужчин, женщин и детей⁶⁸. Согласно наиболее надежным источникам, за первые 11 месяцев осады умерло 653 тыс. ленинградцев⁶⁹. Не исключено, что к 1944 г. голод и связанные с ним болезни унесли до 700 тыс. жизней.

68. D. M. Glantz, *The Siege of Leningrad, 1941–1944* (Staplehurst, 2001), 75–81.

69. N. Cherepina, «Assessing the Scale of the Famine and Death», in Barber and Dzenishevich (eds.), *Life and Death*, 28–71.

Декабрь 1941 года: поворотный момент

ЗА ШЕСТЬ месяцев, прошедших с июня по декабрь 1941 г., Третий рейх подошел к решающей развилке своей истории. Именно в тот период казалось, что Гитлер и его режим вплотную приблизились к полной реализации своих идеологических замыслов. Но вместе с зимой пришла и стратегическая катастрофа. Напав в июне 1941 г. на Советский Союз, Гитлер сделал ставку на то, что вермахт сможет выдержать войну на два фронта, если только Красную армию удастся уничтожить к концу года. Как он выразился в послании Муссолини, отправленном рано утром 22 июня, «Как бы там ни было, дуче, наше положение в результате этого шага не сможет ухудшиться; оно способно только улучшиться»¹. К ноябрю 1941 г. стало очевидно, что надежды фюрера не оправдались. Немецкая программа колонизации завоеванных земель и изгнания их коренного населения едва успела начаться, как контрнаступление Красной армии под Москвой вскрыло всю ничтожность военных ресурсов, на которые опирались имперские амбиции Гитлера. За первые две недели декабря 1941 г., именно тогда, когда Рейнхард Гейдрих собирался ознакомить рейхсминистерства со своими планами по «окончательному решению „проблемы европейского еврейства“», исчезли условия, позволявшие Третьему рейху полностью воплотить в жизнь эти ужасающие замыслы. Именно благодаря срыву «Барбароссы» как военного проекта число жертв холокоста составило менее 6 млн человек, а не 11,3 млн как замышлял Гейдрих. Планы Третьего рейха уничтожить Советский Союз, создать долговечную империю на востоке и полностью изменить глобальное соотношение сил потерпели крах еще до того, как убийственные средства реализации этих планов были запущены.

1. DGFP D XII, 1066–9.

I

Как мы уже видели, успешное выполнение «Барбароссы» зависело от того, удастся ли вермахту парализовать и уничтожить Красную армию на рубеже Днепра и Двины, в 500 км от границы. Называть такую перспективу оптимистичной было бы сильной натяжкой. Операция «Барбаросса» и в этом отношении представляла собой последний крупный пример колониальных захватов: предпринятую европейской страной средних размеров чрезвычайно самонадеянную попытку навязать свою тираническую волю якобы более отсталому народу, имеющему намного большую численность. В принципе немцы считали советское руководство слишком слабым и некомпетентным для того, чтобы ему удалось использовать свои колоссальные людские ресурсы и запасы вооружений, и втянуть немцев в войну на истощение. Обширные территории, захваченные за первые недели кампании, первоначально как будто бы оправдывали это презрение к противнику. 3 июля начальник армейского штаба Франц Гальдер сделал знаменитый вывод о том, что сражение выиграно². Основная часть Красной армии уничтожена «по эту сторону Двины и Днепра». Завершение кампании на востоке потребовало бы от вермахта некоторых усилий по зачистке территории, но настало время для того, чтобы германское руководство задумалось о дальнейших операциях по перерезанию «пуповины» Британской империи — пространства между Нилом и Евфратом.

Но этот «пузырь надежд» лопнул всего через несколько недель. К концу июля 1941 г. все три немецкие группы армий исчерпали возможности своей системы снабжения и приостановили наступление. Красная армия, понеся колоссальные потери, все же не была уничтожена³. Она все еще сражалась и наносила противнику серьезный урон. Наиболее критическая ситуация сложилась на центральном участке фронта под Смоленском⁴. На исходе июля, используя последние ресурсы своих танковых частей, Гейнц Гудериан завершил еще одно гигантское окружение и взял под свой контроль «сухопутный мост» между верховьями Двины и Днепра. До Москвы оставалось ме-

2. *Halder Diary*, 3.07.1941, 446–7; Ф. Гальдер, *Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба Сухопутных войск 1939–1942 гг.*, т. 3 (Москва, 1971), 102.

3. *Halder Diary*, 26.07.1941, 486–7; Ф. Гальдер, *Военный дневник*, т. 3, 195–196.

4. О принципиальном значении битвы за Смоленск см.: A. Hillgruber, «Die Bedeutung der Schlacht von Smolensk», in A. Hillgruber, *Die Zerstörung Europas: Beiträge zur Weltkriegsepoche 1914 bis 1945* (Frankfurt, 1988), 296–312.

нее 400 километров. Но выполняя этот эффектный удар, Гудериан оторвался от своих линий снабжения, и основная часть группы армий «Центр» осталась в сотнях километров у него за спиной. В условиях яростных советских контратак растянутые части Гудериана были вынуждены окопаться и оборонять внешний периметр котла⁵. Почувствовав, что настал критический момент, советское командование бросило против группы армий «Центр» не менее 17 армий, причем 6 из них действовали против Гудериана⁶. Непрерывные советские контратаки ценой ужасающих жертв все же достигли своей цели. Как отмечал в своем дневнике фельдмаршал фон Бок, главнокомандующий группы армий «Центр», «Я еще не вполне представляю себе, каким образом начинать новую операцию в положении, когда боеспособность войск, подвергающихся непрерывным атакам, непрерывно снижается»⁷. Спустя несколько дней фон Бок записывал: «Если русские в ближайшее время не будут разбиты, то до наступления зимы будет очень трудно нанести по ним такой удар, который бы покончил с ними»⁸.

Группа армий «Центр» могла возобновить наступление на Москву не ранее чем в сентябре⁹. Это была именно та поддержка, на опасность которых столь настойчиво указывал Гальдер в своих ранних оценках плана «Барбаросса». В начале 1941 г. он писал, что гарантию успеха может обеспечить лишь непрерывное движение вперед, которое не даст Красной армии возможности перегруппироваться. Сейчас же, когда наступление остановилось по всему фронту, Гальдер был вынужден сделать вывод о том, что вторжение немцев в Советский Союз основывалось на неверной оценке ситуации. В начале августа в его дневнике появляется следующее многозначительное признание:

5. *Halder Diary*, 20.07.1941, 482, 22.07.1941, 483, 26.07.1941, 485, 30.07.1941, 489, 3.08.1941, 494. Ф. Гальдер, *Военный дневник*, т. 3.

6. W. Murray and A. R. Millett, *A War to be Won: Fighting the Second World War* (Cambridge, Mass., 2000), 128; D. M. Glantz and J. M. House, *When Titans Clashed: How the Red Army Stopped Hitler* (Lawrence, Kan., 1995), 58–61.

7. Цит. по: Hillgruber, «Smolensk», 30 и K. A. F. Schüller, *Logistik im Russlandfeldzug* (Frankfurt, 1987), 359.

8. Цит. по: K. Reinhardt, *Moscow — the Turning Point: The Failure of Hitler's Strategy in the Winter of 1941–1942* (Oxford, 1992), 47.

9. Идея о том, что группа армий «Центр» упустила шанс, не начав в августе 1941 г. наступления прямо на Москву, выдвигавшаяся в первую очередь Францем Гальдером во время и после войны, не учитывает проблем со снабжением, которые делали невозможным проведение подобных крупных операций до середины сентября 1941 г. См.: M. van Creveld, *Supplying War: Logistics from Wallenstein to Patton* (Cambridge, 1977), 16–174; Schüller, *Logistik*, 368–84.

На всех участках фронта, где не ведется наступательных действий, войска измотаны. То, что мы сейчас предпринимаем, является последней и в то же время сомнительной попыткой предотвратить переход к позиционной войне <...> В сражение брошены наши последние силы. Каждая новая перегруппировка внутри групп армий требует от нас крайнего напряжения и непроизводительного расхода человеческих сил и технических ресурсов. <...> Общая обстановка все очевиднее и яснее показывает, что колосс Россия, который сознательно готовился к войне, несмотря на все затруднения, свойственные странам с тоталитарным режимом, был нами недооценен. Это утверждение можно распространить на все хозяйственные и организационные стороны, на средства сообщения и в особенности на чисто военные возможности русских. К началу войны мы имели против себя около 200 дивизий противника. Теперь мы насчитываем уже 360 дивизий противника. Эти дивизии, конечно, не так вооружены и не так укомплектованы, как наши, а их командование в тактическом отношении значительно слабее нашего, но, как бы там ни было, эти дивизии есть. И даже если мы разобьем дюжину таких дивизий, русские сформируют новую дюжину¹⁰.

На самом деле Гальдер по-прежнему недооценивал масштаб задач, стоявших перед вермахтом в России. К концу 1941 г. на стороне Красной армии сражалось не 360, а все 600 дивизий¹¹.

Как признавал Гальдер, если фашистский лозунг «триумфа воли» над материальными обстоятельствами и реализовался в 1930-е или 1940-е гг. в какой-либо державе, то это была не нацистская Германия или фашистская Италия, а марксистская диктатура Сталина. Советский режим не только не рухнул, подобно царскому, но и оказался способен вынести намного большие потери, чем остальные участники войны. Кроме того, несмотря на относительную неразвитость экономики, в чрезвычайной ситуации 1941–1942 гг. он сумел мобилизовать более существенную долю национальных экономических ресурсов¹². Вместо того чтобы стать жертвой своей мнимой отсталости, Советский Союз проявил себя более умелым бойцом, чем казалось на первый взгляд. В значительной степени это было следствие террористического принуждения. Тем не менее политическая власть Сталина была неразрывно связана с реальными достижениями советской индустриализации, наиболее ярким выражением которой было превосходное оружие Крас-

10. *Halder Diary*, 12.08.1941, 505–6; Ф. Гальдер, *Военный дневник*, т. 3, 263–264.

11. Glantz and House, *When Titans*, 68.

12. M. Harrison, «Resource Mobilization for World War II», *Economic History Review* (1988), 184.

ной армии¹³. В 1940 г. во Франции вермахт сумел справиться с неуклюжими французскими танками Char B. Но немцам оказалось нечего противопоставить тысячам проворных и хорошо бронированных Т-34, непрерывным потоком сходявших с советских сборочных линий.

Гитлера одолели сомнения еще раньше, чем его генералов. Еще в конце июля он начал задумываться над возможностью того, что Красная армия не будет уничтожена в 1941 г. По его приказу верховное главнокомандование вермахта издало стратегическую директиву, открыто признававшую такую возможность¹⁴. Более того, похоже, что Гитлер в своем стратегическом реализме зашел еще дальше. Геббельс, 18 августа 1941 г. посетивший ставку Гитлера в Растенбурге, был шокирован, когда фюрер заговорил о мирных переговорах со Сталиным¹⁵. Более того, в глазах Гитлера возможность тупиковой ситуации на Восточном фронте имела немедленные оперативные последствия. Еще начиная с первых штабных разработок по «Барбароссе» Гитлер и верховное командование вермахта пришли к выводу о том, что если Красную армию не удастся уничтожить с первого удара, то приоритетными станут стратегическо-экономические соображения. Если Германии предстояла затяжная война на два фронта, то было необходимо обеспечить полный контроль над украинским зерном и сырьем, а также добиться полного господства на Балтике, без которого Германия не могла гарантировать поставки железной руды из Скандинавии.

В конце лета 1941 г. у немецких стратегов, несомненно, появился повод для беспокойства¹⁶. После объявления о ленд-лизе англо-американский союз демонстрировал все признаки дальнейшего укрепления. В июле США оккупировали Исландию, расширив зону своей ответственности за безопасность судоходных линий в Атлантике¹⁷. Каждый месяц случались перестрелки между немецкими и американскими кораблями. Как и люфтваффе, немецкий флот с нарастающим беспокойством наблюдал за стремительным ростом объемов американского производства. Гигантская производительность американских верфей позволила бы нейтрализовать любые потери, вызванные

13. Эта «смычка» блестяще описывается в: S. Kotkin, *Magnetic Mountain: Stalinism as Civilization* (Berkeley, 1997).

14. Reinhardt, *Moscow*, 39; I. Kershaw, *Hitler 1936–1945: Nemesis* (London, 2000), 417.

15. Ibid., 412.

16. DRZW 9/1. 304–9.

17. О дальнейшем см.: P. Herde, «Japan, Deutschland und die Vereinigten Staaten», и J. Rohwer, «Die USA und die Schlacht im Atlantik 1941», in Rohwer and E. Jäckel (eds.), *Kriegswende Dezember 1941* (Koblenz, 1984), 36–54, 81–103.

действиями немецких подлодок. Чтобы избежать этого, следовало в самое ближайшее время начать массированное наступление на атлантических судоходных линиях и всерьез приступить к удушению британцев¹⁸. 14 августа 1941 г., провозгласив «Атлантическую хартию», США бесповоротно обязались поддерживать воюющую Британию. Черчилль надеялся на вступление Америки в войну. Рузвельт не мог зайти настолько далеко. Но в Берлине открытая война с Соединенными Штатами считалась не более чем делом времени. И Гитлер уже не заглядывал далеко вперед¹⁹. Начиная с лета 1941 г. он говорил о войне с Америкой так, словно она должна была начаться в течение нескольких месяцев, в идеале — после успешного завершения операций на востоке. Однако все зависело от японцев²⁰. Да, немецкие подлодки могли топить американские суда в Атлантике. Но лишь Япония с ее мощным и современным флотом давала Германии надежду на успешное противостояние с американским ВМФ. По той же причине немцы очень рассчитывали на удар японцев по Британской империи. В июле 1941 г. Гитлер предложил Японии наступательный союз против американцев, если та вступит и в войну против Великобритании. Японцы не спешили с ответом. Но все эти стратегические соображения делали тем более необходимым решить важнейшие экономические задачи на территории Советского Союза.

В августе 1941 г. хрупкий консенсус, на котором держалась подготовка к «Барбароссе», развалился. Как мы уже видели, Гальдер всегда считал, что удар в южном направлении, в сторону хлебных полей Украины, отвлечет немцев от достижения главной цели — уничтожения Красной армии на подступах к Москве. Несмотря на то что под Смоленском не прекращались ожесточенные бои, Гальдер по-прежнему стремился сосредоточить все имеющиеся силы на центральном участке с тем, чтобы как можно скорее начать наступление на советскую столицу²¹. Однако в решающие недели августа 1941 г. он был не в состоянии заручиться полной поддержкой ни со стороны группы армий «Центр», ни со стороны Браухича, главнокомандующего армией. После ряда нерешительных споров Гитлер настоял на своем. Вместо подготовки к наступлению на Москву, которое могло начаться не ранее середины сентя-

18. W. Rahn, «Strategische Optionen», in B. Thoss and H.-E. Volkmann (eds.), *Erster Weltkrieg: Zweiter Weltkrieg* (Paderborn, 2002), 237.

19. Hillgruber, «Hitler und die USA», in *Zerstörung*, 195.

20. Kershaw, *Hitler: Nemesis*, 442–4.

21. Ф. Гальдер. Указ. соч. Т. 3. С. 167–302.

бря, Гитлер 21 августа повернул главные танковые силы группы армий «Центр» на юг, нанеся гигантский хук справа. Этот маневр принес Германии то, что можно считать ее крупнейшей победой на Восточном фронте. После трех недель яростных сражений был окружен Киев, 600 тыс. человек попали в плен и перед немцами открылся путь к полному покорению Донбасса с его тяжелой промышленностью. Возбуждение, вызванное этой победой и окружением Ленинграда, также произошедшим в начале сентября, заставило на время забыть об августовских разногласиях²². Казалось, что все цели «Барбароссы» все-таки удастся реализовать в течение года. 6 сентября группе армий «Центр» было приказано начать подготовку к удару прямо на советскую столицу, которую, как считали немцы, защищали последние остатки Красной армии²³.

Две недели до и после начала этой операции, имевшей кодовое название «Тайфун», представляли собой ключевой момент в процессе радикализации нацистского режима. Гитлер сообщал Геббельсу, что вермахт вскоре начнет наступление на Сталинград и на Дон. У Британии в конце концов не останется иного выбора, кроме как пойти на мир. Премьер-министр Черчилль будет отстранен от власти. Британская империя останется в неприкосновенности, но «у Англии <...> нет будущего в Европе»²⁴. Евразийский материк станет вотчиной Германии и будет обеспечивать ее ресурсами, необходимыми ей для того, чтобы стать подлинно глобальной державой. 2 октября в своем обращении к войскам группы армий «Центр» Гитлер не делал секрета из того, что поставлено на карту. Он непосредственно увязывал битву за Москву с борьбой рас. Германия одновременно воевала и с капиталистической Великобританией, и с большевистской Россией. Две эти экономические системы, на первый взгляд разные, в реальности имели принципиальное сходство. Большевизм представлял собой не более чем наихудшую разновидность капитализма. Он порождал нищету и лишения, а «опора этой системы» «в обоих случаях» была «одна и та же: евреи и только евреи!». Наступление на Москву должно было стать «смертельным ударом» по этому архиврагу немецкого народа²⁵.

Остается неясным, действительно ли именно в октябре 1941 г. Гитлер принял окончательное решение о немедленном

22. Kershaw, *Hitler: Nemesis*, 415–16.

23. Reinhardt, *Moscow*, 57–60.

24. Kershaw, *Hitler: Nemesis*, 416.

25. Schüler, *Logistik*, 400; Kershaw, *Hitler: Nemesis*, 431.

уничтожении всего еврейского населения Европы²⁶. Несомненно то, что эйфория, сопровождавшая победу немцев на Украине, и успехи, достигнутые в первые недели «Тайфуна», совпали с резкой эскалацией антисемитской политики и риторики. 15 октября наконец началась давно ожидавшаяся депортация германских и австрийских евреев. В лесах под Лодзью Эйхман инспектировал сооружение экспериментальной газовой камеры. 17 октября Гитлер развернул перед министром вооружений Фрицем Тодтом и гауляйтером Фрицем Заукелем широкую картину будущего, уготованного покоренному востоку. С проживавшими там славянами следовало поступить как с «краснокожими индейцами» (*Indianer*). Полезные будут оставлены. Население городов надо будет уморить голодом. Все деструктивные еврейские элементы необходимо немедленно уничтожить. В данном случае Гитлер не говорил об умерщвлении газом, а адресатами его непосредственных угроз стали только «деструктивные еврейские элементы». Но с учетом убийств, уже совершенных айнзатцгруппами, а также смерти миллионов советских военнопленных от голода и предполагаемой убыли населения в результате выполнения «Плана голода», сомнительно, чтобы следовало придавать какое-то значение подобным мелочам. Вне зависимости от того, был ли у Гейдриха уже разработан конкретный и четкий план по уничтожению сравнительно малочисленных еврейских общин Западной Европы, Третий рейх уже приступил к программе многомиллионных убийств, имевших своей целью ни много ни мало как демографическое переустройство Восточной Европы.

Поначалу «Тайфун» оправдывал все ожидания. Вермахт наносил советским войскам ужасающий урон. Шесть советских армий попали в «котлы» под Вязьмой и Брянском. Шестьсот тысяч военнопленных побрели в пеших колоннах на запад, чтобы умереть в немецком тылу²⁷. На второй неделе октября 1941 г. сталинский режим находился на грани краха²⁸. Слухи о том, что коммунистическое руководство бежало из столицы, ненадолго ввергли население Москвы в панику. Однако порядок

26. То, что это произошло в октябре, утверждается в: C. R. Browning, *The Origins of the Final Solution: The Evolution of Nazi Jewish Policy. September 1939 — March 1942* (Lincoln, Nebr., 2004), 370–73. Противоположную точку зрения, согласно которой Гитлер принял решение о подготовке к массовым убийствам в августе, но сроки и метод расправ не были окончательно определены, см. в: Jersak DRZW 9/1. 304–5.

27. Murray and Millett, *War to be Won*, 131–3; Glantz and House, *When Titans*, 78–81.

28. J. Barber and M. Harrison, *The Soviet Home Front, 1941–1945: A Social and Economic History of the USSR in World War II* (London, 1991), 64.

вскоре был восстановлен. Сталин остался в столице, а генерал Жуков сумел создать еще одну линию обороны. 7 ноября Красная армия, несмотря ни на что, в честь годовщины большевистской революции прошла парадом по Красной площади. Между тем вновь дали о себе знать проблемы со снабжением, преследовавшие вермахт. Еще во время подготовки к «Тайфуну» сосредоточение всей наступательной мощи Германии в одной группе армий повлекло за собой грандиозные сбои в работе транспорта. В сентябре и октябре армейские склады в Гомеле, Рославле, Смоленске и Витебске могли считать, что им повезло, если график подвоза припасов, необходимых для полноценного проведения «Тайфуна», выполнялся хотя бы на две трети²⁹. К тому же, несмотря на ужасающие потери Красной армии, вермахт тоже заплатил высокую цену. К середине октября в 4-й танковой дивизии насчитывалось всего 38 машин после катастрофического столкновения с танками Т-34 1-го гвардейского стрелкового корпуса³⁰. Немецкие танки перестали быть непобедимыми. Вермахт исчерпал свой запас удачи. В течение двух недель после начала «Тайфуна» 10-я танковая дивизия потеряла 140 из своих 200 танков. Гордость дивизии, лейтенант Вальтер Рубарт, вместе с отрядом солдат лично форсировавший Маас 13 мая 1940 г., погиб 26 октября 1941 г. в жестоком сражении за шоссе Минск — Москва. Четырьмя месяцами ранее на мосту через Березину был убит лейтенант Генрих Ганбауэр, последовавший за Рубартом в тот геройский день на Маасе³¹. И словно для того, чтобы еще сильнее подчеркнуть контраст с героическим настроем, ощущавшимся в мае 1940 г., 8 октября начались осенние дожди. Через несколько дней весь центральный сектор немецкой армии превратился в непроходимую трясиину. К концу октября группа армий «Центр» остановилась в 100 километрах от Москвы.

II

На протяжении осени масштабных побед вермахта хватало для того, чтобы затушевывать нарастающие проблемы в стратегическом положении Германии. На третьей неделе августа 1941 г. Кейтель как глава ОКВ созвал совещание с целью скоординировать пла-

29. Schüler, *Logistik*, 403.

30. Glantz and House, *When Titans*, 80–81.

31. Как четко показывается в: К. Н. Frieser, *Blitzkrieg-Legende: Der Westfeldzug 1940* (Munich, 1996), 208–11, если бы не их отвага, атака на Седан вполне могла бы захлебнуться.

ны всех трех родов войск вермахта по производству вооружений. Казалось очевидным, что сухопутная война фактически кончилась. Поэтому ресурсы, прежде предназначавшиеся для армии, можно было передать люфтваффе с тем, чтобы дать отпор возрастающей угрозе со стороны англо-американского воздушного флота³². По иронии судьбы решимость немецкой армии завершить войну к концу 1941 г. лишь способствовала укреплению этой иллюзии. Несмотря на продолжающиеся боевые действия, армейские управления вооружений почти не протестовали против неминуемой смены приоритетов. Однако к октябрю, когда операция «Тайфун» после первых успехов завязла в грязи, немецкая военная экономика начала трещать по швам.

Ситуация с топливом, как уже давно предсказывало военно-экономическое управление вермахта, стремительно приближалась к критической точке. К началу 1942 г. к «полному параличу армии» должна была привести уже не русская грязь, а истощение запасов топлива³³. В итоге, распечатав оперативные резервы вермахта и сократив потребление, армия сумела сохранить мобильность³⁴. Флот оказался в худшем положении. В ноябре 1941 г. ситуация с мазутом и на итальянском, и на германском флоте описывалась вермахтом как «катастрофическая»³⁵. В мае 1941 г. британский Королевский флот потопил линкор «Бисмарк», предпринявший тщетную попытку выйти на атлантические морские линии. К осени весь остальной германский надводный флот уже не выходил в море — не только из-за британцев, но и из-за хронической нехватки топлива³⁶. При минимальной месячной потребности боевого и торгового флота примерно в 90 тыс. тонн топлива Германия ежемесячно производила всего 52 тыс. тонн, которые дополнялись резервами не более чем в 220 тыс. тонн³⁷. Действия крупных германских боевых кораблей в Атлантике означали удвоение потребления топлива и грозили неминуемым параличом всего судоходства в странах Оси. Как указывало военно-экономическое управле-

32. См. дискуссию, прошедшую под председательством Кейтеля 18 августа 1941 г., в: ВАМА RW19/177, 222–34.

33. ВАМА RW19/165, 297, записка военно-экономического управления ОКВ, 24.10.1941.

34. ВАМА RW19/166, 71.

35. ВАМА RW19/166, 2. См. также: W. Meier-Dörnberg, *Die Ölversorgung der Kriegsmarine 1935 bis 1945* (Freiburg, 1973), 59–63.

36. Не хватало не только топлива. Непрерывные работы по ремонту крупных кораблей, поврежденных бомбами и торпедами во время их кратких и по большей части неудачных вылазок приводили к нехватке дефицитного пространства на верфях и препятствовали строительству подводных лодок. См.: Rahn, «Strategische Optionen», in Thoss and Volkmann (eds.), *Erster Weltkrieg*, 236.

37. ВАМА RW19/177, 135–8.

ние вермахта, «Отсюда следует, что мы просто не можем вести войну одновременно всеми тремя родами войск вермахта»³⁸.

Кроме того, беспокойство ощущалось не только в военных кругах. Программа подготовки к операции «Барбаросса» и новые грандиозные планы люфтваффе угрожали дестабилизировать хрупкий фискальный и кредитно-денежный баланс всей немецкой экономики. 17 сентября 1941 г. экономический департамент Рейхсбанка пришел к выводу о том, что ситуацию с рейхсмаркой можно описать двумя лаконичными утверждениями: 1) предложение потребительских товаров сократилось вдвое; 2) объем денежной массы, находящейся в обращении, удвоился³⁹. Это привело к сильнейшему несоответствию между спросом и предложением и усилению инфляционного давления⁴⁰. Рейхсбанк особенно беспокоило резкое ускорение роста денежной массы, наблюдавшееся с апреля 1941 г. С апреля по август объем денежной массы, находившейся в обращении, вырос на 10,9%, что было в три с половиной раза больше, чем за тот же период в 1940 г. В то же время произошло относительное сокращение продаж государственных облигаций банкам. Хотя Рейхсбанк не сомневался в готовности населения смириться с резким снижением уровня жизни, налицо были признаки того, что люди все чаще прибегают к услугам черного рынка. Среди тех, кто, подобно фермерам, ремесленникам и мелким лавочникам, имел доступ к дефицитным предметам потребления, нормой становилась бартерная торговля⁴¹. При текущих темпах роста денежной массы механизмы контроля за ценами и ставками зарплаты, действовавшие с середины 1930-х гг., вскоре утратили бы эффективность, после чего Германия столкнулась бы с угрозой катастрофической инфляции, сопровождавшейся крахом производства и массовыми волнениями, как в начале 1920-х гг.⁴² «Если бы мы могли рассчитывать на краткосрочную войну, — указывал Рейхсбанк, — то в крайнем случае можно было бы смириться даже с таким развитием событий». Но отныне краткосрочная война казалась «маловероятной», поскольку перед страной все еще стояли «три крупные военные задачи [Советская Россия, Средиземноморье и Англия], решение которых потребует много времени». В свете немецкой

38. ВАМА RW19/166, 5–6.

39. ВАЛ R2501/7007, 266–9.

40. Согласно более позднему докладу Рейхсбанка, цена дефицитных товаров гражданского потребления выросла на 60%, несмотря на меры государственного контроля. См.: ВАЛ R2501/7007, 330–38.

41. ВАЛ R2501/7007, 268.

42. ВАЛ R2501/7007, 332.

стратегической ситуации Рейхсбанк не мог себе позволить бездействие. Требовались срочные «контрмеры» (*Gegenmassnahmen*), включая энергичную борьбу с черным рынком и новую пропагандистскую кампанию за народные сбережения⁴³. Кроме того, Рейхсбанк предложил создать на период войны механизм принудительных сбережений и резко повысить налоги с целью «ликвидировать избыточную покупательную способность». С тем чтобы снизить военные расходы, он потребовал «резко сократить расходы на вооружения».

На протяжении последующих месяцев власти Рейха прилагали целенаправленные усилия к восстановлению фискального баланса. Как неоднократно отмечалось⁴⁴, Третий рейх не стал прибегать к резкому повышению личного подоходного налога для финансирования войны. Но с учетом скромного уровня жизни и высокого налогового бремени на душу населения, наблюдавшегося еще до войны, этому едва ли стоит удивляться. Вместо этого Рейх поощрял сбережения и повышал налоги на прибыль и повышенные доходы⁴⁵. В середине 1941 г. стандартная ставка налога на прибыль юридических лиц была поднята с 40% до 50%, а в январе 1942 г. — до 55%. Поступления из этого источника выросли в 1941–1942 гг. на 1,5 млрд рейхсмарок, а в 1942–1943 гг. — еще на 1,8 млрд рейхсмарок⁴⁶. Большее значение имело получение кредитов под будущие поступления от налога на квартплату, взимаемого с арендодателей, — эту меру Рейхсминистерство финансов впервые предложило в декабре 1941 г. Как мы уже видели, этот налог был учрежден Веймарской республикой в 1920-е гг. ради финансирования программы государственного жилищного строительства. В целом он давал около 850 млн рейхсмарок в год. В порядке борьбы с фискальными проблемами военного времени Министерство финансов первоначально предложило взимать его на четыре года вперед. Но по настоянию прусского министерства финансов и прочих учреждений его решили взимать сразу на десять лет вперед⁴⁷. Не менее 4,5 млрд рейхсмарок поступило от владельцев недвижимости, имевших ликвидность на банковских счетах или запасы наличности; остальное было получено в форме но-

43. L. Herbst, *Der Totale Krieg und die Ordnung der Wirtschaft: Die Kriegswirtschaft im Spannungsfeld von Politik, Ideologie und Propaganda 1939–1945* (Stuttgart, 1982), 190.

44. В том числе в такой недавней работе, как G. Aly, *Hitlers Volksstaat* (Frankfurt, 2005).

45. О новом механизме сбережений, известном как *Eisernes Sparen*, см. идеи о его рекламировании в: BAL R2501/7007, 341, 102, и M. L. Recker, *Nationalsozialistische Sozialpolitik im Zweiten Weltkrieg* (Munich, 1985), 194–206.

46. Aly, *Hitlers Volksstaat*, 78.

47. См. противоречащие друг другу версии в: Ibid., 79–81, и M. Führer, *Mieter, Hausbe-*

вых закладных. Всего в 1942 г. эта разовая мера принесла 8 млрд рейхсмарок. Вместе с ростом средств, полученных от оккупированных территорий, этого хватило для того, чтобы доля расходов Рейха, покрывавшихся за счет налоговых поступлений, выросла в 1942 г. более чем на 54%, несмотря на резкое увеличение расходов. Инфляционная спираль была остановлена — по крайней мере на какое-то время.

Впрочем, неудивительно, что самый большой фурор вызвало предложение резко сократить цены на вооружения. Стремление к рационализации, вызванное к жизни Судетским кризисом 1938 г., привело к тому, что стоимость государственных контрактов стала регулироваться посредством так называемой системы LSOe. Эта система, далекая от совершенства, все же, вопреки мнениям некоторых авторов, была достаточно эффективна⁴⁸. Согласно этой системе, цены устанавливались на основе предполагаемых издержек, к которым прибавлялась норма прибыли, обычно составлявшая 5% — но не от этих издержек, а от величины задействованного капитала. Цены, по которым была достигнута договоренность, фиксировались, и в том случае, если издержки производства оказывались ниже прогнозируемых, дополнительная прибыль, по крайней мере первоначально, доставалась производителям. Таким образом, они получали явный стимул к сокращению издержек и повышению производительности. И факты говорят о том, что промышленники, получавшие заказы, извлекали пользу из этого обстоятельства. Хотя службы вермахта по контролю над ценами похвалялись тем, что их усилиями стоимость вооружений за первые два года войны сократилась в среднем на 18%, прибыльность корпораций, согласно всеобщему мнению, тоже находилась в те годы на максимуме⁴⁹. Более того, к концу 1940 г. прибыль, полученная по контрактам LSOe, стала настолько высокой, что рейхскомиссар по ценам гауляйтер Йозеф Вагнер выступил с требованием немедленных жестких мер⁵⁰. Вильгельм Цанген, возглавлявший рейхсгруппу по промышлен-

sitzer, Mieter, Hausbesitzer, Staat und Wohnungsmarkt: Wohnungsmangel und Wohnungszwangswirtschaft in Deutschland 1914–1960 (Stuttgart, 1995), 228–30.

48. Превосходное недавнее описание этой системы, исправляющее прежние ошибки, встречавшиеся в литературе, см. в: С. Rauh-Kühne, «Hitlers Hehler? Unternehmerprofite und Zwangsarbeiterlöhne», HZ 275 (2002), 1–55.

49. G. Thomas, *Geschichte der deutschen Wehr- und Rüstungswirtschaft* (Boppard, 1966), 137.

50. Так утверждал Цанген в обращении к рейхсгруппе по промышленности 19 декабря 1940 г.: ВАН R131/594, 50–59. См. также скептический отзыв Рейхсбанка на самодовольный доклад управления ОКВ по контролю над ценами: ВАН 2501/7007, 409–11.

ности, сумел отбить эту первую атаку⁵¹. Однако осенью 1941 г., по мере роста озабоченности возможным инфляционным кризисом, комиссар по ценам неожиданно пошел на обострение противостояния. В условиях резкого увеличения государственного долга и нарастания военных расходов прежняя система изъятия части прибылей оказалась неэффективной, как и снижение цен, на которое пошли промышленники. Ссылаясь на чрезвычайную фискальную ситуацию, гауляйтер Вагнер предложил постфактум уменьшить допустимую норму прибыли для 1940–1941 гг. на 20%. Кроме того, правила об избыточной прибыли должны были задним числом применяться ко всему 1939/1940 налоговому году. Более того, все амортизационные скидки, которые не могли быть возмещены во время войны, доставались Рейху. В будущем вместо установления цен для каждого подрядчика по отдельности, как было предусмотрено системой LSOe, для всех фирм предполагалось назначать единую цену, равную уровню издержек, достигнутому на «добросовестной фирме», за вычетом 10%⁵². В целом комиссар по ценам надеялся, что этот пакет мер даст не менее 2 млрд рейхсмарок⁵³. Неудивительно, что промышленники ответили на эти предложения взрывом негодования. Цанген и его заместитель Шталь пригрозили подать в отставку. Возглавляемые ими промышленные круги перестали бы им доверять — в условиях, когда вопрос об изъятии части прибылей «решается в полном противоречии с договоренностями, достигнутыми в течение多月месячных переговоров с комиссаром по ценам». Эти новые радикальные предложения подрывали основу, служившую фундаментом для «работы промышленности и управления ею» на протяжении последнего года⁵⁴. Кончилось тем, что в отставку подали не Цанген и Шталь, а комиссар Вагнер — судя по всему, в результате запущенной СС интриги, никак не связанной с этим делом⁵⁵. Тем не менее этот инцидент свидетельствует о трениях, нараставших в немецкой военной экономике. Осенью 1941 г. под угрозой оказались даже относительно гармоничные отношения между промышленностью Рейха и управлениями вооружений. Именно

51. Эти маневры зафиксированы в: BAL R8122/336 и 337, а также в R13I 599.

52. См. изложение хода переговоров в: BAL R2501/7008, 94–8.

53. BAL R2501/7007, 412–13.

54. BAL R8122/338, Notiz, 8.11.1941.

55. Согласно общепринятой версии событий, Вагнер был освобожден от своей должности вследствие его чрезмерной приверженности католицизму. Но как указывается в Rauh-Kühne, «Hitlers Hehler», 25–6, возможная связь его отставки с конфликтом между ним и рейхсгруппой по промышленности еще не была никем исследована.

эти отношения представляли собой политический фундамент военной экономики с момента назначения Тодта весной 1940 г.

Впрочем, еще более злободневную проблему представляло собой все более плачевное состояние тяжелой промышленности Германии. Как обычно, вопрос упирался в уголь и сталь. К концу весны 1941 г. резервы угля в стране были практически исчерпаны, а добыча велась на совершенно недостаточном уровне. В конце июня, выступая на встрече лиц, ответственных за выполнение Четырехлетнего плана, генерал Ганнекен сообщил, что немецкому «большому пространству» грозит дефицит угля примерно в 40 млн тонн. Причиной этого были как неудовлетворительные объемы добычи, так и постоянное возрастание спроса со стороны промышленности Рейха⁵⁶. В результате оккупированные территории получали всего 60% требовавшегося им угля⁵⁷. В самой Германии нехватка угля в сталеплавильной промышленности составляла 15%, и существовала угроза того, что этот показатель вскоре вырастет до 25%⁵⁸. От нехватки угля не могли быть избавлены даже производители электричества и газа. Сокращение квот угля для домохозяйств было невозможно — в первой половине 1941 г. они и так не были в достаточной мере обеспечены углем на грядущую зиму⁵⁹ (чтобы гарантировать поставки угля для промышленности). В ближайшие месяцы следовало предпринять серьезные усилия для обеспечения населения углем, чтобы избежать недовольства граждан. Чтобы изыскать требуемое количество угля, предлагали даже резко (на 40%) сократить его поставки для второстепенных промышленных потребителей. Как заявил Ганнекен Томасу из ОКВ, «Настал момент, когда сам фюрер должен решать, как быть с поставками сырья на протяжении зимы»⁶⁰. Нехватка была такой серьезной, что грандиозные планы по расширению химического производства, выдвигавшиеся Краухом всего несколькими неделями ранее, сделались бессмысленными. Чтобы обеспечить сырьем и энергией фигурировавшие в планах Крауха предприятия по производству синтетического топлива и «буны», добычу угля в Германии следовало увеличить еще на 30 млн тонн, при уже существовавшем дефиците в 35–40 млн тонн⁶¹.

56. Соотношение между факторами спроса и предложения было удачно раскрыто в выступлении д-ра Ретула из *Reichsvereinigung Kohle*: ВАН R131/595, 168–9.

57. ВАМА RW19/177, 165.

58. ВАН R131/652, 9.

59. На этот ключевой момент указывается в: ВАМА RW19/177, 9–10.

60. ВАМА RW19/165, 169–70, Wi Rue Amt Stab, 28.07.1941.

61. ВАМА RW19A65, 131.

В конце концов вмешался вовсе не Гитлер, а Кейтель из верховного главнокомандования вермахта. На протяжении нескольких совещаний, проходивших 14–16 августа 1941 г., он попытался принудить все три рода войск вермахта к тому, чтобы они скорректировали свои программы вооружений с учетом нехватки угля. Германия ежемесячно могла выплавлять не 2, а всего 1,65 млн тонн стали⁶². В сочетании с явной недостаточностью металлообрабатывающих мощностей в стране это означало, что общее потребление стали вермахтом следовало резко сократить с целью предотвратить дальнейшее ускорение и без того суровой «стальной инфляции». Физическим эквивалентом денежного «выступа», который вызывал такое беспокойство в Рейхсбанке, служили недополученные 12 млн тонн стали, что примерно соответствовало шестимесечным объемам ее производства, и эта задолженность едва ли могла быть покрыта при существовавшем уровне выплавки. Через несколько недель после анонсирования гигантской программы Геринга Кейтель вынудил люфтваффе удовольствоваться чрезвычайно скромной целью, сводившейся к замене самолетов, уничтоженных на Восточном фронте за два предыдущих месяца. В обозримом будущем не нашлось бы ни стали, ни рабочих рук для того, чтобы завершить строительство громадных заводов по производству синтетического топлива и каучука, требовавшихся для снабжения грандиозного воздушного флота, создание которого замышлялось несколькими месяцами ранее. И если люфтваффе просто отказались от программы наращивания своей численности, то армия претерпела поистине катастрофическое сокращение квот. 25 октября 1941 г. норма отпуска стали для армии была снижена до ничтожных 173 тыс. тонн в месяц — уровня, невиданного со времен майского кризиса 1938 г.⁶³ Этот резкий поворот полностью соответствовал немецкой стратегии в сфере вооружений, осуществлявшейся с осени 1940 г. — перераспределению ресурсов в пользу люфтваффе и флота, как только завершится битва на востоке. Но он находился в вопиющем противоречии с реальностью, ожидавшей вермахт в России. После того как операция «Тайфун» выдохлась на подступах к Москве, германские генералы наконец начали смиряться с мыслью о том, что Красная армия не будет разгромлена в 1941 г. Перед лицом резкого сокращения квот на сталь управление вооружений

62. См.: Совещание 18 августа 1941 г., ВАМА RW19/177, 226.

63. ВАМА RW19/177, 269–73. Еще сильнее была сокращена квота на медь: отныне армии причиталось всего 800 тонн меди, по сравнению с 3300 тонн для флота и 4000 тонн для люфтваффе.

впало в панику⁶⁴. В отсутствие дополнительных поставок стали оно не видело возможности переоснастить *Ostheer* с тем, чтобы продолжить войну в 1942 г. И армия не блефовала. Как мы уже видели, производство вооружений специально сокращалось в 1940 и 1941 г. После многомесячных напряженных боев запасы снарядов и патронов уменьшились до угрожающе низкого уровня⁶⁵. Для того чтобы вести активные операции в 1942 г., вермахт отчаянно нуждался в пополнении своих запасов. Более того, с учетом ошеломляющего превосходства Красной армии в вооружениях вермахт испытывал потребность в танках и пехотном оружии нового поколения.

То, через что прошел Третий рейх в октябре 1941 г., не было очередным раундом межведомственных склок. Ему угрожал провал всей его военной стратегии. Тем не менее Кейтелю было удобно обвинить в этих неурядицах армию. Он объявил новые требования армии о поставках стали «бессовестным шантажом» («*unerhörte Erpressung*») и немедленно принял меры к тому, чтобы втянуть в эти разборательства Гитлера. В свою очередь, тот не желал участвовать в диспутах по поводу сырья. Как отмечали подчиненные Томаса, «Он [Кейтель] отказывался поверить в нехватку сырья. В конце концов, он завоевал всю Европу. Вооруженные силы должны получить то, что им требуется»⁶⁶. Всего через два дня после того, как ОКВ объявило о сокращении норм отпуска стали для армии, Гитлер заявил, что вермахт должен полностью игнорировать систему квотирования сырья⁶⁷. Вместо того чтобы следовать решению об изменении приоритетов в пользу люфтваффе, каждый род войск вермахта имел право до конца года заказывать столько материалов, сколько хотел. В условиях, когда все зависело от мучительно медленного продвижения группы армий «Центр» к Москве, любые претензии на какую-либо стратегическую логику при организации работы немецкой военной экономики были просто забыты⁶⁸. По сути, по причине исчерпания как рабочей силы, так и запасов угля военно-экономическое управление вермахта дожидалось грядущих праздников с нескрываемым нетерпением. В конце ноября секретариат генерала Томаса издал рекомендацию о том, чтобы индустрия вооружений прекратила работу на все время рожде-

64. B. R. Kröner, «*Der starke Mann im Heimatkriegsgebiet*»: *Generaloberst Friedrich Fromm. Eine Biographie* (Paderborn, 2005), 417–21.

65. См. замечания о минах для минометов и прочих боеприпасах в: ВАМА RW19/166, 141.

66. ВАМА RW19/165, 554.

67. Müller, in DKZW5/1. 610.

68. Как отмечало военно-экономическое управление ОКВ 22 ноября 1941 г.: ВАМА RW19/166, 28.

ственных каникул с 24 декабря по 1 января 1942 г., что позволило бы сэкономить и уголь, и рабочую силу⁶⁹.

В то время как военная экономика Рейха окончательно зашла в тупик, потрепанные остатки немецких танковых дивизий пробивались к Москве, уже видневшейся на горизонте⁷⁰. Но как и предсказывали специалисты по снабжению в начале ноября, войска были слишком ослаблены для того, чтобы одержать решительную победу. *Ostheer* (армия востока) снова исчерпала пределы транспортных возможностей. Находясь почти в 500 км от передовых баз снабжения, оставшихся в районе Смоленска, немцы были не в состоянии предпринять крупное наступление на позиции ожесточенно сопротивляющейся Красной армии. Над *Ostheer* нависла серьезная угроза. Не было предпринято никаких мер к проведению активных боевых действий в зимнее время. Запасы обмундирования на холодную погоду были рассчитаны лишь на сравнительно немногочисленные оккупационные войска, но даже эти вещи не могли быть доставлены на фронт, поскольку в первую очередь армия нуждалась в топливе и боеприпасах. Группа армий «Центр», в которой были сосредоточены основные силы Рейха, оказалась в чрезвычайно уязвимом положении. Наступление на Москву не оставило ей времени для того, чтобы подготовить нормальный кров и оборонительные позиции для своих солдат. Передовые части были изнурены месяцами непрерывных боев и более чем тысячекилометровым продвижением. Когда в начале декабря 1941 г. температура упала до –31 градуса по Цельсию, десятки тысяч человек пали жертвой обморожений.

Прекрасно осознавая неминуемое истощение вермахта, Красная армия накапливала все возможные ресурсы для мощного контрудара. Советское руководство, получив от своих превосходных разведчиков информацию о том, что японцы определенно намерены соблюдать пакт о нейтралитете, заключенный в апреле 1941 г., забрало под Москву из Сибири и с маньчжурской границы значительное число боеспособных частей, из которых были образованы 1-я ударная армия, 10-я и 20-я армии⁷¹. Всего к началу декабря 1941 г. под командованием Жукова на Западном фронте находились ударные части в составе 1,1 млн человек, 7652 орудий и минометов, 774 танков и 1370 самолетов. По причине колоссальных потерь, понесенных Красной армией с июня, она уже не имела заметного численного превосход-

69. См.: ВАМА RW19/166, 35.

70. Reinhardt, Moscow, 222–8, 243–8; Schüler, Logistik, 404.

71. Ibid., 279–83.

ства, но обладала инициативой и сумела достичь полной внезапности⁷². Впервые с начала войны вермахт постигла неудача. Контрнаступление началось 5 декабря к северу от Москвы. Через несколько дней группа армий «Центр» была отброшена назад. В журнале боевых действий 3-й танковой группы зафиксировано драматическое состояние краха: «Дисциплина рушится. Все больше и больше пеших солдат бредет на запад, бросив оружие, и каждый ведет на веревке теленка или тащит за собой сани, груженные картошкой. Дорога постоянно подвергается воздушным ударам. Убитых уже не хоронят. Все прихлебатели (части снабжения, авиация, автотранспорт) торопятся укрыться в тылу»⁷³. Фельдмаршал Федор фон Бок был так потрясен, что его пришлось отправить в отставку. К концу 1941 г. вслед за ним лишились своих должностей армейский главнокомандующий Браухич, генерал Гудериан и главнокомандующие групп армий «Север» и «Юг».

За два месяца напряженных боев вермахт потерял на всем протяжении от Балтики до Черного моря 380 тыс. солдат: 150 тыс. было убито, ранено или пропало без вести, остальные вышли из строя по болезни или из-за обморожений⁷⁴. В первые дни января 1942 г., по мнению наиболее компетентных военных аналитиков, положение группы армий «Центр» было безнадежным⁷⁵. Немецкой 4-й армии, чьи танки находились в авангарде наступления на Москву, угрожало окружение как с северного, так и с южного фланга. Если бы группа армий «Центр» была разгромлена, то все немецкие войска на востоке были бы вынуждены как минимум отступить далеко на запад. Московская битва вполне могла обернуться для вермахта еще более страшной катастрофой, чем год спустя стал для него Сталинград. Однако, к большому несчастью, именно это ощущение неминуемой победы привело к тому, что Сталин не рассчитал своих сил. Пребывая в уверенности, что еще немного, и он выиграет войну, 7 января 1942 г. он отдал Красной армии приказ о наступлении на всем 1500-километровом фронте⁷⁶. В ходе этой зимней кампании вермахт понес огромные потери. В феврале и марте 1942 г. немцы потеряли еще 190 тыс. человек в ходе боевых действий и 150 тыс. человек из-за болезней и обморожений. Всего зимний кризис стоил немцам более 700 тыс. бойцов. Лишь

72. J. Erickson, *The Road to Stalingrad: Stalin's War with Germany* (London, 1975), 269–73.

73. E. F. Ziemke and M. E. Bauer, *Moscow to Stalingrad: Decision in the East* (New York, 1988), 77.

74. Körner, in DRZW 5/1. 885.

75. Reinhardt, *Moscow*, 326.

76. Erickson, *The Road to Stalingrad*, 297–342.

в апреле 1942 г. присылаемые из Германии подкрепления начали превосходить ежемесячные потери, что позволило вермахту восстановить боеспособность⁷⁷. Но в ретроспективе становится понятно, что Сталин, не сосредоточив все свои силы против слабейшего места в позициях немцев, совершил ужасную ошибку. Именно это позволило группе армий «Центр» окопаться в 100–150 км от Москвы. К марту 1942 г. на Восточном фронте, по-прежнему проходившем в глубине советской территории, наступило относительное затишье.

III

Обычно говорят, что вермахт «не сумел» взять Москву. Но при таком подходе за кадром остается страшный удар, нанесенный Красной армией зимой 1941–1942 гг. Группа армий «Центр», гордость вооруженных сил Германии, потерпела сокрушительное поражение на поле боя. Еще более катастрофическим было ухудшение стратегического положения страны. Приняв в 1941 г. решение о расширении театра военных действий, Гитлер сделал ставку на способности вермахта покорить Советский Союз еще до того, как в конфликт вступит Америка. Тем самым он надеялся сделать положение Великобритании невыносимым. Но успехи вермахта, который, казалось, вот-вот одержит победу над советскими войсками, лишь заставили Рузвельта и Черчилля еще крепче сплотиться. Атлантическая хартия, провозглашенная в августе 1941 г., закрепила роль США как краеугольного камня антинацистской коалиции. В Берлине эту хартию восприняли как фактическое объявление войны. Флот Соединенных Штатов активно включился в охоту за немецкими подводными лодками в средней Атлантике. Помимо этого, британцы и американцы прилагали дальнейшие усилия к совместному наращиванию военного производства. К октябрю объединенный комитет планирования начал работу над программой, называвшейся просто «условия победы». Согласно подсчетам, завершившимся на первой неделе декабря 1941 г., эта программа только в течение двух ближайших лет предусматривала освоение не менее 150 млрд долларов (что составляло более 500 млрд рейхсмарок)⁷⁸. Это было больше, чем Третий рейх потратил на вооружения в течение всей войны, а ведь Соединенные Штаты еще даже не приняли активного участия в конфликте.

77. DRZW 6. 780–81.

78. H. D. Hall, *North American Supply* (London, 1955), 328–35.

Разумеется, Гитлер продолжал утешать себя и свое окружение громкими заявлениями о неполноценности полукровок-американцев. Но намного более мощным было царившее в Берлине фаталистическое ощущение неизбежности войны с Америкой⁷⁹. Было понятно, что Рузвельта от резких шагов удерживают электоральные соображения, а также разногласия среди конгрессменов. А британцы, чья военная стратегия всецело зависела от Соединенных Штатов, неоднократно испытывали разочарование, когда их надежда на объявление войны Америкой снова не оправдывалась⁸⁰. Но с учетом явно необратимого развития событий с лета 1940 г., когда США впервые начали оказывать Великобритании активное военное содействие, до объявления о ленд-лизе в декабре 1940 г. и более-менее открытого участия флота США в «Битве за Атлантику», все как будто бы указывало на грядущую войну. Эта оценка складывалась из таких рациональных элементов, как желание британцев втянуть Америку в войну, явная заинтересованность американского бизнеса в крупномасштабных военных заказах и неприкрытая враждебность Рузвельта к Германии. Но как мы уже видели, все это, по крайней мере с 1938 г., усугублялось мощным влиянием анти-семитской теории заговора. Идея о том, что Рузвельт, сколачивая всеобщую антинацистскую коалицию, выполняет роль агента «международного еврейства», не давала покоя Гитлеру по крайней мере с момента яростной американской реакции на «Хрустальную ночь». И именно к мрачным пророчествам, прозвучавшим в его январской речи 1939 г., Гитлер снова вернулся во второй половине 1941 г. Он открыто провел такую связь в августе 1941 г. и снова сделал это в конце октября, после того как началась депортация немецких евреев⁸¹. 12 августа, когда Рузвельт и Черчилль встретились в заливе Пласеншия (Ньюфаундленд), Гитлер едва ли мог отозваться более недвусмысленно. Он заявил испанскому послу: «Главные виновники этой войны <...> американцы, Рузвельт со своими масонами, евреи и еврейский большевизм во всей своей полноте. Итогом этой войны против большевизма должно стать возросшее единство Европы. Американцы — величайшие негодяи <...> Америка поплатится за это»⁸².

79. О принципиальном значении этой идеи для понимания политики Гитлера см.: S. Friedländer, *Prelude to Downfall: Hitler and the United States 1939–1941* (London, 1967), 307–14.

80. D. Reynolds, *The Creation of the Anglo-American Alliance 1937–41: A Study in Competitive Cooperation* (London, 1981), 213–30.

81. Browning, *The Origins*, 318.

82. Цит. по: A. Hillgruber (ed.), *Staatsmänner und Diplomaten bei Hitler* (Frankfurt, 1967), I, doc. 86, 624.

Та же тема была поднята две недели спустя, во время визита Муссолини в ставку Гитлера на Украине, когда фюрер потчевал внимавших ему слушателей «подробным разбором того, как еврейская клика, окружающая Рузвельта, эксплуатирует американский народ»⁸³.

С учетом закулисной работы этих темных сил вопрос сводился не к тому, придется ли Германии столкнуться с гигантской индустриальной мощностью Соединенных Штатов, а к тому, когда это произойдет и в каких условиях. В этих расчетах, как стало ясно самое позднее осенью 1940 г., ключевую роль играла Япония. Например, Риббентроп желал вовлечь японцев в союз против России. Но для Гитлера это было не очень существенно. Даже после провала «Тайфуна» он по-прежнему был убежден в том, что вермахт способен в одиночку справиться с Красной армией. Хотя полные масштабы поражения под Москвой проявились уже в конце декабря, Гитлер сохранял свою точку зрения и в 1942 г. В его глазах неудача, постигшая *Ostheer* зимой 1941 г., в первую очередь произошла по вине военного руководства. Отныне Гитлер взял командование лично на себя. Более того, фюрер, судя по всему, рассматривал войну на Восточном фронте как испытание для всей германской нации. Как он выразился в конце января 1942 г., «Если немецкий народ не готов полностью отдаться борьбе за выживание, то и не надо: тогда он должен исчезнуть!»⁸⁴. По отношению к Японии вопрос еще с 1938 г. заключался в том, готовы ли японцы предпринять наступательные действия против британских и американских позиций в Азии и на Тихом океане. Логика упреждения, прослеживаемая в действиях Гитлера с лета 1939 г., сохранилась даже после провала «Барбароссы». Если Япония была готова бросить свою немалую военную мощь на чашу весов в борьбе против Великобритании и Америки, то это дало бы вермахту достаточно времени для того, чтобы уничтожить Красную армию и тем самым укрепить власть Гитлера над Европой. Поскольку Гитлер полагал, что война с Америкой неизбежна в любом случае, самым важным было просто завершить войну на востоке в 1942 г.

Настоящим кошмаром немецких стратегов была возможность того, что Япония договорится с США, и Германии придется сражаться против Великобритании и Америки в одиночку. С тем чтобы предотвратить такой исход, Гитлер уже весной

83. Гитлер — Муссолини, 25.08.1941, DGFP D XIII, 383–8, doc. 242, 387; Friedländer, *Prelude*, 266–9.

84. *Hitler Monologe*, 239, цит. по: Wegner, in DRZW 6. 114. См. также: Reinhardt, *Moscow*, 376; Kröner, in DRZW 5/1. 965–6.

1941 г. предложил японцам совместно объявить войну Соединенным Штатам⁸⁵. Но в тот момент японцы отказались брать на себя такое обязательство и вместо этого начали последний раунд переговоров с Америкой, кульминацией которых явилось сделанное в августе предложение о встрече Рузвельта с японским премьер-министром Фумимаро Коноэ. Лишь в октябре, после падения правительства Коноэ, Берлин проникся уверенностью в том, что японско-американские дискуссии ни к чему не приведут⁸⁶. После того как в ноябре 1941 г. Токио начал подавать сигналы о том, что Япония готова выступить против западных держав, это вызвало в Берлине облегчение, граничившее с эйфорией⁸⁷. Гитлер и Риббентроп наконец получили шанс на создание глобального стратегического союза, о котором они мечтали еще с 1938 г. И они не стали колебаться. Заранее не зная о том, когда Япония запланировала неожиданный удар по Перл-Харбору, Гитлер взял на себя обязательство вслед за Японией объявить войну Соединенным Штатам. Соответствующим образом пересмотренный Тройственный пакт был перезаключен 11 декабря — как раз вовремя для того, чтобы Германия объявила войну Америке.

Политические и идеологические последствия этого драматического оборота событий были объявлены Гитлером рейхсляйтеру и гауляйтерам Нацистской партии на аудиенции, которую он дал им на своей личной квартире в Берлине 12 декабря. Согласно Геббельсу, суть слов Гитлера сводилась к следующему: «Что касается еврейского вопроса, фюрер намерен покончить с ним раз и навсегда. Он предупреждал евреев, что если они еще раз развяжут мировую войну, то это приведет к их собственной гибели. И это вовсе не образное выражение. Мировая война идет, и ее неизбежным последствием должно стать уничтожение евреев»⁸⁸. Само собой, айнзатцгруппы к тому моменту трудились вовсю и на последней неделе ноября от их рук погибли первые немецкие евреи. 25 и 29 ноября части айнзатцгруппы А расстреляли в Каунасе 5000 мужчин, женщин и детей, незадолго перед этим прибывших из Берлина, Бреслау, Мюнхена, Франкфурта и Вены. Гейдрих явно чувствовал, что пришло время ознакомить госслужбы со своими замыслами в их полном объеме и решительно закрепить за СС ведущую роль при осуществлении «Окончательного решения». На 9 декабря была

85. Kershaw *Hitler: Nemesis*, 364.

86. Friedländer, *Prelude*, 270–85.

87. Kershaw, *Hitler: Nemesis*, 442–6.

88. Browning, *The Origins*, 407.

назначена встреча с представителями рейхсминистерств, но ее пришлось в последний момент отменить из-за неожиданного развития событий на фронте. Тем не менее намерение уничтожить все еврейское население Европы было твердо обозначено. Неясным оставалось лишь то, как это сделать. Как объяснял своим подчиненным 16 декабря Ганс Франк, «Мы не можем расстрелять эти 3,5 миллиона евреев [в Генерал-губернаторстве]. Мы не можем их отравить. Тем не менее мы предпримем шаги, которые тем или иным образом приведут к окончательному успеху — в частности, в связи с обширными мерами, которые будут обсуждаться на уровне Рейха. Генерал-губернаторство должно стать таким же „свободным от евреев“, как и Рейх»⁸⁹. Какие «обширные меры» он имел в виду, остается неясно. Однако Гейдрих, 20 января 1942 г. обращаясь к госслужащим на встрече в Ванзее, предположил, что евреев следует доводить до смерти непосильным трудом на строительстве транспортной инфраструктуры в соответствии с *Generalplan Ost*⁹⁰.

Гитлер, вследствие твердости своих идеологических убеждений и фаталистической готовности к риску не был обеспокоен глобальным раскладом сил, сложившимся в декабре 1941 г. Союз Великобритании и СССР при поддержке Соединенных Штатов был стратегическим кошмаром, которым генерал Людвиг Бек пытался напугать фюрера в 1937 г. Но тот с тех пор шел от триумфа к триумфу. Вермахт покончил с Францией и прогнал британцев за Ла-Манш. Красная армия серьезно ослаблена, если не уничтожена. Теперь Германии предстоит сразиться с Соединенными Штатами, но в отличие от кайзера в 1917 г., у Гитлера есть надежный военный союзник — Япония⁹¹. Даже если японцы в конце концов не устоят перед США, по договору от 11 декабря они по крайней мере обязались не заключать сепаратного мира. Как мы уже видели, с 1939 г. Гитлер неоднократно и настойчиво обращал внимание на фактор времени. Его решение объявить войну Соединенным Штатам в декабре 1941 г. представляло собой еще осознанную попытку рискнуть в надежде выиграть время⁹². И среди военного руководства Германии находились те, кто разделял оптимизм Гитлера⁹³. Облегчение, которое явно ис-

89. H. Frank, *Das Diensttagebuch des deutschen Generalgouverneurs in Polen 1939–1945* (Stuttgart, 1975), 458; Longerich, *Politik*, 468.

90. См. примечания о различных интерпретациях этой встречи в предыдущей главе.

91. E. Jäckel, «Die deutsche Kriegserklärung an die Vereinigten Staaten von 1941», in F. J. Kroneck and T. Oppermann (eds.), *Im Dienste Deutschlands und des Rechtes* (Baden-Baden, 1981), 117–37.

92. DRZW 6. 110–12.

93. DRZW 6. 97–127.

пытывали после Перл-Харбора и верховное командование вермахта, и немецкие адмиралы, ретроспективно свидетельствует об их обеспокоенности общим положением дел на фронтах. Именно на это беспокойство указывали как на движущую силу, стоявшую за решением Гитлера напасть на Советский Союз, принятое годом ранее. Как мы уже видели, в декабре 1940 г. Гитлер обосновывал необходимость скорейшего проведения «Барбароссы», указывая именно на риск того, что если Германия не предпримет быстрых действий, то стратегическая инициатива может в 1942 г. перейти к Великобритании и Америке. «Барбаросса» провалилась, но сейчас, в стратегической оценке от 14 декабря 1941 г., вермахт считал, что мощное японское наступление лишило западных союзников шансов на успех. В наихудшем случае вермахт ожидал того, что Британия и Америка все равно сохранят верность стратегии «сперва Германия». В этом случае Германии придется иметь дело с попыткой полномасштабного вторжения в 1943 г. Но, как подчеркивали эксперты кригсмарине, сосредоточение всех усилий исключительно на европейском театре военных действий было крайне маловероятным. Падение Гонконга и Сингапура зимой 1941–1942 гг. показало, что Великобритания и Америка не могут себе позволить забыть об Азии. Японии понадобилось всего несколько недель для того, чтобы нанести сокрушительный удар по Британской империи. В обозримом будущем силы западных держав будут разбросаны по всему земному шару. Между тем для Гитлера на первом месте оставался Советский Союз. Гитлер, еще с лета 1940 г. рассматривавший уничтожение СССР как необходимую предпосылку глобальной войны с Британией и Америкой, не отказался от этой идеи. Он еще и в начале лета 1942 г. рассуждал о том, что японских ударов совместно с новыми успехами Германии на Восточном фронте хватит для того, чтобы расколоть противоестественный альянс Великобритании и США. События в Азии четко показали, что Британия столкнулась с неотвратимой опасностью утраты своей империи. Продолжение борьбы было выгодно одной лишь Америке. Как только Германия со второй попытки разобьет Красную армию, британский народ неминуемо осознает все безрассудство своих вождей. Черчилль будет отстранен от власти, и Великобритания сделает выбор в пользу Германии. И именно эта надежда на неизбежный крах Великобритании, не оставлявшая Гитлера, мешала ему расслышать сигналы о компромиссном мире, поступавшие из Москвы⁹⁴. С другой стороны, если Великобри-

94. В отечественной историографии считается, что таких предложений (о сепаратном

тания продолжит войну, то завоевание Кавказа по крайней мере давало Германии надежду на сильные позиции при переходе к стратегической обороне.

В том, что нельзя терять времени, Гитлера убеждали и неизменно пессимистические выкладки людей, ответственных за военную экономику Рейха. По мере того как становилось известно о провале «Барбароссы», тех, кто был наиболее близко знаком с экономическими аспектами войны, одолевали мрачные настроения. Уже 17 ноября 1941 г. застрелился Эрнст Удет, отвечавший за поставки для люфтваффе⁹⁵. Отчасти причиной этого могла быть интрига со стороны статс-секретаря Эрхарда Мильха, стремившегося отстранить Удета от контроля за поставками. Но вовсе не кабинетные интриги довели Удета до самоубийства. Еще с предыдущей осени он неоднократно пытался донести до Гитлера и Геринга всю опасность, которую представляла англо-американская авиационная программа. В Министерстве авиации было известно, что с 1942 г. люфтваффе предстоит совершенно неравная борьба, даже без учета Восточного фронта. У Эрнста Удета, несомненно, имелось достаточно причин для того, чтобы впасть в полное отчаяние. И он был не последним из руководителей люфтваффе, избравших подобный выход. Генерал Томас из ОКВ, с самого начала сомневавшийся в разумности «Барбароссы», еще летом 1941 г. составил отчаянную докладную записку о безнадежности позиции немцев⁹⁶. В конце декабря он организовал совещание офицеров из служб снабжения, давших безрадостный обзор ситуации, в которой находились войска на Восточном фронте. Резюме Томаса, что характерно для него, было выдержано в духе самооправдания: «Неудача была predetermined проблемами снабжения. Генеральный штаб предвидел их и неоднократно указывал на их существование. Однако руководство не принимало его предупреждения всерьез»⁹⁷. К новому году Томаса одолели еще более мрачные настроения. 2 января 1942 г. он обсудил с фельдмаршалом Кейтелем ситуацию со снабжением Германии топливом и ее последствия для операций в новом году. Даже Кейтеля беспокоило то, «что *Ostheer* не оправятся до лета, а потом не будет бензина»⁹⁸. Томаса больше волновало его место в истории: «Сейчас мы должны показать

мире) не было, а периодически всплывающие сообщения о них считаются историческими фальсификациями. — Прим. ред.

95. L. Budrass, *Flugzeugindustrie und Luftrüstung in Deutschland* (Düsseldorf, 1998), 724.

96. ВАМА RW19/473, докладная записка Томаса, конец июня 1941 г.

97. ВАМА RW19/166, 79.

98. ВАМА RW19/166, 87.

совершенно четкую картину, поскольку рано или поздно на кого-то будет возложена ответственность»⁹⁹.

Даже такой фанатичный нацист, как Фриц Тодт, рейхсминистр вооружений, не питал иллюзий в отношении положения Германии. По словам и Вальтера Роланда, возглавлявшего главный комитет по выпуску танков, и Ганса Керля, Тодт очень рано проникся серьезными сомнениями в отношении русской кампании¹⁰⁰. В ноябре 1941 г., когда группа армий «Центр» рвалась к Москве, Тодт отправил Роланда и группу промышленников из оружейного сектора на передний край наступления — в Орел, где располагалась ставка генерала Гудериана. Они вернулись в высшей степени подавленные. В противоположность советским войскам, чей личный состав и матчасть были явно хорошо приспособлены к боевым действиям в экстремальных условиях, вермахт замерзал до смерти. То зрелище, которое в ноябре 1941 г. представляли собой немецкие армии на востоке, глубоко потрясло ведущих представителей промышленности Рейха. Как сообщал Роланд, «Наши бойцы чересчур легко одеты — порой они кутаются в одеяла! Обочины дороги уставлены разномастными машинами, отказавшими на морозе и брошенными, а подвод, в которые впряжены русские лошадки, при всем их старании не хватает для адекватного снабжения войск. Танки невозможно использовать: если их моторы и трансмиссия все еще работают, то орудия отказывают вследствие замерзания»¹⁰¹. По возвращении Роланд немедленно организовал в Руре встречу с Альбертом Феглером, председателем наблюдательного совета *Vestag*, и Борбетом из *Bochumer Verein*. 28 ноября состоялась их дискуссия с Тодтом, завершившаяся, по словам Роланда, выводом о том, что «войну с Россией невозможно выиграть!». На следующий день Тодт и Роланд встретились с Гитлером в ставке фюрера в присутствии главнокомандующего армией Браухича. Рассказ Роланда о том, что он увидел в России, дополненный тем, что он на личном опыте узнал о британской и американской промышленности, складывался в апокалиптическую картину. После того как США вступят в войну, победа в ней станет недостижимой. После этого Тодт расставил точки над *i*, заявив: «Эту войну невозможно выиграть военными сред-

99. ВАМА RW19/166, 676.

100. W. Rohland, *Bewegte Zeiten: Erinnerungen eines Eisenhüttenmannes* (Stuttgart, 1978), 75; H. Kehrl, *Krisenmanager im Dritten Reich* (Düsseldorf, 1973), 217–18. См. также: K. H. Ludwig, *Technik und Ingenieure im Dritten Reich* (Düsseldorf, 1974), 386–93, 401–3. Людвиг явно льстит Тодту, зачисляя его в «оппоненты режима». Однако последующая критика в адрес Шпеера чрезвычайно важна.

101. Об этом и дальнейшем см.: Rohland, *Bewegte Zeiten*, 77–8.

ствами». Гитлер, спокойно выслушав его, задал вопрос: «В таком случае как мне ее закончить?». Тодт ответил ему очевидным выводом: «Ее можно закончить лишь политическими средствами». Как мы видели, Гитлер уже обсуждал такую возможность в августе 1941 г. с Геббельсом. Но сейчас, когда уже полным ходом шли переговоры с Японией, у него имелись иные идеи.

Разговор Гитлера с Тодтом и Роландом был не единственной дискуссией о возможности мира, проходившей в ставке фюрера в ноябре 1941 г. 24 ноября, когда окончательно выдыхалось наступление на Москву, Гальдер отмечал отчаяние, охватившее генерала Фридриха Фромма, командующего резервными войсками и ответственного за производство оружия для армии: «Обрисовал общее военно-экономическое положение. Падающая кривая! Он полагает, что необходимо перемирие!»¹⁰². Шесть недель спустя, когда казалось, что советское контрнаступление способно нанести немцам смертельный удар, Фромм всерьез подумывал о том, чтобы изъять из всех тыловых учебных частей опытных инструкторов и таким образом в последний раз набрать 15 первоклассных пехотных дивизий¹⁰³. Это помогло бы исправить ситуацию в группе армий «Центр», но в то же время оставило бы обучение новых призывников. Поэтому Фромм решил подождать до тех пор, пока не настанет «последний час Германии» («Deutschlands letzte Not»). Но показателен сам факт того, что Фромм задумывался о таких крайних мерах. 20 января 1942 г. Гитлер и Геббельс с тревогой говорили о пораженческих настроениях, охватывающих верховное командование, армию и руководителей экономики. Незадолго до этого министр экономики Вальтер Функ опозорился на дне рождения Геринга, где угрюмо сетовал на «несчастья, обрушившиеся на страну»¹⁰⁴. Все эти бедствия оказались непосильным грузом для Борбета из *Bochumer Verein*, одного из первых людей, с которыми поделился своими опасениями Роланд. В январе 1942 г. он последовал примеру Удета и застрелился¹⁰⁵. Для того чтобы скрыть замешательство, были поспешно организованы государственные похороны, на которых присутствовал весь цвет германской промышленности.

Очевидно, что ни Тодт, ни Фромм не питали никаких иллюзий о положении Германии. Но собиралась ли она сражать-

102. *Halder Diary*, 564; Ф. Гальдер, *Военный дневник*, т. 3, 345; Kröner, Fromm, 409–17.

103. Kröner, in DRZW 5/1. 921–2.

104. E. Fröhlich (ed.), *Die Tagebücher von Joseph Göbbels* (Munich, 1994), II/3, 20.01.1942, 154–5.

105. W. Weber, «Walter Borbet (1881–1942)», in Weber (ed.), *Ingenieure im Ruhrgebiet* (Münster, 1999), 253–6.

ся или вести переговоры, это следовало делать с позиций силы. А для этого требовалось восстановить боеспособность вермахта и в 1942 г. предпринять на востоке вторую попытку. В разгар первого военного кризиса, постигшего Третий рейх, Тодт старался сделать все, чтобы сплотить ведущих германских промышленников вокруг военной экономики. Прежняя система региональных и общенациональных комитетов по вооружениям была реорганизована в структуру, состоявшую из пяти главных комитетов: трех существовавших комитетов по боеприпасам, оружию и танкам и двух новых комитетов — машиностроительного и общего комитета по материальной части вермахта. Кроме того, Тодт создал новый министерский консультативный комитет, в который вошли представители «его» отраслей и люфтваффе¹⁰⁶. 7 февраля 1942 г. после первой пленарной сессии новых комитетов Тодт отправился из Берлина на новый раунд совещаний с Гитлером в Растенбурге¹⁰⁷. Протокол последней беседы Тодта с фюрером до нас не дошел. Судя по свидетельствам тех, кто находился в Растенбурге, она прошла неважно. Вполне возможно, что Тодт напомнил Гитлеру об их разговоре в прошлом ноябре и тем самым спровоцировал у Гитлера вспышку ярости, но это лишь предположение, не опирающееся на факты. В любом случае, недолго послав, Тодт сел на самолет, чтобы вернуться в Берлин. Оторвавшись от земли, самолет тут же накренился влево, словно с целью сделать аварийную посадку, и спустя несколько секунд взорвался в воздухе. Роланд, узнав об этом, немедленно проникся убеждением, что Тодта убили люди из СС, и придерживался этой версии событий спустя много лет после 1945 г. Факты не подтверждают эту версию. Но из-за чего бы на самом деле ни погиб Тодт, то, что подобным подозрениям поддавался даже такой трезвомыслящий человек, как Вальтер Роланд, свидетельствует об остром ощущении кризиса, охватившем руководство Третьего рейха. Не менее показательно и то, что в преемники Тодту Гитлер выбрал не какого-либо представителя военной экономики, а такого человека, как Альберт Шпеер, который отличался безусловной личной преданностью фюреру.

Пока Шпеер осваивался на новой должности, генерал Фромм, по-прежнему отвечавший за личный состав армии и ее материальную часть, отчаянно пытался донести до сознания Гитлера военные реалии¹⁰⁸. С учетом ужасных потерь, по-

106. См. инструкции в: ВАН R13I 658, 108.

107. Rohland, *Bewegte Zeiten*, 79–81.

108. Müller, in DRZW 5/1.668; Körner, in DRZW 5/1. 920–21.

несенных вермахтом в 1941 г., и отсутствия серьезных людских резервов, Фромм видел только два варианта. Гитлер мог распределить имеющихся людей по всем *Ostheer*. Это укрепило бы позиции немцев, но было бы недостаточно для того, чтобы вернуть какой-либо из групп армий способность вести наступательные действия. Немцам пришлось просто ждать советского летнего наступления. В качестве второго варианта Фромм предложил оставить группы армий «Север» и «Центр» в их «выгоревшем» («ausgebrannt») состоянии и сосредоточить все имеющиеся резервы в группе армий «Юг», подготовив ее для рывка к кавказской нефти¹⁰⁹. С тем, что на первом месте стоит экономика, уже не спорил никто. Все упиралось в нефть. И Гитлера не нужно было в этом убеждать. Однако ни Фромм, ни Гитлер уже не предполагали выиграть войну одним ударом. Больше, на что могла надеяться Германия, — устранить угрозу со стороны Красной армии и укрепить сырьевую базу, необходимую для затяжной войны с Великобританией и США. Согласно Альберту Шпееру, Фромм по сути был уже убежден в том, что лишь чудо-оружие способно спасти Германию от поражения¹¹⁰. Фромм имел в виду поразительный проект группы физиков, из чьих теорий вытекало, что энергия, содержащаяся в элементарных частицах вещества, может дать людям неисчерпаемый источник тепла и света, а также взрывное устройство, способное принести победу в войне. Фромм, возглавлявший управление вооружений немецкой армии, в полной мере оценил потенциал этого проекта, но считал, что для его осуществления требуется много времени¹¹¹. Армия не заглядывала так далеко вперед и потому Фромм стремился перевести этот проект в гражданский сектор. Летом 1942 г. после месяцев организационных дискуссий физики продемонстрировали свои достижения аудитории, в состав которой входил и Альберт Шпеер. Присутствующие были впечатлены невероятным потенциалом проекта, но когда Вернера Гейзенберга и его коллег приперли к стенке, они подтвердили убеждение Фромма в том, что быстро создать атомную бомбу не получится. Их проект мог принести плоды самое раннее через два или три года и требовал громадных инвестиций. С учетом ситуа-

109. Müller, in DRZW 5/1.667–8; Kröner, *Fromm*, 427–31.

110. A. Speer, *Inside the Third Reich* (London, 1970), 225; А. Шпеер, *Третий рейх изнутри. Воспоминания рейхсминистра военной промышленности* (Москва, 2005), 290. Это убеждение лишь укреплялось у Фромма благодаря разговорам с главой абвера Канарисом. См.: Kröner, *Fromm*, 437–45, 482–92.

111. Как четко показано в: M. Walker, *German National Socialism and the Quest for Nuclear Power 1939–1949* (Cambridge, 1989), 46–80, фактор времени имел ключевое значение для принятия немцами решений в отношении атомной бомбы.

ции, в которой Германия находилась в 1941 г., это делало его неактуальным. Руководству Третьего рейха требовался решительный успех на Восточном фронте уже ближайшим летом.

Задним числом становится ясно, что решение, принятое Шпеером и его коллегами, в принципе было верным. Даже обладая практически неограниченными ресурсами, американцы так и не успели сделать пригодную к использованию атомную бомбу до окончания войны с Германией. Но сама готовность, с которой западные союзники принялись за создание атомной бомбы именно тогда, когда в Германии ее отказались считать приоритетным направлением, служит еще одним свидетельством о пропасти, разделявшей индустриальные и технологические возможности обеих сторон¹¹². Черчилль, в сентябре 1941 г. получив от своего главного научного советника уведомление о том, что шансы атомной программы на успех лежат где-то в интервале от 1:10 до 1:2, без колебаний потребовал от британских ученых максимально ускорить работы по данной теме. Нанесение как можно большего ущерба германскому тылу представляло собой суть британской стратегии, а атомная бомба явно представляла собой идеальное оружие для этой задачи. 7 мая 1942 г. британский кабинет формально одобрил план бомбардировочного командования Королевских ВВС об уничтожении 58 крупнейших немецких городов, что должно было оставить без крыши над головой не менее 22 млн человек¹¹³. В полном соответствии с широкими целями программы «Победа» американцы приняли решение ускорить осуществление будущего Манхэттенского проекта еще до того, как японцы нанесли удар по Перл-Харбору. Даже небольшая вероятность того, что в Германии ведутся работы над аналогичным устройством, требовала от союзников подстраховаться. Однако Третий рейх так и не смог себе позволить аналогичной «страховки».

IV

Сюжет, который разворачивался в этой и предыдущих главах — от империалистических замыслов немцев, основанных на геноциде, до поражения группы армий «Центр» и атомной бомбы, — на первый взгляд может показаться запутанным. Но он отражает в себе «одновременность неодновременного» (*Gleichzeitigkeit des Ungleichzeitigen*), характерную для этого важнейшего

112. R. Rhodes, *The Making of the Atomic Bomb* (London, 1986), 394–407.

113. DRZW 6. 509–10.

поворотного пункта всемирной истории. Дело не в том, что немецкий империализм в Восточной Европе представлял собой сползание в варварство и отсталость. Нацистская программа геноцида, несомненно, была варварской. Но как мы уже видели, она была привязана к амбициозному проекту колонизации и насильственной модернизации. И дело не в том, что нацистский расизм представлял собой атавистическое явление. Дело в том, что он был анахронизмом. Конкретные проявления немецкого империализма в 1941 г. — жалкие танки, не выдерживающие никакого сравнения с советскими бронированными машинами, потрепанная армия с конными подводами, первобытная жестокость айнзатцгрупп, тщетные попытки соорудить камеры для удушения газом — все это выглядит гротескно примитивным по сравнению с передовой физикой и новейшими технологиями, открывшими дверь в ядерную эру в пустынях Нью-Мексико. Операция «Барбаросса» представляла собой запоздалый и извращенный отросток европейской традиции колониальных завоеваний и переселений — традиции, еще не вполне осознавшей то, что она изжила себя. В этом смысле показательное невежественно-пренебрежительное отношение, проявленное всеми сторонами — не только немцами, но и британцами и американцами, — к боевой мощи Красной армии. Но, как осознал вермахт с большим ущербом для себя, Советский Союз не был объектом, с которым можно было обращаться в духе империализма начала XX в. Германия в 1941 г. столкнулась в Советской России не со «славянской первобытностью», а с первым и наиболее ярким примером успешной «диктатуры экономического развития», и в ходе провалившегося наступления на Москву выяснилась вовсе не отсталость России, а недостаточная модернизация самой Германии.

К 1940-м гг. сложившаяся в XIX веке карта экономической и военной мощи, в которой центральное положение занимали старые государства Западной Европы, осталась в прошлом. Это была наиболее важная ошибка из числа тех, что совершил Третий рейх, пытаясь построить империю на востоке. Становление Америки как экономической сверхдержавы с одной стороны и взрывообразное развитие Советского Союза с другой принципиально изменили глобальный баланс сил. Гитлер знал об этом. Осознание соответствующих рисков явственно просматривается и в *Mein Kampf* и в его «Второй книге». Та же тема повторялась и в его стратегических оценках 1930-х и начала 1940-х гг. В конце концов, завоевание «жизненного пространства» на Востоке не являлось конечной точкой исторической траектории, на которую вступил Гитлер. Захват природных ресурсов и тер-

риторий, не уступающих североамериканским, служил предпосылкой для истинной программы «модернизации» как немецкого общества, так и вооруженных сил страны. Приобретением «жизненного пространства» в американских масштабах Третий рейх надеялся достичь как уровня богатства, как и всеохватывающей глобальной мощи, уже имевшихся у Великобритании и Соединенных Штатов. Но, как четко показали события с июня по декабрь 1941 г., у нацистской Германии не имелось ни времени, ни ресурсов для осуществления этого первого шага.

Труд, питание и геноцид

ПОСЛЕ военного кризиса 1941–1942 гг. важнейшей проблемой немецкой военной экономики стала рабочая сила. В тщетных попытках сравняться численностью с Красной армией, имевшей в своем распоряжении вдвое большие людские ресурсы, чем Германия, Третий рейх втянулся в войну на истощение, которого не ощущалось ни в одной из западных держав. В наиболее лаконичном виде эта утечка людских ресурсов показана на рис. 19. За три года с июня 1941 г. по май 1944 г. вермахт ежемесячно терял убитыми на Восточном фронте в среднем почти по 60 тыс. человек. В течение последнего года войны это «кровопускание» достигло поистине катастрофических пропорций¹.

Способ, которым Третий рейх ответил на этот чудовищный отток людских ресурсов, стал одной из характерных черт гитлеровского режима. Как мы видели, вермахт исчерпал свои источники пополнения уже к началу «Барбароссы». К осени 1941 г. в стране практически не осталось мужчин в возрасте от 20 до 30 лет, не призванных в армию. Свежие когорты подростков в 1942 г. дали вермахту менее миллиона новобранцев, чего хватило лишь для восполнения потерь, причиненных действиями Красной армии. Для того чтобы хоть как-нибудь увеличить численность вооруженных сил, пришлось рассылать повестки прежде освобожденным от призыва немецким мужчинам среднего возраста, многие из которых были заняты в военной экономике. В первой половине 1942 г. в вермахт было призвано не менее 200 тыс. мужчин, работавших на военных заводах². В тот момент, когда Германия отчаянно нужда-

1. R. Overmans, *Deutsche militärische Verluste im Zweiten Weltkrieg* (Munich, 1999), 238–9, данные. Поскольку в этих сводках учитываются только убитые, они серьезно недооценивают реальные потери Германии, в число которых входили раненые, больные и пленные.

2. Kröner, in DRZW 5/2. 792.

лась в увеличении производства вооружений, это было катастрофой³.

Очевидное решение состояло в дальнейшей мобилизации немецких женщин. Среди исследователей стало обычным явлением сопоставлять мобилизацию германской женской рабочей силы во время Второй мировой войны с британской и отдавать пальму первенства Британии. Однако при этом игнорируется очевидный факт. Как мы видели, уровень занятости немецких женщин на производстве уже в 1939 г. был более высоким, чем тот, который был достигнут в Великобритании к концу войны. Изучив этот вопрос осенью 1943 г., главный статистик Рейхсминистерства труда с помощью данных, весьма неблагоприятных к Германии, пришел к выводу о том, что доля женщин в составе рабочей силы, занятой на военном производстве, составляла 25,4% в США, 33,1% в Великобритании и 34% в Германии⁴. Другое сравнительное исследование, проведенное весной 1944 г., привело к тому же выводу. Хотя по британским правилам призыву формально подлежало гораздо больше возрастов, немецкий уровень мобилизации в реальности превосходил британский⁵. Кроме того, опытные администраторы отвергали неблагоприятные сопоставления с Первой мировой войной. В разгар сражений под Верденом и на Сомме доля участия немецких женщин на рынке труда составляла 45,3%, что было несколько ниже, чем доля участия их дочерей четверть века спустя. Разумеется, из женского населения Германии можно было выжать еще больше. Но не следует преувеличивать масштабов «безделья». Регистрационная кампания 1943 г., проведенная в рамках «тотальной войны» и охватывавшая всех женщин в возрасте от 16 до 45 лет, выявила всего 1,5 млн потенциальных работниц, среди которых как минимум 700 тыс. могли работать лишь на неполную ставку⁶. Это стало большим разочарованием, но в 1944 г. уполномоченный Рейха по рабочей силе утверждал, что даже имея «такую же власть, как у Сталина», он смог бы дополнительно мобилизовать не более 1 млн женщин⁷. А Ганс Керль, один из самых суровых сторонников тотальной мобилизации, никогда не надеялся больше чем на 700 тыс. дополнительных работниц⁸. Это не такие цифры, которые могли бы серьезно что-нибудь изменить. Германия нуждалась не в сотнях

3. См. беспокойство военно-экономического управления ОКВ: ВАМА RW19/166, 115.

4. W. Naasner, *Neue Machtzentren in der deutschen Kriegswirtschaft 1942–1945* (Boppard, 1994), 88.

5. IWM FD3354/45, 196 ZP 54th Session.

6. Eichholtz, II. 230–32.

7. Naasner, *Neue Machtzentren*, 68–9.

8. См. диаграммы того времени, без комментариев воспроизведенные в: Н. Н. Knittel,

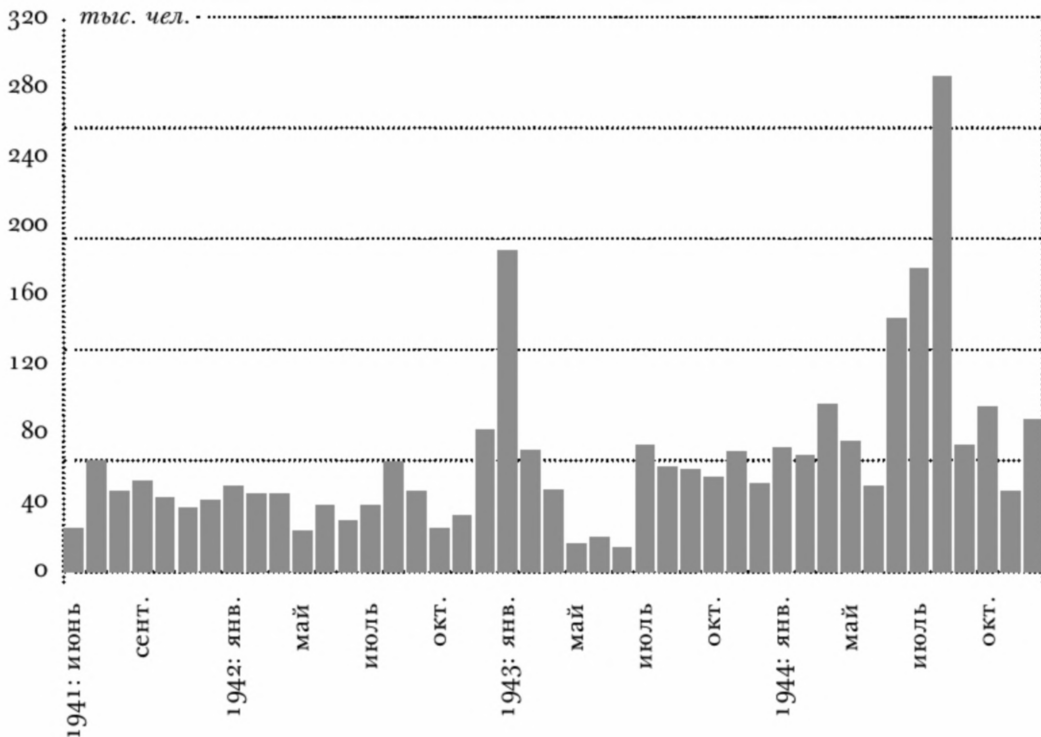

РИС. 19. Ежемесячные безвозвратные потери вермахта на Восточном фронте, июнь 1941 — декабрь 1944 г.

тысяч, а в миллионах дополнительных рабочих рук. И взять их в нужном количестве можно было только в странах оккупированной Европы.

21 марта 1942 г., в день Героев нации, Гитлер назначил гауляйтера Фрица Заукеля на только что созданную должность генерального уполномоченного по мобилизации рабочей силы (ГВА). Во многих отношениях этот выбор Гитлера можно рассматривать как противовес назначению Альберта Шпеера на место Фрица Тодта несколькими неделями ранее. В то время как новый министр вооружений был изысканным, утонченным технократом, коренастый, усатый гауляйтер Заукель являлся представителем популистского, «социалистического» крыла Нацистской партии, архетипичным образчиком оторвавшихся от своих корней мелких буржуа⁹. Явные следы плебейского происхождения Заукеля отчетливо прослушиваются в его сильном франконском акценте и напыщенной речи, зафиксированных на аудиограммах Нюрнбергского процесса. И это

Panzerfertigung in Zweiten Weltkrieg: Industrieproduktion für die deutsche Wehrmacht (Herford, 1988), 126.

9. P. W. Becker, «Fritz Sauckel», in R. Smelser, E. Syring and R. Zitelmann (eds.), *Die Braune Elite: 22 biographische Skizzen* (Darmstadt, 1993), I. 236–45.

была вовсе не популистская игра на публику. Заукель родился в 1894 г. в семье почтового служащего и швеи, у которых не нашлось средств даже на то, чтобы дать ему среднее образование. Пустившись в молодости в приключения и плавая матросом на торговых судах, ходивших в Скандинавию, в 1919 г. Заукель вернулся в Германию из французского плена с намерением продолжить образование. Для того чтобы заработать на это денег, он временно устроился токарем на один из больших заводов по производству подшипников в Швайнфурте. К 1923 г. он окончательно отказался от надежд на университетский диплом, женился на дочери мастера, вступил в Нацистскую партию и посвятил свою жизнь политике популистского толка. Заукель, несомненно, представлял собой образец «старого бойца» (*Alter Kämpfer*). В Нюрнберге ему был выдан партийный билет за № 1395, благодаря чему он оказался в самом ядре гитлеровского движения. С 1927 г. он был гауляйтером Тюрингии, превратив свое *Gau* в один из истинных оплотов национал-социализма. Заукель и после 1933 г. сохранял верность своим корням, активно отстаивая левую линию в нацистской идеологии, сочетая энергичный антисемитизм с глубоким недоверием к либеральному капитализму и проявляя показную заботу о благосостоянии «простых» немецких мужчин и женщин. Кроме того, Заукель не забывал о ярких популистских жестах и «зайцем» отправился на немецкой подводной лодке в один из первых походов против британского Королевского флота.

Однако не стоит недооценивать Заукеля из-за подобных выходов. Простое противопоставление радикального плебея Заукеля и холодного технократа Шпеера вдвойне ошибочно. Как будет показано в следующей главе, такой подход чреват радикальной недооценкой той политической роли, которую играл Альберт Шпеер. Кроме того, при этом серьезно недооценивается и Заукель. Он был не просто верным гитлеровцем. В качестве гауляйтера Тюрингии после 1933 г. он возглавлял один из ключевых региональных центров немецкого военно-промышленного комплекса¹⁰. Тюрингия, расположенная в центре Германии, находилась на крайнем пределе радиуса действия союзных бомбардировщиков. В городе Иена размещалась фирма *Carl Zeiss* — один из важнейших поставщиков вермахта. Зуль и Целла-Мелис являлись двумя старейшими центрами оружейного производства в Германии. Компания *Rheinmetall*, ведущий производитель вооружений в Рейхе после Круппа, содержала

10. J. John, «Rüstungswirtschaftlicher Strukturwandel und NS Regionalpolitik», in D. Heiden and G. Mai (eds.), *Nationalsozialismus in Thüringen* (Weimar, 1995), 213–45.

крупный завод в Зоммерде. А сам Заукель очень рано осуществил ариизацию фирмы *Simsons & Co.* — одного из крупнейших в Германии производителей пистолетов, винтовок и пулеметов. В 1936 г. *Simsons* была включена в состав *Wilhelm Gustloff Stiftung*, личного оружейного холдинга Заукеля, к началу 1940-х гг. имевшего годовой оборот в несколько сотен миллионов рейхсмарок. Прекрасно осознавая экономический потенциал тюремного комплекса, созданного Гиммлером, Заукель принял меры к тому, чтобы крупнейший из второго поколения концентрационных лагерей был размещен в Бухенвальде, неподалеку от Веймара — административного центра Тюрингии. Наконец, отнюдь не было случайностью то, что именно в Тюрингии располагались подземные заводы для производства первых в мире реактивных истребителей и первых в мире баллистических ракет. Что Фриц Заукель просто не был новичком в индустриальной политике Третьего рейха — это еще мягко сказано.

Получив от Гитлера в марте 1942 г. особые полномочия по привлечению иностранной рабочей силы, гауляйтер Заукель взялся за осуществление одной из самых масштабных программ по использованию принудительного труда в истории¹¹. Весной 1941 г. в Германии уже трудилось 1,2 млн военнопленных, главным образом французов, и 1,3 млн «гражданских» работников, преимущественно поляков, совместно составляя 8,4% рабочей силы. На протяжении 1941 г. число «гражданских» иностранных рабочих выросло еще на миллион человек, прибывших в основном из Польши. Как мы уже видели, в роли инициатора этой программы выступило Рейхсминистерство продовольствия и сельского хозяйства. Потребности промышленности начали диктовать ввоз в Германию иностранных рабочих лишь после поражения под Москвой. Заукель принял соответствующие меры, мобилизовав по всей Европе буквально миллионы трудящихся. В Германию отправляли главным образом молодежь мужского и женского пола. Более половины женщин, набранных в Восточной Европе, составляли девочки и девушки в возрасте от 12 до 22 лет¹². Их набирали на оккупированных территориях Советского Союза — в Прибалтийских республиках, в Белоруссии, на Украине и в меньшей степени в самой России. Наиболее интенсивный набор рекрутов Заукель производил

11. Лучшими обзорными работами по этой теме являются: U. Herbert, *Hitler's Foreign Workers: Enforced Foreign Labour in Germany under the Third Reich* (Cambridge, 1997); M. Spörer, *Zwangsarbeit unter dem Hakenkreuz* (Stuttgart, 2001), и E. L. Homze, *Foreign Labor in Nazi Germany* (Princeton, 1967).

12. Spörer, *Zwangsarbeit*, 223.

в Польше. Но он занимался своим жестоким делом и в протекторате Богемия и Моравия, Франции, Бельгии, Нидерландах и Италии. С января 1942 г. по конец июня 1943 г. Заукель доставил в Германию 2,8 млн новых иностранных рабочих: по 34 тыс. человек — штат крупного завода — в неделю на протяжении 78 недель. К лету 1943 г. общая численность иностранной рабочей силы выросла до 6,5 млн человек, из которых 4,95 млн были гражданскими лицами, а не военнопленными. После лета 1943 г. эти темпы несколько снизились, но Заукель по-прежнему доставлял в страну рабочих. К февралю 1944 г. общее число иностранных гражданских лиц и военнопленных выросло до 7 млн 356 тыс. человек. К осени 1944 г. оно достигло максимума, составив 7 млн 907 тыс. человек. В тот момент на долю иностранных рабочих приходилось более 20% всей германской рабочей силы. Иностранцами были более трети всех рабочих, трудившихся на оружейных предприятиях Третьего рейха. На заводах *Reichswerke Hermann Göring* и люфтваффе доля иностранной рабочей силы сплошь и рядом превышала 40%¹³. На отдельных производственных линиях она могла быть еще более высокой. Как похвалялся в июне 1943 г. статс-секретарь Мильх, бомбардировщики Ju-87 «Штука» «на 80% производятся русскими»¹⁴.

С тех пор как нюрнбергский трибунал ввел в дискуссию термин «рабский труд», программу Заукеля не раз называли допотопной и фараоновской¹⁵. Такие определения, несомненно, отражают возмущавшую жестокость средств, к которым прибегал Заукель при наборе «своих» рабочих. Но используя подобные намеки на варварскую древность, сплошь и рядом упускают из виду то, что немецкая программа использования иностранной рабочей силы отвечала самым элементарным принципам классической экономики. В Германии начиная с 1939 г. наблюдался крайний дефицит рабочих рук. При этом производительность труда была в Германии намного выше, чем во всех других странах материковой Европы. Поэтому «экономический диктатор» поступал вполне разумно, перемещая европейских трудящихся на заводы Рейха. Тот факт, что Заукель с его путаной национал-социалистической риторикой не соответствовал идеальному типу технократа, не должен заслонять от нас рациональной мотивации, стоявшей за его действиями. Разу-

13. G. Wysocki, *Arbeit für den Krieg* (Brunswick, 1992), 67–75; L. Budrass, *Flugzeugindustrie und Luftrüstung in Deutschland* (Düsseldorf, 1998), 799.

14. Ibid., 771.

15. A. S. Milward, *The New Order and the French Economy* (Oxford, 1984), 149. Слово «фараоновский» использовал судья Джексон из Международного военного трибунала.

меется, принудительный наем рабочей силы приводил к дорогостоящим «побочным эффектам» на территориях, оккупированных Германией. В дальнейшем именно это убедило Альберта Шпеера в том, что нужно расширять объемы торговли с Францией вместо того, чтобы в последний момент пытаться вывезти из нее миллионы новых работников¹⁶. Однако логика этой «европейской стратегии» носила политический, а не экономический характер. Шпеер хотел стабилизировать отношения с западной соседкой Германии, а также избавиться от Заукеля¹⁷. В экономическом смысле с учетом отчаянной нехватки рабочей силы в Германии и непрерывно возраставшего разрыва в производительности между Германией и разваливавшейся французской экономикой стимул к тому, чтобы ввезти в Рейх как можно больше трудящихся, оставался сильным. Важно, что в Берлине даже в 1944 г. никто никогда не ставил под сомнение необходимость и дальше силой вывозить рабочих из Польши и СССР. Если набор рабочей силы в Западной Европе прекратился во второй половине 1943 г., то на востоке он продолжал осуществляться с прежней жестокостью¹⁸. С октября 1943 г. по лето 1944 г. немецкие армии, отступавшие на востоке, вывезли из зоны боевых действий на работу в Германии более 400 тыс. человек¹⁹.

Таким образом, в самом элементарном смысле непосредственная реакция Третьего рейха на зимний кризис 1941–1942 гг. была вполне «рациональной». В Германии не хватало рабочей силы. По любым западным стандартам не существовало никакой возможности повысить уровень мобилизации местной рабочей силы. Поэтому гауляйтер Заукель и его подчиненные расстарались и ввезли в Германию буквально миллионы иностранных рабочих. В итоге на финальных этапах войны Третий

16. Историю этого конфликта в версии Ганса Керля, старающегося выставить себя в наиболее выгодном свете, см.: Kehl, *Krisenmanager in Dritten Reich* (Düsseldorf, 1973), 341–52. Научное изложение см. в: Milward, *The New Order*, 147–80, и Kröner, in DRZW 5/2. 896–916.

17. Müller, in DRZW 5/2. 379. Осенью 1942 г. Шпеер поддерживал Заукеля в его противостоянии с германскими военными властями во Франции именно на том основании, что французские рабочие более производительнее трудились на немецких заводах. См.: BAL R3/1736, 26.10.1942, 83.

18. Несколько последовательных *Sauckel-Aktionen* во Франции дали 240 тыс. человек в июне — декабре 1942 г., 250 тыс. в январе — апреле 1943 г., 106 тыс. в мае — октябре 1943 г. и всего 36 тыс. — 50 тыс. с января по июнь 1944 г. См.: R. Frankenstein, «Die deutschen Arbeitskräfte-aushebungen in Frankreich», in W. Dlugoborski, *Zweiter Weltkrieg und sozialer Wandel* (Göttingen, 1981), 211–23.

19. R. D. Müller. «Die Rekrutierung sowjetischer Zwangsarbeiter», in U. Herbert (ed.), *Europa und der «Reichseinsatz»* (Essen, 1991), 236.

рейх превратился в общество, ставшее домом как минимум для такого же числа иностранцев, как и современная «мультикультурная» Германия. Вследствие того, что молодые работники в большинстве своем были призваны в армию, доля иностранцев в составе рабочей силы — и в промышленности, и в сельском хозяйстве — была намного более высокой, чем когда-либо до или после в истории страны. До 1942 г. присутствие зарубежных рабочих было наиболее заметно в деревне. Но благодаря грандиозным усилиям Заукеля по набору иностранных рабочих Берлин, Гамбург, Кельн, Мюнхен и все другие германские промышленные города оказались переполнены мужчинами и женщинами, вывезенными из всех уголков нацистской империи. В больших и малых городах появилось множество лагерей и общежитий для иностранных рабочих. Например, в одном лишь Мюнхене — столице Баварии — насчитывалось не менее 120 лагерей военнопленных, 286 лагерей барачного типа и общежитий для иностранных гражданских лиц, 7 филиалов концентрационных лагерей и 2 исправительно-трудовых учреждения, а также публичный дом для иностранных рабочих²⁰. Общая вместимость лагерей превышала 80 тыс. коек. Больше всего иностранных рабочих в Мюнхене трудилось на BMW — одном из главных поставщиков авиационных двигателей для люфтваффе. В сентябре 1944 г. только на мюнхенских заводах BMW было занято более 16600 иностранных рабочих, проживавших в 11 специальных заведениях, включая лагерь военнопленных и пользовавшийся особенно дурной славой филиал концлагеря Дахау в мюнхенском пригороде Аллахе²¹.

I

Изучая такое сложное явление, как насильственная миграция, не следует забывать, что так называемые либеральные общества на протяжении последних полутора столетий нередко парадоксальным образом реагировали на миграционные потоки, вызванные стремительными экономическими изменениями. По сей день буквально все богатые страны мира осуществляют в высшей степени противоречивую миграционную политику, а их политики стараются (не всегда успешно) найти хоть сколько-нибудь рациональное решение проблем миграции, предо-

20. A. Heusler, *Ausländereinsatz: Zwangsarbeit für die Münchener Kriegswirtschaft* (Munich 1996), 32–41.

21. H. Mönnich, *The BMW Story: A Company in its Time* (London, 1991), 283–4.

ставления убежища и межэтнических отношений. Третий рейх представлял собой полную противоположность либеральному обществу. Как мы уже видели, всего за несколько месяцев до того, как Заукель приступил к осуществлению своей программы по привлечению иностранной рабочей силы, в нацистской Германии были разработаны многочисленные программы массового уничтожения людей, беспрецедентные по своим масштабам и свирепости. Более того, мы знаем, что для программы по привлечению рабочей силы еще с весны 1940 г., когда только началось ее выполнение, была характерна жестокая расовая дискриминация. Такое положение сохранялось и после 1942 г., несмотря на то что главным приоритетом было обеспечение страны рабочей силой. Результатом стало тяжелое противоречие. С одной стороны, гауляйтер Заукель прикладывал все силы к тому, чтобы мобилизовать миллионы трудящихся для работы в Рейхе. В то же самое время СС и вермахт сознательно уничтожали миллионы человек, которые тоже вполне могли бы трудиться на немецкую военную промышленность. В связи с ключевой проблемой рабочей силы трудно избежать впечатления, что Третий рейх столкнулся с неразрешимым противоречием между своей кровавой расовой идеологией и практическими потребностями экономики.

Это противоречие впервые ярко проявилось после того, как в первые месяцы операции «Барбаросса» в плен попали миллионы красноармейцев. Как мы уже видели, вермахт первоначально решил заморить голодом целые армии превосходной рабочей силы. И все же еще в ноябре 1941 г., в условиях тупика на Восточном фронте, Гитлер принял решение об использовании советских военнопленных, причем не только в прифронтовых регионах, но и в самой Германии²². В течение следующих месяцев в Германию были доставлены сотни тысяч человек, но их по-прежнему содержали в нечеловеческих условиях, что привело к массовой смертности в лагерях военнопленных в самой Германии и к дальнейшей растрате рабочей силы²³. Еще до назначения Заукеля военно-экономическое управление ОКВ и рейхсгруппа по промышленности сетовали Министерству продовольствия на то, что бессмысленно ввозить в страну сотни

22. Herbert, *Hitler's Foreign Workers*, 143–50.

23. В *Stalag XV Sandbostel*, где содержались и советские, и западные военнопленные, зимой 1941–1942 гг., возможно, умерло 35 тыс. советских пленных и еще 3600–3700 умирало ежегодно на последующих этапах войны. См.: W. Borgsen and K. Volland, *Stalag XV Sandbostel* (Bremen, 1991), 22–3, 252. В лагере № 326, находившемся в районе Зенне (Вестфалия), согласно правдоподобной оценке, умерло 65 тыс. советских пленных. См.: K. Hüser and R. Otto, *Das Stammla-*

тысяч работников, чтобы морить их здесь голодом²⁴. В начале марта завод *Mitteldeutsche Motorenwerke*, выполнявший заказы Министерства авиации, был вынужден обозначить различие между использованием трудящихся с востока в качестве строительных рабочих и при производстве авиамоторов: «Если в случае дорожного строительства на востоке мы используем 2000 русских и в результате их неадекватного обеспечения продовольствием теряем несколько сотен русских за квартал, нехватка рабочей силы может быть восполнена за счет новых русских». С другой стороны, «На оружейном заводе просто невозможно моментально заменить человека, работающего на специальном станке, на другого работника»²⁵.

Такому же противоречивому обращению, пусть и не принимавшему столь крайних форм, подвергались и гражданские «остарбайтеры», во все более значительных количествах ввозившиеся в Германию в 1942 г. В частности, это объяснялось тем, что сам успех предпринятых Заукелем мер застал врасплох местные власти страны. Летом 1942 г. в крупные промышленные центры буквально ежедневно прибывали тысячи новых работников. Было невозможно обеспечить их адекватным жильем и питанием. В разных городах и у разных нанимателей дело обстояло по-разному, но во многих случаях, и возможно, в первую очередь в тех регионах, где была сосредоточена тяжелая промышленность, сложилась ужасающая ситуация. В декабре 1942 г. следственная комиссия Восточного министерства и *Wistab Ost* обследовала лагеря «остарбайтеров» по всему Рур и составила отчет, пронизанный ощущением шока. Особо угнетающее впечатление на комиссию произвел лагерь, находившийся в ведении *Bochumer Verein*, входившего в состав треста *Vestag*, где она увидела «неизгладимую» «картину горя и лишений»²⁶. «Несентиментальные» чиновники, имевшие обширный опыт работы на востоке, обычно такими словами не разбрасывались. Кроме того, подобные описания подтверждались и поведением самих «остарбайтеров». Англо-американскую публику на протяжении

ger 326 (V/K) Senne 1941–1945 (Bielefeld, 1992), 190. Более скромные, но не менее ужасающие цифры выявляются при тщательном изучении источников, проведенном в работе R. Keller, R. Otto, «Das Massensterben der sowjetischen Kriegsgefangenene und die Wehrmachtbürokratie», *MGM 57* (1998), 149–80. При этом следует подчеркнуть, что эти цифры относятся к советским военнопленным, вывезенным в Германию, и не отражают еще более высокого уровня смертности среди пленных, наблюдавшегося в прифронтовых регионах на востоке.

24. Eichholtz, II. 215–16.

25. Spörer, *Zwangsarbeit*, 131.

26. Eichholtz, II. 26.

десятилетий потчевали историями о смелых побегах пленных британских и американских летчиков и солдат. Однако начиная с 1942 г. их многократно превосходили в численности беглые советские военнопленные и «остарбайтеры». С апреля по июль 1942 г. число советских беглецов выросло с 2059 до 22603. В августе 1942 г. гестапо прогнозировало, что в ближайшие месяцы ему придется иметь дело еще с 30 тыс. побегов. По утверждениям гестапо, из 42714 иностранных работников, в апреле — июле 1942 г. числившихся в побеге, было поймано 34457²⁷. Но с учетом таких цифр было явно непрактично обходиться традиционными полицейскими методами. В сентябре 1942 г. сам шеф гестапо, группенфюрер СС Генрих Мюллер, лично взял на себя контроль над работниками с востока. Вместо того чтобы объявлять в розыск десятки тысяч отдельных беглецов, он создал новую всеобъемлющую систему полицейских застав на всех главных дорогах, железнодорожных станциях и в городах страны²⁸.

К осени 1942 г. по причине ситуации, наблюдавшейся в лагерях, десятки тысяч полумертвых «остарбайтеров» пришлось отправить обратно на восток в кошмарных условиях. В сентябре один из эшелонов описывался в таких апокалиптических выражениях: «Возвращающийся поезд вез мертвых пассажиров. Женщины, ехавшие на этом поезде, рожали в пути детей, которых на ходу выбрасывали из открытого окна. В том же вагоне находились люди, больные туберкулезом и венерическими болезнями. Умиравшие лежали в товарных вагонах, где не было даже соломы, и одного из умерших <...> выбросили на насыпь»²⁹. Несомненно, что этому описанию свойственна эпическая библейская тональность, что-то можно объяснить художественным преувеличением. Однако ряд донесений подтверждает заявление о том, что трупы истощенных «остарбайтеров» выбрасывали из вагонов на железнодорожные пути³⁰, не говоря уже о том, что эшелоны с «остарбайтерами», лишенные элементарных санитарно-бытовых удобств, сплошь и рядом часами простаивали на запасных путях, прямо на глазах у обычных пассажиров-немцев. Вскоре благодаря изустной передаче и письмам, отправлявшимся на родину, широкое распространение получили слухи о том, какое обращение ожидает «остарбайтеров» в Германии. Не удивительно, что в сентябре 1942 г. начальство украинских лагерей для иностранных рабочих сообщало о «Transportangst-

27. Ibid., 289.

28. Ibid., 290.

29. IMT XXV, 161–4.

30. IMT XXV, doc. 054-PS, 100–10.

psychosen» (психозе страха перед транспортом). К концу лета поток рабочих-добровольцев совершенно иссяк, что, в свою очередь, привело к эскалации насилия со стороны агентов Заукеля, принимавшей самые крайние формы³¹.

Впрочем, все эти ужасы бледнеют на фоне еще более шокирующего противоречия, порожденного к жизни набравшей размах немецкой кампанией геноцида евреев. За кризисом рабочей силы, вызванным поражением под Москвой, через несколько месяцев последовал пик холокоста, пришедшийся на вторую половину 1942 г. Как мы уже видели, казни, осуществлявшиеся айнзатцгруппами на советской территории, начались уже в июне 1941 г., а массовые расстрелы продолжались в оккупированных регионах Советского Союза вплоть до окончательного изгнания германских войск в 1944 г. Но геноцид евреев достиг максимума в 1942 г., когда было принято решение о ликвидации еврейского населения довоенной Польши, насчитывавшего существенно больше 2 млн человек. Сотни тысяч человек были расстреляны, погибли от непосильного труда или умерли от голода и болезней в гетто. Однако основная работа по ликвидации еврейского населения Польши производилась в трех специальных центрах уничтожения — в Трешлинке, Собиборе и Хелмно, — а также в газовых камерах концлагеря Аушвиц. В то время как первые три были закрыты в 1943 г., Аушвиц продолжал работать, став концом пути для сотен тысяч евреев со всей Западной Европы в 1942 и 1943 г. и для венгерских евреев в 1944 г.

Даже если считать, что что евреев ожидали лишь самые тяжелые формы физического труда, холокост сопровождался уничтожением рабочей силы в катастрофических масштабах. Согласно скромным оценкам самих немцев, холокост унес жизни не менее 2,4 млн потенциальных работников. С учетом прочих массовых убийств, совершенных нацистским режимом начиная с января 1942 г., мы приходим к чудовищному итогу. Из 1,65 млн заключенных концентрационных лагерей, в тот или иной момент занятых в немецкой экономике — речь идет о лагерях, не принимавших участия в последнем этапе «Окончательного решения», — войну пережило не более 475 тыс. человек³². Это означает смерть не менее 1,1 млн трудящихся, причем по крайней мере 800 тыс. из этого числа не значатся среди жертв холокоста. Войну пережило менее половины из 1,95 млн

31. Существование этого порочного круга в полной мере осознавал Альберт Шпеер. См.: BAL R3/1736, 1.09.1942, 68.

32. Spörer, *Zwangsarbeit*, 229.

советских военнопленных, которые, как считается, использовались на работах в Германии после ноября 1941 г. Таким образом, не исключено, что до миллиона советских пленных умерло уже после того, как было признано, что они могут внести свой вклад в военную экономику Рейха. Еще 2 миллиона умерло от голода зимой 1941–1942 г. Согласно оценкам, из 2 млн 775 тыс. советских гражданских лиц, учтенных в статистике по трудившимся в Германии в 1941–1945 гг., не менее 170 тыс. умерло во время пребывания в Рейхе. Эта оценка почти наверняка занижена, так как она не учитывает «истощенных» трудящихся, подвергшихся репатриации на восточные территории с неизвестным исходом. Самое неприятное то, что эти цифры пренебрегают несоответствием (в немецкой статистике) между депортированными с восточных территорий и зарегистрированными в качестве работающих в Рейхе. Разрыв между этими цифрами составляет сотни тысяч. Аналогичные вопросы связаны с данными по польским работникам, из числа которых во время пребывания в Германии умерло не менее 130 тыс. В том, что касается «западных трудящихся», наиболее пострадавшей группой являлись итальянские солдаты, интернированные немцами после капитуляции Италии осенью 1943 г. Из этих несчастных не менее 32 тыс. умерло от голода и непосильного труда зимой 1943–1944 гг. Суммируя число подобных жертв среди различных категорий подневольной рабочей силы, относящиеся к периоду после января 1942 г., мы приходим к выводу о том, что число трудящихся-неевреев, ставших жертвами нацистского режима, могло составлять 2,4 млн человек. Прибавив к этой цифре не менее 2,4 млн потенциальных еврейских работников, мы получаем, что Третьим рейхом после военного кризиса 1941–1942 гг. было погублено не менее 4,8 млн трудящихся — и почти 7 млн, если учитывать советских военнопленных, замученных в 1941 г.

II

Эти ошеломляющие цифры могут привести нас к выводу о том, что для режима, существовавшего в Третьем рейхе, экономические соображения имели лишь второстепенное значение. В конечном счете приоритет политики был абсолютным. Об этом неопровержимо свидетельствует уничтожение миллионов расовых врагов, вне зависимости от их потенциальной полезности для военной экономики Рейха.

Очевидно, было бы абсурдом совершенно отрицать убедительность этого аргумента. Однако на протяжении трех послед-

них десятилетий историки накопили массу фактов, из которых складывается намного менее однозначная картина. Эту проблему можно изучать сквозь призму компромисса между более и менее идеологизированными элементами нацистского режима³³. Если признать, что уничтожение евреев являлось идеологической целью самой по себе и даже «идеей фикс» нацистского руководства, то мы получим возможность увидеть в программе принудительного труда и в геноциде явления, скорее дополнявшие друг друга, нежели противоречившие друг другу. Благодаря успехам гауляйтера Заукеля в привлечении миллионов трудящихся из стран Восточной и Западной Европы возникло впечатление, что без евреев можно обойтись³⁴. Только в Польше и на Украине евреи представляли собой достаточно заметное меньшинство. Во всех прочих местах их можно было убивать, не опасаясь серьезного снижения численности рабочей силы, находившейся в распоряжении Германии³⁵. Более того, этот процесс уничтожения подчинялся независимой бюрократической логике, поскольку он осуществлялся проявлявшими собственную инициативу и обладавшими собственным авторитетом СС, и, в первую очередь, РСХА при поддержке главных вождей — Гитлера и Гиммлера. Эта интерпретация подкрепляется и документами из архивов восточноевропейских оккупационных учреждений среднего звена. В них содержатся указания на то, что местные служащие СС выступали за уничтожение квалифицированных еврейских трудящихся вопреки интересам вермахта и других организаций, использовавших их в военной экономике: можно сослаться на историю знаменитого Оскара Шиндлера, работавшего в Генерал-губернаторстве³⁶. В этих до-

33. «Компромисс» служит ключевой темой работы Херберта. Примеры использования им этого термина см. в: Herbert, *Hitler's Foreign Workers*, 64, 93–4, 134–5, 143. Однако, как указывает Нааснер, используя этот термин, мы преувеличиваем масштабы конфликта интересов между Заукелем как поставщиком рабочей силы и СС как силой, обеспечивавшей дисциплину. Нааснер предпочитает говорить о «синтезе идеологии и прагматики», и этот подход можно было бы всячески рекомендовать, если бы не его неуклюжесть: Naasner, *Neue Machtzentren*, III.

34. Этот аргумент развивается в: U. Herbert, «Arbeit und Vernichtung», in D. Diner (ed.), *Ist der Nationalsozialismus Geschichte?* (Frankfurt, 1987), 198–236, и в: U. Herbert, «Labour and Extermination: Economic Interest and the Primacy of Weltanschauung in National Socialism», *Past and Present*, 138 (1993), 144–95.

35. О принятом в 1941 г. решении депортировать из Германии евреев-трудящихся см.: W. Gruner, «Der „Geschlossene Arbeitseinsatz“», in M. Kingreen (ed.), «*Nach der Kristallnacht*»: *Jüdisches Leben und antijüdische Politik in Frankfurt am Main 1938–1945* (Frankfurt, 1999), 259–88.

36. О том, какие настроения летом 1942 г. царили среди руководителей Генерал-губернаторства, включая и *Rüstungsinspektor*'а (инспектора по вооружениям)

кументах СС предстают убежденным меньшинством, активно навязывающим программу геноцида евреев несговорчивой военной администрации³⁷. Как мы увидим далее, самому Гиммлеру было свойственно предаваться подобной риторике в связи с ликвидацией польских гетто в 1942 и 1943 г. С этой точки зрения холокост может рассматриваться как уступка, вырванная у прагматического крыла государственной администрации идеологизированным руководством СС. Это была уступка идеологии, ставшая возможной благодаря успехам Заукеля при привлечении нееврейской рабочей силы со всей Европы. От работников-евреев можно было отказаться, поскольку их как будто бы всегда можно было заменить другими работниками.

Однако на самом деле, несмотря на риторику, которой увлекался Гиммлер, СС при уничтожении еврейского населения не оставались глухи к экономическим соображениям. Практически каждая акция уничтожения начиналась со стандартного этапа «отбора»³⁸. Население делилось на трудоспособных и нетрудоспособных. Это означало, что после отказа от моральных табу первыми обычно убивали женщин, детей и стариков — особенно в 1942 г., на пике геноцида. При расправе с крупными еврейскими общинами на Украине и в Галиции эсэсовцы в нескольких случаях снова и снова возвращались в одно и то же место, последовательно уничтожая его еврейское население до тех пор, пока не оставалось только «незаменимое ядро». Во многих случаях этот трудоспособный остаток общины переселяли для дальнейшей эксплуатации в центральное гетто, которое окончательно ликвидировалось в 1943 или даже в 1944 г. В Польше такой подход впервые стал практиковаться в конце 1941 г. на территории Вартегау — одной из провинций, присоединенных к Германии. Те проживавшие в Вартегау евреи, которых сочли нетрудоспособными, входили в число первых жертв экспериментальной газовой камеры в Хелмно. Тех, кого еще можно было эксплуатировать, свезли в гетто Лодзи (Лицманштадта), остававшееся центром военного производства до начала 1944 г. Так сложился порядок, соблюдавшийся при «очистке» Генерал-губернаторства от еврейского населения, составлявшего, согласно оценке, прозвучавшей на Ванзейской конференции, не менее 2,28 млн человек. При этом главным принципом так-

Шиндлера, по-прежнему считавшего евреев незаменимой рабочей силой, см.: H. Frank, *Das Diensttagebuch des deutschen Generalgouverneurs in Polen 1939–1945* (Stuttgart, 1975), 22.06.1942, 515–17.

37. См. типичный пример в: J. Noakes and G. Pridham, *Nazism* (Exeter, 1988), III. 821, 1098.

38. См.: P. Longerich, *Politik der Vernichtung* (Munich, 1998), 476.

же являлся «отбор». В Люблинском округе, которым управлял Одило Глобочник, еврейскому совету в начале 1942 г. было приказано выдавать удостоверения личности и составить списки всех евреев, «не занимающихся производительным трудом»³⁹. Согласно записи в дневнике Геббельса, сделанной весной 1942 г., предполагалось, что «60% будет ликвидировано и лишь 40% можно будет использовать в качестве рабочей силы»⁴⁰.

Судя по всему первоначальные замыслы в отношении группы, отобранной в качестве рабочей силы, были обрисованы Гейдрихом на совещании в Ванзее. Ее следовало разделить на мужчин и женщин и уморить непосильным трудом на многочисленных строительных площадках, создававшихся в соответствии с *Generalplan Ost*. По крайней мере вплоть до осени 1942 г. «Генеральный план» оставался вполне актуален. 16 июля 1942 г. Гиммлер посетил своего доверенного массажиста Феликса Керстена, светясь от радости. Его возбуждение было вызвано состоявшейся несколькими днями ранее встречей с Гитлером, на которой он представил фюреру окончательный вариант Генерального плана, а также карты и архитектурные планы немецких крестьянских поселений. Гитлер, чьи армии в ходе последнего большого летнего наступления вермахта рвались к Кавказу, снова был убежден в том, что война на востоке вскоре закончится победой. Как рассказывал Гиммлер, «Фюрер не только выслушал меня, он даже воздерживался от непрерывных замечаний, вопреки своей обычной привычке <...> сегодня фюрер даже одобрил мои предложения, задавал вопросы и обращал мое внимание на важные детали». «Сегодня самый счастливый день моей жизни,— заявил Гиммлер.— Теперь можно реализовать все, что я замышлял и планировал в малых масштабах. Я немедленно возьмусь за дело в больших масштабах...»⁴¹.

Ключевой момент здесь заключается в том, что Гиммлер всегда отличался очень своеобразными представлениями о ев-

39. О эволюции политики по отношению к польско-еврейской рабочей силе в январе—июле 1942 г. см.: D. E. Pohl, *Von der «Judenpolitik» zum judenmord: Der Distrikt Lublin des Generalgouvernements 1939–1944* (Frankfurt, 1993), 110–29.

40. E. Fröhlich (ed.), *Die Tagebücher von Joseph Göbbels* (Munich, 1994), 11/3. 561, запись от 27.03.1942. Следует отметить, что в обычных обстоятельствах экономически активными являются примерно 50–60% населения. Таким образом, цифра в 40% указывает на намерение использовать подавляющее большинство экономически активных евреев.

41. F. Kersten, *The Kersten Memoirs 1940–1945* (London, 1956), 132–40; Ф. Керстен, *Пять лет рядом с Гиммлером* (Москва, 2004), 76. Поскольку этот источник хорошо согласуется с другими материалами по Генеральному плану, я вслед за авторами работы: R. J. van Pelt and D. Dwork, *Auschwitz: 1270 to the Present* (New Haven, 1996), 307–15, склонен относиться к нему с доверием.

рейской рабочей силе. Они были тесно связаны с грандиозными строительными планами, содержащимися в *Generalplan Ost*, и в целом сводились к фантазиям об отрядах рабов, трудившихся под надзором СС в сотнях, если не в тысячах километрах к востоку от Рейха. В то же время Гиммлер последовательно выступал против использования евреев в промышленности, особенно на военном производстве. Подобный труд следовало как можно скорее поручить другим группам иностранной рабочей силы. Лишь после Сталинграда, когда планы скорейшего создания немецких поселений на востоке были забыты, Гиммлер утратил всякий интерес к сохранению какой-либо еврейской рабочей силы. Однако к тому моменту в Польше уцелели лишь те евреи, которые работали на немецких заводах и были сосредоточены в нескольких крупных трудовых лагерях и гетто. Гиммлеру не потребовалось менять свою позицию, чтобы в 1943 г. настаивать на их ликвидации⁴².

Евреи, доставлявшиеся из Западной и Юго-Восточной Европы в Аушвиц и в другие лагеря, проходили через ту же ключевую процедуру⁴³. Нередко живой груз эшелонов еще в пункте отправления зачисляли либо в состав рабочей силы, либо в кандидаты на немедленное уничтожение. В других случаях отбор производился эсэсовцами на станции в Аушвице. По осторожным оценкам, в 1941–1945 гг. в Аушвиц было депортировано 1,1 млн евреев. 900 тыс. из их числа были убиты сразу, а 200 тыс. использовались на принудительных работах. Разумеется, те представляли собой лишь отсрочку от казни. Но для тех, кто не был немедленно отправлен в газовые камеры, процесс уничтожения нередко растягивался на месяцы, если не на годы. И несмотря на свое ключевое значение в качестве фабрики смерти, Аушвиц никогда не утрачивал своего первоначального предназначения как трудового лагеря. Помимо 200 тыс. евреев, отобранных для работы, в лагерь постоянно прибывали и неевреи: 140 тыс. поляков, примерно 20 тыс. цыган из разных стран, более 10 тыс. советских военнопленных и более 10 тыс. заключенных других национальностей. Всего в документах *Auschwitz Stammlager* зафиксировано в качестве узников 400 тыс. человек, половину из которых составляли евреи.

42. О неприязненном отношении Гиммлера к использованию еврейской рабочей силы на заводах Генерал-губернаторства в 1942 г. и о ее последующей ликвидации см.: Pohl, *Von der «Judenpolitik»*, 157–67; E. Georg, *Die wirtschaftlichen Unternehmungen der SS* (Stuttgart, 1963), 90–99.

43. Здесь и ниже я опираюсь на: F. Piper, «Die Ausbeutung der Arbeit der Häftlinge», in W. Długoborski and F. Piper, *Auschwitz 1940–1945: Studien zur Geschichte des Konzentrations- und Vernichtungslagers Auschwitz* (Oświęcim, 1999), II. 83–167.

Условия, в которых находились заключенные, особенно евреи, были такими ужасающими, что большинство из узников умирало в течение нескольких месяцев. Кроме того, десятки тысяч заключенных перемещались из одного концентрационного лагеря в другой, в зависимости от потребностей. Сам Аушвиц достиг максимальной численности осенью 1943 г., когда в этом лагерном комплексе насчитывалось 90 тыс. заключенных. В каждый конкретный момент работоспособными считалось 50–60% от их числа. Эта рабочая сила никогда не использовалась на отдаленных строительных площадках Генерального плана, вопреки намерениям, существовавшим при расширении лагеря в 1941 г. Тем не менее большинство работ, для которых использовали заключенных, было так или иначе связано с программой германизации востока, начало которой было положено в самом Аушвице. Заключенные лагеря участвовали в строительстве престижного химического завода *IG Farben* в Аушвице-Моновице, как и многих других промышленных предприятий, разбросанных по всей Восточной Силезии⁴⁴. Тем самым они закладывали основы силезского промышленного комплекса, который должен был стать соперником Рура. И все же большинство заключенных трудилось в самом лагере, который являлся бастионом немецкой колонизации востока в не меньшей степени, чем выраставшие вокруг него намного более крупные промышленные предприятия. К 1942 г. архитекторы СС начертили планы постоянного комплекса производств с использованием рабского труда в Аушвице-Биркенау, включавшего не менее 600 строений. Более 300 из них успели построить до окончания войны. Кроме того, тысячи заключенных трудились на ферме площадью в 4 тыс. га, которую создал Гиммлер поблизости от Аушвица с тем, чтобы сделать его ведущим центром агрономических исследований на германском востоке⁴⁵. С тем чтобы поддерживать жизнедеятельность самого лагеря, СС основали множество мелких промышленных предприятий, включая цементный завод, карьер, бойню, молокозавод и лагерную пекарню. Эти предприятия СС лишь на завершающих этапах войны уступили место собственно военному производству. Такое сочетание труда и убийств достигло в Аушвице максимального размаха летом 1944 г., когда сюда прибыли венгерские евреи, став последней крупной группой, попавшей в машину мас-

44. B. C. Wagner, *IG Auschwitz: Zwangsarbeit und Vernichtung von Häftlingen des Lagers Monowitz 1941–1945* (Munich, 2000).

45. S. Heim, *Kalorien, Kautschuk, Karrieren: Pflanzenzüchtung und landwirtschaftliche Forschung in Kaiser-Wilhelm Instituten 1933–1945* (Göttingen, 2003), 172–93.

сового уничтожения⁴⁶. В то время как газовые камеры работали на полную мощность, умерщвляя сотни тысяч венгерских евреев, сочтенных нетрудоспособными, десятки тысяч молодых мужчин и женщин были отправлены на важнейшие военные заводы Рейха, разбросанные по всей Германии.

В случае холокоста идеологические императивы явно играли важнейшую роль, но в зависимости от обстоятельств они могли уступать место прагматичным компромиссам. И наоборот, программу Заукеля по принудительному привлечению рабочей силы можно назвать компромиссом между идеологией и практическими потребностями, но с обратным знаком. Главными были запросы военной экономики, но их приходилось примирять с идеологическими требованиями. Как мы уже видели, в момент вторжения Германии в Польшу в 1939 г. никто не собирался отправлять на немецкие фермы «армию» польских работников. Гиммлер как шеф полиции неохотно уступил требованиям Бакке, но выдвинул жесткие условия. Для всех причастных было ясно, что эти условия контрпродуктивны в том смысле, что они делали добровольный наем практически невозможным и снижали производительность работников, доставленных в Германию. Однако гитлеровский режим вложил слишком много сил в проект создания расово чистого общества, чтобы так просто от него отказываться. Имея это в виду, мы можем приписать первые неудачи программы по привлечению «остарбайтеров», случившиеся в 1942 г., медленному устранению этого противоречия между идеологией и прагматическими потребностями⁴⁷. Что касается Заукеля, то он, по-видимому, прилагал все усилия к тому, чтобы «его» работники, оказавшись в Германии, подвергались достаточно хорошему обращению, которое бы позволяло им вносить продуктивный вклад в работу военной экономики Рейха⁴⁸. Более того, программа по привлечению иностранной рабочей силы должна была служить и идеологической цели, разнося по всей Европе известия о тех благах, которые принесла простым трудящимся национал-социалистическая революция. Однако старые привычки отмирали с трудом. Администрация трудовых лагерей для иностранцев зачастую проявляла небрежность и произвол при выдаче продовольствия. Обитатели лагерей в большинстве

46. C. Gerlach and G. Aly, *Das letzte Kapitel: Der Mord an den ungarischen Juden* (Stuttgart, 2002).

47. На этом сюжете строится работа: Herbert, *Hitler's Foreign Workers*, 137–252.

48. Ibid., 176–82. Но как спешил добавить Заукель, он настаивал на этом по абсолютно «несентиментальным» соображениям.

случаев не получали в полном объеме питание по нормам, установленным Рейхсминистерством продовольствия. Нам известно несколько хорошо задокументированных случаев хищений, когда продукты, предназначенные для работников Заукеля, попадали на черный рынок. Повседневный, низовой расизм, распространенный среди немецкого населения, находил выражение в упорных слухах о том, что иностранные гражданские лица пользуются незаслуженными привилегиями. Особенно часто мишенью нападков становились итальянцы, которым выдавали много фруктов и овощей, в соответствии с привычным для них рационом. Принципы догматического расизма, которым были заражены и верхи и низы, затрудняли разработку программы по рациональному использованию иностранной рабочей силы. Тем не менее очевидно, что к осени 1942 г. немецкая промышленность приступила к систематическому поиску ответов на новые вопросы, связанные с организацией труда. Какого обращения заслуживают различные категории иностранных работников? Какие меры по повышению производительности труда являются допустимыми? Насколько далеко могут заходить мастера и управляющие, добиваясь от своих иностранных работников максимального производства?

Немецкое руководство особенно сильно занимал вопрос телесных наказаний. Вправе ли фирмы допускать побои нерадивых работников? Заукель как генеральный уполномоченный утверждал, что телесные наказания равнозначны простому нападению (без отягчающих обстоятельств) и именно в таком качестве должны рассматриваться в судах⁴⁹. Иностранные работники должны подчиняться строжайшей дисциплине, но ответственность за ее поддержание следует возложить на полицию, суды и СС, которые могут использовать в качестве мощных мер воздействия исправительно-трудовые и концентрационные лагеря⁵⁰. Однако подобные процедуры были затяжными и нередко приводили к тому, что наниматель «терял» соответствующего работника⁵¹. Во многих случаях казалось явно более эффективным решить вопрос прямо на рабочем месте. В конце концов случайное физическое насилие было обычным делом в германской промышленности и особенно в угольных шахтах, где во-

49. См. разочарование несговорчивостью Заукеля, выразившееся руководством *IG Auschwitz*: IMT VIII. 490–91, NI-14532, еженедельные доклады *IG Auschwitz* №№ 80 и 81, 30.11–13.12.1942.

50. Об исправительно-трудовых лагерях (*Arbeitserziehungslager*) см.: G. Lotfi, *KZ der Gestapo: Arbeitserziehungslager im Dritten Reich* (Stuttgart, 2000).

51. См. замечания, поступившие со строительной площадки *IG Farben* в Освенциме в: *IG Farben Case VIII*, 490–91.

прос о должном использовании «остарбайтеров» стоял наиболее остро. Как мы уже видели, нехватка угля и шахтеров являлась ключевой проблемой военной экономики Германии еще с весны 1941 г. Обеспечение углекопами шахт Пауля Плейгера, от которого требовали роста объемов добычи, входило в число важнейших приоритетов Заукеля⁵². Но эти работники, не получая еды и не соблюдая дисциплину, были бы бесполезны для немецкой военной экономики. По этой причине Плейгер поддерживал Заукеля в просьбе выделять для них больше продовольствия. Не получая для своих шахтеров дополнительных калорий, белков и жиров, Плейгер просто не мог выдавать на-гора уголь, в котором так отчаянно нуждалась тяжелая промышленность страны⁵³. Однако вместе с тем Плейгер выступал за систематическое использование силовых методов. В начале октября 1942 г. Плейгер вместе с Робертом Леем из Германского трудового фронта провел в роскошном отеле «Кайзерхоф» в Эссене рабочую встречу управляющих рурскими шахтами. В качестве главы Трудового фронта Лей совместно с Заукелем отвечал за надзор над иностранной рабочей силой. Ключевым пунктом в программе заседания в «Кайзерхофе» являлся вопрос об «обращении с русскими»⁵⁴. Интереснейшая дословная запись этого совещания, которую сделал управляющий *Krupp*, является не только шокирующим документом, обличающим жестокое обращение с иностранной рабочей силой. Помимо этого, она вскрывает те страхи, которые одолевали руководителей немецкой промышленности всякий раз, как они находили время задуматься о ситуации, в которой оказался Третий рейх. Роберт Лей, как обычно, был пьян. А в пьяном виде он был склонен говорить то, что было у него на уме: «Уголь должен добываться любой ценой. Если не благодаря вам, господа, то вопреки вам». Если Рур не справится с этим делом, то остановится вся германская военная промышленность, а в тот момент, когда идет битва в Сталинграде, это будет означать катастрофу. «После нас ничего не останется, со всем будет покончено <...> Германия по-

52. Обзор источников см. в: H. Menne and M. Farrenkopf, *Zwangsarbeit im Ruhrbergbau während des Zweiten Weltkrieges: Spezialinventar der Quellen in nordrheinwestfälischen Archiven* (Bochum, 2004). Когда эта книга готовилась к печати, в свет вышел обширный сборник документов H.-C. Seidel and K. Tenfelde, *Zwangsarbeit im Bergwerk: Der Arbeitseinsatz im Kohlenbergbau des deutschen Reiches und der besetzten Gebiete im Ersten und Zweiten Weltkrieg* (Essen, 2005).

53. См. замечания в: W. A. Bölske, *Deutschlands Rüstung im Zweiten Weltkrieg: Hitlers Konferenzen mit Albert Speer 1942–1945* (Frankfurt, 1969), 172.

54. Эта и последующие цитаты приводятся по: W. Abelshauser, in L. Gall (ed.), *Krupp im 20. Jahrhundert* (Berlin, 2002), 412.

гибнет. Всех убьют, сожгут и уничтожат. В конце концов мы сожгли за собой все мосты, причем сознательно. Мы практически решили еврейский вопрос в Германии. Одно это приводит в содрогание». В условиях, когда на карту поставлено столь многое, неуместны ни сострадание, ни излишние церемонии. Никакие меры принуждения не будут чрезмерными, и Лей ожидал, что управляющие шахт поддержат своих бригадиров при насаждении необходимой дисциплины. Как выразился Лей, «если русскую свинью нужно избить», то сделать это придется простому немецкому рабочему: «Вы не станете этого делать и я не стану». Желая убедиться, что слова Лея дошли до управляющих шахт, Плейгер добавил с характерным для него цинизмом: «Под землей темно, а до Берлина далеко». Лей и Плейгер явно ожидали, что немецкие шахтеры будут игнорировать лицемерные инструкции Заукеля. Если «остарбайтеры» не работают, то их надо бить. Но если наниматели все же предпочитали более формальные дисциплинарные меры, то они всегда могли рассчитывать на Гиммлера с его полицией. Плейгер с энтузиазмом сослался на результаты, достигнутые в «небольшом, но образцовом концентрационном лагере», использовавшемся им для того, чтобы обучить дисциплине своих рабочих с *Reichswerke*⁵⁵.

В те же дни, когда состоялась встреча в «Кайзерхофе», в горнорудной отрасли Верхней Силезии опробовали новую систему, в рамках которой главным средством поддержания дисциплины были нормы питания. Немецкие наниматели широко использовали разнообразные бонусы. Однако Гюнтер Фалькенган, генеральный директор *Plesschen Werke* — шахты, обслуживавшей силезский химический комплекс *IG Farben*, — поднял надбавки на новый уровень, где они стали обозначать границу между жизнью и смертью. Согласно системе, названной им *Leistungsernährung* («питание с учетом выработки»), он разделил своих «остарбайтеров» на три категории. Обычный паек получали только те, кто выполнял стандартную, среднюю норму. Тем, кто не выполнял дневную норму, полагался лишь уменьшенный паек. Сэкономленное таким образом продовольствие доставалось в виде бонуса тем, кто перевыполнял норму⁵⁶. Сущность этой системы состояла в перераспределении дефицита. Она не подразумевала общего увеличения продовольственных пайков. Сильные просто вознаграждались за счет слабых. Принципиальная идея заключалась в том, чтобы обеспечивать питанием тех работников, которые наиболее производительны

55. Ibid., 412.

56. Eichholtz, II. 277.

расходовали все потребленные калории. Для «остарбайтеров» это означало нечто вроде сортировки по степени пригодности. Тем, кто не выполнял норму, угрожал смертоносный порочный круг недоедания и дальнейшего ослабления. Фалькенган также возглавлял государственную угольную организацию Верхней Силезии и с его подачи эта система питания с учетом выработки вскоре распространилась по всему региону. К 1943 г. она получила общенациональное признание. Альберт Шпеер лично рекомендовал ее в своем обращении по итогам года⁵⁷. К концу 1944 г. «питание с учетом выработки» приказом Министерства вооружений было объявлено стандартной практикой при использовании труда «остарбайтеров»⁵⁸.

Самым поразительным проявлением складывавшегося компромисса между идеологией и прагматизмом являлась практика «уничтожения посредством труда» (*Vernichtung durch Arbeit*). Концентрационные лагеря СС, в противоположность созданным в 1942 г. лагерям уничтожения, имели постоянных обитателей, часть которых еще с конца 1930-х гг. была задействована на индустриальных стройках СС⁵⁹. В 1942 г., в условиях кризиса рабочей силы, поразившего Рейх, Гиммлер энергично выступал за более широкое использование узников лагерей на различных работах. Однако в тот момент общая численность заключенных была слишком мала для того, чтобы их труд внес заметный вклад в военное производство. Поэтому начиная с 1942 г. СС сознательно проводили политику увеличения численности заключенных в концлагерях и легитимизации этих учреждений как поставщиков услуг для военной экономики. Ответственность за это была возложена на экономическое управление СС во главе с Освальдом Полем, контролировавшее те концентрационные лагеря, которые создавались не только для осуществления «Окончательного решения» — в первую очередь Дахау, Маутхаузен, Заксенхаузен, Бухенвальд, Майданек, Штуттгоф и Аушвиц⁶⁰. Под руководством Поля население концентрационных лагерей выросло в разы. Значительную часть новых заключенных составляли евреи — мужчины и женщины, по той или иной причине избавленные от немедленного уничтожения. Однако в большинстве своем узники концлагерей были немецкими политзаключенными.

57. Eichholtz, III. 248.

58. N. Gregor, *Daimler-Benz in the Third Reich* (New Haven, 1998), 191; Spörer, *Zwangsarbeit*, 129–30.

59. T. Allen, *The Business of Genocide* (Chapel Hill, NC, 2002), 1–77; H. Kaienburg, *Die Wirtschaft der SS* (Berlin, 2003), 114–138; J. E. Schulte, *Zwangsarbeit und Vernichtung: Das Wirtschaftsimperium der SS* (Paderborn, 2001), 103–25.

60. Ibid.

ченными, советскими военнопленными, пытавшимися бежать или по какой-либо иной причине взятыми гестапо на заметку, и «остарбайтерами», подвергнутыми наказанию. Некоторые несчастные были просто завербованными иностранцами, которых передавали СС для пополнения лагерной рабочей силы.

Первым лагерем, в широких масштабах начавшим использовать труд своих заключенных, был Аушвиц, чьи узники работали не только на строительстве завода *IG Farben* в Моновице, но и на сооружении предприятий тяжелой промышленности по всей Силезии. Примеру Аушвица последовал Ораниенбург, в сентябре 1942 г. командировавший 800 заключенных на завод Хейнкеля, и Равенсбрюк, поставлявший работниц для *Siemens*. Вскоре и Маутхаузен наладил сотрудничество со *Steyr Daimler Puch*. Заксенхаузен обслуживал завод *Daimler-Benz* в Генсхагене. Дахау поддерживал деловые отношения с BMW. В число других важных партнеров СС входили *Reichswerke Hermann Göring*, завод VW в Фаллерслебене, *Akkumulatorenfabrik AG* в Ганновере и *Rax* — филиал *Henschel* в Вене⁶¹. Вплоть до конца 1943 г. главным эксплуататором труда заключенных в промышленности, несомненно, оставались авиазаводы, причем тон задавали *Heinkel*, *Messerschmitt* и BMW⁶². Но на поздних этапах войны не найдется ни одного нового крупного военного завода, который не был бы рассчитан на использование лагерного труда. 23 февраля 1944 г. Альберт Шпеер направил «дорогому соратнику по партии Гиммлеру» личное послание с просьбой о принятии всех мер к тому, чтобы оружейные предприятия получали из лагерей рабочую силу⁶³. И Гиммлер не стал ему отказывать. Согласно оценкам, к концу 1944 г. лагеря Гиммлера давали германской военной экономике не менее 500 тыс. рабочих, или примерно 5% всей промышленной рабочей силы; еще 140 тыс. под контролем СС трудились на строительстве гигантских подземных заводов, 130 тыс. работали на организацию Тодта, ответственную за строительство на оккупированных территориях, и 230 тыс. было передано в распоряжение частных предприятий⁶⁴.

Во всех концентрационных лагерях производительный труд сочетался с жестоким обращением, переутомлением и недоеданием, являвшимися причиной высокой смертности. Это происходило на глазах у немецких управляющих и рабочих, не говоря уже о гражданском населении в целом, которое нередко

61. Kaienburg, *Die Wirtschaft der SS*, 434–5; Schulte, *Zwangsarbeit*, 392–4.

62. Budrass, *Flugzeugindustrie*, 775.

63. Schulte, *Zwangsarbeit*, 398.

64. Herbert, *Europa*, 14. Несколько иные цифры приводятся в: Schulte, *Zwangsarbeit*, 401.

проживало по соседству с филиалами лагерей, такими как лагерь BMW в Аллахе. По большому счету уничтожать заключенных непосильным трудом было лишь чуть менее иррационально, чем убивать их сразу. Однако здесь важно проводить различие между логикой, работавшей на макро- и на микроуровнях, и учитывать фактор времени. В то время как заточение все большего и большего числа потенциальных работников в смертоносных концлагерях явно носило иррациональный характер с точки зрения военной экономики в целом, с точки зрения отдельного нанимателя концентрационные лагеря нередко были настоящей находкой. Гиммлеру даже в 1944 г. удавалось поставлять новых работников. Хотя эти люди быстро «изнашивались», преимущество СС состояло именно в том, что они были в состоянии, по видимости, бесконечно обеспечивать своих клиентов из промышленности новыми рабами. В этом отношении решающую роль тоже играл отбор⁶⁵. Пока контролеры СС регулярно проводили инспекции, отбраковывая тех работников, чья производительность падала ниже приемлемого уровня, и заменяя их свежими заключенными, нанимателю было не на что жаловаться. Этот процесс непрерывного отбора и замены представлял собой сущность системы лагерного труда. Лагерная рабочая сила являлась не резервом, а потоком. СС предоставляли в распоряжение фирм не конкретных индивидуумов, а конкретные единицы рабочей силы. Именно СС, а не наниматель, отвечали за то, чтобы этот поток не прекращался. Однако в некоторых случаях наниматели явно были заинтересованы в том, чтобы добиться по крайней мере некоторой степени постоянства своей подневольной рабочей силы. Фирма *IG Farben*, использовавшая труд заключенных из Аушвица, вела переговоры с СС о том, чтобы премировать их увеличенными пайками⁶⁶. С другой стороны, в тех случаях, когда требовалось наказание, руководство IG явно отдавало предпочтение тому, чтобы заключенных избивали за колючей проволокой в концлагере⁶⁷. Оно не оспаривало права СС на любой произвол по отношению к заключенным, но выражало недовольство по поводу «исключительно неприятных сцен, происходящих на строительной площадке», сетуя на то, что порка «начинает оказывать деморализующее влияние на вольнонаем-

65. J.-C. Wagner, «Noch einmal: Arbeit und Vernichtung», in N. Frei, S. Steinbacher and B. C. Wagner (eds.), *Ausbeutung, Vernichtung, Öffentlichkeit* (Munich, 2000), 11–41.

66. Wagner, *IG Auschwitz*, 129–33.

67. IMT VIII. 392–3, NI-14543, еженедельный отчет о ходе строительства в Освенциме, 9.08.1941, 393. Со временем администрация стройки стала более спокойно относиться к телесным наказаниям на самом строительстве. См.: Wagner, *IG Auschwitz*, 230–38.

ных рабочих [поляков], а также на немцев». В самих лагерях происходил параллельный процесс адаптации к приоритетам, диктуемым военной экономикой. Сущность лагерной жизни еще с 1933 г. сводилась к режиму наказаний и недоедания, призванных сломить волю заключенных и в большинстве случаев приводивших к медленной и мучительной смерти. К 1942 г. смертность в лагерях достигла таких масштабов, что экономическое управление СС не имело возможности дать экономике столько рабов, сколько требовал Гиммлер. Для того чтобы концлагеря действительно могли стать важным резервуаром рабочей силы, темпы истощения заключенных явно следовало снизить. С этой целью экономическая администрация СС предприняла ряд практических мер⁶⁸. Медицинскому персоналу лагерей было приказано серьезно относиться к своей ответственности за поддержание работоспособности заключенных. Но самое важное то, что начиная с зимы 1942–1943 гг. экономическое управление СС приказало повысить нормы питания заключенных. По примеру IG жестокие наказания все чаще сочетались с бонусами в виде увеличенных пайков или сигарет, призванными стимулировать повышение производительности. В результате смертность в 1943 г. существенно снизилась во всей системе.

Кто именно в большей степени выиграл от использования лагерного труда, представлявшего собой самый варварский аспект немецкой программы по привлечению иностранной рабочей силы, — вопрос достаточно спорный⁶⁹. Понятно, что в промышленном производстве соотношение между стоимостью труда заключенных, выраженной в «отчислениях», достававшихся СС, и производительностью среднего заключенного было очень выгодным для нанимателя. Но в строительстве, где в основном и применялся труд заключенных, это соотношение было менее благоприятным. Здесь все зависело от того, как быстро рабочая сила пополнялась новыми заключенными. В профессиях, не требовавших квалификации действовала извращенная логика: наниматели фактически были заинтересованы в повышении темпов «отбора». Был ли труд заключенных более или менее выгодным, чем труд немецких наемных работников, зависело от конкретного соотношения между относительной производительностью труда заключенных, деньгами, выплачивавшимися за них СС, дополнительными накладными расходами, связанными с использованием заключенных, и ценами за выполнение

68. Этот процесс «Ökonomisierung» впервые был освещен в новаторской работе: F. Pingel, *Häftlinge unter SS-Herrschaft* (Hamburg, 1978).

69. M. Spörer, «Profitierten Unternehmen von KZ-Arbeit», *NZ* 268 (1999), 61–95.

ТАБЛИЦА 16. Экономика рабского труда

	Оплата труда, рейхсмарки		Производительность труда заключенных как доля от нормаль- ной немецкой произ- водительности*, %		Был ли труд заключенных выгоднее наемного труда?*
	Плата за труд заключенных	Обычная ставка	Оправды- вающая содержание	Реальная	
МЕТАЛЛООБРАБАТЫВАЮЩАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ					
Квалифицированные рабочие	0,545	1,21	45	40–60	Да
Полуквалифицированные рабочие	0,364	1,011	36	40–60	Да
Чернорабочие	0,364	0,795	46	30–50	?
Женский труд	0,364	0,582	63	Более 60	Да
ЭЛЕКТРОТЕХНИЧЕСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ					
Женский труд	0,364	0,629	58	Более 60	Да
СТРОИТЕЛЬСТВО					
Плотники, бетонщики	0,545	0,969	56	28–38	Нет
Каменщики	0,545	0,929	59	28–38	Нет
Дорожные рабочие	0,364	0,684	63	28–38	Нет

* При условии одинаковой стоимости подрядов.

Источник: M. Spörer, «Profitierten Unternehmen von KZ-Arbeit?», HZ 268 (1999).

заказов, установленными управлениями вооружений. Последняя переменная представляет собой истинную неизвестную величину в экономике принудительного труда, идет ли речь о заключенных концентрационных лагерей или о работниках других типов⁷⁰. Для подавляющего большинства фирм, которым доставалась иностранная рабочая сила и, в частности, заключенные концлагерей, Рейх являлся не только единственным поставщиком рабочей силы, но и единственным клиентом. Должностные лица из управлений вооружений не были заинтересованы в том, чтобы их подрядчики получали «ненужную» прибыль, источником которой являлось использование дешевой рабочей силы, поставляемой за счет Рейха. Однако вся сложная система связей между стоимостью рабочей силы, производительностью

70. C. Rauh-Kühne, «Hitlers Hehler? Unternehmerprofite und Zwangsarbeiterlöhne», HZ 275 (2002).

и ценами полностью задокументирована лишь в нескольких случаях, одним из которых является туннель Лойбль между австрийской Каринтией и Словенией⁷¹. Согласно подробным бухгалтерским ведомостям, составленным *Universale Hoch und Tiefbau AG* — главным подрядчиком, использовавшим рабочую силу численностью в 800 человек разных национальностей из концентрационного лагеря Маутхаузен, — их производительность в целом была на 40% ниже, чем у немецких рабочих. Тем не менее даже с учетом издержек на оплату услуг СС, содержание дополнительной охраны, замену слишком слабых рабочих и различные бонусы, труд лагерников все равно был выгоднее наемного труда. Однако подрядчику не позволяли оставлять себе всю дополнительную прибыль. С целью учесть услуги, предоставляемые узниками СС, государство автоматически снизило стоимость подряда на величину, вычисленную с точностью до трех знаков после запятой — 3,515%.

Очевидно, что были найдены способы примирить кровавые идеологические побуждения режима с рациональной системой эксплуатации, функциональной с точки зрения отдельного нанимателя, если не военной экономики в целом. Этот «процесс обучения» начался в 1940 г., ускорился после потрясения, вызванного зимним кризисом 1941–1942 гг. и завершился среди руин немецкого тыла осенью и зимой 1944 г. Причиной самых серьезных противоречий было то, что вторжение в Советский Союз в июне 1941 г. высвободило нацистскую идеологию в качестве мощной силы, после чего военный кризис под Москвой привел к внезапной и совершенно непредвиденной смене приоритетов. На протяжении трех следующих лет соответствующие противоречия все чаще решались в пользу военной экономики с ее приоритетами. Холокост начался в июне 1941 г., ускорился в 1942 г. и завершился к концу 1943 г., если не считать венгерских евреев. В 1942 г. началось более активное привлечение иностранной рабочей силы, но при этом спор между идеологией и практическими интересами не был разрешен. Это привело к хаосу и смертоносной неразберихе в лагерях для военнопленных и «остарбайтеров». Однако к 1943 г. самые контрпродуктивные формы обращения с «остарбайтерами» остались в прошлом. Тех, кто выжил, использовали в экономике все более эффективно. Смертность, особенно среди советских военно-

71. См. онлайн-мемориал <http://loibl-memorial.uni-klu.ac.at/>. Лойбльский туннель, активно используемый и 60 лет спустя, в 2002 г. был признан самым опасным в Европе и с ноября 2002 г. в преддверии вступления Словении в ЕС был полностью перестроен.

пленных, по-прежнему была высокой. Тем не менее из статистики по гражданским лицам следует, что к осени 1943 г. ситуация, вообще говоря, находилась «под контролем». В июле и августе 1943 г. — двух месяцах, по которым у нас имеется точная статистика, — из всех находившихся в Германии гражданских «остарбайтеров», численность которых составляла 1,6 млн человек, умерло «всего» 2300 человек⁷². Это было вдвое выше смертности среди немецкого населения и на треть выше смертности, которая могла бы ожидаться у аналогичной группы в Советском Союзе в 1930-х гг. Но эта категория иностранных рабочих, несомненно, уже не страдала от «массового истощения». Заукель как генеральный уполномоченный, наниматели и СС пришли к компромиссу, удовлетворявшему основные требования всех сторон.

В конечном счете именно производительность должна служить критерием при оценке программы использования принудительного труда. В этом смысле факты явно подтверждают существование только что описанного процесса приспособления и компромисса. Хорошей иллюстрацией неудовлетворительных условий, преобладавших на первом хаотическом этапе программы по привлечению «остарбайтеров», служит ситуация на родном заводе Круппа — *Gusstahlfabrik* в Эссене — осенью 1942 г.⁷³ Летом того года в течение всего нескольких месяцев концерн *Krupp* превратился в одного из важнейших нанимателей иностранной рабочей силы. Число работавших на *Gusstahlfabrik* иностранцев, в январе 1942 г. составлявшее всего 2861 человек, всего за год выросло более чем в девять раз. К концу года на сталеплавильном заводе в Эссене трудилось почти 25 тыс. иностранных рабочих. Неудивительно, что такое резкое изменение состава рабочей силы создавало управляющим большие проблемы и это сразу же очень болезненно сказалось на производительности. По сведениям за ноябрь 1942 г. французские гражданские лица, составлявшие самый большой контингент иностранной рабочей силы у *Krupp*, отставали в производительности от своих немецких коллег на 15–30%. Аналогичные результаты демонстрировали французские военнопленные и женщины из Восточной Европы⁷⁴. Однако производительность мужчин из Восточной Европы составляла всего 57% от производительности немцев, а для советских военнопленных эта цифра была еще ниже — 42%. С учетом специальных налогов, которые выплачивали нанима-

72. Spörer, *Zwangsarbeit*, 227–8.

73. См. новаторский взгляд на проблему в: Herbert, *Hitler's Foreign Workers*, 205–38, небольшим дополнением к этой работе служит: Abelshauser, in Gall (ed.), *Krupp*, 400–17.

74. Herbert, *Hitler's Foreign Workers*, 300.

тели иностранной рабочей силы, оплаты труда рабочих и расходов на их жилье и питание, было ясно, что использование иностранных рабочих обходилось значительно дороже, чем немецких работников *Krupp*. Это утверждение носит относительный характер. Из него не следует, что наем иностранных рабочих был невыгодным делом. Однако у *Krupp* имелись серьезные причины для того, чтобы при найме оказывать предпочтение немцам, если бы представилась возможность. Руководство *Krupp* (и это, несомненно, верно и в отношении большинства других немецких предприятий) нанимало иностранных рабочих, потому что у него не было альтернативы. Оно поступало так не потому, что они приносили особенно много прибыли, а потому, что другой доступной рабочей силы не существовало, без нее не получилось бы продолжать производство. После 1942 г. наем иностранной рабочей силы просто-напросто стал пропуском в военную экономику.

Все последующие исследования производительности труда иностранцев, трудившихся в Германии, указывают на существенный рост по сравнению с 1942 г.⁷⁵ Через восемь месяцев после изучения дел у Круппа французские работники в целом выполняли немецкие нормы на 80–90%. Женщины с востока почти сравнивались с германскими работницами. Все исследования производительности мужчин-«остарбайтеров» тоже демонстрируют рост производительности. Диапазон производительности был широким, составляя 60–80% в одном исследовании и 80–100% в другом, но он ни в одном случае не падал ниже 60% от немецкого уровня. Лишь производительность заключенных концлагерей, а также русских военнопленных, занятых на строительстве, составляла не более 50% от германского уровня. Таким образом, нет особых причин для сомнений в том, что по мере роста численности иностранной рабочей силы средний уровень ее производительности вырос — как минимум по сравнению с катастрофически низким уровнем 1942 г. Немецкие управляющие научились добиваться того, чтобы система найма иностранной рабочей силы окупалась.

III

С учетом убедительности фактов, подтверждающих теорию «компромисса», вряд ли стоит сомневаться в том, что она раскрывает важнейшие аспекты нацистской политики. Очевидно,

75. Naasner, *Neue Machtzentren*, 155–6; Herbert, *Hitler's Foreign Workers*, 305.

что в конечном счете все решала идеология, особенно в случае геноцида евреев. Для того чтобы со столь ужасающей тщательностью уничтожать конкретную группу населения, не могло существовать иных причин. Предположение о расовой борьбе представляло собой непреложную данность в нацистском мировоззрении. С другой стороны, ясно и то, что по мере продолжения войны жизнеспособность военной экономики стала затмевать все прочие приоритеты гитлеровского режима. Результатом стала определенная сегментация управленческих мер, в рамках которых СС было позволено претворять в жизнь идеологический императив — истребление еврейского населения. В то же время обращение с иностранной рабочей силой, с заключенными концентрационных лагерей и по крайней мере с незначительными остатками еврейского населения последовательно «экономизировалось» с учетом потребностей военной экономики. Это достаточно сильная объяснительная модель. Однако ее главное слабое место состоит в том, что она учитывает лишь два противоречивших друг другу императива: идеологические принципы, требовавшие массовых убийств, и потребности экономики в рабочей силе. Но при низведении «экономического императива» к вопросу рабочей силы за кадром остается не менее важный вопрос продовольствия. Таким образом, игнорируется тот аспект, который в 1941 г. представлял собой независимый и мощный «экономический» императив для массового уничтожения людей⁷⁶.

Еще раз напомним: в первые недели 1941 г. Рейхсминистерство продовольствия и военно-экономическое управление вермахта одобрили «План голода», предусматривавший целенаправленное уничтожение через истощение не менее 30 млн жителей Советского Союза. Этот откровенный курс на массовые убийства был объявлен официальной политикой за несколько месяцев до того, как руководство СС приступило к составлению конкретного и четкого плана по ликвидации еврейского населения Европы. Вопрос продовольствия снимает противоречие между экономикой и идеологией, между потребностью в рабочей силе и императивом геноцида. Он давал Третьему рейху строго экономический стимул для уничтожения людей в масштабах, превосходивших даже холокост. Более того, проблема снабже-

76. Этой ключевой идеей как ответом на позицию Герберта в отношении иностранной рабочей силы мы в первую очередь обязаны Христиану Герлаху, хотя он и не сформулировал ее в явном виде так, как это сделали мы. См.: Gerlach, *Kalkulierte Morde: Die deutsche Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Weissrussland 1941 bis 1944* (Hamburg, 1999); Krieg, *Ernährung, Völkermord: Deutsche Vernichtungspolitik im Zweiten Weltkrieg* (Zurich, 2nd edn., 2001).

ния продовольствием представляла собой самую суть кризиса, постигшего в 1942 г. программу привлечения иностранной рабочей силы. Именно из-за нехватки продовольствия советские военнопленные, заключенные концентрационных лагерей и прочие «остарбайтеры» умирали в таких ужасающих количествах даже после того, как теоретически были предоставлены в распоряжение военной промышленности. Стабилизация ситуации и рост производительности труда в значительной степени объяснялись тем, что этих работников с осени 1942 г. стали лучше кормить⁷⁷. Поэтому мы не только ради последовательности изложения должны вернуться к «Плану голода», которому уделялось такое внимание в предыдущих главах. Если поставить его рядом с идеологическим импульсом к массовым убийствам и прагматическими потребностями военной экономики, то многие противоречия, на первый взгляд типичные для нацистской политики — в первую очередь в 1942 г. — превратятся в ужасающе связную картину.

Военный кризис зимы 1941–1942 гг. расстроил планы Герберта Бакке по скорейшему и крупномасштабному изменению продовольственного баланса на восточных территориях. Но в то же время кризис подтвердил его глубочайшие опасения. В 1941 г. Бакке не блефовал. Вместе с перспективой того, что война растянется на неопределенное время, Германия столкнулась и с острейшей проблемой с продовольствием⁷⁸. В 1940 и 1941 г. урожай зерна в Германии сильно недотягивал до среднего уровня, а импорта с оккупированных территорий не хватило для возмещения дефицита⁷⁹. Из-за нехватки кормов поголовье свиней с начала войны уменьшилось на 25%, что привело в июне 1941 г. к сокращению норм снабжения мясом⁸⁰. Нормы снабжения хлебом удавалось соблюдать лишь посредством серьезного посягательства на резервы зерна. К концу 1941 г. они были почти исчерпаны. Когда Гитлер в ноябре 1941 г. издал первый приказ о массовой доставке в Германию

77. О снабжении иностранной рабочей силы продовольствием см.: Herbert, *Hitler's Foreign Workers*, 182–3, 288–95; Naasner, *Neue Machtzentren*, 129–62. О системе концентрационных лагерей см.: Naasner, *Neue Machtzentren*, 274–8; Pingel, *Häftlinge unter SS-Herrschaft*, 130–38.

78. См. откровенный доклад от 11.03.1942: BAL R161V 51, 81–73. См. также Приложение, таблица A5.

79. О разочаровывающих объемах поставок из СССР и Румынии см.: ВАМА RW19/166, 14 и 17 соответственно.

80. ВАМА RW19/473, 177–9; RW19/177, 19. Гитлер намеревался восстановить прежние нормы грядущей зимой за счет реквизиций мяса в Советском Союзе: RW19/177, 164.

рабочей силы с Востока, Бакке выразил энергичный протест⁸¹. У него не было продовольствия даже для 400 тыс. советских военнопленных, уже находившихся в Германии. Геринг небрежно заявил, что восточных работников можно кормить кошатиной и кониной⁸². Бакке проконсультировался со статистиками и мрачно ответил, что в стране не хватит кошек для пропитания восточных работников, а конина уже используется для того, чтобы пополнить рацион немецкого населения⁸³. Если русских нужно будет кормить мясом, то это придется делать за счет немецкого населения. Официальный рацион, установленный для советских военнопленных и «остарбайтеров» в декабре 1941 г., был явно недостаточен для людей, занятых тяжелым физическим трудом. Недельный паек включал 16,5 кг репы, 2,6 кг «хлеба» (на 65% состоявшего из отрубей, на 25% из отходов производства свекловичного сахара и на 10% из соломы или листьев), 3 кг картофеля, 250 г конины или другого некондиционного мяса, 130 г жиров и 150 г *Nährmittel* (дрожжей), 70 г сахара и 2½ л снятого молока. Ужасающее качество хлеба наносило серьезный вред пищеварительному тракту и приводило к его хронической дисфункции. Овощи приходилось варить часами, прежде чем они становились съедобными, но при этом они лишались большей части питательных веществ. Хотя этот рацион в относительном плане был богат углеводами, номинально давая организму 2500 калорий в день, в нем содержалось крайне мало жиров и белков, необходимых при тяжелом физическом труде. Его, безусловно, не хватало для того, чтобы восстановить здоровье полумертвых русских пленных. Ситуацию усугубляло то, что заключенные в подавляющем большинстве лагерей никогда не получали чего-либо похожего на этот официальный рацион.

Руководство вермахта, в соавторстве с которым Бакке составил «План голода», пришло к радикальным выводам. Всего через несколько дней после назначения Заукеля, в тот момент, когда он еще составлял свои планы по массовому набору рабочей силы, военно-экономическое управление вермахта ознакомило его с принципиальным соотношением между калориями и трудоспособностью:

81. См. его немедленную реакцию в: ВАМА RW19/165, 310.

82. IMT XXVII, doc. 1206-PS, 67.

83. IMT XXXIX, 177-USSR, 446–8. Рукописные пометки на этом докладе, оставленные Кернером, статс-секретарем Геринга, дают представление о том, какому нажиму подвергался Бакке: «Пожалуйста, перепроверьте эти сведения, поскольку статс-секретарь Бакке явно теряет самообладание».

Такие понятия, как «обычный труд», «тяжелый труд» и «особо тяжелый труд», должны рассматриваться в объективном смысле, вне зависимости от расовых соображений, как зависимость физической силы от питания. Было бы иллюзией рассчитывать на то, что 200 недоедающих людей сделают столько же, сколько 100 работников, получающих нормальное питание. Наоборот, 100 нормально питающихся работников сделают гораздо больше и их использование намного более рационально. И напротив, минимальные нормы питания, просто поддерживающие в людях жизнь, поскольку те не способны на сколько-нибудь адекватную производительность, с точки зрения национальной военной экономики должны рассматриваться как чистый убыток, еще больше возрастающий из-за транспортных и административных [т. е. связанных с привлечением такой рабочей силы] издержек⁸⁴.

Здесь мы имеем дело не с «антиэкономической» логикой антисемитизма, а с безжалостной материалистической логикой «Плана голода», противопоставленного программе Заукеля по насильственному привлечению рабочей силы. Авторы «Плана голода» пришли к заключению о том, что необходимо уничтожить миллионы людей, исходя не из принципов расовой борьбы, а из имеющегося количества продовольствия. Теперь вермахт исходил из той же логики применительно к рабочей силе. Задача заключалась в нахождении наиболее выгодного соответствия между калориями и работоспособностью. Доставленные в страну миллионы иностранных рабочих при отсутствии нормального питания почти не увеличили бы фактическую численность рабочей силы в Германии. Более того, поддерживая в полуживом состоянии огромное число иностранных рабочих, Германия лишь обременяла себя еще одной прослойкой «беспольных едоков» («unnütze Esser»). Было бы гораздо лучше вернуться к радикальной логике «Плана голода». Если в стране не хватает еды для того, чтобы поддерживать в каждом оптимальный уровень работоспособности, было бы намного выгоднее распределять имеющиеся пайки среди сравнительно небольшой группы тех, кто способен к производительному труду. Чего «национальная военная экономика» точно не могла себе позволить — так это кормить иностранных рабочих только для того, чтобы те не умерли.

В свою очередь, Бакке явно не был глух к этим аргументам. Замечания ОКВ всего лишь продолжали ту же логику «Плана голода», автором которой являлся сам Бакке. Но он находился в крайне трудном положении. Фюрер потребовал новых работни-

84. Eichholtz, II. 216.

ков, и гауляйтер Заукель постарался их доставить. Теперь Гитлер и Заукель требовали, чтобы этих работников кормили, без чего, разумеется, они были не способны трудиться. Но при существовавших на тот момент запасах зерна Бакке был не в состоянии выполнить это требование. Нужно было сокращать потребление, а не изыскивать дополнительные пайки для миллионов новых работников. Серьезность ситуации стала очевидна широкой общественности весной 1942 г., когда Министерство продовольствия объявило о снижении продовольственных норм для немецкого населения. С учетом того, что режим смертельно боялся подорвать моральное состояние населения, апрельское сокращение норм служило неопровержимым доказательством реальности продовольственного кризиса. Сокращение норм представляло собой важнейшую политическую меру, и Бакке никогда бы не предложил ее, если бы в ней не имелось абсолютной необходимости⁸⁵. В 1942 г. роль первопроходца исполнял вермахт, сокращая пайки для бойцов действующей армии. Когда же было объявлено о сокращении норм для гражданского населения, реакция немцев подтвердила все опасения со стороны нацистского руководства. 23 марта 1942 г. СД сообщала, что известия о снижении норм вызвали крайнее недовольство среди немецких граждан. По словам осведомителей СД, эта новость стала для людей таким «ударом», каким не было «буквально ни одно другое событие за время войны»⁸⁶. Дополнительное беспокойство у руководства вызвали исследования, проведенные специалистами по питанию. Уменьшенные нормы, введенные после начала войны, серьезно сказались на состоянии жировых отложений у населения. Фабричным рабочим, занятым тяжелым физическим трудом, прежде была свойственна тенденция к набору веса в среднем возрасте; теперь же происходило ровно противоположное. И это являлось причиной для тревоги, поскольку жировые отложения у трудящихся служили для них резервом калорий в первые годы войны. Теперь же ожидалось, что дальнейшее сокращение про-

85. См. развернутое обоснование, приведенное в докладе от 11.03.1942: BAL R16IV51, 81–73. Интересно, что оно еще не содержит предложения о крупномасштабном перераспределении продовольствия за счет оккупированных территорий.

86. *Meldungen*, IX: 23.03.1942, 3504–5. Объявлению о сокращении норм предшествовали недельные слухи, а вызванное им недовольство сохранялось на протяжении нескольких месяцев. См.: *Meldungen*, X: 30.03.1942, 3543; 2.04.1942, 3566; 9.04.1942, 3595; 16.07.1942, 3951. Как отмечалось в *Meldungen*, X: 13.04.1942, 3614, некоторому улучшению настроений способствовали известия о смертных приговорах для спекулянтов с черного рынка. См. также: G. Corni and H. Gies, *Brot, Butter, Kanonen: Die Ernährungswirtschaft in Deutschland unter der Diktatur Hitlers* (Berlin, 1997), 562–4; Herbert, *Hitler's Foreign Workers*, 189.

довольственных норм приведет к резкому снижению производительности, особенно в таких отраслях, как горнорудная⁸⁷.

В этих условиях не существовало никакой надежды на улучшение питания для только что прибывших «остарбайтеров» Заукеля. Разумеется, верно то, что численность наиболее обеспеченных «остарбайтеров» и советских пленных составляла весной 1942 г. чуть более миллиона человек и что для заметного улучшения их питания хватило бы очень скромного сокращения норм для немецких граждан. Но с учетом настроений, царивших в Министерстве продовольствия и среди населения в целом, любое подобное перераспределение не подлежало обсуждению. Если сокращались нормы для немцев, иностранные рабочие должны были пострадать еще сильнее — так требовала общественность. В ответ на эти противоречившие друг другу императивы Бакке делал все, что мог. С одной стороны, он учредил новые повышенные пайки для «остарбайтеров», занятых на тяжелых работах⁸⁸. В то же время он сократил нормы питания для низшей категории «обычных» «остарбайтеров» намного ниже стандартного немецкого уровня. Кроме того, «остарбайтерам» не полагался ряд наиболее дефицитных продуктов, таких как яйца. В любом случае, ни одной из категорий пайков, установленных в апреле 1942 г., не хватало для того, чтобы обеспечить трудоспособность рабочей силы с востока. В то время как секретариат Заукеля тщетно рассылал меморандумы, требовавшие адекватного обращения с «остарбайтерами», с восточных территорий прибывали сотни тысяч голодных и раздетых работников, попадавших за колючую проволоку и обреченных на медленную смерть от недоедания. Как сообщала весной 1942 г. одна фирма, производящая вооружения, почти ежедневно кто-нибудь из «украинцев, желающих работать, падает у станка в обморок»⁸⁹. Для наблюдавшегося в то время состояния умов в Германии характерно то, что эта жалоба, как сочла необходимым подчеркнуть фирма, не имела ничего общего с сентиментальным гуманизмом. Усиленное питание для рабочих требовалось «только для того, чтобы добиться максимально возможной производительности от украинских работников, несомненно, прилежных и приносящих пользу». Летом 1942 г. аналогичное послание в региональное управление продовольствия направил завод *Daimler-Benz*

87. BAL R3102 (R24), 55; W. F. Werner, *Bleib Übrig! Deutsche Arbeiter in der nationalsozialistischen Kriegswirtschaft* (Düsseldorf, 1983), 300–302.

88. Eichholtz, II. 216. Херберт (Herbert, *Hitler's Foreign Workers*, 173) не усматривает никакого различия между пайками для тех, кто был занят на обычных и на тяжелых работах.

89. Eichholtz, II. 215.

в Унтертуркхейме. Русские, доставшиеся заводу, отказались работать из-за недостаточного питания. Зачинщиков бунта отправили в концентрационный лагерь. Но эти меры следовало дополнить увеличением пайков с тем, чтобы улучшить моральное и физическое состояние рабочей силы. Конкретно руководство завода просило повысить долю углеводов в рационе, пусть даже за счет дальнейшего снижения его качества⁹⁰. К концу лета сам Заукель пришел в полное отчаяние. Он выполнил задание и доставил в Германию сотни тысяч работников, но их производительный потенциал был погублен совершенно неадекватным питанием, которое они получали от Рейхсминистерства продовольствия. В начале сентября на встрече с должностными лицами Германского трудового фронта Заукель рвал и метал. Сам фюрер ясно дал понять, что ситуация, когда вермахт покорила всю Украину, а на территории Германии кто-то умирает от голода, совершенно неприемлема. Если нормы питания и для немцев, и для «остарбайтеров» не будут немедленно подняты, это приведет к «скандалу величайших масштабов». И он, Заукель, не собирался ни перед чем останавливаться: «Он изыщет способы и возможности для того, чтобы получать с Украины зерно и мясо, даже если придется поставить всех европейских евреев в живую конвейерную ленту, чтобы доставлять с Украины ящики с продовольствием»⁹¹.

Угроза концлагеря, меры физического воздействия, «питание с учетом выработки» — все это могло сыграть роль микрорешений на кризис 1941 г., постигший программу по привлечению иностранной рабочей силы. Но для того, чтобы рекруты Заукеля могли использоваться эффективно, явно требовалось улучшение общей ситуации с продовольствием. Сохранение пониженных норм питания, установленных весной 1942 г., и тем более их дальнейшее сокращение осенью, чего опасались некоторые, привело бы к хроническому и необратимому снижению производительности как немецких, так и иностранных работников, и ко все более серьезным сложностям при поддержании общественного порядка. Все упиралось в необходимость обратить вспять сокращение немецких запасов продовольствия и политическое руководство нацистского режима в полной мере осознавало этот императив. Продовольственный кризис 1942 г. привел к перестановкам в верхушке Третьего рейха, имевшим принципиальное значение для истории нацистской военной экономики. Как мы уже отмечали, стало общепринятым про-

90. Gregor, *Daimler-Benz*, 186.

91. IMT XXV, doc. 025-PS, 86–7; Naasner, *Neue Machtzentren*, 105.

тивопоставлять назначение «технократа» Альберта Шпеера выбору гауляйтера Заукеля в качестве генерального уполномоченного по мобилизации рабочей силы. Но в тени этого ложного контраста остаются не менее важные перемены в Министерстве продовольствия и сельского хозяйства⁹². После катастрофического сокращения продовольственных норм, состоявшегося в апреле 1942 г., Гитлер пошел на крайне необычный шаг, сместив Вальтера Дарре, одного из своих самых давних министров, и назначив исполняющим его обязанности статс-секретаря Герберта Бакке. С 1936 г. Бакке служил представителем сельскохозяйственного ведомства при организации по выполнению Четырехлетнего плана. Поэтому он имел хорошие связи с Герингом и его подчиненными. Кроме того, в качестве высокопоставленного деятеля СС и близкого друга Рейнхарда Гейдриха он имел отличный «выход» на Гиммлера. Факты указывают на то, что начиная с апреля 1942 г. Бакке возглавлял коалицию некоторых из наиболее радикальных элементов нацистского режима, цель которой состояла в том, чтобы любой ценой обеспечить Германию продовольствием. Движущей силой этой коалиции являлись Бакке и Гиммлер, но они пользовались полной поддержкой со стороны Геринга и самого Гитлера.

Сущность стратегии Бакке состояла в возвращении к принципам «Плана голода». Однако, в отличие от ситуации 1941 г., теперь тот непосредственно сочетался с программой расового геноцида и в первую очередь с ее центральным элементом — уничтожением польских евреев. В конце мая 1942 г. Бакке встретился с Гитлером и с генерал-губернатором Франком и договорился с ними о крупномасштабном перераспределении продовольствия. В 1942 г. все поставки продовольствия из Рейха в полевые части вермахта должны были прекратиться. Германским войскам предстояло самим изыскивать продовольствие на оккупированных ими территориях, без оглядки на последствия этой меры для местного населения⁹³. Целые группы — в первую очередь евреи — лишались доступа к снабжению продовольствием. Как отмечал в своем дневнике Геббельс, в основу нового режима был положен принцип, согласно которому прежде Германии голодная смерть должна была постигнуть «ряд других народов». Этот лозунг, обычно приписывае-

92. Роль назначения Бакке затушевывалась в первую очередь по настоянию Геббельса. См.: Fröhlich (ed.), *Die Tagebücher von Joseph Göbbels*, II/4. 327–8, запись за 21 мая 1942 г. Эта тема довольно бегло освещается в: Corni and Gies, *Brot, Butter, Kanonen*, 416–19. Первым на ее реальное значение указал Герлах. См.: Gerlach, *Krieg, Ernährung, Völkermord*, 192–7.

93. См. приказ ОКВ от 29.08.1942: IMT XXXIX, 175-USSR.

мый Гитлеру, почти дословно повторялся на протяжении всего 1942 г. Главными источниками продовольствия после жатвы 1942 г. должны были стать Украина и Франция. Однако взаимосвязь между продовольственной политикой и геноцидом наиболее четко ощущалась в Генерал-губернаторстве.

Как мы уже видели, после состоявшейся осенью 1939 г. оккупации самые плодородные регионы Польши были присоединены к Германии, вследствие чего Генерал-губернаторство испытывало дефицит сельскохозяйственной продукции. На первом году немецкой оккупации Бакке и генерал-губернатор Франк договаривались о том, что из Рейха должно ввозиться достаточно продовольствия для того, чтобы кормить поляков, работающих на Германию. Большинству польского населения предстояло самому заботиться о своем пропитании. Результатом стало массовое недоедание и эпидемия голодных смертей, особенно среди еврейского населения, согнанного в гетто. В условиях постигшей Германию в 1942 г. нехватки продовольствия Бакке пошел намного дальше. Теперь он требовал, чтобы генерал-губернатор обратил потоки продовольствия вспять. Вместо того чтобы получать продукты питания из Германии, Генерал-губернаторство само должно было снабжать ее ими в заметных количествах. В ключевые месяцы с мая по август 1942 г., когда уничтожение польских евреев шло особенно ужасающими темпами, Бакке и Гиммлер совместно оказывали сильнейший нажим на администрацию Генерал-губернаторства, добиваясь того, чтобы она сократила потребление продовольствия на своей территории. В ходе этих переговоров Бакке основывал свои требования конкретно на устранении польских евреев из системы снабжения. 23 июня 1942 г., за два месяца до жатвы, Бакке впервые ознакомил администрацию Генерал-губернаторства с новыми требованиями Рейха. После того как местные должностные лица начали указывать на то, что существовавшие продовольственные нормы для поляков слишком низки и что осуществить необходимые заготовки невозможно, Бакке ответил: «В Генерал-губернаторстве на данный момент осталось еще 3,5 млн евреев. Польша должна быть очищена в грядущем году»⁹⁴. Предполагалось, что ликвидация евреев не только уменьшит число людей, которых нужно было кормить, но и существенно сократит масштабы черного рынка, без которого гетто не могли выжить. Немцы могли выполнить требование Бакке и резко увеличить поставки зерна лишь в том случае, если бы они контролировали все

94. Цит. по: Gerlach, *Krieg, Ernährung, Völkermord*, 175.

этапы его сбыта. После первого раунда переговоров в Польше Бакке 4 и 5 июля 1942 г. представил свои новые планы на утверждение Гитлеру и Герингу. Несколько дней спустя состоялась встреча Гитлера с Гиммлером — та самая, которая привела Гиммлера в состояние эйфории и имела своим следствием его судьбоносную летнюю поездку по Силезии и Генерал-губернаторству. После посещения Аушвица и его назначения центром уничтожения евреев из Западной Европы Гиммлер 18–19 июля отдал не один, а три приказа Глобочнику и Крюгеру в Люблине. Всех польских евреев, не требовавшихся для каких-либо работ, следовало ликвидировать к концу года. Программа устройства немецких поселений в Генерал-губернаторстве должна была начаться с зачистки региона Люблин-Замостье. Наконец, Гиммлер довел до сведения местной администрации набор драконовских инструкций относительно жатвы, до которой осталось всего несколько недель. В Генерал-губернаторстве охоту за зерном следовало вести с полной безжалостностью. На протяжении всего августа Варшаву приказывалось изолировать от ее сельскохозяйственной округи. Крестьяне, не сдавшие требуемого количества зерна, подлежали расстрелу на месте⁹⁵. Копии этого последнего приказа, который администрация Генерал-губернаторства считала крайне щекотливым, были направлены Бакке, Герингу и гауляйтеру Заукелю. Гиммлер и Бакке сигнализировали своим берлинским коллегам о том, что намечаются серьезные попытки решить двойную проблему продовольствия и рабочей силы.

Недвусмысленное подтверждение этому было получено в конце июля 1942 г., сперва — 22 июля, на 11-й сессии центрального планового комитета (*Zentrale Planung*), на которой проблемы, стоявшие перед Бакке и Заукелем, шли одним из пунктов в повестке дня, а после этого на отдельных встречах с участием сначала Шпеера и Бакке, а затем — Бакке, Геринга и Заукеля, на которых Заукель получил обещание о том, что продовольственные нормы и для немецких, и для иностранных рабочих вскоре будут увеличены⁹⁶. В то же время Бакке и Геринг увеличили свои требования к Генерал-губернаторству с 100 тыс. — 150 тыс. тонн, о которых шла речь в июне, до невероятной цифры в 500 тыс. тонн. С политической точки зрения новая повестка дня была настолько заманчивой, что к делу подключился сам Геринг. 5 августа 1942 г. в присутствии Шпеера он принял

95. Frank, *Das Diensttagebuch*, 522.

96. См. Протоколы *Zentrale Planung*, BAL R10111 81, 2–4. О встрече Шпеера и Бакке, состоявшейся 27 июля 1942 г., см.: BAL R3/1736, 58. Ее следует считать еще одним звеном в цепи фактов, связывающих Альберта Шпеера с холокостом.

гауляйтера, и на этой напряженной встрече говорилось о возмущении, накапливавшемся у населения Германии⁹⁷. На следующий день Геринг ознакомил представителей всех оккупированных территорий с масштабами новой продовольственной программы Бакке. Как объявил Геринг, предстояла коренная перестройка всей системы снабжения продовольствием в Европе: Третий рейх контролирует

такие регионы <...> каких у нас не было во время последней мировой войны, и все же мне приходится снабжать немецкий народ хлебом по таким нормам, которым отныне не может быть оправдания. Я свез в Германию иностранных рабочих из всех регионов, и эти иностранные рабочие, вне зависимости от того, откуда они прибыли, заявляют, что дома их кормили лучше, чем в Германии <...> Фюрер неоднократно говорил, и я повторяю за ним: если кому-то придется голодать, то это будут не немцы, а другие народы <...> Я вижу, что на всех оккупированных территориях люди лопаются от обжорства, а среди нашего народа царит голод.

Настало время вернуться к духу «Плана голода», пользовавшегося энергичной поддержкой со стороны Геринга. В первую трудную зиму войны в Советском Союзе приходилось делать уступки соображениям общественного порядка. Сейчас же, когда успешно шло летнее наступление, Геринг стремился к восстановлению ключевых приоритетов. «Видит бог, вас отправили туда [на оккупированные территории] не для того, чтобы вы заботились о благосостоянии подчиненных вам людей, а для того, чтобы выжать из них все, что можно, и тем самым обеспечить выживание германского народа». Затем Геринг перешел к объемам поставок, которые он обсуждал днем раньше с Бакке.

Здесь у меня доклады о том, какие поставки от вас ожидаются <...> в этой связи вы можете сколько угодно говорить, что ваши люди умрут от голода. Пусть умрут — главное, чтобы жертвой голода не пал ни один немец. Если вы присутствовали на нынешнем выступлении гауляйтера, то поймете мой безграничный гнев, вызванный тем фактом, что благодаря доблести наших войск мы покорили такие огромные территории, а наш народ при этом едва не оказался принужден к жалким пайкам Первой мировой войны <...> В оккупированных регионах меня интересуют только те люди, которые производят вооружения и продовольствие. Они должны получать ровно столько пищи, сколько требуется для сохранения их работоспособности⁹⁸.

97. О присутствии Шпеера см.: BAL R3/1736, 5.08.1942, 60.

98. IMT XXXIX, 170-USSR, 384-412.

Давать им больше еды означает просто подталкивать их к сопротивлению. В рукописной стенограмме совещания 6 августа отсутствует одна важная страница, на которой Геринг недвусмысленно говорит о судьбе евреев, увязывая ее непосредственно с продовольственным вопросом. Эта страница исчезла. Она не сохранилась даже в оригинальной копии документа, обнаруженной в начале 1990-х гг. в Центральном государственном Особом архиве⁹⁹ (ЦГОА). Отсюда можно сделать вывод о том, что она была изъята еще до того, как попала в советские руки. Все, что осталось, — следующая многозначительная реплика рейхскомиссара по Восточным землям Генриха Лозе, явно отвечавшего на вопрос Геринга: «Я могу дать ответ и на это. Уцелела лишь незначительная часть евреев; многих тысяч из них уже нет в живых».

Требования, сформулированные Бакке и Герингом в порядке решения продовольственного кризиса 1942 г., были совершенно беспрецедентны и сперва вызвали бурные дискуссии в администрациях оккупированных территорий. По словам секретаря Геринга Пауля Кернера, командующий германскими войсками во Франции считал квоты, установленные Герингом, столь возмутительными, что отказался сообщать о них парижским властям¹⁰⁰. Однако, по крайней мере по отношению к Генерал-губернаторству, Бакке отказывался идти на уступки. Это имело самые серьезные последствия для оккупированной Польши. С учетом ожидавшегося урожая и роста требований со стороны Германии Франк прогнозировал, что не менее 3 млн поляков, проживавших в городах, но не работавших непосредственно на немцев, с 1 марта 1943 г. лишатся хлебных пайков. Вызванный этим массовый голод, несомненно, самым неблагоприятным образом скажется на общественном порядке, но Франк отвечал на это, повторяя лозунг Гитлера: «С этими последствиями следует смириться, потому что прежде чем немецкое население начнет голодать, другие <...> заплатят за это»¹⁰¹. Первой группой, которой предстояло расплатиться, были евреи. Если снабжение поляков продовольствием прекратится в марте 1943 г., то 1,2 млн евреев должны остаться без еды немедленно. По состоянию на осень 1942 г. какие-либо продовольственные пайки официально получали лишь 300 тыс. евреев, зачисленных в разряд трудящихся. Если кому-то из 1,2 млн

99. С 1992 г. называется Центр хранения историко-документальных коллекций (ЦХИДК). — Прим. ред.

100. IMT XIII. 838–40.

101. Frank, *Das Diensttagebuch, Regierungssitzung*, 24.08.1942, 549.

евреев, «обреченных на голодную смерть», удавалось добывать продукты на черном рынке, то, как «надеялась» администрация Генерал-губернаторства, это должно было привести к «ускорению антиеврейских мероприятий». Франк и его коллеги могли не беспокоиться. Осенью 1942 г. Треблинка, Хелмно и Белжец работали на полную мощность. К концу 1942 г. в живых осталось всего 300 тыс. польских евреев.

К концу августа 1942 г. благодаря этой серии чрезвычайных мер весь Берлин испытывал ощутимое облегчение. Бакке, Гиммлеру и Герингу удалось предотвратить катастрофическое сокращение поставок продовольствия. 24–26 августа, когда полным ходом шла уборка урожая, Бакке провел заключительные дискуссии с Гитлером, Гиммлером и Герингом. 6 сентября Гиммлер сообщал Герингу о ходе жатвы в Генерал-губернаторстве. Двумя днями позже Бакке поблагодарил Гиммлера за содействие, оказанное СС при обеспечении поставок зерна из Генерал-губернаторства и Украины. Во второй половине августа, когда Варшава находилась в «изоляции», а население гетто было вывезено в Треблинку, Йозеф Геббельс в качестве гауляйтера Берлина лично посетил Генерал-губернаторство, чтобы обеспечить рост поставок овощей для населения германской столицы. В своем выступлении на открытии зимней благотворительной кампании в конце сентября 1942 г. Гитлер особо подчеркнул значение Украины для снабжения Германии продуктами питания¹⁰². В свою очередь, Геббельс сформулировал новую пропагандистскую линию. Он заявил, что Германия «переваривает» «оккупированные территории». Несколькими днями спустя, на очередном празднике урожая, Геринг с триумфом объявил о неминуемом возвращении Германии к прежним продовольственным нормам¹⁰³. К 19 октября нормы для немцев и для иностранцев, работавших в Германии, существенно выросли: это достижение стало возможным благодаря превосходному урожаю в Германии и резкому увеличению поставок продовольствия в Третий рейх с оккупированных территорий. Общие европейские поставки зерна выросли в два с лишним раза — с 2 млн тонн до более чем 5 млн тонн в отчетном 1942/1943 г. Кроме того, резко выросли поставки картофеля и жиров. В 1942/1943 г. по сравнению с 1941/1942 г. общий объем поставок зерна, мяса и жиров из Франции и с оккупированных территорий Советского Союза вырос с 3,5 млн тонн до 8,78 млн

102. Domarus, II. 1913–24.

103. Herbert, *Hitler's Foreign Workers*, 192.

тонн (в зерновом эквиваленте)¹⁰⁴. В 1942–1943 г. более 20% зерна, четверть жиров и почти 30% мяса были получены Германией из оккупированной Европы¹⁰⁵. Основная часть этих поставок так и не пересекла германскую границу. Продукты шли сразу в войска. Что касается тех поставок, которые все-таки попали в Рейх, Генерал-губернаторство обеспечило поразительно большую долю немецкого импорта ржи (51%), овса (66%) и картофеля (52%). Германия снабжалась непосредственно за счет местного населения. Благодаря чрезвычайно хорошему урожаю пайки в Генерал-губернаторстве, вопреки предсказаниям Франка, сделанным в августе 1942 г., не были полностью отменены. Но они оставались очень жалкими вплоть до урожая 1943 г. и некоторое время после него. К тому времени в живых оставалась ничтожная доля еврейского населения.

Все вышеизложенное приводит нас к выводу о том, что великое противоречие между экономикой и идеологией, с которого мы начали эту главу, должно быть пересмотрено в ряде положений. Дело не только в том, что это противоречие между потребностями военной экономики в рабочей силе и кровожадными побуждениями режима было «ослаблено» посредством компромиссов и функциональной специализации. Острейшая необходимость в улучшении ситуации с продовольствием фактически породила извращенную функциональную взаимосвязь между уничтожением еврейского населения в Генерал-губернаторстве и увеличением продовольственных норм, необходимым для сохранения рабочей силы, трудившейся в шахтах и на заводах Рейха. Скрытая логика видоизмененного «Плана голода» по-прежнему была слепа к расовым различиям, как четко следует из замечаний ОКВ, сделанных в начале 1942 г. Все, что имело значение, — калории и мускульная сила. Кроме того, ясно, что если бы в Генерал-губернаторстве в 1942 г. не был собран такой хороший урожай, то следующей весной на голодную смерть были бы осуждены миллионы поляков, не относившиеся к евреям. Однако летом 1942 г. именно организованное уничтожение польского еврейства оказалось самым быстрым и надежным способом изыскать продовольствие для поставок в Германию.

104. Этот резкий прирост компенсировал небольшое сокращение поставок из Дании и Юго-Восточной Европы: K. Brandt, *Management of Agriculture and Food in the German-occupied and Other Areas of Fortress Europe* (Stanford, Calif., 1953), 614.

105. Ibid., 610.

IV

В ответ на кризис, возникший на Восточном фронте, организация германской военной экономики весной 1942 г. претерпела три принципиально важных поворота. В этой главе были рассмотрены два из них: выстраивание союза Бакке — Гиммлер — Геринг по продовольственному вопросу и состоявшееся весной 1942 г. назначение гауляйтера Заукеля генеральным уполномоченным по мобилизации рабочей силы¹⁰⁶. Третий — назначение гитлеровского фаворита Альберта Шпеера рейхсминистром вооружений вместо Фрица Тодта — будет рассмотрен в следующей главе. Все эти три поворота, состоявшиеся в феврале — апреле 1942 г., означали решительный переход контроля над немецкой военной экономикой в руки внутреннего круга нацистского руководства. А это, в свою очередь, подает последствия кризиса зимы 1941 г. в несколько ином свете по сравнению с тем, в котором его обычно изображают. Хотя, как будет показано ниже, Альберт Шпеер, вставший во главе производства вооружений, сам по себе был крупной политической фигурой, предпосылки его «оружейного чуда» были созданы некоторыми из наиболее безжалостных сторонников нацистской идеологии: гауляйтером Заукелем в качестве исполнителя программы по привлечению рабочей силы и Гербертом Бакке и Генрихом Гиммлером, преодолевшими продовольственный кризис. Эта политизация военной экономики Третьего рейха не удивит нас, если мы вспомним про кризис военной стратегии Германии, наступивший в первые недели декабря 1941 г. Однако этот момент важно подчеркнуть: он снимает противоречие между идеологическими убеждениями и практической эффективностью, на котором по-прежнему строятся многие исторические исследования, посвященные Третьему рейху. Эта литература настолько переполнена стереотипными представлениями о некомпетентности, идеологической одержимости и бюрократических войнах, что порой бывает сложно понять, каким образом Третьему рейху удалось так долго продолжать войну, если только, конеч-

106. Соответственно, я уделяю меньше внимания принятому в начале 1942 г. решению Гиммлера о более тесном вовлечении концентрационных лагерей в военную экономику, фигурирующему в превосходной работе Нааснера в качестве третьего столпа. См.: Naasner, *Neue Machtzentren*, 197–429. СС со временем действительно стали важным фактором в военной экономике, но это произошло лишь во второй половине 1943 г. В 1942 г. они имели намного меньше значения, чем ось Бакке — Гиммлер — Геринг, роль которой впервые осветил Герлах.

но, не придерживаясь мнения о том, что военная экономика после провала наступления на Москву была отделена от режима и передана под контроль «аполитичным» предпринимателям и технократам. В реальности же дело обстояло с точностью до наоборот. После краха, постигшего стратегию блицкрига осенью 1941 г., руководство Третьего рейха оказалось способно еще на одну новаторскую стратегическую импровизацию. Начиная с весны 1942 г. новые вожди военной экономики Германии, сочетая обширные усилия по индустриальной мобилизации с рядом наиболее деструктивных аспектов нацистской идеологии, создали радикально новый вариант тотальной войны. Эта стратегия не обещала нацистской Германии каких-либо реальных шансов на победу. В этом смысле кризис декабря 1941 г. был окончательным и решающим. Но благодаря этой стратегии режим сумел продержаться еще три с половиной года, несмотря на подавляющее превосходство его врагов в личном составе и ресурсах. Она позволила СС в основном решить задачу, поставленную Гейдрихом на Ванзейской конференции, а кроме того, дала Третьему рейху, в отличие от империи Вильгельма II, фашистской Италии или императорской Японии, возможность сражаться до последнего, унося с собой в могилу миллионы врагов. Ключ к этой ужасающей стойкости Третьего рейха скрывался именно в альянсе, заключенном, после поражения под Москвой, между некоторыми из наиболее безжалостных сторонников нацистской идеологии и важнейшими фигурами в немецкой экономике. И главным арбитром этого союза между политиками и промышленниками был Альберт Шпеер.

Альберт Шпеер: «Чудотворец»

АЛЬБЕРТ ШПЕЕР, министр вооружений и военного производства Третьего рейха с 1942 по 1945 г., спас свою шкуру в Нюрнберге, прибегнув к тщательно просчитанной смеси признаний, раскаяния и возражений. Вся эта риторика в его последнем слове перед судом увенчалась причудливыми псевдофилософскими излияниями о тех опасностях, которые техника приносит в современную жизнь¹. После освобождения Шпеера из тюрьмы Шпандау в 1966 г. тот же коктейль сделал его мемуары и тюремный дневник мировыми бестселлерами. Более того, фигура Шпеера по сей день занимает умы общественности, он становится героем биографических книг, документальных телепередач и театральных пьес². В мифе об Альберте Шпеере просматриваются два главных течения. Первое из них связано с идеей об «аполитичности» Шпеера. В одной из версий этого мифа Шпеер подается как человек искусства, архитектор, неохотно взявший на себя обширные полномочия. Такой образ, придуманный самим Шпеером, разделял и Гитлер³. Согласно менее романтическому варианту Шпеер был «аполитичным технократом» — человеком, получившим задание вдохнуть но-

-
1. О Шпеере на Нюрнбергском процессе см.: M. Schmidt, *Albert Speer: The End of a Myth* (London, 1984), 145–68; G. Sereny, *Albert Speer: His Battle with Truth* (London, 1995), 563–96; D. van der Vat, *The Good Nazi: The Life and Lies of Albert Speer* (Boston, 1997), 239–82; J. C. Fest, *Speer: Eine Biographie* (Berlin, 1999), 383–416.
 2. Шпеер стал героем пятичасового телевизионного фильма «Третий рейх изнутри» (*Inside the Third Reich*; 1982), снятого режиссером Марвином Хомским, и по крайней мере двух театральных пьес — принадлежащих перу Э. Вилара (Альмейда, 1999) и Дэвида Эдгара («Альберт Шпеер», Королевский национальный театр, 2000 г.). Личности Шпеера также посвящен недавний документальный телефильм в четырех сериях *Speer und er* (2005, режиссер Генрих Брелер).
 3. См. разговор Шпеера с гауляйтером Тагунгом 24 февраля 1942 г.: BAL R26IV 51, 441–8, и с его коллегами-архитекторами 2 марта 1942 г.: BAL R3/1736, Chronik, 17. См. также заявление Шпеера о различии между архитекторами и инженерами, разбираемое в: K. H. Ludwig, *Technik und Ingenieure im Dritten Reich* (Düsseldorf, 1974), 412.

вую жизнь в немецкую военную экономику и выполнявшим его, не задавая вопросов о том, для чего это нужно и к чему стремится тот режим, которому он служит. Этот образ «аполитичного Шпеера» имеет солидную основу в виде второго столпа шпеевского мифа — легенды о так называемом оружейном чуде. Речь идет о поразительном росте выпуска вооружений, якобы организованном Шпеером после февраля 1942 г. — согласно всеобщему мнению, именно это позволило Германии продолжить войну (см. Приложение, таблица А6). Если считать, что нацистская идеология и технократическая эффективность исключали друг друга, производственных триумфов Шпеера самих по себе хватило для того, чтобы он предстал в Нюрнберге в более выгодном свете по сравнению с другими подсудимыми. Предполагается, что Шпеер был слишком интеллигентен и слишком хорошо делал свое дело, чтобы ставить его на одну доску с такими примитивными антисемитами, как Юлиус Штрайхер, или с такими своекорыстными монстрами, как Герман Геринг.

Тем не менее заявление Шпеера о своей аполитичности всегда было откровенным абсурдом. Альберт Шпеер (1905–1981) подал заявку на вступление в Нацистскую партию в начале 1931 г., на волне первого успеха, достигнутого Гитлером на выборах, но в тот момент, когда НСДАП все еще находилась на дальней периферии политической жизни Германии. Начиная с первых майских торжеств 1933 г. Шпеер лично отвечал за создание яркого публичного образа режима. Ежегодные съезды в Нюрнберге, грандиозные праздники урожая, Олимпийские игры 1936 г. — все это были его детища. Шпеер выстроил всю свою карьеру на контактах с Нацистской партией и прежде всего на своих тесных личных связях с Гитлером, служивших для него козырной картой, из которой он извлекал всю возможную выгоду. Шпеер умело и безжалостно прокладывал свой курс среди рифов кабинетной политики Третьего рейха⁴. Он вступил в тесный союз как с Фрицем Тодтом, так и с геринговским Министерством авиации (при посредничестве Эрхарда Мильха). Кроме того, с конца 1930-х гг. он наладил взаимовыгодное сотрудничество с Генрихом Гиммлером и СС. После начала войны Шпеер накопил большой портфель проектов, включая всю строительную программу люфтваффе, а также ряд крупных строек на оккупированных восточных территориях. После таинственной гибели Фрица Тодта в авиакатастрофе Шпеер, вероятно, не являлся его самым очевидным преемником. Но не был он и откровенным аутсайдером. Он, несомненно, входил в число тех немногих лю-

4. О различиях между Тодтом и Шпеером см.: Ibid., 405–8.

дей, которым реально доверял Гитлер, и колоссальное влияние Шпеера после 1942 г. в первую очередь основывалось именно на этом обстоятельстве.

Однако для нас более принципиальное значение имеет второй элемент мифа о Шпеере: роль нового министра в военной экономике. Вместо того чтобы искать в работе военной промышленности подтверждение статуса Шпеера как аполитичного технократа, мы будем подчеркивать в первую очередь именно политическое значение, которое имело сотворенное Шпеером «оружейное чудо» для гитлеровского режима. Это «оружейное чудо» стало самой большой услугой, которую Альберт Шпеер оказал нацистской пропаганде. С самых первых дней пребывания на своей новой должности Шпеер выказывал четкое осознание того символического значения, которое имела военная промышленность. Шпеер не просто занимался производством вооружений — он сумел превратить его в орудие пропаганды. Яркие цифры производственной статистики должны были внушить немецкому народу, что войну все еще можно выиграть, если немецкий рабочий своим трудом поддержит героизм солдат на фронте. Солипсистская риторика производственных рекордов была призвана предать забвению те вопросы общего плана, которыми задавалось руководство Рейха во время кризиса 1941–1942 гг. Как мы видели, в тот момент все люди, наиболее тесно связанные с управлением немецкой военной экономикой, пришли к выводу о том, что Германия лишилась шанса на победу в войне. И генерал Фромм, и генерал Томас, и Фриц Тодт были согласны с тем, что в свете поражения под Москвой руководство поступит разумно, если попытается найти «политическое» решение. И Шпеер был «аполитичен» именно в этом, принципиально важном смысле. Он положил конец рассуждениям, которые от рациональной оценки военных возможностей Германии через сопоставление с военным потенциалом ее врагов приходили к «политическим» предложениям о необходимости закончить войну. Вдохнув новую жизнь в военную промышленность Германии и позаботившись о том, чтобы проделанная им работа трактовалась как история чудесного возрождения, Шпеер дал нацистскому режиму возможность продолжить войну — не только в практическом смысле, снабдив вермахт новыми ресурсами, но и в политическом смысле, развивая пропагандистский сюжет о безграничных возможностях страны. «Оружейное чудо» подавалось им как еще один пример «триумфа воли»: гениальность нацистского руководства вкупе с железной решимостью немецкого народа способна преодолеть любые препятствия.

Через несколько месяцев после вступления в должность Шпеер придал военной экономике новое, однозначно оптимистическое лицо⁵. В ходе дискуссии с Гитлером он спланировал согласованную пропагандистскую кампанию, призванную подчеркнуть динамизм, приобретенный военной экономикой, и ее тесную связь с вермахтом — образ, который предстояло донести до всей страны в серии киножурналов⁶. Как заявил Шпеер журналистам в июне 1943 г., он не собирался повторять ошибку, допущенную в 1917 г., когда кайзеровский режим позволил немецкой общественности проникнуться пораженческими настроениями, не сумев должным образом информировать ее о замечательных достижениях промышленности страны⁷. В апреле 1942 г. кинохроника впервые начала уделять значительное внимание тылу; в том числе был снят сюжет об изготовлении танков в гигантском сборочном цеху, вызвавший многочисленные отклики. Зрителей впечатлил тот факт, что «немецкие танки выглядели более мощными и компактными» по сравнению с советскими моделями, показанными в последующих частях этого фильма. «Это „грандиозное массовое производство“ внушало уверенность и порождало надежду на решающий успех в грядущих битвах»⁸. Несколько недель спустя «внутренний фронт» был удивлен проведенным в Берлине пышным публичным чествованием «самого результативного работника в оружейной промышленности» — мастера Франца Гане с берлинского танкового завода *Alkett* (принадлежавшего компании *Rheinmetall*), 20 мая 1942 г. получившего заветный *Ritterkreuz zum Kriegsverdienstkreuz* (Крест за военные заслуги)⁹. Награду на грудь Гане прикрепил прославленный герой войны, капрал Крон¹⁰. На торжествах присутствовали Геринг, Шпеер, Эрхард Мильх из Министерства авиации, Кейтель как представитель вермахта, генералы Фромм и Лееб от армии и статс-секретарь Бакке. Все это было впечатляющей демонстрацией новых успехов немецкой военной экономики. Одновременно с берлинской церемонией на заводах по всей Германии было вручено 1000 крестов Военных заслуг второй степени. Затем в кинохронике было показано, как мастер Гане торжественно проходит мимо почетного караула

5. См. слова Шпеера, предназначенные для прессы: BAL R3/1736, Chronik 9.04.1942, 25.

6. W.A. Bölsche, *Deutschlands Rüstung im Zweiten Weltkrieg: Hitlers Konferenzen mit Albert Speer 1942–1945* (Frankfurt, 1969), 6/7.05.1942, 109.

7. BAL R3/1737, Chronik 06.1943, 79. Геббельс тоже отмечал разницу с 1917 г. См.: E. Fröhlich (ed.), *Die Tagebücher von Joseph Goebbels* (Munich, 1994), 11/4, 9.05.1942, 263.

8. *Meldungen*, X: 23.04.1942, 3665; см. также: 14.05.1942, 3734.

9. *Meldungen*, X: 28.05.1942, 3753–4. Иллюстрация в *Fest, Speer*, 190.

10. BAL R3/1736, Chronik 20.05.1942, 42; Bölsche, *Deutschlands Rüstung*, 117.

из солдат, моряков, летчиков и ваффен-СС, а голос за кадром в это время провозглашал: «Лучшие бойцы с лучшим оружием разобьют врага». До конца той же недели населению был показан первый еженедельный киножурнал, посвященный исключительно военному производству: зрители увидели ранее секретные кадры с оружейными заводами, названные Геббельсом «чрезвычайно сильными», «внушающими уверенность» в тылу и устрашающими врагов Германии¹¹.

К осени 1942 г. Шпеер создал постоянный комитет по связи с министерством Геббельса, занимавшийся конкретно «пропагандой вооружений»¹². Его лозунг был прост: «Победу принесет наилучшее оружие». В число видов оружия, активно фигурировавших в пропаганде, входил новый немецкий пулемет MG-42, имевший, согласно пропагандистам Шпеера, феноменальную скорострельность — 3000 выстрелов в минуту¹³. В 1943 г. Шпеер старался сохранить импульс, заданный первыми пропагандистскими успехами — сперва окружив помпезной риторикой танковую программу «Адольф Гитлер», выполнение которой началось сразу же после Сталинграда, затем представив 13 мая Гитлеру «генеральный доклад» о триумфах военной промышленности и получив в ответ награду — «Кольцо Тодта»¹⁴. 5 июня 1943 г. Шпеер выступил на съезде 10 тыс. работников оружейной отрасли в берлинском «Спортпаласте», когда все крупные промышленники и управляющие оборонных предприятий были впервые награждены за услуги, оказанные ими германской нации¹⁵. Шпеер обрушил на своих слушателей водопад цифр, утверждая, что с 1941 г. производство боеприпасов выросло в шесть раз, а производство артиллерии — в четыре раза. Производство противотанковых орудий также увеличилось вчетверо, а поставки танков в мае 1943 г., по словам Шпеера, превышали среднюю величину за 1941 г. в 12,5 раза. Однако, осведомленные люди отмечали, что Шпеер не называл абсо-

11. Фильм был лично одобрен Шпеером, Геббельсом и Гитлером. См.: BAL R3/1736, 21.05.1942, 43; Fröhlich (ed.), *Die Tagebücher von Joseph Göbbels*, 23.05.1942, 345. На мужскую аудиторию он явно производил более сильное воздействие, чем на женскую. См.: *Meldungen*, X: 4.06.1942, 3791–2. На протяжении следующих месяцев пропагандистские образы военной промышленности стали регулярно появляться в кинохронике. См. восхищенный отзыв о кадрах с гигантской мортирой «Тор», применявшейся вермахтом при осаде Севастополя: *Meldungen*, X: 9.07.1942, 3929.

12. Bölcke, *Deutschlands Rüstung*, 184. BAL R3/1736, 2.11.1942, 85.

13. Ludwig, *Technik*, 439. Реально практическая скорострельность MG-42 составляла, скорее, 500 выстрелов в минуту.

14. BAL R3/1737, *Chronik* 13.05.1943, 59–63.

15. BAL R3/1737, 5.06.1943, 74–7.

лутных цифр¹⁶. Он не упоминал о том, что приводившиеся им показатели были вычислены по отношению к тем тщательно отобранному периодам 1941 г., когда объемы производства были особенно низкими, и полностью игнорировал тот факт, что все производственные успехи Германии меркли на фоне ошеломляющей массы вооружений, брошенных на Германию ее противниками.

Подчеркивая идеологическую функцию «оружейного чуда» Шпеера, мы, разумеется, ни в коем случае не утверждаем, что оно было «просто» иллюзией. По крайней мере до лета 1944 г. статистическая риторика не скатывалась до откровенной лжи. Производство вооружений действительно возрастало. Более того, особое значение успехов Шпеера для пропагандистской машины заключалось именно в том факте, что режим все еще сохранял контроль над новостями с этого фронта. В то время как до Геббельса доходило болезненное осознание того, как сложно работать с плохими военными новостями, немецкая военная экономика по крайней мере до весны 1943 г. в целом не сталкивалась с затруднениями, вызванными действиями союзников. Она оставалась единственной ареной, на которой режим по-прежнему мог полагаться на хорошо отработанные технологии зрелищных постановок. Еще никто не мешал устанавливать новые рекорды, а фюреру в день его рождения не забывали продемонстрировать новые впечатляющие виды оружия. Каждый танк и каждый самолет, выходявшие из ворот заводов, утверждали один и тот же солипсистский аргумент: с Германией, конечно же, не может быть покончено до тех пор, пока она способна все более высокими темпами производить такое превосходное оружие.

Рост производства вооружений был вполне реальным. Но с учетом в высшей степени политической функции «оружейного чуда» к данным о работе министерства Шпеера следует относиться очень осторожно. Слишком много историков проявляли чрезмерное доверие к риторике Шпеера на тему рационализации, эффективности и производительности¹⁷. Беспристрастное изучение статистики приводит к выводу о том, что прирост, достигнутый после февраля 1942 г., был намного менее впечатляющим, чем обычно считается. Во внезапном приросте производства вооружений в Германии не было ниче-

16. См. скептические замечания, зафиксированные СС-СД, в: *Meldungen*, XIV: 10.06.1943, 5341-2, и H. Kehl, *Krisenmanager im Dritten Reich* (Düsseldorf, 1973), 298.

17. См. разгромную рецензию Л. Будрасса на работу Р. Д. Мюллера для DRZW 5/2: <http://hsozkult.geschichte.hu-berlin.de/rezensionen/id=169>.

го чудесного. Он был вызван абсолютно естественными причинами: реорганизацией и рационализацией, начавшимися задолго до назначения Шпеера; безжалостной мобилизацией средств производства; отдачей от инвестиций, сделанных на более ранних этапах войны; и сознательным отказом от качества в пользу немедленного увеличения количества. И все эти соображения — вовсе не мелочные придирки историка. Они затрагивают самую суть идеологизированного отношения Шпеера к военной экономике как к бесконечному потоку продукции, обеспеченному энергичным руководством и гениальными инженерами. Сформулировать главную мысль несложно: «чудо Шпеера» имело свои пределы. Немецкая военная экономика после 1942 г. подчинялась тем же самым принципиальным компромиссам, которые ограничивали ее успехи с самых первых лет войны. А к лету 1943 г. эти ограничения в сочетании с первыми систематическими атаками союзных бомбардировщиков на немецкие заводы полностью покончили с «чудом Шпеера». Этому внезапному окончанию оружейного бума, произошедшему летом 1943 г., и его принципиальным политическим последствиям прежде не придавалось большого значения¹⁸. Не только производство вооружений застыло на одном уровне — также выявилась иллюзорность главного постулата, на котором основывалась деятельность Шпеера. Несмотря на все усилия Шпеера и его сотрудников, им так и не удалось вывести Германию из стратегического тупика. В июле 1943 г. солипсистский пузырь шпееровской пропаганды лопнул в результате серии столь масштабных военных катастроф, что перспективу поражения уже нельзя было скрыть от населения Германии. И именно в этот кризисный момент Альберт Шпеер продемонстрировал свое истинное лицо. Сохраняя непоколебимую верность фюреру, он без колебаний стал прибегать к самым крайним мерам принуждения, если они требовались на очередном этапе жертвенной мобилизации.

I

В той степени, в какой германская военная экономика после декабря 1941 г. опиралась на какую-либо стратегическую идею — помимо простой борьбы за выживание, — существование этой идеи приходится на первый год пребывания Шпеера в должности, с февраля 1942 г. до начала 1943 г. Тот факт, что это окно возмож-

18. Только Серени счел необходимым особо отметить, что после 1943 г. Шпеер перестал так же активно «вещать»; см.: Sereny, *Albert Speer*, 370–71.

ностей было очень узким, важен тем, что он противоречит обычному подходу к «эпохе Шпеера» как к недифференцированной хронологической единице — периоду непрерывного роста производства вооружений и все новых и новых успехов¹⁹. Однако повышенное внимание к этой первой фазе работы Шпеера в качестве министра вытекает непосредственно из той отчаянной игры, которую Гитлер вел в ноябре и декабре 1941 г. Как мы уже видели, после объявления войны Соединенным Штатам в декабре 1941 г. главная задача заключалась в том, чтобы нанести поражение Красной армии к зиме 1942/1943 г. и сделать это посредством решительного прорыва к Кавказу. Такой шаг должен был поставить Советский Союз на колени и резко изменить соотношение сил во всей Западной Азии. Подчинив себе Украину и Кавказ, Германия получила бы продовольствие, сырье и нефть, необходимые для продолжения войны с Великобританией и США. В сочетании с успешным наступлением Африканского корпуса это представляло бы собой смертельную угрозу британским позициям на Ближнем Востоке. Таким образом, в первую очередь требовалось восстановить наступательные способности *Ostheer* для этого второго большого наступления, сконцентрировав все имеющиеся ресурсы в группе армий «Юг»²⁰.

Важнейшее значение в этих стратегических расчетах играл фактор времени. Вступление Америки в войну не обязательно оказалось бы фатальным при условии, что Германия успела бы завершить войну на востоке в следующем году. Как объяснял сам Шпеер своим ближайшим коллегам, было чрезвычайно важно усилить наступательную мощь вермахта с тем, чтобы он мог одержать победу на востоке зимой 1942/1943 г. В противном случае пришлось бы вести «войну на истощение», в ходе которой даст о себе знать вся мощь англо-американской коалиции. Если не в 1943 г., то, несомненно, к 1944 г. Германия окажется, как выразился Шпеер, в «иной ситуации»²¹. Даже тем, кто сохранял веру, было ясно, что Германия сможет удержать инициативу лишь в том случае, если вермахт в течение следующих

19. Как ни странно, в двух лучших исследованиях, посвященных работе Шпеера на посту министра, 1942 году уделяется очень мало внимания. В G. Janssen, *Das Ministerium Speer: Deutschlands Rüstung im Krieg* (Frankfurt, 1968) автор отводит лишь дюжину страниц для рассмотрения программы вооружений 1942 г. Даже в превосходных втором и третьем томах работы Эйхгольца 1942 год почти теряется на фоне сотен страниц, посвященных 1943 и 1944–1945 гг.

20. См.: Müller, in DRZW 5/1. 668; Kröner, in DRZW 5/1. 920–21.

21. Выступление Шпеера на 21-м совещании *Zentrale Planung*, 30.10.1942, BAL R3/1697, 5. Об осознании Шпеером узкого окна стратегических возможностей см.: Ludwig, *Technik*, 424–5.

двенадцати месяцев нанесет в Советском Союзе действительно сокрушительный удар. Таким образом, сезон 1942 г. был последним периодом в истории Третьего рейха, когда за работой военной экономики стояла хоть сколько-нибудь обоснованная стратегическая идея. И несмотря на кризис доверия, последовавший за поражением под Москвой в декабре 1941 г., именно благодаря этой обоснованности военная экономика Германии в 1942 г. по-прежнему опиралась на широкий консенсус, объединявший экономическую элиту и большую часть рабочей силы²². А Шпеер, безусловно, нуждался во всей помощи, которую он мог получить.

Полномочия Шпеера при его назначении министром вооружений в феврале 1942 г. были не более широкими, чем у Фрица Тодта. Шпеер не обладал контролем даже над всей военной промышленностью, не говоря уже о промышленности вообще. Непосредственно в его ведении находились только поставки материальной части для армии. Лишь в области боеприпасов Шпеер отвечал за все три рода войск. Вплоть до лета 1943 г. он контролировал примерно 45% оружейной промышленности, дававшие около $\frac{1}{6}$ всего производства в промышленности²³. Как мы уже видели, чиновники, занимавшиеся армейскими поставками, уже в 1940 г. столкнулись с тем, что после назначения Тодта их сфера ответственности существенно сузилась. Главной жертвой возвышения Шпеера в 1942 г. пало военно-экономическое управление вермахта во главе с генералом Томасом, расчлененное и лишенное возможности предъявлять какие-либо претензии на общее руководство военной экономикой²⁴. Однако флот и люфтваффе сохранили свои собственные управления вооружений. Флот вошел в сферу, подконтрольную Шпееру, лишь в июне 1943 г. Люфтваффе, на которые работали 35–40% оружейной промышленности, до весны 1944 г. располагали независимой индустриальной организацией, и в этой сфере приказы отдавал Эрхард Мильх, а не Альберт Шпеер. С учетом такого распределения ответственности немецкую военную экономику после февраля 1942 г. следует рассматривать как партнерство

22. Вопреки заявлению Абельсхаузера о «диктатуре» «6000 самых динамичных, лояльных и решительных управляющих, технологов и инженеров» в частной промышленности. См.: W. Abelshauser, «Modernisierung oder institutionelle Revolution», in Abelshauser, J.-O. Hesse and W. Plumpe (eds.), *Wirtschaftsordnung, Staat und Unternehmen: Neue Forschungszur Wirtschaftsgeschichte des Nationalsozialismus* (Essen, 2003), 27.

23. Вычислено на основе статистических данных из: R. Wagenführ, *Die deutsche Industrie im Kriege* (Berlin, 1954), 12 и 180.

24. Как указывается в: Müller, in DRZW 5/2. 281–98.

Мильха и Шпеера²⁵. «Шпееровские» секторы отвечали лишь за половину того прироста в производстве вооружений, который был достигнут с февраля 1942 г. по лето 1943 г. На 40% он был обеспечен благодаря росту производства для люфтваффе. Остаток приходился на флот и химические заводы, строившиеся в рамках Четырехлетнего плана.

Практическим и политическим ядром этого альянса являлся центральный плановый комитет (*Zentrale Planung*), несомненно, представлявший собой наиболее существенную организационную инновацию из всех последовавших за назначением Шпеера²⁶. *Zentrale Planung* был не придатком к Министерству вооружений Шпеера, а всеобъемлющим органом, которым совместно руководили Шпеер, Мильх (как представитель люфтваффе) и Пауль Кернер, секретарь Германа Геринга. На его заседаниях также часто присутствовали Ганс Керль из Рейхсминистерства экономики, гауляйтер Заукель как специальный уполномоченный по трудовым вопросам и Герберт Бакке из Министерства продовольствия. Кроме того, работа *Zentrale Planung* также требовала частого присутствия Плейгера как главы угольной отрасли и важнейших представителей сталеплавильной промышленности. Именно должность председателя *Zentrale Planung* позволяла Шпееру реально претендовать на общий контроль. Однако на практике деятельность *Zentrale Planung* осуществлялась коллективными усилиями, во главе которых стояли Шпеер и Мильх, совместно контролировавшие 90% производства вооружений. Мильх присутствовал буквально на всех сессиях комитета и выступал на них как носитель абсолютной власти в своем секторе²⁷. Принципиальное различие между Шпеером и Мильхом носило политический, а не функциональный характер. Шпеер, не знавший себе равных в смысле доступа к Гитлеру, по этой причине играл роль главной инстанции, посредством которых требования Гитлера передавались вниз по иерархической лестнице.

Многочисленные попытки создать центральный орган управления военной экономикой Германии предпринимались еще начиная с 1936 г., и в центре всех этих попыток тем или иным образом стоял Геринг. Даже в 1942 г. Шпеер официаль-

25. Отсюда и проистекает скептическое отношение к шпееровскому мифу, явно просматривающееся в: L. Budrass, *Flugzeugindustrie und Luftrüstung in Deutschland* (Düsseldorf, 1998), 865–6, 891–2.

26. Об официальном открытии *Zentrale Planung* см.: BAL R3/1562, 3–4.

27. К сожалению, наилучшим источником сведений о Мильхе по-прежнему остается D. Irving, *The Rise and Fall of the Luftwaffe: The Life of Luftwaffe Marshal Erhard Milch* (London, 1973).

но именовался специальным уполномоченным Геринга по вооружениям, а *Zentrale Planung* формально работал с благословения Геринга. С учетом этого факта реальное значение *Zentrale Planung* состояло в том, что он действительно собирался на регулярной основе, тем самым приобретая подлинную институциональную легитимность, в то время как его процедуры становились все более формализованными, а его работа — все более упорядоченной. Всего с 27 апреля 1942 г. до конца войны *Zentrale Planung* собирался 62 раза. Пятьдесят два из этих заседаний состоялись на протяжении первых 20 месяцев существования комитета, с апреля 1942 г. по конец 1943 г., примерно раз в десять дней, и это сделало *Zentrale Planung* истинным руководящим органом немецкой экономики военного времени.

В то время как на *Zentrale Planung* была возложена ответственность за организацию снабжения сырьем, производство вооружений в секторе Шпеера и до, и после февраля 1942 г. контролировалось системой комитетов, созданных Фрицем Тодтом после «кризиса боеприпасов» 1940 г.²⁸ За работу этих комитетов в Министерстве вооружений отвечало так называемое техническое управление (*Technisches Amt*). Его главой был Карл-Отто Заур (1902–1966). Любые идеи о том, что министерство Шпеера являлось царством «неидеологизированной эффективности», становятся абсурдными в свете ключевого положения, которое занимал в нем Заур. Он представлял собой живое воплощение «инженера-политика». Этот бывший служащий сталеплавильной фирмы *Thyssen* вступил в партию в 1920-е гг. К концу 1930-х гг. он сделал карьеру в Национал-социалистической лиге германских технических работников и стал заместителем Фрица Тодта. После его гибели Заур быстро наладил тесные рабочие взаимоотношения со Шпеером. И он оставался цепным псом Министерства вооружений до самых последних дней войны. К тому времени Заур стал известен всей германской промышленности как прямолинейный и вспыльчивый грубиян, не останавливавшийся перед рукоприкладством. Известен как минимум один случай, когда Заур во время посещения завода лично набросился с кулаками на группу недовольных рабочих²⁹. В свою очередь, Шпеер не скрывал своего восхищения Зауром и даже любви к нему. И потому совершенно естественно, что Гитлер, разочаровавшись в Шпеере в апреле 1945 г., в своем завещании назвал Заура преемником Шпеера в должности министра вооружений.

28. Об этой преемственности см.: Ludwig, *Technik*, 415–19.

29. W. Abelshauser, in L. Gall (ed.), *Krupp im 10. Jahrhundert* (Berlin, 2002), 392.

Комитеты Заура представляли собой ключевую организационную структуру в сфере производства вооружений и в то же время играли роль ключевых звеньев между властями Рейха и германской промышленностью. После того как Вальтер Роланд в конце ноября 1941 г. вернулся из своего апокалиптического турне по Восточному фронту, в правлениях рурских компаний воцарились мрачные настроения. Этот кризис, несомненно, подорвал уверенность даже наиболее лояльных лидеров деловых кругов в нацистской Германии. Для некоторых, включая Вальтера Борбета из *Bochumer Verein*, первое поражение Германии оказалось слишком сильным потрясением. Борбет, прежде известный как один из наиболее восторженных сторонников перевооружения, 4 января 1942 г. был найден мертвым в своем кабинете. Однако большинство руководителей немецкой промышленности еще теснее сплотились вокруг режима. В 1939 г. элита страны была расколота, но первые яркие успехи вермахта в значительной степени сгладили эти противоречия. Чувство эйфории и безграничных возможностей, воцарившееся после поражения Франции, порождало такое стремление отождествлять себя с Гитлером и с его режимом, которого не наблюдалось ни до, ни после³⁰. В отличие от нападения на Францию в мае 1940 г., которого ожидали со страхом и трепетом, вторжение в Советский Союз сопровождалось самыми радостными предчувствиями. Начиная с осени 1940 г. грядущая кампания не была ни для кого секретом в Берлине. Сотрудники генерала Томаса регулярно встречались с представителями ведущих немецких корпораций, знакомыми с советскими реалиями. Своими знаниями об СССР поделились *IG Farben*, *Siemens* и *AEG*. Дело доходило до дискуссий о том, какие именно советские заводы достанутся тем или иным немецким фирмам³¹. И после начала вторжения сотрудничество немецкого бизнеса с оккупационными властями лишь окрепло.

Эту империалистическую эйфорию подпитывал и золотой дождь первых военных лет. Промышленный бум, после 1933 г. организованный нацистским режимом, продолжался, не снижая темпов, и в 1940-е гг. Отрасли, связанные с войной, были завалены заказами, промышленные инвестиции достигли рекордных уровней, а начиная с лета 1940 г. наблюдалось заметное оживление и в сфере прибыльных экспортных заказов. Разумеется,

30. L. Herbst, «Der Krieg und die Unternehmensstrategie deutscher Industrie-Konzerne in der Zwischenkriegszeit», in M. Broszat and K. Schwabe (eds.), *Die deutschen Eliten und der Weg in der Zweiten Weltkrieg* (Munich, 1989), 134–5.

31. DRZW 4.177–84.

предприниматели не одобряли бюрократизм военной экономики, контроль над ценами, борьбу за доступ к сырью и дефицит квалифицированной рабочей силы. Тем не менее в 1940 г., благодаря мощному внутреннему спросу, прибыли взлетели до беспрецедентных высот³². И с точки зрения того, как распределялось влияние в рамках гитлеровского режима, несомненно, показательно, что двое партийцев, осмелившихся бросить наиболее откровенный вызов интересам деловых кругов — Пауль Вальтер в угольной промышленности и Йозеф Вагнер как комиссар по контролю над ценами — в 1941 г. были бесцеремонно отправлены в отставку. Более того, несмотря на то, что зимний кризис 1941/1942 г., безусловно, стал глубоким потрясением для немецкого общества, неожиданное возрождение Красной армии свидетельствовало и о том, что отныне война является вопросом жизни и смерти. Поражение означало бы не только национальное унижение и ликвидацию гитлеровского режима. Отныне над Германией нависал ужасный призрак сталинизма — а ни одна группа не имела больше оснований для того, чтобы бояться советской победы, чем вожди германского бизнеса.

Организационным выражением этого окрепшего альянса между режимом и германскими деловыми кругами стало расширение созданной Тодтом системы индустриальных организаций, произошедшее в декабре 1941 г. — мае 1942 г. Тодт уже в начале декабря объявил о реорганизации структуры его комитетов. В дополнение к уже существовавшим главным комитетам по боеприпасам, вооружениям, танкам и электронному оборудованию он создал главный комитет по общей материальной части вермахта (*Allgemeines Wehrmachtsgerät*). Он выполнял важную функцию объединения тех тысяч поставщиков вермахта, которые непосредственно не участвовали в производстве вооружений. Очевидным кандидатом на должность главы этого «генерального» комитета был Вильгельм Цанген (1891–1971), с 1938 г. возглавлявший рейхсгруппу по промышленности. Цанген был безжалостным карьеристом, в качестве генерального директора *Mannesmann* построившим крупную промышленную империю, фундаментом для которой послужил ряд оппортунистических «арииизационных» сделок. Тодт, уверенный в полной поддержке Цангена, 13 января 1942 г. выступил перед прочими вождями немецкой промышленности на совещании рейхсгруппы по промышленности, а 4–6 февраля 1942 г. провел трехдневную конфе-

32. M. Spörer, *Vom Scheingewinn zum Rüstungsboom: Die Eigenkapitalrentabilität der deutschen Industrieaktiengesellschaften 1925–1941* (Stuttgart, 1996), 147.

рению с участием всех ведущих производителей вооружений³³. В течение нескольких недель, последовавших за гибелью Тодта, Шпеер сохранил заданный им организационный импульс, создав еще два главных комитета — один по локомотивам, нехватка которых подрывала работоспособность Германской железной дороги, другой по кораблестроению. Параллельная реорганизация по инициативе Эрхарда Мильха осенью 1941 г. была произведена и в подконтрольных ему люфтваффе³⁴.

Таким образом, в сфере окончательной сборки Шпеер почти ничего не добавил к базовой структуре промышленных организаций, созданной Тодтом и Мильхом. Его собственным достижением — возможно, осуществленным по подсказке Альберта Феглера из *Vereinigte Stahlwerke* — было создание новой группы организаций для контроля над поставками сырья, полуфабрикатов и субкомпонентов, получивших название кружков³⁵. Первоначально существовало пять главных кружков — по выплавке чугуна и стали, производству чугунных и стальных полуфабрикатов, цветным металлам, машиностроительным компонентам и электротехническому оборудованию. Как и можно было бы ожидать, председатели кружков были отобраны из числа представителей крупнейших промышленных поставщиков, включая *Siemens* и *Reichswerke Hermann Göring*. Но тот человек, которого Шпеер назначил надзирать над всей этой структурой, подобно Зауру, пришел из политики. Это был Вальтер Шибер (1896–1960), выходец из частной промышленности и ветеран нацистской промышленной политики³⁶. В 1930-е гг. он успешно управлял заводом *IG Farben* и был активистом Нацистской партии Тюрингии, имея тесные связи с гауляйтером Заукелем. В 1935 г. Шибер покинул *IG Farben*, чтобы взять на себя руководство тюрингским заводом штапельного волокна, который незадолго до того построил Ганс Керль. Благодаря этому назначению Шибер близко сошелся с Керлем, который с 1938 г. был главным проводником нацистской линии в Рейхсминистерстве экономики. В 1939 г. Шибер был назначен экономическим советником гауляйтера Тюрингии, а на следующий год перебрался в Берлин и стал главным советником Фрица Тодта по химическим вопросам. Кроме

33. Eichholtz, II. 54.

34. Budrass, *Flugzeugindustrie*, 713–14. Эти организации, первоначально известные как кружки (по планерам, по авиадвигателям и по авиационному оборудованию), впоследствии были переименованы в комитеты с целью создать хотя бы видимость единой структуры.

35. О роли Феглера см.: ВАН R131/599, 53–4.

36. Kehrl, *Krisenmanager*, 89–90, 200, 212–14. О тюрингских корнях Шибера см.: D. Heiden (ed.), *Nationalsozialismus in Thüringen* (Weimar, 1995), 230.

того, Шибер наладил хорошие связи с СС, имея почетный чин бригаденфюрера СС и регулярно участвуя в собраниях «кружка друзей Генриха Гиммлера» — группы предпринимателей, особенно тесно связанных с режимом. И после гибели Тодта Шибер, как глава *Rüstungslieferungsamt* (управления поставок для оружейного производства), вполне логичным образом стал наряду с Зауром одной из ключевых фигур в министерстве Шпеера. С целью дальнейшего укрепления отношений между министерством и деловым сообществом Шибер был назначен заместителем Цангена в рейхсгруппе по промышленности³⁷.

В целом на конец 1942 г. в телефонной книге министерства Шпеера числилось 249 комитетов и подкомитетов, кружков и подкружков³⁸. Понятно, что такую разветвленную организацию не так-то просто охарактеризовать одним словом. Сам Шпеер выдвинул лозунг «*Selbstverantwortung*» («личная ответственность» промышленности). Рейхсминистерство вооружений должно было устанавливать цели, а ответственность за их выполнение возлагалась на промышленность Рейха. При более пристальном рассмотрении можно сделать вывод о том, что председатели комитетов и кружков Шпеера представляли собой репрезентативный срез немецкого промышленного истеблишмента. В списке сотни ведущих промышленных фирм по состоянию на 1938 г. нет ни одной, чей представитель не возглавлял хотя бы один из подкомитетов или кружков Шпеера, а то количество председательских мест, которое доставалось каждой компании, вполне предсказуемым образом соответствовало ее относительному размеру и политическому значению. *Vestag*, ведущему немецкому конгломерату предприятий тяжелой индустрии, и его дочерним компаниям принадлежало не менее двенадцати председательских мест. Столько же досталось *Reichswerke* Пауля Плейгера. Фирма *Siemens* обладала в этой структуре немалым влиянием благодаря д-ру Фридриху Люшену, который играл ключевую роль, возглавляя главный комитет по средствам связи и главный кружок по электрическим субкомпонентам. В целом люди *Siemens* занимали восемь председательских мест. Своих представителей имели такие фирмы, как *Krupp*, *AEG*, *Mannesmann*, *Rheinmetall*, *Flick* и *GHH*. Концерн *IG Farben* получил всего четыре председательских места, но это едва ли удивительно с учетом того, какого рода продукция входила в компетенцию

37. См. разъяснения, которые Цанген дал членам рейхсгруппы по поводу этого несколько неожиданного назначения: *BAHR131/621*, 2–4.

38. Полный список см. в экземпляре телефонной книги министерства Шпеера, хранящемся в *PRO FO 93 5/137*.

комитетов Шпеера, и той роли, которую Карл Краух играл в организации по выполнению Четырехлетнего плана. В ситуации, когда председатель наблюдательного совета IG заведовал планированием всего химического военного производства, у концерна не было нужды в том, чтобы пачкать руки работой в других комитетах. *Zeiss* и *Zeiss-Ikon* контролировали три подкомитета по точной оптике. Фирма *Bosch* отвечала за двигатели с впрыском топлива, а ее дочерняя компания *Blaupunkt* — за электроакустическое оборудование. Концерн *Vereinigte Deutsche Metallwerke* (доминирующие позиции в котором занимала компания *Metallgesellschaft*) нес ответственность за сплавы цветных металлов для авиационной промышленности. Но помимо привлечения крупнейших промышленных корпораций Германии, важной чертой системы Шпеера являлось участие в ней десятков небольших поставщиков субкомпонентов и деталей. Помимо представителей первой сотни, насчитывалось еще семьдесят других фирм, председательствовавших не менее чем в одном подкомитете или кружке: *Bauer & Schaurte* заведовала винтами и креплениями, *Mahle* — поршнями, *Kugelfischer* — шариковыми подшипниками, *Koch & Sterzel* — электротрансформаторами, *Klein, Schanzlin & Becker* — клапанами, *Karl Schmidt* из Неккарзульма — автозапчастями, *Behr* — радиаторами, *Warnecke & Böhm* — специальными авиационными красками, *Röhm & Haas* — плексигласовыми фонарями. Эти фирмы — названия которых хорошо известны в машиностроительных кругах — и шестьдесят лет спустя представляют собой костяк обрабатывающей промышленности Германии, известной высоким качеством своих изделий³⁹.

Разумеется, в этой сложной структуре сотрудничества между гитлеровским режимом и ведущими элементами немецкой промышленности существовало много камней преткновения, и к некоторым из них мы вернемся ниже. Однако если и существовала проблема, потенциально способная внести разлад в эти отношения в целом, то ею был вопрос цен, прибылей и налогов. Как мы уже видели, он служил предметом дискуссий еще с конца 1940 г. В ноябре 1941 г. в контексте растущей обеспокоенности инфляцией, между комиссаром по ценам гауляйтером Вагнером и рейхсгруппой по промышленности, по всей видимости, разгорелся серьезный конфликт, который в какой-то момент заставил Вильгельма Цангена заговорить о своей отставке. В по-

39. Достаточно краткого поиска с помощью *Google*, чтобы убедиться в том, что все до единой фирмы, перечисленные в телефонной книге Шпеера, функционируют и по сей день. За исключением *Koch & Sterzel*, оказавшейся на территории ГДР, все они являются мировыми лидерами в своих областях.

следующие месяцы эти разногласия были улажены посредством компромисса, чрезвычайно характерного для эпохи Шпеера⁴⁰. Несмотря на то что эта инициатива на много месяцев опередила его выход на сцену в качестве главной фигуры, Шпеер подавал соответствующую реформу системы государственного ценообразования как ключевой элемент своего «оружейного чуда». Согласно Шпееру, система государственных поставок, действовавшая до ноября 1941 г., представляла собой уродливое порождение государственной бюрократии, откровенно поощрявшее неэффективную работу, поскольку в ее рамках фирмы получали надбавку к прибыли, пропорциональную их базовым издержкам. Чем выше были издержки производства, тем крупнее оказывалась прибыль фирмы⁴¹. Как утверждал Шпеер, в 1942 г. эта система была ликвидирована и заменена тем, что обычно называют системой фиксированных цен. От всех производителей требовалось соответствие единой стандартной цене. При этом они имели полное право на присвоение прибылей, полученных путем сокращения издержек производства. Таким образом, одним росчерком пера был устранен серьезный стимул к неэффективной работе, а промышленность Германии взяла курс на эффективность и рационализацию.

Но несмотря на риторическую убедительность этих заявлений, до сих пор сохраняющих привлекательность для историков, по сути они представляли собой карикатуру на реальный ход событий⁴². Как мы уже видели, согласно прежним правилам санкционированные прибыли на самом деле вычислялись не как доля от издержек, а как доля от используемого капитала⁴³. Указания же по учету издержек отличались несомненной строгостью⁴⁴. С точки зрения нового курса на рационализацию принципиальным изъяном прежней системы было не то, что она позволяла производителям раздувать издержки и цены так, как

40. Дальнейшее в первую очередь основывается на: C. Rauh-Kühne, «Hitlers Hehler? Unternehmenprofite und Zwangsarbeiterlöhne», HZ 275 (2002).

41. BAL R26IV/51, 444–5.

42. Среди прочих, версии Шпеера следует автор работы W. A. Bölcke, *Die Kosten von Hitlers Krieg: Kriegsfinanzierung und finanzielles Kriegserbe in Deutschland 1933–1948* (Paderborn, 1985), 44–6. Реальный ход событий более точно описывается в объяснении, с которым 1 апреля 1942 г. выступило управление вермахта по контролю над ценами: BAL R8122364.

43. Четкое описание см. в: S. Lurie, *Private Investment in a Controlled Economy* (New York, 1947), 163–82; Rauh-Kühne, «Hitlers Hehler?», 11–15.

44. См. дискуссию, состоявшуюся 30 ноября 1939 г. между представителями ОКВ и промышленности, участники которой согласились с тем, что строгое применение указаний по сути ввергнет многие фирмы в убытки, поскольку им не удалось полностью покрыть непредвиденные расходы: BAMA RW19/173, 260–65.

им заблагорассудится. Кроме того, не была она лишена и стимулов к эффективности. После того как цена была установлена, она не подлежала изменению, и это активно стимулировало подрядчиков к сокращению издержек⁴⁵. В первые годы войны источником трений между рейхсгруппой по промышленности, рейхскомиссаром по ценам и налоговыми ведомствами служил именно вопрос о том, как отобрать у производителей полученные таким образом «чрезмерные прибыли». Реальный изъян системы с точки зрения курса на рационализацию заключался в том, что она не задавала единой, стандартной цены, на которую должны были ориентироваться все производители. И дело здесь тоже было вовсе не в некомпетентности властей. Эта система была построена так, чтобы государство могло выдавать заказы самому широкому кругу новых производителей вооружений, даже если они были не в состоянии соответствовать тем стандартам, которые соблюдались давними и опытными поставщиками. В этом смысле такая система была хорошо приспособлена к ранним этапам военной мобилизации, когда требовалось в массовом порядке загружать производителей заказами на выпуск незнакомой им продукции и в то же время контролировать прибыли, получаемые более опытными фирмами, давно работающими в данных областях. Неэффективность этой системы в первую очередь заключалась в том, что в ее рамках не было возможности призвать менее эффективных производителей к равнению на преобладающие «лучшие практики ценообразования». Более того, индивидуальные контракты требовали постоянного и навязчивого контроля со стороны военных аудиторов, которые, само собой, предпочитали уделять свое внимание крупным фирмам, что делало эту систему непопулярной у более влиятельных членов рейхсгруппы по промышленности.

В ноябре 1941 г. в рамках дискуссии об упорядочивании положения в налогово-бюджетной сфере было принято решение о переходе к новой системе стандартных цен. Эти цены должны были основываться на издержках, которые несли «средние» производители, вычисленных согласно существующим правилам. Первоначально эта мера была предложена в рамках программы фискальной консолидации, призванной сократить корпоративные прибыли и снизить государственные расходы, что должно было способствовать ликвидации инфляционного пузыря.

45. То же самое можно сказать и о контрактах люфтваффе, в основе которых еще с марта 1937 г. лежал принцип фиксированной цены. См.: L. Budrass, J. Schermer and J. Streb, «Demystifying the German „Armaments Miracle“ during World War II» (forthcoming).

Во имя рационализации стандартные цены были подвергнуты общему 10-процентному сокращению. Более того, под угрозой изъятия оказались прибыли, полученные в 1940 и 1941 г. Но после отставки гауляйтера Вагнера и его замены австрийским банкиром Гансом Фишбеком атмосфера значительно разрядилась⁴⁶. По крайней мере Цанген и его коллеги больше не угрожали отставкой. Введение новой системы стандартных цен сопровождалось железным обещанием Шпеера о том, что фирмы, соблюдающие ценовые требования, будут освобождены от дальнейших официальных инспекций и смогут оставлять себе основную часть прибылей, полученных благодаря сокращению стандартных издержек. Отныне вопросом чрезмерных прибылей должен был заниматься не комиссар по ценам, а Министерство финансов, а указания относительно чрезмерных прибылей, изданные в конце марта 1942 г., несомненно, не могли серьезно охладить пыл промышленников. Налогом на чрезмерную прибыль облагались лишь прибыли, на 50% превышавшие те, которые были получены в 1938 г., что автоматически давало преимущество тем фирмам, которые еще до войны нажились на перевооружении⁴⁷. Кроме того, Альберт Шпеер дал понять, что он не потерпит вмешательства в свою сферу деятельности со стороны назойливых «бюрократов» из Министерства финансов и комиссара по ценам. Параграф 14 указаний о чрезмерных прибылях позволял тем фирмам, которые выразили согласие с новыми стандартными ценами, установленными Министерством вооружений, требовать возвращения значительной доли уплаченного ими налога на чрезмерную прибыль⁴⁸. Шпеера не волновали соображения общего порядка о порочном круге государственных расходов и инфляции. Все, что было для него важно, — обеспечить активное сотрудничество со стороны немецкого бизнеса в рамках кампании за максимизацию объемов производства.

II

Реорганизационные мероприятия сопровождались речами о реформах и рационализации — эти меры должны были решить проблемы военной экономики Германии путем увеличения

46. 16 марта 1942 г., на встрече сталепромышленников, было сказано, что ситуация с прибылями «полностью изменилась» («vollständig verändert»): ВАН R131621, 7.

47. H. J. Weyres, *Die deutsche Rüstungswirtschaft von 1942 bis zum Ende des Kriegs* (Munich, 1975), 189.

48. Eichholtz, III. 700.

производства при сокращении расходов. Однако эта идеологическая фигура в лексиконе военной экономики всегда конкурировала с не менее решительным акцентом на радикальную мобилизацию. В этом отношении Шпеер в значительной степени опирался на усилия других организаций по сплочению и стабилизации режима.

Несмотря на то что Шпеер сознательно не позволил налоговым ведомствам Рейха в 1942 г. произвести крупный «налет» на корпоративные прибыли, успешная работа его министерства в немалой степени опиралась на сохранявшуюся стабильность рейхсмарки. А та, в свою очередь, во многом была обеспечена разовыми налоговыми сборами, которым, в частности, в 1942 г. подверглись владельцы недвижимости. Разумеется, крупный вклад в доходы Рейха внесли и оккупированные территории. Совместно прироста внутренних и внешних поступлений хватило для того, чтобы отвести угрозу инфляции по крайней мере еще на полтора года. Еще большее значение для работы военной экономики Рейха имел рост поступлений продовольствия и рабочей силы с оккупированных территорий в 1942–1943 гг. Более чем достаточной заменой для тех 280 тыс. рабочих, которых лишились оружейные заводы в течение 12 месяцев после московского кризиса, стали 970 тыс. иностранных рабочих, найденные Заукелем. И в первую очередь их получил именно сектор Шпеера⁴⁹. В то время как общий прирост рабочей силы на оружейных предприятиях составил в 1942 г. всего 15%, в секторе Шпеера, занимавшемся производством для армии, прирост превышал 30%. Из тех дополнительных 513 тыс. рабочих, которые трудились конкретно на тот или иной из трех родов войск вермахта, в сферу ответственности Шпеера попало не менее 420 тыс.⁵⁰ Наиболее приоритетные программы Шпеера были щедро снабжены рабочей силой. В танковой отрасли в 1942 г. ее численность выросла почти на 60%, а в 1943 г. — на еще большую величину. Резкий прирост производства локомотивов, с 1918 в 1941 г. до 5343 в 1943 г. — одно из наиболее известных достижений Шпеера — опирался на 90-процентное увеличение рабочей силы в одном только 1942 г.⁵¹ Все это представляло собой полную противоположность происходившему в 1941 г., когда мобилизацией

49. 19 марта Шпеер обратился к Гитлеру с просьбой принять меры к тому, чтобы при распределении новой рабочей силы приоритет получила армия, а не люфтваффе: Bölcke, *Deutschlands Rüstung*, 76.

50. См. соответствующие цифры в PRO FO 1078/137 и 1078/138.

51. Данные о численности рабочей силы см. в: IMT XXVII, 1739-PS, 597. В том, что касается производства локомотивов, они имеются только за 1942 г. О росте выпуска локомотивов см.: Müller, in *DRZW* 5/2.462.

рабочей силы в первую очередь воспользовались люфтваффе и флот⁵².

В том, что касается денег, продовольствия и рабочей силы, Шпеер мог полагаться на других. Его личный вклад в мобилизацию ресурсов приходился на сферу сырья. Несмотря на то что *Zentrale Planung* явно представлял собой новаторскую по своей структуре организацию, его повестка дня была до боли знакомой. Основное внимание он уделял стали. Непосредственно этому вопросу были посвящены 30 из 62 его заседаний⁵³. Кроме того, на 11 заседаниях разбирался вопрос угля, важный в первую очередь потому, что поставки угля определяли возможные объемы производства стали. Еще на 8 заседаниях рассматривались вопросы, связанные с обеспечением предприятий рабочей силой — причем в первую очередь речь шла об угольных шахтах. Даже в таких на первый взгляд посторонних областях, как программа химического производства, все упиралось в сталь. *Zentrale Planung* не мог пройти мимо химии, так как отсутствие топлива привело бы к остановке всей военной машины. Более того, азот являлся ключевым компонентом при производстве как взрывчатых веществ, так и удобрений. Так или иначе, *Zentrale Planung* претендовал на то, чтобы ему подчинялся Карл Краух с его химическими предприятиями, поскольку огромные заводы Крауха нуждались в большом количестве стали. Отсюда следует неизбежный вывод: кто бы ни стоял во главе военной экономики и какие организационные формы ни принимала бы его власть, и до, и после февраля 1942 г. краеугольным камнем немецкой политики в сфере вооружений оставалась сталь.

Без стали не могло обойтись ни одно предприятие, занимавшееся выпуском вооружений, кроме тех, что работали на люфтваффе. Но и люфтваффе нуждались в стали для бомб, зенитных орудий и аэродромных сооружений. Тем не менее, как мы неоднократно видели, после 1937 г. главной переменной в стальном бюджете вермахта являлось количество стали, выделявшейся для производства боеприпасов. Самый простой способ снизить давление на тяжелую промышленность состоял в том, чтобы сократить производство боеприпасов и тем самым высвободить сталь для других потребителей. Так поступили в 1937 г., летом 1939 г. и летом 1940 г. Но в 1942 г., когда Германия столкнулась с перспективой затяжной и кровопролитной войны в Рос-

52. Шпеер явно оценил усилия Заукеля и его подчиненных. За доставку двухмиллионного русского рабочего они были премированы билетами в Берлинскую оперу. См.: BAL R3/1736, 21.08.1942, 65.

53. Eichholtz, II. 83.

сии, такой вариант отпадал. В месяцы, последовавшие за кризисом зимы 1941 г., к Гитлеру вернулась навязчивая идея, которая владела им в первые месяцы войны⁵⁴. «Программа вооружений на 1942 г.», анонсированная 10 января, за месяц до назначения Шпеера, предусматривала накопление новых запасов боеприпасов, которых должно было хватить на шесть месяцев при тех высоких темпах потребления, которые были зафиксированы в 1941 г. Такая цель была установлена в преддверии предполагавшегося летнего наступления. Однако Гитлеру на этот раз нужно было принять меры и на случай затяжной войны на два фронта. В конце марта ОКВ отмечало: «Фюрер приказал Шпееру развернуть производство боеприпасов в самых широких масштабах с тем, чтобы иметь возможность годами вести окопную войну на два фронта»⁵⁵. К такой логике, требовавшей в первую очередь сосредоточить усилия на производстве боеприпасов, невозможно придаться. Программа боеприпасов в силу одних своих размеров определяла все последующие решения. Пропаганда Шпеера не уделяла боеприпасам такого же внимания, как более впечатляющим вещам, таким как танки⁵⁶. Боеприпасы входили скорее в образный ряд Первой мировой войны, а не гитлеровской войны с ее кампаниями в стиле «блицкрига». Тем не менее на снаряды, бомбы и патроны по сути приходилось 50% общего прироста производства вооружений за первые 8 месяцев пребывания Шпеера в должности⁵⁷. Даже в середине 1943 г., когда подходила к концу первая фаза «оружейного чуда», производство боеприпасов обеспечило половину прироста в сфере личной ответственности Шпеера. Мы получим хорошее представление о том, какое место занимали боеприпасы в его деятельности, если сравним друг с другом размах деятельности трех главных комитетов по вооружениям, контролирувавшихся министерством Шпеера. Осенью 1943 г. производством боеприпасов занимались 450 тыс. человек по сравнению со 160 тыс., занятых в производстве танков, и 210 тыс. — в производстве оружия⁵⁸. Преобладание боеприпасов было еще более ярко выражено в том, что касалось стали. В последнем квартале 1942 г. производству боеприпасов досталось более половины

54. Bölcke, *Deutschlands Rüstung*, 83.

55. ВАМА RW19/166, 829.

56. Это упущение явно имело практические последствия при распределении рабочей силы и других ресурсов, как с запозданием признавалось в *Speer Chronik* летом 1944 г. См.: BAL R3/1739, 05.1944, 102–3.

57. Вычислено на основе данных из: Wagenführ, *Die deutsche Industrie*, 180–81; см. Приложение, таблица А6.

58. Eichholtz, II. 171.

всей стали, полученной армией, в то время как для производства танков и оружия было выделено всего по 15%⁵⁹. Не менее существенны и политические последствия повышенного внимания, уделявшегося боеприпасам. Как и в 1939–1940 гг., новые непомерные требования Гитлера в плане производства боеприпасов влекли за собой немедленное и мучительное перераспределение сырья. Это приводило к последствиям, которые в среднесрочном плане могли быть сглажены лишь благодаря значительному приросту производства стали.

Масштабы поворота «к боеприпасам» были впечатляющими. В последнем квартале 1941 г. в соответствии с приоритетами, определенными еще до начала «Барбароссы», немецкая армия предполагала выделить для производства боеприпасов всего 25 тыс. тонн стали из своего скудного рациона в 185 тыс. тонн. Теперь же Гитлер потребовал принять такую программу выпуска боеприпасов, которая требовала ежемесячного выделения не менее чем 350 тыс. тонн стали, т.е. в 14 раз больше⁶⁰. Еще до назначения Шпеера общая армейская квота стали была удвоена, составив в первом квартале 1942 г. более 350 тыс. тонн. За это отчасти пришлось «расплачиваться» частичной отменой планов по расширению производственных мощностей люфтваффе и резким сокращением производства бомб и снарядов для зенитной артиллерии. Были сокращены и квоты для флота. Но этого не хватало для удовлетворения возросших потребностей армии. В 1942 г. много стали по-прежнему отпускалось на инвестиционные программы, выполнение которых началось в 1940 и 1941 г., а также отправлялось на экспорт. Поэтому немедленные последствия кризиса на Восточном фронте и неожиданная необходимость уделять основное внимание армии только усугубили «стальную инфляцию», которая служила источником усиливавшегося беспокойства еще с осени 1941 г. Квоты на получение стали существенно превышали реальные объемы ее производства. Это несоответствие было таким большим, что оно угрожало дезорганизацией всей военной экономики. Производители стали, заваленные заказами, выдававшимися в рамках официальных квот, получили возможность самолично выбирать сорта выплавляемой стали. Программам, имевшим высокий приоритет, приходилось ждать месяцами, прежде чем на их выполнение отпускалось необходимое количество стали. Между тем сотни тысяч тонн стали оставались невостребован-

59. BAMARN8V. 1025; Müller, in DRZW 5/2. 554.

60. Bölcke, *Deutschlands Rüstung*, 122. См. Приложение, таблица А3.

ными из-за отмены тех программ производства вооружений, для которых предназначался этот металл.

Первая задача, вставшая перед новой администрацией Шпеера, заключалась в том, чтобы справиться с этой «инфляцией квот». Как мы уже видели, кризис, разразившийся в 1941 г. в угольном секторе, в марте 1941 г. привел к созданию Государственной угольной организации (RVK) во главе с Паулем Плейгером, которая заведовала добычей и распределением угля. Весной 1942 г. Рейхсминистерство экономики начало добиваться создания аналогичной организации в сталеплавильной промышленности. Эти усилия принесли свои плоды 1 июня 1942 г. в виде *Reichsvereinigung Eisen* (RVE)⁶¹. По-видимому, первоначально рейхсминистерство имело в виду индустриальную диктатуру во главе со «стальным царем». В реальности же вышел классический компромисс между важнейшими заинтересованными группировками в немецкой сталеплавильной промышленности, к которому пришли Шпеер и Альберт Феглер — тот как председатель наблюдательного совета *Vestag* оставался главной фигурой в этой отрасли⁶². Неработоспособная идея о «стальном диктаторе», который неизбежно вызывал бы к себе враждебность в одном или нескольких сталеплавильных регионах, не получила воплощения, и во главе RVE в итоге был поставлен председатель, поддерживаемый сильным президиумом, в котором были представлены все главные группировки сталеплавильной отрасли. Первоначально Шпеер предлагал Гитлеру, чтобы RVE возглавил сам Феглер, но, как отмечал Шпеер, «Он [Гитлер] считает мое предложение относительно Феглера приемлемым, однако полагает, что еще лучше с этим делом справится Рехлинг. Решение остается за нами»⁶³. Шпеер, конечно же, понял намек. Герман Рехлинг, несомненно, являлся одним из наиболее выдающихся сотрудников режима из индустриальных кругов, но он не был сторонником государственной диктатуры над промышленностью. Среди активных промышленников Второй мировой войны Рехлинг выделялся своим давним послужным списком, получив известность еще в ходе дискуссий об аннексии завоеванных, которые шли во время Первой мировой войны. На протяжении своей долгой карьеры Рехлинг уделял все свое внимание подчинению Лотарингии и прилегающих регио-

61. ВАН R10III/32, 31–4.

62. См. разъяснения, которые 1 мая 1942 г. дал Ганнекен: ВАН R10III/32, 15–21.

63. Bölcke, *Deutschlands Rüstung*, 106. Этот вердикт Гитлера едва ли заслуживает названия «вето», о котором идет речь в: G. Mollin, *Montankonzerne und «Drittes Reich»* (Göttingen, 1988), 305.

нов германскому государству⁶⁴. Но, несмотря на влияние Рехлинга и его превосходные связи с Нацистской партией, он оказался обделен при окончательном разделе французских активов в январе 1941 г., проиграв Флику и *Reichswerke Hermann Göring*. К 1942 г. Рехлинг испытывал такую неприязнь к *Reichswerke*, что с готовностью помог рурским кругам обуздать новые экспансионистские поползновения Плейгера⁶⁵. В свою очередь, Плейгер относился к индустриальному истеблишменту с таким подозрением, что даже отказался входить в президиум RVE.

Через десять дней после своего назначения Рехлинг выступил перед собранием ведущих сталепромышленников, поведав им о том, что именно стоит на кону⁶⁶. Сталеплавильная отрасль должна выйти на новые рубежи производительности. От ее успехов зависят и будущее военного производства, и «будущее частной экономики». Битвы, бушевавшие на Восточном фронте, не оставляли сомнений в серьезности положения. Достижения советской экономики, как откровенно признавал Рехлинг, нельзя не назвать чудом. Новые танки продолжали сходиться с конвейера даже в осажденном Ленинграде. Несмотря на уничтожение не менее 20 тыс. советских боевых самолетов, красные ВВС бросают в бой все новые и новые машины. Каким образом Советскому Союзу удалось построить и содержать промышленные мощности, в таких больших количествах выпускающие боевую технику такого высокого качества? Поистине, война на Восточном фронте — это борьба двух систем. Не его, Рехлинга, дело рассуждать о возможном исходе войны. Но в том, что касается экономики, вопрос поставлен четко. «С тем чтобы оправдать существование частной экономики, мы должны достичь высочайших производственных результатов <...> Если нам <...> это не удастся, люди, вероятно, испробуют другие варианты». «В конечном счете, — продолжил Рехлинг, — речь идет о том, может ли частная экономика обеспечить требуемые результаты <...> или же необходимо прибегнуть к иным организационным формам». Несомненно, эти слова представляют собой наилучшее определение шпееровской системы, по крайней мере в первые полтора года ее существования. Итогом зимнего кризиса 1941 г. стал альянс между гитлеровским режимом и ведущими элементами немецкого индустриального капитализма. Союз

64. Манифест Рехлинга от 31 августа 1914 г. воспроизведен в: R. Opitz (ed.), *Europastrategisches deutsches Kapital 1900–1945* (Bonn, 1994), 211–12.

65. О вражде между Плейгером и Рехлингом см. переписку в ВАН R10V111/20, 19–21.

66. ВАН R10V111/31, 1–6. Существенно, что автор работы Mollin, Montankonzerne, 136, стремясь доказать, что RVE представляла собой диктатуру, приводит только отдельные отрывки из этой принципиально важной речи.

был заключен с целью выживания в борьбе со сталинизмом, которая велась не на жизнь, а на смерть⁶⁷.

Перед сталеплавильной промышленностью стояли две главные задачи: увеличить объемы производства и реорганизовать систему квот. Эта реорганизация была поручена комитету сталепромышленников, во главе которого стоял вездесущий Феглер⁶⁸. В свою очередь, тот доверил техническую работу Гансу Керлю из РМЭ. Керль не был специалистом по стали. Но он подтвердил свою репутацию одного из самых жестких проводников нацистской экономической политики, внедрив строгую систему квот в текстильном секторе. Заменив обычные деньги купонами, он сумел резко сократить спрос на одежду со стороны домохозяйств. Кроме того, в сотрудничестве со своим другом Паулем Плейгером он сыграл ключевую роль при реорганизации угольной промышленности. Теперь Керль использовал те же принципы применительно к сталеплавильной отрасли, создав систему, с которой *Zentrale Planung* был ознакомлен 15 мая 1942 г.⁶⁹ Вся колоссальная задолженность по поставкам стали аннулировалась. С целью предотвращения нового витка «стальной инфляции» квотированию в дальнейшем подлежало 90% объемов выпуска стали, а 10% резервировалось для наиболее приоритетных заказов. В свою очередь, сталеплавильным заводам запрещалось брать заказы, которые они были не способны выполнить в разумные сроки⁷⁰. Несколько позже, в третьем квартале 1942 г., общее количество стальных квот было сокращено с целью при-

67. Возможно, не стоит удивляться, что к концу 1942 г. наиболее агрессивные элементы режима пришли к выводу о том, что RVE даже близко не походит на диктатуру. В частности, Ганс Керль полагал, что RVE не сделала почти ничего, чтобы перевести германскую тяжелую промышленность с мирных на военные рельсы. Моллин, в самых примитивных выражениях утверждающий, что RVE олицетворяла подчинение тяжелой промышленности диктату «командной экономики», по неизвестной причине начинает свою книгу цитатой именно из этого доклада. См.: Mollin, *Montankonzerne*, 15–16. Сам Шпеер отмечал, что RVE отличалась от других организаций в сфере вооружений тем, что ее руководителями являлись ведущие генеральные директора, а не представители более низких управленческих звеньев. См.: BAL R3/1740, 08.1944, 208.

68. Weyres, *Rüstungswirtschaft*, 179. В состав этого комитета входили Феглер, Гельмут Ренерт (из *Rheinmetall*), Артур Тикс (давний сотрудник Шпеера), Карл Геттлаг (финансовый эксперт Шпеера из *Kommerzbank*) и Альфред Штельваг (занимавшийся выплавкой стали еще во время Первой мировой войны, а впоследствии сотрудничавший с Тодтом). См.: Eichholtz, II. 84–5.

69. Kehrl, *Krisenmanager*, 257–9.

70. Weyres, *Rüstungswirtschaft*, 179–80. Впоследствии эта система подверглась усовершенствованию, которое выразилось в рационализации числа учреждений, имевших право выпускать талоны на железо, и в регулярных инспекциях со стороны РМЭ и министерства Шпеера. См.: IWM FD3353/45, 15-я сессия *Zentrale Planung*, 20.10.1942.

вести его в соответствие с реальными объемами производства. Общие поставки для вооруженных сил были снижены на 7%, причем главным пострадавшим оказался флот. Количество стали для армии продолжало возрастать. Наоборот, поставки стали для иных целей, помимо производства вооружений, сократились почти на четверть, главным образом за счет экспортного сектора. Это вызвало протесты со стороны не только гражданской экономической администрации, но и верховного главнокомандования вермахта, серьезно озабоченного влиянием этих мер на союзников Германии — в первую очередь Италию. Однако по мере того, как битва за Сталинград приближалась к своей ужасающей развязке, Шпееру было все легче отстаивать абсолютный приоритет армии.

Все эти меры касались распределения стали. Но более принципиальная проблема, очевидно, заключалась в недостаточном производстве этого ресурса. Как мы уже видели, в конце лета и осенью 1941 г. германскую военную экономику преследовал страх резкого сокращения выплавки стали в результате проблем с поставками угля. Однако, жонглируя сортами стали и используя высококачественную зарубежную железную руду и лом, сталеплавильные фирмы сумели сохранить объемы производства на относительно высоком уровне, по крайней мере до последнего квартала 1941 г.⁷¹ Но после этого производство начало резко сокращаться, достигнув минимума в начале 1942 г., когда поставки угля нарушились из-за возобновившегося кризиса на немецких железных дорогах, на этот раз вызванного включением в их состав тысяч километров путей на территории Советского Союза. После внесения изменений в систему распределения стали и приведения квот в соответствие с реальными объемами производства главной задачей для Рехлинга стало увеличение объемов выплавки стали. Уже в конце июня 1942 г. Шпеер и Гитлер сошлись на том, что Германии к концу года необходимо поднять ежемесячное производство стали по крайней мере до 600 тыс. тонн⁷². Как заявил Рехлинг представителям сталеплавильной промышленности летом 1942 г., непосредственная цель заключалась в том, чтобы удовлетворить требования Гитлера и Шпеера и увеличить производство, в тот момент составлявшее примерно 31 млн тонн в год, по крайней мере до 36 млн тонн⁷³. В долгосрочном плане Рехлинг не видел практически никаких пределов для роста спроса на этот важнейший матери-

71. ВАН R131/668, 75–9.

72. Bölcke, *Deutschlands Rüstung*, 148–9.

73. Weyres, *Rüstungswirtschaft*, 52; Eichholtz, II. 363.

ал. Он прогнозировал, что в грядущие годы выпуск стали в Европе превысит 85 млн тонн, что было больше максимального уровня выплавки в США. Однако проблема заключалась в угле. Сталепромышленники утверждали, что для достижения цели, поставленной Гитлером и Шпеером, им дополнительно требуется не менее 400 тыс. тонн коксующегося угля в месяц, а также еще больше квалифицированной рабочей силы и много металлического лома. Впрочем, в этом отношении прогнозы Пауля Плейгера и угольной ассоциации Рейха не обещали возможности удовлетворить запросы Рехлинга и его коллег.

Все эти подводные рифы промышленной политики осенью 1942 г. едва не привели к крушению всей «системы Шпеера». Данная проблема имела такое значение, что она была рассмотрена на продолжительной встрече с Гитлером 11 августа 1942 г. Помимо Шпеера, на встрече присутствовали Ганс Керль (РМЭ), Заукель как уполномоченный по рабочей силе, Плейгер как представитель угольной отрасли и тройка лидеров сталеплавильной промышленности: Рехлинг, Роланд и Альфред Крупп, наследник короны Круппов. Поначалу Плейгер стоял на своем, заявляя о невозможности изыскать необходимые количества кокса. Как мы уже видели, угля крайне не хватало по всему Рейху и подвластных ему территориях. Плейгер пытался увеличить добычу на ветшающих немецких шахтах. Производительность в Бельгии и Северной Франции быстро снижалась. Норвегия и Швеция крайне нуждались в пополнении запасов угля — иначе им было не избежать катастрофы в грядущие зимние месяцы. Вдобавок к этому Плейгер еще должен был учитывать германские электростанции и химические заводы Крауха. Моральное состояние гражданского населения и без того было подорвано нехваткой угля для домашних очагов. Указание Шпеера на то, что в Великобритании введено еще более строгое нормирование угля, чем в Германии, было немедленно опровергнуто статистиками RVK. Плейгер не видел возможности удовлетворить требования стальной отрасли, если только Заукель не доставит ему десятки тысяч опытных шахтеров с Украины и из Польши. В этот момент Заукель заверил Гитлера в том, что ничто не мешает ему найти ту рабочую силу, которая нужна Плейгеру. Гитлер поддержал его. «Если этот вопрос невозможно решить на добровольной основе, то он согласится на любые принудительные меры, и это относится не только к востоку, но и к западным оккупированным территориям»⁷⁴. Однако это

74. Bölcke, *Deutschlands Rüstung*, 171.

не успокоило Плейгера, которому уже приходилось иметь дело с голодными и деморализованными работниками с востока. Как мы уже видели, производительность в шахтах падала с самого начала войны и недоедающие остарбайтеры не могли заменить отборную немецкую рабочую силу.

Однако в этот момент Гитлер неожиданно прекратил дискуссию, заявив: «Герр Плейгер, если из-за нехватки коксующегося угля планы по увеличению производства в стальной отрасли останутся невыполненными, то война будет проиграна». Как мы уже видели, Гитлер не питал иллюзий в отношении того, насколько узким было для Германии окно стратегических возможностей, но он почти никогда не отзывался о бедственном положении Германии с такой безжалостной ясностью. После напряженной паузы Плейгеру не осталось ничего, кроме ответа: «Мой фюрер, я сделаю все, что в силах человеческих, чтобы решить эту задачу»⁷⁵. Железная решимость национал-социалистического руководства должна была восторжествовать над природой, не оделившей Европу достаточными запасами угля. Мы уже видели, как жестокие следствия, вытекающие из этого императива, были предъявлены Плейгером и Леем прочим представителям содружества углепромышленников на встрече в эссенском «Кайзерхофе» в октябре 1942 г. (участники встречи были изрядно навеселе). При необходимости из иностранных работников следовало выжимать все соки, не считаясь с их смертью от непосильного труда. Как выразился Лей, «После нас ничего не останется, со всем будет покончено <...> Германия погибнет. Всех убьют, сожгут и уничтожат»⁷⁶. Тем не менее в августе 1942 г. в более спокойной обстановке ставки фюрера Плейгер требовал, чтобы его «глубокие сомнения» в осуществимости стального плана были занесены в протокол⁷⁷.

Разумеется, стальная сага не могла завершиться соглашением, заключенным 11 августа. К октябрю 1942 г. стало ясно, что Плейгер не в состоянии достичь целей, навязанных ему на августовской встрече. Когда эта тема была поднята на заседании *Zentrale Planung* 23 октября, Шпеер столкнулся с кризисом всей своей «системы»⁷⁸. Утверждалось, что сталеплавильной отрасли для увеличения объемов производства требовалось 2,12 млн тонн угля в месяц. В октябре 1942 г. она получила все-

75. Kehrl, *Krisenmanager*, 278.

76. Abelshauser, in Gall (ed.), *Krupp*, 412.

77. Согласно квазиофициальной стенограмме в: Bölcke, *Deutschlands Rüstung*, 172.

78. Стенограмма 16-го заседания *Zentrale Planung* в IMT XIII. 987–99.

го 1,4 млн тонн, причем Плейгер предложил сократить поставки до 925 тыс. тонн. Это означало бы уменьшение производства стали на 40%, что имело бы катастрофические последствия для всей программы производства вооружений. Не имея нормальных рабочих, Плейгер не мог добывать уголь. Заукель так и не дал ему обещанных 120 тыс. человек. На рудниках не хватало 107417 шахтеров. Еще 9 тыс. человек требовались для железных дорог, обслуживавших шахты. Ситуацию усугубляло то, что Рур страдал от эпидемии невыходов на работу — некоторые смены недосчитывались до 60% человек больными⁷⁹. В силу всего этого немецкой экономике угрожала цепная реакция наподобие тех, которые вызвали развал производства в зимние месяцы 1939–1940 и 1941–1942 гг.⁸⁰ Недостаточные поставки угля вызовут перебои с электроэнергией, что породит узкие места, которые распространятся по всей экономике. Для Шпеера неспособность решить проблемы, связанные с углем и сталью, означала бы политическую катастрофу. Как он выразился на заседании *Zentrale Planung*, такой «итог нанесет тяжелый удар по теории, которую я обычно проповедую — о том, что мы достигнем максимальных результатов, если будем полагаться на ответственность самой промышленности»⁸¹. Скрывавшаяся в его словах угроза была очевидна. Неспособность Плейгера обеспечить требуемые поставки угля «повлекла за собой такие серьезные последствия, что их устранение не может быть поручено никому из *Zentrale Planung*: подобные вопросы могут решаться только рейхсмаршалом [Герингом] и фюрером». Как и предсказывал Рехлинг, неспособность удовлетворить требования военной экономики ставила под удар сотрудничество между Министерством вооружений и промышленностью, которое с 1940 г. служило фундаментом немецкой военной экономики.

В отчаянной попытке предотвратить катастрофу Шибер, Керль и представители стальной и угольной ассоциаций провели все последние дни октября 1942 г. в активных дискуссиях. Они прерывались периодическими пленарными заседаниями *Zentrale Planung*, на которых Шпеер донимал Плейгера и Роланда напоминаниями о невыполненных обещаниях, которые они дали фюреру. Так или иначе, все стороны были слишком заинтересованы в «системе Шпеера», чтобы позволить ей развалиться. Необходимые объемы угля удалось «выжать», сократив

79. Eichholtz, II. 252.

80. BALR3/1692, 23.10.1942., 16-е заседание *Zentrale Planung*, замечания Мильха.

81. BAL R3/1699 ZP 23, 3.11.1942.

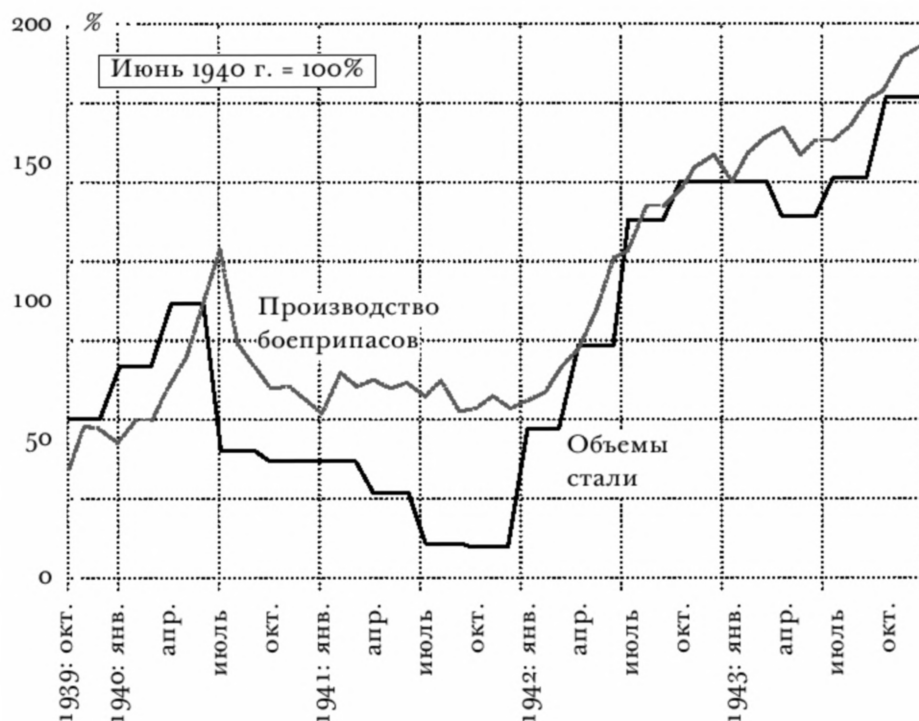

РИС. 20. Производство боеприпасов и объемы выделявшейся на это стали

на 10% его поставки для отечественных потребителей, вследствие чего средний немец стал получать на 15% меньше угля, чем средний британец⁸². Кроме того, Плейгер ввел новые строгие правила, согласно которым у угольных шахт, принадлежавших крупнейшим сталеплавильным фирмам, изымался добытый ими уголь для его дальнейшего распределения. Те производители стали, которые экономно использовали уголь, в награду за это получали возможность оставлять себе более значительную долю «своего» угля. Вместо того чтобы обрушиться, как опасались в RVE, производство стали в первом квартале 1943 г. выросло и достигло в довоенных границах Германии рекордного для военного времени уровня — 2,1 млн тонн в месяц. В рамках немецкого *Grossraum* в целом средние ежемесячные объемы выплавки в начале 1943 г. составляли 2,7 млн тонн. На волне этого индустриального бума Шпеер и объявил о своем «оружейном чуде». К февралю 1943 г. общий индекс производства вооружений вдвое превысил уровень, на котором он находился в момент вступления Шпеера в должность. Однако движущей силой этого мощного прироста было что угодно, кроме чуда.

82. BAL R3/1694, 3.

Повторим еще раз: в том, что касается сферы ответственности Шпеера, самым важным фактором были боеприпасы. А рост производства боеприпасов в первую очередь стал итогом вовсе не рационализации и реорганизации. Он был непосредственно обеспечен резким ростом поставок стали⁸³. С сентября 1939 г. по конец 1943 г. мы видим почти 100-процентную корреляцию между объемами стали, выделенной на производство боеприпасов, и объемами выпуска боеприпасов⁸⁴. Когда поставки стали возрастали, производство боеприпасов шло полным ходом. Когда поставки стали сокращались, сокращался и выпуск боеприпасов, и эта зависимость соблюдается и до, и после февраля 1942 г. В той степени, в какой в пределах сферы ответственности Шпеера наблюдался заметный прирост производительности труда (показатель, обычно используемый как критерий успешности рационализации), это обстоятельство по сути подтверждает роль стали как главного лимитирующего фактора. Отсутствие достаточного количества сырья делало невозможным эффективное использование как рабочей силы, так и имеющегося промышленного оборудования.

III

Таким образом, при более пристальном изучении выясняется, что принципиально важную роль в успехах Шпеера по резкому наращиванию объемов производства сыграла более активная мобилизация средств, рабочей силы и сырья. Однако в то же время нельзя отрицать и того, что определенную пользу принесла и рационализация. Более того, термин «рационализация» явно занимал ключевое слово в самоосознании тех, кто отвечал за немецкую военную экономику после зимнего кризиса 1941–1942 гг. Ни одно другое понятие не отображало с такой же точностью главную тему шпееровской пропаганды: возможность резкого увеличения объемов производства при неизменном количестве сырья и рабочей силы. В условиях, когда против Третьего рейха воевала индустриальная коалиция, имеющая подавляющее

83. Сам Шпеер не испытывал никаких сомнений в отношении этой простой взаимосвязи. См. его ретроспективные замечания, высказанные комитету по боеприпасам в августе 1944 г.: BAL R3/1740, 202.

84. Известная таблица из United States Strategic Bombing Survey, *The Effects of Strategic Bombing on the German War Economy* (Washington, 1945), 180, демонстрирующая сильную корреляцию только до конца 1942 г., вводит читателя в заблуждение, поскольку выпуск боеприпасов увязывается в ней с выпуском не собственно стали, а материалов, необходимых для ее изготовления.

материальное превосходство, будущее военной экономики Германии зависело от убедительности этой волюнтаристской идеи. Едва ли может быть более показательным сам момент, когда она была выдвинута. Рационализация как лозунг государственной политики вышла на передний край осенью 1941 г., в разгар кризиса на Восточном фронте. В тот момент, когда гитлеровские войска застряли на заснеженных окраинах Москвы, нацистская Германия ни в чем не нуждалась так же срочно, как в чудодейственных средствах. 3 декабря 1941 г. Гитлер даже издал указ, в котором рационализация объявлялась главным приоритетом военной экономики⁸⁵. Сам тот факт, что обычная задача, стоящая перед технологами, превратилась в политический вопрос такого масштаба, должен напомнить нам об осторожности, с которой следует подходить к этой теме. Несложная версия Шпеера, согласно которой военная экономика Германии до 1941 г. представляла собой бездонную яму, без всякого толка поглощавшую рабочую силу и сырье, и что лишь после декабря 1941 г. благодаря указу фюрера и вдохновенному руководству Шпеера она осознала необходимость эффективности, представляла собой очевидный миф. Как мы уже видели, статистика, на которую обычно ссылаются в попытках подтвердить такое представление о дошпееровской эпохе, просто не выдерживает пристальной проверки. И напротив, успешный рост выпуска вооружений, достигнутый Шпеером в своем секторе, сводился главным образом к увеличению производства боеприпасов, которое объясняется в первую очередь не рационализацией, а решительными мерами по мобилизации сырья.

Рационализация явно играла ключевую роль вовсе не в секторе Шпеера, а в сфере ответственности Эрхарда Мильха и Министерства авиации. С начала 1942 г. по начало 1943 г. ежемесячный выпуск самолетов более чем удвоился. Но в отличие от армейского сектора, это увеличение объемов выпуска происходило при более чем скромном росте численности рабочей силы, который не сопровождался каким-либо увеличением объемов поставляемого алюминия. Это, безусловно, указывает на очень заметный прирост эффективности. Вместе с тем пристальное изучение производственной статистики люфтваффе выявляет сложность и неоднозначность понятия «рационализация» в индустриальной политике нацистов⁸⁶.

В авиационной промышленности Третьего рейха как новой ведущей машиностроительной отрасли 1930-х гг. с мо-

85. ВАН R131/658, 99–104; Müller, in DRZW 5/1.612–20.

86. О дальнейшем см. превосходное изложение в: Budrass, *Flugzeugindustrie*, 705–66.

мента ее зарождения ощущалось сильное влияние «американских» идей о рационализации и массовом производстве. Как мы уже видели, самым агрессивным сторонником этой идеологии массового производства был Генрих Коппенберг, ставший в 1933 г. генеральным директором *Junkers*. Попытки Коппенберга создать «фордистскую» авиастроительную фирму опирались на стремление к максимальным масштабам производства и максимальной вертикальной интеграции. Ju-88 в 1938 г. был навязан Министерству авиации в качестве самолета, специально оптимизированного для массового производства. В 1940 г., в качестве прямого ответа на американскую угрозу, Коппенберг выступил с грандиозными планами по строительству завода авиационных двигателей производительностью в 1000 двигателей и громадного алюминиевого комплекса, базирующегося в Норвегии. С учетом колоссальных объемов производства, объявленных британцами и американцами, и общей одержимости фордизмом в межвоенной Европе такие проекты обладали неотразимой и неизменной привлекательностью. Они естественным образом шли по следам Плейгера с его гигантским сталеплавильным комплексом в Зальцгиттере и Порше с его не менее грандиозным заводом VW в Фаллерслебене.

Несмотря на столь же огромный риск провала, примерами которого стали такие «пятые колеса в телеге», как австрийский завод с заявленной производительностью в «1000 авиамоторов», стремление к росту масштабов не было просто погоней за иллюзиями. Как мы уже видели, производственная мощность завода авиадвигателей *Daimler-Benz* в Генсхагене была вполне успешно доведена до 1000 с лишним моторов в месяц при очень невысоких издержках. Можно привести и другие примеры успеха, такие как сооружение танкового комплекса под Линцем⁸⁷. Концентрация производства на немногих громадных заводах давала реальные преимущества. Тот факт, что и Соединенным Штатам, и Советскому Союзу удавалось содержать действительно колоссальные промышленные предприятия, расположенные вне радиуса действия вражеских бомбардировщиков, явно вносил свой вклад в то, что объемами производства эти страны опережали и Германию, и Великобританию⁸⁸. Притом что производственные достижения Министерства авиации Миляха

87. N. Gregor, *Daimler-Benz in the Third Reich* (New Haven, 1998), 115–26; H. H. Knittel, *Panzerfertigung im Zweiten Weltkrieg: Industrieproduktion für die deutsche Wehrmacht* (Hertford, 1988), 52–3, 95–9.

88. В работе R. Overly, *Why the Allies Won* (London, 1995), 180–207, удачно описывается ситуация в СССР и США, но преувеличиваются затруднения немцев.

и Министерства вооружений Шпеера были более скромными, их возможность была обеспечена инвестиционными программами, выполнение которых началось осенью 1940 г. и продолжалось на протяжении значительной части 1943 г.

Однако концентрация ресурсов в рамках стремления к «эффективности» и «масштабности» в то же время являлась одной из главных движущих сил междоусобной конкуренции в промышленности, совершенно несовместимой с эффективным управлением военной экономикой в целом. Это более чем хорошо понимал Эрхард Мильх из Министерства авиации, почти десять лет сталкивавшийся с непреодолимым эгоцентризмом немецких авиапроизводителей. Соответственно, летом 1941 г., в преддверии принятия большой программы по наращиванию размеров люфтваффе, Мильх осуществил ряд перестановок в верхних эшелонах авиапромышленности, имевших принципиальное значение в ходе его дальнейших усилий по рационализации производства⁸⁹. В мае 1941 г., за десять месяцев до назначения Шпеера, Мильх создал при Министерстве авиации промышленный совет (*Industrierat*), рассматривавший планы министерства по поставкам самолетов. Этот квазипарламентский орган играл роль мощного барьера на пути у отдельных фирм, пытавшихся оказать на министерство чрезмерное влияние. Затем, проведя ряд громких корпоративных переворотов, Мильх добился сокращения размеров крупнейших производителей. Первыми новому режиму были подчинены *Junkers* и BMW. После ряда неудач BMW при разработке радиальных двигателей надзор над этой фирмой был поручен Уильяму Вернеру, специалисту по эффективности, которого переманили из автомобильного концерна *Auto-Union*⁹⁰. Коппенберг, возглавлявший *Junkers*, был бесцеремонно отправлен в отставку. На самой фирме *Junkers* был введен новый строгий режим финансового надзора. Кроме того, Мильх, воспользовавшись замешательством, в которое Вилли Мессершмитта привела неудача с Me-210 (о чем мы еще поговорим ниже), назначил в *Messerschmitt* вместо него нового управляющего. В рамках дальнейшей борьбы с корпоративной автономией Мильх покончил с облегченным финансовым режимом, при котором производителям платили

89. О дальнейшем см.: Budrass, *Flugzeugindustrie*, 706–15.

90. Вернер, родившийся в 1883 г. в Нью-Йорке, сделал карьеру в германской машиностроительной промышленности, после чего провел несколько лет на фирме *Chrysler* в Детройте, изучая американские методы массового производства. Вернувшись в 1929 г. в Германию, он стал техническим директором на *Horch*, а с 1933 г. — на *Auto-Union*, образованном путем слияния нескольких компаний.

авансом за их поставки для Министерства авиации. Компания *Heinkel* в результате такого шага оказалась в финансовом кризисе, которым Мильх воспользовался для перестановок в ее руководстве и перевода Эрнста Хейнкеля на чисто конструкторские позиции. В результате все три крупнейших разработчика самолетов — *Junkers*, *Messerschmitt* и *Heinkel* — оказались под непосредственным контролем министерства.

И только после того, как эти решительные меры позволили восстановить авторитет Министерства авиации, Мильх начал проводить в жизнь программу рационализации в смысле оптимизации производственных процессов. Он создал систему кружков по планерам, авиамоторам и авиационному оборудованию, впоследствии по примеру, заданному Тодтом и Шпеером, переименованных в главные комитеты. Кружок по планерам возглавил Карл Фридаг, главный инженер корпорации *Henschel*. Во главе кружка по авиамоторам был поставлен Уильям Вернер. Контроль над производством авиационного оборудования осуществлял Ганс Гейне из *АЕG-Telefunken*⁹¹. Все они тоже были сторонниками массового производства в «американском стиле». Вернер работал на *Chrysler*, Гейне был протеже *General Electric*. Но в отличие от строителей великих промышленных империй 1930-х гг., они исповедовали принцип «больше за меньшие деньги». В частности, Вернер в 1941 г. заявил о себе рядом разгромных докладов о допотопных приемах металлообработки, широко распространенных при производстве авиамоторов⁹². Особенное возмущение у него вызывали большие потери сырья из-за использования традиционных технологий металлообработки. Как он выразился в часто цитируемом докладе, немецкие заводы авиамоторов в весовом выражении производили больше стружки, чем двигателей⁹³.

Разумеется, вряд ли стоит сомневаться в правоте Вернера. Но его агрессивные призывы к реформам и оптимизации следует рассматривать в соответствующем контексте. Вернер озвучивал ту критику, с которой еще с начала 1930-х гг. выступали сторонники новых, передовых технологий, идущих на смену таким традиционным металлорежущим станкам, как токарные, — шлифовки, литья, штамповки и прессования, дающих намного большую экономию материалов и трудовых затрат. Фридаг

91. Ганс Гейне, родившийся в 1900 г., в 1920-х и начале 1930-х гг. работал в США, после чего вернулся в Германию и по настоятельной рекомендации *General Electric* был принят на работу в АЕG. Быстро сделав в этой фирме карьеру, в 1942 г. он вошел в совет директоров АЕG.

92. PROFO 178, Вернер о BMW.

93. Budrass, *Flugzeugindustrie*, 641, 710–11; Müller, in DRZW 5/1.602.

в годы работы на *Henschel* был мировым лидером в этой области⁹⁴. Но принимать рационализаторскую риторику таких людей, как Вернер и Фридаг, за чистую монету и делать вывод о том, что авиастроительная промышленность до ноября 1941 г. отличалась особенной неэффективностью, было бы наивно. Большое количество отходов при металлообработке было в 1920-е и в 1930-е гг. абсолютной нормой и в Германии, и в США⁹⁵. Более того, было бы ошибкой противопоставлять «рациональную» рационализацию Вернера, Фридага и компании «фантастическим» планам, с которыми прежде выступали Коппенберг, Эрнст Хейнкель и им подобные. В обстановке кризиса, поразившего нацистский режим осенью 1941 г., одна рационализационная риторика просто сменила другую. Критику существующих производственных практик, с которой выступал Вернер, с тем же успехом можно было бы в любой момент времени после начала 1930-х гг. адресовать практически любому заводу в Германии — как, собственно говоря, и в любой другой стране мира. Более того, Вернер пытался донести свою точку зрения до Министерства авиации по крайней мере за два года до того, как благодаря Фрицу Тодту получил должность национального уровня⁹⁶. Его критические заявления были пущены в ход лишь в октябре 1941 г., именно в тот момент, когда стало ясно, что в стране нет ни материалов, ни рабочей силы для реализации грандиозных планов, к выполнению которых Мильх и Геринг так уверенно приступили всего несколькими месяцами ранее. В этом смысле именно люфтваффе выступили родоначальником «риторической идеи-фикс», 3 декабря распространенной гитлеровским указом о рационализации на всю военную экономику: пристальное внимание к производственному процессу позволит практически неограниченно увеличивать объемы производства и преодолеть все проблемы ресурсов, с которыми сталкивалась Германия. Разумеется, здравомыслящий Вернер предлагал нечто намного более скромное. Он говорил о возможности увеличить производство где-то на 40%.

Более того, как было очевидно всем заинтересованным лицам, массовое производство таких чрезвычайно сложных устройств, как самолеты, имело свои отрицательные стороны⁹⁷.

94. Budrass, *Flugzeugindustrie*, 417–22.

95. См. очень похожие критические высказывания фордовских технологов, в конце 1940-х гг. Они добивались заказов на производство радиальных авиамоторов *Pratt and Whitney*: Benson Ford Research Center, Ace. 435, box 5.

96. Budrass, *Flugzeugindustrie*, 641.

97. Мильх 22 октября 1941 г. уже ознакомил ОКВ с основами своей программы, делая недвусмысленный акцент на массовом производстве, каким его описывал

Производство пришлось бы ограничить небольшим числом моделей, «заморозив» их на достаточно долгий срок для того, чтобы заводы получили достаточную экономию за счет масштабов. Поэтому компромисс между качеством и количеством был неизбежен. Поскольку Германия не имела никакой возможности составить непосредственную конкуренцию Америке в плане объемов производства, то согласиться на такой компромисс было непросто. Как мы уже видели, в 1941 г. Удет воздержался от выделения большего объема ресурсов для массового производства существовавших моделей именно из-за надежды на то, что новые разрабатываемые самолеты — в первую очередь Me-210 и He-177 — будут обладать значительными технологическими преимуществами. К концу года, когда Удет уже был мертв, Мильх столкнулся с угрозой двух позорных конструкторских неудач. Не следует придавать этим проблемам слишком много значения. Делать вывод о том, что они отражали какие-то глубинные структурные слабости германского военно-промышленного комплекса, было бы серьезной ошибкой⁹⁸. В конце концов, Германия уже далеко продвинулась в разработке нового поколения реактивных самолетов, воплощавших самые передовые достижения авиаконструкторской мысли. Инженерные проблемы, с которыми столкнулся боевой самолет Me-210, были связаны с высокой рискованностью той игры, в которой люфтваффе участвовали с конца 1930-х гг.⁹⁹ Вместо того чтобы проходить обычный четырехлетний цикл от прототипа до серийного производства, Министерство авиации попыталось вырваться вперед в воздушной гонке, сократив срок внедрения до трех лет. При этом оно шло на сознательный риск, пуская в серийное производство не до конца испытанный самолет. В случае Ju-88 риск оправдал себя. Хотя Ju-88 не стал тем чудо-оружием, которое обещал дать Геринг, это был, несомненно, боеспособный самолет. Более того, полным провалом нельзя назвать ни тяжелый истребитель Me-210, ни даже злосчастный He-177 Хейнкеля. К 1943 г. оба превратились во вполне пригодные боевые машины. В обоих случаях для конструкторо-

Вернер, и на сокращении числа моделей. Второй пункт программы опирался на предположение о том, что немецкие истребители не устареют в обозримом будущем. См.: ВАМА RW19/177, 280–86.

98. См. превосходную критику такой точки зрения в: R. Schabel, *Die Illusion der Wunderwaffen: Düsenflugzeuge und Flugabwehrraketen in der Rüstungspolitik des Dritten Reiches* (Munich, 1994), 115–23.

99. H. J. Ebert, J. B. Kaiser and K. Peters, *Willy Messerschmitt* (Bonn, 1992), 150–75; P. Schmoll, *Die Messerschmittwerke in Zweiten Weltkrieg* (Regensburg, 1998), 60–64; A. van Ishoven, *Messerschmitt: Aircraft Designer* (London, 1975), 149–65.

ров камнем преткновения стали нехватка времени на разработку и невыполнимые технические требования, предъявлявшиеся к проекту. Однако в начале 1942 г. это служило для Эрхарда Мильха слабым утешением. Сотни опасных и нестабильных в полете Ме-210 сходили со сборочных линий на заводах Мессершмитта в Регенсбурге и Аугсбурге. Еще больше недостроенных самолетов скопилось в сборочных цехах, а склады были забиты деталями еще для 800 самолетов. Мильх, не имея иного выхода, был вынужден списать убытки и отменить всю программу. В отчаянной попытке привести количество в соответствие с качеством он решил загрузить все имеющиеся мощности массовым выпуском тех моделей, которые прошли всестороннюю проверку в первые годы войны¹⁰⁰.

Акцент на массовом производстве, несомненно, дал свои результаты. К лету 1943 г. выпуск самолетов более чем удвоился по сравнению с уровнем зимы 1941–1942 г. Разрыв между Великобританией и Германией существенно сократился. Германская авиационная промышленность впервые смогла добиться заметной экономии за счет роста масштабов производства. Ресурсы, закачивавшиеся в люфтваффе в 1940–1941 гг., теперь использовались для массового изготовления самолетов. Имеющиеся станки были распределены продуманным образом с тем, чтобы выпускать большие серии идентичных самолетов. Впрочем, во всем этом не было ничего чудесного. Еще с 1920-х гг., когда был построен первый цельнометаллический самолет, немецкие авиаконструкторы подсчитали, что издержки производства будут снижаться в геометрической прогрессии по мере роста объемов выпуска¹⁰¹. Они даже составили формулу, описывающую влияние так называемой кривой роста выработки в алгебраических терминах. И опыт 1940-х гг. показал, что эти предсказания были поразительно точными. Издержки резко сократились после того, как каждый завод начал выпускать только «свою» стандартную модель. Германия по-прежнему производила самолеты несколько меньшими партиями, чем американцы. Но производственная статистика за период после 1942 г. поражает тем, насколько производительность труда на немецких авиазаводах приблизилась к американской. В то время как производительность труда на большинстве американских промышленных предприятий по-прежнему обгоняла немецкую не менее чем в два раза, соответствующее различие в сфере про-

100. Budrass, *Flugzeugindustrie*, 738–41.

101. Ibid., 844–6.

изводства авиационных планеров составляло в 1942 и 1943 г. не более 50%¹⁰².

Однако Германии пришлось заплатить высокую цену за этот рост объемов производства: речь идет о возмставшем техническом отставании арсенала люфтваффе. Еще в октябре 1941 г. шокированная комиссия из нескольких фронтовых летчиков, получивших задание оценить программу конструкторских работ люфтваффе, отказывалась поверить в то, что Мильх потребовал резко увеличить выпуск самолета He-111¹⁰³. Люфтваффе впервые испытали этот средний бомбардировщик в феврале 1934 г., когда военно-воздушные силы Геринга все еще вели подпольное существование. В тот момент He-111 был передовым самолетом, а его конструкция непрерывно совершенствовалась. Но уже осенью 1941 г. командующие люфтваффе считали его непригодным для использования над Великобританией, даже под покровом ночи. В итоге He-111 наряду с другими двухмоторными самолетами люфтваффе, такими как Me-110 и 210/410, после 1942 г. обрели новую жизнь в качестве ночных истребителей, защищавших германское небо от Королевских ВВС. Поскольку британские бомбардировщики не имели сопровождения в виде истребителей сопровождения, для ночного перехвата не требовалось особого преимущества ни в скорости, ни в маневренности. Для того, чтобы выследить и уничтожить медленные бомбардировщики, немецкие летчики нуждались лишь в громоздкой электронике и крупнокалиберных орудиях, которые было несложно установить на двухмоторные бомбардировщики 1930-х гг. Истинные издержки принятого Мильхом решения начали сказываться лишь во второй половине 1943 г., когда ВВС США начали проводить дневные налеты в сопровождении истребителей, непосредственно бросавших вызов перехватчикам люфтваффе. Основу дневных оборонительных сил люфтваффе составляли «Мессершмитты» Bf-109. Именно на эти истребители в основном приходился резкий прирост выпуска самолетов, достигнутый Мильхом после 1942 г. Bf-109 на момент своих первых боевых вылетов, состоявшихся в 1937 г., в ходе гражданской войны Испании, представлял собой весьма передовую конструкцию. Пять лет спустя, из-за изъянов в аэродинамике, он достиг предела своих возможностей. Вариант 1943 г., Bf-109G или «Густав», на который ставились новые громоздкие

102. R. Overy, *The Air War 1939–1945* (London, 1980), 168. В 1944 г., когда производство самолетов в Америке вышло на полную мощность, это соотношение выросло до 2:1.

103. Budrass, *Flugzeugindustrie*, 739.

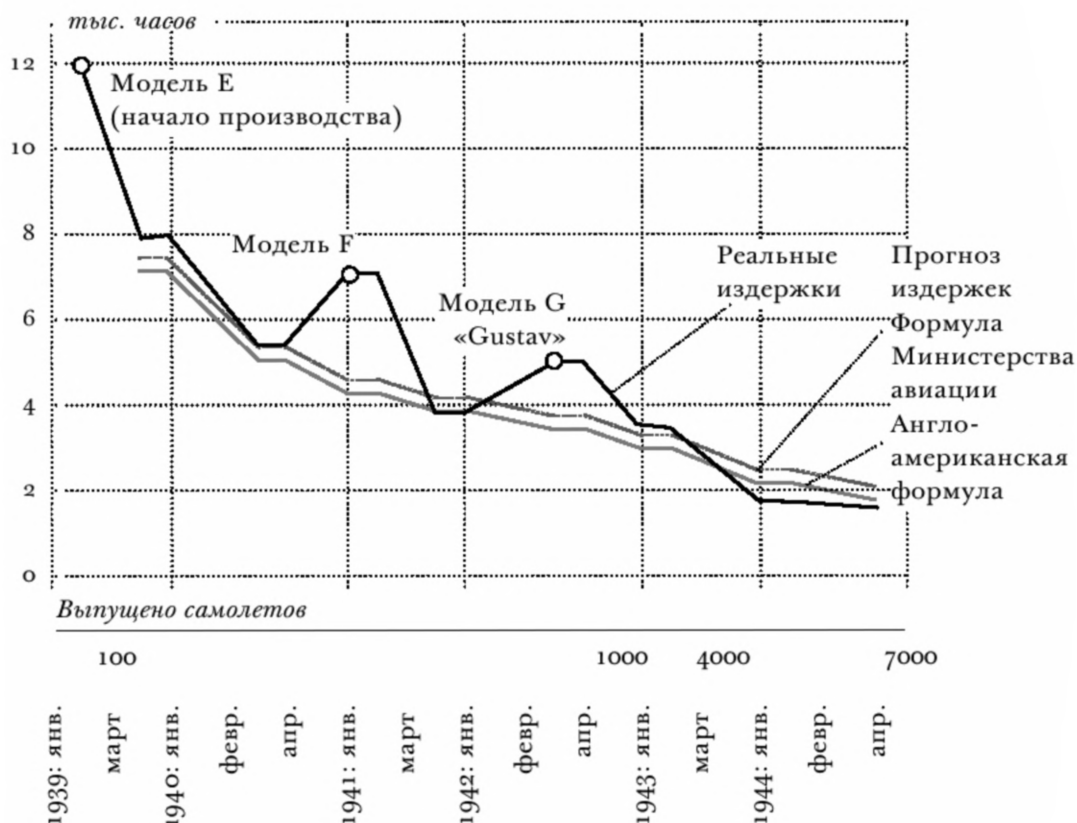

РИС. 21. Освоение производства Bf-109 на заводе *Messerschmitt* в Регенсбурге (время сборки одного самолета)

моторы, мог сравняться со своими британскими, американскими и советскими соперниками в скорости при полете по прямой, но только за счет маневренности. По словам одного американского аса, летавшего на всех основных боевых самолетах Второй мировой войны, плохая управляемость Bf-109 делала его «неприемлемым в качестве истребителя», «устаревшим» с самого начала выпуска, «беспомощным нагромождением бугров» и «шишек»¹⁰⁴. При полете на полной скорости ему требовалось 4 секунды, чтобы повернуть на 45 градусов. Для самолета, делающего 500 километров в час, это было абсурдно медленно. Во время ближнего воздушного боя на низких высотах пилотам «спитфайров» и «мустангов» нередко удавалось заставить своих незадачливых немецких противников врезаться в землю — так медленно Bf-109G выходил из любого резкого маневра. С 1942 г. по конец 1944 г. под руководством Мильха было собрано почти 24 тыс. этих неудачных машин. Для тысяч летчиков люфтваф-

104. Col. «Kit» Carson, «The Best of the Breed», *Airpower* (1976), 6, 4.

фе, втискивавшихся в тесные кабины «мессершмиттов», эти самолеты, в массовом порядке выпускавшиеся Мильхом, становились немногим более чем летающими гробами¹⁰⁵.

IV

Медовым месяцем Шпеера был недолгий период с весны по осень 1942 г. Это был идеальный момент для того, чтобы начинать пропаганду «оружейного чуда». Рост объемов производства совпал с последним этапом войны, когда страны Оси еще могли диктовать темп и размах военных действий¹⁰⁶. Вплоть до лета 1942 г. могло показаться, что самая большая ставка Гитлера — заключенный им союз с Японией против Соединенных Штатов — все еще может оправдаться. В начале 1942 г. японцы беспрепятственно овладели Бирмой, Малайей, Индонезией и Филиппинами, нанеся смертельный удар если не Америке, то по крайней мере по британским владениям в Азии. В Атлантическом океане немецкие подлодки причиняли огромный урон беззащитному американскому торговому флоту. В Северной Африке Роммель делал поразительные успехи в борьбе с неумелыми противниками, 21 июня 1942 г. взяв Тобрук и развернув стремительное наступление на Египет. Пока Великобритания шла от одной катастрофы к другой, казалось, что Гитлеру все же удастся воплотить в жизнь свою заветную мечту. Черчиллю грозил вотум недоверия со стороны палаты общин¹⁰⁷. У немцев сохранялась надежда на то, что британцы все-таки выйдут из войны. Между тем войска на Восточном фронте как будто бы оправились от удара, нанесенного по ним зимой¹⁰⁸.

В мае 1942 г. вермахт разгромил советские войска, неумело наступавшие на Харьков, и захватил почти четверть миллиона пленных. Несколькими неделями позже генерал Манштейн взял еще 150 тыс. военнопленных в Крыму. Германская армия, 28 июня начавшая большое наступление на южном фланге, была во всех отношениях слабее той, которая годом ранее вторглась в Советский Союз. Но поначалу группа армий «Юг» наступала поразительными темпами. Сталин направил оставшиеся резер-

105. О тактике и уловках, применявшихся для того, чтобы сохранять конкурентоспособность Bf-109G, см.: J. Scutts, *Messerschmitt Bf 109: The Operational Record* (Shrewsbury, 1996), 91–102.

106. G. L. Weinberg, *A World at Arms: A Global History of World War II* (Cambridge, 1994), 310–56.

107. K. Jeffreys, *The Churchill Coalition and Wartime Politics, 1940–1945* (Manchester, 1991), 85–111.

108. DRZW 6. 761–886.

вы не на юг, а на оборону Москвы. Главной задачей для русских частей, принявших на себя основной удар наступления немцев, было избежать новых окружений. На последней неделе июля 1942 г. 1-я танковая армия взяла Ростов, после чего весь южный сектор Советского фронта стал проявлять признаки развала. Воодушевленный этими первыми успехами, Гитлер разделил группу армий «Юг» на две группировки. Более слабый северный фланг наступал строго на восток, в сторону Волги и Сталинграда. Главные силы направлялись на юго-восток, к кавказской нефти. 9 августа передовые части горнострелковых войск достигли Майкопа, ближайшего из нефтяных месторождений Кавказа. Но нефтяные вышки были настолько тщательно разрушены, что немцы решили бурить новые скважины. С этой целью по горным дорогам в Майкоп было с трудом завезено большое количество тяжелого бурильного оборудования. Плацдарм немцев оставался непрочным, и было непонятно, каким образом в массовом порядке доставлять кавказскую нефть в Германию, даже если гитлеровцам удастся удержать свои позиции. Тем не менее тот факт, что немецкие войска достигли прославленных нефтяных месторождений, вызвал колоссальный моральный подъем. Теперь уже казалось, что и до Баку недалеко. 30 августа 1942 г. 3-я танковая дивизия захватила плацдарм на реке Терек — последнем крупном естественном препятствии на пути в Грозный и на железнодорожной магистрали, идущей к Каспийскому морю¹⁰⁹.

Третий рейх вернулся к своему прежнему победительному тону, по крайней мере в публичных выступлениях его руководителей. В июле Гитлер перенес свою ставку на Украину, чтобы быть ближе к фронту, а 23 июля издал Директиву № 45, в которой объявлялось, что «всего за три с небольшим недели после начала кампании широкие задачи, поставленные перед южным флангом Восточного фронта <...> в целом решены. Лишь незначительным вражеским силам <...> удалось избежать окружения...»¹¹⁰. Казалось, что Советский Союз снова находится на грани краха. С учетом разочарований, которые принесли с собой прошедшие зима и весна, немецкая общественность поначалу относилась к этим заявлениям не без подозрений¹¹¹. Однако к концу июля 1942 г. гестапо доносило о волне оптимизма, которую Геббельс и Геринг изо всех сил стремились превратить

109. DRZW 6. 932–51.

110. H. R. Trevor-Roper (ed.), *Hitler's War Directives 1939–1945* (London, 1966), 193–7.

111. L. Herbst, *Der Totale Krieg und die Ordnung der Wirtschaft: Die Kriegswirtschaft im Spannungsfeld von Politik, Ideologie und Propaganda 1939–1945* (Stuttgart, 1982), 191–4.

в лихорадочное возбуждение. Отныне речь шла только о предстоящих грабежах на Украине. Кроме того, как мы уже видели, были предприняты новые, еще более безжалостные меры к тому, чтобы реально увеличить поставки продовольствия с оккупированных территорий. Лето 1942 г. стало последней «страдной порой» для осуществления проектов по созданию немецких поселений на востоке и строительству расовой империи. Пока в Майкопе трудились нефтяники Рейха, *Kontinental Öl*, только что основанная крупная нефтяная корпорация вынашивала планы по захвату британских нефтяных активов в Египте¹¹². В России айнзатцгруппы далеко продвинулись в выполнении второго этапа своей ужасающей программы массовых убийств. 17–19 июля Генрих Гиммлер посетил Аушвиц и Генерал-губернаторство, ознакомив местные власти с судьбоносными инструкциями из Берлина. Декабрьский шок 1941 г. постепенно забывался. Разбив Красную армию и покорив юг Советского Союза, нацистский режим мог не опасаться серьезной угрозы с Востока. После этого ему бы оставалось только защищать свою материковую империю от Великобритании и Америки. Как и в предыдущем году, Гитлер даже рассуждал о возможности уволить из армии сотни тысяч квалифицированных немецких рабочих ради удовлетворения потребностей люфтваффе и флота в вооружении и боеприпасах¹¹³.

Но несмотря на эту волну оптимизма, беспокойство, впервые вызванное зимним кризисом 1941–1942 гг., так и не улеглось до конца. Как мы уже видели, баланс угля и стали, от которого зависело продолжение шпееровского «оружейного чуда», уже в августе подошел к критической черте. Последствия, которыми Гитлер грозил Плейгеру 11 августа, находились в резком противоречии с оптимизмом, который так щедро расточали Геринг и Геббельс. У Ганса Керля, не слышавшего отчаянных разговоров, которые велись предыдущей зимой, слова Гитлера, открыто говорившего о возможности поражения, вызвали глубокое беспокойство¹¹⁴. Несколькими неделями ранее Гитлер поразил другую аудиторию, заявив, что если нефтяные месторождения Кавказа не будут захвачены к концу года, это тоже будет означать поражение¹¹⁵. Мыслями Гитлер все чаще обращался к грядущей битве с западными державами¹¹⁶. К августу

112. Eichholtz, II. 409.

113. Kröner, in DRZW 5/2, 793.

114. Kehrl, *Krisenmanager*, 278.

115. Eichholtz, II. 484. О серьезности проблем с нефтью в конце 1942 г. см.: DRZW 6.945–6.

116. DRZW 6. 891–8.

Черчилль выбрался из полосы катастроф, преследовавших англичан в первой половине года, и Гитлер опасался того, что в случае неожиданного краха СССР британцы и американцы немедленно предпримут импровизированную высадку во Франции или в Норвегии. Он так серьезно относился к этой возможности, что потребовал снять с Восточного фронта несколько надежных дивизий СС и отправить их на Запад. Кроме того, 13 августа 1942 г. по приказу Гитлера началось поспешное возведение грандиозного Атлантического вала — своего рода прибрежной линии Мажино.

Гитлер знал: если он хочет навсегда подорвать силы антинацистской коалиции, то должен в течение ближайших месяцев завершить войну на востоке. Но, как и в 1941 г., вставал вопрос: действительно ли Красная армия разбита? Генерал Гальдер, начальник штаба армии, уже к концу июля был убежден в том, что немецкие силы на Восточном фронте слишком слабы для того, чтобы нанести Красной армии решающее поражение. 23 июля, в день, когда был взят Ростов, а Гитлер объявил о достижении основных целей южной операции, Гальдер доверил своему дневнику мысль о том, что «Всегда наблюдавшаяся недооценка возможностей противника принимает постепенно гротескные формы и становится опасной»¹¹⁷. Опасения Гальдера подтвердились несколько дней спустя, когда Красная армия предприняла яростное контрнаступление на Ржев, занимавший ключевое положение в секторе группы армий «Центр»¹¹⁸. Как отмечал Фромм еще в феврале 1942 г., немецким войскам не хватало живой силы. Потери группы армий «Юг» с начала наступления составили 280 тыс. человек, и лишь половина из них была возмещена. В целом Гальдер к ноябрю 1942 г. ожидал нехватку 750 тыс. солдат, что было больше, чем могли дать все призывники подростковых возрастов к концу года¹¹⁹. Ситуация еще больше усугубилась к концу августа, когда советский Северный фронт бросил крупные силы на прорыв блокады Ленинграда¹²⁰. Группе армий «Север» удалось ликвидировать вклинения и в конце концов уничтожить наступающие советские части. Но это обошлось ему ценой не менее 26 тыс. выбывших из строя, что похоронило все возможные надежды Гитлера на разруше-

117. *Halder Diary*, 646; Ф. Гальдер, *Военный дневник*, т. 3, 388.

118. Weinberg, *World at Arms*, 427; *Halder Diary*, 649–50, 653–4, 657, 660–61. Контрнаступление, предпринятое группой армий «Центр», застопорилось уже через несколько дней.

119. Kröner, in *DRZW* 5/2. 797.

120. D. M. Glantz, *The Siege of Leningrad, 1941–1944* (Staplehurst, 2001), 97–107.

ние обороны города¹²¹. В конце сентября 1942 г. генерал Фромм как начальник армейской службы снабжения подал Гитлеру меморандум, в котором настаивал на перемирии как на единственном способе спасти Германию от катастрофы. Фромм наладил тесные рабочие взаимоотношения со Шпеером, который был прекрасно осведомлен о его взглядах. Однако Шпеер промолчал, а Гитлер в тот момент был далек от пораженческих настроений. К концу сентября он сместил Гальдера с должности начальника штаба, а вслед за ним скорое политическое забвение грозило и Фромму¹²².

По мере того как благодаря ожесточенному сопротивлению Красной армии шел уже второй год войны на востоке, шансы вермахта на победу снижались. По сравнению с осенью 1941 г., когда немцы и их союзники иногда имели значительное численное превосходство над Красной армией, к осени 1942 г. соотношение сил между советскими и немецкими войсками приближалось к 2:1¹²³. С учетом ужасающих потерь, понесенных Красной армией до осени 1942 г., оно не только отражало соответствующий демографический баланс, но и свидетельствовало о невероятных мобилизационных способностях сталинского режима. Впрочем, еще более замечательным был тот факт, что в ключевых точках фронта Красная армия была способна дополнить свое преимущество в живой силе аналогичным преимуществом в пушках, танках и самолетах. Несмотря на оптимистические киножурналы, Шпеер и Мильх проигрывали битву заводов. Германию опережал даже потрепанный Советский Союз, не говоря уже о британцах и американцах, у которых производство велось в намного более благоприятных обстоятельствах. Если в 1942 г. где-либо и произошло настоящее «оружейное чудо», то это случилось не в Германии, а на военных заводах Урала. Несмотря на территориальные потери и разрушения, которые привели к сокращению общего национального продукта на 25%, Советский Союз в 1942 г. сумел обогнать Германию по производству практически всех видов вооружений. По производству ручного оружия и артиллерии Советский Союз превосходил Германию в три раза. По танкам он имел над ней ошеломляющее четырехкратное преимущество, причем танки Т-34 были лучше немецких. Даже в производстве боевых самолетов

121. DRZW 6. 903–6.

122. B. R. Kröner, «*Der Starke Mann in Heimatkriegsgebiet*»: Generaloberst Friedrich Fromm. Eine Biographie (Paderborn, 2005), 457–71.

123. D. M. Glantz and J. M. House, *When Titans Clashed: How the Red Army Stopped Hitler* (Lawrence, Kan., 1995), 301–3.

он превосходил Германию вдвое¹²⁴. Именно это промышленное превосходство позволило Красной армии вопреки всем ожиданиям сперва пережить второе большое наступление вермахта, а затем в ноябре 1942 г. нанести ряд сокрушительных контрударов. Разумеется, было бы большой ошибкой приписывать победы, одержанные Красной армией после лета 1942 г., исключительно грубой силе. К осени 1942 г. командование Красной армии научилось планировать операции не хуже немцев (за исключением самых талантливых из числа последних). С другой стороны, бесспорно и то, что победы Жукова и его коллег были бы невозможны в отсутствие превосходной техники, оружия и боеприпасов, производившихся на советских заводах.

С целью избежать недоразумений подчеркнем — это была история успеха СССР, а не провала Германии. На третьем полном году войны производство вооружений в Германии и Великобритании находилось более-менее на одном уровне. Обе эти экономики, в 1936 г. имевшие промышленность примерно одинаковых размеров, теперь производили примерно одинаковое количество вооружений¹²⁵. Разумеется, Великобритания в массовом порядке получала вооружения по ленд-лизу, в то время как Германии приходилось обходиться намного более скромным вкладом оккупированной Европы. Кроме вооружений, Германия в 1942 г. производила намного больше средств производства, чем Великобритания, и это преимущество в 1944 г. обернулось существенно более высокими объемами производства вооружений. Исключительно высоких результатов достиг Советский Союз, в котором в 1942 г. было выпущено вдвое больше пехотного оружия, столько же орудий и почти столько же боевых самолетов и танков, как в США, бесспорном промышленном лидере мира. Советское чудо не было ничем обязано какому-либо западному содействию. Ленд-лиз начал сказываться на соотношении сил на Восточном фронте лишь с 1943 г. Самое правдоподобное объяснение этого поразительного триумфа сводится к выпуску небольшого числа видов вооружений, сосредоточенному на нескольких гигантских заводах, что позволяло в максимальной степени реализовать экономию, достигаемую за счет массового производства¹²⁶. Но ясно и то, что это

124. M. Harrison (ed.), *The Economics of World War II* (Cambridge, 1998), 15–16.

125. См. часто приводимые цифры в: R. Goldsmith, «The Powers of Victory: Munitions Output in World War II», *Military Affairs*, 10 (1946), 69–80.

126. Практически всем, что нам известно о советской экономике в годы войны, мы обязаны поразительной и новаторской работе Марка Харрисона. См.: M. Harrison, *Soviet Planning in Peace and War, 1938–1945* (Cambridge, 1985); J. Barber and Harrison, *The Soviet Home Front, 1941–1945: A Social and Economic History of the USSR*

промышленное чудо было оплачено за счет непомерных жертв, понесенных советским тылом: сотни тысяч, если не миллионы человек умирали от голода, возложив свои жизни на алтарь военной экономики¹²⁷. Поскольку в деревне осталось очень мало рабочей силы (всех, кого могли, призывали в Красную армию или на оборонные заводы), то адекватное питание получали только те, кто трудился. Кроме того, преимущество, которое дал Советскому Союзу чрезвычайно высокий уровень мобилизации, оказалось недолговечным. К 1944 г. Германия догнала Советский Союз по всем категориям производства. Однако к тому времени это уже не имело значения. Как прекрасно осознавали Альберт Шпеер и Эрхард Мильх, 1942 г. был решающим годом войны. Для того чтобы Третий рейх получил хоть какие-то шансы на выживание, группу армий «Юг» следовало оснастить материальной частью, необходимой для того, чтобы нанести сокрушительное поражение Красной армии. Но благодаря выдающимся усилиям Советского Союза, это не удалось.

in World War II (London, 1991); M. Harrison, *Accounting for War: Soviet Production, Employment and the Defence Burden, 1940–1945* (Cambridge, 1996); J. Barber and M. Harrison, *The Soviet Defence-Industry Complex from Stalin to Khrushchev* (Basingstoke, 2000), 99–117.

127. Barber and Harrison, *The Soviet Home Front*, 77–90.

Сомнениям нет места

НЕСМОТРЯ на то что немецкая армия на востоке выдыхалась и к осени 1942 г. этого уже нельзя было игнорировать, превосходство в материальных ресурсах, которым обладали враги Гитлера, впервые с полной силой дало о себе знать не на Восточном фронте, а в Северной Африке¹. Мы можем очень точно определить момент времени, когда изменилось соотношение сил. В июне 1942 г. крошечный Африканский корпус Роммеля нанес унизительное поражение гораздо более крупной британской 8-й армии в Тобруке. В ответ на это президент Рузвельт отправил в Египет первый из экстренных конвоев, нагруженный 400 американскими танками и самоходными орудиями. После их доставки в Суэц защитники Египта получали подавляющее превосходство в технике над Африканским корпусом, в рядах которого почти никогда не насчитывалось более 250 машин. После первых кровавых сражений под Эль-Аламейном в июле 1942 г. Роммель понимал, что в его распоряжении имеется лишь несколько недель для того, чтобы нанести решающее поражение силам британского Содружества, преграждавшим ему путь к Суэцкому каналу. К 6 сентября, благодаря упорному сопротивлению британцев, их полному превосходству в воздухе и хронической нехватке бензина, последнее наступление Роммеля, не достигшее своих целей, было остановлено в Алам-эль-Халфе. В первых числах сентября в Египет прибыли первые танки «Шерман». К 11 сентября их насчитывалось здесь уже более 300. Генерал Монтгомери, уверенный в подавляющем численном превосходстве, мог начать контрнаступление. В ночь с 23 на 24 октября, когда началась вторая битва за Эль-Аламейн, 8-я армия пошла в наступление, имея в своих рядах почти 1000 танков, включая не менее 500 американ-

1. DRZW 6. 630–709; W. Murray and A. R. Millett, *A War to be Won: Fighting the Second World War* (Cambridge, Mass., 2000), 271; J. Ellis, *Brute Force: Allied Strategy and Tactics in the Second World War* (London, 1990), 253–88.

ских, оснащенных мощными 75-мм пушками. Напротив, у Роммеля имелось всего 123 современных Pz-III и Pz-IV; остаток его сил составляли устаревшие легкие танки. В состав группировки Монтгомери, численностью в 200 тыс. человек, входили войска из Великобритании, Южной Африки, Новой Зеландии, Австралии и Индии. Роммель и его союзники-итальянцы могли выставить против них не более 100 тыс. человек. Несмотря на тяжелые потери, понесенные войсками Содружества, в исходе сражения сомнений не было. 4 ноября Африканский корпус начал трехнедельное отступление, которое завершилось лишь 26 ноября на позициях у Марса-эль-Брега, находившихся на ливийском побережье, почти в 400 километрах к западу от Эль-Аламейна. К тому времени западные союзники успели провести вторую грозную демонстрацию своих обширных стратегических замыслов². 8 ноября 1942 г. флот из почти 700 судов, сопровождаемый не менее чем 5 линкорами, 7 авианосцами и 14 крейсерами, одновременно высадил 63 тыс. человек и 430 танков на трех плацдармах в Марокко и Алжире. 35 тыс. человек под началом генерала Паттона были доставлены туда прямо через Атлантику из Чесапикского залива. Для остальных путь в Африку начался в шотландском заливе Ферт-оф-Клайд.

На Восточном фронте летняя кампания следовала образцу, уже заданному в 1941 г.³ Огромная протяженность советской территории и яростное сопротивление Красной армии полностью исчерпали силы немцев. В течение трех горячих месяцев Жуков приковывал 6-ю армию немцев к руинам Сталинграда, искушая Гитлера бросать в бой все больше и больше бронетехники и пехоты⁴. Тем временем Красная армия, соблюдая секретность и тщательные меры маскировки, накапливала свежие резервы на флангах — на Дону и в нижнем течении Волги. На этот раз, в отличие от декабря 1941 г., Красная армия имела безусловное численное превосходство. На всем Южном фронте на каждого немца приходилось примерно по двое советских солдат. Но более важно было то, что Красная армия к тому моменту довела до совершенства принцип сосредоточения сил, который немцы так удачно применяли в начале войны. На ключевом Юго-Восточном фронте, откуда Красная армия готовилась выбросить первое щупальце сталинградского окружения, в секторе протяженностью всего в 22 километра были сконцентрированы 12 полноценных штурмовых дивизий, имевших в своем соста-

2. DRZW 6.710–39.

3. DRZW 6.962–1063.

4. A. Beevor, *Stalingrad* (London, 1998); Э. Бивор, *Сталинград*. Смоленск, 1999.

ве сотни танков и 170 тыс. бойцов⁵. 19 ноября, когда разразилась буря, румынская 3-я армия и сильно потрепанный немецкий танковый корпус были просто разорваны в клочья. Как впоследствии писал один немецкий офицер, это было «ужасающее зрелище. Подхлестываемые страхом перед советскими танками, [немецкие] грузовики, командирские машины, мотоциклы, всадники и конные подводы мчались на запад, сталкивались, застревали, переворачивались, блокировали дорогу. Сквозь все это пробирались, напирая, толкаясь и увертываясь, пешие. Тому, кто спотыкался и падал, было уже не встать. По ним шли ноги и ехали колеса, превращая их в лепешку»⁶. Цель советского наступления окончательно прояснилась 20 ноября, когда к югу от Сталинграда советская 51-я армия прорвалась сквозь слабый румынский заслон и устремилась на северо-запад в сторону Дона. К 23 ноября советские клещи сомкнули кольцо окружения вокруг германской 6-й армии, а также остатков 4-й танковой армии и румынских 3-й и 4-й армий. Последние уцелевшие сдались 2 февраля 1943 г., после десятидневной осады, стоившей жизни 250 тыс. солдатам вермахта, а также неизвестному количеству итальянцев, румын и советских граждан, служивших в немецких вспомогательных частях. Двумя неделями ранее советское контрнаступление вынудило немцев оставить достигнутые ими рубежи на Кавказе. К середине февраля 1943 г. потрепанные немецкие войска откатились на позиции, с которых они начали наступление в июне предыдущего года. В тот момент превосходства немецкой армии на поле боя еще хватило для того, чтобы остановить сползание в пропасть. Роммель в Северной Африке и Манштейн на Украине сумели по крайней мере на какое-то время стабилизировать ситуацию и отразить наступление союзников. Однако передышка оказалась недолгой. Пока на изнуренном Восточном фронте царил затишье, британцы и американцы возобновили натиск на Африканский корпус в Тунисе, добившись неизбежной победы 13 мая 1943 г. «Тунисград» обошелся немцам еще в 290 тыс. человек.

На море ситуация была не лучше⁷. Немецкий надводный флот, весной 1942 г. переведенный с атлантического побережья в норвежские воды, тихо закончил войну в декабре 1942 г.⁸ У немцев не имелось топлива для дальних операций. Не было у них и авианосцев, чтобы обеспечить воздушное прикрытие.

5. DRZW 6.1000.

6. DRZW 6.1022.

7. DRZW 6.298–321, 347–69.

8. *Führer Conferences on Naval Affairs 1939–1945* (Trowbridge, 1990), 306–8.

Германия вполне могла обойтись без пропагандистских катастроф, связанных с потерями крупных кораблей. Однако намного более важной была участь подводных лодок. Весной 1943 г. они по-прежнему наносили ужасающий урон союзному торговому судоходству. С 16 по 20 марта 1943 г. конвои НХ-229 и SC-122, всего насчитывавшие 100 судов, пережили крупнейшее за войну сражение, подвергшись нападению трех стай из 40 немецких подлодок. Союзники потеряли 21 судно общим водоизмещением в 140842 тонны. Десятки подлодок получили серьезные повреждения, но лишь одна была потоплена. Как заявил адмирал Дениц, подводный флот одержал свою величайшую победу. Но такие успехи не могли скрыть все более одностороннего характера боев. Немецкие подводники перехватили всего три из 17 крупных конвоев, пересекавших Атлантику в середине марта 1943 г. Хотя общие потери, вызванные действиями подводных лодок, составили в этом месяце почти 650 тыс. тонн водоизмещения, этого было недостаточно для того, чтобы представлять собой серьезную угрозу для трансатлантической линии снабжения. Потери союзного судоходства на протяжении всего 1942 г. и в начале 1943 г. превышали 500 тыс. тонн в месяц, но они более чем восполнялись колоссальными объемами производства на американских верфях, чьими усилиями водоизмещение союзного торгового флота прибавлялось более чем на 1 млн тонн в месяц. Начиная с августа 1942 г. в условиях постоянных атак подводных лодок, тоннаж союзного торгового флота не сокращался, а возрастал. Между тем потери немецкого подводного флота росли пугающими темпами. Британцы и американцы, руководствуясь расшифровками радиопереговоров между вражескими подводниками, используя новое сонарное оборудование и обладая полным господством в воздухе, устраняли угрозу со стороны немецких подлодок. К маю 1943 г. адмирал Дениц терял по одной подлодке со всей командой в день. После того как пятая часть его атлантического флота была потоплена всего за месяц, 24 мая 1943 г. он отозвал «волчьи стаи» домой. Самый слабый род войск вооруженных сил Германии, не способный вести битву на истощение против врагов, обладающих подавляющим промышленным и техническим превосходством, был выведен из войны.

I

Реакция Гитлера и Шпеера на катастрофы начала 1943 г. была предсказуемой: повальная мобилизация ресурсов и неисто-

вая «оружейная пропаганда»⁹. Немцам внушалось, что солдаты 6-й армии не напрасно расстаются с жизнью¹⁰. Медленное уничтожение последних очагов безнадежного сопротивления в Сталинграде давало остальным немецким силам на Южном фронте возможность более-менее в порядке отойти на позиции, не сильно отличавшиеся от тех, которые они занимали в июне 1942 г. Германия по-прежнему контролировала почти всю Украину и Донбасс с их углем и железом. Гитлер приказал, чтобы на протяжении трех месяцев все, произведенное усилиями министерства Шпеера, отправлялось исключительно на Восточный фронт¹¹. 13 января 1943 г. Кейтель, Ганс Ламмерс и Мартин Борман образовали триумvirат, имеющий своей задачей проведение тотальной мобилизации немецкого населения на труд в военных целях. Все без исключения жители страны должны были зарегистрироваться на биржах труда, которым следовало оценить тот вклад, который они могли внести в военную экономику. Все предприятия в гражданском секторе подвергались строгой проверке. Те, существование которых не требовалось для военной экономики, подлежали закрытию. Производство вооружений в первые месяцы 1943 г. быстро возрастало на самом широком фронте. К концу мая 1943 г. оно почти на 120% превышало уровень, существовавший на момент вступления Шпеера в должность. Половина этого прироста приходилась на люфтваффе, а остаток — на сектор Шпеера, в котором по-прежнему доминировали боеприпасы, артиллерия и оружие пехоты. Тем не менее «прогресс на широком фронте» не был тем спланированным лозунгом, в котором так отчаянно нуждались Шпеер и Гитлер зимой 1942/1943 г. Им требовалась какая-то «важная новость» для того, чтобы вдохнуть в работников тыла новую энергию. И ответом стала танковая программа «Адольф Гитлер», с невероятной помпой анонсированная 22 января 1943 г.¹²

Разумеется, танки не представляли собой ничего нового для немецкой военной экономики, и Шпеер явно оценил их символическое значение с самого первого момента. Через несколько дней после вступления в должность он посетил с продолжительными визитами танковые полигоны в Санкт-Иоганне и Куммерсдорфе, где его сфотографировали на водительском

9. О дискуссиях Шпеера с Геббельсом и Герингом, затрагивавших тему *Rüstungspropaganda*, см.: BAL R3/1737, 03.1943, 34.

10. W. Wette and G. R. Überschar (eds.), *Stalingrad* (Frankfurt, 1992), 43–60.

11. Müller, in DRZW 5/2. 649; Eichholtz, II. 123.

12. Eichholtz, II. 121, 262; Müller, in DRZW 5/2. 572.

месте в новейших машинах¹³. Как мы уже видели, танковый комитет еще летом 1941 г. резко увеличил масштабы своей производственной программы. Новые модели — «Пантера» и «Тигр» — с нетерпением ожидались еще с лета 1942 г. Строились новые гигантские танковые заводы — в первую очередь *Nibelungenwerk* в Санкт-Валентине под Линцем. В начале сентября 1942 г. Шпеер согласовал с Роландом, председателем главного комитета по танкам, новую производственную программу, предусматривавшую к весне 1944 г. довести ежемесячный выпуск 1400 машин, включая 600 «Пантер», 50 «Тигров», 150 легких танков и 600 различных штурмовых орудий и САУ¹⁴. Под влиянием сталинградской катастрофы Гитлер принял импульсивное решение удвоить эту цифру. Теперь он ожидал к концу 1944 г. 900 танков и не менее 2 тыс. самоходных орудий в месяц. Указ, наделявший Шпеера полномочиями на выполнение танковой программы «Адольф Гитлер», был выдержан не в технократических терминах рационализации, а в суровой риторике тотальной войны. «Немедленный рост объемов производства танков» имел «столь решающее значение для исхода войны, что все гражданские и военные учреждения должны под руководством Рейхсминистерства вооружений и боеприпасов поддержать эту борьбу за повышение производительности всеми своими ресурсами»¹⁵. Танковую промышленность следовало «щедро и обильно» обеспечить рабочей силой, сырьем, энергией и станками, «даже за счет временной приостановки прочих важных программ военной экономики». Рабочие танковых заводов не подлежали призыву, а те, которые были призваны в ряды вермахта после 18 декабря 1942 г., должны были вернуться на свои заводы. Над всяким, кто не проявит должного усердия при выполнении танковой программы «Адольф Гитлер», нависала угроза предстать перед страшным «народным судом» (*Volksgerichtshof*). Указ дополнялся воззванием к патриотизму рабочих танковой промышленности, с которым на берлинском танковом заводе *Alkett-Rheinmetall* выступили Шпеер и Геббельс¹⁶. Танковым заводам было приказано перейти на 72-часовую рабочую неделю. Завод фирмы *Henschel* в Касселе, выпускавший «Тигры», с осени 1942 г. работал круглосуточно в две 12-часовые смены. Имеются сведения об «ударниках труда»,

13. BAL R3/1736, 02.1942, 15–16.

14. W.A. Bölske, *Deutschlands Rüstung im Zweiten Weltkrieg: Hitlers Konferenzen mit Albert Speer 1942–1945* (Frankfurt, 1969), 179; Müller, in DRZW 5/2.569–71; H.J. Weyres, *Die deutsche Rüstungswirtschaft von 1942 bis zum Ende des Kriegs* (Munich, 1975), 78.

15. Eichholtz, II. 12.

16. BAL R3/1737, 3.02.1943, 17.

в порыве энтузиазма, навеянного программой фюрера, вызывавшихся трудиться по 24 часа подряд¹⁷. В порядке компенсации героям национал-социалистического труда выдавали усиленное питание, витамины и специальные ордера на получение одежды. Шпеер представлял их к наградам. Для семей ударников был резервирован целый курорт в Тироле¹⁸. В кинохронике показывали, как Шпеер вместе с генералом Гудерианом, новым инспектором бронетанковых войск, пожимает руки рабочим танковых заводов и их детям.

Несомненно, вермахту было нужно много танков. На последней неделе января 1943 г. у потрепанных немецких армий на Восточном фронте на бумаге оставалось всего 495 танков, включая вышедшие из строя¹⁹. Не вызывает вопросов и эффективность танковой программы «Адольф Гитлер». За май 1943 г. было выпущено в два с лишним раза больше танков, чем за осень 1942 г. Благодаря освоению новых более тяжелых моделей общее производство в пересчете на вес выросло на 160%. Однако то исключительное рвение, с которым пропагандировалась программа «Адольф Гитлер», и те чрезвычайные полномочия, которые получил Шпеер для ее выполнения, совершенно не соответствовали значению танков в военной экономике в целом. Даже в самый разгар выполнения программы «Адольф Гитлер» доля танков в общем производстве вооружений не превышала 7%. При этом другие секторы оказались серьезно обделены и в практическом, и в символическом плане²⁰. Шпееровская танковая пропаганда, как и задумывалось, привела к тому, что внимание всех немецких промышленников оказалось приковано к новому приоритетному предмету. Другим программам, также объявленным приоритетными, с трудом удавалось заинтересовать ключевых субподрядчиков. В частности, из-за приоритета, которым пользовался завод танковых двигателей *Maybach*, люфтваффе столкнулись с почти непреодолимыми трудностями при попытке добиться скорейших поставок коленчатых валов для авиамооторов. Кроме того, под программу «Адольф Гитлер» отводилась несправедливо большая доля транспортных мощностей, что задерживало важнейшие поставки. Фурор, окружавший эту программу, был так велик, что люфтваффе прибегли к абсурдной уловке, требуя для

17. T. Vollmer and R. Kulla, *Panzer aus Kassel: Die Rüstungsproduktionen der Firmen Henschel und Wegmann* (Kassel, 1994), 18–19.

18. Müller, in DRZW 5/2. 572.

19. W. Murray, *Luftwaffe* (London, 1985), 221.

20. PRO FO 1078/142, *Über die Gründe der erhöhten Lieferungen*, 15–22.

авиационных заказов «танкового приоритета» — впервые такая привилегия была получена ими от *Zentrale Planung* в апреле 1943 г. И несмотря на эти препятствия, главным образом именно производство самолетов в ведомстве Мильха, а не танковая программа Шпеера, обеспечило дальнейший прирост выпуска вооружений в первой половине 1943 г. В мае 1943 г. Мильх дополнил танковый триумф Шпеера еще более ярким собственным рекордом: за месяц было собрано 2200 боевых самолетов. Во всех отношениях это был более значимый результат, чем разрекламированный Шпеером выпуск 1270 танков. В глазах Карла Фридага, который в качестве главного инженера на фирме *Henschel* заведовал и производством танков «Тигр», и главным комитетом по планерам, эти достижения были несопоставимы: «Производство танков и производство самолетов постоянно сравнивают друг с другом. Но их невозможно сравнивать; по сравнению с выпуском самолетов сборка танков — черная работа»²¹. В свете производственной статистики с этим сложно не согласиться. С точки зрения произведенной стоимости и потребленных ресурсов выпуск боевых самолетов по крайней мере в пять раз важнее производства танков.

Танковая программа Адольфа Гитлера позволяла поддерживать пропагандистское возбуждение, окружавшее Министерство вооружений Шпеера, на протяжении первой половины 1943 г.²² Однако будущее оружейного производства зависело от поставок стали. Сталеплавильные заводы, выжав из своих рабочих и оборудования все, что могли, в марте 1943 г. сумели увеличить производство до уровня, превышавшего 2,7 млн тонн, чего хватило для того, чтобы выполнить рекордный заказ вермахта, которому в первом квартале 1943 г. ежемесячно требовалось более 1,4 млн тонн стали²³. После того как в начале апреля 1943 г. ситуация на Восточном фронте временно стабилизировалась, Шпеер и Гитлер предались оптимизму, заговорив о возможности увеличить выплавку стали еще на 1 млн тонн, что позволило бы продолжить поразительный рост выпуска вооружений и в следующем году²⁴. В конце мая 1943 г., когда немецкие армии были готовы к последней крупной попытке удержать Восточный фронт путем атаки на занимаемый советскими войсками выступ в районе Курска, стальная ассоциация Рей-

21. L. Budrass, *Flugzeugindustrie und Luftrüstung in Deutschland* (Düsseldorf, 1998), 866.

22. Примечательно, что Шпеер возвращался к триумфам танковой программы еще и в мае 1944 г., когда он призвал судовой промышленности превзойти успехи танковой промышленности. См.: BAL R3/1739, 85.

23. R. Wagenführ, *Die deutsche Industrie im Kriege* (Berlin, 1954), 168–9.

24. Weyres, *Rüstungswirtschaft*, 124.

ха представила подробные оценки того, на что можно было бы рассчитывать при условии, что Германия сохранит контроль над месторождениями марганца на Украине. В предположении, что фельдмаршалу Манштейну удастся удержать Кривой Рог, RVE предсказывала, что к октябрю 1944 г. она сможет поднять уровень производства до 3 млн тонн в месяц, а к апрелю 1945 г. — до 3,25 млн тонн²⁵. Исходя из этого Шпеер ожидал, что выпуск вооружений продолжит возрастать теми же впечатляющими темпами, которые были достигнуты за первый год его пребывания в должности, по крайней мере в течение еще одного года.

Однако весной 1943 г. боевые действия уже непосредственно затронули военную экономику Германии. Как мы уже видели, угроза англо-американских бомбардировок занимала важное место в стратегических расчетах нацистов по крайней мере с 1940 г. Но вплоть до начала 1943 г. противодействие ей оставалось поразительно простым делом. У Королевских ВВС просто не имелось ни достаточного количества тяжелых бомбардировщиков для того, чтобы наносить непрерывный урон немецкому тылу, ни технологий, необходимых для того, чтобы наводить их на цель. Массированные воздушные налеты на Любек (28–29 марта 1942 г.), Росток (23–24 апреля 1942 г.), а также «рейды тысячи бомбардировщиков» на Кельн (30–31 мая 1942 г.) и Эссен (1 июня 1942 г.) давали некоторое представление о том, что ожидает немцев, но они не вылились в непрерывную кампанию воздушных бомбардировок²⁶. И лишь в марте 1943 г. Командование бомбардировочной авиацией Королевских ВВС получило самолеты, позволявшие предпринимать постоянные атаки на ядро тяжелой промышленности Германии, а также технологии наведения на цель. 5 марта с налета на промышленный город Эссен, вотчину Круппов, началась «Битва за Рур»²⁷. С 20.58 до 21.36, следуя за невидимым лучом системы целеуказания «Гобой», 362 бомбардировщика поразили главную цель зажигательными и фугасными бомбами, оставив за собой разрушения и пожары²⁸. На этот раз Королевские ВВС не только произвели мощный налет, но и неоднократно возвращались на протяжении пяти месяцев, всего сбросив 34 тыс. тонн бомб. Массирован-

25. Eichholtz, II, 28.05.1943, 365.

26. DRZW 6. 513–20.

27. A. W. Cooper, *The Air Battle of the Ruhr: RAF Offensive March to July 1943* (Shrewsbury, 1992).

28. Лишь начиная с налета на Дюссельдорф в июне Королевские ВВС стали применять усовершенствованную методику последовательного бомбометания, при которой фугасы уничтожали крыши домов, позволяя зажигательным бомбам проникать вглубь зданий: R. Neilland, *The Bomber War: Arthur Harris and the Allied Bomber Offensive 1939–1945* (London, 2001), 219.

ные налеты шли один за другим, перемежаясь беспокоящими дневными налетами, в которых были задействованы слабые силы, представленные легкими бомбардировщиками «Москито». Сильным бомбардировкам подверглись все крупные узлы, образующие Рурскую конурбацию: Эссен (5 марта, 12–13 марта, 3–4 апреля, 30 апреля, 27 мая, 25 июля), Дуйсбург (26–27 марта, 8–9 апреля, 26–27 апреля, 12–13 мая), Бохум (13–14 мая, 12 июня), Крефельд (21 июня), Дюссельдорф (25 мая, 11 июня) и Дортмунд (4 мая, 23 мая), Бармен-Вупперталь (29 мая), Мюльхайм (22 июня), Эльберфельд-Вупперталь (24 июня), Гельзенкирхен (25 июня, 9 июля), Кельн (16 июня, 28 июня, 3 июля, 8 июля). В дополнение к этим несчастьям специальными бомбами 16 мая были разрушены плотины на реках Мене и Эдер, что привело к затоплению окружающей местности и нарушению водоснабжения. Бомбардировки привели к гибели тысяч человек и нанесли сильный урон городской застройке. Однако в первую очередь они поразили важнейший узел германской индустриальной экономики как раз в тот момент, когда Гитлер, Шпеер и RVE надеялись придать новый импульс производству вооружений благодаря росту выплавки стали.

Изучение источников того времени не оставляет сомнений в том, что «Битва за Рур» ознаменовала собой поворотный момент в истории немецкой военной экономики, крайне недооцененный в послевоенных описаниях²⁹. Как признавал сам Шпеер, Королевские ВВС поразили верную цель³⁰. Рур не только занимал первое место в Европе по производству коксующегося угля и стали, но и был важнейшим источником всевозможных промежуточных продуктов и деталей. Нарушение производства в Руре могло привести к остановке сборочных линий по всей

29. Из-за отсутствия регулярного интереса к документальному наследию самой немецкой военной экономики вместо послевоенных описаний значение «Битвы за Рур» недооценивает вся существующая на данный момент литература. Первое описание, в котором дается пренебрежительная оценка этих событий, см. в: United States Strategic Bombing Survey, *The Effects of Strategic Bombing on the German War Economy* (Washington, 1945), 104–5. Хорст Боог в DRZW 7.16–21 небрежно говорит о том, что Рур недосчитался производства за 4–6 недель, как будто это был незначительный ущерб для военного производства, ранее возраставшего на 7–8% в месяц. Методика, которая использовалась отделом по обзору британских бомбардировок (*British Bombing Survey*) для оценки разрушений от воздушных налетов, как будто специально была составлена таким образом, чтобы свести размер ущерба к минимуму; см.: British Bombing Survey Unit, *The Strategic Air War Against Germany 1939–1945* (London, 1998), 88–97.

30. BAL R3/1737, 23.06.1943, 96. Это так встревожило Шпеера, что он немедленно попытался воспользоваться своим влиянием для того, чтобы диктовать люфтваффе выбор целей.

Германии. После того как в ходе первого массированного налета пострадали заводы Круппа в Эссене, Шпеер немедленно отправился в Рур с целью понять, как преодолевать последствия подобных бедствий³¹. Он был вынужден возвращаться туда в мае, июне и июле, чтобы ускорить устранение разрушений и сплотить рабочую силу широко разрекламированными демонстрациями личной отваги³². Рур, прежде считавшийся тылом, получил статус прифронтовой зоны. Шпеер создал специальный чрезвычайный штаб, обладавший абсолютной властью над всей местной экономикой, и планировал полную эвакуацию всего населения, без которого можно было обойтись. Оставшуюся рабочую силу предполагалось организовать на военный манер, одеть в единообразную форму и поселить в лагерях с тем, чтобы ее можно было быстро перевести на те заводы, которые продолжали работать³³. Но все, что удалось сделать Шпееру, — ограничить масштабы ущерба. Он не мог остановить вражеские бомбардировщики или помешать им причинять серьезный урон военной экономике Германии. В первом квартале 1943 г., после начала массированных налетов, выплавка стали сократилась на 200 тыс. тонн. *Zentrale Planung*, прогнозировавший рост выплавки стали не менее чем до 2,8 млн тонн в месяц и соответствующим образом распределивший квоты на сталь, столкнулся с нехваткой почти в 400 тыс. тонн. Все кропотливые усилия, затраченные на реорганизацию системы нормирования, оказались тщетными из-за способности британцев разрушать немецкие производственные мощности более-менее по своему желанию. В свете нехватки стали Гитлер и Шпеер не имели иного выхода, кроме немедленного сокращения программы боеприпасов³⁴. Более чем удвоившись в 1942 г., в 1943 г. производство боеприпасов увеличилось всего на 20%³⁵. И пострадали не только боеприпасы. Летом 1943 г. разрушения, вызванные бомбардировками в Руре, отразились на всей немецкой экономике в виде так называемого *Zulieferungskrise* (кризиса субкомпонентов). Неожиданно дала о себе знать нехватка всевозможных деталей, отливок и поковок³⁶. И это непосредственно повлияло

31. BAL R3/1737, 18.03.1943, 34.

32. См. яркое описание в: BAL R3/1738, 11.06.1943, 83–5.

33. Müller, in DRZW 5/2, 357; Eichholtz, II. 143.

34. Дискуссия Гитлера и Шпеера 13–15 мая 1943 г.: Weyres, *Rüstungswirtschaft*, 144; Eichholtz, II. 233.

35. О беспокойстве, окружавшем приостановку программы вооружений, см.: BAL R3/1738, *Chronik*, 2-я половина 1943 г., 126.

36. О непосредственной связи между «Битвой за Рур», нехваткой стали и «*Zulieferungskrise*» см.: BAL R3/1737, 10.06.1943, встреча на *Ruhrstahl*, 83; IWMFD3353/45,

не только на тяжелую промышленность, но и на весь военно-промышленный комплекс. Что самое существенное, нехватка ключевых компонентов привела к тому, что стремительный рост производства для люфтваффе резко остановился. С июля 1943 г. по март 1944 г. ежемесячный выпуск самолетов оставался на одном и том же уровне. Что касается военной экономики в целом, период стагнации растянулся на всю вторую половину 1943 г. Как признавал сам Шпеер, союзные бомбардировки похоронили все планы дальнейшего прироста производства³⁷. Британское командование бомбардировочной авиацией покончило с «оружейным чудом» Шпеера.

Дальше было только хуже. Относительно спокойное настроение, преобладавшее весной и в начале лета 1943 г., в первую очередь было обусловлено временной стабилизацией Восточного фронта. Однако обе стороны понимали, что это только временная передышка. Возобновление Красной армией своих кровопролитных усилий по изгнанию немецких захватчиков было только вопросом времени. В попытке предупредить и сорвать советское летнее наступление немцы после задержки в несколько недель 5 июля сами начали наступление на Курской дуге. Оно вылилось в противостояние, представлявшее собой одно из грандиознейших сухопутных сражений в истории³⁸. Но в ретроспективе оно представляется примером бесполезного упрямства. В 1941 г. вермахт атаковал Советский Союз одновременно на трех фронтах, в целом растянувшихся более чем на 1000 км. В 1942 г. Гитлер был вынужден ограничиться Южным фронтом и только одной группой армий. В 1943 г. операция «Цитадель» была направлена всего на один выступ, находившийся на стыке двух групп армий³⁹. Курская битва не стала решающим поворотным пунктом — напротив, она указала на безнадежность ситуации, в которую попала немецкая армия. С целью отразить наступление вермахта и подготовиться к собственному контрудару советское командование сосредоточило на Центральном и Воронежском фронтах 1,3 млн человек. Еще 537 тыс. человек

vol. 180, 29.07.1943, 44-е заседание *Zentrale Planung*; BALR3/1738, 15.09.1943, 145.
37. См. его выступление перед гауляйтерами в Берлине, 21.06.1943: Müller, in DRZW 5/2. 357.

38. В дальнейшем изложении я опираюсь на яркую работу N. Zetterling and A. Frankson, *Kursk 1943: A Statistical Analysis* (London, 2000). Она заставила историков пересмотреть многие сложившиеся представления и заслужила одобрение М. Гланца.

39. Йодль из ОКВ в попытке скрыть резкое сокращение германских наступательных возможностей требовал от пропаганды, чтобы она называла германское наступление контрнаступлением. См.: E. F. Ziemke, *Stalingrad to Berlin: The German Defeat in the East* (Washington, 1968), 130.

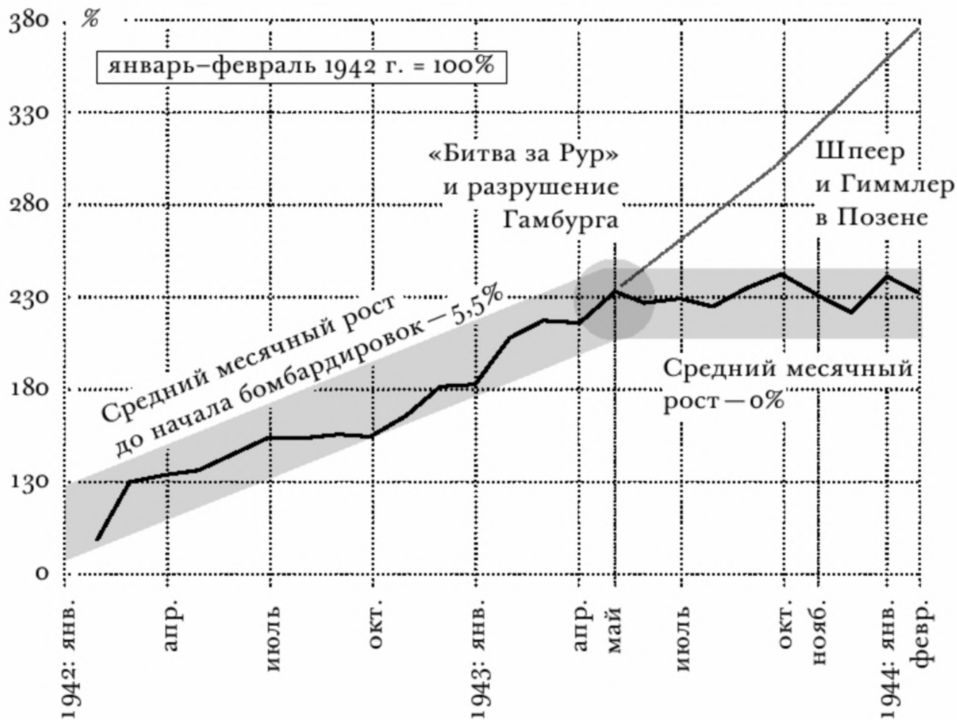

РИС. 22. Конец «оружейного чуда»: два года производства вооружений при Шпеере

находились в резерве. Немцы же, даже оголив свои резервы, смогли выставить всего 777 тыс. человек. Выполнение танковой программы «Адольф Гитлер», безусловно, повысило качество танковых сил Рейха. 200 новых «Пантер» и 146 «Тигров» были специально собраны для того, чтобы возглавить наступление. Кроме того, танковые дивизии получали все больше новых Pz-IV с мощной 75-мм пушкой. Напротив, Красная армия по-прежнему полагалась на Т-34 первого поколения. Для немецких танковых дивизий проблема заключалась уже не в качестве, а в количестве. Сосредоточив под Курском 70% всех своих танковых сил на Восточном фронте, немцы смогли выставить всего 2451 танк и самоходное орудие, которым противостояли 5128 советских машин. Аналогичное неравенство сил наблюдалось и в воздухе. А в том, что касается артиллерии, Красная армия превосходила немцев в четыре с лишним раза. Но что самое важное, немцы совершенно не сумели обеспечить внезапности — ключевого элемента их успехов и в 1941, и в 1942 гг.⁴⁰ Благодаря превосходной

40. Об этих соотношениях см.: D. M. Glantz and J. M. House, *When Titans Clashed: How the Red Army Stopped Hitler* (Lawrence, Kan., 1995), 165; Д. Гланц, Дж. Хаус, *Битва титанов: как Красная армия остановила Гитлера* (Москва, 2007); O. Gröhler, *Geschichte des Luftkrieges 1910 bis 1980* (East Berlin, 1981), 364.

разведке советская оборона была так хорошо подготовлена, что немцам не удалось добиться сколько-нибудь серьезных прорывов фронта даже в первые дни наступления. Впервые с начала войны наступление вермахта не привело к успеху на начальном этапе. Потеряв за две недели боев 50 тыс. человек и огромное количество техники, немцы прекратили свое последнее наступление на Восточном фронте. Вермахту не дали шансов на то, чтобы восстановить силы. Теперь уже одна только Красная армия диктовала темп событий. Еще до того, как немцы остановили наступление, Красная армия перешла в контрнаступление на центральном участке фронта⁴¹. В августе она начала крупное наступление на позиции группы армий «Юг», оттеснив ее за Днепр. К тому моменту Советский Союз наконец-то начал получать существенные поставки из США. Сотни тысяч американских грузовиков и полугусеничных машин моторизовали снабжение Красной армии, что позволило ей поддерживать непрерывный темп наступления на протяжении 1943 и 1944 г.⁴²

Всего через три дня после начала немецкого наступления под Курском британцы и американцы высадились на Сицилии⁴³. Союзники по неизвестной причине позволили немцам эвакуировать свой гарнизон, благодаря чему те получили возможность активно обороняться в материковой Италии, не отвлекая значительных сил с Восточного фронта. Тем не менее это вторжение имело самые серьезные политические последствия. 25 июля 1943 г. итальянская армия сместила Муссолини, что стало потрясением для мирового общественного мнения. Дни фашистских диктаторов явно были сочтены. В ту же ночь Королевские ВВС предприняли последний налет на Эссен, сочетавшийся с разведывательным рейдом на Гамбург. Три дня спустя британские бомбардировщики вернулись и сожгли второй по величине город Германии в апокалиптической огненной буре, которой еще не видел мир⁴⁴. Никогда еще огонь не источал такого жара, как в восточных районах Гамбурга рано утром в среду 28 июля. Плавилось стекло. Человеческие тела превращались в мумии. 40 тысяч человек погибло от удушья или сгорело заживо. Всего за несколько дней британские и американские ВВС уничтожили четверть миллиона зданий и превра-

41. D. M. Glantz and J. M. House, *The Battle of Kursk* (Shepperton, 1999), 227–54; Д. Гланц, Дж. Хаус, *Битва титанов: как Красная армия остановила Гитлера* (Москва, 2007).

42. Glantz and House, *When Titans*, 150.

43. G. L. Weinberg, *A World at Arms: A Global History of World War II* (Cambridge, 1994), 593–601.

44. M. Middlebrook, *The Battle of Hamburg: The Firestorm Raid* (Harmondsworth, 1983).

тили значительную часть центра города в гору обломков объемом в 43 млн кубометров. 900 тыс. человек стали беженцами. Окружающие города и сельская местность были охвачены паникой и хаосом. Казалось, что оправдывались все надежды, которые Черчилль и остальное британское руководство так долго возлагали на стратегические бомбардировки. Командование бомбардировочной авиацией Королевских ВВС наконец-то превратилось в подлинное оружие победы.

II

На самом деле потребовалось еще почти два года, чтобы покончить с Третьим рейхом. В Италии боевые действия затянулись до самого конца войны. Кровавое пролитие на Восточном фронте достигло кошмарного пика в первые недели 1945 г. Королевские ВВС ночь за ночью предпринимали все новые и новые попытки, но в 1943 г. им еще раз удалось устроить огненный шторм только 22 октября в Касселе⁴⁵. Там погибло 6 тыс. человек, что составляло даже несколько большую долю населения, чем в Гамбурге. 8 тыс. человек потеряло зрение из-за воздействия дыма и огня; 123800, или 62% населения, осталось без крова. Выпуск танков «Тигр» и тяжелых 88-мм противотанковых орудий был отброшен на много месяцев назад. Однако после этого Королевские ВВС отвлеклись на бесплодные попытки повторить в Берлине то, что они сумели сделать в Гамбурге⁴⁶. Несмотря на очевидную привлекательность Берлина как цели, он имел намного большие размеры, чем любой из городов Рура, и находился на самом пределе досягаемости британских бомбардировщиков. Более того, в индустриальном плане Берлин был далеко не такой многообещающей целью, как Рур. Конечно, нельзя сказать, что Берлин не был важным центром производства вооружений. Но он в первую очередь являлся центром сборочных производств в противоположность Руру, снабжавшему почти всю Германию такими важнейшими видами сырья, как уголь и сталь⁴⁷. Разрушение Рура и тех магистралей, которые соединяли его с остальной Германией, в потенциале могло привести к остановке производства по всей стране. В ходе

45. DRZW 7.42.

46. В работе M. Middlebrook, *The Berlin Raids: RAF Bomber Command Winter 1943–1944* (Harmondsworth, 1988), 6–9, четко показана одержимость Берлином, владевшая и Черчиллем, и Харрисом. DRZW 7. 75–87.

47. Значение Рура превосходно раскрывается в: A. C. Mierzejewski, *The Collapse of the German War Economy, 1944–1945* (Chapel Hill, NC, 1988).

непрерывных налетов на Рур в 1943 г. бомбардировочные силы Королевских ВВС понесли ужасающие потери. Почти 4 тыс. экипажей погибли или попали в плен, было сбито или разбилось 640 бомбардировщиков. Однако несмотря на этот страшный ущерб, благодаря росту производства на британских авиационных заводах бомбардировочная авиация Королевских ВВС с февраля по август 1943 г. лишь выросла в числе⁴⁸. Рур являлся уязвимым местом, а кроме того, в 1943 г. он находился в пределах досягаемости Королевских ВВС. Неспособность развить и закрепить первоначальные успехи стала трагической оперативной ошибкой. Надвигающаяся катастрофа, которую Шпеер и его присные явно ожидали летом 1943 г., отодвинулась еще на год.

Таким образом, задним числом становится ясно, что с Третьим рейхом еще не было покончено. Однако невозможно преувеличить влияние, оказанное июльскими событиями 1943 г. на современников. Даже самые неистовые сторонники Третьего рейха едва ли могли отрицать, что «конец близок». Ганс Керль столкнулся с этим непреложным фактом в первую ночь гамбургской катастрофы, когда его разбудил звонок от его близкого сотрудника гауляйтера Карла Кауфмана, умолявшего его ускорить доставку нескольких поездов негашеной извести, необходимой для того, чтобы быстро избавиться от десятков тысяч трупов⁴⁹. После того как Керль поспешил в министерство и там ему сообщили о масштабах катастрофы, его постигло временное помутнение рассудка. Впервые за несколько лет этот маньяк-трудоголик был вынужден вернуться домой и там несколько часов бродил по саду в прострации. Неудивительно, что по мере поступления вестей из Гамбурга гестапо докладывало о потрясении и смятении, ощущавшихся по всей стране. Панику усиливало и неожиданное смещение Муссолини. СД отмечала, что члены партии перестали носить партийные нарукавные повязки на публике и что люди по возможности избегали приветствия «Хайль Гитлер!»⁵⁰. Шпеер обнаружил, что даже аудитория, состоящая из партийцев, уже не реагировала должным образом на его похвалы об «оружейном чуде»⁵¹. Согласно донесениям СД, среди вождей промышленности уже не было никого, кто бы верил

48. Murray, *Luftwaffe*, 235.

49. H. Kehrl, *Krisenmanager im Dritten Reich* (Düsseldorf, 1973), 299–301.

50. L. Herbst, *Der Totale Krieg und die Ordnung der Wirtschaft: Die Kriegswirtschaft im Spannungsfeld von Politik, Ideologie und Propaganda 1939–1945* (Stuttgart, 1982), 232.

51. См. комментарии к речи, произнесенной Шпеером 24 сентября 1943 г. на собрании партийных *Reichsredner* («рейхслекторов»), организованном Геббельсом в оперном театре «Кроллль»: BAL R3/1738, 150.

в возможность победы Германии⁵². Однако признавать это публично было чрезвычайно опасно.

Нацистское руководство ответило на упадок духа целенаправленной эскалацией насилия⁵³. 24 августа 1943 г. во главе Министерства внутренних дел встал рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер. К концу года гауляйтеры — региональные боссы Нацистской партии — формально получили полномочия по надзору за местными органами власти. Партия и государство все сильнее сливались воедино, и тон задавала именно партия. Усилилась политизация судебной системы, с начала войны принимавшая все более агрессивные формы. К 1943 г. суды осуждали на смерть за пораженчество и саботаж примерно по сотне немцев в неделю. Даже видные предприниматели не могли считать себя в безопасности. Более того, Генрих Гиммлер и гестапо взяли за правило подвергать буржуазных пораженцев особенно жестоким репрессиям. Осенью 1943 г. за пораженческие разговоры были арестованы и казнены двое старших управляющих отделений *Deutsche Bank*⁵⁴. Та же участь постигла кандидата в члены правления энергетического гиганта RWE, несмотря на вмешательство Альберта Феглера⁵⁵. При проведении этой кампании по насаждению дисциплины в немецком тылу Гиммлер мог полагаться на полную поддержку со стороны Альберта Шпеера. По мере углубления кризиса Третьего рейха Шпеер оказался как никогда близко к центру абсолютной власти. При этом он превратился в одного из главных сторонников радикализации и безжалостно использовал свои полномочия для того, чтобы положить конец дискуссиям о том, в чем вообще смысл военной промышленности при нынешней ситуации на фронтах.

Разумеется, Шпеер осознавал всю серьезность ситуации. 29 июля 1943 г., во время очередного заседания *Zentrale Planung*, Гамбург все еще горел и Шпеер не мог уклониться от суровых выводов:

Думать о приросте производства мы сможем лишь в том случае, если удастся прекратить вражеские воздушные налеты. Однако если налеты будут продолжаться в тех же масштабах, что и прежде, то они [*Zentrale Planung*] через двенадцать недель будут автоматически избавлены от множества обсуждаемых сейчас во-

52. Eichholtz, II.145.

53. О мобилизации партии см.: DRZW 9/1. 160–68.

54. H. James, *The Deutsche Bank and the Nazi Economic War against the Jews* (Cambridge, 2001), 350.

55. D. Schweer and W. Thieme (eds.), «Der Gläserne Riese» RWE: *Ein Konzern wird transparent* (Essen, 1998), 139–40.

просов <...> Единственный способ не допустить, чтобы все было разрушено — увеличить производство боевых самолетов, иначе они с тем же успехом могут застрелиться⁵⁶.

Некоторые члены германского руководства восприняли этот совет буквально. 18 августа 1943 г. совершил самоубийство Ганс Йешоннек, начальник штаба люфтваффе и человек, несший самую непосредственную ответственность за ведение Германией воздушной войны⁵⁷. Эрхард Мильх, полностью утратив самообладание, заявил в присутствии гауляйтеров, министров и высокопоставленных должностных лиц: «Мы проиграли войну! Однозначно проиграли!». Гитлер был вынужден поручить Геббельсу сделать с ним то, что называлось инъекцией цемента⁵⁸. В свою очередь, Шпеер отказывался поощрять какие-либо пораженческие настроения. Летний кризис 1943 г. дал ему возможность расширить полномочия своего министерства и мобилизовать еще больше ресурсов для военной экономики⁵⁹. До этого момента ответственность за поставки сырья и право контроля над теми фирмами, которые не находились в ведении вермахта, принадлежали гражданскому Министерству экономики. Цель Шпеера заключалась в том, чтобы мобилизовать для военной экономики сотни тысяч дополнительных работников, тщательно «прочесав» гражданский сектор.

За день до налета на Гамбург Шпеер встретился с Гансом Керлем, к тому времени вставшим во главе гражданского Министерства экономики, чтобы обсудить с ним условия слияния. Керль был безжалостным нацистом. Однако в то же время он был хорошо информированным и независимо мыслящим человеком. Многие годы причастности к нацистской индустриальной политике сделали его одним из самых активных критиков шпееровской пропаганды. Керль видел рождение и смерть Четырехлетнего плана. Болтовню Шпеера об оружейных чудесах и его управленческий стиль «организованной импровизации» он считал пустой тратой времени⁶⁰. Как человек, наиболее тесно связанный с техническими моментами нормирования сырья, Керль был слишком хорошо знаком с реальными проблемами, ограничивавшими военный потенциал Германии. Когда Шпеер высокомерно потребовал, чтобы Керль и все его ведомство перешли в подчинение к Рейхсминистерству вооружений,

56. IWM FD3353/45, vol. 180, 44-е заседание *Zentrale Planung*, 29.07.1943.

57. DRZW 7. 230–33.

58. DRZW 7. 40.

59. Müller, in DRZW 5/2. 331–51.

60. Kehrl, *Krisenmanager*, 297.

Керль попросил у него разъяснений в отношении общей стратегической цели военной экономики Германии⁶¹. Шпеер ответил на это взрывом негодования. «До крайности странно, — заявил он, — воображать, что после возвращения из ставки фюрера министр будет отчитываться <...> о политической ситуации, не говоря уже о содержании своих бесед с фюрером»⁶². После этого Керль попросил разрешения подать в отставку, но через несколько дней получил сообщение о том, что нежелание участвовать в замыслах Шпеера будет считаться равносильным дезертирству⁶³. В течение следующих месяцев Керль и его сырьевой штаб были с соблюдением всех формальностей подчинены Министерству вооружений, где на Керля была также возложена ответственность за создание планового управления (*Planungsamt*), мозгового центра, проделавшего большую работу по рационализации того, о чем говорилось в *Zentrale Planung*.

Шпеер не ограничивался словесным устрашением своих коллег. Поскольку «оружейное чудо» являлось фундаментом его власти и поскольку пропаганды и убеждения уже явно не хватало для того, чтобы обеспечить его продолжение, Шпеер использовал все возможности репрессивного аппарата, созданного нацистским режимом. Начиная с лета 1943 г., в надежде на то, что удастся возобновить рост производства вооружений, Шпеер вступил в еще более тесный альянс с Генрихом Гиммлером. К концу июля 1943 г. Шпеер согласился на то, чтобы охрану предприятий в оружейной промышленности осуществляли СС⁶⁴. А 5 октября 1943 г. он подписал формальный меморандум о сотрудничестве с Гиммлером, согласно которому сеть осведомителей СД получала полномочия по ограничению гражданского производства во всей германской промышленности⁶⁵. По случаю заключения этого соглашения Шпеер выступил перед сотней офицеров, составлявших верхушку гестапо. На следующий день Шпеер и Гиммлер устроили демонстрацию своих партнерских отношений на ежегодном съезде гауляйтеров в конференц-зале муниципалитета Позена (ныне Познань), столицы Вартегау⁶⁶. Программа выступлений на 6 октября 1943 г. была чрезвычайно насыщенной. Помимо Шпеера и Гиммлера, на съезд прибыли адмирал Дениц, незадолго до этого вставший во главе флота, и Эрхард Мильх, а также три ключевых члена

61. Müller, *Kehrl*, 98–101.

62. BAL R3/1737, 27.07.1943, 113–14.

63. Kehrl, *Krisenmanager*, 310.

64. Eichholtz, II. 173.

65. Müller, in DRZW 5/2. 340.

66. Eichholtz, II. 174; Müller, in DRZW 5/2. 341.

штаба Шпеера. Массовое присутствие этих важнейших представителей военной экономики, разумеется, не было случайностью. Это был просчитанный шаг, сделанный с целью ознакомить региональных вождей Нацистской партии с новой расстановкой сил в руководстве Третьего рейха.

Речь Шпеера, которую он произнес сразу же после обеда, была выдержана в резком тоне и отражала опасность военной ситуации, в которой оказалась Германия⁶⁷. Как заявил Шпеер гауляйтерам, цель его выступления состояла в том, чтобы «в будущем лишить вас возможности отговариваться тем, что вы не знали, с чем мы имеем дело <...> Я снова и снова получаю от тех или иных гауляйтеров предложения, которые указывают на непонимание текущей ситуации. Сейчас, в этот час, я призываю вас четко осознать, что исправить наше положение могут лишь самые жесткие меры». Шпеер напомнил слушателям о том, что всего несколькими месяцами ранее, в своем триумфальном выступлении в «Спортпаласте» он обещал наращивать производство вооружений на 15–20% в месяц. Непрерывные налеты британских ВВС на Рур поставили крест на этих планах. «После того как начались воздушные налеты, — объяснял Шпеер, — нам удалось добиться медленного роста производства, но всего на 3–5% в месяц. Этого совершенно недостаточно»⁶⁸. На самом деле слова Шпеера были чрезмерно оптимистичными. Ежемесячный индекс производства вооружений не показывает никакого сколько-нибудь устойчивого прироста во второй половине 1943 г. Кроме того, Шпеер признал, что Германия отстает в смысле качества своих вооружений:

Мы пережили тот этап в истории вооружений, когда наши танки были хуже русских <...> Бесспорно то, что люфтваффе на протяжении последних двух лет страдали от абсолютной неполноценности, от технической неполноценности по сравнению с вражеским оружием. И вы можете видеть на этом примере, что означает быть способным производить много оружия при его качественной неполноценности. В нашей ситуации это совершенно неприемлемо.

Впрочем, существовала надежда на то, что Германия в ближайшие месяцы сумеет сравняться качеством своих вооружений с противником благодаря прорывным работам ее ученых и инженеров. Но эти технические достижения было необходимо до-

67. См. английский перевод полного текста речи Шпеера в: NA T73192.

68. Eichholtz II. 175.

полнить новым ростом объемов производства. И Шпеер старательно втолковывал своим слушателям:

Это не только возможно, но и необходимо. Это крайне необходимо, потому что ушло то счастливое время после французской кампании [т.е. лето 1940 г.], когда мы могли диктовать врагу его действия, и сегодня уже промышленность врага диктует нам наши действия. И если мы не будем следовать этому вражескому диктату, то наш фронт долго не выстоит.

Шпеер потребовал, чтобы гауляйтеры оказали ему содействие в мобилизации последних резервов гражданской экономики. От промышленников, занятых производством потребительских товаров, было невозможно ожидать никакого содействия. «Деловые группы в их нынешнем сочетании представляют главным образом интересы крупных фирм, — сказал Шпеер. — И теперь, когда крупные фирмы в этих потребительских отраслях подлежат ликвидации, я слышу одну ложь за другой. Все, что мне говорят, — ложь, исходит ли она от полиграфической отрасли, от бумажной промышленности или из текстильного сектора: от начала до конца все — сплошная ложь и обман». Более того, они пользуются политической защитой, потому что такие дефицитные товары длительного пользования, как холодильники и радиоприемники, — превосходные взятки. Шпеер объявил, что с целью положить конец этой скандальной ситуации он назначил «адских псов» из оружейного сектора, которым предстояло выявить все ненужное гражданское производство. И Шпеер без колебаний был готов прибегнуть к самым решительным мерам воздействия:

Я попросил рейхсфюрера СС Гиммлера предоставить в мое распоряжение СД, чтобы выследить все товары такого типа, и мы договорились с СД о том, чтобы последняя имела доступ ко всем оружейным фирмам и могла провести там необходимые расследования <...> Я готов пойти на риск, связанный с закрытием этих предприятий. Я готов ответить на все обвинения, которые будут исходить из самых разных мест.

В дополнение к этому он призвал гауляйтеров «принять во внимание следующее: отныне нет и не может быть места тем приемам, с помощью которых отдельные гау исключались из программ закрытия предприятий. Нельзя допустить того, чтобы какое-то гау отнеслось к делу со всем старанием, а другое поступало ровно наоборот». Шпеер дал гауляйтерам две недели на выполнение своей программы закрытия предприятий. После этого он обещал руководить этими закрытиями из Берлина,

«...и заверяю вас, что в данном деле я вполне готов не считаться с издержками при выполнении воли Рейха. Я говорил с рейхсфюрером СС Гиммлером и буду поступать с теми гау, которые не претворят эти меры в жизнь, соответственно».

Шпеер завершил свое выступление призывом к сплочению:

Я абсолютно убежден, что если мы выполним эти меры с необходимой жестокостью и если вы поддержите меня в этом вопросе, то мы сумеем добиться не только уже имеющихся у нас качественных, но и количественных преимуществ в вооружениях с тем, чтобы выстоять перед врагом, а затем и нанести ему окончательное поражение.

Потеряв в Сталинграде родного брата, Шпеер не питал иллюзий относительно природы этой борьбы. Но он без колебаний соглашался с самой жестокой логикой войны на истощение:

Обладателями последних дивизий должны стать мы. Решающее значение — особенно в борьбе с Россией — будет иметь то, кому до последнего момента удастся выставлять на поле боя резервы. Меня не тревожит вопрос о том, сумеем ли мы поставлять материальную часть <...> ситуация позволяет нам делать это в том случае, если мы получим необходимую поддержку.

Шпеер ни на минуту не допускал возможности того, что это сражение Германии не выиграть. Вопреки всем фактам, говорящим об обратном, он утверждал, что немецкий тыл все еще сохраняет волю к продолжению борьбы и что для победы достаточно уверенного руководства:

Нам хочет помочь и поможет сама наша родина, немецкий народ. Он готов понести необходимые жертвы. Он уже достаточно давно ждал того момента, когда эта серьезная идея возьмет верх. От нас и только от нас, от руководства германского Рейха, зависит, возобладает ли эта воля народа.

Что произошло после этого грозного воззвания Шпеера, остается предметом дискуссий⁶⁹. Шпеер до самой своей кончины утверждал, что он отобедал в Позене, а затем в компании Вальтера Роланда отбыл, чтобы присутствовать на вечерней встрече с Гитлером. Помимо своекорыстных показаний, которые много позже дали Вальтер Роланд и управляющий конференц-зала в Позене, едва ли найдутся другие подтверждения этой версии событий. Намного более вероятно, что Шпеер все еще присутствовал в позенском конференц-зале в конце дня, когда

69. G. Sereny, *Albert Speer: His Battle with Truth* (London, 1995), 388–401.

к гауляйтерам обратился Генрих Гиммлер. Полный текст его выступления 6 октября не дошел до нас⁷⁰. Однако имеющиеся выдержки указывают на то, что оно почти совпадало с той речью, которую он произнес двумя днями ранее в том же месте перед руководителями ваффен-СС. Большая часть обеих речей была посвящена бессвязному изложению военной ситуации на Восточном фронте, как и следовало ожидать от главнокомандующего ваффен-СС. Кроме того, Гиммлер посвятил некоторое время такой теме, как использование русской рабочей силы, представлявшей собой бледное эхо грандиозных планов 1941 и 1942 г. Однако обе речи также содержали короткую, но крайне любопытную часть, в которой Гиммлер делал своих слушателей безусловными соучастниками геноцида евреев. Было бы наивно полагать, что к 1943 г. кто-либо из гауляйтеров ничего не слышал об «Окончательном решении». Все они по крайней мере косвенно были причастны к расправам. Многие из них находились в первых рядах убийц. И цель выступления Гиммлера состояла не в раскрытии тайны, а именно в том, чтобы зафиксировать факт соучастия, окружавшего повсеместные дискуссии об «Окончательном решении», и разъяснить соратникам по партии, что все они сопричастны к происходящему. Подобно Шпееру, Гиммлер хотел лишить гауляйтеров «каких-либо отговорок»:

Все вы с удовольствием восприняли тот очевидный факт, что в ваших провинциях не осталось евреев. Все немцы за очень немногими исключениями прекрасно понимают, что мы бы не пережили бомб и потрясений четвертого, а впоследствии, может быть, еще и пятого, и шестого года войны, если бы в нашем государстве по-прежнему присутствовала эта пагубная зараза. Простую фразу «Евреи должны быть уничтожены» легко произнести, но на тех, кто претворяет ее в жизнь, ложится тяжелейшая и самая сложная задача в мире <...> Я прошу вас, чтобы вы слушали, но никогда не говорили о том, что я скажу вам сейчас. Понятно, что перед нами встал вопрос: «Как быть с женщинами и детьми?»... Следовало принять непростое решение, чтобы эти люди исчезли с лица Земли. Для той организации, которой предстояло выполнить этот приказ, он был самым трудным из всех, какие мы когда-либо отдавали <...> Я счел своим долгом наконец-то вполне откровенно обсудить с вами, виднейшими представителями партии и нашего политического строя, политическим оружием фюрера, этот вопрос <...> и рассказать вам, как это все происходило.

70. О дальнейшем см.: B. F. Smith and A. F. Peterson, *Heinrich Himmler Geheimreden 1933 bis 1945 und andere Ansprachen* (Frankfurt, 1974), 169–70.

К концу этого года еврейская проблема будет решена во всех оккупированных нами странах <...> Вы не усомнитесь в том, что экономический аспект создал много серьезных трудностей, в первую очередь при очистке гетто: в Варшаве мы целый месяц вели уличные бои <...> Поскольку в том гетто изготавливались меховые пальто и ткани, нам мешали захватить его, когда это было бы легко: нам говорили, что мы разрушаем жизненно важное производство. «Стойте! — говорили нам. — Это производится для армии!».

Разумеется, все это не относится к партийному соратнику Шпееру: это была не *ваша вина* [курсив мой. — А.Т.]. Речь идет именно о тех так называемых предприятиях, работающих на армию, которые мы совместно с партийным соратником Шпеером начнем ликвидировать в ближайшие недели. И мы сделаем это так же хладнокровно, как должно делаться все на пятом году войны: хладнокровно, но с болью за Германию в глубине души <...>

На этом я хочу завершить разговор о евреях. Теперь вы всё знаете и будете держать это знание при себе. Возможно, впоследствии мы поговорим о том, стоит ли сообщать обо всем этом немецкому народу. Но думаю, что было бы лучше, если мы — все вместе — понесем эту ответственность от имени народа <...> ответственность не только за идею, но и за ее воплощение <...> и унесем этот секрет с собой в могилу <...>

В 1970-е гг. Шпеер заявлял, что не помнит о вечернем заседании 6 октября 1943 г. Ему даже хватило наглости утверждать, что Гиммлер в важнейший момент своей речи обратился лично к нему, потому что близорукий рейхсфюрер СС был без очков и не заметил, что Шпеер покинул собрание. На самом деле намного более вероятно, что Шпеер, Мильх и другие ключевые фигуры военной экономики присутствовали в зале во время выступления Гиммлера. Так или иначе, совершенно невозможно поверить в то, что к осени 1943 г. они не знали о зверствах, совершавшихся против евреев по всей Европе и на Восточном фронте. После 1941 г. было невозможно посещать Украину или Генерал-губернаторство и тем более инспектировать тамошние промышленные предприятия и находиться в неведении относительно происходивших там массовых убийств. Можно привести в пример хотя бы то, что осенью 1942 г. Эрнст Хейнкель, один из ведущих производителей самолетов в Германии, в докладе Эрнсту Мильху небрежно отмечал, что в Польше практически невозможно начать авиационное производство из-за дезорганизации, вызванной «истреблением евреев», и эта фраза явно не требовала дополнительных комментариев⁷¹. Как мы

71. Budrass, Flugzeugindustrie, 784. Не может быть сомнений и в том, что Хейнкель говорил именно о холокосте. Он использовал слово «Ausrottung», а завод,

уже видели, Пауль Плейгер и Роберт Лей обсуждали «окончательное решение еврейского вопроса» с ведущими углепромышленниками осенью 1942 г.⁷² Более того, Шпеер находился полностью в курсе принятого в 1942 г. решения о перераспределении европейских продовольственных ресурсов. Когда в 1944 г. СС вывезли в Аушвиц сотни тысяч венгерских евреев, из которых лишь меньшинство предполагалось использовать в качестве рабочей силы, перемещение этого огромного количества людей не вызвало даже тени беспокойства в Министерстве вооружений⁷³. Невозможно было себе представить, чтобы лагерь в Аушвице был приспособлен для проживания этих людей. В самом крайнем случае туда бы потребовалось доставить большое количество продовольствия, но о такой мере никогда не шло речи. Правда состоит в том, что массовые убийства не требовали каких-то особых комментариев со стороны людей, знакомых с реалиями Генерал-губернаторства и восточных территорий. Разумеется, никому не хотелось вдаваться в жуткие подробности или принимать личное участие в убийствах. Тем не менее грандиозность преступлений, совершенных против евреев, советских военнопленных и гражданского населения Восточной Европы, не была ни для кого секретом.

Так или иначе, нас здесь интересует не вопрос личной осведомленности и вины, а поразительное выступление Гиммлера, в котором он ставил знак равенства между очисткой Варшавского гетто и «прочесыванием» легкой промышленности. Гиммлер призвал гауляйтеров пойти на болезненные жертвы, которых требовала мобилизация страны, с тем же радикальным энтузиазмом, который считался вещью самоочевидной по отношению к еврейскому вопросу. Решение и той и другой задачи было объявлено необходимым для выживания нацистского режима. И ту и другую задачу следовало выполнять, не считаясь с сантиментами. Все собравшиеся в зале разделяли ответственность и за то и за другое. Вне зависимости от того, присутствовал ли там Шпеер, Гиммлер явно хотел внушить своим слушателям, что он здесь. Шпеер неоднократно упоминал Гиммлера в своей речи, и тот отплатил ему такой же любезностью. Идея о том, что Шпеер или Мильх хотели бы дистанцироваться от всего того, что говорил рейхсфюрер, несомненно, показалась бы его аудитории абсурдной. Цель совместного появле-

о котором шла речь, находился в треугольнике Люблин — Краков — Лемберг, в самом эпицентре геноцида евреев.

72. W. Abelhauser, in L. Gall (ed.), *Krupp im 20. Jahrhundert* (Berlin, 2002), 413.

73. Sereny, *Albert Speer*, 420–21, и глава 19 данной книги.

ния Гиммлера и Шпеера в Позене в том и заключалась, чтобы привлечь внимание к взаимному соответствию между подчинением всей гражданской экономики Шпееру и новой ролью Гиммлера в качестве рейхсминистра внутренних дел. Как мы уже видели, к концу года гауляйтеры были формально вовлечены в эти взаимоотношения, получив обязанность осуществлять политический надзор над местной гражданской администрацией в дополнение к своей роли региональных комиссаров по обороне (*Reichsverteidigungskommissare*)⁷⁴. Задача Позенского съезда заключалась в том, чтобы сплотить региональное нацистское руководство вокруг новой оси, сформированной Шпеером и Гиммлером в Берлине. Фундаментом для этого служила общая готовность защищать гитлеровский режим до последнего, мотивировавшаяся, по крайней мере отчасти, их совместной ответственностью за кампанию массовых убийств, принявшую почти невообразимые масштабы.

III

Единственный луч света, который Шпеер послал своей аудитории в Позене, сводился к надежде на то, что Германия вскоре сумеет преодолеть технологическое отставание, накопившееся с начала войны⁷⁵. По мере того как военное положение Германии становилось все более безнадежным, обещания технических чудес стали играть все более важную роль в нацистской экономической политике. В 1942 г. и начале 1943 г. Гитлер возлагал большие надежды на новое поколение танков. Однако на Курской дуге ни «Пантера», ни «Тигр» не сумели сказать решающего слова⁷⁶. Собственно говоря, Гитлер был настолько разочарован «Пантерой», что серьезно подумывал о том, чтобы разобрать уцелевшие машины и использовать их пушки, имевшие высокую скорострельность, в неподвижных противотанковых укреплениях. Преувеличенные ожидания, за которыми следовало сильнейшее разочарование, стали типичной чертой процесса разработки нового немецкого оружия после зимнего кризиса 1941–1942 г. И у некоторых авторов возникает искушение интерпретировать этот цикл как симптом неэффективности и иррациональности, и в частности, как показатель неспособности режима наладить широкие связи между военными

74. О возросшей роли партии в военной экономике см.: DRZW 9/1. 168–76.

75. K. H. Ludwig, *Technik und Ingenieure im Dritten Reich* (Düsseldorf, 1974), 444–51.

76. Bölcke, *Deutschlands Rüstung*, 292.

и гражданскими специалистами⁷⁷. Однако такая оценка явно слишком драматизирует ситуацию⁷⁸. В конце концов, едва ли можно утверждать, что немецкая программа разработки новых вооружений отличалась существенно меньшей продуктивностью, чем, скажем, британская. Источник проблем лежал не в какой-то особой иррациональности «нацистской социальной системы», а в безнадежности ситуации, в которой оказалась Германия. Отчаянная потребность в техническом решении проблемы приводила как к преувеличенным надеждам, возлагавшимся на отдельные системы вооружений, так и к ускоренному осуществлению очень рискованных проектов, итоги которого становились еще более непредсказуемыми из-за постоянных проблем с рабочей силой и материалами. Самолет Ме-210, танки «Пантера» и «Тигр», ракеты Фау-1 и Фау-2, всевозможные реактивные и ракетные самолеты, подводные лодки XXI серии — все это были многообещающие виды оружия. К концу войны «Пантера», оказавшаяся таким разочарованием под Курском, превратилась в боевую машину, вызывавшую зависть у западных держав и послужившую образцом при создании послевоенных основных боевых танков⁷⁹. Ее ранние «детские болезни», как и в случае других образцов чудо-оружия, проистекали из того факта, что ее поспешили поставить на конвейер и бросили в бой, не проведя серьезных испытаний. Более того, подобно всем другим детищам немецких конструкторов, она была не в силах вывести Германию из безнадежной стратегической ситуации и потому не могла не вызвать разочарования.

В качестве иллюстрации к тем проблемам, которые преследовали немецкую военную экономику на последних этапах Второй мировой войны, заманчиво сослаться на прославленные подлодки XXI серии, воплощавшие в себе все большую фантастичность пропаганды германского оружия и все более авторитарный стиль работы Шпеера на посту министра⁸⁰. В 1942 г. кораблестроение давало пример самых сердечных отношений между министерством Шпеера и немецкой промышленностью. Несмотря на то, что поставки для флота поначалу не входили в компетенцию Шпеера, Фриц Тодт обсуждал возможность создания соответствующего главного комитета еще

77. R. J. Overy, *The Air War 1939–1945* (London 1980), 2–4, 209–11.

78. В этом я согласен с: R. Schabel, *Die Illusion der Wunderwaffen: Düsenflugzeuge und Flugabwehrraketen in der Rüstungspolitik des Dritten Reiches* (Munich, 1994).

79. W. J. Spielberger, *Panther and its Variants* (Hereford, 1993).

80. E. Rössler, *U-Boottyp XXI* (Bonn, 6th edn., 2002); A. Meyhoff, *Blohm & Voss im «Dritten Reich»* (Hamburg, 2001), 327–491; G. Schulze-Wegener, *Die deutsche Kriegsmarine-Rüstung 1942–1945* (Hamburg, 1997), 129–46.

осенью 1941 г. В этом отношении его восторженно поддерживал Рудольф Блом, в качестве владельца гамбургской верфи *Blohm & Voß* являвшийся самым видным кораблестроителем в стране. Блом был капиталистом-реакционером того же сорта, что и Рехлинг, и, подобно Рехлингу, входил в число любимцев Гитлера. Возглавляя с весны 1942 г. главный комитет, Блом в тесном сотрудничестве с Эрнстом Кордсом, представителем принадлежавшей Круппу верфи *Germaniawerft*, стремился внести серьезные изменения в процесс производства стандартных подлодок серии VII-C⁸¹. На давно существовавших верфях поощрялось строительство лодок большими сериями, и как можно большее число операций передавалось по субподрядам сухопутным предприятиям по производству стальных конструкций. Однако с учетом того, как развивалась «Битва за Атлантику», усилий Блома и Кордса было недостаточно для того, чтобы спасти подводный флот Германии. Несмотря на то что число подводных лодок, пригодных для действий в Атлантике, выросло с 85 в мае 1942 г. до 200 с лишним год спустя, подводные лодки серии VII-C, составлявшие основу немецкого флота, становились все более беззащитными перед авиацией и электронными технологиями, которыми располагали британские и американские военно-морские силы. К концу мая 1943 г. Дениц был вынужден отказаться от борьбы на главных судоходных линиях в Атлантике. Прямым последствием этого поражения стало обращение Деница, в начале 1943 г. назначенного главнокомандующим флота, к Шпееру в надежде на то, что он сумеет сотворить «оружейное чудо» и для флота⁸². Дениц надеялся, что в обмен на подчинение верфей непосредственно Министерству вооружений Шпеер обеспечит его рабочей силой и материалами, необходимыми для массового строительства нового поколения передовых субмарин. Надежды германского флота были связаны с революционной подлодкой XXI серии, которую можно назвать первой настоящей подводной лодкой в мире. Субмарины всех предыдущих типов, использовавшиеся как германским, так и другими флотами, были вынуждены большую часть времени находиться в надводном положении, что позволяло им использовать дизельные двигатели для поддержания разумной крейсерской скорости. Подводные лодки погружались под воду и переключались на гораздо менее мощные электромоторы лишь при непосредственном контакте с врагом. Напротив, конструкторы лодок XXI серии постарались обеспечить им как

81. E. Rössler, *Geschichte des deutschen U-Bootsbaus* (Augsburg, 1996), 213–21.

82. Müller, in DRZW 5/2.373.

можно более высокую подводную скорость и как можно большую длительность пребывания под водой. Обтекаемая форма и мощные аккумуляторы этих лодок позволяли им развивать под водой скорость в 17 узлов, и это давало им возможность быстро уходить из зоны действия британских и американских сонаров. Кроме того, они могли оставаться в подводном положении несколько дней подряд, раз в сутки проводя не более трех часов у самой поверхности воды, чтобы дизельные моторы могли получать воздух, поступавший через шнорхели. Проблема, как и в случае всех остальных видов немецкого чудо-оружия, заключалась в том, что для превращения этой превосходной конструкции в полноценное оружие, пригодное для массового производства, требовалось время. Согласно оценкам, сделанным руководством флота весной 1943 г., даже ускоренная программа опытно-конструкторских работ не позволяла ввести первые подлодки XXI серии в строй раньше, чем в ноябре 1944 г. Что касается серийного производства, то оно не могло начаться раньше марта 1945 г. Это означало катастрофу. Проиграв «Битву за Атлантику», Дениц не мог себе позволить дать союзникам передышку в целых два года.

Напротив, в глазах Шпеера проблема заключалась не в объективных препятствиях, а в умонастроениях. Он был убежден в том, что низкий темп строительства подводных лодок не связан с нехваткой ресурсов или квалифицированной рабочей силы. Шпеер объяснял его консервативной культурой военного снабжения: воспитанные в ее духе флотские бюрократы и промышленники-«традиционалисты» вступили в сговор с целью собирать подлодки шаг за шагом, мало заботясь об эффективности производства. Как считал Шпеер, для таких людей, как Блом, «старая система кораблестроения» превратилась «почти что в разновидность мировоззрения»⁸³. Альтернативу он вполне предсказуемо находил в Америке. Весной и летом 1943 г. газеты всего мира сообщали об успехах верфей Кайзера, рекордными темпами строивших транспортные пароходы типа «Либерти» из готовых секций⁸⁴. Шпеер решил, что именно эта система нужна Германии для строительства подлодок XXI серии. Поскольку от судостроителей-традиционалистов не стоило ожидать такой революции, ее, согласно формуле Шпеера, дол-

83. Meyhoff, *Blohm & Voss*, 409.

84. Внимание Шпеера мог привлечь репортаж, появившийся в июле 1943 г. в журнале *Time*, в котором утверждалось, что Калифорнийская судостроительная корпорация в Лос-Анджелесе побила рекорды судостроения, построив в апреле 19 судов, а в июне — 20. См.: «Every 36 Hours», *Time*, 42 (12 July 1943), 2.

жен был произвести «чужак». В качестве своего представителя на сборке подлодок Шпеер назначил Отто Меркера. Тот идеально годился на роль лица «шпееровской системы»⁸⁵. В возрасте чуть более сорока лет, вооруженный послужным списком, включавшим достаточно долгое участие в разработке танков на заводе MAN, Меркер в 1937 г. перешел в корпорацию *Klöckner-Humboldt-Deutz AG*, где возглавил машиностроительное предприятие *Magirus*, являвшееся ведущим производителем пожарной техники. Всего за шесть лет он ухитрился более чем утроить оборот предприятия. Внимание Шпеера он привлек в качестве энергичного директора специального комитета по пожарным машинам, где перед ним открывались самые широкие карьерные возможности благодаря ночным налетам Королевских ВВС. Но если в глазах Шпеера отсутствие у Меркера кораблестроительного опыта было только плюсом, то для Рудольфа Блома, патриарха германского судостроения, необходимость уступить бразды правления такому человеку, как Меркер, стало чудовищным оскорблением⁸⁶. Пойдя на неожиданный и в высшей степени многозначительный шаг, Блом отказался добровольно уходить в отставку и с поста председателя главного комитета, и с должности руководителя деловой группы, вынудив Шпеера уволить его. Однако истинная суть конфликта заключалась не в полномочиях Блома, а в будущем программы по строительству подводных лодок. Блома и большинство его коллег довело до конфликта со Шпеером твердое убеждение в том, что Меркер ставит производство субмарин под угрозу, навязывая систему поточного производства, которая совершенно не отвечала ситуации, сложившейся на немецких верфях в 1943 г.

Разработанная Меркером система поточного производства подводных лодок XXI серии предполагала разделение строительства подлодок на три этапа. На первом этапе корпус, производившийся из тяжелых металлических листов, разделялся на восемь секций, и сборка каждой из них поручалась той или иной группе сухопутных фирм по производству металлических конструкций — таких, как дочернее предприятие MAN в Густавсбурге, являвшееся одним из ведущих строителей стальных мостов в Германии⁸⁷. На втором этапе процесса огромные стальные секции доставлялись специальными товарными ваго-

85. См. содержащиеся в министерских хрониках сообщения о его первых стычках с кораблестроителями-«традиционалистами», выдержанные в ликующем тоне: BAL R3/1737, 24.07.1943, 112.

86. Meyhoff, *Blohm & Voss*, 405–14.

87. G. Neliba, *MAN Werk Gustavsburg bei Mainz: 100 Jahre zivile und militärische Produktion (1860–1960)* (Frankfurt, 2002), 3–110.

нами на верфи, где они оснащались всем необходимым оборудованием и механикой. Наконец, готовые секции перевозились, опять же по железной дороге, на три сборочные верфи: *Blohm & Voss* в Гамбурге, *Deschimag* в Бремене (с 1941 г. принадлежавшую Круппу) и *Schichau* на востоке. Меркер заявлял, что его система дает три ключевых преимущества. Она давала возможность мобилизовать дополнительные серьезные мощности за пределами традиционного судостроительного сектора путем использования сухопутных строительных фирм. Сами сухие доки, прежде представлявшие собой одно из главных узких мест, при такой системе оказывались занятыми минимальное количество времени, необходимое, чтобы собрать лодку из готовых сегментов. Наконец, существовала надежда на то, что при разделении строительства подлодок на этапы производители на каждом этапе смогут достичь значительной экономии за счет роста масштабов производства. Меркер обещал, что строительство каждой подлодки займет не более 175 дней — от прокатки стальных листов до передачи готовой лодки флоту. Согласно планам первую подлодку XXI серии предполагалось построить к середине апреля 1944 г., и сразу же после этого должно было начаться их поточное производство. Флоту было обещано, что к концу лета 1944 г. он получит не менее 30 новых субмарин революционной конструкции, а затем будет получать еще по 30 ежемесячно. Победоносная перестройка Меркером производства подводных лодок должна была стать следующим крупным успехом министерства Шпеера после танковой программы «Адольф Гитлер». Этот сюжет имел все ключевые элементы, взятые на вооружение Шпеером: пользуясь полной поддержкой Шпеера с его авторитетом и энергией, напористые молодые менеджеры (Меркер) преодолевают сопротивление со стороны консервативных армейских бюрократов и промышленников и осуществляют триумфальное внедрение радикально новой системы вооружений, способной вопреки всему изменить ход войны⁸⁸. Шпееровская пропагандистская машина приложила все усилия к тому, чтобы первая подлодка XXI серии была спущена на воду в Шихау точно в день рождения Гитлера, 19 апреля 1944 г. 12 мая 1944 г., едва оправившись от серьезной болезни, с января приковавшей его к постели, Шпеер выступил перед рабочими гамбургских

88. Шаблоном для этого сюжета послужили усилия Герхарда Дегенкольба, еще одного лица шпееровской системы, по реорганизации производства локомотивов. См. освещение этой ключевой темы в: A. B. Gottwaldt, *Deutsche Kriegslokomotiven 1939–1945* (Stuttgart, 1973); A. B. Gottwaldt, *Deutsche Eisenbahnen im Zweiten Weltkrieg* (Stuttgart, 1985).

верфей, поздравив их с достигнутым ими успехом: «Мы стали свидетелями настоящего чуда. Никто из нас не поверил бы в него после первых налетов и сильного налета на Гамбург. Тогда мы говорили себе: если это продолжится еще несколько месяцев, то с нами будет покончено». Однако гамбургцы сумели выбраться из-под руин и теперь все выглядит «не так уж и плохо». Экипажи подлодок Шпеер объявил лучшими из лучших. «Они выйдут в море», как только усядутся в «подходящие подлодки»⁸⁹. Подводные лодки XXI серии должны были стать одним из главных видов оружия в битве за «окончательную победу» (*Endsieg*). Все это Шпеер повторил три месяца спустя, в августе 1944 г., в своем ставшем традиционным ежегодном выступлении перед гауляйтерами в Позене⁹⁰. Возвращаясь к своим прошлогодним обещаниям, Шпеер похвалялся, что несмотря на союзные бомбардировки, тоннаж подводных лодок к концу года возрастет втрое.

Однако на самом деле не было другого сектора немецкой военной экономики, в котором разрыв между пропагандой и реальностью был бы таким же громадным. «Косные» традиционалисты с верфей оказались правы по всем пунктам. Попытка Меркера поскорее запустить в поточное производство неиспытанную подлодку XXI серии обернулась дорогостоящим фиаско⁹¹. Подводная лодка, презентованная Гитлеру на его день рождения в Данциге, являлась поспешно собранным муляжом, который так сильно протекал, что его пришлось отбуксировать обратно в сухой док, как только толпа разошлась. Из 80 подводных лодок XXI серии, собранных к концу 1944 г., ни одна не была пригодна для военных действий. К концу января 1945 г. боеготовыми были только четыре чудо-субмарины Шпеера. Лишь две из них когда-либо выходили в боевые походы, и ни одной не удалось потопить ни единого судна противника. Трофейные подлодки XXI серии стали образцом для большинства подводных лодок мира, построенных в 1950-е гг., но они не оказали абсолютно никакого практического влияния на ход войны.

В частности, столь плачевные итоги этой программы были следствием уже знакомой нам проблемы: попытки скорейшего запуска новой революционной конструкции прямо с чертежной

89. BAL R3/1739, 12.05.1944, 85–7; Müller, in DRZW 5/2. 610.

90. Müller, in DRZW 5/2.551; Eichholtz, HI. 56.

91. Историки высказали единодушно скептическую точку зрения на этот вопрос: Meyhoff, *Blohm & Voss*, 462–78; Schulze-Wegener, *Kriegsmarine-Rüstung*, 147; Rössler, *U-Boottyp XXI*, 50–55.

доски в массовое производство без проведения обширных испытаний. Неудивительно, что новые лодки, как это скоро выяснилось, требовали многочисленных доделок. Что самое важное, необходимо было внести серьезные изменения в рулевую систему. Но помимо этого, программе повредила догматическая приверженность министерства Шпеера концепции сборки по частям. Специалисты по строительству подлодок с верфи *Blohm & Voss* с самого начала сомневались в том, что сухопутные строительные фирмы, имеющие самый ограниченный опыт кораблестроения, сумеют изготавливать отдельные секции с достаточной точностью для того, чтобы из них можно было собирать герметичные корпуса субмарин. И они оказались правы. При изготовлении секций, доставлявшихся на сборочные верфи, наблюдались отклонения от чертежей, достигавшие 3 сантиметров. В районе гребных валов и шнорхелей наблюдались постоянные протечки. Из-за неточностей, допущенных при сборке сложных рулевых систем, у подлодок не раз заклинивали рули. Но самая серьезная и самая предсказуемая проблема заключалась в том, что в неровных сварных швах внешнего корпуса, собранного из готовых секций, при очень сильных нагрузках возникали трещины, грозившие субмарине гибелью. Секции можно было считать надежными только после обширных испытаний и доделок. В целом на изготовление каждой подлодки уходило 175 дней, и еще 120 дней — на доделки, лишь после которых она становилась боеготовой. Более того, система Меркера требовала сложного управленческого аппарата для контроля над изготовлением секций и всеми этапами сборки. Его не удалось создать вовремя. Вдобавок к этому в 1944 г. не существовало даже полного набора чертежей и шаблонов, которыми могли воспользоваться субподрядчики, и размеры пришлось снимать с первых подводных лодок, находившихся на стапелях в Гамбурге и Бремене. В итоге Меркеру так и не удалось наладить своевременного поступления готовых секций, от которого зависела его система. Вместо этого пришлось отвлекать большое количество рабочей силы на выполнение задач, которые в нормальных условиях были бы отданы на откуп субподрядчикам. По крайней мере в краткосрочном плане испытанная и обширная система субподрядов, уже применявшаяся при строительстве подлодок серии VII-C, давала намного лучшие результаты, чем радикальная концепция Меркера. Почти наверняка реальный рост эффективности принесла бы эволюция, а не революция.

В плане настроений, царивших в министерстве Шпеера в последние полтора года войны, показательным то, что в ответ

на эти проблемы, четко отраженные в документах, оно не пересматривало свои планы, а прибегало ко все более грубому принуждению⁹². Как выразился Карл-Отто Заур: «Путь избран и будет пройден со стальной решимостью»⁹³. Итогом стало нарастание трений между министерством и верфями. К маю 1944 г., когда фиаско XXI серии стало очевидным, Меркер и Рудольф Блом скатились до взаимных обвинений в своекорыстном консерватизме и некомпетентности. Еще через месяц Меркер выступил с личными угрозами в адрес Блома, заявив, что ради спасения программы он будет действовать «без оглядки на лица и их статус <...> и с необходимой суровостью, если не будет иного выхода»⁹⁴. В августе 1944 г. брат Рудольфа Вальтер Блом отмечал в своем дневнике, что Меркер открыто обвинил Блома в саботаже, что было очень сильным заявлением с учетом послужного списка Блома. В свою очередь, Вальтер Блом объяснял слова Меркера отчаянной необходимостью скрыть «полный крах его системы и его собственные неудачи». Осенью 1944 г. обвинения подобного рода могли иметь самые серьезные последствия. В начале октября бомбардировщики союзников уничтожили шесть самолетов на взлетной полосе авиастроительного филиала *Blohm & Voss*. После этого Вальтер Блом предстал перед военным трибуналом и был приговорен к шестимесячному заключению за непринятие мер предосторожности против воздушных налетов. Семья Блом, воспользовавшись своими связями в аппарате гауляйтера и в Берлине, сумела добиться отмены приговора. Однако этот инцидент дает представление о напряжении, которое к концу 1944 г. ощущалось на всех уровнях германской военной экономики. С точки зрения судостроителей более существенным было то, что недоверие, которое питали Меркер и Шпеер, толкнуло их на чрезвычайный шаг — Рудольфа Блома отстранили от управления собственной верфью, поставив вместо него так называемого *Werksbeauftragten* (представителя), подчинявшегося непосредственно министерству. На практике комиссаром Шпеера оказался проверенный директор фирмы, и Рудольф Блом, судя по всему, остался фактическим руководителем предприятия. Тем не менее символическое разжалование одного из наиболее лояльных сторонников режима из чис-

92. Как признавался Шпеер Зауру, он был в курсе практических проблем данной программы, но объяснял их сопротивлением со стороны верфей и своей неспособностью обеспечить Меркеру достаточную поддержку: Müller, in DRZW 5/2. 376.

93. В *Speer Chronik* за первые месяцы 1944 г. прославляется «стальная решимость», с которой Меркер боролся со всеми препятствиями: BAL R3/1739, 8.

94. Meyhoff, *Blohm & Voss*, 475.

ла промышленников не могло не показаться исключительно суровой мерой⁹⁵. А на бременской верфи *Deschimag*, с конца 1941 г. принадлежавшей Круппу, министерство Шпеера зашло еще дальше⁹⁶. Генеральный директор *Deschimag* Франц Штапельфельдт, как и Блом, неоднократно критиковал поточный метод Меркера и, как и Блом, не сумел выполнить непосильную задачу, поставленную перед ним министерством. После нескольких месяцев все более едких перепалок Штапельфельдт 3 октября был арестован в гестапо и до весны 1945 г. содержался в заключении, из-за чего Круппу пришлось назначить нового директора, в большей степени устраивавшего министерство Шпеера.

IV

Тем не менее было бы ошибкой судить об индустриальной политике министерства Шпеера на последних этапах войны, исходя из провала программы строительства подводных лодок XXI серии и конфликтов с верфями⁹⁷. Да, нельзя сказать, что другие чудо-программы 1943–1945 гг. сумели сколько-нибудь более серьезно повлиять на исход войны. Однако трудно найти какую-либо иную отрасль, в которой отношения между режимом и немецкими деловыми кругами испортились бы так сильно, как в кораблестроении. Напротив, ракетная программа и программа строительства реактивных самолетов отличались непрерывным укреплением связей между оружейной промышленностью Альберта Шпеера, системой рабского труда, созданной Генрихом Гиммлером, и ведущими промышленными фирмами Германии. Подобно подводным лодкам XXI серии, произошедшее в 1943 г. неожиданное ускорение программы по строительству ракет Фау-2 явно было демонстрацией силы со стороны Шпеера, а Фау-2 тоже представляла собой реакцию на неудачу. В данном случае немецкое руководство изыскивало возможности для наступательного ответа на британ-

95. Целенаправленный характер этой кампании устрашения четко просматривается в: BAL R3/1739, 28.06.1944, 133–5. О личном участии Шпеера в этих событиях см.: Müller, in DRZW 5/2.376. Их символичность была еще сильнее подчеркнута в августе 1944 г., когда Шпеер вручил Меркеру заветный Рыцарский крест Креста военных заслуг. См.: BAL R3/1740, 207.

96. Abelshauser, in Gall (ed.), Krupp, 349–53.

97. Как поступает автор работы W. Abelshauser, «Modernisierung oder institutionelle Revolution», in Abelshauser, J.-O. Hesse and W. Plumpe (eds.), *Wirtschaftsordnung Staat und Unternehmen: Neue Forschungen zur Wirtschaftsgeschichte des Nationalsozialismus* (Essen, 2003), который явно исходит из того, с чем пришлось столкнуться Круппу после 1943 г., когда характеризует систему Шпеера в целом.

ские и американские бомбардировки. Люфтваффе не сумели разработать собственный тяжелый бомбардировщик, но даже в том случае, если бы He-177 оказался более удачной машиной, у немецкой промышленности не хватило бы ресурсов для того, чтобы содержать такие же воздушные армады, которые имелись у Великобритании и США. Напротив, созданная Вернером фон Брауном ракета А4 (Фау-2) обещала стать средством нападения, против которого не существовало эффективной защиты. Однако с технологической точки зрения это был чрезвычайно рискованный проект. К тому же с самого начала было неясно, сумеет ли Германия построить достаточное число ракет для того, чтобы нанести по Великобритании действительно решающий удар. Летом 1942 г., когда ракета фон Брауна впервые стала предметом серьезных дискуссий, Гитлеру хватило здравого смысла, чтобы счесть этот проект фантастикой⁹⁸. Однако ракета А4, как армейская разработка, находилась целиком в сфере ответственности Шпеера. По этой причине он был более чем заинтересован в том, чтобы содействовать ее разработке, так как это позволило бы взять верх над люфтваффе. Характерно, что решение о крупномасштабном производстве ракет было принято в январе 1943 г. на фоне катастроф в Сталинграде и Северной Африке. В знак своих серьезных намерений Шпеер отдал приказ о создании специального комитета по ракетам, во главе которого был поставлен Герхард Дегенкольт, герой чрезвычайной программы 1942 г. по строительству локомотивов⁹⁹. Решение переходить к массовому производству было подтверждено в марте после успешных огневых испытаний. Наконец, в июле 1943 г. Гитлер так называемым Декретом А4 присвоил этому проекту высший приоритет. В рамках его выполнения Шпеер получил право реквизирувать ресурсы даже у люфтваффе. В этом смысле ракетная программа стала идеальным наследником танковой программы «Адольф Гитлер», которая после поражения под Курском во многом утратила свой глянец. Наряду с подводными лодками планы по строительству Фау-2 представляли собой сверхприоритетную программу, в которой Шпеер крайне нуждался страшным летом 1943 г. для того, чтобы его бюрократическая империя не утратила импульса к экспансии. В последние годы войны программа А4 превратилась в крупнейший отдельный военно-промышленный проект нацистского режима, обошедшийся в 2 млрд рейхсмарок — огромная цена для ору-

98. Bölcke, *Deutschlands Rüstung*, 137.

99. M. J. Neufeld, *The Rocket and the Reich: Peenemünde and the Coming of the Ballistic Missile Era* (Cambridge, Mass., 1995), 169–75, 190–95.

жия, которому удалось лишь разрушить некоторое число случайных домов в пригородах Лондона и Антверпена.

Для Шпеера было типично и то, что он решил поставить репутацию своего министерства на «чудо-программы» наступательного характера. И ракетная программа, и программа строительства подлодок соответствовали пропагандистской потребности в возмездии. Однако в то же время они никак не были связаны со стратегическим положением Германии. После 1942 г. она нуждалась не в наступательных, а в оборонительных средствах. В этом отношении программа строительства реактивных самолетов для люфтваффе была гораздо более многообещающей. Ме-262, первый в мире боеспособный реактивный истребитель, представлял собой действительно исключительное техническое достижение. Тот факт, что в 1945 г. в труднейших условиях Германия могла выпускать сотни этих самолетов, опровергает всякие заявления о врожденной ущербности немецкой «технологической системы». Ме-262 — один из чаще всего упоминаемых предметов в списке *tex dei ex machina*, с помощью которых Гитлер якобы мог изменить ход войны¹⁰⁰. Но в то же время он едва ли не сильнее всех других видов вооружений окружен своекорыстными послевоенными мифами. После войны Эрнст Хейнкель, Вилли Мессершмитт и начальник германских истребительных сил Адольф Галланд совместными усилиями сочинили крайне одностороннюю историю Ме-262, призванную прославить гениальность немецких инженеров и в то же время продемонстрировать некомпетентность нацистского руководства. Согласно их версии, получившей популярность благодаря биографическим бестселлерам и телеинтервью, лишь вмешательство со стороны Гитлера, Геринга и Мильха лишило Галланда и его доблестных пилотов-истребителей того оружия, которое позволило бы им защитить Германию от безжалостных воздушных налетов. Этот миф апеллировал к самым разным темам послевоенной политической культуры ФРГ: сожалению об упущенных шансах на победу, утешению, которое давало мнимое превосходство «немецкой техники», и лицемерным воспоминаниям об ужасах бомбардировок со стороны авиации противника. Однако вопреки легенде все факты говорят о том, что Рейхсминистерство авиации со всей поспешностью ухватило за возможности, которые открывала перед ним реактивная авиация. Ме-262 не сумел оказать решающего влияния на ход воздушной войны не из-за некомпетентности или

100. Блестящий критический разбор этой темы см. в: Schabel, *Die Illusion*, 28–31.

консерватизма, а из-за слабости немецкой военной экономики, вызванной тотальной нехваткой ресурсов.

Как только Хейнкель испытал первый опытный вариант реактивного самолета в августе 1939 г., и он, и Мессершмитт немедленно приступили к конструированию боевой машины. Более того, в этом направлении велась такая активная работа, что в начале 1940-х гг. она окружала покровом технической неопределенности всю программу разработки винтомоторных самолетов. Первые эскизы Me-262 были предъявлены Гитлеру летом 1942 г. и он сразу же оказал восторженную поддержку этим разработкам¹⁰¹. К концу мая 1943 г., после дальнейших испытаний, Министерство авиации решительно приступило к внедрению самолета в массовое производство и начало оказывать на Мессершмитта мощное давление с тем, чтобы он бросил все силы на этот проект. Если в тот момент кто-то препятствовал ускорению производства Me-262, так только сам Мессершмитт. После войны Вилли Мессершмитт и Эрнст Хейнкель старались внушить своей аудитории, что Me-262 был «готов» в 1943 г. или даже в 1942 г. Но это крайнее преувеличение. При разработке любого самолета переходу от опытного экземпляра к серийному производству предшествуют буквально тысячи часов испытаний¹⁰². Затем выпускается опытная серия. Лишь после завершения этого неизбежного исследовательского процесса появляется возможность спокойно вкладывать огромные средства в строительство производственных мощностей. В 1943 г. Мессершмитт еще не оправился от катастрофы, которой завершился преждевременный переход к серийному производству Me-210. Поэтому вместо того, чтобы спешить с массовым выпуском Me-262, Мессершмитт предложил Министерству авиации целый портфель проектов, включая традиционный винтомоторный самолет, призванный заменить истребитель Bf-109¹⁰³. Более того, Мессершмитт в течение всего 1943 г. вел интриги с участием Шпеера, пытаясь помешать попыткам Мильха направить все имеющиеся ресурсы на массовое производство реактивных самолетов¹⁰⁴. Так или иначе, главные технические проблемы были связаны не с планером, а с двигателем — действительно революционным элементом конструкции. Несмотря на успешные испытания прототипов, первый работоспособный реактивный двигатель

101. Bölcke, *Deutschlands Rüstung*, 23.06.1943, 138.

102. Schabel, *Die Illusion*, 117–19.

103. О Me-209 и Me-309 см.: H. J. Ebert, J. B. Kaiser and K. Peters, *Willy Messerschmitt* (Bonn, 1992), 137–50.

104. Budrass, *Flugzeugindustrie*, 858–67; Bölcke, *Deutschlands Rüstung*, 294–5.

в мире был еще далеко не готов для массового производства. С учетом громадных технических препятствий, которые требовалось преодолеть — связанных не только с массовым выпуском принципиально нового типа двигателя, но и с необходимостью экономно расходовать металлические сплавы, рассчитанные на высокие нагрузки, — это едва ли удивительно¹⁰⁵. Несмотря на исключительно высокий темп опытно-конструкторских работ, реактивный двигатель *Junkers-Jumo* был готов к ограниченному серийному производству не раньше лета 1944 г.

Усилия по запуску ракет Шпеера и реактивных истребителей Мильха в массовое производство привели к налаживанию сотрудничества между немецкой промышленностью, министерствами вооружений и СС¹⁰⁶. Сразу после чрезвычайно успешного налета британских бомбардировщиков на ракетный завод в Пенемюнде, состоявшегося 18 августа 1943 г., Шпеер поднял вопрос о переводе производства А4 в подземные туннели. Шпеер и Гиммлер быстро сошлись на том, что очевидным подрядчиком для выполнения этой непосильной строительной задачи являются СС с их подневольной рабочей силой — заключенными концлагерей. Через несколько дней Шпеер и Заур обговорили с Гиммлером условия сделки. Подходящим местом для подземного строительства служило громадное хранилище топлива в Тюрингии, а благодаря созданию *Mittelwerke GmbH* весь этот проект получил организационную независимость. В правление *Mittelwerke* вошли генерал Ханс Каммлер, начальник строительного управления СС, и две ключевые фигуры из аппарата Шпеера — Дегенкольтб, прославившийся благодаря локомотивам, и Карл Мария Геттлаге, главный финансовый эксперт Шпеера, откомандированный из *Commerzbank*. Реально работой завода руководили другие ветераны «оружейного чуда», включая Альбина Завацки, ответственного за производство танка «Тигр» на заводе *Henschel* в горячие дни танковой программы «Адольф Гитлер». Первоначальный контракт предусматривал изготовление 12 тыс. ракет Фау-2 общей стоимостью в 750 млн рейхсма-

105. Так, важнейший элемент ротора в реактивном двигателе *Junkers* — его лопатки — изготавливались из нового крупновского сплава Tinidur, который позволял сэкономить на никеле, но был таким хрупким, что ресурс роторов составлял всего 25–30 часов: Schabel, *Die Illusion*, 234. Об аналогичных проблемах, связанных с другими двигателями люфтваффе, см.: H.-J. Braun, «Krieg der Ingenieure?», in B. Thoss and H.-E. Volkmann (eds.), *Erster Weltkrieg: Zweiter Weltkrieg* (Paderborn, 2002), 208–9.

106. F. Freund, *Arbeitslager Zement: Das Konzentrationslager Ebensee und die Raketenrüstung* (Vienna, 1989), 37–9.

рок¹⁰⁷. К концу месяца Каммлер получил партию заключенных из концлагеря Бухенвальд для работы на новом заводе. К концу года его подневольная рабочая сила достигла такой численности, что в качестве отдельного филиала был создан концентрационный лагерь «Дора»¹⁰⁸.

Таким образом Шпеер, имея на руках указ о производстве А4, временно взял верх над Министерством авиации. Но Мильх дышал ему в затылок. У него тоже имелись превосходные связи с СС. С 1942 г. именно люфтваффе были лидером использования лагерного труда в оружейной промышленности¹⁰⁹. В этом отношении особой предприимчивостью отличались и Хейнкель, и Мессершмитт. Когда Мильх в конце августа 1943 г. приказал BMW и *Junkers* начать подготовку к массовому производству реактивных двигателей, он исходил из того, что эти фирмы получали рабочую силу из концлагерей Дахау и Ораниенбург¹¹⁰. К концу 1943 г. была достигнута договоренность о том, что в туннелях Каммлера будет размещено производство и Фау-2, и мильховского реактивного самолета Ме-262. После войны судья, проводивший расследование по делу о концентрационном лагере «Дора», потребовал от Шпеера объяснить сущность трехсторонних рабочих взаимоотношений между СС, Министерством авиации и Министерством вооружений. Указывая на то, что Каммлер работал одновременно на Гиммлера, Геринга и Шпеера, судья предположил, что «это наверняка вело к конфликтам», на что Шпеер возразил: «...или к сотрудничеству <...> мы испробовали все для того, чтобы наладить тесное сотрудничество»¹¹¹. Это признание, исходившее от Шпеера, впоследствии выстраивавшего всю свою интерпретацию Третьего рейха вокруг своей мнимой борьбы не на жизнь, а на смерть с СС, было в высшей степени значимым¹¹².

Благодаря скоростным методам строительства, сочетавшимся с крайней жестокостью, Ганс Каммлер сумел наладить производство в подземном комплексе *Mittelbau* еще до конца

107. M. Bornemann, *Geheimprojekt Mittelbau: Die Geschichte der deutschen V-Waffen-Werke* (Munich, 1971), 53. После того как было выпущено 5 тыс. штук Фау-2, стандартная цена за одну ракету составила 50 тыс. рейхсмарок.

108. J. C. Wagner, «Das Aussenlagersystem des KL Mittelbau-Dora», in U. Herbert, K. Orth and C. Dieckmann (eds.), *Die nationalsozialistischen Konzentrationslager* (Frankfurt, 2002), II. 707–29.

109. Мессершмитт начал проявлять активность в этом отношении еще в октябре 1942 г.: Budrass, *Flugzeugindustrie*, 798.

110. Schabel, *Die Illusion*, 183; H. Mönnich, *The BMW Story: A Company in its Time* (London, 1991), 282–3.

111. Eichholtz, III. 74.

112. A. Speer, *The Slave State* (London, 1981).

года¹¹³. В честь такого поразительного достижения Шпеер и его подчиненные 10 декабря почтили *Mittelbau* своим визитом¹¹⁴. То, что они там увидели, произвело на них глубокое впечатление. На скамье подсудимых в Нюрнберге Шпеер отрицал свое знакомство с реальными условиями жизни в концентрационных лагерях. Но в своих мемуарах он уже не скрывал тех ужасов, свидетелем которых стал в *Mittelbau*. В угоду соблюдению сроков, заданных шпееровским Министерством вооружений, Каммлер не стеснялся жертвовать жизнями своих подневольных работников¹¹⁵. Он не стал тратить времени на строительство жилья. Рабочие ночевали прямо на стройке, в туннелях, были лишены доступа к чистой воде и санитарно-бытовым удобствам, а дневной свет видели не чаще раза в неделю¹¹⁶. Они умирали тысячами¹¹⁷. Для того чтобы заставить шевелиться еще живых, Каммлер вешал провинившихся на стропилах. Когда Шпеер и его подчиненные осматривали стройку, она была усеяна трупами. Впоследствии Шпеер утверждал, что эта инспекционная поездка стала для многих его сотрудников настоящим потрясением. В его служебном дневнике более сухо отмечается, что тяготы, связанные со строительством *Mittelbau*, заставили некоторых служащих министерства взять дополнительные отпуска¹¹⁸. Как бы там ни было, все это не поколебало верности Шпеера союзу с Гиммлером и его восхищения верховным надсмотрщиком. Через неделю после инспекции «Доры» Шпеер направил Каммлеру послание, в котором велеречиво поздравлял его с поразительным достижением — «превращени-

113. Neufeld, *Rocket*, 197–213; T. Allen, *The Business of Genocide* (Chapel Hill, NC, 2002), 208–31; А. Шпеер, *Третий рейх изнутри. Воспоминания рейхсминистра военной промышленности* (Москва, 2005).

114. Sereny, *Albert Speer*, 403–7; A. Speer, *Inside the Third Reich* (London, 1970), 370–371; А. Шпеер, *Третий рейх изнутри. Воспоминания рейхсминистра военной промышленности* (Москва, 2005), 470–471.

115. J.-C. Wagner, «Noch einmal: Arbeit und Vernichtung», in N. Frei, S. Steinbacher and B. C. Wagner (eds.), *Ausbeutung, Vernichtung, Öffentlichkeit* (Munich, 2000).

116. Даже в *Chronik* признается, что Шпеер в январе 1944 г. был осведомлен об ужасающих санитарных условиях, а так как они негативно сказывались на производительности труда, он дал согласие на улучшение медицинского обслуживания: BAL R3/1739, 13.01.1944, 8.

117. В работе Bornemann, *Geheimprojekt*, 65–7, утверждается, что из 17500 заключенных, предоставленных в распоряжение *Mittelbau* до апреля 1944 г., 2937 умерли до конца марта 1944 г., а еще 2 тысячи были сочтены слишком больными для того, чтобы трудиться. В конце 1943 г. среди трудовых отрядов Каммлера наблюдался самый высокий уровень смертности во всей системе концентрационных лагерей. См.: E. Schulte, *Zwangsarbeit und Vernichtung: Das Wirtschaftsimperium der SS* (Paderborn, 2001), 407.

118. BAL R3/1738, 10.12.1943, 205.

ем подземных сооружений в Нидерзахсенверфене (*Mittelbau*), еще два месяца назад пребывавших в необустроенном состоянии, в завод, не имеющий равных в Европе и непревзойденный даже по американским стандартам. Пользуюсь этой возможностью для того, чтобы выразить свое восхищение этим действительно уникальным достижением и обратиться к вам с просьбой и впредь не оставлять г-на Дегенкольба без своей замечательной поддержки»¹¹⁹.

1 января 1944 г. Дегенкольб и Завацки сдали три первые ракеты, каждая из которых страдала от серьезных производственных дефектов¹²⁰. К концу января было собрано уже 56 ракет, а к маю их выпуск составлял уже более 400 в месяц. Качество производства по-прежнему оставляло желать лучшего, и это приводило к авариям на пусковых площадках и в воздухе, а объемы выпуска по-прежнему не дотягивали до амбициозной цели — 1000 ракет в месяц. Кроме того, к лету 1944 г. все более остро вставал вопрос о стратегической обоснованности всей этой программы, что приводило к неоднократной смене приоритетов между Фау-2, уступающим ей в размерах и в стоимости самолетом-снарядом Фау-1 и реактивным самолетом Me-262. Но несмотря на все это, первая ракета, собранная на *Mittelwerke*, 8 сентября 1944 г. под личным наблюдением Каммлера была успешно запущена по Лондону, а производство в том же месяце достигло 600 штук, и этот уровень удавалось поддерживать до февраля 1945 г.¹²¹ Едва ли нам удастся найти более многозначительное свидетельство двусмысленности рационализаторского дискурса в Третьем рейхе. На подземном заводе в Тюрингии в чудовищно жестоких условиях собирались два самых футуристических, помимо атомной бомбы, вида оружия Второй мировой войны. Сам этот завод явно считался триумфом амери-

119. Eichholtz, III. 75; Freund, *Zement*, 57.

120. Bornemann, *Geheimprojekt*, 103–10.

121. В свете этих цифр кажется странным, что в: Neufeld, *Rocket*, 174, выдвинутое Дегенкольбом в начале 1943 г. предложение достичь к сентябрю 1944 г. ежемесячного уровня производства в 600 ракет называется абсурдным и доказывающим отсутствие у Дегенкольба понимания того факта, «что ракета намного сложнее локомотива». Более того, совсем не очевидно, что баллистическая ракета, производимая в массовых количествах, должна быть более сложным техническим устройством, чем локомотив, также выпускаемый в массовых количествах. Относительные цены свидетельствуют об обратном: стандартная цена Фау-2 составляла 50 тыс. рейхсмарок, в то время как самый простой «военный паровоз» (кригслокомотив) 52-й серии обходился минимум в 100 тыс. рейхсмарок. Между ними не было существенной разницы и в смысле времени изготовления: на сооружение локомотива требовалось 12 тыс. — 17 тыс. часов, а на производство ракеты Фау-2—12950 часов. См.: Gottwaldt, *Kriegslokomotiven*, 38, 66, и Bornemann, *Geheimprojekt*, 114.

канской ставки на большие масштабы¹²². Кроме того, он был построен в рекордные сроки благодаря безжалостному, но чрезвычайно эффективному использованию рабского труда. Хотя этот сверхсекретный проект не мог стать объектом пропаганды, он представлял собой идеальное продолжение шпееровского «оружейного чуда». В первую очередь он служил триумфальным оправданием нового союза между двумя ключевыми фигурами гитлеровского режима — Альбертом Шпеером и Генрихом Гиммлером.

122. Вся программа строительства подземных производств проходила под знаком больших «американских» масштабов. См. окончательный доклад Заура Гитлеру, составленный летом 1944 г.: Müller, in DRZW 5/2, 361.

19

Распад

ТРЕТИЙ рейх не пал жертвой внезапного удара судьбы. Точнее, такие удары поражали его через неравномерные промежутки времени — то на одном театре боевых действий, то на другом. В промежутках наступала передышка, которую Шпеер, Геббельс и прочие старались использовать для того, чтобы вновь раздуть пламя фанатичной веры. Июль 1943 г. стал кошмарным месяцем поражений на всех фронтах: в воздушной войне, в Италии и под Курском. На Восточном фронте следующие шесть месяцев сопровождались отступлением, которое казалось бесконечным. Тем не менее путем отчаянных маневров группе армий «Юг» к концу 1943 г. все еще удавалось удерживать под своим контролем жизненно важные месторождения железных и прочих руд на Украине¹. Благодаря этому немецкая военная экономика сохраняла надежду в течение по крайней мере еще нескольких месяцев. Даже в Италии смещение Муссолини не привело к немедленной катастрофе. Удачно используя труднодоступную местность и осторожность союзников, скромный контингент вермахта в составе 20 дивизий сумел остановить британскую 8-ю армию на подступах к Риму и задержать маломощный американский десант, высадившийся в Анцио². Между тем, по мере того как вступала в свои права осень, кошмар Гамбурга остался позади. Вместо того чтобы обрушиться всеми силами на индустриальные мишени в Западной Германии, британское командование бомбардировочной авиацией теряло летчиков и машины в бессмысленной попытке «выиграть войну» путем уничтожения Берлина³. Были ночи, когда британ-

1. О решимости Гитлера удержать Донбасс см.: W. A. Bölcke, *Deutschlands Rüstung im Zweiten Weltkrieg: Hitlers Konferenzen mit Albert Speer 1942–1945* (Frankfurt, 1969), 288, и изложение событий Манштейном в: E. von Manstein, *Lost Victories* (Chicago, 1958), 450–512; Э. Манштейн, *Утерянные победы* (Москва, 1999), 522.

2. J. Ellis, *Brute Force: Allied Strategy and Tactics in the Second World War* (London, 1990), 306–42.

3. M. Middlebrook, *The Berlin Raids: RAF Bomber Command Winter 1943–1944* (Harmondsworth, 1988).

цы действовали удачно и причиняли «большому городу» ужасные разрушения. 22 ноября 1943 г. бомбардировщики Харриса убили 3500 человек, оставили 400 тысяч без крова и нанесли удар по административному центру Германии, добившись попаданий в том числе в здания министерства Шпеера и управления вооружений⁴. Однако на протяжении долгих месяцев благодаря постоянному совершенствованию тактики и технологии немецким ночным истребителям удавалось брать верх⁵. К концу 1943 г. бомбардировщики так и не принесли союзникам победу в войне. Руководство нацистской Германии на несколько драгоценных недель получило передышку. Чувство беспомощности и поражения отступило на задний план. Шпеер даже попытался поднять настроение, организовав серию совещаний о послевоенной реконструкции страны⁶. В ОКВ Альфред Йодль оптимистично рассуждал об оборонительном буфере, которым для Германии могла послужить огромная территория Советского Союза. Ни один вражеский удар в 1944 г. не мог бы привести к немедленному поражению. Наиболее уязвимым местом были нефтяные месторождения Румынии — единственный источник привозного топлива для Германии⁷.

В этом себе отдавали отчет и советские власти. Накануне Рождества 1943 г. они попытались вырваться из кровавого тупика на юге. Мощные удары по оси Житомир — Киев угрожали развалом северного крыла германской группы армий «Юг». Тем не менее немцы все еще цеплялись за рудники Никополя и Кривого Рога. Лишь в феврале их хватка была наконец разорвана и вермахт окончательно оставил днепровскую излучину⁸. Фронт группы армий «Юг» удалось сохранить, но он опасно повис между Тернополем и Черным морем, не опираясь ни на какие естественные оборонительные позиции. И Красная армия снова в полной мере воспользовалась этим. 4 марта 3-я гвардейская танковая армия ударила строго на юг из Тернополя, разрушив всю оборону немцев на Украине. Немцы, подвергаясь

4. BAL R3/1738, 190–92. Шпеер не мог не воспользоваться даже этой возможностью для саморекламы за счет армии. Он лично возглавил спасательные работы, отстранив от них служащих управления вооружений. В духе знаменитого геббельсовского лозунга «без багажа идти легче» Шпеер даже выразил облегчение по поводу того, что погибло столько бумаг, которые были только лишней обузой. Это возмутило Ганса Керля, который имел более реалистические представления о том, как осуществляется управление военной экономикой. См.: Kehrl, *Krisenmanager im Dritten Reich* (Düsseldorf, 1973), 326–30.

5. DRZW 7.75–87, 272–81.

6. Müller, in DRZW 5/2. 379.

7. IMT XXXVII, doc. 1172, 662.

8. E. F. Ziemke, *Stalingrad to Berlin: The German Defeat in the East* (Washington, 1968), 218–47.

натиску по всей линии фронта и стараясь удержать в подчинении своих румынских союзников, откатились сперва за Буг, а затем и за Днестр. Но даже на этом последнем, жизненно важном речном рубеже они не сумели воспрепятствовать Красной армии захватить плацдармы, с которых она собиралась начать следующее наступление — на Румынию⁹. Йодль признавал, что оно нанесло бы смертельный удар по военной экономике Германии. Однако в первые месяцы 1944 г. более злободневной угрозой являлось неминуемое поражение люфтваффе. В начале 1944 г. ВВС армии США резко изменили расстановку сил в дневных боях, приняв на вооружение дальние истребители сопровождения нового поколения, по своим параметрам существенно превосходившие устаревшие «мессершмитты» Мильха. Отныне буквально тысячи «Мустангов» P-51S, оснащенных сбрасываемыми топливными баками, сопровождали бомбардировщики вглубь германской территории и сбивали перехватчики люфтваффе, прежде чем им удавалось приблизиться к строю бомбардировщиков. Важнейшим поворотным пунктом в воздушной войне обычно называют «Большую неделю» — с 20 по 25 февраля 1944 г.¹⁰ В течение шести дней подряд тысячи американских бомбардировщиков наносили удары по всем главным авиационным заводам Германии. Люфтваффе пережили эту неделю. Тем не менее американские ВВС дали понять немцам, что их ожидают совершенно неприемлемые темпы потерь. В феврале люфтваффе лишились трети своих истребителей и пятой части своих экипажей. В марте они потеряли более половины своих истребительных сил. В апреле было сбито 43% истребителей, а в мае и июне уровень потерь колебался в районе 50%. В течение первых пяти месяцев 1944 г. был убит или выведен из строя весь контингент летчиков-истребителей люфтваффе. Некоторым немецким асам удавалось прожить достаточно долго и одержать невероятное число побед, но продолжительность боевой карьеры среднего пилота люфтваффе отныне изменялась неделями¹¹.

9. Ibid., 272–95.

10. W. Murray, *Luftwaffe* (London, 1985), 319–20; DRZW 7. 87–III, 261–72.

11. Если, в соответствии со стандартами союзников, считать асом того, кто одержал 5 побед, то в рядах люфтваффе будет насчитываться не менее 5 тыс. асов. Если самый результативный ас союзников (советский летчик Иван Кожедуб) одержал 65 побед, то у немцев было 82 летчика, одержавших не менее 100 побед, и семеро, одержавших более 200 побед, включая Эриха Хартмана, записавшего на свой счет ошеломляющую цифру в 352 победы. См.: J. Scutts, *Messerschmitt Bf 109: The Operational Record* (Shrewsbury, 1999), 132. О другом конце спектра см.: Murray, *Luftwaffe*, 338.

I

Перед лицом неминуемого исчезновения немецких военно-воздушных сил Рейхсминистерство авиации по примеру флота решило связать свою участь с Министерством вооружений Шпеера. Результатом этого решения стало создание так называемого Истребительного штаба (*Jägerstab*). Формально его возглавлял Альберт Шпеер. Однако в первые недели 1944 г. Шпеер, измотанный чрезмерной нагрузкой, тяжело заболел. Вплоть до начала мая он был освобожден от повседневной работы в Берлине. По этой причине Эрхард Мильх, «пожертвовавший» независимостью Министерства авиации, по крайней мере до лета фактически по-прежнему руководил авиационным производством¹². Однако теперь он мог воспользоваться жестокостью и энергичностью Карла-Отто Заура, опытом старших должностных лиц из министерства Шпеера и специфическими услугами со стороны генерала СС Каммлера. *Jägerstab*, обладавший бесспорным приоритетом во всей военной экономике и уполномоченный на принятие любых мер, способствующих росту производства, успешно совершил еще одно «оружейное чудо». В смысле веса планеров производство самолетов с февраля по июль 1944 г. выросло вдвое. Рост числа собранных самолетов был еще более впечатляющим — с 1323 в феврале 1944 г. до 3538 в сентябре, включая почти 2900 истребителей.

Именно этому неожиданному и запоздалому всплеску авиационного производства министерство Шпеера и обязано своей легендарной репутацией. По состоянию на январь 1944 г. объемы производства вооружений в Германии после двух лет руководства Шпеера «всего» на 130% превышали уровень, существовавший на момент его вступления в должность¹³. После печальных событий, произошедших в июле 1943 г., стабильного роста производства вообще не наблюдалось. Но в феврале 1944 г. индекс производства вооружений, на регулярной основе вычислявшийся плановым отделом Ганса Керля, внезапно устремился вверх и всего за пять месяцев вырос на 50%. Если считать индекс производства вооружений на момент назначения Шпеера равным 100, то в феврале 1944 г. он составлял 230,

12. Как отмечается в *Speer Chronik*, до 26 мая 1944 г., когда Шпеер вернулся к делам, *Jägerstab* «в слишком большой степени» опирался на Министерство авиации. См.: BAL R3/1739, 26.05.1944, 93.

13. Этот очевидный факт, о котором слишком часто забывают, был должным образом отмечен во введении к Bölcke, *Deutschlands Rüstung*, 12.

а к июлю 1944 г. вырос до рекордной величины в 330. И две трети этого прироста приходились на запоздалые триумфы «Истребительного штаба». При этом Шпеер и Заур прекрасно осознавали значение этого поразительного позднего всплеска для репутации их министерства. Он представлял собой идеальную заключительную главу для пропагандистского сюжета об «оружейном чуде». Министерство вооружений последовательно подчиняло себе все ключевые элементы немецкой военной экономики: сперва армейское производство и *Reichsbahn*, потом танковую программу, затем программу строительства подводных лодок и, наконец, такие чудеса, как *Mittelbau* и Фау-2. И вот теперь Шпеер и его люди занялись спасением люфтваффе. При этом секрет их успеха всегда оставался тем же самым: «рационализация» в сочетании с «личной ответственностью промышленности».

По необъяснимой причине следователи союзников, в 1945 г. начавшие копаться в руинах немецкой военной экономики, приняли эти рассказы за чистую монету, в качестве одного из главных источников информации о военной промышленности Рейха выбрав не кого-нибудь, а самого Карла-Отто Заура¹⁴. На самом же деле, как и в случае с программой строительства подводных лодок и предшествовавшей ей танковой программой «Адольф Гитлер», к истории «Истребительного штаба» в изложении Заура — Шпеера следует подходить с крайней осторожностью. Бесспорно то, что *Jägerstab* вывел принуждение в военной экономике на новый уровень и что это относилось и к управленческим кадрам, и к рабочей силе, но прежде всего к различным категориям иностранной рабочей силы, занятой в авиационном производстве¹⁵. В этой связи Мильх предстал перед Нюрнбергским трибуналом, обвиняясь в преступлениях против человечества. Каким образом Заур не попал на скамью подсудимых — понять сложно. В случае «Истребительного штаба» система «личной ответственности промышленности», поднятая на щит сперва Тодтом, а затем Шпеером, вполне определенно вылилась в диктатуру, не ограниченную никакими законами или критериями цивилизованности. После первой волны американских авианалетов, пришедшейся на конец фев-

14. См. крайне лестные замечания о Зауре как о потенциальном источнике в: PRO FO 935/161, Saur FD3250/45, USSBS team 86 Record. Абельсхаузер также отмечает ужасающую иронию, скрывавшуюся в том, что на послевоенных процессах над промышленниками Заур фигурировал не как подсудимый, обвиняемый в преступлениях против человечества, а как свидетель обвинения. См.: W. Abelshauser, in L. Gall (ed.), *Krupp im 20. Jahrhundert* (Berlin, 2002), 470.

15. T. Allen, *The Business of Genocide* (Chapel Hill, NC, 2002), 232–9.

раля 1944 г., Заур и Мильх объехали все авиационные заводы на специальном поезде, носившем кодовое название *Hubertus*, и вершили из него скорый суд над управляющими заводами, которых сочли не справляющимися со своими обязанностями¹⁶. В Регенсбурге они предали военному трибуналу двух немецких подрядчиков, которые якобы задерживали реконструкцию завода Мессершмитта, требуя разумных условий проживания для своих работников-немцев¹⁷. 25 марта Эрхард Мильх выступил перед инженерами и главными интендантами ВВС и в самых драматических выражениях ознакомил их с работой «Истребительного штаба»:

Прошу вас, идите туда, куда вы идете, и устраняйте всех, кто стоит у вас на пути! Здесь мы вас прикроем. Мы не спрашиваем, имел ли или не имел ли он [sic] такого права. Для нас не существует ничего, кроме одной задачи. В этой области мы фанатики <...> Нет такого приказа, который помешал бы мне выполнить эту задачу. И я никогда не получу такой приказ <...> не давайте ничему помешать вам и позаботьтесь о том, чтобы никто не мешал вашим людям <...> Господа, я знаю, что не всякий подчиненный способен сказать: «Для меня закона больше не существует»...

Такие слабые души нуждаются в тех, «кто их прикроет <...> Если <...> вы будете оставаться на связи [с «Истребительным штабом»] и незамедлительно прояснять все сложные моменты с тем, чтобы можно было что-либо предпринять, то мы готовы взять на себя ответственность, даже если эти действия будут незаконными». Выживание Германии требует системы, не имеющей иных приоритетов, помимо производственных. В условиях, когда люфтваффе ежемесячно теряли половину своих самолетов, Мильх усматривал

лишь два исхода для меня и для Германии: либо мы достигнем успеха и тем самым спасем Германию, либо и дальше будем работать спустя рукава, и тогда нас постигнет та судьба, которую мы заслуживаем. Я предпочитаю <...> делать то, что незаконно, но разумно и полезно, быть призванным за это к ответу и даже, если вам угодно, быть повешенным за это, вместо того чтобы быть повешенным, когда в Берлин войдут папаша Сталин или англичане. У меня нет такого желания <...> Идет пятый год войны. Повторяю: все решится в течение следующих полутора месяцев!¹⁸

16. Описание этого поезда, имевшего в своем составе конференц-зал и рассчитанного на 60–80 пассажиров, см.: BAL R3/1740, 08.1944, 205.

17. P. Schmoll, *Die Messerschmittwerke im Zweiten Weltkrieg* (Regensburg, 1998), 144.

18. Milch Case, II. 527, NOKW-017 54.

Первый ключ к росту производства, очевидно, скрывался в том, чтобы больше работать. На всех заводах, выпускавших самолеты и авиамоторы, с весны 1944 г. стала нормой 72-часовая неделя. По образцу программы «Адольф Гитлер» этот изнурительный темп работы удавалось поддерживать, выдавая наиболее отличившимся рабочим дополнительные продовольственные пайки, сладости, сигареты и спиртное, трикотаж, теплое белье, носки и даже специальные витамины¹⁹. Однако эти бонусы в основном доставались лишь немецким рабочим и тем иностранцам, которые достигли особенно высоких производственных результатов. Для остальных у Мильха и Заура были припасены только самые суровые меры дисциплины. Мильх сетовал на то, что иностранные работники

сбегают. Они не соблюдают никаких договоров. Есть трудности с французами, итальянцами, голландцами. Военнопленные <...> ведут себя неуправляемо и дерзко. По-видимому, эти люди занимаются еще и саботажем. На таких людей не действуют мелкие меры. С ними просто обращаются недостаточно строго. Если достойный доверия бригадир побьет кого-нибудь из этих неуправляемых типов, потому что тот не работает, то ситуация вскоре изменится. Нормы международного права здесь неприменимы. В этом отношении я твердо стою на своем, при поддержке Заура решительно выразив мнение о том, что пленных, за исключением англичан и американцев, следует изъять из ведения военных властей. Как показывает опыт, солдаты не в состоянии справиться с этими людьми. Я приму в этом плане самые строгие меры и такие военнопленные будут предаваться суду моего трибунала. Если они будут совершать акты саботажа или уклоняться от работы, я буду вешать их прямо там, где они работают. Убежден в том, что эти меры не окажутся безрезультатными.

Таким образом, меры, применявшиеся Каммлером на *Mittelbau*, распространялись на весь сектор люфтваффе²⁰.

Этот все более безжалостный подход к насаждению трудовой дисциплины получил предельное выражение в ходе мобилизации резервов лагерной рабочей силы. Через две недели после создания «Истребительного штаба» Гиммлер письменно уведомил Мильха о том, что люфтваффе на тот момент ис-

19. Eichholtz, Hl. 23.

20. После того как весной 1944 г. на заводе *Erla Messerschmitt* начались волнения, Каммлер рекомендовал «Истребительному штабу» повесить 20–30 зачинщиков беспорядков. «После того как их вздернули, порядок был восстановлен»: O. Gröhler, *Geschichte des Luftkrieges 1910 bis 1980* (East Berlin, 1981), 415. Автор-немец явно намекает на то, что их оставили висеть в назидание их товарищам.

пользовали на своих заводах труд 36 тыс. заключенных и что он надеется в ближайшем будущем поднять это число до 90 тыс.²¹ В качестве примера продуктивного сотрудничества Гиммлер ссылался на завод по производству истребителей «мессершмитт» в Регенсбурге, заключивший договор с концентрационным лагерем Флоссенбюрг. Теперь вместо работы в печально известном карьере заключенные Флоссенбюрга изготавливали обтекатели двигателей и кожухи радиаторов для Vf-109. Кроме того, в феврале регенсбургский завод начал получать детали фюзеляжей из концлагеря Маутхаузен. По оценкам, к лету 1944 г. производство завода Мессершмитта в Регенсбурге фактически на 35% обеспечивалось его субподрядчиками из СС²². Внося таким образом свой вклад в производственные достижения министерства Шпеера, Флоссенбюрг и его филиалы в то же время отняли жизнь не менее чем у 20 тыс. человек, в дополнение ко многим тысячам, погибшим в Маутхаузене²³.

Несмотря на то что заключенные концентрационных лагерей все чаще встречались на оборонных предприятиях, вплоть до весны 1944 г. заключенные-евреи — самая низшая категория в нацистской расовой иерархии — не допускались до таких работ. *Jägerstab* нарушил даже это идеологическое табу. 19 марта 1944 г. вермахт оккупировал Венгрию с тем, чтобы гарантировать ее участие в борьбе против Красной армии. Через несколько дней в ставке фюрера уже возбужденно обсуждалась возможность задействовать сотни тысяч венгерских евреев в военном производстве²⁴. В первую очередь еврейскую рабочую силу предполагалось использовать на гигантских подземных стройках Камmlера, но с учетом отчаянного положения, в котором находились люфтваффе, уже не исключалась и возможность направлять евреев на авиационные заводы. Эйхман начал депортацию венгерских евреев в середине мая, по 12–14 тыс. человек

21. IMT, *Nazi Conspiracy and Aggression* (Washington, 1946–7), IV, 1584-III*-PS, 118–24.

22. Schmoll, *Messerschmittwerke*, 7, 186–7. И наоборот, люфтваффе были крупнейшим нанимателем рабочей силы из Флоссенбюрга — им досталось 50% тех 34 тыс. рабов, которые трудились на военную экономику. Второе место занимали производители боеприпасов, получившие 17,5% рабочей силы; 12% рабочих из Флоссенбюрга было задействовано на танковом производстве. См.: K. Orth, *Das System der nationalsozialistischen Konzentrationslager* (Hamburg, 1999), 239.

23. Об использовании труда заключенных Флоссенбюрга и Маутхаузена см.: H. Brenner, «Der Arbeitseinsatz der KZ-Häftlinge in den Aussenlagern des KZ-Flossenbürg»; B. Perz, «Der Arbeitseinsatz im KZ-Mauthausen», in U. Herbert, K. Orth and C. Dieckmann (eds.), *Die nationalsozialistischen Konzentrationslager* (Frankfurt, 2002), II, 682–706, 533–57.

24. C. Gerlach and G. Aly, *Das letzte Kapitel: Der Mord an den ungarischen Juden* (Stuttgart, 2002), 163–71.

в день. Согласно уже известному нам принципу «отбора» подавляющее большинство отправлялось в газовые камеры. Однако не менее трети были сочтены пригодными для принудительного труда в Рейхе. Роль «сборного пункта» для прибывающих эшелонов играл Аушвиц. Отобранных для работы сразу же передавали Заукелю, в строительную организацию Тодта или другим нанимателям, имевшим высокий приоритет — таким, как *Jägerstab*²⁵. Согласно оценкам, из 509 тыс. евреев, в итоге депортированных из Венгрии, более 120 тыс. пережило войну в качестве подневольных работников²⁶. Вопрос об использовании венгерских евреев впервые обсуждался в «Истребительном штабе» 26 мая 1944 г., в присутствии выздоровевшего Альберта Шпеера. *Jägerstab* хотел знать, на какое число евреев он может рассчитывать, и заслушал доклад чиновника, явно поддерживавшего регулярные контакты с Аушвицем. С начала депортации прошло 11 дней, и известия из концлагеря не радовали. Из числа первых новоприбывших Министерству вооружений предлагали только «детей, женщин и пожилых мужчин, почти ни на что не пригодных». Судя по всему, самая лучшая мужская рабочая сила оставалась в Венгрии, где вермахт задействовал ее на рытье противотанковых рвов. В стенограмме делался лаконичный вывод: «Если только со следующими эшелонами не прибудут мужчины трудоспособного возраста, все это мероприятие не будет иметь особого успеха»²⁷. На том этапе войны вряд ли кто мог испытывать серьезные сомнения в отношении участи тех евреев, которые были сочтены непригодными для работы. Но это не волновало ни Шпеера, ни *Jägerstab*. Спустя месяц доставка человеческого материала наладилась и *Jägerstab* с удовольствием получил известие о том, что Аушвиц готов выполнить свои обещания. В частности, СС надеялись доставить «13 тысяч венгерских евреек партиями по 500 человек. Таким образом, и небольшие фирмы получают возможность более продуктивно использовать этих евреек из концентрационных лагерей»²⁸.

Однако суровая трудовая дисциплина и мобилизация десятков тысяч заключенных концентрационных лагерей позволяют объяснить лишь поразительный рост авиационного производ-

25. Eichholtz, III. 239.

26. Орт приводит несколько иные цифры: 458 тыс. депортированных в Освенцим из Венгрии и 350 тыс. умерщвленных в газовых камерах. См.: Orth, *Das System*, 256–7.

27. Milch Case, II. 555. Заседание «Истребительного штаба», 26.05.1944, NOKW-336.

28. Milch Case II. 557–8. Заседание «Истребительного штаба», 27.06.1944, NOKW-359. Об этой же группе идет речь и в *Speer Chronik*, хотя там не говорится, что это евреи; см.: BAL R3/1739, 06.1944, 137.

ства в первой половине 1944 г. И неудивительно, что Карл-Отто Заур, объясняя триумфы «Истребительного штаба» доверчивым следователям из отдела по обзору стратегических бомбардировок, в первую очередь затрагивал другие темы. Согласно его версии событий, ключом к успехам «Истребительного штаба» послужила «тотальная революция» в авиационном производстве — «уникальное» нововведение, давшее «решительные результаты»²⁹. Заур утверждал, что до 1944 г. авиационное производство велось в тепличных условиях. Лишь решительные действия министерства Шпеера заставили эту отрасль уделить все свое внимание максимальному увеличению производства. Однако, делая эти заявления, Заур не более чем воспроизводил стандартную пропагандистскую линию. Идея о том, что поставщики люфтваффе, с 1941 г. находившиеся под ногтем у таких людей, как Карл Фридаг (планеры) и Уильям Вернер (двигатели), могли многое узнать о рационализации от Карла-Отто Заура, мягко говоря, неправдоподобна. И потому, вероятно, неудивительно, что должностные лица Рейхсминистерства авиации несколько более холодно отнеслись к шумихе, окружавшей достижения «Истребительного штаба». Озадаченные производственными показателями, на которые претендовал Заур, Министерство авиации летом 1944 г. внимательно проанализировало неожиданный волшебный прирост производства, происходивший с тех пор, как у руля встали люди Шпеера. Как ясно следует из доклада министерства, критического отношения заслуживала не одна лишь преступная аморальность «Истребительного штаба»³⁰.

Во-первых, версия Заура не принимает во внимание неизбежного запаздывания реакции в авиационном производстве. На производство даже простейшего истребителя — от сырья до готовой машины — уходит полгода. Поскольку сам *Jägerstab* был создан только в феврале 1944 г., последствия принятых им шагов и мобилизации ресурсов не могли в полной мере проявиться до августа 1944 г. Значительная часть прироста производства, произошедшая до июля 1944 г., может быть объяснена лишь мерами, предпринятыми еще до создания «Истребительного штаба». Что важнее, всего Министерство авиации в течение 1943 г. получило от Заукеля 317 тыс. рабочих для предприятий люфтваффе, в дополнение к 243 тыс. рабочим, мобилизованным по инициативе самого министерства. Из их числа Министерство авиации «записывало на свой счет» дополни-

29. PRO FO 935/161, Saur, FD3250/45, стенограмма допроса г-на Заура, 7.06.1945, 26.

30. PRO FO 1078/142, Über die Gründe der erhöhten Lieferungen.

тельные 100 тыс. заключенных концлагерей, предоставленных СС в 1943 и 1944 гг. Кроме того, министерство приняло меры к росту производства авиамоторов, без чего резкий прирост выпуска самолетов в 1944 г. был бы невозможен. Однако наибольшее раздражение вызывала непоследовательность шпееровского министерства. Суть версии Заура сводилась к тому, что лишь «молниеносная реакция» Шпеера и его подчиненных спасла люфтваффе от неминуемой катастрофы в феврале 1944 г.³¹ Но при этом игнорировался тот факт, что ранней осенью 1943 г., сразу же после Гамбурга, Министерство авиации составило свой собственный план по укреплению сил воздушного перехвата³². Черновой вариант этой так называемой *Reichsverteidigungsprogramm* (программы люфтваффе 2.2.4) предусматривал ежемесячное производство к июлю 1944 г. не менее 5390 самолетов, две трети которых должны были составлять истребители. Ключевым пунктом этой программы являлось резкое сокращение выпуска устаревших моделей в пользу ускоренного массового производства реактивного истребителя Me-262. Но вместо того чтобы содействовать Мильху в решении этой важнейшей задачи, Шпеер в сговоре с Вилли Мессершмиттом принял меры к тому, чтобы лишить Me-262 его приоритетности. Между тем Заур и его «эксперты по рационализации» объявили заявленные производственные цели недостижимыми³³. Всю осень шли язвительные дискуссии, в ходе которых Шпеер обрушился с резкими нападками личного характера на Уильяма Вернера — того же человека, которого двумя годами ранее все прославляли как ведущего специалиста по массовому производству, того же человека, которому Шпеер в 1943 г. лично доверил общую ответственность за выпуск моторов, даже вопреки протестам со стороны фирмы *Maybach*, признанного монополиста в танковом секторе³⁴. Все неожиданно изменилось не далее чем в феврале 1944 г., как только контроль над авиационным производством перешел в руки шпееровского министерства. Помимо того, что «Истребительный штаб» Шпеера стал приписывать себе накопление ресурсов, осуществленное Министерством авиации в 1943 г., Заур и его присные летом 1944 г. получили

31. PRO FO 935/161, Saur, FD3250/45, USSBS team 86 R, 4.

32. В октябре 1943 г. Мильх даже похвалялся, что в 1944 г. Германия будет выпускать больше самолетов, чем США. См.: DRZW 7. 237.

33. Тот же вывод делается в: L. Budrass, *Flugzeugindustrie und Luftrüstung in Deutschland* (Düsseldorf, 1998), 867–8.

34. См. сварливые замечания в: BAL R3/1738, 128–9, 136, 145, 186. О том, как Шпеер всего годом ранее расхваливал Вернера, см.: R3/1736, 7.08.1942, 61, а о его стремлении подчинить *Maybach* Вернеру см.: R3/1737, 3.03.1943, 30–31, и 18.04.1943, 46.

возможность принять программу («программа 226»), практически идентичную «неосуществимому» предложению, выдвинутому Министерством авиации девятью месяцами ранее.

Хотя Министерство авиации тоже явно было не без греха, к заявлениям «Истребительного штаба», объяснявшего свои успехи «системой Шпеера», несомненно, следует относиться со скептицизмом. Министерство авиации расчистило путь к резкой смене авиационной производственной программы в начале 1944 г. своими инициативами, выдвинутыми во второй половине 1943 г. В противоположность заявлениям о том, что нельзя терять ни минуты, сопровождавшим действия «Истребительного штаба» в 1944 г., эти инициативы не получали практически никакой поддержки ни от Заура, ни от Шпеера. Лишь после того, как Мильх сдался и согласился поделиться контролем над сектором люфтваффе, Шпеер обеспечил полное содействие авиационному производству со стороны Рейхсминистерства вооружений со всеми соответствующими практическими выгодами. Даже в 1944 г. не произошло никаких чудес рационализации. Вопреки утверждениям Заура, производство самолетов явно не взяло новых высот. Хотя в хаосе 1944 года ведение точной статистики было невозможно, ясно, что неограниченные полномочия «Истребительного штаба» позволили ему увеличить производство истребителей Me-109 и FW-190, мобилизовав беспрецедентные объемы сырья, рабочей силы, продовольствия и транспортных мощностей. По сути, сам Шпеер подтвердил эту интерпретацию в неосторожных словах, адресованных журналистам в июне 1944 г. Объясняя этот необычайно мощный всплеск авиационного производства, он отметил: «Следует добавить <...> что в данном случае без особой огласки было осуществлено изменение системы в том смысле, что в феврале мы переместили в авиационную промышленность значительные мощности из бронетанковой промышленности, как поступали и раньше в других отраслях. Мне представляется, что это и было причиной ускоренного выздоровления»³⁵. Как откровенно признается в конфиденциальном дневнике министерства Шпеера, сверхъестественная стабильность производства танков в 1943 г. в условиях непрерывных союзных бомбардировок обеспечивалась способностью Шпеера изыскать для главного комитета дополнительные квоты стали, позаимствованные из «секретных источников», неизвестных ни Керлю, ни *Zentrale Planung*. И теперь *Jägerstab* пользовался такими же неучтенными

35. См. замечания на пресс-конференции в: NA T73192.

фондами. Как подозревали в Министерстве авиации, подлинно решающим фактором был ревностно охраняемый контроль Шпеера над ключевыми ресурсами и его способность добиваться для тех или иных программ «танкового приоритета»³⁶.

II

Кто бы в конечном счете ни был автором этих достижений, *Jägerstab* летом 1944 г. превратился в трамплин для очередной пропагандистской кампании, сопровождавшей еще одну, на этот раз последнюю, радикализацию военной экономики. Оправившись после продолжительной болезни, Альберт Шпеер снова энергично заявил о себе как о спасителе нацистского режима. Пропаганда «оружейного чуда» возобновилась в первых числах мая 1944 г. с выступления Шпеера перед рабочими верфей, в котором он превозносил их достижения при освоении поточного производства подводных лодок новой, XXI серии. При этом он обошел молчанием тот факт, что ни одна из этих лодок не могла выйти в море раньше начала следующего года и что ни одну из них не удалось бы довести до боеспособного состояния раньше, чем к апрелю 1945 г. 9 июня, сразу же после высадки союзников в Нормандии, Шпеер сплотил силы Рура лекцией, которая так и называлась — «Чудесное вооружение» (*Das Wunder der Rüstung*)³⁷. Из текста этого выступления, а также из последующих замечаний Шпеера на пресс-конференции для избранных журналистов становится ясно, что Шпеер ощущал обязанность защищать систему «личной ответственности», игравшую такую центральную роль в мифологии его режима. Его система подвергалась критике, исходящей как со стороны промышленников, так и из самого министерства. Такие радикалы, как Ганс Керль, стремились преобразовать все более хаотичную систему комитетов, кружков и чрезвычайных штабов в постоянную и четкую управленческую структуру, опирающуюся на согласованную налогово-бюджетную политику³⁸. Однако в то же самое время Шпеер встречал нараставшее недовольство деловых кругов, выступавших против все более суровых вмеша-

36. См.: BAL R3/1738, 2.12.1943, 201.

37. Müller, in DRZW 5/2. 550; Eichholtz, III. 44.

38. L. Herbst, *Der Totale Krieg und die Ordnung der Wirtschaft: Die Kriegswirtschaft im Spannungsfeld von Politik, Ideologie und Propaganda 1939–1945* (Stuttgart, 1982), 339, 436–7; Eichholtz, III. 43. В *Speer Chronik* содержится много критических замечаний о присущих Керлю тенденциях к чрезмерной бюрократизации. См., в частности: BAL R3/1738, 17.12.1943, 207.

тельств со стороны его министерства³⁹. Столкнувшись с этими разнонаправленными тенденциями, Шпеер разыграл свою самую сильную карту: превосходные отношения с фюрером. После октября 1943 г. они пережили сложные времена, но в мае 1944 г. Шпеер снова стал близким к фюреру человеком. Несмотря на то что здоровье Гитлера сильно ухудшилось и он все чаще отказывался от публичных выступлений, он согласился оказать Шпееру поддержку своим присутствием на важном мероприятии. 24–25 июня Шпеер в условиях строжайших мер военной безопасности провел в Линце совещание с участием 300 ключевых фигур военной экономики⁴⁰. Аудитории была предложена плотная программа лекций. Выступление самого Шпеера продолжалось три часа и было обильно проиллюстрировано слайдами и графиками, иллюстрировавшими триумфы Рейхсминистерства вооружений и достижения главных сотрудников Шпеера — Заура, Дегенкольца, Шибера и др. Эта презентация была призвана оправдать раскритикованную систему «личной ответственности» и продемонстрировать то, что военная экономика не смогла бы без нее обойтись. По вечерам присутствующим поднимали настроение концерты классической музыки (включая Брукнера), камерной музыки, исполненной на исторических инструментах, и выступление Герберта фон Караяна⁴¹. Для избранной группы делегатов главным событием стал состоявшийся 26 июня визит в Платтенхоф в Берхтесгадене, где им посчастливилось услышать последнюю публичную речь Гитлера, фактически написанную Шпеером. В ней снова повторялась та тема, которую Министерство вооружений проталкивало в течение двух предыдущих месяцев: ключ к успеху — «ответственность самой промышленности». Достижения до сего момента были чудесными. Пораженчество ничем не оправдано. Но для того, чтобы одолеть врагов, Германия должна сделать еще одно, последнее, усилие. Если немецкая промышленность не сумеет ответить на вызов войны, это будет иметь катастрофические последствия. Шпеер явно хотел подчеркнуть конкретно этот момент. Германии не стоило ждать милосердия — даже со стороны

39. Шпеер уже в январе обсуждал с гестапо-СД меры, необходимые для защиты его сотрудников от необоснованной критики. См.: BAL R3/1739, 14. Кроме того, он добился заключения соглашения между Керлем с одной стороны и Гайлером и Олендорфом, представителями СС, контролировавшими Министерство экономики, о необходимости придерживаться «позитивного отношения к системе *Selbstverantwortung*»: BAL R3/1739, 20.

40. Herbst, *Totale Krieg*, 334; Eichholtz, III. 47–8; Müller, in DRZW 5/2.351–2; NAT73192, 448 FD3353/45, 90.

41. BAL R3/1739, 23.06.1944, 130.

западных союзников. Заметки Шпеера для Гитлера в этом отношении были категоричны: «Если война будет проиграна <...> безжалостная ликвидация немецкой промышленности ради устранения конкуренции на мировых рынках. У врага есть конкретные экономические планы, которые это подтверждают»⁴². Оправданны буквально любые жертвы, способные предотвратить этот ужасный исход. Необходимо мириться с жестокими методами «Истребительного штаба». Но деловые круги Германии могут рассчитывать на возвращение к свободе предпринимательства после того, как будет одержана победа. Как выразился Шпеер/Гитлер, «Когда наша победа решит участь войны, для частной инициативы немецкого бизнеса наступит величайший этап!». Гитлер пообещал, что немецкий бизнес, «возможно, ожидает такое процветание, какого он еще не видел»⁴³. В разгар все более сурового принуждения Шпеер убедил Гитлера официально озвучить его веру «в дальнейшее развитие человечества посредством содействия частной инициативе, которую я считаю единственной предпосылкой всякого реального прогресса».

Трудно себе представить, насколько избито должны были звучать подобные фразы среди ужасов 1944 года. Ганс Керль в своих мемуарах вспоминает, как он был потрясен деградацией Гитлера, выглядевшего больным и старым человеком⁴⁴. Однако это разочарование было отнюдь не всеобщим. Одним из тех, кто активнее всего добивался, чтобы Гитлер сделал публичное заявление в поддержку предпринимательской инициативы, был Вальтер Роланд, к тому моменту возглавивший *Vereinigte Stahlwerke* и остававшийся одним из главных сторонников Шпеера в тяжелой промышленности. Через несколько дней после выступления Гитлера Роланд писал Шпееру, поздравляя его с «совещанием по вооружениям, которое прошло действительно превосходно»⁴⁵.

Если Гитлер выглядел в Линце расстроенным, то для этого имелись все основания. 6 июня британцы и американцы наконец высадились во Франции⁴⁶. Как и следовало ожидать, подавляющее превосходство союзников в воздухе не позволило вермахту быстро отреагировать и сбросить пришельцев обратно в море. В день «Д» все самолеты люфтваффе на западе совершили всего 275 вылетов по сравнению с 14 тыс. вылетов авиации

42. Herbst, *Totale Krieg*, 334.

43. Eichholtz, III. 48.

44. H. Kehrl, *Krisenmanager im Dritten Reich* (Düsseldorf, 1973), 395–7.

45. Eichholtz, III. 48.

46. DRZW 7.536–56.

союзников⁴⁷. Три недели спустя британцы разнесли в пыль Кан, а американцы угрожали отрезать десятки тысяч германских солдат в Бретани. Однако битва на западе была мелкой и неторопливой по сравнению с эпической драмой, разворачивавшейся на востоке⁴⁸. 22 июня, в третью годовщину германского нападения на Советский Союз, Красная армия начала операцию «Багратион» против немецкой группы армий «Центр»⁴⁹. Маршалы Жуков и Василевский, дополнив количественное и качественное превосходство своей техники и вооружения превосходной разведкой и снабжением, осуществлявшимся с помощью американских грузовиков и полугусеничных машин, провели то, что многими называется «самой впечатляющей сухопутной операцией войны»⁵⁰. В течение нескольких дней были уничтожены три немецкие армии. К 4 июля советские войска освободили Минск и далеко продвинулись к польской границе. 11 июля вермахт доносил о том, что группа армий «Центр» потеряла 28 дивизий и 300 тыс. человек. К концу битвы за Белоруссию эта цифра выросла до 450 тыс.⁵¹ По широким московским проспектам унылым маршем прошли гигантские колонны пленных немцев. 24 июля части левофланговых армий маршала Константина Рокоссовского освободили первый крупный концентрационный лагерь — Майданек под Люблином. Четыре дня спустя, продвинувшись за шесть недель почти на 600 км, Красная армия наконец была остановлена у предместий Варшавы. После трех лет ожесточенных боев вермахт отступил на те позиции, с которых он нанес удар в июне 1941 г.

Тем временем военно-воздушные силы союзников наконец-то занялись уничтожением немецких заводов синтетиче-

47. Murray, *Luftwaffe*, 374.

48. О том, что в тот момент все внимание Гитлера было приковано к Восточному фронту, см.: H. Heiber (ed.), *Hitlers Lagebesprechungen: Die Protokollfragmente seiner militärischen Konferenzen 1942–1945* (Stuttgart, 1962), 583–621. См. также замечания от имени министерства Шпеера о крайней серьезности ситуации: BAL R3/1740, 9.07.1944, 156–7.

49. Ziemke, *Stalingrad to Berlin*, 313–32; J. Erickson, *The Road to Berlin* (London, 1983), 215–46; D. M. Glantz and J. M. House, *When Titans Clashed: How the Red Army Stopped Hitler* (Lawrence, Kan., 1995), 195–215.

50. W. Murray and A. R. Millett, *A War to be Won: Fighting the Second World War* (Cambridge, Mass., 2000), 450. Подробнее см. в: D. M. Glantz and H. S. Orenstein (eds.), *Belorussia 1944: The Soviet General Staff Study* (London, 2001). Согласно одной из оценок, Советский Союз получил в 1944 г. 125 тыс. американских грузовиков и еще 150 тыс. после января 1945 г. Мобильность типичного советского гаубичного полка весной 1944 г. обеспечивали 7 советских 1,5-тонных грузовиков, 35 американских 2,5-тонных автомобилей и «джип». См.: W. S. Dunn, *Soviet Blitzkrieg* (London, 2000), 76–7.

51. Glantz and House, *When Titans*, 214.

ского топлива⁵². Дословные стенограммы совещаний 22–23 мая указывают на то, что после первой серии налетов даже Шпеер ненадолго утратил самообладание⁵³. Однако к неукротимому министру вооружений Третьего рейха вскоре вернулось спокойствие. Агония военной экономики Германии стала периодом его максимального влияния⁵⁴. В июне 1944 г., в преддверии совещания в Линце, он вынудил Геринга смириться с логическими последствиями создания «Истребительного штаба». Весь индустриальный комплекс люфтваффе с 1 августа 1944 г. переводился непосредственно под контроль суперминистерства Шпеера. Впервые в истории Третьего рейха вся военная экономика оказалась формально подчинена одному-единственному ведомству. И это было еще не все. Отчаянная военная ситуация требовала поставить на службу военному производству буквально каждый аспект немецкого общества. 12 июля Шпеер направил Гитлеру требование о том, чтобы наряду с расширением его полномочий в сфере военной экономики Йозеф Геббельс был назначен ответственным за мобилизацию тыла, а Генрих Гиммлер — ответственным за резервные формирования армии. Спасти Германию могла лишь безжалостная решительность со стороны национал-социалистического руководства. Даже на этом этапе Шпеер отказывался признавать поражение. В своем докладе Гитлеру он подчеркивал, что благодаря «новому, технически передовому оружию, самолетам, подводным лодкам, а также применению [ракет] А4 и увеличению производства танков и самоходных орудий в течение следующих трех-четырех месяцев мы преодолеем пик кризиса, который все еще не пройден...»⁵⁵. Назначение Геббельса как уполномоченного Рейха по тотальной войне состоялось 18 июля⁵⁶. Два дня спустя новые полномочия получил и Гиммлер⁵⁷. Таким образом, за несколько дней до 20 июля Шпеер прочно связал себя с двумя людьми, которые стали главными столпами нацистского режима в отчаянные часы, последовавшие за покушением на Гитлера. В тот момент, когда в бункере у Гитлера взорвалась бомба, Шпеер был с Геббельсом и оставался с ним в течение следующих часов. Невзирая на то что Шпеер в своих мемуарах описывает эти события с нарочитой невняtnостью, не может быть сомнений

52. Eichholtz, HI. 37; Murray, *Luftwaffe*, 367.

53. Eichholtz, III. 33.

54. G. Janssen, *Das Ministerium Speer: Deutschlands Rüstung in Krieg* (Frankfurt, 1968), 2.65–82.

55. Eichholtz III. 112.

56. Eichholtz, III. 50.

57. Müller, in DRZW, 2. 346–7, 570; W. Naasner, *Neue Machtzentren in der deutschen Kriegswirtschaft 1942–1945* (Boppard, 1994), 77–8.

в том, чью сторону он принял⁵⁸. Через четыре дня после провала попытки переворота, в то время как СС задерживали тысячи подозреваемых, Шпеер источал восторги по поводу новых назначений Гиммлера и Геббельса. Шпеер заявил своим подчиненным, что именно эти люди сделают так, что тотальная война превратится из предмета «дискуссий в свершившийся факт»⁵⁹. В первых числах августа 1944 г., по случаю поглощения сектора люфтваффе его министерством, Шпеер в том же духе выступил перед новым Штабом по вооружениям — организацией, созданной по образцу упраздненного «Истребительного штаба». Шпеер говорил о немногих «избранных», отныне управлявших Рейхом, «во главе которого, подчиняясь нашему фюреру, стоят такие люди, как Гиммлер и Геббельс»⁶⁰. С учетом военной ситуации, в которой находилась Германия, задача Штаба по вооружениям, как подчеркивал Шпеер, носила не только практический, но и психологический характер. Помимо выпуска вооружений во все более крупных объемах, его главная цель состояла в том, чтобы насаждать дух «оптимизма и спокойствия». Он призывал это «содружество верных», порожденное годами общего труда в сфере военного производства, сохранять единство до последнего⁶¹.

Усилия самого Шпеера по насаждению оптимизма достигли зенита спустя несколько дней в Позене, где, как и в 1943 г., он и Гиммлер выступили перед гауляйтерами. Речь Шпеера сводилась к типичному для него жонглированию впечатляющей на первый взгляд производственной статистикой, но на этот раз он пошел еще дальше. С тем чтобы цифры за июль 1944 г. действительно стали рекордными, он добавил к июльским итогам предполагаемые объемы производства за первую неделю августа⁶². Он в конце концов поддался искушению и скатился до «большой лжи». Он уже не просто драматизировал реальность, преувеличивая ее и манипулируя ею. Он сознательно обманывал своих слушателей. Шпеер обещал гауляйтерам дальнейший мощный рост производства всех ключевых видов

58. Ср.: A. Speer, *Inside the Third Reich* (London, 1970), 507–518; А. Шпеер, *Третий рейх изнутри. Воспоминания рейхсминистра военной промышленности* (Москва, 2005), 630–644, с описанием действий Шпеера в: BAL R3/1740, 20–21.07.1944, 168–9.

59. Eichholtz, III. 53.

60. Müller, in DRZW 5/2. 402–3.

61. Ibid., 402. В *Speer Chronik* отмечается, что после покушения на Гитлера военную администрацию охватила волна энтузиазма. См.: BAL R3/1740, 27.07.1944, 171. В сентябре 1944 г. Шпеер начал раздавать специальные зеленые галстуки тем своим коллегам, которые выказывали особенно мощный оптимизм. См.: BAL R3/1740, 19.09.1944, 258.

62. Müller, in DRZW 5/2. 551.

вооружения и боеприпасов в грядущие месяцы. На следующий день Гитлер подтвердил ключевую роль Шпеера в заключительном обращении к гауляйтерам в своей ставке, особо подчеркнув достижения министерства Шпеера за последний год. Однако, несмотря на необоснованный оптимизм Шпеера, военная экономика Германии миновала фазу подъема. Начиная с июля производство вооружений сокращалось. В начале 1945 г. оно начало резкое падение. Темпы этого сокращения были разными для разных типов вооружений. Производство танков и оружия достигло максимального уровня лишь в последние месяцы 1944 г. Пик производства боеприпасов пришелся на сентябрь. Но производство самолетов, самая сложная часть военно-промышленной системы и отрасль, чаще всего становившаяся целью союзных бомбардировок, переживало резкое сокращение еще с лета 1944 г.

Поскольку этим фактически завершилась гонка вооружений, представлявшая собой одну из движущих сил, стоявших за развитием событий по крайней мере с конца 1930-х гг., имеет смысл сделать паузу и подвести итоги⁶³. В свете всего вышесказанного неравенство в общих объемах производства между Германией и ее врагами было предсказуемо огромным. На волне успехов «Истребительного штаба» Германия в 1944 г. сумела выпустить 34100 боевых самолетов. За это же время ее главные противники — Великобритания, Советский Союз и США — произвели 127300 самолетов, из которых 71400 приходилось на США; таким образом, превосходство последних над Германией составляло 3,7:1⁶⁴. В том, что касается танков, неравенство было таким же огромным: в Германии их было собрано 18300 против 54100 танков, произведенных их противниками, включая 29 тыс., выпущенных в Советском Союзе. Соотношение по артиллерийским орудиям, винтовкам и пулеметам было несколько менее неблагоприятным для Германии, варьируясь от 2,1:1 до 2,7:1. Однако в 1944 г. германское производство достигло пика, в то время как в стане ее врагов объемы производ-

63. См. захватывающую дискуссию о крайней неточности оценок, делавшихся современниками, в: Eichholtz, III. 95–113. Впрочем, дальнейшее основывается не на этой работе, а на M. Harrison (ed.), *The Economics of World War II* (Cambridge, 1998), 10–17.

64. Авиационная промышленность была единственной сферой, в которой серьезный вклад в общее соотношение вносила Япония, выпустившая в 1944 г. 21 тыс. самолетов. Однако приведенные цифры недооценивают отставание стран Оси, поскольку речь идет лишь о численности самолетов, а не о суммарном весе планеров или стоимости выпущенных самолетов. Британцы и американцы выпускали большое число исключительно дорогих тяжелых бомбардировщиков, которым не имелось аналогов ни у Японии, ни у Германии.

ства в этих категориях были максимальными в 1943 г. Короче говоря, ни одна из тех мер, которые были предприняты Альбертом Шпеером и его коллегами начиная с 1942 г., нисколько не помогла решить главную проблему вермахта. Но хотя, с одной стороны, отнюдь не стоит принимать за чистую монету те славословия, которые окружали работу шпееровского министерства, с другой стороны, нет оснований и для того, чтобы говорить о его провале. Как только Германия оказалась в состоянии войны и с Великобританией, и с Советским Союзом и как только Соединенные Штаты бросили на чашу весов всю свою мощь, положение Третьего рейха стало безнадежным. В 1941 г., до вторжения Германии в Советский Союз, но и до того, как американская экономика заработала на полную мощность, совместный ВВП Великобритании, Советского Союза и США превосходил ВВП Германии как 4,36:1. Аналогично в 1930-е гг. Великобритания, Советский Союз и США совместно выплавляли почти ровно вчетверо больше стали, чем Германия, причем в то время американская промышленность использовала далеко не все свои производственные возможности⁶⁵. В 1944 г. по производству стали союзники имели над Германией (даже если прибавить к ней Бельгию, Францию и Польшу) превосходство, составлявшее 4,5:1. В 1944 г. Германия столкнулась именно с тем сокрушительным материальным превосходством, которого всегда боялись немецкие стратеги.

Завоевания, сделанные в начале войны, несомненно, отчасти компенсировали это неравенство. Последующая мобилизация «иностранных мощностей», в первую очередь во Франции, была одной из козырных карт, с помощью которых Шпеер пытался сплотить немецкую военную экономику осенью 1943 г.⁶⁶ 17–19 сентября 1943 г. Шпеер и Керль принимали в Берлине французского министра промышленности Жана Бишело-на с тем, чтобы обсудить возможность широкомасштабного перевода производства во Францию. Впрочем, с учетом состояния французской экономики, эта отчаянная мера не могла иметь серьезного практического значения. За весь период 1939–1945 гг. оккупированные территории, бесспорно, были весьма важны для военной экономики Германии. Прежде всего они обеспечивали ее рабочей силой, продовольствием и сырьем. Кроме того, они играли роль гигантского территориального буфера, без которого вермахту ни в коем случае не удалось бы оттянуть конец войны до 1945 г. Однако чего они не могли, так это компенсиро-

65. *Statistisches Handbuch von Deutschland* (Munich, 1949), 292.

66. Kehrl, *Krisenmanager*, 316–18; Müller, in *DRZW* 5/2. 365–9.

ТАБЛИЦА 17. Производство вооружений по отношению к экономическому

	Вооружения, тыс. ед.				
	Винтовки	Автоматы	Пулеметы	Орудия	Минометы
США	10714	1685	2291	512	61,6
Великобритания	2052	3682	610	317	65,3
Советский Союз	9935	5501	1254	380	306,5
Союзники в целом	22701	10868	4155	1209	433,4
Германия	6501	695	889	262	66,0
Италия			83	7	11,3
Япония	1959	3	341	126	4,3
Страны Оси в целом	8460	698	1313	395	81,6
Союзники / Страны Оси	2,7	15,6	3,2	3,1	5,3
Союзники / Германия	3,5	15,6	4,7	4,6	6,6

вать подавляющее индустриальное преимущество, которое получили европейские враги Германии после того, как в войну вступили США. Мы уже видели, насколько незначительным было производство для люфтваффе на оккупированных территориях в первые годы войны. На более поздних ее этапах значительного улучшения ситуации не произошло. В 1943 г. — последнем, когда под контролем Германии оставались все оккупированные ею страны, — общие поставки военных материалов из Франции, Бельгии, Нидерландов, Генерал-губернаторства, Дании, Норвегии и Сербии в Германию составляли только 9,3% всего военного производства⁶⁷. Лишь в кораблестроении, производстве средств связи и автомобилестроении оккупированные территории внесли заметный вклад в накопление техники и вооружения вермахта. В абсолютном выражении стоимость всех поставок для вермахта из оккупированной Европы составляла в 1943 г. почти 4,6 млрд рейхсмарок⁶⁸. В то же время американские военные предприятия в 1943 г. выпустили продукции на 54,4 млрд долларов (около 150 млрд рейхсмарок), а в Великобританию было поставлено продукции на 6,7 млрд долларов (около 20

67. Eichholtz, II. 508.

68. Эта сумма явно включает иное оборудование, помимо вооружений: DRZW 5/2. 187.

потенциалу: союзники и страны Оси, 1942–1944 годы

Вооружения, тыс. ед.		Крупные боевые корабли	ВВП с учетом ППС, долл. 1990 г.		Выплавка стали, тыс. т	
Танки	Боевые самолеты		1941	1944	1939	1944
86	153,1	6755	1094	1499	5573 ¹	8132 ¹
20,7	61,6	651	344	346	13716	12337
77,5	84,8	55	359	495	18796	16350
184,2	299,5	7461	1797	2340	88243	110008
35,2	65,0	703	412	437	21528	24218
2,0	8,9	218	144	137	2283	1025
2,4	40,7	438	196	189	6693	6366
39,6	114,6	1359	752	763	30504	31609
4,7	2,6	5,5	2,4	3,1	2,9	3,5
5,2	4,6	10,6	4,4	5,4	4,1	4,5

Источники: *Statistisches Handbuch*, 292; M. Harrison (ed.), *The Economics of World War II* (Cambridge, 1998), 17.

млрд рейхсмарок)⁶⁹. Даже при очень благоприятных для Германии предположениях в отношении обменного курса соотношение между стоимостью внешних поставок военных материалов для двух этих европейских держав составляет не менее чем 4:1 не в пользу Германии. С учетом безнадежно низкой производительности на оккупированных территориях программа привлечения иностранной рабочей силы, несомненно, представляла собой самый важный вклад, который оккупированная Европа внесла в военную экономику Германии. К 1944 г. на заводах, выпускавших продукцию для вермахта, каждый третий рабочий был иностранцем⁷⁰.

69. R. G. D. Allen, «Mutual Assistance between the US and the British Empire, 1941–1945», *Journal of the Royal Statistical Society* (1946), 243–77; Special Combined Committee of Combined Production and Resources Board, *The Impact of the War on Civilian Consumption in the United Kingdom, the United States and Canada* (London 1945), 8–9.

70. В предположении, что средняя производительность труда иностранцев составляла 70% от производительности труда их германских коллег, и в предположении, что доля рабочей силы в общем производстве (в противоположность доле, обеспеченной германским капиталом) составляла 70%, вклад иностранной рабочей силы в производство германской военной промышленности приблизительно составлял 15%.

III

К последним двум годам войны опустошительные удары, наносившиеся союзниками, потрясли военную экономику Германии до основания. Однако приписывая всю ответственность за крах, в итоге постигший Германию, таким «внешним потрясениям», мы снова пойдем на поводу у шпееровского мифа. На самом деле в 1944 г. уже нельзя было скрыть того, что немецкая военная экономика распадается сама собой. К лету 1944 г. стало ясно, что в отсутствие подлинно драконовских контрмер Германию вскоре постигнет инфляция, не менее суровая, чем та, что разъедала саму структуру вильгельмовского государства в 1914–1923 гг. И это указывает на еще одну фигуру умолчания в рассказах о героических свершениях шпееровского министерства. Вплоть до лета 1944 г. едва ли было несправедливо утверждать, что его министерство забывает о деньгах как о важнейшем инструменте макроэкономического управления. Как мы уже видели, в 1942 г. Шпеер, стремясь к максимизации выпуска вооружений, противодействовал попыткам комиссара по ценам и Министерства финансов изымать чрезмерные прибыли. Вся система экономического управления, созданная Министерством вооружений, основывалась на расширении и совершенствовании механизма непосредственного контроля над германской промышленностью. Однако в 1944 г. проблема инфляции настигла Шпеера. Вопрос денег уже не могли игнорировать даже самые ревностные сторонники прямого физического контроля.

В июле 1944 г. плановый отдел Ганса Керля составил меморандум «Покупательная способность, цены и военное финансирование», начинавшийся с драматичного заявления: «Немецкой экономике грозит анархия, с которой не справится даже расширенная и усовершенствованная система экономического контроля [*Wirtschaftslenkung*]»⁷¹. Эрозия стоимости денег, заметная на всех уровнях, лишает экономических игроков стимулов к тому, чтобы подчиняться требованиям режима, а также элементарного стандарта, необходимого для экономических расчетов. Германия находится на скользком пути от экономики под государственным управлением, в которой частные экономические игроки по своей собственной воле реагируют на стимулы,

71. Два черновика меморандума содержатся в: IWM FD3038/49, Sc. 395, 145–53 и 154–8 соответственно. Цитаты приводятся по второму документу. См. также: Herbst, *Totale Krieg*, 420–21.

задаваемые центральными властями, к полноценной государственной экономике (*Staatswirtschaft*), в которой экономические шаги мотивируются только «принуждением или идеализмом» («*Zwang oder Idealismus*»). При этом, как указывалось в меморандуме Керля, даже «полностью плановая экономика Советской России» осознала необходимость сохранения стабильного денежного стандарта как основы для бухгалтерского учета и сбора статистических данных.

Инфляция, угрожавшая Германии, представляла собой прямой результат огромного напряжения, в котором находилась экономика из-за войны. Как открылось всем главным участникам конфликта, финансовые последствия войны поддавались контролю в том случае, если бремя было не чрезмерным и если государству хватало полномочий для того, чтобы собирать налоги и обеспечивать плавное функционирование системы нормирования и контроля над ценами⁷². Кроме того, принципиально важным источником помощи служило заимствование средств у владельцев сбережений, на финансовых рынках и у банков, хотя здесь все, конечно, зависело от способности поддерживать доверие общества к военной экономике. Инфляция, угрожавшая дестабилизировать военную экономику Германии, свидетельствовала о том, что к 1944 г. этот критический порог был перейден. Неудивительно, что процесс распада начался на периферии нацистской империи и оказался особенно болезненным на Балканах⁷³. Уже к середине 1942 г. уровень цен в Греции вырос более чем на 340%⁷⁴. В Румынии, служившей принципиально важным источником зерна и нефти, к осени 1942 г. цены удвоились. В Болгарии и Венгрии они выросли не менее чем на 70%. Такая же стремительная инфляция шла во Франции и в Бельгии, хотя эти страны предпочитали не публиковать официальную статистику по ценам. К 1943 г. всю Западную Европу, находившуюся под властью нацистов, накрыла несомненная инфляционная волна, которая принесла с собой усиливавшуюся дезорганизацию и крах производства. К 1943 г.

72. О глобальном опыте инфляции, полученном во время Второй мировой войны, см.: A. J. Brown, *Great Inflation, 1939–1951* (London, 1955); A. S. Milward, *War, Economy and Society 1939–1945* (Harmondsworth, 1977), 105–9.

73. W. A. Böhlke, *Die Kosten von Hitlers Krieg: Kriegsfinanzierung und finanzielles Kriegserbe in Deutschland 1933–1948* (Paderborn, 1985), 112.

74. Дальнейшее излагается по: BAL R25016452, доклад Рейхсбанка, 31.08.1942. О греческой экономике в годы оккупации см.: G. Etmektsoglou, «Changes in the Civilian Economy as a Factor in the Radicalization of Popular Opposition in Greece, 1941–1944», in R. J. Overly, G. Otto and J. Houwink ten Cate, *Die «Neuordnung» Europas: NS-Wirtschaftspolitik in den besetzten Gebieten* (Berlin, 1997), 193–240; M. Mazower, *Inside Hitler's Greece* (New Haven, 1993), 53–72.

греческий национальный продукт сократился по сравнению с довоенным уровнем вдвое. Менее ужасной по своим последствиям, но более значимой с экономической точки зрения была прогрессирующая дезинтеграция французской экономики, где производство в 1943 г. составляло треть от довоенного уровня. Причина этого монетарного коллапса не составляла никакой тайны. В случае Франции немецкие запросы в 1943 г., возможно, требовали до 50% национального дохода, и это бремя было невозможно финансировать ни путем налогообложения, ни посредством разумных долгосрочных займов⁷⁵.

Как мы уже видели, в результате колоссальных военных расходов германская экономика по крайней мере с 1938 г. страдала от серьезного избыточного спроса. Однако вплоть до 1943 г. симптомы инфляционного «расстройства» поддавались более-менее надежному контролю. Неявная система военного финансирования, созданная осенью 1939 г., работала хорошо. Предпринятое в 1941–1942 гг. повышение налогов в сочетании со все более обширным вкладом оккупированных территорий позволило Рейхсминистерству финансов оплатить за счет своих поступлений 54% расходов в 1942 г. и 44% в 1943 г.⁷⁶ В 1942 г. налоговые поступления были такими обширными, что Рейх даже сумел снизить свою зависимость от займов по сравнению с 1941 г. Более того, вплоть до 1943 г. потока сбережений домохозяйств хватало для того, чтобы не менее 17% общих государственных расходов покрывалось за счет надежных долгосрочных займов. При этом в 1941, 1942 и 1943 бюджетных годах от 28% до 33% расходов все еще покрывалось за счет краткосрочных займов, но Рейхсбанк был в состоянии избавиться от большей части этого «плавающего долга» на денежном рынке. В то же время официально установленные цены держались на одном уровне, а жесткие правила военного времени ограничивали законный бартер обменом между домохозяйствами. Черный рынок был разрешен за пределами Германии, но не в Рейхе. Геббельс воспользовался зимним кризисом 1941/1942 г. для начала крупной пропагандистской кампании против незаконной рыночной активности, что способствовало усилению в обществе враждебности по отношению к спекулянтам. По оптимистическим оценкам, на черный рынок в первые годы войны приходилось всего

75. A. S. Milward, *The New Order and the French Economy* (Oxford, 1984), 136–7, 273. Очевидно, что эта дань в виде продовольствия, потребительских товаров, поставок для промышленности и строительных услуг далеко превосходила те поставки вооружений, о которых шла речь выше.

76. По данным из *Statistisches Handbuch von Deutschland*, 555; аналогичные результаты приводятся в: Bölcke, *Kosten*, 83–114

2% потребительских расходов⁷⁷. Несмотря на катастрофические неудачи на Восточном фронте и широчайшую мобилизацию внутренних и иностранных ресурсов, проводившуюся при участии Шпеера и его коллег, стабильность экономического строя в целом удалось сохранить. Более того, если бы не оставшийся в целом непризнанным успех финансовых и налоговых властей Рейха, которым удавалось поддерживать общий экономический баланс вплоть до лета 1943 г., триумфы Министерства вооружений оказались бы значительно более труднодостижимыми, а может быть, и вовсе недостижимыми. Как с запозданием признавал плановый отдел Керля, если бы инфляцию никто не сдерживал, то мобилизация ресурсов для военного производства потребовала бы намного большего уровня принуждения. Хорошо работающая система финансов сыграла роль необходимой смазки для «оружейного чуда».

Однако начиная с лета 1943 г. хрупкое равновесие в сфере военных финансов Германии стало во все большей степени разрушаться. Последний раунд проводившейся Шпеером мобилизации ресурсов для военного производства предъявил к немецкой экономике такие требования, которые становились все более невыполнимыми. В 1943 г., согласно наиболее надежным оценкам, на военные расходы, финансирувавшиеся из внутренних источников, приходилось 60% чистого национального продукта — намного больше, чем у других воюющих сторон⁷⁸. В 1944 г. мобилизация проводилась еще активнее. Гражданское потребление и инвестиции снова сокращались по мере того, как расходы вермахта продолжали увеличиваться. На пятом году войны, с сентября 1943 г. по конец августа 1944 г., вермахт поглотил ошеломляющую сумму в 99,4 млрд рейхсмарок, что превышало весь национальный доход в конце 1930-х гг. При этом налоговые поступления, собранные в Германии и на оккупированных территориях, застыли на уровне, достигнутом в 1942 г., а еще большую тревогу вызывало то, что финансовые институты Германии достигли предела своей способности поглощать государственный долг. С явными проявлениями пораженчества могло справиться гестапо. Но оно было не в состоянии непосредственно контролировать повседневные финансовые решения населения страны. Уже сразу после Сталинграда осведомители гестапо сообщали о все большей готовности пользоваться услугами черного

77. W. A. Bölske, *Die deutsche Wirtschaft 1930–1945* (Düsseldorf, 1982), 344.

78. M. Harrison, «Resource Mobilization for World War II», *Economic History Review* (1988), 184.

рынка⁷⁹. По мере того как домохозяйства стали все больше полагаться на подобные нелегальные источники, соответственно снижалась и их готовность уведомлять о них власти. Как и во время Первой мировой войны, война делала преступников из обычных, законопослушных глав семьи. За годы войны суды рассмотрели более 100 тыс. дел о нарушении правил военной экономики. Согласно одной независимой оценке, черный рынок к концу войны обеспечивал не менее 10% потребления домохозяйств. По мере того как деньги все активнее утекали по нелегальным каналам, система поглощения избыточной покупательной способности переставала функционировать. Именно в тот момент, пришедшийся на начало лета 1943 г., когда «оружейное чудо» Шпеера впервые застопорилось, объем сбережений на счетах в банках резко сократился впервые после первых месяцев войны⁸⁰. К лету 1944 г. полный коллапс в кредитно-денежной сфере уже шел вовсю. Продажи таких долгосрочных инвестиционных продуктов, как страхование жизни, обрушились уже весной, а банки по всей стране сообщали о крупномасштабном изъятии денежных вкладов. В свою очередь, финансовые институты все чаще отворачивались и от долгосрочных, и от краткосрочных государственных облигаций, вынуждая Рейхсбанк покупать все больше государственных ценных бумаг. Резко вырос объем денежной массы, находившейся в обращении. С сентября 1944 г. по конец апреля 1945 г. объем банкнот вырос более чем на 80%⁸¹. Германия столкнулась с угрозой неминуемой гиперинфляции. Это, в свою очередь, подрывало функционирование «реальной экономики». С учетом того, что в магазинах оставалось все меньше и меньше потребительских товаров, и с учетом почти абсолютной неизбежности того, что неистраченные сбережения будут уничтожены послевоенной инфляцией, оплата труда деньгами становилась все более бессмысленной. Именно это заставило обратиться к таким материальным стимулам, как дополнительные продовольственные пайки, сигареты или одежда. Кроме того, именно это вынуждало все чаще прибегать к мерам принуждения. По мере того как переставали работать позитивные стимулы, их неизбежно сменяли угрозы и полицейские санкции. Фирмы не могли быть серьезно заинтересованы в накоплении прибылей на банковских счетах, зная, что они испарятся, как только начнется послевоенная

79. M. Brackmann, *Vom Totalen Krieg zum Wirtschaftswunder: Die Vorgeschichte der westdeutschen Währungsreform 1948* (Essen, 1993), 69–74.

80. G. Aly, *Hitlers Volksstaat* (Frankfurt, 2005), 334–9.

81. Bölcke, *Kosten*, 106–7.

инфляция. Вместо этого они делали все, что могли, чтобы потратить свои средства на запасы сырья, новые здания, средства производства и паи других компаний — все, что могло сохранить свою стоимость даже при полном расстройстве денежной системы. Кроме того, по мере возможности они вывозили капитал из Германии в такие надежные прибежища, как Швеция, Швейцария и Португалия⁸². Однако с точки зрения министерства Шпеера это «тяготение к вещам» («Drang zur Substanz») было крайне дисфункциональным. Оно находилось в полном противоречии с желанием плановиков сократить накопление запасов и не давать фирмам заказывать новое оборудование, которое не могло внести никакого немедленного вклада в военное производство. К 1944 г. каждая рейхсмарка, вложенная в новые станки или новые здания, представляла собой отвлечение ресурсов от непосредственного производства вооружений⁸³.

Таким образом, министерство Шпеера лишь летом 1944 г. было наконец вынуждено обратить внимание на общие экономические последствия своего неустанного стремления к росту производства. Вплоть до того момента оно лишь радовалось, видя, что и производители и трудящиеся получают щедрое финансовое вознаграждение за свой все больший вклад в военное производство. Лишь после того, как распад денежной системы начал лишать эти микроэкономические стимулы эффективности, Министерство вооружений наконец-то начало задумываться об общей картине. С целью исправить ситуацию плановый отдел первоначально требовал усилить контроль, ужесточить распределение сырья и вводить все более навязчивую слежку за поведением компаний и практиками найма⁸⁴. Однако, как признавалось в меморандуме, составленном в июле 1944 г., это бесконечное стремление к совершенствованию механизма планирования было обречено на провал, если оно не сочеталось с не менее решительными попытками восстановить функционирование денежной системы. Соответственно, подчиненные Керля призывали резко повысить налоги на потребительские расходы и ввести систему принудительных сбережений, в рамках которой подрядчикам, занимавшимся выпуском вооружений, и рабочим выплачивалась бы лишь доля их дохода — и не в деньгах, а в государственных облигациях, подлежащих погашению лишь после окончания войны.

82. Eichholtz, III. 567–71.

83. О досаде Керля, вызванной его неспособностью контролировать инвестиции, см.: Herbst, Totale Krieg, 405.

84. IWM FD3038/49, Sc. 395, 145–53, 154–8.

Как мы уже видели, идея о том, чтобы отбирать у производителей прибыль, полученную в секторе вооружений, неоднократно выносилась на обсуждение еще с начала войны, но до лета 1944 г. она не получала поддержки со стороны руководителей военной экономики. В 1943 г. Министерство финансов предложило набор мер, которые бы ежегодно давали дополнительные 8 млрд рейхсмарок⁸⁵. Однако угрозы, связанные с любым резким ростом налогов, стали очевидны еще летом 1942 г., когда немецкую банковскую систему охватили слухи о том, что государство собирается ввести карательный налог на сбережения. Работа сберегательных банков — важнейшего звена в конвейере «тихого финансирования» — была серьезно нарушена из-за серии панических изъятий средств. Неудивительно, что Гитлер и партийные власти в начале 1943 г. наложили вето на предложенный проект повышения налогов, а Академия германского права, служившая главным форумом для научного обсуждения налоговых проблем Рейха, упразднила соответствующий комитет⁸⁶. 22 сентября 1944 г. Гитлер снова наложил вето на дальнейшие дискуссии о серьезном повышении налогов. В феврале 1945 г., когда денежная масса стала неуправляемой, Министерство финансов предприняло последнюю отчаянную попытку изъять из обращения не менее 25 млрд рейхсмарок⁸⁷. К моменту краха Третьего рейха запутавшегося и удалившегося от людей фюрера наконец-то убедили поставить подпись под указом о повышении налогов. Однако он сделал это при условии, что это повышение состоится только после окончания войны.

Из этой неготовности Третьего рейха возлагать все издержки войны на *Volksgenossen* можно вывести многое. Ее можно воспринимать как симптом глубоко укоренившегося в режиме «популизма». Но ирония судьбы, конечно же, заключалась в том, что из решения не повышать налоги не следовало, что население Германии не несло на своих плечах реального бремени войны. Даже при отсутствии неприкрытых экспроприаций со стороны государства все большая доля заработков и социальных выплат, сделанных за время войны, не могла быть потрачена, или же ее можно было потратить только на приобретение товаров на черном рынке по заоблачным ценам. В этом смысле было бы наивно выводить из неготовности вводить драконовские военные налоги то, что Третий рейх не хотел покрывать

85. Brackmann, *Vom Totalen Krieg*, 71; M. L. Recker, *Nationalsozialistische Sozialpolitik im Zweiten Weltkrieg* (Munich, 1989), 217–33.

86. Ibid., 47.

87. Herbst, *Totale Krieg*, 419.

расходы на ведение войны исключительно за счет своих граждан⁸⁸. Что бы ни происходило с денежными доходами, нормирование и ограничение производства потребительских товаров в сочетании с последствиями британских и американских бомбардировок серьезно снижали реальный уровень жизни германского населения. Нежелание допустить, чтобы это реальное снижение сопровождалось эквивалентным налогообложением денежных доходов, в лучшем случае вело к двусмысленным результатам. Возможно, некоторые люди чувствовали себя разбогатевшими благодаря средствам, накопленным на сберегательных счетах или в военных облигациях. Но в реальности эти люди жили лишь обещаниями высокой покупательной способности в будущем, реальная величина которой зависела от способности властей Рейха поддерживать цену рейхсмарки. Между тем угроза инфляции, порождаемая этой накопленной покупательной способностью, требовала все более жестких мер, которые, возможно, влекли за собой еще более серьезные политические издержки. Плановый отдел Керля, летом 1944 г. выступая за повышение налогов, рассматривал этот шаг не как «дисциплинарную» меру, а как средство избежать катастрофической неэффективности, к которой привел бы инфляционный коллапс рейхсмарки. Высокие налоги, в той мере, в какой они способствовали обузданию инфляции, в реальности оказались бы наилучшей защитой для той минимальной экономической свободы, которая все еще оставалась у граждан Третьего рейха. Возможно, в краткосрочном плане они были бы политически затратными, но с точки зрения самого режима, не говоря уже о населении в целом, стабильная кредитно-денежная система была явно предпочтительнее как гиперинфляционной анархии, так и тотального государственного контроля.

IV

Так или иначе, политическому руководству Третьего рейха не пришлось испытать на себе всех последствий собственного налогового бездействия. К осени 1944 г., несмотря на неуверенное продвижение британских и американских армий и ужасные потери, которые по-прежнему несла Красная армия, окончательное поражение вермахта явно оставалось вопросом нескольких месяцев. В последние месяцы войны неясным

88. Это одна из серьезных ошибок, ослабляющих ключевой тезис работы Aly, *Hitlers Volksstaat*.

оставалось лишь то, что раньше рухнет — вермахт или немецкая военная экономика. Территориальные потери, понесенные с начала 1944 г., стали смертельным приговором для военной экономики. Из-за утраты контроля над украинскими месторождениями руды в феврале 1944 г. сталеплавильная промышленность могла продержаться в лучшем случае еще полтора года⁸⁹. Поставки нефти из Румынии — необходимое условие для продолжения крупномасштабной мобильной войны — прекратились к апрелю 1944 г. Эти потери означали, что часы Германии сочтены. Но сами по себе они не могли повлечь немедленного краха. В типично оптимистическом докладе, подготовленном для Гитлера на первой неделе сентября 1944 г., Шпеер утверждал, что в Германии имеются достаточные запасы сырья для продолжения производства, даже если Германия будет вынуждена полностью оставить Балканы, Западную Европу, Северную Италию и половину Венгрии⁹⁰. Немецкую экономику парализовали не территориальные потери, а начало кампании воздушных бомбардировок, имевших совершенно беспрецедентную интенсивность⁹¹.

В первой половине 1944 г. британские и американские ВВС были отвлечены на подготовку к вторжению в Нормандию. Союзники не стали ничего оставлять на волю случая. С тем чтобы защитить плацдармы от немедленной контратаки немцев, они методично уничтожали всю французскую транспортную систему. Единственным серьезным отступлением от этих тактических бомбардировок стал ряд опустошительных налетов на немецкие заводы по производству синтетического топлива. После того как Нормандия была захвачена, бомбардировщики наконец смогли обратить все свое внимание на Германию, и они занялись ею с ужасающей интенсивностью. С лета 1940 г., когда были приняты судьбоносные решения о строительстве англо-американской воздушной армады, прошли четыре долгих и мучительных года. Но теперь воздушный флот, призванный стать оружием победы, был наконец готов. В марте 1943 г., когда начались стратегические бомбардировки, британцы и американцы располагали 1000 самолетов, совместно способных поднять в воздух 4 тыс. тонн бомб⁹². К февралю 1944 г. с его «Большой неделей» массовых бомбардировок соединенные военно-воз-

89. Müller, in DRZW 5/2, 432.

90. Eichholtz, III. 54–5.

91. См. прекрасное описание в: A. C. Mierzejewski, *The Collapse of the German War Economy, 1944–1945* (Chapel Hill, NC, 1988).

92. British Bombing Survey Unit, *The Strategic Air War Against Germany 1939–1945* (London, 1998), 41.

душные силы выросли до 3 тыс. бомбардировщиков и продолжали быстро увеличиваться, к июлю 1944 г. достигнув численности в 5250 машин и стабилизовавшись на этом уровне до конца войны. Эта армада, пятикратно превышавшая численность бомбардировочных сил союзников в 1943 г., могла разом обрушить на врага ни много ни мало 20 тыс. тонн бомб. И начиная с июня 1944 г. это грозное оружие неустанно использовалось против Рейха. С июня по октябрь 1944 г. британцы и американцы сбросили на Германию не менее полумиллиона тонн бомб — больше, чем за все предыдущие годы войны. В течение следующих шести месяцев они сбросили еще 545 тыс. тонн бомб. Берлин и Рур подвергались налетам беспрецедентной интенсивности. 8-я американская воздушная армия 3 февраля 1945 г. нанесла по Берлину удар 1000 тяжелых бомбардировщиков — в ходе этого налета погибло 2893 человека. Но теперь целью налетов становились не только крупные города. Огонь и взрывчатка превратили в руины десятки небольших городов: 12 сентября 1944 г. — Дармштадт (8400 погибших), 27–28 ноября — Фрайбург (2 тыс. погибших), 4 декабря — Хайльбронн (7 тыс. погибших), 2 января 1945 г. — Нюрнберг (1790 погибших), на который совершались налеты также 20 и 21 февраля, 16 января 1945 г. — Магдебург (4 тыс. погибших), 13–14 февраля — Дрезден (35 тыс. погибших), 16–17 февраля — Вюрцбург (5 тыс. погибших), 23–24 февраля — Пфорцхайм (17 тыс. погибших), 12 марта — Свинемюнде (5 тыс. погибших). Жертвой последнего крупного налета Королевских ВВС стал 14–15 апреля 1945 г. Потсдам, на который обрушили свой удар 500 бомбардировщиков, убив не менее 3500 человек и обратив в пепел архив прусской армии⁹³.

В общем смысле эти разрушения внесли несомненный вклад в развал немецкого тыла. Кроме того, они явно утоляли искреннее стремление союзников отомстить врагу. Самые тяжелые бомбардировки за всю войну пришлось на март 1945 г., когда было сброшено 133329 тонн бомб, хотя в то время подобные налеты уже не могли оказать заметного влияния и приблизить конец войны. Не то чтобы эти опустошительные бомбардировки не имели серьезных экономических последствий. Даже те заводы, которые не были разрушены, сожжены или завалены обломками, зачастую прекращали работу из-за отсутствия сырья и энергоснабжения. Но корреляция между ковровыми бомбардировками немецких городов и крахом военного производства в стране в самом лучшем случае была очень слабой. Вероятно,

93. DRZW 9/1.443–57.

не было такого завода, которому союзники уделили бы больше внимания, чем *Gusstahlfabrik* Круппа в Эссене — яркому символу немецкого индустриального милитаризма⁹⁴. До конца войны *Gusstahlfabrik* стал целью не менее 25 налетов. В 1943 г. его неоднократно бомбили в рамках «Битвы за Рур». Однако выплавка стали на нем окончательно прекратилась лишь 23–25 октября 1944 г., когда Эссен атаковало 1200 самолетов. Разрушив электростанцию *Gusstahlfabrik*, они покончили с тем вкладом, который завод вносил в военное производство. Тем не менее самый мощный налет состоялся 11 марта 1945 г., хотя к тому времени бомбардировщики не более чем перепахивали горы руин. Бессмысленное уничтожение немецких городов приводило к сбоям в производстве, но не могло полностью его прекратить. Бомбардировщики сумели достичь этого результата, лишь уничтожив железнодорожные линии и водные пути, связывающие Рур с остальной Германией.

Катастрофа началась в конце сентября с налета Королевских ВВС, который привел к осушению канала Дортмунд — Эмс⁹⁵. Гигантская сортировочная станция в Хамме подвергалась неоднократным ударам в сентябре и октябре, что сократило ее пропускную способность на 75%. 14 октября из-за уничтожения моста Кельн — Мюльхайм были блокированы перевозки по Рейну. 14–18 октября вывоз рурского угля по железной дороге полностью прекратился, а нарушение движения в обратную сторону было еще более серьезным. В начале октября до Рура добирался лишь один из 50 составов с рудой. Из-за нехватки железной руды выплавка стали в Руре к январю 1945 г. сократилась на 66% по сравнению с предыдущим годом. Хотя союзники в ноябре и декабре отказались от прежней стратегии бомбардировок, в рамках которой абсолютный приоритет отдавался транспортным узлам и магистралям, одного количества сброшенных бомб было достаточно для того, чтобы вызвать почти полный коллапс. С ноября 1944 г. по январь 1945 г. британские и американские ВВС сбросили на транспортные цели — главным образом на сортировочные станции — не менее 102796 тонн бомб. 11 ноября Шпеер уведомил Гитлера о том, что Рур фактически отрезан от остальной территории Рейха⁹⁶. Дефицит поставок антрацита из Рура с августа 1944 г. по январь 1945 г. составил колоссальную величину в 36,5 млн тонн, что соответствовало не менее чем шести неделям нормального потребления. В де-

94. Abelshauser, in Gall (ed.), *Krupp*, 437.

95. Mierzejewski, *The Collapse*, 103–76.

96. Eichholtz, III. 65.

кабре 1944 г. началась первая из трех подряд зим, когда Германия не имела достаточных запасов угля. Надежная связь между шахтами Рура и немецкими городами была восстановлена лишь в 1948 г. Для европейского общества в середине XX в. это означало неминуемый паралич. Суровый угольный голод дал о себе знать уже в январе 1945 г. Нехватка угля в индустриальном центре Мангейм — Людвигсхафен, расположенном южнее Рура, выше по Рейну, вызвала 80-процентное сокращение производства на фирме *Brown, Boveri und Cie* — одном из главных производителей электрических трансформаторов в Германии. Из-за нехватки угля в начале 1945 г. были закрыты заводы *Opel* в Рюссельсхайме и *BMW* в Мюнхене. Современники отмечали, что к весне в Рейне впервые за несколько поколений очистилась вода. Все заводы, спускавшие в реку отходы, бездействовали⁹⁷.

Все это означало поражение Министерства вооружения. Налеты не прекращались. Крах промышленного производства в Германии стал вопросом времени. Однако осенью 1944 г. военные действия были прерваны последней из тех пауз, которые сыграли такую роль в способности гитлеровского режима спланироваться и снова и снова убеждать себя в том, что еще не все потеряно. В сентябре 1944 г. наступление союзников по Франции остановилось на границах Рейха. Далее последовали месяцы изнурительных оборонительных сражений, сопровождавшихся мучительно медленным продвижением, когда в полной мере дала о себе знать превосходная боевая выучка вермахта. На востоке Красная армия стояла на окраинах Варшавы. В течение следующих месяцев боевые действия на Восточном фронте происходили главным образом на флангах. Германская группа армий «Север» была отрезана и заперта на балтийском побережье. На юге, после того как Красная армия с ходу взяла Румынию, ее продвижение по Венгрии было намного более медленным. В конце ноября вермахт все еще удерживал Будапешт. Таким образом, год непрерывных военных катастроф завершился, а границы Рейха, как и предсказывал Альфред Йодль, остались в неприкосновенности. Наконец, 16 декабря осуществленная Шпеером мобилизация танковой промышленности позволила Гитлеру преподнести последний большой сюрприз войны: наступление в Арденнах⁹⁸. В абсурдной попытке повторить успех, достигнутый в мае 1940 г., 1800 танков, не имея никаких резервов топлива кроме того, что было залито в их баки, устреми-

97. J. F. Trent, «Food Shortages in Germany and Europe 1945–1948», in G. Bischof and S. E. Ambrose (eds.) *Eisenhower and the German POWs* (Baton Rouge, La., 1992), 104.

98. DRZW 7.619–34.

лись через бельгийские холмы к Мёзу и гигантским топливным складам союзников в Антверпене⁹⁹. В канун Рождества 1944 г. они вышли к переправам в Динане, которые стали поворотным пунктом четырьмя годами ранее. Однако на этот раз дальше немцам пройти не удалось. Американские части, застигнутые врасплох наступлением, хотя и находились в численном меньшинстве, упорно оборонялись, выигрывая время для Эйзенхауэра. Как только небо очистилось от зимних туч, дало себя знать превосходство союзников в воздухе, а на выручку американцам поспешили подкрепления. Как выразился Паттон, стояло «холодное и ясное Рождество — отличная погода для охоты на немцев»¹⁰⁰. Однако в реальности союзники лишь к концу января 1945 г. отвоевали захваченное вермахтом в ходе последнего тщетного наступления. В ставке фюрера по-прежнему царил оптимизм¹⁰¹. Шпеер уверял Геббельса, что несмотря на потерю всех оккупированных территорий, производство вооружений может продолжаться по крайней мере еще год. Но после того как Красная армия в конце января 1945 г. заняла Верхнюю Силезию — первую важную зону немецкой индустрии, доставшуюся врагу, — Шпееру пришлось пересмотреть свою оценку. Тем не менее он был полон решимости, как он заявил Геббельсу, «сделать все, что только можно сделать». Более того, он потребовал от Гитлера последнего расширения своих административных полномочий, желая контролировать всю транспортную систему Рейха с тем, чтобы недовольство граждан, в ужасе бегущих от Красной армии, не сказалось на приоритетном положении армии и промышленного производства.

В начале марта Шпеер в последний раз посетил Рур с целью проинспектировать работу своих важнейших сотрудников из числа германских промышленников — Альберта Феглера и Вальтера Роланда, возглавлявших чрезвычайный штаб, принимавший меры к тому, чтобы в Руре продолжалось военное производство¹⁰². Под впечатлением от этого визита Шпеер составил доклад, направленный им Гитлеру 15 марта. В этом ме-

99. Ellis, *Brute Force*, 421.

100. Murray and Millett, *War to be Won*, 470.

101. См.: Heiber (ed.), *Hitlers Lagebesprechungen*, 724–80.

102. Все последующие цитаты приводятся по: H. Schwendemann, «Lebensläufer über verbrannte Erde», *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, 26.04.2000, и H. Schwendemann, «Drastic Measures to Defend the Reich at the Oder and the Rhine ... A Forgotten Memorandum of Albert Speer of 18 March 1945», *Journal of Contemporary History*, 38 (2003), 597–614. Английский перевод документа, содержащегося в этой статье, выставляет Шпеера в еще более неприглядном свете, чем немецкий оригинал, опубликованный в FAZ.

морандуме содержится знаменитый призыв Шпеера к тому, чтобы вермахт отказался от полномасштабной стратегии выжженной земли и не уничтожал промышленных предприятий на западе страны, а лишь принимал меры к тому, чтобы временно вывести их из строя. Такой подход оставил бы немецкому населению хотя бы минимум средств к выживанию. Однако недавно в архивах был обнаружен второй меморандум, поданный Шпеером Гитлеру спустя три дня, и в этом документе Шпеер выступает за совершенно противоположную стратегию в отношении территорий, все еще находившихся под германским контролем. Возможно, Шпеер был против бессмысленного уничтожения промышленности на западе. Но 15 марта вермахт все еще удерживал оборонительные позиции на восточном берегу Рейна. В то же время Красная армия остановилась на Висле. Согласно предложению Шпеера, внутреннюю часть Германии между Рейном и Вислой следовало оборонять до последнего человека. Эта часть страны не была экономически самодостаточной и Шпеер признавал, что «экономический коллапс» отныне неизбежен. Тем не менее он все еще полагал, что производство вооружений можно будет продолжать еще два месяца. Всех имеющихся солдат нужно было собрать на берегах обеих рек ради последней бойни. Даже теперь Шпеера не оставляла надежда на то, что Германия все еще способна повлиять на исход войны. «Упорная оборона нынешней линии фронта в течение нескольких недель, — писал он, — все еще может потребовать уважения со стороны врага и все еще может позитивным образом сказаться на итогах войны».

Не следует недооценивать последствий подобного мышления, присущего политическому руководству Третьего рейха. Вторая мировая война закончилась в Европе отнюдь не всхлипом. Последние битвы войны оказались самыми кровавыми за все время конфликта. Вполне ужасающими были потери одного только вермахта, не говоря уже о потерях, понесенных русскими, американцами, британцами и их союзниками из стран Содружества. Поражения 1944 г. обошлись Германии в 1,8 млн погибших¹⁰³. За первые пять месяцев 1945 г., пока Шпеер все еще призывал своего фюрера сопротивляться до последнего, с жизнью рассталось 1,4 млн германских солдат, в том числе 450 тыс. в одном только январе. И эта цифра не включает десятки тысяч гражданских лиц, павших жертвами союзных бомбардировок. Описывать разрушение Германии в 1945 г. на языке холо-

103. О дальнейшем см.: R. Overmans, *Deutsche militärische Verluste im Zweiten Weltkrieg* (Munich, 1999).

коста было бы и оскорбительно, и неточно¹⁰⁴. Все же это была война, а не избиение невинных. Возможно, погибавшие и чувствовали себя жертвами бойни, но это был результат использовавшихся средств, а не поставленной цели. Западные союзники не нарушили ни одного закона войны, который не был бы сотни раз нарушен вермахтом. Красная армия порой вела себя варварски на оккупированных ею территориях, но советские власти не занимались геноцидом. Нацистская Германия бросила вызов трем сильнейшим промышленным державам в мире. И для того чтобы их индустриальная мощь в полной мере дала о себе знать, потребовалось пять долгих лет. Но теперь их военные машины работали на полном ходу и на протяжении первых пяти месяцев 1945 г. они прорывались вглубь Германии, оставляя поистине ужасающий след. Союзники обрушивали на врага такую огневую мощь, какой не видела ни одна из прежних войн. Это имело самые кошмарные последствия, которые могли бы быть еще более чудовищными, если бы не тот факт, что благодаря принципу «сначала Германия» с нацистским режимом было покончено до того, как была готова к использованию первая атомная бомба.

Менее чем через неделю после того, как Шпеер подал совет о самоубийственной жертве, жалкая германская оборона на Рейне была прорвана. Министр вооружений вернулся в Берлин, и 29–30 марта у него состоялась последняя деловая встреча с Гитлером¹⁰⁵. У нас нет надежного описания этой встречи — только издевательский комментарий в дневнике Геббельса и недостоверные мемуары Шпеера. По-видимому, Гитлер добился от Шпеера обещания о том, что тот сделает все, чтобы «укрепить оборону до крайних пределов возможного». При этом Шпеер не сумел убедить Гитлера отменить приказ о том, чтобы захватчикам доставалась только выжженная земля. Геббельс отмечает только, что Шпеер «уступил». И Шпеер, и Гитлер предпочли не ссориться до самого конца. Шпеер выступал против нероновского приказа Гитлера, но лишь заочно. И только после последней встречи с фюрером Шпеер составил подробную инструкцию о проведении эвакуации, тем самым фактически пойдя наперекор требованиям Гитлера. Местным властям разрешалось выводить из строя промышленные мощности и мосты, не взрывая их. Отныне имели значение только действия на местном уровне. По мере распада германского государства это же происходило и с национальной экономи-

104. К этому сводится главный изъян в остальных отношениях впечатляющей книги J. Friedrich, *Der Brand: Deutschland im Bombenkrieg 1940–1945* (Munich, 2002).

105. О дальнейшем см.: Eichholtz, 111. 663–9.

кой. Регионам, фирмам и отдельным лицам не оставалось ничего, кроме отчаянной стратегии выживания. В Руре Альберт Феглер и Вальтер Роланд вели с местным военным командованием нерешительные споры об уничтожении одного из важнейших мостов через реку Рур. Они сошлись на том, чтобы сделать движение по мосту невозможным, но оставить в неприкосновенности линию электропередачи, водопровод и газовую трубу. В конце концов то, что уцелело после бомбардировок, было спасено прибывшими американскими войсками. Тем временем в столице Герберт Бакке, когда-то планировавший снабжение продовольствием в масштабах всей Европы, теперь в первую очередь был озабочен тем, как наполнить берлинские закрома, в надежде на то, что жизнь в городе удастся поддерживать по крайней мере до следующего урожая. Ганс Керль продолжал лихорадочно составлять планы¹⁰⁶. Совместно с Бакке он разрабатывал чрезвычайную программу по производству сельскохозяйственного оборудования, исходя из того, что в грядущие годы главным вопросом в Германии станет сельское хозяйство и продовольствие. Кроме того, он подготовил программу по минимальному обеспечению населения одеждой после поражения. Однако к тому моменту со всей неизбежностью встал вопрос о личной безопасности его семьи. При содействии Гельмута Ренерта, генерального директора *Rheinmetall*, Керль отправил жену и малолетнюю дочь на запад, на испытательный полигон на Люнебургской пустоши, где можно было не опасаться мстительной Красной армии. Значительная часть фондов бывшей службы Керля — Министерства экономики — была эвакуирована в тюрингскую глубинку на двухэтажном автобусе, набитом документами, наличными деньгами и золотом. В то же время Рольф Вагенфюр, главный статистик из министерства Шпеера, составлял впечатляющую коллекцию статистических сведений, которая и по сей день остается самым значимым описанием немецкой военной экономики¹⁰⁷. Над «оружейным чудом» не опустилась завеса молчания. Еще до того, как было окончательно покончено с ужасающей реальностью военной экономики Рейха, уже началось составление ее истории.

106. Kehrl, *Krisenmanager*, 419–34.

107. Экземпляр доклада Вагенфюра находится в: IWM FD3057/49, FIAT Report 1312. Впоследствии он был издан как *Die deutsche Industrie im Kriege* (Berlin, 1954).

20 Конец

ТИСКИ поражения окончательно сомкнулись на Третьем рейхе на последней неделе апреля 1945 г. Незадолго до полудня 25 апреля передовые патрули 69-й пехотной дивизии американской 1-й армии и советского 1-го Украинского фронта встретились на берегах Эльбы в маленьком саксонском городке Штрела на фоне жуткой картины. Берега реки, где рядовые лейтенанта Альберта Коцебу обнимались с советскими бойцами, были усеяны расчлененными телами десятков германских беженцев — стариков, женщин и детей. Три дня ранее они погибли от рук отступавших солдат вермахта, которые так отчаянно стремились избежать советского плена, что взорвали импровизированный понтонный мост, на котором еще находились сотни гражданских лиц. Жертвами двух взрывов стали до четырехсот человек, утонувших или разорванных на куски.

Неудивительно, что официальная церемония советско-американской встречи, надолго определившей устройство мира, была перенесена на 45 километров вниз по реке, в городок Торгау, где наступающие части вступили в контакт к вечеру того же дня. На следующий день был сделан официальный постановочный снимок встречи на горбатом мосту в Торгау. Но даже если запечатленное на снимке рукопожатие было постановочным, все равно оно являлось в высшей степени значимым. Выше по течению Эльбы находилось сгоревшее барочное великолепие Дрездена, а ниже, на таком же расстоянии от Торгау, лежал Виттенберг — колыбель лютеранской Европы. В нескольких милях севернее расположен Дессау, известный не только заводом *Junkers*, выпускавшим бомбардировщики, — здесь же в начале XX в. взошли ростки европейского модернизма в виде Баухауса. В Германии было не найти более символической местности для того, чтобы на ней воплотилась в жизнь эпохальная смена глобальных лидеров: место старой Европы заняли новые державы — Соединенные Штаты и Советский Союз.

С экономической точки зрения встреча в Торгау стала логическим итогом двух поистине драматических событий, определивших облик начала XX в. Первым и самым очевидным было становление США как доминирующей силы в мировой экономике. Второе событие, которое стало явным лишь в 1930-е гг., заключалось в поразительном превращении, которая претерпела бывшая Российская империя при диктатуре большевиков. Как подтвердила встреча американских и советских пехотинцев в самом сердце Центральной Европы, историю европейского материка в первой половине XX в., историю Германии и историю гитлеровского режима невозможно понять в отрыве от тех процессов, которые шли в США и Советском Союзе. Собственно говоря, именно на этом фоне и разворачивался наш рассказ о взлете и падении нацистской экономики.

Гитлер так и не перестал оглядываться на революции, охватившие Европу в 1917–1918 гг. Неизменным элементом его политики оставался антикоммунизм, тесно переплетенный с особенно агрессивной формой антисемитизма, основанного на теории заговора. Однако антикоммунизм был характерен для всех немецких правых, как и проекты экспансии в восточном направлении. Более того, хотя над европейскими делами постоянно нависала тень Советского Союза, сам он с конца 1920-х гг. замкнулся в себе и в 1930-е гг., и его значимость как фактора европейской силовой политики обычно преуменьшали. Поэтому с целью выявить особенности гитлеровского режима и динамику его мотиваций мне представлялось более полезным в первых главах настоящей книги освещать преимущественно отношения между Третьим рейхом и западными державами.

Усиление США поставило Германию, как и Великобританию с Францией, перед выбором. Пока министром иностранных дел был Штресеман, Веймарская республика реагировала на новую ситуацию с поразительной гибкостью и реализмом. Как было показано выше, Веймарская республика строила всю свою стратегию безопасности на экономической мощи США, сделав их как гарантом своей безопасности, так и рычагом для давления на Великобританию и Францию — с целью принудить их к пересмотру Версальского мира. Как мы уже видели, этот стратегический выбор определял политику последнего респектабельного правительства Веймарской республики вплоть до лета 1932 г. Лишь последний спазм Великой депрессии, пришедшийся на 1932–1933 гг., и крах американской гегемонии в Европе в конце концов расчистили путь для проповедовавшегося Гитлером агрессивного одностороннего национализма.

В феврале 1945 г. в одной из своих последних бесед с Мартином Борманом Гитлер отметил: «По несчастливой исторической случайности судьба распорядилась так, что я пришел к власти в тот же момент, когда у руля власти в Белом доме встал Рузвельт, ставленник мирового еврейства... Все погублено евреями, превратившими Соединенные Штаты в свой самый мощный бастион»¹. В последние месяцы войны Гитлера не оставляла мысль о ключевой роли, которую сыграл Рузвельт, разрушивший его планы по завоеванию Европы. Однако в 1933 г. США сыграли диаметрально противоположную роль. В момент, когда Гитлер пришел к власти, а Рузвельт вступил в должность, американскую экономику сотрясал последний опустошительный банковский кризис. Решение Вашингтона об отказе от золотого стандарта, принятое без учета международных последствий, уничтожило последний слабый шанс на создание единого международного фронта государств, который бы не допустил установления в Германии гитлеровского режима. Тот факт, что Гитлер захватил власть в момент временного отхода Америки от глобальных дел — оставившего Европу такой осиротевшей, какой она еще не была после окончания Первой мировой войны, — был необыкновенно важен.

Гитлер, решительно не согласный со стратегией Штрессмана по отношению к Соединенным Штатам, ни в коей степени не закрывал глаза на изменения, охватившие мир в 1920-х гг. В своей «Второй книге», написанной в 1928 г., он с поразительной четкостью ставит ключевые стратегические вопросы: каким образом Германия, как европейское государство, должна реагировать на «угрозу глобальной гегемонии Северной Америки»? Как она может предотвратить экономическое и военное доминирование Америки, представляющееся неизбежным? Каким образом политическое руководство Германии должно отвечать на желания, пробужденные в ее населении примером Америки с ее богатством? Все это были, несомненно, злободневные вопросы. Более того, они не утратили актуальности и по сей день. Однако Гитлер дал на них взрывоопасные ответы. Он выступал против союза Германии с Соединенными Штатами и против заимствования американского образа жизни и методов производства. По его мнению, любая подобная попытка «американизации» привела бы к разочарованию и катастрофе. В конце концов, за Америкой стояли злобные силы мирового еврейства, рядящиеся в личину либерализма, капитализма и демокра-

1. *Hitlers politisches Testament* (Hamburg, 1981), 103.

тии. Он считал, что единственный адекватный ответ на вызов со стороны Америки — наделение немецкого народа достаточно большим «жизненным пространством», аналогичным тому, которым обладают Соединенные Штаты. Территории такого размера имелись только на востоке и их можно было добыть лишь путем завоевания. Как будто бы нет никаких оснований для сомнений в том, что эти завоевательные планы входили в число неизменных целей гитлеровского режима. Для Гитлера завоевательная война не была лишь одной из политических возможностей. Либо немецкая раса будет бороться за «жизненное пространство», либо она падет от рук своих расовых врагов.

Решение этой задачи требовало дипломатической стратегии и серьезных военных усилий, притом что как первое, так и второе в конечном счете опиралось на экономику. Центральной темой любой работы об экономической истории гитлеровского режима должна служить мобилизация, принявшая колоссальные масштабы. На фоне военно-промышленного комплекса различные шаги по созданию рабочих мест в гражданской экономике, предпринятые с июля по декабрь 1933 г., инициативы в сфере внутренней социальной политики и последовавшие неосуществленные проекты массового потребления были не более чем промежуточными мерами, которые могли приобрести реальное значение лишь после успешной завоевательной кампании. В любом случае было бы ошибкой полагать, что ремилитаризация немецкого общества навязывалась низам верхами, а большинство немцев предпочитало пушкам масло. В глазах многих миллионов граждан возрождение армии представляло собой однозначно самый успешный аспект внутренней политики режима, а коллективное массовое потребление вооружений являлось более чем достаточной заменой процветания частных лиц.

Как должно было стать очевидно из первой половины книги, перевооружение являлось важнейшей и определяющей силой, стоявшей за экономической политикой уже на самых ранних этапах. Все остальное приносилось в жертву этой цели. За шесть лет с января 1933 г. до осени Мюнхенского кризиса гитлеровский режим увеличил долю национального производства, достававшуюся вооруженным силам, с уровня, не превышавшего 1%, почти до 20%. Никогда прежде ни одно капиталистическое государство в мирное время не видело перераспределения национального производства в таких масштабах и с такой скоростью. Выполнению этой поразительной программы перераспределения, несомненно, способствовал одновременный рост объемов производства в стране. Дав работу 6 миллионам безработных, государство позаботилось о потребностях вермахта,

в то же время обеспечив рост потребления и гражданских инвестиций. Однако глядя на современную богатую Германию, легко забыть о том, что в 1930-е гг. ее отделяло от зажиточности целое поколение и что большинству немцев был доступен лишь очень скромный уровень жизни. Перевооружение обошлось стране в большую цену, что ощущалось еще острее из-за нередко непомерных препятствий, создававшихся платежным балансом. Интересы производителей потребительских товаров и фермеров уже в 1934 г. были принесены в жертву перевооружению. С 1935 г. масло и мясо во многих немецких городах фактически нормировались. Начиная с 1938 г., когда расходы на армию достигли уровня военного времени, соотношение между потреблением и вооружениями становилось все более односторонним. То, что гитлеровский режим сумел добиться такого перераспределения ресурсов, говорит не о слабости и дезорганизации, а о том, что эта система отличалась чрезвычайной эффективностью при достижении своих ключевых целей. Более того, все это требует от нас ставить под сомнение те интерпретации гитлеровского режима, согласно которым у него не было прочной внутренней основы. Повторим: Третий рейх в условиях мирного времени переместил в военную сферу больше ресурсов, чем любой другой капиталистический режим в истории. И это преимущество в смысле мобилизации ресурсов национальной экономики сохранялось у него на протяжении всей последующей мировой войны.

Интервенции нацистского режима в экономику Германии — начиная от валютного контроля и кончая нормированием всех основных видов сырья и привлечением гражданских лиц к принудительным работам в мирное время — были настолько обширными, что возникает искушение сравнивать гитлеровскую Германию со сталинским Советским Союзом. Такое сравнение, несомненно, наводит на определенные мысли, указывая на своеобразный синтез милитаризации с внутренней социальной и экономической перестройкой, который, возможно, был необходим для осуществления гитлеровских амбиций. После становления США как мировой державы, произошедшего в начале XX в., только милитаризм в советском стиле сумел бросить серьезный и долгосрочный вызов их гегемонии. Более того, по сравнению со сталинским режимом гитлеровское государство вполне можно назвать «слабой диктатурой». Как мы уже видели, именно к этому выводу приходили такие хорошо осведомленные наблюдатели, как генерал Франц Гальдер, осенью 1941 г., когда завершилась крахом операция «Барбаросса». Самое существенное, что Третий рейх, в отличие от Советского Союза, воздерживался от решительной рационализа-

ции самых отсталых секторов своего общества — крестьянского сельского хозяйства и ремесленного сектора, — хотя такая мера могла бы «высвободить» миллионы дополнительных рабочих рук. Но с учетом того, что нам сейчас известно о *Generalplan Ost* и о всеобъемлющей реструктуризации сельского хозяйства, которая им предусматривалась, представляется, что это был только вопрос времени. Всеобъемлющая реструктуризация немецкого общества была просто отложена до захвата «жизненного пространства» на востоке. Соответственно, если мы и вынуждены признать, что Нацистская партия, в отличие от советских коммунистических кадров, не была орудием классовой борьбы, закаленным в боях, то по западноевропейским стандартам ее едва ли можно обвинять в недостатке преобразовательной энергии. Никогда раньше в мирное время ни одна сложная капиталистическая экономика не переводилась с такой целенаправленностью на новые рельсы.

Оставив сравнения со сталинским режимом, вполне можно задаться и противоположным вопросом. Каким образом Третьему рейху удалось подчинить себе всю экономику страны? Почему немецкое деловое лобби терпело это резкое вторжение государства в сферу своих интересов после 1933 г.? В конце концов, всего лишь десятилетием ранее «большой бизнес» сыграл важную роль, сорвав реформаторские замыслы ранней Веймарской республики. Ответ, предлагаемый нами, в принципе сводится к четырем элементам. Во-первых, необходимо подчеркнуть сильное ослабление независимого делового лобби из-за Великой депрессии. Крупные немецкие предприниматели в 1933 г. были не в состоянии вступать в серьезную борьбу, даже если они были к ней предрасположены. Во-вторых, несмотря на то, что нацистский поворот к автаркии, безусловно, противоречил международной повестке дня делового сообщества Германии, внутренний авторитаризм гитлеровской коалиции пришелся ему более чем по вкусу, равно как и значительные прибыли, которые оно стало получать с середины 1930-х гг. В третьих, хотя государство после 1933 г. решительно подчинило себе бизнес, голое принуждение применялось лишь выборочно, а режим во многих сферах был только рад эксплуатировать независимую инициативу бизнесменов, управляющих и технических специалистов. Наконец, в условиях крайне неоднородной структуры собственности и организации в немецкой экономике и разобщенности конкурирующих капиталистических группировок все, что требовалось для того, чтобы подталкивать жизненно важные сегменты промышленности и торговли в направлении, угодном режиму, — это ряд продуманных тактических союзов.

С учетом тех препятствий, с которыми приходилось сталкиваться Третьему рейху, в силу всего этого трудно избежать вывода о том, что он чрезвычайно эффективно использовал свои мобилизационные возможности. Более того, понятно, что эта мобилизация с самого начала была направлена на возрождение Германии как военной державы и в некотором общем смысле на достижение поставленных Гитлером завоевательных целей. Но если задаться вопросом о том, была ли эта экономическая мобилизация составной частью внятного стратегического синтеза, если задаться вопросом о том, подчинялись ли дипломатия, военное планирование и экономическая мобилизация после 1933 г. внятому военному плану, то ответ, который дает эта книга, будет отрицательным. В этом отношении мы по-прежнему пытаемся освободиться от влияния знаний, полученных задним числом. В конце концов, нам известно, что до осени 1941 г., когда потерпела крах операция «Барбаросса», гитлеровские армии сметали все на своем пути. Трудно себе представить, что это поразительное военное превосходство не было итогом длительных приготовлений. Однако недавняя военная история приводит нас к невероятному выводу о том, что дело обстояло именно так. Германия начала в сентябре 1939 г. войну, не имея существенного материального или технического превосходства над более развитыми военными державами Запада. К тому, что Франция была разгромлена всего за несколько коротких недель в мае и июне 1940 г., привело фатальное взаимное наложение оперативных планов союзников и Германии. И это, в свою очередь, позволило вермахту в 1941 г. пройти победным маршем по Южной и Восточной Европе, что завершилось вполне предсказуемым образом: немцев остановили обширные просторы Советского Союза и пусть плохо организованное, но упорное сопротивление Красной армии. Центральная часть нашей книги посвящена распутыванию загадок, к которым нас приводят эти убедительные выводы военных историков. Если полномасштабного перевооружения 1930-х гг. и аннексии Австрии и Чехословакии не хватило для того, чтобы обеспечить Германии существенное материальное преимущество над ее врагами, если все это стало непосредственной причиной, заставившей Великобританию и Францию отказаться от своего пацифизма в пользу агрессивной стратегии сдерживания, и вынудило и Вашингтон, и Москву пересмотреть свои позиции в Европе, то почему же Гитлер начал войну в сентябре 1939 г.?

Столкнувшись с этим вопросом, некоторые историки поспешили заявить, что Гитлер просто просчитался. По их мнению, он не собирался развязывать общеевропейскую войну. После

того что произошло в 1938 г. в Мюнхене, он ожидал, что Великобритания и Франция пойдут на уступки в Восточной Европе. И вовсе не Гитлер, а западные державы предпочли превратить Польшу в *casus belli*. Эту точку зрения я отвергаю, поскольку она не соответствует дипломатической ситуации последних предвоенных дней. В августе 1939 г., как и в сентябре 1938 г., Гитлер мог быть почти уверен в том, что Великобритания и Франция объявят войну. В первом случае он отступил. В 1939 г. он предпочел стоять на своем. Почему он продолжал гнуть свою линию вместо того, чтобы дать задний ход, объясняется в этой книге путем синтеза трех отдельных элементов.

Во-первых, следует подчеркнуть, что к лету 1939 г. Гитлер уже знал, что его попытки осуществить долгосрочную программу подготовки к войне с западными державами провалились. Собственно говоря, это один из главных моментов моей книги. Несмотря на то что в 1938 г. гитлеровский режим попытался ответить на растущее противодействие со стороны западных держав выполнением гигантской программы всестороннего перевооружения и хотя Гитлер и Риббентроп пытались сколотить глобальный альянс, который бы не уступал в масштабах складывающейся западной коалиции, из этих попыток ничего не вышло. К лету 1939 г. усилия немцев, направленные на то, чтобы объединиться с Италией и Японией в тройственный блок, угрожающий британцам, откровенно провалились. Более того, как впервые подробно показывается в нашей книге, военное производство летом 1939 г. серьезно сократилось из-за хронических проблем платежного баланса. Вдобавок Третьему рейху угрожал экономический кризис. Средствами контроля, созданными на протяжении 1930-х гг., несомненно, удалось предотвратить всеобщий кризис, подобный тому, который едва не дестабилизировал гитлеровский режим в 1934 г. Однако в 1939 г. опасная ситуация, в которой находился платежный баланс Германии, не давала возможности наращивать темпы военного производства. Поскольку именно в тот момент ускорили перевооружение и Великобритания, и Франция, и США, и Советский Союз, Гитлер столкнулся с тем, что соотношение сил начало резко ухудшаться значительно раньше, чем он ожидал.

Помимо этого, к немедленным действиям подталкивали и резкие изменения в глобальной дипломатической картине. Стремительная агрессия Гитлера в 1938-м и начале 1939 г. привела к разрушению французского оборонительного кордона в Центральной Европе, опиравшегося на Чехословакию. Однако весной 1939 г., после оккупации Праги, дипломатические фронты были укреплены гарантиями, которые англича-

не и французы дали Польше и Румынии. Теперь все зависело от поведения двух фланговых держав — США и Советского Союза. Летом 1939 г. решение Сталина в пользу стратегии, основанной на раздувании межкапиталистической войны, изменило баланс сил в пользу Германии. Нацистско-советский пакт гарантировал Германии отсутствие второго фронта на востоке и защищал ее от худших последствий вызывавшей большие опасения англо-французской блокады. Таким образом, можно дать убедительное экономико-стратегическое обоснование принятого Гитлером решения начать войну в сентябре 1939 г. С учетом ухудшавшегося экономического положения Германии и неожиданного благоприятного изменения дипломатического баланса Гитлер ничего не выигрывал от дальнейшего ожидания. И как мы видели, Гитлер буквально этими же самыми словами излагал эту логику всем, кто слушал его после сентября 1939 г.

Однако, ограничиваясь этими рациональными стратегическими соображениями, мы упустим третий важнейший фактор, повлиявший на выбор Гитлера. Рассуждения об окне стратегических возможностей требуют ответа на вопрос о том, почему Гитлер верил в неизбежность войны с западными державами. Почему он счел необходимым ухватиться за эту возможность и поставить судьбу всего своего режима на войну с Великобританией и Францией в тот момент, когда Германия имела в лучшем случае лишь небольшое военное преимущество? Для того чтобы объяснить это решение, мы должны сослаться на идеологию. Это может показаться парадоксальным в свете того факта, что Гитлер пошел на вопиющее отступление от программы, изложенной в *Mein Kampf*. В этой книге, надиктованной 15 годами ранее в камере Ландсбергской тюрьмы, Гитлер призывал к созданию англо-германского союза против еврейско-большевистской угрозы. В 1939 г. он начал войну с перевернутым фронтом: в союзе со Сталиным против Великобритании. Однако это упрощенная картина. Ключ к идеологии Гитлера заключался не в конкретной дипломатической схеме, а во владевшей им навязчивой идее о расовой борьбе и, в частности, о противостоянии арийцев и евреев. В меморандуме 1936 г. о Четырехлетнем плане акцент по-прежнему делался на еврейско-большевистском заговоре. Два года спустя, когда острие немецкой внешней политики и политики в сфере вооружений все явственнее разворачивалось в сторону Запада, до удивления сходным образом изменялась и главная мишень антисемитской риторики режима. Начиная с 1938 г. в публичных выступлениях Гитлера еврейский вопрос в широком смысле подчеркнуто становился вопросом западным, и в первую очередь — американским. Как было

показано в 8-й и 9-й главах, начиная с Эвианской конференции и все более активно после «Хрустальной ночи», президент Рузвельт назывался главным агентом всемирного еврейского заговора, направленного на уничтожение национал-социалистической Германии. Не случайно знаменитая угроза Гитлера об уничтожении евреев, оглашенная 30 января 1939 г., прозвучала как прямой ответ на обращение Рузвельта к конгрессу. Все понимали, что именно от США зависел исход гонки вооружений. Если Великобритания и Франция могли твердо полагаться на американскую помощь, то они становились практически неуязвимыми. Однако позиция США отличалась крайней неопределенностью. В то время как Рузвельт обрушивался с риторическими нападка на Гитлера и призывал Великобританию, Францию и Польшу оказывать сопротивление нацистскому экспансионизму, в США сохранялись сильные изоляционистские течения. Гитлер и остальные лидеры Нацистской партии не могли не интерпретировать эту сложную ситуацию иначе как сквозь темный покров манихейского антисемитизма. Для них было очевидно, что тучи международной напряженности сгущаются по вине еврейских элементов в Вашингтоне, Лондоне и Париже, вознамерившихся уничтожить нацистскую Германию. И именно это параноидальное ощущение угрозы подтолкнуло Гитлера к решению напасть на Польшу, а затем нанести удар по западной коалиции, упрямо стоявшей у него на пути.

Вероятно, не стоит удивляться тому, что этот момент не акцентировался в выступлениях Гитлера перед военачальниками в мае-августе 1939 г. — и тем более не был отражен в заметках тех офицеров, которые присутствовали на этих встречах. Но задним числом Гитлер не скрывал его значения. И Гитлер, и Риббентроп подчеркивали роль мирового еврейства в ускорении темпа событий в 1939 г. — особенно в своих беседах с итальянскими руководителями весной 1940 г. Более того, это своеобразное сочетание стратегических и экономических факторов, на которое накладывался маниакальный гитлеровский антисемитизм, позволяет объяснить не только решение Гитлера начать войну. Оно проясняет и его последующую готовность все больше и больше расширять рамки конфликта. И решение пойти из-за Польши на риск общеевропейской войны, и принятое летом 1940 г., когда была покорена Франция, но Великобритания оставалась непобежденной, решение немедленно начать подготовку к нападению на Советский Союз, и, наконец, принятое в ноябре-декабре 1941 г. решение поддержать Японию в ее агрессии против США — все они следовали одному шаблону. Гитлер, столкнувшись с вражеской коалицией, впервые давшей о себе

знать в 1938 г. и организованной, по его мнению, «ставленником мирового еврейства», знал, что время работает не на него. Западные державы, к которым после июня 1941 г. присоединился Советский Союз, совместно обладали подавляющей экономической мощью. Гитлер понимал, что должен нанести быстрый и мощный удар — без этого Германия никогда бы не получила «жизненное пространство», которое могло обеспечить ей подлинную стратегическую свободу.

С точки зрения первых лет Второй мировой войны следует подчеркнуть четыре новых момента, к которым нас приводит проделанный в этой книге анализ.

Антизападный уклон нацистского антисемитизма, выделенный нами в качестве темы, имевшей большое значение в 1938–1939 гг., не ослабевал на протяжении 1940 и 1941 г. Рузвельт, который спровоцировал войну, поддержав Великобританию и Францию как гарантов польской безопасности, теперь способствовал ее продолжению, поддерживая Черчилля в его нежелании сдаваться, и в Берлине эту ситуацию могли объяснить только злокозненными интригами евреев и в Вашингтоне, и в Лондоне. Из этого, в свою очередь, следует, что в плане мотиваций любое поспешное и уверенное проведение различий между войной на западе и войной на востоке становится сомнительным или вовсе несостоятельным. Хотя с точки зрения того, как они велись, война на западе резко отличалась от войны на востоке, считать, что они мотивировались принципиально разными соображениями, было бы ошибкой. Война на западе против Черчилля и Рузвельта была не менее идеологизированной, чем война ради завоевания «жизненного пространства» на востоке. И хотя основным мотивом для вторжения в Советский Союз в 1941 г., в противоположность последующим периодам, служило стремление ускорить темп событий на западе, принудив Британию к капитуляции до того, как успела бы вмешаться Америка, все это тоже следует рассматривать как один из аспектов общей войны против мирового еврейства. Противопоставление этого «стратегического обоснования» давним идеологическим мечтам Гитлера о завоевательной войне на востоке является ложным. Гитлер еще с 1938 г. считал, что ему не избежать глобальной конфронтации с мировым еврейством. Поэтому связь кампании на востоке с войной на западе не снижает ее идеологизированности.

После того как мы выявили этот возможный источник недоразумений, следует перейти ко второму моменту: решение Гитлера расширить масштабы войны в 1941 г. имело убедительные экономические причины. Поразительная победа во Фран-

ции в начале лета 1940 г. обещала все изменить. Но в реальности яркий успех вермахта не решил фундаментальной стратегической дилеммы, стоявшей перед Гитлером. Флот и ВВС Германии были слишком слабы для того, чтобы принудить Великобританию к переговорам. Логика конкуренции, присущая гонке вооружений, оставалась в силе и в 1940 г., и в 1941 г. Вместо того чтобы склониться перед волей Гитлера, Великобритания была готова пойти на банкротство в государственном масштабе, от которого ее в итоге спас ленд-лиз. А в критический момент войны благодаря своим сравнительно обширным зарубежным резервам и американскому содействию она сумела мобилизовать намного большую долю зарубежных ресурсов, чем Германия. И напротив, как только в Берлине выветрилась победная эйфория, экономическая жизнеспособность нового германского *Grossraum* стала вызывать большие сомнения. Завоевание большей части Западной Европы прибавило к уже имеющимся у Германии тяжелым экономическим проблемам резкую нехватку нефти, постоянные затруднения со снабжением углем и серьезный дефицит кормов для скота. Население Западной Европы, как и его производственные возможности, являлось жизненно важным активом, но с учетом сдержек, накладывавшихся британской блокадой, было отнюдь не ясно, удастся ли эффективно мобилизовать эти ресурсы. Если только Германии не удалось бы обеспечить себе доступ к советскому зерну и нефти и добиться устойчивого роста добычи угля, материковой Европе угрожало длительное сокращение производства, производительности и уровня жизни. Вдобавок ко всему этому Рузвельт через несколько дней после прорыва вермахта в Седане приступил к выполнению собственной впечатляющей программы перевооружения. Мы сможем по-настоящему оценить, как важно было для Гитлера со стратегической точки зрения предотвратить решительное вступление Америки в войну, если в полной мере учтем те масштабы, которые приняло англо-американское военное производство еще летом 1940 г. В этом отношении чрезвычайно показателен поистине гигантский разрыв между англо-американским производством самолетов и относительно незначительными объемами германского аутсорсинга авиационного производства во Францию и Нидерланды. И этот дисбаланс не укрылся от внимания Геринга и германского Министерства авиации.

Должный учет того места, которое трансатлантическая гонка вооружений занимала в немецких расчетах 1940–1941 гг., поможет нам объяснить еще одну загадку, которая по-прежнему занимает умы исследователей нацистского режима и оказывает серьезное влияние на то, как мы пишем его историю. Вопре-

ки утверждениям некоторых авторов, вооруженные силы Рейха на востоке в 1941 г. были значительно мощнее тех, которые вторглись во Францию. Но не менее бесспорно и то, что их боевые возможности рассчитывались, опираясь на планы уничтожить Красную армию в течение короткой кампании. Немецкие планы имели нулевой предел погрешности. Поэтому даже при самом предвзятом отношении следует признать, что операция «Барбаросса» была сопряжена с колоссальным риском. Она выглядит иррациональной и безрассудной, если объединить факты, указывающие на минимальный уровень мобилизации, с особенно часто цитируемой промышленной статистикой, как будто бы указывающей на стагнацию в производстве вооружений и катастрофическое снижение производительности труда в 1940–1941 гг. В свете этих данных может показаться, что из-за благодушия и расслабленности, воцарившихся после победы во Франции, в сочетании с расистской снисходительностью по отношению к Советскому Союзу, вермахт не счел нужным позаботиться о максимальном увеличении своих шансов в этой явно решающей кампании войны. Если это верно, то на этом «упущении» явно должна строиться вся наша интерпретация гитлеровского режима. Однако если мы учтем общую стратегическую ситуацию, то это в сочетании с критическим рассмотрением экономических фактов даст нам совершенно иную картину. Идея о том, что производство вооружений в Германии в 1940–1941 гг. просело и что производительность труда резко снизилась, по большей части является статистической иллюзией. Более того, при рассмотрении исключительно производства вооружений упускается из виду то, что одной из наиболее характерных черт военной экономики Германии на ранних этапах была мощная волна инвестиций, почти неослабно продолжавшаяся с 1939 по 1942 г. В должной мере оценив это, мы сможем понять один важный момент. Вследствие того, что Великобритания помогала Америка, Германия по-прежнему находилась в плену у логики трансатлантической гонки вооружений, даже готовясь к «Барбароссе». Промышленные ресурсы Германии никогда не могли быть полностью брошены на войну с Советским Союзом, потому что в то же самое время нужно было вести обширную подготовку к грядущей воздушной войне с Великобританией и Америкой. Таким образом, Гитлер лишь после грандиозных побед во Франции взял на вооружение то, что с полным правом может быть названо стратегией блицкрига — скоординированную стратегию, в рамках которой и производство вооружений, и стратегическое планирование строились на предположении о быстрой и решающей победе над Красной армией.

Однако цель этой стратегии состояла не в том, чтобы смягчить тяготы войны для гражданского населения, а в том, чтобы позволить Германии вести две войны одновременно.

По сути, можно сказать, что Третий рейх весной 1941 г. вел подготовку не к двум, а к трем войнам: против Красной армии, против британцев и американцев, и против гражданского населения Восточной Европы, начиная с евреев. И в этом случае «прагматические экономические» мотивы тоже были неразделимо переплетены с кровожадной идеологией. С одной стороны, программы СС по расовой чистке населения, начиная с евреев, представляли собой составную часть *Generalplan Ost* — этого поразительного проекта аграрной и промышленной колонизации. И наоборот, «План голода», принятый с одобрения ряда министерств весной 1941 г. и сочетавший откровенно прагматические расчеты в сфере снабжения продовольствием с идеями о расовой иерархии, представлял собой план массовых убийств, своим размахом затмивший даже программу, принятую в Ванзее.

Однако этот глобальный блицкриг — большая стратегия расовой войны — оказался не стратегией победы, а стратегией поражения. Операция «Барбаросса» забуксовала уже под Смоленском в июле-августе 1941 г. В то же время Америка выражала все более твердую готовность оказывать помощь и Великобритании, и Советскому Союзу. Перед лицом все более вероятной войны на два или даже на три фронта та поразительная гибридная стратегия, которую Третий рейх сочинил в течение предыдущего года, стала разваливаться. В декабре Гитлер, верный своей логике, основанной на теории заговора, в союзе с японцами объявил войну Соединенным Штатам. Пребывая в убеждении, что до войны с США в любом случае осталось лишь несколько месяцев, он воспользовался стратегической диверсией — японским наступлением на Тихом океане. Осенью 1941 г., обдумывая ту форму, которую должно было принять в итоге «Окончательное решение», и возможность стратегического выхода из ситуации войны на два фронта, в которой оказался Третий рейх, Гитлер неоднократно возвращался к своей полемике с Рузвельтом, происходившей в январе 1939 г.

По любым разумным оценкам объявление Гитлером войны Соединенным Штатам решило участь Германии. Экономические и военные силы, сплотившиеся в начале 1942 г. против Третьего рейха, имели над ним подавляющее превосходство. Как мы уже показывали, эта фаталистическая точка зрения разделялась всеми наиболее тесно вовлеченными в управление военной экономикой Германии до кризиса зимы 1941 г. К этому выводу пришли и Удет в люфтваффе, и Фромм в армии, и То-

мас в верховном командовании вермахта, и Тодт в Министерстве вооружений, и Канарис в разведке, и Роланд и его коллеги в Руре. Все эти люди связали свою судьбу с гитлеровским режимом. Но им были известны основные тенденции экономического развития первой половины XX в. Они, как и подавляющее число их современников, были убеждены в ключевом значении экономики США. Никто из них не сомневался в том, что после мобилизации американских промышленных мощностей — а они имели отличное представление о мерах, принятых уже в 1940 и 1941 г. — Германия окажется в еще более отчаянной ситуации, чем в 1918 г. Думать как-либо иначе означало бросить вызов здравому смыслу, вполне отразившемуся в тревогах общественности, прилежно фиксировавшихся осведомителями гестапо. Вся степень американских производственных успехов после 1942 г. стала сюрпризом даже для американцев. Но основы этого сценария были написаны уже в 1917–1918 гг. и бесконечно воспроизводились в фордистском нарративе на протяжении всех 1920-х и 1930-х гг. При этом, конечно же, остается фактом то, что ведущие немецкие эксперты при всем своем пессимизме не осознали в полной мере поразительную индустриальную и военную стойкость Советского Союза, которая по сути оказалась главной проблемой вермахта в 1942 и 1943 г.

Однако этот пессимизм заставляет дать нелицеприятную оценку группе лиц, вставших во главе германской военной экономики после зимнего кризиса. Мотивация таких людей, как Герберт Бакке, дирижер «Плана голода», или гауляйтер Фриц Заукель с его вербовщиками, орудовавшими по всей Европе, никогда не вызывала никаких сомнений. Нет смысла и в дальнейших дискуссиях по поводу Альберта Шпеера. Эти люди во все не были аполитичными эффективными технократами. Они были верными гитлеровцами, готовыми идти с Третьим рейхом до его печального конца. Гитлер мог полагаться на них даже в последние месяцы войны. И они продолжали борьбу, не останавливаясь буквально ни перед чем. «Оружейное чудо» Шпеера основывалось на ресурсах, полученных путем мобилизации всех активов нацистского государства. Рейхсбанк, Министерство экономики и Министерство финансов сыграли важную, но по большей части оставшуюся неоцененную роль, обеспечивая стабильность немецкой валюты — по крайней мере до начала 1944 г. Промышленность Рейха напрягала все свои силы в отчаянной попытке взять верх над Советским Союзом. Но эти на первый взгляд безобидные элементы военной экономики Германии были соединены многочисленными нитями со злобещей политической кликой в составе гауляйтера Заукеля, статс-

секретаря Герберта Бакке, Германа Геринга и Генриха Гиммлера. Этот узел политической власти был сплетен для решения вопросов продовольствия и рабочей силы. Совместными усилиями этих лиц в 1942 г. для немецкой промышленности были мобилизованы миллионы новых работников, а европейский продовольственный баланс был резко изменен с тем, чтобы обеспечить Германии калории и белки, игравшие роль топлива для «оружейного чуда» Альберта Шпеера. Как было показано в главе 16, летом 1942 г. даже массовое уничтожение польских евреев в газовых камерах имело функциональный смысл в рамках этой радикализованной разновидности тотальной войны. А с лета 1943 г. Шпеер начал все более широко полагаться на меры принуждения, которые обеспечивало ему партнерство с Генрихом Гиммлером и СС.

Акцент на рационализацию управления военной экономикой Германии, являвшийся одним из последствий кризиса 1941 г., был несомненным новшеством. А объемы производства вооружений в Германии после назначения Шпеера действительно выросли. Однако относиться к этому как к аполитичному выражению технократических способностей Шпеера было бы ошибкой. «Оружейное чудо», о котором на все лады трубили пропагандисты, имело чисто политическую цель. Его предназначение состояло в том, чтобы дать ответ на принципиальные сомнения, все сильнее терзавшие военную экономику Рейха. Сигнал, который подавала кампания по рационализации, сводился к тому, что очевидный дефицит доступных Германии ресурсов не обязательно является фатальным. Благодаря продуманному волевому руководству и энергичным импровизациям можно производить больше вооружений за меньшие деньги. Кроме того, как часто демонстрировал вермахт, достижениям немецких солдат не было предела — при условии, что они были обеспечены необходимым оружием.

Разумеется, мы не собираемся отрицать, что Шпеер и Мильх сумели обеспечить прирост производства вооружений. Он был вполне реальным. Но не менее реальным был и стратегический провал этих усилий. Сущность игры Гитлера в декабре 1941 г. сводилась к выигрышу времени. После объявления войны Соединенным Штатам необходимость решительной победы над Красной армией стала как никогда злободневной. В этом важнейшем отношении Министерство вооружений Шпеера не справилось со своей задачей. В 1942 г., когда были получены первые серьезные итоги «оружейного чуда», советская экономика благодаря решительной мобилизации ресурсов существенно превосходила немецкую объемами производства. Советскому

Союзу не удалось сохранить это первенство. К 1944 г. Германия догнала его и опередила. Но как было известно и в Советском Союзе, и в Германии, исход войны на Восточном фронте определили летние, осенние и зимние бои 1942–1943 гг. И в этот решающий период превосходством обладали советские заводы. Это окно возможностей было столь важно потому, что на протяжении большей части 1942 г. британские и американские наступательные операции против Третьего рейха носили лишь маргинальное значение. Но к осени 1942 г. ситуация изменилась. Британский и американский перевес в ресурсах сперва дал о себе знать в Северной Африке и Средиземноморье, затем обеспечил разгром флота подводных лодок, а начиная с весны 1943 г. вылился в непрерывные воздушные бомбардировки. Это открытие серьезного «второго фронта» в сочетании с отстранением Муссолини от власти в июле 1943 г. произвело поистине драматический эффект. Вследствие разрушений, произведенных британскими и американскими бомбардировками за шесть месяцев 1943 г., Шпееру не удалось совершить новых «оружейных чудес». Немецкий тыл страдал из-за серьезного упадка морального состояния. К июлю 1943 г. война была явно проиграна.

Последнее, знаменитое ускорение производства вооружений в 1944 г., на котором главным образом основывается репутация шпееровского Министерства вооружений, происходило среди разгула апокалиптического насилия, стоившего жизни миллионам людей и опустошившего значительную часть Европы. Кроважеские практики эсэсовского полицейского государства стали применяться непосредственно в военной экономике сперва на заводе *Mittelbau*, а затем и взявшим их на вооружение «Истребительным штабом». В первой половине 1944 г. на немецких заводах удалось собрать десятки тысяч устаревших истребителей, мобилизовав все доступные материалы и рабочую силу, прибегая к ничем не ограниченным репрессивным мерам и используя любые возможности для экономии за счет роста масштабов производства. Летом 1944 г. Шпеер и «Истребительный штаб» поддерживали по телефону непрерывный контакт с перронами Аушвица, на которых эсэсовцы производили сортировку венгерских евреев — последней крупной группы, которую ждали газовые камеры. В смертоносной сырости и мраке подземных заводов Ганса Каммлера Третий рейх предпринял последнюю тщетную попытку сравняться с американцами в сфере массового производства.

Гитлер предсказывал, что если Германия не одержит верх над врагами, то ее постигнет национальная катастрофа, какой еще не было в современной истории. Начиная с 1942 г. он и его соратники — среди которых главную роль играл Альберт Шпе-

ер — вели Германию прямо к этой катастрофе. Даже в наше время размышления об ущербе, понесенном по вине гитлеровского режима и его бесполезной войны, остаются занятием почти невыносимым. С тех пор прошли десятки лет, но память о вреде, причиненном европейскому населению, материальной стороне повседневной жизни и самой идее европейской цивилизации, все еще достаточно сильна для того, чтобы вызвать чувство отчаяния, гнева и возмущения — причем не только у жертв Германии. Обзор этих ужасов здесь неуместен. Но поскольку историкам экономики удастся делать так, что катастрофы, подобные той, которую Германия навлекла на себя в 1945 г., не отражаются на долгосрочной траектории экономического роста, имеет смысл уделить этой теме немного внимания.

В 1945 г. разрушения и страдания людей в Германии достигли почти неопишуемых масштабов². К моменту краха Третьего рейха, помимо миллионов людей, убитых немцами по всей Европе, погибло или пропало без вести более трети мальчиков, родившихся в немецких семьях в 1915–1924 гг. Среди тех, кто родился в 1920–1925 гг., потери составляли 40%. Остальное немецкое население было затронуто перемещениями и депортациями, принявшими поистине эпический размах. В то время как 11 млн военнослужащих вермахта, переживших войну на действительной службе, было согнано в импровизированные лагеря военнопленных, управлявшиеся оккупационными силами, примерно такое же число перемещенных лиц, не являвшихся германскими гражданами, — 9–10 млн человек — в ожидании репатриации в родные страны Восточной и Западной Европы пользовались непривычной для них свободой. Одновременно с тем в свои разрушенные города спешили вернуться 9 млн эвакуированных немцев. Этот поток на востоке дополняла гигантская лавина из 14–16 млн этнических немцев, которых ожесточенное славянское население систематически изгоняло из их родных мест в Восточной и Центральной Европе. Не менее 1,71 млн человек умерло во время этого поразительного исхода. Страна, куда они «возвращались», встречала их неопишуемым опустошением и нищетой. Значительные части Германии превратились в «пустыни, усеянные обломками, где живые нередко завидовали мертвым»³. Было разрушено не менее 3,8 млн из общего числа в 19 млн квартир. В городах, сильнее всего пострадавших от бомбардировок, потери жилого фонда достигали

2. Полезное резюме содержится в: H.-U. Wehler, *Deutsche Gesellschaftsgeschichte* (Munich, 2nd edn., 2003), IV. 941–54.

3. M. R. Marrus, *Unwanted: European Refugees in the Twentieth Century* (New York, 1985), 324.

50%⁴. Немецкое население, до осени 1944 г. достаточно хорошо питавшееся, теперь страдало от голода и холода в перенаселенных и полуразрушенных домах и квартирах.

В отличие от того, как вели себя немцы, когда им подчинялась вся Европа, союзники принимали необходимые меры к тому, чтобы немецкое население не вымирало. Но они делали это с известными оговорками. Как выразился в июне 1945 г. генерал Люсиус Д. Клей, заместитель Эйзенхауэра, «Этой зимой условия жизни в Германии будут исключительно суровыми и многих ожидает холод и голод. Но некая доза холода и голода необходима для того, чтобы немецкий народ осознал последствия развязанной им войны»⁵. Тем не менее Клей заявлял, что «эти страдания не должны иметь своим результатом массовую смерть от голода и болезни»⁶. В совместной директиве начальников штабов № 1067, представлявшей собой главную инструкцию, полученную оккупационными силами в 1945 г., указывалось, что Германия должна получать продовольствие в количестве, достаточном лишь для того, чтобы предотвратить «заболевания и волнения». Впрочем, вплоть до 1948 г. снабжение продовольствием во всех четырех зонах оккупации оставалось совершенно недостаточным. В результате решений, принятых Шпеером и *Zentrale Planung* в 1943 и 1944 г., вместо азотных удобрений, необходимых немецким фермам, выпускались взрывчатые вещества и боеприпасы. Урожайность резко снизилась. Ситуацию усугубляло то, что главные богатые зерном территории Германии к востоку от Одера и Нейсе по решению Потсдамской конференции были переданы полякам. Продовольствие приходилось везти из-за Атлантики, однако к началу лета 1946 г. нормы выдачи продуктов питания во многих городах Германии составляли менее 1000 калорий в день. Несмотря на процветавший черный рынок, налицо были признаки серьезного недоедания. Выросла смертность, а также число заболеваний, связанных с голодом. В британской и американской оккупационных зонах удвоилась заболеваемость дифтерией, тифом и туберкулезом. Резко снизился вес новорожденных. Даже самые неустрашимые статистики опасались заглядывать в ту пропасть, в которую скатилась Германия к концу 1945 г. К тому моменту деньги уже давно не функционировали в каком-либо привычном смысле слова. Согласно одной оценке, ВВП Германии на душу населения

4. G. W. Harmsson, *Reparation, Sozialprodukt, Lebensstandard: Versuch einer Wirtschaftsbilanz* (Bremen, 1948), 57.

5. J. E. Smith (ed.), *The Papers of General Lucius D. Clay* (Bloomington, Ind., 1974), I. 24.

6. Ibid., I. 41.

к 1946 г. снизился до уровня, который не видели с 1880-х гг., составляя чуть больше 2200 долларов — в десять раз меньше, чем в современной ФРГ. И эта цифра наверняка преувеличивает реальный уровень экономической активности во второй половине 1945 г. Добыча угля, на которой держится современное городское общество, упала на 80%, притом что даже этот уголь не мог распределяться по стране из-за разрушения железных дорог.

Не следует недооценивать и степени ненависти, которую ощущали к Германии ее соседи и бывшие враги. Если верно, что немцам после 1945 г. пришлось хотя бы отчасти подавить ощущение себя невинными жертвами, то не менее верно и то, что бывшие противники Германии сочли разумным забыть ту ярость, которая явно служила одним из побудительных мотивов политики, проводившейся союзниками сразу же после войны. В 1945 г. американские солдаты видели на германо-нидерландской границе таблички: «Здесь кончается цивилизованный мир»⁷. Согласно одному из наиболее живучих мифов послевоенной истории, союзники, выучившие уроки Первой мировой войны, не стали взимать с Германии репараций. На самом же деле обе части Германии после 1945 г. заплатили значительно более высокие репарации, чем те, которые пришлось платить Веймарской республике. Неудивительно, что компенсации наиболее решительно добивался Советский Союз. Из будущей Германской Демократической Республики было вывезено не менее 30% ее средств промышленного производства, а расходы на оккупацию и репарации, которые она выплачивала Советскому Союзу, еще в 1953 г. составляли почти 13% ее национального дохода⁸. В свою очередь, с Федеративной Республикой обошлись более снисходительно. Но и она в 1953–1992 гг. заплатила общую сумму, превышающую 90 млрд дойчмарок. Кроме того, страну лишали не только физического капитала. В советской зоне для допроса и скорого суда задерживали десятки тысяч лиц, подозревавшихся в членстве в Нацистской партии. Тысячи человек были казнены. Западные державы, что неудивительно, избрали более правовой подход. Примерно 200 тыс. человек, заподозренных в нацизме, включая многих вождей большого бизнеса, было арестовано и интернировано в лагерях. Из 5153 лиц, обвиненных в серьезных военных преступлениях, военными трибуналами было приговорено к смерти 668 человек. Кроме того, в первой вспышке энтузиазма западные союзники уволи-

7. G. Bischof and S. E. Ambrose (eds.), *Eisenhower and the German POWs* (Baton Rouge, La., 1992), 17.

8. R. Karlsch, *Allein bezahlt? Die Reparationsleistungen der SBZ/DDR 1945–1953* (Berlin, 1993), 234.

ли в своих зонах почти половину госслужащих и потребовали от миллионов человек пройти процедуру денацификации. Хотя в итоге она превратилась в циничный фарс, поначалу население Германии относилось к ней как к опасному вторжению в структуру социальной жизни. В сочетании с широко освещавшимися процессами в Нюрнберге денацификация воспринималась как еще один признак неравноправного статуса Германии.

Таким образом, первые послевоенные годы в значительной мере подтвердили апокалиптические прогнозы Гитлера. Германия перестала существовать как политическое образование, как военная сила и как экономическая единица. Однако по ужасающей иронии судьбы впоследствии взяла верх не логика Гитлера, а логика Штресемана. В 1919 г., имея в виду большевистскую угрозу на востоке, Штресеман предсказывал, что вскоре придет время, когда Германия снова станет нужна. После Второй мировой войны, когда Красная армия стояла в Вене и Берлине, прошло не больше двух лет, прежде чем та же точка зрения возобладала в Вашингтоне и Лондоне. С тем, чтобы предотвратить коллапс и резкий рост популярности Коммунистической партии, уже зимой 1946–1947 г. началась реконструкция Германии. В 1920-е гг. Штресеман рассчитывал на то, что немецкая экономика составляет неотъемлемую часть европейской и потому не в интересах держав-победительниц держать Германию в полуразрушенном состоянии. В 1947 г. госсекретарь США генерал Джордж Маршалл поставил свое знаменитое предложение помощи Европе в зависимость от того, будет ли допущена к этой программе Германия. Поначалу Франции было трудно смириться с этим. Французская национальная программа экономического возрождения, выполнявшаяся после 1945 г., основывалась на предпосылке, что именно Франция, а не Германия будет контролировать ресурсы Рура. Но через три года после заявления Маршалла именно французы, как и в 1929 г., выдвинули предложение о европейской интеграции, фундаментом которой на этот раз должны были стать Европейское объединение угля и стали и Европейское оборонительное сообщество. В завершение горькой иронии Конрад Аденауэр, в качестве канцлера Федеративной Республики в 1949–1963 гг. обеспечивший Западной Германии ключевое место и в Европейском сообществе, и в НАТО, был на два года старше Густава Штресемана, скончавшегося в 1929 г. в 51-летнем возрасте⁹.

9. J. Wright, *Gustav Stresemann* (Oxford, 2002), 515.

Работающая парламентская система, союз с Америкой и более тесная европейская экономическая интеграция — ко всем этим целям, несомненно, стремился и Штресеман. Но в 1920-е гг. веймарская политика все еще вдохновлялась и в конечном счете была дестабилизирована идеей о том, что Германия однажды вернет себе статус великой державы в классическом смысле XVIII и XIX вв. Сомнительность этого понятия стала очевидна уже после Первой мировой войны, продемонстрировавшей бесполезность войны как инструмента великодержавной политики. Однако «свобода действий» в международных отношениях в глазах Штресемана, как и большинства других европейцев, по-прежнему явно представляла собой неотъемлемый аспект полного суверенитета. После ужасов нацизма и Второй мировой войны демократизация, альянс западных держав и более тесная европейская интеграция снова вышли на передний план. Апокалиптическое искушение милитаризма в основном было изгнано из Европы. Его угасающие огни лишь изредка вспыхивали вновь во время арьергардных имперских боев. Однако вместе с ним ушли и какие-либо претензии на «свободу», которая прежде сопутствовала великодержавному статусу. Еще осенью 1943 г., после Курской битвы, США поняли, что в обозримом будущем доминирующей силой в Европе станет не Великобритания, и тем более не Франция, а Советский Союз. Сперва администрация Рузвельта надеялась приспособиться к этой новой реальности в сотрудничестве с Советами. Предполагалось, что обе сверхдержавы будут совместно править Европой и миром, и в этих обстоятельствах имелась возможность «обойтись без Германии». Но к 1947 г. этот вариант явно был снят с повестки дня. В качестве независимых государств были восстановлены сперва Западная, а затем и Восточная Германия. Их последующее экономическое возрождение наряду с возрождением остальной Европы стало одним из подлинных чудес XX в. Кроме того, Западная Германия достигла выдающихся результатов и в построении демократического государства. По сути, едва ли не полное избавление Западной Германии от конфликтов, преследовавших Веймарскую республику, даже породило кое у кого искушение утверждать, что без очистительного огня национал-социализма Германия не избавилась бы от своих демонов. Однако при этом игнорируется тот факт, что немецкая демократия после 1945 г. была совершенно не такой, какой кто-либо мог ее представлять себе в 1920-е гг. Она существовала в рамках странной и урезанной формы государства, причем то же самое можно было сказать в отношении большинства, если не всех, бывших европейских «великих держав».

Прямо по территории Германии проходила линия фронта новой, холодной войны. По обеим сторонам от этой линии были сконцентрированы колоссальные оккупационные войска, войска неевропейские — американские с одной стороны и советские с другой. Над всеми висела угроза ядерного уничтожения. И несмотря на то что Западная Германия, несомненно, являлась работающей демократией, пределы допустимого в политических дискуссиях были несравненно уже, чем в 1920-е гг. Казалось, что самые взрывоопасные вопросы веймарской политики — вопрос территориальной целостности и вопрос военного паритета — навсегда удалены из политической повестки дня. Умы всех граждан Западно-Германской республики, как и остальной Европы, занимало экономическое чудо. Четверть века беспрецедентного экономического роста отодвинули «политику» в классическом смысле на обочину. Даже выдающийся проект европейской интеграции выродился в бесконечный процесс торга по поводу квот на производство молока и национальных льгот. Катастрофа, постигшая Третий рейх, не привела к исчезновению Германии, но подвела черту под классической эпохой европейской политики. Шестьдесят лет спустя вопрос о том, может ли у европейской политики быть иное содержание, помимо утомительных перебранок недовольных бюрократов, остается открытым.

Приложение
Дополнительные данные

ТАБЛИЦА А1. Текущий счет: зависимость Германии от иностранных ресурсов

	Текущий счет	Торговый баланс	Баланс торговли услугами, процентами, дивидендами и репарациями
	(1)	(2)	(3)
1913	939	-673	1612
1924	-1664	-1816	152
1925	-3045	-2444	-601
1926	-39	793	-832
1927	-4244	-2960	-1284
1928	-3192	-1311	-1881
1929	-2469	-44	-2425
1930	-610	1558	-2168
1931	1040	2778	-1738
1932	257	1052	-795
1933	132	666	-534
1934	-534	-373	-161
1935	-107	-8	-99
1936	615	544	71
1937	259	437	-178
1938	-566	-319	-247
1939	53	376	-323
1940	-1012	-72	-940
1941	-3331	39	-3370

Примечание. Столбец (1) представляет собой сумму (2) и (3). Положительное значение текущего счета подразумевает, что иностранные экономики были должны Германии. Наоборот, отрицательное значение подразумевает, что Германия жила за счет зарубежных займов или иных неоплаченных поступлений иностранной валюты и золота — сюда входят, например, захват австрийского золотого запаса и взимание оккупационных платежей, не называвшихся репарациями.

Источники: W.G. Hoffmann, *Das Wachstum der deutschen Wirtschaft* (Berlin, 1965), 816–28; A. Ritschl, 'Die deutsche Zahlungsbilanz 1936–1941', *VfZ* 39 (1991), 123.

ТАБЛИЦА А2. Производство важнейших видов

	Производство, тыс. т					
	Уголь (антрацит)	Сталь	Электросталь	Алюминий	Синтетическое топливо, нефть и бензин	Штапельное волокно и иск. шелк
1929	163441	16246	131	34	499	28
1930	142695	11538	95	32	546	29
1931	118634	8292	83	31	575	31
1932	104731	5764	71	24	535	28
1933	109905	7612	120	18	584	33
1934	124891	11916	172	37	690	46
1935	143013	16446	260	71	994	62
1936	158407	19216	380	97	1294	88
1937	184489	19849	526	128	1621	156
1938	186186	22656	697	166	1928	220
1939	187956	22508	914	200	2344	280
1940	184354	19141	992	211	3318	317
1941	186531	20836	1163	234	3946	383
1942	187920	20480	1276	264	4649	411
1943	190482	20758	528	250	5149	411
1944	166059	18318	1512	244	4018	389

сырья в пределах границ Германии до 1938 года

Рост производства относительно 1929 г., %						
Общее про- мышленное производство	Уголь (антрацит)	Сталь	Электросталь	Алюминий	Синтетическое топливо, нефть и бензин	Штапель- ное волокно и иск. шелк
100	100	100	100	100	100	100
83	87	71	73	94	109	104
66	73	51	63	91	115	111
58	64	35	54	69	107	100
67	67	47	91	54	117	118
83	76	73	131	109	138	164
97	88	101	198	208	199	221
107	97	118	289	285	259	314
119	113	122	401	374	325	557
132	114	139	531	486	386	786
140	115	139	697	585	470	1000
135	113	118	756	620	665	1132
138	114	128	886	686	791	1368
140	115	126	973	774	932	1468
157	117	128	402	733	1032	1468
154	102	113	1152	716	805	1389

Источники: Statistisches Handbuch von Deutschland; Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich (разные годы); R. Wagenführ, Die deutsche Industrie im Kriege (Berlin, 1954).

ТАБЛИЦА АЗ. Ежемесячная выплавка и распределение

Квартал	Выплавка		Всего распределено	Всего для вермахта и на вооружение
	В довоенных границах	В <i>Grossraum</i>		
1937	II	1531		300
	III	1580		235
	IV	1638		268
1938	I	1881		302
	II	1891		325
	III	1994		658
	IV	2011		593
1939	I	2090		525
	II	2026		628
	III	1976		575
	IV	1819		859
1940	I	1678	1835	924
	II	1736	1884	880
	III	1820	1885	900
	IV	1916	2204	1017
1941	I	1922	2298	1000
	II	1970	2374	1040
	III	1970	2378	1120
	IV	1961	2309	1032
1942	I	1786	2141	1153
	II	1857	2283	1073
	III	1975	2473	994
	IV	2141	2684	1253
1943	I		2687	1414
	II		2511	1475
	III		2517	1298
	IV		2486	1269
1944	I		2573	1338
	II		2496	1363
	III		2236	1246
	IV		1314	1179

ПРИМЕЧАНИЕ. Квоты до 1938 г. приведены с поправками в сторону уменьшения с целью учета того факта, что после 1938 г. квоты рассчитывались исходя из веса прокатной стали и в целом были ниже, чем квоты на нерафинированную сталь, распределявшиеся в первые месяцы нормирования.

стали в Германии, 1937–1944 годы, тыс. т

Распределение			Сталь, доступная для иных целей	
Для армии	4-летний план, ОКВ	На экспорт	В довоенных границах	В <i>Grossraum</i>
146	120	505	606	
146	120			
146	105			
146	145			
146	100	398	1068	
387	140	398	798	
387				
210				
210				
215				
306	206	173	581	
342	247	200	307	
445	252	200	404	
305	225	258	437	
350	242	330	327	
290	287	364	271	647
270	304	451	175	579
227	355	455	40	448
180	322	403		605
349	388	418		182
350	371	418		421
400	294	270		915

Источники: USSBS, *The Effects of Strategic Bombing*, 250–51; R. Wagenführ, *Die deutsche Industrie im Kriege* (Berlin, 1954), 168; M. Geyer, «Rüstungsbeschleunigung und Inflation», MGM 30 (1981), 163; Müller, in DRZW 5/2, 555.

ТАБЛИЦА А4. Оснащение

	Количество, шт.			
	Октябрь 1939	Май 1940	Июнь 1941	Январь 1942
Винтовки К98	2569300	3228500	4372800	4717500
MP38 и 40	5711	27800	166700	205450
MG	103300	150400	203250	206500
2-см Flak 30	895	1487	2153	2690
3,7-см Pak	10560	14257	15522	13348
Легкие минометы	5062	9957	16129	15579
Тяжелые минометы	3959	7091	11767	11719
10-см Nebelwerfer	179	288	1112	953
Легкая пехотная пушка 18	2931	3365	4176	4022
Тяжелая пехотная пушка 33	367	491	867	866
Легкая гаубица 16 и 18	4919	5538	7076	6772
Тяжелая гаубица	2434	2383	2867	2746
Тяжелые орудия 21–42 см	47	163	442	548
Боеприпасы для пехоты, млн	6665	8459	9774	7176
Снаряды для Pz. U. Pak, в млн	36	77	79	69
Артиллерийские снаряды, в млн	29	57	90	64
PzKampfW I	1305	1266	966	817
PzKampfW II	991	1110	1159	996
PzKampfW III	151	785	1440	1866
PzKampfW IV	143	290	572	511
PzKampfW 38t	122	238	754	434
Всего легких танков	2296	2376	2125	1813
Всего средних танков	416	1313	2766	2811
Полугусеничные машины	5200	7997	15642	19129
Численность вермахта	4556000	5766448	7309000	7648000
Численность армии	3706000	4347000	5200000	5428000

вермахта вооружением

			Прирост, %	
Май 1940 / окт. 1939	Июнь 1941 / май 1940	Янв. 1942 / июнь 1941	Огневая мощь на одного человека	
			Май 1940 / окт. 1939	Июнь 1941 / май 1940
25,7	35,4	7,9	7,1	13,8
386,8	499,6	23,2	315,0	403,9
45,6	35,1	1,6	24,1	13,6
66,1	44,8	24,9	41,6	21,7
35,0	8,9	-14,0	15,1	8,5
96,7	62,0	-3,4	67,7	36,1
79,1	65,9	-0,4	52,7	39,4
60,9	286,1	-14,3	37,2	224,5
14,8	24,1	-3,7	-2,1	4,3
33,8	76,6	-0,1	14,1	48,3
12,6	27,8	-4,3	-4,0	7,4
-2,1	20,3	-4,2	-16,5	1,1
246,8	171,2	24,0	195,7	127,9
26,9	15,5	-26,6	8,2	-2,9
115,4	2,0	-11,7	83,6	-14,3
94,7	58,2	-29,7	66,0	32,9
-3,0	-23,7	-15,4	-17,3	-35,9
12,0	4,4	-14,1	-4,5	-12,3
419,9	83,4	29,6	343,2	54,2
102,8	97,2	-10,7	72,9	65,7
95,1	216,8	-42,4	66,3	166,2
3,5	-10,6	-14,7	-11,8	-24,8
215,6	110,7	1,6	169,1	77,0
53,8	95,6	22,3	31,1	64,4
26,6	26,8	4,6		
17,3	19,6	4,4		

Источники: Kröner, in DRZW 5/1, 731, 826, 834, 959; Müller, in DRZW 5/1, 554-5.

ТАБЛИЦА А5. Снабжение Германии зерном, 1932–1944 годы, млн т

	1932–1933	1933–1934	1934–1935	1935–1936	1936–1937	1937–1938	1938–1939	1938–1939	1939–1940	1940–1941	1941–1942	1942–1943	1943–1944
Собрано в стране	22,8	24,3	20,3	21,0	20,9	21,1	24,9	29,6	27,5	24,0	23,6	22,7	23,9
Нетто-импорт	0,4	-0,4	1,1	0,0	1,2	1,6	1,6	2,5	2,1	2,2	3,0	5,1	4,6
Запасы на начало года	1,0	2,0	3,1	3,4	1,7	2,0	3,2	4,8	8,8	7,5	3,1	1,8	2,5
Доступно	25,1	27,0	24,8	22,8	24,1	25,8	33,1	36,9	38,4	33,7	29,7	29,6	31,0
Семенной фонд и потери	2,5	2,5	2,4	2,4	2,4	2,3	2,5	3,0	3,0	2,9	3,0	2,9	2,9
Внутреннее потребление	19,8	20,3	18,8	20,4	19,5	19,1	20,7	25,1	27,9	27,7	24,9	24,2	25,0
Запасы на конец года	2,0	3,1	3,4	1,7	2,0	3,2	6,6	8,8	7,5	3,1	1,8	2,5	3,1

Источники: A. Hanau, R. Plate, Die deutsche landwirtschaftliche Preis- und Marktpolitik im Zweiten Weltkrieg (Stuttgart, 1975), 49; Statistisches Handbuch von Deutschland, 489–90; Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich 1937, 367.

ТАБЛИЦА А6. Индекс производства вооружений
в министерстве Шпеера

		Индекс про- изводства вооружений	Оружие	Танки	Автомобили	Самолеты	Корабли и под- водные лодки	Боеприпасы	Порох	Взрывчатые вещества
1941		97	106	81	н/д	97	110	102	96	103
1942		133	137	130	120	133	142	166	129	132
1943		216	234	330	138	216	182	247	200	191
1944		277	348	536	110	277	157	306	212	226
1942	январь	103	98	93	108	112	90	98	103	101
	февраль	97	102	107	93	88	111	102	97	99
	март	129	111	80	129	151	109	115	111	123
	апрель	133	122	129	123	135	162	124	108	125
	май	135	150	152	125	133	113	144	116	141
	июнь	144	125	122	137	131	165	173	129	149
	июль	153	148	122	131	145	113	177	132	138
	август	153	135	134	123	140	136	201	134	122
	сентябрь	155	149	131	105	142	133	202	160	131
	октябрь	154	150	144	116	133	134	209	151	147
	ноябрь	165	155	146	109	134	202	222	148	153
	декабрь	181	195	199	135	155	187	229	153	150
1943	январь	182	169	154	128	172	190	215	168	176
	февраль	207	185	169	132	227	164	230	184	169
	март	216	216	210	168	205	233	239	185	200
	апрель	215	212	289	145	216	185	229	194	169
	май	232	235	465	144	211	207	245	205	191
	июнь	226	238	340	161	233	208	230	200	199
	июль	229	238	367	146	236	163	238	214	192
	август	224	240	328	129	228	158	245	200	189
	сентябрь	234	260	495	128	222	191	259	201	194
	октябрь	242	269	454	133	237	171	265	216	206
	ноябрь	231	264	364	122	216	168	282	219	211
	декабрь	222	280	415	116	186	140	288	208	198
1944	январь	241	274	438	142	232	140	281	204	208
	февраль	231	284	460	122	186	170	303	219	234
	март	270	301	498	133	262	153	314	226	163
	апрель	274	320	527	121	285	127	302	230	254

		Индекс про- изводства вооружений	Оружие	Танки	Автомобили	Самолеты	Корабли и под- водные лодки	Боеприпасы	Порох	Взрывчатые вещества
	май	285	337	567	126	295	152	301	242	276
	июнь	297	361	580	133	321	107	307	223	276
	июль	322	384	589	117	367	139	319	209	267
	авг.	297	382	558	116	308	141	323	224	182
	сент.	301	377	527	84	310	184	335	219	175
	окт.	273	372	516	79	255	217	321	205	205
	нояб.	268	375	571	78	274	124	307	173	201
	дек.	263	408	598	63	224	233	263	166	178
1945	январь	227	284	557	60	231	164	226	162	128

Источник: R. Wagenführ, *Die deutsche Industrie im Kriege* (Berlin, 1954), 180–81.

Научное издание

Адам Туз

ЦЕНА РАЗРУШЕНИЯ

**Создание и гибель
нацистской экономики**

Главный редактор издательства ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

Научный редактор издательства АРТЕМ СМИРНОВ

Выпускающий редактор ЕЛЕНА ПОПОВА

Дизайн и верстка СЕРГЕЙ ЗИНОВЬЕВ

Корректор ОЛЬГА ЧЕРКАСОВА

Издательство Института Гайдара

125993, Москва, Газетный пер., д. 3–5, стр. 1

Подписано в печать 25.10.2018.

Тираж 1000 экз. Формат 70×100/16.

Отпечатано в филиале «Чеховский печатный двор»

ОАО «Первая образцовая типография»

www.chpd.ru. Факс (496) 726-54-10, (495) 988-63-87

142300, Московская обл., г. Чехов, ул. Полиграфистов, 1

**Институт экономической политики
имени Егора Тимуровича Гайдара —**

**крупнейший российский
научно-исследовательский и учебно-
методический центр.**

**Институт экономической политики был
учрежден Академией народного хозяйства
в 1990 году. С 1992 по 2009 год был известен
как Институт экономики переходного
периода, бессменным руководителем которого
был Е. Т. Гайдар.**

**В 2010 году по инициативе коллектива
в соответствии с Указом Президента РФ
от 14 мая 2010 г. № 601 институт вернулся
к исходному наименованию, и ему было
присвоено имя Е. Т. Гайдара.**

**Издательство Института Гайдара основано
в 2010 году. Задачей издательства является
публикация отечественных и зарубежных
исследований в области экономических,
социальных и гуманитарных наук, трудов
классиков и современников.**